

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

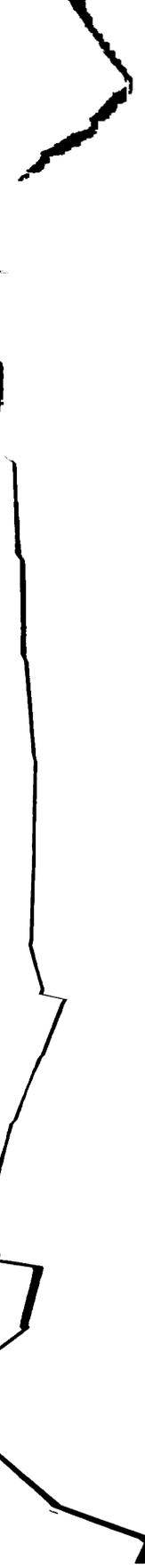
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ВЪСТЪЖЪ ЕВРОПЪ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБЕЦЪ.

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 7-я.

ЮЛЬ, 1874.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 7-я. — ЮЛЬ, 1874.

	Стр.
I.—ПОЛЬША И ПОЛЯКИ ПРИ СТАНИСЛАВЪ ПОНЯТОВСКОМЪ. — 1784— 1792 гг.—Статья первая.—Е. Л.	5
II.—ТРАГЕДІЯ ВЪ БРИСТОЛѢ.—Баллада Томаса Чаттертона.—В. Буренина . . .	73
III.—НЕИЗДАННЫЯ РУКОПИСИ П. Я. ЧААДАЕВА	83
IV.—ЭСКИЗЫ ИТАЛЬЯНСКАГО ОБЩЕСТВА. — V-VIII. — Анджело де-Губер- натисъ	96
V.—ДЖОНЪ СТЮАРТЪ МИЛЛЬ И ЕГО ШКОЛА.—Статья четвертая и пятая.— Юр. А. Росселя	192
VI.—НАСЛѢДСТВО ИЛЬИ ПЕТРОВИЧА РАСТЕРЯЕВА.—Психологическіе очер- ки.—V-VIII.—Д. С—х—ъ.	169
VII.—МОИ СТРАНСТВОВАНИЯ ПО МОНГОЛИИ.—I-V.—П. А. Ровинскаго	212
VIII.—КУЙ ЖЕЛѢЗО, ПОКА ГОРЯЧО.—Новый англійскій романъ м-съ Бреддонъ.— XXXIX-XLVII.—А. Э.	305
IX.—ХРОНИКА. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Кто будетъ строить двѣ новыя железныя дороги?—Вопросъ объ эксплуатаціи дорогъ.—Преобразованія гер- бового сбора.—Особенности новаго устава. — Новая воинская повинность и писеленіе.—Судебныя дѣла.—Вопросъ о замѣнѣ тѣлеснаго наказанія для ссыль- ныхъ женщинъ.—Результаты выпускнаго экзамена въ гимназіяхъ за 1873 г.	371
X.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Брюссельскій конгрессъ. — Права партиза- новъ.—Вопросъ о занятіи территорій.—Парламентскія пренія во Франціи.— Предложеніе К. Перье.—Рѣчь Гамбетты.—Объщаніе графа Шамбора.—Пора- женіе и смерть маршала Кончи	392
XI.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА. — Безсиліе собранія установить прочный порядокъ и усиленіе вонпартистскаго броженія	410
XII.—НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ВЪ ОТВѢТЪ НА „ПИСЬМА Г. КАВЕЛИНА“.—Н. М. Съчелова	424
XIII.—ИЗВѢСТІЯ.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.— II. Отъ Бердичской Уѣздной Управы: вызовъ сельскихъ учителей	427
XIV.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—VI стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1874 г., и объ особомъ изданіи
тому же редакціею „Года“, истор.-полит. обозрѣнія 1872—73 гг., см. ниже.

Объявленіе о двухъ первыхъ книгахъ «Русской Библиотекки»: избранныя со-
чиненія А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова — см. въ отдѣлѣ объявленій,
стр. VI.

ИЗДАНО

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„ВЪСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1874-мъ году.

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

„ВЪСТНИКЪ ЕВРОПЫ“, сохраняя прежнюю свою программу журнала исторіи, политики, литературы, въ 1874-мъ году издается въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ шесть томовъ, каждый около 1,000 стр. большого формата.

ПОДПИСКА НА ГОДЪ:

1) ВЕЗЪ ДОСТАВКИ.

15 р. 50 к.—въ Конторѣ редакціи при книжномъ магазинѣ А. Θ. Базунова, въ С.-Петербургѣ (на Невскомъ просп., 30).

2) СЪ ДОСТАВКОЮ НА ДОМЪ.

16 рублей — въ Конторѣ редакціи, въ С.-Петербургѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, въ Москвѣ.

Примѣчаніе. Для избѣжанія ошибокъ въ адресѣ, покорно просятъ подавать въ упомянутыя мѣста свой адресъ письменно, а не диктовать, подробно обозначая при этомъ названіе улицы и номеръ дома и квартиры.

3) СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ ГУБЕРНІИ.

17 рублей — высылаются *по почтѣ, исключительно въ редакцію „Вѣстника Европы“—въ С.-Петербургѣ, Галерная, 20—* для пересылки журнала въ губерніи и г. Москву, чрезъ Газетную Экспедицію.

Примѣчаніе. Гг. иногородные, имѣя случай подписаться лично, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ, обращаются въ Контору редакціи.

4) СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ЗА ГРАНИЦУ.

Заграничные подписчики высылаютъ подписную сумму по почтѣ прямо въ редакцію, а лично подписываются въ кн. магаз. А. Θ. Базунова: за годовой экземпляръ съ пересылкою подъ бандеролью, въ Германію и Австрію—*19 руб.*; въ Бельгію, Нидерланды и Придунайскія княжества—*20 руб.*; во Францію и Данію—*21 руб.*; Англію, Швецію, Испанію,

• Португалію, Турцію и Грецію—22 руб.; въ Швейцарію—
23 руб.; въ Италію и Япоцію—24 руб.; въ Америку—25 руб.

Примѣчаніе. Заграничные адреса доставляются письменно и на одномъ изъ иностранныхъ языковъ. Въ Финляндіи слѣдуетъ подписываться черезъ мѣстный почтамтъ, какъ то могутъ дѣлать вообще всѣ заграничные подписчики.

Подписчики получаютъ отъ Конторы билетъ, вырванный изъ книги редакціи: только при предъявленіи такого билета, или при сообщеніи его номера, редакція отвѣчаетъ безусловно за свою Контору.

„ГОДЪ“

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

за 1872—73 г.

Изданіе редакціи „Вѣстника Европы“.

Томъ I—въ двухъ частяхъ. Спб. 1873. Стр. 568. Съ приложеніемъ документовъ и трехъ каталоговъ книгъ русскихъ и иностранныхъ за 1873 годъ.

ЦѢНА:

Продается въ Главной Конторѣ журнала „Вѣстника Европы“ при книжномъ магазинѣ А. Ф. Баунова (Невск. пр., 30.) и въ Конторѣ Типографіи М. М. Стасюлевича (Вас. Остр. 2 л., 7.)—3 рубля, съ пересылкою 3 р. 50 к.

НВ. Подписчики „Вѣстника Европы“ прилагаютъ къ подписной цѣнѣ на журналъ только 2 рубля и платятъ: 1) подписчики безъ доставки — 17 р. 50 к.; 2) съ доставкою — 18 р.; 3) съ пересылкою въ губерніи и за границу—19 рублей.

И.И. ГЛУХОВ

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О Ш Ы

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П

914 8

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

СОРОКЪ-ВОСЬМОЙ ТОМЪ

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Невскомъ просп., у Казанск. моста,
№ 30.

Экспедиція журна
на Вас. Остр., Академ.
№ 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1874.

Digitized by Google

17

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
253703
UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY
5 East

(80)

ПОЛЬША И ПОЛЯКИ

П Р И

СТАНИСЛАВЪ ПОНЯТОВСКОМЪ

1784—1792 гг.

„*Konfederacya Barska. Korrespondencya między Stanisławem Augustem a Ksawerym Branickim, łowczym koronnym, w roku 1768. Wydał Dr. Ludwik Gumplowicz. Kraków, 1872.*“ (*Барская конфедерация. Переписка Станислава - Августа съ короннымъ ловчимъ Ксаверіемъ Браницкимъ. Изд. д-ръ Людвикъ Гумпловичъ. Краковъ, 1872.*)

„*Korrespondencya krajowa Stanisława Augusta z lat 1784 do 1792. Poznań, 1872.*“ (*Внутренняя корреспонденція Станислава - Августа, отъ 1784 до 1792 г. Познань, 1872.*)

Въ нашей литературѣ прошли почти незамѣченными два весьма любопытныя изданія: «Барская Конфедерация» и «Внутренняя корреспонденція Станислава-Августа»;—эти сборники подлинныхъ и весьма важныхъ историческихъ матеріаловъ проливаютъ яркій свѣтъ на внутреннее состояніе Польши, въ послѣднія минуты ея политическаго существованія. Оба они изданы за границей, одинъ въ Краковѣ, другой въ Познани, а потому въ томъ, что тамъ говорится о Россіи и о русской политикѣ по отношенію къ Польшѣ, со вступленія Станислава-Августа на престолъ, никто, конечно, не заподозритъ издателей въ пристрастіи къ намъ. Какъ смотрятъ оба издателя на свой трудъ, это видно изъ предисловія, предпосланныхъ ими своимъ изданіямъ. «Одинъ поль-

скій эмигрантъ, — говоритъ д-ръ Гумпловичъ, — подарилъ мнѣ въ прошломъ году въ Дрезденѣ собраніе разныхъ актовъ и документовъ, относящихся къ польской исторіи XVIII ст. Въ этомъ-то собраніи я нашелъ переписку Станислава-Августа съ Браницкимъ въ 1768 г., которая теперь и издается мною. По моему мнѣнію, переписка эта, относящаяся къ первому періоду Барской конфедераціи, восполняетъ значительный пробѣлъ въ исторіи послѣднихъ дней самостоятельнаго существованія Польши и, кромѣ того, представляетъ любопытную характеристику времени и лицъ, принимавшихъ въ событіяхъ его дѣятельное участіе». Другой сборникъ писемъ короля и къ королю, изданный въ Познани въ 1872 г. Брониславомъ Заѣвскимъ, составляетъ извлеченіе изъ хранящагося въ парижскомъ архивѣ князей Чарторижскихъ, подъ заглавіемъ «Korrespondencya Polska», обширнаго собранія писемъ, съ самаго вступленія Станислава-Августа на престолъ до 1792 г. Издатель не ограничивается однимъ печатаніемъ голыхъ документовъ, но освѣщаетъ ихъ надлежащимъ свѣтомъ и излагаетъ въ формѣ довольно послѣдовательнаго разсказа. Въ сборникѣ этомъ сгруппировано весьма много въ высшей степени интереснаго матеріала, проливающего яркій свѣтъ на внутреннее состояніе страны, носившей въ самой себѣ неизлечимые зародыши гибели и быстро влонившейся въ окончателъное паденіе. Авторъ нисколько не закрываетъ глазъ передъ безотрадною истиною: онъ смотритъ на нее прямо, хотя и съ глубокою грустью. Въ довольно обширномъ предисловіи, онъ излагаетъ весьма трезвый взглядъ на исторію своего отечества, усматривая причины его гибели не столько въ несправедливостяхъ и насиліи со стороны сосѣдей и враговъ, какъ это дѣлаютъ почти всѣ польскіе историки, сколько въ условіяхъ соціальной, экономической и гражданской организаціи самой страны. Такой взглядъ составляетъ во многихъ отношеніяхъ новостъ въ польской исторической наукѣ и свидѣлствуетъ о замѣчательномъ поворотѣ, возникающемъ въ послѣднее время въ ея направленіи. «Внѣшнія наши отношенія, — говорится въ предисловіи, — достаточно у насъ изслѣдованы и объяснены, но нами весьма мало пока сдѣлано для надлежащаго изученія и изслѣдованія внутреннихъ сторонъ жизни, составляющихъ существенное содержаніе нашей исторіи. У насъ есть писатели, которые съ волшебною силою таланта воспроизвели образъ нашего общества, какимъ оно являлось въ послѣднія минуты своего самостоятельнаго существованія; но въ этихъ художественныхъ произведеніяхъ, не претендующихъ, впрочемъ, на значеніе исторіи, мы находимъ лишь отдѣльные портреты, нерѣдко идеализированные

до такой степени, что портретъ превращается въ апофеозу, чуждую всего земного»... Подобные художественные этюды не могутъ замѣнить исторіи, тѣмъ болѣе, что они въ самомъ основаніи своемъ фальшивы и ложны. Самопоклоненіе, идеализація всего прошлаго весьма вредны и по своимъ послѣдствіямъ: превращая черное въ бѣлое, и наоборотъ, польскіе историки, поэты и романисты не перестаютъ упорно льстить прошлому и обманываютъ общество современное, поддерживая его въ состояніи постоянного самообольщенія. Все то, что передъ судомъ мыслящаго и безпристрастнаго человѣка должно возбуждать чувство глубокаго сожалѣнія, негодованія и даже отвращенія, все это подъ перомъ большинства польскихъ писателей превращается въ нѣчто идеальное, въ нѣчто высоко-совершенное; самыя мрачныя и темныя стороны прошлаго обливаются розовымъ и ослѣпляющимъ свѣтомъ. На языкѣ польскихъ историковъ, романистовъ, поэтовъ и журналистовъ подобное отношеніе къ прошлому называется «уваженіемъ къ традиціямъ»... Любовь къ своему прошлому — это любовь къ самому себѣ, чувство весьма естественное и вполне законное; но если въ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка бываютъ страницы, которыя желательно было бы выкинуть, то такія страницы неизбежны въ жизни цѣлаго общества, народа. Сознать и понимать мрачную ихъ сторону — вѣрный признакъ того, что въ народномъ организмѣ хранится еще здоровая жизненная сила; не сознавать мрачныхъ сторонъ своего прошлаго, преклоняться передъ нимъ и даже возводить въ апофеозу его недостатки — вѣрный признакъ безповоротнаго паденія и смерти общества или народа.

Въ польской исторической литературѣ напрасно было бы искать вѣрнаго воспроизведенія внутреннихъ сторонъ народной жизни, обстоятельнаго и серьезнаго изслѣдованія этихъ именно ея сторонъ. Ничего подобнаго не представляетъ польская историческая наука, такую задачу никогда она и не задавалась. Все прошлое неподражаемо-прекрасно — вотъ тема, подробное развитіе которой составляетъ существенное содержаніе едва ли не всякаго истинно-польскаго историческаго труда, и есть отличительный характеръ чисто-польскихъ историческихъ воззрѣній. Потому-то всѣ тѣ данныя, всѣ историческіе матеріалы, которые, выходя изъ-подъ слуда, раскрываютъ внутреннюю сторону историческаго прошлаго въ истинномъ его свѣтѣ, подкапывая упорный оптимизмъ воззрѣній, имѣютъ для польской исторической науки весьма вѣское значеніе, и не могутъ не отразиться на самомъ ея содержаніи. «Источники полнѣйшаго нашего безсилія и главная причина на-

шей гибели срывались въ нашихъ же учрежденіяхъ», говоритъ почтенный издатель «Внутренней корреспонденціи Станислава-Августа» — и такое сознаніе весьма характеристично, потому особенно, что весьма ново. Но этого мало. «Если учрежденія, — продолжаетъ авторъ, — создаются самимъ же народомъ, то характеръ народа, въ свою очередь, образуется и вѣрнѣе въ томъ или иномъ направленіи, подчиняясь вліянію тѣхъ же учреждений. Вліяніе это бываетъ весьма сильно и весьма продолжительно, оно остается надолго въ крови, въ чувствахъ, обычаяхъ и стремленіяхъ цѣлыхъ поколѣній, когда самыя учрежденія уже исчезли. Потому-то недостаточно отвергнуть извѣстныя учрежденія и замѣнить ихъ другими, какъ это сдѣлано было нами въ 1791 году ¹⁾; необходимо искоренить въ душѣ народа самый зародышъ зла и всѣ пороки и недостатки, порожденные ими; но чтобы это сдѣлать, нужно прежде всего изучить себя самихъ. Для этого необходимы намъ собственные наши источники, которые не могутъ быть замѣнены никакими посторонними свидѣтельствами, хоть бы уже потому самому, что польское общество и государство не похожи были ни на одно изъ современныхъ государствъ Европы». Собственно говоря, оно не похоже было ни на одно государство въ мірѣ, ибо не было такого государства, которое, имѣя короля, называлось бы «Рѣчью Посполитою», т. е. республикою, да и другой такой республики не было, въ которой правами гражданъ пользовалась бы одна каста, вся же масса народа осуждена была бы на абсолютное рабство, на политическую и на нравственную смерть. Не было такого государства, въ которомъ бы «всякій отдѣльно взятый шляхтичъ могъ считать себя владыкою народныхъ судебъ, имѣлъ бы право и возможность мѣшать всему и стоять поперекъ дороги всякой органической работѣ въ государствѣ»... скажемъ словами издателя. «Мы пали, — продолжаетъ онъ, — не взирая на всевозможныя усилія подняться, помимо всякихъ попытокъ въ возрожденію, — попытокъ, полная исторія которыхъ составляетъ вмѣстѣ исторію всего царствованія Станислава-Августа; мы пали вслѣдствіе вѣшнихъ причинъ и вліяній, но еще болѣе — скажемъ это съ болью — вслѣдствіе причинъ внутреннихъ, срывающихся въ недостаткахъ народнаго характера, которые даже и нынѣ, не смотря на всѣ несчастія наши, присущи намъ и живутъ въ нашихъ чувствахъ и въ нашемъ настроеніи»... Такое самопознаніе весьма знаменательно, и подобное самообличеніе очень характеристично и ново въ польскомъ писателѣ!

¹⁾ Говорится о конституціи 3-го мая 1791 г.

При чрезвычайномъ богатствѣ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ этихъ сборникахъ, мы ограничимся одними интереснѣйшими въ историческомъ отношеніи документами, и только важнѣйшія по содержанію письма приведемъ цѣликомъ, въ буквальномъ переводѣ. Начнемъ съ переписки Станислава-Августа съ короннымъ ловчимъ Ксаверіемъ Браницкимъ, начальникомъ войскъ Рѣчи-Посполитой, дѣйствовавшихъ противъ барскихъ конфедератовъ.

I.

Вооруженное возстаніе значительной части польской шляхты, съ участіемъ фанатическаго духовенства, извѣстное подъ названіемъ «Барской конфедераціи», поднято было въ качествѣ протеста противъ постановленій сейма 20-го февраля (5-го марта) 1768 г. Постановленіями этими, между прочимъ, измѣнялись всѣ законы, изданные со временъ Сигизмунда III-го противъ диссидентовъ или иновѣрцевъ, предоставлялось имъ право строить церкви, заводить училища, давалась полная свобода богослуженія, право присутствовать въ сенатѣ и участвовать въ совѣщаніяхъ сейма; съ Россіей заключенъ былъ «вѣчный» миръ, и русской императрицѣ предоставлено было право оберегать и защищать диссидентовъ въ Польшѣ. Эти постановленія волей-неволей были приняты сеймомъ, который не дошелъ бы до конца и ни къ чему бы не привелъ, еслибы не всесильное вліяніе на него русскаго посла князя Репнина и не присутствіе въ Польшѣ русскіхъ войскъ. Когда сеймъ не былъ еще закрытъ и когда русскія войска только готовились къ возвращенію въ Россію, вооруженное возстаніе противъ короля и постановленій сейма не замедлило вспыхнуть. Сеймъ былъ закрытъ окончательно 5-го марта; но уже 29-го февраля въ небольшомъ укрѣпленномъ городѣ Барѣ, въ тогдашнемъ Брацлавскомъ воеводствѣ (въ нынѣшней Каменецъ-Подольской губ.), составленъ былъ актъ конфедераціи, и вспыхнуло открытое возстаніе. Предводители, или «маршалы» конфедератовъ: рожанскій подкоморій, Михаилъ Красинскій, родной братъ каменецкаго епископа Красинскаго, дѣйствовавшій подъ непосредственнымъ его вліяніемъ, и варецкій староста Іосифъ Пулавскій, составили актъ конфедераціи, въ которомъ говорилось, что они «поднимаютъ вооруженное возстаніе въ защиту свободы, нарушенной постановленіями сейма, и въ защиту католической

вѣры, находящейся въ опасности вслѣдствіе свободъ, предоставлен-ныхъ диссидентамъ»¹⁾).

Когда извѣстіе о возстаніи получено было въ Варшавѣ, король созвалъ 24-го марта 1768 г. совѣтъ сената, на которомъ рѣшено было выслать къ конфедератамъ кого-либо для переговоровъ, съ цѣлью склонить ихъ къ послушанію королю и принятію постановленій сейма; одновременно постановлено было, на случай неудачи переговоровъ, заручиться помощію Россіи. Для переговоровъ съ конфедератами выбранъ былъ генераль Мокроновскій, но миссія его была безуспѣшна. Король отозвалъ Мокроновскаго и послалъ противъ конфедератовъ личнаго своего друга, короннаго ловчаго Ксаверія Браницкаго, который долженъ былъ войти въ ближайшія сношенія съ начальниками русскихъ войскъ и дѣйствовать съ ними единодушно.

Такова, въ общихъ чертахъ, внѣшняя сторона фактовъ; но внутренняя сторона событій представляетъ характеръ гораздо болѣе мрачный и трагическій. Избѣгая общихъ выводовъ и разсужденій, обратимся прямо къ интересной перепискѣ короля, которая отлично характеризуетъ его самого, важнѣйшихъ лицъ, участвовавшихъ въ этомъ кровавомъ эпизодѣ, и, въ то же время, весьма рельефно опредѣляетъ общее положеніе дѣлъ и рисуется внутреннее хаотическое состояніе страны, быстро клонившейся къ неизбѣжному паденію.

Въ сборникѣ недостаетъ перваго письма, посланнаго королю Браницкимъ съ дороги къ войскамъ, надъ которыми онъ долженъ былъ принять командованіе. Изъ отвѣта короля видно, что письмо это послано было 27-го мая изъ Люблина. Неизвѣстно, почему, когда уѣхалъ Браницкій изъ Варшавы, но, очевидно, что прошло почти цѣлыхъ два мѣсяца прежде, чѣмъ король и находившаяся при немъ «военная комиссія»²⁾ собрались съ кое-какими силами и направили ихъ противъ конфедератовъ. Русскія войска, между тѣмъ, уже открыли противъ нихъ свои дѣйствія. Изъ Замостья въ Самборъ двое сутокъ пробирался командующій польскими войсками, которыя состояли пока только въ собственномъ его лицѣ. «Москали захватили всѣхъ лошадей по дорогѣ», сообщаетъ онъ королю въ свое оправданіе, отъ 30-го мая, письмомъ изъ Самбора. Въ этомъ городѣ, повидимому, на-

¹⁾ Вслѣдъ затѣмъ конфедератіи стали образовываться въ разныхъ иныхъ мѣстахъ, но всѣмъ угламъ края.

²⁾ При избраніи въ 1764 г. на престолъ Станислава-Августа, при немъ учреждены были комиссіи: военная, финансовая и полицейская.

значень былъ сборный пунетъ войскамъ Рѣчи Посполитой; къ удивленію, коронный ловчій нашель здѣсь только одинъ полель... Здѣсь же дошли до него слухи о томъ, что русскій полковникъ Вейсманъ разбилъ трембевельскихъ ¹⁾ конфедератовъ и вогналъ ихъ въ Молдо-Валахію. Извѣстіе это отчасти опечалило Браницкаго, который почему-то питалъ надежду, что ему удастся образумить этихъ конфедератовъ и присоединить ихъ къ себѣ. Сообщая обо всемъ этомъ королю, Браницкій доноситъ ему объ одной катастрофѣ, которой невозможно отказать въ характерности. «Вхаль, — пишеть Браницкій, — товарищъ Котунскій въ полель съ фуражемъ на подводѣ, и проѣзжалъ черезъ деревню пана Дверницкаго. Выбѣжалъ казачокъ; товарищъ спросилъ его: «какъ зовуть этого шляхтича?» — Казачокъ отвѣчалъ: «мой баринъ не простой какой-нибудь шляхтичъ, а панъ». — Ну, и дуракъ же ты съ твоимъ паномъ» ²⁾, отвѣчалъ товарищъ. Казачокъ разсказалъ объ этомъ пану Дверницкому, а панъ Дверницкій послалъ въ догонку своихъ людей, которые схватили того товарища и привели во дворъ. Тотъ же панъ Дверницкій первый ударилъ по лицу (*dał w rusk*) товарища и приказалъ бить его такъ, что изъ него сдѣлали «монструмъ». Товарищъ съ трудомъ добрался до поля и разсказалъ о всемъ полковнику Хоецкому, а тотъ послалъ поручика Бабаша, хорунжаго Корицкаго и двухъ товарищей спросить пана Дверницкаго, за что онъ избилъ товарища. Войдя къ пану Дверницкому и вѣжливо поклонившись, Бабашъ спросилъ его: «по какой причинѣ избилъ онъ упомянутого товарища?» — А панъ Дверницкій сказалъ: «сейчасъ я дамъ тебѣ отвѣтъ». Уйдя въ другую комнату, онъ приказалъ своему челоѣвѣкѣ выпалить изъ ружья, а самъ выстрѣлилъ изъ пистолета, но даль промахъ; изъ ружья же, заряженнаго дробью, челоѣвѣкѣ попалъ Бабашу въ лицо, нѣсколько дробинъ засѣло въ задней части шеи, а одною прострѣленъ глазъ. Остальные убѣжали и дали знать полковнику. Полковникъ прискакалъ съ двѣнадцатью конными, но самого Дверницкаго дома уже не оказалось, люди же его стали палить въ полковника. Онъ ворвался во дворъ, бросился въ атаку, всѣхъ переловилъ и велѣлъ сѣчь палками, но никто не убитъ и не подстрѣленъ. Арестованный писарь (Дверницкаго) все сказанное подтверждаетъ. Онъ нуженъ будетъ при слѣдствіи, ибо дѣло это не можетъ остаться безнаказаннымъ. Другая исторія: два офицера, поручикъ Хоецкій и ротмистръ Заржецкій — подра-

¹⁾ Трембовля — небольшой городокъ въ Тарновскомъ округѣ, въ Галиціи.

²⁾ Въ подлинникѣ непереводимое: „Jechał się kot i z rapem“.

лись. Другой Заржецкій, мстя за брата, хватилъ сзади безоружнаго поручика Хоецкаго саблей, а ротмистръ Клопоцкій съ третьимъ Заржецкимъ, тоже ротмистромъ (ихъ три брата) взбунтовались противъ полковника Хоецкаго. Войдите, ваше величество, въ мое положеніе: мнѣ нужно спѣшить, а тутъ разбирай дѣла, которыя должны кончиться разстрѣляніемъ или разжалованіемъ. Конечно, все дѣло ограничится послѣднимъ, но число офицеровъ уменьшается, а это меня немало беспокоитъ. Однако, будьте спокойны, какъ-нибудь справлюсь и остановки въ дѣйствіяхъ не будетъ. Отъ Апраксина и полковника Вейсмана не имѣю никакихъ извѣстій, и не знаю, гдѣ они теперь находятся; мнѣ бы хотѣлось скорѣе догнать ихъ, и тогда уже обстоятельно я донесу обо всемъ вашему величеству».

Съ полковникомъ Вейсманомъ, между тѣмъ, случилось слѣдующее. Разбитые имъ и прогнанные въ Молдо-Валахію трембовельскіе конфедераты, перейдя обратно границу, напали въ числѣ 400 человекъ опять на Вейсмана, но и въ другой разъ были имъ разбиты и опять убѣжали за-границу. Сообщая объ этомъ Браницкому въ письмѣ изъ Варшавы отъ 3-го іюня, король прибавляетъ: «по этому поводу, Вейсманъ обратился къ молдавскому господарю и хотинскому папѣ съ жалобой на то, что они, давъ у себя убѣжище конфедератамъ, позволяютъ имъ нападать на него изъ Турціи, какъ изъ крѣпости, и что конфедераты намѣрены, повидимому, пройти пониже Каменца и направиться въ Бару. Вейсманъ потребовалъ отъ турокъ, чтобы они ихъ не пропускали и чтобы отняли у нихъ оружіе, особенно пушки, увезенныя ими изъ Каменца». Слѣдуетъ приписать *шифрованная*: «И все это написалъ Вейсманъ весьма грозно, пускаясь въ разныя политическія умствованія. Репнинъ лишилъ его за это команды, ибо ни одному офицеру, ни даже генералу, онъ не далъ разрѣшенія письменно сноиться съ турками, боясь, чтобы кто-либо изъ нихъ не сдѣлалъ ошибки въ политикѣ, какъ сдѣлалъ это Дашетовъ (?) четыре года тому назадъ, и еще потому, что несвоевременною и рѣзкою перепискою Вейсманъ испортилъ игру Репнина съ турками, къ которымъ онъ самъ намѣренъ былъ, но по-своему, обратиться съ запросомъ относительно покровительства, доставляемаго ими конфедератамъ. Но такъ какъ письма для Вейсмана сочинялъ Боскампъ (Boskamp), то Репнинъ и въ Стамбулѣ и здѣсь Ларошу выдалъ Боскампа, а я, по требованію Репнина, долженъ былъ не только сдѣлать Боскампу самое строгое внушеніе и запретить ему давать москалямъ какіе-либо совѣты, но и сейчасъ же отозвать его сюда, ибо положеніе его

между тамошними турками было бы не безопасно. Вейсманъ, кромѣ того, предполагалъ двинуться вдоль Днѣстра къ Каменцу-Подольскому, чтобы пресѣчь дорогу конфедератамъ, еслибы турки ихъ пропустили; но теперь, когда Вейсманъ лишень команды, а Репнинъ поспѣшилъ извиниться за него передъ Ларошемъ, послѣдствія могутъ быть не тѣ, какихъ слѣдовало бы ожидать, благодаря поступку Вейсмана. Надежды барскихъ снова поднимутся. Пишу объ этомъ вамъ обширно; нужно быть осторожнымъ во всемъ, что касается можетъ турокъ и, слѣдовательно, во всемъ томъ, что можетъ касаться отношеній турокъ къ барской работѣ, ни на что не рѣшаться и не дѣлать ни одного шага, не получивъ отсюда опредѣленныхъ приказаній. Не спросясь даже меня, Репнинъ увѣрялъ Лароша, что я оуждаю поступокъ Боскампа. Сдѣлалъ это Репнинъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы турки не имѣли на меня претензій. Письма эти Вейсмана привели въ ужасный гнѣвъ Репнина, но теперь онъ уже спокойнѣе и со мною вполне хорошъ». Тутъ ованчивается шифрованная приписка и дальше слѣдуетъ извѣстіе, что «пограничные венгерскіе и семиградскіе полки получили изъ Вѣны приказъ не пропускать конфедератовъ, еслибы они вздумали переходить въ Австрію». Нельзя не остановиться на этомъ письмѣ; изъ него видно, что во главѣ положенія стоялъ Репнинъ, въ рукахъ котораго сосредоточивалась вся дѣйствительная власть; онъ заправлялъ даже иностранною политикою въ Варшавѣ и не считалъ нужнымъ сообщать свои виды и предположенія королю. Какъ представитель политики русскаго кабинета и какъ представитель русскіхъ интересовъ, дѣйствовать иначе онъ и не могъ. Барское возмущеніе направлено было противъ короля и, слѣдовательно, въ подавленіи этого возстанія и въ восстановленіи спокойствія и порядка, русскія войска дѣйствовали въ качествѣ войскъ союзныхъ, главною же дѣйствующею силою должны были быть войска Рѣчи Посполитой. Но на самомъ дѣлѣ главными дѣйствителями были русскіе, а поляки являлись только союзниками, и притомъ союзниками весьма плохими и мало надежными. Не говоря уже о численномъ ничтожествѣ польскихъ войскъ, они были ненадежны и нравственно, тѣмъ болѣе, что и самъ король, и отчасти Браницкій, не чужды были нѣкоторыхъ колебаній, по крайней мѣрѣ обольщались надеждой покончить дѣла безъ пролитія крови. Имъ больно было и подумать о томъ, что въ союзѣ съ русскими они должны проливать кровь своихъ, своей же братьи-пшляхты. Между тѣмъ, уже въ самомъ началѣ дѣйствій, когда конфедераты стали переходить за турецкую границу, Реп-

нинъ не могъ не предвидѣть опасныхъ отъ того послѣдствій. Онъ старался избѣжать столкновенія съ Турціей, котораго она, повидимому, искала, тѣмъ болѣе, что подстрекательства Франціи, симпатіи которой были на сторонѣ конфедератовъ, дѣйствовали успѣшно въ Стамбулѣ и не могли быть неизвѣстны Репнину. Но обратимся въ нашему разсказу, не предупреждая событій.

Въ началѣ іюня Браницкій получилъ отъ Аправсина извѣстіе, что трембовельскіе конфедераты, переправившись чрезъ Днѣстръ у Званца, дѣйствительно тянутся въ Бару на соединеніе съ тамошними конфедератами. Онъ обратился къ Аправсину и Кречетникову съ просьбою—не тѣснить ихъ и предоставить имъ соединиться, ибо «когда они будутъ вмѣстѣ, намъ будетъ легче справиться съ ними». Въ то же время онъ двинулся форсированнымъ маршемъ изъ Хѣдорова на соединеніе съ русскими генералами, съ цѣлью предупредить столкновеніе и попробовать—не удадутся ли переговоры, и только уже тогда, когда бы они ни къ чему не повели, атаковать конфедератовъ въ самомъ Барѣ. Въ письмѣ къ королю, онъ въ то же время жалуется на то, что «къ нему ни одинъ полкъ не пришелъ» и что отрядъ его весьма малочисленъ. «Имѣю только два полка, численностію до 600 человекъ—и потому не могу рѣшиться ни на какую смѣлую операцію... Пускаюсь на произволъ судьбы, и дня черезъ три надѣюсь быть подъ Баромъ. Не страшень для меня рискъ, когда дѣйствую для пользы вашей. Теперь именно такая пора, когда я могу, если Богъ позволитъ, оказать величайшую услугу и быть полезнымъ вашему величеству. Мой образъ дѣйствія, быть можетъ, измѣнитъ мнѣніе, какое составилъ народъ о вашемъ велиествѣ и о мнѣ, которые ему такъ преданы; но въ этомъ должна помочь намъ Москва. Дѣйствуя умѣренно и ласково, разсылая универсалы и письма о заботливости вашей насчетъ общаго блага, о желаніи вашемъ падить даже бунтовщиковъ, я постараюсь доказать этимъ путемъ, что вы любите народъ, какъ король добрый и милостивый. Если же все это ни къ чему не поведетъ, тогда самыя суровыя и энергическія мѣры будутъ сочтены справедливыми...» Отъ короля, между тѣмъ, получилъ Браницкій шифрованное извѣстіе о томъ, что нѣкто Лель (Lesle), французскій инженеръ, проѣхалъ изъ Венгріи, чрезъ Станиславовъ, въ Баръ, съ деньгами для конфедератовъ, и что Ларошъ вручилъ недавно Репнину «свѣжія письма изъ Стамбула» о томъ, что турки вовсе не намѣрены поддерживать барскихъ бунтовщиковъ...

Около 10 іюня Браницкій приблизился къ Бару. Въ четырехъ миляхъ отъ него произошла съ конфедератами первая стычка,

въ которой послѣдніе были разбиты. Плѣнные показали, что банда ихъ состоитъ изъ «почётовъ»¹⁾ и товарищей, откомандированныхъ изъ украинской партіи, и что ими командуеъ панъ Слабушевскій, панцирный товарищъ снятынскаго старосты. Разбитая банда (она шла изъ Гусятина на соединеніе съ барскими конфедератами) скрылась и заперлась въ укрѣпленномъ замкѣ Жинковѣ (въ 4 миляхъ отъ Бара). Начались довольно комическіе переговоры, посредниками въ которыхъ былъ сперва парламентаръ съ трубачемъ, а потомъ какой-то мужикъ. Въ парламентаря и трубача, какъ только тотъ затрубилъ—«стали изъ всѣхъ оконъ палить». Послали мужика сказать, что «въ трубача стрѣлять не слѣдуетъ»; потомъ послали опять трубача съ письменнымъ приглашеніемъ сдаться и объявленіемъ, что, въ случаѣ добровольной сдачи, всякій сохранить жизнь, имущество, чинъ и должность. «Будемъ драться до послѣдняго»—былъ отвѣтъ. На вторичное приглашеніе сдаться, многіе отвѣчали, что они «готовы положить оружіе, если старшіе сдѣлаютъ то же самое». При личномъ же свиданіи Браницкаго съ высланнымъ конфедератомъ парламентаромъ, послѣдній объявилъ, что, напротивъ, комендантъ и офицеры хотять сдаться, только почѣты слышать о томъ не хотять и грозятъ даже убить коменданта; но «подождите,—прибавилъ парламентаръ,—до завтрашняго дня—подумають и сдадутся». Ночью, вслѣдствіе полученнаго донесенія, что во флангъ, подъ Дунаевцами, появилась сильная партія конфедератовъ, Браницкій отступилъ къ Солобковцамъ, оставивъ подъ Жинковомъ небольшой отрядъ, въ подерѣвленіе которому прислалъ съ дороги еще 60 человекъ съ полковникомъ Бышевскимъ. Жинковскіе конфедераты сдались этому полковнику. «Въ числѣ плѣнныхъ,—донести Браницкій воролю,—нашелся немолодой уже товарищъ, по имени Татомиръ. Я пошлю его въ Баръ съ письмами и универсалами, съ тѣмъ, чтобы онъ подговаривалъ военныхъ и склонялъ ихъ переходить ко мнѣ. Онъ передастъ имъ мое обѣщаніе, что вмѣстѣ со мною они двинутся на Бердичевъ, отъ котораго мы скажемъ я предложу отступить. Такимъ образомъ сохранены будутъ склады кievскаго и брацлавскаго воеводства, ибо въ Бердичевѣ засѣла самая богатая шляхта. Просите Репнина послать курьера съ приказаніемъ, чтобы русскіе повременили съ атакою на Бердичевъ, ибо если они его возьмутъ, то два воеводства бу-

¹⁾ Рослет—почѣтъ. Такъ называлась свита, или почетная стража, которую содержалъ при себѣ каждый магнатъ. Въ прежнее время, при Сигизмундѣ III, почетами назывались части войскъ, приблизительно соответствующія нынѣшнимъ ротамъ.

дуть разорены. Князь Репнинъ знаетъ, что успѣшно покончить съ Бердичевомъ, это значить—три части всего дѣла сдѣлать. По моимъ свѣдѣніямъ, ихъ тамъ (въ Бердичевѣ) до 18 тысячъ, но прусскіе ремонтеры, бывшіе тамъ и все видѣвшіе, утверждаютъ, что ихъ не больше десяти тысячъ—и этому я вѣрю». Что касается до взятыхъ въ плѣнъ въ Жиневѣ, то, по словамъ Браницкаго, все это народъ голодный, голыши и оборванцы, такъ что «если ему придется больше забрать ихъ въ плѣнъ, то они его совсѣмъ и «съ кишками» съѣдятъ»... «Теперь, продолжаетъ онъ, ожидаю только трехъ гренадерскихъ компаній и сейчасъ же двинусь дальше *au risque de me faire...* Мнѣ бы хотѣлось во что бы то ни стало спасти Бердичевъ и водворить здѣсь спокойствіе, ибо вскорѣ ожидать слѣдуетъ неизбежнаго голода, такъ какъ край терпитъ сильное разореніе отъ конфедератовъ и отъ москалей». Между тѣмъ, прежде полученія этихъ извѣстій, король спѣшитъ сообщить Браницкому (письмо изъ Варшавы отъ 15-го іюня), что Репнину курьеромъ доставлено извѣстіе о томъ, что французскому резиденту Тотту приказано выѣхать изъ Крыма и что хотинскій паша подвергся аресту за ослабленія, дѣлаемыя имъ конфедератамъ. Въ шифрованной припискѣ король сообщаетъ дальше, что «Репнинъ крайне недоволенъ бездѣйствіемъ Кречетникова подъ Бердичевомъ. Здѣсь ходятъ даже слухи, что Кречетниковъ писалъ прямо ко двору, что, несмотря на приказаніе Репнина, онъ не пойдетъ на конфедератовъ, развѣ по прямому приказанію императрицы, потому что не рѣшается рисковать своимъ небольшимъ отрядомъ и вести его на гибель. Я не вѣрю, чтобы Кречетникову прошло это даромъ, если онъ рѣшился это сдѣлать. По поводу его жестокости и хищничества, московскій дворъ прислалъ чрезъ Игельстрома чрезвычайно суровые и рѣзкіе приказы своимъ генераламъ насчетъ соблюденія дисциплины и воздержности въ войскахъ. Жаль только, что приказы эти присланы въ формѣ циркуляровъ и одинаково оуждаютъ правыхъ и виноватыхъ. Репнину дана надъ московскими генералами полнѣйшая власть, и онъ чрезвычайно раздраженъ противъ Кречетникова, такъ-что еслибы можно найти и представить малѣйшій случай грабежа или нарушенія дисциплины въ его войскѣ, то можно быть увѣрену, что его лишатъ команды». Въ томъ же письмѣ король сообщаетъ, что Красинскій обратился въ Портѣ съ гордымъ письмомъ, предсказывая ей, что она сама потомъ будетъ сожалѣть, если не поддержитъ теперь барскаго дѣла, и что конфедераты вовсе не пойдутъ на сдѣлку, хоть бы пришлось имъ умереть. По свойству панско-

польскаго характера, необходимо допустить, что этотъ гордый тонъ внушенъ былъ маршалу конфедератовъ какимъ-нибудь особеннымъ и, быть можетъ, весьма ничтожнымъ обстоятельствомъ, которое возбудило въ конфедератахъ новыя надежды на внѣшнюю помощь. Точно, король пишетъ дальше, что, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, въ Барѣ получены были въ это время «значительныя деньги», и что эти деньги едвали не французскія, такъ какъ «я сомнѣваюсь, — пишетъ король, — чтобы конфедератовъ могли снабжать деньгами наши польскія богомолки и ханжи или обѣднѣвшій и находящійся въ затруднительныхъ обстоятельствахъ папа». Наконецъ, король выражаетъ горячее желаніе, чтобы дѣло усмиренія и умиротворенія Подолии окончилось безъ пролитія крови, и что онъ, въ этомъ отношеніи, возлагаетъ на Браницкаго всѣ свои надежды.

Вслѣдъ затѣмъ полученъ былъ королевскій отвѣтъ (отъ 20-го іюня) на донесеніе о Жинковскомъ дѣлѣ. Король поздравляетъ Браницкаго съ удачнымъ началомъ и благодаритъ за то, что «такъ хорошо и человѣчно онъ обошелся съ побѣжденными, такъ именно, какъ польскому полководцу прилично поступать съ поляками. Сами они это поймутъ и другимъ расскажутъ, что я и вы (по моему внушенію) славу полагаемъ не въ угнетеніи нашихъ согражданъ, а въ томъ, чтобы спасти отъ гибели ихъ самихъ и ихъ имущества. Я убѣжденъ, что поляки, особенно шляхта, никогда бы не возставали противъ меня и ничего бы не дѣлали безъ меня въ общественныхъ интересахъ, еслибы могли читать въ моемъ сердцѣ, какъ я ихъ люблю и какъ желаю, чтобы всѣ были счастливы и чтобы край нашъ былъ славенъ и силенъ. Но этого не будетъ, пока они не положатъ полнѣйшей во мнѣ вѣры...» Король пишетъ все это, очевидно, подъ живымъ впечатлѣніемъ извѣстія о Жинковскомъ дѣлѣ; оно его обрадовало и, въ то же время опечалило: «Боже мой, — говоритъ онъ въ заключеніе, — чего бы поляки не сдѣлали, еслибы только между собою не дрались! Повторяю опять то, что уже не разъ я тебѣ говорилъ: какъ солдатъ, ты всегда дѣйствуешь хорошо и удачно; но мнѣ пріятно особенно то, что ты по-солдатски дѣйствуешь только тогда, когда принужденъ такъ дѣйствовать, когда убѣжденій твоихъ не слушаютъ и сами атакуютъ тебя первые. Еслибы можно было побѣждать не рукою, а словомъ — это было бы для меня всего пріятнѣе, а для тебя всего славнѣе, — вѣдь каждый полякъ — свой. Душевно жаль, что Рызинскій ¹⁾ не внялъ никакимъ убѣжде-

¹⁾ Начальникъ конфедераціи, организовавшейся на прусской границѣ, въ городѣ Певдрѣ, на р. Вартѣ.

нiямъ. Числа 11-го и 14-го сего мѣсяца онъ дрался съ москалями, и оба раза неудачно. Въ послѣдней схваткѣ, бывшей подъ Здунами, вся партiя его совсѣмъ разбита и разсѣяна, самъ Ридзинскiй бѣжалъ въ Силезiю... Впрочемъ, не слышно больше нигдѣ о какомъ-либо движенiи. Подъ Краковомъ, какъ доносить мнѣ каштелянъ Войницкiй, показалась-было какая-то шайка, но дальнѣйшихъ послѣдствiй не произошло... Москва тамъ бодрствуетъ и не допустить, чтобы дѣло зашло далеко, еслибы тамъ и вздумали на что-нибудь рѣшиться. Князь Репнинъ послалъ къ Кречетникову генерала Прозоровскаго и полковниковъ Карра и Игельстрома. Князь Репнинъ не только не одобряетъ, но сильно громить всякiя излишества и всякiя насилiя, еслибы таковыя были совершены московскими солдатами или офицерами...»

Въ какомъ положенiи дѣла находились подъ Бердичевомъ — изъ переписки Браницкаго не видно, но необходимо предположить, что Кречетниковъ на что-нибудь, наконецъ, рѣшился. Къ приведенному сейчасъ письму король приложилъ слѣдующую, не совсѣмъ понятную, шифрованную замѣтку: «Я выигралъ уже настолько, что хоть этого Потоцкаго, который считается тамъ между конфедератами какимъ-то начальникомъ, Москва схватила. Впрочемъ, поступлено будетъ съ ними по *extremo rigore*; то же самое и насчетъ сына Варецкаго (Пулавскаго), который такъ молодецки защищался въ Бердичевѣ. Что касается до остальныхъ, то еще нельзя, но я думаю, что потомъ и съ ними поступлено будетъ мягче, нежели какъ сначала грозили. Карръ и Игельстромъ боятся, что прiѣдутъ уже поздно, потому что ѣдутъ съ конвоемъ. Знаю, что Репнинъ желаетъ непременно, чтобы шляхетскiе склады въ Бердичевѣ остались нетронутыми, но сомнѣваюсь, чтобы это было возможно. Репнинъ называетъ ложью слухи, по которымъ Кречетниковъ не хочетъ будто присылать рапортовъ...»

Въ перепискѣ недостаетъ также донесенiя Браницкаго о взятiи Бара; но въ сборникѣ приведено письмо его объ этомъ событiи къ какому-то частному лицу, и изъ письма этого видно, что Баръ взятъ былъ штурмомъ 20-го iюня. Вотъ это любопытное письмо: «Iюня 16-го дня подступилъ я къ Бару, съ отрядомъ въ сто-двадцать лошадей, и послалъ универсалы и ордеръ (*ordynans*); обѣ же партiи, украинскую и подольскую, подъ командой старосты Стенгвильскаго и Брацлавскаго, засталъ неготовыми, большая часть лошадей пущена была на подножный кормъ. Ко мнѣ выслали четырехъ всѣндзовъ съ распятiемъ и статуей Богородицы, съ которыми мнѣ не о чемъ было толковать, ибо

не явился ни одинъ начальникъ. Больше всего просили меня о томъ, чтобы сегодня ихъ не атаковать, — и это я имъ общалъ и исполнилъ. На другой день съ разсвѣтомъ я построился такъ близко, что слышны намъ были всѣ ихъ пѣсни и супливаціи (пѣніе молитвъ), но когда охотники стали стрѣлять по моимъ патрулямъ — я построилъ нѣсколько эскадроновъ и пустилъ ихъ въ атаку. Конфедераты изъ обоза ретировались къ городу. Затѣмъ огонь продолжался до полудня. Чтобы дать время отдохнуть себѣ и людямъ, я отступилъ къ Стулуженицамъ. Между тѣмъ въ подкрѣпленіе имъ прибылъ Гжицкій съ отрядомъ въ 1,300 лошадей, которому данъ былъ ордеръ обойти меня съ тыла. Только мы отошли и остановились, они сейчасъ заняли возвышеніе, устали на немъ двѣ пушки, и стали палить. Нѣсколько часовъ продолжалась пальба, не причиняя намъ никакой потери. Ни на одинъ шагъ я не отступилъ съ позиціи, но, желая дать отдохнуть себѣ и людямъ, когда конфедераты ретировались въ Баръ, я отступилъ въ Деразнь ¹⁾ и пробылъ тамъ цѣлый день. Іюня 19-го дня, по приглашенію генерала Апраксина, я опять подступилъ къ Бару. Переговоривъ съ Апраксинымъ, я еще разъ послалъ трубача и съ нимъ весьма убѣдительное и *дискретное* письмо; но когда Барчевскій отвѣчалъ мнѣ крайне дерзко и надменно, я убѣдился въ невозможности покончить дѣло мирно, и потому, съ разсвѣтомъ 20-го іюня, далъ знакъ къ штурму. Апраксинъ командовалъ одною дивизіей, Вейсманъ ²⁾ другою, а я — третью. Не прошло и часа, какъ Баръ былъ взятъ. Желая спасти жизнь конфедератамъ, которые бѣжали въ отступленіи къ замку, я бросился впередъ лично и вскорѣ послышалъ слова: «если Браницкій здѣсь, то нужно сдаться, но если одни только москальи — то будемъ защищаться до послѣдняго человѣка». Я подскочилъ и сказалъ, что время не терпитъ, сейчасъ же нужно бросать оружіе и сдаваться, — что они и сдѣлали. Имѣю много труда, едва здоровья хватить. При штурмѣ погибло конфедератовъ до полутора ста человѣкъ, но потомъ убито ихъ до 400; москальи потеряли около двухсотъ-пятидесяти человѣкъ. Плѣнныхъ у насъ много, въ числѣ ихъ: Гжицкій, каштелянъ Стемпковскій, генераль-адъютантъ Закржевскій, Илинскій, Вольскій съ сыновьями и племянниками, Держки, Выжги, Барчевскій и иные, о которыхъ, для краткости времени, не упоминаю». Все оружіе и пушки, отнятыя у конфедератовъ, Апраксинъ отдалъ Браниц-

¹⁾ Къ сѣверо-западу отъ Баја.

²⁾ Видно, онъ опять получилъ команду, или, быть можетъ, это другой Вейсманъ.

тому, который отослалъ ихъ въ Каменецъ, куда отосланы были также взятые въ плѣнъ «почеты и компутовые» ¹⁾, числомъ до 400 слишкомъ; всѣ же «товарищи» обязались подпискою отказаться отъ конфедераціи и были отпущены на честное слово, съ обязательствомъ черезъ шесть недѣль явиться на службу. Подчашій литовскій Іоакимъ Потоцкій, который предводительствовалъ трембовельскими конфедератами, и панъ Красинскій, переправившись въ Могилевъ черезъ Днѣстръ, бѣжали въ Хотинъ, о старостѣ же варецкомъ (Пулавскомъ) не было никакихъ извѣстій.

Взятіемъ Бара вооруженная сила конфедератовъ была сокращена, такъ что конфедераты не смѣли уже больше и думать о какомъ бы то ни было вооруженномъ сопротивленіи русскимъ и королевскимъ войскамъ. Все, что спаслось отъ смерти или плѣна, бѣжало за Днѣстръ, въ турецкіе предѣлы. Никѣмъ не тревожимые, въ тщетномъ ожиданіи помощи со всѣхъ сторонъ — со стороны Турціи, Франціи, Пруссіи, и даже едва ли не со стороны самой Россіи, — конфедераты и маршалы ихъ засѣли въ Хотинъ и его окрестностяхъ, и, разумѣется, вскорѣ перессорились между собою. По распоряженію кн. Репнина, въ Хотинъ посланъ былъ, взятый въ плѣнъ въ Бердичевѣ, одинъ изъ сыновей Іосифа Пулавскаго, съ цѣлью склонить отца къ поворотности ²⁾; но Пулавскій отказался наотрѣзъ изъяснить поворотность и, добавокъ, сына назадъ не отослать, подъ тѣмъ предлогомъ, что данное послѣднимъ обязательство возвратиться вынуждено было у него насиліемъ. Браницкій, съ своей стороны, предлагалъ старостѣ Стенгилевскому личное свиданіе, но и тотъ отвѣчалъ, что ни въ какіе переговоры входить не намѣренъ.

Положеніе дѣлъ, между тѣмъ, усложнялось и запутывалось. Вспыхнуло кровавое зарево новаго, болѣе грознаго возстанія, грозившаго залить кровью всю Украину. Поднялись «гайдамаки» и стали мстить за всѣ угнетенія и жестокости, испытанныя прежде и испытываемыя въ то время отъ фанатическаго духовенства, шляхты, конфедератовъ. Возгорѣлась кровавая религіозная рѣзня, беспощадное и свирѣпое истребленіе. Положеніе Браницаго, не имѣвшаго достаточныхъ силъ и страдавшаго уже безденежемъ,

1) „Компуютымъ“ называлось постоянное войско Рѣчи-Посполитой, получавшее отъ нея содержаніе. Значитъ, въ конфедераціи участвовало отчасти и регулярное войско.

2) „L'ambassadeur Repnin a resolu de faire envoyer le fils de Warecki, pris à Berdyczew, à son père, pour lui proposer encore de gagner son pardon en se rendant“. (Собственноручная приписка короля въ письмѣ его въ Браницкому, отъ 1-го іюля).

съ другой стороны — положеніе русскихъ генераловъ, которые, дѣйствуя сообща съ польскими войсками противъ конфедератовъ, должны были усмирять гайдамачину, возставшую «во имя императрицы и короля» противъ бунтовщиковъ, т. е. противъ тѣхъ же пановъ и конфедератовъ—было крайне незавидно. О конфедератахъ тоже нельзя было забывать: перейдя за Днѣстръ въ числѣ болѣе двухъ тысячъ человекъ, они могли производить нечаянныя нападенія, воровскіе набѣги, могли грабить и разорять пограничные города и деревни,—что они и дѣлали. Слѣдующее письмо Браницкаго къ королю (изъ лагеря подъ Гарачковкою, 4-го іюля), весьма рельефно рисуетъ общее положеніе дѣлъ послѣ барскаго пораженія конфедератовъ. «...Я предложилъ генералу Апраксину облизнуться съ командою его въ Каменцу и разослать форпосты по теченію Днѣстра, на семь протяженія отъ Жванца до Залещицъ, а генералу Кречетникову—двинуться въ направленіи Брацлава и посылать оттуда отряды въ Гумани, для очищенія края отъ гайдамаковъ, самъ же я держу форпосты отъ Рапкова до Грушки, именно — въ Грушкѣ, Ямполь, Могилевѣ, Ярошевѣ и Ушицѣ. Генералу Витту приказано мною охранять переправу въ Жванцѣ до прибытія туда генерала Апраксина, а затѣмъ расположиться лагеремъ между Могилевомъ и Чернейовцами. Но не довольно одного горя: весьма много гайдамаковъ перебѣжало изъ Сѣчи, евреевъ и всѣхъ католиковъ рѣжутъ; въ Гумани, Савранѣ, Тульчинѣ, Мястьковѣ и въ иныхъ мѣстахъ всѣхъ вырѣзали. Я разослалъ команды: убито гайдамаковъ 35, ранено 16, повѣшено 5, взято въ плѣнъ 35 (списокъ ихъ посланъ мною въ военную комиссію). Въ числѣ плѣнныхъ есть два попа, которыхъ я велѣлъ держать у себя другимъ попамъ, потомъ пошлю къ «офиціалу», во избѣжаніе какихъ-либо толковъ, такъ какъ безсовѣстные языки и газеты распустили о мнѣ слухи, будто бы я сдѣлался лютераниномъ. Къ гайдамакамъ пристають наши мужики цѣлыми толпами, но по близости меня было еще не болѣе, какъ по сорока человекъ въ толпѣ, да и тѣ уже разогнаны. Эти негодяи рассылають универсалы, въ которыхъ гласятъ, что они поднялись на защиту чести своей монархини и вашего величества. По всѣмъ деревнямъ, чрезъ которыя проходятъ, объявляютъ,—что кто вѣренъ королю, тотъ имъ другъ, и съ тѣмъ хорошо обходятся. Завлекають всѣхъ къ себѣ, говоря, что если турки принимаютъ подъ свое покровительство враговъ монархини и вашего величества, то они будутъ нападать на турокъ въ ихъ собственной землѣ, каковую угрозу они, кажется, уже исполнили, потому что напали на Балту, какъ доносить мнѣ скарбовый пи-

сарь Омединскій, человекъ честный и почтенный. Копія донесенія его послана мною въ военную комиссію. Признаюсь, новость эта сильно перепутала всѣ мои диспозиціи»... «Въ полкахъ нѣтъ денегъ, у меня тоже, я уже занялъ здѣсь двадцать тысячъ злотыхъ; если ваше величество денегъ не пришлете, то я тоже стану жить даромъ»... «При мнѣ нѣтъ ни одного москаля, и я потому такъ поступаю, чтобы не оттолкнуть отъ себя ожидаемаго сюда подрѣбленія, ибо въ краѣ ужасная ненависть противъ москалей...» Наконецъ, заключеніе этого любопытнаго письма важно въ томъ отношеніи, что бросаетъ свѣтъ на отношенія Браницкаго къ военной комиссіи и указываетъ на очень вѣроятныя симпатіи послѣдней къ дѣлу конфедератовъ: «Не показывайте, ваше величество, письма этого военной комиссіи: я рапортую ей о томъ только, что уже сдѣлано, но не о томъ, что я намѣренъ еще дѣлать, потому что существуютъ тамъ разныя направленія, есть и князя Чарторижскіе... Надлежащихъ доказательствъ не имѣю, но изъ имѣній ихъ доставляемы были деньги и фуражъ конфедератамъ, по прямымъ приказаніямъ, полученнымъ управляющими этихъ имѣній. Но, что всего важнѣе—всѣ друзья ихъ и благопріятели участвуютъ прямо въ этой работѣ»...

Король не придавалъ, повидимому, особеннаго значенія извѣстію о гайдамацкомъ возстаніи; онъ проситъ только позаботиться о скорѣйшемъ усмирении этого «хлопскаго бунта», рекомендуетъ Браницкому употребить всю его ловкость и знанія для скорѣйшаго водворенія порядка, хоть бы «для этого пришлось пожертвовать нѣсколько лишнихъ недѣль времени». Вниманіе короля преимущественно обращено было на конфедератовъ. Онъ приказываетъ Браницкому сдѣлать еще одинъ опытъ и предложить имъ «пардонъ», такъ какъ, по дошедшимъ до короля слухамъ, положеніе ихъ въ Турціи со-дня-на-день становится тяжелѣе. «Все это вѣдь поляки, и если поступаютъ дурно, то сами не сознаютъ этого: имъ важется, что они хорошо дѣлаютъ. По моему мнѣнію, ихъ нужно спасать всѣми силами. Виновны особенно тѣ, которые, зная—что ожидать нечего, обольщаютъ людей тщетными надеждами»... Положеніе конфедератовъ, дѣйствительно, было не весьма завидно. Они ожидали помощи со всѣхъ сторонъ, но помощь эта не приходила. Полагались они особенно на помощь Турціи и на содѣйствіе Франціи; ожидали этого содѣйствія и отъ прусскаго короля. Трудно опредѣлить, каково было дѣйствительное отношеніе прусской политики къ дѣлу конфедератовъ, но прусскій король не могъ остаться къ нему безучастнымъ. Въ шифрованной припискѣ къ письму Станислава-Августа къ Браниц-

тому, отъ 20-го іюня, о прусскомъ посланникѣ Беноа сказано: «Беноа относительно конфедератовъ долженъ бѣть такъ, какъ прикажетъ ему Репнинъ, но втихомолку Беноа каждому совѣтуетъ скорѣе уходить въ Силезію, нарочно пугая всѣхъ неизбѣжностію еще большей революціи. Быть можетъ, онъ желаетъ, чтобы нашими изгнанниками населился этотъ его край». Въ самый разгаръ вооруженной конфедераціи и во время военныхъ противъ нея дѣйствій, въ Бердичевѣ появились, какъ мы это видѣли, прусскіе ремонтёры, которые «все тамъ видѣли» и даже могли опредѣлить число засѣвшихъ тамъ конфедератовъ. Какъ бы то ни было, но когда разбитые конфедераты не переставали возлагать надежды на внѣшнюю помощь и на содѣйствіе Пруссіи, прусскій кабинетъ счелъ необходимымъ положить конецъ столь неосновательнымъ ожиданіямъ, и съ этою цѣлью обратился къ Станиславу-Августу, отъ 9-го іюля, съ деклараціею, въ которой совѣтуетъ взбунтовавшимся полякамъ «сообразоваться съ голосомъ разсудка и принять все то, что постановлено и принято здоровою частію знаменитой польской націи»... Копію этой деклараціи, посланную Браницкому при королевскомъ письмѣ, послѣдній долженъ былъ переслать конфедератамъ для ихъ вразумленія, какъ доказательство, что всѣ надежды ихъ тщетны.

Каково бы ни было положеніе конфедератовъ, но положеніе Браницаго было едва ли не хуже. Его преслѣдовало крайнее безденежье и отсутствіе необходимыхъ на военные расходы средствъ. Просьбы его къ королю о присылкѣ денегъ большею частію были безуспѣшны: король денегъ вовсе не присылалъ, или присылалъ весьма мало и, въ свою очередь, жаловался Браницкому на собственное безденежье и совѣтовалъ ему обратиться для содержанія войска къ реквизиціямъ. Но край былъ совсѣмъ разоренъ, реквизиціи во многихъ случаяхъ были положительно невозможны. Волненіе въ странѣ не унималось, конфедераціи сочувствовала вся почти шляхта, а гайдамацкое возстаніе, какъ реакція стремленій шляхты, могло принять еще болѣе грозные размѣры. Въ странѣ носились разные, самые иногда нелѣпые, слухи, мѣшавшіе успокоенію умовъ. Откуда-то взялись слухи, что австрійцы напали будто бы на Варшаву и не оставили въ ней ни единой живой души; потомъ стали утверждать, что это были не австрійцы, а татары; оказалось, наконецъ, что татары въ Варшавѣ не были и никого тамъ не зарѣзали, но что они поднялись цѣлою ордою на помощь конфедератамъ и вторгнулись уже въ предѣлы края, истребляя все и всѣхъ на своемъ пути. Подобные слухи поддерживали волненіе въ тѣхъ особенно слояхъ общества, которые пи-

тали сочувствіе дѣлу конфедератовъ. Не будь въ крайъ русскихъ войскъ, имъ овладѣла бы полнѣйшая и кровавая анархія. Кречетниковъ и Подгоричанинъ извѣщали Браницкаго, что въ мѣстахъ ихъ расположенія спокойствіе и порядокъ вскорѣ будутъ окончательно восстановлены, — и подобныя извѣщенія одни еще отчасти ободряли Браницкаго. Донося королю, что «русскіе дѣйствуютъ успѣшно и энергически», онъ не скрываетъ, въ то же время, своего полнѣйшаго презрѣнія къ мѣстной шляхтѣ и панамъ. Полковникъ Гурьевъ, посланный съ отрядомъ въ Гумань взялъ тамъ въ плѣнъ 846 гайдамаковъ и прислалъ ихъ Браницкому, за исключеніемъ десятковъ двухъ запорожцевъ, отосланныхъ въ Кіевъ. «Какая тутъ по этому поводу радость и какое ликование! — пишетъ Браницкій королю... Всѣ здѣшніе помѣщики и евреи одинъ передъ другимъ бѣгутъ ко мнѣ, предлагая разныя пытки: одни требуютъ четвергованія, другіе хотятъ жечь, на колъ вбивать, вѣшать безъ сожалѣнія и пр. Я говорю всѣмъ: нѣкоторые будутъ казнены, остальные будутъ разсланы по тюрьмамъ и крѣпостямъ; но всего этого напишутъ мало. При иныхъ обстоятельствахъ я слѣдовалъ бы только собственному моему мнѣнію, но теперь это невозможно: я не долженъ возбуждать противъ себя умы. Бунтъ этотъ и безъ того признаютъ здѣсь нашимъ изобрѣтеніемъ. Довольно сказать, ваше величество, что если два или три гайдамака покажутся въ одной деревнѣ, то изъ четырехъ другихъ деревень всѣ бѣгутъ и скрываются за-границу, никто не можетъ и не умѣетъ придти тогда въ азартъ; теперь же, когда гайдамаки сидятъ подъ арестомъ, всѣ приходятъ въ таковую ярость и гнѣвъ, что всякій желалъ бы быть палачомъ. Всѣ кричатъ, чтобы въ деревняхъ, въ которыхъ начался бунтъ, поголовно всѣхъ перерѣзать, не щадя женъ и дѣтей, по обычаю Потоцкаго... Но кто же виноватъ, какъ не сами помѣщики и шляхта? При малѣйшей тревогѣ или извѣстіи о гайдамакахъ, бѣгутъ за границу евреи, шляхта и всякій, кто только не считается хлопкомъ, а въ оставленныхъ безъ присмотра деревняхъ начинается грабежъ и разбой. Слѣдовало бы, ваше величество, испросить у князя Репнина согласія на то, чтобы запорожскихъ гайдамаковъ предать казни не въ Кіевѣ, а здѣсь, потому что эти негодяи повсюду разглашаютъ здѣсь, посредствомъ разбрасываемыхъ писемъ, будто они явились сюда по призыванію царицы, чтобы перерѣзать всю шляхту и евреевъ. Исполненіе казни надъ этими казаками здѣсь, на мѣстѣ преступленія, пресѣчетъ распространеніе столь подлой клеветы».

Относительно гайдамаковъ онъ пишетъ королю: «Съ достав-

ленными ко мнѣ гайдамаками я порѣшу такъ: часть ихъ велю казнить въ разныхъ городахъ и на большихъ дорогахъ, часть пошлю въ Каменецъ и Львовъ на крѣпостныя работы, а 300 человекъ я желаю подарить вашему величеству и послать ихъ въ Уядовъ ¹⁾. Если это вамъ нравится, то у меня будетъ и побольше этихъ птицъ; я могу наловить ихъ цѣлую тысячу и прислать вамъ. Прикажете сколотить для нихъ какое-либо помѣщеніе или приготовить земляныя ямы; да по-саксонски съ ними, чтобы въ одной ногѣ у каждого привязано было фунтовъ по двадцати жельза—уйти не уйдетъ, а работать можетъ».

За Днѣстромъ, повидимому, все было спойно, конфедераты не рѣшались показываться по сю сторону рѣки, но покончить какъ-нибудь съ ними было необходимо. «Что именно могу я предложить имъ?» спрашиваетъ Браницкій короля, и проситъ его прислать на этотъ счетъ подробную инструкцію, одобренную княземъ Репнинымъ, безъ согласія котораго онъ вообще ничего важнаго не предпринималъ и ни на что не рѣшался; войти же въ переговоры съ конфедератами онъ сознавалъ настоятельную необходимость. Въ противномъ случаѣ, невозможно было предвидѣть конца вознѣ съ ними и, слѣд., нельзя было рассчитывать на скорое водвореніе порядка и спокойствія внутри страны. Отвѣтъ короля былъ таковъ: «Репнинъ письменно сообщить мнѣ о томъ, въ чемъ должны состоять ваши переговоры съ конфедератскими маршалами, а пока — ничего и не начинайте». Король остался весьма доволенъ распоряженіями Браницкаго относительно гайдамаковъ, удивляется безразсудной свирѣпости шляхты и пановъ, «не понимающихъ того, что, истребивъ всѣхъ своихъ хлоповъ, они принесутъ вредъ только самимъ себѣ»...; наконецъ — отъ предложеннаго подарка отказывается подъ разными предлогами. Такихъ птицъ, хотя нѣсколько иного полета, какихъ предлагалъ королю Браницкій, было тогда достаточно во всей Польшѣ. Подъ предлогомъ конфедераций, составлялись во многихъ мѣстахъ партіи грабителей и мошенниковъ, производившія разные безчинства, и «слѣдовало опасаться, — пишетъ король, — размноженія по всей странѣ подобныхъ разбойничьихъ шайкъ; всему же главная причина — нищета и безнравственность». Но что будетъ дальше? Съ окончательнымъ подавленіемъ конфедерации и прекращеніемъ произведенныхъ ею волненій въ странѣ, умиротворятся ли умы, исчезнутъ ли самыя причины, вызвавшія возстаніе? Король не могъ не сомнѣваться въ этомъ, и потому обратился къ Репнину

¹⁾ Королевское имѣніе по близости Варшавы.

съ вопросомъ: не согласится ли императрица «*cum generositate*» на нѣкоторыя измѣненія въ постановленіяхъ сейма, вызвавшихъ Барскую конфедерацію? На это Репнинъ отвѣчалъ, что, «въ вопросѣ о диссидентахъ императрица не сдѣлаетъ ни малѣйшей уступки, а также и въ отношеніи правительственнаго уложенія (*formy Rzadow*), по инымъ же вопросамъ какая-либо уступка, быть можетъ, будетъ сдѣлана». «Но если по вопросу о диссидентахъ,—замѣтилъ король,—не сдѣлано будетъ никакой уступки, то огонь будетъ горѣть подъ пепломъ и при первомъ удобномъ случаѣ вспыхнетъ. —Если вамъ угодно,—отвѣчалъ Репнинъ: я буду о томъ писать, но знаю, что отвѣтъ получу отрицательный».

Король сталъ просить также у Репнина денегъ на военные расходы, такъ какъ королевская казна была совершенно пуста; Браницкій же не переставалъ въ каждомъ своемъ письмѣ требовать присылки денегъ. Репнинъ былъ весьма тугъ и въ этомъ отношеніи. На усиленные просьбы короля, Репнинъ обѣщалъ кое-что дать, но «сколько именно—я еще не знаю», пишетъ король,—и притомъ деньги обѣщаны въ видѣ займа и впоследствии должны быть возвращены Рѣчью-Посполитою. На содержаніе польскаго войска должна изыскивать средства военная коммиссія; если же она этого сдѣлать не можетъ, то, по мнѣнію Репнина, слѣдовало размѣстить это войско по квартирамъ, съ тѣмъ, чтобы продовольствіе доставляли жители. «Я предвижу,—пишетъ король,—что обѣщанныя деньги будутъ не послѣдними; во всякомъ случаѣ выпросить ихъ у Репнина—трудъ немалый. Хорошо бы вы сдѣлали, если бы сами написали отъ себя Репнину сердечное и жалостливое (*буквально*) письмо, въ которомъ было бы сказано, что вы лично потеряете всякій кредитъ и репутацію, не имѣя денегъ на неизбежные расходы, и что, съ другой стороны, отъ этого пострадаетъ общее дѣло. Перешлите какъ можно скорѣе письмо это чрезъ московскія руки прямо Репнину, какъ будто безъ моего вѣдома»... Репнинъ оказался неподатливымъ и относительно запорожскихъ казаковъ, сказавъ королю: «Безъ прямого приказанія императрицы, у насъ нельзя никого лишить жизни». Впрочемъ, онъ не совсѣмъ даже допускалъ возможность участія запорожцевъ въ гайдамацкомъ возстаніи. Въ заключеніе король пишетъ: «Третьяго дня отправленъ къ императрицѣ Репнинимъ полковникъ Карръ съ двумя порученіями: во-первыхъ, чтобы подтвердить все то, что онъ слышалъ и собственными глазами видѣлъ, и потомъ всѣмъ здѣсь рассказывалъ насчетъ невѣроятныхъ поборовъ и грабежа, производимыхъ Кречетниковымъ; во-вторыхъ, чтобы рассказать о печальномъ положеніи, въ кото-

ромъ я нахожусь, благодаря конфедераціи, и что денежная помощь для меня необходима. Карръ обѣщаль, что хлопотъ не покажетъ. Каковы будутъ послѣдствія—узнаемъ черезъ три недѣли». Письмо это не помѣчено, но вслѣдъ затѣмъ король посылаетъ Браницкому другое письмо, помѣченное 21 числомъ іюля, и стѣшить увѣдомить его, что, съ согласія Репнина, онъ уполномочивается объявить маршаламъ конфедератовъ: Красинскому, Пулавскому и Іоахиму Потоцкому, слѣдующее: «король будетъ хлопотать, чтобы императрица и Рѣчь-Посполитая простила имъ всѣ ихъ вины, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы они сейчасъ же, безъ оговорокъ и безъ всякихъ уклоненій, подписали актъ полнѣйшаго отреченія отъ своей конфедераціи». Посылая при этомъ Браницкому три тысячи червонцевъ, выпрошенныхъ у Репнина, король говорить: «Больше трехъ тысячъ никакими силами я не могъ добыть отъ Репнина, но вы сдѣлайте такъ, какъ я совѣтовалъ вамъ въ послѣднемъ моемъ письмѣ».

При тогдашнихъ путяхъ и средствахъ сообщенія, особенно въ столь безповойное и безалаберное время, и при значительности разстоянія, переписка короля съ Браницимъ не могла быть ведена послѣдовательно и регулярно. Весьма часто корреспондирующие, не дожидаясь отвѣта на прежнія письма, посылали другъ другу новыя письма. Такъ, Браницкій пишетъ королю, отъ 20 іюля, что «гайдамаковъ почти уже нѣтъ, и что полковникъ Гурьевъ забралъ ихъ больше, чѣмъ показано это въ первомъ моемъ донесеніи». Затѣмъ онъ сообщаетъ о дружескихъ отношеніяхъ къ нему генерала Кречетникова: «Былъ у меня генераль Кречетниковъ: въ высшей степени вѣжливъ и увѣряетъ въ глубокой своей преданности вашему величеству. Я притворяюсь, что всему вѣрю, ибо согласіе съ нимъ можетъ быть весьма полезно. Посѣтилъ я и его, принялъ меня со всѣми почестями, палили изъ пушекъ, инфантерія салютовала стрѣльбой, производились эзерциціи, потомъ фейерверкъ и иллюминація съ вензелемъ вашимъ. Но важнѣе всего,—и прошу оставить это въ секретѣ,—онъ обѣщаль дѣлать то, что я захочу. Постараюсь воспользоваться этимъ умѣренно и благоразумно... Даль мнѣ онъ лошадь для вашего величества, такую же безобразную, какъ и онъ самъ, но, быть можетъ, будетъ и хороша. Я бы просилъ васъ прислать ему чрезъ мои руки какой-либо презентъ, ибо теперь такое время, что необходимо беречь всѣхъ, даже самыхъ худшихъ людей». Письмо это король получилъ черезъ десять дней послѣ его отправленія и тотчасъ же написалъ Браницкому, что «не считаетъ возможнымъ дать Кречетникову какой бы то ни было презентъ, такъ какъ

это было бы несогласно съ тѣмъ, что отъ его, короля, имени Карръ долженъ разсказать въ Петербургѣ о Кречетниковѣ». Въ числѣ иныхъ извѣстій, король сообщаетъ, что одинъ изъ его недоброжелателей (Виельгорскій) сидитъ въ Петербургѣ, стараясь вредить ему всѣми мѣрами, но безуспѣшно. Между прочимъ, при содѣйствіи прусскаго посла, этотъ Виельгорскій «старался добиться прусскаго посредничества между императрицею и нашими «маль-контентами», находящимися въ Турціи; но это ему не удалось. Князь Репнинъ, съ своей стороны, отвергаетъ всякое постороннее посредничество въ этомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ барскіе конфедераты должны будутъ принять предлагаемое нами помилованіе». О результатахъ поѣздки Карра въ Петербургъ король до того времени не получилъ еще извѣстій; извѣстно ему было только, что «императрица съ неудовольствіемъ смотритъ на увеличивающіяся затрудненія и расходы».

Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ, полученномъ отъ Браницаго, король опять находитъ самое настойчивое требованіе присылки денегъ и, въ то же время, извѣстіе о томъ, что «конфедераты стоятъ на одномъ мѣстѣ и постоянно организуются и комплектуются, такъ что число ихъ дошло уже до трехъ тысячъ». Король былъ крайне смущенъ этимъ извѣстіемъ. «Если, пишетъ онъ 10 августа, число конфедератовъ за Днѣстромъ увеличивается, вмѣсто того чтобы уменьшаться, то весьма ясно, что дѣйствуютъ тамъ деньги французскія, или даже здѣшнія. Не пожалѣй труда узнать, какъ называется французскій офицеръ, который, какъ мнѣ извѣстно, проѣзжалъ чрезъ Венгрію, былъ у нихъ (конфедератовъ), потомъ отправился въ Крымъ. Хотя послѣдовавшія изъ Стамбула распоряженія обезпечиваютъ полное спокоевіе на нашихъ границахъ, тѣмъ не менѣе гайдамацкое нападеніе на Балту сильно обезпекло турокъ. Несмотря на то, что, подкупленное Московію, турецкое министерство боится черни, крайне раздраженной противъ Москвы, однако оно принуждено было послать къ границѣ десятыя два разнаго рода войска. Любопытно, какъ обстоятельство это конфедераты станутъ объяснять въ свою пользу. Балтское происшествіе до таковой степени раздражило турецкую чернь, что султанъ и министры принуждены были сдѣлать нѣкоторыя военныя приготовленія и просить Обрескова ¹⁾ о томъ, чтобы русскія войска очистили Подоль и отступили въ сосѣднія воеводства. Была рѣчь и о войскѣ Рѣчи-Посполитой, но прямого от-

¹⁾ Президентъ русскаго посольства въ Константинополѣ, посаженный въ 1768 году въ Семибашенный замокъ.

вѣта удалось избѣжать». Если письмо это признать откровеннымъ и искреннимъ, то нужно допустить, что король вовсе не догадывался и не предвидѣлъ близкаго разрыва и войны Россіи съ Турціей, въ неизбежности которой Репнинъ едвали въ то время (августъ мѣсяць) сомнѣвался. Очевидно, что король не имѣлъ надлежащаго понятія о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ. Онъ пишетъ въ томъ же письмѣ, что «Репнинъ не выведетъ войскъ изъ Подоля, развѣ по прямому призыванію своего двора. Присутствіе ваше тамъ онъ признаетъ необходимымъ»... Король взглянулъ на это дѣло совсѣмъ съ иной стороны и старался воспользоваться имъ весьма оригинально: «я тутъ и налегъ на него (Репнина) на счетъ прибавки денегъ, но онъ сильно противится. Не сомнѣваюсь, однако, что я припру его къ стѣнѣ, и онъ, быть можетъ, еще разъ дастъ денегъ...»

Въ половинѣ августа пишетъ Браницкій королю изъ Каменца, что генераль Кречетниковъ увѣдомилъ его о полученіи отъ Обрескова изъ Константинополя предложенія, не сближаться къ турецкимъ границамъ. Письмо Кречетникова въ подлинникѣ онъ препроводилъ королю, прося его «не упоминать о немъ Репнину и самого письма не показывать, еслибы онъ даже желалъ этого»?). Въ то же время Браницкій сообщаетъ, что Хотинскій паша отставленъ, что мѣсто его заступаетъ Янчаръ-Ага, до прибытія новаго пашы, котораго вскорѣ ждутъ; что между Жванцемъ и Хотиномъ расположились лагеремъ спаги, что, наконецъ, со всѣхъ сторонъ приходятъ извѣстія, будто конфедераты нетерпѣливо ожидаютъ вскорѣ какой-то помощи. Последнему извѣстію Браницкій, однако, не придаетъ никакого значенія, усматривая въ подобныхъ извѣстіяхъ простую интригу.—и больше ничего. Предъявленные турками требованія, чтобы русскія войска отошли отъ турецкихъ границъ, его весьма удивили. Онъ проситъ короля дѣйствовать съ крайнею осторожностію, чтобы «не пропустить ни одного преимущества для отечества»... Но король пишетъ ему 25 августа, что «онъ во всемъ дѣйствуетъ согласно съ Репнинымъ; рѣшимость же послѣдняго (не выступать изъ Подоля) произошла отъ того, что Обресковъ самовольно распоряжается русскими генералами, а тѣ его послушались и отошли отъ границы, не сообщивши о томъ Репнину. Какъ только прибылъ къ нему отъ Обрескова курьеръ, онъ тотчасъ обратился къ своему двору съ вопросомъ: долженъ ли слѣдовать мнѣнію Обрескова, который исполнилъ обѣщаніе, данное имъ Портѣ? Хотя Порта запродана Москвѣ, но даже и при своемъ деспотическомъ правительствѣ она вынуждена что-нибудь сдѣлать для успокоенія черни, раздраженной противъ

Москвы. Потому-то Порта послала моремъ въ нашия границы 3500 человекъ войска, и разослала приказы по провинціямъ о вербовкѣ еще четырехъ тысячъ пятисотъ человекъ. Изъ этого вы можете судить, какой войны можно бы ожидать между Турціею и Россіею, несмотря на всѣ угожденія, какія послѣдняя привыкла дѣлать первой (?). Потому я думаю, что Кречетниковъ ничего не проиграетъ, если послушался Обрескова, который далъ Портѣ обѣщаніе, что русскія войска отступать отъ границы... По поводу назначенія въ Хотинъ новаго пашы, король пишетъ, что, по мнѣнію Репнина, нужно подождать недѣлю; если же по истеченіи недѣли папа не отзовется первый, тогда Браницкій можетъ оказать ему вѣжливость, сдѣлавъ самъ первый шагъ къ взаимнымъ сношеніямъ. «Но о Балтѣ, — предостерегаетъ король, — не упоминай, развѣ турки сами начнутъ; но и тогда скажи только, что, по полученнымъ тобою донесеніямъ, нието и нивому не давалъ приказанія нападать на Балту, и что виновные будутъ наказаны Россіею со всею строгостію. Лучше избѣгать вовсе разговора о Балтѣ, въ силу того правила, что кто безъ сѣрса извиняется, тотъ себя обвиняетъ».

Не лишено интереса, по нашему мнѣнію, одно мѣсто въ этомъ письмѣ короля, разъясняющее отчасти извѣстное мнѣніе, обвиняющее Россію въ негласномъ участіи въ гайдамацкомъ возстаніи. «Посылаю вамъ, пишетъ король, копію корреспонденціи моея съ жмудскимъ старостою Ходзевичемъ, изъ коей и Репнинъ пришелъ въ убѣжденію, что Кречетниковъ охранялъ въ Гумани только интересы Кіевскаго воеводы, объ остальныхъ же тамошнихъ посессорахъ не заботился и не только не разгонялъ гайдамаковъ, но даже послаблялъ имъ и, быть можетъ, самъ былъ съ ними въ сговорѣ.» Король сообщаетъ при этомъ, что Кречетниковъ будетъ вскорѣ смѣненъ, а на его мѣсто будетъ назначенъ Прозоровскій, прибывшій въ Варшаву съ извѣстіемъ, что Краковъ, гдѣ также была своя конфедерація, взята и занята русскими. —

Приближался обыкновенный сеймъ. Репнинъ не вѣритъ въ благополучный его исходъ, но не скрываетъ передъ королемъ, что нельзя рассчитывать на сколько-нибудь значительныя уступки со стороны императрицы, особенно по вопросу о диссидентахъ не слѣдуетъ ожидать ровно никакихъ уступокъ. Король обратился прямо къ императрицѣ, писалъ при этомъ Панину, изображая свое безвыходное положеніе и народное раздраженіе, которое «хотя придавлено русскими побѣдами, но отнюдь не исчезло, — и что онъ, король, всегда несчастенъ». Притомъ онъ просилъ императрицу о томъ, что ему обѣщала Репнинъ, именно — «если им-

ператрицѣ угодно будетъ сдѣлать какую-нибудь уступку, то чтобы она имѣла характеръ снисхожденія къ его личной просьбѣ». Король сообщаетъ дальшѣ, что «во всей Литвѣ пробуждается сильное сочувствіе къ конфедератамъ, но нѣтъ тамъ головы; притомъ, взятіе Кракова, быть можетъ, охладить этотъ жаръ».

«Я забочусь по всему краю относительно сеймиковъ, но предупреждаю Репнина, что поручиться за нихъ не могу. Онъ сдѣлалъ уже распоряженіе о разсылкѣ на всѣ сеймики войскъ. Я хотѣлъ-было освободить нѣкоторые сеймики отъ ихъ присутствія, и просилъ о томъ Репнина. Онъ согласился не посылать войскъ въ тѣ мѣста, за которыя я поручусь, что въ нихъ не составится конфедерація, но—кто же можетъ въ этомъ поручиться?»

Король проситъ также Браницаго не присылать больше гайдамаковъ на вѣрнопостныя работы, ибо нѣтъ средствъ содержать ихъ и нѣтъ достаточнаго числа людей, которые бы ихъ караулили. «Если подобные плѣнники будутъ попадаться вамъ въ руки, то велите каждому десятому отрубить одну руку и одну ногу. Это скорѣе усмирить бунтъ, чѣмъ самая смерть.»

Между тѣмъ, получивъ королевское письмо отъ 21-го іюля, съ разрѣшеніемъ вступить въ переговоры съ маршалами конфедераціи, Браницкій сталъ обдумывать способы, какъ бы лучше приступить къ этому дѣлу. Время не совсѣмъ благоприятствовало переговорамъ, надежды конфедератовъ на поддержку со стороны Турціи въ то время опять сильно поднялись. Онъ поставилъ дѣло такъ, что если конфедераты сами хотятъ вступить съ нимъ въ переговоры, то онъ отъ нихъ не прочь и готовъ предложить имъ такой способъ: «свиданіе произойдетъ на Днѣстрѣ; они подплывутъ къ срединѣ рѣки на турецкомъ паромѣ, а Браницкій—на паромѣ польскомъ, въ сопровожденіи такого же числа людей, какое будетъ и у нихъ». Сообщая объ этомъ королю, Браницкій прибавляетъ, что будетъ поступать «согласно съ мыслью Репнина» и нивакихъ отъ себя обѣщаній конфедератамъ не дастъ. Наконецъ, онъ извѣщаетъ короля о своемъ затруднительномъ положеніи и спрашиваетъ — что ему дѣлать? «Военная коммиссія требуетъ, чтобы я смотрѣлъ только за гайдамаками, а князь Репнинъ и всѣ генералы пишутъ мнѣ, чтобы я не отступалъ отъ Днѣстра и наблюдалъ за конфедератами — кого же я долженъ слушать?..»

Проектъ Браницаго относительно свиданія съ конфедератами въ срединѣ Днѣстра чрезвычайно не понравился Репнину... Въ шифрованномъ письмѣ король, 29-го августа, сообщаетъ Браницкому: «Я сталъ говорить ему (Репнину), что если ты далъ слово

конфедератамъ устроить свиданіе на срединѣ Днѣстра, то отказаться теперь уже нельзя. Репнинъ до такой степени оскорбился, какъ еслибы я измѣнилъ дружбѣ императрицы. Дѣлать нечего, откажись отъ этого свиданія, подѣ тѣмъ предлогодъ, что начальство на то несогласно». Дальше король пишетъ: «Репнинъ вѣриво увѣряетъ, что турецкія приготовленія въ томъ только и состоятъ, что призвано въ оружію восемь тысячъ человѣкъ. Но, по нѣкоторымъ признакамъ, я догадываюсь, что Репнинъ тревожится какими-то опасеніями, хотя не видно, чтобы между Россіей и Портой могла произойти серьезная ссора, пока Керимъ-Гирей не будетъ возвращенъ на ханскій престолъ. Ты легче все это сообразишь, внимательно слѣдя за отношеніями между новымъ пашей и генераломъ Прозоровскимъ...»

Но о свиданіи не могло быть и рѣчи, конфедераты вовсе о немъ не думали. Въ Каменцѣ, на стѣнѣ востела, появился «манифестъ» конфедератскихъ маршаловъ, протестующій и ни во что ставящій всѣ постановленія польскаго правительства, направленные противъ конфедераціи. Черезъ кого присланъ этотъ манифестъ, кто прибилъ его въ стѣнамъ востела? Оказалось, что это сдѣлали фарные (гаедральные) всендзы... Тогда же случилось другое происшествіе. Въ Жванцѣ была ярмарка, во время которой турки завели ссору съ крестьянами и «стали колоть ихъ ножами», мужики же взялись за дубины, и началась драка, въ которой убитыхъ оказалось потомъ четыре крестьянина, двое турокъ и много раненыхъ съ обѣихъ сторонъ. Городекъ былъ разграбленъ и весь почти сожженъ. Браницкій обратился по этому поводу въ Хотинъ съ запросомъ и требованіемъ удовлетворенія, но турки отвѣчали, что до прибытія новаго паши никакого отвѣта дать не могутъ. «Я полагалъ бы,—пишетъ Браницкій королю 25-го августа,—что министръ вашъ въ Стамбулѣ обязанъ предъявить жалобу на подобныя насилія, допускаемыя турками въ нашихъ границахъ, а также необходимо назначить комиссію для оцѣнки и вознагражденія убытковъ.» Но въ Стамбулѣ въ то время никакого польскаго министра не было, а на посылку туда особаго какаго-либо лица Репнинъ согласія не изъявилъ, сказавъ королю: «нужно подождать, пока не сдѣлается извѣстнымъ, какой отвѣтъ дастъ Браницкому Хотинскій паша. Дѣло это можетъ разобрать пограничный судъ; въ противномъ только случаѣ придется поискать иныхъ средствъ»... Въ этомъ же письмѣ, высланномъ изъ Варшавы 10-го сентября, король пишетъ: «Репнинъ скрываетъ предо мною, но я знаю, что Порта прямо потребовала, чтобы Москва вывела свои войска со всего Подоля, въ противномъ случаѣ Порта объ-

явить Россіи войну. Царица прислала чрезъ Карра приказъ Репнину: войскъ изъ Подоля не выводить, хотя бы турки объявили изъ-за этого войну»... «Когда воротился Карръ, посланъ немедленно отъ Репнина курьеръ въ Стамбуль, но объ этомъ нужно молчать, чтобы Репнинъ не догадался, что я обо всемъ знаю... Если турки сами замышляютъ войну, то я увѣренъ, что московское золото войну эту предупредить; но если Турцію толкають французскія и прусскія продѣлки, то война будетъ. На счетъ прусскихъ происловъ прямыхъ доказательствъ я не имѣю, потому что прусскій король страшно скрывается передъ Москвою и передо мною, но я замѣчаю многіе признаки. Одно мнѣ вполне извѣстно: Берурдъ (?) съ увѣренностью ожидаетъ войны, предо мною же клянется, что въ нее не вѣрять...» Король извѣщаетъ, наконецъ, Браницкаго о томъ, что императрица пожертвовала ему, королю, сорокъ тысячъ червонцевъ, а также о томъ, что, по полученнымъ изъ Петербурга свѣдѣніямъ, Россія всѣми мѣрами старается отворотить войну съ Турціей.

Больше всего возбудило вниманіе Браницкаго сообщенное королевемъ извѣстіе относительно ожидаемаго сейма. Какой это будетъ сеймъ? Если свободный, то Россія не придастъ ему, очевидно, никакого значенія, прежній договоръ удержать въ полной силѣ и сумѣетъ настоять на его исполненіи, а въ такомъ случаѣ «насъ ожидаетъ и впереди, пишетъ Браницкій, то же самое горе; въ народѣ же останется вѣчное желаніе освободиться изъ-подъ ига, такъ что, имѣя черезъ каждые два года сеймъ, мы будемъ имѣть и конфедерацію черезъ каждые два года...» ¹⁾ Въ томъ же письмѣ (4-го сентября) Браницкій сообщаетъ, что въ Хотинъ прибылъ, давно ожидаемый, новый папа, и что дѣло о жванецкомъ происшествіи должно получить ходъ. Отвѣчая на это письмо, король пишетъ, между прочимъ: «Несмотря на желаніе мира и на всѣ увѣренія Дивана въ этомъ смыслѣ, турки

¹⁾ Мысль свою Браницкій высказываетъ дальше слѣдующимъ образомъ: „Если Россія не хочетъ сдѣлать никакой уступки въ вопросѣ о диссидентахъ, ни по вопросу о гарантіи и о *liberum veto*, то пусть бы она гарантировала себѣ только вопросъ диссидентскій и отказалась бы отъ всякихъ иныхъ притязаній. Это давало бы ей возможность вмѣшиваться въ наши дѣла во всякое время, но польза будетъ та, что взволнованные умы успокоятся, и мы будемъ наслаждаться хоть внутреннимъ спокойствіемъ“. Нужно замѣтить, что такъ-называемое „*liberum veto*“ было уничтожено поляками при самомъ вступленіи на престолъ Станислава-Августа, но было восстановлено, по требованію русскаго и прусскаго дворовъ, съ тою цѣлью, чтобы враждебныя диссидентамъ постановленія на сеймахъ можно было уничтожать хоть однимъ протестующимъ голосомъ.

на дѣлѣ думаютъ не шута о войнѣ съ Россіей. Въ интересѣ Россіи предупредить турокъ, не исполнѣ готовыхъ пока къ войнѣ, вторгнуться въ турецкіе предѣлы и вести войну на чужой счетъ, но отъ подобнаго шага удерживаетъ ее, мнѣ кажется, вотъ что: существуетъ, кажется, трактатъ съ прусскимъ королемъ, по которому послѣдній обязанъ поддержать Россію денежною субсидією, но только въ такомъ случаѣ, когда нападающими будутъ турки». Оканчиваетъ свое письмо король просьбою: «Купи на мой счетъ, прошу тебя, нѣсколько кусковъ шелковой турецкой матеріи, самой красивой, и пришли мнѣ при первомъ удобномъ случаѣ... Adieu, mon ami, pour aujourd'hui».

На Днѣстрѣ около того времени опять произошла катастрофа. Ночью 8-го сентября, переправившись черезъ Днѣстръ въ бродѣ, толпа конфедератовъ, въ 300 лошадей, подъ командою двухъ Пулавскихъ, августовскаго старосты и другого, который попалъ было въ плѣнъ въ Бердичевѣ—напала на мѣстечко Студенницу, занятую небольшимъ польскимъ отрядомъ; весь отрядъ, состоявшій изъ 16-ти человекъ, взятъ былъ въ плѣнъ, а мѣстечко было разграблено. По поводу этого происшествія Браницкій въ тотъ же день отправилъ письмо новому пашѣ. Копію своего письма пашѣ и подлинный отвѣтъ послѣдняго Браницкій препроводилъ королю, при письмѣ отъ 14-го сентября, но въ чемъ состоялъ этотъ отвѣтъ, изъ письма не видно.

Королю понравилось письмо Браницкаго къ пашѣ, но отвѣтъ послѣдняго показался «нѣсколько холоднымъ». Съ умысломъ ли паша далъ отвѣтъ холодный и даже не совсѣмъ ясный? Точно ли замышляютъ что-либо турки? «Мнѣ кажется,—пишетъ король, въ умѣ котораго возникали эти вопросы,—мнѣ кажется (сообразивъ все), что съ помощью денегъ и иныхъ средствъ Москва сумѣетъ убѣдить турецкаго султана въ томъ, что начинать войны съ Россіей нѣтъ достаточныхъ причинъ; султанъ же тѣмъ скорѣе согласится съ этимъ, что онъ въ сущности боится Москвы, какъ и всякаго иного государства. Но, съ другой стороны, очень возможно, что Порта не перестанетъ готовиться къ войнѣ, чтобы побудить Россію дать нашимъ барскимъ «пардонъ» съ какими-либо облегчительными условіями. И это потому, что, съ одной стороны, Потоцкіе постараются, при содѣйствіи французскаго двора, обезпечить себя чрезъ посредство Порты, а съ другой стороны—сама Порта захочетъ показать, быть можетъ, что и она, если пожелаетъ, можетъ имѣть такое же вліяніе на Польшу, какое имѣетъ на нее Москва». Дальше король пишетъ: «Панинъ хранить упорное молчаніе передъ прусскимъ и даже передъ англій-

скимъ посломъ о нашихъ и турецкихъ дѣлахъ. О томъ лишь намекнулъ, что если предстоящій польскій сеймъ не приведетъ ни къ чему, то у него имѣется вѣрное средство покончить съ польскими дѣлами. Что это значить? Не понимаю, но повторяю, что я имѣю сильное предчувствіе, что произойдетъ какая-то важная перемѣна, и предвижу счастливую войну».

Въ одномъ письмѣ, Браницкій просилъ короля дать ему разрѣшеніе прибыть на нѣкоторое время въ Варшаву, и при этомъ снова хлопоталъ о присылкѣ денегъ. Король отказалъ Браницкому въ разрѣшеніи побывать въ Варшавѣ, относительно же денегъ обѣщалъ добыть ихъ какими бы то ни было средствами: «Если же окажется, что взять ихъ рѣшительно неоткуда, тогда я первый скажу тебѣ: распусти войско и прїѣзжай самъ въ Варшаву...»

Присутствіе Браницкаго при войскѣ было необходимо, потому что русскія войска въ самомъ дѣлѣ отступили изъ Подоля, такъ что малосильное польское войско должно было само охранять границу отъ вторженія конфедератовъ. Но въ этомъ войскѣ стали обнаруживаться случаи измѣны и надъ нимъ необходимъ былъ крѣпкій надзоръ. Нѣкто поручилъ Комаровскій, лично извѣстный королю и пользовавшійся его благосклонностью, письменно просилъ у одного изъ конфедератскихъ маршаловъ прощенія въ томъ, что служить противъ конфедератовъ въ королевскомъ войскѣ. Письмо было перехвачено. Взятый на допросы, поручикъ сознался въ своей винѣ, объявивъ, что поступилъ такъ потому, что маршалъ этотъ есть братъ его ротмистра!.. Донося объ этомъ королю, Браницкій замѣчаетъ: «Никого не хочу я чернить передъ вами, но преданность моя вамъ возлагаетъ на меня обязанность довести, что здѣсь громко говорятъ всѣ, состоящіе теперь въ моей командѣ, бывшіе прежде въ иной, что много вещей было неблаговидныхъ. Потому предупреждаю васъ: вникайте глубже въ душу, въ умы и характеры людей, надъ которыми царствуете». Вскорѣ Браницкій сообщилъ королю, что турки строятъ на Дунаѣ мостъ, въ Исакчѣ заводятъ магазинъ, укрѣпляютъ Хотинъ и дѣлаютъ иные приготовления. «Что мнѣ дѣлать?—спрашиваетъ онъ короля: если бы турки вторгнулись въ наши предѣлы, долженъ ли я ретироваться съ Прозоровскимъ, и куда ретироваться?» Въ то же время онъ увѣдомляетъ короля, что новый паша непременно добивается свиданія. Отъ этого свиданія Браницкій былъ бы не прочь, онъ находитъ возможнымъ побывать «инкогнито» у самого пашы, и потому проситъ прислать надлежащія на всякій случай инструкціи.

Въ письмѣ короля изъ Варшавы, отъ 6-го октября, между прочимъ говорится слѣдующее: «Беноа мнѣ сказала, что Диванъ желаетъ мира, а войны хочетъ самъ султанъ». Потомъ прибавилъ, что турки вооружаются главнымъ образомъ противъ черноморцевъ—и повторялъ мнѣ это не одинъ и не пять разъ. Въ заключеніе сказалъ, что, по его мнѣнію, пока турки сосредоточать на нашей границѣ не болѣе сорока тысячъ человѣкъ, до тѣхъ поръ бояться нечего, ибо они это дѣлаютъ для обезпеченія собственныхъ границъ. Наступленія съ ихъ стороны слѣдовало бы ожидать лишь тогда, когда бы они сосредоточили отъ 60-ти до 80-ти тысячъ человѣкъ. Весь этотъ разговоръ, пополнивъ его нѣкоторыми моими личными соображеніями и наблюденіями, я такъ объясняю: въ душѣ прусскій король желаетъ войны Россіи съ Турціей, желалъ бы, чтобы турки не проиграли и чтобы нападающими были русскіе, потому что онъ обязался трактатомъ дать Россіи субсидію только въ такомъ случаѣ, еслибы нападающими были турки. Потому-то прусскій король старается усыпить Россію, пока турки не приготовятся окончательно къ войнѣ. Онъ себѣ думаетъ: замѣтивъ серьезную опасность, Россія не допустить, чтобы турки ее предупредили, и сама двинетъ свои войска въ Турцію, а я останусь спокойнымъ зрителемъ». Затѣмъ король проситъ Браницкаго внимательно слѣдить за ходомъ событій на мѣстѣ и подробно доносить ему о всемъ. Такъ какъ Браницкій не переставалъ требовать денегъ на плату войскамъ жалованья, то въ приведенному сейчасъ письму своему король приложилъ слѣдующую шифрованную замѣтку: «Напиши мнѣ собственноручно письмо по-французски, адресованное на мое имя, но которое я могъ бы показать Репнину. Содержаніе письма должно быть такое: вы прислали мнѣ на жалованье войскамъ столько-то, но мнѣ нужно еще столько-то; затѣмъ прислали вы мнѣ на продовольствіе войска и на иные расходы столько-то и пр. Всего этого едва хватитъ до такого-то времени. А посему, если вы заблаговременно не можете прислать мнѣ необходимыхъ суммъ, то прошу меня о томъ увѣдомить и разрѣшить мнѣ распустить войско, ибо ни вамъ, ни мнѣ не позволить совѣсть посылать на рѣзню солдатъ, не получающихъ жалованья и голодныхъ. Ко всему этому ты уже отъ себя прибавь все то, что найдешь нужнымъ, чтобы я могъ сказать Репнину: дай денегъ, или я брошу воевать»¹⁾. Въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 19-го октября), отвѣчая на вопросъ

¹⁾ Браницкій рѣшительно отказался исполнить это желаніе короля, назвавъ подобную уловку „аффектаціею“. (Письмо его отъ 29-го октября).

Браницкаго, какъ онъ долженъ поступать въ случаѣ открытія турками военныхъ дѣйствій, король предписываетъ ему ретироваться, но «не вмѣстѣ и не въ одномъ направленіи съ Прозоровскимъ, а отдѣльно, въ иное мѣсто, чтобы турки не имѣли на насъ претензіи и не сказали, что они, признавая русскихъ своими врагами, могутъ исцѣять и преслѣдовать ихъ въ Польшѣ по такому же праву, по какому, тридцать лѣтъ назадъ, русскіе подъ командою Миниха вторгнулись черезъ Польшу въ Турцію; а такъ какъ польское войско дѣйствуетъ за-одно съ русскимъ, то турки сочтутъ его тоже непріятельскимъ войскомъ». Но король не допускалъ еще возможности скорой войны; тѣмъ не менѣе, еслибы она вспыхнула, то, по мнѣнію короля, невозможно было бы польскому войску отъ участія въ ней уклониться и нужно было бы драться съ турками, помогая русскимъ. Отступить слѣдовало бы только вначалѣ, чтобы первые удары турокъ не были направлены на слабосильное польское войско: «Въ случаѣ неизбежной войны между Россіей и Турціею, и если театромъ войны сдѣлается нашъ край, то иного исхода быть не можетъ, какъ только тотъ, что наше войско соединится съ русскимъ противъ турокъ, ибо не съ турками же намъ соединяться; сохранить же нейтральность, какъ это совѣтуютъ иные, чтобы не возбуждать противъ себя еще болѣе ненависти въ народѣ, я не предвижу никакой возможности». Король сообщаетъ дальше, что Репнинъ, на усиленные его просьбы, далъ еще шесть тысячъ червонцевъ и, кромѣ того, тысячу червонцевъ на закупку пороха, которымъ Браницкій долженъ былъ особенно снабдить Каменецъ-Подольскъ, какъ такую крѣпость, на которую «турки прежде всего могутъ имѣть аппетитъ». Изъ цитируемаго нами и весьма длиннаго письма невозможно, впрочемъ, придти въ вѣрному заключенію о томъ, что намѣренъ былъ въ дѣйствительности предпринять и какое положеніе желалъ занять Станиславъ-Августъ въ случаѣ войны Россіи съ Турціей. Необходимо предположить, что онъ самъ пока не зналъ, на что ему рѣшиться. Требуя отъ Репнина денегъ, онъ не разъ грозилъ ему распущеніемъ своего войска, и мысль эта начинаетъ теперь серьезно возникать въ его умѣ, какъ лучшее средство, въ крайнемъ случаѣ, остаться въ сторонѣ въ предстоящей войнѣ подъ самымъ благовиднымъ предлогомъ. Браницкому онъ пишетъ теперь: «На случай, еслибы въ нашемъ затруднительномъ положеніи мы не нашли денежной поддержки, то подумайте и напишите мнѣ заблаговременно о томъ, какъ бы вы распорядились насчетъ распущенія всего войска, состоящаго подъ вашею командою, кромѣ гвардіи и моихъ полковъ, и куда бы

вы тогда направились съ ними? Нѣтъ такого положенія, котораго не слѣдовало бы предвидѣть и предполагать, и потому нужно быть на все готовымъ»... Въ заключеніе король извѣщаетъ, что въ полученныхъ въ Варшавѣ письмахъ «изъ того угла, гдѣ командуетъ князь Прозоровскій», отдаются послѣдному всевозможныя похвалы за его «справедливость и человѣчность», и что ожидаемое прибытіе въ Варшаву генерала Самтыкова возбуждаетъ надежду, что дисциплина усилена будетъ и въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ войска весьма распущены.

22-го октября Браницкій спѣшитъ донести королю, что къ Хотину стаялось уже больше двадцати тысячъ турокъ, и что постоянно прибываютъ новыя еще силы. Онъ проситъ короля предложить Репнину всѣми мѣрами позаботиться насчетъ цѣлости Каменца, какъ весьма важной крѣпости, отстоять которую онъ съ Прозоровскимъ считаетъ невозможнымъ, имѣя вмѣстѣ не больше восьми тысячъ человѣкъ,—«а когда двинется орда, то ея будетъ сто тысячъ». По мнѣнію Браницкаго, лучше не впускать турокъ и перенести войну въ Турцію; въ противномъ случаѣ весь край обращенъ будетъ турками въ пустыню. Возможно-быстрое наступленіе русскихъ войскъ отъ Кіева онъ признаетъ необходимымъ. Вскорѣ Браницкій получилъ отъ короля шифрованный отвѣтъ, немало его изумившій. Король приказываетъ ему снабдить Каменецъ припасами на пять или на шесть мѣсяцевъ, оставить въ немъ гарнизонъ подъ командою генерала Витте, а самому съ литовской гвардіей и королевскими полками отступить къ Варшавѣ, «старательно избѣгая всякой встрѣчи съ турками и нигдѣ не соединяясь съ московскими войсками»... При этомъ король сообщаетъ, что въ Петербургѣ уже нѣсколько недѣль дѣлаются приготовления къ войнѣ, но все-таки ея не ожидали такъ скоро, и что Репнинъ ему сказалъ: «если императрица послѣдуетъ его мнѣнію, то русская армія немедленно направится отъ Кіева къ Татарщинѣ». Изъ Вѣны король получилъ въ то же время (около 29-го октября) вѣрное извѣстіе, что Обресковъ брошенъ въ Семибашенный замокъ. «Положеніе мое,—пишетъ король въ заключеніе,—крайне затруднительно и невыносимо, но чистая совѣсть и неизмѣнно-вѣрная любовь къ отечеству даютъ спокойствіе моей душѣ, которая стойко перенесетъ и послѣднее несчастіе, предчувствуя, однако, какую-то неожиданную и счастливую перемену впереди»... Въ тотъ же самый день, именно 29-го октября, Браницкій пишетъ королю, что Хотинскій паша письменно извѣстилъ его объ объявленіи Турціей войны Россіи, и что «въ письмѣ своемъ выражается весьма гордо,

съ употребленіемъ разныхъ колюостей относительно избранія вашего на престолъ... Хотя я при всѣхъ случаяхъ старался увѣрить турокъ, что не мы виной вступленія въ нашу землю русскихъ войскъ... «Во всемъ этомъ я вижу французскую интригу, взявшую въ Стамбулѣ перевѣсъ надъ московскою интригою, и имѣющую цѣлью удержать на престолѣ саксонскаго электора». Все это пишетъ Браницкій, не получивъ еще послѣдняго королевскаго письма и не зная о заключающихся въ немъ распоряженіяхъ; но зная слабость короля и безразсудство своихъ соотечественниковъ, онъ боялся, чтобы король, послушный разнымъ внушеніямъ, не сдѣлалъ въ столь важную минуту какого-либо фальшиваго и гибельнаго шага. Онъ преданъ былъ королю, но больше, повидимому, по принципу, чѣмъ по душевному влеченію. Какъ горячій патріотъ, онъ разумно любилъ свое отечество, ненавидя и презирая своихъ деморализованныхъ соотечественниковъ, съ которыми невозможно было добиться никакого ладу и толку. Единственное спасеніе отъ неминуемой гибели, висѣвшей надъ Польшею, онъ усматривалъ въ крѣпкомъ и искреннемъ союзѣ съ Россіей, называя ее единственнымъ другомъ Польши. Считаю не лишнимъ привести здѣсь почти цѣликомъ замѣчательное письмо его королю, написанное имъ изъ Гусятина, 29-го октября, когда не оставалось больше никакихъ сомнѣній относительно необходимости войны между Россіей и Турціей. Сказавъ о важности Каменца и о томъ, что невозможно оставить эту крѣпость безъ сильнаго прикрытія, Браницкій говоритъ, что, по отношенію къ Каменцу, онъ «бится больше интригъ, чѣмъ атаки, потому что всендзы, особенно монахи каменецкіе, еслибы только не стыдился, то при появленіи турокъ и татаръ запѣли бы: „Te Deum laudamus“, причемъ и часть народа обрадовалась бы, не зная сама чему». Потомъ онъ продолжаетъ: «Всѣ тѣ, которые совѣтуютъ мнѣ отойти отъ князя Прозоровскаго, или не понимаютъ, что говорятъ, или совѣты ихъ вѣроломны. Я называю такихъ людей безумными, такъ какъ они не обращаютъ вниманія на предшествующіе факты—именно: 1) *Senatus Consilium* призвалъ Россію на помощь для погашенія бунта (конфедератскаго); 2) мнѣ данъ публичный приказъ дѣйствовать съ русскими сообща; 3) конфедераты знаютъ, что я участвовалъ во взятіи Бара и имя мое имъ извѣстно... Подобные совѣты вѣроломны, потому что если Москва даетъ намъ денегъ, безъ которыхъ мы шагу не можемъ сдѣлать, то какую силу могло бы имѣть само по себѣ наше ничтожное войско? Осворбить это князя Репнина, что весьма естественно. Князь Репнинъ знаетъ о моей вамъ пре-

данности и о моей честности; онъ подумаетъ, что я такъ дѣйствую по вашей волѣ. Вы видите, сколько дворовъ ведутъ противъ васъ интриги, завидуя вашему царствованію. Вы оглядываетесь на народъ, который къ вамъ нерасположенъ, на этотъ пустой, подлый и вѣроломный народъ (*płochy, podły, zdradliwy*), поклоняющійся только успѣху и всякому восходящему солнцу ¹⁾. Единственный другъ вашъ, по искренности или по ходу обстоятельствъ—это Россія; вы должны ея держаться и дѣлать то, чего она будетъ желать; находясь же съ нею въ союзѣ и приобретаея ея довѣріе—много добра вы сдѣлаете этому неблагодарному народу. Если варшавскій трактатъ будетъ нарушенъ ²⁾, вамъ легко будетъ заключить вѣчный союзъ съ Россіею, которая тогда откажется отъ столь противной нашимъ правамъ *гарантии*, дозволить намъ измѣнить нѣкоторыя наши учрежденія, совершенно ненужныя, и увеличить число войска; при такомъ же союзѣ мы сдѣлались бы для Россіи авангардомъ. Этимъ только путемъ ваше величество можете приобрести славу, сдѣлаете больше, чѣмъ всѣ монархи, и будете отцомъ этого несчастнаго отечества. Въ противномъ случаѣ, если вы не составите себѣ опредѣленной и ясной системы, вы не будете никогда счастливы, будете вѣчно колебаться между чужими и своими мнѣніями, такъ что Россія не будетъ вами довольна и не рѣшится съ полною довѣренностью на васъ положиться. Съ другой стороны, этотъ легкомысленный и пропитанный предубѣжденіями противъ васъ народъ, тоже будетъ не довѣрять вамъ и всегда готовъ будетъ склониться на сторону враждебной вамъ интриги. Подумайте же, ваше величество, каково положеніе, которое васъ ожидаетъ. Только враги ваши могутъ внушать вамъ нейтралитетъ. Если бы Польша была спокойна, а русскіе и турки вели на нашей землѣ между собою войну, тогда нейтралитетъ или посредничество между ними могли бы принести честь вамъ и всему народу; но и тогда нужно бы имѣть силы и деньги. Въ настоящее же время, когда вся Польша

¹⁾ Слова эти крайне горьки; въ нихъ звучитъ глубокое негодованіе, извинительное въ человѣкѣ столь честномъ и такъ разумно преданномъ интересамъ своей гибнущей родины. Необходимо замѣтить, что слово „народъ“ употреблено здѣсь въ несвойственномъ смыслѣ, ибо приведенная характеристика никакъ не можетъ быть отнесена ко *всей* массѣ безправнаго, безгласнаго и ни къ чему непрічастнаго „народа“.

²⁾ Этимъ трактатомъ, заключеннымъ въ 1699 г. между Россіею, Австріею, Польшою и Венеціею—съ одной стороны, и Турціею съ другой,—гарантирована была неприкосновенность Польши со стороны Турціи (городъ *Карловицъ*—на правомъ берегу Дуная).

въ волненіи по поводу конфедераціи, и когда эта конфедерація направлена противъ васъ—какой же можетъ быть нейтралитетъ? Въ настоящее время вы обязаны сами предупредить, со всѣми друзьями вашими и войскомъ, желанія петербургскаго двора, соединиться съ русскими и защищать свой край, признавъ врагами отечества всѣхъ тѣхъ, кто держитъ сторону Турціи. Этимъ только путемъ мы можемъ что-нибудь выиграть, тѣмъ болѣе, что, можно держать пари, Россія побьетъ Турцію, если дѣло дойдетъ до войны. Во всякомъ случаѣ, если придется ретироваться, то я не буду отступать въ одной линіи съ княземъ Прозоровскимъ, а пойду или впереди его, или во флангъ, въ разстояніи полумили, ибо будучи генераль-аншефомъ, я не могу идти вмѣстѣ съ генераль-маіоромъ, не состоящимъ въ моей командѣ—я знаю мое дѣло... Простите мнѣ, ваше величество, мою откровенность, внушенную мнѣ искреннею преданностію особѣ вашей».

На письмо это король прислалъ Браницкому коротенькій отвѣтъ, въ которомъ, повторяя прежнія свои приказанія относительно снабженія Каменца провіантомъ, приказываетъ Браницкому немедленно отступить къ Львову, а затѣмъ прямо идти въ Варшаву—«нигдѣ не соединяясь ни съ кѣмъ»...

Всѣ эти беспорядки, вызванные барскою конфедераціею, кончились раздѣломъ Польши въ 1772 г., «первымъ ея раздѣломъ».

II.

Послѣдній польскій король, Станиславъ-Августъ Понятовскій, представлялъ собою весьма поучительный примѣръ исторической личности, жизнь которой сплетается, въ одно и то же время, изъ рѣдкихъ успѣховъ и гибельныхъ неудачъ, изъ быстро возвышенія и самаго трагическаго паденія. Иронія судьбы не перестаетъ преслѣдовать послѣдняго короля Рѣчи-Посполитой и по смерти: несмотря на весь трагизмъ своего положенія, онъ остался личностію блѣдною и весьма мало привлекательною, между тѣмъ, какъ онъ могъ бы быть однимъ изъ интереснѣйшихъ трагическихъ лицъ новѣйшей исторіи. Этого мало; возвышеніе его не чуждо характера поэтическаго, такъ какъ оно объяснялось, въ свое время, вліяніями и побужденіями чисто романтическаго свойства; наконецъ, вся жизнь Станислава Понятовскаго богата элементами загадочности, весьма пригодными для художественнаго и отчасти историческаго воспроизведенія всякой трагической личности. Все въ ней есть, въ этой жизни, даже предсказанія астро-

логовъ и гадальщицъ, съ самыхъ раннихъ лѣтъ общавшихъ ему корону. И при всемъ томъ личность послѣдняго польскаго короля не только не представляетъ никакого интереса, какъ личность трагическая, но даже не возбуждаетъ къ себѣ особенной симпатіи, какъ личность несчастнаго человѣка и злополучнаго короля ¹⁾. Причины тому весьма понятны. Съ одной стороны, самое паденіе польскаго государства, раздираемаго внутренними беспорядками и, по своему общественному и социальному устройству, являвшагося какимъ-то историческимъ мастодонтомъ, не могло произвести сильнаго впечатлѣнія на современные умы, потрясенные въ то время событіями великой французской революціи; съ другой стороны, личный характеръ короля, отсутствіе въ немъ мужественной энергіи и рѣшительности, слабость политическаго пониманія и чутья,—все это дѣлало его неспособнымъ стать выше обстоятельствъ времени и совладѣть съ своимъ положеніемъ. Въ виду неизбежной гибели, онъ не переставалъ малодушно ждать чего-то отъ судьбы, думалъ обмануть ее и вѣчно уклонялся отъ ея вызова, когда она прямо и рѣшительно ставила ему и всей Рѣчи Посполитой—мрачное *va banque!* Неудивительно, что вся эта драма, исполненная глубокаго трагизма, благодаря слабой и апатичной роли главнаго героическаго лица въ послѣднемъ ея дѣйствіи, вышла какою-то блѣдною, вялою, такъ что весь потрясающій смыслъ ея почти пропалъ; понятно также, почему она не произвела въ свое время того впечатлѣнія, какое должна была бы произвести. Тѣмъ не менѣе польская интеллигенція и большинство историческихъ польскихъ писателей не совсѣмъ правы, относясь къ послѣднему своему королю безъ особеннаго сочувствія, и даже съ явнымъ предубѣжденіемъ; не правы они и въ томъ отношеніи, что предполагаютъ, будто болѣе рѣшительная и болѣе энергическая личность, возложивъ на себя корону въ столь рѣшительную минуту, могла бы спасти Рѣчь Посполитую ²⁾, или, что это могъ бы сдѣлать даже самъ Станиславъ-Августъ, дѣйствуя рѣшительнѣе въ «національномъ духѣ» и слѣдуя иной внѣшней политикѣ. Такое мнѣніе вполнѣ ошибочно: ничто не могло спасти Рѣчь Посполитую, которая носила въ самой себѣ зародыши неизбежной смерти и разложенія. Ста-

¹⁾ Онъ родился 17-го января 1732 г. Мать его, рожденная княжна Чарторижская, отличалась самою непомерною гордостью, вслѣдствіе чего была прозвана „громовой тучей“. Гороскопъ его предсказывалъ ему королевскую корону; то же предсказаніе повторено ему было въ 1753 году въ Парижѣ, какою-то извѣстномъ въ то время гадальщицею.

²⁾ Издатель „Корреспонденціи“ не раздѣляетъ, впрочемъ, подобнаго взгляда.

нславъ-Августъ не герой—это такъ; но будь онъ и герой, онъ не спасъ бы того, что должно было погибнуть. Гибель Польши, какъ историческая драма, приобрѣла бы больше блеска, могла бы произвести болѣе сильное впечатлѣніе на современное общество, вызвать сочувствіе и, пожалуй, даже удивленіе въ главной трагической личности, но предотвратить катастрофу ничто уже не могло.

Истину эту начинаютъ понимать сами поляки, особенно польскіе писатели, принадлежащіе въ молодому поколѣнію, а изданія новыхъ матеріаловъ являются весьма кстати и дорисовываютъ безотрадное внутреннее состояніе Польши, въ эпоху ея паденія. Особенно интересны въ этомъ отношеніи письма короля и къ королю, относящіяся ко времени отъ 1784 до 1792 г., извлеченныя изъ обширнаго собранія писемъ за все время царствованія Станислава - Августа. Собраніе это, подъ общимъ названіемъ: „Korespondencya Polska“, обнимаетъ 24 тома in-folio и хранится въ парижскомъ архивѣ князей Чарторижскихъ. Издатель настоящаго сборника, г. Брониславъ Залѣскій, слѣдующимъ образомъ объясняетъ причины, побудившія его остановиться на выборѣ писемъ, относящихся къ послѣднимъ годамъ царствованія Станислава-Августа: «Мы ограничились, — говоритъ онъ, — послѣдними годами, потому что обстоятельства этой эпохи весьма мало разъяснены, хотя представляютъ особенную важность... Ни одинъ періодъ нашей исторіи не возбуждаетъ въ душѣ столько противоположныхъ чувствъ и разныхъ мыслей, какъ эти немногіе годы». Касаясь общей характеристики писемъ, вошедшихъ въ сборникъ, издатель говоритъ: «Письма эти имѣютъ исключительный и имъ однимъ свойственный характеръ. Они касаются только внутреннихъ отношеній, но не заключаютъ въ себѣ ничего, относящагося къ внѣшней политикѣ... Всѣ письма прошли чрезъ королевскую канцелярію и рисуютъ преимущественно отношеніе короля къ народу и народа къ королю. Нося характеръ частный, они обрисовываютъ современную жизнь гораздо вѣрнѣе и полнѣе всякихъ официальныхъ документовъ или мемуаровъ, которые обыкновенно пишутся съ тою мыслию, что ихъ прочтеть потомство, для которыхъ они и назначаются. Ничего подобнаго не имѣютъ въ виду частныя письма». Издатель очень справедливо замѣчаетъ притомъ, что «ни одинъ современный государь не велъ подобнаго рода переписки, отличающейся совершенно исключительнымъ характеромъ», — что вполнѣ, впрочемъ, понятно, такъ какъ положеніе польскаго короля и отношеніе его къ подданнымъ были тоже вполнѣ исключительны. Нося титулъ короля,

онъ не имѣлъ никакой власти, онъ былъ не больше, какъ простой представитель извѣстной политической партіи въ государствѣ, и долженъ былъ поддерживать свою партію большею частію только тѣми мѣрами и средствами, какія доступны всякому иному представителю партіи. Этимъ обстоятельствомъ объясняется та обширная переписка, какую онъ велъ въ продолженіе всего своего царствованія и какой никогда не вело ни одно коронованное лицо съ своими подданными всякаго званія и состоянія ¹⁾. Съ самаго вступленія на престоль, онъ не находилъ ни въ чемъ и ни въ комъ поддержки, не видѣлъ въ государствѣ элемента, на который могъ бы опереться. Безгласный и безправный народъ безмолвствовалъ и не представлялъ никакой политической силы; шляхта, особенно же аристократическіе роды, съ перваго же раза отнеслась къ Станиславу-Августу враждебно. Каждый представитель аристократическаго рода считалъ за собой больше правъ на польскую корону и смотрѣлъ на Станислава Понятовскаго, какъ на рабчепу. Въ ихъ кругѣ король долгое время даже и не назывался королемъ, а носилъ прежнее свое названіе «литовскаго стольника», староста же каневскій, Потоцкій, этотъ извѣстный въ свое время забіяка, оригиналь и шутъ, называлъ короля презрительно «экономскимъ дѣтиною»... Но и какъ простой представитель политической партіи, Станиславъ-Августъ, по своимъ личнымъ качествамъ, по своему характеру и уму, по разумной любви къ родинѣ, стоитъ гораздо выше едва ли не всего современнаго польскаго общества. Вся обширная переписка его показываетъ, что онъ постоянно имѣлъ въ виду только государственный интересъ, только благо государства и народа, и между тѣмъ, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ наталкивался на каждомъ шагу только на мелкій эгоизмъ и тщеславіе, на интригу и нерѣдко на грязную измѣну. Эти аристократическіе роды, столь враждебно къ нему относившіеся, почти вмѣняли королю въ обязанность оказывать имъ всякія угожденія, не стѣснялись выпрашивать у него наградъ и подарковъ для себя, своихъ друзей и родственниковъ, страннымъ образомъ соединяя въ самомъ способѣ своихъ ходатайствованій высшую степень аристократической гордыни и притязательности съ крайнею степенью униженія и пресмыкательства... Никакого уваженія къ государственному интересу, никакой мысли о немъ въ нихъ по большей части не видно; имъ доступны только одни мелкія побужденія, одни эгои-

¹⁾ Къ королю обращался съ письмами даже какой-то еврей, по имени Гершко, прося его, чтобы онъ содѣйствовалъ назначенію его, Гершка, раввиномъ въ Люблинѣ.

стическіе виды и цѣли. Нѣкоторыя письма невозможно читать безъ какого-то отталкивающаго чувства! Всѣ эгоистическія притязанія и мелкія требованія король *обязанъ былъ* исполнять, въ видахъ пріобрѣтенія сторонниковъ, необходимыхъ для проведенія какихъ бы то ни было правительственныхъ мѣръ, даже самыхъ незначительныхъ. Неудовлетворенное тщеславіе, неисполненная просьба—создавали королю непримиримыхъ враговъ, ставившихъ ему множество затрудненій въ исполненіи самыхъ необходимыхъ для государственной пользы предположеній. Государство и его интересы—не существовали; Рѣчь-Посполитую составляли паны и магнаты, знавшіе лишь себя и свои личные интересы, требовавшіе личныхъ угожденій, наградъ и пожалованій, и былъ король, поставленный на то, чтобы угождать всѣмъ и каждому. «На каждомъ шагу,—говорить издатель,—король встрѣчался съ такимъ настроеніемъ общества, которое требовало и ожидало отъ него только однихъ подачекъ, и только постояннымъ угожденіемъ личному тщеславію и эгоизму каждаго, король могъ поддерживать кое-какое согласіе съ своими подданными». Обыкновенно онъ читалъ всѣ получаемыя имъ письма и старался какъ можно милостивѣе и скорѣе отвѣчать на каждое. Этотъ несчастный король ни на минуту не находилъ покоя отъ нахальныхъ притязаній вельможнаго и ясновельможнаго шляхетства, онъ былъ безпомощнымъ слугою и рабомъ почти каждаго изъ своихъ подданныхъ. Само собою разумѣется, что больше всего страдалъ онъ отъ аристократіи, которая, смотря по обстоятельствамъ и личнымъ соображеніямъ, то льстила ему, то пренебрегала имъ, то унижалась, то оскорбляла его, то влялась ему въ преданности, то измѣняла ему съ рѣдкимъ цинизмомъ. Какъ къ самой дѣйствительной мѣрѣ, всегда почти имѣвшей успѣхъ, аристократія нисколько не стѣснялась прибѣгать, въ случаѣ несговорчивости въ чемъ-либо короля, къ содѣйствію всесильнаго въ то время русскаго посланника, ставя его самого нерѣдко въ весьма неловкое и щекотливое положеніе, такъ какъ ея ходатайства и интриги всегда почти преслѣдовали личные и частныя цѣли, до которыхъ посланнику, собственно говоря, не было никакого дѣла, но которыя онъ весьма часто не могъ не принимать въ соображеніе изъ видовъ политическихъ.

Въ тогдашнихъ аристократическихъ кружкахъ немаловажную роль играла, извѣстная въ свое время интригантка, княгиня Елисавета Сапѣга, родная сестра великаго гетмана литовскаго Браницкаго, еще недавно такъ преданнаго королю, а теперь открытаго его противника, человѣка весьма вліятельнаго, какъ по самому

положенію своему и обширнымъ связямъ, такъ и по близкимъ отношеніямъ своимъ къ князю Потемкину. Самая нѣжная дружба соединяла съ королемъ эту великосвѣтскую даму. Она посвящала его въ свои семейныя тайны, давала ему читать и поправлять письма, съ которыми обращалась къ племянницѣ князя Потемкина ¹⁾, какъ къ будущей супругѣ своего брата, гетмана, и не переставала ни на минуту увѣрять короля въ своей неизмѣнной преданности и дружбѣ. Въ виду предстоявшаго въ сентябрѣ 1782 г. сейма, король весьма дорожилъ дружбою сестры своего влиятельнаго противника ²⁾ и старался поддерживать эту дружбу возможными угожденіями старой интригантѣ, писалъ ей письма, исполненныя живѣйшей преданности. «Мнѣ жаль было разстаться съ вами, — писалъ онъ ей, послѣ отъѣзда ея изъ Варшавы въ январѣ 1782 г., — потому жаль, что я чувствую себя неловко, когда не вижу васъ; но, съ другой стороны, преданность моя вамъ заставляегь меня быть довольнымъ вашимъ отъѣздомъ, который такъ необходимъ для вашего спокойствія и счастья»... Можно ли быть нѣжнѣе? Передъ открытіемъ сейма княгиня является въ Варшаву; король весьма доволенъ, — онъ такъ увѣренъ въ ея преданности и дружбѣ! Но княгиня, безъ всякихъ видимыхъ причинъ и побужденій, открыто присоединяется къ врагамъ и противникамъ короля, во главѣ которыхъ стоялъ братъ ея, гетманъ Браницкій, и дѣйствуетъ съ ними за-одно. Сеймъ не удался; всѣ предположенія и проекты короля лопнули. По окончаніи сейма, княгиня сейчасъ же обратилась къ королю съ смиреннымъ письмомъ, спрашивая его о причинахъ его неудовольствій противъ нея, которая «развѣ тѣмъ только виновата, что неизмѣнно ему предана»... Глубоко огорченный такою неблагодарностію, безстыдствомъ и измѣною, король позволилъ себѣ сдѣлать неловкость, рѣшившись отвѣчать ей письмомъ, исполненнымъ горькихъ упрековъ. Вполнѣ заслуженные и справедливые, упреки эти привели самолюбивую интригантку въ бѣшенство. Она немедленно отвѣчала королю дерзкимъ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ говоритъ: «Il vous plait à present de tourner en ridicule женщинъ, интересующихся дѣлами сейма: но вы напрасно смѣетесь надъ женщинами, которымъ вы обязаны всѣмъ вашимъ ны-

¹⁾ Александръ Васильевичъ Энгельгардтъ.

²⁾ Причины разрыва съ королемъ этого предводителя королевскихъ войскъ въ борьбѣ съ барскими конфедератами и лучшаго въ то время королевскаго друга, обязаннаго королю послѣдующимъ своимъ богатствомъ и возвышеніемъ — достаточно не объяснены польскими историками. Известно только, что окончательный разрывъ его съ королемъ произошелъ съ 1776 г.

нѣшнимъ счастіемъ»... Казалось бы, что происками своими на сеймѣ и послѣднимъ своимъ письмомъ княгиня сама загородила себѣ дорогу къ примиренію съ королемъ, и, въ самомъ дѣлѣ, до конца года она, повидимому, примиренія съ нимъ не искала: оно не было ей пока нужно. Только въ январѣ слѣдующаго 1783 г., уѣзжая изъ Варшавы, княгиня сочла нужнымъ засвидѣтельствовать королю въ льстивомъ письмѣ «пожеланія всякаго благополучія»... Такой шагъ съ ея стороны имѣлъ свои причины: сынъ ея, Казиміръ Сапѣга, вошелъ тогда въ сдѣлку съ Морикони относительно приобрѣтенія отъ послѣдняго покупкою брестскаго старства, которое доставило бы ему громадное вліяніе въ мѣстномъ воеводствѣ; но, по праву, сдѣлка не могла быть совершена безъ королевскаго согласія... Подобно всѣмъ тѣмъ, которые, добываясь чего-либо отъ короля, встрѣчали съ его стороны противо-дѣйствіе, княгиня обратилась къ Стакельбергу, прося его «вынудить» у короля согласіе; при этомъ она давала понять въ письмахъ своихъ къ Стакельбергу, что о готовности его принять участіе въ этомъ дѣлѣ и о результатахъ этого участія будетъ знать князь Потемкинъ, какъ ближайшій покровитель и другъ ея дома. Стакельбергъ отвѣчалъ, что готовъ быть ей полезнымъ, насколько это будетъ согласно съ системой дѣйствій, которая указана ему императрицей; во всякомъ случаѣ, онъ не скрываетъ передъ княгинею, что на всѣ ходатайства съ его стороны король, вѣроятно, отвѣтитъ: «Comment livrer le palatinat de Brześć à une famille, qui dans deux diettes consécutives m'est ouvertement contraire, gemant ciel et terre?» Стакельбергъ прибавляетъ, что онъ обязанъ повторить то, что утверждалъ не одинъ уже разъ, именно: «qu'il n'est pas possible de continuer l'opposition au roi avec des grâces à demander». Трудно было получить болѣе горькій урокъ, но—княгиня обладала, видно, здоровыми нервами и нисколько не смутилась даже тѣмъ пренебреженіемъ, которое проглядываетъ въ отвѣтѣ Стакельберга: она немедленно обратилась опять къ королю съ чувствительнѣйшими увѣреніями, что «никто не любитъ его больше ея и что королевская немилость преслѣдуетъ ее, виновную, напрасно». На этотъ разъ король оказался твердымъ и отвѣчалъ ей письмомъ, которое мы приведемъ почти цѣликомъ, такъ какъ изъ него видно, до какой степени страдали государственные интересы, благодаря эгоистическимъ проискамъ вліятельныхъ шляхетскихъ родовъ, безусловно преслѣдовавшихъ только личные свои интересы. Король писалъ слѣдующее:

«... Я не стану вамъ доказывать, что вы (съ братомъ и сыномъ), во время послѣдняго сейма, были самыми дѣтельными

моими противниками и что именно вы испортили весь сеймъ: никто въ Польшѣ не сомнѣвается въ этомъ. Если сынъ вашъ сдѣлается брестскимъ старостою, то во всемъ брестскомъ воеводствѣ онъ будетъ поддерживать самыхъ враждебныхъ мнѣ сеймовыхъ делегатовъ, и я самъ повредилъ бы себѣ, помогая вашему сыну приобрести это староство. Не стану повторять, что во всей Польшѣ и Литвѣ никому не сдѣлалъ я столько добра, сколько вамъ, вашему брату и сыну: кто не помнитъ благодѣяній, тому напрасно было бы напоминать о нихъ. Ограничусь лишь напоминаніемъ, что оставаться самыми запальчивыми моими противниками и, въ то же время, требовать отъ меня новыхъ угоденій— въ высшей степени несправедливо. Я далекъ отъ чувства мести, но предоставлять врагамъ моимъ еще большую возможность вредить не только мнѣ, но и общественному благу, я не долженъ, и никто не можетъ отъ меня этого требовать. Я желалъ бы, чтобы и противники мои давали мнѣ возможность дѣлать имъ добро, но для этого необходимо, чтобы они прежде перестали мнѣ вредить». Король прибавляетъ дальше: «Мнѣ помѣшали (на сеймѣ) провести проектъ о снабженіи страны мѣстною солью и мѣстными металлами, воспротивились составленію капитала изъ общественныхъ доходовъ, который могъ бы постепенно увеличиваться и который столь необходимъ для удовлетворенія разныхъ общественныхъ нуждъ и особенно для увеличенія войска, о чемъ вы сами, съ вашимъ сыномъ и братомъ, постоянно твердите. Все это я сдѣлалъ бы, даже не прибѣгая къ новымъ налогамъ, но вы всему помѣшали. Вы отвергли проектъ «исполнительныхъ декретовъ» (dekrety executionis), на двухъ сеймахъ уже признанныхъ необходимыми; наконецъ — вы снова подали примѣръ и указали путь ни во что обращать сеймы, какъ это водилось при Августѣ III. Если подобныя дѣйствія льстятъ вашему самолюбію, то я не могу вамъ завидовать, напротивъ—я принужденъ сожалѣть объ ослѣпленіи людей, которые съ ббльшею пользою могли бы употреблять свои дарованія и свой умъ. Вѣрьте мнѣ, княгиня, что не безъ живого волненія я принужденъ подобнымъ образомъ отвѣчать вамъ, отъ которой я не ожидалъ никакихъ вредныхъ для меня происковъ. Въ настоящее время, среди домашней тишины, размышляя спокойно, безъ лишней слабости къ самой себѣ, о своихъ словахъ и дѣйствіяхъ, отъ которыхъ вы не можете отказаться передъ собственною совѣстью, вы должны будете сознаться въ глубинѣ сердца, что поступать подобнымъ образомъ на сеймѣ не слѣдовало никому и особенно вамъ»...

Бѣдный король! Онъ полагалъ, что въ глубинѣ своего сердца

княгиня почувствуетъ вину свою, своего брата и сына! По поводу этого письма издатель дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Съ давнихъ поръ всѣмъ безпокойнымъ характерамъ присуще было у насъ убѣжденіе, что они свободны отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ мѣстной власти, и на всякое неисполненіе ихъ желаній смотрѣли какъ на личную обиду и преслѣдованіе, сами же за собой не признавали никакихъ обязанностей, и если что-либо дѣлали, то дѣлали по доброй волѣ, считая себя равными всѣмъ, и управлялись фантазіей»... Княгиня не могла сознаться въ своей винѣ, она была «черезчуръ горда»... Среди домашней тишины и въ глубинѣ своего сердца она продолжала думать о томъ лишь, какъ бы добыть для своего сына брестское староство, и эту «гордую» мысль она успѣла таки привести въ исполненіе. Въ концѣ-концовъ король смягчился и далъ свое согласіе на пріобрѣтеніе этого староства, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы всякій разъ, передъ сеймомъ, представляемъ былъ ему списокъ делегатовъ брестскаго воеводства. Условія этого княгиня не приняла и снова жаловалась Стакельбергу, что король не допускаетъ ея сына до брестскаго староства и что, такимъ образомъ, данное Потемкину обѣщаніе со стороны Стакельберга не исполнено имъ. Русскій посланникъ принужденъ былъ войти въ новыя объясненія съ королемъ, и дѣло это, наконецъ, было улажено. Давая свое окончательное согласіе, король писалъ княгинѣ: «Буду ожидать исполненія обѣщаній вашихъ и вашего сына. Душевно буду радъ, если возвратятся ко мнѣ тѣ, кто никогда не долженъ былъ меня покидать». Едва ли несчастный король вѣрилъ искренности этихъ обѣщаній и едва ли питалъ надежду на ихъ исполненіе.

Мы привели этотъ примѣръ не потому, чтобы онъ былъ единственный въ своемъ родѣ, а скорѣе потому, что онъ вѣрно и наглядно рисуется собирательный характеръ громаднаго большинства представителей тогдашняго польскаго общества, свидѣтельствуя о полномъ нравственномъ ихъ упадкѣ, объ отсутствіи въ нихъ трезваго патріотическаго чувства и о совершенной политической деморализаціи, о которой долженъ былъ напоминать имъ даже русскій посланникъ. Беспомощность и безсиліе короля, который принужденъ былъ стлываться съ подобными людьми на каждомъ шагѣ, и отъ нахальства и интригъ которыхъ онъ ни на минуту не могъ считать себя свободнымъ—способны возбуждать къ нему только чувство глубокаго сожалѣнія.

Между тѣмъ приближался Гродненскій сеймъ (1784). Глубоко огорченный неудачею прошлаго сейма, король готовился къ новому энергически, насколько это было возможно въ его поло-

женіи. Онъ письменно сносился съ разными вліятельными личностями, рекомендуя имъ тѣхъ или иныхъ кандидатовъ въ делегаты, съ просьбою поддерживать всѣми мѣрами выборъ ихъ на предварительныхъ «сеймикахъ», которые обыкновенно были чрезвычайно бурны и всегда почти оканчивались дракою и кровопролитіемъ ¹⁾, но имѣли важное значеніе, такъ какъ отъ выбора на этихъ сеймикахъ делегатовъ въ общій сеймъ зависѣлъ успѣхъ послѣдняго. Самыми дѣятельными помощниками короля въ этомъ отношеніи были: краковскій воевода Малаховскій, литовскій подканцлеръ Хрептовичъ и русскій воевода Щенскій Потоцкій, дѣйствовавшіе каждый въ своемъ воеводствѣ, въ Галиціи, Литвѣ и на Украинѣ. Переписка короля съ первымъ и послѣднимъ касается почти исключительно предстоящихъ выборовъ на сеймъ и не представляетъ много интереса. Повидимому, самая искренняя дружба связывала въ это время съ королемъ этихъ вліятельныхъ людей, бывшихъ горячими его сторонниками; но извѣстно, что впоследствии одинъ изъ нихъ, именно Щенскій Потоцкій, сдѣлался самымъ злымъ его врагомъ и, какъ главное дѣйствующее лицо въ Тарговицкой конфедераціи, обнаружилъ всю узкость своихъ политическихъ убѣжденій и крайнюю необузданность шляхетскаго эгоизма. Спассти разлагающуюся Польшу не могло уже ничто, но не подлежить сомнѣнію, что своимъ протестомъ противъ конституціи 3-го мая и своимъ возстаніемъ противъ короля, Потоцкій ускорилъ ея паденіе. Полнѣйшимъ довѣріемъ со стороны короля пользовался и литовскій подканцлеръ Хрептовичъ. Одушевленный самыми лучшими намѣреніями, безсильный король искалъ повсюду друзей, требовалъ поддержки, вымаливалъ совѣтовъ, при-

1) Шайноха въ „Dwóch latach dziejow naszym“ изобразилъ весьма живую картину этихъ сеймиковъ, на которыхъ обыкновенно находили себѣ полный просторъ всѣ бурные элементы провинцій, усматривавшіе въ такихъ сеймикахъ простой поводъ къ попойкамъ (насчетъ магнатовъ) и дракамъ, безъ всякой иной мысли. Польская художественная литература тоже занималась нерѣдко воспроизведеніемъ такихъ сеймиковъ, видимо имъ симпатизируя, несмотря на то, что въ томъ видѣ, какъ они происходили, они представляютъ, конечно, крайне отталкивающій смыслъ въ нравственномъ и вполне разрушительное значеніе въ политическомъ отношеніи. Подобное отношеніе къ самымъ темнымъ сторонамъ прошлаго въ польской литературѣ называется „уваженіемъ къ традиціямъ“. Съ замѣчательнымъ талантомъ изобразилъ одинъ изъ такихъ сеймиковъ извѣстный польскій романистъ Ходзько, въ своихъ „Pamiętniki Kwestarza“ (Записки нищенствующаго монаха), имѣвшихъ нѣсколько изданій. Читая эти записки, исполненныя добродушнаго юмора и весьма живо изображающія бурную картину „сеймикованія“ — невозможно не хохотать; но такъ какъ онѣ не лишены чисто историческаго смысла, то общее впечатлѣніе, оставляемое ими въ душѣ, крайне неприятно и нехлѣбно.

бѣгать къ извиненіямъ, объясненіямъ и оправданіямъ. Изъ переписки его съ Хрептовичемъ весьма интересны письма, въ которыхъ король просить совѣта, какъ ему поступить въ виду требованія, въ формальной нотѣ предъявленнаго Стакельбергомъ, относительно крестьянъ, бѣжавшихъ изъ Бѣлоруссіи въ Литву, послѣ перваго раздѣла Польши. Король извѣщаетъ Хрептовича, что къ требованію Стакельбергъ прибавилъ угрозу, что, въ случаѣ упорства со стороны его, короля, предстоящій сеймъ выйдетъ, пожалуй, еще хуже послѣдняго, и даже намекнулъ при этомъ на возможность «новаго раздѣла Польши»; въ то же время Стакельбергъ настойчиво рекомендовалъ еще какихъ-то двухъ делегатовъ на сеймъ... Чтѣ дѣлать? спрашиваетъ король Хрептовича, но послѣдній не въ состояніи дать никакого разумнаго совѣта и, пиша къ королю, увлекается какими-то пустыми иллюзіями и несбыточными надеждами. «Предвижу, — отвѣчаетъ ему король, — что близится время, въ которое я буду уже не въ силахъ отстаивать интересы государства, и что вскорѣ мнѣ останется одно: изъ многихъ золь выбирать лишь самое меньшее»... Находя невозможнымъ не исполнить требованіе Стакельберга, хотя между Россіей и Польшей не существовало никакого картельнаго договора, и хотя, съ своей стороны, Россія отказывалась отъ выдачи польскихъ бѣглецовъ, король пишетъ, что, въ видѣ крайней уступки, необходимо обнародовать универсалъ, запрещающій принимать въ предѣлы государства новыхъ выходцевъ, только бы Россія оставила въ покоѣ тѣхъ, которые эмигрировали раньше. Весьма характерно заключеніе этого письма:

«Знаю, что люди безразсудные, или недоброжелатели мои, или угрюбіе только на словахъ хвалятся патриотизмомъ и отвагою, которыхъ въ случаѣ дѣйствительной надобности въ нихъ не оказалось бы, станутъ упрекать совѣтъ и меня въ излишней уступчивости. Но я сознаю, что въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ касается самаго существованія нашего, я не долженъ обращать много вниманія на ауга popularis. Причины уступчивости съ моей стороны слѣдующія: 1) посланникъ обратился ко мнѣ съ нотою не по собственному побужденію, а по привязанію своего двора; 2) враждебныя внушенія, искушающія императрицу рѣшиться на новый раздѣлъ, не прекращаются; съ каковою цѣлью ее постоянно и всѣми мѣрами раздражаютъ противъ насъ; 3) сеймъ не далеко, и если мы станемъ спорить съ Москвою, онъ намъ не удастся, какъ и недавній, о чемъ посланникъ прямо мнѣ сказалъ».

Мы не станемъ останавливаться на обширной перепискѣ короля, относящейся къ сеймамъ 1784 и 1786 гг., хотя она пред-

сполитой страшнымъ призракомъ возставала передъ умами многихъ и приводила ихъ въ совершенное отчаяніе. Страхъ передъ нѣмцами волновалъ умы и, въ сознаниіи своего безсилія и беззащитности, всѣ взоры устремлялись къ императрицѣ Екатеринѣ, ожидая отъ нея одной спасенія. Находясь уже въ Каневѣ, король получилъ письмо отъ Бадени ¹⁾ изъ Кракова, въ которомъ говорилось: «ходятъ здѣсь разные слухи, особенно же упорная и общая идетъ молва, что вскорѣ долженъ послѣдовать новый раздѣлъ Польши. Нѣмцы осмѣливаются громко говорить, что возьмутъ себѣ область Краковскую, Сандомирскую и Люблинскую. Среди этихъ печальныхъ вѣстей доходятъ сюда и радостныя, именно, что императрица, говоря о вашемъ величествѣ, не называетъ васъ иначе, какъ своимъ другомъ». Такимъ образомъ, и изъ Кракова взоры обращены были къ Каневу, въ которомъ происходило тогда свиданіе безпомощнаго польскаго короля съ могущественною императрицей.

Въ корреспонденціи мы вовсе не находимъ писемъ, относящихся къ самому свиданію; но несомнѣнно, что король извѣщалъ изъ Канева своихъ пріятелей о результатахъ свиданія, такъ какъ тотъ же Бадени благодаритъ его въ одномъ изъ своихъ писемъ за извѣстіе, обрадовавшее «обывательство», что «не будетъ отнята, ни замѣнена ни одна пядь нашей земли». Король отвѣчалъ:

«Да, будьте покойны, не бойтесь ничего; никто не оторветъ ни малѣйшаго куска земли... Убѣждаю отсюда веселъ и счастливъ, и по этому самому уже можете судить, что все здѣсь кончилось хорошо».

Письмо это было написано немедленно послѣ свиданія съ императрицею, 7-го мая 1787 г. Между тѣмъ, едва король успѣлъ воротиться въ Варшаву и всмотрѣться въ положеніе дѣлъ, какъ произошли событія, которыя не могли не отразиться на судьбѣ Рѣчи-Посполитой, не могли пройти, не вознущивъ ея какимъ бы то ни было образомъ. На востокѣ поднялась буря. Въ іюнѣ того же года Турція объявила войну Россіи; слѣдовало ожидать, что въ войнѣ противъ Турціи приметъ участіе и Австрія. Обстоятельство это совершенно измѣняло отношенія Польши къ Россіи и Пруссіи и должно было отразиться на направленіи особенно внутренней политики короля. Онъ рѣшился воспользо-ваться этими обстоятельствами и, на первыхъ порахъ, принялъ твердое намѣреніе избѣжать ошибки, допущенной имъ въ 1768 г.,

¹⁾ Мартинъ Бадени, тотъ самый, который впоследствии (1820—1824 г.) былъ министромъ юстиціи въ Царствѣ Польскомъ.

вопреки энергическому протесту Браницаго, буквально приведенному нами въ первой статьѣ. Король имѣлъ въ виду заключить тѣсный союзъ съ императрицей и принять участіе въ войнѣ противъ турокъ. Сентября 4-го онъ посылаетъ каменецъ-подольскому коменданту, генералу Витте, такой приказъ:

«Съ хотинскимъ пашей поддерживайте дружескія отношенія, избѣгая по возможности въ письменныхъ съ нимъ сношеніяхъ упоминанія о Москвѣ, а между тѣмъ старайтесь какъ можно чаще и точнѣе узнавать, что будетъ происходить на турецкой границѣ, и о всемъ важномъ, что могло бы интересовать Москву, доносите кн. Потемвину, которому я посылаю на ваши руки письмо, съ тою цѣлью, чтобы предоставить вамъ случай открыть себѣ къ нему доступъ. Всѣми мѣрами наблюдайте, чтобы чужіе офицеры, особенно же австрійскіе и прусскіе, не заглядывали какъ-нибудь въ Каменецъ, или чтобы какой-либо смѣльчакъ или измѣнникъ не сдѣлалъ покушенія захватить Каменецъ».

Одновременно съ этимъ распоряженіемъ, король письменно приглашалъ въ Варшаву изъ Литвы Хрептовича, извѣщая его, что «приближается критическій моментъ, когда ему, королю, необходимо будетъ разумный и откровенный совѣтъ» и что «съ своей стороны посланникъ (Ставальбергъ) также проситъ его посѣтить пріѣздомъ въ Варшаву».

Не касаясь фактовъ, о которыхъ въ рассматриваемыхъ нами матеріалахъ вовсе не упоминается, мы, конечно, не станемъ слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ событій. Изъ имѣющихся въ корреспонденціи данныхъ, можно составить понятіе лишь о впечатлѣніи и о тѣхъ предположеніяхъ и видахъ, какіе возбуждены были, вновь вспыхнушею войною Россіи съ Турціей, въ разныхъ слояхъ польскаго общества. Истокователемъ этихъ предположеній и надеждъ опять является знакомый уже намъ Урсинъ-Нѣмцевичъ; но, на этотъ разъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ событій, значеніе которыхъ по отношенію къ Польшѣ, какъ это обыкновенно бываетъ вообще съ поляками, онъ преувеличивалъ, ободренный благосклоннымъ принятіемъ перваго письма, этотъ «партикулярный шляхтичъ» является нечуждымъ нѣкотораго макиавелизма. Въ концѣ сентября 1787 г. онъ пишетъ королю:

«Jam venit hora (пора) подумать о нуждахъ отечества, ибо не только Москва, но и Австрія, вовлеченная въ близкую войну съ Турціей, пожелаютъ получить отъ насъ помощь, и потому дозволятъ намъ собрать конфедеративный сеймъ и приступить къ увеличенію войска, которое не только до 30,000, но до гораздо больш-

шей цифры можно будетъ секретно увеличить ¹⁾. Теперь пора потребовать отъ сосѣдей согласія на перемѣну у насъ правительственной системы, на установленіе pluralitatis ²⁾ и наслѣдственности престола. Можетъ случиться, что часть народа, по ослѣпленію своему, захочетъ этому воспротивиться, но если большинство будетъ на сторонѣ разумныхъ, тогда все можно устроить. Если Польша вздумаетъ въ этой войнѣ сохранить нейтралитетъ, то она останется въ теперешнемъ своемъ ничтожествѣ и будетъ, какъ и нынѣ, унижаема и презираема народами; если же съумѣетъ воспользоваться обстоятельствами, которыя сами напрашиваются, и увеличить свое войско, тогда освободится отъ безславія и приобрѣтетъ прежнее уваженіе. Для увеличенія войска необходимы налоги, установленіе которыхъ безъ сейма невозможно; но ускоренный сеймъ могъ бы возбудить въ партіяхъ желаніе немедленно приступить къ той или иной изъ воюющихъ сторонъ. Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы при самомъ началѣ сейма заняться, подъ предлогомъ обезпеченія внутренней безопасности отъ своевольныхъ шаговъ, увеличеніемъ войска; формальную же декларацію оттягивать, съ помощію медленности и подъ предлогомъ сеймовыхъ затрудненій, до тѣхъ поръ, пока Рѣчь-Посполитая не почувствовала бы себя въ силахъ и въ полной готовности ³⁾.

Безъ сомнѣнія, до короля доходили съ разныхъ сторонъ подобныя голоса и во многомъ соотвѣтствовали личнымъ его соображеніямъ. Во время каневскаго свиданія, онъ получилъ согласіе императрицы, въ которомъ нѣсколько разъ было ему прежде отказываемо, созвать конфедеративный сеймъ ⁴⁾. Въ виду неожиданныхъ событій, онъ замышлялъ теперь же приступить къ созванію этого сейма, но его останавливала неувѣренность въ благопріятномъ его исходѣ. Для него не могло быть тайною, что оппозиція, несмотря на безуспѣшность ея интригъ въ Кіевѣ, не была подавлена, не была даже обезсилена каневскимъ свиданіемъ. По-

1) Почтенный шляхтичъ, очевидно, противорѣчить тому, что утверждалъ въ первомъ письмѣ.

2) Т.-е. рѣшенія дѣл на сеймахъ по большинству голосовъ, вмѣсто liberum veto.

3) Въ подлинникѣ сказано: „formalną deklaracyą zwłoczyc, przez majaszenie i limitu weptowe“. Сеймы съ *limitu* трудно было „срывать“, потому что король въ крайнемъ случаѣ самъ прекращалъ сеймъ и имѣлъ право созвать его въ другой разъ, при обстоятельствахъ болѣе благопріятныхъ. Говоря о *limitach*, авторъ письма хочетъ сказать, что формальная декларація могла бы быть отсрочена подъ тѣмъ предлогомъ, что сеймъ былъ прекращаемъ.

4) Сеймы *конфедеративные* (konfederacyjne, или pod konfederacyą) заведены были при Станиславѣ-Августѣ и состояли въ томъ, что давали возможность опредѣлять рѣшенія по большинству голосовъ и не могли быть „срываемы“ однимъ голосомъ.

тому-то король рѣшился предварительно увеличить число своихъ сторонниковъ, и нѣкоторое время весь былъ поглощенъ подобнаго рода заботами. Помогали ему многіе вліятельные люди, въ томъ числѣ и Щенский-Потоцкій, вполне очарованный императрицею и открыто высказавшійся въ пользу союза съ Россіею въ предстоящей войнѣ, съ каковою цѣлью даже принесъ въ даръ Рѣчи-Посполитой 24 двѣнадцати-фунтовыхъ орудій, съ прислугою и лошадьми, и соответствующую сумму денегъ на содержаніе ихъ въ теченіе цѣлаго года. Въ то же время, для снабженія русскихъ войскъ продовольствіемъ, рѣшено было открыть въ воеводствахъ кievскомъ, волынскомъ и подольскомъ провіантскія коммиссіи. Въ кievскомъ воеводствѣ проектъ этотъ былъ принятъ охотно и коммиссія немедленно была составлена, но такъ какъ, по случаю неурожая, воеводство это терпѣло само недостатковъ въ хлѣбѣ, то король письменно просилъ гр. Румянцова не протирать своихъ требованій за предѣлы возможности ихъ исполненія, о чемъ, вмѣстѣ съ королемъ, писалъ Румянцову также и Ставельбергъ. Но волынское и подольское воеводства отказались вступить въ выборъ провіантскихъ коммиссаровъ. Въ виду ожидаемыхъ событій, въ обоихъ воеводствахъ возникла мысль объ организаціи мѣстныхъ силъ, явились проекты объ устройствѣ мѣстной милиціи, имѣвшей цѣлью стоять якобы на стражѣ противъ внутреннихъ беспорядковъ и злоупотребленій. Король не на шутку испугался этихъ проектовъ. Зная, что въ этихъ воеводствахъ у него много враговъ, онъ весьма справедливо предполагалъ, что они не замедлятъ воспользоваться вооруженною силою, съ цѣлью не допустить созванія конфедеративнаго сейма, и даже готовы будутъ составить новую конфедерацію со всѣми ея гибельными послѣдствіями. Созывать при подобныхъ обстоятельствахъ сеймъ было, очевидно, дѣломъ опаснымъ и рискованнымъ, и король долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія.

Излишне было бы указывать на эти и имъ подобные факты, какъ на доказательство очевидной истины, что, собственно говоря, Рѣчь-Посполитая находилась въ состояніи полной анархіи, которая могла повести ее только къ окончательному разложенію. Отсутствие единства видовъ и какого бы то ни было правительственнаго авторитета обнаруживалось уже не на важнѣйшихъ только вопросахъ внѣшней и внутренней политики, оно проявлялось во всемъ на каждомъ шагѣ, въ такихъ даже мелочахъ, какъ выборъ провіантскаго коммиссара. Шляхетское «пронунсіamento» готово было разразиться на каждомъ сеймикѣ, на каждой даже пирушкѣ и попойкѣ. При такомъ ненормальномъ состоя-

ни страны приближался 1788 годъ, а вмѣстѣ съ нимъ и очередной сеймъ съ его громадною задачею, которая неизбежно возникала сама собой—спасти Рѣчь-Посполитую. Король заблаговременно готовился къ этому сейму, съ немалою долею самопожертвованія, полный тревогъ и опасеній передъ неизвѣстнымъ будущимъ. На каждомъ шагѣ онъ наталкивался на равнодушіе къ общественному интересу, или на непониманіе его, или на личный эгоизмъ и тщеславіе. Ближайшіе сторонники его, даже его родственники, не столько помышляли о государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ, сколько о самихъ себѣ, какъ бы слѣдуя правилу: «sauve qui peut»... Не можемъ не остановиться здѣсь на перепискѣ короля съ польнымъ литовскимъ гетманомъ, графомъ Людвигомъ Тышкевичемъ, который женатъ былъ на его племянницѣ и, наравнѣ съ Хрептовичемъ, считался надежнѣйшимъ сторонникомъ короля въ Литвѣ. Письмо его къ королю до такой степени характерно, такъ хорошо рисуетъ время, натуру тогдашней польской аристократіи и отношеніе ея къ Станиславу-Августу, что мы приводимъ ниже это письмо цѣликомъ. Написано оно было по слѣдующему поводу: небольшое Васильковское староство сдѣлалось вакантнымъ и было вскорѣ отдано королемъ кому-то изъ просившихъ, недостатка въ которыхъ, конечно, никогда не бывало. Но оно примыкало къ обширнымъ владѣніямъ Тышкевича, и послѣдній находилъ очень полезнымъ округлить имъ свои границы. Королю неизвѣстно было подобное желаніе, тѣмъ не менѣе Тышкевичъ немедленно обратился къ нему съ такими упреками:

«Доказательство немилости вашей ко мнѣ достаточно мною почувствовано. Несмотря на всѣ мои усилія питать къ вамъ благодарность, я нахожу, что всегда бываю насильно отталкиваемъ отъ вашей благосклонности и всякій разъ предупредить меня кто-либо иной, не имѣющій никакихъ заслугъ. Близость Васильковскаго староства къ наслѣдственнымъ моимъ имѣніямъ была для меня важнѣе, чѣмъ, справедливая награда моихъ заслугъ, ибо могу сказать прямо, что больше милліона израсходовано мною на службѣ вамъ и странѣ. Въ продолженіи цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ я исполнялъ, по волѣ вашей, разныя должности и былъ свидѣтелемъ только чужихъ пользъ. Не прогнѣвайтесь, всемилостивѣйшій король, если скажу, что признаю себя горько обиженнымъ и не легко сочту себя достаточно вознагражденнымъ, ибо отнято у меня то, что, волею Всевышняго, призвавшею Александровича изъ міра сего, назначено было мнѣ въ награду. Василишки находятся въ такомъ отношеніи къ моимъ имѣніямъ, какъ Бельведеръ къ Ла-

зенкамъ ¹⁾, а еще важнѣе то, что въ мѣстечкѣ этомъ помѣщается моя юрисдикція земская. Это-то обстоятельство заставитъ меня долго не забывать немилости вашей ко мнѣ. Не въ первый это разъ испытываю я эту немилость; но мнѣ желательно было бы знать по крайней мѣрѣ, какая ждетъ меня судьба впереди, ибо, потративъ всю молодость мою на службу вашу, я по истинѣ теряю охоту быть вамъ полезнымъ на будущее время. Стыдно мнѣ передъ сосѣдями и цѣлымъ повѣтомъ, которые, по дружбѣ ко мнѣ, извѣстили меня перваго объ этой вакансіи, и мнѣ не удалось занять ее. Легко понять, что подумаютъ они о моемъ значеніи у васъ, если панъ Забѣлло, котораго вся заслуга состоитъ въ томъ, что онъ женатъ на паннѣ Соболевской, гораздо счастливѣе меня, имѣющаго честь считать своею женою племянницу вашу и принесшаго столько услугъ. Истинно говорю; жаль бы я избѣжать всѣхъ этихъ обстоятельствъ, которыя служатъ доказательствомъ, какимъ малымъ пользуюсь я вниманіемъ со стороны вашей; но мнѣ трудно спокойно перенести столь явную обиду. Еслибы доброта ваша могла еще измѣнить это дѣло, то вы нашли бы меня благодарнымъ до гроба*.

Такъ могъ говорить только человѣкъ, находившійся въ припадкѣ крайняго раздраженія и потерявшій чувство всякаго уваженія даже и къ самому себѣ. А злополучное староство это и дохода-то приносило всего только тысячу червонцевъ въ годъ!.... Не станемъ касаться дальнѣйшаго хода этого дѣла, имѣющаго вполне частный характеръ; приведенное же сейчасъ письмо достаточно возмутительно само по себѣ, чтобы нужно было прибавлять къ нему какіе-либо дальнѣйшіе комментарии. Но на кого же могъ положиться король и отъ кого могъ ожидать прочной поддержки и сочувствія къ интересу государственному, которому лично онъ несомнѣнно хотѣлъ служить всѣми мѣрами и всѣми силами?...

Между тѣмъ приближался срокъ открытія «посольскихъ» (провинціальныхъ) сеймиковъ ²⁾ для выбора депутатовъ на общій конфедеративный сеймъ 1788 года. Время такихъ сеймиковъ было обыкновенно самое безпоянное и самое хлопотливое для короля. Сознавая всю важность предстоящаго сейма, король уже въ началѣ года сталъ разсылать множество писемъ во всѣ концы Рѣчи-Посполитой, съ цѣлію обезпечить успѣхъ сейма приобрѣтеніемъ возможно большаго числа сторонниковъ и друзей. Характеръ

¹⁾ Пригородные королевскіе дворцы въ Варшавѣ.

²⁾ Сеймовыхъ делегатовъ, или депутатовъ, поляки называли „послами“.

этихъ писемъ весьма оригиналенъ. Имѣя въ виду расположить въ свою пользу нужнаго человѣка, король, по принятой и усвоенной имъ системѣ, въ письмахъ своихъ говоритъ о дѣлахъ общественныхъ только какъ бы мимоходомъ, въ видѣ постскриптума, главнымъ же образомъ старается пощевотать тщеславіе, или выразить свое сочувствіе въ домашнихъ, частныхъ радостямъ, удачамъ и неудачамъ своего корреспондента. Образчикомъ такихъ писемъ, отлично характеризующимъ современное общество и натуру шляхты, ея тщеславіе и пустоту, которыхъ король умѣлъ ловко затрогивать, можетъ служить слѣдующее письмо его къ краковскому подкоморію Михаловскому, относящееся къ этому времени:

«Не разъ пришлось мнѣ выразить желаніе, чтобы Польша имѣла побольше людей, похожихъ на краковскаго подкоморія; но жаль, что у него нѣтъ потомства. И потому я истинно обрадовался, узнавъ изъ вашего письма о намѣреніи вашемъ жениться. Да увѣрять васъ Господь Богъ въ этомъ намѣреніи. Желаю этого отъ души, какъ вашъ другъ и для пользы отечества; зная же васъ вполнѣ, я увѣренъ, что когда потребуются ваши услуги, вы не скажете: *prohem dixi*. А что вы будете приглашены и просимы не только мною, но и всѣми вообще, въ этомъ я вамъ ручаюсь, потому что если во всякое время, то особенно теперь, въ виду предстоящаго сейма, необходимъ именно таковъ депутатъ, какъ панъ Михаловскій, подкоморій краковскій. Поручивъ засвидѣтельствовать княгинѣ Сулковской, родной бабушкѣ старостянки Ланцеоронской, мое желаніе, чтобы материнское ея благословеніе сопутствовало вашимъ намѣреніямъ, я получилъ отъ нея отвѣтъ, исполненный того уваженія, какое вамъ принадлежитъ, съ извѣщеніемъ, что ей самой извѣстны чувства панны старостянки къ вамъ и что, поэтому, она одобряетъ и благословляетъ это рѣшеніе. *Vale et me amantem ama!*»

Столь дружескія и почти родственныя письма не могли не располагать, на нѣкоторое хотя время, вліятельную шляхту въ пользу короля, какъ ни странны и даже какъ ни наивны они могутъ казаться въ виду цѣли, съ какою были писаны. Но подобная система имѣла и свои неудобства, возбуждая въ шляхтѣ взаимную зависть, недоразумѣнія, столкновения и раздражая взаимный антагонизмъ. Это было тѣмъ неизбѣжнѣе, что король не всегда удостоивалъ своихъ дружескихъ писемъ только высшую шляхту, но нерѣдко писалъ и къ мелкой. Королевское письмо возбуждало слезы радости и умиленія и, льстя тщеславію, раздувало его до крайнихъ предѣловъ. Письмо читалось друзьямъ, знако-

нимъ, всѣмъ сосѣдямъ; устраивался пирь, на который охотно съѣзжалась и сходилась братья-шляхта, но съ затаенною въ душѣ завистию. Письмо читалось снова и торжественно, въ полномъ собраніи многочисленныхъ гостей, которые въ честь короля и счастливаго хозяина кричали: «pięch żyje!» Слѣдовала потомъ обильная попойка, раздавались крики: «koszajmy się!» сопровождаемые объятіями, поцѣлуями и увѣреніями въ вѣчной братской дружбѣ; но тутъ же возникаетъ какое-либо недоразумѣніе, которое быстро переходитъ въ ссору и—пирь оканчивается дракою... Послѣдствія понятны: вмѣсто единодушія и согласія, въ которыхымъ король приглашалъ братью-шляхту, она являлась на сеймики въ состояніи взаимнаго раздраженія, со злобою противъ тѣхъ особенно, которые «хвастаютъ королевскимъ письмомъ и полагаютъ, что они большая фанаберія»...

Но затрудненія не ограничивались выборомъ на сеймъ депутатовъ; нужно было, чтобы послѣдніе получили отъ своихъ избирателей инструкція, соотвѣтствующія намѣреніямъ короля, что, при господствовавшемъ тогда хаосѣ, было трудно достижимо. Къ этому предмету направлены были всѣ усилія короля. Изъ письма его къ краковскому воеводѣ Петру Малаховскому, писаннаго 19-го іюня 1788 г., видно, какія мысли занимали короля и какія надежды возлагалъ онъ на предстоящій сеймъ. Письмо это не лишено историческаго значенія, такъ какъ изъ него видно, что или результаты прошлагодняго каневского свиданія были, дѣйствительно, для короля благоприятны, или же, въ противномъ случаѣ, онъ спѣшилъ извлечь возможную пользу изъ столеновенія Россіи съ Турціею. Король писалъ слѣдующее:

«Срокъ созванія посольскихъ сеймиковъ приближается, и потому надобно позаботиться объ инструкціяхъ. Весьма желательно, чтобы во всѣхъ воеводствахъ онѣ были одинаковы, по крайней мѣрѣ въ отношеніи принципиальнаго предмета, т.-е. возстановленія и поднятія народа нашего. Судя по извѣстіямъ, доходящимъ сюда изъ всѣхъ провинцій, можно ожидать, что предметъ этотъ вызоветъ повсюду готовность къ пожертвованіямъ, которые не останутся безплодными, лишь бы всѣ второстепенные вопросы, для сбереженія назначеннаго для засѣданій времени, уступили мѣсто этому принципиальному предмету. Сочту себя счастливымъ, если въ иныхъ воеводствахъ встрѣчу такое же довѣріе къ моимъ намѣреніямъ, какое нахожу въ любезномъ мнѣ воеводствѣ краковскомъ. Смѣло и по совѣсти увѣряю, что довѣріемъ этимъ я желаю воспользоваться только для величайшаго блага отечества, и *съ радостію мою прибавить, что еслибы на этотъ разъ мы*

сами захотѣли, то имѣемъ полное основаніе не бояться затрудненій, какія прежде мѣшали столько разъ осуществленію нашихъ намѣреній».

Вскорѣ король разослалъ во всѣ воеводства, ко всѣмъ вліятельнымъ лицамъ, свѣтскимъ и духовнымъ, родъ циркуляра, прося ихъ всѣми мѣрами содѣйствовать снабженію депутатовъ инструкціями въ указанномъ сейчасъ смыслѣ. Въ этомъ циркулярѣ король выражается опредѣленно, говоря, что «принципальная и даже единственная цѣль сейма должна состоять въ увеличеніи войска»; онъ горячо убѣждаетъ всѣхъ «соединить свои усилія и дѣйствовать единодушно съ королемъ, который всегда желалъ отечеству только добра, но не находилъ, въ несчастію, никакой поддержки тамъ, откуда всего больше могъ ее ожидать». Ограничивая, такимъ образомъ, цѣль предстоящаго сейма рѣшеніемъ вопроса объ увеличеніи войска, ставя иные вопросы на второй планъ и даже совсѣмъ ихъ устраняя, король, повидимому, закрывалъ глаза передъ дѣйствительнымъ состояніемъ страны, которой одно увеличеніе войска помочь никакъ не могло. Онъ не предвидѣлъ, что волею или неволею сеймъ долженъ будетъ затронуть самые жизненные для Рѣчи-Посполитой вопросы. Король увлекался, не понимая, повидимому, ни положенія дѣлъ вообще, ни собственнаго положенія, ни положенія страны. А между тѣмъ массы инстинктивно сознавали важность обстоятельствъ того времени; даже, стоявшая до того времени обыкновенно въ сторонѣ, извѣстная часть шляхты зашевелилась и добивалась участія на сеймѣ; никогда еще не обнаруживалось столь общаго и настойчиваго рвенія въ Рѣчи-Посполитой къ участію въ общественномъ дѣлѣ.

Желаемое единство посольскихъ инструкцій легко могло быть достигнуто только при содѣйствіи лицъ, занимавшихъ въ воеводствахъ положеніе преобладающее и пользовавшихся значительнымъ вліяніемъ на мелкую избирательную шляхту, въ матеріальномъ отношеніи часто отъ нихъ зависимую; но аристократическіе роды раздѣлялъ еще болѣе упорный и запальчивый антагонизмъ, еще болѣе сильная вражда и ненависть, нежели какія существовали въ низшей шляхтѣ, которая обыкновенно дѣлилась на враждебныя партіи потому только, что причисляла себя къ сторонникамъ того или иного изъ враждовавшихъ магнатовъ. Само собою разумѣется, что согласія и единодушія на сеймикахъ быть не могло, напротивъ — сеймики и на этотъ разъ сопровождались ссорами, драками и служили сценою крайняго раздраженія страстей. Во многихъ воеводствахъ они то прекращались, то опять возобнов-

ялись; иногда враждебныя стороны раздѣлялись на двѣ и на три партіи, каждая партія составляла отдѣльный сеймикъ, избирала своихъ депутатовъ, считая выборы остальныхъ незаконными; отсюда возникали новыя недоразумѣнія и ссоры, въ Варшаву лѣтъи жалобы на насилія, обиды и разбой... Въ Ковно, напр., явилась на сеймикъ партія Вавржецкаго «съ уланами, съ толпою вооруженнаго мужичья и съ четырьмя пушками», чтобы восгоржествовать и разогнать партію Забѣллы;— послѣдній шлетъ въ Варшаву жалобу на своего противника и требуетъ вмѣшательства короля въ это дѣло. Въ Овручѣ партія Еленскаго встрѣчаетъ выстрѣлами сторонниковъ Осверки, идущихъ на сеймикъ... Король принимался писать новыя письма, умоляя въ нихъ шляхту прекратить несогласія, дѣйствовать братски и единодушно; обращался къ вліятельнымъ лицамъ съ такою же мольбою, прося ихъ быть посредниками и примирителями враждующихъ. Примирители начинали торговаться съ королемъ, требовали для себя, своихъ родныхъ и друзей награды и подачекъ, добываясь ихъ верѣдко съ невѣроятнымъ цинизмомъ. Были и такіе, которые съ умысломъ возбуждали безпокойства и производили безпорядки, чтобы казаться сильными и заставить короля купить ихъ содѣйствіе какою-нибудь наградою, орденомъ или доходною должностію....

Польскіе сеймики окончились. Оказалось, въ немалому удивленію самого короля, что выработанныя на нихъ польскія инструкціи вполнѣ соотвѣтствовали на этотъ разъ его желаніямъ, и что во всѣхъ воеводствахъ сущность ихъ была одинакова. Понятіе о характерѣ этихъ инструкцій можетъ дать слѣдующій отрывокъ изъ инструкцій Жмудскаго княжества, препровожденный королю при письмѣ ковенскимъ градскимъ старостою Гелгудомъ:

«Память о томъ, что въ безсиліи нашемъ мы лишились многихъ воеводствъ и безъ сопротивленія уступили сильнымъ державамъ нашу собственность, наполняетъ сердца наши безпокойствомъ относительно будущаго. Слѣдуетъ опасаться, что если мы не позаботимся объ увеличеніи нашихъ силъ, то и насъ самихъ, съ нашею безпечностью, и имущество наше поглотитъ чуждое преобладаніе, и самое имя польской Рѣчи-Посполитой погибнетъ, тѣмъ болѣе, что воюющія державы лучшее средство для взаимнаго примиренія между собою найдутъ въ новомъ и окончательномъ раздѣлѣ Польши... А потому, пока эти державы заняты войною, мы должны пользоваться временемъ, потому что и звуки наши не дождутся болѣе удобнаго случая для увеличенія силъ Рѣчи-Посполитой, для спасенія свободы и имуществъ на-

шихъ и для восстановленія славнаго нѣкогда польскаго имени... Питая же полнѣйшее довѣріе къ королю, поручаемъ нашимъ посламъ направить единодушныя усилія и труды къ увеличенію народныхъ силъ, причемъ паны-послы какъ можно тщательнѣе обязаны пецись о законномъ обеспеченіи въ томъ, что военная сила, которая будетъ организована и содержима, никогда не будетъ употреблена на угнетеніе нашихъ свободъ и вольностей...»

Открытіе общаго конфедеративнаго сейма послѣдовало 5-го ноября 1788 г. Варшава оживилась въ этому времени такимъ наплывомъ шляхты со всѣхъ концовъ Рѣчи-Посполитой, какого не привлекалъ еще ни одинъ сеймъ. Само собою разумѣется, что на сеймъ явились въ большинствѣ и тѣ лица, съ которыми король чаще велъ переписку, и потому въ корреспонденціи его все почти нѣтъ писемъ, относящихся къ процессу самаго сейма. Но мы находимъ интересныя данныя по отношенію къ опасеніямъ, возбужденнымъ въ королѣ и сеймѣ тревожными извѣстіями, полученными вскорѣ послѣ открытія сейма изъ Кіевскаго, Волынскаго и Подольскаго воеводства. Припомнимъ, что, сейчасъ послѣ разрыва Россіи съ Турціей, въ воеводствахъ этихъ предполагено было открыть провіантскія комиссіи для снабженія русскихъ войскъ продовольствіемъ, и что въ Волынскомъ и Подольскомъ воеводствахъ шляхта отвергла этотъ проектъ, а заявила намѣреніе приступить къ организаціи собственной вооруженной силы для охраненія внутренняго спокойствія и безопасности. Король отнесся тогда съ недовѣріемъ къ подобному намѣренію, подозрѣвая въ немъ скрытую мысль и желаніе своихъ недоброжелателей составить отдѣльную, враждебную ему конфедерацію... Опасенія его были ненапрасны. Оказалось, что волынская шляхта, вмѣсто провіантской комиссіи, установила «комиссію порядка» (*porządkowa komisyya*), съ цѣлью организовать милицію, подъ предлогомъ охраненія страны отъ «хлопскаго бунта», о которомъ, немедленно послѣ открытія въ Варшавѣ сейма, распуцены были самые тревожные слухи, приведшіе всѣ три воеводства въ совершенный переполохъ. При полученіи въ Варшавѣ первыхъ о томъ извѣстій, общее мнѣніе, раздѣляемое и королемъ, нисколько не сомнѣвалось, что въ этомъ дѣлѣ работаетъ партія гетмана Браницкаго, поддерживаемая и поощряемая будто бы Потемкинымъ; въ самыхъ же воеводствахъ, наравнѣ съ убѣжденіемъ въ неизбѣжности бунта, существовало прямое убѣжденіе, что онъ возбуждается и поддерживается интригами Россіи. Кіевскій воевода Стемпковскій извѣщалъ короля, въ мартѣ 1789 г., что «тревожные признаки усиливаются, угрозы

повторяются чаще, а злоумышленники говорятъ, что на Украинѣ работа пойдетъ своимъ путемъ, но что дѣло начнется сперва на Волыни и на волынскомъ Полѣсѣ»... Заговорили громко о филипповахъ (поляки называютъ такъ раскольниковъ), развозящихъ будто бы по деревнямъ ножи... Нѣкто Рубиновичъ, униатскій священникъ, добровольно будто бы сознался, 29 марта, что подговаривалъ нѣсколькихъ батраковъ перерѣзать пановъ. Появились откуда-то слухи о пяти тысячахъ русскихъ эмиссаровъ, разносящихъ по деревнямъ манифестъ императрицы, — словомъ, ходили самые тревожные и ужасные слухи, производившіе повсюду совершенный переполохъ и поражавшіе всѣхъ паникой. Подъ влияніемъ этихъ слуховъ, или только пользуясь ими, въ Луцкѣ собралась «комиссія порядка» и составила 30 марта постановленіе, по которому «каждое мѣстечко обязано было немедленно сварядить двухъ конныхъ, каждая деревня, состоявшая изъ 30 дворовъ, — одного пѣхотинца, а которая побольше, то и двухъ, и чтобы всѣ эти милиціонеры доставлены были тотчасъ въ повѣтовый городъ, съ оружіемъ, патронами и двухмѣсячнымъ провіантомъ». Нѣкто шамбелянъ Карвовскій сваливалъ всю вину не столько на москалей, сколько на королевскаго племянника, князя Станислава Понятовскаго, который «переведа своихъ крестьянъ на чиншъ въ Ороховскомъ - влючѣ, произвелъ то, что мужики сами бездѣльничаютъ и другихъ бунтуютъ». Шамбелянъ убѣдительно просилъ короля заставить племянника обратить крестьянъ опять въ крѣпостныхъ, и увѣрялъ, что тогда водворится опять полное спокойствіе, князь же перестанетъ возбуждать противъ себя враждебныя нападки со стороны «обывательства». Общую панику еще усилило одно происшествіе: нѣкто ротмистръ Выежинскій убитъ былъ въ имѣніи своемъ Неварковѣ, со всѣмъ семействомъ и прислугою. Волынскій воевода, князь Янушъ Сангушко, извѣщая короля объ этомъ происшествіи, писалъ ему (2 апрѣля) изъ имѣнія своего Славуты, что «убійство это приписываютъ наущеніямъ маркитантовъ, которые развѣзжаютъ по деревнямъ и возмущаютъ крестьянъ, и что филиппоны, подозрѣваемые тоже въ подстрекательствѣ мужиковъ къ бунту, подвергаются сильному преслѣдованію, и можно даже опасаться посягательства на ихъ жизнь, и что только онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми иными знатнѣйшими лицами, своими убѣжденіями сдерживаетъ подобные порывы»; въ заключеніе онъ проситъ короля пособить горю и устроить дѣло такъ, чтобы «оградить справедливымъ образомъ необходимую безопасность въ краѣ и, въ то же время, не навлечь на себя гнѣва императрицы». Въ свою оче-

редь извѣщаль короля объ этомъ происшествіи Стемпковскій, сообщая, что пораженные паникою помѣщики собираются бѣжать цѣлыми толпами за австрійскій кордонъ. «Я еще держусь, потому что еслибы я уѣхалъ, то никто не усидѣлъ бы, но вѣдь и Вылежинскій такъ резонировалъ, а каково дождался конца?» прибавляетъ воевода, и просить короля о присылкѣ войска. Сангушко опять писалъ королю, извѣщая его, что въ Славутѣ былъ съѣздъ значительнаго числа помѣщиковъ, которые «объяты тревогой, и изъ которыхъ многіе заявили, что, для сохраненія своей жизни и огражденія имущества, они принуждены будутъ поголовно вооружиться и въ истребленіи своихъ вѣрноподанныхъ исцвѣт личной своей безопасности». Главнымъ поводомъ къ подобной тревогѣ служило то, что Вылежинскій, по слухамъ, убить былъ собственными крестьянами и что въ наступающую пасху должно было будто бы послѣдовать общее истребленіе помѣщиковъ. Волынская «коммиссія порядка» доносила также королю, что община и погѣ села Саска показали, будто два филипона, названные ими по имени, подстреливали крестьянъ къ бунту, причемъ ссылались на подлинный указъ императрицы, обещающій бунтовщикамъ награду. Въ то же время извѣщаль короля о всеобщей паникѣ на Волыни коронный стольникъ Олизаръ, присовокупляя слѣдующее:

«Организація милиціи идетъ плохо, ибо «коммиссія порядка» не имѣетъ возможности заставить непослушныхъ исполнять ея распоряженія. Многіе полагаютъ, что было бы гораздо лучше составить конфедерацію и объявить поголовное вооруженіе... Конфедерація эта дѣйствовала бы въ согласіи съ королемъ и сеймомъ, соблюдая трактаты относительно сосѣднихъ державъ и имѣя единственно въ виду защиту отъ крестьянъ».

Писалъ королю также любашевскій каштелянъ Ржищевскій «о страшномъ несчастіи, угрожающемъ странѣ»... Дѣйствія «коммиссіи порядка» онъ называетъ неудачными и даже опасными, потому особенно, что она распорядилась совать въ города и мѣстечки мелкую чиншевую шляхту, вооруженную чѣмъ попало: «это похоже на поголовное возстаніе, которое можетъ быть объявляемо только сеймомъ». «Не спору, — прибавляетъ онъ, — что въ восемь дней край можетъ поставить войско, но взятые изъ крестьянъ рекруты, въ случаѣ возстанія мужиковъ, присоединятся къ нимъ и обратятъ оружіе противъ шляхты; если же останутся споконными, то безъ знанія военной службы, какую могутъ они принести пользу? Что же касается до чиншевой и иной шляхты, которой велѣно собираться, то я не знаю такого счастливица, которому бы удалось при-

вести ее въ какой-нибудь порядок ¹⁾). Къ какимъ послѣдствіямъ можетъ повести подобное войско, легко предвидѣть... Письмо оканчивается настойчивою просьбою о возможно-скорой присылкѣ регулярнаго войска, ибо «постоянные толки о близкомъ бунтѣ, возбужденіе умовъ между крестьянами, общая паника и бѣгство помѣщиковъ изъ собственныхъ имѣній, все это не позволяетъ терять ни одной минуты».

Подобною же паникою поражено было и воеводство Подольское, откуда короля извѣщали, что «одинъ хлопь изъ деревни Гелеты сознался добровольно, что получилъ отъ филипоновъ восемь рублей, платокъ и ножъ, причѣмъ взята была съ него присяга, что на пасху онъ приметъ участіе въ истребленіи пановъ и жидовъ». Доносили королю также, что многіе помѣщики спасаются заблаговременно бѣгствомъ и что самъ черниговскій воевода Вильча намѣренъ бѣжать въ Галицію.

Всѣ эти извѣстія крайне встревожили короля и весь сеймъ. Немедленно сдѣлано было распоряженіе объ отправленіи на Волынь отряда регулярныхъ войскъ (всего около трехъ тысячъ человѣкъ) и посланъ былъ къ волынскому воеводѣ Сангускѣй сеймовый депутатъ Свентославскій, съ королевскимъ письмомъ, которое мы приводимъ цѣликомъ, такъ какъ оно показываетъ, какое впечатлѣніе и какія опасенія возбуждены были всѣми этими извѣстіями въ королѣ и, безъ сомнѣнія, въ средѣ самаго сейма. Король писалъ:

«Маршалы конфедерации (т.е. конфедеративнаго сейма) распорядились о разсылкѣ въ «коммиссію порядка» и во всѣ волынскіе и черниговскіе города такихъ распоряженій, которыя способны вполне обезпечить общую безопасность. Не сомнѣваюсь, что, какъ представитель воеводства, вы не замедлите, съ своей стороны, принять всѣ мѣры къ огражденію безопасности помѣщиковъ, именно: 1) всѣ отряды милиціи должны быть приписаны къ регулярнымъ командамъ; 2) всякія мѣры, къ какимъ волынскіе помѣщики сочтутъ необходимымъ прибѣгнуть въ видахъ личной безопасности, предпринимаемы будутъ съ вѣдома и разрѣшенія генеральной нашей конфедерации, состоящей подъ предсѣдательствомъ маршаловъ своихъ, Малаховскаго и Сапѣги, но отнюдь не отдѣльно и самовольно, такъ какъ подобный образъ дѣйствій былъ бы противенъ спокойствію Рѣчи-Посполитой и общей пользѣ. Уніатскому митрополиту послано приглашеніе внушить русско-уніатскому духовенству, чтобы оно, посредствомъ

¹⁾ Курсивъ въ польскомъ текстѣ.

проповѣдей и исповѣди, старалось держать своихъ прихожанъ въ послушаніи. Свидѣтель нашихъ дѣйствій, депутатъ Свентославскій, будетъ истолкователемъ всѣхъ нашихъ мыслей, направленныхъ къ тому, чтобы, по поводу и подъ предлогомъ самозащиты противъ крестьянъ, не вздумалъ бы кто-нибудь составить конфедерацію, in contra нашей генеральной сеймовой конфедераціи. Вашъ свѣтлый умъ и сознание долга внушатъ вамъ убѣжденіе, что все, клонящееся къ подрыву въ край правительственной власти, повело бы къ самымъ вреднымъ послѣдствіямъ и кончилось бы неизбежно тѣмъ, что подало бы поводъ не одному только, но всѣмъ сосѣдямъ нашимъ, вторгнуться въ нашъ край. Я убѣжденъ, что, заботясь всѣми мѣрами объ охраненіи помѣщиковъ отъ крестьянъ, вы будете тщательно наблюдать за тѣмъ, чтобы подъ какимъ-либо предлогомъ не обнаружилось попытки къ составленію не только враждебной сейму, но и отдѣльной только отъ него конфедераціи, а чтобы, напротивъ, всѣ жители волынскаго воеводства оставались въ надлежащемъ подчиненіи волѣ и распоряженіямъ собравшагося конфедеративнаго сейма Рѣчи-Посполитой. Всѣ части войска, отправленные на Волынь, будутъ состоять подъ главною командою генерала коронной артиллеріи (Щенснаго-Потоцкаго), и потому вы войдете съ нимъ въ постоянныя и ближайшія сношенія. Изъ Петербурга на-дняхъ посланы русскому не-уніатскому епископу приказанія, предъявленные (сообщенныя) вн. Потемкинѣмъ посланнику нашему въ Петербургъ; они вполнѣ доказываютъ, что петербургскій дворъ даже отъ мысли какимъ-либо образомъ возмущать крестьянъ*.

Изъ письма этого вполнѣ ясно, что король имѣлъ правильный взглядъ на положеніе дѣлъ въ Волыни и нисколько не ошибался въ значеніи всѣхъ этихъ тревожныхъ слуховъ, производившихъ такую панику въ средѣ мѣстной шляхты. Опасенія короля усилились, когда ему было донесено, что генераль Курдвановскій собирается уѣхать изъ Варшавы, съ цѣлью организовать на Волыни враждебную сейму конфедерацію. Въ письмѣ къ Олизару, король выражается ясно и опредѣлительно:

*Хотя бы ужъ эта новая волынская конфедерація дѣйствовала за-одно съ сеймовою, а то очень хорошо извѣстны ея намѣренія, чтобы ей не противодѣйствовать. Вѣдь всѣ эти толки о бунтахъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ умышленно были распускаемы, чтобы побудить крестьянъ къ бунту, между тѣмъ, какъ они въ настоящее время нисколько о томъ не думали, и чтобы потомъ, ссылаясь на свои заслуги въ подавленіи мнимаго бунта, искать удовлетворенія своимъ высокомѣрнымъ замысламъ, которые

невозможно было бы никакимъ образомъ согласовать съ общимъ благомъ и свободою сеймовъ. Бнязья Сангушки, Чарторижскіе и Потоцкіе вполне раздѣляютъ такое мнѣніе, многіе волынскіе депутаты *idem sentiunt*. Потому надѣюсь, что замыслы эти не сбываются».

Одно изъ писемъ короля къ Стемпковскому показываетъ, однако, что и въ Варшавѣ не вполне довѣряли спокойствію крестьянъ. Мѣстнымъ властямъ посланы были суровыя приказанія «тщательно наблюдать за чернецами, бродягами, волонтерами (?) и извозчиками, а также за уніатскими священниками и за крестьянами, ибо очень легко можетъ статься, что между ними найдутся и виновные, и что, по распоряженію маршаловъ сейма, таковыя должны быть судимы *etiam extra cadentiam*». Но при этомъ король требуетъ, чтобы польское войско (котораго вскорѣ должно было собраться на Волыни до нѣсколькихъ тысячъ) подчинено было строгой дисциплинѣ, чтобы содержаніе его не ложилось всею тяжестью на крестьянъ, и чтобы всѣ тѣ налоги, которые по распоряженію Рѣчи-Посполитой, обязана была платить шляхта, не вваливались на крестьянъ и не доводили бы ихъ до отчаянія; наконецъ король требуетъ, чтобы нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ не было приступаемо къ «*supplicium ante iudicium*». Въ заключеніе король пишетъ: «Но главнѣе всего имѣйте въ виду, чтобы никто, подъ предлогомъ самозащиты отъ хлоповъ, не смѣлъ начинать самовольную конфедерацію. Мы имѣемъ одну генеральную конфедерацію и другой намъ не надобно. Еслибы таковая поднялась на Волыни или въ иномъ мѣстѣ, то она повела бы къ междоусобной войнѣ и дала бы поводъ заграничнымъ войскамъ вторгнуться въ нашъ край со всѣхъ трехъ сторонъ. Когда гетманъ Браницкій проговорился, что генераль Курдвановскій собирается на Волынь дѣлать конфедерацію, то русскій посланникъ и г. Луквезини (пруссскій посл.), а также князья Чарторижскіе, Сангушки и Потоцкіе тотчасъ объявили, что они противны этой конфедераціи; извѣстный же своею умѣренностью маршалъ сейма Малаховскій сказалъ: «хотя я не желалъ бы обогреть кровью маршалъскій мой жезлъ, но не безопасна была бы та голова, которая осмѣлилась бы возстать противъ сейма». Послѣ такихъ заявленій, слухи о выѣздѣ на Волынь гетмана и сѣрадскаго воеводы (Валевскаго) замолкли, генераль Курдвановскій то же пока сидитъ въ Варшавѣ. Общее мнѣніе здѣсь такое: въ теченіе цѣлыхъ четырехъ мѣсяцевъ столько разъ предсказываемъ былъ хлопскій бунтъ, что какъ будто нарочно хотѣли, чтобы хлопы догадались взбунтоваться, а между тѣмъ дѣлались самыя поспѣшныя

распоряженія относительно формировація народной кавалеріи. При малѣйшемъ признакѣ бунта, гетманъ (Браницкій) поспѣшитъ взять команду, которая будетъ не дурна при столь значительномъ уже сборѣ войскъ на Украинѣ и Волыни. Къ нимъ присоединятся конфедераты и образуется, такимъ образомъ, одинъ военный союзъ, который гордо и грозно скажетъ сейму: «мы желаемъ и требуемъ, чтобы власть гетмана, ограниченная *in septuagesimo sexto*, восстановлена была въ той силѣ, въ какой была она *in septuagesimo quinto*». Затѣмъ на всѣ сеймики гетманъ станетъ посылать своихъ пословъ и депутатовъ и сдѣлается абсолютнымъ владыкою всей Польши, а свобода пропадетъ. Такъ разсуждаютъ и такимъ опасеніямъ предаются здѣсь всѣ: не я это говорю, а мнѣ говорятъ здѣсь это всѣ»¹⁾.

Мы старались привести изъ переписки короля все важнѣйшее, что только можетъ характеризовать современное положеніе дѣлъ на Волыни и Украинѣ; и очень сожалѣемъ, что размѣры статьи не позволяютъ привести всю, относящуюся къ этому предмету, переписку. Не подлежитъ сомнѣнію, что при самомъ началѣ собравшагося въ Варшавѣ конфедеративнаго сейма, обсужденію котораго, по тогдашнимъ обстоятельствамъ и по внутреннему состоянію страны, долженствовали неизбѣжно подлежать весьма серьезныя и жизненные для шляхетской Рѣчи-Посполитой задачи—готовились на Волыни безпорядки и замышлялась враждебная сейму конфедерация. Предлогомъ къ ней долженъ былъ послужить «хлопскій бунтъ». Съ этою цѣлью выдуманно было подстрекательство Россіи, которому никто не вѣрилъ, ни король, ни тѣ, кто сообщалъ ему тревожные слухи; но подстрекательство Россіи было нужно для того, чтобы придать бунту болѣе вѣроятія, распространить панику и, пользуясь обстоятельствами, подъ предлогомъ самозащиты, организовать вооруженную конфедерацию.

¹⁾ Это единственное мѣсто, бросающее нѣкоторый свѣтъ на отношенія короля къ прежнему его другу, гетману Браницкому, или правильнѣе — на отношенія послѣдняго къ королю. Какая была дѣйствительная роль гетмана въ возбужденіи всѣхъ этихъ смутъ—изъ королевской корреспонденціи, къ сожалѣнію, не видно. Извѣстно, что гетманъ былъ представителемъ партіи, требовавшей прочнаго союза съ Россією; но его симпатіи и политическія убѣжденія вовсе не даютъ ключа къ разгадкѣ его вражды и постоянной оппозиціи королю, начиная съ 1776 г., и притомъ оппозиціи въ дѣлахъ внутренней политики, даже въ такихъ вещахъ, какъ, напр., снабженіе страны мѣстною солью, о чемъ говорится въ извѣстномъ уже намъ письмѣ короля къ себѣ гетмана, княгинѣ Сапѣгѣ. Мы не станемъ входить въ рѣшеніе этого любопытнаго вопроса, имѣя въ виду не выходить изъ предѣловъ статьи, ограничивающейся рассмотрѣніемъ того лишь матеріала, какой заключается въ разбираемой нами корреспонденціи.

Собственно же говоря, для возбужденія волненій между крестьянами, которымъ не оставалось ничего больше, какъ въ отчаяннѣе броситься на своихъ безумныхъ притѣснителей, не нужно было «ни чернецовъ, ни филипоновъ, ни ножей, ни манифестовъ», — шляхта сама дѣйствовала такъ, что если крестьяне оставались на этотъ разъ спокойными, если вновь не повторились, и еще въ большемъ размѣрѣ, эпизоды въ родѣ уманьской рѣзни, то невозможно не удивляться безграничному терпѣнію угнетеннаго, грабимаго и оскорбляемаго народа. Замѣтимъ, что кромѣ факта совершенно случайнаго, какимъ представляется убійство Вылежинскаго, кромѣ ничѣмъ не доказанныхъ подозрѣній на маркитантовъ и филипоновъ, въ теченіе всего періода четырехъ-мѣсячной агитаціи не произошло ни одного случая, оправдывавшаго опасенія бунта — таково было терпѣніе народа, хотя шляхта, частію намѣренно, частію вслѣдствіе объявленной ея паники, не щадила ему никакихъ обидъ, оскорбленій и угрозъ... Въ одномъ изъ писемъ, полученныхъ королемъ изъ Волыни, говорилось, между прочимъ, что организованная «комиссіею порядка» милиція не имѣетъ никакого почти начальства и никого не слушаетъ; что она «бродитъ только по деревнямъ и забираетъ фуражъ, но не поимала ни одного шюка бунтовщика; что необходимо поторопиться присылкою войска и спасти край отъ беспорядковъ и беспокойствъ»... Не можемъ не привести здѣсь еще нѣкоторыхъ данныхъ, наглядно рисующихъ крайне мрачную картину, какую представляла тогда Волынь и Украина. Кіевскій воевода Стемпковскій, жившій въ имѣніи своемъ Лабунѣ, извѣщаетъ короля, 15-го апрѣля, что «начиная отъ Владиміра (Волынскаго) по всѣмъ деревнямъ и мѣстечкамъ предприняты надлежащія мѣры предосторожности». Какія же это были мѣры? Онѣ были, нужно сказать, очень оригинальны: «множество висѣлицъ наставлено повсюду и заготовлены всякія орудія», поясняетъ воевода. «Я не поставилъ у себя пока ни одной висѣлицы, — пишетъ онъ дальше, — ибо когда найдутся виновные, то поставить висѣлицу всегда можно, ставить же ихъ безъ надобности — значитъ возбуждать тревогу въ однихъ и приводить въ отчаяніе другихъ, усиливая такимъ образомъ волненіе въ народѣ». Разсужденіе, конечно, весьма резонное, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень характерное, изъ котораго видно, какой хаосъ и какой терроръ господствовалъ въ странѣ. Затѣмъ воевода пишетъ: «Нельзя сомнѣваться, что на Волыни должны быть какіе-то замыслы, или, по крайней мѣрѣ, замыслы эти были, ибо волынская комиссія, которую называютъ почему-то «порядковою», разослала свои генеральные универсалы ко всѣмъ помѣщикамъ,

въ мѣстечки и деревни, приказывая ставить милицію, конныхъ и пѣшихъ, подъ угрозой эзекуціи. У себя я не велѣлъ давать и другихъ побудилъ поступить также, ибо коль-скоро воеводскія милиціи упразднены закономъ, то никто организовать ихъ не имѣетъ права. А такъ какъ регулярное войско увеличивается и команды его могутъ обезпечить спокойствіе на Волыни, то цѣль этой милиціи должна быть какая-то иная. Универсалы комиссіи требуютъ, чтобы милиціанты снаряжены были въ теченіе восьми дней. Значительная часть ихъ уже сформировалась, но они составляютъ тяжесть для помѣщиковъ и угнетеніе для крестьянъ»... «Помѣщики начинаютъ протирать глаза; многіе подозрительно смотрять на то, что жена гетмана со всею дворнею уѣхала изъ Бѣлой-Церкви; соображая же многое, заходятъ очень далеко, ибо очевидно, что всѣ мѣры и предлоги употребляемы были для возмущенія края и для угожденія своей амбиціи»... «Во многихъ мѣстахъ схвачены филиппоны, а также нѣсколько греческихъ (православныхъ) и униатскихъ поповъ, но ничего положительнаго отъ нихъ не узнано; важнѣйшее же подозрѣніе основывается на томъ, что во многихъ мѣстечкахъ и деревняхъ филиппоны продавали (przedawali) ножи мужикамъ. Правда и то, что хлопцы наши сами дивятся, что этого товара стали нынѣ много развозить по деревнямъ»...

Е. Л.

ТРАГЕДІЯ ВЪ БРИСТОЛѢ

БАЛЛАДА ТОМАСА ЧАТТЕРТОНА *)

Заалѣль востокъ зарею,
Лучь дрожащій звѣздъ потухъ;
Возвѣщая людямъ утро,
На селѣ прогѣль пѣтухъ.

Королю Эдварду въ очи
Солнца свѣтъ блеснулъ—и вотъ,
Слышите онъ, проваркалъ воронъ;
День печальный настаетъ.

И сказалъ король:—«Клянусь я
Въ небѣ правящимъ Творцомъ,
Карль Бодвінъ умретъ сегодня,
Онъ умретъ подъ топоромъ!»

*) Произведенія Чаттертона, извѣстнаго столько же своими поэтическими дарованіемъ, сколько трагической участію, совершенно незнакомы нашей публикѣ. Переведенная нами баллада считается однимъ изъ лучшихъ его стихотвореній. Шерръ, помѣщая эту балладу въ хрестоматіи, сопровождаетъ ее слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Чаттертонъ, чудесное дитя, съ тревожною думою, погибшее отъ своей гордости — какъ выразился о немъ Вордсвортъ—родился 1752 г., а принялъ адъ въ 1770 г., въ виду угрожавшей ему голодной смерти. Самые замѣчательныя его произведенія написаны на старинномъ языкѣ; онъ выдавалъ ихъ за поэзію средне-вѣкового монаха Роула, самое существованіе котораго подвержено сомнѣнію. Въ лицѣ героя баллады Чаттертонъ являлъ, вѣроятно, сэра Водина Фальфорда, ревностнаго приверженца Ланкастерскаго Дома (въ эпоху войны Красной и Бѣлой Розы); его казнили въ 1461 году въ Бристолѣ, по приказанію Эдуарда IV-го Іоркскаго“.

Онъ въ придворнымъ вышелъ, кружку
 Эля пѣнистаго пьетъ...
 — «Вы измѣннику скажите:
 Пусть онъ нынче казни ждетъ».

Королю поклонъ отдавши,
 Изъ дворца сирь Кантерлонъ
 Вышелъ съ тайной скорбью въ сердцѣ,
 И пришелъ къ Бодвину онъ.

Двухъ малютокъ на волѣнахъ
 Карль держалъ; его жена
 Разливалась слезами,
 Горьбой мукою полна.

— О, мой Карль, дурныя вѣсти...
 Молвилъ грустно Кантерлонъ.
 — «Говори безъ страха: въ смерти
 Королемъ я осужденъ?»

— Горько мнѣ сказать... Клялся онъ
 Королевской честью въ томъ:
 Не успѣтъ солнце скрыться —
 Ты умрешь подъ топоромъ.

— «Умереть должны всѣ люди, —
 Храбрый Карль отвѣтилъ, — что-жъ,
 Я готовъ: сегодня-ль, завтра-ль —
 Отъ могилы не уйдешь.

И пускай король твой знаетъ:
 Смерть отраднѣй, чѣмъ судьба
 Долгой жизни, жалкой жизни
 Королевскаго раба!»

Кантерлонъ вздохнулъ печально
 И пошелъ отдать приказъ,
 Чтобъ поставили для казни
 Эшафотъ въ урочный часъ.

Къ королю межъ тѣмъ приходитъ
Канингъ, палъ къ его ногамъ:
— Государь! о милосердїи
Я воззвать дерзаю къ вамъ.

— «Ты всегда былъ нашимъ другомъ,—
Говорить Эдвардъ ему,—
Объясни твою намъ просьбу,—
Поведемъ: быть по сему».

— Государь мой благородный!
Я прошу васъ объ одномъ
Честномъ рыцарѣ: онъ сдѣлалъ
Зло безъ умысла о томъ.

У него жена есть, дѣти...
Участь горькая сиротъ,
Государь, постигнетъ, если
Храбрый Карлъ Бодвинъ умретъ.

Тутъ король воскликнулъ въ гнѣвъ:
— «Замолчи! Не говори
Объ вмѣнянїѣ: умретъ онъ
До вечерней до зари!

Правосудїе исполнить
Кару должную надъ нимъ.
Все просить ты можешь, Канингъ —
Въ этомъ я неумолимъ».

— Государь! Оставьте кары
Справедливымъ небесамъ:
Пусть замѣнитъ скиптръ желѣзный
Вѣтъ оливковая вамъ.

Бротвой милостью старайтесь
Поддержать правленье: съ ней
Утвердится на престолахъ
Вашъ державный родъ вѣрнѣй...

— «Замолчи, довольно, Канингъ!
 Не прощу Бодвина я:
 Имъ осмѣяна преступно
 Власть священная моя».

— Государь! Кому прямая
 Доблесть чести дорога,
 Тотъ ее уважить долженъ
 Въ сердцѣ храбраго врага...

— «Канингъ — прочь! Клянуса Богомъ,
 Давшимъ жизнь мнѣ: съ этихъ поръ
 Я крохи не съѣмъ, покуда
 Карлъ не ляжетъ подъ топоръ.

Я сказалъ: съ закатомъ солнца
 Жизнь свою покончить онъ...»
 Замолчалъ тутъ добрый Канингъ
 И уныло вышелъ вонъ.

Полонъ въ сердцѣ скорбью тяжелой,
 Онъ пришелъ въ тюрьму, и тамъ
 Сталъ рыдать предъ храбрымъ Карломъ,
 Волю горькимъ давъ слезамъ.

— «Всѣ умремъ мы, — Карлъ промолвилъ, —
 Нынче-ль, завтра-ль — все равно,
 Намъ могилы не избѣгнуть:
 Такъ судьбою суждено.

Для чего-жъ, мой другъ, сворбишь ты
 Благородною душой?
 И о чемъ ты, какъ ребенокъ,
 Горько плачешь предо мной?»

— Плачу я, что долженъ скоро
 Умереть ты, что семью
 Безъ защиты оставляешь:
 Вотъ о чемъ я слезы лью.

— «Осуши ты слезы горя:
 Не страшна мнѣ смерть моя;
 Презирая власть Эдварда,
 Плаху смѣло встрѣчу я.

За вражду къ тиранству злому
 Жизнь я Богу предаю:
 Богъ дѣтей моихъ поддержитъ,
 Охранитъ жену мою.

Часто я бывалъ въ сраженьяхъ,
 Видѣлъ смерть кругомъ не разъ,
 Видѣлъ, какъ, питая землю,
 Кровь потоками лилась.

Стрѣлы, воздухъ разсѣкая,
 Пролетали—и могла
 Сталью острою вонзиться
 Въ грудь мнѣ каждая стрѣла.

Не блѣднѣлъ тогда я въ страхъ,
 Такъ къ чему теперь боязнь?
 Развѣ я преступникъ низкій,
 Чтобъ меня страшила казнь?

Я рожденъ отъ знатныхъ предковъ,
 И отецъ училъ меня
 Кровью жертвовать за правду,
 Выше жизни честь цѣня.

Онъ училъ: священный долгъ мой
 Угнетеннымъ бѣднякамъ
 Помогать рукою щедрой,
 Какъ всегда онъ дѣлалъ самъ.

И никто сказать не можетъ,
 Чтобы заповѣдь отца
 Я забылъ; ее сегодня
 Сохраню я до конца.

О, страна моя родная,
 О, несчастный мой народъ!
 Сколько вамъ кровавыхъ бѣдствій
 Власть Эдварда принесетъ!

Пусть меня терзаютъ пыткой,
 Я тиранской власти той
 Не признаю, не поддамся
 Ей свободною душой!

Пусть позорной смертью нынѣ
 Я умру, но передамъ
 Имя славное навѣки
 Я грядущимъ временамъ.

Не съ боязнью, но съ привѣтомъ
 Встрѣчу смерти я иду:
 Съ этой жизнью разлучившись,
 Жизнь я вѣчную найду!»

Тутъ раздался ровоть трубный,
 Грустный колокола звонъ...
 Карлъ прислушался, и топоть
 Лошадей услышалъ онъ.

У дверей явилась стража;
 Карла бѣдная жена
 Ихъ увидѣла, и съ воплемъ
 Къ мужу бросилась она.

— «О, Флоранса дорогая!
 Не крушись, прошу я, дай
 Мнѣ спокойно кончить съ жизнью,
 Безутѣшно не рыдай.

О, Флоранса дорогая!
 Горькихъ слезъ не лей: онѣ
 Душу жгутъ, припоминая
 Прожитое счастье мнѣ.

Разстануся я съ тобою
 Не навѣтъ: въ странѣ иной
 Снова свидимся... Прими же
 Поцѣлуй прощальный мой».

Туть Флоранса задрожала,
 Горько плача и стенья:
 «О, Эдвардъ, Эдвардъ! ты сердце
 Вырываешь у меня!...

Милый Карль, зачѣмъ уходишь
 Ты одинъ: подь топоромъ
 Лягу я съ тобою вмѣстѣ,
 Вмѣстѣ мы съ тобой умрѣмъ».

— «Не на смерть, на жизнь иду я:
 Вѣрь, что жизнь за гробомъ есть...
 Сыновьямъ внушай чтить правду
 И хранить святую честь.

Научи ихъ, чтобы въ жизни
 Тѣмъ же шли они путемъ,
 Какъ отецъ... Прощай, Флоранса!..
 Стражи! я готовъ — пойдемъ!..»

Туть Флоранса въ изступленьи
 Рвала локоны волосъ:
 «Другъ мой, жизнь моя, останься!..
 Карль не могъ осилить слезъ.

Наконецъ она упала,
 Горькой мукой истомясь...
 Карль, собравъ всѣ силы, молча
 Поглядѣлъ въ послѣдній разъ

На Флорансу, и за стражей
 Вышелъ онъ... И предъ концомъ
 Былъ онъ твердъ и смерть онъ встрѣтилъ
 Съ свѣтлымъ взоромъ и лицомъ.

Съ гордымъ видомъ сѣлъ онъ въ сани.
 Шли совѣтники толпой
 Передъ нимъ въ одеждахъ красныхъ
 Съ золоченою каймой.

Августинскіе монахи
 Въ темныхъ рясахъ шли потомъ;
 Ихъ печальный хоръ протяжно
 Пѣлъ божественный псаломъ.

Будто царь въ саняхъ онъ ѣхалъ;
 Сани—крытыя сукномъ,
 Воронне кони въ перьяхъ,
 Въ бѣлой сбруѣ съ серебромъ.

Позади саней убранныхъ
 Выступали въ рядъ стрѣлки:
 Молодцы, народъ отборный,
 И несли они луки.

А за ними вслѣдъ тѣснился
 И шумѣлъ народъ толпой,
 И въ открытыхъ окнахъ всюду
 Людъ видѣлся городской.

На соборѣ крестъ завидѣлъ
 Карлъ, и, голову склоня,
 Молвилъ онъ: «Спаситель міра,
 Нынче примешь ты меня»...

Тамъ, въ большомъ окнѣ соборномъ
 Самъ король Эдвардъ сидѣлъ
 И съ волненіемъ на поѣздъ
 Приближавшійся глядѣлъ.

И когда съ соборомъ сани
 Поровнялись, поднялся
 Карлъ Бодвинъ, какъ левъ, и грозный
 Голосъ Карла раздался:

— О, Эдвардъ, тиранъ жестокій!
 На позоръ меня теперь
 Отдай ты, и все-жъ, предатель,
 Я сильнѣй тебя, повѣрь!

Ты мечтаешь, что сегодня
 Я умру—нѣтъ, мертвецомъ
 Я доселѣ былъ, а нынѣ
 Я воскресну, чтобъ вѣнцомъ

Вѣчной славы увѣнчаться;
 Ты-жъ останешься здѣсь жить,
 Чтобъ своей тиранской властью
 Край родимый загубить.

И твои всѣ преступленья
 На тебя же самого
 Упадутъ... Тутъ въ отдаленнѣ
 Рѣчи замерли его.

У Эдварда въ сердцѣ буря
 Поднялась; онъ, поблѣднѣвъ,
 Брату Глочестеру молвилъ,
 Подавляя страхъ и гнѣвъ:

— «Тотъ, кто смерть такъ презираетъ—
 Для того гѣсна земля.
 Герцогъ, онъ сказалъ намъ правду:
 Онъ сильнѣе короля!»

«Потому-то,—молвилъ Ричардъ,—
 Долженъ лечь на плаху онъ;
 О, пускай враги всѣ наши
 Будутъ пищей для воронъ!..»

Карлъ подъѣхалъ къ мѣсту казни,
 На помость онъ бросилъ взоръ:
 Тамъ блестяль на солнцѣ яро,
 Будто ждалъ его, топоръ.

Какъ на тронъ, взошелъ онъ гордо
 На позорный эшафотъ
 И къ народу говорилъ онъ,
 И ему внималъ народъ:

«Умираю я за правду,
 Умираю оттого,
 Что возсталъ я на Эдварда,
 Не призналъ я власть его!..»

Помолившись, на колѣни
 Сталъ онъ, къ плахѣ наклоняся
 Головой: палачъ искусный
 Съ плечъ срубилъ ее заразъ.

Кровь потокомъ полилася,
 Обвивая эшафотъ,
 И вздрогнулъ съ глубокимъ стономъ
 И заплакалъ весь народъ.

На четыре части тѣло
 Разрубилъ палачъ потомъ
 И отрубленные части
 Пронизалъ онъ остриемъ.

На горѣ Кинвильфской тлѣеть
 Часть одна, другую рветъ
 Воронъ злой на башнѣ, третья
 У дворцовыхъ у воротъ,

А четвертая надъ входомъ
 Храма Павла, поднята;
 Голова-жъ виситъ, темгѣя,
 У высокаго креста.

В. Буренинъ.

НЕИЗДАННЫЯ РУКОПИСИ

П. Я. ЧААДАЕВА

Мы давно остаемся въ долгу предъ читателями журнала. Въ 1871 году, помѣстивъ предварительно біографію П. Я. Чаадаева, написанную по воспоминаніямъ его современника и родственника М. И. Жихарева (см. іюль и октябрь), мы въ томъ же году (ноябрь) напечатали тѣ изъ бумагъ Чаадаева, которыя были написаны по-русски, съ обѣщаніемъ перевести и приготовить къ печати другую группу бумагъ, написанную имъ по-французски. Предлагаемыя нынѣ письма въ русскомъ переводѣ съ французскаго языка относятся къ 1836, 1837 и 1845 гг. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ читатели найдутъ попытки автора оправдать себя лично по поводу катастрофы, постигшей его вслѣдствіе напечатанія «Философическаго письма» въ «Телескопѣ»; но большая часть писемъ представляютъ дружескую бесѣду, любопытную какъ картина внутренней жизни человѣка, о которомъ справедливо отозвался М. Н. Лонгиновъ, говоря, что Чаадаевъ былъ полезенъ всякому безъ исключенія изъ своихъ знакомыхъ, одного онъ утвердилъ въ какой-нибудь доброй мысли, въ другомъ пробудилъ какое-нибудь благое чувство, третьему разрѣшилъ сомнѣніе.

Повторимъ сказанное нами, по поводу напечатанныхъ у насъ русскихъ писемъ Чаадаева: и во французскихъ письмахъ многое должно быть предоставлено дальнѣйшимъ разъясненіямъ историковъ нашей литературы и общества, для которыхъ прежде всего и издается настоящій матеріалъ. — *Ред.*

I.—*Княгиня Софья Сергеевна Мещерская.*15 октября, 1836 ¹⁾.

Вотъ, княгиня, брошюра, которая для васъ будетъ интересна, а въ томъ увѣренъ,—это моя статья, переведенная и напечатанная по-русски. Публичность схватила меня за воротъ въ то самое время, какъ я наименѣе того ожидалъ. Сначала вы найдете этотъ случай страннымъ, безъ сомнѣнiя, но подумавши пережъните мнѣнiе. Въ чемъ же, послѣ всего, чудо, что идея, которой отъ рода скоро будетъ двѣ тысячи лѣтъ, идея, преподаваемая, чтима, проповѣдуемая тысячею высочими умами, тысячею святыми, наконецъ, пробилась себѣ свѣтъ у насъ? Не гораздо ли бы было странно, еслибы она никогда того не сдѣлала? Если правда, что христіанство въ томъ видѣ, какъ оно соорудилось на Западѣ, было принципомъ, подъ влиянiемъ котораго тамъ все развернулось и созрѣло, то должно быть, что страна, не собравшая всѣхъ плодовъ этой религіи, хотя и подчинившаяся ея закону, до нѣкоторой степени ея не признала, въ чемъ - нибудь ошиблась насчетъ ея настоящаго духа, отвергла нѣкоторыя изъ ея существенныхъ истинъ. Послѣдующаго вывода никакъ, слѣдовательно, нельзя было отдѣлать отъ первоначальнаго принципа, и то, что было причиной воспроизведенiя принципа, вынудило также и обнаруженiе послѣдствiя.

Говорятъ, что шумъ идетъ большой ²⁾; я этому нисколько не удивляюсь. Однакоже мнѣ извѣстно, что моя статья заслужила нѣкоторую благосклонность въ извѣстномъ слоѣ общества. Конечно, не съ тѣмъ она была писана, чтобы понравиться блаженному народонаселенiю нашихъ гостинныхъ, предавшихся достославному быту виста и реверси. Вы меня слишкомъ хорошо знаете и конечно не сомнѣваетесь, что весь этотъ гвалтъ занимаетъ меня весьма мало. Вамъ извѣстно, что я никогда не думалъ о публикѣ, что я даже никогда не могъ постигнуть, какъ можно писать для такой публики, какъ наша: все равно обращаться къ рыбамъ морскимъ, къ птицамъ небеснымъ. Какъ бы то ни было, если то, что я сказалъ, правда, оно останется; если нѣтъ, незачѣмъ ему оставаться.

Есть, княгиня, люди и вамъ знакомые, которые находятъ, что въ интересъ общественномъ полезно бы было воспретить автору пребыванiе въ столицѣ. Что вы объ этомъ думаете? Не значить ли это

¹⁾ Это письмо писано, какъ видно, послѣ выхода въ свѣтъ „Философическаго письма“, но еще до послѣдовавшей затѣмъ исторiи.—*Ред.*

²⁾ По поводу статьи.—*Ред.*

слишкомъ мало придавать значенія интересу общественному и слишкомъ много автору? По счастью, наше правительство всегда благо-разумнѣе (*plus avisé*) публики; стало быть, я въ доброй надеждѣ, что не шумливые крики сволочи (*cohue*) укажутъ ему его поведеніе. Но еслибы по какому случаю желаніе этимъ добрыхъ людей исполнилось, я къ вамъ приду, княгиня, просить убѣжища, и такимъ образомъ узнаю то, что серьезныя религиозныя убѣжденія, самыя разнородныя, всегда симпатизируютъ другъ съ другомъ.

II.—Графу С***.

8 ноября, 1836.

Не знаю, извѣстна ли вамъ, графъ, прилагаемая книга? Соблаговолите ее открыть на загнутой страницѣ, вы въ ней найдете главу, которая можетъ послужить поясненіемъ къ статьѣ, возбудившей противъ меня общественный крикъ. Мнѣ показалось, что я хорошо сдѣлаю, указавши вашему вниманію эти страницы, писанныя подѣ мою диктовку, въ которыхъ мои мысли о будущности моего отечества изложены въ выраженіяхъ довольно опредѣленныхъ, хотя неполныхъ, и которыя не были нескромнымъ образомъ вынуты изъ моего портфѣля. Для меня очень важно въ интересѣ моей репутаціи хорошаго гражданина, чтобы знали, что преслѣдуемая статья не заключаетъ въ себѣ моего *profession de foi*, а только выраженіе горькаго чувства, давно истощеннаго. Я далекъ отъ того, чтобы отрекаться отъ всѣхъ мыслей, изложенныхъ въ означенномъ сочиненіи; въ немъ есть такія, которыя я готовъ подписать кровью. Когда я въ немъ говорилъ, напримѣръ, что „народы Запада, отыскивая истину, нашли благополучіе и свободу“, я только парафразировалъ изреченіе Спасителя: „ищите царствія небеснаго и все остальное приложится вамъ“, и вы понимаете, что это не одна изъ тѣхъ мыслей, которыя бросаешь сегодня на бумагу, чтобы завтра стереть, но вѣрно также и то, что въ немъ много такихъ вещей, которыхъ бы я, конечно, не сказалъ теперь. Такъ, напримѣръ, я далъ слишкомъ большую долю католицизму, и думаю нынѣ, что онъ не всегда былъ вѣренъ своей миссіи; я не довольно оцѣнилъ стоимость элементовъ, которыхъ у насъ недоставало, и думаю теперь, что они намного содѣйствовали сооруженію новаго общества; я не говорилъ о выгодахъ нашего изолированнаго положенія, на которыя я теперь смотрю, какъ на самую глубокую черту нашей соціальной фізіономіи и какъ на основаніе нашего дальнѣйшаго успѣха; я не показалъ, что всѣми, сколько есть прекрасныхъ страницъ въ нашей исторіи, мы обязаны христіанству, — фактъ, который въ настоящее время послужилъ бы мнѣ

къ опорѣ моей системы. Однимъ словомъ, если правда, что въ настоящее время, въ спокойствіи моего духа, я исповѣдую нѣкоторыя изъ мнѣній, изложенныхъ тому назадъ шесть лѣтъ подъ впечатлѣніемъ тягостнаго чувства (*sentiment douloureux*); достовѣрно также, что много мыслей слишкомъ абсолютныхъ, много мнѣній слишкомъ рѣзкихъ (мною тогда исповѣдуемыхъ), нынѣ принадлежатъ мнѣ только въ такомъ смыслѣ, какъ всякій поступокъ, нами совершенный, всякое слово, нами произнесенное, конечно, принадлежитъ намъ до нашего послѣдняго дня, потому что мы отдадимъ въ нихъ отчетъ Верховному Судіи, что, однакоже, вовсе не предполагаетъ, чтобы мы были въ нихъ отвѣтственны передъ людьми. Поэтому-то я и рѣшился, какъ вамъ о томъ и говорилъ, самъ возражать на свою статью, то-есть разсматривать тотъ же вопросъ съ моей теперешней точки зрѣнія. Я слышалъ, что мнѣ это ставятъ въ вину. Но давно ли запрещено видоизмѣнять свои мнѣнія послѣ такого длиннаго промежутка времени? Давно ли не дозволено уму человѣка идти впередъ, когда умъ человечества стремился бѣгомъ? Давно ли приказано существу мыслящему на вѣки-вѣковъ остаться пригвожденнымъ къ одной мысли, подобно безсмысленному факиру? Не вы, конечно, сдѣлаете мнѣ этотъ упрекъ, вы, котораго я нашелъ столько благосклонно расположеннымъ къ успѣху добраго просвѣщенія. Впрочемъ, какое мнѣніе о всемъ этомъ вы себѣ ни составите, я могъ обратиться только къ вамъ: что я могъ сказать тѣмъ, которые наложили на меня сумасшествіе?

III. — М. О. Орлову.

1837.

Да, мой другъ, отдадимся нашей исполненной славы дружбѣ, а мѣръ пускай несетъ къ своимъ неисповѣдимымъ судьбамъ. Оба, побитые бурей, возьмемся за руки и твердо станемъ между волнами. Не склонимъ нашихъ обнаженныхъ головъ передъ свистящимъ вѣтромъ. Но главное, ни на что не станемъ надѣяться, совершенно ни на что для самихъ себя. Ничто не дѣлаетъ столько вялымъ, какъ напрасное ожиданіе. Надежда, безъ всякаго сомнѣнія, — добродѣтель, и это есть даже одно изъ великихъ открытій нашей божественной религіи, но случается, что иногда она бываетъ только дурачествомъ. Въ самомъ дѣлѣ, неизмѣримое дурачество надѣяться тогда, когда находишься погруженнымъ въ стоячее болото, въ которое при каждомъ движеніи уходишь еще больше. Итакъ, изъ трехъ богословскихъ добродѣтелей, станемъ упражняться въ двухъ первыхъ, въ любви и вѣрѣ, и попросимъ у Господа, чтобы онъ удостоилъ

насъ отпущенія въ томъ, что мы отучились отъ третьей. Впрочемъ, станемъ надѣяться за нашихъ братьевъ, за нашихъ дѣтей, за наше святое (auguste) отечество, столь великое, столь покорное, столь спокойное. Что же касается до насъ самихъ, если полна страданія для насъ земля, кто намъ мѣшаетъ подняться на небо? Не тѣмъ ли принадлежитъ небо, кто беретъ его приступомъ? Правда, въ этомъ случаѣ, ты не одного со мной мнѣнія. Ты имѣешь несчастіе вѣровать въ смерть; для тебя небо не знаю гдѣ, гдѣ-то за предѣлами могилы. Ты изъ числа тѣхъ, которые еще думаютъ, что жизнь не есть нѣчто цѣльное, что она переломлена на двѣ части и что между этими двумя частями существуетъ бездна. Ты забываешь, что скоро уже восемнадцать съ половиной вѣковъ, какъ эта бездна наполнена; наконецъ, ты думаешь, что между тобою и небомъ — лопата могильщика. Печальныя вѣрованія, которыя не хотятъ понять, что вѣчность не иное что, какъ жизнь праведника, — та жизнь, образецъ которой принесъ намъ Сынъ человѣческій, что она можетъ, что она должна начинаться въ этомъ мірѣ, что она въ самомъ дѣлѣ зачнется съ того дня, когда мы дѣйствительно захотимъ, чтобы она зачалась; которыя воображаютъ, что міръ насъ окружающій есть тотъ міръ, какой существуетъ въ дѣйствительности; которыя не видятъ, что этотъ существующій міръ изготовленъ нашими руками, и что только отъ насъ зависитъ привести его въ ничтожество; которыя себѣ воображаютъ, какъ маленькія дѣти, что небо — это голубой сводъ, раскинутый надъ нашими головами, и что нѣтъ средства взойти на эту высоту! Роковое наслѣдіе вѣковъ, когда земля, не освященная еще жертвоприношеніемъ, не была еще примирена съ небомъ! Когда же, о Господи! увижу я всѣхъ моихъ друзей отречьшимися отъ всего этого невѣдѣнія нечистаго язычества, когда же узнаютъ они всѣ, что только одно есть средство быть христіаниномъ — это быть имъ вполне! Недавно еще я мечталъ, что дано мнѣ было разсѣять между ними нѣсколько добрыхъ истинъ, и говорилъ я съ ними, и иногда они меня слушали; но вдругъ налетѣлъ ураганъ, задулъ самумъ: тогда поднялся прахъ пустыни, глаза закрылись, заложились уши и голосъ мой былъ подавленъ. Да будетъ воля Твоя, Господи! приговоры Твои всегда правосудны и желанія наши всегда нескромны. Это было, однако, прекрасное сновидѣніе, и смѣю сказать, сновидѣніе ума вѣрнаго и хорошаго гражданина. Для чего же мнѣ и не сказать еще этого? Признаюсь, я долго стремился къ сладостному удовлетворенію — видѣть вокругъ себя нѣсколько непорочныхъ и серьезныхъ умовъ, нѣсколько теплыхъ и чистыхъ душъ, чтобы вмѣстѣ съ ними призывать дары неба на человѣчество и на отчизну. Я мыслилъ, что моя родина, чуждая всѣмъ волненіямъ, которыя во

всѣхъ другихъ мѣстахъ оставили въ умахъ такіе глубокіе слѣды, и которыя до сихъ поръ еще отвращаютъ ихъ отъ добрыхъ путей для того, чтобы ввергнуть ихъ въ пути дурные, что моя родина, я говорю, предназначена первая къ провозглашенію тѣхъ великихъ и святыхъ истинъ, которыя рано или поздно должна будетъ принять вся вселенная; что Россіи выдѣлена на долю августѣйшая задача осуществить прежде всѣхъ странъ на свѣтѣ обѣты христіанства, потому что въ Россіи христіанство осталось чистымъ отъ сопрیکосновенія съ людскими страстями и земными интересами, потому что здѣсь оно, какъ его божественный Основатель, только молилось и смирялось, потому что казалось вѣроятнымъ, что за это именно здѣсь оно и будетъ осѣнено своими послѣдними и самыми могущественными вдохновеніями. Все это мечты, мой другъ, несбыточные мечты. Пускай же свершится будущее, какое бы оно ни было. Сложимъ руки и пусть оно приходитъ: или, преклонившись передъ святыми иконами, какъ наши благочестивые и мужественные предки, эти исполны всѣхъ возможныхъ послушаній, станемъ ожидать въ молчаніи и въ молитвѣ, чтобы оно обрушилось на насъ, дурное или хорошее, все равно!

IV.—Ив. Д. Я—чу.

19 октября, 1837.

Тому годъ назадъ, мой другъ, что я писалъ къ тебѣ; это было въ то самое время, какъ мы узнали, что вы скоро будете перемѣщены и что впередъ можно будетъ съ вами переписываться. Я тебя скромно поздравлялъ съ этимъ видоизмѣненіемъ въ твоемъ положеніи, и просилъ тебя дать намъ о себѣ извѣстій. По несчастію, это письмо затерялось два раза самымъ страннымъ образомъ: въ первый разъ по милости ревнивой любви твоей свекрови, страстно берегущей монополию твоей дружбы, во второй—вслѣдствіе случившагося со мной въ это время приключенія, которое я тебѣ поскорѣе перескажу, чтобы съ этимъ сразу покончить и очистить совѣсть. Дѣло въ томъ, что съ нѣкотораго времени я началъ писать о различныхъ религіозныхъ предметахъ. Въ продолженіе долгаго уединенія, наложеннаго мною на себя по возвращеніи изъ-за-границы, то, что я писалъ, оставалось неизвѣстнымъ; но какъ только я покинулъ мою Фиваиду и снова появился въ свѣтѣ, все мое маранье сдѣлалось извѣстнымъ и скоро приобрѣло тотъ родъ благосклоннаго вниманія, который такъ легко отдается всякому неизданному сочиненію. Мои писанья стали читать; ихъ переписывали; они сдѣлались извѣстны внѣ Россіи и я получилъ нѣсколько лестныхъ отзывовъ отъ нѣкоторыхъ литератур-

ныхъ знаменитостей. Нѣкоторые отрывки изъ нихъ были переведены на русскій языкъ; появилась даже серьезная книга, вся исполненная моими мыслями, которыя мнѣ откровенно и приписывали. Но вотъ, въ одинъ прекрасный день, одинъ московскій журналистъ, журналъ котораго печально перебивался, усмотрѣвъ, не знаю гдѣ, одну изъ моихъ самыхъ горячихъ страницъ, получилъ, не знаю какъ, позволеніе цензора и помѣстилъ ее въ свой журналъ. Поднялся общій шумъ; изданіе журнала прекращено, редакторъ сначала потребованъ въ Петербургъ, потомъ сосланъ въ Вологду; цензоръ отставленъ отъ должности, мои бумаги захвачены, и наконецъ я самъ, своей особой, объявленъ сумасшедшимъ..... и по особенной милости, какъ говорятъ. Итакъ, вотъ я сумасшедшимъ скоро уже годъ, и впредь до новаго распоряженія. Такова, мой другъ, моя унылая и смѣшная исторія. Ты понимаешь теперь, отчего мое письмо до тебя не дошло. Дѣло въ томъ, что оно приняло совершенно другую дорогу, и что я его больше не видалъ. Я, впрочемъ; льщу себя надеждой, что оно не совсѣмъ осталось безъ плода для тѣхъ, къ кому оно попало законной добычей, потому что, если я не ошибаюсь, въ немъ заключались вещи, годныя для ихъ личнаго разуменія. Поговоримъ теперь о другомъ.

Тебѣ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что твоя двоюродная сестра, отъ времени до времени, показываетъ мнѣ твои письма; твоя свекровь, когда на меня не дуется, также сообщаетъ мнѣ тѣ, которыя ты къ ней пишешь: стало быть, я довольно знаю о всемъ, что до тебя касается. Я знаю, съ какимъ благороднымъ мужествомъ ты сносишь тяжесть своей судьбы; я знаю, что ты предаешься серьезному изученію и удивляюсь многочисленнымъ и твердымъ знаніямъ, пріобрѣтеннымъ тобою въ ссылке. Не могу тебѣ выразить, сколько я всѣмъ этимъ счастливъ, и сколько я горжусь, что такъ хорошо тебя угадывалъ. Есть старое изреченіе, мой другъ, нѣсколько, впрочемъ, отыскивающееся язычествомъ, а именно, что нѣтъ прекраснѣе зрѣлища, какъ зрѣлище мудреца въ борьбѣ съ противнымъ рокомъ; но меня еще болѣе увлекаетъ исполненный ясности взглядъ, который ты устремляешь на міръ изъ своего безотраднaго одиночества. Вотъ чего высокоумная древность не умѣла открыть—и что вѣрный умъ естественнымъ образомъ находитъ въ наше время. Однакоже, хотъ я и не знаю, какія теперь твои религиозныя чувствованія, но, признаюсь тебѣ, не могу повѣрить, чтобы къ этому душевному спокойствію ты пришелъ путемъ того оледеняющаго деизма, который исповѣдывали умы твоей категоріи тогда, когда мы разстались. Изученія, которыми ты съ тѣхъ поръ отдавался, должны были тебя привести къ серьезнымъ размышленіямъ надъ самыми важными вопросами

нравственнаго порядка, и невозможно, чтобы ты окончательно остался при томъ малодушномъ сомнѣніи, дальше котораго деизмъ никогда шагнуть не можетъ. Къ тому же естественныя науки въ настоящее время далеко не враждебны религіознымъ вѣрованіямъ; поэтому я ласкаю себя надеждой, что ясность твоего пониманія скоро дастъ тебѣ увидѣть тѣ истины, къ которымъ онѣ тяготеваютъ. Я даже долженъ тебѣ сказать, что въ томъ затерянномъ письмѣ, о которомъ я тебѣ сейчасъ говорилъ, я уже себя позволилъ, по случаю книги *Беккереля*, которая должна была сопровождать это письмо, мимоходомъ замѣтить тебѣ, что всѣ недавнія открытія въ наукѣ и открытія по части электричества въ особенности, служатъ къ поддержкѣ христіанскихъ преданій, подтверждають космогоническую систему библіи. Когда-нибудь мы опять воротимся къ этимъ предметамъ, но до того я бы хотѣлъ знать, извѣстны ли тебѣ сочиненія Кювье, потому что ничто не можетъ намъ служить лучшею точкою отправленія въ нашихъ философскихъ разсужденіяхъ, какъ его геологическіе труды. Въ первый разъ, какъ будешь ко мнѣ писать, скажи мнѣ объ этомъ.

Прошу у тебя извиненія, мой другъ, въ томъ, что это первое мое письмо все наполнено моими обычными помыслами (préoccupations), но ты понимаешь, что въ теперешнее время мнѣ труднѣе чѣмъ когда-либо освободиться отъ вліянія идей, составляющихъ весь интересъ моей жизни, единственную опору моего опрокинутого существованія. Я далеко, однакоже, отъ мысли навязывать тебѣ свои мнѣнія; мнѣ извѣстенъ складъ твоего ума, и я очень хорошо знаю, что ни годы, ни размышленіе, ни опытъ жизни, по которой прошло неизмѣримое бѣдствіе и неизмѣримое поученіе, не въ состояніи существенно видоизмѣнить умъ, подобный твоему; но я знаю также, что время, въ которое мы живемъ, слишкомъ проникнуто тѣмъ возрождающимъ токомъ (fluide régénérateur), который произвелъ уже столь удивительные результаты во всѣхъ сферахъ человѣческаго знанія, чтобы твой умъ, какъ бы онъ ни былъ географически удаленъ отъ всякихъ очаговъ умственнаго движенія, могъ остаться совершенно чуждымъ его вліянію. Ты, какъ только могъ, слѣдовалъ за ходомъ современныхъ идей: пробѣгаемая тобою орбита, несмотря на всю ея эксцентричность, все-таки опредѣляется закономъ всемірнаго тяготѣнія всѣхъ предметовъ къ одному центру и освѣщается тѣмъ же самымъ солнцемъ, которое сіяетъ на все человѣчество: стало быть, ты не могъ много отстать отъ остального міра. Но какъ бы то ни было, конечно, въ одномъ ты будешь одинаковаго со мною мнѣнія, а именно, что мы не можемъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ держаться, сколько

то возможно, въ области науки; въ настоящее время, мнѣ ничего больше и не надо. Прощай же, мой другъ.

V.—Графу Сиркуру (*Circourt*).

Басманная, 15 января, 1845.

Я только-что получилъ листокъ „Сѣятеля“ (*Semeur*), содержащій отрывокъ проповѣди нашего архіепископа. Журналъ былъ прямо адресованъ къ владыкѣ, который и держалъ его до сихъ поръ у себя: вотъ отчего я такъ долго вамъ не отвѣчалъ. Конечно, лучше было бы, еслибы нескромный листокъ попалъ сначала ко мнѣ, и еще бы лучше, еслибы проповѣдь была напечатана сполна и безъ мудреныхъ комментаріевъ редактора. По счастью, его высокопреосвященство очень мало обратилъ на то вниманія. Я его недавно видѣлъ; получилъ отъ него самый милостивый приѣмъ: добрыя слова, предшествующія отрывку, должно быть, поддержали равновѣсіе. Вамъ очень хорошо извѣстно, что во всѣхъ нашихъ домахъ заточенія есть домовныя церкви, и что на свѣтѣ не существуетъ церкви болѣе снисходительной, какъ церковь православная. Можетъ быть, она даже слишкомъ снисходительна. Въ природѣ религіознаго принципа—экзальтироваться въ томъ, что онъ содержитъ въ себѣ самаго интимнаго, гиперболизировать, такъ сказать, то, что онъ заключаетъ въ себѣ самаго глубокаго. Наша же церковь—существенно аскетическая, точно такъ же, какъ ваша—существенно социальная: отсюда равнодушіе одной ко всему тому, что происходитъ внѣ ея, отсюда—живое участіе, какое другая принимаетъ во всемъ. Это-то и есть два полюса христіанской сферы, которые вращаются на оси ея абсолютной правды, ея настоящей истины. Въ приложеніи мы часто видимъ, что обѣ церкви мѣняются ролями, но судить о принципахъ должно не по отдѣльнымъ случаямъ. Что же касается до того, чтобы видѣть въ нашемъ архіепастырѣ реформатора, то отъ этого можно просто расхохотаться. Онъ самъ этому отъ души смѣялся. Журналистъ просто принялъ ораторскій оборотъ, очень, впрочемъ, хорошо мотивированный, за религіозную революцію. Я всякій разъ удивляюсь самымъ серьезнымъ вашимъ умамъ, когда они дѣлаютъ намъ честь говорить объ насъ. Подумаешь, что мы точно жители иной планеты, надъ которыми нельзя производить наблюденій иначе, какъ съ помощію тѣхъ оптическихъ инструментовъ, которые показываютъ предметы опрокинутыми. Правда, что въ томъ мы сами немного виноваты. Заблужденіе, въ которое вы такъ часто впадаете на нашъ счетъ, частію происходитъ отъ малаго участія, которое мы до сей

поры принимали въ общемъ движеніи идей въ нѣдрахъ человѣчества. Но не далеко время, я надѣюсь, когда мы придемъ занять мѣсто, назначенное для насъ между народами-просвѣтителями міра. Вы, который только-что видѣли насъ собственными глазами, должны были узнать, что въ правахъ для полученія этого мѣста у насъ нѣтъ недостатка. Но еслибы, однакоже, несмотря на это, вы все еще не знали, въ чемъ именно заключаются эти права, вамъ стоить только освѣдомиться объ этомъ у той новой школы, составляющей честь и славу Россіи, чей возвышенный полетъ и высокое значеніе вы сами могли оцѣнить, и я вамъ отвѣчаю, что она доставитъ вамъ обширный каталогъ этимъ правамъ. Видите, что я дѣлаюсь немножко славяниномъ, какъ сказала бы госпожа Сиркуръ. Что же вы хотите? Какъ избѣгнуть заразы, тѣмъ болѣе дѣятельной, что это—патологическое явленіе совершенно новое въ нашемъ климатѣ? Въ ту минуту, какъ я къ вамъ пишу, напримѣръ, мы имѣемъ здѣсь „*Курсъ исторіи русской литературы*“, который воздымаетъ всѣ національныя страсти и въ то же время всю національную пыль. Ученый профессоръ дѣлаетъ настоящія чудеса. Вы не можете себѣ представить, сколько удивительныхъ выводовъ извлекаетъ онъ изъ очень маленькаго числа литературныхъ памятниковъ, разсѣянныхъ по неизмѣримымъ степямъ нашей исторіи, сколько онъ открываетъ могущественныхъ силъ, схороненныхъ въ нашемъ прошедшемъ. Потому, противъ этого величественнаго прошедшаго онъ ставитъ лицомъ къ лицу мелочное прошедшее католической Европы, и стыдитъ ее этимъ прошедшимъ съ увлеченіемъ (*verve*) и высокоуміемъ невѣроятными. И не вздумайте вообразить, чтобы это новое ученіе находило между нами только мало горячія симпатіи; напротивъ, это успѣхъ ошеломляющій. Замѣчательное дѣло, что адепты и противники всѣ ему рукоплещутъ; послѣдніе еще больше первыхъ, повидимому, восхищенные тѣмъ, что и они также принимаютъ за торжество своихъ смѣшныхъ идей. Я не сомнѣваюсь, что нашъ ученый профессоръ успѣетъ доказать до очевидности превосходство нашей цивилизаціи надъ вашею,—тезисъ, который заключаетъ въ себѣ всю его программу. Достоверно то, что не одинъ упрямый умъ приведенъ уже къ молчанію могуществомъ его яснаго, горячаго, живописнаго слова, сильнаго опоромъ просвѣщеннаго патриотизма, и такъ хорошо напоминающаго патриотизмъ нашихъ отцовъ, сильнаго, въ особенности твердо упроченной благосклонностью высшихъ сферъ общества, которыхъ тенденціи не одинъ разъ были шумно высказаны насчетъ этихъ интересныхъ вопросовъ. Онъ, говорятъ, намѣренъ издать свой курсъ. Я буду счастливъ сообщить его ученой Европѣ на всемірномъ языкѣ цивилизованнаго міра. Переписанный по-французски,

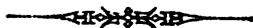
онъ, конечно, произведетъ глубокое впечатлѣніе въ вашихъ широтахъ, и, пожалуй, совершитъ обращеніе порядочнаго числа людей въ этой старой Европѣ, утомленной своими безплодными ругинами, и которая, навѣрное, ни мало не подозрѣваетъ, что у ея дверей существуетъ цѣлый неизвѣстный міръ, богатый всѣми элементами прогресса, которыхъ у нея нѣтъ, содержащій рѣшенія для всѣхъ проблемъ, которыя ее занимаютъ и которыхъ рѣшить она не въ состояніи.

Ничего, впрочемъ, нѣтъ естественнѣе, какъ это превосходство нашей цивилизаціи надъ цивилизаціей вашихъ странъ. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, ваше общество? Безсвязное произведеніе множества разнородныхъ элементовъ, смутная амальгама всѣхъ цивилизацій міра, плодъ насилія, завоеванія и узурпаціи. Мы же, напротивъ того, мы не что иное, какъ простой логическій результатъ одного верховнаго принципа, принципа религіознаго, принципа любви. Единственный посторонній христіанству элементъ, вошедшій въ построеніе нашего соціальнаго зданія, есть элементъ славянскій, а вы знаете, какою мягкой и покорной натурой онъ отличается. Оттого-то всѣ предводители литературнаго движенія, которое въ настоящую минуту посреди насъ совершается, какъ ни расходятся они въ другихъ вопросахъ, согласны въ томъ, что мы настоящій народъ Господень новыхъ временъ,—точка зрѣнія, въ которой, если хотите, нѣтъ недостатка въ нѣкоторомъ ароматѣ мозаизма, но въ которомъ, однако, вы найдете удивительную глубину, если разсмотрите великолѣпную роль, которую церковь играла въ нашей исторіи и толпу вашихъ предковъ, увѣнчанныхъ ею священнымъ нимбомъ. Мало того, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ умовъ нашихъ, и котораго вы легко узнаете по этой чертѣ, недавно доказалъ со свойственной ему могущественной логикой, что христіанство въ своемъ принципѣ возможно было только въ нашей соціальной средѣ, что оно могло въ совершенствѣ расцвѣсти только тутъ, потому что мы были единственный народъ въ мірѣ, прилично организованный для воспринятія его въ самой чистой его формѣ: изъ чего слѣдуетъ, какъ видите, что, говоря строго, І. Х. могъ бы и не разсылать своихъ апостоловъ по всей землѣ, и что одного апостола св. Андрея достало бы совершенно на всю задачу, распределенную между ними. Конечно, само собою понятно, что откровенное ученіе, разъ достигнувшее до полнаго своего развитія въ этой приготовленной для него атмосферѣ, можетъ все-таки продолжать свой ходъ для окончанія своей всемірной палингенезиса, и слѣдовательно, вы можете до нѣкоторой степени питать надежду, что нѣкогда оно придетъ и къ вамъ. Можетъ быть, нѣкоторые найдутъ, что было бы довольно затрудни-

тельно согласить все это съ космическимъ принципомъ христіанства, столь упорно проповѣдуемымъ въ другомъ полушаріи христіанской вселенной, но это-то именно существенное различіе между двумя ученіями и даетъ намъ передъ вами столько преимуществъ. Мы не осуждены, какъ вы, на вѣчную неподвижность, мы не окаменѣли, какъ вы, въ догматъ, и наши вѣрованія, напротивъ того, допускаютъ самыя счастливыя и самыя разнообразныя приложенія христіанскаго принципа, и главнымъ образомъ приложеніе его къ принципу національному,—преимущество неизмѣримое, и въ которомъ вы не можете намъ довольно завидовать. Нашъ любезный профессоръ связывалъ намъ также наемни съ высоты своей каедры, съ выраженіемъ глубокаго убѣжденія и самымъ звучнымъ своимъ голосомъ, что мы—избранный сосудъ, предназначенный собрать, сохранить въ его чистотѣ евангельскій догматъ для передачи его въ данное время народамъ, созданнымъ менѣе счастливо, нежели мы. Этотъ новый путь христіанства, любопытное открытіе нашего туземнаго разумія,—я въ томъ не сомнѣваюсь,—будетъ принято всѣми христіанскими исповѣданіями, какъ только они про него узнаютъ, но до тѣхъ поръ вамъ не нужно очень удивляться, ежели въ одинъ изъ этихъ прекрасныхъ дней вы, быть можетъ, узнаете, что въ то время, когда вы были еще погружены въ средневѣковый мракъ, мы шли уже гигантскими шагами путемъ всѣхъ вообразимыхъ прогрессовъ, что мы тогда уже обладали всѣми благодѣяніями новѣйшей цивилизаціи, болѣею частію тѣхъ учреждений, которыя у васъ и до сихъ поръ еще находятся только въ состояніи утопій. Безполезно говорить вамъ, какое бѣдственное событіе остановило наши шаги на этомъ славномъ шествіи въ теченіе вѣковъ; вамъ это тысячу разъ повторяли въ ваше пребываніе въ Москвѣ, но я не могу оставить васъ въ невѣдѣніи насчетъ личнаго моего мнѣнія объ этомъ предметѣ. Да, вторженіе западныхъ идей, этихъ идей, отвергаемыхъ всѣмъ нашимъ историческимъ прошедшимъ, всѣми нашими національными инстинктами, парализовало наши силы, исполнило ложью всѣ наши прекрасныя тенденціи, извратило всѣ наши добродѣтели, наконецъ, низвело насъ до вашего уровня, или недалеко отъ него. Стало быть, надо воротиться назадъ, надобно опять отыскать это прошедшее, которое вы у насъ такъ злобно похитили, перестроить его вновь какъ можно лучше, и помѣститься въ немъ съ тѣмъ, чтобы ужъ изъ него больше не выходить. Это именно дѣло занимаетъ теперь наши лучшіе умы,—дѣло, къ которому я присоединяюсь отъ глубины души, котораго успѣхъ составляетъ предметъ моихъ желаній, и тѣмъ больше, что я убѣжденъ, что родъ обратнаго круженія, которое мы теперь выносимъ, не можетъ быть оцѣненъ вполне иначе, какъ въ

день своего окончательнаго торжества. Не знаю, какое мнѣніе вы будете въ состояніи составить себѣ о всемъ томъ, что я вамъ сказалъ, и желаю, чтобы вы не ошиблись насчетъ моего мнѣнія; но все же, ежели черезъ нѣсколько лѣтъ вы прійдете поглядѣть на насъ, вы можете вдоволь подивиться плодамъ нашего ретрограднаго развитія.

Въ ту минуту, какъ хотѣлъ складывать свое письмо, получаю вашу статью въ „Святелѣ“. Желаю, чтобы его высокопреосвященство принялъ предостереженіе, какъ слѣдуетъ хорошему христианину. Ваши замѣчанія мнѣ кажутся немножко строгими, хотя въ основаніи справедливыми. Мы объ этомъ поговоримъ, когда я стану вамъ отдавать отчетъ въ дѣйствіи, какое они произвели на нашего почтеннаго пастыря. Я еще не могъ добыть себѣ нумера „Женевской Библіотеки“, о которомъ вы мнѣ говорили въ своемъ письмѣ, но въ твердой надеждѣ васъ тамъ на-дняхъ прочитать. Потрудитесь напомнить о мнѣ госпожѣ Сиркуръ и увѣрить ее въ моемъ уваженіи. Лыщу себя, что она не сохранила слишкомъ ненавистнаго воспоминанія о нашемъ славянскомъ фанатизмѣ вообще и о моемъ въ особенности. Я самъ также мало имѣю вкуса къ исключительнымъ и узкимъ національностямъ; признаюсь даже, что не особенно почитаю эту географическую добродѣтель, изъ которой такъ много шумѣла языческая древность и которой евангеліе не вѣдаетъ: вотъ, однакоже, размышленіе, которое госпожа Сиркуръ позволитъ мнѣ предложить ей, разумѣется, предоставляя ей его исправить. Нѣтъ сомнѣнія, что Парижъ есть теперь великій очагъ всемірнаго соціальнаго движенія, что его салоны—привилегированные центры словесной мысли нашего вѣка; достовѣрно также, что въ наши дни въ Парижъ стремятся мысли и умы добывать себѣ вѣнцы, ореолы и патенты; но нельзя также отвергать и того, чтобы кое-гдѣ не существовало казихъ-нибудь маленькихъ очаговъ, мало извѣстныхъ центровъ, и въ этихъ очагахъ, въ этихъ центрахъ, казихъ-нибудь бѣдныхъ мыслей, бѣдныхъ умовъ, которые безъ излишней самонадѣянности не были бы вправѣ испрашивать, если не милостыню глубокаго интереса, то, по крайней мѣрѣ, милостыню серьезнаго любопытства, особенно со стороны людей, которыхъ нехорошій вѣтеръ принуждалъ иногда выносить крушеніе на нашихъ бесплодныхъ песчаныхъ берегахъ, и которые, слѣдовательно, сами могли оцѣнить тѣ усилія, которыя мы дѣлаемъ для ихъ разработки.

ЭСКИЗЫ

ИТАЛЬЯНСКАГО ОБЩЕСТВА

V *).

«Поэзія—это страстная рѣчь, одушевленнымъ выраженіемъ которой служатъ стихи: въ этомъ смыслѣ ни одинъ народъ не лишенъ поэзіи или музыки. Однако *итальянская нація не принадлежитъ къ поэтическимъ по преимуществу націямъ; итальянцамъ недостаетъ сердечной страсти*, стремленія идеализировать человѣческое и очеловѣчивать неодушевленное, а вмѣстѣ съ этимъ самая сущность искусства... даже самыя высокія литературныя произведенія Италіи, дивныя поэмы, какъ «Божественная Комедія» Данта, и историческія книги, какъ Саллюстій и Макіавелли, Тацитъ и Коллетта, дышатъ скорѣе риторической, нежели наивной страстью. Даже въ самой музыкѣ, какъ въ старое, такъ и въ новое время у нихъ преобладаетъ не столько *творчество*, сколько *артистичность*, доходящая до виртуозности и ставящая на мѣсто истиннаго и одушевленнаго искусства пустой и мертвѣющей идолъ» ¹⁾).

Такъ высказался о нашемъ искусствѣ, лѣтъ двадцать тому назадъ, знаменитый писатель, глубоко изучившій итальянскія и въ особенности римскія древности и слывшій преданнѣйшимъ изъ друзей, какіхъ только нашъ край насчитываетъ среди иностранцевъ. Но если Италия не принадлежитъ, какъ утверждаетъ

*) См. „Вѣстн. Евр.“ 1878 г., январь и августъ.

¹⁾ Mommsen, *Römische Geschichte*, т. I, гл. XV.

Моммзенъ, въ націямъ, наиболѣе одареннымъ поэтическимъ и художественнымъ талантомъ, то какія же націи по преимуществу одарены имъ? Конечно, историкъ Моммзенъ считаетъ, что самая художественная нація въ мірѣ—это германская, и если его опредѣленіе искусства вѣрно (не думаю, чтобы многіе нѣмцы согласились съ нимъ), онъ былъ бы правъ. Но доказательствомъ того, что нѣмцы вовсе не художественный по преимуществу народъ, служить самое это опредѣленіе Моммзена, доказывающее, что въ Германіи до сихъ поръ еще не вполне ясно понимаютъ, въ чемъ состоитъ искусство. Искусство въ глазахъ Моммзена—это воспѣтое страданіе; еслибы Моммзенъ былъ правъ, то художникомъ по преимуществу слѣдовало бы считать Генриха Гейне, вполне отвѣчающаго требованіямъ, предъявляемымъ искусству знаменитымъ нѣмецкимъ историкомъ. Но какъ больной человѣкъ не есть человѣкъ нормальный, такъ и патологическая поэзія Гейне не можетъ считаться искусствомъ. Поэтъ, вѣчно воспѣвающий страданіе, долженъ быть больнымъ человѣкомъ, и еслибы Моммзенъ съ меньшимъ легкомысліемъ отнесся къ своему предмету, то могъ бы и въ Италіи найти человѣка, который по его понятіямъ олицетворяетъ истиннаго художника. Если и страданіе Джакомо Леопарди, несчастнѣйшаго изъ нашихъ поэтовъ, страданіе риторическое, то ужъ я и не знаю наконецъ, какое бываетъ истинное страданіе. И кто посмѣетъ называть риторическимъ страданіе, выраженное въ поэмѣ Данта и въ мелодіяхъ Беллини? Моммзенъ олеветаетъ итальянское искусство и Италію, отрицая въ нихъ способность чувствовать и выражать страданіе. Еслибы у насъ ничего не было, кромѣ поэмы Виргилія, то и тогда уже заключеніе нѣмецкаго историка было бы крайне несправедливо. Нѣмецкое искусство (при всемъ моемъ уваженіи къ нему) не уважаетъ во всей своей литературной исторіи одного произведенія, въ которомъ бы художественнѣе и правдивѣе воспѣто было страданіе. «Фаустъ» представляетъ цѣлое, состоящее изъ дивныхъ частей, но ему недостаетъ творческаго единства. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть въ письмахъ Гёте, какъ старательно и съ какимъ трудомъ онъ выработывалъ и объединялъ различные отрывки. Въ «Фаустѣ» мы находимъ такое же вдохновеніе, какъ и въ поэмѣ Данта. Но въ «Божественной Комедіи» вдохновеніе постоянно держится на возвышенной и лучезарной высотѣ; въ «Фаустѣ» же божественный элементъ, вмѣсто того, чтобы сосредоточиться, распадается. Итальянскій художникъ сосредоточиваетъ въ себѣ поэзію всего міра и когда кончилъ пѣть, то уподобляется какому-то сверхъ-человѣче-

скому существу. Нѣмецкій художникъ, которому, быть можетъ, не достало, при всей обширности замысла, умѣнья сосредоточить на одномъ пунктѣ всю силу своей поэзіи, разсѣялъ ее по разнымъ превосходнымъ, но фантастическимъ гимнамъ пантеизму. Геній Гёте развлекается и заимствуетъ свои эффекты изъ различныхъ звуковъ, какими природа убаживаетъ его слухъ; геній Данта не пропускаетъ мимо ушей этихъ музыкальныхъ нотъ, но онѣ не составляютъ главнаго элемента, но лишь одинъ изъ многихъ, на которыхъ зиждется его поэма. *Immer weiter, immer höher* Гёте, воспроизведенный въ *Excelsior* Лонгфелло, расплывается въ безвѣчномъ, между тѣмъ это безвѣчное каждый можетъ идеализировать по-своему: оно пригодно для всякихъ вѣрованій и даже для безвѣрія; возвышаться надъ міромъ, проникать въ глубь вещей—это вѣчная потребность человѣческаго духа; поэтому ничто не можетъ быть естественнѣе, человѣчнѣе, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и неопредѣленнѣе вопля Гёте; но по тому самому и не требуется особеннаго художественнаго таланта, чтобы испустить его. Насколько больше требуется силы творческаго генія, художественнаго таланта, чтобы создать «Божественную Комедію», съ гимномъ «Рая», въ которомъ поэтъ показываетъ намъ, что онъ нашелъ въ высшихъ сферахъ духа. Разумѣется, этотъ міръ не есть тотъ міръ, въ который я вѣрю; но когда геній Данта переноситъ меня въ это море райскаго свѣта, я восхищаюсь силою его таланта, которому удается заставить меня жить, восхищаться и наслаждаться вещами, лежащими внѣ доступнаго мнѣ реальнаго міра, и даже убѣдить меня, что тѣ, что мнѣ является въ сновидѣніи, есть дѣйствительность. Моммзенъ назоветъ и этотъ изумительный талантъ риторическимъ; но я утѣшаюсь мыслью, что такая риторика единственная въ своемъ родѣ и не доступна подражанію.

Когда Моммзенъ писалъ эти несчастныя строки, угнетаемая всякими тиранами Италія ни въ чемъ не давала признака жизни, кромѣ искусства. Мнѣ кажется, не совсѣмъ человѣчно было говорить въ такую эпоху, что у насъ нѣтъ даже художниковъ. Теперь, когда Италія освободилась и возрождается къ новой жизни путемъ науки, Моммзенъ пишетъ письмо одному изъ нашихъ знаменитыхъ археологовъ, напечатанное въ газетахъ, въ которомъ оплакиваетъ бывшее время, когда Италія лучше занималась науками. По истинѣ, трудно угодить знаменитому историку, который, опираясь на то добро, котораго онъ намъ желаетъ, присвоиваетъ себѣ право злословить о насъ съ тономъ авторитета. Я берусь въ другой разъ доказать, что Моммзенъ дѣлаетъ че-

резьбуръ рискованный выводъ о пониженіи уровня нашихъ научныхъ занятій. Въ настоящее время ограничусь указаніемъ, что со времени классической Греціи не существовало въ мірѣ искусства болѣе совершеннаго, чѣмъ итальянское.

Прежде всего, для того, чтобы въ искусствѣ было много поэзіи, и принимая во вниманіе, что оно должно служить отраженіемъ природы и жизни, необходимо, чтобы природа и жизнь были исполнены поэзіи. Не намъ, конечно, хвалить наше небо и нашу природу, когда ихъ уже безъ мѣры и восторженно расхваливаютъ за насъ наши иностранные гости. Природа Италіи представляетъ всѣ красоты альпійскихъ стремнинъ и морскихъ береговъ. Поэтическое разнообразіе климата создало разнообразіе нашего населенія. Это разнообразіе составляетъ наше богатство и главную силу нашего искусства, и иностранные критики могутъ завидовать намъ; но не въ силахъ отнять у насъ этого блага. Это разнообразіе произвело у насъ два разряда художниковъ: художниковъ мѣстныхъ, передающихъ живо и правдиво характеристичныя черты той мѣстности, въ которой родились, — превосходныхъ, когда ограничиваются изображеніемъ мѣстныхъ типовъ, и неудовлетворительныхъ, когда берутся за изображеніе общихъ характеровъ; и художниковъ національныхъ, которые, будучи одарены артистическимъ гениемъ и вкусомъ, умѣютъ обобщить индивидуальную типичность съ національной и въ нѣкоторомъ родѣ идеальной стороны, и это обобщеніе, не лишая талантъ оригинальности и непосредственности, придаетъ ему необходимую мѣру и возвышенность. И тѣ, и другіе художники имѣютъ свою цѣну, но вторые изъ нихъ имѣютъ то преимущество, что понятны и привлекательны для всѣхъ, потому что умѣютъ отовсюду извлекать наилучшее, между тѣмъ, какъ первые оцѣняются только земляками.

Та же исторія, что въ жизни, повторяется и въ искусствахъ: попробуйте, напримѣръ, въ Неаполѣ пуститься въ разсужденія съ однимъ изъ остроумныхъ и въ самой изнѣженности своей оживленныхъ простолюдиновъ, и если вы не задались специально идеей находить все, что представится вашимъ глазамъ, низкимъ, вы должны будете согласиться, что картина, развертывающаяся передъ вами, не только имѣетъ свое оправданіе, но и характеристична и поэтична. Перенесите его въ loggia Органьи и онъ васъ изумитъ. Но если тотъ же самый неаполитанецъ получить образованіе, а талантъ его окажется настолько сильнымъ, чтобы объять міръ, простирающійся за предѣлами Неаполя, то онъ утратитъ свою каррикатурность и сохранитъ только

раектерность, которая придастъ оригинальность его произведеніямъ, задуманнымъ въ широкомъ итальянскомъ, а быть можетъ и общечеловѣческомъ стилѣ.

Наши гениальные люди, черпая свою первоначальную энергію изъ родной имъ мѣстности, путемъ искусства становятся истинными сынами Италіи. Такимъ образомъ, если въ Алдигьери и въ Маккиавелли и проглядываетъ флорентинецъ, въ Альфьери пьемонтецъ, въ Манцони ломбардецъ, то художественное чутье придало имъ ту гармонію чувствъ и мыслей, благодаря которой они сливаются со всей націей и которая сдѣлала ихъ понятными и близкими для всѣхъ итальянцевъ вообще.

Въ Италіи, слѣдовательно, существуютъ два главныхъ физическихъ условія, необходимыя для созданія искусства. Кромѣ того, существуютъ и условія историческія. Итальянскій гениі обладаетъ двумя существенными качествами: впечатлительностью и силой; впечатлительностью для восприниманія прекраснаго, и силой для его передачи. Если искусство есть гармонія, какъ полагали греки, то въ Италіи оно развито въ высшей степени. Способъ, какимъ вся Италія создавала и поддерживала грандіозное единство древняго Рима, является первымъ доказательствомъ ея инстинкта гармоніи. Римъ поглотилъ Италію, но въ свою очередь ассимилировалъ провинціальныя особенности. Римское искусство осталось бы жесткимъ съ Варрономъ и Катонемъ, римскими уроженцами, но смягчилось, благодаря мантуанцу Вергилію, веронцу Катуллу, падуанцу Ливію, уроженцу Абрुццовъ Овидію, благодаря Горацию и Цезарю, учившимся въ Греціи и знакомымъ съ различными народами и обычаями. Каждый изъ нашихъ великихъ писателей древности заимствовалъ отъ Рима энергію и сообщалъ ему мягкость. Равновѣсіе, какъ бы инстинктивно установленное между изяществомъ и силой, составляетъ краеугольный камень латинской литературы. Когда, съ паденіемъ Рима, центръ новой жизни перенесся въ среднихъ вѣкахъ во Флоренцію, то итальянскій собственно элементъ взялъ верхъ, и подобно тому, какъ въ древней литературѣ мягкость пропитала энергію, такъ въ новой литературѣ врожденная тосканская мягкость пропиталась энергіей другихъ, болѣе сильныхъ, чѣмъ тосканцы, населеній. Такимъ образомъ, латинскому языку, отличавшемуся прежде всего силой и энергіей, венеціанскіе и неаполитанскіе писатели сообщили мягкость и изящество; а языкъ поэтовъ и хронистовъ тосканскихъ, ставши языкомъ итальянскимъ, пріобрѣлъ силу и энергію. Мягкость, существующая въ итальянцѣ, заимствована у грековъ, а энергія и мужественность—наслѣдіе латинское; то связы-

вается римская кровь, текущая въ нашихъ жилахъ. Когда два этихъ типа сливаются, итальянецъ получаетъ истинно возвышенный характеръ. Дантъ, Леонардо-да-Винчи, Массимо д'Азелю — это такія личности, какія можно встрѣтить только въ Италіи. Воины, политики, художники и писатели въ одно и то же время — и почти равной силы; страстные и умѣющіе владѣть своими страстями; сильные и мягкіе, они въ высшей степени привлекательны и отличаются всѣми достоинствами первоклассныхъ художниковъ. Они съ самаго начала внесли жизнь въ искусство, и нигдѣ послѣднее не можетъ быть совершеннѣе, чѣмъ въ Италіи, гдѣ природа и исторія содѣйствуютъ художнику. Сѣверный человекъ не можетъ жить, какъ хочетъ, потому что природа, климатъ и общественныя условія, вытекающія изъ условій физическихъ, принуждаютъ его создавать себѣ искусственную обстановку жизни на большую часть года, — жить въ тепличной атмосферѣ, гдѣ возможно прозябаніе, а не полнота жизни. Поэтому, какія бы опредѣленія искусства ни изобрѣлъ Моммзенъ, онъ не властенъ измѣнить того обстоятельства, что природа, наиболѣе приспособленная къ созданію искусства, есть природа итальянская и что художникъ, наиболѣе способный изображать эту природу, тотъ, который выросъ среди нея, въ силу того, что *simile a sé l'abitator produce*. Если Моммзенъ подумаетъ о томъ, что Тэнъ пишетъ объ артистической средѣ, то долженъ будетъ сознаться, — не въ обиду ему будь сказано, — что говоря о нашемъ искусствѣ, онъ просто напуталъ. Мы воспѣваемъ страданіе только тогда, когда его чувствуемъ, мы не задаемся такой задачей, чтобы во всю свою жизнь играть на одной только струнѣ, когда струны нашей жизни многочисленны и разнообразны.

Наши выраженія соотвѣтствуютъ нашимъ впечатлѣніямъ. Въ средніе вѣка воспѣвали Мадонну и святыхъ, писали духовные гимны. Когда изучали мы древніе кодексы, то придавали нашему искусству оттънокъ классической эрудиціи; когда въ Италіи основались первые дворы и первыя государства, наши поэты стали придворными, а наши прозаики принялись писать политическіе трактаты; когда испанцы занесли къ намъ свою спѣсь, она отразилась и на нашихъ писателяхъ; когда восемнадцатое столѣтіе съ одной стороны принялось воспѣвать аркадскіе нравы, а съ другой — готовить революцію, наши академіи съ одной стороны занимались аркадской поэзіей, съ другой — Витторіо Альфьери сокрушали тирановъ на сценѣ, Беккарія и Филанджери закладывали фундаментъ новаго законодательства; когда въ нашемъ столѣтіи

выступилъ впередъ вопросъ о національностяхъ, наше искусство прониклось этимъ вопросомъ и дружно проводило его. Поэтому, благодаря быстротѣ, съ какой слѣдуетъ у насъ выраженіе за впечатлѣніемъ, существуетъ постоянное соотношеніе между нашей поэзіей и общественной жизнью; различные фазисы послѣдней постоянно отражались на литературѣ. Когда въ Италіи нарождались истинные художники, искусство наше всегда являлось представителемъ правды, то-есть нашей природы и общественныхъ условій. Итальянское искусство по преимуществу пластичное; новелла Бовкаччіо, отрывокъ изъ Полиціано и страница изъ *Principe*, глава изъ *Cortigiano* и сонетъ Тасса, нѣсколько строкъ изъ Бартоли, сцена изъ Гольдони, страница изъ Манцони лучше знакомятъ съ характеромъ тринадцатаго, четырнадцатаго, пятнадцатаго, шестнадцатаго, семнадцатаго, восемнадцатаго и нашего вѣковъ, чѣмъ любая исторія, повѣствующая объ итальянскихъ событіяхъ въ этихъ вѣкахъ. Но пластика, возразить профессоръ Моммзенъ, не есть искусство, не есть поэзія. Искусство, поэзія требуетъ идеала, а у итальянца, меньше чѣмъ у какого-либо другого народа, развито стремленіе въ идеалу. Итальянцы, хотя и пользуются неопытнымъ счастіемъ давать приютъ въ Римѣ главѣ католической религіи, по этому самому, быть можетъ, наименѣе религіозный народъ въ мірѣ; когда они не идолопоклонники, то индифференты. Все это можетъ быть справедливо. И тѣмъ не менѣе, я не считаю итальянцевъ менѣе склонными въ идеальному, чѣмъ нѣмцы. Есть только нѣкоторая разница въ возрѣніи на идеалъ: итальянецъ ищетъ его въ жизни, а нѣмецъ въ заоблачныхъ пространствахъ; итальянецъ прежде всего желаетъ облечь свой идеалъ въ плоть и кровь; нѣмецкій идеалъ зачастую бесплотенъ до того, что становится неувидимымъ.

Итальянскій идеалъ почти всегда тѣсно связанъ съ реальнымъ міромъ и почти всегда представляетъ реальную жизнь, возведенную въ перлъ созданія. Я не думаю отрицать услуги, оказанныя трансцендентальнымъ нѣмецкимъ гениемъ философіи, и не отрицаю также, что міръ заоблачный, населенный видѣніями и грѣзами, можетъ обяательно дѣйствовать на пылкое воображеніе; насколько эти грѣзы напоминаютъ мнѣ младенчество міра, они для меня привлекательны и я благословляю нѣмецкую науку, которая помогала мнѣ прослѣдить ихъ. Эта первобытная исторія нашего рода поучительна и никто лучше нѣмцевъ не сумѣетъ сказать намъ, какъ грѣзли наши предки, такъ какъ и по настоящее время нѣмцы—самые фантастическіе мечтатели въ мірѣ. Конечно, князь Бисмаркъ, мечтающій объ округленіи

границь германской имперіи, не мечтаетъ. Но и онъ въ нѣкоторомъ родѣ магъ и волшебникъ; и у него есть магическій жезлъ, силою котораго совершаются въ его очарованномъ кругу великія дѣла. Но будь онъ болѣе искуснымъ художникомъ, онъ бы умѣлъ лучше располагать свои краски и лучше понималъ гармонію, требующую мѣры, для достиженія идеала. Нашъ идеаль не только самый прекрасный, но и единственный возможный, такъ какъ согласуется съ нашей природой. Мы жеедемъ идти впередъ, вотъ весь нашъ идеаль. Все, что мы видимъ извнѣ и что можетъ дѣйствительно привести къ прогрессу, составляетъ предметъ нашихъ мечтаній. Дальше этого наши мечты не заходятъ. И поэтому мы будто бы уступаемъ, какъ поэты и какъ художники, мечтательнымъ нѣмцамъ? И мы идеализируемъ чловека, дѣлая его лучше; но не стремимся *das Leblose zu vermenschlichen* (очеловѣчивать неодушевленное), потому что это было бы противно природѣ, а что противно природѣ, противно итальянскому гению. Но природа наша, къ счастью, велика и произведенія наши могутъ быть поэтому велики. Само собою разумѣется, что, говоря объ итальянскомъ искусствѣ, я разумѣю великое искусство, искусство, составляющее достояніе наилучшихъ нашихъ художниковъ; ибо, хотя артистическія способности присущи многимъ итальянцамъ, но немногіе воспитываютъ ихъ и развиваютъ ихъ силу. Но истинные артисты—великіе агенты прогресса. Поэма Данта, пѣсни Петрарки, статуи Микель-Анджело, сочиненія Галилея, сатира Парини, трагедіи Альфьери и Никколини—не менѣе высокія творенія итальянскаго ума, чѣмъ преобразование нашей жизни. Самый романъ, который въ иныхъ мѣстахъ имѣетъ цѣлью одно развлеченіе, у насъ или является протестомъ противъ чужестраннаго ига, какъ въ «*Promessi Sposi*», или имѣетъ цѣлью возбудить храбрость итальянцевъ, какъ въ «*Sfido di Barletta*», или возбудить негодованіе итальянцевъ на тираннію, какъ въ «*Assedio di Firenze*» и «*Pusterla*». Наше искусство освѣщаетъ жизнь, какъ скоро воснетъ ея. Мадонны Рафаэля учатъ скромности нашихъ женщинъ, а картины Корреджіо освѣщаютъ радости семейной жизни. Наши идеальные типы изображаются не въ видѣ мечтателей, но въ видѣ работниковъ. И итальянскій артистъ, сознавая, какое обаяніе производитъ красота на людей, по тому впечатлѣнію, какое она производитъ на него самого, облекаетъ свои идеи въ очаровательныя формы. Итальянскій художникъ любитъ красоту, потому что итальянская природа развиваетъ въ немъ инстинктивное стремленіе изображать красоту. Повторяю: наше вдохновеніе вращается въ заоблачномъ мірѣ, но живетъ въ мірѣ

реальномъ, придавая ему болѣе рельефное и болѣе энергичное выраженіе. Наше вдохновеніе черпается изъ прошлой исторіи и настоящей жизни; его идеальная цѣль ограничивается стремленіемъ возбудить въ итальянскомъ народѣ энтузіазмъ и любовь въ прогрессу. Но оттого, что цѣль у него практичная и жизненная, оно не менѣе возвышенно и поэтично, чѣмъ неопредѣленное и туманное вдохновеніе, царящее въ германскомъ искусствѣ, которое рѣдко овладѣваетъ вполне и всесторонне сюжетомъ изъ реальной жизни и всегда отмѣчено въ своемъ выраженіи чѣмъ-то слишкомъ рѣзкимъ или слишкомъ туманнымъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что и это искусство имѣетъ свою прелесть, но я настаиваю на слѣдующей мысли, потому что она мнѣ кажется основательной. Обаяніе, оказываемое имъ на насъ, благотѣльно, насколько оно способно окрашивать идеальнымъ свѣтомъ прошлыя эпохи и вносить поэзію въ исторію; но касательно будущаго оно не даетъ намъ ничего яснаго и опредѣленнаго. Я восхищаюсь гениемъ Рихарда Вагнера въ музыкѣ столько же, сколько восхищаюсь гениемъ Гёте въ «Гейцъ фонъ-Берлихингенъ» и гениемъ Уланда въ балладахъ. Онъ придаетъ своей музыкой поэтической колоритъ, форму, характеръ исторіи отдаленныхъ временъ, и создаетъ поэму, которая, оставаясь правдивой, представляется идеальной. Осторожное подражаніе нѣмецкому искусству въ этомъ направленіи принесетъ намъ немалую пользу. Мы, колористы отъ природы и по преимуществу, слишкомъ увлекаемся, когда описываемъ прошлое, колоритомъ вещей настоящаго времени. Нѣмецъ лучше насъ умѣетъ отвлекаться отъ настоящаго и переноситься въ прошлое. Поэтому, когда онъ изображаетъ свое отдаленное прошлое, то преклонимся передъ нимъ, какъ передъ своимъ учителемъ; но когда онъ рисуетъ намъ будущее, то будемъ держаться своего собственнаго инстинкта и создавать свое будущее, опираясь на окружающую насъ реальную жизнь. Могутъ быть люди, которымъ лучше извѣстно прошлое, чѣмъ намъ, и которые лучше изобразятъ его, чѣмъ мы; но идеалъ для будущей жизни долженъ непосредственно исходить изъ личнаго характера каждаго народа. Идеалы, принятые извнѣ, искусственны и не живучи.

Моммзенъ забылъ еще упомянуть о томъ, что въ Италиі существуютъ всѣ элементы, необходимые для образованія артистическаго народа, и что искусство не заключено только въ однихъ церквахъ и музеяхъ, бібліотекахъ и театрахъ. Кто пріѣзжаетъ въ Тоскану, тотъ прежде всего восхищается эстетической красо-

той мѣстности. Зеленая котловина, разстилающаяся между моремъ и Апенниннами и образуемая Арно и его притоками—вотъ первая вдохновляющая улыбка тосканскаго искусства; благорастворенный ароматическій воздухъ разноситъ эту улыбку, а живыя и изящныя нарѣчія его воспѣваютъ. Если бы Моммзень, вмѣсто того, чтобы обратить все свое вниманіе въ Италиі на строгое величіе римскихъ памятниковъ, присоединился въ нашему превосходному ученому Джуліани, изслѣдующему красоты живого тосканскаго языка, то я убѣжденъ, что онъ отказался бы отъ ложнаго мнѣнія, составленнаго имъ насчетъ артистическихъ способностей итальянцевъ. Онъ, очевидно, изслѣдовалъ наше искусство поверхностнымъ образомъ съ его академической и оффиціальной стороны. Еслибы онъ ближе познакомился съ нашимъ народомъ, хорошенъко изучилъ бы его и поговорилъ съ нимъ, то увидѣлъ бы, какой родникъ поэзіи скрытъ въ немъ. Конечно, нашъ народъ не каждый день бываетъ поэтомъ; но если страсть овладѣваетъ имъ, языкъ его внезапно становится возвышеннымъ, избраннымъ и чудно поэтическимъ. Страсть говоритъ въ Италиі артистическимъ и поэтическимъ языкомъ. Вотъ естественное преимущество нашего народа въ дѣлѣ искусства. Наше искусство заключается въ правдоподобіи, мѣрѣ, гармонической ровности мягкаго, но и энергическаго изящества. И таково оно, потому что таково въ сущности наша природа. Въ общемъ характерѣ итальянскаго искусства сглаживаются рѣзкости мѣстныхъ характеровъ: строгая суровость пьемонтца, ломбардская извѣженность, венеціанское злоязычіе, римская медлительность, неаполитанская подвижность, сицилійская необузданность, тосканское легкомысліе, умѣряемая искусствомъ становятся неопѣвными качествами и сливаются въ одно гармоническое цѣлое, какова бы ни была преобладающая черта. Пьемонтець жестокъ, но энергиченъ, ломбардець извѣженъ, но великодушенъ, венеціанецъ злоязыченъ, но остроуменъ, тосканецъ легкомысленъ, но добродушенъ, римлянинъ медлителенъ, но исполненъ чувства собственнаго достоинства, неаполитанецъ подвиженъ, но ловокъ, сициліецъ пылокъ, но нѣженъ. Каждый недостатокъ уравнивается хорошимъ качествомъ или—лучше сказать, каждое наше хорошее качество, доходя до крайности, становится каррикатурнымъ. Наши пантомимы представляютъ насъ въ каррикатурѣ, а не въ истинномъ свѣтѣ. Но какъ онѣ не составляютъ нашего искусства, такъ и не слѣдуетъ изъ нихъ дѣлать какихъ-нибудь выводовъ. Джамдуія, Менегино, Арлевинъ, Сентерелло, Рогантино, Пульчинелла не только не находятъ

доступа въ салоны, но и осворбляютъ вкусъ народа, когда показываются на площади: очевидное доказательство, что они не суть произведенія нашего художества, но вульгарныя орудія, путемъ которыхъ передъ нашими глазами выставляются наши собственные недостатки. Они, такъ сказать, болѣзненные наросты, и тотъ, кто усмотрѣлъ бы въ нихъ вмѣсто карриатуры идеаль, былъ бы и плохимъ итальянцемъ и плохимъ артистомъ. Это такъ справедливо, что драматическая литература, возникающая у насъ на мѣстныхъ диалектахъ въ Туринѣ и Миланѣ отказалась вводить ихъ въ свои произведенія, потому что они не представляютъ ни реальной дѣйствительности, ни идеала пьемонтской и ломбардской жизни. Какъ аллегорическія фигуры, они слишкомъ грубы, чтобы искусство могло воспользоваться ими. Итальянское искусство требуетъ эстетическаго достоинства отъ формы и идеальнаго содержанія. Искусство порождается жизнью и непосредственно вліяетъ на жизнь. Весь итальянскій народъ, взятый въ общности, великій артистъ: болоритный, потому что видитъ яркія краски кругомъ себя; изящный, потому что вся природа кругомъ него изящна; говоритъ на гармоническомъ языкѣ, потому что гармонія царитъ и въ нашемъ небѣ, и въ нашей почвѣ и въ самой жизни, столь разнообразной и чистой, пока чужеземцы не явились разрушить ея гармонию, а папы не призвали чужеземцевъ, державшихъ насъ въ угнетеніи, разрозненными. Чувство естественной мѣры, присущее итальянскому народу, всегда возбуждало всеобщее удивленіе и проявлялось особенно рельефно во время политическихъ переворотовъ. Еще болѣе удивленія заслуживаетъ Италия добродѣтельной поворностью, съ какою переноситъ бремя правленія, избраннаго ею ради установленія того единства, которое является ея политическимъ идеаломъ. Оно обезпечиваетъ ея свободу, а она знаетъ, что съ этимъ драгоценнымъ благомъ будущность принадлежитъ ей. Время сгладитъ тѣ шероховатости, какія еще имѣются въ ея виѣшней оболочкѣ; внутри царствуетъ согласіе, жизнь, мощь. Когда проявятся всѣ ея внутреннія силы, тогда, быть можетъ, свершатся чудеса; дѣти наши возликують, а будущіе читатели римской исторіи Моммзена въ Германіи съ изумленіемъ будутъ созерцать положеніе дѣлъ по-ту сторону Альпъ, и станутъ спрашивать себя, что это за новый народъ, который воскресъ въ третій разъ изъ мертвыхъ и въ третій разъ создалъ такое мощное и характеристичное искусство. Когда обновится наша жизнь, тогда искусство наше получитъ новую силу. Въ настоящее время мы уже ожили. Вѣкъ, давшій въ искусствѣ Россини и Манцони,

если бы и не далъ ничего иного, можетъ считаться славнымъ. Пускай искусство Россини и Манцони не что иное, какъ *виртуозность* и *риторика*; но виртуозность перваго до сихъ поръ вызываетъ восторгъ эпопеей «Вильгельма Телля», а риторика другого производитъ честныхъ людей. Благословенна такая виртуозность и такая риторика! Онѣ имѣютъ въ нравственномъ мірѣ то же значеніе, что электрическая искра въ мірѣ физическомъ: могутъ зажечь весь міръ, и суть произведенія того самаго итальянскаго генія, которому, какъ увѣряетъ Моммзенъ, не достаетъ *творческой способности* (das schöpferische Talent).

VI.

Недавно напечатанная въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ ¹⁾ статья гласитъ слѣдующее: «современный итальянецъ хуже понимаетъ, сравнительно съ другими націями, древность. Возрожденіе, столь ощутительно отдѣляющее настоящее время отъ древности, заслоняетъ его взоры». Сразу понятно, какія это другія націи пользуются преимуществомъ лучше понимать древность, чѣмъ мы. Да и зачѣмъ тутъ множественное число: довольно было назвать Германію, и никто, полагаю, въ Италіи не сталъ бы противорѣчить. Я самъ, въ предыдущемъ эскизѣ, по собственной инициативѣ заявилъ, что нѣмцы лучше, чѣмъ мы, умѣютъ переноситься съ своими идеалами въ прошлые вѣва, и утверждалъ, что идеаль итальянцевъ ограниченъ человѣческой жизнью. Итальянецъ отождествляетъ свой идеаль съ жизнью. Катулловское: *vivatius, mea Lesbia, atque ametus* есть одна изъ наиболее громко звучащихъ нотъ итальянской природы. Можно понимать жизнь въ болѣе широкомъ, болѣе полномъ, болѣе поэтическомъ смыслѣ, чѣмъ ее понималъ Катулль. Но истина та, что наше искусство, наша поэзія, наука, наше высшее благо возвращаются около жизни. Въ ея — итальянская мысль нѣмѣтъ, потому что внѣ ея прекращается всякая производительная способность, такъ какъ для производства нѣтъ ни основанія, ни матеріи, безъ которой одинъ Господь Богъ умѣетъ творить. Въ этомъ смыслѣ мы менѣе, чѣмъ нѣмцы, способны переноситься въ міръ античный. Мы можемъ, какъ и нѣмцы, исзать, находить, изучать древность, но не

¹⁾ Д-ръ Фолькеръ въ берлинскомъ журналѣ: „Die Wage, Wochenblatt für Politik und Literatur, herausgegeben von Dr. Guido Weiss“, 25 декабря 1873 г.

можемъ, какъ они, слиться съ древностью настолько, чтобы перестать существовать. Древность мы понимаемъ, какъ начало, изъ котораго выработался современный мѣръ, въ которомъ мы живемъ, но не какъ нѣчто отвлеченное, обособленное, чуждое нашей природѣ. Мы еще чувствуемъ, какъ въ насъ самихъ еще отъливается эта древность: жизненная часть древняго мѣра перешла въ насъ; мертвая утратила свое значеніе. Мы еще изучаемъ эту послѣднюю, но скорѣе затѣмъ, чтобы лучше узнать, что такое мы сами, нежели изъ любопытства: каковы-то были наши предки. Нѣмецъ любитъ идеалъ ради идеала, науку ради науки, Бисмарка ради Бисмарка. Этого рода любовь не по насъ и въ силу этого весьма возможно, что мы не такъ добродѣтельны, какъ нѣмцы, но за то сознаемъ себя ближе къ природѣ и болѣе совершенными съ точки зрѣнія смиреннаго человѣческаго организма... и этого съ насъ довольно. Но ошибаются нѣмцы, когда думаютъ, что возрожденіе—причина, мѣшающая намъ обнять древность. Мы, конечно, лучше понимаемъ возрожденіе, чѣмъ античныя времена: эта форма ближе и пригоднѣе для насъ; но послѣдняя не только не мѣшаетъ намъ освоиваться съ древними формами, но помогаетъ, какъ промежуточное звено, уловить ихъ связь съ настоящимъ: такимъ образомъ, отъ возрожденія мы переходимъ къ римской эпохѣ безъ всякихъ акробатическихъ скачковъ и капризныхъ уклоненій. Вслѣдствіе этого, нѣмцы, такъ глубоко изучившіе римскую исторію, воображаютъ, что могутъ гораздо лучше и вѣрнѣе воспроизвести римлянъ въ своемъ воображеніи, нежели мы, такъ какъ ихъ археологическая наука рисуетъ имъ нашихъ предковъ весьма отличными отъ насъ; но мы съ большимъ правомъ можемъ надѣяться, что лучше знаемъ, каковы были тѣ, кого они претендуютъ такъ хорошо знать. Нѣтъ сомнѣнія, что въ натурѣ итальянской есть много непосредственности, но эта непосредственность не есть ни славянское добродушіе, ни нѣмецкая сантиментальность, но открытое простодушіе римлянъ. Этруски въ Тосканѣ и греки въ южной Италіи измѣнили нѣсколько характеръ въ нѣкоторыхъ итальянскихъ провинціяхъ, но вообще—мы гораздо ближе, чѣмъ это обыкновенно думаютъ, къ нашимъ славнымъ предкамъ, не смотря на различныя перипетіи, черезъ которыя уже прошла и черезъ которыя, какъ мнѣ кажется, еще предстоитъ пройти нашей цивилизаціи. Жизнь выпить во всѣхъ частяхъ ея. Въ эпоху возрожденія Тоскана развила всѣ свои силы. Теперь другія провинціи, какъ, на примѣръ, Пьемонтъ и Ломбардія, начинаютъ заявлять себя, и мы не знаемъ еще всего того, что намъ свяжутъ эти двѣ итальянскія области. Онѣ возро-

длились въ жизни всего какихъ-нибудь сто лѣтъ назадъ; необходимо предоставить имъ достигъ своего апогея, чтобы судить объ ихъ мощи. А когда онѣ утомятся, другія дѣйствительныя итальянскія провинці достигнуть своей зрѣлости и станутъ задавать тонъ національной жизни. И когда каждая область въ Италіи надѣлится нашъ край своей новой и характерной цивилизаціей, древнѣйшія провинці, первыя родоначальницы цивилизаціи, отдохнувши, собравшись съ новыми силами и обновенныя въ столкновеніи другихъ провинцій Италіи, снова займутъ свое первенствующее мѣсто въ цивилизованной жизни. Въ нашей странѣ ничто великое не умираетъ вполне; подобно тому, какъ мы явились хранителями древнихъ языковъ, такъ и древняя жизнь наша отголосокъ среди насъ. Нѣмцы желали бы видѣть итальянцевъ сколками съ самихъ себя. Никто такъ не расположенъ, какъ я, чувствовать нѣмецкія достоинства; никто лучше меня не сознаетъ, какъ многимъ обязана наука проникательному, стойкому и энергическому духу Германіи; но для большей ясности и вразумительности моихъ выводовъ, я долженъ упомянуть о тягостномъ впечатлѣніи, какое я вынесъ, изучая отношенія къ намъ Германіи. Долгое время Германія была намъ враждебна: она сражалась съ нами, притѣсняла насъ; она любила прекрасную Италію, но обращалась съ итальянцами, какъ съ рабами. Когда Италія отмстила нѣмцамъ за угнетеніе, тогда нѣмцы кончили тѣмъ, что,—какъ говорятъ наши сосѣди, со стороны сердца—*frent bonne mine à toujours jeu*, и не трогаясь съ мѣста энергически поддержали насъ, и когда съ согласія Германіи были утверждены наши политическіе договоры, чувство, которое пережило въ насъ остальные, было чувство благодарности. Этого чувства мы вовсе не намѣрены отвергать. Англія на парижскомъ конгрессѣ, Франція въ 1859 г., Пруссія въ 1866 и 1870 г., оказали намъ неоцѣненную помощь, которую Италія не можетъ и не должна забывать. Италіи слѣдуетъ помнить о томъ, какъ эти три союзныя державы помогли ей возродиться и дѣйствовать по пути прогресса за-одно съ ними, а не противъ нихъ. Но повторяю, за-одно съ ними, а не позади нихъ. Мы можемъ заимствовать извнѣ нѣкоторыя общія идеи и нѣкоторые частныя выводы, но не весь же складъ нашей жизни. Италія должна выработать себѣ свое собственное оригинальное законодательство, опирающееся на началахъ, характерѣ, потребностяхъ національной жизни. Италія уже два раза выработывала себѣ независимое законодательство: это были римское право и общинное устройство. Возрожденная къ новой жизни, она и теперь въ себѣ самой должна найти типы

новаго законодательства, пригодные для нея. Въмѣсто того, педантизмъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ государственныхъ людей, поклонниковъ англійскаго конституціоннаго правленія, внушилъ имъ мысль, что они поступаютъ необыкновенно мудро, если перенесутъ на нашу почву англійскую конституцію, — растеніе для насъ экзотическое, которое на англійской почвѣ успѣло въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ пустить глубокіе корни, между тѣмъ какъ, перенесенное на итальянскую почву, повидимому осуждено погибнуть, такъ какъ корни таковаго вѣрпаго растенія, какъ англійская конституція, не могутъ быть безнаказанно вырваны изъ почвы, въ которой они прижились, и быть перенесены въ другую, чуждую имъ почву. Всякое растеніе должно жить тамъ, гдѣ оно выросло. Англійская конституція выросла на британской почвѣ и тамъ она живуча, между тѣмъ какъ въ Италиі ей суждено умереть и уступить мѣсто какому-нибудь юному туземному растенію, выросшему самостоятельно на итальянской почвѣ. Подражаніе Англиі намъ не съ руки.

Наши регламенты, наша бюрократическая механика списаны съ французскаго, и централизація французской имперіи представлялась идеаломъ нашимъ администраторамъ. И добро бы они переняли ее, какъ она есть. Но такъ какъ каждое правленіе въ Италиі имѣло свою собственную административную машинку, то изъ всѣхъ машинъ заимствовали по колесу и усложнили невѣроятнымъ образомъ всю систему, которая, имѣя претензію быть сколомъ съ благоустроенной и сильной французской системы, внесла въ Италию вавилонское столпотвореніе. Чужеземныя формы и формы, заимствованныя у правительствъ не-туземныхъ, не симпатичныхъ итальянской жизни, произвели чудовище, изъ котораго не можетъ образоваться живого и гармоническаго организма. Поэтому и подражаніе Франціи намъ не съ руки.

Теперь Германія стремится вести насъ на буксирѣ. Для Англиі и для Франціи, слишкомъ рабское подражаніе имъ казалось ошибкой нашей или, по крайней мѣрѣ, людей, которые руководили въ эти послѣдніе годы нашей политикой и нашей администраціей. Мы спохватились о нашей ошибкѣ и пытаемся частію исправить ее, хотя тутъ требуются не палліативныя, но радикальныя мѣры. Но, исправляясь отъ одной ошибки, мы рискуемъ впасть въ другую. У Германіи есть общіе съ нами враги; она стремится устранить порядокъ, завѣщанный прошлыми вѣками и не менѣе стѣсняющій Германію, какъ и Италию. Она работаетъ въ свою пользу, а мы такъ наивны, что воображаемъ,

будто бы она дѣлаетъ всё эти усилія ради насъ самихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что у насъ есть друзья въ Германіи; относительно этой страны можно сказать то же самое, что и относительно всѣхъ другихъ цивилизованныхъ народовъ: всѣ болѣе гуманные, болѣе образованные, болѣе развитые люди питаютъ нѣкотораго рода культъ къ Италіи. Но въ то время, какъ французъ, желающій намъ добра, обнимаетъ насъ, добродѣтельный англичанинъ дѣйствуетъ по отношенію къ намъ либерально, а русскій обнаруживаетъ къ намъ самую пламенную симпатію, — нѣмецъ, желающій намъ добра, налагаетъ на насъ свою тяжелую покровительственную длань, и такъ ею придавливаетъ насъ, что если мы не высвободимся изъ-подъ нея, то рискуемъ быть раздавленными. Нѣмцы народъ ученый; кто объ этомъ спорить? Но они воображаютъ, что только они одни и учены, и поэтому тотъ самый швольный учитель, который выигрываетъ сраженія, приходитъ къ намъ, свободнымъ и мирнымъ труженикамъ, и читаетъ намъ нотации, заявляя претензію руководить нами въ нашихъ дѣйствіяхъ, занятіяхъ, мысляхъ и чувствахъ. Подобно тому, какъ пьемонтская бюрократія забрала себѣ въ голову въ 1860 г. дисциплинировать сицилійскую и неаполитанскую фантазію, такъ и пруссаки, только съ гораздо меньшимъ правомъ, желали бы вымуштровать насъ на свой ладъ. Я всегда возставалъ противъ узкаго патриотизма, считающаго Альпы неодолимой преградой, изъ-за которой не должно ничего проникать къ намъ, и всегда отстаивалъ свободный обмѣнъ идей между націями; мало того: искренно думаю, что идеями сравнительно богаче всѣхъ другихъ народовъ — нѣмецкій, потому что онъ богаче всѣхъ знаніями. Поэтому, желаю отъ всей души, чтобы итальянцы изучали нѣмецкій языкъ, читали нѣмецкія книги, посѣщали нѣмецкія страны. Но, желая и надѣясь на большія выгоды для насъ отъ таковаго свободнаго и естественнаго общенія между Италіей и Германіей, не считаю себя обязаннымъ восхищаться всѣмъ нѣмецкимъ и желать, чтобы Италія шла на буксиръ за Пруссіей, — опасность, уже угрожающая ей, благодаря слабости нашихъ правителей и легкомыслію нѣкоторыхъ нашихъ политическихъ журналовъ. Одно дѣло уважать человѣка, отличающагося отъ насъ, и другое — отказываться отъ своей личности, чтобы втянуть всю Италію въ священную римскую и германскую имперію. Между тѣмъ, мнѣ кажется, что нѣмцы толкуютъ о насъ и нашихъ дѣлахъ такъ, какъ будто бы они были хозяевами у насъ и какъ будто бы мы просили ихъ быть нашими наставниками. Что одинъ изъ нашихъ ученыхъ археологовъ, графъ Жанкарло Конестабиле въ своемъ усердіи къ національной итальянской культъ-

турѣ, можетъ желать, чтобы итальянцы ревностнѣе изучали и берегли свои древніе памятники — это насъ не удивляетъ и не оскорбляетъ. Но что Моммзенъ указываетъ, какъ на *важную язву Италіи*, постоянный упадокъ *классическихъ и археологическихъ изученій*, и собольтъзнуетъ, что, любя Италію *со всеми ея недостатками*, не находятъ больше въ нашей странѣ *Италіи Авеллино, Фулланетто, Каведони, Боргезе*—просто раздражаетъ насъ. Никакая школа не создастъ такихъ необыкновенныхъ людей, какъ Боргезе. Такими талантами Италія была всегда богата, благодаря рѣдкой красотѣ своей природы, а вовсе не достоинствамъ своихъ школъ. Сципіонъ Маффеи и Лудовикъ-Антоній Муратори въ прошломъ столѣтіи, Висконти и Боргезе въ нынѣшнемъ были тѣмъ, чѣмъ желали быть; и мы утѣшаемся мыслию, что Италія можетъ все еще производить такія чудеса, не смотря на обвиненіе въ *упадкѣ классическихъ и археологическихъ изученій*. Но справедливо ли, что таковой упадокъ существуетъ? Когда Фіорелли вызываетъ въ жизни и восстанавливаетъ для насъ Геркуланумъ и Помпею; когда де-Росси освѣщаетъ для насъ римскія катакомбы, а Роза чертитъ намъ планъ древняго Рима; когда Фабретти и Конестабиле объясняютъ мнѣ этрусскія надписи и т. д., имѣю я право, да или нѣтъ, назвать ихъ учеными археологами? А я могъ бы назвать еще многихъ другихъ, но Моммзенъ и другіе возражать, конечно: всѣ эти имена не пользуются такимъ авторитетомъ, какъ Боргезе или Каведони.

Что касается монсиньора Каведони, то онъ былъ, быть можетъ, человекъ съ большой эрудиціей, но слишкомъ напыщенный, слишкомъ чопорный, чтобы назваться истиннымъ ученымъ. Онъ собралъ столько же, сколько и объемистая книга, напичканная цитатами и пригодная для справокъ; но истинныхъ проблесковъ генія у него мало. Такая эрудиція имѣетъ свою цѣну, но не стоитъ того, чтобы ее оплакивать, потому что и въ Италіи всегда найдется достаточно умовъ, крупныхъ или мелкихъ, которые, не будучи въ состояніи произвести что-нибудь оригинальное, пробавляются чужими мыслями и щеголяютъ ими. Но возвращаюсь въ своей аргументаціи. Не въ духѣ итальянцевъ заниматься хладнокровно археологіей. Подобно тому, какъ литературная Италія изгнала въ 1859 г. академическія рѣчи, такъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ пришли если не въ забвеніе, то въ пренебреженіе болтуны-латинисты, болтуны-эллинисты, болтуны-пуристы, — словомъ, всякіе классическіе болтуны, а съ ними вмѣстѣ и нумизматики по ремеслу, цеховые археологи, цеховые ученые: метафизики, теологи, всякіе мистики. Италія признаетъ въ наукѣ лишь драго-

дѣнное орудіе, путемъ котораго ей можно будетъ усовершенствовать жизнь. Языкъ латинскій умеръ, но на немъ писали безсмертные поэты и прозаики, въ которыхъ трепещетъ и бьется частица нашей души и нашей жизни; поэтому мы желаемъ знать латинскій языкъ; но послѣдній представляетъ для насъ еще нѣчто болѣе: у нашихъ живыхъ нарѣчій есть своя исторія, которую намъ любопытно знать; чтобы знать, каковы они, необходимо узнать, какъ они стали такими: отсюда стремленіе нашихъ ученыхъ проникнуть способъ образованія нашихъ словъ и ихъ этимологию. И это тоже археологія, но жизненная. И въ этомъ направленіи Италія можетъ похвалиться замѣчательными талантами, которые стоѣтъ Боргезе и уже во всякомъ случаѣ ничуть не ниже Каведони. Профессоръ Асколи, какъ лингвистъ, не имѣетъ себѣ равныхъ по глубинѣ анализа и быстротѣ и вѣрности наведенія. Археологіей можно назвать и ту дѣятельность, которая проявляется въ Италіи въ лагерѣ народной литературы, которая возбуждаетъ въ насъ живое любопытство; Италія больше всего желаетъ жить. Да и вообще для человѣка нѣтъ предмета болѣе возвышеннаго, поэзіи болѣе живой, болѣе естественной, чѣмъ жизнь. И это страстное желаніе жить составляетъ главную причину, почему наши университеты въ настоящее время мало посѣщаются и ихъ преподаваніе мало дѣйствительно. Университетъ есть учрежденіе средневѣковое.

Въ среднихъ вѣкахъ міряне охраняли въ нихъ древнее понятіе о правѣ отъ варварскаго нашествія, подобно тому какъ въ монастыряхъ духовенство заботилось сохранить письменные памятники славной цивилизаціи. Университетъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ крѣпостью или очагомъ, къ которому прибѣгали за свѣтомъ, чтобы освѣщать имъ мракъ среднихъ вѣковъ. Отсюда произошло то, что за нимъ установился и сохранился до нашего времени характеръ святости и неприкосновенности. Но въ то время, какъ понятіе о правѣ переходило въ общественную жизнь, развивалось и совершенствовалось, въ то время, какъ общество шло впередъ, университетъ, который долженъ бы былъ опережать его, въ большинствѣ случаевъ отставалъ. Такимъ образомъ, до сихъ поръ сохранились университеты, въ которыхъ преподаютъ римское право, философію, грамматику и риторику въ томъ видѣ, какъ онѣ преподавались въ шестомъ или седьмомъ вѣкѣ, съ тою разницею, что, между тѣмъ какъ прежніе доктора охраняли общество отъ варварства, теперешніе оберегаютъ его отъ прогресса. Справедливо, что во всѣхъ своихъ латинскихъ рѣчахъ они зовутъ варварствомъ всю германскую науку; профессоры латинской эловенціи, у ко-

торыхъ не хватаетъ терпѣнія изучать методы Курція и Корссена, профессора медицины и профессора права, которые, не зная нѣмецкаго языка, не могутъ читать ученѣйшихъ сочиненій по медицинѣ и юриспруденціи, издаваемыхъ въ Германіи, любятъ бранить глупыя нововведенія сѣверныхъ ученыхъ, и въ утѣшеніе себѣ читаютъ популярное, но тѣмъ не менѣе не всегда понятное сочиненіе Винченцо Джоберти о *Primato morale e civile degli Italiani*. Теперь мнѣ кажется, что я достаточно объяснилъ, почему не признаю, чтобы весь прогрессъ шелъ исключительно отъ одной Германіи, и что не желалъ бы, чтобы наши университеты сдѣлались сколкомъ съ университетовъ германскихъ по той самой причинѣ, по которой не желалъ бы, чтобы наша конституція была грубымъ снимкомъ съ англійской, и чтобы наша администрація отзвучалась наполеоновской и австрійской канцеляріей. Но въ той оппозиціи, какую нѣкоторые изъ нашихъ университетовъ дѣлаютъ нѣмецкимъ методамъ, я усматриваю не столько антипатію къ Германіи, антипатію, которая была бы значительно слабѣе, будь нѣмецкій языкъ, нѣмецкая литература и наука болѣе распространены, сколько реакцію отжившаго противъ прогресса. И при такихъ-то обстоятельствахъ знаменитый профессоръ Моммзенъ желалъ бы засадить всѣхъ насъ за изученіе греческаго и латинскаго и нашихъ памятниковъ. Да наши старые педанты въ своихъ академическихъ рѣчахъ ничего другого и не требуютъ; обращеніе къ классическимъ занятіямъ — ихъ любимая тема, на которой они постоянно выѣзжаютъ. И теперь они возликуютъ, услышавъ, что берлинскій профессоръ, одинъ изъ тѣхъ сумасбродныхъ нѣмцевъ, противъ которыхъ они щедро расточали всяческія хулы, беретъ ихъ сторону и написалъ письмо на итальянскомъ языкѣ къ одному итальянскому ученому, въ которомъ больше всего рекомендуетъ Италію изучать латинскій и греческій языки, подобно тому, какъ его изучали ихъ достопочтенные Каведони. До тѣхъ поръ, пока итальянскіе университеты не преобразуются, до тѣхъ поръ, пока старымъ педантамъ, не желающимъ покидать своего поста, будутъ наследовать новые педанты, которые, хотя и съ меньшимъ авторитетомъ, будутъ продолжать отжившія традиціи, до тѣхъ поръ мало надежды на возрожденіе университетовъ въ Италіи. Проявляются благородныя, но изолированныя усилія нѣкоторыхъ преподавателей въ Миланѣ, Туринѣ, Падуй, Флоренціи, Пизѣ, Римѣ, Неаполѣ, но университетскія *коллегии* не сражаются больше за цивилизацію. До 1859 г. университеты по крайней мѣрѣ одушевляли юношество на дѣло итальянскаго освобожденія. Но послѣ 1859 г., когда устранился мотивъ и смыслъ подобныхъ

возбужденій, итальянскій университетъ сталъ кораблемъ безъ руля. Каѳедры увеличены и на нихъ поступило нѣсколько замѣчательныхъ профессоровъ; но уставъ университетскій таковъ, что профессеры готовятъ юношей въ доктора, но не въ общественные дѣятели. А между тѣмъ повторяю, съ рискомъ надобѣсть, что для насъ въ Италіи гораздо важнѣе общественные дѣятели, чѣмъ доктора, снабженные регулярными дипломами своихъ профессій. При той системѣ управленія, какая дѣйствуетъ въ Италіи, придается огромное значеніе экзаменамъ, дипломамъ; лучший попугай будетъ лучшимъ докторомъ. Съ такими порядками не можетъ быть истинной науки, и въ странѣ не воспитаются добрые граждане. Конечно, никакой уставъ не помѣшаетъ профессору преподавать на своихъ лекціяхъ все, что ему можетъ показаться полезнымъ. Не знаю, пользуются ли на практикѣ въ какой-нибудь другой странѣ профессеры бѣльшей свободой преподаванія, чѣмъ та, какою предоставляютъ итальянскимъ профессорамъ не столько законы, сколько обычаи и терпимость правительства. Первая статья нашей конституціи провозглашаетъ, что государственной религіей въ Италіи считается католическая; а между тѣмъ, въ парламентѣ, въ министерствахъ, на университетскихъ каѳедрахъ дѣйствуютъ евреи, которые не только терпимы, но нерѣдко встрѣчаютъ восторженный приѣмъ. Въ Неаполѣ преподается гегеліанство; во Флоренці позитивизмъ; въ Туринѣ матеріализмъ, и еще не бывало примѣра, чтобы какой-нибудь министръ народнаго просвѣщенія взялъ на себя трудъ напомнить преподавателямъ о соблюденіи первой статьи конституціи. Толкователи и исполнители закона въ Италіи либеральнѣе самаго закона. Поэтому, не свободы недостаетъ нашимъ университетскимъ профессорамъ; но пользуйся они еще бѣльшей свободой, они все-таки не могли бы ничего сдѣлать, когда уставъ нашъ таковъ, что студенты должны желать, чтобы профессоръ читалъ какъ можно меньше лекцій и держался возможно ограниченной программы, чтобы ему легче было пройти черезъ всѣ испытанія. Въ нашихъ университетахъ немногіе профессеры могутъ создавать послѣдователей, потому что каждый послѣдователь долженъ слушать въ теченіи года курсы десяти профессоровъ, зазубрить всѣ ихъ лекціи и черезъ четыре года держать экзаменъ по каждому изъ этихъ предметовъ. Вслѣдствіе этого, занятія въ нашихъ университетахъ превращаются въ скучное механическое дѣло, въ концѣ котораго ожидаются дипломъ и кусокъ хлѣба. Вотъ органическій порокъ и язва нашего университетскаго преподаванія, и пока она не устранится, въ лицахъ будетъ считаться обязательной извѣстная часть

тѣхъ предметовъ, которая преподается въ университетахъ; всякое другое преподаваніе совсѣмъ изгнано изъ школы. Слѣдовало бы удержатъ въ университетѣ одни спеціальныя курсы, на которыхъ бы профессора могли готовить себѣ послѣдователей и не выпускать ихъ прежде, чѣмъ не убѣдятся въ томъ, что они постигли науку, какой хотятъ заниматься и подготовлены къ жизни, въ которую вступаютъ; при этомъ слѣдуетъ больше довѣрять личному достоинству, чѣмъ официальнымъ титуламъ: словомъ, свободѣ предстоитъ возстановить равновѣсіе въ распредѣленіи дипломовъ. Повторяю: пока университетъ не понимаетъ всѣхъ потребностей современной жизни и не приспособится къ ней, плоды, приносимые итальянской наукой, будутъ скудны. Рутина будетъ преобладать въ школахъ медицинскихъ, юридическихъ, философскихъ, литературныхъ, и результатомъ ихъ будетъ педантизмъ и нахальная посредственность. Когда въ Италіи измѣнились направленіе политическое и общественное, то университету слѣдуетъ содѣйствовать этой перемѣнѣ, да и не только содѣйствовать, но и направлять. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ существовалъ проектъ основать во Флоренціи институтъ социальныхъ наукъ, съ цѣлью подготовить въ Италіи людей, которые бы направляли общественное мнѣніе. О немъ что-то больше не слышно, изъ чего я заключаю, что дѣло не состоялось. Да оно и не могло увѣнчаться успѣхомъ, вслѣдствіе важныхъ затрудненій, которыя представляетъ его выполненіе. Обаяніе, авторитетъ суть слѣдствія признаннаго достоинства, великихъ заслугъ. Пусть кто-нибудь объявитъ: мнѣ пришла въ голову отличная мысль; мнѣ кажется, что хорошо бы было дать обществу умственныхъ дядекъ, подобно тому, какъ дядьки приставляются къ дѣтямъ; придите ко мнѣ, и со временемъ я вамъ выдамъ патентъ на умственнаго дядьку — не смотря на дѣльность его мысли и полную серьезность, съ какой бы онъ ее высказалъ, онъ рисовалъ бы возбудить всеобщій смѣхъ. Университеты же, будь они тѣмъ, чѣмъ бы имъ слѣдовало быть, то-есть очагами прогресса, путемъ науки самымъ естественнымъ образомъ подготавливали бы людей годныхъ въ руководители общественнаго мнѣнія. Мало того: чтобы университеты давали, какъ говорится, возможность юношамъ пройти курсъ наукъ, необходимо еще, чтобы они давали юношеству вѣрное направленіе, которое дѣлало бы его стойкимъ въ жизни, энергическимъ въ дѣйствіяхъ, и убѣжденнымъ, что личная выгода его тѣсно связана съ общимъ благомъ. Германскій университетъ въ настоящее время гораздо удовлетворительнѣе нашего, который

крайне неудовлетворителенъ; но все же онъ не таковъ, какой нуженъ Италіи, отчасти уже возрожденной и продолжающей возрождаться путемъ своего искусства, литературы, науки, которыя во всѣхъ нашихъ школахъ должны быть приспособлены въ одной и той же общественной цѣли.

VII.

Женщину называютъ обыкновенно *половиной* мужчины, но любопытно было бы прослѣдить относительную вѣрность этой сентенціи. Въ нѣкоторыхъ странахъ (напримѣръ, въ Россіи и въ Соединенныхъ Штатахъ), женщинѣ еще могъ бы быть присужденъ такой титулъ, но въ другихъ странахъ ей, конечно, отведено гораздо меньше половины. Въ самой Италіи существуютъ странныя различія между степенями уваженія и значенія, выпадающими на долю женщинъ въ различныхъ провинціяхъ. По обыкновенію, для всесторонняго изученія этого вопроса слѣдуетъ обратиться къ географіи. Неаполитанская и сицилійская женщина стоитъ еще на такой низкой общественной ступени, что играетъ роль пассивнаго орудія. Напротивъ того, въ сѣверной Италіи она пользуется почти такимъ же уваженіемъ, какъ и женщина въ Германіи. Говорю въ Германіи, а не во Франціи, потому что считаю, что женщины сѣверной Италіи, по своей серьезности, своему здравому смыслу и трудолюбію гораздо больше похожи на южныхъ нѣмокъ, чѣмъ на парижанокъ. Къ этимъ послѣднимъ подходятъ тоскани по своему остроумію, легкомыслію, веселости, и въ средѣ ихъ нерѣдко встрѣчается типъ *Séraphine la dévote*. Римская женщина сохранила много чертъ древней матроны; она осталась язычницей до мозга костей, несмотря на святую воду, которой обливали ея голову и несмотря на воздухъ ризницы, которымъ она дышала.

Не о красотѣ итальянскихъ женщинъ намѣреваюсь я бесѣдовать съ читателемъ; каждый иностранецъ-путешественникъ, у котораго есть глаза, увидить въ Туринѣ изящную ясность, если можно такъ выразиться, въ лицахъ туринскихъ женщинъ, не лишенныхъ привлекательности и граціи; въ Миланѣ самыя симпатичныя, открытыя, вызывающіе взгляды и самыя сладкія улыбки; въ Венеціи небесныя глаза, черныя волосы, маленькія, но стройныя, живыя и проворныя фигурки; въ Генуѣ самое дивное тѣлосложеніе, розы и лиліи, цвѣтуція на лицахъ у женщинъ, и

глаза, пригодные для самой Венеры; во Флоренціи блѣдныя личики, живые глазки, маленькіе граціозные ротики, созданные по видимому на то, чтобы изрекать остроумнѣйшія вещи, хотя на дѣлѣ..... но, мимо! мимо! такъ какъ я говорю только объ одной красотѣ; въ Болонѣ и Анконѣ самыя крѣпкія и дюжія женскія фигуры; въ римской Кампаніи знаменитый типъ альбанскихъ женщинъ, распространяющійся и на нѣкоторую часть Кампаніи; въ Неаполѣ можно закрыть глаза и проѣхать въ Сорренто, на Капри, на Искію и въ Сицилію, гдѣ сверкаютъ чернѣйшіе глаза и бѣлѣйшіе зубы, и гдѣ смуглый цвѣтъ лица сохраняетъ удивительную прозрачность. Изъ всѣхъ этихъ типовъ древній грекъ безъ большихъ усилій создалъ бы дивную Венеру; а наши живописцы произвели чудныхъ мадоннъ. Но иностранецъ все это можетъ самъ наблюсти, лишь бы на его пути не попалось слишкомъ много ревнивыхъ мужей. А такихъ ревнивыхъ, по системѣ, мужей, не оберешься въ южныхъ провинціяхъ, и въ нихъ до сихъ поръ женщинъ держатъ, какъ рабынь, гдѣ доступъ въ дома закрытъ всякому постороннему и гдѣ женщина, за исключеніемъ своего мужа и господина, не можетъ видѣть никого изъ мужчинъ, кромѣ слугъ и поселянъ, не считающихся за мужчинъ. При такой замкнутой жизни, какую ведутъ южныя итальянскія женщины, при томъ униженіи, въ какомъ ихъ держатъ, можно легко себѣ представить ту степень образованія и развитія, какая достается имъ на долю. Да и зачѣмъ воспитывать и образовывать ихъ, когда ихъ видитъ одинъ только мужъ, которому достаточно, чтобы онѣ были послушными служанками деспота, управляющаго всѣмъ домомъ? Отсюда ужасающее число безграмотныхъ женщинъ, какое до сихъ поръ находимъ въ южныхъ провинціяхъ. И рядомъ съ этимъ жалкимъ положеніемъ дѣлѣ, замѣчается явленіе, составляющее рѣзкій съ нимъ контрастъ. Неаполитанская и сицилійская провинціи все еще не забыли той эпохи, когда общей ихъ родиной была Греція; у нихъ остался врожденный и тонкій вкусъ въ искусствамъ и изящной литературѣ. Отсюда безчисленное множество южанъ, которые распѣваютъ, импровизируютъ стихи, вслѣдствіе природнаго дарованія. Они по большей части литераторы и артисты, не знакомые съ грамматикой, но порою находятъ чудные звуки. Поэтому неудивительно, если я скажу, что изъ всѣхъ итальянскихъ провинцій, Сицилія всего больше дала женщинъ-поэтовъ. Въ числѣ другихъ особенно замѣчательны: Джузеппина Турризи-Колонна, Розалія Амари, Розина Муціо-Сальво уже умершія, а изъ живыхъ Маріаннина Коффа-Карузо и Кончеттина Филети. Въ неаполитанской провинціи составили себѣ гром-

кое имя въ нашемъ столѣтїи Джузеппина Марїа Гуаччи-Нобиле, Ирена Риччарди, Капечелатро (сестра депутата, графа Риччарди ди-Камальдоли), Таура Беатриче Манчини (жена нашего знаменитаго юриста Манчини) и импровизаторша Джаннина Милли, родившаяся въ Терамо въ 1827 г., и въ настоящее время директриса одной нормальной женской школы въ Римѣ. И каждая изъ итальянскихъ провинцій можетъ представить и въ настоящее время одну или двухъ поэтессъ, замѣчательныхъ по своему таланту; назову въ Тосканѣ: Катерину Ферруччи, живущую въ Пизѣ, и графиню Изабеллу Росси-Габарди во Флоренціи; въ Венеціи: Луиджію Кодемо, Анну Мандеръ Чеккетти и Евгенію Павію Джентилуомо; въ провинціи Падуанской: Эрминію Фуа-Фузинато; въ итальянскомъ Тироля: Франческу Лутти; въ Пьемонтѣ, Джулію Молино-Коломбини, и такимъ образомъ могу перечислить до сотни итальянскихъ поэтессъ, сколько-нибудь замѣчательныхъ.

Конечно, ни одна страна не можетъ состязаться съ Италіей въ этомъ отношеніи; но эта поэзія вырастаетъ у насъ естественнымъ путемъ, и воспитаніе не играетъ при этомъ ровно никакой роли. Вышеназванныя мною поэтессы всѣ, говоря по правдѣ, соединяютъ съ большимъ талантомъ прекрасное образованіе, но прекрасное лишь по сравненію съ тѣмъ, какое обыкновенно получаютъ женщины въ Италиі, но не съ тѣмъ, какого требуетъ нынѣшнее время и какое находимъ между англійскими, нѣмецкими и русскими женщинами. Знакомства съ иностранными языками имъ обыкновенно недостаетъ; иныя читаютъ по-французски, но рѣдкія идутъ дальше. Вслѣдствіе этого, онѣ имѣютъ весьма ограниченныя понятія о мнимомъ превосходствѣ нашей литературы и варварствѣ иностранцевъ, о привилегіи, какой Италія, по ихъ мнѣнію, пользуется до сихъ поръ быть единственной отчизной всѣхъ искусствъ, наукъ, всего прекраснаго и высокаго. Только невѣжество оправдываетъ ихъ, но невѣжество всегда будетъ плохимъ оправданіемъ. Впрочемъ, нужно замѣтить, что въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ женское образованіе сдѣлало нѣкоторые успѣхи въ Италиі. Разсѣялись нѣкоторые устарѣлые предразсудки и ни одинъ сколько-нибудь образованный отецъ не отказываетъ больше въ образованіи своимъ дочерямъ, подъ древнимъ предлогомъ, что имъ предстоитъ сидѣть дома, то-есть вязать чулки и стирать кушанье. Бѣдныя женщины! превозносимыя выше небесъ въ нашихъ идеалахъ и униженныя не въ мѣру въ практической жизни! Но нѣтъ причины очень жаловаться, если сравнить настоящее съ не такъ отдаленнымъ прошлымъ. Мы идемъ впередъ и женщины мало-по-малу становятся равноправными и свободными членами

общества. Мы помѣстили ихъ на алтари, но въ качествѣ куколъ; теперь онѣ сходятъ съ алтарей и начинаютъ дѣйствовать въ жизни наряду съ нами. И въ Италіи завелись женскія, профессиональныя школы; въ Венеціи женщины служатъ на желѣзныхъ дорогахъ, въ качествѣ кассировъ; въ непродолжительномъ времени и у насъ будутъ женщины-телеграфистки. Преобразования совершаются безъ всякаго затрудненія, и такимъ образомъ для женщинъ открываются новые ресурсы, которые возбуждаютъ въ нихъ желаніе заботиться о своемъ образованіи.

Успѣхи культуры отразятся и на нравахъ итальянскихъ женщинъ.

Жизнь итальянокъ была до сихъ поръ пустая и праздная: въ Тосканѣ, напримѣръ, дѣвочка считается ребенкомъ до пятнадцати или шестнадцати лѣтъ, то-есть до той поры, когда она начнетъ *fare all'amore* (заниматься любовью), или какъ у насъ тоже говорится *avere il damo* (пріобрѣтеть поклонника). Каждая дѣвушка, уважающая себя, должна имѣть поклонника, и можетъ цѣлыя годы разговаривать и цѣловаться съ нимъ, не вступая въ бракъ. Зачастую случается, что дѣвушка расходится съ своимъ первымъ поклонникомъ и беретъ другого, затѣмъ третьяго, четвертаго и т. д. Легко доказать, насколько вредны подобныя нравы; не то, чтобы дѣвушки, которыя занимаютъ столько времени любовью, рисковали лишиться чести; подобныя случаи бывають гораздо рѣже, чѣмъ это можно было бы думать; но дѣвушка привыкаетъ легко относиться къ любви, и когда выходитъ замужъ, часто не за того, кто былъ ея поклонникомъ, то такъ же шуточно относится къ любви перваго, какъ и послѣдняго. Но этотъ обычай производитъ еще иное, болѣе существенное зло. Тосканская дѣвушка, удѣляя много времени на бесѣды съ своимъ поклонникомъ, отучается отъ работы и привыкаетъ къ праздности. Такъ, напр., въ Тосканѣ женщины занимаютъ плетеніемъ соломы для шляпъ. При усердной работѣ женщина можетъ зарабатывать до 40 сантимовъ въ день; но влюбленная дѣвушка никогда не заработаетъ больше 10 сантимовъ. Родные поохаютъ немного, но затѣмъ извиняютъ свою бѣдную дочку, говоря: *la l'ha il damo*. И такимъ образомъ дѣвушки ведутъ праздную, пустую жизнь, плохо подготовляющую ихъ къ обязанностямъ женъ и матерей. Немногія изъ тосканскихъ дѣвушекъ учатся какому-нибудь ремеслу или какой-нибудь профессіи, потому что каждое ремесло, каждая профессія требуетъ времени, труда, а дѣвушкамъ не до того. Чтѣ же изъ того происходитъ? Многія изъ нихъ, въ концѣ-концовъ, не находятъ мужа, который бы сталъ заботиться объ

ихъ пропитаніи, потому что у нихъ нѣтъ приданого, нѣтъ и привычекъ доброй хозяйки, ни умѣнья трудиться. Поэтому онѣ остаются на шеѣ у родителей или выходятъ за перваго попавшагося негодяя; а когда мужъ умираетъ, тогда наступаетъ свѣтопреставленіе. Не зная никакого ремесла, не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, онѣ вынуждены прибѣгнуть къ общественной благотворительности или требовать пенсій отъ правительства, подъ предлогомъ услугъ, оказанныхъ народному дѣлу ихъ мужьями или отцами. Зло довольно существенное и проистекаетъ главнымъ образомъ отъ изнѣженности нравовъ въ Тосканѣ. Во всемъ флорентинскомъ округѣ, на примѣръ, не найти дѣвушки, которая захотѣла бы пойти въ услуженіе въ чужой домъ. Это кажется не только тягостнымъ, но и унижительнымъ. Дѣвушки говорятъ, что онѣ лишились бы своихъ поклонниковъ и не нашли бы новыхъ, еслибы попли въ услуженіе въ чужой домъ. Я знавалъ дѣвушекъ, которыя предпочитали ѣсть чужой хлѣбъ, спать казенно и прикрываться чѣмъ Богъ послалъ, но въ собственномъ домѣ, съ правомъ выходить на улицу щебетать съ поклонникомъ, чѣмъ запереться въ большомъ и жить не такъ, какъ хочется, въ услуженіи, хотя и не тяжеломъ, но подчиняющемъ ихъ иной власти, кромѣ родительской, единственной, какую онѣ признаютъ. Легко понять, что хотя такая любовь къ независимости имѣетъ и свою хорошую сторону, но какое разстройство вноситъ она въ экономическую жизнь Тосканы! Гдѣ женщина до пятнадцати лѣтъ считается *ребенкомъ*, а въ остальные пятнадцать лѣтъ думаетъ лишь о *fare all'amore*, тамъ нравственное значеніе женщины ничтожно, трудъ ея незначителенъ, общественное положеніе неважно. Женщины въ Тосканѣ привыкаютъ жить паразитами. Будь у нихъ хоть какое-нибудь образованіе, онѣ могли бы сдѣлаться учительницами, но образованіе тосканскихъ женщинъ ничтожно, а ихъ авторитетъ, за немногими исключениями, равняется нулю. Въ немногихъ тосканскихъ семьяхъ, открытыхъ для гостей, единственное зрѣлище, представляющееся глазамъ, слѣдующее: въ углу засѣдаютъ мамыши, бесѣдуя о погодѣ, а въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи рой молодыхъ людей окружаетъ молодыхъ дѣвушекъ и разглагольствуетъ о пустякахъ, чтобы позабавить ихъ. Во Флоренціи не найдешь ни одного дома, гдѣ бы разговоръ когда-нибудь переходилъ на предметы серьезные. Такъ, напр., въ одномъ извѣстномъ флорентинскомъ домѣ бывають приемы три раза въ недѣлю; синьора — воплощенная любезность; она привѣтлива со всѣми безъ

исключенія, но всегда на одинъ и тотъ же ладъ, такъ что по-сѣтитель ея салона, послѣ многихъ лѣтъ знакомства, стоитъ въ томъ же положеніи, какъ и гость, явившійся въ первый разъ; а это означаетъ, что любезность—чисто внѣшняя, поверхностная и не имѣетъ никакой цѣны. Со всѣмъ тѣмъ, въ странѣ, гдѣ гостепріимство не процвѣтаетъ, нельзя не признать заслугъ этой синьоры относительно того, чтобы сдѣлать пріятнымъ для иностранцевъ пребываніе въ этомъ городѣ. Но, въ сравненіи съ Флоренціей, другіе итальянскіе города могутъ похвалиться домами, гдѣ можно пріятно провести время. Въ Туринѣ, напримѣръ, салонъ графини Изабеллы Склописъ, жены замѣчательнаго историка и юрисконсульта графа Федерико, служитъ центромъ для умственной туринской аристократіи; въ Миланѣ маркиза Клара Каррара Спинелли, жена престарѣлаго и милого поэта и переводчика, Андрея Маффеи, привлекаетъ въ свой домъ самое избранное миланское общество съ тѣмъ искусствомъ, какое отличало во Франціи *m-me Рекамье*, и которымъ славились въ первой половинѣ настоящаго столѣтія синьоры: Джулія Ребиццо въ Генуѣ, Джустина Ренъе-Микіэль и Изабелла Теотоки-Альбрицци въ Венеціи и графиня Мартинетти въ Болоньѣ. Въ настоящее время эти свѣтила закатились, и мало появляется другихъ итальянскихъ домовъ, которые бы стремились идти по стопамъ своихъ блистательныхъ предшественницъ.

При этомъ не могу умолчать о красивой и ученой вдовѣ графа Марчелло въ Венеціи, которая принимаетъ избраннѣйшее общество, знаетъ нѣсколько языковъ, въ томъ числѣ и латинскій, и о графини Эрзилии Лователли въ Римѣ, дочери почтеннаго герцога ди-Сермонета, которая хорошо знаетъ греческій языкъ, пишетъ *currenti calamo* по-латини, знакома съ санскритскимъ языкомъ и весьма свѣдуща по греко-римской археологіи, и при всей этой учености сумѣла остаться привлекательной женщиной. Конечно, никто изъ насъ не желаетъ, чтобы всѣ итальянскіе стали такими учеными женщинами, но все же пріятно, когда на подобныхъ примѣрахъ видишь, что традиція возвышенныхъ женскихъ умовъ не исчезла въ Италиі, и что образованная итальянка можетъ соперничать съ образованными женщинами другихъ странъ. Зло наше заключается въ томъ, что наряду съ нѣсколькими, дѣйствительно замѣчательными по своему образованію женщинами находимъ громадную массу сравнительно невѣжественныхъ. Время, конечно, исправить это зло, но если для сѣверной и средней Италиі это время будетъ сравнительно коротко, то для южной оно продлится очень долго. Въ сѣверной Италиі, впро-

чемъ, гдѣ успѣхи женскаго образованія несомнѣнны, замѣчаемъ другой недостатокъ: слишкомъ большое нетерпѣніе извлекать матеріальныя выгоды изъ образованія. Въ другихъ странахъ женщины стремятся къ образованію ради того, чтобы быть образованными, и если захотятъ зарабатывать деньги, то избираютъ потомъ какую-нибудь специальную профессію. Въ Италіи же совсѣмъ не существуетъ этой необходимой подкладки общаго образованія, и, вслѣдствіе этого, мы видимъ столько дѣвушекъ, которыя поучившись какой-нибудь годъ дѣлаются общинными учительницами. За годъ передъ тѣмъ такая учительница не умѣла читать и писать, и можно себѣ представить, каково образованіе такихъ импровизированныхъ учительницъ. Научившись читать и писать и первымъ четыремъ правиламъ ариметики, онѣ заучиваютъ механически два или три элементарныхъ учебника грамматики, географіи, священной исторіи, и отбарабанивъ ихъ, какъ попугай, заставляютъ въ свою очередь заучивать ихъ вѣрныхъ имъ ученицъ, которыя даже не понимаютъ того, что долбятъ. Мнѣ случилось посѣтить, въ качествѣ инспектора, нѣсколько элементарныхъ женскихъ школъ. Я спросилъ у одной изъ учительницъ: какая изъ ея ученицъ наилучшая, и подвелъ послѣднюю къ стѣнной картѣ Италіи, попросивъ учительницу самой проэкзаменовать ее. Учительница начала: «Скажите мнѣ что-нибудь объ Италіи»; ученица отвѣчала безъ запинки: «Италія есть полуостровъ». Я перебилъ ее и просилъ объяснить мнѣ: почему Италія называется «полуостровомъ». Ученица сконфузилась; учительница же съ нѣкоторой досадой замѣтила мнѣ: «извините, господинъ инспекторъ, дѣвочки не подготовлены къ такимъ труднымъ вопросамъ»; а я въ свою очередь: «извините, я вовсе не хочу сбить съ толку этихъ славныхъ дѣвочекъ, но скажите мнѣ, развѣ въ ихъ учебникахъ не обозначено, что такое полуостровъ»; учительница отвѣтила: «О, да. Скажите мнѣ, синьорина, что такое полуостровъ?» Тогда ученица снова запѣла: «полуостровъ есть часть земли, окруженная со всѣхъ сторонъ водою, кромѣ одной». — «Если такъ,—спросилъ я,—то посмотрите на карту Италіи и найдите мнѣ такую часть, которая бы не была окружена водою». Новое смущеніе ученицы и новая досада учительницы на странныя претензіи инспектора, чтобы въ школахъ приучали думать и разсуждать. Затѣмъ, я опять предоставилъ учительницѣ задавать вопросы: «назовите мнѣ теперь, синьорина, границы Италіи?» И попугай отвѣчалъ: «Италія граничитъ на сѣверѣ съ Швейцаріей и съ австрійской имперіей, на востокѣ съ этой же имперіей и Адриатическимъ моремъ, на югѣ съ этимъ послѣднимъ, Тирренскимъ и Ионическимъ морями, на

западѣ съ Тирренскимъ моремъ и Франціей». Я вступился опять: «такъ какъ вы сѣумѣли такъ хорошо назвать границы, то быть можетъ сѣумѣете сказать мнѣ, черезъ какую границу перейдете вы, если вздумаете отправиться во Францію?» Дѣвочка поглядѣла въ лицо учительницы, какъ-бы прося у ней помощи. Учительница же, не сдерживая больше своего негодованія, сказала мнѣ: «извините, господинъ инспекторъ: дѣвочки знаютъ то, чему ихъ учили, и вы могли сами убѣдиться въ этомъ, когда я спрашивала эту синьорину; но нельзя же требовать, чтобы ученицы элементарныхъ школъ знали больше того, что стоитъ въ учебникахъ.» Отвѣтъ инспектора понятенъ, и я не стану передавать его читателю. Я хотѣлъ только дать образчикъ того, какъ учатъ въ большинствѣ элементарныхъ женскихъ школъ, чтобы меня не считали пессимистомъ. Я также склоненъ ожидать многого отъ способностей нашихъ женщинъ, но въ настоящее время по большей части образованіе, получаемое ими, ничтожно, поверхностно и бесполезно претенціозно. И пока экзаменъ для сельской учительницъ не будетъ строже, до тѣхъ поръ нельзя ожидать хорошихъ результатовъ отъ элементарнаго преподаванія. Въ настоящее время число учительницъ въ Италіи превосходитъ число школъ. Аттестаты выдаются очень легко и многихъ дѣвушекъ изъ простаго класса привлекаетъ этотъ аттестатъ не только потому, что даетъ кусокъ хлѣба, но и потому, что экзамены очень легкіе. Еслибы экзамены были построже, то конкуренція была бы слабѣе и общественная нравственность выиграла бы, будь учительницы болѣе образованы. Не то, чтобы вообще были худы нравы этихъ бѣдныхъ дѣвушекъ, которыя за ничтожную плату (отъ 400—1000 лиръ, смотря по общинѣ) посвящаютъ себя на преподаваніе въ школахъ противъ своей охоты; но онѣ подвергаются всякаго рода опасностямъ, жертвами которыхъ и становятся зачастую. Верхняя Италія поставляетъ учительницъ и для средней и для южной. Хотя въ числѣ другихъ предметовъ, учительницы должны преподавать и географію, но онѣ по большей части ничего не знаютъ о той провинціи, куда ихъ назначаютъ учительницами; послѣ путешествія, полнаго всякихъ невзгодъ, онѣ пріѣзжаютъ въ мѣсто своего назначенія, по большей части безъ гроша денегъ въ карманѣ, усталыя, разстроенныя разлукой съ родственниками и друзьями, въ полномъ невѣдѣніи той мѣстности, куда онѣ прибыли, нравовъ и самаго нарѣчія, кажущагося имъ варварскимъ. Никто ихъ не ждетъ, никто ихъ не встрѣчаетъ; онѣ розыскиваютъ синдика и просятъ отвести имъ квартиру; но синдикъ отвѣчаетъ, что онѣ получаютъ квартирныя деньги, и что

ихъ дѣло прискаты себѣ квартиру. Приѣзжая не знаетъ, куда ей дѣваться; въ селеніяхъ нѣтъ гостинницъ, и первый день, который она переживаетъ на чужбинѣ, начинается съ отчаянія. Она и голодна и утомлена, а не находитъ ни крова, ни пищи. Но если она не совсѣмъ безобразна, то подь конецъ всегда найдется какой-нибудь общинный секретарь или другой чиновникъ, или медикъ или вообще какая-нибудь деревенская особа, которая удостоится оказать свое высокое покровительство вновь прибывшей, принцетъ ей какой-нибудь уголь, дастъ взаймы немного денегъ, которыя она возвратитъ изъ своего жалованья по прошествіи мѣсяца. Но за такія услуги бѣдная учительница почти всегда платится своей честью въ южныхъ провинціяхъ; въ странахъ, гдѣ женщины сидятъ взаперти, не можетъ быть большого уваженія къ женщинѣ, которая расхаживаетъ одна по улицамъ, и всѣ деревенскіе щеголи начинаютъ преслѣдовать бѣдную учительницу, и если она сопротивляется, то подвергается гоненіямъ, а если поддастся на ихъ ухаживаніе, то рискуетъ быть прогнанной изъ школы за дурное поведеніе. Время, конечно, исправить зло, которое въ настоящее время слишкомъ велико, чтобы многочисленныя элементарныя школы, открытыя въ южныхъ провинціяхъ, могли дать хорошіе результаты. Школа—учрежденіе такого рода, что на него вліяютъ не только учащіе и учащіяся, но и семья послѣднихъ. Если семья необразована, то это отражается и на школѣ. Въ верхней Италіи общество образованнѣе и школа лучше; въ южныхъ провинціяхъ общество находится еще въ дикомъ состояніи, и отъ этого страдаетъ и самая школа. А улучшить общественное состояніе южныхъ провинцій можетъ лишь освобожденіе женщины. Первымъ и главнымъ средствомъ для того является образованіе. Писанія яростныхъ статей противъ мужского пола, какъ это дѣлаютъ синьора Марія Моццони въ Миланѣ и синьора Алаида Гуальберта Беккери въ Венеціи, недостаточно для того, чтобы совершилось это освобожденіе. Женскій журналъ, издаваемый во Флоренціи синьорой Авреліей Чинино, подь заглавіемъ «*La Cornelia*», исполненъ добрыхъ намѣреній, но пропаганда такого рода не можетъ дать большихъ результатовъ, потому что кругъ читателей его весьма ограниченъ, и онъ проповѣдуетъ обращеннымъ, какъ это большею частію бываетъ. Гораздо больше общается «Общество мира», учрежденное въ Равеннѣ и предсѣдательствуемое въ настоящее время во Флоренціи молодой красавицей-римлянкой, синьорой Атенайдой Заирой Пьеромальди, одной изъ безчисленныхъ итальянскихъ поэтессъ, свидѣтельствующихъ о поэтическомъ дарованіи нашего народа,

которому, еслибы ему дано было полное и широкое развитие, могли бы позавидовать сами боги, еслибы таковые еще существовали въ Италіи; но, какъ я намѣренъ доказать въ вратныхъ словахъ ниже, боги покинули прекрасный край.

VIII.

Говоря: боги покинули Италію, я, быть можетъ, преувеличиваю, потому что кое-какіе отголоски языческаго божества сохранились еще между нами; но что касается христіанскаго Бога, то онъ, безъ сомнѣнія, далеко отъ Италіи, гдѣ пребываетъ его первосвященникъ. Вообще полагають, что причина отсутствія всякаго религіознаго чувства въ Италіи заключается въ порокахъ, присущихъ католицизму, въ невѣжествѣ нашего низшаго духовенства, въ испорченности высшаго. Разбирая вопросъ съ его внѣшней стороны, конечно, можно прійти къ заключенію, что католицизмъ и его духовенство играютъ извѣстную роль въ глубокомъ равнодушіи массы итальянцевъ къ религіи. Но при ближайшемъ изученіи становится ясно, что итальянецъ мало интересуется религіозными вопросами, по причинамъ довольно серьезнымъ и глубокимъ. Итальянецъ, вообще, мало заботится о будущемъ свѣтѣ, и это самое дѣлаетъ его равнодушнымъ къ небу, въ которомъ онъ видитъ только голубой сводъ. Я уже говорилъ объ этомъ: его идеаль—то, что реально и возможно, идеаль, ограниченный здѣшней жизнью; онъ не тревожится насчетъ того, что его ждетъ за гробомъ, и ждетъ ли его тамъ новая жизнь. Конечно, тотъ, кто видитъ безчисленное множество прекрасныхъ церквей, которыми покрыта Италія; кто наблюдаетъ за дѣйствіями духовенства, которымъ кипитъ Италія; кто вспоминаетъ о томъ, что центръ католическаго міра находится въ Италіи, тотъ не легко убѣждается въ томъ, что народъ нашъ мало религіозенъ. Но при ближайшемъ знакомствѣ съ итальянцами увидишь, что наряду съ ханжествомъ уживается и безвѣріе. Ханжество не что иное, какъ политическая маска, и католицизмъ навязалъ эту маску нѣкоторой части итальянцевъ. Древніе римляне не были ханжами, но они не были и рыными вѣрующими. Мы же въ дѣлѣ религіи почти такъ же равнодушны, какъ и древніе римляне; но когда находимъ удобнымъ для себя,—прикидываемся Тартюфами. Перваго мая умеръ во Флоренціи Николо́ Томмасео, знаменитый далматинскій писатель, слава котораго

проникла конечно и въ Россію. Кто зналъ его молодымъ, утверждаютъ, что онъ былъ атеистомъ; но будучи атеистомъ, онъ написалъ книгу католическихъ молитвъ. Онъ былъ знакомъ съ двумя великими католическими писателями, Манцони и Росмини, и началъ съ тѣхъ поръ высказывать въ своихъ сочиненіяхъ набожность, которая была чужда его душѣ. Онъ написалъ романъ, подъ заглавіемъ *Fede e Bellezza*, главный герой котораго—прототипъ самого автора и представляетъ странный контрастъ между распущенной жизнью и пѣтистическими тенденціями. Манцони, хорошо знавшій, что за человекъ авторъ *Fede e Bellezza*, говорилъ, что онъ стоитъ одной ногой въ притонѣ разврата, а другой—въ ризницѣ. Этотъ человекъ, замѣчательный писатель, тонкій критикъ, авторъ безсмертнаго *Dizionario dei Sinonimi*, рѣшился, въ концѣ-вонцовъ, сдѣлаться католическимъ писателемъ, и въ послѣдніе годы дошелъ въ своемъ усердіи до нетерпимости. Но, несмотря на его нетерпимость, можно сомнѣваться въ его религіозности. На его похоронахъ въ церкви Санта-Кроче, куда стеклись представители всей Италіи, чтобы оплакать смерть великаго писателя, можно было увидѣть много свободныхъ мыслителей и тѣхъ, кого называютъ матеріалистами. Они стояли у гроба съ зажженными свѣчами, между тѣмъ какъ священники отпѣвали тѣло. Знаю, что въ другихъ странахъ такого зрѣлища не встрѣтишь, но въ Италіи оно никого не удивитъ, и я, язычникъ, стоя въ числѣ другихъ съ зажженной свѣчей, размышлялъ, что древніе римляне поступали точно также, когда на похоронахъ и на свадьбахъ носили символическія изображенія жизни. На похоронахъ Пуччинотти, нашего знаменитаго медика, умершаго въ прошедшемъ году, я встрѣтился съ профессоромъ Морицомъ Шиффомъ, который тоже держалъ въ рукахъ зажженный фавель, подчиняясь итальянскимъ обычаямъ, сильно отзывающимся язычествомъ. Во всѣхъ этихъ церемоніяхъ, сколько бы ни служили мессъ, сколько бы духовенство ни хлопотало, отсутствуетъ всякое религіозное чувство. Я вовсе не преувеличиваю, но констатирую фактъ. Вслѣдствіе этого, Италія, центръ католической религіи, меньше, чѣмъ всякая другая страна, вела религіозныхъ войнъ; всѣ войны, имѣвшія предлогомъ религію, были по существу своему политическими. Такимъ образомъ, св. Антоній Падуанскій проповѣдывалъ крестовый походъ, но для того, чтобы низвергнуть тирана Эццелино; Джироламо Савонарола призывалъ Христа, но для того, чтобы спасти республику и освободить ее изъ-подъ ига Медичи. Примѣрамъ подобнаго рода нѣтъ числа. Вслѣдствіе этого, въ Италіи,

гдѣ существовало столько монастырей, сравнительно было такъ мало мистиковъ. Метафизика всегда была для насъ дѣломъ поэзіи, а не чувства; чисто богословскіе вопросы мало интересуютъ насъ. Отсюда полнѣйшее равнодушіе, съ какимъ Италія отнеслась къ послѣднему ватиканскому собору и упраздненію богословскихъ кафедръ въ нашихъ университетахъ, которыхъ, впрочемъ, никто больше не посѣщалъ. Католицизмъ не сумѣлъ оживить религіозное чувство въ Италіи, и главная причина его безсилія заключается въ слѣдующемъ: католицизмъ есть машина, лишенная души и дѣйствующая въ силу стараго механизма, но безсильная создать органическую жизнь, когда сама не представляетъ живого организма. Было бы однако ошибочнымъ сказать, что католицизмъ не создалъ ничего хорошаго и долженъ считаться единственнымъ виновникомъ всѣхъ золъ, существующихъ въ Италіи. Католицизмъ относится къ Италіи съ тѣмъ же равнодушіемъ, съ какимъ Италія относится къ нему; поэтому на него падаетъ отвѣтственность лишь за нѣкоторое зло, присущее современной итальянской жизни. Гдѣ онъ кажется живымъ и дѣйствительнымъ, въ хорошую или худую сторону, тамъ играетъ роль не его непосредственная сущность, но то обстоятельство, что онъ служитъ орудіемъ гражданской борьбы. Такимъ образомъ, католицизмъ игралъ важную роль въ вопросѣ о возрожденіи Италіи, но не потому, чтобы итальянцы вдругъ стали вѣрующими, а потому, что представители католицизма употребили религію, какъ политическое орудіе. Отсюда въ нашемъ вѣкѣ въ Италіи ожило старое политическое прозвище «ново-гвельфовъ». Чтобы понять литературу, философію и политику ново-гвельфскую, необходимо оглянуться назадъ, къ 1815 г. Италія, вновь подпавшая старому деспотизму и преимущественно австрійскому, жила только одной мыслию освободиться изъ-подъ чужеземнаго ига. Согласно ходячимъ тогда идеямъ, существовало три идеала освобожденія полуострова: Италія могла освободиться сама собой, путемъ народнаго возстанія, но попытки, бывшія въ Неаполѣ, Туринѣ и Миланѣ, задушенныя въ крови, скоро заставили отказаться отъ надежды добиться цѣли этимъ путемъ; или же должна была осуществиться старинная идея Гибеллиновъ, возлелѣянная Дантомъ; но нѣмецкій императоръ, котораго Дантъ призывалъ освободить Италію, былъ именно злѣйшимъ и ненавистнѣйшимъ врагомъ, врагомъ, — отъ котораго Италія стремилась освободиться; или же, наконецъ, призывая имя папы Александра III, руководившаго ломбардской лигой противъ Фридриха Барбаруссы, и имя папы Юлія II, поднявшаго въ Италіи крикъ «прочъ варваровъ», и вспоминая о притѣсненіяхъ, которыя терпѣлъ папа

Пій VII отъ Наполеона I, — итальянцамъ приходилось обратиться къ папѣ, какъ въ возможному освободителю Италіи. Вслѣдствіе этого, исторія Италіи съ 1820 г. изучалась благороднѣйшими умами съ цѣлью доказать благодѣянія, оказанныя папствомъ Италіи, и большая часть нашихъ новѣйшихъ писателей превозносили заслуги папѣ. Манцони и Каппони, Бальбо и Канту, Джоберти и Маміани, Тройя и Томмасео и другіе прославляли папство и указывали на него, какъ на будущаго избавителя Италіи. Но очевидно, что во всемъ этомъ религія не играла никакой роли: папство считалось объединительной связью, могущественнымъ учрежденіемъ, путемъ котораго удастся изгнать чужеземцевъ изъ Италіи. Когда Пій IX измѣнилъ дѣлу освобожденія и бросился въ объятія реакціи, религія ничего не выиграла и ничего не проиграла отъ его измѣны, только папство стало чувствовать себя слабѣе отъ этой измѣны, и чтобы развить свою силу, начало злоупотреблять своей свѣтской властью. Тогда самъ папа сталъ врагомъ Италіи и началъ сильно занимать своей особой итальянцевъ не потому, чтобы ихъ особенно интересовало положеніе, занимаемое имъ, но потому, что свѣтская власть, отведенная ему, могла оказаться роковой для полуострова. Вслѣдствіе этого, большинство итальянцевъ стремилось тогда лишить папу власти, которою онъ злоупотреблялъ. Въ 1859 г. онъ лишился Романьи, въ 1860 г. Умбріи и Мархій; у него оставался еще Римъ, и итальянцевъ тревожило не столько то, что послѣдній находился въ рукахъ папы, сколько то, что французы заявляли претензію силой удерживать въ центрѣ Италіи тирана, котораго никто больше не хотѣлъ. Но религіозное обаяніе папы не существовало для итальянцевъ; его Силабусъ возбуждалъ смѣхъ, а соборъ ватиканскій, тоже смѣшившій вначалѣ, кончилъ тѣмъ, что надоѣлъ и пересталъ вовсе занимать. И въ настоящее время, съ 1870 г., папа не существовалъ бы для насъ, еслибы иностранная дипломатія, занимаясь имъ такъ усердно, не напоминала намъ усиленно, что мы имѣемъ честь давать у себя приютъ главѣ католичества. Но существуетъ еще міръ, для котораго папа очень важенъ, и этотъ міръ образуютъ двадцать тысячъ читателей клерикальных журналовъ, издаваемыхъ въ Италіи, сто тысячъ поповъ, да милліонъ безграмотныхъ. Говорю: милліонъ, хотя въ Италіи въ настоящее время существуетъ болѣе пятнадцати милліоновъ безграмотныхъ. Но наблюденія надъ итальянскимъ обществомъ, какъ высшимъ, такъ и низшимъ, показываютъ, что набожныхъ людей приходится 1 на 15. И тутъ можно замѣтить: какимъ образомъ тамъ, гдѣ такъ мало набожныхъ людей, можетъ быть такъ сильно общество

Санъ-Винченцо-де-Паоли, члены котораго называются Санвинчен-тини или Паолотти. Но и тутъ мы наталкиваемся на то же объ-ясненіе: дѣло вовсе не въ религіи; религія—маска, притворство, предлогъ; общество же—чисто политическое и реакціонерное. Пао-лотти столько же вѣрять, сколько Тартюфъ, не вѣрящій ничему; но, не вѣря ничему, онъ умѣетъ прикидываться глубоко религі-ознымъ человѣкомъ. Подъ маской религіозности преслѣдуются раз-личныя мірскія цѣли, и мы видимъ, что ничтожнѣйшіе люди въ Италіи достигаютъ такимъ путемъ высшихъ должностей. Во Фло-ренціи, быть можетъ, удобнѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ италъ-янскомъ городѣ, изучать могущество Паолотти. Въ самое ко-роткое время мы видѣли, какъ трое абсолютныхъ ничтожествовъ, благодаря единственно тому, что они члены этого общества, сдѣлались: одинъ профессоромъ лица флорентинскаго, едва окон-чивъ университетскій курсъ (между тѣмъ, какъ другіе изъ его талантливѣйшихъ товарищей разсланы по маленькимъ городкамъ крайнихъ южныхъ окраинъ Италіи), другой инспекторомъ учеб-наго флорентинскаго округа, а третій академикомъ *della Crusca*. Напротивъ того, для тѣхъ, кто не принадлежитъ къ этому обще-ству, закрыты всѣ пути и они могутъ ожидать всякихъ неприятно-стей, обрушивающихся на нихъ съ той стороны, съ какою они ихъ всего менѣе ожидаютъ. Тѣ же самые Паолотти основали обще-ство противодѣйствія дурнымъ книгамъ. Подъ этимъ названіемъ подразумѣваются безнравственныя книги, а также и такъ-назы-ваемые матеріалистическія, и оно имѣетъ цѣлью мѣшать успѣ-хамъ науки, которая иначе не зовется, какъ матеріализмомъ. Но любопытно то, что самъ секретарь этого общества напечаталъ книгу съ стихами, довольно грязнаго содержанія. Каждый мо-жетъ судить самъ, насколько подобныя попытки насадить въ Италіи мнимо-религіозныя общества могутъ содѣйствовать серъез-ному обновленію чувства, которое никогда не пускало глубокихъ корней въ Италіи. Слыша въ Тосканѣ, какъ простонародье без-престанно повторяетъ: «*com'è vero Dio*», можно было бы подум-ать, что кто призываетъ Бога во свидѣтели, тотъ вѣрять въ его существованіе; но черезъ минуту, услыхавъ, какъ тоже имя упо-минается въ другихъ выраженіяхъ, придешь къ заключенію, что о Богѣ не имѣется у этого простонародья никакого понятія, и что имя его упоминается безразлично, какъ въ худую, такъ и въ хорошую сторону.

Уже тотъ способъ, какимъ въ семьяхъ стараются развить ре-лигіозное чувство въ дѣтяхъ, не показываетъ особенно живой и глубокой вѣры. Религіозное воспитаніе ограничивается одной обряд-

ностью, и такимъ образомъ дѣти приучаются считать религію чѣмъ-то внѣшнимъ. Всего же хуже то, что, при отсутствіи всякаго религіознаго чувства, не развиваются также въ дѣтяхъ и нравственныя чувства. Я радовался тому, что итальянецъ ищетъ своихъ идеаловъ въ реальной жизни, но идеаль, какъ бы то ни было, необходимъ. Но въ Италіи мало у кого есть этотъ идеаль. Итальянецъ, котораго иностранцы считаютъ фантазѣромъ, полнымъ иллюзіи и энтузіазма, напротивъ того, подобно древнему римлянину, отъ природы практикъ и позитивистъ. Дать идеаль этому практическому народу—и онъ совершитъ чудеса, но лишенный идеала, онъ никогда не достигнетъ высокой степени развитія. Безъ идеала мы не сумѣемъ сказать міру ничего новаго, и наше возрожденіе останется втунѣ. Насколько я вѣрю въ силу итальянскаго генія, настолько желаю, чтобы Италія выработала себѣ идеаль, который поможетъ ей совершить дивныя дѣла.

АНДЖЕЛО ДЕ-ГУВЕРНАТИСЪ.

ДЖОНЪ СТЮАРТЪ МИЛЛЬ

И

ЕГО ШКОЛА

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ *).

Индукція или наведеніе.—Однообразный ходъ и законы природы.—Объясненіе всѣхъ явленій въ природѣ закономъ причинности.—Причина и слѣдствіе.—Явленіе сложенаія причинъ.— Три метода для изученія причинъ и слѣдствій: наблюдательный, опытный и дедуктивный, или выводной.— Важное значеніе математики въ выводахъ другихъ наукъ.—Объясненіе законовъ природы.—Есть ли одинъ общій законъ?—Гипотезы.—Эмпирическіе законы.—Законы сосуществующихъ явленій.—Приблизительныя обобщенія и ихъ значеніе въ наукѣ о человѣческой природѣ и въ общественной наукѣ.

Мы видѣли, что критическія изслѣдованія Милля въ области вопросовъ логики привели его къ признанію несостоятельности схоластическихъ приемовъ въ дѣлѣ открытія и доказательства истины. Милль нашелъ, что главнымъ орудіемъ къ правильнымъ заключеніямъ объ отношеніяхъ вещей, къ доказательствамъ вѣрности фактовъ, къ открытію истинъ — во всему нашему знанію вообще, служить не какая-нибудь словесная формула, передъ которою благоговѣли прежніе логики, но совсѣмъ иное, къ чему они относились съ пренебреженіемъ: это орудіе—*индукціи* (наведенія) и объясненіе ихъ. Подъ *наведеніемъ* Милль разумѣетъ умственный процессъ, посредствомъ котораго мы заключаемъ, что то,

*) См. выше: май, 5; іюнь, 473 стр.

что мы признаемъ достовѣрнымъ въ особенномъ случаѣ или случаяхъ, будетъ достовѣрнымъ во всѣхъ случаяхъ, сходныхъ съ первымъ въ извѣстныхъ опредѣленныхъ отношеніяхъ. Другими словами, наведеніе есть процессъ, посредствомъ котораго мы наводимъ или распространяемъ достовѣрно извѣстное намъ о нѣкоторыхъ особяхъ класса на весь классъ, и утверждаемъ, что то, что достовѣрно въ извѣстныя времена, будетъ достовѣрнымъ при подобныхъ обстоятельствахъ во всѣ времена. Наведеніе, слѣдовательно, есть заключеніе отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, и, поэтому, заключеніе, которое не шире своихъ посылокъ, а только повторяетъ ихъ содержаніе, можетъ быть чѣмъ угодно, но только не наведеніемъ. Индукція выражается *общими* предложеніями, но ихъ не слѣдуетъ принимать за одинаковыя съ тѣми, въ которыхъ заявляется лишь о существованіи фактовъ и которые служатъ лишь памятными замѣтками для изслѣдователя. Индукція учитъ насъ, какъ изъ немногихъ фактовъ, подвергавшихся нашему наблюденію, можно утверждать о многихъ другихъ, которыхъ мы не наблюдали; индукція становится, такимъ образомъ, орудіемъ для расширенія нашего знанія, *обобщеніемъ* фактовъ. Если общее предложеніе выражаетъ простое сложеніе отдѣльныхъ фактовъ, напримѣръ: «всѣ планеты свѣтять солнечнымъ свѣтомъ»; или: «всѣ животныя имѣютъ нервную систему», то оно не наведеніе, такъ какъ въ немъ сообщается лишь то, что сдѣлано наблюденіемъ въ разныхъ отдѣльныхъ случаяхъ, и нѣтъ никакого вывода насчетъ неизвѣстнаго. Эти самыя предложенія были бы наведеніями, еслибъ мы поставили ихъ на основаніи наблюденій, произведенныхъ надъ немногими планетами или животными, въ видахъ распространенія вывода на всѣ планеты, на всѣхъ животныхъ.

Съ наведеніемъ смѣшивали еще геометрическіе выводы и описанія. Въ первомъ случаѣ выводъ, сдѣланный изъ той или другой геометрической фигуры, казался индукціей потому, что содержаніе этого вывода можно «относить къ всѣмъ подобнымъ фигурамъ». Но въ дѣйствительности здѣсь нѣтъ никакого наведенія, и вся ошибка заключается лишь въ словахъ послѣдней фразы. Когда говорятъ, что все, что доказано относительно, напримѣръ, даннаго треугольника, доказано и относительно всѣхъ другихъ треугольниковъ, то подъ этимъ неправильнымъ выраженіемъ разумѣется не нарисованный треугольникъ, а треугольникъ отвлеченный, подъ которымъ разумѣются *все* треугольники, и отъ котораго, слѣдовательно, никакого наведенія дѣлать невозможно.

Относительно *описаній* Милль приводитъ въ примѣръ опредѣ-

леніе Кеплеромъ путей планетъ. Желая опредѣлить путь, описываемый Марсомъ, Кеплеръ отмѣчалъ положенія Марса въ разныхъ точкахъ движенія, и пришелъ къ тому убѣжденію, что Марсъ движется по *эллипсису*. Но это опредѣленіе не наведеніе, а только подведеніе цѣлаго ряда отдѣльныхъ пунктовъ пути подъ одно общее выраженіе, которое содержитъ въ себѣ лишь сумму *всѣхъ наблюдений* Кеплера, и ни одной индукціи. Также точно мореплавателю, найдя среди океана твердую землю, заключаетъ, что она—островъ, послѣ того какъ ему удастся объѣхать ее кругомъ. Ни этотъ островъ, ни эллипсисъ Кеплера ничего не обобщаютъ, а только описываютъ то, что дало наблюденіе. Но наведенію въ научномъ изученіи фактовъ принадлежитъ не описаніе того, что даетъ наблюденіе, а объясненіе и предсказываніе фактовъ. Индукція основана не на словесныхъ выраженіяхъ, но на томъ общемъ ходѣ природы, что все, что въ ней случается однажды, случится и въ другой разъ и всегда, если только будутъ тѣ же обстоятельства. Этотъ однообразный ходъ природы, выраженный въ извѣстномъ уже намъ законѣ причинности, служитъ аксіомою или послѣднею большою посылкою всѣхъ наведеній. Индуктивный силлогизмъ можетъ быть, напримѣръ, такой формы: большая посылка—*что было прежде, будетъ и потомъ* (при одинаковыхъ обстоятельствахъ); малая посылка—*люди умирали прежде*; заключеніе—*слѣдовательно, всѣ люди смертны* (или будутъ умирать).

Но природа однообразна не во всѣхъ вещахъ разомъ; она не есть *одна* однообразность, но совокупность многихъ, часто совершенно различныхъ между собою. Эти однообразности называются *законами природы*, и въ изученіи ихъ заключается изученіе природы. Задача индуктивной логики состоитъ въ томъ, чтобы показать, какимъ образомъ опредѣляются въ отдѣльности всѣ эти однообразныя повторенія явленій другъ съ другомъ, называемыя законами природы, и что изъ нихъ выходитъ. Первоначальныя приобритенія разныхъ однообразностей между явленіями люди совершали путемъ непосредственнаго наблюденія и опыта. Многія однообразности, встрѣчающіяся въ явленіяхъ природы, столь постоянно и столь легко подвергаются наблюденію, что кажется, будто они вѣдряются въ человѣческой умъ противъ его воли. Многія явленія столь обыкновенно и столь постоянно являются съ другими, что люди, подобно дѣтямъ, ждутъ одно изъ нихъ каждый разъ, какъ видятъ другое. Никакой науки не нужно было, чтобы научить людей, что хлѣбъ питателенъ, что вода утоляетъ жажду, что солнце свѣтитъ и грѣетъ. Всѣ подобныя факты служили первымъ научнымъ наблюдателямъ извѣстными истинами,

отъ которыхъ они отправлялись отерывать другія, неизвѣстныя истины. Потомъ они убѣдились, что ихъ наведенія должны опираться на другія, болѣе несомнѣнной вѣрности и твердости. Но такъ какъ эта достовѣрность приобрѣталась тѣмъ же опытнымъ путемъ, и такъ какъ только опытъ же можетъ научить насъ, при какихъ обстоятельствахъ доказательства, изъ него извлекаемыя, становятся достаточными, то опытомъ же слѣдуетъ и повѣрять опытъ.

Между тѣмъ, опытъ показываетъ, что между однообразностями природы есть такія, которымъ можно больше довѣрять, чѣмъ другимъ, и вотъ здравый смыслъ человѣка начинаетъ повѣрять узкія обобщенія природныхъ явленій болѣе широкими, то-есть прибѣгать къ той повѣрѣ, которая имѣетъ цѣлью опредѣлить, какіе роды однообразностей, проникающихъ всю природу, остаются всегда неизмѣнными и самостоятельными, и какіе другіе измѣняются, смотря по времени, мѣсту и другимъ обстоятельствамъ. Первые изъ этихъ однообразностей называются *дѣйствительными* или *последними* законами природы, а вторыя — *производными*, если ихъ зависимость отъ послѣднихъ уже опредѣлена, и *эмпирическими*, если зависимость не опредѣлена.

Опираясь на законъ причинности, которому подчинены всѣ крупныя законы природы, наведеніе объясняетъ почти всѣ явленія природы, такъ какъ изъ пяти взаимныхъ отношеній между вещами, подлежащихъ научному изслѣдованію, цѣлыхъ четыре: *сосуществованіе*, *последовательность*, *причинность* и *бытіе* объясняются самимъ закономъ причинности. Что же касается до *сходства* вещей между собою, оно имѣетъ своимъ главнымъ предметомъ математику, которая хотя вся дедуктивна, но тѣмъ не менѣе основана на индукціяхъ, хотя не въ причинной связи, а въ смыслѣ равенства и неравенства.

Итакъ, если понятіе о причинѣ играетъ въ индуктивной логикѣ столь важную роль, что оно можетъ объяснить намъ почти всѣ явленія въ природѣ, то необходимо обратить вниманіе на точное и строгое опредѣленіе того, что означается словомъ: *причина*.

Опытное изслѣдованіе показываетъ, что между явленіями природы въ извѣстный моментъ и явленіями слѣдующаго момента всегда соблюдается неизмѣнный порядокъ последовательности. Извѣстные факты слѣдуютъ и всегда будутъ слѣдовать за другими извѣстными фактами. Измѣнно предыдущій фактъ называется *причиною*, а неизмѣнно послѣдующій — *дѣйствіемъ* или *слѣдствіемъ*; каждое явленіе или событіе обуславливается, поэтому, однимъ или многими обстоятельствами, и само, въ свою очередь, можетъ слу-

жить такимъ же обстоятельствомъ для другихъ событій или явленій. Не всегда бываетъ, чтобы причина или слѣдствіе представлялись, каждое въ отдѣльности, въ образѣ лишь одного факта; часто случается, что какъ предыдущій членъ причинной связи, такъ и послѣдующій, — оба представляются въ формѣ группъ многихъ причинъ или слѣдствій. Такъ какъ явленіе можетъ иногда не состояться даже въ присутствіи всѣхъ причинъ своего существованія, если вмѣстѣ съ этими причинами присутствуютъ еще такія обстоятельства, которыя могутъ парализовать все, что даютъ тѣ *положительныя* условія, то, слѣдовательно, въ понятіе о причинѣ явленія должно входить и требованіе *отсутствія отрицательныхъ*, парализующихъ условій, о которыхъ мы только-что упомянули. Итакъ, по научному смыслу, *причиною* слѣдуетъ признавать всю сумму положительныхъ и отрицательныхъ условій, всѣ событія всякаго рода, которыя при своемъ осуществленіи въ дѣйствительности всегда вызываютъ *слѣдствіе*. Есть ученые, и въ числѣ ихъ Огюстъ Контъ, которые совершенно отказываются отъ слова: *причина*, замѣняя его во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ выраженіемъ: «неизмѣнное предыдущее». Въ такомъ случаѣ, Милль совѣтуетъ признавать причину «предыдущимъ» не только неизмѣннымъ, но и *безусловнымъ*, иначе легко впасть въ весьма сильную ошибку — признать причинную связь между такими явленіями, между которыми возможна лишь случайная послѣдовательность, на примѣръ, въ смѣнѣ дня ночью. Въ этомъ явленіи мы замѣчаемъ, повидимому, такую же неизмѣнную послѣдовательность, какъ во всѣхъ дѣйствительныхъ связяхъ причины съ слѣдствіемъ. Но эта неизмѣнная послѣдовательность условная, какъ показываетъ даже опытъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Мы убѣждаемся изъ этихъ случаевъ, что день могъ бы существовать и безъ всякой ночи, и что ночь тоже не нуждается въ непремѣнномъ сопровожденіи дня. Мы можемъ на основаніи опыта утверждать, что еслибъ солнце всегда стояло надъ горизонтомъ, мы имѣли бы всегда день, несмѣняемый ночью, и что находишь солнце постоянно подъ горизонтомъ, мы имѣли бы всегда ночь. Итакъ, въ данномъ явленіи роль причины играютъ не день и не ночь, а солнце, какъ *безусловно неизмѣнное предыдущее* дня.

Причина и слѣдствіе происходятъ часто столь быстро, что кажутся одновременно существующими, такъ что мы не можемъ опредѣлить, что происходитъ въ промежуточное между ними время. Но это явленіе нисколько не колеблетъ нашего понятія о причинѣ, даже если допустить, что слѣдствіе происходитъ одновременно съ причиною. Подъ *причиною* въ этомъ случаѣ все-таки

слѣдуетъ разумѣть начало, моментъ происхожденія явленія, а подъ слѣдствіемъ — остальное.

Нашъ міръ, такимъ образомъ, вполне подчиненъ закону причинности. Всякая вещь, каждое событіе, въ немъ происходящее, находится, чрезъ посредство какой-нибудь однообразности или постоянности послѣдовательности, въ столь тѣсной связи съ однимъ или многими предыдущими явленіями, что эта вещь или событіе появляется всякій разъ, какъ только сойдутся эти предыдущія, и не будетъ съ ними никакого другого явленія, имѣющаго характеръ противодѣйствующей причины. Предыдущія явленія, въ свою очередь, также тѣсно связаны съ своими предыдущими, тѣ съ другими и т. д., пока мы не доходимъ до свойствъ одной или многихъ первоначальныхъ причинъ. Но подъ этими первоначальными причинами слѣдуетъ разумѣть причины все-таки физическія, хотя и недоступныя нашему изслѣдованію. Среди этихъ причинъ мы находимъ солнце, землю, свойства естественныхъ родовъ и т. п. Солнце производитъ движенія небесныхъ тѣлъ, дневной свѣтъ и теплоту. Земля причиняетъ паденіе тѣлъ и явленія магнитной стрѣлки; само вращеніе земного шара есть причина дня и ночи, прилива и отлива. Для объясненія причинности въ этихъ явленіяхъ говорятъ о *свойствахъ* или *силахъ* солнца и земли: объ ихъ притяженіи, тяготѣніи, магнитной силѣ и т. п. Но въ дѣйствительности всѣ эти силы и свойства суть лишь отвлеченныя названія для облегченія мыслительнаго процесса, которыя нисколько не объясняютъ дѣйствительной сущности упомянутыхъ причинъ. Мы видимъ только, что и солнце, и земля, и всѣ другія планеты, и вода, и воздухъ, и все то, изъ чего состоитъ внѣшній міръ, все это существовало съ самаго начала человѣческаго опыта, но почему именно *эти* вещи произошли и распространились въ пространствѣ, а не какія-либо другія—этого сказать мы не можемъ; мало того, мы даже не можемъ замѣтить правильно ли совершено ихъ распредѣленіе, и подлежатъ ли онѣ какому-либо закону природы. Поэтому, на одновременное существованіе всѣхъ первоначальныхъ причинъ мы можемъ смотрѣть лишь какъ на случайное совпаденіе ихъ, а между тѣмъ всѣ природныя явленія есть необходимый результатъ этого совпаденія, и этимъ же совпаденіемъ устанавливаются предѣлы нашему опытному знанію.

Такъ какъ все въ мірѣ опредѣляется причинными законами и сосуществованіемъ первоначальныхъ причинъ, то и сосуществованія слѣдствій должны зависѣть отъ нихъ же, то-есть, отъ своихъ причинъ; если сосуществованіе слѣдствій случается, то

лишь при сосуществованіи ихъ причинъ; сами же по себѣ слѣдствія, хотя и могутъ повторяться однообразно, неспособны создавать особыхъ законовъ. Только специфическія свойства родовъ, какъ независимыя и безусловныя существованія слѣдствій, могутъ еще, вслѣдствіе своего постоянства, имѣть притязаніе на характеръ законовъ, но они суть слѣдствія одной и той же причины, или, другими словами, свойства одного и того же естественнаго дѣателя.

Опредѣливъ предѣлы опытнаго знанія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлили предѣлы индуктивной логики, главнѣйшею задачею которой оказывается установленіе существующихъ въ природѣ причинныхъ законовъ, обуславливающихъ слѣдствіе каждой причины и причины всѣхъ слѣдствій.

Природа представляетъ столь тѣсное смѣшеніе причинъ и слѣдствій, что чистое отношеніе между одною причиною и однимъ слѣдствіемъ попадаетъ весьма рѣдко; въ большей части случаевъ мы имѣемъ разнообразное сплетеніе ихъ въ группы послѣдовательныхъ явленій: то нѣсколько причинъ вмѣстѣ проявляется въ одномъ слѣдствіи, то отъ одной причины происходитъ нѣсколько слѣдствій, то одно и то же слѣдствіе является результатомъ разныхъ причинъ въ отдѣльности. Эта сложность причинныхъ явленій сильно затрудняетъ дѣло науки, которой приходится разлагать ихъ сперва на простыя отношенія между отдѣльными причиною и слѣдствіемъ, и потомъ выводить общую сумму дѣйствій всѣхъ дѣателей. Сама природа, въ своей механической дѣятельности, подаетъ въ этомъ примѣръ; принципъ сложенія силъ въ механикѣ служитъ намъ основою принципа сложенія причинъ: то, что механика называетъ «силою», логика называетъ «причиною». Механическій законъ, что «когда тѣло движется двумя силами по двумъ различнымъ направленіямъ, то оно идетъ въ данное время по *обомъ* направленіямъ ровно настолько, какъ еслибъ обѣ силы дѣйствовали отдѣльно, сперва одна, потомъ другая»,—имѣетъ полную силу и при опредѣленіи причинъ.

Но въ природѣ, кромѣ механическаго сложенія силъ, есть еще другое соединеніе—химическое соединеніе веществъ, служащее причиною новаго вещества, по свойствамъ своимъ совершенно отличнаго отъ первоначальныхъ: ни одно изъ свойствъ кислорода и водорода не замѣтно въ ихъ соединеніи—водѣ; вкусъ свинцоваго сахара не составляетъ суммы вкусовъ уксусной кислоты и окиси свинца; цвѣтъ синяго купороса не имѣетъ ничего общаго съ цвѣтомъ сѣрной кислоты или мѣди. Что вѣрно относительно химическихъ соединеній,—вѣрно и относительно орга-

ническихъ тѣлъ, одаренныхъ жизнью: какъ въ химіи прямое сложене элементовъ не даетъ ничего, такъ и въ наукѣ объ органической жизни. Но если химическія и жизненные явленія отличаются въ соединеніи своихъ элементовъ отъ явленій механическихъ, — если ихъ существованіе какъ бы обуславливается нарушеніемъ принципа сложения причинъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, что химическія и фізіологическія явленія не могутъ ни вызывать механическихъ явленій, ни сами исходить изъ нихъ. Законовъ жизни нельзя вывести просто изъ законовъ составныхъ частей, но самые запутанные факты жизни могутъ быть выведены изъ сравнительно простыхъ законовъ жизни, которые, въ свою очередь, могутъ быть соединены между собою и съ физическими или химическими законами составныхъ частей. Множество примѣровъ этого рода существуетъ уже въ наше время. Это оказывается справедливымъ и въ примѣненіи къ явленіямъ ума, и даже къ социальнымъ и политическимъ явленіямъ, какъ результатамъ законовъ ума. Что же касается до химіи, — въ ней открыто уже нѣсколько законовъ, указывающихъ на возможность примѣненія механическаго принципа. Если различныя дѣйствія химическаго соединенія, никогда не будутъ суммою дѣйствій его отдѣльныхъ элементовъ, однако, тѣмъ не менѣе, между свойствами соединенія и свойствами его составныхъ частей находится постоянное отношеніе, которое, при посредствѣ достаточной индукціи, даетъ намъ возможность предсказывать свойства новаго соединенія и опредѣлять его составъ. Въ количественномъ отношеніи этотъ фактъ уже опредѣленъ закономъ Дальтона о кратныхъ пропорціяхъ, а въ качественномъ наука имѣетъ нѣсколько отдѣльныхъ обобщеній, указывающихъ на возможность дальнѣйшаго совершенствованія. Таковы, на примѣръ, замѣчательные законы Бертолета о растворимости солей, или законы изоморфизма, указывающіе на связь химическаго сложения тѣла съ его кристаллической формой. Въ послѣднее время старались перенести на физическія силы явленіе химическаго *превращенія* тѣлъ, и попытка Грове доказать такое соотношеніе между механическою силою, электричествомъ, магнетизмомъ, теплотою, свѣтомъ и химическимъ средствомъ не имѣетъ пока полного успѣха лишь потому, что еще не удалось удовлетворить другому важному условію превращенія: количественному. Когда воду разлагаютъ на водородъ и кислородъ, то тѣ же количества этихъ двухъ элементовъ можно снова обратить въ то же количество воды. Между нѣкоторыми физическими силами тоже найдены соответственные количества для перехода одной въ другую, но далеко не между всѣми, и потому

судьба этого новаго закона, названнаго «сохраненіемъ силы», остается пока въ зависимости отъ дальнѣйшихъ изысканій.

Какъ между силами въ природѣ, такъ и между причинами въ логикѣ существуютъ законы столкновения или противодѣйствія, проявляющіеся иногда не только ослабленіемъ слѣдствія, но какъ-бы полнымъ уничтоженіемъ его. Такимъ образомъ, наши причинные законы нерѣдко какъ-бы исчезаютъ съ поля явленій, но въ дѣйствительности они успѣли произвести свое слѣдствіе, какъ успѣваетъ механическое движеніе, когда оно приходитъ въ столкновение съ какимъ-либо неодолимымъ препятствіемъ. Дѣло въ томъ, что всѣ причинные законы, подобно механическому давленію или *стремленію къ движенію*, тоже имѣютъ свое стремленіе, на которое слѣдуетъ обращать особенное вниманіе. Въ дѣйствительности они проявляютъ свое стремленіе (или дѣйствіе) такъ же безусловно, какъ и механическая сила при переходѣ ея, напримѣръ, въ теплоту; а между тѣмъ, привычка упускать это стремленіе изъ виду породила предразсудокъ, будто всѣ общія истины допускаютъ исключенія. Въ дѣйствительности же всѣ «исключенія» причинныхъ законовъ заключаются лишь во внимательствѣ другихъ причинъ, такъ или иначе измѣняющихъ направленіе причиннаго закона.

Есть три различныхъ метода для изученія всѣхъ причинъ и слѣдствій въ природѣ, для распутыванія тѣхъ связей и внимательствъ, о которыхъ мы только-что говорили: методъ наблюдательный, методъ опытный, и методъ дедуктивный.

Что касается до перваго метода, который состоитъ въ сравненіи фактовъ, причинъ или слѣдствій, онъ способенъ лишь готовить явленіе къ изслѣдованію другими двумя методами. Онъ можетъ, правда, не прибѣгая къ опыту, указывать на существованіе закона, но онъ не доказываетъ никакой причинности. Наблюденіе само по себѣ ведетъ лишь къ умственному анализу изучаемаго явленія, то-есть къ опредѣленію — изъ какихъ частей оно состоитъ. Единственная цѣль умственнаго анализа заключается въ томъ, чтобы приготовить фактъ къ физическому анализу, который мы могли бы найти въ природѣ или предпринять сами. Когда умственный анализъ указываетъ намъ, какіе наблюденія и опыты достаточны для опредѣленія всего, что мы наблюдали—дѣло наблюденія совершено.

Опытъ отличается отъ наблюденія уже тѣмъ, что онъ есть безграничное распространеніе наблюденія. Послѣднее можетъ имѣть предметомъ лишь то, что даетъ природа, между тѣмъ какъ опытъ даетъ намъ возможность наблюдать еще цѣлую массу такихъ из-

мѣненій, которыя добровольно не даются природою. Съ другой стороны, если мы можемъ вызывать какое-либо явленіе природы, то намъ легко подвергать его всестороннему изученію. Опытное изслѣдованіе состоитъ именно въ томъ, чтобы приводить сложныя явленія въ простыя,—чтобы изъ обстоятельствъ, предшествующихъ изучаемому явленію или слѣдующихъ за явленіемъ, исключить всѣ тѣ, которыя не связаны съ явленіемъ неизмѣннымъ закономъ. Такихъ опытныхъ методовъ Милль признаетъ два: методъ *совпаденія* и методъ *разницы*. Первый методъ состоитъ во взаимномъ сравненіи различныхъ случаевъ, когда происходило изучаемое явленіе; а второй сравниваетъ случаи, когда бывало явленіе, съ другими во всѣхъ отношеніяхъ сходными случаями, въ которыхъ явленіе не бывало. Правило перваго метода опредѣляется такъ:— «Когда два или нѣсколько случаевъ изслѣдуемаго природнаго явленія имѣютъ общимъ одно единственное обстоятельство, то только это обстоятельство есть причина (или слѣдствіе) даннаго природнаго явленія». Если, напримѣръ, взять множество различныхъ тѣлъ въ процессѣ ихъ кристаллизаціи, то мы увидимъ, что всѣ они принимаютъ кристаллическую форму лишь послѣ того, какъ находились въ расплавленномъ состояніи или въ растворѣ. Отсюда мы заключаемъ, что неизмѣннымъ предыдущимъ кристаллизаціи бываетъ переходъ изъ жидкаго состоянія въ твердое.

Правило метода разницы говоритъ:— «Если два случая, изъ которыхъ въ одномъ присутствуетъ изучаемое явленіе, а въ другомъ нѣтъ, имѣютъ всѣ другія обстоятельства общими, за исключеніемъ одного, и это одно встрѣчается лишь въ первомъ случаѣ, то *это* обстоятельство и есть слѣдствіе или причина, или необходимая часть причины изучаемаго явленія». Подъ это правило подходятъ почти всѣ наши ежедневныя индуктивныя заключенія. Выстрѣлили кому-нибудь въ сердце, и мы заключаемъ, что его убилъ именно выстрѣлъ, такъ какъ до выстрѣла этотъ человекъ былъ въ цвѣтѣ жизни и всѣ обстоятельства были тѣ же, за исключеніемъ раны.

Эти оба метода основаны, въ дѣйствительности, на одномъ и томъ же процессѣ: на *исключеніи* изъ изслѣдуемаго явленія всѣхъ случайныхъ признаковъ. Методъ совпаденія основанъ на томъ, что все, что можетъ быть исключено, не связано съ явленіемъ никакимъ закономъ; а методъ различенія говоритъ, что все, чего нельзя исключить, соединено съ явленіемъ посредствомъ закона. Послѣдній методъ, для удобства изысканій, принимаетъ еще двѣ другія формы: *метода остатковъ* и *метода сопровождающихъ изменений*, или соединяется въ *общій методъ* съ методомъ совпа-

денія. Въ послѣднемъ случаѣ правило принимаетъ слѣдующую форму:— «Когда два или нѣсколько случаевъ природнаго явленія имѣютъ общимъ только одно обстоятельство, между тѣмъ какъ два или нѣсколько другихъ случаевъ, въ которыхъ изучаемое явленіе отсутствуетъ, имѣютъ общимъ только отсутствіе явленія, то обстоятельство, которымъ отличаются эти оба ряда случаевъ, есть слѣдствіе или причина, или необходимая часть причины явленія».

По правилу метода остатковъ, изъ явленія исключается та часть его, которая признана въ силу прежнихъ индукцій слѣдствіемъ извѣстныхъ предыдущихъ; остатокъ явленія станетъ тогда слѣдствіемъ оставшихся предыдущихъ. Этотъ методъ навелъ на открытіе озона по электрическому запаху, планеты Нептуна по неправильностямъ въ движеніи Урана, электро-магнетизма по остатковѣ двигавшейся магнитной стрѣлки, когда ее повѣсили надъ мѣдною пластинкою.

Правило метода сопровождающихъ измѣненій: «Природное явленіе, измѣняющееся въ присутствіи другого измѣняющагося явленія, есть или причина или слѣдствіе послѣдняго явленія, или соединено съ нимъ какою-либо причинною связью». Законъ расширенія тѣлъ отъ теплоты открытъ этимъ методомъ. Дѣйствіе теплоты мы знаемъ только чрезъ посредство ея пропорціональныхъ измѣненій,—мы не можемъ лишить тѣло всей его теплоты, но за то намъ удается измѣнять количество теплоты. Замѣчая явленія, сопровождающія такіа измѣненія, мы открываемъ причинную связь между теплотою и расширеніемъ тѣлъ.

Въ послѣднихъ трехъ правилахъ мы видимъ, что и въ нихъ, какъ въ первыхъ двухъ, главную роль играетъ *исключеніе*. Вездѣ передъ вами два ряда явленій: одни предыдущія, другія послѣдующія, и вамъ приходится рѣшить, къ которому изъ предыдущихъ или послѣдующихъ явленій принадлежитъ изслѣдуемое явленіе; вамъ нужно соединить его съ причиною или съ слѣдствіемъ, и исключить все другое. Въ этомъ заключается вся индукція: вы ищете къ изучаемому явленію другое, которое составляетъ его слѣдствіе или причину; для этого вы уединяете, отдѣляете его отъ другого,—чего вы достигаете лишь путемъ сравненія ихъ между собою.

Итакъ, опытный методъ можетъ быть употребленъ съ успѣхомъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ изучаемыя явленія могутъ быть уединены для сравненія ихъ съ какимъ-либо другимъ явленіемъ. Но такое уединеніе природа допускаетъ лишь въ извѣстныхъ границахъ. Напротивъ, во всѣхъ сложныхъ явленіяхъ, въ

которыхъ слѣдствіе является результатомъ многихъ причинъ или гдѣ многія причины перепутываются со многими слѣдствіями, — тамъ опытный методъ не можетъ играть рѣшающей роли или оказывается вполне несостоятельнымъ. Тогда на помощь зовутъ *выводной* методъ или *дедукцію*.

Дедуктивный или выводной методъ состоитъ изъ трехъ операцій: изъ наведенія, силлогизма и повѣрки. Задача этого метода состоитъ въ томъ, чтобы найти законъ, въ силу котораго известное слѣдствіе является совокупнымъ результатомъ различныхъ стремленій или причинъ. Поэтому, первымъ условіемъ выводной задачи является необходимость опредѣленія закона каждой причины, дѣйствующей въ изслѣдуемомъ фактѣ—это должна сдѣлать индукція посредствомъ наблюденія, опыта или *a priori* надъ каждою причиною въ отдѣльности. Когда, такимъ образомъ, получатся общія заключенія о каждой изъ дѣйствовавшихъ причинъ, дедукція вступаетъ во вторую фазу или *силлогизмъ*, который стремится отвѣтить на слѣдующіе два вопроса: какое слѣдствіе можетъ произойти изъ сложенія данныхъ причинъ? и какое сочетаніе причинъ можетъ дать данное слѣдствіе? Этотъ выводъ или *силлогизмъ* есть, слѣдовательно, сложеніе, то-есть вычисленіе или счетъ, и притомъ въ самомъ широкоемъ смыслѣ; въ случаѣ, когда заключенія о дѣйствіи причинъ выражены вѣрными числовыми законами, дедуктивный силлогизмъ приобретаетъ способность внести въ свои послѣдствія выводы всей математики во всемъ ея объемѣ, причемъ силлогизмъ приобретаетъ высшую точность. Но и самая полная точность силлогизма можетъ не удовлетворять требованіямъ научнаго изслѣдованія, если его отвѣтъ на вышепоставленные вопросы можетъ возбуждать сомнѣнія: точно ли *это*, а не какое-либо другое сочетаніе причинъ вызываетъ данное слѣдствіе, и правда ли, что *это* слѣдствіе можетъ быть результатомъ данныхъ причинъ? Для уничтоженія всякихъ сомнѣній требуется, слѣдовательно, *повѣрка*, которая должна показать (непосредственно ли: путемъ прямого наблюденія или опыта, или, по крайней мѣрѣ, посредствомъ вѣроятнаго предположенія),—что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ изъ сочетанія известныхъ причинъ силлогизмъ предсказываетъ данное слѣдствіе, это слѣдствіе дѣйствительно происходитъ, или—если слѣдствія нѣтъ, то причину, которая препятствуетъ силлогизму оправдать свое содержаніе. Если, вмѣсто повѣрочнаго опыта или наблюденія, мы найдемъ въ природѣ тѣ условныя однообразности между явленіями, которыя называютъ «эмпирическими законами», то самую дѣйствительную повѣрку теоріи силлогизма была бы та, которая приводила бы

насъ выводнымъ образомъ къ этимъ эмпирическимъ законамъ, которые въ такомъ случаѣ оказались бы *объяснимыми* законами предположенныхъ въ силлогизмѣ причинъ, какъ таковые, которые *должны* существовать, если причины *эти* дѣйствительно производятъ естественныя явленія. Такъ, напримѣръ, каждая теорія небесныхъ движеній, если она истинная, должна посредствомъ дедукціи непременно приводить къ Кеплеровымъ законамъ. Требованіе это и исполнено ньютонической теоріей.

Для примѣра приложенія дедуктивнаго метода возьмемъ фактъ открытія причинъ небесныхъ движеній:—это фактъ самаго простаго сложенія причинъ. Въ самомъ дѣлѣ, почти каждую планету можно разсматривать въ ея движеніи, какъ тѣло, находящееся подъ вліяніемъ не болѣе какъ двухъ силъ: *тангентной*, которая происходитъ вслѣдствіе собственнаго движенія планеты по направленію тангенса, и притягательной силы солнца. По законамъ этихъ двухъ силъ (или причинъ) мы вычисляемъ движеніе планеты при одновременномъ дѣйствіи обѣихъ силъ (*силлогизмъ*) и затѣмъ *попрямъ* наше вычисленіе прямымъ наблюденіемъ: совпадаетъ ли дѣйствительное движеніе планеты съ движеніемъ, которое мы вычислили. Совпаденіе въ дѣйствительности происходитъ; и у насъ не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что движеніе планеты происходитъ отъ предположенныхъ нами двухъ силъ. Что же касается до предположенія этихъ силъ, оно составилось на основаніи не небесныхъ движеній, но на существованіи такихъ же силъ на земномъ шарѣ, гдѣ онѣ служатъ предметомъ нашего опыта при простыхъ обстоятельствахъ. Такимъ образомъ, дедуктивный методъ даетъ намъ возможность распространять заключенія нашего земного опыта на вещи и явленія, происходящія за его предѣлами. Милль справедливо говоритъ, что человѣческой умъ обязанъ выводному методу своими славнѣйшими побѣдами въ области изслѣдованія природы: безъ него мы не могли бы изслѣдовать ни одного сложнаго явленія; съ нимъ мы надѣемся открыть еще многое такое, что считается массою новѣйшихъ мудрецовъ почти невычислимымъ, какъ не могли мыслить антиподовъ всѣ знаменитые философы древней Греціи.

Точность и важность выводнаго метода въ изслѣдованіяхъ природы заключаются главнымъ образомъ въ томъ, что при этомъ методѣ въ науку входятъ всевозможныя приложенія математики, положенія которой до такой степени достовѣрны, что признавались до сихъ поръ какъ-бы врожденными элементами нашего мышленія или сознанія при изслѣдованіи вопросовъ истины. Замѣчательно, что всѣ отрасли знанія только тогда заслуживаютъ

названія самостоятельной науки, когда онѣ становятся способными прибѣгать къ дедукціи. Пока нѣтъ дедукціи, знаніе остается только опытнымъ, экспериментальнымъ. Астрономія и почти всѣ отрасли физики и механики уже находятся въ той степени развитія, что ихъ можно назвать науками дедуктивными; химія уже на пути полного превращенія въ дедуктивную науку, но физиологію и социологію со всѣми ея отраслями слѣдуетъ называть еще науками опытными, такъ какъ математическія вычисленія играютъ въ нихъ пока довольно жалкую роль, и намъ приходится ограничивать наши выводы лишь приблизительными обобщеніями, которыя, впрочемъ, уже въ нынѣшнее время начинаютъ приобретать высоекое и полезное практическое значеніе съ одной стороны въ медицинѣ и педагогикѣ, а съ другой—въ политикѣ и общественныхъ дѣлахъ вообще.

Кромѣ *открытія* новыхъ законовъ природы, или причинныхъ однообразностей между явленіями, дедуктивный методъ способенъ еще *объяснять* уже открытые причинные законы. Подобно объясненію всякаго отдѣльнаго факта, которое состоитъ въ опредѣленіи его причины, объясняется всякій законъ, всякая однообразность въ природѣ, если будетъ указанъ другой законъ или законы, которыми опредѣляется объясняемый законъ, какъ ихъ отдѣльный случай, или какъ законъ *производный*, изъ нихъ происшедшій. Милль признаетъ три ряда обстоятельствъ, по которымъ объясняются причинные законы: первый случай составляетъ объясненіе закона слѣдствія совокупныхъ причинъ посредствомъ дедуктивнаго метода, о чемъ мы только-что говорили: этотъ законъ объясняется посредствомъ его разложенія на отдѣльные законы причинъ. Во второмъ случаѣ объясненіе стремится открыть *промежуточное звено* между предполагаемою причиною и предполагаемымъ слѣдствіемъ; промежуточное звено оказывается здѣсь дѣйствительною причиною предполагаемаго слѣдствія, а предполагаемая причина—причиною отдаленною, причиною дѣйствительною причины: здѣсь разлагаютъ законъ, соединяющій въ цѣпи причинныхъ явленій два несосѣднихъ звена, въ законы, соединяющіе каждое звено съ ихъ сосѣдними членами. Въ третьемъ случаѣ дѣло идетъ о введеніи одного закона въ другой или въ собраніи нѣсколькихъ законовъ въ одинъ болѣе общій и всеобъемлющій. Здѣсь мы приходимъ къ важному вопросу о наименьшемъ числѣ предположеній для объясненія существующаго порядка въ природѣ, то-есть законовъ ея. Но если объясненіе частныхъ законовъ (причинъ и слѣдствій) и заключается во введеніи ихъ въ общіе, изъ этого еще не слѣдуетъ, что общіе за-

коны суть *причины* частныхъ. Законъ общаго тяготѣнія, напри- мѣръ, не причиняетъ паденія тѣлъ на землю, такъ какъ земное тяготѣніе—не слѣдствіе, но отдѣльный случай тяготѣнія общаго. Объяснить законъ природы—значить, слѣдовательно, не что иное, какъ указать другіе болѣе общіе законы природы вмѣстѣ съ коллокаціями (то - есть съ обстоятельствами, обуславливающими проявленіе закона), изъ которыхъ частные законы выводятся не- посредственно, безъ новаго предположенія.

Итакъ, у насъ есть два разряда причинныхъ законовъ при- роды: *общіе* и *производные*; такъ какъ общіе законы не подле- жать нивакому дальнѣйшему разложенію, то ихъ называютъ также *послѣдними*, пока не откроется возможность разложить ихъ еще на болѣе общіе. Но гдѣ же послѣдній предѣлъ и этого разложе- нія, и нѣтъ ли въ природѣ одного всеобщаго закона?.. Этотъ во- просъ уже давно занимаетъ умы мыслителей, но до окончателъ- наго рѣшенія все еще далеко. Милль указываетъ, какъ на не- одолимую преграду ко всякому дальнѣйшему обобщенію, а слѣдо- вательно, и къ объясненію,—на наши чувства, и потому полагаетъ, что число послѣднихъ законовъ природы не можетъ быть меньше числа самостоятельныхъ чувствъ въ человѣческомъ организмѣ. Если, напри- мѣръ, *цвѣтъ* въ нашемъ сознаніи является совер- шенно отличнымъ отъ теплоты, запаха или движенія, то отсюда слѣдуетъ, что есть послѣдніе законы цвѣта, необъяснимые зако- нами другихъ ощущеній. Милль допускаетъ, что причиною явле- нія цвѣта можетъ быть механическое или химическое вліяніе, но этимъ еще не объясняется, что ощущеніе цвѣта вызвано движе- ніемъ или химическимъ вліяніемъ. Какъ бы далеко ни заходили мы въ подобныхъ объясненіяхъ, все-таки послѣднимъ звеномъ останется законъ цвѣта, а не чего-либо другаго. Мало того, этотъ выводъ относится къ сравненію не только цвѣта съ дру- гими ощущеніями, но и всѣхъ основныхъ цвѣтовъ между собою, ибо невозможно предположить объясненіе бѣлаго цвѣта законами происхожденія краснаго; можно ожидать только, что всѣ различ- ные способы происхожденія одного и того же цвѣта могутъ быть сведены въ одинъ общій способъ.

Что касается до усилій науки въ объясненіи законовъ при- роды, ей удалось совершить нѣкоторое объединеніе законовъ въ приложеніи къ различнымъ явленіямъ, происходящимъ въ про- странствѣ, особенно къ самому важному и наиболѣе широкому факту этого рода, къ факту движенія или силы, который соот- вѣтствуетъ одной изъ чувствительныхъ сторонъ нашей природы— *мышечной*. Въ этомъ и лежитъ причина объясненія закона дви-

женія. Науки въ объясненіи законовъ движенія сводятъ всѣ роды происхожденія движенія въ одинъ общій; такое объединеніе производили они тогда, когда паденіе тѣлъ на землю и движеніе планетъ были подведены подъ законъ взаимнаго притяженія всѣхъ частицъ матеріи, или тогда, когда магнитныя движенія были подведены подъ электричество и т. п. Разсматривая всѣ работы, произведенныя въ этомъ направленіи, можно предположить, что «неизмѣннымъ предыдущимъ» и всѣхъ другихъ движеній, еще не подведенныхъ подъ общій законъ, можетъ оказаться одинъ и тотъ же. Поэтому, хотя нельзя надѣяться, что наукѣ удастся разъяснить въ этомъ вопросѣ все, что требуетъ разъясненія, однако самая задача—свести всѣ движенія въ одно—задача вполне положительная и многообъясняющая.

Для расширенія предѣловъ выводного метода въ дѣлѣ объясненія законовъ, когда нѣтъ никакого извѣстнаго общаго закона, къ которому ихъ можно было бы отнести, прибѣгаютъ къ *ипотезамъ*, или вымысленнымъ однообразностямъ всякаго рода, лишь бы онѣ соответствовали требованіямъ научнаго изслѣдованія. Но всѣ такого рода научныя предположенія и догадки причисляются къ чему-либо уже опредѣленному или установленному, къ фактамъ, о которыхъ извѣстно, что они дѣйствительно существуютъ, то въ формѣ закона, по которому будто бы дѣйствуетъ извѣстное явленіе, принимаемое за причину, то въ формѣ причины, которая будто бы производитъ свое слѣдствіе по законамъ извѣстнаго класса явленій. Такъ, Ньютонъ ставилъ гипотезу въ формѣ закона, составляя различныя предположенія касательно закона центральной силы планетъ, которыя предшествовали открытію дѣйствительнаго закона, показывающаго, что эта сила измѣняется въ обратномъ отношеніи квадрата разстояній. Такъ, Декартъ ставилъ гипотезу въ формѣ причины, когда придумывалъ свой вихрь, согласный съ извѣстными законами вращательнаго движенія. Гипотеза Ньютона оправдалась тѣмъ, что она, какъ настоящій законъ, привела дедуктивно къ Кеплеровымъ законамъ, между тѣмъ какъ гипотеза Декарта не выдержала испытанія, и потому отвергнута. Вообще говоря, наука, въ самыхъ широкихъ своихъ обобщеніяхъ, весьма много обязана гипотетическимъ догадкамъ. Всѣ важнѣйшіе законы природы открыты посредствомъ гипотезъ; въ числѣ ихъ и законъ тяготѣнія, къ доказательству котораго Ньютонъ приступилъ по догадкѣ, что въ небесномъ притяженіи дѣйствуетъ та же сила, что и въ земномъ...

Дедуктивный методъ имѣетъ отношеніе не только къ послѣднимъ и производнымъ законамъ природы, но и къ электриче-

скимъ также, отличающимся отъ производныхъ только тѣмъ, что они еще не *объяснены* послѣдними законами, не поставлены въ постоянную зависимость отъ опредѣленныхъ причинъ. Хининъ лечитъ перемежающуюся лихорадку — это эмпирической законъ, такъ какъ, хотя мы знаемъ фактически, что хининъ дѣйствительно лечитъ лихорадку, но какъ это происходитъ, по какимъ причинамъ, по какому общему закону—намъ неизвѣстно. Мы видимъ постоянное повтореніе фактовъ излеченія лихорадки хининомъ, мы понимаемъ, поэтому, что здѣсь проявляется однообразность или законъ, но еще не объясненный, не разложенный. Мы не знаемъ также, происходитъ ли это явленіе изъ нѣсколькихъ слѣдствій одной причины или различныхъ причинъ, и зависитъ ли оно только отъ общихъ законовъ, или также и отъ коллокацій, т.-е. отъ тѣхъ обстоятельствъ, времени и мѣста, при которыхъ его наблюдали. Если оно зависитъ и отъ коллокаціи, то, когда послѣдней не будетъ, не повторится и все явленіе. Поэтому, примѣняя къ своимъ изслѣдованіямъ эмпирической законъ, мы можемъ полагаться на его достовѣрность или естественность лишь въ предѣлахъ коллокаціи, то-есть тѣхъ времени, мѣста и обстоятельствъ, при которыхъ мы наблюдали дѣйствіе закона. Распространить его на всю природу невозможно и нелѣпо. Эмпирическіе законы могутъ стать производными и общими лишь при помощи дедукціи, а съ другой стороны, какъ результаты наблюденія и какъ представители опыта, они служатъ, какъ мы видѣли, лучшимъ средствомъ для повѣрочнаго процесса дедукціи. Если дедуктивный силлогизмъ подтверждается уже открытыми эмпирическими законами, то ясно, что нашъ дедуктивный счетъ есть вѣрное умственное заключеніе—относительно изслѣдуемыхъ природныхъ явленій, и что силлогизмъ, съ другой стороны, соединяясь съ эмпирическимъ закономъ, переводитъ этотъ законъ въ разрядъ производныхъ.

Къ эмпирическимъ законамъ слѣдуетъ причислить также всѣ однообразности *одновременнаго существованія* (или сосуществованія), всѣ законы явленій, существующихъ вмѣстѣ. Большинство сосуществованій обуславливается причинными законами, но есть и такія, которыя не обуславливаются природными явленіями, но, напротивъ, сами служатъ причинами этихъ явленій; таковы сосуществованія «послѣднихъ свойствъ». Къ сосуществованіямъ перваго рода принадлежатъ всѣ роды, какъ сосуществованія свойствъ, изъ которыхъ одни тоже послѣднія, безпричинныя, а другія производныя, причинныя. Что касается до *послѣднихъ, безпричинныхъ* свойствъ, мы ихъ находимъ въ химіи—въ такъ-называемыхъ *прос-*

тылъ тѣла, или начальныхъ естественныхъ дѣятеляхъ; при разложеніи законовъ кристаллизаціи, химическаго сродства, электричества и магнетизма въ такъ-называемыхъ полярностяхъ частицъ, изъ которыхъ состоятъ тѣла; взаимное притяженіе между всѣми тѣлами, открытое при разложеніи законовъ небесныхъ движеній— есть тоже послѣднее свойство; сюда же слѣдуетъ причислить законъ относительно вѣса атомовъ и т. п. Всѣ эти сосуществованія послѣднихъ свойствъ составляютъ послѣднія общности въ природѣ. Что касается до всѣхъ другихъ, то-есть *родовыхъ* свойствъ, всѣ они зависятъ отъ причинъ, но относительно ихъ нельзя дѣлать никакихъ обобщеній съ полною достовѣрностью. Правда, что такое обобщеніе можетъ быть послѣднею истиною, но можетъ и не быть, и потому, во всякомъ случаѣ, достовѣрность его можетъ идти не дальше достовѣрности эмпирическаго закона. Въ сосуществованіяхъ явленій причинная аксіома не дѣйствуетъ; причина и слѣдствіе не имѣютъ никакого значенія, когда нужно опредѣлить, имѣеть ли тотъ или другой *родъ* извѣстное свойство. Мы не имѣемъ никакой увѣренности въ томъ: должно ли изслѣдуемое свойство имѣть при себѣ нѣчто постоянно сосуществующее съ нимъ, какъ каждое дѣйствіе или слѣдствіе имѣеть непремѣнно свое неизмѣнное предыдущее. Нельзя утверждать, напримѣръ, что черный цвѣтъ воробѣй есть ихъ неизмѣнное, постоянное свойство, хотя бы мы и не видали никогда воробѣй иного цвѣта. Но если предположить, что существуютъ воробѣи другого цвѣта, то можно будетъ думать, что черный цвѣтъ есть или одна случайность, или признакъ особаго *рода* воробѣй, въ отличіе отъ другихъ родовъ ихъ, отличающихся лишь по цвѣту. Въ первомъ предположеніи цвѣтъ является не послѣднимъ свойствомъ, но слѣдствіемъ извѣстной причины, и потому опытный выводъ, что «всѣ воробѣи черны» служить достаточнымъ доказательствомъ общей причины, и возводить это обобщеніе на степень эмпирическаго закона. Во второмъ предположеніи, гдѣ черный цвѣтъ признается не слѣдствіемъ причины, но свойствомъ *рода*, обобщеніе погибаетъ и устраняется лишь съ открытіемъ новаго рода воробѣй. И здѣсь мы опять получаемъ эмпирическій законъ, такъ какъ фактъ открытія новаго рода хотя вѣроятенъ по прежнимъ примѣрамъ (открытіе черного гуся въ Австраліи), но еще нигдѣ не оправдался. Такъ какъ послѣдній случай подходитъ подъ опредѣленіе послѣдняго свойства, то понятно, что всѣ однообразности сосуществованія природныхъ явленій можно считать эмпирическими законами, достовѣрность которыхъ опредѣляется лишь въ предѣ-

лахъ мѣста, времени и обстоятельствъ, когда происходило наблюдение ихъ...

Всѣ описанныя нами средства индуктивной логики служили къ открытію или установленію полныхъ обобщеній, или настоящихъ законовъ природы. Но можно достигать также важныхъ результатовъ при помощи *обобщеній приближительныхъ*, особенно въ социологіи. Посредствомъ этихъ обобщеній мы не достигаемъ, правда, общихъ истинъ, но, къ счастью, сами явленія достаточно опредѣляются одними приближеніями къ общимъ истинамъ. Въ полныхъ обобщеніяхъ мы удовлетворялись только тогда, когда *всѣ* факты, въ нихъ включаемыя, не имѣли между собою никакой глубокой разницы; въ приближительныхъ же мы удовлетворяемся, если *большинство* ихъ подходитъ подъ обобщеніе. Теоретическое знаніе, почти всегда безусловное въ своихъ требованіяхъ, приобретаетъ отъ приближительныхъ обобщеній очень немного, но зато въ практической жизни, они служатъ часто единственнымъ руководителемъ въ дѣятельности. Если мы хотимъ успѣха въ нашихъ дѣлахъ, приближительныя обобщенія могутъ служить намъ указаніями, иногда однако ложными. Какъ бы то ни было, бѣльшей достовѣрности, чѣмъ эмпирической законъ, приближительное обобщеніе получить не можетъ. Есть только два случая, въ которыхъ заключенія, зависящія отъ приближительныхъ обобщеній, могутъ быть признаны столь строго научными, какъ будто они составлены изъ общихъ законовъ природы, какъ будто они полныя обобщенія. Первый случай тотъ, когда приближительное обобщеніе такого рода, что есть основаніе довольствоваться имъ не потому, что иначе невозможно, а вслѣдствіе неудобствъ и трудности идти дальше,—когда мы знаемъ характеръ, какимъ отличаются факты, соответствующіе обобщенію, отъ другихъ фактовъ, которые признаются исключеніями изъ обобщенія. Возьмемъ для примѣра слѣдующее приближительное обобщеніе: «*большинство* лицъ, которыхъ воля ничѣмъ не стѣснена, злоупотребляютъ ею». Изъ него можно сдѣлать полное обобщеніе, но съ извѣстными гипотезами или оговорками, напримѣръ: «*всѣ* лица, которыхъ воля ничѣмъ не стѣснена, злоупотребляютъ ею, *если* эти лица не обладаютъ высокимъ умомъ и честными намѣреніями». Отбросивъ оговорку, мы получимъ полное обобщеніе, которое можемъ употреблять въ нашихъ практическихъ дѣлахъ, но всегда съ рискомъ сдѣлать ошибку, и тѣмъ болѣе серьезную, чѣмъ большее число оговорокъ мы отбрасываемъ. Иногда эти оговорки имѣютъ столь широкое значеніе относительно главнаго предложенія, что безъ нихъ оно представляется почти невѣроятнымъ.

Второй случай, гдѣ приблизительныя обобщенія играютъ въ ученыхъ изысканіяхъ роль полного обобщенія, встрѣчается въ социальныхъ или политическихъ наукахъ, когда изучаютъ качества не отдѣльныхъ личностей, а цѣлой массы. Положимъ, государственному человѣку нужно знать, какимъ образомъ станетъ дѣйствовать *большинство* подданныхъ, если онъ своими соображеніями и практическими распоряженіями поддѣйствуетъ исключительно на тѣ случаи, въ которыхъ вліяніе будетъ оказано на все общество или на большую часть его, и въ которыхъ, слѣдовательно, настроеніе и поступки большинства опредѣляютъ результатъ вліянія всякой мѣры. Въ этомъ случаѣ политикъ можетъ довольствоваться приблизительными обобщеніями относительно человѣческой природы, которыя говорятъ, что—что приблизительно вѣрно относительно всѣхъ личностей,—безусловно вѣрно о всѣхъ массахъ. Но если политику придется даже, въ своихъ выводныхъ размышленіяхъ, обсуживать дѣятельность отдѣльнаго лица, имѣющаго большое вліяніе на ходъ событій, то и въ этомъ случаѣ слѣдуетъ руководствоваться тѣмъ обобщеніемъ, что—что вѣрно относительно большинства людей, — вѣрно и относительно всѣхъ, такъ какъ подъ дѣятельностью власти разумѣется обыкновенно долгій періодъ со многими послѣдовательными перемѣнами лицъ.

Эти оба случая показываютъ съ достаточно убѣдительною силою, что выводы относительно общественныхъ дѣлъ или правительственныхъ формъ, хотя основанные на доказательствѣ посредствомъ простыхъ вѣроятностей, ничѣмъ не хуже и не слабѣе выводовъ другихъ наукъ въ ихъ приложеніи къ практическимъ цѣлямъ. Разумѣется, наука о человѣческой природѣ и социальная наука не такъ *точны*, какъ астрономія, но и астрономія, когда ея вычисленія овладѣвали главными явлениями, не касаясь пертурбацій, была въ томъ же состояніи, въ какомъ находится нынѣ наука о человѣкѣ и наука объ обществѣ. Что касается до человѣческой природы, то—естъ мыслей, чувствъ и поступковъ людей, наука объ этихъ предметахъ достигла бы идеальнаго совершенства только тогда, когда она дала бы намъ возможность предсказывать, какъ будетъ мыслить, чувствовать и поступать тотъ или другой человѣкъ въ продолженіи всей своей жизни, и притомъ съ тою самою точностью, съ какою предсказываемъ мы, благодаря астрономіи, мѣстонахожденія и затмѣнія небесныхъ тѣлъ. Несомнѣнно, что до подобныхъ предсказаній мы никогда не достигнемъ, даже еслибъ мы могли узнать всѣ обстоятельства, въ которыхъ находится предметъ нашихъ изслѣдованій. Дѣло въ томъ, что всѣ впечатлѣнія и поступки человѣка являются резуль-

татомъ не внѣшнихъ обстоятельствъ только, но и характера самого человѣка также, а характеръ обуславливается и развивается подъ вліяніемъ столь многочисленныхъ и разнообразныхъ дѣятелей, что они никогда не бываютъ одинаковыми даже въ двухъ случаяхъ. Но мы можемъ опредѣлять многія вліянія при посредствѣ общихъ причинъ, когда вліянія зависятъ отъ обстоятельствъ и свойствъ, присущихъ всѣмъ людямъ или по крайней мѣрѣ бѣльшей части ихъ; о всѣхъ такихъ вліяніяхъ мы можемъ, слѣдовательно, дѣлать предсказанія, и если въ общественныхъ дѣлахъ совершенно достаточно знать, какъ мыслить, чувствуетъ и поступаетъ большинство людей, или націи, или извѣстнаго сословія, то наши приблизительныя обобщенія приобрѣтаютъ здѣсь столь же важное значеніе, какъ законы въ астрономіи. Этотъ выводъ примѣнителенъ какъ къ наукѣ о человѣческой природѣ, такъ и къ наукѣ объ обществѣ. Разумѣется, и въ общественной наукѣ выработанные законы не въ состояніи предсказывать будущую исторію общества съ тою точностью, съ какою предсказываетъ астрономія небесныя явленія за тысячи лѣтъ впередъ. Но этотъ недостатокъ опять-таки заключается въ многочисленности и измѣняемости обуславливающихъ причинъ; между тѣмъ какъ въ астрономіи все просто и однообразно, и вліятельныхъ причинъ очень немного. Къ счастью, однако, и въ общественныхъ явленіяхъ намъ не важно знать всѣ тонкія черты будущаго, и мы можемъ вполне довольствоваться приблизительными обобщеніями. Мы можемъ признать общественную науку вполне совершенною, если она дастъ намъ возможность понимать, при данномъ состояніи общественныхъ дѣлъ (напримѣръ, при нынѣшнемъ состояніи Европы или какого-нибудь государства), по какимъ причинамъ каждая отдѣльная страна стала теперь тѣмъ, что она есть; стремится ли она къ реформамъ и къ какимъ; какія слѣдствія произведетъ въ будущемъ каждая черта ея нынѣшняго состоянія, и какими средствами могутъ быть затруднены, измѣнены или ускорены эти слѣдствія и вызваны какія-нибудь другія. Милль не находитъ «ничего химеричнаго» въ надеждѣ открыть общіе законы, необходимые для отвѣта на всѣ подобные вопросы. Въ этомъ открытіи состоитъ цѣль соціальной науки.

СТАТЬЯ ПЯТАЯ.

Наука о человѣческой природѣ и наука объ общественныхъ явленіяхъ основаны въ значительной мѣрѣ на законахъ психологіи. — Самостоятельность психологіи и значеніе физиологическихъ изслѣдованій въ ея области. — Законы психологіи и этологіи. — Выводной методъ въ соціальной наукѣ. — Характеристичная черта общественныхъ явленій: *consens*. — Задачи соціальной науки. — Эмпирическіе законы въ общественной наукѣ. — Статика и динамика общественныхъ явленій. — Законъ прогресса и его опредѣленіе. — Умственное развитіе есть главная причина прогресса. — Три ступени въ процессѣ совершенствованія человѣческихъ знаній. — Частныя соціальныя науки: политическая экономія и политическая этологія. — Невозможность отдѣленія государственной науки отъ общей соціальной.

Весьма интересный отдѣлъ въ «Системѣ Логики» (почти вся шестая книга) занимается разборъ законовъ психологическихъ и общественныхъ явленій. Разсужденія, къ которымъ ведетъ этотъ разборъ; примѣры, которыми подтверждаются всѣ выводы его; и, наконецъ, какъ результатъ разбора, приведеніе общественныхъ явленій къ тѣмъ самымъ причиннымъ законамъ, которые управляютъ всѣми фактами въ природѣ, — все въ этомъ отдѣлѣ приводитъ читателя къ полному убѣжденію въ томъ, что и въ человѣческихъ поступкахъ, — касаются ли они самого дѣятеля или дѣлаго общества, — господствуетъ то же повтореніе причинъ и слѣдствій, тѣ же неизмѣнныя однообразности, какъ и во всѣхъ другихъ явленіяхъ обитаемаго нами міра. Разница между общественными явленіями и всѣми другими заключается лишь въ болѣе сложности и запутанности первыхъ.

Въ основу общественной науки Милль ставитъ изученіе психическихъ фактовъ и образованіе характера въ отдѣльномъ человѣкѣ, то-есть психологію и *этологію* (такъ называетъ Милль науку объ образованіи характера). Этологія (отъ греч. *ἔθος*) — наука производная, извлекающая всѣ свои основныя положенія изъ психологіи. Что касается до психологіи, Милль признаетъ ее, но съ нѣкоторыми оговорками, самостоятельную наукою, потому что до настоящаго времени психическія явленія изучались не иначе, какъ при помощи ихъ самихъ, а не на основаніи законовъ болѣе общихъ явленій. Милль не согласенъ съ Контомъ, который отрицаетъ возможность изученія психическихъ фактовъ посредствомъ самонаблюденія и опытовъ наблюдателя надъ самимъ собою; мало того, Контъ считаетъ психологію лишь частью физиологіи и потому помѣщаетъ ее въ свой отдѣлъ біологіи. Что касается до перваго положенія Конта, Милль приводитъ противъ

него весьма вѣскіе доводы. Контъ говоритъ, что все знаніе о человѣческомъ умѣ должно исходить изъ наблюденія надъ другими людьми, но возможно ли наблюдать умственные отправленія другихъ людей и объяснять признаки ихъ, не изучивъ предварительно на самомъ себѣ, что означаютъ эти признаки? Контъ утверждаетъ только, что нашъ умъ можетъ наблюдать все, кромѣ самого себя: мы не можемъ наблюдать себя наблюдающими или мыслящими, а еслибъ и могли, то вниманіе къ этому процессу уничтожило бы самый предметъ наблюденія. Однако опытъ показываетъ, что умъ можетъ не только сознать, но и внимать болѣе чѣмъ одному впечатлѣнію одновременно, какъ это свидѣтельствуютъ нѣкоторые философы: Кардальеъ, Гамильтонъ. Правда, что вниманіе, распространяясь на нѣсколько предметовъ, ослабѣваетъ, и само психологическое наблюденіе, поэтому, становится весьма затруднительнымъ, однако затрудненіе не есть невозможность. Съ другой стороны, психологическіе факты изучаются при помощи памяти, не въ самый моментъ испытанія ихъ, но въ слѣдующій; этотъ способъ снабдилъ насъ важнѣйшими свѣдѣніями объ умственной дѣятельности. Мы мыслимъ о томъ, что дѣлаемъ, когда оно уже прошло, но когда впечатлѣніе еще свѣжо въ памяти. Итакъ, мы познаемъ наши наблюденія и мышленіе или въ самый моментъ наблюденія и мышленія, или при посредствѣ памяти однимъ моментомъ позже: мы познаемъ, слѣдовательно, непосредственно; а то, что мы узнаемъ непосредственно, можно и наблюдать непосредственно ¹⁾.

Второй пунктъ несогласія Милля съ Контотъ важегся съ перваго взгляда менѣе основательнымъ, если даже принять во вниманіе всѣ оговорки, которыми обставляетъ Милль свою защиту *нынѣшней* самостоятельности психологіи. Милль отстаиваетъ самостоятельность психологіи не только относительно физиологіи, но и относительно біологіи; онъ какъ-бы желаетъ создать изъ нея особую основную науку, какъ сама біологія, и затѣмъ при помощи ея выводовъ и выводовъ—производной изъ нея науки—этологіи способствовать развитію соціальной науки. Разумѣется, что такое отношеніе къ психологіи ясно показываетъ, что Милль не принимаетъ научной классификаціи Конта, но отсюда еще никакъ не слѣдуетъ, что Милль не понимаетъ будто бы значенія физиологіи въ дѣлѣ объясненія психическихъ явленій, какъ это утверждаетъ Литтре ²⁾, который, говоря о психологіи, спрашивалъ,

¹⁾ Ср. «Westminster Review», за апрѣль 1865, стр. 373, 374.

²⁾ Revue des Deux Mondes, 15 août, 1866.

слѣдуетъ ли подѣ нею разумѣть изученіе мозговыхъ отправленій, или только продуктовъ этихъ отправленій. Относительно зависимости психическихъ явленій отъ мозговой дѣятельности, Милль говоритъ, что въ настоящее время эта зависимость вполнѣ установлена лишь относительно однихъ ощущеній. Что же касается до утвержденія «многихъ замѣчательныхъ фізіологовъ», что мысли, душевныя движенія и акты воли происходятъ также чрезъ посредство матеріальнаго механизма, то это вопросъ еще спорный. Но еслибъ всѣ эти явленія были не что иное, какъ нервныя состоянія, то все-таки — говоритъ Милль — «каждый долженъ согласиться, что мы ничего не знаемъ о характерѣ этихъ нервныхъ состояній. Мы не знаемъ, и у насъ нѣтъ пока никакихъ средствъ узнать, въ какомъ отношеніи они отличаются другъ отъ друга, ибо единственный способъ изученія ихъ послѣдовательныхъ или одновременныхъ существованій можетъ состоять лишь въ наблюденіи послѣдовательности или существованія психическихъ состояній, возбудителями или причинами которыхъ предполагаются состоянія нервныя. Послѣдовательности психическихъ явленій, слѣдовательно, не могутъ быть выведены изъ фізіологическихъ законовъ нервной системы, и всякое реальное познаніе ихъ должно совершаться, если не всегда, то еще долгое время, путемъ непосредственнаго изученія самихъ психическихъ послѣдовательностей — путемъ наблюденія и опыта». Изъ этого объясненія очевидно, что Милль очень хорошо понималъ, что слѣдуетъ разумѣть подѣ фізіологическимъ объясненіемъ психическихъ явленій, и даже допускалъ возможность его въ далекомъ будущемъ. Но, съ другой стороны, имѣя въ виду, что современная фізіологія, отрицающая, въ лицѣ Конта, дѣйствительно полезный методъ самонаблюденія, и вмѣстѣ съ тѣмъ неспособная пока объяснять психическія явленія, какъ объясняетъ ихъ, на примѣръ, англійская психологическая школа сочетанія идей, приверженцемъ которой былъ самъ Милль и его отецъ, нашъ философъ опасался, что съ гибелью теоріи сочетанія идей безъ замѣны чѣмъ-нибудь другимъ, болѣе соотвѣтственнымъ современному психологическому знанію, будетъ нанесенъ напрасный ударъ не только психологіи, но и всему, что имѣетъ съ нею тѣсную связь — самой соціальной наукой. «Какъ бы несовершенна ни была психологія,—говоритъ Милль,—но я готовъ утверждать, что она двинута впередъ значительно дальше, чѣмъ соотвѣтствующая ей часть фізіологіи». Въ пренебреженіи Конта къ психологіи Милль видитъ «источникъ серьезныхъ ошибокъ въ попыткѣ Конта создать соціальную

науку» ¹⁾. Исслѣдованія проф. Сѣченова о рефлексахъ головного мозга Милля не были извѣстны.

Что Милль, въ своихъ понятіяхъ о психологическихъ изслѣдованіяхъ, не принадлежитъ къ какой-либо метафизической школѣ, — это мы достаточно видѣли при разборѣ его психологическихъ мнѣній; это видно также изъ того, что таеъ-называемый «духъ» психологовъ не является у Милля какою-либо «субстанціей» или объяснительною причиною, и часто замѣняется фразою: «моя жизнь».

Въ психологіи Милль находитъ два общихъ, основныхъ закона, изъ которыхъ можно выводить всѣ частные законы, такъ что при помощи ихъ возможно объяснить даже сложные законы мышленія и чувствованія. Законы, о которыхъ мы говоримъ, суть законъ образованія идей (или представленій) и законъ сочетанія ихъ. На этихъ же законахъ должно установиться ученіе о человѣческомъ характерѣ, какъ устанавливаются на нихъ всѣ истины практическаго знанія о человѣческой природѣ. Эти практическія, изъ житейскаго опыта извлеченныя правила могутъ играть въ наукѣ роль эмпирическихъ законовъ, которые бывають полезны лишь въ предѣлахъ (по мѣсту, времени и обстоятельствамъ) нашихъ настоящихъ наблюденій, но внѣ этихъ предѣловъ теряють свою достовѣрность. Изъ наблюденій подобнаго рода, нельзя, однако, получить принципы человѣческой природы, а только результаты этихъ принциповъ, выводимые изъ случайныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находятъ иногда люди. Когда, напримѣръ, утверждаютъ, что старики предусмотрительны, а юноши способны къ увлеченіямъ, то это утвержденіе есть лишь эмпирической законъ, такъ какъ юноши способны къ увлеченію не вслѣдствіе юности, а старики отличаются предусмотрительностью не оттого, что стары. Дѣйствительная причина этого явленія заключается въ томъ, что старики въ продолженіи своей долгой жизни испытали въ болѣе широкой мѣрѣ всѣ ея дурныя стороны, которымъ они подвергались по своей способности къ увлеченію, и потому въ ихъ умахъ образовались сочетанія идей, благопріятныхъ предусмотрительности; — юноши же, какъ по недостатку въ подобныхъ испытаніяхъ, такъ и вслѣдствіе болѣе сильной наклонности къ предпріятіямъ, съ увлеченіемъ принимаютъ за дѣла. Безъ этого *объясненія* посредствомъ причинныхъ вліяній или законовъ, эмпирической законъ не имѣетъ никакой достовѣрности; ибо есть старики, которые приходили въ соприкосновеніе съ опасностями жизни не чаще большинства юношей,

¹⁾ Срав. „A System of Logic“, т. II; кн. 6; гл. 4; § 2.

и потому остались столь же мало предусмотрительными, — есть также юноши, обнаруживающіе столь же слабую склонность въ дѣятельности, какъ старики, и потому лишенные всякаго увлеченія или предпріимчивости.

Эмпирическіе законы въ этологiи, какъ ясно видно изъ предыдущаго примѣра, не могутъ быть дѣйствительно научными; научными законами будутъ, напротивъ, тѣ причинные законы, которыми объясняются эмпирическіе. Что же касается до эмпирическихъ законовъ, они годны лишь для повѣрки теоретическихъ заключеній, придавая имъ практической вѣсь, а сами могутъ играть роль лишь приблизительныхъ обобщеній; но такъ какъ въ нихъ заключается обычная мудрость практической жизни, то они неопцненны, хотя никогда не слѣдуетъ забывать, что ихъ приложеніе обусловлено извѣстными правилами мѣста, времени и обстоятельствъ. То, что вѣрно относительно обитателей Англии, можетъ быть невѣрнымъ относительно французовъ; въ нынѣшнему поколѣнію нельзя прилагать того, что было приложимо въ прошломъ; люди, пребывающіе подъ разными обстоятельствами, приобретаютъ различныя наклонности. Но такъ какъ каждая отдѣльная личность окружена обстоятельствами *своего* рода, и такъ какъ всякое поколѣніе и каждая нація развиваются въ *своихъ* обстоятельствахъ, которыя вліяютъ на ихъ характеръ не такъ, какъ обстоятельства, окружающія какое-либо другое поколѣніе или другую націю, то ясно, что люди, находясь постоянно подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, не могутъ имѣть одного общаго характера, хотя для всѣхъ людей существуютъ общіе законы образованія характера. Найти и объяснить эти законы — дѣло *этологiи*.

Законы этологiи не могутъ быть получены посредствомъ простаго наблюденія или опытнаго метода, такъ какъ образованіе характера — фактъ сложный и скрытый и не поддающійся объясненію путемъ простаго сравненія явленій или исключенія случайныхъ обстоятельствъ. Здѣсь замѣшано сложное слѣдствіе многихъ причинъ и потому необходимъ выводной методъ, который умѣетъ разлагать сложные факты на простые, и потомъ, опредѣливъ законы причинъ, сложеніе которыхъ вызвало сложное слѣдствіе, разсматриваетъ — не объясняются ли этими законами приблизительныя обобщенія, которыя были эмпирически постановлены относительно слѣдствій этихъ сложныхъ явленій. Другими словами, законы образованія характера *производятся* изъ общихъ законовъ психологiи и могутъ быть получены изъ нихъ посредствомъ выводнаго метода, если предположить данный рядъ обстоятельствъ, и

потомъ смотрѣть, въ чемъ, согласно съ психологическими законами, обнаруживается вліяніе этихъ обстоятельствъ на образованіе характера. Разумѣется, и отъ этого метода намъ нельзя ожидать опредѣленныхъ предсказаній относительно образующагося характера, но зато мы узнаемъ, что извѣстное средство имѣетъ склонность или *стремленіе* создать данное слѣдствіе, а другое, напротивъ, его уничтожить. Если въ нашей власти находятся обстоятельства жизни какой-либо личности или цѣлой націи, то мы можемъ, при знаніи ихъ стремленій, придавать обстоятельствамъ обстановку, болѣе благопріятную для достиженія желанной цѣли, чѣмъ еслибъ они слагались сами по себѣ. Вотъ предѣлъ нашей власти, но въ этихъ предѣлахъ можно совершить весьма многое и весьма важное, не нужно только забывать, что мы имѣемъ дѣло не съ фактами, а съ стремленіями. Законы этологіи, поэтому, не должны утверждать, что нѣчто будетъ всегда и непременно повторяться; они могутъ заявлять только, что слѣдствіемъ данной причины, при безпрепятственномъ дѣйствіи послѣдней, будетъ то и то. Мы должны признать научнымъ положеніемъ, что, наприимѣръ, «тѣлесная сила человѣка стремится создать въ немъ мужество»; или, что «интересъ одной стороны вопроса стремится придать дѣлу партійный духъ», или что «опытъ дѣлаетъ человѣка разумнѣе»; — хотя всѣ три положенія не всегда оправдываются въ дѣйствительности.

Что этологія—наука возможная, это доказывается тѣмъ обиліемъ эмпирическихъ законовъ (о взаимной связи между человѣческимъ характеромъ и обстоятельствами жизни), которые накопились людьми въ продолженіи цѣлаго ряда вѣковъ. Эмпирическіе законы, какъ извѣстно, повѣряютъ силлогизмъ выводного метода, а такъ какъ этологія наука выводная, то для развитія ея нужно лишь подыскивать силлогизмы, поддающіеся повѣрѣ уже собранными эмпирическими законами. Успѣхъ этой науки, слѣдовательно, будетъ зависѣть отъ двухъ приемовъ: во-первыхъ, отъ теоретическаго вывода этологическихъ слѣдствій извѣстнаго стеченія обстоятельствъ, и изъ сравненія этихъ слѣдствій съ признанными результатами обыкновеннаго опыта; и во-вторыхъ, отъ обратной операціи, отъ изученія существующихъ въ мірѣ различныхъ типовъ человѣческой природы, но изученія столь искуснаго и многосторонняго, чтобы оно вмѣстѣ съ указаніемъ и анализомъ обстоятельствъ, въ которыхъ преобладаютъ различные типы характеровъ, объясняло, согласно съ психологическими законами, характеристичныя черты типа посредствомъ особенностей

обстоятельствъ; — приче́мъ только остатокъ, если онъ окажется, будетъ отнесенъ насчетъ врожденныхъ предрасположеній типа.

Подобно этологіи, и социальная наука—тоже наука, въ которой только выводной методъ можетъ открывать законы изучаемыхъ ею явленій. Въ самомъ дѣлѣ, два другихъ метода: *химическій* и *геометрический*, которые употреблялись прежде для изученія общественныхъ явленій, не привели ни къ чему и были основаны лишь на недоразумѣніяхъ. Наведеніе, играющее главную роль въ химическомъ или опытномъ методѣ, снабжаетъ науку законами лишь элементарныхъ фактовъ, изъ которыхъ можно мыслить дедуктивнымъ образомъ ихъ сложныя сочетанія между собою; съ другой стороны, *опытъ* совершенно невозможенъ въ области общественныхъ явленій, а специальное наблюденіе сложныхъ явленій даетъ не общіе законы, а только эмпирическіе, и его научное значеніе заключается въ повѣрѣніи законовъ, открываемыхъ выводнымъ силлогизмомъ. Отсюда ясно, что для изученія столь сложныхъ явленій, какъ явленія социальныя, наведеніе, вмѣстѣ съ наблюденіемъ и опытомъ, оказываются несостоятельными.

Въ общественной науѣ элементарными фактами являются человѣческія чувства и поступки, законы которыхъ суть законы человѣческой природы, и отсюда вышло второе недоразумѣніе, въ которое впадали даже такіе крупныя мыслители, какъ Джемсъ Милль и Бентамъ. Основываясь на томъ предположеніи, что человѣкъ въ обществѣ дѣйствуетъ, по своей природѣ, какъ отдѣльная личность, они надѣялись создать общественную науку посредствомъ вывода ея законовъ изъ общихъ законовъ человѣческой природы, пользуясь для повѣрки историческими фактами. Это и есть геометрический методъ, выводящій всѣ свои теоремы изъ одного общаго положенія. Милль видѣлъ ошибочность этого метода еще до обнаруженія послѣднихъ томовъ «Положительной философіи» Конта, гдѣ она обнаружена съ полною убѣдительностью. Но Контъ пошелъ въ своемъ требованіи выводнаго метода для изученія социологіи столь далеко, что утверждалъ, что къ ней можетъ быть примѣнимъ только тотъ выводной методъ, который придуманъ самимъ Контомъ. Въ дѣйствительности, методъ Конта составляетъ одинъ изъ лучшихъ лавровъ въ его ученомъ вѣнцѣ, но въ социологіи, какъ доказываетъ Милль, имѣетъ большое приложеніе и тотъ выводной методъ, который создалъ астрономію и физику. Контъ показавъ, что изъ общихъ законовъ человѣческой природы можно вывести нѣсколько социальныхъ заключеній (весьма плохихъ, впрочемъ—замѣчаетъ Милль) относительно самаго ранняго развитія человѣческаго прогресса, о которомъ почти никто не зналъ

историческаго отчета. Но съ дальнѣйшимъ развитіемъ общества общественныя явленія опредѣлялись все въ болѣе и болѣе мѣрѣ не простыми стремленіями человѣческой природы, но все накопляющимся вліаніемъ прошлыхъ поvolvннй на постѣдующія, и сами люди изъ естественныхъ существъ становились все болѣе историческими, въ созданіи которыхъ участвуютъ главнымъ образомъ общественныя вліанія. Только исторія, поэтому, можетъ дать намъ какое-либо основательное понятіе о значеніи соціальныхъ явленій; что же касается до законовъ человѣческой природы, они составляютъ лишь часть данныхъ, на которыхъ основывается соціальная наука.

Исторія въ состояніи показать намъ, что человѣческой родъ, взятый какъ одно цѣлое, обнаруживаетъ опредѣленный ходъ или извѣстный порядокъ *развитія*. Правда, исторія, своими собственными средствами, не можетъ доказать, что это развитіе есть необходимый законъ, а не временная случайность, но тѣмъ не менѣе одно существованіе такого явленія, какъ развитіе человѣческаго рода, дѣлаетъ уже возможнымъ соціальное знаніе, если только законы человѣческой природы не противорѣчатъ этому развитію. Итакъ, въ соціальной наукѣ исторія, хотя она представляется ничѣмъ инымъ, какъ массою эмпирическихъ фактовъ и законовъ, должна играть не второстепенную роль повѣрочнаго средства, а напротивъ—доставлять матеріалъ для тѣхъ важныхъ обобщеній, которыя, будучи провѣрены и подтверждены законами человѣческой природы, должны составить основные законы соціологии. При такомъ обратномъ взглядѣ на эмпирическіе законы и самъ выводной методъ долженъ принять *обратный* характеръ. Дѣло въ томъ, что въ прямомъ выводномъ методѣ мы выводимъ наши заключенія разсужденіемъ (дедуктивнымъ силлогизмомъ) и подтверждаемъ ихъ наблюденіемъ или спеціальнымъ опытомъ, а въ обратномъ, напротивъ, спеціальныи опытъ (исторія) даетъ намъ заключенія гипотетическія или *a priori* (статистическія и историческія обобщенія), которыя повѣряются и подтверждаются дедукціей согласно съ законами человѣческой природы. Если какая-нибудь соціологическая теорія, составленная на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, противорѣчитъ установленнымъ общимъ законамъ человѣческой природы, то она не можетъ быть принята въ число научныхъ истинъ; — напริมѣръ, еслибъ теорія предполагала, что масса человѣчества имѣетъ рѣшительную наклонность ко злу, либо къ добру, или—что разумъ въ массахъ людей преобладаетъ надъ ихъ желаніями, и т. п. Но если эмпирическія обобщенія изъ исторіи и статистики оказываются согласными съ извѣстными законами человѣческой природы; если эти

обобщенія показываютъ, что развитіе и перемѣны въ обществѣ совершаются такимъ образомъ, какъ того требуютъ свойства чело-вѣка и условія его существованія, то ихъ можно признать про-изводными или дѣйствительно научными законами, и тогда со-ціологія становится наукою. Вотъ это крупное значеніе исторіи въ созданіи социальной науки и этотъ обратно-выводной методъ, называемый также *историческимъ*, самымъ вѣрнымъ и основатель-нымъ образомъ опредѣлили Отюсть Контъ. Въ то время, какъ Контъ пускалъ въ свѣтъ это открытіе, Милль уже писалъ свою «Систему Логики», но идея Конта предстала предъ нимъ совер-шенно новою, такъ что Милль сознается, что не открылъ ея Контъ, онъ, можетъ быть, самъ бы не попалъ на нее, а еслибъ и попалъ, то далеко не такъ скоро (Autobiography, стр. 211).

Общественная наука, по ученію Милля, имѣетъ свои теорети-ческія и практическія задачи. Какъ общая, какъ теоретическая социальная наука, она занимается опредѣленіемъ причинъ, об-условливающихъ общественное состояніе и явленія, которыми та-кое состояніе характеризуется. Какъ практическая политика, имѣющая цѣлью окружать общество наибольшимъ числомъ об-стоятельствъ, благотворныхъ для его развитія, и ограждать его отъ другихъ, вредныхъ для его развитія, соціологическое изслѣдованіе ставитъ себѣ вопросы о томъ, какое дѣйствіе производитъ та или другая причина при извѣстномъ состояніи общества. Подъ *общественнымъ состояніемъ* или цивилизаціей разумѣется однове-ременное состояніе всѣхъ крупныхъ общественныхъ фактовъ или явленій: умственного и нравственного образованія и распростра-ненія знаній въ разныхъ классахъ, всѣхъ родовъ промышле-ности, и накопленія богатства и его распредѣленія, правитель-ственной формы и важнѣйшихъ законовъ и обычаевъ, раздѣленія на классы и ихъ взаимныхъ отношеній, ихъ эстетическихъ стрем-леній, и вѣрованій касательно всѣхъ предметовъ, имѣющихъ для людей особую важность. Всѣ эти общественные факты, соединяясь въ общественное состояніе, заключаютъ въ себѣ ту особенность, что они въ этомъ соединеніи присутствуютъ какъ части единого цѣлаго, какъ отдѣльные органы одного и того же организма; сочетаніе ихъ, поэтому, возможно не во всякой формѣ, но лишь въ извѣстныхъ формахъ, которыя вытекаютъ изъ взаимныхъ влія-ній каждаго общественнаго явленія на другое. Эта одновремен-ность общественныхъ фактовъ и ихъ постоянное взаимодѣйствіе даютъ тотъ результатъ, что ни одно социальное явленіе не мо-жетъ не избѣгать вліянія всѣхъ другихъ фактовъ общественной жизни, ни само не вліять на нихъ. Контъ называетъ эту связь,

по примѣру подобной связи органовъ въ организмѣ, *consensus: сочувствіемъ* или *состраданіемъ*.

Фактъ взаимной связи между общественными явленіями ясно показываетъ, что между ними существуютъ однообразныя повторенія или законы сосуществованія, что каждое явленіе происходитъ всегда вмѣстѣ съ цѣлымъ общественнымъ состояніемъ, такъ что дѣйствительный ходъ общественной жизни представляется непрерывною цѣпью изъ цѣлыхъ общественныхъ состояній, замѣняющихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ другъ друга. Отсюда выходитъ, что взаимное соотношеніе между различными элементами общественнаго состоянія есть производный законъ, исходящій изъ законовъ, управляющихъ послѣдовательностью между двумя общественными состояніями; а основная задача общей соціальной науки состоитъ именно въ опредѣленіи законовъ, въ силу которыхъ одно общественное состояніе производитъ слѣдующее, его смѣняющее, то-есть въ опредѣленіи законовъ развитія или прогресса. Прогрессивныя перемѣны происходятъ, разумѣется, не изъ дня въ день, но отъ вѣка до вѣка, такъ что въ промежуточное время успѣваютъ мѣняться свойства не только отдѣльныхъ личностей, но и большинства людей. Главною причиною этихъ измѣненій служить постоянное противодѣйствіе слѣдствій своимъ причинамъ: въ общественныхъ явленіяхъ, какъ обстоятельства, въ которыхъ находятся люди, такъ и сами люди дѣйствуютъ другъ на друга. Это взаимодѣйствіе должно идти или кругомъ, или въ образѣ прогресса. По первой теоріи, жизнь человѣческаго рода, подобно небеснымъ движеніямъ въ астрономіи, постоянно описываетъ извѣстные круги, все продолжаясь въ одномъ и томъ же неизмѣнномъ порядкѣ, черезъ одинъ и тотъ же рядъ измѣненій. Подъ прогрессивнымъ движеніемъ, напротивъ, Милль разумѣетъ непременно усовершенствованіе или стремленіе къ усовершенствованію, хотя онъ допускаетъ, что въ общественной жизни могутъ быть и такіе ряды измѣненій, которыя нисколько не способствуютъ развитію или усовершенствованію человѣчества. Для прогресса необходимо, во всякомъ случаѣ, чтобы и характеръ человѣческаго рода и его внѣшнія обстоятельства непременно измѣнялись съ каждымъ новымъ поколѣніемъ. Однако, до сихъ поръ законъ прогресса все еще остается не вполне опредѣленнымъ, хотя наука понимаетъ уже, какимъ путемъ она могла бы дойти до его открытія. Фактъ прогресса, какъ мы видѣли, есть не что иное, какъ эмпирическое обобщеніе изъ исторіи, но прогрессъ самъ по себѣ не можетъ быть *только* эмпирическимъ закономъ. Необходимо дедуктивнымъ образомъ связать его съ психологическими

и этологическими законами, и тогда онъ станетъ закономъ научнымъ или производнымъ.

Эмпирическихъ законовъ въ общественной науцѣ два рода: одни законы сосуществованія, другіе — послѣдовательности; на этомъ раздѣленіи основано бонтовское дѣленіе всѣхъ общественныхъ явленій на *статическія* и *динамическія*, изъ которыхъ первыя опредѣляютъ условія прочности соціальной связи, а послѣднія — законы прогресса. Соціальная динамика, это — ученіе объ обществѣ въ прогрессивномъ движеніи, а соціальная статика учить о *сочувствіи* (consens) между различными частями общественнаго организма, описывая взаимныя дѣйствія и противодѣйствія одновременно существующихъ соціальныхъ явленій. Ея методъ заключается въ анализѣ различныхъ общественныхъ состояній и сравненіи ихъ между собою. Изъ *сочувствія* общественныхъ явленій выходитъ, что каждое явленіе существуетъ не иначе, какъ вмѣстѣ съ другими, ему сочувствующими, то-есть способными составлять съ нимъ общественное состояніе или извѣстный уровень цивилизаціи. Важнѣйшій вопросъ статике состоитъ въ отысканіи принципа соотношенія между правительственною формою въ обществѣ и общимъ состояніемъ его цивилизаціи. Милль нашелъ три эмпирическихъ закона прочности общественнаго союза, которые, по всей вѣроятности, исходятъ изъ общихъ законовъ человѣческой природы и потому могутъ быть возведены въ научныя истины: повиновеніе правительству, чувство вѣрности или преданности общественнымъ учрежденіямъ, и принципъ сочувствія и единства между членами одного и того же общества. Если въ обществѣ существуютъ условія развитія и поддержанія этихъ трехъ дѣятелей, то въ прочности его сомнѣваться нельзя.

Что касается до динамики, ея главная цѣль, ея полное совершенство заключается въ возможности объясненія каждаго крупнаго общаго обстоятельства даннаго поколѣнія причинами, заключающимися въ поколѣніи непосредственно предшествовавшемъ. Между тѣмъ общественное *сочувствіе* столь полно, что зависимость одного поколѣнія отъ слѣдующаго представляетъ скорѣе происхожденіе цѣлаго изъ цѣлаго, чѣмъ части изъ части. Поэтому, отношеніе зависимости между общественными состояніями не поддается непосредственному выводу изъ законовъ человѣческой природы, пока не опредѣлены законы, въ силу которыхъ общественныя состоянія производятъ другъ друга при прогрессированіи общества. Эмпирическіе законы исторіи для этой цѣли недостаточны; они указываютъ лишь извѣстныя общія стремленія, существующія въ обществѣ, или прогрессивный ростъ нѣкоторыхъ

общественныхъ элементовъ и паденіе другихъ, или, наконецъ, постепенное измѣненіе въ общемъ характерѣ извѣстныхъ элементовъ. Мы видимъ, напримѣръ, что съ прогрессомъ обществъ умственныхъ свойства людей приобрѣтаютъ все большее значеніе въ сравненіи съ тѣлесными, и что массы приобрѣтаютъ все болѣе значеніе въ перевѣсъ надъ отдѣльными личностями; мы видимъ еще, что изъ всѣхъ занятій свободное человѣчество предпочитаетъ сперва военное, а потомъ индустріальное. Но эти эмпирическіе законы еще слишкомъ далеки отъ господствующихъ надъ нами элементарныхъ законовъ человѣческой природы, и потому изъ нихъ нельзя еще вывести дѣйствительныхъ законовъ прогресса; эти законы представляются пока въ формѣ отношеній отрывковъ слѣдствій къ отрывкамъ причинъ. Дѣйствительный законъ прогресса нельзя вывести иначе, какъ соединеніемъ статическаго изслѣдованія съ динамическимъ, то-есть изученіемъ прогрессивнаго движенія всѣхъ общественныхъ элементовъ одновременно, причемъ мы можемъ брать во вниманіе не только прогрессивныя измѣненія различныхъ элементовъ, но и одновременный составъ каждаго изъ нихъ, и такимъ образомъ эмпирически получить законъ соотвѣтствія не только между одновременными состояніями, но и между одновременными измѣненіями этихъ элементовъ. Этотъ законъ соотвѣтствія могъ бы, при достаточной повѣрѣ *a priori*, стать дѣйствительно научнымъ производнымъ закономъ развитія человѣчества и человѣческихъ дѣлъ. Къ счастью, изслѣдованіе въ этомъ направленіи весьма облегчается существованіемъ такого элемента въ общественномъ движеніи, которое можетъ служить мѣриломъ прогрессивныхъ измѣненій всѣхъ другихъ факторовъ прогресса. И исторія и законы человѣческой природы находятъ этотъ элементъ въ состояніи умозрительныхъ способностей человѣка, со включеніемъ характера мнѣній (вѣрованій) людей о самихъ себѣ и окружающемъ ихъ мірѣ, или *въ стремленіи людей къ истинѣ*. Правда, что это стремленіе развито въ людяхъ еще очень слабо, тѣмъ не менѣе его вліяніе служитъ руководящею причиною общественнаго прогресса, и въ его зависимости состоятъ всѣ наклонности нашей природы, работающія на пользу прогрессивнаго развитія. Возьмемъ для примѣра наклонность къ улучшеніямъ матеріальной жизни; такъ какъ эта наклонность или стремленіе зависитъ, въ своей дѣятельности, отъ улучшеній въ промышленности, и такъ какъ эти улучшенія, въ свою очередь, зависятъ отъ успѣховъ знанія, — то ясно, что успѣхи умственнаго труда или развитіе стремленія къ истинѣ лучше всего способствуютъ или, лучше сказать, господствуютъ надъ улучшеніемъ матеріаль-

ной стороны общественной жизни. То же самое можно опредѣлить и относительно прогресса высшихъ искусствъ, а также нравственного и политическаго состояній обществъ. Отсюда мы уже имѣемъ право заключить, что всякому прогрессивному движению въ обществѣ всегда предшествуетъ соотвѣтствующее измѣненіе въ состояніи нашего знанія или господствующихъ мнѣній (вѣрованій). Всѣ крупныя шаги человечества по пути прогресса ознаменованы въ исторіи, какъ предвѣстниками, крупными перемѣнами въ мнѣніяхъ и образахъ мысли, господствовавшихъ тогда въ обществѣ. Политеизмъ, іудейство, христіанство, протестантство, критическая философія современной Европы, вмѣстѣ съ ея положительными науками—всѣ они создавали общество такимъ, какимъ оно пребывало въ продолженіи всего періода каждаго изъ этихъ крупныхъ умственныхъ вліаній. Само общество участвовало въ возбужденіи этихъ движеній лишь второстепеннымъ образомъ, такъ какъ такія движенія истекаютъ не изъ практической жизни періода, а изъ хрежняго состоянія вѣрованій и мысли. Итакъ, порядокъ человѣческаго прогресса во всѣхъ отношеніяхъ зависитъ главнымъ образомъ отъ порядка совершенствованія въ умственныхъ убѣжденіяхъ, то-есть отъ закона послѣдовательныхъ преобразованій человѣческихъ мнѣній. Этотъ основной законъ совершенствованія человѣческихъ знаній Контъ вывелъ изъ исторіи, найдя, что умственный разборъ каждаго предмета человѣческаго изслѣдованія проходитъ три послѣдовательныя ступени, прежде чѣмъ достигается полной истины. На первой ступени своего разсмотрѣнія умъ объясняетъ изучаемыя явленія дѣятельностью чего-нибудь сверхъестественнаго, на второй—метафизическими отвлеченностями, а на третьей—взаимною послѣдовательностью или сходствомъ явленій. «Это обобщеніе—говоритъ Милль—обладаетъ кажется, тою высокою степенью научной достовѣрности, которая исходитъ изъ совокупнаго дѣйствія историческихъ указаній и изъ вѣроятностей касательно свойствъ человѣческаго ума. Не легко, однако, по одному простому заявленію такого положенія составить себѣ представленіе о томъ приливѣ свѣта, каковой явится на весь ходъ исторіи, когда будутъ приняты всѣ послѣдствія этого положенія, когда сравнятъ съ каждымъ изъ трехъ состояній человѣческаго ума и съ каждымъ послѣдовательнымъ видовымнѣніемъ этихъ трехъ состояній соотносительное состояніе другихъ соціальныхъ явленій». Пойдетъ ли дальнѣйшее изученіе отъ только-что описаннаго историческаго обобщенія, или нѣтъ, — «во всякомъ случаѣ,—говоритъ Милль,—только отъ этого метода можно ожидать открытія производныхъ законовъ общественнаго порядка и обществен-

наго прогресса. Съ его помощью намъ, можетъ быть, удастся не только бросить обширный взглядъ на будущую исторію человѣческаго рода, но также опредѣлить, какими искусственными средствами и въ какихъ предѣлахъ ихъ употребленія можно было бы ускорить естественный прогрессъ такимъ благотворнымъ образомъ, чтобы соединенныя съ его ходомъ неприятности и вредныя дѣйствія были устранены и чтобы человѣческій родъ былъ огражденъ отъ опасностей и случайностей, которымъ онъ подвергается въ продолженіи необходимыхъ промежутковъ своего совершенствованія».

Кромѣ общей соціальной науки, въ предѣлы которой Контъ вводилъ всѣ явленія общественной жизни, Милль допускаетъ еще частныя соціальныя науки, предметомъ которыхъ служатъ отдѣльныя стороны общественнаго движенія. Фактъ *сочувствія* среди общественныхъ явленій ясно показываетъ, что изученіе котораго-либо изъ общественныхъ явленій, отдѣльно отъ всѣхъ остальныхъ, сопряжено съ значительными затрудненіями и грозитъ ввести изслѣдователя въ разныя ошибки, такъ какъ каждое общественное явленіе находится всегда подъ вліяніемъ всѣхъ другихъ. Однако, несмотря на всѣ затрудненія и опасности, ученые изысканія въ области соціологіи успѣли найти возможность пріобрѣтать полезныя практическія положенія относительно нѣкоторыхъ важныхъ факторовъ общественной жизни. Но такія пріобрѣтенія возможны не во всѣхъ частяхъ соціальной науки, а только въ тѣхъ классахъ общественныхъ фактовъ, которые хотя находятся подъ вліяніемъ всѣхъ общественныхъ элементовъ, но дѣйствительно, непосредственно подчинены — лишь весьма немногимъ элементамъ. Милль утверждаетъ, что такіе классы общественныхъ фактовъ даже должны быть изучаемы въ отдѣльности, на подобіе того, какъ происходитъ отдѣльное изученіе важныхъ органовъ и тканей въ человѣческомъ организмѣ, несмотря на то, что эти органы и ткани находятся подъ вліяніемъ всѣхъ другихъ органовъ и тканей. Къ такимъ соціологическимъ наукамъ Милль причисляетъ теперь двѣ: *политическую экономію* и *политическую этологію*. Первая изъ нихъ находится уже почти въ полномъ развитіи, а вторая только представляется возможною и полезною, но обладаетъ пока лишь богатымъ эмпирическимъ матеріаломъ.

Въ политической экономіи мы имѣемъ дѣло съ большимъ классомъ общественныхъ явленій, основанныхъ на стремленіи человѣка къ богатству, причемъ всѣ выводы устанавливаются на томъ психологическомъ законѣ, что большая выгода всегда предпочитается меньшей. Изученіе въ этой наукѣ устраняетъ изъ своихъ предѣловъ всѣ другія стремленія людей и видитъ въ нихъ

лишь лицъ, занимающихся производствомъ и потреблениемъ богатства. Такимъ образомъ, политическая экономія показываетъ, что всѣ явленія экономическаго характера происходятъ въ общественной жизни вслѣдствіе одного лишь стремленія людей къ богатству, хотя несомнѣнно, что многіе экономическіе факты суть результатъ многихъ стремленій или побужденій. Серьезные социологи понимаютъ, разумѣется, что человѣкъ руководствуется въ своихъ экономическихъ дѣлахъ не однимъ только стремленіемъ къ богатству, и потому вводятъ въ политическую экономію лишь такія отрасли человѣческихъ дѣлъ, которыхъ главную и заявленную цѣль составляетъ приобрѣтеніе богатства. Удаляя все другое изъ предѣловъ экономической науки, мы достигаемъ наибольшаго приближенія къ дѣйствительному порядку въ человѣческихъ дѣлахъ. Эти приблизительныя обобщенія могутъ служить прекраснымъ руководствомъ въ практическихъ дѣлахъ,—нужно только, чтобы приложеніе ихъ совершалось въ мѣсту, во-время и при опредѣленныхъ обстоятельствахъ... Къ сожалѣнію, экономисты разныхъ странъ допускали множество погрѣшностей въ этихъ отношеніяхъ и тѣмъ возбудили сильное недовѣріе къ выводамъ своей науки. Такъ, напримѣръ, у экономистовъ въ Англіи вошло въ привычку принимать трехъ факторовъ въ производствѣ: рабочихъ, капиталистовъ и землевладѣльцевъ, и потому выводы ихъ могутъ быть примѣнны лишь въ тѣмъ странамъ, гдѣ существуютъ эти факторы; но они непримѣнны ни въ тѣхъ странахъ, гдѣ землевладѣльцы представляются единственными капиталистами, владѣющими и рабочею силою, какъ, напримѣръ, въ невольничьемъ государствѣ. Они непримѣнны также тамъ, гдѣ рабочій самъ владѣетъ и землею и капиталомъ, или только однимъ капиталомъ. Съ другой стороны, такіе же ложные выводы можно дѣлать, по экономическимъ даннымъ, о свойствахъ человѣческой природы; напримѣръ, когда иные англійскіе экономисты начинаютъ говорить о другихъ націяхъ такъ, какъ будто ихъ экономическіе расчеты находятся въ таковой же зависимости отъ конкуренціи, какъ въ Англіи. Допуская всѣ эти ограниченія относительно выводовъ политической экономіи, отъ нихъ нельзя отнять, однако, того, что они примѣнны всюду, гдѣ могутъ быть соблюдены всѣ условія ихъ правильнаго примѣненія, такъ какъ методъ политической экономіи всегда и вездѣ остается одинъ и тотъ же.

Въ политической этологій мы имѣемъ дѣло съ причинами, которыми опредѣляется характеръ народа или вѣка. Въ настоящее время какъ національный характеръ, такъ и вліяніе разныхъ общественныхъ учрежденій на характеръ народа представляются

явленіями, почти незатронутыми наукою, а между тѣмъ несомнѣнно, что законы національнаго или коллективнаго характера составляютъ важнѣйшій классъ соціологическихъ законовъ. Дѣло въ томъ, что національный характеръ, понимаемый въ смыслѣ мнѣній, чувствъ и обычаевъ народа, участвуетъ въ произведеніи всѣхъ общественныхъ явленій. Онъ служитъ силою, посредствомъ которой воплѣняются образуются всѣ искусственныя обстоятельства въ обществѣ, на примѣръ, законы и обычаи.

Отдѣленіе другихъ частей общей соціальной науки въ особыя науки становится неудобнымъ, какъ только общественные факты и данныя принимаютъ столь сложный или смѣшанный видъ, что становится невозможнымъ опредѣлить причины отдѣльно отъ слѣдствія или найти связь между ними. Къ такимъ фактамъ принадлежатъ всѣ тѣ, въ которыхъ замѣшаны характеристическія отличія *разныхъ* націй или *разныхъ* временъ; при изученіи подобныхъ фактовъ необходимо прибѣгать и къ политической этологіи, и ко всѣмъ обстоятельствамъ, вліяющимъ на качество народа, то-есть ко всему, что входитъ въ составъ общей соціальной науки. Поэтому не можетъ быть отдѣльныхъ государственныхъ наукъ, гдѣ свойства извѣстнаго народа или извѣстнаго вѣка смѣшиваются со всѣми другими общественными явленіями—и въ смыслѣ причины, и въ смыслѣ слѣдствія. Всѣ вопросы о стремленіи правительственныхъ формъ должны составлять, слѣдовательно, не особую вѣтвь общей соціальной науки, а лишь часть этой науки...

Всѣ разсужденія Милля о матеріалахъ, задачахъ и научныхъ успѣхахъ соціологіи ясно показываютъ, что Милль предвидѣлъ блестящую будущность для этой науки. Изъ его объясненій ясно также, что даже нынѣшнее состояніе соціологическаго знанія далеко не удовлетворяетъ всѣхъ требованій, какія могло бы заявить ему любое изъ государствъ современной Европы. О созданіи же какой-либо незыблемой теоріи образцовой общественной жизни не можетъ быть и рѣчи. Работы въ соціальной наукѣ еще очень много, но хорошо и то, что уже намѣчены почти всѣ пути, по которымъ изслѣдователи могутъ стремиться съ разныхъ сторонъ къ достиженію общей цѣли. Знаменитое обобщеніе Конта поставило соціальныя знанія на степень науки. Милль признаетъ великую заслугу Конта, но вмѣстѣ съ тѣмъ является достойнымъ защитникомъ специальныхъ изученій общественныхъ явленій, и такимъ образомъ вводитъ въ соціологію, кромѣ политическихъ и умственныхъ вліяній, еще экономическія и нравственныя, оставляя, однако, за умственными господство надъ всѣми другими.

Юр. Россель.

НАСЛѢДСТВО

ИЛЬИ ПЕТРОВИЧА РАСТЕРЯЕВА

Психологическіе очерки *).

V.

Илья Петровичъ и Федоръ Ильичъ быстро прокатились по желѣзной дорогѣ на Москву, на Владиміръ, на Нижній - Новгородъ; изъ Нижняго сѣли на пароходъ и поплыли по Волгѣ, а потомъ круто повернули на почтовыхъ куда-то къ сѣверу. Путь сдѣлался утомительнѣе и скверно дѣйствовалъ на расположеніе духа обоихъ спутниковъ. Угрюмыя лѣса, бѣдныя деревеньки, сплошь состоящія изъ лачугъ, крытыхъ соломой, грязныя почтовые станціи, а всего болѣе тряскія перевладныя телѣги—не разъ заставляли Илью Петровича пожалѣть о своемъ покойномъ мѣстечкѣ въ Кирочной.

«И зачѣмъ это я...», думалось ему не разъ. «Лучше бы Федя одинъ ѣхалъ. Мнѣ-то на чтó это наследство... Жилъ себѣ такъ покойно; а теперь, вдругъ... Господи!» бормоталъ онъ, укладываясь спать въ душныхъ и грязныхъ почтовыхъ станціяхъ.

«А-га!» злобствовалъ про себя сынъ, тоже не меньше отца чувствующій утомленіе, «такъ тебя и надо; не суйся туда, куда тебѣ вовсе не слѣдуетъ»...

Но не этимъ однимъ злобствованіемъ ограничивались его дорожныя думы. Во время всего путешествія его занимали и сильно

*) См. выше: июнь, 626 стр.

заботили соображенія о томъ, когда именно померъ старикъ Стародубовъ. Еще наканунѣ отъѣзда изъ Петербурга, т.-е. съ того дня, какъ получилось извѣстіе о предстоящемъ наслѣдствѣ, онъ сталъ досадовать, что изъ письма, доставленнаго нѣмцемъ, нельзя было узнать о времени смерти богатаго родственника. Въ ночь наканунѣ отъѣзда и цѣлый день, почти до самой минуты, какъ они собрались уже въ дорогу, трое его подчиненныхъ рылись въ «Сенатскихъ вѣдомостяхъ», отыскивая публикацію о вызовѣ наслѣдниковъ Стародубова, но найти не могли, и можетъ быть потому, что очень торопились. Онъ хотѣлъ сказать объ этомъ отцу, но побоялся, справедливо опасаясь, что, пожалуй, отецъ, пользуясь этимъ случаемъ, затянетъ отъѣздъ; а тутъ, того и гляди, еще срозъ пропустишь, подумалъ онъ, да такъ ужъ и рѣшилъ ничего не говорить, тѣмъ болѣе, что, по его мнѣнію, когда бы Стародубовъ ни умеръ, во всякомъ случаѣ ѣхать нужно немедленно.

Наконецъ ихъ дорожныя мѣки кончились. Приѣхали они въ какой-то бѣдный уѣздный городишко, въ которомъ никакой гостинницы не оказалось. Это ихъ, какъ знакомыхъ съ русскою жизнію только по Петербургу, сильно удивило. Приѣхали же они позднимъ вечеромъ; на улицахъ городишка было пусто, мертвенно, точно городъ былъ безъ жителей. Куда же ѣхать, гдѣ остановиться, соображали они въ полнѣйшей безнадежности, и положились на волю ямщика, — вези, молъ, куда знаешь. Ямщикъ завезъ ихъ въ домишко какого-то мѣщанина. Прежде чѣмъ вѣхали во дворъ, долго шли переговоры, кто, да откуда, да зачѣмъ, и переговорамъ этимъ не мало мѣшали собаки, собравшіяся со всей улицы и завывавшія въ сотни глотокъ. Изъ сосѣднихъ домовъ стали высовываться испуганныя лица мирныхъ обитателей города, не менѣе собакъ изумленныхъ нарушеніемъ ихъ тихаго, невозмутимаго житья-бытья.

Кое-какъ состоялось соглашеніе о квартирѣ, и такимъ образомъ Растеряевы пріютились. Ѳедоръ Ильичъ сейчасъ же, не откладывая ни минуты, принялся за дѣло. Онъ потребовалъ къ себѣ домохозяина, чтобы предварительно разузнать все, что въ городѣ извѣстно объ умершемъ Стародубовѣ. Илья Петровичъ съ своей стороны тоже нашелъ заботы сына основательными; но оказалось, что отъ домохозяина было трудно добиться толку, потому что онъ былъ сильно старъ, да къ тому же еще и слѣпой. Однако-жъ его привели въ комнаты Растеряевыхъ.

— Ну, дѣдушка, скажи-ка ты намъ, знавалъ ты здѣсь Стародубова, Григорія Александровича?—спросилъ Ѳедоръ Ильичъ.

Но старикъ, не слушая вопроса, вѣрный издревле принятымъ правиламъ жизни, сначала помолился въ тотъ уголь, гдѣ, по его соображеніямъ, должны были находиться иконы, а потомъ, вмѣсто отвѣта на вопросъ, сказалъ гостямъ привѣтствіе, здравствуйте, молъ, и выразилъ удивленіе, что въ ихъ глухую дальнюю сторону пріѣхали гости изъ самаго Питера.

— Ну, дѣдушка, такъ знавалъ ты Стародубова-то, а?

— Знавалъ, знавалъ, какъ же знавалъ.

— Давно онъ померъ-то?

— Кто это?

— Да Стародубовъ-то?

— А, Стародубовъ-то. Да ужъ померъ, надо быть. Какъ не помереть. Много вѣдъ ему, видишь ты, годовъ-то было. Померъ, чай. Всѣ помремъ. Теперь я такъ думаю, что чуть-ли ужъ не за мной очередь-то...

— Что же, у Стародубова-то капиталъ послѣ смерти остался? спросилъ Ѳедоръ Ильичъ, желая навести его на настоящую тему разговора. Но старикъ продолжалъ свое.

— Нѣтъ еще, надо быть, мнѣ не пора умирать-то. Кажись, теперь очередь Семену Григорьеву. Тутъ у насъ есть старикъ такой. Ему теперь чередъ: я еще безъ штанишекъ бѣгалъ, когда его женили. Ему, ему...

Старика привелъ къ Растеряевымъ мальчикъ, котораго, принимая въ соображеніе его молодая лѣта, Ѳедоръ Ильичъ не нашелъ нужнымъ спрашивать.

Илья Петровичъ тоже съ своей стороны попробовалъ отвлечь вниманіе старика отъ своей особы и сосредоточить его по возможности на Стародубовѣ, но старикъ говорилъ свое.

— Вотъ мнѣ теперь только бы глаза поправить, отлично бы я опять зажилъ, толковалъ онъ въ отвѣтъ на разспросы, — вѣдъ вы господа, питерскіе, тамъ, я слыхалъ, есть такіе доктора, свѣтъ темнымъ людямъ даютъ видѣть, — пришлите-ка мнѣ отъ нихъ какаго-нибудь лекарства, можетъ я и въ самомъ дѣлѣ опять буду видѣть...

— Ничего отъ него не добьешься, съ неудовольствіемъ заключилъ Ѳедоръ Ильичъ.

Отправили старика назадъ, и объяснили мальчику, чтобы прислалъ къ нимъ хозяйку дома; авось, думали, отъ нея получаютъ хоть какія-нибудь свѣдѣнія. Нетерпѣлось до утра. Мальчишка черезъ минуту вернулся и объявилъ, что хозяйка легла уже спать. Илья Петровичъ, будучи деликатнымъ человекомъ, сначала стало было отговаривать сына не тревожить ее, но потомъ сообразилъ,

что хозяйка навѣрное вретъ, потому что не болѣе пяти минутъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ она, осторожно пріотворивъ дверь ихъ комнаты, прислушивалась въ разговорамъ. Это Илья Петровичъ замѣтилъ и, вспомнивъ, сообщилъ объ этомъ сыну.

Федоръ Ильичъ подошелъ къ двери и громко сталъ ее звать къ себѣ. Хозяйка, должно быть, сообразила, что отъ гостей отдѣлаться не легко, пришла, но видимо чего-то сильно перепугалась и на первый же вопросъ, почти не дождавшись его окончанія, прямо, на-отрѣзъ, объявила, что она ничего не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ, и что ея дѣло женское.

Федоръ Ильичъ замѣтилъ ея смущеніе и старался быть съ ней ласковѣе.

— Садитесь, пожалуйста. Садитесь...

Хозяйка робко опустилась на стулъ тутъ же около двери при самомъ входѣ, и утерла себѣ губы концемъ шали, облекавшей ея плечи.

— Вы, пожалуйста, не бойтесь, уговаривалъ Федоръ Ильичъ, — мы васъ не по казенному дѣлу распрашиваемъ. Мы родственники Стародубова, Григорія Александровича, и хотѣли бы узнать о его смерти. Знали вы такого?

— Знала, — робко, почти шопотомъ отвѣтила хозяйка, точно на исповѣди пону.

— Ну, такъ вотъ скажите, пожалуйста, когда онъ померъ? спросилъ Федоръ Ильичъ, подсаживаясь къ ней поближе.

— Хорошо не упомяю. Слышала, что померъ... а можетъ и живъ... я не знаю..., — путаясь и въ смущеніи отвѣчала хозяйка, не поднимая отъ полу глазъ.

— Но вы говорите сами, что слышали о его смерти, — повторилъ вопросъ Илья Петровичъ, и повторилъ погромче сына, такъ какъ предположеніе хозяйки о томъ, что Стародубовъ «можетъ, живъ», ему не понравилось.

Хозяйка при этомъ вопросѣ еще болѣе смутилась и поспѣшно поднялась со стула.

— Простите меня, заговорила она, чуть не въ слезахъ, простите... Я... мое дѣло женское... я не знаю...

— Успокойтесь, ради Бога успокойтесь. Что это вы испугались...

— Нѣтъ ужъ, какъ хотите... Я ничего не знаю... Ей-Богу право, вотъ сейчасъ хоть умереть, ничего не знаю...

Она торопливо повлонила и шмыгнула въ дверь.

Илья Петровичъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на сына, сынъ посмотрѣлъ на него. Сынъ пожалъ плечами и связалъ про хо-

зайку, что она дура. Илья Петровичъ ничего не сказалъ, только вздохнулъ очень тяжело.

Федоръ Ильичъ предложилъ — было отцу отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ мѣстному начальству, но самъ же потомъ сталъ отговаривать отъ этого, указывая на поздній часъ ночи. Илья Петровичъ, видимо чувствуя необходимость узнать поскорѣе все, что можно, о смерти Стародубова, и раздраженный неудачами по распросамъ домохозяевъ, настаивалъ на томъ, что нужно идти.

— Что же Федя, поздній часъ, да поздній часъ! Дѣло серьезное и нечего разбирать' позднихъ часовъ.

— Нельзя, папенька; я самъ сознаю, что поторопился вамъ предложить это. Необходимо соблюсти приличіе. Надо же свое достоинство поддерживать...

— Да что достоинство. Развѣ оно отъ этого страдаетъ? Нужно же поскорѣе разузнать. Что же, въ самомъ дѣлѣ, ѣхали, ѣхали, мучились — и вдругъ жди до утра... Да тутъ всю ночь не заснешь отъ думъ однѣхъ...

Федоръ Ильичъ украдкой посмотрѣлъ на него и подумалъ: «эге, братъ, не очень же ты холоденъ къ деньгамъ».

А все-таки до утра пришлось отложить всякія справки, и какъ Растеряевы провели эту ночь — Богу извѣстно.

Утромъ Илья Петровичъ одѣлся въ лучшую пару платья, Станислава съ короной повѣсилъ себѣ на шею, надѣлъ высокіе воротнички и широкій галстукъ, и при такомъ нарядѣ хотя и лишился возможности свободно повертывать головой по сторонамъ, но за то въ общемъ получилось впечатлѣніе внушающее. Нужно замѣтить, что предусмотрительный Федоръ Ильичъ объ этомъ своевременно позаботился еще до отъѣзда изъ Петербурга и теперь настоялъ, чтобы отецъ одѣлся «по формѣ».

Когда Илья Петровичъ, окончивъ свой туалетъ, стоялъ посреди комнаты и осматривался, дѣлая, такъ сказать, общій обзоръ своей фигуры, вчерашній старикъ, уже одинъ, ощупью, добрался до дверей ихъ комнату и вошелъ.

— Что тебѣ, дѣдъ? спросилъ Илья Петровичъ, удивленный его неожиданнымъ появленіемъ.

— Вы, почтенные господа, меня, старика, извините. Мнѣ бы хотѣлось васъ попросить насчетъ своей слѣпоты. Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ я еще пожилъ-бы съ глазами-то...

Онъ, постукивая о-полъ своей постоянной спутницей, палочкой, и придерживаясь лѣвой рукой за стѣну, намѣревался подобраться къ дивану, чтобы потомъ, усѣвшись, обстоятельно потолковать о своей слѣпотѣ.

— Тебѣ сколько лѣтъ-то? поинтересовался Илья Петровичъ; а самъ въ то же время не переставалъ оглядывать свой нарядъ и точно недоумѣвалъ — онъ ли это самъ виденъ въ маленькомъ краснаго дерева зеркальцѣ, висѣвшемъ въ простѣнкѣ между оконъ, или это-нибудь другой.

— Видите ли, — объяснялъ старикъ, — какъ васъ величать-то... Можеть вы и высокородіе, али превосходительство... Я вѣдь не знаю...

— Годовъ-то сколько тебѣ?

— Годовъ-то, много надо быть... Да что года считать, — вонъ Павелъ Мионовъ больше ста прожилъ... Миѣ бы вотъ только глаза поправить...

Изъ другой комнаты вышелъ Федоръ Ильичъ, тоже одѣтый по формѣ.

— Ну, папенька, я готовъ, — сказалъ онъ, мимоходомъ взглянувъ въ зеркало, и пригладилъ ладонями руку свои бакенбарды.

— Но какъ же съ нимъ, Федя? въ смущеніи спросилъ Илья Петровичъ, указывая на старика.

Федоръ Ильичъ, не долго думая, сообразилъ, что нужно дѣлать. Онъ подошелъ къ двери и крикнулъ:

— Эй, кто тамъ. Пойдите сюда!

Оборванный мальчикъ прибѣжалъ на этотъ зовъ.

— Возьмите его, — сухо и холодно сказалъ Федоръ Ильичъ, указывая на старика.

— Ну, папенька, пойдемте.

Пошли. Но пѣшкомъ пришлось имъ пройти только до квартиры исправника. Послѣ первыхъ же словъ о томъ, кто Илья Петровичъ, зачѣмъ пріѣхалъ, къ его услугамъ явился экипажъ исправника.

А потомъ оказалось «пожалуйте откушать», а потомъ «да я вамъ найду болѣе приличное вашему званію и положенію помѣщеніе». Словомъ, исправникъ понялъ, что люди могутъ пригодиться. Откушать Растеряевы не отказались, квартирку получше взяли, но все это ихъ мало утѣшало, потому что дѣло по полученію наслѣдства затагивалось на четыре мѣсяца. Оказалось, что пріѣхали они за его полученіемъ рано: нужно было или ждать на мѣстѣ окончанія срока вызова наслѣдниковъ, или ѣхать обратно. Но за то они получили другое утѣшеніе, а именно, что капиталъ, оставшійся послѣ смерти Стародубова, лежалъ въ сохранномъ мѣстѣ, и именно, въ сундукѣ у мирового судьи, хранившемся въ казначействѣ, и въ то время, еще только въ пер-

вый годъ по открытіи новыхъ судебныхъ учреждений, на мирового судью смотрѣли, какъ на самого Господа Бога. Кромѣ того, и денегъ оказалось не сто тысячъ, а сто-двадцать-пять, такъ какъ покойный владѣлецъ этого капитала не имѣлъ привычки отрѣзывать отъ процентныхъ бумагъ купоны. Это послѣднее извѣстіе сильнѣе всего обрадовало Федора Ильича, и онъ уже окончательно увѣровалъ, что эти двадцать пять тысячъ какъ-бы самой судьбой предназначены на его долю, хотя въ то же время еще не совсѣмъ потерялъ надежду, что его отецъ можетъ и остальные деньги всѣ передать ему. Илья Петровичъ самъ не очень обрадовался этой неожиданной прибавкѣ, ему какъ будто было все равно, что сто тысячъ, что сто двадцать пять. Его всего болѣе озаботило количество времени, которое нужно было переждать, а переждать не было ровно никакого желанія, хотѣлось бы получить деньги, да поскорѣе выбраться «изъ глуши», точно онъ былъ общественный человѣкъ и жаждалъ столичныхъ развлеченій.

Получивъ всѣ необходимыя свѣдѣнія отъ обязательнаго исправника, они тотчасъ же отправились въ камеру мирового судьи, въ вѣдѣнія котораго находилось имѣніе, оставшееся послѣ смерти Стародубова. Думали застать мирового судью еще до открытія засѣданія, но опоздали и пришлось ждать. Гласное судопроизводство было еще тогда новинкой, и публика, всегда падкая до даровыхъ зрѣлищъ, посѣщала камеры судей съ особеннымъ удовольствіемъ, а мѣстные адвокаты, сознавая, что пришла, наконецъ, пора показать себя, лѣзли изъ кожи вонъ, лишь бы какъ-нибудь обратиться на себя вниманіе. Пришли Растеряевы въ камеру. Сѣли и стали слушать. Передъ столомъ мирового судьи какой-то господинъ, повидимому, повѣренный гражданскаго истца, что-то громко и горячо говорилъ, а замѣтивъ вошедшихъ новыхъ лицъ, еще болѣе воодушевился, — ясно, что желалъ блеснуть своимъ краснорѣчіемъ. Поодаль отъ него стоялъ купецъ въ чуйкѣ и чесалъ у себя въ затылкѣ. Повѣренный, по приходѣ Растеряевыхъ, еще минутъ десять продолжалъ свою рѣчь. Илья Петровичъ внутренно посылалъ его къ чорту, опасаясь, что если еще и купецъ столько же времени проговорить, то, пожалуй, до вечера прождешь окончанія засѣданія. Но когда повѣренный кончилъ свою рѣчь и самодовольно оглянулъ находившуюся въ комнатѣ публику, и когда судья обратился къ отвѣтчику съ вопросомъ, что онъ имѣетъ сказать въ свое оправданіе, то тотъ, снова почесавъ у себя въ головѣ, коротко сказалъ:

— Что же я теперича буду понапрасну разговаривать, и ежели, значить, я чужія деньги получилъ, такъ отдать надо.

Такъ этотъ отвѣтъ обрадовалъ Илью Петровича, что онъ даже привскочилъ на своемъ мѣстѣ, довольный и тѣмъ, что этотъ короткій отвѣтъ былъ полнѣйшимъ пораженіемъ краснорѣчія повѣреннаго, а всего болѣе обрадованный, что наступила, наконецъ, его очередь объясниться съ судьей по своему дѣлу.

Судья, узнавъ, кто такіе его новыя посѣтители и зачѣмъ пріѣхали, приостановилъ засѣданіе и пригласилъ ихъ въ свои комнаты. Оставшаяся въ камерѣ публика начала перешептываться, спрашивать, объяснять и перекидывать все, что въ теченіе вечера, ночи и утра, прошедшихъ съ минуты пріѣзда Растеряевыхъ, произошло въ городѣ въ качествѣ самоновѣйшихъ свѣжихъ сплетенъ. Двѣ-три женщины, прішедшія къ мировому судѣ «за правдой» и злобно свержавшія глазами на своихъ противницъ, съ выходомъ судьи, вмѣстѣ съ Растеряевыми, въ свои комнаты, забыли главную причину своего прихода въ камеру и присоединились къ общему говору публики. Говоръ незамѣтно, мало-помалу усиливался и перешелъ въ споръ. Секретарь судьи не разъ вставалъ съ своего мѣста и просилъ о тишинѣ; но новость была такъ велика, что на его просьбу нието и вниманія не обратилъ. Секретарь сталъ просить, чтобы публика разошлась, ибо, говорилъ онъ, сегодня уже не будетъ болѣе разбираться дѣлъ; но публика желала еще разъ посмотрѣть петербургскихъ гостей и—главное—богатыхъ наслѣдниковъ; нетерпѣливые даже мимо оконъ комнатъ судьи стали ходить, надѣясь хоть мелькомъ посмотреть на интересныхъ пріѣзжихъ.

Растеряевы, между тѣмъ, разузнавали отъ судьи о положеніи своего дѣла и то, что имъ сообщилъ исправникъ, оказалось вѣрно во всѣхъ подробностяхъ. Оставалось покориться обстоятельствамъ и терпѣливо переждать необходимое время; но Ильѣ Петровичу этого очень не хотѣлось, несмотря на то, что это пережиданіе могло такъ хорошо, щедро вознаградиться. Ѳеодоръ Ильичъ давно уже понялъ, что тутъ, какъ говорится, ничего не подѣлаешь и хотѣлъ-было «вразумить» отца; но Илья Петровичъ стоялъ на своемъ, что всѣ эти пережиданія совершенно излишни. Онъ даже погорячился, увѣряя судью, что больше никакихъ наслѣдниковъ явиться на вызовъ не можетъ, и не можетъ потому, что таковыхъ, кромѣ него, нигдѣ нѣтъ.

— Законъ! отвѣчалъ ему судья, съ сожалѣніемъ пожимая плечами.

Но Илья Петровичъ не хотѣлъ понять всей важности этого короткаго слова и толковалъ свое.

— Позвольте, объяснялъ онъ, позвольте. Потрудитесь выслушать: покойный Григорій Александровичъ былъ, какъ я вамъ уже докладывалъ, родной братъ Аванасія Александровича, а этотъ послѣдній...

Илья Петровичъ намѣревался (счетомъ уже въ четвертый разъ) изложить подробно всю свою родословную; но Федоръ Ильичъ, болѣе его испушенный въ дѣлахъ, касающихся толкованій закона, не далъ ему договорить.

— Это уже вы, папенька, рассказывали, перебилъ онъ.

— Позволь, пожалуйста, что ты мнѣ мѣшаешь: такимъ образомъ я могу только спутаться,—обиженно замѣтилъ онъ, повертываясь всей своей фигурой въ сторону сына, такъ какъ повертывать шей, по причинѣ широкаго галстука и высокихъ воротничковъ, онъ все еще не приновился.

— Да это уже вы рассказывали...

— Обстоятельства дѣла совершенно ясны, успокоивалъ судья, но ранѣ опредѣленнаго закономъ срока васъ все-таки нельзя ввести во владѣніе...

— Но что-жъ законъ? Законъ—мертвая буква. Вы примите во вниманіе...

— Папенька! успокоивалъ сынъ, дергая отца за полу сюртука.

На квартирѣ сынъ и отецъ между собою немало спорили, и Илья Петровичъ даже такъ сильно разсердился, что хотѣлъ уйти гулять, желая остаться наединѣ съ самимъ собою, какъ обыкновенно дѣлывалъ, когда его сердили.

— Но вы, папенька, напрасно гнѣваетесь. Я только замѣтилъ, что вы не очень сильны въ юридическихъ наукахъ...

— Убирайся ты отъ меня со всѣми своими юридическими науками!.. Ну, что-жъ, по-твоему, сидѣть что ли тутъ четыре мѣсяца и ждать, да?

— Какъ хотите. Это дѣло ваше,—коротко отвѣтилъ сынъ, какъ будто немного обидѣвшись.

— Да, но по-твоему-то какъ, по-твоему-то, сидѣть и ждать, да?

— Зачѣмъ сидѣть. Можно уѣхать...

— Ну, ну? А потомъ, потомъ что же?

— А потомъ, въ свое время пріѣхать...

— Гм... да; ну, а если вдругъ да безъ насъ кто-нибудь...

Илья Петровичъ даже самъ своей собственной мысли испугался и вспыхнулъ до ушей, такъ ему вдругъ стало не по-себѣ.

Федоръ Ильичъ понялъ его, но виду не подалъ, что его разбираетъ смѣхъ.

— Помилуйте, папенька! Никакой опасности быть не можетъ. Вы и сами отлично знаете, что, кромѣ васъ, никто не можетъ заявить свои права на наслѣдство...

— Это-то такъ. Да все какъ-то... медленно и задумавшись отвѣчалъ онъ, и вдругъ поспѣшно добавилъ: а подставного наслѣдника развѣ не могутъ подвернуть, а?

— Что за выдумки! пожимая плечами отвѣчалъ сынъ и подумалъ про себя: «однакожь, старичекъ-то мой тово...»

— Ну, такъ какъ же быть-то? приставалъ чрезъ нѣсколько времени Илья Петровичъ.

— Пожалуй, останьтесь вы здѣсь. Я поѣду въ Петербургъ и потомъ въ свое время явлюсь къ вамъ на помощь.

— Да такъ... Но какъ же я здѣсь... и одинъ...

— Въ такомъ случаѣ поѣдьте. Повѣрьте, все равно, что здѣсь вы, что нѣтъ. Всѣ требуемые документы доставлены, въ полученіи ихъ у меня взяты квитанціи. Положитесь на мою опытность...

Но однакожь Илья Петровичъ не уѣхалъ и прожилъ въ глухомъ уѣздномъ городишкѣ до осени. Федоръ Ильичъ съѣздивъ въ Петербургъ и явился обратно ко времени полученія наслѣдства.

Наступило, наконецъ, давножданное время. Начались вводы во владѣніе и утвержденіе въ правахъ наслѣдства. Пришлось съѣздить въ сосѣдній губернской городъ, да еще и не одинъ разъ, а нѣсколько, пришлось испытать на своихъ карманахъ разныя, даже вовсе и непредвидѣнныя неприятели. Къ нимъ со всѣхъ всѣхъ сторонъ стали лнуть, и въ несмѣтномъ количествѣ, полчища чающихъ подачи, кто за совершеніе записи, кто за то, что принесъ какую-то копію, кто просто въ видахъ благопріятнаго случая юлилъ вокругъ Ильи Петровича и извивался мелкимъ бѣсомъ въ чайни получить за это вознагражденіе.

Это тяготило Илью Петровича.

— Что же это такое, Федя? Вѣдь просто конца этому нѣтъ, выдыхалъ онъ, давая деньги.

— Давайте, папенька, давайте. Сворѣе все кончится...

— Но, вѣдь, это, вѣдь, что же... Бездна какая-то... Вѣдь сто тысячъ не Богъ знаетъ какія деньги...

— Давайте, папенька, давайте; близко конецъ...

— Но сколько же еще? Сколько?..

«Какъ онъ измѣняется! Какъ онъ страшно измѣняется», охаль въ свою очередь сынъ, въ изумленіи замѣчая происходящія въ Ильѣ Петровичѣ перемѣны.

— Какъ же вы, папенька, жалѣете, вкрадчиво замѣтилъ онъ, получая даже болѣе того, сколько ждали?..

— Какъ болѣе? Какъ болѣе? Развѣ, по-твоему, домишко Стародубова чего-нибудь стѣбитъ?

— А процентовъ-то сколько на капиталъросло?

— Ахъ, да, проценты-то... Но вѣдь все-таки, Федя, за что же бросать деньги...

Наступилъ, наконецъ, и часъ выѣзда. Деньги давно уже были Ильей Петровичемъ приняты изъ казначейства и бережно уложены въ нарочно купленный для этого сундучокъ устюжской работы. Сынъ наблюдалъ, какъ отецъ укладывалъ деньги и ждалъ, что вотъ онъ, по крайней мѣрѣ, скажетъ что-нибудь въ родѣ того, на примѣръ: «вотъ, молю, Федя, это твоя часть, и ты ее по приѣздѣ въ Петербургъ получишь». Но Илья Петровичъ ничего не сказалъ, только пыхнулъ сильнѣе обыкновеннаго, потому что стоялъ низко наклонившись надъ сундучкомъ. Вотъ онъ захлопнулъ крышечку, повернулъ ключъ, причемъ при заперѣ замка раздались какіе-то дрожащія звуки. Илья Петровичъ заботливо поставилъ сундучокъ подъ подушку своей постели и бережно спряталъ ключикъ въ карманѣ. Федоръ Ильичъ все наблюдалъ за нимъ и думалъ:

«Что же это онъ въ самомъ дѣлѣ, шутить что-ли. Спросить развѣ его: что же, молю, папенька, какъ же это вы... Но нѣтъ, рано»...

Спросить онъ не рѣшился и пришелъ къ такому заключенію, что, вѣроятно, по приѣздѣ въ Петербургъ Илья Петровичъ передастъ ему часть денегъ. Получить всѣ онъ уже потерялъ надежду; по всему какъ-то стало замѣтно, что Илья Петровичъ всѣхъ денегъ не отдастъ; но часть ихъ, и именно случайно отъервншіяся двадцать-пять тысячъ Федоръ Ильичъ положительно считалъ своими.

Выѣхали наконецъ. Дорогой Федоръ Ильичъ не разъ пробовалъ издалека заводить разговоръ о полученномъ наслѣдствѣ съ цѣлью узнать, что именно предполагаетъ дѣлать съ этими деньгами отецъ. Начиналось обыкновенно съ того, что вотъ, молю, папенька, какая съ вами произошла въ жизни перемѣна, а потомъ рѣчь постепенно направлялась на разсужденія о выгодахъ, которыя можно извлечь изъ полученнаго капитала. Илья Петровичъ только слушалъ, да покрывивалъ; впрочемъ, -справедливо

говоря, онъ и слушалъ-то мало, — все что-то соображалъ про себя, лишь изрѣдка, наведенный разговорами сына на воспоминанія о своемъ прошломъ, со вздохомъ замѣчалъ:

— Да, Оеда, да; судьбы Божіи неисповѣдимы!

Сынъ замѣчалъ между прочимъ, что со времени получения наслѣдства Илья Петровичъ сдѣлался значительно религіознѣе, и то, что прежде относилъ непосредственно къ волѣ чловѣка, теперь сталъ относить къ волѣ Промысла, и когда разговоры сына о выгодахъ съ капитала долетали до вниманія Ильи Петровича, онъ пованчивалъ ихъ одной фразой:

— Да, Оеда. Какъ Богъ дастъ, — положимся на Его неисповѣдимый промыслъ...

Какъ, при такой фразѣ, можно было замѣтить что-нибудь впереди? Оставалось только думать и предполагать. Но всѣ думы и соображенія Оедора Ильича обманули его.

Какъ только они пріѣхали въ Петербургъ, Илья Петровичъ въ тотъ же день, ни минуты не теряя понапрасну, положилъ деньги въ банкъ на свое имя. Сынъ даже и не зналъ объ этомъ. Потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, Илья Петровичъ засѣлъ въ своемъ кабинетѣ и сталъ перерывать и пересматривать свои бумаги; впрочемъ, за работу въ первые дни не садился и вообще немного поохладѣлъ къ своей комнатѣ. На слѣдующій день подалъ прошеніе объ отставкѣ и отказался отъ всякихъ уроковъ.

Прошло дней пять. Переждать это время у Оедора Ильича хватило терпѣнія; его хватило бы и на пять лѣтъ:—чловѣкъ-то онъ былъ выдержанный; но по собственнымъ его соображеніямъ выходило такъ, что ждать больше не нужно, а слѣдуетъ объясниться съ отцомъ.

«Предчувствую, — думалъ онъ, — предчувствую, что объясненія мои ни къ чему хорошему не поведутъ; а объясниться все-таки надо...»

Пришелъ онъ къ отцу какъ-то утромъ. Илья Петровичъ сидѣлъ въ залцѣ на диванѣ, въ халатѣ. Халатъ на немъ былъ уже не прежній, а новый, суконный, съ шелковымъ малиноваго цвѣта воротникомъ. Онъ перелистывалъ небольшую книжку, и книжка-то была непохожа на тѣ фоліанты, какіе хранились въ его кабинетѣ, и перелистывалъ онъ ее какъ-то иначе, не по прежнему: то прихлебнетъ чаю, то полуразвалится на диванѣ, то сядетъ и перевернетъ двѣ-три страницы. По всему было видно, что онъ чувствуетъ себя въ пріятномъ покоѣ и совнаетъ свое полнѣйшее независимое положеніе.

— А! Оедя!—весело привѣтствовалъ онъ вошедшаго сына:— здравствуй.

— Здравствуйте, папенька. Съ добрымъ утромъ.

— Здравствуй, здравствуй. Чаю не хочешь-ли?

— Нѣтъ, благодарю васъ—пилъ сейчасъ...

— А я вотъ перелистываю книгу. Вчера мимоходомъ замѣтилъ и купилъ. Только-что на-дняхъ появилась. Интересно.

Похваливъ книгу, Илья Петровичъ сталъ прихлебывать чай изъ стакана и что-то замолчалъ вдругъ. Оедоръ Ильичъ тоже похвалилъ книгу и тоже замолчалъ, покуривая папиросу.

— Что же вы, папенька,—спросилъ онъ, наконецъ,—какъ намѣреваетесь поступить съ деньгами?..

Илья Петровичъ просто обомлѣлъ и широко раскрылъ глаза при этомъ вопросѣ: такъ онъ показался ему страннымъ и вовсе не нужнымъ.

— Что это значить, Оедя, «какъ поступить»?

— Да, то-есть, что вы намѣрены сдѣлать съ капиталомъ...

— Я положилъ всѣ деньги въ банкъ.

— Уже! А я думалъ...

— Безопаснѣе...

— Да, это такъ, разумѣется, безопаснѣе...

— А ты, Оедя, неужели думалъ, что я ихъ буду дома держать. Помилуй! Это невозможно! Еще, пожалуй, сохрани Богъ, ограбятъ.

— Да, да, это вы, папенька, конечно, сдѣлали благоразумно...

Онъ помолчалъ нѣсколько мгновений и потомъ вградчивѣе и тише прежняго продолжалъ:

— Я, папенька, имѣлъ надежду, что и на мою долю вы, можете быть, думаете удѣлить какую-либо часть...

— Да тебѣ, Оедя, зачѣмъ? пренаивнѣйшимъ тономъ спросилъ Илья Петровичъ.

«А тебѣ зачѣмъ?» мелькнуло въ головѣ сына, но онъ этого не сказалъ, а выговорилъ болѣе мягкую фразу:

— Мнѣ, папенька, пріятно бы имѣть...

— Но вѣдь все равно, что они у тебя, что въ банкѣ.

— Съ этой стороны, разумѣется, папенька, все равно...

— Вотъ, погоди, Оедя, дай сначала осмотрѣться, а потомъ...

«Слѣпецъ я, слѣпецъ!» укорялъ самъ себя сынъ, «чего я ждалъ... Да развѣ можно было ждать... Эхъ, рухнуло все безнадёжно... Знаемъ мы это: потомъ».

По привычкѣ украдкой наблюдать за отцомъ, Оедоръ Ильичъ

посмотрѣлъ на него какъ-то сбоку; но на этотъ разъ почему-то его заняло совсѣмъ не то, что думаетъ отецъ и какъ смотреть, а что-то другое. Онъ глянулъ сначала на его голову, потомъ на него, потомъ глаза перешли на грудь и спустились затѣмъ до ногъ. Такимъ образомъ былъ произведенъ полный осмотръ всей фигуры Илья Петровича, точно сынъ хотѣлъ опредѣлить, сколько именно времени можетъ протянуться это «потомъ».

Илья Петровичъ, ни мало не подозрѣвая того, что въ эту минуту производилась критическая оцѣнка крѣпости его собственнаго тѣла, продолжалъ успокаивать сына.

— Потомъ, Оеда, потомъ... Ты теперь еще человѣкъ молодой, хотя я всегда, вездѣ и всѣмъ говорилъ и скажу, что ты примѣрный сынъ; но все-таки, Оеда, какъ хочешь, а не ловко въ эти лѣта... Рано, рано, вообще.. и не принято. Разумѣется, не будемъ же мы проценты накапливать, подобно покойному Григорію Александровичу; ну и ты, конечно, будешь имѣть отъ нихъ свою долю... Первое, что нужно намъ сдѣлать, это устроить нашу жизнь вмѣстѣ, а не врознь... а потомъ, потомъ увидимъ...

«Проживетъ еще долго. Если не двадцать, то пятнадцать навѣрное проживетъ», подумалъ въ это время сынъ.

Вѣрно было однако то, что Илья Петровичъ прожилъ вотъ уже три года, а отношенія его наслѣдника къ наслѣдству подвинулись недалеко. Илья Петровичъ купилъ домъ, помѣстилъ въ немъ сына съ женой и свелъ все дѣло къ вопросу: «а не вѣрнѣе ли сыну сначала управленіе домою?» Да и этотъ вопросъ онъ разработывалъ про себя, дѣлая сыну одни отдаленные намѣки, въ формѣ жалобъ на хлопоты по дому. Жалобы разрѣшались обыкновенно внезапнымъ предложеніемъ сыну: «А не съѣздить ли намъ, Оеда, погостить къ Сумракову?! Старикъ вѣдь обижается, и ѣзда-то небольшая, да и время можно провести приятно».

Знакомство Илья Петровича съ Сумраковымъ относилось къ отдаленному времени, когда Илья Петровичъ еще учительствовалъ, а Сумраковъ былъ полковникомъ. Сумраковъ имѣлъ большую библиотеку, и она-то ихъ сблизила. Потомъ, когда Илья Петровичъ поселился въ своемъ домѣ, Сумраковъ сдѣлался его квартирантомъ, и старое знакомство перешло въ дружбу. Въ лѣтнее время Илья Петровичъ частенько пріѣзжалъ въ имѣніе Сумракова погостить: нѣсколько часовъ ѣзды. Пользуясь этимъ и Оедоръ Ильичъ тоже по временамъ ѣздилъ туда подышать свѣжимъ деревенскимъ воздухомъ, хотя и нанималъ въ Павловсѣй дачу. Правда,

онъ не очень-то охотно отправлялся къ Сумраковымъ, не долюбливая старика Николая Саввича за его сварливость; но такъ какъ Илья Петровичъ «предлагалъ» своему Ѳедѣ отправляться съ нимъ вмѣстѣ, то Ѳеда считалъ нужнымъ не перечить родителю.

VI.

Когда Илья Петровичъ медленно поднимался по ступенямъ балкона богатаго помѣщичьяго дома, на балконѣ уже давно сидѣлъ и дремалъ самъ владѣлецъ усадьбы, генералъ Николай Саввичъ Сумраковъ, старикъ, давно оставившій службу и жившій на покоѣ.

Онъ не долго дремалъ въ своемъ креслѣ, не долго голова его, наклоненная нѣсколько на бокъ и опиравшаяся на мягкую спинку кресла, оставалась въ недвижимомъ положеніи. Какъ всѣ старики, онъ дремалъ чутко, такъ что каждое движеніе, каждый легкій звукъ могли тотчасъ же нарушить его дремоту. Такъ случилось и теперь, еще до прихода Ильи Петровича. Бойкій вѣтерокъ, вдругъ ни откуда взявшійся, пронесся по балкону: дрогнули листья растений, закачались молодня вѣтви березъ, разсаженныхъ близъ балкона и запрыгали фестоны марезы, — старикъ проснулся. Онъ лѣниво открылъ глаза, медленно и почти безсознательно, по привычкѣ, рука его потянулась къ трубкѣ, которую, онъ, даже и въ настоящемъ снѣ, могъ всегда найти оцущью, потому что твердо помнилъ ея постоянное мѣстопробываніе около его кресла. Потанувъ разъ-другой изъ трубки, старикъ сердито нахмурилъ сѣдыя брови и позвонилъ въ колокольчикъ, стоявшій на маленькомъ круглomъ столикѣ тутъ же вблизи его кресла. На звонъ тотчасъ же явился слуга, во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ. Онъ молча остановился у дверей зала, выходящихъ на балконъ, и апатично ждалъ приказаній.

— Попроси сюда Владиміра, — проговорилъ старикъ, не поворачивая головы къ лакею.

— Они приказали передать вашему превосходительству, что отправились къ Михаилу Николаевичу для занятій урокомъ...

— Дай огня...

Огонь былъ поданъ, отвѣта на вопросъ не послѣдовало, и слуга тихо вышелъ въ залъ, чутко настороживъ ухо, для того, чтобы при первомъ ударѣ колокольчика снова появиться на балконѣ.

Генералъ медленно и долго сосалъ трубку, оставляя ее по

временамъ для того, чтобы пошамкать губами, и затѣмъ снова бралъ чубуку въ ротъ, не замѣчая, что трубка давно остыла. Такъ просидѣлъ онъ немало времени, закрывалъ глаза, дремля, потомъ отрывалъ ихъ и какъ будто вслушивался во что-то. Но вслушиваться было не во что: вездѣ стояла полнѣйшая тишина; слышно только было, какъ изрѣдка вѣтеръ шелестилъ листьями.

Между тѣмъ сынъ его, отдавшій приказаніе слугѣ передать отцу, что отправляется въ комнату брата, юркнулъ совсѣмъ въ другую сторону. Минуя березовыя аллеи, которыя шли отъ балкона въ разные части сада, Владиміръ Николаевичъ, невѣдомыми путями, около кустовъ малинника и смородины, пробрался въ отдаленную часть сада въ оранжерею. Еслибы посторонній человѣкъ замѣтилъ его въ это время, то пришелъ бы въ крайнее удивленіе, не понимая, что за цѣль избѣгать ровной дороги по аллеямъ и пробираться Богъ знаетъ гдѣ и Богъ знаетъ какъ. Владиміръ, пробираясь, часто наклонялся, чтобы не очень была видна изъ-за кустовъ его фигура, хотя эта цѣль и не достигалась. Яркіе лучи солнца, какъ нарочно, падали прямо на зелень кустарника; бѣлый вѣтеръ Владимира и военная фуражка на его головѣ рѣзко отдѣлялись отъ земли, несмотря на то, что онъ пробирался, согнувшись и сверчивши ноги, такъ сказать, сокротивъ свой ростъ болѣе, чѣмъ на половину.

Такия оригинальныя прогулки Владиміръ Николаевичъ совершалъ не то, чтобы очень часто и не то, чтобы очень рѣдко. Ему всего болѣе въ этомъ случаѣ не нравилось то, что приходится ходить днемъ, — онъ предпочиталъ бы вечернія прогулки, но добиться ихъ пока не представлялось возможности. Именно для того, чтобы добиться этой возможности, онъ и «путешествовалъ» такимъ оригинальнымъ образомъ. Путь его всегда лежалъ къ тому мѣсту, гдѣ находилась оранжерея. Его тянула туда не столько красота растений и пріятный запахъ всякой благодати, щедро произраставшей тамъ, сколько возможность встрѣтить вблизи оранжереи одну молоденькую дѣвочку, дочку садовника, за которой онъ, такъ, между прочимъ, по причинѣ деревенской однообразной жизни, немножко ухаживалъ. Тѣ уроки, на которые онъ ссылался, дѣйствительно лежали на его обязанности: его младшій братъ, Михайлъ Николаевичъ, два года сидѣлъ въ одномъ и томъ же классѣ петербургской гимназіи.

Михайлъ Николаевичъ, или попросту, Миша, былъ моложе старшаго брата лѣтъ на десять. Владиміръ былъ живой, впечатлительный. Миша — не по годамъ молчаливый и угрюмый; по отношенію къ гимназіи онъ отличался нѣкоторымъ постоянствомъ и вовсе не

заботился о переходѣ изъ одного класса въ другой. Отецъ, боясь, чтобы за любовь къ этому постоянству сына не выключили изъ гимназіи, обязалъ старшаго брата способствовать младшему выдержать переходный экзаменъ. Какъ ни неприятно было это порученіе старшему, но волей-неволей онъ его изрѣдка исполнять. Еслибы онъ могъ предвидѣть, что на его долю выпадеть гувернёрская должность, то онъ предпочелъ бы лучше не прѣзжать въ деревню на время отпуска, а укатить куда-нибудь въ другое болѣе пріятное мѣсто, или остаться въ Петербургѣ. Были, впрочемъ, причины, которыя неотразимо тянули его въ деревню, а именно безденежье и надежда на возможность нѣкоторой субсидіи отъ мамыши. На папеньку по этой части онъ давно рукой махнулъ.

Черезъ нѣсколько времени генераль опять позвонилъ.

— Попроси сюда Владиміра и Михаила, сказалъ онъ лакею старческиимъ и дребезжащимъ голосомъ.

Не безъ труда дѣти были отысканы: старшій въ оранжереѣ, младшій на конюшнѣ, и оба вмѣстѣ, сбѣлавъ значительный кругъ чрезъ весь дворъ усадьбы, вошли на балконъ чрезъ зало.

— Чтѣ вы тамъ такъ долго? Васъ, какъ и всегда, скоро не дозовешься... Гдѣ носитесь, чтѣ дѣлаете, одному Богу извѣстно,— заговорилъ старикъ навстрѣчу идущимъ дѣтямъ, и закашлялся.

— Вы, папенька, просили меня позаняться съ Мишей, — почтительно сказалъ старшій.

— Чтѣ такое?—сердито поводя сѣдыми бровями, спросилъ старикъ.

— Я говорю: вы просили меня помочь Мишѣ приготовиться къ экзамену.

— Я тебя вовсе не просилъ. Я тебя никогда не думалъ просить и никогда этого себѣ не позволю. Я тебѣ поручилъ, а не просилъ тебя. Было бы очень много чести, да...,—гнѣвнымъ, дрожащимъ голосомъ продолжалъ старикъ, приподнимаясь съ кресла:—я тебѣ поручилъ, понимаешь, поручилъ, а не просилъ тебя....

— Ну да, поручили, папенька. Я совершенно согласенъ съ вами.

— Гм... Чтѣ-жъ мнѣ твое согласіе? Я тебя объ этомъ согласіи могъ и не спрашивать. Да. Я и не думалъ просить твоего согласія...

Старикъ смолкъ и уставилъ пытливый взглядъ на старшаго сына, какъ будто надѣясь при помощи этого взгляда узнать, чтѣ именно думаетъ онъ въ эти минуты.

Старшій сынъ, замѣтивъ по тону отцовскаго голоса, что старикъ сильно не въ духѣ, нѣсколько смѣшался и не могъ выдержать его пытливаго взгляда. Онъ робко опустилъ глаза, переступилъ разъ-другой съ ноги на ногу, сталъ даже въ замѣшательствѣ перебирать брелоки своей цѣпочки, висѣвшей на груди поверхъ кителя, и вообще изобразилъ всей своей фигурой смущеніе. Это смущеніе было отчасти и искреннее, а отчасти поддѣльное, — словомъ, сынъ захотѣлъ усугубить свое смущеніе и выказать этимъ, такъ-сказать, необыкновенную кротость своего нрава. Желаніе—весьма сильно проявляющееся въ нѣкоторыхъ случаяхъ у тѣхъ именно личностей, которыя этою кротостію не отличаются.

Старикъ дѣйствительно удовольствовался напускнымъ смиреніемъ, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ искренно довѣрялъ ему. Подъ вліяніемъ такой скромности сына, онъ болѣе миролюбивымъ тономъ протянулъ:—я и не думалъ спрашивать твоего согласія, да! и медленно сталъ поворачивать голову въ другую сторону.

Взглянувъ туда, гдѣ стоялъ другой сынъ, онъ вдругъ заговорилъ громко, торопливо и сердито.

— Ты чтó тамъ, а? Чтò тамъ дѣлаешь? Помѣшалъ тебѣ что ли этотъ цвѣтокъ, что ты его трогаешь?

Оказалось, что другой сынъ, въ то время, когда отецъ пыливо смотрѣлъ на старшаго, преспокойно обрывалъ одну за одной розы, только-что успѣвшія распуститься, и, казалось, намѣревался истребить ихъ сколько возможно болѣе.

— Ты что это вздумалъ истреблять цвѣты? Руки что ли у тебя чешутся, а?...

Въ отвѣтъ на это сынъ, уличенный на мѣстѣ преступленія, молча положилъ въ цвѣточный горшокъ оставшіеся въ его рукахъ листочки цвѣтка и нахмурился, тоже опустивъ глаза въ полъ.

Но этотъ сынъ уже не выражалъ своей фигурой смиренія, ни истиннаго, ни напускнаго; его нѣсколько нахмуренный лобъ, губы съ рѣзко очерченными углами, носъ съ едва замѣтнымъ горбикомъ и загнутый книзу, какъ у хищныхъ птицъ, — все это знакомило съ характеромъ, противоположнымъ характеру старшаго брата. Въ то время, когда старшій корчилъ изъ себя смиреніе, младшій ничего не хотѣлъ корчить и ничего не хотѣлъ скрывать: онъ, казалось, сознавалъ только одну «необходимость терпѣнія», и потому не уходилъ отъ отца и слушалъ его разговоръ.

Старикъ долго распекалъ его и даже стучалъ костью о

поль. Къ этому преступленію, т.-е. обрыванію цвѣтовъ, было прицѣлено столько другихъ проступковъ, что ихъ не представляется никакой возможности перечислить: упоминалась и о страсти къ лошадамъ, и о продолжительномъ сидѣннн въ одномъ и томъ же классѣ гимназіи, и о томъ, что у сына нахмуренное лицо, и что онъ любитъ ѣсть сладкое, и проч. и проч. Мальчикъ, которому, встати сказать, было уже шестнадцать лѣтъ, молча слушалъ выговоръ и видно было по его лицу, что это его нисколько не волнуетъ. Онъ, видимо, не разъ уже слыхалъ подобныя перечисленія его «проступковъ», и теперь только ждалъ, скоро-ли окончится скучная нотація.

Старшій сынъ послѣ того, какъ отецъ обратился къ младшему, отошелъ нѣсколько въ сторону и стоялъ, опершись осторожно на спинку стула. Онъ тоже ждалъ, скоро-ли старикъ кончитъ свой длинный перечень преступленій, въ которыхъ обвинялъ обрывателя цвѣтовъ. Генеральша, наблюдавшая не безъ страху изъ окна за происходившимъ на балконѣ, оставила свой наблюдательный постъ и куда-то скрылась, вѣроятно сообразивъ, что отеческія бесѣды старика съ своими дѣтьми не могутъ имѣть никакихъ серьезныхъ послѣдствій.

Старикъ, не переставая говорить, двинулся впередъ, и, опираясь на костыль, медленно подошелъ къ ступенямъ балкона. Дѣти стояли около перилъ и ждали, чѣмъ все это окончится.

— Я васъ звалъ не столько для того, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли вы дома, сколько для того, чтобы... сколько потому...

Онъ пошамкалъ нѣсколько времени губами и продолжалъ:

— Я вотъ сегодня все утро думалъ, да—все утро размышлялъ... Давно меня безпокоитъ и то, что ты, Михайлъ, сидишь въ одномъ и томъ же классѣ, и ты, Владиміръ... Да; но ты... ты...

И вдругъ, точно вспомнивъ ту настоящую тему разговора, на которую до сихъ поръ не пришлось попасть, генералъ заговорилъ медленнѣе и еще суровѣе, чѣмъ раньше, упирая на каждое слово.

— Помните, что у меня наслѣдственнаго, родового немного; у матери вашей еще того меньше, да. Въ настоящее время имѣнія уже потеряли прежнюю стоимость. Теперь этимъ имѣніемъ, безъ запаснаго капитала, можно только перебиваться, да... Скажу яснѣе: того, что по закону составляетъ неотъемлемое право наслѣдниковъ моихъ, достанетъ только на расплату за починку платья... Да, только за починку; а если захочется сшить новое,

то для этого почтенные наслѣдники должны будутъ изыскивать другіе пути...

Злая, ироническая улыбка пробѣжала по морщинистому лицу генерала, и глаза сверкнули какимъ-то неприятно-зеленоватымъ блескомъ.

Сыновья по прежнему стояли молча около перилъ. Старикъ, опершись на костыль, покачивался на краю ступеньки и продолжалъ говорить, взглядывая то на одного, то на другого изъ сыновей.

— Я говорю вамъ такъ подробно о родовомъ имѣніи для того, чтобы вы знали, какъ далеко простираются ваши законныя права на наслѣдство, да. Все остальное, что я имѣю, принадлежитъ лично мнѣ, да; и я, какъ хочу, такъ имъ и распоряжусь...

Его обстоятельная рѣчь на нѣсколько времени прервалась, пріостановленная кашлемъ.

— Если вы не будете достойны..., — началъ было онъ, оглянувъ поочередно обоихъ сыновей, но опять остановился, глянувъ для чего-то назадъ, точно хотѣлъ удостовѣриться, не высунулся ли «некстати» слуга на балконъ, и потомъ продолжалъ:

— Имѣйте въ виду и помните постоянно, сколько возможно чаще, что каждый изъ васъ получить наслѣдство не по праву наслѣдства, а по личнымъ своимъ достоинствамъ...

«Это ужъ мы слышали, знаемъ, что ты наполовину врешь и хочешь только запугать насъ; знаемъ, что при такомъ имѣніи, какъ наше, можно очень и очень хорошо пожить», подумалъ Владиміръ, не переставая почтительно слушать рѣчь отца.

Миша угрюмо смотрѣлъ въ полъ и ждалъ, скоро ли все это окончится и можно будетъ уйти. Онъ только нѣкоторыя слова успѣвалъ уловить изъ отцовской рѣчи и, коротко разобравъ ихъ, отбрасывалъ въ сторону, въ родѣ того, напримѣръ: «ну, это вздоръ», «это тоже неправда», и отбросивъ такъ нѣсколько словъ, снова принимался думать: «да скоро ли же — ну тебя совсѣмъ!»

Навонецъ, старикъ замолчалъ и какъ будто началъ дремать. Дѣти, пятясь, отретировались, а старикъ очнулся снова подъ шумомъ шаговъ Ильи Петровича, поднимавшагося на балконъ.

VII.

Къ обѣду явились всѣ члены семейства Сумракова — и два его сына съ мамашей, и Оля, племянница Николая Саввича, его любимица, балованный, рѣзвый ребенокъ, и ея гувернантка, старая нѣмка, и наконецъ къ нимъ присоединился и Илья Петровичъ съ своимъ Ѳедей.

Обыкновенно обѣдъ заключался тѣмъ, что сыновья цѣловали мать и подходили къ рукѣ отца, милостиво имъ протягиваемой. Всякій разъ, когда очередь подходила Олѣ, Николай Саввичъ притягивалъ ее къ себѣ, цѣловалъ въ лобъ, и при этомъ, неизвѣстно какимъ образомъ, появлялись въ рукахъ его конфеты или фрукты, нарочно приготовленные для любимицы.

— Ну, вотъ тебѣ, воловочичъ. Принеси же ты мнѣ за это мою чашку кофе на балконъ.

А самъ радостный, улыбающійся медленно выходилъ изъ-за стола и набожно крестился. По этимъ конфетамъ и фруктамъ, какъ по барометру, знали въ домѣ, въ какомъ расположеніи духа находился генералъ. Даже привыкли различать въ этомъ случаѣ разные степени его расположенія, совершенно неуловимыя для посторонняго человѣка. Такъ, на примѣръ, если генералъ долго держалъ Олю за руки въ то время, когда она подходила благодарить за обѣдъ, то это означало, что онъ очень веселъ; если не долго, то не очень. Если же генералъ молча цѣловалъ племянницу и молча отдавалъ ей конфеты или фрукты, то уже знали, что «пасмурно»: Оля спѣшила къ себѣ наверхъ, слуги торопливѣе ходили, генеральша... Ну, словомъ могли ждать инспекторскаго смотра, если не всему хозяйству, то какой-нибудь отдѣльной его части. Безъ конфетъ или фруктовъ, вообще безъ сладкаго Оля не возвращалась отъ обѣда, слѣдовательно и домашній термометръ далѣе «пасмурно» не показывалъ. Грозы и бури давно уже прошли и о нихъ помнили только по преданіямъ, и вслѣдствіе этихъ преданій боялись пасмурной погоды.

Послѣ обѣда Николай Саввичъ имѣлъ привычку уходить въ свой кабинетъ и лежать на кровати съ закрытыми глазами, но спать въ это время онъ не могъ. Всѣ члены семейства, пользуясь этими часами, разсыпались по всей усадьбѣ, только супруга генерала была при своемъ занятіи: ворчала на эконома, разсылала прислугу для исполненія разныхъ хозяйственныхъ порученій, въ числѣ которыхъ не малое мѣсто занимало отыскиваніе дѣтей, если ихъ вдругъ потребуешь къ себѣ Николай Саввичъ.

Въ одинъ изъ такихъ послѣобѣденныхъ часовъ, погостивъ уже изрядно у генерала, Илья Петровичъ обратился къ сыну съ вопросомъ:

— Что же, Одея, неужели и въ самомъ дѣлѣ мы съ тобой завтра поѣдемъ въ Петербургъ? спрашивалъ Илья Петровичъ.

— Это зависитъ отъ васъ. Впрочемъ, папенька, я могу одинъ уѣхать, если вамъ угодно остаться... Вы же сами вчера рѣшили.

— Ну, да это все равно, поспѣшно перебилъ Илья Петровичъ; вотъ въ чемъ дѣло: лучше проживемъ здѣсь еще денька два-три и покатаимъ потомъ вмѣстѣ. Ей-богу, Одея.

— Эти два-три денька тянутся цѣлую недѣлю. Помните, я прѣѣхалъ сюда съ тѣмъ, чтобы чрезъ три дня уѣхать въ Москву, и вотъ, какъ видите, не съѣздивъ, да и вы не съѣздили, а еще собирались...

— Да; это ты говоришь вѣрно... Но, видишь ли, все не удавалось почему-то.

Ильѣ Петровичу какъ-то совѣстно сдѣлалось. Онъ подумалъ въ эти минуты, что, пользуясь своимъ отеческимъ правомъ, напрасно задержалъ сына въ усадьбѣ на нѣсколько лишнихъ дней и помѣшалъ ему съѣздить въ Москву. Сынъ, точно замѣтилъ такое направленіе мыслей своего отца, постарался поддержать этотъ разговоръ.

— Теперь вотъ и срокъ моего отпуска кончается, печально продолжалъ онъ: а тамъ и осень, по департаменту дѣла будетъ много, такъ и не придется съѣздить въ Москву, а мнѣ нужно было бы тамъ побывать...

— Ну, что-жъ, Одея, когда такъ, то поѣдемъ завтра... Ну, что-жъ; я готовъ... Ты извини, Одея, если я помѣшалъ твоимъ планамъ, ты извини: неумышленно вѣдь это, ей-богу неумышленно... Какъ же я могъ знать?.. Согласись самъ, какъ же я могъ знать?

— Я вамъ передавалъ...

— Когда передавалъ? Когда? торопливо и испуганно перебилъ отецъ, — я не помню, Одея, я не помню... Извини, когда такъ... Но только я не помню...

— Теперь, конечно, все равно, папенька...

— А если все равно, Одея, такъ зачѣмъ же и говоришь... Зачѣмъ напоминать. Я давно замѣчаю, у тебя есть такая черта, есть... Это братъ, дурно, да... Зачѣмъ напоминать?

— Я не напоминаю. Вы сами навели разговоръ на это...

Этотъ разговоръ нѣсколько разстроилъ Оедора Ильича, но, несмотря на это, въ тонѣ его рѣчи не было слышно рѣзкихъ

ночь: онъ всегда говорилъ тихо, медленно и почти не возвышалъ голоса. Онъ все дѣлалъ медленно и аккуратно, даже сердился всегда тихо и вѣжливо. Уступчивымъ и скромнымъ его тоже назвать было нельзя: онъ умѣлъ отстоять свое мнѣніе, когда находилъ, что отстоять его слѣдовало; умѣлъ не обращать на мелочи никакого вниманія и охотно уступалъ въ нихъ; но за то этотъ уступчивый человѣкъ, когда было нужно, умѣлъ, при случаѣ, на дѣлѣ доказать свою самостоятельность. Когда онъ настаивалъ на своемъ мнѣніи, то, казалось, что онъ не настаиваетъ, а уступаетъ, но въ то же время видно было, что объ уступкѣ и думать нечего. Про Федора Ильича говорили, что онъ напоминаетъ собою фарфоровую булку: бѣлъ, чистъ, а въ пищу не годится. Съ отцомъ своимъ онъ былъ всегда вѣжливъ, предупредителенъ и, казалось, уступалъ ему во всемъ, но въ концѣ-концовъ оказывалось, что уступка сдѣлана скорѣе со стороны отца, а не сына. Не удавалось ему только никакъ навести отца на мысль успокоиться отъ дѣл. Хотя онъ этой надежды и не терялъ, но ясно видѣлъ, что «успокоиться» Ильѣ Петровичу, или, говоря проще, передать въ вѣдѣніе сына всѣ капиталы—было трудно. Трудно было не потому, что Илья Петровичъ любилъ деньги, вовсе не потому, а по той простой причинѣ, что не отыскивалось такой точки опоры, оставившись на которой можно бы было «сбить» его на эту передачу.

— Ну что-жъ, Федя, я готовъ... я съ удовольствіемъ поѣду, еще разъ согласился Илья Петровичъ. — Только, видишь ли, мѣстечко я тутъ одно замѣтилъ...

Воспоминаніе объ этомъ мѣстечкѣ разогнало всѣ томленія Ильи Петровича и потянуло его далеко въ противоположную сторону.

— Мѣстечко тутъ одно есть, чудесное такое мѣстечко, говорилъ онъ, воодушевляясь. Тамъ, знаешь, около мостика, какъ спуститься съ горы, знаешь, около деревни... то-есть не около, а такъ не очень далеко... Удивительное мѣстечко.

Тонкая, едва замѣтная улыбка пробѣжала по лицу сына и исчезла.

— Что-жъ? Раскопку? серьезно спросилъ онъ.

— Да, хотѣлось бы раскопochу произвести, задумчиво и серьезно отвѣтилъ Илья Петровичъ.

— Слѣдовательно, нужно поспѣшить, сказалъ Федоръ Ильичъ вслухъ, и мысленно добавилъ: «чтобы не опоздать,—пожалуй перехватятъ открытіе».

— Да, удивительное мѣсто, продолжалъ, воодушевляясь, Илья

Петровичъ: курганъ не курганъ и не простой холмъ, а очень что-то подозрительное. Можетъ быть тутъ такия древности окажутся, что человѣческому уму непостижимо... Это такое счастье!

— Да; но знаете—вставилъ Федоръ Ильичъ—вѣдь нѣкоторыя обстоятельства могутъ лишить васъ этого счастья.

— Какъ? Чтѣ такое?

— А то, что вамъ самимъ нужно скоро быть въ Петербургѣ.

— Это зачѣмъ?

— А срокъ полису страхового общества...

— Илья Петровичъ всплеснулъ руками.

— Фу, ты, Боже мой, сказалъ онъ: какъ это я такъ... того...

Какъ это ты, Федя, все помнишь! Какая у тебя, однако, хорошая память, а! Дѣйствительно, да, дѣйствительно... Ну, Федя, если бы не ты, я думаю, позабылъ бы я... Въ самомъ дѣлѣ, какія могли бы быть послѣдствія!.. А!.. Представь себѣ: я забываю о срокѣ полиса, домъ на другой день послѣ срова превращается въ пепель—и кончено. Я разоренъ, я нищій.

Но Федору Ильичу стало не въ моготу слушать фантастическія разглагольствованія своего родителя, и онъ перебилъ его рѣчь:

— Вы, папенька, предполагаете ужъ что-то слишкомъ... Если бы и домъ сгорѣлъ, то до разоренія еще очень далеко...

— А знаешь чтѣ? вдругъ весело воскликнулъ Илья Петровичъ:—поѣзжай ты въ Петербургъ одинъ и внеси деньги въ страховое общество. Возьми ключъ отъ моего письменнаго стола, тамъ лежитъ полисъ, и деньги тамъ тоже есть, кажется пятьсотъ рублей... Нѣтъ, нѣтъ, помнится мнѣ, тамъ было кажется... около...

Рѣчь его сдѣлалась медленнѣе. Онъ что-то, казалось, началъ обдумывать. Разговоръ совсѣмъ оборвался. Илья Петровичъ не находилъ возможности продолжать въ томъ же тонѣ, а сынъ не хотѣлъ поддерживать.

— Да... Это мы уже тамъ... дома все... устроимъ...,—тянулъ Илья Петровичъ, и вдругъ, оживившись, заговорилъ, торопливо вынимая часы:—не пойдешь ли ты, Федя, со мной въ тому мѣсту, гдѣ тотъ замѣчательный курганъ?

— Нѣтъ, папенька, я общалъ Владиміру Николаевичу идти вмѣстѣ съ нимъ...

— А! Въ такомъ случаѣ, въ такомъ случаѣ, иди, иди, голубчикъ... Я тебя не стѣсняю, сдѣлай одолженіе. Свобода — это первое дѣло.

Илья Петровичъ былъ душевно радъ, что Федоръ Ильичъ отказался идти съ нимъ. «Пожалуй,—подумалъ онъ,—опять рѣчь зайдетъ о довѣренности на управленіе домою, а это дѣло такое,

что надо еще его обсудить». Отецъ и сынъ разошлись въ разные стороны.

Но обсудить это дѣло такъ и не удалось Ильѣ Петровичу. Федоръ Ильичъ не нашелъ Владиміра дома, и его встрѣтилъ именно Илья Петровичъ. Владиміръ сидѣлъ въ великомъ раздумьи на садовой скамейкѣ у оранжереи. Ему нужны были деньги; у мамыши не оказалось на лицо; пробовалъ онъ подѣзжать къ Федору Ильичу издалека, но тотъ сухо извинился. «А попробовать бы еще разъ Илью Петровича,» — подумалъ онъ въ то самое время, когда старикъ показался вдали. — «Знаю я, съ чего и нужно начать», весело подумалъ Владиміръ.

— Ахъ, Илья Петровичъ, какую я имѣю сообщить вамъ драгоценную новость. Я нашелъ «мѣстечко» — несомнѣнно древній курганъ.

— Да гдѣ же это, голубчикъ, Владиміръ Николаевичъ, гдѣ же это такое мѣстечко, а?

— Гм... гм... Это я берегу, впрочемъ, до болѣе благопріятныхъ дней, продолжалъ Владиміръ болѣе сдержанно, и началъ толковать о возможности найти древнія вещи, особенно монеты и утварь, указывая всего больше на то (при этомъ, разумѣется, вставляя необходимую фразу: «какъ вамъ и самимъ хорошо извѣстно»), что въ давно-прошедшія, до-историческія времена, когда между славянскими племенами были частыя распри и междуусобія, — цѣнныя вещи болѣе негдѣ было спасать, какъ только въ землѣ, зарывая ихъ въ извѣстныя мѣста.

— Да, да, да, можетъ быть, можетъ быть..., зачастилъ Илья Петровичъ.

Онъ увлекся краснорѣчіемъ генеральскаго сына, и уже готовъ былъ въ ту же минуту летѣть въ горы и рыть, копать, сваливать камни и дѣлать все, что угодно, лишь бы открыть древности.

— Ну что-жъ, голубчикъ, Владиміръ Николаевичъ...

— Да ничего, Илья Петровичъ... Все дѣло впереди.

— Зачѣмъ же впереди. Зачѣмъ откладывать? Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше...

— Теперь я не могу...

— Какъ не можете? Отчего не можете?..

— Да, такъ, не могу...

— Что же это, по болѣзни, по службѣ, или что?..

— Нѣтъ, просто не могу..., — уклончиво отговаривался Владиміръ.

Илья Петровичъ кипятился и не отставалъ, требуя положи-

тельно объясненія.— Не могу! Не могу! Что такое это значить? Вы мнѣ скажите отчего? Какъ? Зачѣмъ? Почему?

— Силь мало имѣю, коротко отвѣтилъ Владиміръ Николаевичъ.

— Я вамъ помогу, голубчикъ: пойдемте вмѣстѣ... я съ полной готовностью... Вы даже не работайте, вы только мѣсто уважите.

— Нѣтъ-съ, это все не то...— началъ Владиміръ, какъ будто, наконецъ, рѣшаясь посвятить Илью Петровича въ тайны своихъ тоже археологическихъ слабостей:— тутъ, Илья Петровичъ однимъ личнымъ трудомъ нельзя ограничиться. Тутъ, я вамъ доложу, нужно организовать нѣчто правильное, ассигновать на это нѣкоторую сумму денегъ, даже, можетъ быть, до трехъ сотъ рублей...

Рука Ильи Петровича потянулась въ затылку.

Владиміръ ошибся въ расчетѣ: онъ думалъ, что Илья Петровичъ въ увлеченіи сейчасъ же вынетъ бумажникъ, отсчитываетъ деньги и скажетъ: «голубчикъ, берите, дѣйствуйте, помогайте».

Вышло совсѣмъ наоборотъ.

Илья Петровичъ въ замѣшательствѣ, даже въ нѣкоторомъ недоумѣніи, безсвязно отвѣчалъ:

— Мнѣ, знаете ли, теперь было бы неудобно, а впоследствии я съ удовольствіемъ... Теперь я, знаете, больше такъ, нѣсколько... отъ нечего дѣлать.

«Сорвался!»— подумалъ Владиміръ, и, стараясь казаться безпечнымъ, небрежно отвѣтилъ:

— Какъ хотите, это дѣло ваше!..

Ильѣ Петровичу немножко и совѣстно стало, что онъ какъ будто пожалѣлъ средствъ на такое важное дѣло; но онъ дѣйствительно ихъ пожалѣлъ. Сожалѣніе, вдругъ появившееся въ немъ, при сознаніи всей важности дѣла, на которое требовались деньги, при той страсти, которую Илья Петровичъ чувствовалъ въ производствѣ археологическихъ раскопокъ, въ надеждѣ прославленія своего имени, — это сожалѣніе оправдывается тѣмъ, что было вызвано совсѣмъ другими обстоятельствами. Къ несчастію Владиміра Николаевича, Илья Петровичъ вспомнилъ во время разговора съ нимъ про его прежній долгъ, и невольно подумалъ: «пожалуй, молъ, онъ, эти деньги ухлопаетъ на другое».

Но даже и въ этомъ случаѣ Илья Петровичъ сейчасъ же послѣ того, какъ появилось сомнѣніе, устыдился самого себя: въ его глазахъ Владиміръ Николаевичъ былъ талантливымъ человекомъ и достойнымъ всякаго уваженія. «Нужды нѣтъ»,— думалъ Илья Петровичъ,— «что онъ до сихъ поръ мнѣ долгу не заплатилъ: молодой человекъ, тоже есть, надо полагать, кой-какіе темные расходишки, а батя-то не больно щедръ».

Устыдившись своей грѣшной мысли, онъ, тѣмъ не менѣе, денегъ на производство раскопокъ не выложилъ, а началъ отговариваться тѣмъ, что нужно ѣхать въ Петербургъ, и что осенью непременно и безотлагательно приметъ участіе въ этомъ важномъ дѣлѣ.

— Да, какъ хотите, небрежно отвѣтилъ Владиміръ: я вамъ сначала еще говорилъ, что теперь не имѣю возможности заняться этимъ важнымъ дѣломъ...

— Да, да; осенью, знаете, это можно будетъ отлично устроить...

— Ну что-жъ. Осенью, такъ осенью.

— Да, да; но только, знаете, не поздней осенью, а такъ, въ началѣ сентября...

— Какъ хотите,—мнѣ все равно...

— Да; а если позднѣе, то земля ужасно тогда твердая... Я, знаете, это уже испыталъ въ мартѣ нынѣшняго года,—я невообразимо мучился: земля, какъ камень, извольте-ка тутъ работать...

Такъ они и разстались съ Владиміромъ очень мирно.

Илья Петровичъ, идя вдаль отъ оранжереи, думалъ: «а умный, очень умный человѣкъ этотъ Владиміръ Николаевичъ. Онъ не уступитъ моему Федору. Гдѣ тому до него. Нѣтъ, еслибы усидчивость Федора дать Владиміру Николаевичу, вотъ была бы голова: министръ, однимъ словомъ, министр! Какія у него громадныя свѣдѣнія. Жаль, Николай Саввичъ такъ круто держитъ своихъ дѣтей. Такого сына можно бы посвободнѣе держать... Несмотря на это, какъ онъ всегда превосходно себя ведетъ...»

Такъ думалъ все Илья Петровичъ и шелъ по аллеѣ.

VIII.

— «Осенью! Да, какъ же, осенью!.. Чучело ты этакое», бормоталъ Владиміръ себѣ подъ носъ про Илью Петровича: «жди отъ тебя добра осенью,—тогда ты и серьезно, пожалуй, снарядишь цѣлую ватагу мужичья рыть землю...»

Онъ постоялъ нѣсколько времени на мѣстѣ, гдѣ оставилъ его Илья Петровичъ, взглянулъ съ пренебреженіемъ на Мишу, сидѣвшаго вдали на садовой скамейкѣ и усердно нашептывавшаго что-то себѣ подъ носъ, и пошелъ по аллеямъ сада.—«А поумнѣлъ старикашка», думалъ онъ: «чортъ знаетъ, во всемъ прогрессъ, только я безъ гроша сижу. Гдѣ-бы денегъ достать?..»

Онъ высоко закинулъ кверху голову, и ему пришло вдругъ

на мысль, что еслибы гдѣ-нибудь на деревѣ лежали деньги—отлично-бы; но эта мысль ему показалась слишкомъ нелѣпой: удивительно, — продолжалъ онъ соображать, — удивительно, какъ это люди находятъ деньги; а вѣдь дѣйствительно, находятъ! а вотъ, когда нужно, такъ тогда...

Въ раскрытыя рамы оранжереи по прежнему лился аромат цвѣтовъ и растеній, и въ отдаленной ея части, изъ-за густой зелени, порой выглядывало молодое личико дочки садовника. Она ждала взгляда Владиміра; приближаясь къ этому мѣсту, онъ замѣтилъ ее, лѣниво улыбнулся, небрежно кивнулъ головой и повернулъ назадъ, думая: «ну тебя, съ твоими нѣжностями, и безъ того на сердцѣ вошки скребуть».

Не вѣря въ счастливую случайность найти деньги, онъ возложилъ опять надежду на свою маменьку, такъ часто прежде выручавшую его изъ многихъ бѣдъ; но эта надежда омрачалась только тѣмъ, что у мамашы была зубная боль и трудно съ ней говорить о чемъ-нибудь дѣльномъ.

«Да, подлое положеніе, — думалъ онъ, — угрюмо шагая по саду и смотря уже не на вершины деревьевъ, а на желтый песокъ садовыхъ дорожекъ, можетъ быть тоже въ чаши найти вдругъ приличный кушъ денегъ. Такъ онъ наткнулся на Мишу.

Миша, одержавшій сомнительную побѣду въ битвѣ съ плюсами и минусами, прервалъ размышленія брата:

— Ну, Володя, повѣрай, я кончилъ.

Владиміръ даже плюнулъ съ досады.

— Когда ты отъ меня отвяжешься?

— Пожалуйста, не ломайся: вѣдь общалъ...

— Хочется тебѣ этой дрянью заниматься...

Миша отдавалъ ему листъ, написанный карандашомъ; но Владиміръ не бралъ.

— Я бы на твоемъ мѣстѣ, — продолжалъ онъ, — бросилъ все ученье къ чорту; къ чему оно? Чтѣ въ немъ?.. Я вотъ и учился, да что-жъ изъ этого: все равно денегъ нѣтъ...

Онъ подошелъ къ оранжереѣ и сѣлъ на скамейку въ тѣни.

— Ну же, Володя, повѣрай. Скоро завтракъ...

Но на Володю нашель такой «стихъ», подъ вліяніемъ котораго, а можетъ быть, и подъ тяжестію своихъ «страданій», онъ ударился въ разсужденіе о суетѣ всякаго ученья.

— Для чего тебѣ мучить и терзать себя, утруждать свою голову? Будеть время, она еще тебѣ пригодится. Согласись, вѣдь все, чтѣ ты полчаса вымучивалъ изъ своей головы, все это дѣлалось только изъ боязни, чтобы не разсердился отецъ, вѣдь — да?

— Да, но что-жъ изъ этого? Все, что ты говоришь, это со-
всѣмъ къ дѣлу нейдетъ.

— Идетъ и даже очень идетъ...

— Хорошо тебѣ говорить! Ты все-таки имѣешь свое жало-
ванье по службѣ, а мнѣ каково?

— А тебѣ-то что же?

— Какъ что? Папенька наотрѣзъ сказалъ, что если я нынче
не перейду въ слѣдующій классъ, то больше мнѣ не будетъ вы-
даваться карманныхъ денегъ...

— Это онъ тебя только пугаетъ...

— Да, пугаетъ! Нѣтъ, братъ, онъ шутить не любитъ...

— Велики деньги двадцать пять рублей въ мѣсяцъ. Эдакая
невидаля!..

— Да еще, кромѣ того, угрожаетъ тѣмъ, что наслѣдства, го-
ворить, лишу...

— Пугаетъ!..

— Я и самъ знаю, что не все правду онъ говоритъ; но, вѣдь,
и не все неправду.

— Очень мнѣ нужно слушать всю ту чепуху, какую онъ
мелетъ на старости лѣтъ. Пусть пугаетъ другихъ, а мы ужъ изъ
этого возраста вышли. Чепуха чепухой и останется!..

Во время этого разговора Илья Петровичъ, имѣвшій намѣре-
ніе отправиться къ замѣченному имъ наканунѣ кургану, воро-
тился назадъ, такъ какъ въ ватномъ пальто не было возможно-
сти идти по жарѣ, и прилежъ въ тѣни къ оранжереѣ съ проти-
воположной стороны.

— Чепуха чепухой и останется, понимаешь, продолжалъ
Владиміръ:— какъ онъ тамъ ни мели всякій вздоръ, наслѣдники
все-таки мы, все наше. Бояться ни въ какомъ случаѣ нечего,
потому что у отца много родового и наслѣдственного, а на ро-
довое и наслѣдственное никто не имѣетъ права, кромѣ насъ,
прямыхъ наслѣдниковъ.

Миша подсѣлъ рядомъ на скамейку и забывъ про свой урокъ:
онъ замѣтилъ, что братъ начинаетъ говорить что-то дѣльное.

— Лучше бы было еще, еслибы эту развалину поскорѣ
пришибло ударомъ...

— Отчегоже, Володя; развѣ изъ этого можетъ быть для
насъ какая-нибудь разнища?

— А оттого же! То-то есть, что ты мало смыслишь. Оттого,
что тогда онъ не будетъ дѣлать никакихъ глупостей, какія
имѣютъ привычку дѣлать люди передъ смертью, то-есть завѣщать
на разныя богоугодныя дѣла, на церкви, на бѣдныхъ. А ужъ

это непременно случится, если онъ будетъ умирать, какъ говорить, «по-христіански». Ты, небось, думаешь, что они это отъ усердія, изъ религіознаго чувства такъ-то дѣлаютъ? Да, какъ же; все это только отъ страха, съ испугу: видятъ, что дѣло плохо, приспичило такъ, что дыханіе захватываетъ, сейчасъ конецъ,— ну и отваливаютъ тысячами: авось, мошь... Другой изъ страха при представленіи будущей жизни, изъ боязни попасть въ адъ,— всё одинаково съ перепугу хотятъ задобрить Бога жертвами. Главное, Миша, тутъ смѣшно не то, что жертвуютъ, а то, въ какое время жертвуютъ, вотъ что смѣшно. Пока жили, то какъ будто имъ недосугъ было устроить свои дѣла; а какъ наступила минута смерти и заметались....

— Къ чему же ты все это, Володя, говоришь.

— А къ тому, что было бы лучше, еслибы все это скорѣе кончилось. Тогда-то ужъ все наше, все до послѣдней садовой скамейки...

— Гм... это ты... нерѣшительно замѣтилъ Миша.

— «Это ты!» Не «это ты», а нужно сообразить, исчислить, когда же все это совершится!.. Да!..

— Отъ этого не легче! коротко отвѣтилъ Миша.

— Вотъ то-то и есть, что ты еще глупъ. Не легче! Эхъ ты! Тогда, зная время, легче ждать...

Все это выслушалъ отъ слова до слова Илья Петровичъ.

Онъ совсѣмъ спутался, смѣшался и, какъ бываетъ съ угорѣвшимъ человѣкомъ, началъ метаться во всѣ стороны, двигаясь въ то же время только на шагъ впередъ и назадъ. Курганъ, всѣ древности, недавняя болѣзнь, все вылетѣло изъ головы, точно кто ударилъ его по головѣ такъ сильно, что лишилъ памяти и способности осмыслить свое положеніе. Еслибы въ эти минуты встрѣтилъ его кто-нибудь изъ членовъ семейства Сумраковыхъ, то и представить себѣ нельзя, чтобы сталъ говорить Илья Петровичъ, и еслибы даже встрѣтились съ нимъ въ то время, когда онъ немножко оправился, то и тогда навѣрное могли подумать, что Илья Петровичъ тронулся разсудкомъ. Такъ сильно онъ былъ пораженъ тѣмъ, что пришлось услышать. Оправившись нѣсколько отъ своего смущенія, онъ успѣлъ сообразить, что «подслушивать не хорошо», и хотѣлъ уйти подальше отъ этого ужаснаго разговора. Но уйти онъ не имѣлъ никакой возможности. Разговоръ сыновей Сумракова былъ для него необыкновенной, выходящей изъ предѣла всякаго вѣроятія, новостію. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что ему не разъ приходилось читать или слышать разсказъ о «непослушныхъ» дѣтяхъ, даже, можетъ быть, о «дурныхъ»,

о «развращенныхъ»; но услышать прямо изъ устъ самихъ дѣтей, и услышать такой откровенный разговоръ,—это для него было выше всякаго вѣроятія.

Такъ былъ великъ для него интересъ «ужасающаго» разговора, что онъ рѣшился, по его мнѣнію, «на подлость»—и остался дослушать, что будутъ дѣти говорить дальше. Чтобы не было дурныхъ послѣдствій въ томъ случаѣ, если его вдругъ откроютъ, онъ легъ на траву, и закрылъ глаза, притворившись спящимъ.

Дѣти, между тѣмъ, продолжали свой разговоръ.

— По крайней мѣрѣ уже знаешь навѣрное...

— А какъ же тогда быть, если онъ карманныхъ денегъ меня лишитъ?.. спрашивалъ Миша.

— Говорю тебѣ, это вздоръ. Онъ просто пугаетъ тебя.

— Да не могу же я безъ карманныхъ денегъ жить.

— Въ долгъ можно брать...

— Да, въ долгъ! печально и тихо повторилъ Миша.

— Еще бы! Конечно, въ долгъ. Занимай подъ векселя, подъ росписки... подъ сохранныя росписки всего лучше даютъ.

— А какъ же платить?

— А такъ же! Умреть отецъ, тогда и заплатишь. Есть о чемъ печалиться!..

«Господи! Вседержитель! Спаси и помилуй!» шепталъ Илья Петровичъ, молитвенно возводя очи къ небу и торопливо ихъ закрывая: «да что это я такое слышу, ужъ не во снѣ ли все это мнѣ мерещится?»

Онъ началъ снова прислушиваться, стараясь дышать какъ можно тише, чтобы не проронить ни одного слова. Въ это время тишина, царившая въ саду, нарушилась: гдѣ-то далеко, вдали его, раздался лай собаченки, неизмѣнной спутницы генеральской племянницы, Оли. Лай раздавался все ближе и ближе, и заглушилъ на нѣкоторое время голоса разговаривавшихъ. Илью Петровича это возмущало до невозможности: такъ бы вотъ, кажется, соскочилъ съ своего мѣста и пустилъ скверной собаченкѣ вслѣдъ хоропій камень, но вскочить было невозможно. — «Погоди, проклятая, ужъ отплачу же тебѣ за это!.. Какой у ней и голосъ-то, у проклятой, звонкій... Тыфу!».. Онъ старался вслушаться въ разговоръ; но собачій лай раздавался все громче и ближе. Собаченка, неподозрѣвавшая, какая буря противъ нея кипитъ въ сердцѣ Ильи Петровича, прыгая по травѣ, продолжала лаять и набѣжала на него. — «Сволочь, подлая! Ухъ! Дрянь!» злобно зашепталъ онъ, все-таки не шевелясь и не раскрывая глазъ. Собака обню-

хала его, лизнула даже по лицу и посказала дальше. — «Фу, поганая!» злобствовалъ Илья Петровичъ, и смазалъ со щеви слѣды непрощенной собачьей ласки.

Наконецъ, лай затихъ въ другой части сада и Илья Петровичъ снова могъ слышать разговоръ Владиміра и Миши.

— Мнѣ въ долгъ не дають, замѣтилъ Миша.

— Пробоваль?

— Пробоваль: ни подъ росписку, ни подъ вексель не дають! говорятъ—несовершеннолѣтній...

— Глупъ ты, и все. Мало, значить, процентовъ даешь...

— А много ли нужно давать? поучался Миша.

— Сколько запросять, столько и давай.

— Платить тяжело.

— Да развѣ свои платить будешь? Эхъ ты, глупая сорока!..

А ты приписывай къ старому долгу и бери еще вновь, почти закрывалъ Владиміръ.

Миша оглянулся по сторонамъ. Несмотря на свои молодые годы, онъ понималъ, что ихъ разговоръ выходитъ изъ ряда «гласныхъ».

— Смотри, Володя, ты что-то больно раскипятился: пожалуй еще кто-нибудь услышитъ, замѣтилъ Миша.

— Э! Чортъ ихъ возьми; все равно! съ досадою возразилъ Владиміръ, и самъ тоже оглянулся. — Какому дураку интересно насъ подслушивать, заключилъ онъ и замолчалъ.

Разговоръ затѣмъ перешелъ на другую тему.

Илья Петровичъ былъ въ ужасномъ положеніи. Удивленный до послѣдней степени содержаніемъ подслушаннаго разговора и въ то же время мучимый своею совѣстію за то, что рѣшился подслушивать, онъ не зналъ, какъ ему быть и что предпринять.

«Ну что, если они меня замѣтятъ,—въ ужасѣ думалъ онъ:— не повѣрять, что я дремалъ... Да какъ же можно повѣрить такой небылицѣ... Какой человѣкъ въ состояніи дремать въ такое время, когда вблизи его слышатся такія ужасныя рѣчи, готовится чуть не заговоръ на жизнь отца!.. О Господи, чѣмъ все это можетъ окончиться? Пожалуй, Володька-то меня поколотить... Царь небесный! Вѣдь такой человѣкъ способенъ думать, что я могу сдѣлать на нихъ доносъ»...

«А что, если вскочить мнѣ», думалъ Илья Петровичъ, когда братья перемѣнили тему разговора: — «вскочить и крикнуть на нихъ хорошенько, погромче, чтобы сразу испугать: какое, молъ, вы, шелопаи, мальчишки, вѣтрогоны, имѣете право такъ разсуждать, а? Какое? Кто позволилъ? Когда?»

Онъ опять начинать прислушиваться и въ то же время находилъ, что такъ врываться неловко, грубо; пожалуй, можетъ чортъ знаетъ что выйти: узнаеть прислуга, мужики,—не хорошо. Нѣтъ, лучше вотъ какъ, думаль онъ: «лучше просто себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, тихонько встать, да пойти къ Николаю Саввичу, рассказать ему все, а затѣмъ ихъ потянуть къ допросу: пожалуйста-ка, молю, на исповѣдь; а кто, молю, тамъ, у оранжерей, рассуждалъ о правахъ наслѣдства, а? Да нѣтъ, это невозможно, рѣшительно невозможно: вѣдь этимъ я старика совсѣмъ поражу; вѣдь это, Боже упаси, что можетъ надѣлать... Ну, а что, если они, въ самомъ дѣлѣ, меня замѣтятъ и догадуются, что я умышленно тутъ лежу?»

И безпокойство о неприкосновенности своего собственнаго тѣла начинало тревожить его, и безъ того уже до крайности встревоженнаго.

«Чу! Ссориться начинаютъ, браниться», думаль Илья Петровичъ, вслушиваясь:— «ахъ вы, заговорщики, заговорщики... Боже мой! Да что-жь это такое? Что же это я слышу и лежу, не принимаю никакихъ мѣръ, да и предпринять не могу»...

Черезъ нѣсколько времени Владиміръ опять сбился на первоначальную тему разговора.

— Ну, положимъ, говорилъ онъ, положимъ даже такъ: живи старый драбантъ, живи—смерть мнѣ его, собственно, не нужна:—что въ ней... Живи, да отдай же деньги-то, что надъ ними ворпѣтъ. Умереть, вѣдь, не возьметъ же ихъ съ собой, намъ же все останется; такъ затѣмъ же томить, мучить, ставить насъ въ такое положеніе...

«О, Господи! Вѣдь это онъ, пожалуй, говорить основательно, вѣдь это отчасти и на правду похоже!» мелькнуло въ головѣ Ильи Петровича.

— Какъ все это просто и ясно, продолжалъ Владиміръ,—а, между тѣмъ, отцы понять этого не могутъ, не перевариваютъ ихъ головы этой простой идеи.

«Но, однакожь, какія у нихъ развращенныя понятія! а! Гдѣ это они такъ развратились? Вотъ время! вотъ ужасное время!..» думаль Илья Петровичъ.

Миша пересталъ уже интересоваться разговоромъ по поводу смерти отца и полученія наслѣдства; онъ нашель, что рассужденія объ этомъ бесплодны, и интересъ болѣе близкаго времени, тѣмъ смерть отца, занялъ его. Подъ влияніемъ этого послѣдняго интереса, онъ перебилъ рѣчь Владиміра.

— А что, спросилъ онъ, какъ ты думаешь, Володя: сдать я свой экзаменъ или нѣтъ?

— Дуракъ! Нашелъ о чемъ спрашивать! съ пренебреженіемъ отвѣтилъ Владиміръ.

Эти послѣднія слова Владиміръ сказалъ, уже уходя отъ оранжереи. Миша пошелъ за нимъ слѣдомъ.

«Ушли! Слава Богу, ушли!» думалъ Илья Петровичъ, еще не вставая съ мѣста и прислушиваясь. «Ушли ли?» Удостоверившись въ уходѣ дѣтей, онъ торопливо вскочилъ на ноги, отряхнулъ пальто и испуганно оглядѣлся.

Онъ обогнулъ уголь оранжереи, подошелъ къ той скамейкѣ, на которой нѣсколько секундъ назадъ сидѣлъ Владиміръ, и смотрѣлъ на нее, точно удивляясь, отчего она остается въ спокойномъ положеніи.

«Тутъ вотъ, тутъ,—размышлялъ онъ,—вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, вотъ здѣсь два родные брата, такъ сказать, единоутробныя дѣти говорили о томъ, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ они смерти своего родителя, отца, который ихъ вскормилъ, выростилъ, воспиталъ... Ну, не ужасно ли это!.. Миша—этотъ все какъ-то немного посдержаннѣе... Надо спасти его, надо, а то Володя развратить его совсѣмъ... Да что тутъ развращать,—развращенный и онъ тоже... Но какъ же мнѣ теперь поступить? Какъ вести себя въ отношеніи къ нимъ, къ Николаю Саввичу?.. Однакожъ, несчастнѣйшій этотъ старикъ, Николай Саввичъ!.. Я-то счастливъ? А можетъ быть...»

Илья Петровичъ совершенно упалъ духомъ при одной мысли о томъ, что «можетъ быть». Онъ низко опустилъ голову и предался своимъ мрачнымъ размышленіямъ. Въ такомъ положеніи и засталъ его Федоръ Ильичъ.

«Что это съ нимъ вдругъ сдѣлалось?» подумалъ сынъ, взглянувъ на Илью Петровича.

Лицо Ильи Петровича какъ будто осунулось, пожелтѣло и глаза потускнѣли, точно это сидѣлъ самъ владѣлецъ усадьбы, Николай Саввичъ, а не тотъ живой, хлопотливый человекъ, какимъ всегда былъ Илья Петровичъ. Федоръ Ильичъ даже ускорилъ свой медленный шагъ и окрикнулъ отца издали. Илья Петровичъ сидѣлъ по прежнему, не поднимая головы. Федоръ Ильичъ подошелъ близко.

— Я васъ ищу, папенька!

Илья Петровичъ торопливо оправился и, казалось, хотѣлъ скрыть отъ сына свои печальныя думы.

— А! Оеда! Я тебя, Оеда, сегодня... да... Я тебя кажется...

— Что съ вами такое? спросилъ Оедоръ Ильичъ.

— Ничего, ничего, Оеда, — торопливо успокоивалъ его Илья Петровичъ: — да; я тебя сегодня, кажется... Гдѣ это ты цѣлое утро...

Онъ хотѣлъ связать «пропадать», но это слово повазалось ему не деликатнымъ, и онъ опять смѣшался.

— Да, да, помню, знаю... Ты, вѣдь, все съ своими бумагами возишься... Не напрасно ли ты такъ много работаешь, а? Вѣдь это не очень здорово... Да, бишь, я не то хотѣлъ сказать...

— Что съ вами, папенька? Вы ужасно чѣмъ-то встревожены. Что случилось? Не упали ли вы гдѣ-нибудь, не ушиблись ли?

— Да, видишь ли.. Я сейчасъ, здѣсь...

Онъ остановился, соображая, передавать ли сыну про то, что пришлось услышать, или до времени сохранить это въ тайнѣ. Оедоръ Ильичъ предложилъ послать за докторомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Оеда, не то. Я нигдѣ не падалъ, не ушибся... Ничего подобнаго не было.

— Да что же такое съ вами случилось, скажите пожалуйста, что же?

— Ничего, ничего не случилось. Ты не шуми, тише... Ничего, ровно ничего...

— Я, папенька, вы меня извините, пожалуйста: я ровно ничего не понимаю. Я вижу только, что вы ужасно чѣмъ-то встревожены. Скажите, что это такое за дѣло, которое могло васъ такъ разстроить?

— Ты, главное, не шуми, не шуми... Тише.

— Что за тайны такія?..

— Н-да... Видишь ли...

Илья Петровичъ тревожно началъ оглядываться.

— Ты погоди, ты сначала погоди, я тебѣ все расскажу, а потомъ... Потомъ уже ты тамъ какъ хочешь, такъ и рассуждай...

— Извольте. Я слушаю.

— Но понимаешь ли, тутъ дѣло въ томъ, что—тайна!

— Тайна? Хорошо, пусть будетъ тайной.

— Именно, именно случилось Богъ вѣсть что. Ты слушай, вотъ что...

Снова тревожный взглядъ по сторонамъ и затѣмъ онъ началъ таинственное объясненіе.

— Владиміръ Николаевичъ совсѣмъ дурной человѣкъ. Да! Говоря короче, дрянъ...

— Ну, эта тайна, я полагаю, не очень глубока, тихо и вкрадчиво замѣтилъ Ѳедоръ Ильичъ.

«Денегъ, вѣроятно, попросилъ,—подумалъ Ѳедоръ Ильичъ,—отецъ ему не далъ, а тотъ, по свойственной ему милой привычкѣ, наговорилъ ему всякихъ дерзостей».

— Что-жъ этимъ такъ тревожиться? спросилъ онъ отца.

— Онъ заслуживаетъ,—продолжалъ Илья Петровичъ, не слушая,—онъ, чортъ его знаетъ, чего заслуживаетъ!..

— Не далѣе, какъ вчера, папенька, вы такъ хвалили его, и я совершенно раздѣлялъ ваше мнѣніе, а сегодня вы изволите говорить ужъ совсѣмъ другое.

— Вчера не было извѣстно того, что стало извѣстно теперь...

— Что же стало извѣстно?

— Нѣтъ, нѣтъ, погоди... Неужели ты о немъ хорошаго мнѣнія?

— До сихъ поръ былъ хорошаго; не знаю, что будетъ дальше...

— Да помилуй! Какъ это можно! Онъ всегда былъ ужасный человѣкъ. Это по всему было видно! Помилуй, онъ столько имѣетъ долговъ... Я это сегодня услышалъ случайно. И какъ онъ объ этихъ долгахъ отзывается—вѣдь это ужасъ!

— Онъ у васъ просилъ займы?

— Нѣтъ! Совсѣмъ не въ томъ дѣло!..

«Что же это произошло между ними», подумалъ Ѳедоръ Ильичъ.

— Почему это вы, папенька, такъ огорчаетесь его отзывами о долгахъ?

— Ахъ! Совсѣмъ не то!

Ѳедоръ Ильичъ только-что опустился на скамью, чтобы слушать объясненіе тѣхъ обстоятельствъ, которыя были причиной волненія Ильи Петровича, но Илья Петровичъ самъ поднялся со скамьи и, взявъ сына за руку, повелъ его за собой въ глубь сада, идя скорыми, частыми шагами.

— Ты, Ѳеда, не знаешь, что здѣсь разговаривали они, таинственно продолжалъ онъ, нервически дергая сына за руку.

— Кто же это они?

— Ахъ, Боже мой! Что ты меня мучишь? Ну, они, конечно, это больше: тотъ остолопъ-то, да этотъ мальчуганъ. Это, братъ, Ѳеда, просто ума помраченіе...

— Да говорите же, не мучите. Предисловіе такъ длинно!..

Какъ скоро шелъ Илья Петровичъ, такъ скоро вдругъ остановился.

— Оеда! Ты, кажется, не придаешь никакой важности этому дѣлу...

— Я готовъ признать за нимъ какую угодно важность; но вы почему-то какъ будто даже и не желаете рассказывать о немъ...

Илья Петровичъ опять-было началъ волноваться и хотѣлъ снова пуститься торопливо въ дорогу; но вѣроятно нашелъ лучшимъ постоять еще нѣсколько времени на мѣстѣ и высказать сыну свои сомнѣнія.

— Да, чтò скрывать. Скрывать нечего... Да, Оеда прости: за себя страшно!

«Эхъ, какъ его разобрало что-то», мелькнуло въ головѣ Оедора Ильича.

— Они, эти самыя развращенныя дѣти,—пояснялъ Илья Петровичъ на ходу, довольно быстро, — они тамъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ты меня встрѣтилъ, говорили о томъ, что Николаю Саввичу пора умереть, что въ немъ нѣтъ никакого проку и не будетъ его никогда, что для ихъ счастья ничего не нужно, кромѣ его смерти. Понимаешь? Это они о немъ-то, о Николаѣ-то Саввичѣ! И потомъ этотъ Володька началъ цинически разсуждать о томъ, что чѣмъ бы это скорѣе, тѣмъ лучше... Потомъ я не слышала, чортъ его знаетъ, прости меня Господи, — что-то тоже необыкновенно грубо говорилось о духовныхъ завѣщаніяхъ... Потомъ... Да, нѣтъ! Я не могу! Я не умѣю! — Илья Петровичъ сильно заволновался и замахалъ руками. Можно было подумать, что его собираются вести куда-то на казнь и онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы отдѣлаться отъ этого.

Илья Петровичъ опять остановился, уставилъ глаза на сына, который тоже счелъ долгомъ остановиться, и ждалъ, чтò онъ на все это скажетъ.

— Если вы не можете, папенька, объяснить подробностей ихъ дальнѣйшаго разговора, то все-таки вѣроятно можете сказать, въ чемъ же заключалась его сущность?

— Въ смерти! Вся сущность въ смерти! Все, Оеда, укладывается въ два слова, какъ, помнишь, въ «Рогнѣдѣ» Сѣрова: «Смерть ему!» «Смерть ему!»

Оедоръ Ильичъ не могъ удержаться, чтобы не улыбнуться при видѣ выраженія отцовскаго лица и его взмаховъ руками.

— И тебѣ смѣшно? ужаснымъ голосомъ спросилъ Илья Петровичъ.

— Ахъ, папенька! какъ вы все близко къ сердцу принимаете! Мало-ли что швальники между собой болтаютъ.

Федора Ильича просто начиналъ разбирать смѣхъ, но онъ, сознавая, что смѣяться въ такое время было бы не встать, только улыбался, да и то очень сдержанно.

— Феда! Феда! И ты находишь возможнымъ такъ говорить теперь, когда я...

— Успокойтесь, папенька, прошу васъ.

— И это тебя нисколько не волнуетъ! Это тебѣ какъ будто съ гуся вода!.. Ахъ, Феда! Феда!

Съ этими словами Илья Петровичъ повернулъ назадъ. Нѣкоторое время между отцомъ и сыномъ не было никакого разговора. Илья Петровичъ пошелъ нѣсколько тише и что-то началъ соображать. Федоръ Ильичъ молчалъ и ждалъ. Онъ отчасти уже начиналъ догадываться, въ какую сторону дуетъ вѣтеръ.

— Послушай, Феда...

— Чтó угодно, папенька. Я слушаю.

— Я знаю... Нѣтъ, не то... Видишь-ли... ну да, лучше, знаешь... лучше послѣ...

Федоръ Ильичъ зналъ уже, о чемъ хочетъ спросить отецъ, и приставалъ, прося не откладывать объясненія до другого времени.

— Говорите, папенька...

— Ты, Феда... меня любишь... искренно?...

— Неужели вы, папенька, и обо мнѣ такого же мнѣнія, какъ объ этихъ...

— Догадался! Догадался!.. Нѣтъ, нѣтъ... Прости, Феда, прости... Но, видишь-ли, дѣло въ томъ, что... Я, конечно, милый мой, я, конечно, никогда, никогда этого не позволю себѣ думать. Ты всегда такъ себя отлично велъ, всегда относился ко мнѣ почтительно...

Ему пришло въ этотъ моментъ на мысль, что и Владиміръ Сумраковъ и братъ его тоже всегда относились и относятся къ своему отцу почтительно, и подъ вліяніемъ этой мысли онъ снова оробѣлъ.

— Но, Феда, голубчикъ... ты... ради Бога...

— Чтó, папенька, чтó?

— Ты мнѣ, знаешь... откровенно...

Федоръ Ильичъ думалъ, что отецъ хочетъ спросить опять про искренность его сыновней любви и почтенія, и уже приготовлялся сказать ему нѣсколько нѣжныхъ словъ; но Илья Петровичъ вдругъ остановился, схватилъ его за обѣ руки и тревожно спросилъ:

— Феда! Откровенно, не скрывая, скажи мнѣ: много ли у тебя долговъ?

Такой вопросъ былъ уже совершенно неожиданнымъ для Ѳедора Ильича. Онъ на мгновеніе растерялся, даже легкій румянецъ пробѣжалъ по его лицу, и хотя это въ тотъ же моментъ и исчезло, но чуткое сердце Ильи Петровича угадало уже причины этого непродолжительнаго замѣшательства.

— Къ чему такой вопросъ? спокойно и даже какъ будто небрежно замѣтилъ Ѳедоръ Ильичъ.

Илья Петровичъ уже сжималъ его руки, и задыхаясь, встревоженнымъ шопотомъ говорилъ:

— Вижу, по лицу вижу! Ѳеда, Ѳеда!

— Что это вы такое увидѣли?...

— Не скрывайся, голубчикъ! не скрывайся! Говори, все, все говори...

— Сначала скажите вы мнѣ яснѣе, что вамъ говорить: я рѣшительно не понимаю...

— Не бойся! Я заплачу, все заплачу, — всѣ долги до одной копейки... Не мучь!

— Вы Богъ знаетъ что выдумываете! Богъ знаетъ, что васъ такъ разстроило, и вы начинаете меня подозрѣвать въ какихъ-то чуть не уголовныхъ преступленіяхъ. Вѣдь это что же, папенька! Вѣдь этакъ, повѣрьте мнѣ, намъ совершенно нельзя будетъ жить вмѣстѣ. Я никогда вамъ никакого повода не далъ думать обо мнѣ что-либо дурное, и вдругъ вы, услыша тамъ Богъ знаетъ что... Представьте себѣ, что еслибы я въ одинъ прекрасный день...

Онъ хотѣлъ заговорить отца, отвлечь его вниманіе и, говоря, въ то же время обдумать, какъ ему быть и какъ приготовиться къ дальнѣйшему производству допроса: онъ зналъ, что допросъ этимъ не кончится, что его только можно нѣсколько отдалить.

Илья Петровичъ на эту удочку не поддался.

— Ахъ, нѣтъ... Ѳеда, ты все не то, все ты не то говоришь... Зачѣмъ ты такъ, Ѳеда, отклоняешься...

Ѳедоръ Ильичъ еще хотѣлъ перебить рѣчь отца.

— Ѳеда! Ты меня не перебивай, ты не перебивай... Не мучь! Я тебѣ чистосердечно говорю, что всѣ твои долги уплачу и ни слова о нихъ никогда тебѣ не скажу... Ну, говори же... Вѣдь ужъ я догадался. Я по лицу твоему замѣтилъ, какъ тебя испугалъ мой вопросъ... Ну?

Ѳедоръ Ильичъ нѣсколько мгновеній смотрѣлъ прямо въ глаза отцу, еще что-то обдумывая, и потомъ рѣшительно проговорилъ.

— Да, я имѣю долгъ...

— Большой? чуть слышно спросилъ Илья Петровичъ.

- Какъ будете смотрѣть, — пожалуй, большой...
- Да говори яснѣе, все равно ужь... Ну? Много?
- Не очень много... Опять-таки, какъ будете смотрѣть...
- Господи, Боже мой! Да говори же... Много?
- Пять тысячъ рублей.

Илья Петровичъ взглянулъ на него какъ-то пугливо, растерянно и въ то же время пытливо.

- Только, Федя?
- Да, папенька, только.

Оба замолчали. Илья Петровичъ пошелъ медленно; Федоръ Ильичъ тоже уворотилъ шагъ. Такъ прошло минутъ около десяти. Они снова вошли въ садъ Сумраковыхъ, миновали ворота и вдали видна была уже оранжерея, то мѣсто, которое было началомъ страданій Ильи Петровича. Увидя это мѣсто, Илья Петровичъ не сталъ на него смотрѣть—ему было больно и тяжело взглянуть туда. Они вошли въ одну изъ самыхъ густыхъ аллей. Федоръ Ильичъ хотѣлъ казаться спокойнымъ, даже зашѣлъ что-то себѣ подъ носъ, потомъ оставилъ это, и, сорвавъ вѣтку съ дерева, началъ ею отмахиваться, какъ будто отгоняя мухъ и мошекъ, которыхъ вовсе и не было. Все это выходило натынуто и неловко. Федоръ Ильичъ былъ въ волненіи не потому, что боялся, хотя даже сколько-нибудь, отца, а исключительно по той причинѣ, что вопросъ о долгѣ, такъ сильно занимавшій его въ послѣднее время, наконецъ, разрѣшается, и разрѣшается «самъ собой». «Разрѣшится ли только?» волновался Федоръ Ильичъ, отмахиваясь вѣткой: «кто его знаетъ—онъ увѣряетъ теперь, а потомъ... Но во всякомъ случаѣ хорошо и то, что теперь дѣло ясно...»

Они подходили къ дому.

— Федя!—обратился опять Илья Петровичъ къ сыну. Голосъ его вдругъ какъ-то измѣнился, точно въ горлѣ у него пересохло.

— Чтѣ, папенька, вамъ угодно?—почтительно спросилъ Федоръ Ильичъ.

— Пройдемся еще немного. Вотъ сюда...

— Пройдемтесь...

Федоръ Ильичъ повернулъ за отцомъ, и они опять молча пошли по одной изъ боковыхъ аллей.

Илья Петровичъ первый прервалъ молчаніе.

— Отчего же ты, Федя... до сегодняшняго дня не хотѣлъ мнѣ признаться?—тихо и осторожно спросилъ онъ.

— Въ чемъ это признаваться?—не то сердито, не то безпечно спросилъ Федоръ Ильичъ.

— То-есть, нѣтъ... Я, видишь ли, не то хотѣлъ сказать... Я хотѣлъ сказать, отчего ты мнѣ никогда объ этомъ прежде не говорилъ?

«Жалко становится», подумалъ Федоръ Ильичъ, «и самолюбіе сильно засосало».

— Случая не было, коротко отвѣтилъ онъ.

— Гм... Случая!... Какъ случая!... Этого я не понимаю...

Федоръ Ильичъ промолчалъ.

«Самъ вызвался, самъ и плати», мысленно торжествовалъ онъ.

— Этого я, Федя, не понимаю, какъ случая не было, — повторилъ Илья Петровичъ.

— Очень просто. Не представлялось случая вамъ сказать, и только...

Федоръ Ильичъ не хотѣлъ распространяться, справедливо сознавая, что надо дать сначала отцу высказаться.

— Имѣя такой долгъ на себѣ, — продолжалъ Илья Петровичъ, — имѣя его на себѣ, долгъ, хотя конечно, не очень значительный, принимая въ соображеніе мои средства; но все-таки, Федя, имѣя его, такъ сказать, на своей собственной шеѣ, ты, Федя, на что же рассчитывалъ?

«Вотъ онъ, настоящій-то допросъ когда выступаетъ на очередь», подумалъ сынъ.

— Вѣдь, во всякомъ случаѣ, ты, Федя, на мою смерть не могъ рассчитывать. Вѣдь, такъ пришлось бы долго ждать... Конечно, животою и смертю Богъ владѣетъ, но, вѣдь, это и къ тебѣ такъ же примѣнимо, какъ и ко мнѣ...

«Завираться, батенька, начинаешь!» подумалъ Федоръ Ильичъ, и съ упрекомъ взглянувъ на отца, сказалъ печальнымъ тономъ:

— Папенька! Вамъ не грѣхъ такъ говорить?

— Извини. Ну, извини!.. Я совсѣмъ не то хотѣлъ сказать... Ты видишь, я въ волненіи... Я хотѣлъ только спросить тебя, Федя, что ты, имѣя этотъ долгъ, на что же надѣялся относительно его уплаты?

— Вы сами назадъ тому двѣ минуты извоили сказать, что эта сумма не велика...

— Да; но вѣдь это, Федя, по отношенію къ моему капиталу... Конечно, Федя, ты мой полный наслѣдникъ, я никогда этого не скрывалъ; но вѣдь по отношенію къ твоему жалованью эта сумма, мнѣ кажется, не очень маленькая... Вѣдь пять тысячъ твое жалованье почти за два года...

— Да, это вы вѣрно сосчитали...

Онъ вздохнулъ глубоко - глубоко, точно раскаявался во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ — вольныхъ и невольныхъ.

— Такъ на что же ты, Оеда, надѣялся относительно уплаты этого долга?

Сынъ уже давно вышелъ изъ затруднительнаго положенія, и выяснилъ себѣ въ малѣйшихъ подробностяхъ дальнѣйшій планъ относительно того, что говорить отцу.

— Послушайте, папенька, началъ онъ тихимъ, ровнымъ голосомъ, медленно отчеканивая слово за словомъ:—вы случайно вызвали этотъ разговоръ, настойчиво потомъ стали требовать непремѣннаго объясненія о количествѣ моего долга... Ваше желаніе я исполнилъ, объяснилъ вамъ со всею откровенностію, какая постоянно существовала между нами, и затѣмъ этотъ разговоръ уже теряетъ всякій интересъ...

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— А то, папенька, что объ уплатѣ этого долга я васъ не просилъ. Сдѣлалъ я его самъ, и самъ я его выплачу. Слѣдовательно...

— Ну, что же? «слѣдовательно»?

— Я вамъ, папенька, уже объяснилъ, что нисколько не прошу васъ объ уплатѣ!.. Еслибы не этотъ несчастный случай, то вамъ бы, конечно, никогда не пришлось узнать о моемъ долгѣ. Я бы преспокойно его выплатилъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ изъ своего жалованья, изъ наградныхъ... Я совершеннолѣтній и за свои дѣйствія съумѣю отвѣтить самъ. Затѣмъ вамъ себя беспокоить и тревожиться...

— погоди, Оеда, погоди... Ты все не то... Ты, главное, не дуйся, да, не дуйся, продолжалъ Илья Петровичъ:—вотъ, въ самомъ дѣлѣ, ты какой человекъ, ты всегда какъ-то такъ умѣешь все поставить, что я во всемъ виноватъ остаюсь... Но согласись же, голубчикъ, въ чемъ же я теперь виноватъ, ну, въ чемъ же?

— Неужели я смѣю васъ въ чемъ-либо обвинять, даже если бы и дѣйствительно... вы были на правы.

— Трудно, Оеда, жить на бѣломъ свѣтѣ! въ великомъ сокрушеніи проговорилъ онъ, наконецъ, обращаясь къ Оедору Ильичу.

— Да, очень трудно, папенька!... Это вы совершенно справедливо замѣтили,—очень трудно.

— Тяжко! тяжко! прошепталъ Илья Петровичъ.

Въ это время они подошли уже къ террасѣ и стали подниматься по лѣстницѣ. Николай Саввичъ медленно бродилъ около стола, на которомъ былъ давно приготовленъ завтракъ.

— Ты, Оеда, пожалуйста, веди себя осторожнѣе: о томъ, что я тебѣ сказалъ,—ни-гугу: ни словомъ, ни намекомъ, торопливо прошепталъ Илья Петровичъ уже на лѣстницѣ, спохватившись, что не успѣлъ ранѣе предупредить сына объ этомъ.

Федоръ Ильичъ ничего не сказалъ въ отвѣтъ на замѣчаніе отца и только утвердительно кивнулъ головой, выразивъ на лицѣ необыкновенную серьезность, какъ будто въ сознаниіи важности сдѣланнаго Ильею Петровичемъ замѣчанія.

До прихода дѣтей Илья Петровичъ все-таки могъ хотя нѣсколько поддерживать разговоръ, но какъ только дѣти показались въ дверяхъ, выходявшихъ на террасу, онъ совсѣмъ смѣшался, завергѣлся на своемъ стулѣ и тревожно сталъ перекаладывать съ одной стороны на другую вилку, ножъ и ложку. Такое состояніе Ильи Петровича было замѣчено только однимъ Федоромъ Ильичемъ. Стараясь скрыть отъ Николая Саввича волненіе своего отца, Федоръ Ильичъ завелъ поскорѣе разговоръ, матеріаломъ для котораго послужило то, что Николай Саввичъ ничего не ѣлъ.

— Да я уже... Вы меня извините, позавтракалъ...

При этой фразѣ Илья Петровичъ нѣсколько встрепенулся. Онъ сознавалъ, что нужно необходимо что-то сказать, сознавалъ, что его молчаніе въ этомъ случаѣ въ высшей степени неделикатно; но сказать онъ не зналъ что, и только тупо взглянувъ на Николая Саввича, снова сталъ смотрѣть въ свою тарелку.

Федоръ Ильичъ поспѣшилъ на выручку родителю.

— Мы, слѣдовательно, опоздали, замѣтилъ онъ, торопливо вынимая часы, — да, почти полчаса. И васъ, обратился онъ къ дѣтямъ, заставили голодать...

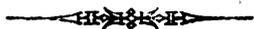
— Это для нихъ полезно... А я уже, знаете, въ этомъ случаѣ не ожидаю. Оля, вотъ, у меня только была въ сильной на васъ претензіи...

— Я уже тоже съѣла свою порцію, весело отвѣтила Оля, и принялась уписывать съ аппетитомъ поданный завтракъ, заливаясь въ то же время хохотомъ надъ тѣмъ, что завтракала во второй разъ.

Генеральша къ завтраку не выходила.

По окончаніи завтрака Николай Саввичъ имѣлъ намѣреніе удержать Илью Петровича на террасѣ и предлагалъ ему сыграть въ пикетъ; но видя, что онъ сильно разстроены, началъ — было предлагать доктора. Положеніе Ильи Петровича было достойно полнѣйшаго сожалѣнія. Кое-какъ отдѣлавшись отъ пикета и отъ доктора, онъ ушелъ во флигель и до обѣда никуда не выходилъ. Онъ рѣшилъ въ своемъ умѣ покончить съ наслажденіемъ чистымъ деревенскимъ воздухомъ и вернуться въ Кирочную, близъ Литейной.

Д. С — х — ь.

МОИ СТРАНСТВОВАНІЯ

ПО

МОНГОЛІИ

I.

Востокъ за 600 лѣтъ назадъ и теперь.—Отправленіе въ путь.—Въ дорогѣ: не-
нужныя промедленія и неприятыя приключенія.—Верблюдъ и монголь.—Но-
вый годъ.—Однообразіе мѣстностей.

Въ 1295 г. въ гавань Венеціи вошелъ корабль, на которомъ три
человѣка обратили на себя всеобщее вниманіе своимъ необыкновен-
нымъ видомъ: долгополый костюмъ, странная манера, лица заго-
рѣлыя чуть не до черноты,—все это изобличало, что они не должны
быть европейцы; но они говорили итальянскимъ языкомъ, съ
оттѣнкомъ венеціанскаго нарѣчія, хоть и съ особеннымъ харак-
теромъ въ выговорѣ. Младшій изъ нихъ былъ Марко Поло, а
остальные—отецъ его и дядя. Они возвратились съ отдаленнаго Во-
стока, гдѣ провели 26 лѣтъ. Въ такой долгой періодъ, конечно,
привелось этимъ людямъ много видѣть и испытать; ихъ разго-
воры были такъ же интересны, какъ впоследствии рассказы Хри-
стофора Колумба и его спутниковъ, и подтверждались массою
предметовъ, оттуда вывезенныхъ: тутъ были различныя ткани,
фарфоръ, чудныхъ формъ каменные издѣлія, рѣзьба изъ дерева
и изъ кости, рѣдкія растенія съ ихъ сѣменами, и между про-
чимъ компасъ, порошокъ, ассигнаціи, печатныя книги и самыя до-
ски, посредствомъ которыхъ печатали и т. д. Любопытству не

было мѣры; домъ Марко Поло сдѣлался складомъ рѣдкостей и несмѣтныхъ богатствъ, за то его прозвали *corte dei milioni*.

Это были первыя точныя свѣдѣнія объ Индіи, Тибетѣ, Монголіи, Китаѣ; о многомъ, что говорилъ Марко, мы не имѣемъ такихъ свѣдѣній до настоящаго времени, и многое, вѣроятно, скоро услышимъ отъ нашего соотечественника Пржевальскаго. Путешествіе Марко Поло безъ сомнѣнія составляетъ эпоху въ области науки, и если не прямо, то косвенно имѣло вліяніе и на такія великія открытія, какъ книгопечатаніе и употребленіе знаковь, замѣняющихъ металлическую монету.

Но съ тѣхъ поръ прошло чуть не полтысячелѣтія, и, конечно, многое и многое измѣнилось. Изъ 26 лѣтъ, проведенныхъ Маркомъ Поло внѣ своего отечества, 9 лѣтъ приходится на одни переѣзды. Отправившись Средиземнымъ моремъ и черезъ Палестину, онъ только въ 3¹/₂ года могъ достигнуть до столицы Кублайхана, и при этомъ, конечно, долженъ былъ на все то время отрѣшиться отъ всѣхъ привычекъ европейца. Теперь вы на пароходѣ достигаете любого изъ китайскихъ городовъ не болѣе, какъ въ три мѣсяца, находясь въ обществѣ своихъ людей, обруженные даже комфортомъ европейской жизни. Сухопутно черезъ всю Сибирь и Монголію вы достигнете Пекина въ 2 мѣсяца, и, чтобъ особенно не изнурить себя, можете по одному дню въ недѣлѣ употребить на отдыхъ. Вамъ не нужна тутъ ни особенная протекція великаго богдыхана, ни конвой для охраны вашей личности и вашего имущества, запасаетесь только паспортомъ да деньгами. Этотъ послѣдній путь, вонечно, сопряженъ со многими неудобствами, которыя неизбѣжны вообще при сухопутныхъ сообщеніяхъ тамъ, гдѣ еще не положены рельсы; но тѣмъ не менѣе вплоть до Кяхты вы довольно точно можете рассчитать время, не можете страдать отъ голода и холода; а тамъ, запасшись нѣкоторой провизіей, вы также можете устроиться не плохо.

Вамъ даютъ двухколесную крытую телѣжку; вы намащиваете какъ можно мягче ваше ложе, и васъ везутъ такъ же, какъ по Россіи на почтовыхъ лошадахъ, которыя смѣняются по станціямъ, и весь этотъ путь до Пекина, почти въ 1¹/₂ тысячи верстъ, совершаете въ 15 дней. Слѣдовательно, если вамъ и придется испытывать дорбгой нѣкоторыя лишенія и неудобства, то утѣшаетесь тѣмъ, что это недолго, и на пути, въ Ургѣ и въ Калганѣ, вы можете отдохнуть у европейцевъ. Съ Китаемъ у насъ теперь правильныя почтовые сообщенія; мы можемъ торговать во всѣхъ большихъ городахъ его, и во всѣхъ портахъ есть европейскіе кварталы; европейцы проникли даже въ глубь страны,

вверхъ по Голубой рѣкѣ, и имѣютъ тамъ свои чайныя плантаціи или фабрики. Однимъ словомъ, этотъ самый отдаленный Востокъ пересталъ быть для насъ темнымъ и грознымъ, сблизился съ нами или, вѣрнѣе, мы втиснулись въ него со своими порядками и со своею торговлей.

Въ этомъ отношеніи измѣненіе порядка вещей громадно. Европеецъ съ тѣхъ поръ двинулся впередъ такъ далеко, что онъ вездѣ можетъ быть какъ дома. Мы втиснулись въ Китай, насильно и вѣрнѣе связали съ нимъ свои торговые интересы, но связь эта покуда только внѣшняя; до сихъ поръ Востокъ остается Востокомъ, не вступая въ органическую связь съ остальнымъ человечествомъ черезъ объединеніе культурное, которое проявилось бы въ самой жизни. Вѣковая неподвижность и неизмѣняемость и по-сю пору остаются главнымъ наружнымъ признакомъ и основнымъ принципомъ этой жизни.

Въ Монголіи тѣ же пустыни, по которымъ бродитъ кочевникъ со своимъ подвижнымъ жилищемъ, со стадами скота, истощая природу и ничего не создавая, точно во времена Чингисхана; тотъ же верблюдъ и неуклюжая одноколка — составляютъ единственные перевозныя средства. Такъ же неподвижно стоитъ и Китай: тѣ же способы обработки земли, тѣ же мануфактуры, прежніе способы торговли и перевозки товаровъ, тѣ же принципы въ жизни семейной, общественной и политической, какіе были много столѣтій назадъ тому. Въ Китаѣ васъ не поражаютъ памятники древности, потому что рядомъ съ ними вы встрѣчаете того же самаго характера памятники новые. Вы скорѣе можете замѣтить, что во многомъ сдѣланъ шагъ назадъ, какъ, напр., самыя лучшіе фарфоры — самыя древніе, тоже и шелковыя ткани; въ литературѣ и наукѣ также упадокъ; смотря на огромныя пустыри въ Пекинѣ, разрушенныя и неисправляемыя мостовыя по дорогамъ между главными городами, вы приходите къ заключенію, что вообще благосостояніе сильно подвинулось назадъ. Въ Монголіи, гдѣ человекъ живетъ только тѣмъ, что даетъ ему природа, вы найдете также упадокъ: много озеръ и рѣкъ исчезло, больше и больше исчезаютъ тучныя пастбища, а съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшаются и стада домашняго скота; скудныя проявленія органической жизни убиваются тамъ усиливающимися засухами и все шире и дальше раскидывающимися песками.

Вы видите и тамъ жизнь, но жизнь чисто стихійную, которая проявляется только во внѣшнемъ движеніи, сопровождаемомъ сильными потрясеніями и постояннымъ разрушеніемъ.

Рядомъ съ постояннымъ истощеніемъ силъ природы, вы за-

мѣчаете. тамъ такое же постоянное усыпленіе человѣка; а тамъ, гдѣ проявляется жизнь, она выражаетъ себя вьюгами и ураганами, которые все сдвигаютъ съ мѣста, все перепутываютъ, и оставляютъ послѣ себя хаосъ и разрушеніе. Въ Монголіи, откуда-то съ вершинъ Хоанъ-хэ, разрушенные граниты и другія кристаллическія породы мелкимъ пескомъ несутся къ востоку, погребаютъ мѣстную флору, и тутъ же разносятъ сѣмена древесной растительности, которая не имѣетъ ничего родного съ окружающими мѣстностями, составлявшими дно когда-то бывшаго здѣсь моря. Благодатная низменность собственно Китая нерѣдко вся затопляется водою, и тогда разрушаются дѣла рукъ человѣка, который послѣ того гибнетъ на мѣстѣ или, скитаясь по міру безъ крова и пріюта, умираетъ съ голоду и холоду подъ заборами, среди всеобщей суеты и движенія многочисленныхъ городовъ своего отечества. Не то же ли самое здѣсь и въ исторіи человѣка? Культурное племя, создавшее когда-то весьма высокую цивилизацію, какъ пескомъ и наводненіями, покрывается наплывами новыхъ некультурныхъ народовъ, и жизнь эта глохнетъ: едва она отродится, какъ новые перевороты, новые наплывы снова душатъ ее, и наконецъ все цѣпенѣетъ и останавливается на одной точкѣ, не развиваясь, не измѣняясь, какъ неорганическое тѣло. Во всемъ здѣсь вы видите переворотъ и движеніе, которое однако не даетъ никакого толчка органической жизни. Китайцы расползаются до гранитныхъ хребтовъ Саяна и Алтая, баргуты и солонны съ береговъ Амура придвинулись къ стѣнѣ Китая, монголы поселены на берегахъ р. Сунгари, а въ самомъ Китаѣ вы найдете монгола, маньчжура, татарина и албазинскаго русскаго; все это сливается подъ однимъ наружнымъ типомъ, но полнаго, органическаго слиянія нѣтъ: это какой-то конгломератъ, который механическою силою былъ слѣпленъ, ею же можетъ и разрушиться.

Однимъ словомъ, со времени Марка Поло измѣнились только мы и измѣнили наши отношенія къ Востоку. Мы открыли себѣ новые пути и средства для эксплуатаціи его, какими не обладалъ первый его эксплуататоръ, но въ жизнь его не внесли почти ничего: Востокъ по-сю пору остался Востокомъ. Не уступаетъ онъ западно-европейцамъ, являющимся тамъ во всеоружіи цивилизаціи съ ея богатствами матеріальными и нравственными, съ проповѣдью, съ торговлею и со всевозможными изобрѣтеніями, подъ прикрытіемъ пушекъ, противъ которыхъ ему нечего выставить; еще меньше успѣха имѣемъ мы, русскіе, сильные только экстензивно: для насъ отчасти неблагоприятно такое сосѣдство, по-

тому что мы сами еще довольно слабы и не въ состояніи охранить себя отъ обратнаго воздѣйствія.

Одного только мы достигли—это свободы и нѣкоторыхъ удобствъ путешествія по этимъ, когда-то недоступнымъ, странамъ. Въ этомъ отношеніи мы прогрессируемъ чуть не съ каждымъ годомъ. Съ каждымъ годомъ путешествіе туда становится все легче; такъ-что, бывши въ Кяхтѣ, какъ будто неловко не съѣздить до Урги, которая оттуда всего въ 300 верстахъ. Въ концѣ января 1871 г. я былъ въ Кяхтѣ и въ то самое время отправлялся караванъ въ Калганъ, къ которому примкнули и меня. Мнѣ наняли верхового верблюда за 18 вирпичей чая или за 12 рублей. Мой путь былъ очень недалекій; но другіе отправлялись весьма далеко: одинъ ѣхалъ въ Ханькоу, или Шанхай, чтобъ тамъ купить чаю и отправиться съ нимъ моремъ на Амуръ; а трое молодыхъ людей ѣхали на свои чайныя фабрики, верстъ на 700 выше Ханькоу. Несмотря на такую даль путешествія и опасность положенія, въ которомъ находятся наши молодые плантаторы среди страшно густого населенія, вовсе не дружелюбно настроеннаго противъ европейцевъ, ни сборы, ни проводы не показывали этого,—какъ будто отправлялись до какаго-нибудь своего города.

Телѣги были уже во дворѣ, откуда отправлялись; мой верблюдъ, привязанный у крыльца, нетерпѣливо топтался на мѣстѣ, потому что онъ чуялъ, какъ въ это самое время караванъ уже тронулся въ ходъ. Въ самомъ веселомъ настроеніи духа находилась вся публика, какъ отправляющаяся, такъ и остающаяся; всплавули немного только двѣ дѣвушки, которыя также отправлялись въ Тянь-цзинъ въ услуженіе къ проживающимъ тамъ русскимъ агентамъ. Насилу я могъ заставить верблюда лечь, такъ ему хотѣлось скорѣе въ путь; но едва успѣлъ сѣсть, какъ онъ помчался въ догонку за караваномъ, но лишь только догналъ и сравнялся, потерялъ всякую горячность: его увлекло одно табунное свойство, онъ не любитъ ни отставать, ни удалаться отъ остальныхъ, ни впередъ, ни въ сторону.

Первый переходъ нашъ былъ не больше 15-ти верстъ, и то уже мы прихватили часа 1½ ночи. Тотчасъ поставленъ былъ *майсанъ*: это—шатеръ изъ синей дабы. Берутся два шеста съ желѣзными наконечниками и съ желѣзными же не вертящимися кольцами вверху, и ставятся одинъ отъ другого приблизительно на одну сажень; въ кольца продвѣвается длинная жердь, потомъ этотъ остовъ покрывается пологомъ, концы котораго оттягиваются, и петельками изъ веревочекъ накидываются на желѣзные клинья,

которые вбиваются въ землю. Спереди двѣ лопасти оттягиваются какъ можно дальше: это дѣлаетъ въ передней части такой просторъ, что огонь можно разводить въ самомъ майханѣ. Послѣ хорошаго и поздняго обѣда на проводахъ, намъ, конечно, было не до ужина, и мы всѣ, напившись только чаю, отправились спать въ телѣги. Къ моему благополучію и для меня оказалась телѣга, такъ какъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ остался въ Кяхтѣ праздновать аннинъ день (3-го февр.), чтобы потомъ догнать насъ на лошадахъ; этою телѣгою я и пользовался почти всю дорогу. Монголы, 10 человекъ, имѣли отдѣльный майханъ. Итакъ, всѣ предались сну; а верблюды были положены между тюками товара.

Не знаю, сколько я спалъ, но, проснувшись, я почувствовалъ, что мы ѣдемъ: ночь царилъ еще во всей силѣ; въ зашпешенныя морозомъ окна нельзя было ничего видѣть; только перебрасывало меня туда и сюда; колеса страшно гремятъ, снѣгъ хрустѣлъ и рѣзво скрипѣлъ подъ желѣзными шинами. Отворяю дверку и выхожу. Свѣтло; ясное небо усыпано звѣздами; жожакъ, держа запряженнаго верблюда въ поводу, ѣхалъ подѣтъ, и, обнявши передній горбъ своего верблюда, склонился и спать, и въ козлягѣ, т.-е. въ верхней шубѣ изъ козлиныхъ шкуръ, шерстью вверхъ, изображалъ изъ себя скорѣе вьюгъ мягкой рухляди, чѣмъ человѣческую фигуру. Свади шло до 20-ти завьюченныхъ верблюдовъ, изъ которыхъ передній привязанъ въ моей телѣгѣ, а остальные вереницей другъ за друга. Кругомъ тишина; только раздавался громъ телѣги, да слышалось мѣрное шлепанье широкихъ мягкихъ лапъ верблюдовъ; идущій за телѣгой верблюдъ пыхѣлъ, отдуваясь, потому что ноздри его сильно обмерзли инеемъ; нѣкоторые скрипѣли зубами, и этотъ скрипъ какой-то металлическій, будто скрипъ качели отъ тренья кольца о кольцо. Гдѣ же остальные?

Бужу жожака и, обладая самымъ скромнымъ занасомъ монгольскихъ словъ, съ трудомъ выражаю ему свой вопросъ. — «Ойрха», отвѣтилъ онъ мнѣ, показывая плетью впередъ, т.-е. близко. Но это близко было таково, что не было видно ничего, хотя было свѣтло, и впереди на далекое пространство шла пологая, гладкая покатъ. Мы остановились на минуту; монголъ прозябъ и слѣвъ съ верблюда, чтобы согрѣться на ходу, и тутъ только можно было разслышать отдаленный громъ телѣгъ; значить, мы приотстали немного.

Какъ ни просто дѣло, но оставаться одному было неприятно, а дѣлать ничего не оставалось, какъ лѣзть опять въ свою гробъ-

лицу и спать до разсвѣта. Непріятное впечатлѣніе производятъ эта телѣга; въ ней даже будто холоднѣе, чѣмъ на дворѣ. Но вотъ, видно, вошло солнышко; замерзшее стекло залито краснымъ заревомъ, вы не видите, однако, солнца, а только блестящій лучъ его свѣтлой полосой пробивается сквозь густой иней и освѣтилъ ваше темное жилище; даже будто теплѣе стало. Налюбовавшись свѣтомъ, вы снова предаетесь сну или, скорѣе, какой-то дремотѣ, въ которой передъ вами проходятъ воспоминанія изъ прошлаго, и въ то же время рисуются какія-то фантастическія сцены и образы, и вы не можете отдѣлится сна отъ дѣйствительности. Но вотъ телѣга не гремитъ и не скрипитъ ужъ больше; вамъ такъ пріятно и сонъ совершенно васъ такъ и давитъ; сознание, однако, борется, и черезъ нѣсколько минутъ у васъ возникаетъ вопросъ: что-жъ это?—мы стоимъ? Выхожу: дѣйствительно стоимъ. Вожака нѣтъ, нѣтъ также и половины заднихъ верблюдовъ и у моего верблюда поводъ брошенъ на землю. Вздремнулъ, значить, и жокакъ, пригнѣтый солнышкомъ, и не замѣтилъ, какъ отпѣпились задніе верблюды и отстали на версту. Такія остановки отнимаютъ времени по полчаса, и въ продолженіе дня случаются много разъ, что значительно замедляетъ ходъ, безъ надобности лишнее время, часа на два удерживая верблюдовъ подъ тяжестью вьюковъ и не оставляя почти времени для пастбы, потому что ихъ засвѣтло ужъ кладутъ по мѣстамъ. Для ѣдущихъ это тяжело страшною скукой: весь караванъ оттого разбивается, и вы цѣлый день не видите никого, кромѣ своего монгола. Не зная этого обстоятельства впередъ, я не взялъ въ свою телѣгу никакой провизіи, и это было крайне непріятно: имѣя привычку, вставши утромъ, непременно напиться чаю, не легко цѣлый день быть безъ всякой пищи. Впослѣдствіи, конечно, я бралъ съ собою какую-нибудь сухую ѣду и бутылочку чаю; но все это нужно было держать за пазухой, чтобы не замерзло. Есть въ этихъ остановкахъ и другая дурная сторона. Однажды мы спали въ телѣгѣ двое и слышимъ, что она мчится; очнувшись, мы тотчасъ сообразили, что это верблюдъ понесъ, не сдержавши, подъ гору; предпринять было ничего невозможно, какъ только пріотворить немного дверку и приготовиться въ паденью телѣги или, въ крайнемъ случаѣ, высочить. Дѣло, однако, кончилось очень благополучно: верблюдъ, своротивъ съ дороги, попалъ въ овражекъ, набитый снѣгомъ, и завязъ; тогда мы вышли, выручили его и телѣгу, и выправились на дорогу; но верблюдъ такъ напугался, что его едва можно было удерживать, и онъ все боченился. Мы еще не успѣли совершенно спуститься, какъ съ вершины горы

тѣмъ же способомъ скачетъ въ намъ другая телѣжка: дверка расхлопнулась, оборвалась съ петлей и изнутри слышался крикъ дѣвушекъ; намъ удалось забѣжать напередъ, схватить за *бурундукъ* (поводъ) и остановить верблюда.

Подобные случаи, конечно, не неизбежны, нужно только наблюдать за возжакомъ. Потому я наблюдалъ и за тѣмъ, чтобы остановки были рѣже и короче, поэтому приходилось безпрестанно выглядывать, не отвязались ли задніе верблюды, что дѣлается очень легко, такъ какъ поводъ не привязывается, а только затыкается за что-нибудь и при малѣйшей остановкѣ верблюда вытягивается, а въ противномъ случаѣ онъ разрывалъ бы ноздри. Самъ же монголъ крайне невнимателенъ: онъ или спитъ, сидя, или просто идетъ, не оглядываясь назадъ, а если сзади его никого нѣтъ, то некому и указать, что отвязались верблюды. Особенно этимъ качествомъ отличался мой возжакъ, и потому мы съ нимъ вѣчно были задніе, и приходили на станъ по крайней мѣрѣ получасомъ позже. Бывало такъ досадно станеть, выскочишь, укажешь и тутъ же обругаешь, какъ только сможешь по-монгольски; а онъ такой добродушный, что тотчасъ же обращается съ разговоромъ, или начнетъ по-русски считать «одинъ, два, три» и т. д., такимъ образомъ отъ скуки у насъ шло взаимное обученіе. Нельзя не относиться снисходительно въ тому, что возжаки всю дорогу дремлютъ; вѣдь имъ приходится почти не спать ночью. Мы становимся довольно поздно; развьючивши и отпустивши верблюдовъ пастись, монголы принимаются желѣзными лопатами соскребать снѣгъ тамъ, гдѣ должны ночью лежать верблюды; расчистить родъ дорожекъ между лежащими по обѣ стороны вьюками. Потому идетъ варенье чая и мяса, а въ тому же кое-что пооборвется во вьюкахъ и у телѣгъ, такъ что мы бывало насидимся въ майханѣ вдоволь и идемъ ложиться спать, а они все еще не спятъ, поднимаются же раньше полуночи. Это, впрочемъ, обстоятельство только смягчаетъ приговоръ, а не оправдываетъ вполне. Мы были въ ходу постоянно часовъ 14 и до 17, а уходили всего отъ 40 и до 50 верстъ, тогда какъ на проходъ того самаго разстоянія нужно не болѣе 12 часовъ, въ чемъ я убѣдился на опытъ, когда ходилъ съ русскимъ караваномъ; тогда больше времени было бы у нихъ для отдыха, а у верблюдовъ для пастбы.

Здѣсь позвольте сказать нѣсколько словъ о верблюдѣ, этомъ несчастномъ животномъ, истинномъ благодѣтелѣ сына пустыни, испытывающемъ, однако, отъ него много страданій и неправдъ; да и натуралисты-зоологи, какъ, напр., Брэмъ, относятся къ нему крайне несправедливо, называя его глупымъ, а нравъ его злымъ

и упрямымъ. Это неправда. Умъ животныхъ проявляется въ ихъ инстинктѣ, а этотъ инстинктъ въ верблюдѣ нерѣдко спасаетъ какъ его, такъ и человѣка: онъ имѣетъ необыкновенную способность отыскивать воду и хорошій кормъ, иногда за цѣлый переходъ, верстъ въ 20 по крайней мѣрѣ; онъ предчувствуетъ вьюгу, и если утромъ онъ не поднимается, то ожидайте ея, а какъ скоро ударила вьюга, они всё будутъ лежать, сбившись въ кучу, хотя бы вьюга длилась нѣсколько сутокъ, сознавая, что идти въ это время—значитъ выбиться изъ силъ напрасну и въ концѣ-концовъ замерзнуть, тогда какъ другія животныя въ это время сбѣгутъ и, конечно, погибаютъ. Онъ пугливъ при какой-нибудь неожиданности, но очень скоро, всмотрѣвшись внимательно, преодолеваетъ этотъ страхъ; взглядъ у него чрезвычайно умный, онъ будто хочетъ проникнуть въ самую глубь. Какъ примѣръ глупости, приводятъ то, что, увидѣвши волка, который ватается передъ нимъ, онъ протягиваетъ къ нему шею и обнюхиваетъ, а тотъ въ это время хватается его за горло и душитъ. На это замѣтимъ, что вообще у плотоядныхъ слишкомъ много хитрости и коварства, чѣмъ травоядныя не обладаютъ, и волкъ всегда умѣетъ обмануть и лошадь, и быка, и дикихъ оленя, изюбря и др. Золъ онъ бываетъ только одно время, когда бываютъ также злы и неистовы и другія животныя; но тогда и видно, что съ нимъ происходитъ что-то необыкновенное: онъ не ѣстъ почти ничего цѣлый мѣсяць, съ затылка у него выходитъ какое-то смолистое вещество, у рта пузырями и клубами вздувается пѣна; тогда онъ выдвигается на человѣка и на другое крупное животное, чтобъ не подошли къ его самкамъ; но точно также злы въ это время дикій козелъ, олень, изюбрь, которые въ ярости иногда убиваютъ своихъ самокъ. Есть однако въ большей или меньшей степени злые и коварные и между верблюдами, и это такъ и выражается въ его фizioноміи. Если онъ во время хода отвѣщиваетъ нижнюю губу и прямо поворачиваетъ къ вамъ голову, когда проходите мимо, не бойтесь: этотъ никогда ничего не сдѣлаетъ вамъ, хоть и будетъ ревѣть, какъ только вы приблизитесь къ нему. Другой, напротивъ, подбираетъ нижнюю губу и плотно сжимаетъ её съ верхнею, за вами слѣдитъ только глазами, не измѣняя положенія головы: его берегитесь, когда проходите, онъ какъ разъ шлепнетъ васъ заднею лапою наотмашъ, хотя бы вы были нѣсколько въ сторонѣ, а передними собьетъ и будетъ топтать, или хватить зубами. Это, однако, случается очень рѣдко, потому что и злой на такую штуку не рѣшается, если видитъ въ человѣкѣ смѣлость и умѣнье подойти. Невыносимъ онъ тѣмъ, что всякій

разъ, какъ только подходите къ нему, чтобъ взять, или какъ только заставляете лечь, чтобъ сѣсть, онъ невыносимо кричитъ и показываетъ намѣреніе обдать васъ жвачкой; но если вы идете смѣло, онъ не оплюётъ васъ и останется при одномъ намѣреніи, а кричитъ онъ вслѣдствіе той боли, которую ему приходится испытывать отъ дерганья поводомъ, продѣтымъ сквозь переносе. Эта рана почти никогда не заживаетъ, потому что разверзается постояннымъ дерганьемъ: часто у бѣднаго животнаго отъ этого дерганья струится кровь изъ носа, иногда гниётъ носъ, и тогда вы издали слышите вонь; каково же терпѣть. Какъ ни больно это, однако иногда онъ такъ выбивается изъ силъ, что ложится на ходу, хотя бы привелось разорвать носъ; онъ только взвизгнетъ. А до какого изнуренья его доводятъ! Можно положительно сказать, что верблюды у монгола цѣлую зиму ничего не ѣсть. Возьмемъ нашъ караванъ, въ которомъ было болѣе 200 верблюдовъ: штукъ полтора завьюченные, а остальные заводные, для смѣны. Верблюды эти пришли изъ Калгана и въ Кяхтѣ простояли дня 4 безъ корма; мы, отѣхавши 15 в., остановились ночью и пастись не пускали ихъ вовсе; затѣмъ трогались въ путь всегда съ полночи; шли часовъ до 4 пополудни, иногда больше; на пастьбу имъ давалось не больше 2 часовъ, а иногда меньше; кормъ по караванному тракту страшно сбитъ, тамъ-сямъ мотается кое-какая былочка, и притомъ было довольно снѣжно. Ночь они непременно должны лежать и пережевывать жвачку: этотъ отдыхъ, говорятъ, для нихъ нужнѣе пастьбы. Въ 7 дней хода до Урги мы случайно имѣли одну дневку. И такъ верблюдъ проводитъ всю зиму, вслѣдствіе чего видъ его претерпѣваетъ такого рода измѣненія: горбы, которые у сытаго верблюда, стоятъ, какъ кочки, и такъ тверды, что вы ощупываете въ нихъ что-то твердое—въ родѣ кости или, по крайней мѣрѣ, хряща, сначала дѣлаются мягче и сваливаются, будто сложенные, потомъ свѣшиваются, какъ порожніе мѣшки, а наконецъ, и вовсе исчезаютъ, и спина тогда представляетъ выгнутый хребетъ, и на мѣстѣ горбовъ только два махорка длинной шерсти, а иногда вся она избита въ раны и раны на самомъ верху съезныя: страшно смотрѣть на него! Въ такомъ состояніи я видѣлъ верблюдовъ въ Калганѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ дней привязанныхъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, безъ корма и будто забытыхъ хозяиномъ. Наши верблюды были такъ истощены, что когда приходили на станъ и развьючивали ихъ, то они не торопились на пастьбу, а стояли, будто отуманенные, и шли пастись тогда только, когда ихъ отгоняли. А тутъ на бѣду налетаютъ стаей черные

вороны, садятся на нихъ и расклевываютъ горбы; верблюды отъ боли жметса и уходитъ, но не смѣетъ согнать его мордой, боясь, что тотъ сейчасъ клюнетъ его въ глазъ своимъ, какъ желѣзо, твердымъ клювомъ. Дорогой нѣкоторые верблюды ложились подъ вьюками, и ужъ никакими усилиями не могли ихъ поднять, потому что это происходило отъ окончательнаго истощенія; тогда ихъ замѣняли другими, запасными; иногда монголы перемѣняютъ верблюдовъ на серединѣ пути: это бываетъ только въ веснѣ. Бромъ истощенія, верблюды легко можетъ охромать, порѣзавши свою мягкую лапу объ ледъ или острый камень, а иногда просто по твердой дорогѣ стираетъ подошву до крови, — тогда его, конечно, перемѣняютъ. Съ однимъ верблюдомъ у насъ случилось что-то другое: у него сдѣлалась опухоль на передней лопаткѣ. Когда увидѣли, что онъ не въ состоянн иди подъ вьюкомъ, его развьючили, а прибывши на станъ, принялись лечить, и лечение это было оригинальное и варварское. Его повалили и вырѣзали опухоль, сдѣлавши рану въ $\frac{1}{2}$ квадратной четверти, оказался какою-то жиръ и гной; они дорѣзались до самаго мяса съ кровью, потомъ взяли соотвѣтственной величины лоскутъ войлока, намазали чѣмъ-то и пришили иглой. Верблюдъ этотъ сдѣлалъ еще одинъ переходъ порожній; но тамъ уже не пошелъ пастись и все лежалъ на стану, вытянувши шею, какъ обыкновенно вытягиваютъ, когда спятъ, и стоналъ. Его покрыли вольеями, для того ли, чтобъ согрѣть, или чтобъ не видѣть его предсмертныхъ мукъ. Такъ онъ и кончился.

По такому обращенію съ животнымъ, можно подумать, что монголы вообще жестоки нравомъ. Наоборотъ: онъ боится кровопролитія; въ Монголіи почти не слышны убійства и даже другаго рода насилія очень рѣдки. Отчасти причина этого заключается въ ихъ трусости; но вообще монголы не сварливы и не скоры на драку, какъ китайцы; у нихъ рѣдко встрѣтите жестокое обращеніе родителей съ дѣтьми или мужа съ женою; животное онъ любить и жалѣетъ, но при случаѣ безжалостно заставляетъ терпѣть, потому что и самъ терпитъ; варварскій способъ леченія одинаково примѣняется и къ человѣку. Ихъ ламское леченіе состоитъ въ лекарствахъ очень сильныхъ и въ операціяхъ; послѣднія особенно ужасны. Мало того, что вырѣзываютъ различные прыщи и нарывы, прижигаютъ раны, они, раскаливши до-бѣла желѣзный пруть, проваливаютъ имъ мышцы рукъ и шеи, и дѣлаютъ заволоки; при этомъ, конечно, иногда больной умираетъ не отъ болѣзни, а отъ леченія, какъ и тотъ несчастный верблюдъ.

Какъ бы то ни было, а леченіе и смерть верблюда произ-

вели на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе; намъ непріятно было видѣть даже лекаря, который такъ варварски рѣзалъ бѣдное животное, и навѣрное былъ причиною его смерти. Но тотчасъ же мнѣ привелось лечитъ того самого ламу-лекаря. Отъ небольшой ранки у него облѣзла вся передняя часть горла и гноилась: былъ ли то мокрый лишай или другое чтó, я не знаю, но у меня въ то время на бѣду не было никакихъ лекарьствъ, кромѣ туалетнаго уксуса. Полагаясь на его дезинфицирующее свойство, я прибѣгнулъ къ нему, и предупредилъ своего пациента, что отъ него будетъ очень больно; онъ рѣшился, и дѣйствительно боль была жестокая, но, стиснувъ зубы, онъ терпѣлъ, и всякій разъ, какъ становились, приходилъ за леченіемъ, и требовалъ, чтобы я дѣлалъ это непременно самъ, никакъ не довѣряя никому другому, ни себѣ: у нихъ есть вѣра, что лекарьство дѣйствуетъ только прямо изъ рукъ врача. Дѣйствительно, болѣзнь прошла, и послѣ онъ, найдя меня въ Кяхтѣ, подарилъ мнѣ табакъ, трубку и китайскихъ пряниковъ, и выпросилъ еще того же лекарьства.

Вообще путешествіе при большихъ переѣздахъ очень непріятно; оно особенно непріятно въ Монголіи, да еще зимой. Съ остальными товарищами вы разлучены, наблюдать по дорогѣ нечего, и остается—лежать въ телѣгѣ, испытывая тряску и скуку, въ какомъ-то полуснѣ; тѣмъ пріятнѣе добраться до стана. Тутъ мы обыкновенно проводили время вмѣстѣ до самого отправленія. Однажды мы не тронулись съ мѣста ночью и остались до утра. Утромъ, когда мы уже пили чай, къ намъ въ майханъ торопливо вошли всѣ наши монголы и поочередно, пожимая намъ руки, твердили: «сай, сай, сай!»¹⁾ Сначала мы не поняли ничего, а потомъ объяснилось, что въ этотъ день насталъ новый годъ (кажется 6 февраля). Мы угостили ихъ водочкой и чаемъ, а потомъ были приглашены къ нимъ, гдѣ насъ также угостили пельменями, мясомъ, чаемъ и китайскими пряниками. По этому случаю была днѣвка, цѣлый день шло угощеніе, монголы были веселы и пѣли пѣсни, а намъ, признаться сказать, было далеко не такъ весело, и только къ вечеру оживило насъ прибытіе спутника, остававшагося въ Кяхтѣ.

Путешествіе по караванному пути скучно еще тѣмъ, что онъ совершенно безлюденъ и гораздо однообразнѣе, такъ-называемаго, почтоваго тракта. Здѣсь живутъ только бѣдняки, у которыхъ нѣтъ почти скота, потому что здѣсь кормъ весь выбитъ караванами; живутъ они только тѣмъ, чтó даютъ имъ проѣзжающіе за

¹⁾ Полная фраза: „мэнду сай!“—добраго здоровья!

какія-нибудь услуги или просто въ видѣ милостыни. Сплошь и рядомъ подползаетъ какой-нибудь безногій или подвозятъ на салазкахъ больного ребенка и просятъ пищи, одежды и лекарствъ; сахаръ и сухари въ этомъ случаѣ играютъ роль лекарства.

Кое-гдѣ попадаются перевалы черезъ горы, пологіе, впрочемъ, и не крутыя; но вообще здѣсь долины очень широкія, хребты отстоятъ далеко; рѣки, покрытыя льдомъ и снѣгомъ, также не придаютъ разнообразія; только за половину дороги приходится переваливать хребетъ Манха-тай, который вполне носитъ характеръ горной мѣстности: дорога идетъ по камню, по бокамъ торчатъ скалы, кругомъ лѣсъ; верблюды не могли тащить телѣги, и потому перевалъ этотъ дѣлается на быкахъ, для чего здѣсь постоянно живутъ нѣсколько юртъ и берутъ за провозъ рубля по два съ телѣги.

На восьмой день мы вступили въ долину р. Толы, гдѣ я долженъ былъ расстаться со своими спутниками.

II.

Географическое положеніе Урги.—Ея религіозное и политическое значеніе въ сѣверной Монголіи.—Исторія ея возвышенія.—Исторія нашихъ сношеній съ Монголіей и Китаемъ черезъ Ургу.—Начало и характеръ нашей торговли съ китайцами.—Характеръ нашихъ отношеній вообще къ китайской имперіи и подвластнымъ ей землямъ.

Урга лежитъ почти подъ 48° с. ш., въ 300 верстахъ къ югу отъ Кяхты и составляетъ главный городъ сѣверной Монголіи, иначе называемой Халха и состоящей изъ четырехъ ханствъ, или княжествъ. Они находятся въ вассальной зависимости отъ пекинскаго двора, т.-е. не платятъ ему никакой дани и управляются своими собственными князьями и другими родовыми начальниками на основаніи особеннаго уложенія, и только эти родовые начальники ихъ, или князья различныхъ степеней, получаютъ отъ китайскаго правительства извѣстное жалованье, за полученіемъ котораго ежегодно ѣздятъ въ Пекинъ, причемъ представляютъ императору различные подарки въ знакъ своего вѣрнопопданничества. Поѣздки такого рода со всѣми сопряженными съ ними расходами не легко ложатся на все монгольское населеніе. Однажды нашему каравану понадобилось купить нѣсколько верблюдовъ въ Кэрэлюнѣ (гор. въ восточной части Халхи), и этого невозможно было сдѣлать, потому что лучший скотъ былъ отобранъ для подарковъ ихъ княземъ, *бэйсомъ*, незадолго передъ

нами отправившимся въ Пекинъ для поздравленія богдыхана съ новымъ годомъ и за полученіемъ жалованья. Монголы, конечно, не имѣютъ права, помимо китайскаго правительства, входить ни въ какія международныя отношенія, но во внутреннія дѣла оно прямо не вмѣшивается и только наблюдаетъ за исполненіемъ законовъ черезъ монгольскихъ же чиновниковъ; а въ главныхъ городахъ имѣетъ своихъ высшихъ чиновниковъ, *амбаней*, изъ маньчжуръ, обязанность которыхъ слѣдить за политическими дѣлами и главнымъ образомъ за монгольскими ханами и ихъ отношеніями къ Россіи.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи, въ полной прямой зависимости отъ пекинскаго двора и его чиновниковъ изъ маньчжуръ—находятся живущіе на югѣ монголы-чахары, также какъ *солны*, *баргу*, *дахуры* и другіе народцы, живущіе въ сѣверовосточномъ углу Монголіи, между Маньчжуріею и Сибирью.

Четыре халхасскія княжества расположены по надъ сибирской границей въ слѣдующемъ порядкѣ отъ запада къ востоку: сначала противъ енисейской границы идутъ владѣнія *Сайнъ-ноина*, затѣмъ противъ Иркутской губерніи—*Тушету-хана*, и съ Забайкальемъ граничатъ земли *Цецень-хана*, а четвертое *Дзасакту-хана*, не прикасаясь къ сибирской границѣ, идетъ къ югу отъ упомянутыхъ трехъ.

Мы не скажемъ ничего ни о пространствѣ этихъ ханствъ, ни о числѣ жителей, потому что для этого нѣтъ никакихъ точныхъ данныхъ; замѣтимъ только, что если считаютъ пространство всей Монголіи болѣе 60,000 кв. миль съ 3,000,000 жителей, то эта часть есть самая обширная по пространству, но наименѣе населенная, и тутъ населеніе больше всего собирается по окраинамъ, самая же середина пустынна, вслѣдствіе непріютности страны и отдаленности отъ другихъ болѣе промышленныхъ народовъ.

Ургá находится собственно во владѣніяхъ Тушету-хана; по отношенію къ остальнымъ ханствамъ она довольно центральна, но особенное значеніе придаетъ ей географическое положеніе. Отъ нея къ востоку и къ западу берутъ начало рѣки, принадлежащія двумъ обширнѣйшимъ бассейнамъ—Енисея и Амура. Если главный склонъ этой мѣстности тотъ же, что въ Сибири, т.-е. сѣверный, то обиліе рѣкъ и долинъ среди горъ со всевозможными направленіями придаетъ ей разнообразный характеръ и даетъ возможность выбора мѣста. Горы, наполняющія это пространство, болшею частію пологія и невысокія, раздѣлены широкими долинами, представляющими иногда видъ обширныхъ рав-

нинь; сѣверные склоны ихъ покрыты лѣсомъ, на югъ стелятся травяныя степи; посрединѣ протекають большія рѣчки: Тола, Орхонъ, Иро, Баянъ-голь и др., текуція въ Селенгу, обильныя рыбой, и разливами утучняющія отлогія береговья пространства. При этомъ множество маленькихъ долинъ съ рѣчущками и ключами, защищенныхъ отъ суровыхъ вѣтровъ, даетъ пріютъ на зиму. Здѣсь, въ уютныхъ уголкахъ, въ полугорьяхъ размѣщаются кочевники кучвами отъ 10 до 12 юртъ со стадами крупнаго и мелкаго домашняго скота, который цѣлую зиму бродитъ здѣсь по густымъ, высокимъ *ветошамъ* ¹⁾, не нуждаясь ни въ сѣнѣ, ни въ пригонѣ. Выдаются такія мѣстечки, что цѣлую зиму почти не бываетъ снѣга, и такъ тепло, что въ февралѣ можно ходить по двору безъ шубы, и совершенно забывается близость Сибири. Кое-гдѣ встрѣчаются здѣсь полосы вспаханной земли, и не можетъ быть сомнѣнія, что здѣсь никакъ не меньше задатковъ для развитія земледѣлія, чѣмъ у насъ въ Забайкальѣ или въ южной части Иркутской губерніи.

Совсѣмъ другое представляетъ мѣстность къ югу отъ Урги. Тутъ вы уже расстаєтесь съ горами и рѣчками, и вступаете въ степь ровную, однообразную, съ тощею растительностію и скуднымъ орошеніемъ. Соленыя озера и жалкіе ключи—вотъ и все, да и тѣ постоянно высыхаютъ или изсыкають, уходя въ землю. Этотъ недостатокъ воды на поверхности вознаграждается тѣмъ, что вездѣ почти на незначительной глубинѣ можно вырыть колодезь. Далѣе къ востоку мѣстность нѣсколько живѣе: она разнообразится увалами и холмами, между которыми пробиваются наверхъ даже небольшія рѣчки, текуція иногда верстъ на 50 и больше и, въ концѣ-концовъ, все-таки уходящія въ землю; и тамъ тоже собирается населеніе въ кучку, но такихъ мѣстъ очень немного, и за то тамъ же есть цѣлыя огромныя полосы, гдѣ все пространство усѣяно скалами гранита и лавы, которыя издали кажутся городками или собраніями юртъ, а вблизи вы увидите вездѣ одинъ камень въ глыбахъ и валунахъ, и между ними трава идетъ не сплошнымъ ковромъ, а пробивается пучками: мрачный, унылый видъ придаетъ этотъ вездѣ сѣрѣющій камень и безъ того невеселой однообразіемъ своимъ мѣстности.

Добавьте къ этому значительную высоту этой обширной плоскости, ея беззащитность отъ вѣтра, откуда бы онъ ни подулъ, что дѣлаетъ ее открытымъ полемъ для бушеванья вьюгъ и мятелей, и наконецъ по всему ея протяженію съ запада на востокъ пе-

¹⁾ Оставшаяся отъ лѣта, нескормленная скотомъ трава.

ресыпъ изъ переноснаго песка, шириною во сто верстѣ, и вамъ во всей наготѣ представится неприятность и неприглядность такой мѣстности.

Понятно послѣ этого, что вся жизнь Монголіи сосредоточивается на ея окраинахъ, съ одной стороны ближе въ Китаю, съ другой—въ Россіи. Кромѣ Урги, почти на той же параллели помѣстились Улясутай на з. и Кэрэлюнь на в., но Урга остается самымъ важнымъ пунктомъ. Когда мы шли съ караваномъ (Бутина и Першина, въ 1872 г.) изъ Калгана прямо на нерчинскую границу, намъ привелось дней 10 идти безъ дороги, и въ то же время намъ привелось пересѣчь нѣсколько поперечныхъ дорогъ, которыя всѣ вели въ Ургу или *Богдокурэ*, какъ ее называютъ монголы въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ дорогъ идутъ отъ границъ Маньчжуріи и отъ различныхъ проходовъ въ китайской стѣнѣ, тогда какъ въ Кэрэлюну, лежащему въ восточной части, по которой мы и шли, попалась настоящая дорога только за два дня.

Такое значеніе, однако, Урга приобрѣла не въ слишкомъ давнее время; когда именно — мы не можемъ сказать, но, вѣжется, съ того времени, какъ русскіе заняли Сибирь; то же можно сказать и о Кэрэлюнѣ, который въ концѣ XVII столѣтія, какъ городъ, вовсе еще не существовалъ.

Кромѣ географическаго положенія, ей помогли, конечно, и ея отношенія къ Россіи. До занятія Сибиря русскими, сношенія монголовъ съ ея туземцами другой расы ограничивались обмѣномъ мѣховъ на китайскія произведенія, которыхъ не было еще въ изобиліи и въ Монголіи; поэтому торговли, можно сказать, не было никакой. Русскіе же явились съ своими мануфактурными товарами, съ свинцомъ и порохомъ, кораллами, бусами и различными бездѣлушками, служащими для украшенія въ мужскомъ и женскомъ костюмѣ, съ металлическими издѣліями и т. д. Это больше привлекло сюда и китайцевъ, которымъ открылась возможность приобретать пушнину гуртомъ, а не собирать по улусамъ и юртамъ, сбывать свои произведенія, между которыми впоследствии занялъ такую важную роль чай, и, кромѣ пушнины, приобретать отъ русскихъ нѣкоторые изъ мануфактурныхъ товаровъ, а потомъ благородные металлы и главнымъ образомъ серебро.

Торговое значеніе Урги обратило на нее вниманіе ламъ: она дѣлается религіознымъ центромъ, мѣстопребываніемъ одного изъ *кутухтэ*, послѣ тибетскаго *далай-ламы* высшихъ представителей

Будды на землѣ; а затѣмъ она дѣлается и центромъ правительственнымъ.

Назвавши Ургу городомъ, я долженъ, однако, сдѣлать къ этому оговору. Городовъ въ смыслѣ европейскомъ и даже въ смыслѣ китайскомъ у монголовъ нѣтъ. Ихъ города не что иное, какъ скопленіе народа, преимущественно ламъ, вокругъ *дацановъ*, или монастырей, и носятъ названіе *курэ*. Во всей Монголіи вы не найдете ни одного города, въ которомъ не было бы большого дацана и не преобладало бы ламское населеніе. Къ дацану съ его ламскимъ населеніемъ приселяются простые монголы, предлагая ему свои услуги и получая за то какое-нибудь вознагражденіе, иногда состоящее въ одномъ скудномъ пропитаніи. Тутъ же непременно пристроятся китайскіе торговцы. Они живутъ или временно, наѣздомъ, — тогда разбиваютъ всякій разъ *майханъ* или палатку; или постоянно, съ отлучками въ Китай за товаромъ, — тогда устраиваютъ дома, гдѣ есть лѣсъ, деревянные, а гдѣ лѣса нѣтъ, изъ камня и изъ глины, мазанки; иногда живутъ въ войлочныхъ юртахъ, а для склада товаровъ устраиваютъ амбарчики. При особенно выгодномъ торговомъ положеніи мѣста, китайцы селятся цѣлыми торговыми слободами или городками, которые и называются *майма-ченъ*. Если мѣстность имѣетъ важность политическую, то тутъ же тогда сосредоточивается и правительство, и тогда оно называется *урб*; слово это, впрочемъ, весьма рѣдко услышите, потому что въ каждомъ городѣ на первомъ планѣ его религиозное значеніе. Самые важные пункты въ торговомъ и политическомъ отношеніяхъ стараются имѣть своего *кутухту*, и тогда уже окончательно опредѣляется роль города. Тогда къ нему собираются по временамъ массы народа съ дарами и вѣладами, въ немъ скопляются огромныя богатства, онъ пріобрѣтаетъ нѣчто въ родѣ вѣрностныхъ, которые платятъ ему дань, стерегутъ его стада и исполняютъ различныя повинности.

Таковъ характеръ ламскаго буддизма, что всякій, исповѣдующій его и желающій сдѣлаться буддистомъ въполнѣ, долженъ быть ламой; это высшій идеалъ, къ которому долженъ стремиться каждый монголъ; поѣтому и монгольскіе князья добивались чести попасть на высшій религиозный постъ; но тогда они являлись слишкомъ сильными соперниками власти китайскаго правительства, вслѣдствіе чего правительство постаралось преградить имъ этотъ путь.

Здѣсь мы должны воснуться исторіи ургинскаго кутухты, съ которымъ тѣсно связана роль Урги.

Намъ нѣтъ надобности разбирать, когда и какъ распростра-

нился буддизмъ въ Монголіи; достаточно того факта, что въ половинѣ XVII столѣтія буддизмъ имѣлъ такую силу, что всѣ монгольскіе князья непременно хотѣли имѣть кутухту у себя, изъ своего рода. Въ 1657 г., по смерти Алтанъ-хана, старшій сынъ его Лобзанъ Тушету-ханъ наслѣдовалъ его свѣтскую власть, а младшій его братъ Джибзанъ-дамба сдѣлался кутухтой. Въ другомъ ханствѣ былъ другой кутухта Галданъ, сынъ Дзасаку-хана. Началась распря за первенство. Дзасаку-ханъ отправилъ посла въ Тушету-хану съ требованіемъ, чтобы братъ его добровольно отказался отъ соперничества, угрожая въ противномъ случаѣ прибѣгнуть къ силѣ. Тушету-ханъ отрубаетъ голову посланнику, привязываетъ ее къ хвосту лошади и велитъ такимъ образомъ отвезти ее къ Дзасаку-хану съ отвѣтомъ, что лучшаго извѣстія онъ не могъ ему дать. Тогда Галданъ отправился въ Тибетъ и просилъ далай-ламу снять съ него санъ кутухты и вообще духовное званіе, которое не позволяло ему взяться за оружіе. Далай-лама отвѣтилъ ему, что онъ самъ знаетъ, какъ долженъ поступить. Послѣ таковаго отвѣта Галданъ самъ сложилъ съ себя духовный санъ и сдѣлался ханомъ, принявъ титулъ *бошохту*, присвоенный только потомкамъ Чингисъ-хана. Затѣмъ начинается война. Объ этой войнѣ рассказываютъ ужасы. Галданъ вездѣ побѣждалъ, и Тушету-хану ничего не оставалось, какъ признать подданство императору Канси, въ то время прославившему себя завоеваніями, чтобъ получить его помощь. Дѣйствительно, съ помощью китайскаго войска, состоявшаго изъ дахуръ и монголовъ южныхъ *аймаковъ* (областей), подъ предводительствомъ лучшихъ полководцевъ императора-завоевателя, Тушету-ханъ сталъ одерживать верхъ, и Галданъ былъ отгнѣненъ на западъ въ Зюнгарию. Появленіе самого Канси докончило пораженіе Галдана. Въ 1696 г., въ іюнѣ мѣсяцѣ, китайскій полководецъ Фянгу разбилъ его при горѣ Терелци: жены и дѣти Галдана со множествомъ военачальниковъ были взяты въ плѣнъ; Галданъ, какъ рассказываютъ, умеръ съ горя или отравился; а халхасы съ тѣхъ поръ должны были признать надъ собою высшую власть китайскаго императора ¹⁾.

Съ тѣхъ поръ китайцы управляютъ и сѣверной Монголіей, какъ давно уже управляли ея южною окраиной. Монголы слишкомъ пассивны для того, чтобъ что-нибудь предпринять противъ этого господства, да имъ нѣтъ въ томъ и надобности; князья же ихъ каждый порознь слабы, а для дружнаго дѣйствія всѣхъ вмѣстѣ

¹⁾ Свѣдѣнія эти взяты изъ «Путешествія въ Китай черезъ Монголію въ 1820 и 1821 годахъ», Тимковскаго.

нужно, чтобы что-нибудь ихъ соединяло. Единственное всеяльное лицо въ Монголіи—кутухта, который можетъ соединить князей и за которымъ пойдетъ весь народъ. Поэтому китайское правительство обращаетъ особенное вниманіе на него, и—главное, постаралось регулировать его выборъ въ смыслѣ выгодномъ для себя.

Когда кутухта умираетъ, то душа его тотчасъ же переселяется въ другого человѣка, именно въ младенца, родившагося въ тотъ самый моментъ, когда кутухта испустилъ послѣдній вздохъ. Определить моментъ послѣдняго вдоха и сообразно съ тѣмъ отыскать новорожденнаго—все это зависитъ отъ ламъ, которые и пользуются этимъ для своихъ выгодъ. Но правительствомъ определено, что кутухта не можетъ родиться въ семействѣ, находящемся въ родствѣ съ далай-ламой и со старшимъ ламой *банченг-эрдэни*, а также у родственниковъ монгольскихъ хановъ и князей различныхъ степеней, *тайдзиевъ* (знатныхъ родоначальниковъ) и главноначальствующихъ надъ дивизіей (*цусайда*). Лица, на которыхъ лежитъ обязанность доносить правительству о смерти стараго кутухты и находить новаго, въ случаѣ несоблюденія этого условія, подвергаются жесточайшему наказанію. Такимъ образомъ, предварительно выбираютъ нѣсколько мальчиковъ кандидатовъ, изъ которыхъ одинъ дѣлается кутухтою по жребію. Выборъ этотъ производится въ Тибетѣ далай-ламой при главномъ представителѣ китайскаго императора, а въ Пекинѣ—старшимъ членомъ палаты вѣшнихъ сношеній съ главнымъ пекинскимъ кутухтой¹⁾. При этомъ продѣлываются различныя фокусы, напр., ребенку подають нѣсколько волоколычиковъ или другихъ вещей, изъ которыхъ одна была любимую у стараго кутухты, и новый кутухта какъ разъ потянется къ этой вещи, и т. п. Ургинскій кутухта назначается непременно въ Тибетъ; тамъ онъ получаетъ первоначальное воспитаніе, а послѣ его привозятъ въ Ургу, гдѣ довершаютъ его ламы. За нимъ обыкновенно отправляется изъ Урги многочисленное посольство; въ послѣднее время, вотъ уже четыре года, посольство не можетъ достигнуть Тибета вслѣдствіе того, что на границахъ его бродятъ мятежники, и Урга остается безъ кутухты. Ко всему этому добавляють, будто по внушенію китайскаго правительства составили нѣчто въ родѣ догмата, что кутухта долженъ быть *точно юный*, и потому, какъ скоро достигнетъ 20-ти лѣтъ или немного больше, долженъ непременно умереть, и будто въ

¹⁾ О выборѣ кутухты см. „Уложеніе китайской палаты вѣшнихъ сношеній“, перев. съ маньчжурск. С. Липовцева. 1828. Т. II, ч. IV, §§ 34—37.

этомъ случаѣ прибѣгаютъ къ насилію. Это, конечно, молва, и сложилась она, кажется, недавно, потому что послѣдній кутухта умеръ очень молодымъ, и почему-то между монголами прошла молва, будто его отравили. Извѣстно, однако, что были кутухты, которые доживали до старости. Да и врядъ ли онъ лично можетъ быть опасенъ: все воспитаніе его должно быть такое, что онъ не можетъ выступить самостоятельнымъ политическимъ дѣятелемъ, и онъ очень стѣсненъ окружающими его ламами; онъ скорѣе можетъ быть орудіемъ ламъ, какъ автоматъ, для чего все равно, будетъ онъ молодой или старый. А главные ламы, все равно, какъ и князья получаютъ отъ китайскаго двора жалованье и пользуются особенными знаками его вниманія: имъ хорошо жить и при китайскомъ правительствѣ.

Какъ бы то ни было, а кутухта стоитъ выше всѣхъ властей. Простые монголы смотрятъ на него, не какъ на высшее духовное лицо, а какъ на настоящаго Бога и возсылаютъ къ нему молитвы, называя богомъ «*мыэномэ*». Ургинскимъ кутухтамъ за особенныя услуги, оказанныя однимъ изъ нихъ китайскому правительству, полагаются особенныя почести при пекинскомъ дворѣ¹⁾, какихъ не оказываютъ другимъ кутухтамъ. Кромѣ складовъ серебра и разныхъ драгоценностей, огромныхъ табуновъ скота и множества другихъ доходовъ, постоянныхъ и единовременныхъ, кутухта имѣетъ своихъ собственныхъ подданныхъ, которые называются *шуби* и не подвѣдомственны свѣтскимъ властямъ. Обычно кутухта не показывается народу; есть, однако, доступъ къ нему въ различныхъ степеняхъ за различныя приношенія. Можно получить разрѣшеніе войти въ первый дворъ, потомъ во второй, затѣмъ въ его жилище покои и т. д. Можно, наконецъ, съ извѣстными церемоніями предстать предъ нимъ лично: чтобъ удостоиться этой послѣдней степени нужно, говорили мнѣ, сдѣлать приношеніе въ нѣсколько тысячъ рублей. Есть богачи, которые не щадятъ на это денегъ, тѣмъ болѣе, что они ихъ соберутъ съ бѣдняковъ. Круглый годъ пріѣзжаютъ и приходятъ въ Ургу поклонники со всѣхъ сторонъ; а два раза въ годъ на праздникъ *цаганз-цара* (бѣлый мѣсяцъ)—въ февралѣ и *майдары* (высшее божество)—въ іюлѣ собиралось народа тысячъ до 100, и всякій дѣлаетъ посильное приношеніе въ дацаны. Можно судить, какіе должны быть огромные сборы, и каковой недочетъ въ доходахъ долженъ быть теперь, когда кутухты нѣтъ. Богатства эти идутъ частью въ казну кутухты, частью на украшеніе храмовъ и со-

¹⁾ Уложение § 33.

держаніе какъ ихъ, такъ и ламъ, а значительная часть, конечно, остается въ рукахъ у главныхъ ламъ, черезъ которыхъ они передаются по назначенію. Поэтому ламы вообще, а ургинскіе въ особенности, владѣютъ значительными богатствами; они исключительно изъ монголовъ, ведутъ торговлю и занимаются перевозкой товаровъ. Такимъ образомъ ламы, владѣя матеріальными богатствами и нѣкоторыми свѣдѣніями, соединенными съ ихъ профессіей, почерпаемыми изъ тибетскихъ книгъ и изъ устной ламской науки, являются полными господами въ Монголіи. Какъ учителя вѣры и какъ врачи, они имѣютъ большое вліяніе на хановъ, князей и на весь чиновный людъ, а о массахъ и говорить нечего.

Итакъ, Урга—преимущественно городъ ламства, котораго въ настоящее время считаютъ тамъ до 10,000; своимъ современнымъ значеніемъ оно обязано главнымъ образомъ пребыванію въ ней кутухты. Но, въ 1714 г., когда китайскій посланникъ Тулишенъ проѣзжалъ здѣсь въ Россію въ калмыцкому хану Аювѣ, съ цѣлью сманить его опять вступить въ подданство китайскаго императора, кутухта Джибзунъ-дамба съ Тушету-ханомъ имѣли свою резиденцію не на р. Толъ, гдѣ теперь Урга, а ближе къ сибирской границѣ на р. Орхонѣ; тогда какъ на мѣстѣ Урги уже въ то время производилась торговля между русскими, монголами и китайцами. Въ этомъ случаѣ не ламы съ кутухтой создали значеніе Урги, а они только оцѣнили его и ухватились за эту мѣстность, какъ пивки; значеніе же такое она получила отъ сосѣдства русскихъ.

Посмотримъ теперь, что выиграли отъ того сами русскіе.

Чисто русское населеніе по границѣ въ то время было незначительное: больше всего было буряты, и тутъ же были такъ-называемые *караулы*, т.-е. казармы, окруженныя тыномъ, въ родѣ острога или маленькой крѣпости, въ которыхъ жили казаки также для наблюденія за границей. Запрета переѣзжать границу еще не было, и наши отправлялись въ Монголію цѣлыми толпами, человѣкъ до 200, минуя всѣ сторожевые посты. Отправлялись они, конечно, для торга, но по пути жерѣдко ими же производились кражи и грабежи. Въ самой Ургѣ наши держали себя также крайне предосудительно: напивались до-пьяна и въ такомъ состояніи бродили по ночамъ, затѣвали ссоры и драки между собой и съ монголами, производили разнаго рода безчинства и насилія. Все это, конечно, не могло нравиться китайскому начальству, которое прежде всего любитъ порядокъ и благопристойность и которому въ то время предстояло завести порядокъ

между своими новыми подданными, монголами. Переходъ 750 кибитокъ монголовъ въ наше подданство переполнилъ мѣру неудовольствій. Въ 1722 г. всѣ русскіе выгнаны изъ Урги и даже казенному каравану не позволено отправляться въ Пекинъ, какъ было прежде.

Въ грамотѣ, присланной изъ пекинскаго сената, отказъ этотъ однако мотивируется еще и тѣмъ, что русскіе товары стали не нужны китайцамъ, такъ какъ мѣха, составлявшіе главный предметъ торговли, въ достаточномъ количествѣ получаютъ отъ своихъ звѣролововъ, да и требуется ихъ немного только для сѣверной части китайской имперіи; другіе же товары стали приходиться отъ европейцевъ моремъ. «Нынѣ—говорилось въ грамотѣ—товаровъ вашихъ получать нието не будетъ, и ежели они будутъ привезены въ столицу, то привезшіе понесутъ большой убытокъ: того ради, между тѣмъ, вашихъ пускать не будемъ; а ежели изъ вашихъ купцовъ будутъ такіе, которые пожелаютъ купечество имѣть, оставались бы въ Селенгинскѣ и тамо бы торговались»¹⁾.

Такимъ образомъ, при самомъ началѣ оборвалась наша торговля въ Монголіи, потому что мы не умѣли держать себя, какъ слѣдуетъ. Потомъ кое-какъ удалось намъ выхлопотать дозволеніе отправлять въ Пекинъ одинъ караванъ черезъ каждые три года. При этомъ сдѣлано ограниченіе, чтобы въ немъ было не болѣе 200 чел. А прежде, замѣтимъ, ихъ бывало до 1000 и все это кормилось насчетъ китайскаго правительства или, вѣрнѣе, насчетъ бѣдныхъ монголовъ. Зная тогдашніе нравы, можно судить, что продѣлывала эта арава во время дороги, какъ тяжело это было для всей страны, по которой проходилъ караванъ; и потому мы скорѣе готовы удивляться вторичному разрѣшенію, чѣмъ первоначальному запрещенію.

Какъ бы то ни было, городъ, обязанный своимъ возникновеніемъ нашему сосѣдству, сдѣлался сначала для насъ совершенно недоступнымъ, а потомъ, когда торговыя сношенія возобновились, то намъ привелось имѣть дѣло не прямо съ народомъ, монголами или китайцами, а съ одною торговою корпораціею, которая дѣйствовала, какъ увидимъ ниже, подъ руководствомъ чиновника.

Въ это же время возникли у насъ споры о границѣ, и потому явилась необходимость точнѣе изслѣдовать и опредѣлить ее. Съ нашей стороны по этому поводу отправленъ былъ Сава Владиславлевичъ графъ Рагузинскій, который въ 1726 г. и заключилъ

¹⁾ А. Корсака, Историко-статистич. обзорніе торговыхъ сношеній Россіи съ Китаемъ, 1857.

трактатъ, опредѣлившій здѣсь нашу границу въ томъ видѣ, какою она остается донинѣ.

Для наблюденія за границей съ нашей стороны построены были укрѣпленный городокъ Троицкосавскъ, а для торговыхъ людей основана слобода Кяхта, рядомъ съ которою стала китайскій *майма-ченз*.

Это еще больше ограничило наши прямыя сношенія съ со-сѣднимъ краемъ, обязавъ имѣть дѣло исключительно съ одной слободой, сидѣвшей чуть не на нашей территоріи.

Небезынтересно, конечно, знать, на какихъ принципахъ велась эта торговля, тѣмъ болѣе, что тѣ же самыя принципы у китайцевъ остались и донинѣ, насколько то возможно при болѣе близкомъ съ нашей стороны знакомствѣ съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ въ Китаѣ.

Правила эти изложены въ инструкціи, данной высшимъ китайскимъ правительствомъ кяхтинскому *заргучею* (чиновнику, завѣдывающему китайцами майма-чена). Вотъ они ¹⁾:

1. Между купечествомъ должна быть твердая корпоративная связь: всякій долженъ разузнавать, на какіе товары у русскихъ больше спросъ, какія цѣны существуютъ внутри русскихъ владѣній, и все это чистосердечно сообщать другъ другу. Каждый день по вечерамъ они должны собираться на совѣщаніе, передавать всѣ свѣдѣнія заргучею, а тотъ на утро выдаетъ купечеству билетъ, въ которомъ указывалось бы, отъ вымѣна какихъ товаровъ русскихъ должно воздерживаться и какой свой товаръ при-держать.

2. Пропорцію всѣхъ своихъ товаровъ имѣть всегда неполную.

3. Русскихъ же побуждать, чтобъ они привозили съ излишкомъ, для этого «не только, какъ бы по секрету, рассказывать имъ, что вамъ товары ихъ нужны, но и оказывать жаръ въ покупѣ, другъ передъ другомъ набавляя цѣны, а потомъ убытки эти раздѣлять между всѣми. Когда же русскіе привезутъ извѣстнаго товара въ бѣльшемъ количествѣ, тогда вдругъ перестать вымѣнивать и сказывать, что эти товары вышли изъ употребленія, или что они привозятся другими иностранцами. Обходиться съ русскимъ купечествомъ *учтиво, а не такъ какъ прежде было*; не запрещать имъ ходить къ вамъ и звать ихъ къ себѣ на пирушки, а между тѣмъ стараться узнавать и о дѣлахъ ихъ государства, за что назначаются награды такія же, какія даются отличившимся дѣйствіями по торговлѣ». Относительно же своихъ,

¹⁾ Они помѣщены въ приведенной выше книгѣ Корсака.

какъ торговыхъ, такъ и государственныхъ дѣлъ, полнѣйшая тайна. «А чтобъ удовлетворить любопытству русскихъ купцовъ, рассказывать имъ, будто по дружбѣ предостерегая, о неурожаѣ шелка, чая, хлопчатой бумаги, либо о привозѣ въ намъ пушныхъ товаровъ другими европейцами въ Кантонъ или что-нибудь подобное, смотря по обстоятельствамъ торговли, разумно выдуманное». Жадности въ покупкѣ русскихъ товаровъ не имѣтъ, хотя бы кому и настояла крайняя нужда въ нихъ.

За несоблюденіе этихъ правилъ опредѣлены были различныя наказанія, денежные штрафы и аресты: за открытіе правилъ или секрета заргучеевскаго билета 50 бамбуковъ и изгнаніе изъ Кяхты, а дѣла поручаются другому; за открытіе же государственнаго дѣла—отсѣченіе головы.

Здѣсь вы видите чисто практическій смыслъ, допускающій для практической пользы и обманъ, и коварство, а за пренебреженіе ею наказаніе и даже смертную казнь. Не добавить при размѣнѣ денегъ, не довѣсить и обмѣрить, вернуть вмѣстѣ съ хорошимъ испорченный товаръ, не устоять въ словѣ—тамъ дѣло обычное, вошедшее въ правило, если не въ законъ. Вы сладились получить за серебряный рубль 800 джосовъ (мелкая мѣдная монета), вамъ даюгъ только 600; вы уличаете: тотъ и самъ не отрицается: «да, это правда,—говорить онъ,—но у насъ такъ принято». Вы покупаете 100 гиновъ водки, вамъ отпускаюгъ только 75; вы получаете связки джосовъ, въ каждой по 500; при уплатѣ же, хотя бы въ той самой лавкѣ, гдѣ вы ихъ тотчасъ размѣняли и не развязывали, у васъ ихъ не примутъ за то самое количество, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что эти связки никогда не дѣлаются полныя и т. д. Это дѣлается отчасти въ видахъ массы тѣхъ косвенныхъ налоговъ, которые не опредѣлены строго закономъ, а зависятъ отъ произвола чиновниковъ; отчасти простое мошенничество. Въ Китаѣ это извѣстно всѣмъ и каждому, и это непременно должно имѣть въ виду при торговлѣ съ китайцами. Наши русскіе торговые агенты въ Китаѣ, кромѣ китайскаго языка, конечно, должны были постигнуть и эту премудрость, чтобъ вести дѣла безъ риска проторговаться; но и тѣ не въ состояніи обойтись безъ факторовъ изъ китайцевъ, которыхъ тамъ называютъ *компрадоръ* или *майбанъ*.

Отбросивши въ сторону отношенія Китая къ иностранцамъ, вы видите, что эта система всосалась въ плоть и кровь китайцевъ, получила, такъ сказать, санкцію неписаннаго закона, и каждый знаетъ впередъ, что его обмануть и обдеруть; противъ этого нельзя упасть ничѣмъ: ему остается только поступать

точно также съ другими, и онъ поступаетъ съ совершенно покойною совѣстью.

Не то же ли самое когда-то было и у насъ? Нѣтъ сомнѣнія, что нѣчто подобное продѣлывается еще кое-гдѣ и теперь. Развѣ у насъ не существуютъ различныя косвенныя и темныя налоги и поборы, которые, можетъ быть, при извѣстномъ порядкѣ и необходимы, но тѣмъ не менѣе считаются неправильными, преслѣдуются закономъ и осуждаются общественнымъ мнѣніемъ? Отчего же не признать бы ихъ законными, какъ въ Китаѣ? Тогда дѣло было бы яснѣе; тогда мы не стали бы сваливать вину на нѣсколькихъ взяточниковъ-чиновниковъ или купцовъ-мошенниковъ; а поискали бы причинъ въ самой системѣ. Мы при этомъ имѣемъ въ виду массу злоупотребленій въ восточной Сибири, на которыя указано было въ извѣстныхъ всѣмъ циркулярахъ ген.-губ. Синельникова, и устраненіе которыхъ, по мнѣнію Москов. Вѣд. (№ 21), не возможно безъ пересмотра и измѣненія самой системы управленія Сибирью.

Присматриваясь къ порядкамъ въ Китаѣ, можно видѣть много такого, что у насъ недавно только прекратилось, а иное продолжается и теперь, только подъ другой формой, прикрытое и затушеванное. Интересно и не бесполезно, я думаю, присматриваться къ этимъ своимъ, роднымъ порядкамъ, вчужѣмъ выставляющимся во всей наготѣ. Впрочемъ, объ этомъ мы еще будемъ говорить послѣ, а теперь возвратимся къ прерванному разсказу о нашихъ торговыхъ отношеніяхъ съ Китаемъ и Монголією, и просимъ у читателей извиненія за отступленіе, которое дѣлается невольно по той простой причинѣ, что, изучая чужую жизнь, невозможно удержаться отъ сравненія со своею.

Первоначально наша торговля съ Китаемъ была только казенная: ежегодно отъ насъ отправлялся караванъ въ Пекинъ съ русскими товарами, а оттуда возвращался съ китайскими. Съ основанія Кяхты явилась возможность и частнымъ лицамъ торговать съ китайцами, которые сами доставляли къ намъ свои товары и тутъ же брали наши. Отправленіе казеннаго каравана, соединенное съ большими издержками и неудобствами, дававшее поводъ къ злоупотребленіямъ, съ этого времени потеряло всякій смыслъ. Правительство это почувствовало, но не могло сразу отказаться отъ того, что практиковалось такъ давно и съ такими прибылями; къ тому же тутъ были заинтересованы многія лица, которыя извлекали изъ казеннаго каравана свои личныя выгоды. Поэтому мы встрѣчаемъ рядъ мѣръ, клонящихся къ стѣсненію частной торговли. Въ 1726 г. графъ Рагузинскій доносилъ им-

ператрицѣ Екатеринѣ I, что купцы ежегодно привозятъ китайцамъ мѣховъ гораздо больше, чѣмъ два казенные каравана; продаютъ ихъ на 20⁰/о дешевле и не платятъ пошлыны, что составляетъ для казны потерю въ 20,000 руб.; поэтому онѣ находятъ необходимымъ запретить купцамъ торговать мѣхами до тѣхъ поръ, пока не пройдутъ казенные караваны въ Пекинъ и обратно. Эта мѣра приводилась въ исполненіе, но не помогала нисколько. Были и другія мѣры, между которыми интересна слѣдующая, изложенная въ указѣ 1736 г.:

«Какъ соболиная казна изъ Сибири выйдетъ, то гостямъ съ товарищи цѣнить и на сорокахъ (по 40 штукъ связанныхъ шкурки) и парахъ, и мѣхахъ, и пупвахъ, и лисицахъ *подписывать только число, который сорокъ или пара, а не цѣну*; а цѣны съ числами подписывать на росписи, *чтобы во время торга купецъ (русскій) цѣны не выдалъ... цѣновыя росписи держатъ въ секретъ...* Когда же купцы станутъ приходить, то имъ объявлять цѣну тою накладкою, кто сверхъ того поддастъ, а того, что на тѣ товары накладки учинено, тѣмъ купцамъ отнюдь не объявлять.» О продажѣ китайскихъ товаровъ тамъ же сказано: «При продажѣ тѣхъ товаровъ смотрѣть накрѣпе, ежели въ которыхъ камкахъ и китайкахъ которые косяки и тюки будутъ съ пробойнами и подмоклые, оные раскладывать по нѣскольку съ добрыми и обще продавать, дабы оныя залежаться не могли и отъ того казнѣ убытка не было» ¹⁾.

Принимались и еще мѣры, но о нихъ не стоить говорить, потому что онѣ были также несостоятельны, какъ и всѣ прежнія, и, несмотря на это, казенные караваны продолжали ходить до 1755 г. Только Екатерина II поняла, наконецъ, всю несообразность такого положенія, въ которомъ казна является торговымъ конкурентомъ и вынуждена прибѣгать къ разнаго рода хитростямъ и продѣлкамъ, къ какимъ прибѣгаютъ частные торговцы, и которыхъ по настоящему законъ никакъ не долженъ поощрять и рекомендовать, какъ оно выходило въ дѣйствительности. Она отказалась отъ торговли, оставшись при доходѣ отъ таможенныхъ сборовъ, отъ чего выиграли одинаково—и казна, и частныя лица.

Мы не намѣрены были излагать исторію нашей торговли съ Китаемъ, которая основательно изложена въ книгѣ Корсака; а намъ нужно было взять изъ нея нѣсколько чертъ, характеризующихъ насъ и китайцевъ и, вообще, наши международныя от-

¹⁾ Корсака, Истор.-стат. обзор. торговли Россіи съ Китаемъ.

ношенія. Для этого скажемъ еще нѣсколько словъ о нашей торговлѣ съ Китаемъ въ болѣе близкое къ намъ время.

Не знаю, самостоятельно ли, т.-е., по своимъ исконнымъ обычаямъ и нравамъ, или по соображенію съ китайскими торговыми условіями и приѣмами, у насъ для торговли съ китайцами тоже образована была особая купеческая корпорація, также связанная правилами, обязательными для всѣхъ ея членовъ, и за нарушеніе этихъ правилъ положены были также наказанія. Правила эти и наказанія утверждены были мнѣніемъ государственнаго совѣта въ 1851 г. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: 1) за отпускъ товаровъ китайцамъ въ кредитъ и также въ кредитъ за пріемъ отъ нихъ—въ первый разъ взыскивалось 15⁰/₀ съ цѣнности товара, а во второй—слѣдовала высылка изъ Кяхты; 2) тому же наказанію подвергался промѣнявшій свой товаръ ниже, а китайскій выше назначеннаго старшинами, на обязанности которыхъ лежало строго слѣдить за соблюденіемъ всѣхъ торговыхъ правилъ.

Что же принесъ въ результатъ этотъ двухсотлѣтній періодъ сосѣдства и непрерывныхъ болѣею частью мирныхъ сношеній Россіи съ китайскою имперіею, какъ для той, такъ и для другой страны?

Начнемъ съ себя. Для насъ это выразилось тѣмъ, что мы въ настоящее время получаемъ изъ Китая чай и незначительную долю другихъ товаровъ, за которые расплачиваемся болѣею частью звонкою монетою, почти исключительно серебромъ.

Если сравнимъ нашу торговлю съ торговлею другихъ государствъ, то наша роль окажется весьма скромною.

Она окажется еще скромнѣе, если сравнимъ то, чего мы добились сами и чего при помощи другихъ европейцевъ.

Въ Ургѣ предстояло намъ занять ту самую роль, какую въ настоящее время играютъ китайцы (я разумю здѣсь не политическую, а только торговую); мы ея не заняли; но этотъ городъ обязанъ намъ возникновеніемъ и всѣмъ своимъ развитіемъ; мы помогли также китайцамъ. Калгану мы также сообщили толчовъ и воспользовались имъ немного болѣе, чѣмъ Ургой. Мы даже не умѣли удержатъ за собою нашъ старый путь въ Китай отъ Цурухайтуя на нерчинской границѣ, и теперь приходится хлопотать о немъ, какъ о новомъ. Зато мы пользуемся теперь Тянь-цзиномъ, Шанхаемъ, Ханькоу и другими портами Китая, имѣемъ свои чайныя плантаціи или, вѣрнѣе, фабрики; но все это дали намъ трактаты Китая съ западными европейцами.

На Амурѣ мы никакъ не можемъ добиться права торговать по Сунгари и ея притоку Нони, куда уже три раза ходили

наши пароходы и всякій разъ привозили свѣдѣнія, что плаваніе по этимъ рѣкамъ удобно, населеніе достаточно густо и настолько богато, что можетъ вступить съ нами въ обмѣнъ произведеній, что и народъ желаетъ этихъ сношеній вопреки запрещенію правительства; а между тѣмъ китайцы и маньчжурь торгуютъ у насъ свободно, одинъ даже приобрѣлъ себѣ пароходъ. Мало того: голды и гиляки, живущіе на нашей территоріи, до сихъ поръ ѣздятъ въ Сань-синъ для внесенія *албана* (дани) китайскому правительству ¹⁾. Мы не совсѣмъ свободно путешествуемъ даже у себя дома, между гор. Благовѣщенскомъ и станицею Константиновской, гдѣ по сію пору остаются маньчжурь въ китайскомъ подданствѣ.

Вообще, мы не умѣемъ заставить сосѣдей уважать себя, не покоривши ихъ оружіемъ; мы слишкомъ мало обращаемъ вниманія на расширеніе нашего права торговли въ сосѣдней странѣ, и скорѣе поступаемся старыми правами, чѣмъ приобретаемъ новыя. Когда (въ 1871 г.) гг. Бутины отправляли караванъ въ Китай съ нерчинской границы, то изъ Иркутска, вмѣсто поддержки, отъ генераль-губернатора былъ присланъ запросъ или даже протестъ, на какомъ основаніи отправляется этотъ караванъ, не получивши особаго разрѣшенія изъ Пекина; тогда какъ особаго разрѣшенія было не нужно. Благо, что караванъ въ то время уже отправился за-границу, а то могли бы его остановить. Въ прошломъ году, когда я отправлялся въ Монголію изъ Иркутской губерніи, чтобъ оттуда выдти въ минусинскій округъ, мнѣ не выдали билета, какъ путешественнику, и заставили меня отправиться подъ видомъ купца.

Однимъ словомъ, мы не расширяемъ свои права, а добровольно урѣзываемъ ихъ, поступаемся ими вопреки прямому смыслу трактатовъ. Неужели это характеризуетъ миролюбіе нашей политики по отношенію въ Востоку, дающее намъ свободу дѣлать приобретенія гдѣ-нибудь въ другомъ краѣ, хотя бы, напри- мѣръ, въ Туркестанѣ? Но одно другому не мѣшаетъ.

Приобрѣтая постоянно новыя земли, гдѣ войной, а гдѣ мирнымъ путемъ, мы упускаемъ изъ виду то, что приобрѣтено было

¹⁾ Весьма интересныя и обстоятельныя свѣдѣнія о Маньчжуріи и ея отношеніи и значеніи для нашихъ амурскихъ владѣній заключаются въ запискѣ полковника Барабаша о торгово-ученой экспедиціи въ Маньчжуріи, лѣтомъ 1873 года, совершенной на средства Амурскаго Товарищества пароходства. Совершенно новое представляетъ поѣздка по р. Нони на пароходѣ до Циджигара и сухопутное путешествіе по р. Муданьцзяну отъ Сань-Сина до Нингута и оттуда въ южно-уральскій край. Оно печатается въ „Военномъ Сборникѣ“ за нынѣшній годъ.

прежде. Тутъ виновата, конечно, мѣстная администрація, которая теряется въ массѣ лежащихъ на ней обязанностей и чувствуя свою несостоятельность исполнить всѣ возложенныя на нее функции, отдается чему-нибудь одному или дѣйствуетъ слишкомъ по своему личному усмотрѣнію, и никогда не имѣетъ обычая сообразоваться съ тѣми указаніями, которыя такъ ясно выражаются въ стремленіяхъ населенія.

Амурское населеніе, напримѣръ, крайне нуждается въ томъ, чтобъ ему былъ свободный доступъ въ Маньчжурію: инородцы каждое лѣто цѣлыми караванами на своихъ дырвыхъ лодкахъ отправляются вверхъ по Сунгари въ Саянъ-синъ, чтобъ купить тамъ новыхъ лодокъ, хлѣба, соли, ханшина (водки) и др. китайскихъ произведеній, и подвергаются тамъ изъ-за этого большимъ прижимкамъ и униженію со стороны тамошняго чиновничества; амурскіе казаки изъ станицъ, около Благовѣщенска и ниже его, каждый годъ ѣздятъ домой въ Забайкалье, чтобъ тамъ купить лошадей и другого скота, тоже черезъ Маньчжурію, и на пути встрѣчаютъ также задержки и притѣсненія. Маньчжурія можетъ снабжать Амуръ хлѣбомъ, скотомъ и солью, а отъ насъ получать мануфактурные товары, какъ наши русскіе, такъ и западно-европейскіе и даже китайскіе, привозимые моремъ и потомъ по Сунгари на пароходахъ, и продавать ихъ дешевле, чѣмъ они имъ обходятся тамъ теперь при сухопутной перевозкѣ изъ нючуанскаго порта или прямо изъ внутренняго Китая по весьма плохимъ сухопутнымъ дорогамъ. Сношенія между населеніемъ нашимъ и маньчжурскимъ уже есть, но ихъ нужно узаконить и обставить такъ, чтобъ не было повода къ столкновеніямъ и къ придираніямъ со стороны чиновниковъ.

Затѣмъ вдоль всей нашей границы съ Монголіей заведены сношенія, которыя также неопредѣленны: насъ до времени терпятъ, а при случаѣ дѣлаютъ обиды, за которыми всегда слѣдуетъ возмездіе. Неопредѣленность этихъ отношеній даетъ поводъ къ столкновеніямъ иногда весьма кроваваго характера. Такъ-называемое *манзовское возстаніе*, бывшее въ 1868 г. въ южно-усурійскомъ краѣ, кончившееся разореніемъ нашихъ первыхъ поселеній на Суйфунѣ и варварскимъ истребленіемъ манзъ, произошло именно отъ невниманія къ нашимъ отношеніямъ. Подобное же можетъ случиться и около Благовѣщенска, гдѣ въ такихъ же неопредѣленныхъ отношеніяхъ живутъ болѣе 5,000 маньчжуръ; подстрекаемые чиновниками, они враждебно относятся къ намъ, и то и дѣло имѣютъ столкновенія съ казаками и другими проѣзжающими. Мѣстное начальство почему-то вовсе

не обращает вниманія на эти отношенія; конечно, для насъ они не опасны; но зачѣмъ же допускать дѣло до того, что придется употреблять оружіе? Но гораздо серьезнѣе и для амурскаго края весьма тяжелое столкновеніе угрожаетъ намъ со стороны Маньчжуріи, если мы по прежнему будемъ уклончивы.

Въ послѣднее время у насъ многіе того мнѣнія, что содержаніе консульства въ Ургѣ совершенно не нужно; говорятъ даже, что рѣшено перевести его въ Кяхту; тогда, конечно, должна упраздниться должность пограничнаго комиссара; такого мнѣнія многіе, если не всѣ, кяхтинскіе купцы: они говорятъ, что для ихъ торговли консулъ въ Ургѣ вовсе бесполезенъ.

Припомнимъ только, какъ переполошилось кяхтинское купечество въ 1871 г., когда пронесся слухъ, что инсургенты двинулись къ Ургѣ и заняли караванный путь. По первому тревожному слуху кяхтинскіе купеческіе старшины обратились въ правительству съ просьбою военной защиты. Дѣйствительно, въ Ургу были посланы сначала одна сотня казаковъ, а послѣ цѣлый баталіонъ, и все это стоило намъ чуть-ли не 700,000 р. Слухъ на тотъ разъ оказался ложнымъ; но послѣ инсургенты дѣйствительно покушались сдѣлать нападеніе на Ургу, и если не сдѣлали, то единственно опасаясь русскихъ. Въ этомъ случаѣ съ нашей стороны придали слишкомъ большое значеніе силѣ инсургентовъ; для нихъ слишкомъ достаточно было бы и одной сотни. Что же касается защиты караваннаго пути, то тѣхъ издержекъ, которыя потребовались бы для этого, не окупила бы вся кяхтинская торговля: временная задержка чаевъ, особенно теперь, при усиливающейся перевозкѣ ихъ моремъ, не могла быть причиною даже тѣхъ затратъ, которыя были въ 1871—1872 гг. Но тамъ можетъ произойти движеніе болѣе общее. Китайское правительство настолько коварно, что на его дружбу положиться нельзя, и настолько самоувѣренно, что по сію пору смотреть на насъ, какъ на отбившихся своихъ данниковъ, которыхъ со временемъ нужно покорить. Оно такъ слѣпо къ своимъ собственнымъ дѣламъ, что въ постоянныхъ революціяхъ не видитъ начала разложенія имперіи, и все еще готовится отовсюду прогнать «заморскихъ и не заморскихъ чертей», какъ величаютъ въ Китаѣ всѣхъ европейцевъ. Отчего не допустить, что противъ насъ можетъ повести интригу и кто-нибудь изъ европейцевъ?

Не имѣя консула въ Ургѣ, мы можемъ не знать, какъ готовится движеніе въ Монголіи, потому что у насъ на границѣ живутъ большею частію инородцы, которые и сами могутъ увлечься этимъ движеніемъ, и все произойдетъ очень тайно.

Конечно, особенно важныхъ результатовъ отъ этого движенія произойти не можетъ: насъ всѣхъ не вырѣжутъ и не выгонятъ изъ Сибири, и даже ни на волосъ не отгѣснятъ; но можетъ произойти громадная трата силъ и такая тревога, которая, какъ голодъ или моровое повѣтріе, можетъ задерживающимъ образомъ отразиться на восточной Сибири, а она, бѣдная, и безъ того все будто на военномъ положеніи. Если не имѣть консульства въ Ургѣ, отсюда можно наблюдать за всѣмъ, что дѣлается въ цѣлой Монголіи, то придется возобновить и вооружить вдоль всей границы караулы, какъ было прежде; а это будетъ стоить дороже консульства.

Однимъ словомъ, мы не только не можемъ согласиться съ бесполезностью нашего политическаго агента въ Ургѣ, но считаемъ еще болѣе необходимымъ имѣть таковаго же агента въ Маньчжуріи, съ которой у насъ связь еще тѣснѣе и откуда китайское правительство можетъ принять угрожающее положеніе больше, чѣмъ изъ Монголіи, какъ потому, что тутъ населеніе гуще, активнѣе, и къ намъ относится враждебнѣе, такъ и потому, что на Амурѣ наше положеніе слабѣе.

Лучше заблаговременно употребить мѣры, чтобы все можно было предусмотрѣть и предупредить, чѣмъ быть застигнутыми врасплохъ и потомъ пороть горячку, какъ во время манзовскаго дѣла.

Правда, таковаго рода столкновенія, разражающіяся катастрофой, бывають для нѣкоторыхъ полезны и желанны: они даютъ поводъ къ завоеваніямъ, къ отличіямъ и славѣ; но на мирной гражданской жизни они отражаются вдвойнѣ тяжело: вызываютъ большія затраты, производятъ разстройство внутреннихъ дѣлъ, развиваютъ воинственный задоръ и надолго портятъ добрыя, сосѣдскія международныя отношенія.

Итакъ, живя въ сосѣдствѣ съ огромнымъ китайско-монгольскимъ міромъ болѣе 200 лѣтъ, мы по-сю пору еще не воспользовались своимъ положеніемъ; сношенія наши до сихъ поръ неопредѣленны и непрочны; наши мирныя завоеванія въ торговлѣ идутъ за успѣхами западно-европейцевъ; а тамъ, гдѣ приходится дѣйствовать однимъ, мы являемся крайне слабыми и уступчивыми: одно уже утратили, другимъ не пользуемся, вслѣдствіе нашей пассивности.

Что же мы принесли своимъ сосѣдствомъ монголо-китайскому міру?

Помимо нашей воли, мы помогли оживленію края. Мы указали на это по отношенію къ Ургѣ; то же вліяніе замѣтно и

въ другихъ мѣстахъ: замѣтно увеличивается населеніе въ Карэлюнѣ, а также около Косогила, въ земляхъ дархатъ и урянховъ; замѣтно съ каждымъ годомъ тамъ развивается торговля съ русскими: черезъ одну Тунку (на югѣ Иркутской губ.) годъ тому назадъ торговый оборотъ былъ на 200,000; а еще больше идетъ изъ Бійска и Минусинска. Еще рѣзче это видно на Амурѣ, гдѣ не только растутъ Айхунъ и Сахалинъ, лежащіе противъ Благовѣщенска, но отражается это вліяніе на Сань-синѣ, Цицигарѣ и Нингутѣ.

Но каково было наше вліяніе культурное?

Вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ относительно Урги, мы предлагаемъ описаніе ея въ настоящее время: тогда вопросъ разрѣшится самъ собою изъ сравненія съ прошлымъ. Итакъ, ѣдемъ въ Ургу.

III.

Близко къ городу. — Видъ издали. — Укрѣпленіе. — Мимо города къ русскому консульству. — Первые впечатлѣнія въ консульствѣ. — Виды и сцены передъ нимъ. — Ханъ-ула. — Наше легковѣріе по отношенію къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ иностранними путешественниками.

Отдѣлившись отъ каравана, мы пошли прямо на востокъ вдоль широкой долины рѣки Толы.

День былъ морозный, но тихій и ясный; солнце стояло на поднѣ и слегка пригрѣвало. Слева, близко къ намъ, потянулся невысокій хребетъ, плоскій, однообразный, съ сѣрыми выдающимися скалами, мѣстами прорѣзанный сухими оврагами, на днѣ которыхъ бѣлѣетъ немного снѣга; кругомъ все сѣро и голо: ни кустика, ни былочви, только камень у подошвы горы залегъ крупными валунами или въ видѣ крупной гальки разсыпался по равнинѣ, и острымъ щелбнемъ умостилъ широкую дорогу. Осторожно и неохотно ступаютъ наши верблюды, оглядываясь назадъ за караваномъ, который ужъ далеко отошелъ, направляясь къ напротивъ стоящему темному хребту: — и верблюды, и телѣги съ приближеніемъ къ нему становятся какими-то мелкими фигурками. Растянулся караванъ версты на двѣ и больше, извился кривою линіею, загибаетъ за мысъ и скрывается, не видно куда, какъ гуськи на ленточѣ въ дѣтской игрушкѣ; вотъ виденъ только хвостъ его, потомъ осталась одна точка, и та исчезла. Кругомъ ничего и нивого, ни звука, ни голоса; только одинъ изъ нашихъ верблюдовъ бурчитъ, недовольный тѣмъ, что ушли отъ каравана.

До города остается верста 10, впереди въ туманѣ выступа-

ють ужъ какіе-то неопредѣленные образы; а кругомъ все еще безлюдье. Наконецъ попалась юрта: одинокая, она сиротливо приютилась подь сѣрымъ обрывомъ, закоптѣлая, ободранная; никого не видать, не слышать; хотъ бы дымъ показался надъ нею, хотъ бы собака залаяла, и того нѣтъ. Монголу нашему, однако, не терпится, чтобъ пройти мимо: сосвакиваетъ съ верблюда, не принуждая его лечь, и прямо въ юрту; но видно, въ ней неприютно: не просидѣлъ онъ тамъ и двухъ минутъ, какъ выскочилъ, не закуривши и трубки. За нимъ вышла женщина старая, сѣдая, изъ-подъ сморщенныхъ вѣкъ—глазъ почти не видать, въ одной рукѣ держитъ ребенка, другою крестится, давая знать, что она христіанка; сзади выглядываетъ ребенокъ побольше, голенькій, покрытый только густымъ слоемъ грязи. Здѣсь, подлѣ дороги, селятся одни бѣдняки, которые живутъ подаяніемъ отъ проезжихъ; передъ русскими они всегда крестятся и иногда произносятъ слово «Христось», хотъ бы и не были христіанами. Мы дали ей хлѣба и кусокъ кирпичнаго чая и пошли дальше. Намъ попало нѣсколько такихъ бѣдныхъ юртъ, въ которыхъ были только старыя женщины, да малыя дѣти, а остальные пошли въ городъ побродить, позѣвать, а можетъ быть, выпросить чего-нибудь.

Навстрѣчу попались пороженіе верблюды и при нихъ два монгола; нѣсколько всадниковъ обогнали насъ, и каждый подѣхалъ къ намъ, поговорилъ съ нашимъ жожакомъ, поглазѣлъ на насъ, и, приподнявшись на стремяна, помчался впередъ. А монголъ нашъ такъ любитъ говорить со всѣми, будто у него съ каждымъ есть какое-нибудь дѣло. Попалась юрта попригляднѣе: надъ нею вьется дымокъ, подлѣ стоитъ лошадь съ туго притянутыми на луку поводьями. Тутъ пройти никакъ нельзя: монголу нашему давно хочется напиться чаю. Останавливаемся и лѣземъ въ юрту. Тоже одни женщины и дѣти, да заѣзжій гость. Старшая дѣвочка вышла постоять у нашихъ верблюдовъ, чтобъ кто не увелъ ихъ; а мы принялись чаевать. Отсюда отправляемся втроемъ; проезжій монголъ присталъ къ намъ по пути, но скоро насъ бросилъ у слѣдующей юрты, куда, повидимому, они впередъ договорились заѣхать съ нашимъ жожакомъ. Большого труда стоило намъ заставить своего монгола не останавливаться и ѣхать дальше, чтобъ такимъ образомъ не дотянуть вплоть до самаго вечера, хотъ было еще рано.

Теперь ужъ ясно обозначились впереди, влѣво, группа кумирень въ нѣсколько этажей съ выгнутыми крышами, съ раззолоченными шпицами; онѣ окружены стѣнами и приземистыми лачугами; тамъ-сямъ попарно стоятъ высокіе столбы съ золочен-

ными же маковками; вправо, далеко у рѣки, тоже кучка зданій, похожихъ на кумирни, съ паркою столбовъ, и надъ ними раскинули вѣтви какія-то высокія деревья; это лѣтнее жилище кутухты; далѣе впередъ такія же дачи амбаней; а прямо противъ насъ на дальнемъ планѣ, на высотѣ, какое-то двухэтажное зданіе въ европейскомъ вкусѣ, окруженное стѣной, русское консульство, которое монголы называютъ «зеленый дворець» (ногонъ-сумэ), по зеленой крышѣ. По хребту надъ городомъ наставлены обо—тоже что наши божнички или ваплички: это кучи камня, съ шестами посрединѣ ихъ, увѣшанными разноцвѣтными лоскутками. Ближе къ намъ, поперекъ всей долины, идетъ рядъ четверугольныхъ башенъ, въ разстояніи сажень 100 каждая, съ крышками на столбикахъ и съ развивающимися флагами. Подѣхавши мы увидѣли, что на всемъ пространствѣ между этими башнями идетъ городьба въ двѣ жерди, аккуратно вдѣланныя въ столбики вышиною въ поясъ; передъ городьбой натяганы рядомъ одинаковой высоты вѣтки боярышника. Это недавно воздвигнутое укрѣпленіе Урги противъ нападенія дунганъ. Башни эти—деревянные срубы вышиною сажени по двѣ; онѣ разукрашены драконами, и на каждой подъ крышью стоитъ по пушкѣ. Для восхожденія на башню устроены помость до земли. Пушки четыре или пять, чугуныя и мѣдныя, полученныя въ подарокъ отъ русскихъ, а остальные деревянныя, обтянутыя желѣзомъ или свернутыя изъ нѣсколькихъ желѣзныхъ листовъ, склоченныхъ вмѣстѣ: всѣ онѣ раскрашены и подстроены такъ, что по виду смотрять настоящими пушками. Противъ дороги ворота, незатворенныя, по обѣ стороны двѣ юрты, подлѣ каждой башни тоже по юртѣ; но людей не видать никого; только какой-то китаецъ неподалеку стоялъ на пригорѣхъ и видимо любовался удивительнымъ сооруженіемъ своего премудраго правительства.

Пройдя ворота, мы должны были идти прямо, минуя городъ, къ консульству, но вожаку нашему хотѣлось прежде зайти въ городъ. Мы спохватились, однако, тогда только, когда вступили уже въ улицу города. Это собственно ламскій городъ, гдѣ, кромѣ кумиренъ и ламскихъ мазановъ и юртъ, нѣтъ никакого другого жилья; тутъ же были небольшія пирамидки изъ кирпича и выѣленные, въ родѣ нашихъ памятниковъ на кладбищахъ, и здѣсь они поставлены въ память умершихъ, болѣе знатныхъ ламъ. Черепичныя крыши мазановъ и заборы усажены были птицами, черными въ родѣ галки, только съ ярко красными ногами и такими же тонкими и длинными носами. Онѣ такъ смѣлы, что не только не слетали съ заборовъ, когда мы проѣзжали подлѣ на

разстояніи плети, но еще подлетали къ намъ, какъ-бы сообщая намъ что-то или привѣтствуя своимъ скрипучимъ крикомъ. По-монгольски птица эта называется *хоймыгъ* и считается священной; ихъ много при каждомъ дацанѣ, но водятся также въ утесахъ, въ горахъ Монголіи и въ Сибири по Онону. Бурятско-монгольское преданіе гласитъ, что это — люди, обращенные въ птицъ; имъ приписываютъ чудодѣйственную силу исцѣлять отъ водобоязни. Для этого везутъ больного въ дацанъ, и если на встрѣчу вылетитъ хоймыгъ съ крикомъ, то болѣзнь уже проходитъ. Эта — чисто ламская — часть города называется *Ганданъ*. Около него прежде было много юртъ простыхъ монголовъ, въ которыхъ ламы имѣли своихъ женъ. Отъ нихъ образовалось значительное населеніе; но правительство нашло неприличнымъ такое близкое и явное сожителство монаховъ и женщинъ, и послѣднихъ заставило удалиться. Эти ламскія семьи составляютъ теперь отдѣльное поселеніе въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Урги, занимаются торговлей и разнаго рода издѣліями: шьютъ шапки, обувь, дѣлаютъ круги на юрты, ханы (рѣшетки для юртъ), войлоки и т.-п., плодятъ скотъ; и ламы, конечно, посѣщаютъ ихъ и помогаютъ деньгами. Въ Ганданѣ вожакъ зашелъ къ одному ламѣ, который звалъ къ себѣ и насъ, но мы отбились. Отсюда мы опять пошли не прямо, а должны были обойти кругомъ всего города: этимъ вожакъ исполнилъ свой религіозный обѣтъ и все время шелъ гѣшкомъ, ведя за собою верблюда.

Насилу-то мы выбрались на дорогу, спустившись съ возвышенія, гдѣ стоитъ Ганданъ. Мы пошли по низкому мѣсту; слѣва отъ хребта шелъ оврагъ, видимо по временамъ наполняющійся водою, на что указывали замерзшія лужи и грязныя вочки. Тутъ же навалены были кучи мусора, въ немъ видѣлись обрывки войлока, овчинъ, обуви, куски разбитой фарфоровой посуды, кости разныхъ животныхъ и осколки человѣческаго черепа. На одной кучѣ лежала собака такая тощая, что, казалось, будто она расплющена; лежала она противъ солнышка, не подавая ни малѣйшаго признака жизни; только когда мы проѣзжали у самаго ея носа, она приподняла голову, взглянула на насъ и снова повалилась. Около также бродятъ собаки разныхъ мастей: сѣрыя, какъ волкъ, рыжебурыя, въ роды лисы, но больше всего черныя съ рыжими бровями и подпалинами, восматыя, тощія, понуро опустивши головы и повѣсивши хвосты, отъ которыхъ волочатся колтуны свалавшейся шерсти.

Мы шли мимо города. Подлѣ дороги попадались каменные низенькіе столбики съ высѣченными на нихъ тибетскими письме-

нами, которыя, подобно нашимъ, имѣютъ четверугольную форму въ горизонтальныхъ строкахъ и тѣмъ рѣзко отличаются отъ монгольско-манчжурскихъ крючковатыхъ и идущихъ сверху внизъ. Тутъ же стояла будочка, а въ ней на вертикальной оси вертится длинный цилиндръ или барабанъ, внутри котораго положены священныя книги; это называется *кхорло*. Они разставлены кругомъ всего города, и каждый благочестивцѣй, проходя мимо, повернетъ это кхорло нѣсколько разъ; иные вертятъ много разъ и обходятъ ихъ всѣ. Нашъ монголь, должно быть, уважая наше нетерпѣніе, не слѣзъ повертѣтъ его, а все-таки подтолкнулъ его концомъ плети съ верблюда. По дорогѣ то-и-дѣло встрѣчали всадниковъ и пѣшеходовъ, снующихъ туда и сюда. На базарной площади, мимо которой мы шли, толпились вучи народа, и изъ народа торчали длинныя шеи верблюдовъ; мы слышали крикъ, гамъ, а издали изъ какой-то кумирни доносился ревъ гигантской трубы и громъ бубна.

Переѣзжаемъ рѣчку Сельби; она течетъ въ Толу, здѣсь разбилась на множество мелкихъ притоковъ, черезъ которые во многихъ мѣстахъ положены доски и жерди для пѣшеходовъ лѣтомъ. Переѣхавши ее подъ угоромъ, мы увидѣли отдѣльный дворъ съ довольно большой китайской фанзой и службами при ней, обнесенный высокимъ частоколомъ: прежде здѣсь всегда останавливались наши миссія и посольства, отправляясь въ Пекинъ, а въ то время тутъ жилъ амбанъ изъ Улясутая, когда этотъ городъ взяли и разграбили дунгане. Этотъ храбрый полководецъ боялся возвратиться, и потому оттягивалъ свою поѣздку туда подъ предлогомъ болѣзни.

Поднявшись на угоръ, мы увидѣли консульство, до котораго оставалось версты $2\frac{1}{2}$; а, наконецъ, доѣхали и до него.

Это большой двухъ-этажный домъ съ флигелями по угламъ обширнаго двора, обведеннаго стѣною. Наружи у стѣны на всѣхъ четырехъ углахъ знакомыя полосатыя будочки для караула. Внутри двора позади дома равныя службы: погребъ, кладовыя, конюшня, сушильня, баня, кузницы и тутъ же забрела юрта, какъ гостыя; передъ домомъ насажены деревца и кустарникъ, между ними расчищены дорожки и разбиты клумбы цвѣтовъ, и въ этихъ замерзшихъ остовахъ вы узнаете старыхъ знакомыхъ — левкои, астры, бальзамины, георгины и т. д. Всюду знакомыя лица и сцены: какая-то женщина понесла развѣшивать бѣлье; нѣсколько казаковъ въ сѣрыхъ шинеляхъ, въ черныхъ высокихъ папахъ съ красной верхушкой, чистятъ лошадей; вучья ихъ собралась поглазѣтъ на насъ, пріѣзжихъ, только-что прекративъ

игру въ мушкету. Черезъ нѣсколько минутъ вы здѣсь уже какъ старый знакомый, поселяетесь въ просторной, теплой, чистой комнатѣ, и живете, какъ дома, пользуясь истинно русскимъ хлѣбосольствомъ хозяевъ.

Вы пользуетесь умною, образованною бесѣдою хозяина и прелестной, очень любезной хозяйки, которая въдобавокъ угоститъ васъ великолѣпною музыкой на роялѣ; тутъ же видите нѣжныя, дѣтскія личики съ живыми глазами, любопытно уставленными на васъ, — сразу попадаете въ русское общество. Послѣ дымной, грязной юрты и мрачной, холодной, въ родѣ гроба, одноколки, вы попадаете въ большую комнату, изящно убранную; въ ней много свѣта, потому что большія окна и высокіе потолки; полъ такъ и лоснится; чистый воздухъ; иногда только струею пробѣгаетъ запахъ цвѣтовъ, въ изобиліи разставленныхъ у оконъ и по угламъ; а гдѣ вы сидите на мягкомъ диванчикѣ, надъ вами зеленѣетъ шатеръ изъ плюща, передъ вами на столѣ пытитъ самоваръ и около него идетъ живая бесѣда обо всемъ, что кого интересуетъ. Все это получаетъ особенную цѣнность тогда, когда вы нѣсколько времени передъ тѣмъ испытали лишеніе общества и обстановки, въ которыхъ привыкли жить. Въ мое время въ консульствѣ, кромѣ консула съ семействомъ, были еще семейный же казачій офицеръ, завѣдывавшій нашей почтой и сотнею казаковъ, секретарь, трое молодыхъ людей, изучавшихъ маньчжурскій языкъ; а въ самомъ городѣ жило два купеческихъ семейства. Благодаря такому русскому обществу, при его радушіи и гостепримствѣ, всякому пробъжающему здѣсь такъ хорошо, что онъ невольно впадаетъ въ оптимизмъ относительно всего русскаго, и всѣ иностранцы подъ такимъ впечатлѣніемъ придаютъ слишкомъ много значенія тамъ нашему вліянію, а иные доходятъ въ своемъ увлеченіи до того, что даютъ вамъ совершенно превратный взглядъ даже на природу тамошнюю. Такъ, г-нъ и г-жа Бурбулонъ изобразили Ургу тонущею въ зелени и украсили виноградною лозой съ созрѣвшими гроздами, тогда какъ тамъ съ трудомъ выращиваются даже тѣ овощи, которыя съ успѣхомъ разводятся въ южныхъ частяхъ Сибири. Объ этомъ мы поговоримъ еще, а теперь по порядку расскажем о нашей жизни.

Я прожилъ въ Ургѣ весь февраль. Въ продолженіи зимы тамъ это самое лучшее время. Солнце начинаетъ больше грѣть, дни прибавляются, вѣтровъ еще нѣтъ; они начинаются съ марта и бываютъ несносны. Консульство своимъ фасадомъ обращено прямо на югъ къ р. Толѣ и горѣ Ханъ-ула. Бывало, около полудня солнце смотреть къ вамъ въ окна такъ ярко, такъ привѣтливо,

такъ и манить на воздухъ. Вы надѣваете легкое пальто и выходите; также легко одѣтые выходятъ дѣти и дамы. Какая теплыня! Снѣга не видать нигдѣ, только тамъ внизу далеко блеститъ, какъ зеркало, ледъ на р. Толгѣ; а за нею высится Хангула, отъ подошвы до вершины густо убранная въ темную зеленъ хвойнаго лѣса подъ легкой дымкой тумана. Передъ вами по дорогѣ тянутся безконечные караваны, то вьючные на верблюдахъ, то на быкахъ въ одноколкахъ; быстро мчится еупецъ-китаецъ на маленькомъ сѣренкомъ иноходцѣ: сидитъ онъ, какъ на скамейкѣ, не отряхнется; потому что иноходецъ бѣжитъ такъ плавно, только покачивается; онъ у него такъ выѣзженъ, что ни понесетъ, ни вскинеть задомъ, дѣлай съ нимъ, что хочешь, и потому китаецъ за такую лошадь платитъ вдвое дороже противъ другой, болѣе доброѣзжей, но не обладающей этими необходимыми для него качествами; другой лошади китаецъ боится, а тутъ сидитъ такъ ловко и смѣло. За то онъ и изукрасилъ своего коня: чолку и гриву ему обрѣзалъ, чтобы онъ казался моложе, стригункомъ; въ хвостъ ему вилель разноцвѣтные шнурки, перевилъ узду разноцвѣтнымъ шелкомъ и унизалъ ее мелкими пуговками и погрешками. Самъ онъ одѣтъ въ длинный, синій халатъ, конечно, теплый, на ватѣ; сверху *курма*, до пояса, — широкая, спереди застегнутая металлическими висячими пуговками, она похожа на женскую вофлу съ широкими рукавами; на головѣ у него шапка къ роду женскаго капора; онъ толстъ и неуклюжъ, безъ усовъ и безъ бороды, имѣетъ совершенно бабій видъ. Тутъ же медленно тянутся двухколесныя телѣги съ дровами или съ сѣномъ: у нихъ неуклюжія, угластыя колеса, вращаціяся вмѣстѣ съ осью; вмѣсто спиць въ нихъ двѣ крестообразныя поперечины; тянуть ихъ по одному быку или по одной коровѣ, которыя занузаны такъ: веревка продѣта сквозъ переносъ между ноздрей, крестообразно завязана на мордѣ ниже глазъ и потомъ протянута къ рогамъ, съ которыхъ ее можно снять и дѣйствовать, какъ поводомъ; тащатся эти телѣги по жесткой, колоткой дорогѣ съ громомъ и трескомъ, такъ вотъ и ждешь, что колеса разсыплются. Иногда пробѣдетъ изящная одноколка съ синимъ балдахиномъ, закрытая со всѣхъ сторонъ, имѣющая только маленькія окошечки или большею частію спереди открытая: колеса и вся остальная деревянная подѣлка тонкой столярной работы, выращены и покрыты лакомъ, спицы тонкія, но крѣпкія; тонкіе ободья обтянуты толстыми желѣзными пинами, составными, на винтахъ и всегда почти зубчатыми. Экипажу соответствуетъ и лошадь или мулъ, и вся упряжь. Если телѣжка открыта спереди, то увидите, что что-то

сидитъ цвѣтное: это монголка, временная жена купца-китайца, одна или съ ребенкомъ; на передѣхъ сидитъ сбоку, свѣсивши ноги, вучеръ или самъ хозяинъ. Иногда ползетъ открытая телѣжка въ родѣ большого ящика, нагруженная людьми, больше все женщинами съ дѣтьми: это какое-нибудь семейство монгольское или китайское съ домашнею челядью и съ родственниками ѣдетъ въ гости или изъ гостей. Запряжено бываетъ по нѣскольку различныхъ животныхъ: въ серединѣ, въ дышлѣ, лошадь, съ боку мулъ, а впередъ пущенъ осликъ съ длинными ушами; при этомъ напутано множество постромокъ и возжей; возница сидитъ и немилосердно хлещетъ животныхъ, визгливо выкрикивая: «и!-и!» или: «тыръ-тыръ!»

Но больше всего вамъ приходится смотрѣть на таинственную священную Хань-улу. Глядя на нее, такъ и танеть проникнуть въ ея таинственную глубь, куда изъ простыхъ людей никто не смѣетъ ходить, подъ страхомъ наказанія, гдѣ никто не смѣетъ убить ни одного звѣря, а звѣря всякаго тамъ гибель. По зарямъ оттуда выходятъ парами и цѣлыми стадами козы, олени, изюбри, кабарги; подходятъ они къ рѣкѣ и пьютъ ея чистую струю, въ то время, какъ съ этой стороны туда же приходитъ для водопоя всякій домашній скотъ. На верху этой горы; среди густого лѣса, скрыто отъ всѣхъ глазъ, есть дворецъ и кумирня, куда въ извѣстные дни ѣздятъ только кутухта со свитой, главные ламы и важные чиновники, да иностранцамъ позволяется по особенному разрѣшенію.

Хань-ула—святыня, повтому въ виду ея не можетъ быть совершена ни одна казнь; для этого удаляются на противоположную гору и казнятъ въ какой-нибудь закрытой долинкѣ. Хань-ула и кутухта—вотъ два священные предмета въ Ургѣ, передъ которыми безгранично благоговѣетъ каждый монголь. Тому и другому онъ поклоняется, какъ божеству, одинаково боготворить ихъ, и въ поэтическомъ представленіи соединяетъ ихъ вмѣстѣ.

Монголы вообще оказываютъ трепетное почтеніе каждой горѣ, особенно если она необыкновенно высока, или выдается своею фигурой; по дорогамъ на вершинѣ каждой горы, на каждомъ перевалѣ непремѣнно есть обо—этогъ жертвенникъ горному духу: по обонамъ, какъ по маякамъ, вы можете видѣть, куда идетъ дорога. Давно, съ незапамятныхъ временъ монголы почитаютъ Хань-улу; но святость еще больше возвысилась съ тѣхъ поръ, какъ въ виду ея поставилъ свое жилище съ многочисленными храмами кутухта. Объ этомъ важномъ для нихъ событіи вотъ какъ передается въ одной пѣснѣ:

-Подобно свѣту новой луны, вѣѣзжалъ святой юноша на гнѣдомъ красивомъ конѣ.
 Въ воздухъ было тихо и не шевелились повѣшенныя передъ бурханами хадаки ¹⁾.
 О, дѣти благочестивыхъ отцовъ! какъ высоко должны вы чтить славную Ханъ-улу!
 Тамъ, далеко, стоитъ чудесный дворецъ, и въ этотъ дворецъ вступаетъ ясный, какъ солнце, нашъ всеобщій святой.
 А на ближней горѣ устроенъ другой четверугольный, златовидный дворецъ. Хань и князья четырехъ аймаковъ ²⁾ съ жертвоприношеніями пришли поклониться ясному солнцу Гыгэну ³⁾.
 Въ прохладное осеннее время сюда созваны были ученики изъ восьми хошунновъ ⁴⁾, и палатки семя сѣверныхъ хошунновъ оглашались звуками золотыхъ и серебряныхъ трубъ.
 Настало время благодатнаго мира. Среди травы шаральджи разцвѣлъ цвѣтокъ линхова; среди учениковъ явился перерожденный святой Джизунъ-дамба.
 У истока большой рѣки курились ароматныя свѣчи, и аромат ихъ разнесся по цѣлому свѣту. И всѣ мы до одинаго въ счастья будемъ наслаждаться разнесшимся всюду ароматомъ.

Пѣсню эту пѣлъ мнѣ на монгольской пирушкѣ старикъ, и, когда онъ кончилъ ее, — всѣ нѣкоторое время оставались въ благоговѣйномъ молчаніи, а пѣвецъ поворотился въ ту сторону, гдѣ была Ханъ-ула, и тихимъ басомъ произносилъ какую-то молитву, какъ будто созерцая всеобщаго святого, юношу Гыгэна.

Хорошо позавтракавши, и прогуливаясь около дома въ полдень подъ яркими лучами солнца въ концѣ февраля, чувствуешь такую теплоту, что забываешь, гдѣ находишься. Но выйдите только изъ-подъ защиты дома на сѣверную его сторону и вы получите совершенно другое впечатлѣніе: передъ вами сѣрая голая гора, изрѣзанная долинами и оврагами, а изъ нихъ такъ и ползетъ холодный воздухъ, сибирскій хіузокъ, который такъ и рѣжетъ, и щиплетъ лицо; посмотрите на термометръ на той сторонѣ, и вы увидите въ полдень около—15° Р., а утромъ и вечеромъ до—20°; въ декабрѣ же и январѣ морозы доходятъ до — 35° и больше.

1) *Хадакъ*—кусочекъ бѣлой шелковой матеріи различной величины и достоинства; они бывають 2 аршинъ динны и 1/2 аршина ширины и короче; они всегда приносятся въ храмы, развѣшиваются передъ бурханами и на нихъ; ими же и дарятъ другъ друга.

2) *Аймаки*—ханства или княжества.

3) *Гыгэнъ и бурханъ*—эпитеты высшего существа.

4) *Хошунъ*—округъ, которымъ управляетъ родовой начальникъ княжеской степенн; а иногда вообще отдѣльная казая-нибудь мѣстность. О какихъ хошунахъ говорится здѣсь, точно не знаю, а *ученики*—*хувараки*—приготавлиющіеся въ ламы; и здѣсь, вѣроятно, разумѣются всѣ послѣдователи будды, ламы.

Объ этомъ можно справиться въ метеорологическихъ наблюденіяхъ, которыя ведутся тамъ однимъ изъ учениковъ, г. Мосинымъ, и печатаются въ извѣстіяхъ нашей Академіи Наукъ.

Суровость климата Урги и всей Монголіи обусловливается ея высокимъ положеніемъ и замкнутостью отъ притока теплаго воздуха съ юга, вслѣдствіе наибольшаго поднятія монгольскаго плато на югъ; она ощущается всякимъ путешественникомъ. Вотъ что говорить о климатѣ Урги Тимковскій, одинъ изъ самыхъ добросовѣстныхъ путешественниковъ по правдивости и обстоятельности описанія всего имъ видѣннаго и испытаннаго, во время путешествія въ Пекинъ, въ 1820—21 году. «Здѣсь такъ холодно, что даже огородная зелень, которую маймаченскіе жители (въ Кяхтѣ) разводятъ въ своихъ огородахъ, не всегда избавляется отъ губительнаго инея и утреннихъ морозовъ. Живущіе въ Ургѣ китайцы прибѣгаютъ къ пособію кяхтинскихъ своихъ огородовъ ¹⁾». Другой нашъ знаменитый путешественникъ и правдивый повѣствователь, Е. Ковалевскій ²⁾, въ 1849 г. пишетъ, что съ 19-го іюля, когда онъ выѣхалъ изъ Кяхты, термометръ по ночамъ опускался чуть не до 0°; когда подъѣзжалъ въ Ургѣ 1-го августа, то уже былъ утренній морозъ; а 17-го сентября даже южныя замерзли озера.

Нашъ консулъ, Я. П. Шишмаревъ, старается развести тамъ хоть какой-нибудь садикъ, не щадя средствъ и труда, и до сихъ поръ не можетъ добиться хорошихъ результатовъ: понемногу уворяются деревца и кусты мѣстныхъ породъ, но то и дѣло приходится ихъ подсаживать, потому что почва тамъ, состоящая изъ голаго камня, одинаково сильно накаливается лѣтомъ отъ жара, зимой отъ морозовъ. Около дворцовъ кутухты и амбаней подгѣ рѣвки тоже есть деревья; въ остальныхъ же частяхъ, какъ въ монгольскомъ городѣ, такъ и въ китайскомъ маймаченѣ, вы не встрѣтите ни прутива, кромѣ наставленныхъ по дворамъ ёлокъ, вырубленныхъ изъ лѣса. Деревья мѣстныхъ породъ, конечно, можно и тамъ развести; но рассказывать, что тамъ растутъ и созрѣваютъ нѣжные плоды, это такъ же нелѣпо, какъ и вѣрить этому разсказу. А между тѣмъ, вотъ что одинъ изъ французскихъ путешественниковъ пишетъ, а русскіе издатели переводятъ въ своихъ книгахъ, назначеніе которыхъ сообщать публикѣ правдивыя описанія различныхъ странъ и народовъ: «(Мы видѣли въ Ургѣ) груши, персики и яблони, а также виноградныя лозы, украшен-

¹⁾ Путеш. Т. I, стр. 142.

²⁾ Путешествіе въ Китай, 1853 г.

ныя плодами, уже созрѣвшими (это было, кажется, въ началѣ юня), несмотря на суровость ранней весны. Березы, тополи, плакучія ивы осѣняютъ всѣ жилища и придаютъ этой части города живописный и пріятный видъ ¹⁾). При этомъ приложена картина, на которой изображена Урга вся въ деревьяхъ.

Такъ ошибаться невозможно, даже не бывши тамъ лично, справившись только съ учебникомъ; а гг. Бурбулонъ дѣйствительно были въ Ургѣ въ 1861 г., проѣзжая изъ Пекина, гдѣ г. Бурбулонъ былъ посланникомъ, и гостили у нашего консула. Какъ же могли они такъ нагать? А лгутъ они смѣло; вотъ еще примѣръ: «Нѣкоторые калвасы — говорятъ они — начинаютъ *подражать русскимъ* и строятъ себѣ прочныя бараки». Смѣю увѣрить, ссылаясь на всѣхъ русскихъ, которыхъ въ послѣднее время такъ много перебывало въ Ургѣ, что, кромѣ консульства, тамъ нѣтъ ни одного дома, построеннаго въ подражаніе русскимъ, и русскіе купцы (въ мое время трое) съ семействомъ живутъ въ китайскихъ домахъ, нѣсколько измѣненныхъ по своему вкусу и потребностямъ.

Г. Сулье, путешествовавшій съ циркомъ по Сибири и потомъ бывшій въ Ургѣ и Пекинѣ, и въ концѣ-концовъ заморившій всю свою труппу голодомъ и холодомъ, выбрался оттуда только при содѣйствіи русскихъ, и тотчасъ же написалъ въ одной французской газетѣ, выходящей въ Китаѣ, о своемъ путешествіи и не преминулъ сообщить, что небольшой русскій отрядъ разбилъ нѣсколько тысячъ инсургентовъ.

Неужели все это благодарность за русское гостепримство, какъ оно представляется повидимому? Такъ кажется сначала, но присмотрѣвшись, увидишь, что это дѣлается просто по легкомысленному отношенію къ предмету вообще, и по природной склонности нѣкоторыхъ рассказывать много интересныхъ вещей, не давая себѣ труда наблюдать и записывать, а полагаясь только на память и богатую фантазію. Благо есть простодушные читатели, которымъ нѣтъ дѣла до истины, было бы только занимательно. Нельзя не пожалѣть, что литература, въ особенности наша, видя въ публикѣ сильный интересъ къ чтенію путешествій, принимаетъ все, что ни попадетъ, не считая нужнымъ подвергать специальной критикѣ, примѣняемой ко всѣмъ произведеніямъ другого рода. У насъ чуть выйдетъ какое-нибудь иностранное

¹⁾ „Путешествіе въ Китай г. де-Бурбулонъ, составленное г. Пуссельгомъ по запискамъ, какъ г. де-Бурбулонъ, такъ и жены его“. „Всемирный Путеш.“ за 1869 г., стр. 602 и 603.

путешествіе съ заманчивымъ заглавіемъ, въ родѣ: «Черезъ Сибирь въ Австралію и Индію», написанное бойкимъ перомъ, разуукрашенное массою приключеній и снабженное порядочными картинками, его сейчасъ переводятъ и дѣлаютъ еще упрекъ своимъ соотечественникамъ, что отъ нихъ ничего нѣтъ. Иногда этотъ упрекъ бываетъ совершенно несправедливъ. А что же переводится у насъ?

Вспомнимъ, какъ у насъ приняты были путешествія Вамбери; а въ его описаніи оказались такія неточности, что заставили сомнѣваться въ томъ, видѣлъ-ли онъ то, что описываетъ, даже былъ ли во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ говоритъ. То, что Schuyler и Asthon W. Dilke говорятъ о Вамбери, можно еще рѣзче сказать о путешествіи Гюка и Габа, переведенномъ на русскій языкъ. Не рѣшаемся сказать, что эти миссіонеры вовсе не были въ тѣхъ мѣстахъ, которыя описываютъ, но крайняя неопредѣленность нѣкоторыхъ описаній, безъ точныхъ данныхъ географическихъ и физическихъ, ясно указываютъ, что все это писалось по памяти безъ всякихъ дорожныхъ записокъ, многое заносилось по слухамъ; отчасти видно, что они не знали мѣстнаго языка, и потому многое не такъ понимали, а наконецъ, у нихъ видна крайняя безцеремонность въ пополненіи недостатка положительныхъ свѣдѣній фантазіей и ложью, причемъ, не обладая близкимъ знакомствомъ ни съ народнымъ бытомъ, ни съ исторіею его, ни съ общимъ характеромъ страны, они лгутъ такъ, что не умѣютъ даже придать мѣстнаго колорита, не умѣютъ придать даже тѣни правдоподобія. Довѣріе къ нимъ изобличаетъ крайнее отсутствіе критицизма.

Въ путешествіи Гюка (мы имѣемъ въ виду ту часть его, гдѣ онъ говоритъ о Монголіи, видѣнной нами самими) столько лжи самой несообразной, что оно является просто сочиненіемъ, написаннымъ на заданную тему, какъ теперь пишутся сочиненія Майнъ-Рида и Верна, съ тою разницею, что у послѣднихъ ложна только комбинація фактовъ, а самые факты вѣрны истинѣ и природѣ. При такомъ изобиліи мы затрудняемся въ выборѣ; но достаточно и немногихъ указаній, чтобъ выставить и охарактеризировать эту ложь и несообразность ¹⁾.

Такъ, въ трехдневномъ переходѣ отъ Шебаргэ-хото (близъ Калгана) находить онъ громадный, совершенно опустѣлый городъ съ сохранившимися валами, со стѣнами, съ зубцами и съ

¹⁾ Далѣе мы цитируемъ его по русск. переводу: *Гюкъ и Габа*. „Путешествіе черезъ Монголію въ Тибетъ и къ столицѣ Тале-Ламы“. Перев. съ фр. М. 1866.

башнями, которыя, однако, на $\frac{3}{4}$ высоты опустились уже въ землю, значить это было давно, что такъ высоко выросла земля (стр. 49). Удивительно, какъ при этомъ сохранился валъ; а насчетъ стѣнъ съ зубцами замѣтимъ, что онѣ стали строиться только со времени болѣе близкаго знакомства съ европейцами, приблизительно не раньше половины XVII-го ст., а земля въ такихъ размѣрахъ не нарастаетъ даже и въ болѣе продолжительный періодъ; да и стѣны китайскія, кромѣ древнѣйшей, идущей кругомъ Китая и сдѣланной изъ дикаго камня, строятся такъ непрочны, что непремѣнно разваливаются, и потомъ также непремѣнно камень изъ нихъ весь растащатъ на кумирни и другого рода постройки; всѣ эти стѣны только снаружи обложены жженымъ кирпичемъ въ одинъ рядъ, а внутри нежженный кирпичъ, который, какъ скоро наружная оболочка упадетъ, расплзается и оставляетъ только кучи глины. Далѣе онъ рассказываетъ, будто при погребеніи монгольскихъ князей много людей лишается жизни, а также выбираютъ нѣсколько самыхъ красивыхъ дѣтей обоего пола и заставляютъ ихъ глотать ртуть до тѣхъ поръ, пока не умрутъ: это для того, чтобъ положить вмѣстѣ съ умершимъ княземъ и чтобъ тѣла ихъ, пропитанныя ртутью, не разлагались (57—58). Нѣчто подобное было когда-то дѣтъ за 500; но во время путешествія Гюка положительно не могло быть, и жившіе тамъ подолгу и до него миссіонеры, какъ наши, такъ и иностранные, ничего подобнаго не говорятъ. Вожакъ его монголь однажды, услышавъ, что идутъ разбойники, «наточивъ на подошвѣ своихъ большихъ сапогъ *русскую саблю*, купленную въ Толонь-норѣ», воинственно кричить: «гдѣ разбойники», а встрѣтивши трехъ волковъ, путешественники струсили и избавляются только тѣмъ, что, крутя верблюду губу, заставляютъ его реветъ, волки же пугаются этого рева и убѣгаютъ (60). Верблюда у него разнуздываютъ и зануздываютъ всякій разъ, какъ становятся на станъ и опять отправляются, а взнуздыванье это состоитъ въ томъ, что ему продѣваютъ въ носъ палочку (5). Какъ будто это такая же легкая операція, какъ вложить въ ротъ удила. На дѣлѣ же верблюда отпускаютъ пасть не вынимая палочки, а обмотнувши только поводъ кругомъ шеи, потому что вдѣванье палочки очень мучительно, и когда случайно она вырвется, то верблюда путаютъ и валятъ для того, чтобы вдѣтъ.

Въ чемъ же значеніе этого сочиненія? То, что онъ говорить о Монголіи, ничего не прибавляетъ къ извѣстному уже изъ прежнихъ путешествій, кромѣ самыхъ нелѣпыхъ и безхарактерныхъ частныхъ изъ его личныхъ приключеній и наблюденій; судя по

этому, не могу допустить, чтобы онъ могъ что-нибудь дѣльное сообщить и о Тибетѣ. Научнаго достоинства у него нѣтъ никакого, это уже было замѣчено; но оно нравилось своею занимательностью, а вся занимательность его заключается въ вымыслахъ; онъ рассказываетъ такъ легко и просто о вещахъ весьма необыкновенныхъ. «По неволѣ къ полю, коли лѣсу нѣтъ», — говоритъ пословица; по неволѣ русская публика читаетъ подобныя описанія, когда другихъ нѣтъ. Мы привели уже путешествіе Бурбулона изъ «Всемирнаго Путешественника», а вотъ и изъ другого подобнаго же изданія, изъ «Живописнаго Обзорнія странъ свѣта», описаніе китайскаго обѣда, на которомъ былъ мистеръ Дентъ, бывши англійскимъ резидентомъ въ Кантонѣ. Обѣдъ состоялъ изъ 50-ти блюдъ и, между прочимъ, вотъ что подавалось послѣ птичьихъ гнѣздъ: «супъ изъ лягушекъ съ утиными печенками и рубленые слоновые хвосты съ соусомъ изъ яицъ ящерицы; потомъ подали голубиные яйца, сваренныя цѣликомъ въ соку ягнатины; далѣе явились котлеты изъ собачьяго мяса. Хотя у китайцевъ считается неучтивостью отказываться отъ предлагаемаго кушанья, но европейцы не могли принудить себя дотронуться до этого блюда. Далѣе подали перья акулы, которыхъ вкусъ походить на вкусъ раковъ; за акулою слѣдоваль душенный дикобразъ, приготовленный въ зеленомъ черепашьемъ жирѣ и рыбы внутренности съ приправою изъ морскихъ травъ; потомъ подавались трепанги или голотурія—морскіе сливни, сваренные цѣликомъ для того, чтобы не испортить ихъ наружности; бевасы съ павлиньими гребешками; жареный ледъ. Европейскія вина пили китайцы изъ одной вѣжливости, но съ такимъ видомъ, какъ будто имъ былъ наливаемъ ядъ»¹⁾. Относительно послѣдняго скажу только, что китайцы съ удовольствіемъ пьютъ шампанское, а за немѣнѣемъ его и, такъ называемое, cherry cordial, нѣчто въ родѣ вишневои наливки; а остальное, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ, нарочно сочиненная чепуха. Очевидно, что г. Дентъ поставилъ себѣ задачу выставить, какъ можно рѣзче, разницу между нашими обѣдами и китайскимъ, которая не подлежитъ никакому сомнѣнію, но самыя кушанья онъ изобрѣлъ, потому что когда обѣдаешь у китайцевъ, то и не разберешь, чѣмъ тебя кормятъ; но во всякомъ случаѣ слоны тамъ такая рѣдкость, что не будутъ изъ хвостовъ ихъ готовить кушанья, и зачѣмъ къ супу изъ лягушекъ присоединены утиныя печенки, когда утокъ тамъ почти не водятъ, а голубиные яйца варятъ въ супѣ изъ ягнатины? Конечно,

¹⁾ „Живописн. Обзор.“ 1873, № III, стр. 45—46.

все это пустая болтовня; но въ Англии и вообще въ западной Европѣ эти курьёзы не имѣютъ такого образовательнаго значенія, какъ у насъ, и читаются для препровожденія времени; у насъ же по нимъ учатся, и такія изданія, какъ «Всемирный Путеш.» и «Живописное Обзорѣніе» выписываются спеціально для учащейся молодежи и недоучившимися взрослыми; поэтому у насъ нужно быть разборчивѣе.

Отсутствіе критицизма въ подобнаго рода сочиненіямъ у насъ доходитъ до того, что мы съ полною вѣрою и безъ смущенія читаемъ самую очевидную ложь о самихъ себѣ, не замѣчая ея, и даже такія вещи, которыя противны самымъ общеизвѣстнымъ законамъ физики. Руссель-Килуга, проѣхавшій съ Атлантическаго океана черезъ всю Сибирь въ Австралію, по поводу проектированной будто бы желѣзной дороги до г. Нерчинска передаетъ слѣдующимъ глубокомысленнымъ соображеніямъ: «Еслибы—говорить онъ—проектъ этой желѣзной дороги осуществился, то едва ли окупилось бы ея содержаніе; *притомъ самое добываніе пара при такомъ чрезмѣрномъ холодѣ становится сомнительно*»¹⁾. Послѣ этого остается усомниться, возможно ли въ Нерчинскѣ что-нибудь сварить или изжарить. Какія нелѣпости говоритъ онъ о Сибири, указано г. Буссе въ «Извѣстіяхъ Сибирскаго Отдѣла Географ. Общества». Не читавши подлинника, мы не имѣемъ права приписать такую нелѣпость оригиналу; но какъ же отнестя къ этому переводчикъ, и что же смотреть «Общественная Польза», которая, кажется, поставила цѣлью издавать не всякій хламъ, а хорошія или по крайней мѣрѣ не глупыя книжки?

Дѣлаемъ мы эти замѣчанія съ цѣлью обратить вниманіе нашихъ переводчиковъ и издателей на то, какъ нужно осмотрительно относиться къ иностраннымъ путешественникамъ. Есть у нихъ, конечно, Ливингстонъ, Бекверъ, Бартъ, Фогель и т. д., есть у нихъ цѣлый рядъ экспедицій; но есть также множество путешественниковъ-туристовъ, авантюристовъ, попавшихъ случайно въ какой-нибудь край. Тамъ каждый пишетъ записки, благодаря тому, что техника писанья упрощена до крайности, распространена гораздо больше, чѣмъ у насъ грамотность, а типографіямъ нужна работа, за читателями же, конечно, не станеть дѣла. Сплошь и рядомъ у нихъ путешествуютъ: богатый человѣкъ, у котораго есть средства и нужно развлеченье; миссіонеръ, у котораго на первомъ планѣ его религіозная миссія, а иногда просто человѣкъ,

¹⁾ Руссель-Килуга. „Черезъ Сибирь въ Австралію и Индію“. 1871. Изданіе „Общественной Пользы“. Путешествіе это совершено было въ 1858 г.

которому все равно, куда ни дѣваться; эксцентрикъ, задавшійся какою-нибудь тенденціей что-нибудь отыскать, что-нибудь доказать, или чиновникъ, солдатъ, купецъ, вольтижеръ и т. п.

Вотъ почему нужно крайне осторожно переводить иностранныя путешествія.

IV.

Обычай монгола въ сравненіи съ европейскими порядками. — Незамѣтность монгольской жизни. — Кладбища. — Роль собакъ. — Въ городѣ: улица, дворецъ кутухты снаружи и храмъ Майдари. — Въ Ганданѣ: кумирня и бесѣда съ ламой. — Буддійскій индифферентизмъ. — Наши отношенія къ буддистамъ у себя дома и въ Монголіи. — Кумирня различныхъ родовъ. — Богослуженіе. — Религиозная процессія. — Монголы поглощаются ламствомъ. — Въ школѣ. — Что дѣлается кругомъ города. — Базарная площадь. — Нищія. — Отношенія въ нищимъ монголовъ и китайцевъ. — Параллель между монголомъ и китайцемъ.

Мнѣ хотѣлось бы изобразить жизнь монгольскаго города со всѣми частностями и подробностями ея обстановки, нарисовать фizioномію монгола со всѣми характеристическими чертами и особенностями въ различныхъ типахъ; но все это такъ трудно дается: съ одной стороны рискуешь дать сухой перечень отдѣльных чертъ безъ внутренней ихъ связи, съ другой — сознаешь, что многого не уловишь, а потомъ и не припомнишь. Какъ, на примѣръ, описать внутренность буддійскаго храма, гдѣ вы видите массу идоловъ крупныхъ и мелкихъ и такое же множество ихъ атрибутовъ и принадлежностей богослуженія? Безъ предварительной подготовки можно затеряться въ кучѣ мелочей и не схватить главнаго, существеннаго. Еще труднѣе уловить особенности фizioноміи. При однообразіи одежды у всѣхъ монголовъ, вы постоянно смѣшиваете ихъ: на кого ни взглянешь, все вамъ кажется, будто вы его гдѣ-то видѣли, а въ сущности вы сошлись съ нимъ въ первый разъ. Все это дается только при изученіи и при болѣе продолжительномъ наблюденіи; а проживши нѣсколько недѣль, вы выносите только смутное понятіе о всемъ видѣнномъ и только намѣчаете впередъ, на что нужно обратить вниманіе.

Поэтому я предлагаю не полное и точное описаніе, но тѣ впечатлѣнія, которыя привелось вынести изъ наблюденія жизни, совершавшейся, такъ сказать, передъ глазами, безъ системы и порядка; я буду только рассказывать о томъ, что привелось видѣть или слышать, и что было доступно путешественнику, временному, неприспособленному наблюдателю совершавшейся передъ нимъ жизни.

А жизнь эта, замѣтимъ, чрезвычайно доступна всякому, какъ на улицѣ, такъ и въ жилищѣ; пронивнуть въ нее нѣтъ запрета никому. Приѣхавши въ Кяхту, съ перваго раза вы скандализируетесь тѣмъ, что вдругъ къ вамъ въ комнату приходитъ незнакомый вамъ человѣкъ, китаецъ или монголъ, въ то время, какъ переднее крыльцо было заперто; онъ нашелъ задній ходъ и вошелъ, не спросивъ ни у кого. Еще больше поразить васъ безцеремонность обращенія: онъ приходитъ, садится съ вами безъ приглашенія и ведетъ рѣчь о томъ, что ему нужно, а это выражается тѣмъ, что онъ будто снимаетъ съ васъ допросъ: кто вы, откуда, зачѣмъ приѣхали? и т. п. Эта безцеремонность имѣетъ иногда весьма непріятныя послѣдствія для посѣтителя, если хозяинъ—человѣкъ горячаго и крутого нрава: онъ смотритъ на непрошеннаго гостя, какъ на дерзваго нарушителя его спокойствія, вдобавокъ подозрѣвая въ немъ намѣреніе обокрасть, и потому выталкиваетъ его нечестью, пинками и тычками; а тотъ, въ простотѣ сердца, не понимаетъ, что онъ тутъ сдѣлалъ дурного, потому что у нихъ таковъ обычай.

У монголовъ всякій подѣзжаетъ къ юртѣ, вяжетъ лошадь къ столбу, непременно тутъ поставленному, и идетъ въ юрту; войдя, садится на корточкахъ или скрестивши ноги, и послѣ обычнаго привѣтствія, состоящаго въ распросѣ хозяина о здоровьи скота, а потомъ и его самого, накладываетъ трубку и беретъ огонь изъ очага. Затѣмъ идетъ взаимное угощеніе табакомъ, потомъ гостю даютъ чаю и еще что есть. Послѣднее можетъ и не быть; но изъ юрты прогнать никого нельзя, хотя бы она была биткомъ набита, и посѣтители стѣснили хозяевъ. Таковъ обычай всѣхъ кочевниковъ, который возводится и въ законъ. Въ монгольскомъ уложеніи есть слѣдующій § 188-й: «Кто не пуститъ проѣзжаго человѣка на ночлегъ и особенно въ зимнее холодное время, и тотъ человѣкъ замерзнетъ, взыскать съ виновнаго за душу, имъ погубленную, 1 десятокъ скотинъ; если же онъ не замерзнетъ, то двухгодоваго быка. Если у пущеннаго на ночлегъ будетъ украдено что-либо изъ вещей или изъ скота, то все то доправить съ хозяина дома».

А между тѣмъ у насъ, на Руси, во многихъ деревняхъ васъ съ трудомъ пустятъ въ избу ночевать, а иногда такъ и останетесь на улицѣ, хотя бы тутъ была самая страшная вьюга, была какая угодно непогода. Въ саратовской колоніи Сарептѣ проѣзжающихъ не впускали послѣ 9-ти часовъ вечера даже въ гостиницу, покуда однажды генераль Слѣпцовъ, извѣстный кавказскій герой, не прибилъ плетью тамошняго содержателя гостиницы.

Это ужъ западно-европейскій порядокъ. Меня однажды въ нѣмецкомъ городѣ Лувденбургѣ (въ Моравіи) не впустили въ гостиницу, потому что я пришелъ позже 10-ти часовъ вечера, и я долженъ былъ ночевать на площади.

Конечно, при существующихъ отношеніяхъ людей въ такъ-называемыхъ цивилизованныхъ странахъ, особенно въ городахъ, если вы растворите двери вашего дома для всѣхъ и каждаго, то можетъ не только не остаться ничего въ домѣ, да и жизнь ваша будетъ не безопасна. Это происходитъ отъ усложненія нашей жизни и внесенія въ нее чего-то ненормальнаго, нарушающаго естественныя отношенія людей; номадь-монголь покуда простъ и натураленъ, не боится этого, и потому крайне доступенъ. Это одна изъ привлекательныхъ сторонъ монгола, заставляющая васъ мириться со многими неудобствами, какія случается испытывать въ его сообществѣ, и съ удовольствіемъ воспоминаемая въ то время, когда вы разстались съ нимъ и находитесь среди цивилизованнаго міра. Въ немъ много природнаго гуманнаго начала, котораго не встрѣтите у его своеобразно цивилизованнаго и господствующаго надъ нимъ сосѣда, китайца. Нѣтъ ничего легче, какъ войти въ его простую незамкнутую жизнь: вамъ всегда открыта его юрта, его общественныя увеселенія, его храмы; только жилище гыгэна-кутухты и священныя рощи окружены таинственною неприступностью; но это одинаково какъ для иностранца, такъ и для монгола: тутъ нужно особенное разрѣшеніе за пожертвованіе или по протекціи, и иностранцу добиться его еще легче. Кутухту простые монголы видятъ только во время празднествъ, когда его выносятъ для благословенія народа; а русскій приставъ нашей миссіи, Игумновъ, въ 1794 г., представлялся ему лично въ его собственныхъ покояхъ.

Буддизмъ какъ нельзя больше пришелся по нраву монголамъ. Излагая исторію развитія буддизма, проф. Васильевъ характеризуетъ его слѣдующимъ образомъ: «Руководящею идеею первоначальнаго буддизма было: «все, что согласно съ здравымъ смысломъ или, говоря вообще, съ обстоятельствами, то, какъ согласное съ истиной, и должно быть принято за руководство, то только и могъ преподавать учитель-будда», — поэтому онъ измѣнялся не въ идеѣ и догматахъ, а въ учрежденіяхъ, сообразно съ климатомъ и вообще съ природой и людьми. Въ этомъ изреченіи обширное поприще для будущаго развитія» ¹⁾. Поэтому буддизмъ нисколько не нарушилъ простоты и естественности нравовъ приняв-

¹⁾ Буддизмъ—его догматы, исторія и литература. Ч. I, стр. 18 и д.

шаго его народа, а напротивъ, освятилъ ихъ и упрочилъ; во многихъ случаяхъ онъ смягчилъ нравы, внушая, напримѣръ, чувство любви и милости къ бѣдняку. Типомъ монгола-буддиста въ отдаленной древности является Кублай-ханъ, какимъ изображаетъ его Марко Поло. «Одѣржавъ большую побѣду (надъ дядею Наяномъ),—говорить знаменитый путешественникъ,—великій ханъ вступилъ съ великою пышностію и торжествомъ въ столицу Камбалу (Пекинъ). Это было въ ноябрѣ: онъ жилъ тамъ еще въ февралѣ и мартѣ; въ послѣднемъ мѣсяцѣ приходился нашъ праздникъ Пасхи. Зная, что это одинъ изъ главныхъ нашихъ праздниковъ, онъ велѣлъ всѣмъ христіанамъ явиться къ нему, и принести съ собою то священное писаніе, въ которомъ заключается четвероевангеліе. Окуривъ торжественно ладаномъ эту книгу, онъ благоговѣнно поцѣловалъ ее; то же должны были сдѣлать, по его приказанію, и всѣ тутъ бывшіе вельможи. *Это у него постоянный обычай при всякомъ большомъ праздникѣ у христіанъ о Рождествѣ и о Пасхѣ; то же соблюдалъ онъ и въ праздники сарацинъ, жидовъ и язычниковъ.* Когда спросили его, зачѣмъ онъ дѣлаетъ это, онъ отвѣчалъ: «Есть четыре пророка, почитаемые и обожаемые четырьмя разными племенами міра: христіане почитаютъ Иисуса Христа, сарацины—Магомета, жиды—Моисея, а у язычниковъ самый вышній богъ—Согономбаръ-Канъ (Шекіамуни). *А я почитаю всѣхъ четырехъ и молю о помощи себѣ того, кто въ самомъ дѣлѣ выше всѣхъ изъ нихъ»* ¹⁾.

Одна язва, поразившая монголовъ съ принятіемъ буддизма, это—аскетизмъ и ламство, явленія, вытекшія изъ самаго ученія и достигшія громаднаго развитія вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ. Объ этомъ мы еще поговоримъ послѣ, а повуда прослѣдимъ жизнь въ Ургѣ, держась избраннаго сначала пункта отправленія—нашего консульства.

Находясь между монгольскимъ городомъ и вѣтайскою торговою слободою, въ разстояніи отъ перваго въ четырехъ, отъ второй въ трехъ верстахъ, русское консульство ближе всего стоитъ къ царству мертвыхъ. Почти прямо передъ нимъ на краю утора стоитъ высокій деревянный крестъ на могилѣ жены перваго ургинскаго консула и строителя этого дома Боборывина, и рядомъ маленькая могила ребенка одного изъ служащихъ при консульствѣ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи по обѣ стороны, къ Ургѣ и къ Маймачену, находятся два монгольскія кладбища.

¹⁾ Путешествіе Марко Поло. 2 кн., 2 глава. Перев. Шемякина. Читен. въ Общ. Ист. и Древ. М. 1862. Кн. II.

Съ названіемъ монгольскаго кладбища однако не соединяйте того представленія, какое существуетъ вообще о кладбищахъ. Здѣсь вы не встрѣтите не только никакихъ памятниковъ и знаковъ на поверхности, но и никакихъ признаковъ могилъ, потому что ихъ здѣсь и нѣтъ. Это совершенно открытое и голое поле, и, прийдя на него, вы увидите только всюду валяющіяся человѣческія восты. Эти кладбища отъ консульства по обѣ стороны въ одностороннемъ разстояніи, и одно изъ нихъ, ургинское, отлично видно изъ самаго консульства. Каждый почти день вашимъ глазамъ представляется такая картина: на равнинѣ появилось какое-то большое черное пятно; оно движется, волнуясь, становится то меньше и гуще, то шире и рѣже, и вы ясно видите, что это стая собакъ, которая то сбивается въ жучу, то разсыпается. Это онѣ хлопчатъ надъ только-что положеннымъ человѣческимъ тѣломъ. Окончивши свое дѣло, собаки разбредутся, и только тогда вы можете отправиться туда, гдѣ найдете еще цѣлѣхонькую человѣческую голову, тамъ-самъ другія восты, кусочки шубы, въ которую былъ одѣтъ покойникъ, и дыравый войлочекъ, на которомъ онъ былъ положенъ.

Покуда собаки не разошлись, отправляться туда не безопасно. Одинъ разъ, ѣхавши въ Ургу вдвоемъ съ казакомъ, я своротилъ туда, когда тамъ еще были собаки: голова, руки и ноги были уже оторваны отъ тѣла, волочились также и внутренности, а нѣсколько собакъ заняты были самымъ туловищемъ, уткнувшись мордами межъ реберъ, еще необломанныхъ; всѣ собаки были заняты, но только мы подѣхали, онѣ кинулись къ намъ: хватали лошадей за хвостъ или наровили поймать за морду, одна кидалась прямо на крестецъ лошади. Мы, съ трудомъ сдерживая лошадей, не давались на утѣкъ, а твердо держались одного направленія будто мимо, и этимъ маневромъ избавились. Бывали случаи, что собаки кидались на пѣшеходовъ и растерзывали ихъ; между прочимъ, растерзали одну вращеную монголку, шедшую въ консульство за полученіемъ милостыни.

Такимъ образомъ, собаки здѣсь исполняютъ роль могильщиковъ, и, благодаря имъ, тѣло здѣсь не залежится и полдня. Когда мнѣ нужно было собрать монгольскихъ череповъ (для этнографической коллекціи), то я наблюдалъ, какъ соберутся собаки, и черезъ часъ послѣ того я находилъ голову готовую, а остальные части были уже растащены. Череповъ дѣтскихъ и молодыхъ субъектовъ я не могъ найти цѣльныхъ, потому что собаки легко ихъ раскусываютъ, да и отъ взрослыхъ, чтобы получить съ нижнею челюстью, нужно торопиться. Поэтому я

полагаю, что Гюэз только для эффекта рассказываетъ, будто въ Долонь-норъ и Хуху-хотонъ онъ видѣлъ вездѣ валяющіеся человѣческіе трупы, заражающіе воздухъ своимъ гніеніемъ. Тамъ такъ много собакъ, что на нихъ недостаетъ пищи. Въ Ургѣ ихъ навѣрное не одна тысяча, и всѣ онѣ безхозьяныя: на свободѣ плодятся, никто не кормитъ ихъ и не заботится о нихъ; зато никто не смѣетъ и убить ни одной собаки.

Въ городѣ собаки, однако, чувствуютъ себя въ чужой области, и потому не жидаются и не лаютъ на людей, развѣ только какая-нибудь оценившаяся подѣ заборомъ оберегаетъ своихъ щенятъ, или привыкшая около какой-нибудь юрты, и потому считающая себя ея стражемъ. Собаки составляютъ непремѣнную и характерную принадлежность всѣхъ монгольскихъ городовъ.

Кромѣ кладбищъ около консульства нѣтъ ничего, что могло бы привлечь ваше вниманіе. Поэтому берите лошадей и отправляйтесь въ городъ.

Между высокими частозолотъ идутъ узенькія улицы, но домовъ въ улицѣ нѣтъ; изъ-за частозола иногда виднѣются еще выше его наложенныя полѣнницы дровъ, мелкихъ, коротенькихъ, тщательно уложенныхъ; ворота украшены лоскутками красной бумаги съ надписями, выражающими различныя нравственныя сентенціи, и всегда почти заперты на замкъ. Передъ воротами чисто выметено, а у противоположнаго забора и среди улицы бугромъ намерзли всевозможныя нечистоты, такъ что лошади ваша скользятъ, и вы бережетесь, чтобъ она не шлепнулась на бокъ. Людей тутъ мало, они не любятъ ни проходить, ни проѣзжать по этимъ улицамъ, и пробираются въ храмы или на базаръ околицей; только собаки уныло бродятъ или грѣются противъ солнышка подѣ заборомъ; одна расположилась тутъ съ маленькими щенятами, которые, визжа и тискавъ лапами, теребятъ тонкія груди своей голодной кормилицы. Черезъ отворенныя ворота вы увидите внутри двора войлочныя юрты и китайскія мазанки. Улицъ здѣсь немного, и всѣ онѣ коротки; выходомъ всѣмъ имъ служить большая базарная площадь, или площади, на которыхъ стоятъ кумирни, дворецъ кутухты и другія зданія, относящіяся къ нимъ.

Прерываясь площадью, городъ продолжается по другую ея сторону, которая называется *Барднъ-курэ* (западный городъ), гдѣ находятся лавки и китайскіе дома; тамъ же живутъ и трое русскихъ купцовъ.

Дворецъ кутухты занимаетъ довольно обширное пространство; онъ имѣетъ общій видъ кумирни: черепичныя крыши съ загнутыми

тymi кверху краями въ нѣсколько этажей украшены позолоченною рѣзкою изъ жести, идущею по краямъ и по коньку; тутъ вы видите уродливыя изображенія львовъ, драконовъ и другихъ животныхъ; кругомъ деревянные столбики и перилца, раскрашенные въ различные цвѣта; надъ крышей поднимаются позолоченныя шпицы, на нихъ и по краямъ крыши навѣшаны такія же колокольчики, которые вѣчно шевелятся и позваниваютъ. Кругомъ сѣрая каменная стѣна, надъ воротами башенка, и такія же башенки идутъ по стѣнѣ кругомъ. Передъ нимъ большая четырехугольная площадь, отгороженная жердями, посреди ея высокой помостъ, въ родѣ трибуны, а передъ самыми воротами два высокихъ столба, вышиною сажень по 5 или по 7, покрашенные красною краской и съ золочеными верхушками. Такіе столбы, различные по величинѣ, ставятся обыкновенно передъ кумирнею, ямунемъ (присутственное мѣсто) и домою знатнаго чиновника. Между дворцомъ и находящеюся передъ нимъ площадью можно проходить только пѣшкомъ, а проѣзжать на лошади запрещено, и за исполненіемъ этого условія слѣдять сидяціе у воротъ ламы.

Изъ всѣхъ храмовъ наружнымъ видомъ своимъ особенно выдается храмъ *Майдари*, божества, которое должно явиться для обновленія человѣчества, когда оно дойдетъ до послѣдней степени измельчанія. Храмъ Майдари — тибетской архитектуры, которая очень близко подходитъ къ нашей европейской. Это высокое квадратное зданіе, въ родѣ нашей церкви, съ плоскою крышей, края стѣнъ съ зубцами, какъ на рыцарскомъ замкѣ; кругомъ нарисованы четырехугольные окна. Внутри его, по срединѣ, на высокой эстрадѣ огромная статуя Майдари. Онъ изображенъ сидящимъ на креслѣ, и въ этомъ положеніи высота его — сажень 5; ступня ноги болѣе 1½ аршина. Вся статуя отлита изъ мѣди по частямъ и покрыта густою позолотой. Кромѣ громадности, вся фигура представляетъ правильныя формы человѣка: онъ долженъ возратить человѣчеству красоту, силу и огромный ростъ, утраченные имъ вслѣдствіе грѣховной жизни.

Передъ нимъ, какъ обыкновенно, длинный столъ, уставленный вурильницами, золотыми и серебряными сосудами, въ которыхъ находятся хлѣбныя зерна, коровье масло, вино и т. п.; тутъ же разложены различные подарки: куски матерій, каменные издѣлія, огромныя морскія улитки, колокольчики, весь онъ обвѣшанъ хадаками. Кругомъ по стѣнамъ зданія разставлено множество другихъ бурхановъ; тутъ же священныя картины на бумагѣ и на матеріяхъ. Справа, у входа, лѣсенка, по которой можно подняться и обойти кругомъ по галлереямъ: это,

конечно, сдѣлано для того, чтобъ можно было сметать и стирать съ бурхановъ пыль и копотъ, и нужно правду связать: ламы очень старательно блюдутъ чистоту въ храмахъ. Такъ какъ средина храма занята Майдари, то помѣщеніе въ немъ довольно тѣсное, и я не думаю, чтобъ онъ могъ вмѣстить больше 200 человѣкъ; поэтому, придя туда во время богослуженія, мнѣ привелось постоять только у дверей. Впрочемъ, кумиренъ такъ много, что всегда есть возможность насмотрѣться на монгольское богослуженіе. Въ Ганданѣ есть большая кумирня, въ которой въ небольшомъ саркофагѣ, кажется, серебряномъ, хранится пепель отъ сожигаемыхъ кутухъ. Бывши въ этомъ храмѣ, я, по обычаю, принесъ въ даръ бурханамъ хадакъ, а ламѣ, который водилъ меня, на прощанье подарилъ серебряный рубль. Когда я пояснилъ ламѣ, что рубль этотъ назначается ему лично, онъ отказался, и принялъ съ тѣмъ, что положить его въ церковную казну, и тутъ же спросилъ мое имя, чтобъ записать. Оказалось, что это ему нужно было для поминовенія во время моленья. Я замѣтилъ ему, что я другой вѣры; замѣчаніе это вызвано было еще тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ кумирняхъ, видя, какъ я приношу хадаки ихъ бурханамъ, считали меня за русскаго буддиста, въ родѣ бурята. На это мнѣ лама отвѣтилъ: «У насъ этого не разбираютъ; мы молимся за всѣхъ, кто молится нашимъ бурханамъ, а молитва простыхъ людей выражается подарками имъ; вѣрь много, а богъ одинъ у васъ и у насъ, мы только на разныхъ языкахъ и разными способами молимся». Тутъ же онъ предлагалъ мнѣ принять ихъ вѣру, убѣжденный самъ вполне, что между русскими много буддистовъ; конечно, это относилось къ инородцамъ, но онъ не дѣлалъ различія между ними и чистыми русскими. Убѣждая меня принять буддизмъ, лама не обнаруживалъ нисколько того прозелитизма, который пробивается у всѣхъ миссіонеровъ; онъ говорилъ, что буддизмъ они считаютъ выше другихъ вѣръ, но, можетъ быть, найдется и еще лучше, и эта лучшая вѣра будетъ христіанская, они, однако, не должны измѣнять своей вѣрѣ изъ того почтенія, которое должно оказывать предкамъ. У буддиста нѣтъ этого, чтобъ онъ всякаго, исповѣдующаго другую вѣру, считалъ нечистымъ или, какъ у насъ говорятъ, *поанымъ*; онъ не допускаетъ только возможности, чтобъ не-буддисты могли стать на одинаковой степени съ буддистами въ послѣдствіи, въ будущей жизни, въ безконечномъ ряду метемпсихозъ; онъ убѣжденъ, что души не-буддистовъ въ будущей жизни вселятся въ низшія существа, а въ этой жизни онъ уважаетъ въ васъ вашъ человѣческій образъ. Въ кумирнѣ ихъ вы можете все разсматривать, до всего дотрогиваться, только бы

они были увѣрены, что вы ничего не испортите и не утащите, въ чемъ иногда сомнѣваются, не видя во многихъ изъ насъ должной осторожности и деликатности. Отсутствіе прозелитизма въ буддистахъ и въ православныхъ русскихъ ведетъ къ тому, что въ Сибири между русскими и бурятами не только нѣтъ ни малѣйшаго національнаго и религіознаго антагонизма, но, живя въ со-сѣдствѣ, они многое перенимаютъ другъ у друга, а кто находится въ меньшинствѣ, тотъ невольно поддается влиянію окружающаго большинства. Русскіе, живущіе въ глухихъ мѣстахъ между бурятами, съ почтеніемъ относятся къ ихъ ламамъ, вѣруя въ ихъ высшія познанія, въ ихъ умѣнье лечить и нѣкоторую святость; проѣзжая въ опасныхъ мѣстахъ мимо поставленныхъ тамъ обоновъ, они всегда встаютъ съ лошадей въ знакъ почтенія; вѣрять въ бурятскія заклинанія и прибѣгаютъ къ нимъ, чтобъ имѣть удачу на охотѣ или оградить себя и свой скотъ отъ звѣря и лихого человѣка и т. п. Фактъ, конечно, весьма грустный, самъ по себѣ, такъ какъ доказываетъ низкую степень умственнаго развитія тамошняго населенія; но нужно замѣтить, что это суевѣріе и соединенные съ ними обряды не такъ дико, какъ многія суевѣрія наши, коренныя русскія, какъ, напр., купаніе вѣдьмы въ рѣкѣ, чтобъ она дождь пустила, заколачиваніе осиноваго кола въ умершаго колдуна и т. п. Фактъ заимствованія другъ у друга, какъ выраженіе добрыхъ отношеній двухъ народностей и двухъ вѣръ, по-моему, весьма утѣшительный. Буряты взаимно оказываютъ еще большее уваженіе къ нашимъ вѣрованіямъ: тамъ же въ пустынныхъ мѣстахъ, гдѣ есть часовня, буряты-буддисты заходятъ въ нихъ, молятся по-своему и дѣлаютъ приношенія, посылаютъ свѣчи или деньги на свѣчи въ наши церкви, въ особенности Николаю Чудотворцу. На картинѣ, изображающей какого-то героя на бѣломъ конѣ, поражающаго чудовище, они видимо все болѣе и болѣе подражаютъ изображенію нашего Георгія Побѣдоносца; а на одномъ праздникѣ, при которомъ замаскированными ламами совершается религіозная пляска боговъ, одинъ изъ боговъ — *цананъ-убуунъ* (бѣлый старикъ) изображается въ видѣ Николая Чудотворца. Еще болѣе утѣшительно то, что многіе буряты, даже не крещеные, мало-по-малу переходятъ къ осѣдлой жизни, учась отъ русскаго народа обрабатывать землю, устраивать лучше свои жилища, печь хлѣбъ и т. д. Только преслѣдованія, воздвигаемыя по временамъ противъ нихъ фанатиками изъ мѣстныхъ начальниковъ и миссіонеровъ, выражающіяся такими мѣрами, какъ уничтоженіе обоновъ и школъ при дапанахъ, и усиленное по-нужденіе къ крещенію, портятъ эти отношенія, возбуждая въ

преслѣдуемыхъ фанатизмъ. Монголы и ихъ ламы вообще относятся къ намъ очень дружелюбно, любятъ разспрашивать о нашемъ «бѣломъ царѣ» (цаганъ-ханъ) и при этомъ выражаютъ свою готовность служить ему, причеиъ страшно ругаютъ китайскихъ чиновниковъ; но всегда выражаютъ сожалѣнiе о насильственномъ будто бы вращенiи бурятъ, о чемъ у нихъ идетъ общая молва.

Кромѣ кумиренъ, построенныхъ изъ камня, въ Ургѣ есть еще 27 кумиренъ, принадлежащихъ 27 хошунамъ (округамъ), имѣющихъ видъ огромныхъ юртъ. Это настоящая войлочная юрта, только основу ея составляютъ не *ламы*—тонкая рѣшетка, сжимающаяся и растягивающаяся, а столбы и перекладины, къ которымъ примкнуты крупныя рѣшетки, внутри очень прочныя связи изъ брусевъ и толстыхъ жердей, такъ что постройка выходитъ весьма солидная, благодаря тому, что въ окрестностяхъ Урги достаточно хорошаго строевого лѣса. Въ другихъ же мѣстахъ подобныя временныя кумирни гораздо меньше по объему и легче по постройкѣ. Это такъ-называемыя *дуны*, которые находятся въ мѣстахъ удаленныхъ отъ дацановъ, куда стекается народъ на богомолье только въ извѣстные праздники: при нихъ обыкновенно постоянно находятся двѣ-три, а иногда до 20-ти юртъ; инныя же изъ нихъ разбираются и перевозятся съ одного мѣста на другое.

Входимъ въ одну изъ такихъ кумиренъ во время службы.

Высокій круглый сводъ съ обычнымъ отверстiемъ вверху поддерживается столбами, расположенными четырех-угольникомъ; между ними помѣщены лавки по направленiю отъ двери впередъ, а въ самомъ передѣ алтарь, т.-е. столъ, уставленный различными богослужебными предметами, на немъ же и за нимъ стоятъ бурханы. Ламъ всѣхъ болѣе 200. Они рѣзко различаются между собою: одни имѣютъ на головахъ высокiя желтыя шапки съ коническими верхушками, и, какъ въ римскiя тоги, драпируются въ широкiе плащи желтой и красной шелковой матерiи; другiе съ голыми бритыми головами и въ грязныхъ оборваныхъ покрывалахъ краснобураго цвѣта. Цвѣтомъ одежды опредѣляются различныя степени ламскаго достоинства, и за несоблюденiе этого предписанiя подвергаются—высшiе ламы штрафамъ, составляющимъ 1 девятую скотинъ, а низшiе—ста ударамъ. Съ этимъ, конечно, связана и разница въ богатствѣ, слѣдовательно въ средствахъ жизни; но, несмотря на эту разницу, они всѣ почти отличаются здоровьемъ и довольствомъ. Высшiе ламы находятся впереди: одинъ главный стоитъ у самаго престола, кричитъ что-то,

схватываетъ колокольчики и неистово звонить ими; другіе сидятъ, поджавши подъ себя ноги, и, держа передъ собою тетради, читаютъ; но чтеніе это особенное: они читаютъ не шевеля губами, и отъ этихъ, неподвижно сидящихъ, жирныхъ, съ лоснящимися лицами человѣческихъ фигуръ выходитъ какой-то гулъ. По временамъ главный лама, обратившись ко всѣмъ, провозглашаетъ какую-то фразу, и все собраніе подхватываетъ ее и твердить нѣсколько разъ на-распѣвъ. Въ это время нѣкоторые ударяютъ, что есть силы, въ висящіе передъ ними бубны, а другіе бьютъ металлическими тарелками одну объ другую: тутъ вы слышите и самый высочій, дерущій ухо, дискантъ или теноръ, и ревуцій басъ; громъ бубна смѣшивается съ дребезжащимъ звономъ тарелокъ, а передній лама кричитъ, ломается и звонить въ колокола. Потомъ все стихло, протянулъ немного визгливый теноръ, а густой басъ какимъ-то бороздящимъ звукомъ тянетъ долго, точно какъ надутый мѣхъ въ органѣ, не можетъ остановиться, покуда не выпуститъ всего воздуха. Служба эта продолжалась нѣсколько часовъ: ламы преспокойно выходятъ и опять возвращаются; въ заключеніе принесли просо и стали раздавать всѣмъ: каждый бралъ—кто въ особый мѣшочекъ или кисетъ, или въ платокъ. Опять крикъ и громъ, и все на одинъ ладъ. Поютъ они, видимо, безъ всякаго пониманія: иной въ это время зѣваетъ по сторонамъ, другой закрылъ глаза и деретъ себѣ, какъ будто онъ тутъ одинъ. Но вотъ, послѣ нѣкоторой паузы, передніе ламы поднялись съ мѣстъ и взяли различные музыкальные инструменты. Прежде всего послышался какой-то отрывисто-скрипучій звукъ—тыръ-тыре-тыръ,—точно ворота отворяютъ; онъ выходитъ изъ двухъ, сложенныхъ вмѣстѣ, большихъ раковинъ, въ щель между которыми сильно дулъ одинъ изъ музыкантовъ, съ краснѣвшимися лицомъ и съ глазами, хотѣвшими выскочить; потомъ присоединилась дудка и совершенно не въ тонъ потянула одну рѣзкую ноту, затѣмъ еще и еще—дудки, трубы, тарелки, бубны. Все это сначала трещить, пищать, гудить, а потомъ сливается въ одинъ звукъ, который растетъ, идетъ фугой и достигаетъ такой силы, что вы чувствуете внутри себя дрожаніе. Другіе ламы въ это время подъ балдахиномъ несутъ на головахъ какого-то бурхана, а подлѣ несутъ знамена или значки, и вся толпа съ ревомъ выходитъ вонъ. Есть тутъ что-то потрясающее и торжественное.

Процессія двинулась вонъ изъ города; по пути толпа росла, и съ нею усиливался ревъ. Дошли до мѣста, гдѣ была сложена изъ полѣненьвъ пирамида, и въ срединѣ ея видѣлась человѣче-

ская фигура, слѣпленная изъ тѣста. Это было молебствіе для предотвращенія дунганскаго нападенія. Дойдя до пирамиды, ламы, несшіе бурхана, поставили его со столомъ, на которомъ несли, на землю, и вмѣстѣ съ другими высшими ламами сѣли въ два ряда другъ противъ друга, а остальные ламы и свѣтскіе стали на одно колѣно. Снова было чтеніе и пѣніе, и въ заключеніе всѣ подходили къ бурхану, падали передъ нимъ на землю и прикасались къ нему головой, или рукой касались сначала своей головы, а потомъ его. Потомъ снова его подняли; а одинъ изъ главныхъ ламъ въ это время зажегъ пирамиду. Сухія дрова, можетъ быть, облитыя чѣмъ-нибудь горючимъ, быстро вспыхнули, и пламя съ трескомъ охватило пирамиду до-верху. Одинъ моментъ это былъ столбъ пламени. Минуты черезъ три пирамида рухнула, дрова рассыпались. Нужно было посмотрѣть, что тутъ сдѣлалось: толпа нищихъ кинулась подбирать недогорѣвшія полѣнья, туша ихъ объ землю; въ той же толпѣ тискались собаки, тоже, видно, предполагая какую-нибудь добычу. Сдѣлалась общая свалка: собака сбивала съ ногъ человѣка, человѣкъ давилъ собаку, та визжала, но не кусалась и продолжала тискаться впередъ. И тѣ, и другіе были здѣсь на нейтральной территоріи; никто не былъ здѣсь хозяиномъ, и каждый старался воспользоваться только своею долей.

Такимъ образомъ, сожженная кукла изображала дунгана, и постоянно совершаемыя молебствія въ кумирняхъ и торжественныя процессіи вокругъ города, по мнѣнію благочестивыхъ буддистовъ, совершенно обезпечивали Ургу отъ нападеній непріятеля; но тѣмъ не менѣе, когда кто-то, вбѣжавши въ Ганданъ, крикнулъ: «хой-хой ирн!»—всѣ ламы кинулись оттуда поголовно на утекъ въ Курень, и единственную надежду полагали на защиту русскихъ казаковъ. Это была фальшивая тревога, произведенная, кажется, мошенниками съ цѣлью грабежа, что послѣ и оказалось, когда ламы не досчитались многого въ своихъ повинутыхъ юртахъ.

Не знаю, вѣрятъ ли простые монголы въ дѣйствительность ламскихъ молитвъ и процессій, или дѣлаютъ свои приношенія по обычаю предковъ и собираются на нихъ изъ любви къ зрѣлищамъ; ламы, конечно, не вѣрятъ, но находятъ все это выгоднымъ для себя, и потому продолжаютъ усердствовать.

Мы уже имѣли случай показать, какое значеніе для Урги имѣлъ кутухта со всѣмъ ламствомъ. Это чувствуется вездѣ, куда бы ни ступили въ Монголіи. Тамъ, гдѣ по естественному положенію мѣстности нѣтъ возможности собрать большое населеніе,

чтобъ на его счетъ содержать цѣлый монастырь со множествомъ кумиренъ, тамъ они строятъ *дугуны*; кромѣ того, есть еще *шутоны*—маленькія деревянныя будочки, въ которыхъ хранятся книги *санджуръ-данджуръ*—это тибетская біблія, впрочемъ тибетской премудрости; или ставятся маленькія часовенки съ выгнанными изъ глины бурханами и *обоны*, изъ которыхъ многіе представляютъ довольно большія сооруженія. И на всѣхъ этихъ пунктахъ, крупныхъ и мелкихъ собираются массы народу, и каждый сюда приноситъ усиленную, а иногда и очень усиленную жертву, и все это достается въ руки ламъ. А какая ихъ бездна! Если не третій, то навѣрное каждый четвертый монголъ—лама. Въ каждой юртѣ есть непремѣнно хоть одинъ свой лама; сплошь и рядомъ 7-ми-лѣтнему мальчишкѣ брѣютъ голову и дѣлаютъ его ламой. Правительство, конечно, старается ограничить число ихъ настолько, насколько это отражается на его финансахъ, такъ какъ лама избавляется отъ податей и повинностей; но оно опредѣляетъ штатъ только относительно дацановъ, а до тѣхъ ламъ, которые живутъ въ частныхъ юртахъ, ему дѣла нѣтъ, потому что подати и повинности отбываются за него тѣмъ семействомъ, которому онъ принадлежитъ; семейству же выгодно платить за него, такъ какъ онъ своимъ званіемъ приноситъ ему гораздо больше, чѣмъ сколько приходится платить. Лама, хотя бы жилъ дома, всегда имѣетъ доходъ: онъ исполняетъ религіозныя требы, служитъ писаремъ и вообще, какъ грамотникъ, пользуется вліяніемъ; къ нему обращаются за совѣтомъ въ каждомъ дѣлѣ, не говоря уже о леченіи какъ людей, такъ и скота, которое всецѣло находится въ ихъ рукахъ, и за все получаетъ не деньгами, а натурой, скотомъ: барана, быка, лошадь, а въ болѣе важныхъ случаяхъ и цѣлый табунокъ. Въ приобрѣтеніи они имѣютъ особенную ловкость. Большинство изъ нихъ живетъ въ довольствѣ. Есть, конечно, и ламы бѣдныя, но они во всякомъ случаѣ богаче простыхъ или *черныхъ* (хара), какъ ихъ называютъ въ отличіе отъ ламъ. Многіе же владѣютъ значительными табунами, занимаются торговлей и почти исключительно въ ихъ рукахъ находятся подряды по перевозкѣ товаровъ и по снаряженію каравановъ. Если вамъ говорятъ, что вамъ даютъ ламскаго коня, это значитъ—конь добрый, такой, что только урвать, да умчать. Лама щеголяетъ сѣдломъ и всею сбруей; онъ не куритъ табаку, зато нюхаетъ, и ни у кого нѣтъ такой дорогой табакерки, какъ у ламы: самая обыкновенная табакерка бѣлаго нефрита, въ серебряной оправѣ, съ коралловой пробкой стоитъ рублей 10. Вотъ почему каждый монголъ желаетъ если не самъ быть ламой, то посвя-

титъ въ ламы одного изъ своихъ дѣтей, а если ихъ много, то и въ ламы назначаются нѣсколько.

Ламы—это настоящіе господа въ Монголіи, паразиты, живущіе насчетъ богатыхъ и знатныхъ, равно какъ и простыхъ бѣдняковъ. Народъ, однако, повидимому, не тяготится этимъ: по крайней мѣрѣ, мнѣ не приходилось слышать жалобъ на нихъ, какія слышатся, напримѣръ, у нашего народа противъ своего духовенства. Причина этого заключается отчасти въ томъ, что монголь вообще не скупъ и не цѣнить своихъ богатствъ, для приобрѣтенія которыхъ онъ не трудился: все ему Богъ даетъ, поэтому онъ и старается угодить его представителямъ; отчасти же, какъ мы видѣли, это уравнивается тѣмъ, что каждое семейство имѣетъ своего ламу; бѣдняки же, которые не могутъ добиться чести имѣть своего ламу, такъ принижены и свыклись съ своимъ положеніемъ, что смотрятъ на все равнодушно, какъ будто такъ и должно быть. Ихъ давятъ богатые свѣтскіе люди, чиновники и правители, отнимая послѣднее, заставляя пасти чужія стада и загоняя на посылахъ послѣднюю лошаденку и его самого, отнимая у него красивую жену или дочь. Ламы для бѣдняковъ являются будто благодѣтелями: приобрѣтая все даромъ, они щедрѣ простыхъ. Множество бѣдняковъ кормятся около дацановъ. Нужно, впрочемъ, отдать справедливость ламамъ въ томъ отношеніи, что они отчасти и оказываютъ услуги народу—леченіемъ, развитіемъ ремесла и торговли, посредничествомъ между имъ и купцами, и наконецъ, знакомясь съ тибетскою наукой и скитаясь по свѣту, даютъ какой-нибудь импульсъ умственной дѣятельности монгола, хотя, конечно, весьма слабый; но и этого нельзя сказать о распространяемой ими грамотности, которая въ томъ зачаточномъ, грубомъ видѣ, въ какомъ сообщается большинству, скорѣе скрываетъ мысль, чѣмъ развиваетъ. Обѣтъ безбрачія, строго предписываемый имъ закономъ, въ дѣйствительности не соблюдается. Такъ, закономъ строго запрещено пускать женщинъ въ дацаны, а лама не смѣетъ ночевать въ одной юртѣ съ женщинами, особенно если онѣ одни. Но о соблюденіи этого условія никто и не думаетъ. Есть у монголовъ монахини—это *шабаганца*, женщина, давшая обѣтъ безбрачія: она стрижетъ голову и носитъ широкую длинную ленту краснаго цвѣта, которая перекидывается черезъ лѣвое плечо и подъ правымъ у талии завязывается такъ, чтобы концы съ боку висѣли почти до полу; входя въ юрту, она развязываетъ ленту и, взявши ее въ обѣ руки, подноситъ ко лбу и кланяется въ землю передъ бурханами. Шабаганцы живутъ въ юртахъ, но имѣютъ законный до-

ступъ въ дацаны и вхожи въ жилища ламъ, которымъ и замѣняютъ иногда женъ. Но это, безъ сомнѣнiя, бываетъ рѣдко, потому что отношенiя эти могутъ имѣть невыгодныя для обѣихъ сторонъ послѣдствiя, да и женщины эти большею частiю очень старыя или больныя, дѣйствительно преданныя своему обѣту. Ламы устраиваютъ свои дѣла проще. Около дацановъ всегда садятся своими юртами и простые монголы; въ этихъ же юртахъ помѣщаются и ламскiя жены. Въ Ургѣ подобнаго рода отношенiя дошли, наконецъ, до такой простоты, что правительство нашлось вынужденнымъ отселить женщинъ подальше. Теперь тамъ образовался цѣлый улусъ или селенiе изъ ламскихъ семействъ. Связи ихъ не прекратились. Въ этомъ улусѣ ламы ведутъ торговлю черезъ свои семейства; тамъ же работаютъ сѣдла, узды, шапки, различную одежду, ханi для юртъ, круги для ихъ верха, вяжутъ войлоки и т. п., и все это привозится на продажу въ Ургу.

Это еще ничего: здѣсь каждый имѣетъ свою семью и объ ней заботится; но лама, имѣющiй какое-нибудь значенiе, куда бы ни прiѣхалъ, непременно получаетъ жену: понятно, что таковой обычай вносить значительную долю разврата въ общую семейную жизнь.

Для поддержанiя ламскаго контингента въ Ургѣ есть школа, въ которой учатъ религiи. Вотъ что представляетъ эта школа.

Зданiе, въ которомъ оно помѣщается, находится близъ храма Майдари: снаружи оно представляетъ длинный каменный домъ съ черепичною крышею въ китайскомъ вкусѣ, а внутри помѣщенiе во весь домъ, раздѣленное 16-ю рядами столбовъ, поддерживающихъ крышу, а въ каждомъ промежуткѣ между этими столбами по два ряда лавокъ, на которыхъ сидятъ ученики съ поджатыми подъ себя ногами. Сосчитавши, сколько сидѣло на одной лавкѣ и сколько лавокъ, я пришелъ къ заключенiю, что тамъ помѣщалось до 700 учениковъ. Дверей трое: одна въ серединѣ двустворчатая, а съ боковъ тутъ же еще двѣ поменьше. По обѣ стороны дверей сидѣли на возвышенiяхъ два ламы; у каждаго въ рукѣ была палка, въ родѣ булавы; это надзиратели или блюстители порядка. Въ самомъ передѣ были бурханы и тамъ стояли ламы-учители. Какъ и въ храмѣ, они выкрикивали какую-нибудь фразу, а остальные за ними твердили ее нѣсколько разъ нараспѣвъ. Когда я вошелъ (это было часу во 2-мъ пополудни), ученiе шло въ полномъ разгарѣ, т.-е. крикъ былъ ужасный. Но ученики продолжали входить въ боковыя двери. Войдя, каждый становился на колѣни передъ надзирателемъ, и подставлялъ

ему спину, а тотъ отпускаятъ три удара палкой. Одинъ изъ нихъ совершалъ это чрезвычайно спокойно, видимо—исполнялъ одну форму: онъ билъ по вздувшейся на спинѣ шубѣ, и наказанный уходилъ отъ него смѣясь, чему вторили его товарищи; другой же билъ не такъ громко, но наравилъ ударить по кости, по плечу или ближе къ шеѣ. Поэтому, его стороны всѣ избѣгали, и если попадались двое, то, конечно, по ошибкѣ или второпяхъ. Иногда кто-нибудь проскальзывалъ въ дверь незамѣтно и занимать свое мѣсто на скамейкѣ; тогда его вытаскивали оттуда товарищи, такъ что это было нѣчто въ родѣ наказанія за опаздыванія, и въ то же время потѣха для публики. Возрастъ учениковъ, называемыхъ *хуварангъ*, крайне различный: тутъ были дѣти отъ 8-ми лѣтъ и совсѣмъ пожилые люди, за 40. Вообще, здѣсь совершалось то же самое, что и въ кумирнѣ: стоящіе впереди что-то выкрикивали и заиѣвали, а остальные за ними повторяли также бессмысленно, зѣвая по сторонамъ, занимаясь исканіемъ чего-то въ своей одеждѣ и продѣлывая руками разнаго рода проказы. При мнѣ длилось такое ученіе съ часъ; затѣмъ началось кормленіе. Стали приносить въ ушатахъ жидкую кашу изъ простого пшена: каждый вытаскивалъ изъ-за пазухи деревянную чашку, подставлялъ раздававшему, получалъ свою порцію, и принимался за ѣду, а потомъ аккуратно вылизывалъ свою чашку и клалъ опять за пазуху. Затѣмъ продолжается по прежнему ученіе. Остается больше не для чего; идемъ туда, гдѣ варится каша.

Подлѣ шюлы рядомъ находится обширный дворъ; въ глубинѣ его виднѣется мазанка и юрта, подлѣ забора навалены дрова, а посерединѣ въ землю вдѣлано нѣсколько котловъ, такъ чтобы подъ нихъ можно было снизу подкладывать дрова. Въ нихъ-то и варилась каша. Не совсѣмъ пріятно войти на этотъ дворъ: около кипящихъ котловъ намерзли цѣлые бугры, отъ разливаемой воды и каши вмѣстѣ съ различными нечистотами, такъ что трудно ходить, чтобы не поскользнуться; тутъ толпятся люди: одни изъ любопытства, другіе, чтобы получить какой-нибудь половникъ каши, и непремѣнные сочлены—собаки вылизываютъ то, что выплеснулось; разносчики каши то съ полными, то съ порожними ушатами снуютъ туда и сюда; кто разрубаетъ бревно, кто подкладываетъ дрова; все это суетится въ дыму и въ пару, клубами поднимающихся надъ кипящими котлами.

Шюла эта, какъ видно, обучаетъ только молиться, не выучивая даже грамоты: поэтому можно встрѣтить много называющихся ламами, которые читаютъ наизусть тибетскія молитвы, не зная никакой грамоты. Обученіе чтенію идетъ частнымъ образомъ: ламы

принимають къ себѣ мальчиковъ въ видѣ послушниковъ и обучаютъ ихъ чтенію; это дѣлають они большею частію за деньги, и изъ этихъ-то послушниковъ со временемъ выходятъ главные ламы. Ихъ ламы холятъ, потому что пользуются отъ нихъ различными услугами; и нѣкоторые изъ нихъ необыкновенно ловкіе и умненькіе, а иные—настоящіе плауы, которые умѣють обирать простодушныхъ посѣтителей.

Кромѣ того, ламы обучаются медицинѣ и астрономіи. Это совершается также частнымъ образомъ, и конечно, обучаются очень немногіе. Когда мы отправлялись въ Ургу, то по случаю праздника обученіе этимъ предметамъ было прекращено. Мы отправились—было въ извѣстному тамъ лекарю-ламѣ, родомъ тангуту изъ Тибета, но намъ свазали, что онъ ни самъ нигуда не выѣзжаетъ, ни къ себѣ не принимаетъ гостей, потому что, пользуясь праздниками, вычитываетъ знаменитую книгу *санджурь-данджурь*.

Мы слишкомъ много занялись религіозною стороною монгольской жизни; но она поглощаетъ ббльшую ея часть. Когда-то у буддистовъ не было ни храмовъ, ни бурхановъ, были только учителя-проповѣдники и ихъ послѣдователи, которые собирались подъ открытымъ небомъ для проповѣди или для диспутовъ, употребляли только свамейки и подстилки; въ древнѣйшихъ сочиненіяхъ есть статья только *о стадамшцахъ*¹⁾; а теперь храмовъ, бурхановъ, ламъ—безчисленное множество; масса праздниковъ и обрядовъ, сопровождающихъ благочестиваго буддиста отъ рожденія до смерти, не даетъ ему времени ничѣмъ почти заняться: то онъ ѣдетъ куда-нибудь на поклоненіе, то участвуетъ на праздникѣ, то вычитываетъ по обѣту какую-нибудь книгу. Мы видѣли, что происходитъ въ храмахъ; посмотримъ теперь, что дѣлается кругомъ ихъ, тоже по случаю праздника.

Вереницею таянутся другъ за другомъ поклонники, обходя кругомъ всего города: одни останавливаются и вертять чуть не до одуренья *кхорло*; другіе на каждомъ шагу растягиваются на землѣ, отмѣчаютъ черту, до которой доставали руками, и отъ той черты протягиваются дальше; такъ они обмѣряютъ версть 5 или 6 кругомъ города; иные просто ходятъ и перебираютъ четки. Все это молится и исполняетъ обѣты и собралось для того издадека, можетъ быть за сотни верствъ, иные пришли пѣшкомъ; есть, которые всю дорогу ползуть.

Безпрестанно снуютъ всадники, вѣчно всаачъ и приподняв-

¹⁾ Васильева, Буддизмъ, ч. I, стр. 88.

пись на стременахъ, только коса сзади треплется, да сбоку брягчатъ различныя принадлежности въ трубеѣ и туалету — огниво, протывалка, щипчики и другія бездѣлушки, привѣшанныя на цѣпочкахъ. Передъ вами мелькаютъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ халаты. Особенно рѣзко кидаются въ глаза ламы: на ламѣ всегда шуба, крытая красной или желтой шелковой матеріей, сободемъ опушенная островонечная шапка, сдвинутая на затылокъ и держащаяся только подбородникомъ; до половины открытая бритая голова его сливается въ одинъ массивный шаръ съ мясистымъ лбомъ и съ жирнымъ широкимъ лицомъ, на которомъ едва замѣтны узкіе глаза и плоскій носъ, и выдѣляется только широкой ротъ, съ толстыми губами и рядомъ бѣлыхъ зубовъ, да большія, отставшія отъ головы уши; сзади съ шапки спустилась въ два конца красная лента и развѣвается по вѣтру. Лицо его красно, какъ его халатъ, лоснится, какъ шелкъ; видно, что онъ сытно поѣлъ и изрядно выпилъ *майгуло* или *тарасуна* ¹⁾.

Пѣшіе бродятъ вучвами, взявшись за руки, слегка пошатываясь и ведя горячую бесѣду. Кучка молодыхъ женщинъ присѣла на луговинѣ: онѣ покотъ, каждая врозь, но такъ усердно, что лица раскраснѣлись; можетъ быть, онѣ тоже слегка подогрѣлись тарасуномъ.

Одинъ ѣдетъ верхомъ и слегка бьетъ плетью проходящаго близъ него пѣшехода. Этотъ хватаетъ лошадь за поводъ, а тотъ его за косу, и, ударивъ по лошади, мчится впередъ такъ, что пѣшій только ногами болтаетъ, повисши на поводѣ и на собственной косѣ. Пѣшеходъ, однако, успѣваетъ остановить лошадь, stalkиваетъ всадника съ сѣдла, валить его на землю; порожняя лошадь помчалась, мальчишки припугнули ее; другіе всадники ударились въ догонку за нею; а милая шутка кончена. До серьезной драки не дошло. Совсѣмъ другое было бы у китайцевъ, страшно задорныхъ и охочихъ до драки.

Любопытно потолкаться и по базарной площади. Подлѣ нея съ одной стороны китайскія фанзы и лавки, а насерединѣ выставлены различныя монгольскія произведенія: колеса, щепы сѣдельныя, ханкі, шапки и т. п. Тутъ же возы съ дровами и съ сѣномъ, сѣно связано въ снопики; нѣсколько десятковъ верблю-

¹⁾ *Майгуло*—китайская водка, которая гонится изъ риса, и потомъ перегоняется черезъ листья розы и немного подслащается; она крѣпкая, но довольно приятная; *тарасунъ* — водка изъ молока, гораздо легче, но тоже довольно приятная; въ Ургѣ этотъ тарасунъ дѣлается, кажется, не всегда изъ молока, а изъ чего-то другого, и чуть ли не привозится изъ Китая, и потому дороже монгольскаго, который гонится только съ весны до осени.

довъ, недавно пришедшихъ изъ Кяхты или изъ Калгана, стоятъ, дожидаясь отправки; гуртокъ овецъ пригнанъ на закланье; на возахъ и около возовъ приставлены готовые туши. Тутъ же варятъ чай, жарятъ на рожнѣ мясо, продаютъ бобо—различныя печенья изъ муки, на постномъ маслѣ или на жиру.

Кучка людей сидитъ въ кружкѣ: одинъ что-то разсказываетъ, протягивая нараспѣвъ, а другіе слушаютъ его и по временамъ вскрикиваютъ, будто выражая удивленіе и похвалу, и повторяютъ его послѣднія слова. Это сказочникъ. Есть тутъ также и фокусники, около которыхъ также собираются зѣваки. Немного поодаль упражняются стрѣльбою изъ лука: ставится рядъ деревянныхъ чурбачковъ, обдѣланныхъ въ родѣ шахматныхъ пѣшекъ; стрѣла съ тупымъ концомъ пускается изъ лука сажень за 30 или за 40, и навѣснымъ ударомъ должна вышибить одинъ изъ чурбачковъ. Кругомъ сидятъ зрители и, при всякомъ удачномъ или неудачномъ выстрѣлѣ, выкрикиваютъ нараспѣвъ похвалу или сожалѣніе.

По одному краю площади стоятъ нѣсколько кумиренокъ или капличекъ съ освященными изображениями на бумагѣ; а передъ ними наложены кучи какаго-то тряпья и обрывковъ, разнаго рода хлама и сору. Всмотрѣвшись ближе, вы увидите, что въ нихъ шевелятся какія-то живыя существа: это люди, бѣдняки, не могущіе бродить отъ болѣзни или отъ дряхлости, которыхъ родные ихъ, будучи не въ состояніи содержать дома, выносятъ сюда, владутъ, обернувши въ кое-какія лохмотья и прикрывши хламомъ изъ этихъ же кучъ; и въ такомъ положеніи они остаются до тѣхъ поръ, пока не помрутъ. Кто подастъ имъ чашку чаю, кто—не на чисто-обглоданный мосолъ, иной пожертвуетъ какою-нибудь лоскутъ матеріи, за который его могутъ покормить; этимъ они только и живутъ, но, конечно, не долго. Исходъ здѣсь одинъ—смерть. Если онъ умретъ днемъ, то его успѣютъ еще оттащить на кладбище; а если въ ночь, то еще до утра съ нимъ здѣсь же расправятся собаки. Хорошо должно быть тому, возлѣ котораго происходитъ эта расправа съ мертвымъ трупомъ, и который ждетъ со дня на-день, съ часу-на-часъ, что и его постигнетъ та же участь!

Нужно замѣтить, что въ мое время тамъ было много нищихъ сверхъ обыкновеннаго, вслѣдствіе нѣсколько лѣтъ продолжавшагося падежа на скотъ и разореній, произведенныхъ дунганами и заставившихъ многихъ побросать все свое имущество и свучиться ближе къ Ургѣ, гдѣ и безъ того народу много, кормъ выбить, и потому скота мало. Обычно у монголовъ бѣдняки прокармли-

ваются около богатыхъ, ухаживая за ихъ стадами и исполняя различныя послуги, многіе приковываютъ къ дацанамъ и кормятся около нихъ тоже за услуги; а другіе, какъ мы говорили прежде, садятся на караванномъ пути и живутъ отъ каравановъ. Нищихъ, которые ходятъ и прямо просятъ подаванія, у нихъ немного. Таковой нищій подходитъ къ воротамъ и затягиваетъ пѣсню, состоящую въ вымаливаніи куска. Его оставляютъ у воротъ пѣть по крайней мѣрѣ четверть часа, и тогда только подадутъ. Это несообразно съ характеромъ монгола, который не скупъ и не жестокъ къ ближнему; но, по его убѣжденію, обѣднѣніе чело-вѣка происходитъ отъ Бога, который караетъ его за грѣхи. Таковой взглядъ составляетъ наслѣдіе монгола отъ самаго древняго времени; онъ смягчился нѣсколько, но не искоренился совсѣмъ, только подъ вліяніемъ буддизма. На это указываетъ Марко Поло, сообщая слѣдующее въ 24 главѣ II-й книги, *о великой и удивительной благотворительности царя Кублай-хана*: «Надобно знать,—говоритъ онъ,—что въ то время, когда татары (монголы) держались своихъ первобытныхъ обычаевъ и еще не принимали вѣры идолопоклонниковъ (буддистовъ), они ничего не знали о милостивѣ бѣднымъ; когда какой-нибудь бѣднякъ обращался къ нимъ съ просьбою, они прогоняли его съ бранью и говорили: «Убирайся со своими жалкими пѣснями про невзгоде, посланное на тебя Богомъ; еслибы онъ любилъ тебя, какъ, кажется, любить меня, ты былъ бы такъ же счастливъ, какъ и я». Но съ тѣхъ поръ, какъ люди изъ идолопоклонниковъ и особенно *бакши* ¹⁾, представили его величеству, что благотвореніе и милосердіе къ нуждающимся дѣло доброе и очень милостиво принимаемое ихъ божествами—ханъ и сталъ дѣлать пособія бѣднымъ».

Совсѣмъ иначе относятся въ нищему витайцы. Они положительно ненавидятъ нищихъ, хотя бы то были витайцы же. Я видѣлъ, какъ нѣсколько лавочниковъ расправлялись съ нищимъ-китайцемъ, когда онъ имъ надѣлъ свою пѣсню: они пингами сбили его съ ногъ и волокли по землѣ; онъ только стоналъ и визжалъ, тоже ожесточившись, такъ что на посинѣлыхъ губахъ пѣнилась слюна, и, какъ подстрѣленная сова, онъ дрыгался ногами и царапался когтистыми, востявыми руками. Передъ моимъ отбѣздомъ лавочникъ убилъ такимъ же образомъ нищаго-монгола, ударивъ его полѣномъ въ високъ. Я не дождался рѣшенія суда, но из-

¹⁾ *Бакши* вѣроятно — *бикшу*, нищій; такъ какъ Будда-Шакьямуни, по словамъ Васильева, былъ «не что иное, какъ основатель братства нищенства» (стр. 14—15).

вѣстно, что за неумышленное убійство простого человѣка взыскивается только денежная пеня.

Много столѣтій китайцы и монголы живутъ вмѣстѣ одною историческою жизнію, управляясь однимъ правительствомъ и однимъ закономъ; волей-неволей идетъ взаимный обмѣнъ понятій и обычаевъ, и подъ вліяніемъ этихъ заимствованій измѣняется образъ жизни того и другого народа. Монголы кое-гдѣ принимаются за пашню, переходятъ изъ юрты въ китайскія фанзы, привыкаютъ къ употребленію хлѣба въ пищу и, вообще, перенимаютъ китайскую кухню, подражаютъ китайцамъ и въ одеждѣ. Китайцы, конечно, поддаются монгольскому вліянію ту же: но и здѣсь многое, въ обычаяхъ и одѣяніи, внесено было въ Китай монгольской династіей. До монголовъ они, напримѣръ, не выбривали головы спереди и не носили косы, а просто запускали волосы, не брѣя и не заплетая, и отпускали также бороды; такъ и теперь носятъ волосы *хунъ-хуизы* (рыжебородые)—разбойники-революціонеры на сѣверо-востокѣ Китайской имперіи, и нѣкоторые *хэшены* (монахи), также частію настроенные въ революціонномъ духѣ противъ современнаго правительства. Многое у нихъ перемѣшалось такъ давно, что не разберешь, кто у кого перенялъ. Теперь они вмѣстѣ празднуютъ «бѣлый мѣсяцъ»; но неизвѣстно, чей это собственно праздникъ: монгольскій или китайскій.

То, что смѣшалось въ давнее время, дѣлается общимъ достояніемъ обоихъ народовъ, но по прежнему одинъ остается представителемъ культуры осѣдлой съ земледѣліемъ, промышленностью и торговлею; другой застылъ на степени скотовода, съ самыми скудными зачатками ремесла и при первобытныхъ способахъ торговли, состоящей въ простомъ обмѣнѣ естественныхъ произведеній. Но между монголомъ и китайцемъ, кромѣ разницы культурной и политическаго антагонизма, существуетъ рѣзкая разница въ природномъ характерѣ,—такъ сказать, въ самой крови того и другого народа. Мы видѣли, какъ различно относятся китаецъ и монголъ къ нищему. Проводя сравненіе это дальше и въ другихъ отношеніяхъ, вы найдете такую же разницу во всемъ. Она существуетъ въ самомъ организмѣ ихъ. Монголъ плечистъ, физически крѣпокъ, здоровъ, ловокъ въ движеніяхъ; права довольно сповойнаго, хотя не флегма; довольно неподвиженъ, лѣнивъ, не жестокъ въ гнѣвѣ и не злопамятенъ; довольно грубъ и не развитъ, но доступенъ всякому мягкому чувству и способенъ предаться идеѣ. Совсѣмъ другое китаецъ: тонкія кости, жидкія мышцы, узкія плечи и грудь—не позволяютъ предпола-

гать въ немъ физической вѣрности и силы; лицо его или женственно-пухлое, съ ярко играющимъ румянцемъ на щекахъ, или мертвенно-блѣдное, темное, почти какъ подошва; въ говорѣ и во всѣхъ движеніяхъ торопливость и рѣзкость, манеры безъ всякой граціи; онъ нервозенъ, легко возбуждается, но до нѣкоторой степени сдерживаетъ себя, а прорвавшись, не знаетъ мѣры и границъ: тогда у него глаза наливаются кровью и онъ сначала раздражается потокомъ брани, потомъ кидается въ драку, причѣмъ старается выпарапать ногтями глаза своему противнику или изодрать ему лицо въ кровь; онъ можетъ приостановиться на минуту, одуматься немного и снова отдаться бѣшенству. Сдержавши гнѣвъ, онъ не проститъ обиды, и при случаѣ выместитъ. Постоянныя обиды и раздраженія могутъ довести китайца до сумасшествія; онъ способенъ перетерпѣть нѣкоторое время, а потомъ придетъ и зарѣжетъ. Между китайцами нерѣдкость и самоубійство. Все это, конечно, обнаруживаетъ болѣзненность организма, и такое совмѣщеніе горячности и способности совершить убійство послѣ, когда весь пылъ гнѣва и раздраженія долженъ пройти, указываетъ на какого-то нравственнаго и физическаго урода.

Приводимъ одинъ эпизодъ изъ жизни въ Ургѣ за послѣднее время, представляющій, при всей его циничности, довольно ярко разницу между этими двумя характерами.

Въ 1870 г. дунганское движеніе развилось такъ широко, что юго-западная часть Монголіи была вся въ рукахъ мятежниковъ, два города Кобдо и Уласутай также были взяты ими, и они стали грозить Ургѣ. Жители тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ они появлялись, бѣжали отъ нихъ, или по неволѣ приставали къ нимъ. Грабежи, произведенные ими, и повсемѣстный скотскій падежъ довели многихъ до совершеннаго разоренія, и, вслѣдствіе того, кое-гдѣ и въ районѣ дунганскихъ дѣйствій начались грабежи и въ широкихъ размѣрахъ воровство. Монгольскія власти, конечно, переполошились и держались очень далеко отъ всякаго столкновенія съ дунганами; но успѣли нахватать разнаго рода воровъ и грабителей, которые будто бы имѣли связь съ мятежниками и были, такъ сказать, ихъ эмиссарами. Въ устрашеніе прочимъ, 24 человекъ, такимъ образомъ схваченные, приговорены къ смертной казни, хотя общее мнѣніе монголовъ было то, что многіе изъ нихъ были почти невинны. Монголы вообще не любятъ казней, и тѣмъ больше въ Ургѣ, священномъ городѣ, смертная казнь — дѣло необыкновенное. Вспоминаютъ про одинъ случай казни, когда сынъ убилъ родную мать. Преступленіе было по общему мнѣнію ужасное, и все-таки съ трудомъ могли найти

палача между монголами, заплативши ему 120 лановъ (около 350 руб.). Каково же было найти палачей для 24 человекъ, и притомъ такихъ, въ виновности которыхъ никто почти не убѣжденъ? Понятно, что на это не согласился ни одинъ монголъ; тогда обратились къ китайцамъ, и между ними нашли 12 человекъ бѣдняковъ, которые лѣтомъ занимаются огородами, а зимой кое-какими ремеслами, большинство же помѣщается у купцовъ въ качествѣ поваровъ, караульчиковъ и различной прислуги; они же исполняютъ и роль актеровъ. Плата палачу за голову идетъ съ того хошуна, откуда происхожденіемъ преступникъ, и устанавливается по обоюдному договору палача съ его представителями, которые должны на то время прѣхать въ Ургу, и потому была различна; но кругомъ каждая голова обошлась въ 50 ланъ, или каждый палачъ за двѣ головы получилъ 100 ланъ (260 руб.). Такая сумма для бѣдняка, конечно, довольно сильная приманка, чтобы подавить въ себѣ человѣческое чувство состраданія.

Преступниковъ тамъ содержатъ такъ: послѣ разнаго рода изтязаній при выпытываніи, ихъ сажаютъ въ володки и цѣпи, едва кормятъ, и почти не одѣваютъ, а только передъ казнью даютъ имъ вдоволь ѣсть и даже поятъ водкой. Трудно, чтобы въ виду смерти можно было ѣсть и пить, но они исполняютъ это съ жадностью: значить, голодъ такъ силенъ, что подавляетъ всѣ другія чувства и даже страхъ смерти. То же самое испытали и эти 24 человекъ. Затѣмъ подвезли одноколки, запряженные верблюдами; на каждую положили по два человекъ рядомъ вдоль телѣги, къ которой ихъ, конечно, вѣрше привязали веревками, и въ сопровожденіи конвоя солдатъ, подъ командою двоихъ чиновниковъ, маньчжура и монгола, повезли ихъ въ хребетъ, — въ такое мѣсто, откуда нельзя бы было видѣть ни храмовъ Урги, ни Хань-улы.

На мѣстѣ казни заблаговременно поставлено было двѣ юрты для чиновниковъ, которые, какъ прѣехали, забрались въ одну изъ нихъ, занавѣсили даже отверстіе сверху и принялись угощаться виномъ, чтобы ничего не слышать и не видать, и меньше сознавать, что должно было произойти подлѣ нихъ.

Телѣги поставлены въ рядъ, и каждый палачъ принялся расправляться со своею парой жертвъ. Отвязывали руки и поворачивали корпусомъ такъ, чтобы шея приходилась какъ разъ на ободъ колеса, къ которому и привязывали сначала собственной его косой, а потомъ веревкой; затѣмъ рубили топоромъ съ широкимъ, четверти въ $2\frac{1}{2}$, лезвиемъ, на длинномъ древкѣ. Сразу не была отрублена голова ни одному; иному досталось 6 ударовъ, благодаря плохому качеству китайскаго желѣза. Иные, по

всѣмъ вѣроятіямъ, ошеломлены были сразу и остальные удары получали безъ чувствъ; другіе же, будучи не въ состояніи кричать, потому что туго были притянуты къ колесу, стонали и бились. Солдаты не могли смотрѣть; стояли отвернувшись и только зывали: «о, гыгэны!» А палачи, въ особенности одинъ изъ нихъ, актеръ, дѣлали свое дѣло съ удивительнымъ равнодушіемъ: они рассказывали, покрикивали и ободряли другъ друга шуточками. Трудно сказать, дѣлалось ли это спокойно или для ободренія себя, отъ сознанія внутренней тревоги, — только сцена вышла крайне циническая. Двадцать четвертому обыкновенно давалось всегда прощенье и тутъ оставленъ былъ очень молодой парень, почти мальчишка, и уже отвязанъ. На этотъ разъ, однако, не было сдѣлано и этого помилованія: его опять положили на окровавленную уже телѣжку, и, не внимая мольбамъ и воплямъ, привязали и казнили.

Я пріѣхалъ въ Ургу вскорѣ послѣ этой казни, и тогда всѣ говорили о ней съ ужасомъ и отвращеніемъ. Монголовъ удивляло то, что при казни присутствовали и русскіе изъ консульства, и мирились только на томъ, что консулъ обязанъ о всемъ знать и доносить своему правительству. Въ новый годъ обыкновенно актеры ходятъ къ кущамъ и чиновникамъ для полученія подарковъ и денегъ, изъ-за которыхъ они играютъ въ театрѣ; монгольскіе чиновники не приняли ни одного актера за то, что они были палачами. Сравнивая характеръ цивилизованнаго китайца и простого сына природы — монгола, вы отдаете сочувствіе скорѣе послѣднему. Что это за цивилизація, которая съуживаетъ взглядъ человѣка до того, что онъ не можетъ устремиться ни къ чему отвлеченному, выходящему изъ круга его самыхъ узкихъ матеріальныхъ потребностей, подавляетъ въ немъ естественныя чувства ради матеріальной выгоды, выражающейся въ серебряныхъ ланкахъ! Что толку въ трудолюбіи, въ томъ, что до значительной степени развито земледѣліе и промышленность, когда это не обезпечиваетъ цѣлыя массы отъ голодной смерти, когда, ради нужды, прибѣгаютъ къ убійству собственныхъ дѣтей женскаго пола, и въ то же время очень значительная доля мужского населенія проводитъ жизнь безъ женщинъ... когда нужда или просто корысть превращаетъ человѣка въ палача!

А между тѣмъ такое уродство, соединеніе весьма разумныхъ и гуманныхъ законовъ и философскихъ ученій съ самыми нелѣпыми и дикими проявленіями воли на практикѣ, составляетъ характерную черту во всей исторіи китайскаго народа.

V.

«Бѣлый мѣсяцъ» у монголовъ въ древнее время и теперь.—«Бѣлый мѣсяцъ» у китайцевъ.—Кяхтинскій китайско-русскій языкъ и его происхожденіе.—Мой чичероне—Чечень.—Маймачень.—Лавки.—Внутренность жилья.—Обѣдъ.—На улицѣ.—Игроки.—Старый китаецъ, владѣтель дѣвочки-монголки.—Браки китайцевъ съ монголками.—Метисація (эрлицзы).—Въ гостяхъ у учителей.—Два различные типа.—Обѣдъ.—Музыкантши.—Монгольскія пѣсни.—Театръ и представленіе съ лодеами.

До сихъ поръ мы говорили, такъ сказать, о всенедневной жизни монголовъ въ Ургѣ, и не указали ничего, характеризующаго спеціально празднованіе *блага мѣсяца*. Да оно у монгола почти ничѣмъ и не выражается, какъ только еще большимъ противъ обыкновеннаго ничего-недѣланіемъ, разѣздами въ гости по сосѣдямъ, сборищами около святыхъ мѣстъ, гдѣ одни исполняютъ свои религіозные обѣты, другіе отдаются разгулу.

Совмѣстная жизнь монголовъ и китайцевъ въ продолженіе многихъ вѣковъ, какъ мы замѣтили, привела оба народа къ обмѣну и заимствованіямъ нравовъ и обычаевъ другъ друга до такой степени, что теперь, я думаю, трудно разобрать, что у кого изъ нихъ оригинально и что заимствовано. Такъ и относительно *блага мѣсяца*. Теперь они празднуютъ его одинаково: одинъ годъ, въ Ургѣ, пришлось мнѣ встрѣтить его въ началѣ февраля, а другой годъ, въ Калганѣ—въ концѣ января. Между этими числами онъ происходитъ и, всегда вмѣстѣ, у монголовъ и китайцевъ. Но что *бланный мѣсяцъ* составляетъ праздникъ монголовъ въ очень древнее время, опять мы находимъ свидѣтельство у Марка Поло. Вотъ что рассказываетъ онъ во II-й книгѣ, въ 12-й главѣ о *бланныхъ празднествахъ*, бывающемъ въ 1-й день февраля мѣсяца, съ котораго начинается годъ у татаръ (монголовъ):

«При этомъ случаѣ соблюдается тотъ обычай, что великій ханъ и всѣ подвластные ему въ различныхъ странахъ *надѣваются бѣлыя платья*, которыя, по ихъ мнѣнію, знаменуютъ счастье; они надѣваются ихъ при началѣ года, полагая, что цѣлый годъ для нихъ во всемъ будетъ счастье и благополучіе. Въ этотъ день люди всѣхъ областей и государствъ, зависимые отъ великаго хана по владѣнію землями и судебной власти, посылаютъ ему дорогіе подарки въ золотѣ и серебрѣ и драгоценныхъ камняхъ, со множествомъ кусковъ *блага сукна*, которое прилагаютъ, чтобы его величество весь годъ наслаждался счастьемъ и имѣлъ казну, равную его расходамъ. По той же причинѣ вельможи, князья и всѣ

сановники государства въ своихъ домахъ дарятъ другъ друга вещами *благая цюпта*, и притомъ обнимаются съ радостію и изъявленіями торжества, и говорятъ, какъ принято и у насъ: «желаю тебѣ на весь годъ счастья и полного успѣха во всѣхъ твоихъ предпріятіяхъ!» При этомъ случаѣ дарятъ его величеству множество *блмыхъ* лошадей, хотъ и несовсѣмъ *бѣлыхъ*, но преимущественно этого волоса. *Блмыя лошади обыкновенное явленіе въ этой странѣ*».

У простыхъ монголовъ въ настоящее время, кромѣ поздравленій и угощенія другъ друга, кажется, ничего не осталось; но обычай, чтобъ князья и вельможи ѣздили поздравлять и дарить китайскаго императора, какъ прежде великаго хана, остался во всей силѣ, и по всѣмъ вѣроятіямъ, *блмыи мѣсяцъ* и въ то древнее время праздновался особеннымъ образомъ только при царскомъ дворѣ и у князей. Предпочтеніе *бѣлой* и вообще свѣтлыхъ мастей въ лошадяхъ осталось во всей силѣ у монголовъ до сихъ поръ.

У монголовъ на время этого праздника прекращаются всѣ дѣла: въ тому времени заканчивается все, исполняются всѣ рѣшенія суда, совершаются казни и другого рода наказанія; государственная печать запирается амбанами въ ящикъ, и ямунъ (присутственное, судебно-административное мѣсто) затворяется. Въ новый годъ чиновники получаютъ чины и награды, и разѣзжаются другъ къ другу съ поздравленіями. Наше консульство также принимало визиты и подарки и оплачивало ихъ, и оба амбана не одинъ разъ посѣщали нашего консула, не говоря уже о другихъ чиновникахъ.

У китайцевъ этотъ праздникъ болѣе характеренъ. Присутственное мѣсто, во главѣ котораго стоитъ ихъ заргучей, конечно, прекращаетъ всякую дѣятельность; но торговля идетъ, и закрываются только тѣ лавки, хозяева которыхъ почему-либо заблагоразсудятъ, отправляясь сами въ гости или принимая гостей у себя, и, конечно, на какой-нибудь одинъ день или даже на нѣсколько часовъ; впрочемъ, у китайцевъ торговля идетъ не только въ лавкѣ, но и въ томъ отдѣленіи дома, гдѣ онъ спитъ и ѣстъ. Когда же настанетъ, такъ-называемый, *счастливыи день*, указанный въ ихъ календарѣ, тогда они заканчиваютъ всѣ свои расчеты, производятъ уплаты долговъ, что ведетъ иногда къ сценамъ весьма скандальнаго свойства: кредиторъ является къ должнику, а тотъ не въ состояніи уплатить; кредиторъ ругаетъ должника, иногда бьетъ, а виноватый только упрашиваетъ и валяется въ ногахъ. Процедура эта бываетъ весьма долгая: одному хочется въ счастливый

день непременно получить, чтобъ имѣть полученіе цѣлый годъ, другому по той же причинѣ не хочется отдать. Иногда кредиторъ, получивши деньги, на другой же день возвращаетъ ихъ; ему важно было только полученіе непременно въ счастливый день. Въ этотъ же день они стараются продать что-нибудь, какъ можно выгоднѣе, пожалуй, ловчѣе обмануть. Поэтому, вы сдѣлаете купцу величайшее удовольствіе, если въ этотъ день купите у него хоть какую-нибудь бездѣлушку и дадите себя принаудить: послѣ онъ вамъ это одолженіе наввитааетъ. Во дворахъ ставятся ёлки и сосенки, украшенныя разноцвѣтными лоскутками бумаги; въ жилой комнатѣ передъ бурханчикомъ или передъ картиной религіознаго содержанія, на столѣ лежитъ испеченный барашекъ, съ подогнутыми ножками, съ раззолоченными рогами и украшенный также разноцвѣтными бумажками; тутъ же разставлены разные лакомства, разложенныя на тарелкахъ: бобо, фрукты, орѣхи и цѣлая пирамида, сдѣланная изъ прутиковъ тѣста, замѣшаннаго на постномъ маслѣ и облитаго леденцомъ; непременное также украшеніе—букеты искусственныхъ цвѣтовъ. Въ кумирнѣ, которая китайцами никогда не посѣщается, въ это время раздается музыка и пѣніе; это производится двоими китайцами изъ приказчиковъ: они тутъ кривляются, поютъ и что-то разсказываютъ; проходящіе останавливаются не надолго, позѣваютъ и уходятъ; большой толпы тутъ не бываетъ. То же самое продѣлываютъ и у себя дома. Какъ только смерклось, часовъ въ 8, всѣ дворы запираются, въ Маймаченѣ (въ Ургѣ) запираются и городскія ворота, и тамъ идетъ музыка, пѣніе, пускаются ракеты, зажигаются различные фейерверки; при этомъ кругомъ слышится лопаніе ракетъ и трескъ петардъ. Все это оканчивается театромъ въ продолженіи трехъ дней и фонарнымъ праздникомъ.

По монгольскому городу я ѣздилъ съ казакомъ или съ кѣмъ-нибудь изъ консульства; а отправляясь къ китайцамъ, я взялъ съ собою въ чичероне Чечена, китайца, жившаго долго въ Кяхтѣ, и потому говорящаго по-русски. Но чтó это за русскій языкъ! Съ непривычки вы ничего не понимаете, какъ будто вамъ говорятъ по-китайски. Главнымъ образомъ васъ затрудняетъ выговоръ, а потомъ нужно узнать особенныя обороты рѣчи и, наконецъ, особенныя слова, которыя Богъ знаетъ откуда взялись. Трудно сразу догадаться, что въ словахъ: *оложестава*, *попиччи*, *хычи* заключаются русскія слова: *рождество*, *писать*, *хочешь*; фраза: *твоя кушая хычи не хычи*, означаетъ: хочешь-ли ты ѣсть. По-китайски вопросительная фраза образуется посредствомъ повтореннаго глагола со вставкою отрицательной частицы—*бу*: *ю бу*

яо—хочешь не хочешь, т.-е. не хочешь ли; такимъ образомъ, *твоя попочи буду не буду*—значить: будешь ли писать. Есть русскія слова, которыя, при очевидномъ ихъ русскомъ происхожденіи, употребляются въ особенной формѣ или съ особеннымъ значеніемъ. Такъ: *ярова*—скорѣй, живѣй; *кѳрпн*—овчинка, курпей; *узоръ*—образчикъ товара какаго бы то ни было; поговори *тониньки слово*, *файзиръ слово*—дружелюбно, деликатно; *покопай*—похлопочи: *тиби за мени покопай буду не буду?* *несапѣда*—нельзя (что-нибудь дѣлать), не вывозить. Выразаясь о комъ-нибудь, что онъ такъ запутался въ дѣлахъ, что хоть въ петлю лѣзь, китаецъ говоритъ: *яму буду соли повтси*.

Трудно добратъся, откуда они взяли многія слова, которыя никакъ не могли быть сдѣланы русскими путемъ коверканія своего языка и приноровленія ихъ къ китайскому выговору. Кяхтинскіе китаецы такъ упорно говорятъ этимъ языкомъ, что русскіе, имѣющіе съ ними дѣло, принуждены выучиться ему. Дѣло въ томъ, что китаецы выучиваются этому языку по книжкамъ. Вновь прибывшій изъ Китая является въ Кяхту уже подучившись или тутъ учится по книжкѣ. Въ Долонъ-норѣ въ одной лавкѣ китаецъ обратился къ намъ съ нѣсколькими русскими фразами, и по разпросамъ оказалось, что онъ никогда не былъ между русскими, а научился по книгѣ, собираясь ѣхать въ Кяхту. Только такого рода искаженіемъ путемъ переписки и можно объяснить сочиненіе таковаго оригинальнаго языка. Китаецы или маньчжурь на Амурѣ говорятъ совершенно иначе: они искажаютъ русскія слова въ духѣ своего собственнаго языка, но не сочиняютъ совершенно новыхъ словъ и оборотовъ, а наконецъ, выучиваются и совсѣмъ чисто говорить по-русски; то же самое можно сказать и про *маньчжэ* въ Усурійскомъ краѣ.

Кяхтинскій же китаецко-русскій языкъ есть произведеніе книжное, возникшее въ Китаѣ. Обученіе китаецевъ русскому языку началось ужъ давно. Съ тѣхъ поръ, какъ палъ Албазинъ (въ 1689 г.) и часть албазинскихъ русскихъ отведена въ Пекинъ, тамъ основалась русская церковь и русская школа. Албазинцы, съ теченіемъ времени, конечно, обитались, но тогда начались у насъ болѣе постоянныя сношенія съ Китаемъ, а наконецъ, стала постоянно проживать въ Китаѣ наша духовная миссія и при ней основана русская школа, которая содержалась на счетъ китайскаго правительства. Въ ней «обучались російской словесности дѣти, принадлежація 8 пекинскимъ монгольскимъ корпусамъ», какъ видно изъ «Уложенія китайской палаты внѣшнихъ сношеній» въ переводѣ С. Липовцева (1828 г., стр. XXX,

§ 54). Что за школа была до основанія въ Пекинѣ нашей миссіи, мы не знаемъ; знаемъ только, что она была. Извѣстно также, что много нашихъ старообрядцевъ въ XVIII-мъ и началѣ XIX-го столѣтія уходили на Амуръ, изъ-за чего у насъ возникло нѣсколько дѣлъ. Хватая нѣкоторыхъ изъ нихъ, маньчжурское правительство заставляло ихъ брить бороды и поступать въ китайское подданство, и поручало имъ также обучать русскому языку. Однимъ изъ такихъ былъ Гурій Васильевъ, который три раза бѣгалъ въ Маньчжурію: первые два раза его выдавали обратно въ Россію, такъ какъ онъ не хотѣлъ принять китайскаго подданства, а въ третій разъ «онъ оставленъ былъ въ Айгунѣ подъ присмотромъ полиціи, и ему вмѣнили въ обязанность обучать взрослыхъ дѣтей русскому языку, за что отпускали ему пищу, одежду и содержали вообще въ большомъ довольствѣ». Потомъ его отправили внизъ по Амуру на рыбную ловлю, гдѣ съ нимъ обращались дурно, и онъ ушелъ, и весной въ 1828 году явился въ Удской острогъ.

Такъ давно китайцы начали обучаться русскому языку, и, при ихъ склонности передавать все книгѣ, безъ сомнѣнія давно уже стали составлять учебники русскаго языка.

Какъ ни давни наши сношенія съ Ургой, я не встрѣтилъ тамъ ни одного монгола, знающаго по-русски, а изъ китайцевъ такихъ было трое: Чечень, Лоска и Далайка, которые исполняли при консульствѣ роль факторовъ и чичероне.

Чечень отличался отъ тѣхъ двоихъ тѣмъ, что одѣвался щеголевато и держалъ себя съ бѣльшимъ достоинствомъ. Когда-то онъ былъ богатъ, но послѣ вслѣдствіе какихъ-то обстоятельствъ разорился, и теперь перебивается кое-какъ переторговывая, и живетъ весьма бѣдно; по одеждѣ однако этого нельзя замѣтить. Онъ ходитъ всегда въ шелковомъ синемъ халатѣ на ватѣ, подпоясанъ чернымъ креповымъ кушакомъ; сверху черная курма; на головѣ черная поярковая шляпа съ загнутыми сверху полями, подбитыми черною шелковою матеріей, на верхушкѣ ея свить изъ краснаго шелковаго шнура шарикъ въ родѣ того, какъ у чиновниковъ; въ рукахъ всегда четки, съ мелкою рѣзбой изъ краснаго дерева, а иногда вынимаетъ изъ кармана пару грецкихъ орѣховъ, покрытыхъ лакомъ, которые на досугѣ перебираетъ въ рукѣ, чтобы развивались подвижность и ловкость въ пальцахъ; сбоку неизбѣжный кисетъ съ табакомъ и съ обыкновенной мѣдной гамзой, у которой чубукъ украшался мундштукомъ изъ бѣлаго нефрита чуть не въ четверть длины; не ношалъ онъ табаку ради опрятности, какъ онъ самъ заявилъ мнѣ. По опрятности онъ

былъ лучшій изъ китайцевъ; одна была бѣда: какъ бы рано ни пришелъ, всегда успѣвалъ набѣдаться чесноку такъ, что издали ужъ несло отъ него. Китайцы, видимо, относились къ нему съ почтеніемъ, во-первыхъ потому, что когда-то онъ былъ богатъ и многіе одоужались и угощались у него, и, обѣднѣвши, онъ все-таки не роняетъ своего достоинства; во-вторыхъ потому, что онъ приходитъ къ нимъ не одинъ, а съ русскими, которые всегда что-нибудь да купить.

Итакъ, мы съ Чеченомъ отправляемся въ Маймачень.

Ургинскій маймачень ничѣмъ не отличается отъ кяхтинскаго. Также имѣетъ онъ четверугольную форму, окруженъ высокимъ палисадомъ, на четыре стороны ворота; внутри еще нѣсколько воротъ; на однихъ воротахъ, которыя находятся на улицѣ, идущей на полдень и ведущей къ жилищу заргучея, вверху, подъ крышей устроено нѣчто въ родѣ клѣтокъ: тамъ выставляются головы казенныхъ преступниковъ, а на этотъ разъ видѣлись только обыкновенные китайскіе сапоги. Эти сапоги принадлежали бывшему здѣсь когда-то заргучею, который стяжалъ себѣ славу мудраго и справедливаго правителя, и сапоги теперь должны напоминать потомству доблестнаго чиновника. Весь городъ пересѣченъ прямыми узкими улицами и каждый домъ здѣсь лавка. Одни изъ нихъ прямо выходятъ на улицу, такъ что съ улицы вы подходите къ прилавку и видите различные товары: гамзы (мѣдныя трубки), чубуки, мундштуки каменные, фарфоровые и стеклянные; такія же табакерки въ видѣ пузатыхъ флакончиковъ съ узенькими горлышками и съ каменными или стеклянными различныхъ цвѣтовъ пробками, къ которымъ внизу придѣлана кожаная или металлическая ложечка въ родѣ ухвертки, чтобы доставать табакъ; огниво съ кожанымъ мѣшечкомъ для храненія кремня и трута; кисеты и кошельки; ножи въ ножнахъ съ различными принадлежностями: двумя вострыми палочками, служащими вмѣсто вилки, напилочкомъ, зубочисткой, ухверткой и т. д.; поясы, тесемки, шелкъ въ моткахъ и плетенкахъ, бляхи, пуговицы, куски дабы, плитки кирпичнаго чая, леденецъ, глиняные и плетеные изъ тальнику сосуды съ масломъ или съ водкой; шапки, башмаки, конская сбруя; на палкахъ разставлены коробочки и свертки съ различными мелочными товарами, фарфоровая посуда, тутъ же и русскіе ставаны; болѣе же цѣнные товары, какъ шелковыя матеріи, сѹена, шертинги, мѣха, мелкія вещи изъ болѣе цѣннаго матеріала, — все это находится въ задней комнатѣ въ сундукахъ, и выносятся только по требованію покупателя. Другія лавки можно назвать магазинами: въ нихъ на улицу вы-

ходить стѣна съ окнами, въ которыхъ, вмѣсто стеколъ, бумага и такая же прозрачная дверь. Есть, наконецъ, лавки, которыя находятся внутри двора. Черезъ ворота вы входите во дворъ, вымощенный камнемъ; онъ чисто выметенъ; по срединѣ нѣчто въ родѣ жертвенника, столбики съ каменной или съ чугунной чашей, въ которой наложены курительныя свѣчи, нѣсколько ёлокъ или сосенокъ; на васъ высыпаютъ собаченки маленькія, восматыя, такъ что у иной не видать ни глазъ, ни морды, всѣ онѣ въ красныхъ ошейникахъ, унизанныхъ мелкими погремушками; кругомъ расположены—кладовыя, конюшня, лавка, жилия комнаты. Лавка всегда прямо со входа, и рядомъ съ нею, а иногда въ ней самой, жилье. Дверь закрыта занавѣскою изъ стеганной на ватѣ бумажной матеріи, по срединѣ, поперекъ, перехваченная планочками, чтобы она сама падала внизъ. Въ лавкѣ вы встрѣтите полки съ товарами и сундуки, кое-что разставлено на полу; у окна конторка, и тамъ постоянно сидитъ конторщикъ и пишеть все счеты кистью и тушью, перебрасывая по временамъ кости на счетахъ. Рядомъ, направо, жилия комнаты; тутъ у задней стѣны *канъ*—широкія нары, которыя снизу нагрѣваются посредствомъ топки; они закрыты сначала циновкой изъ *гаоляма* (родъ крупнаго проса, растущаго высоко, какъ камышь), а потомъ узкими ковриками; по сторонамъ свернуты тонкіе тюфяки; у самой стѣнки длиненькія, въ родѣ валиковъ подушки; на канѣ же, съ боковъ стоятъ сундуки темнокраснаго цвѣта, покрытые лакомъ, и на немъ же, въ срединѣ, скамеечка, замѣняющая столъ. Стѣны украшены картинами на бумагѣ; надъ дверью надпись, родъ девиза, взятаго изъ какого-нибудь знаменитаго сочинителя; передъ каномъ—печка съ жаровней и на ней постоянно кипятится вода для чая. Васъ сажаютъ на канъ и къ вамъ придвигаютъ столы, и начинается угощеніе чаемъ, перепрѣлымъ, невкуснымъ; въ него кладется леденецъ, который не скоро таетъ и не размѣшивается, такъ что вы сначала сверху спиваете чай вовсе не-сладкій, а послѣ остается почти одинъ леденецъ, но вамъ опять доливаютъ и т. д.; чашки фарфоровыя, въ родѣ нашихъ поло-скательныхъ, только маленькія, немного больше нашей обыкновенной чайной чашки. Около собирается непременно толпа приказчиковъ, молодыхъ парней, съ красными, пухлыми щеками; разговоръ ведетъ старшій, а прислуживаютъ мальчишки. Трудно у нихъ разобрать, кто хозяинъ, кто приказчикъ; это все больше фирмы купеческія, товарищества, въ которыхъ, какъ хозяева, участвуютъ и очень молодые люди; старики же, какъ болѣе опытные, руководятъ дѣломъ, но безъ общаго совѣта ничего не рѣ-

шаютъ. Кромѣ чая угостятъ васъ печеньемъ, фруктами и непременно табакомъ — покурить или понюхать.

Мы были въ нѣсколькихъ лавкахъ, вездѣ купили что-нибудь и вездѣ угощались чаемъ и лакомствомъ. Въ одной лавкѣ мы были приглашены обѣдать, когда окончимъ ходить по городу. Приглашеніе это, видимо, было Чеченомъ предусмотрено и, кажется, предусмотрено. Мы обѣдали только втроемъ съ хозяиномъ, а остальная публика все время толпилась тутъ, но ни къ чему не прикасалась. Купаній было множество, такъ что всѣхъ не припомнишь. Прежде всего поставили тарелочки въ родѣ тѣхъ, что у насъ употребляются для варенья, и положили по парѣ деревянныхъ палочекъ, вмѣсто вилокъ: затѣмъ подали до 10 блюдечекъ различныхъ соленій изъ рѣдьки, моркови, бобовъ, капусты китайской (въ родѣ сафоя), капусты морской, кореньевъ петрушки или пустарнака, огурцовъ, какихъ-то червячковъ въ родѣ раковыхъ шеекъ, очень тонкихъ и мелкихъ, трепанги, чеснокъ, въ чашечкахъ увсусъ и при нихъ фарфоровыя ложечки. Всего этого мы попробовали, какъ будто для возбужденія аппетита; затѣмъ пошли настоящія кушанья: мясо различныхъ сортовъ — говяжье, баранье и свиное — вареное, жареное или съ какимъ-нибудь соусомъ, смѣшанное съ капустой и съ лукомъ, и все изрѣзанное на мелкіе кусочки, соусъ съ трепангами, уаньцзы — родъ колобковъ мясныхъ, супъ густой съ катышками изъ какой-то неопредѣленной массы, затѣмъ рисъ, густо сваренный въ водѣ, и бульонъ; тутъ же подали и кругленькіе прѣсные хлѣбцы, не печеные, а вареные. Послѣднія три блюда были самыя невкусныя; а всѣ остальные очень вкусны. Въ промежуткахъ между переменною блюдомъ мы пили подогрѣтую майгуло маленькими, какъ большой наперстокъ, чашечками. Купаній было такъ много, что я едва могъ каждого съѣсть, чтобъ только попробовать; хозяинъ ѣлъ очень мало; зато Чечень выручалъ: онъ съѣдалъ все, что подавалось, и то и дѣло запивалъ; лицо у него покраснѣлось, лобъ вспотѣлъ; онъ только отдувался, уставяля на меня свои мутные, на выкатѣ, глаза, и невнятнымъ словами и миной приглашалъ слѣдовать его примѣру. И этотъ самый Чечень иной день питается однимъ чаемъ. Вообще я замѣтилъ, что китаецъ предается умеренности только по нуждѣ или изъ расчета, но гдѣ ему это ничего не стоитъ, онъ ѣсть и пить безъ мѣры. Не удивительно, что по отчетамъ англійскаго госпиталя въ Пекинѣ самый большой процентъ болѣзней приходится на болѣзни желудка: большая часть изъ нихъ страдаетъ диспепсіей, и они постоянно принимаютъ лекарство, чтобъ желудокъ лучше варилъ.

Можетъ быть, отъ изобилія пищи у насъ не было времени для разговоръ, такъ какъ мой переводчикъ былъ все время до того занятъ, что некогда было переброситься хоть нѣсколькими словами; отъ хозяина исходило только постоянное напоминаніе, чтобъ мы ѣли и пили. Но, сколько мнѣ привелось потомъ познакомиться съ китайцами поближе, я не замѣтилъ у нихъ большой любознательности; ихъ интересъ не идетъ дальше того, почему у насъ продается тотъ или другой предметъ, получается ли онъ откуда или производится дома, есть ли у насъ такія лавки, такіе дома, какъ у нихъ, есть ли такія хорошенькія женщины, и при этомъ, что имъ ни говорите о громадныхъ, блестящихъ магазинахъ, о многоэтажныхъ домахъ, они вамъ не вѣрятъ, и, не возражая, отвѣчаютъ вамъ расхваливаніемъ своего. Неудивительно слышать это отъ тѣхъ китайцевъ, которые никогда не были въ Россіи, но даже изъ кяхтинскихъ много есть такихъ, которые будутъ увѣрять васъ, что у ихъ китайскаго царя есть такая пушка, изъ которой, если выстрѣлить въ Пекинъ, ядро долетитъ въ Москву.

Итакъ, пообедавши безъ дальнихъ бесѣдъ, мы отправляемся, заплотивши повару, который, отпустивши всѣ купанья, не замедлилъ предстать въ грязномъ передникѣ и съ грязною тряпкою въ рукавѣ.

Въ улицахъ бродятъ праздныя толпы и вамъ приходится то и дѣло останавливаться. Какъ ни часто бывають тамъ русскіе, васъ не пропускаютъ, не осмотрѣвши въ подробностяхъ и не ошупавши. Ошупываютъ мой черный дубленый полушубокъ, поднимая полы, и изслѣдуя, довольно ли онъ пушистъ, безцеремонно заглядываютъ вамъ въ лицо и дѣлаютъ свои замѣчанія; потрогаютъ вашу бороду, тянутъ съ носа *pinse-nez* и стараются надѣть себѣ; но у большинства толстые носы съ плоскимъ переносьемъ не допускаютъ этого. Одинъ продирается сквозь толпу и протягиваетъ ко мнѣ руку со словами: «Здаласатуй!» — «Здравствуй, здравствуй, пріятель!» — отвѣчаю на его привѣтъ, и начинаю разговоръ, но онъ, кромѣ этой фразы, ничего не знаетъ, только трясетъ мою руку, влается, и что-то мычитъ, глупо улыбаясь. Похваливъ его, какъ онъ хорошо говоритъ по-русски, и, потрепавъ по плечу, я иду дальше: толпа бросила меня и окружила знатока русскаго языка, дивясь, конечно, его познанію и стараясь узнать, что я за человѣкъ.

Одна толпа отстала, въ другую снова попали. Въ кумирнѣ раздается музыка и пѣніе; въ одной лавкѣ слышится дудка и въ акомпаниментъ ей колоченіе палочекъ въ доску; заглянувъ,

мы увидѣли нѣсколько китайцевъ, играющихъ въ карты, и при нихъ два музыканта. Карты въ родѣ нашихъ, только вершка $1\frac{1}{2}$ длины и въ $\frac{1}{2}$ в. ширины; числомъ ихъ будетъ до сотни, если не больше; играютъ они, какъ-то пряча въ рукахъ и выкрикивая нараспѣвъ, на что отвѣчаютъ тѣмъ же другіе; на лицахъ у всѣхъ страшный азартъ: они восо, будто злобно, смотрятъ на ностороннихъ, приходящихъ къ нимъ; даже любопытство ихъ не разбираетъ; судя по наружности, это играли бѣдняки. Да, они не пьяницы, но въ карты проигрываютъ все свое имѣніе, даже женъ и дѣтей, и тогда идутъ куда-нибудь на-сторону, въ новыя земли: такимъ образомъ заселяется Маньчурія, гдѣ они называются *пауторръ* (*p* выговаривается картаво: въ переводѣ — *блгая головушка*); строятъ мазанку, живутъ одни мужчины чело-вѣкъ по 10 и до 30, сначала занимаются ловлею рыбы, собира-ніемъ грибовъ, копаніемъ корней, или идутъ на поиски золота, а со временемъ переходятъ и въ земледѣлію. Сколько намъ при-водилось встрѣчать такихъ «бѣглыхъ головушекъ», всѣ они почти исключительно изъ шаньдунской провинціи; тогда какъ купцы всегда шаньсійцы; какъ будто эта разница обусловливается раз-личіемъ племеннымъ.

Было еще рано, когда мы вышли изъ воротъ города, солнце стояло надъ Хань-улой, и сѣвостъ тонкую, покрывающую ее, мглу бросало восвѣнные лучи свои сбоку на дорогу, по которой двигалось челоуѣчество; ярко обрисовывался на горѣ нашъ «зеленый дворецъ», а тамъ далеко блестяли свѣтлыми точками кумирни съ золочеными шпицами. Навстрѣчу намъ ползетъ возъ, запряжен-ный сытымъ красивымъ муломъ, высоко нагруженный сырыми воловьими и конскими шкурами, а на самомъ верху сидитъ китаецъ и управляетъ не возжами, а крикомъ: «и-и-и!» «вохо-вохо-вохо!» (налѣво или направо), и животное его слушаетъ. На немъ надѣтъ сѣрый чесучевый халатъ; на головѣ обыкновенная черная поярковая шляпа; лицо рабое, коричневаго цвѣта, какъ подошва; ноздри вздернуты вверху, точно рванья; толстыя, посинѣлыя губы не закрываютъ десенъ и по чернѣлыхъ, длинныхъ, косыхъ зубовъ; нѣсколько сѣдыхъ волосъ, щетиной торчащихъ на верхней губѣ, замѣняютъ усы, а сзади на тонкой, въ родѣ крысинаго хвоста, сѣдой вощъ навязана цѣлая плетенка изъ чернаго шелка и спускается ниже пояса. А за возомъ, какъ тюльпанъ среди сѣрой степи, мелькнуло что-то красное: эта была дѣвочка въ красной шубѣ — лѣтъ 14 или 15. Высокая не по лѣтамъ, она имѣла совершенно дѣтскаго складъ и видъ. Шубка, крытая шелковою матеріею, перехваченная на талии простымъ чернымъ поясомъ съ серебряною пряжкой, украшенной

крупнымъ коралломъ, обрисовывала ея тонкій, гибкій станъ, и, спускаясь только до половины голени, выказывала маленькую, стройную ногу, которой не могли обезобразить даже неуклюжіе китайскіе сапоги, съ толстою въ два пальца подошвой и съ обрубленнымъ носкомъ; она казалась оттого еще выше, точно стояла на пьедесталѣ, какъ будто сразу поднялась и выросла изъ своей шубки. Изъ-подъ шапочки, съ островочечною голубою верхушкой и съ загнутыми еверху полями, подбитыми соболемъ, выбивались густые волосы, черные, съ естественнымъ лоскомъ, и спускались свади густою косой вдоль спины ниже пояса, вмѣстѣ съ двумя красными лентами, падающими съ шапки. Прелестью дышало ея дѣтское личико, неимѣвшее рѣзкихъ чертъ монгольскаго типа — широкихъ скулъ и узкихъ косыхъ глазъ, не нарумяненное, не набѣленное, свѣжее, дѣтски-нѣжное, не успѣвшее ни загорѣть, ни помянуть отъ времени. Не было на ней никакихъ украшеній: ни серегъ, ни ожерелій; голая шея и открытая грудь, окаймленная собольей опушкой вѣрота шубки; не боится она ни вѣтра, ни мороза, ни любопытнаго взгляда. Поровнявшись съ нами, она остановилась, и хотѣла стать на колѣни передъ Чеченомъ, но тотъ, какъ истинный кавалеръ, не допустилъ ее до этого: быстро поднялъ ее, взявши за руки, и, положивъ свои руки ей на плечи, занялся разговоромъ. Она внимательно слушала его, быстро отвѣчала и наивно смѣялась; большіе черные глаза, въ которыхъ ничего нельзя было видѣть, кромѣ глубины и непроницаемости, смотрѣли такъ прямо и весело, а между розовыхъ, прелестнаго склада, губъ, выступалъ рядъ необыкновенной бѣлизны зубовъ, крупныхъ, но ровныхъ и частыхъ. Старикъ Чечень говорилъ ей что-то такое, отъ чего она улыбалась и по временамъ потупляла глаза, пряча ихъ подъ длинными бархатными рѣсницами, а смуглыя щеки ея загорались румянцемъ.

Эта дѣвочка — собственность того самаго китайца, который проѣхалъ на возу съ сырыми шкурами. Онъ купилъ еѣ маленькою у бѣднаго монгольскаго семейства, вспоилъ, вскормилъ, держалъ въ холѣ и нѣгѣ, и теперь, хотъ она еще не дозрѣла, но стройна и прелестна, онъ дѣлаетъ еѣ своею женою: это должно совершиться въ тотъ именно день, который въ календарѣ обозначенъ счастливымъ для брака. Теперь она ходила со своимъ обладателемъ въ послѣдній разъ передъ замужествомъ повидаться съ родными.

Китайцы, проживающіе въ Монголіи, большею частію имѣютъ семейство въ Китаѣ, куда они ѣздятъ за товарами; но большинство ѣздитъ очень рѣдко, лѣтъ черезъ 6, черезъ 10, а иной и со-

вершенно отстаетъ отъ своей семьи. Живя здѣсь, они обзаводятся женами изъ монголокъ; для этого берутъ дѣвочекъ маленькими и воспитываютъ, а чаще покупаютъ прямо уже взрослыхъ, иногда берутъ вдовъ и даже замужнихъ. Браки эти, однако, не считаются законными и потому супружеская связь не обязательная. Жена, конечно, не можетъ бросить мужа, потому что за нею заплачены деньги, но мужъ совершенно вправѣ отпустить ее, когда захочетъ: покуда она молода и красива, конечно ни одинъ китаецъ не отпустить; а какъ скоро постарѣла, онъ беретъ себѣ другую, молодую, а эту или прогоняетъ, или она остается въ ролистряпи и служанки. Въ Маймаченѣ я много видѣлъ молодыхъ монголокъ—китайскихъ женъ, прогуливающихся по улицамъ и покупающихъ что-нибудь въ лавкахъ, но въ самыхъ домахъ видѣлъ ихъ очень рѣдко; кажется, они ихъ держатъ за Маймаченомъ, въ расположенномъ какъ разъ у его стѣны монгольскомъ предмѣстьѣ, гдѣ возникло цѣлое особое поселеніе изъ смѣси китайцевъ съ монголками. Дѣти ихъ остаются монголами и называются *эрлицзы*,—что значитъ: *двуутробный*, происходящій отъ двухъ различныхъ породъ. Въ нихъ выработался особенный типъ: у эрлицзы лицо не такъ широко, глаза не такъ узки, острѣе носъ, нѣжнѣе цвѣтъ кожи, вся фізіономія выразительнѣе; они красивѣе, особенно женщины, способнѣе, подвижнѣе и развитѣе чистыхъ монголовъ. Изъ нихъ скорѣе выходятъ въ учителя, писаря и чиновники; оставаясь монголами, они окитаиваются въ нравахъ и образѣ жизни.

Населеніе это должно бы быть гораздо больше; этому мѣшаетъ то обстоятельство, что женами и семействами обзаводятся только такіе, которые успѣли составить себѣ хорошее состояніе, а это достигается съ лѣтами, когда человѣкъ уже старѣетъ; молодежь же вся почти живетъ безъ женъ; да и изъ людей, давно возмужалыхъ, большинство по скупости предпочитаетъ пользоваться этимъ изрѣдка,—если можно, почти даромъ,—отъ тѣхъ монголовъ, которыхъ они ссужаютъ товарами, или довольствуются тѣмъ, что окружаютъ себя мальчиками и молодыми людьми, которые своимъ женоподобнымъ видомъ напоминаютъ имъ женщинъ.

Подходя къ консульству мы увидѣли цѣлый кортежъ всадниковъ, а впереди ихъ видѣлась изящная китайская телѣжка: это уѣзжалъ одинъ изъ амбаней, сдѣлавши визитъ нашему консулу. Во все время, покуда я былъ въ Ургѣ, амбани нѣсколько разъ посѣщали нашего консула, но такъ какъ эти визиты были чисто дружественные, дѣлались безъ предувѣдомленія, то и нельзя было узнать впередъ, когда они будутъ; поэтому мнѣ ни разу не уда-

лось ихъ видѣть; но мнѣ пришлось два раза обѣдать у учителей маньчжурскаго языка, занимающихся съ нашими учениками при консульствѣ, и видѣть ближе домашній бытъ монгольскихъ чиновниковъ.

Обѣда собственно у монголовъ нѣтъ. Вставши утромъ, они пьютъ кирпичный чай; иногда тутъ же варятъ мясо; потомъ не ѣдятъ цѣлый день, только пьютъ чай, молоко, заѣдаютъ сухими яствами изъ молока, какъ арюль, бисалыгъ и др. Если явится гость, то, угощая его, и сами угощаются; если этого гостя особенно почитаютъ, то заколятъ сейчасъ барана, и тогда идетъ пиръ. Прочувъ объ угощеніи, соберутся и посторонніе. Такимъ образомъ, монголы ѣдятъ, когда оголодаютъ, не опредѣляя времени, или когда представится случай; бѣдный, конечно, соображается съ тѣмъ, есть ли чего поѣсть. Поэтому, принявши отъ учителей приглашеніе въ обѣду, мы должны были сами назначить время и, соображаясь съ удобствами, назначили 6 часовъ вечера.

Оба учителя, вѣжета, эрлицы: по крайней мѣрѣ, они живутъ въ маймаченскомъ предмѣстьѣ. Эти личности весьма интересны сами по себѣ; они овладѣли тою ученостью, которая заключается въ ихъ книгахъ; нѣсколько разъ, по порученію начальства, ѣздили въ самые отдаленные края Монголіи, и, какъ люди очень разумные и наблюдательные, составили себѣ очень вѣрное понятіе о своемъ народѣ и странѣ, и понятіе весьма неутѣшительное. Знакомство съ русскими дало имъ понятіе о томъ, что есть другіе, лучшіе порядки, и пришли къ сознанію необходимости коренныхъ реформъ. Какъ горячіе патріоты, они ненавидятъ китайское правительство. Любознательность въ нихъ развита до высшей степени: давши урокъ своимъ русскимъ ученикамъ, они остаются еще долго послѣ урока, стараясь научиться чему-нибудь отъ нихъ. Они были изъ числа тѣхъ, которые сильно негодовали противъ казни инсургентовъ.

По жизни со всею обстановкою они рѣзко отличаются отъ всѣхъ монголовъ — не только простыхъ, но даже знатныхъ и богатыхъ. Они живутъ достаточно, но не богато. Во дворѣ чистота и порядокъ: хорошо устроены навѣсы для лошадей, деревянная кладовая; для приготовленія кушанья сдѣлана китайская фанза; достаточный запасъ дровъ и сѣна. А въ юртѣ, довольно обширной, такъ чисто, свѣтло и тепло, что предпочтешь всякой китайской фанзѣ. Она поставлена не прямо на землю, а на маленькомъ фундаментѣ, чтобъ снаружи не могло нисколько затеять и чтобъ не гноились нижніе ея края; войлокъ двойной снаружи и изнутри; кромѣ очага, подлѣ него же маленькая печка,

съ трубою, выходящею вонъ; подъ низенькія нары посредствомъ трубъ, идущихъ въ землѣ, проведено тепло отъ очага и отъ печки. Какъ они сами, такъ ихъ жены и дѣти чисто вымыты, всѣ въ чистыхъ рубашкахъ. Оба они молодые, молодыя у нихъ и жены, немного за 20 лѣтъ; видно, что онѣ были красивы, но въ 5—6 лѣтъ замужства онѣ значительно постарѣли, сморщились и вообще подурнѣли. Не красивъ и костюмъ замужнихъ: широкія шубы, какъ мѣшки, безъ разрѣза и безъ пояса; только посредствомъ шнурковъ обозначенъ лифъ съ талією ниже пояса; двѣ косы, зашитыя въ мѣшечки, а на вискахъ часть волосъ приподнята и ущемлена между шпировыми серебряными пряжками, въ родѣ гребешковъ; волосы чѣмъ-то сильно намазаны, будто склеены и оттопыриваются. Серьги, ожерелья, на рукахъ кольца—все это не въ состояніи скрасить рано увядшей, безвозвратно поблекшей молодой женщины. Кромѣ того, что вообще какъ у монголовъ, такъ и у китайцевъ женщина скоро старится именно отъ замужства, тутъ участвуетъ и то обстоятельство, что на ея долю выпадаетъ слишкомъ много труда и заботы. Я видѣлъ двухъ княгинь, одну въ Ургѣ, другую въ Кэралюнѣ: онѣ не моложе этихъ женщинъ, но видно, что живутъ безъ заботы: полныя, свѣжія, и остаются довольно красивыми, несмотря на замужство.

Сами учителя, Цуванъ Дорчжэ и Наинтэ, по-своему очень образованные, представляютъ два совершенно различные типа, какъ по наружности, такъ и по характеру. Одинъ съ длиннымъ лицомъ, тонкимъ носомъ, малымъ ртомъ, тонкими губами, станомъ тоже высокимъ и тонкимъ; у другого, наоборотъ, широкое лицо, большой ротъ съ толстыми отдувшимися впередъ губами, ростомъ ниже, костью широкъ, но крѣпости и здоровья въ первомъ больше, послѣдній все жалуется на грудь. Дорчжэ присутствовалъ при казни и вынесъ оттуда озлобленіе и чувство мести; Наинтэ, какъ заговаривать только о казни, затыкаетъ уши, но находитъ оправданіе бѣднякамъ-палачамъ, и винить во всемъ жестокой законъ; не признаетъ вообще смертной казни, тогда какъ первый допускаетъ казнь, но возмущается несправедливостію.

Такъ эта безразличная, повидимому, толпа заключаетъ въ себѣ множество крайне разнообразныхъ типовъ и характеровъ, стѣбитъ только присмотрѣться ближе. Впрочемъ, нельзя не признать, что въ нихъ все-таки больше однообразія, чѣмъ въ насъ и другихъ народахъ Европы. Когда мы были въ Кэралюнѣ и ходили по городу, то нѣкоторые вслухъ заявляли: «какіе они страшные, *всѣ разные!*» Дѣйствительно, изъ шести человѣкъ, ходившихъ тогда въ городѣ, у насъ и двоихъ не было одинаковыхъ.

Оба обѣда были одинаковы, съ тою только разницею, что на первомъ обѣдѣ у Нантэ намъ прислуживалъ хозяинъ съ хозяйкой и одинъ изъ его учениковъ, монголовъ, и подѣ конецъ только явились пѣвицы и музыкантши, а у Дорчжэ—музыкантши и пѣвицы были съ начала до конца пира, и поочередно подносили намъ питье, а хозяева угощали только ѣдой. На второмъ обѣдѣ труднѣе было отказаться отъ питья, поэтому и бесѣда шла живѣе. Оба раза мы засиживались отъ 6 часовъ за 12.

Не стану говорить объ обѣдѣ, потому что онъ былъ совершенно въ китайскомъ вкусѣ, поэтому уже извѣстенъ изъ прежняго; различенъ только тѣмъ, что вначалѣ мы пили кирпичный чай съ *затураномъ*, т.-е. заправленный мукой, поджаренной въ маслѣ, и съ молокомъ, потомъ чай байховый съ русскимъ сахаромъ, и въ числѣ мясныхъ блюдъ поданы были цѣликомъ баранья грудинка и ребрушки, испеченныя на рожнѣ. Музыкантшъ было четыре: одна играла на скрипкѣ, помнится—о трехъ струнахъ, и притомъ волосы, натянутыя на смычкѣ, продѣты были между струнъ, а самый лучокъ былъ снизу, и скрипка держалась на полу, какъ контрабасъ; другая играла на балалайкѣ, третья—на инструментѣ въ родѣ арфы, а четвертая явилась позже съ цимбаломъ.

Хозяинъ, встрѣтивши насъ у воротъ, повелъ во дворъ; тамъ приняли у насъ лошадей (насъ было пятеро: кромѣ меня, два ученика, секретарь и урядникъ), и у самой юрты жена съ двумя дѣтьми-мальчуганами. Въ юртѣ насъ усадили на приготовленныя мѣста, по правую руку отъ хозяина. Прежде всего шло угощеніе чаемъ, что съ морозу было очень кстати. Разговоръ шелъ сначала объ интересахъ дня, а этотъ интересъ заключался въ производствахъ въ чины и наградахъ въ чиновномъ мирѣ. Разсуждали о томъ, кто награжденъ по заслугѣ, кто—нѣтъ; о причинахъ особенной пріязни правительства къ одному, и неприязни къ другому; особенно занимало то обстоятельство, что старшій адъютантъ Цеценъ-хана получилъ таковой чинъ, въ которомъ ханъ не можетъ ему ничего сдѣлать, тогда какъ его адъютантъ долженъ быть только исполнителемъ его воли. Разговоръ о чинахъ и разнаго рода назначеніяхъ занялъ насъ болѣе часа. Тутъ мнѣ припомнилось, что и у насъ теперь въ чиновномъ мирѣ интересъ сосредоточивается на томъ же и идутъ такіе же разговоры о производствахъ въ Новый годъ. А между тѣмъ поставленъ столикъ и покрылся множествомъ тарелочекъ. Не по-монгольскому, а ужъ по-русскому обычаю намъ поднесли вина передъ обѣдомъ, и не въ маленькой чашечкѣ съ наперстокомъ,

а съ добрую рюмку. Музыкантши помѣстились противъ насъ, заиграли и запѣли; а съ каждой перемѣной кушанья одна изъ нихъ подходила къ намъ, и, ставъ на одно колѣно, подносила вино. При питъѣ шли поздравленія и пожеланія: хозяинъ говорилъ цѣлые спичи, мы старались ему вторить, не забывали и музыкантшъ. Блюдо смѣнялось блюдомъ, чарка погоняла чарку, становилось теплѣй и веселѣй, музыка дѣлалась живѣе; но, къ удивленію нашему, прекрасныя монголки пѣли только китайскія пѣсни и, повидимому, одинаковаго содержанія и однообразныя по мелодіи. Всѣ пѣсни были эротическаго содержанія и веселаго характера: особенно часто слышались звуки: *мяу, тляу*, въ родѣ кошачьяго мяуванья; произношеніе въ носъ, и вообще мелодичнаго мало. Напрасно мы просили спѣть намъ монгольскую пѣсню; оказалось, что монголки не знаютъ своихъ родныхъ пѣсень, да и не любятъ. Наконецъ-то онѣ припомнили одну, которая по духу близка подходитъ къ китайской. Вотъ ея дословный переводъ ¹⁾.

Ты зачѣмъ ко мнѣ не ходишь?—Бамъ-бурими, бамъ-бурими.
 Иль дороги къ намъ не знаешь?
 Научить тебя должна я?
 Приходи къ ламѣ Дымчику;
 Отъ него спустись на рѣчку.
 Черезъ рѣчку перешедши,
 Заходи къ ламѣ Голчику.
 Рядомъ съ нимъ и наша юрта
 За высокимъ частоколомъ.
 Тихо лѣстницу приставивъ,
 Перелѣзь; но берегись!
 Песъ нашъ чуткій и заласть.
 Ты осликни: «хойлыкъ! хойлыкъ!»
 Если-жъ кинется кусаться,
 Брось ему кусочекъ сыру;
 Пока съѣстъ, ты будешь въ юртѣ.
 Но и здѣсь не безопасно!
 Чутко спать мои родные;
 Берегись, чтобъ не проснулись.

¹⁾ Эта пѣсня, равно какъ и приведенная выше о „Гигтэи“, и еще одна, которая будетъ помѣщена ниже, переведены мнѣ учениками при консульствѣ, Мосинько и Зодбоевымъ; а записанными я ихъ нашелъ у Я. П. Шашмарова. Припѣвъ *бамъ-бурими* — не имѣетъ никакого значенія и повторяется послѣ каждаго стиха. Для пониманія, предлагаю толкованіе нѣкоторыхъ словъ: *бурдоки* — кожаные мѣшки или большія флаги, въ которыхъ держать молоко; *хойлыкъ* — птица и кличка собаки; *ладаки* — куски шелковой матеріи. Путь, который здѣсь указывается, идетъ по дворахъ, потому что тамъ въ улицахъ переулковъ нѣтъ, а сплошь идетъ частоколъ очень далеко.

Обойди за бурдюками,
 И къ моей постели тихо
 Подойдешь, и приподынешь
 Одѣяло изъ мерлушки,
 А другое изъ козлины...
 Тамъ ужъ нечего бояться...
 Оставайся до разсвѣта;
 А какъ будемъ разставаться,
 Подарю тебѣ на память
 Хадаки-самба цвѣтныя,
 И еще платокъ цвѣтной
 Подарю я на прощанье.

Больше мы не могли добиться отъ нихъ ничего. Но онѣ такъ усердно занимались дѣломъ угощенія, такъ ласково и нѣжно упрашивали, что мы, конечно, простили имъ охотно это незнаніе.

Видя наше сильное желаніе услышать монгольскія пѣсни, хозяинъ призвалъ своего родственника—старика, который далъ намъ понять и почувствовать монгольскую поэзію и монгольскую мелодію.

Одна пѣсня — *Дангъ-хард* (вороной годовалый жеребенокъ) особенно хороша какъ по содержанію, такъ и по мелодіи. Мнѣ тогда показалось, что она переведена у Тимовскаго, и потому я не попросилъ мнѣ ее перевести; только послѣ я увидѣлъ, что ошибся и что у Тимовскаго ея нѣтъ; поэтому я не могу теперь представить ея переводъ, хотя не теряю надежды получить его со временемъ. Между тѣмъ она замѣчательна тѣмъ, что нѣтъ ни одного края въ Монголіи, гдѣ бы ея не знали: я слышалъ ее отъ забайкальскихъ бурятъ, отъ Чахара (въ южной части Монголіи), на Косоголѣ, и помнится, что она поется также и у калмыковъ. Мелодія ея необыкновенно характерна и нѣжна. Начинаясь тихо съ низкой ноты, она восходитъ по цѣлой скалѣ выше и выше, сильнѣй и сильнѣй, и потомъ вдругъ, безъ всякаго перехода, возвращается къ той самой тихой, низкой нотѣ, съ которой началась; затѣмъ, почти не прерывая голоса, съ легкимъ переходомъ, нѣвецъ опять поднимается постепенно кверху, и, поднявши еще выше прежняго, протягиваетъ эту послѣднюю высокую ноту, такъ постепенно ослабляя, что не замѣтишь когда звукъ этотъ замеръ. Пѣвецъ молчитъ, а вамъ все будто слышится эта послѣдняя нота гдѣ-то вдалекѣ или внутри васъ.

Кромѣ этой пѣсни и приведенной выше о «Гыгэнѣ», старикъ пѣлъ намъ еще одну пѣсню: *Шубу-убунгъ*—старикъ-птица. Она также очень оригинальна; смыслъ ея мѣстами тѣменъ: можетъ

быть, тутъ есть пропуски или невѣрности, а можетъ быть, это просто слѣдствіе нѣкоторой неясности въ самой мысли монгола, которую онъ хотѣлъ выразить въ пѣснѣ. Вотъ она:

«Зачѣмъ вы, крылатыя птицы, въ благодатное время теплаго лѣта съ крикомъ: «га-га-га!» летите сюда съ безграничнаго океана?»

— По древневременному предопредѣленію три лѣтніе мѣсяца сопровождаются ясными днями и тихой погодой: намъ пріятно тогда наслаждаться на берегу у синяго моря.

«А зачѣмъ въ осеннее время вы снова летите обратно?»

— Когда съ неба падаетъ ключьями снѣгъ и покрываетъ теплую землю, мы предпочитаемъ летѣть тогда въ теплыя страны, гдѣ нѣтъ ни зимы, ни морозовъ.

«А весной вы опять сюда прилетите?»

— Напрасно, старикъ, ты спрашиваешь насъ, однообразно пернатыхъ: не намъ разсуждать о томъ, что не нами поставлено разъ навсегда. А чтобы значило, что человѣкъ, живущій на своей волѣ и въ полномъ довольствѣ, подъ старость слабѣетъ разсудкомъ? Всему есть предѣлъ и указанъ порядокъ всему міру.

Не личную грусть, а какую-то неопредѣленную, широкую тоску и раздумье нагоняетъ на васъ монгольская пѣсня. Старикъ замолкъ, и всѣ въ молчаніи, будто задумались о чемъ-то: хозяинъ молча потягиваетъ свою гамбу, уставивъ глаза на жаръ, подернувшійся пещломъ, потому что за пѣніемъ забыли подкладывать дрова; не шевелятся дѣти, прижавшись къ отцу, и никому не хочется прервать эту тишину и раздумье.

Первый очнулся хозяинъ; снова пошла круговая чарка; заиграла музыка и замяукали прелестныя пѣвицы свои безсмысленныя, веселыя пѣсенки; пошла живая бесѣда; все будто произошло.

Близко полночь; а разгулявшійся хозяинъ не пускаетъ насъ: «Останемся до утра — уговариваетъ онъ насъ — и музыкантши останутся съ нами; еще такъ ужъ не будемъ веселиться».

«Ваше благородіе!» — жалобно обращается ко мнѣ урядникъ: «Что это такое? пьемъ-пьемъ, все брюхо распучило, а толку никакого нѣтъ!»

Дѣйствительно, мы пили тарасунъ, не переставая, часовъ шесть, а опьяненія большого ни въ комъ не было замѣтно; всѣ были только необыкновенно веселы; а русскому человѣку этого мало: ему хочется пить для того, чтобы напиться, чтобы одичать или себя не помнить.

Да, такого рода пьянство чисто наша оригинальная черта. У монголовъ пьянство поголовное лѣтомъ. Тогда они каждый день гонять водку изъ молока, и часовъ съ 10-ти утра, какъ

только выходить котель, начинается попойка. Пьютъ до тѣхъ поръ, пока выпьютъ все; каждый курить вино для себя, а кто придетъ—пьетъ вмѣстѣ; но какъ скоро выпили свое, купить негдѣ, да и не водится покупать его; поэтому поневолѣ дѣлается перерывъ и организмъ отдыхаетъ. Къ тому же опьяненіе отъ него не такъ сильно и скоро проходитъ. Лѣтомъ съ монголами нельзя почти никакого дѣла имѣть, потому что они каждый день пьянствуютъ; но какъ только наступила осень, перестали доиться кобылы и коровы, пьянство кончено. Такимъ образомъ, монголъ не можетъ предаваться пьянству круглый годъ; упивается не такъ сильно, какъ съ нашей водки, и не пропивается, потому что пьетъ свое вино.

Перешло за-полночь, тогда только мы могли отдѣлаться отъ гостепріимнаго хозяина. Ему была тоже приготовлена лошадь, онъ проводилъ насъ изъ предмѣстья, а дальше далъ намъ проводника, котораго поѣхалъ впереди съ фонаремъ. «Бѣлый мѣсяцъ» не оправдывалъ своего названія: онъ не свѣтилъ, и, при безснѣжьи, кругомъ было такъ темно, что дѣйствительно легко было если не сбиться съ дороги, то попасть куда-нибудь въ оврагъ. Мы, впрочемъ, домчались быстро; у воротъ окликнулъ насъ часовой и пропустилъ, послѣ того какъ урядникъ отвѣтилъ ему лозунгъ.

Долго потомъ вспоминался намъ этотъ маленькій пиръ: добродушіе хозяевъ, безконечное угощеніе, навѣвающія раздумье пѣсни старика, веселая, вполне застольная, музыка монголокъ, ихъ красивыя лица и ласковое угощеніе.

Воротимся опять въ витайцамъ. Послѣдніе три дня идетъ театр. Съ полдня труппа актеровъ даетъ уличныя представленія, обходя кругомъ весь городъ; часа въ 2 они собираются уже въ зданіи театра. На небольшой четвероугольный дворъ, рядомъ съ помѣщеніемъ заргучея и между другими каменными постройками, выходитъ зданіе въ родѣ павильона: съ той стороны, съ которой онъ выходитъ на дворъ, стѣны нѣтъ, и аршина на два отъ земли помѣщается сцена, т.-е. помость изъ досокъ, и подъ крышей, ни декораций никакихъ, ни занавѣса нѣтъ. Тутъ же у одной стѣнки помѣщаются музыканты: одинъ скрипачъ, другой флейтистъ, а третій бьетъ палочками по деревянной доскѣ; а по другую сторону сидитъ посторонній зритель. Актеры входятъ сзади черезъ боковую дверь; выступленіе ихъ возбѣщается музыкой и особенно сильнымъ удареніемъ въ доску. Публика помѣщается, стоя на дворѣ; у одной стѣны сбоку только лавки, на которыхъ сидятъ женщины, въ красныхъ и голубыхъ шубахъ, набѣленные и на-румяненные, и издали довольно красивыя. Въ одномъ углу двора

нѣчто въ родѣ бесѣдки съ помостомъ на высотѣ сажени: это помѣщеніе для заргучей, чиновниковъ и другихъ болѣе почетныхъ лицъ; тутъ же помѣщаемся и мы, русскіе. Купцы приходятъ сюда не надолго, и предпочитаютъ, кажется, оставаться внизу въ толпѣ, которая очень одушевленно относится къ сценѣ, предаваясь неудержимому смѣху, по случаю курьезныхъ сценъ, остроу и выходокъ актеровъ.

Театръ продолжается съ двухъ часовъ и до семи вечера безъ перерыва: сцена идетъ за сценой, пьеса за пьесой. Не зная языка, конечно, нѣтъ возможности слѣдить за представленіемъ, особенно на китайской сценѣ. Такъ, напр., какой-то старичокъ выходитъ съ метелкой въ рукѣ, бѣгаетъ по сценѣ, машетъ метелкой по воздуху и по стѣнамъ: это изображаются кумирня, и старичокъ, *xэшенз* — монахъ или вообще служитель храма, обметаетъ пыль съ кумировъ, предполагаемыхъ здѣсь. Затѣмъ входитъ какой-то пожилой ужъ толстякъ и оретъ, какъ будто ругается; онъ видимо пьянъ, поднимаетъ ноги кверху, машетъ руками, скачетъ, какъ козель; другіе два молодые человѣка держатъ его подъ руки, уговариваютъ и, какъ будто, хотятъ увести; сцена эта длится съ $\frac{1}{4}$ часа; потомъ онъ садится тутъ же въ сторонкѣ, — это значить, что его ужъ нѣтъ на сценѣ, на которой происходитъ нѣчто новое: ставятъ столъ, на него стулъ; приходитъ какой-то уродъ съ черной рожей, съ красной бородой, съ рогами, съ разинутой пастью, съ рядомъ длинныхъ торчащихъ зубовъ. Отдыхавшій актеръ опять начинаетъ изображать пьянаго; опять ломается, кричитъ, шатается; но вдругъ взглядываетъ на чудовище, пугается, дрожить, падаетъ на брюхо и кричитъ благимъ матомъ: это оскорбленное божество выступило во всемъ грозномъ видѣ и навело на него трепетъ. Безчиннива хотятъ казнить; но онъ и всѣ родные вымаливаютъ прощеніе, и пьяница общается, конечно, никогда не пить и не буйствовать.

Сидѣвшій возлѣ меня заргучей старался мнѣ растолковать смыслъ всего происходившаго на сценѣ; но онъ, природный певинець, не совсѣмъ понималъ шаньсійскій жаргонъ актеровъ, и потому многое оставалось и для него не совсѣмъ понятнымъ, особенно многія остроуы и выходки, на которыя такъ усердно отзывалась нижняя публика.

Самая сцена вовсе не помогаетъ вамъ понимать происходящее. Выходитъ, на примѣръ, женщина (конечно, наряженный мужчина), за нею еще двѣ женщины и мужчина; всѣ они идутъ другъ за другомъ, поднимая высоко ноги и хлопая себя по заду хлыстами; ходятъ они такимъ образомъ кругомъ сцены, потомъ

сидятъ на полѣ: это значитъ, они пріѣхали верхами и потомъ слѣзли съ лошадей. Или: усиленный пискъ и трескъ музыки предваряетъ васъ, что имѣетъ произойти что-то необычайное, и дѣйствительно выходитъ какой-то воинъ въ черной маскѣ съ мечомъ, съ пивой, съ топоромъ на длинномъ древкѣ: кричитъ и машетъ оружіемъ во всѣ стороны; затѣмъ музыка гремитъ еще шибче, и изъ двери выскакиваетъ огромная лягушка вся въ пятнахъ: желтыхъ, коричневыхъ и зеленыхъ, ротъ красный, переднія лапы короткія, заднія длинныя, она скачетъ на заднихъ ногахъ; но затѣмъ у нея длинный-длинный хвостъ? Это оказывается тигръ. Начинается сраженіе съ тигромъ: нѣсколько разъ они убѣгаютъ со сцены и опять возвращаются, наконецъ, тигръ убитъ. Сцена эта такъ нравится публикѣ, что заставляютъ ее повторить три раза.

Три дня я ходилъ въ этотъ театръ, высиживая часа по 4; впрочемъ, мы выходили, хоть сцена и продолжалась, занимались своей бесѣдой; заручей то и дѣло угощать насъ то чаемъ, то лакомствами, мы угощали его. Не понимая вполнѣ содержанія пьесы, я могъ вынести понятіе только о сюжетахъ, занимающихъ китайцевъ.

Главные сюжеты ихъ любовныя сцены, сопровождаемыя самыми сенсационными и смѣшными приключеніями; жены и мужья непременно имѣютъ любовниковъ и любовницъ и обманываютъ другъ друга; всѣ мужчины непременно ловеласы, и ни одна женщина не устываетъ противъ ихъ ухаживаній. Но въ каждой почти пьесѣ непременно является судья, кого-нибудь засушиваетъ, и непременно кого-нибудь казнятъ, и иногда нѣсколько человѣкъ; бывають, что является спасительница кого-нибудь изъ нихъ и уводитъ его или подмѣняетъ другимъ. Казнь совершается такъ: кладется бревно, изображающее плаху, подлежащій казни подходит, ложится, и кладетъ шею на плаху; палачъ махаетъ надъ нимъ картонной сѣнрой, при этомъ припрыгиваетъ и кричитъ что-то, а казненный вскакиваетъ и бѣжитъ за сцену. Любятъ они также воевать; иногда фехтуютъ палками, при этомъ куврыкаются и кривляются.

Смотря, съ какимъ удовольствіемъ изображаются и совершаются казни на сценѣ, я думаю, не здѣсь ли отчасти развивается въ китайскихъ актерахъ способность и, можетъ быть, даже страсть къ казнямъ? Между сценой и жизнью у китайцевъ существуетъ тѣсная связь; всѣ пьесы, если не вполнѣ, то въ отдѣльных сценахъ, въ характерѣ дѣйствующихъ лицъ и ихъ отношеніяхъ, воспроизводятъ просто обыденную жизнь китайца.

Навонецъ, пришелъ и фонарный праздникъ. Мы получили приглашеніе отъ заргучея быть на этотъ праздникъ у него, такъ какъ вечеромъ должно было произойти одно представленіе прежде всего у него на дворѣ. Представленіе это особенно интересно, потому что съ нимъ непосредственно связанъ фонарный праздникъ.

Мы усаживаемся на галереѣ заргучеевой квартиры; передъ нами дворъ освѣщенъ разноцвѣтными узорными фонарями. Въ ворота входятъ 6 лодокъ: онѣ изображаютъ изъ себя фантастическихъ рыбъ и украшены не менѣе фантастическими травами и цвѣтами; сверху балдахинъ, съ боковъ фонари, также въ видѣ какихъ-то животныхъ. Въ каждой лодкѣ сидитъ человѣкъ: онъ собственно стоитъ пролѣзши черезъ дыру въ днѣ лодки и таскаетъ ее на себѣ, но ногъ не видать, потому что лодка до низу занавѣшана. Впереди идетъ какой-то старикъ въ изодранномъ кафтаникѣ и въ шляпѣ, въ родѣ нашей крестьянской, съ длинной бородой; онъ бѣгаетъ по двору, сѣменя ногами и держа весло, такъ какъ будто править имъ въ лодкѣ; лодки плывутъ за нимъ, видя такъ, что выходитъ фигура цифры 8; онѣ дѣлаютъ это нѣсколько разъ, такъ что кажется, будто много лодокъ, и потомъ становятся въ рядъ. Затѣмъ выходятъ два человѣка, разсуждаютъ о чемъ-то съ жаромъ, сопровождая каждое слово обыкновенною ихъ неуклюжею, смѣшною жестикюляціей, потомъ начинаютъ суетиться, бѣгаютъ и будто ищутъ кого-то. Лодки опять начинаютъ по-прежнему маневрировать, и наконецъ, уходятъ. Тоже самое продѣлываютъ онѣ по цѣлому Маймачену: среди темной ночи, цѣлое почти населеніе рассыпалось съ фонарями, дома освѣщены, горятъ огни, фонтанки рассыпаютъ струей искры, ракеты взлетаютъ и хлопаютъ, вездѣ крикъ, шумъ—все это, въ своемъ родѣ, оригинально и красиво.

Китайцы, къ которымъ я обращался за разъясненіемъ всего происходившаго на сценѣ и о поводѣ установленія этого праздника, не могли сказать мнѣ ничего опредѣленнаго; но послѣ я нашелъ объясненіе въ запискахъ французскихъ миссіонеровъ при пекинскомъ дворѣ, и объясненіе это, по смыслу всего, что происходитъ на праздникѣ, должно быть вѣрно. Мы беремъ это свѣдѣніе изъ русскаго перевода, сдѣланнаго въ 1787 г. ¹⁾

У китайцевъ былъ знаменитый философъ Кіу-Пингъ или Кіу-Юэнь, который удивлялъ всѣхъ глубиною мысли и необыкновен-

¹⁾ „Записки, подлежащія до исторіи, наукъ, художествъ, нравовъ, обычаевъ и проч. китайцевъ, сочин. проповѣдниками вѣры христіанской въ Пекинѣ. На руссіс. яз. перелож. въ 1787 г., губерніи московской, князьяскаго округа, въ селѣдъ Михалевѣ.“ М. въ университетской типограф., у Н. Новикова. 1788 г. Т. V, стр. 59—60.

нымъ природнымъ краснорѣчіемъ; онъ былъ въ то же время и поэтъ; поэзія его была преисполнена самаго нѣжнаго чувства, и вообще слогъ его сочиненій былъ легкій и изящный. Эти качества обратили на него вниманіе императора, который призвалъ его ко двору и поручилъ ему сообщать царскія повелѣнія областнымъ начальникамъ и другимъ провинціальнымъ чиновникамъ, для чего требовалась необыкновенная ясность и благоразуміе. По наговорамъ, однако, онъ былъ удаленъ отъ двора. Это такъ огорчило философа, что онъ удалился вовсе изъ предѣловъ китайскаго царства и поселился у самой границы, гдѣ и предался исключительно литературнымъ занятіямъ. Тамъ онъ написалъ знаменитую элегію *Ли-сао*, «извлекающую слезы у читателей». Клевета не дала ему покою и здѣсь: его оклеветали въ затѣваемыхъ будто бы имъ оттуда возняхъ противъ царя, за что онъ подвергся ссылке внутрь болота, недалеко отъ береговъ р. Кіанга. Въ этомъ заточеніи онъ написалъ еще девять элегій; но въ то же время отдается крайне мрачному настроенію, и въ такомъ настроеніи однажды навязываетъ себѣ на шею камень и бросается въ рѣку. Народъ, узнавши о такомъ печальномъ концѣ любимаго всѣми изгнанника, стекается отовсюду; собираютъ всѣ лодки и ищутъ его днемъ и ночью въ продолженіи нѣсколькихъ сутокъ; но поиски оказываются напрасными. Въ память этого несчастнаго событія въ 5-й день 5-й луны установилось «торжество на лодкахъ».

Черезъ два дня послѣ этого я ѣхалъ уже въ Кяхту.

П. Ровинскій.

КУИ ЖЕЛЪЗО ПОКА ГОРЯЧО

НОВИИ АНГЛИИКИИ РОМАНЪ.

„Taken at the flood“, by the Author of „Lady Andlay's Secret“, „Strangers and Pilgrims“ &c. &c. &c.

ГЛАВА XXXIX *).

М-ръ Бѣнъ оказывается полезнымъ человекомъ.

Ребенокъ Сильвii росъ и укрѣплялся, и ей казалось, что жизнь ея какъ будто получила новый смыслъ. Дитя служило новой забавой, и благодаря тому, ея собственное значенiе усилилось. Прислуга сдѣлалась почтительнѣе прежняго. Мать будущаго лорда Перриама была гораздо болѣе важной персоной, чѣмъ молодая жена сэра Обри. Такъ какъ сэръ Обри, въ нѣкоторомъ родѣ, юридически умеръ, то всѣ домочадцы поклонялись колыбели его наследника, какъ будто бы это несмысленное дитя было уже ихъ господиномъ и повелителемъ.

Бездѣтная вдова мелкаго фермера, который разорился и умеръ преждевременно, была нанята въ няньки. М-ръ Бѣнъ, знавшii всѣхъ и вся, прискалъ эту особу и привезъ ее къ лэди Перриамъ, съ совѣтомъ нанять ее, смахивавшемъ почти на приказанiе. Сильвii отказала бы этой женщинѣ, хотя бы только затѣмъ, что бы воспротивиться вмѣшательству, которое казалось ей въ нѣко-

*) См. выше: янв. 331; февр. 763; мар. 231; май, 251; июнь, 705 стр.

торомъ родѣ тиранствомъ, но сэръ Обри, присутствовавшій при спорѣ и всегда бравшій сторону Шадрака Бэна, настоялъ на томъ, чтобы миссисъ Трингфольдъ была нанята. Вслѣдствіе этого миссисъ Трингфольдъ была приглашена въ домъ за нѣсколько недѣль до рожденія наслѣдника.

Сэръ Обри позабылъ обо всемъ дѣлѣ черезъ какихъ-нибудь полчаса, но его поддержка дала право м-ру Бэну заявлять свой голосъ во всѣхъ семейныхъ дѣлахъ, что очень не нравилось Сильвіи.

— Почему ты всегда берешь сторону м-ра Бэна? спросила она, когда управляющій ушелъ.

— Бэнь очень умный человѣкъ, душа моя,—отвѣчалъ сэръ Обри своимъ дряблымъ голосомъ:—всего лучше слушаться совѣтовъ Бэна. Если Бэнь рекомендуетъ няньку, нянька должна быть хороша.

— Я бы лучше сама выбрала няньку, отвѣчала Сильвія, недовольная.

— Ну, можешь ли ты судить о томъ: хороши или дурны слуги, моя душа? Ты слишкомъ молода, чтобы только выбрать ихъ. Бэнь преданный слуга... очень преданный слуга.

— Преданный своимъ личнымъ интересамъ, я думаю, про- бормотала Сильвія.

Сильвія не знала, что вліянію м-ра Бэна она обязана тѣмъ, что ея будущій доходъ повысился съ трехъ тысячъ до пяти въ годъ. Но, быть можетъ, еслибы она и знала объ этомъ фактѣ, то онъ врядъ ли бы примирилъ ее съ этимъ вліяніемъ, которое представлялось ей какъ-бы своего рода тиранніей.

Никому въ домѣ, не исключая и самой матери, ребенокъ не былъ, повидимому, такъ милъ, какъ миссисъ Картеръ, сидѣлѣцъ. Величайшимъ удовольствіемъ для нея было понянчить мистера Перриама полчаса или больше, когда миссисъ Трингфольдъ бывала въ любезномъ настроеніи духа и допускала такую вольность съ своимъ питомцемъ. Она склонялась надъ его колыбелью съ такою нѣжностью, которая была верхомъ искусства, если только была притворной. Прислуга утверждала, что эта нѣжность притворна, и обвиняла миссисъ Картеръ въ раболѣпствѣ и желаніи подслужиться.

— Она съ самаго начала сумѣла поддѣлаться къ миледи,—говорила миссисъ Спейсеръ, экономка, и надѣется совсѣмъ расположить ее къ себѣ, прикинувшись, что обожаетъ наше дорогое дитя.

Не смотря на такое строгое сужденіе прислуги, привязанность

миссисъ Картеръ въ ребенку выражалась очень скромно и сдержанно. Только въ тѣ счастливыя минуты, когда ее оставляли одну съ ребенкомъ, душа ея переполнялась, и она проливала слезы надъ малюткой, и молила Бога удалить отъ него тѣ грѣховныя соблазны, противъ которыхъ сама она не сумѣла устоять.

Наступило время и довольно быстро, когда эта новая радость такъ же пріѣхала Сильвіи, какъ и счастье быть хозяйкой великолѣпнаго дома: Сильвіи прискучило мало-по-малу возиться съ ребенкомъ. Забавляться имъ было во всякомъ случаѣ утомительно, и если ей случалось иногда продержатъ его на рукахъ съ полчаса, она совсѣмъ выбивалась изъ силъ, и съ удовольствіемъ передавала его миссисъ Трингфольдъ или миссисъ Картеръ.

Сэръ Обри любилъ, чтобы ребенка приносили въ его комнату и нянчились тамъ съ нимъ на его глазахъ; онъ гордился имъ, и по временамъ нѣжно ласкалъ его; но въ другое время совершенно забывалъ объ его существованіи, и случалось, ворчалъ и жаловался на то, что у него нѣтъ наследника. Сначала миссисъ Картеръ приносила ему ребенка, чтобы убѣдить: какъ безумны его жалобы, когда Провидѣніе наградило его сыномъ. Но вскорѣ она открыла, что то былъ напрасный трудъ и предоставляла ему ныть, сколько его душѣ угодно, не пытаясь больше убѣдить его въ неразуміи. По мѣрѣ того, какъ время шло, а ребенокъ росъ, онъ сталъ казаться лэди Перриамъ только лишней обузой. Каждый прорѣзывающійся зубъ производилъ тревогу и суматоху. Онъ плакалъ и капризничалъ, и миссисъ Трингфольдъ сваливала все на зубы.

«Вѣроятно я полюблю его, когда онъ нѣсколько подрастетъ», — утѣшала себя мать, когда находила наследника Перриама безпкойнѣе обыкновеннаго.

Такъ мало-по-малу, съ теченіемъ времени ребенокъ пересталъ улаживать ее жизнь и развлекать ее, и бремя однообразной жизни стало тяготить ее пуще прежняго.

До нѣкоторой степени она стала свободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ до болѣзни сэра Обри. Послѣдній, такъ самовластно распорядившійся ея жизнью, сталъ теперь нулемъ.

Сильвія посѣщала комнату больного почти съ такимъ же чувствомъ, какъ еслибы то была могила; но какъ ни тяготилъ ее уходъ за сэромъ Обри, она обращалась съ нимъ довольно ласково, читала ему, пѣла, и съ сверхъестественнымъ почти терпѣніемъ отвѣчала на его безконечныя и однообразныя вопросы. Но она посвящала исполненію этихъ обязанностей только два

часа въ день: часть поутру и часть вечеромъ. «Посвящать ему больше времени—значило убить себя»,—объявила она.

Въ остальное время за сэромъ Обри ухаживали Мордредъ Перриамъ, миссисъ Картеръ и Жанъ Чепленъ; докторъ ежедневно посѣщалъ его, а м-ръ Бэнъ пріѣзжалъ два раза въ недѣлю и такъ же серьезно толковалъ съ баронетомъ о дѣлахъ, какъ еслибы тотъ былъ въ здоровомъ умѣ.

Теперь лэди Перриамъ могла тратить денегъ, сколько хотѣла. Сэръ Обри удерживалъ у себя книжку съ чеками, и подписывалъ всѣ чеки, какіе требовались по хозяйству. Онъ совсѣмъ не сознавалъ, сколько онъ тратилъ: неизмѣнно ворчалъ, выдавая каждую отдѣльную сумму, но мозгъ его утратилъ способность помнить о выданныхъ раньше суммахъ, и еслибы управляющій захотѣлъ, то могъ бы заставить его по три и по четыре чека въ день выдавать на одинъ и тотъ же предметъ. Всѣ чеки подписывались по требованію Шадрака Бэна. Только онъ одинъ могъ убѣдить сэра Обри выдать деньги, и такимъ образомъ всѣ суммы, необходимыя для лэди Перриамъ, проходили черезъ руки агента.

Сильвію унижало вмѣшательство м-ра Бэна, но она вынуждена была терпѣть его, потому что если ей самой случалось просить денегъ у сэра Обри, она получала неизмѣнный отвѣтъ: зачѣмъ ей столько денегъ? У нея пропасть нарядовъ; онъ постоянно видитъ на ней новыя платья. У ней есть домъ и экипажъ. Чего ей еще требуется?

Сильвія возражала, что есть счета по хозяйству, и кто-нибудь долженъ же по нимъ платить.

— Такъ пускай Бэнъ принесетъ мнѣ счета и я подпишу чеки,—неизмѣнно отвѣчалъ сэръ Обри: Бэнъ знаетъ, что мнѣ слѣдуетъ уплатить. Онъ дѣльный человѣкъ и не позволитъ надуть меня. Ты бы, Сильвія, разорила меня, еслибы бы я позволилъ тебѣ распоряжаться хозяйствомъ.

Лэди Перриамъ ничего не оставалось, какъ покориться, и она получала чеки изъ руки Шадрака Бэна. Онъ давалъ ей денегъ столько, сколько нужно было, чтобы удовлетворить какъ всѣмъ ея прихотямъ, такъ и расходамъ по хозяйству. Сэръ Обри подписывалъ чекъ на «постороннія издержки» почти черезъ каждыя двѣ недѣли, а «постороннія издержки» значили карманныя деньги для Сильвіи. Она теперь могла удовлетворять своей страсти къ моднымъ нарядамъ, богатымъ кружевамъ, лентамъ у м-ра Генцлейна; могла безпрепятственно покупать новыя книги и новыя ноты, загромождать свой туалетъ послѣдними новинками по парфюмерской части, посылать время отъ времени банковый билетъ

въ подарокъ отцу и награждать миссисъ Картеръ сверхъ положеннаго ей щедрого жалованья. Еслибы деньги могли дѣлать человека счастливымъ, то Сильвія Перриамъ должна была бы считать себя вполне счастливой: но хотя покупать наряды было и весело, но тяжело было сознавать, что не для кого ихъ надѣвать. Конечно, ей пріятно было видѣть отраженіе своей красоты, когда она вертѣлась передъ зеркаломъ, одѣтая по послѣдней модѣ и, какъ увѣрялъ м-ръ Генцлейнъ, точь-въ-точь въ такомъ платьѣ, какъ у императрицы Евгеніи. Но она со вздохомъ отходила отъ зеркала, вспомнивъ, что никто не увидитъ ея наряда, кромѣ больного мужа и м-ра Бэна. Такимъ образомъ, послѣ краткаго періода мотовства ей надоѣло покупать обновки.

Она могла бы ѣздить въ Гедингемскую церковь каждое воскресенье и щеголять своими нарядами передъ людьми, знававшими ее въ бѣдности, но ей не хотѣлось этого. Презрительный взглядъ Эдмонда Стендена совсѣмъ сразилъ ее. Она не желала вновь подвергать себя такимъ взглядамъ. Лучше никогда не видѣть больше его лица, чѣмъ подмѣчать въ немъ это выраженіе. Со всѣмъ тѣмъ, когда она мечтала о темномъ, неизвѣстномъ будущемъ—всѣ мечты ея сосредоточивались на будущемъ—то не отчаявалась вернуть его любовь, лишь бы ей дали возможность попытаться это сдѣлать.

Было одно лицо въ Перриамъ-Плэсѣ, на которое разстроенное здоровье сэра Обри подѣйствовало почти такимъ же разрушительнымъ образомъ, какъ и на самого сэра Обри. То былъ Мордредъ Перриамъ, котораго такъ огорчила болѣзнь брата, что его собственное здоровье совсѣмъ разстроилось, и можно было ожидать, что меньшей братъ сойдетъ въ могилу раньше старшаго. Мордредъ не жаловался на болѣзнь, но порою повѣрялъ внимательному слушателю о тѣхъ внутреннихъ, острыхъ боляхъ, которыя мучили его и которыя онъ ощущалъ то въ сердцѣ, то въ головѣ. Онъ все еще держался на ногахъ; совершалъ свои обычные прогулки по огороду, но всѣ радости его жизни отлетѣли. Съ тѣхъ поръ какъ брата разбилъ параличъ, Мордредъ никуда не выходилъ изъ своей комнаты, кромѣ комнаты больного или огорода. Ему невыносима столовая безъ Обри, говорилъ онъ, и по его просьбѣ ему подавали обѣдъ въ его собственную комнату, и онъ сидѣлъ среди своихъ грязныхъ *in-folio*, *in-quarto* и *in-octavo* и проглатывалъ свой обѣдъ въ уединеніи, едва сознавая, что онъ ѣстъ.

Онъ не покупалъ больше книгъ; не переписывался съ книжниками; не изучалъ каталоговъ, и въ немъ это означало, что

онъ отказывается отъ свѣта. Самъ Карль V, когда заключился въ монастырѣ св. Юста, не могъ рѣшительнѣе покончить съ земными дѣлами, чѣмъ м-ръ Перриамъ, когда онъ отложилъ въ сторону свои каталоги и сказалъ:—я больше не покупаю книгъ.

— Къ чему мнѣ заниматься библиографіей, — сказалъ онъ какъ-то, когда лэди Перриамъ замѣтила о перемѣнѣ въ привычкахъ своего девера. Никто мнѣ больше не сочувствуетъ. Вы не интересуетесь старыми книгами. Вы любите новые романы, жалкія, мимолетныя произведенія, которыя черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ своего появленія годны лишь на макулатуру. Развѣ вы способны отфнать Цицерона, изданнаго Альдомъ въ двадцати фоліантахъ; или Декамеронъ, почти таковой же рѣдкій, какъ тотъ, что былъ проданъ на-дняхъ за двѣ тысячи фунтовъ? Обри симпатизировалъ мнѣ, Обри выслушивалъ меня.

Сильвія въ извѣстной мѣрѣ заслужила упреки своего девера, потому что, не будучи невѣжливой съ нимъ, слишкомъ откровенно заявила о своемъ полнѣйшемъ равнодушіи къ его занятіямъ. Она зѣвала, когда онъ показывалъ ей какое-нибудь драгоценное изданіе, и даже высказала какъ-то, что считаетъ переплетное мастерство униженнымъ для младшаго члена фамиліи Перриамовъ. Съ того дня, какъ параличъ разбилъ его брата, Мордредъ Перриамъ сторонился отъ Сильвіи. Онъ отворачивался отъ этого прелестнаго созданія, точно находилъ, что уже самая красота ея была оскорбленіемъ для ея мужа. Комната сэра Обри была любимымъ мѣстопребываніемъ Мордреда. Просиживать по цѣлымъ часамъ у камина, зимою и лѣтомъ, и даже тогда, когда онъ потухалъ, было первымъ удовольствіемъ для Мордреда. Онъ ежедневно приносилъ съ собою груду книгъ, и читалъ вслухъ сэру Обри, когда тотъ этого желалъ. Его не обезкураживало то, что братъ повторялъ день за днемъ все одни и тѣ же глупыя замѣчанія, которыя зачастую шли въ разрѣзъ съ текстомъ. Онъ восхвалялъ набожность Вольтера, смѣшивалъ Іеремію Тэйлора съ Гиббономъ, «Потерянный рай» съ «Божественной комедіей», Данта, и на разные лады обнаруживалъ жалкое состояніе своихъ умственныхъ способностей. Но Мордредъ былъ счастливъ уже тѣмъ, что братъ, повидимому, слушаетъ его и разговариваетъ съ нимъ, и какъ будто радъ его обществу. День за днемъ просиживали вмѣстѣ эти два человѣка, оба состарившіеся преждевременно, оба отжившіе, и какъ будто уже ставшіе не отъ міра сего.

Единственный интересъ, связывавшій ихъ съ здѣшнимъ міромъ, былъ наслѣдникъ Перриама. Оба, казалось, равно гордились имъ. Присутствіе дитяти всегда вызывало улыбку на измож-

денномъ лицѣ сэра Обри, улыбку, которая отражалась на лицѣ его брата.

— Провидѣніе очень милостиво къ тебѣ, Обри, часто повторялъ Мордредъ. Какое счастье видѣть этого молодца, и знать, что перриамское помѣстье перейдетъ къ прямому наслѣднику.

ГЛАВА XL.

„Свяли листьа, свянулъ цвѣтъ“.

Осень смѣнила лѣто и въ свою очередь смѣнилась зимой; и вотъ, съ наступленіемъ послѣдней, надъ степеннымъ домомъ м-ра Бэна, въ Гай-Стритъ, въ Монкгемптонѣ, сгустились тучи, предвозвѣстники тьмы. Миссисъ Бэнь, кроткая, заботливая, аккуратная хозяйка, сдала дочери ключи отъ буфета, виннаго погреба и кладовой, и многіе изъ домашнихъ сознавали, что она передала ихъ навѣки. Не царить ей больше въ своемъ тѣсномъ, нераздѣльномъ королевствѣ домашняго очага.

Она вернулась изъ Канна въ концѣ апрѣля, изумительно подкрѣпленная мягкимъ климатомъ южной Франціи. Друзья громко поздравляли ее. Нашлось средство если не вполнѣ вылечить, то, по крайней мѣрѣ, значительно облегчить ея страданія. Одышка или воспаленіе въ горлѣ не будутъ больше мучить ее. Ей стѣитъ только уложить свои пожитки, и съ наступленіемъ зимы отлетѣть въ теплыя страны, подобно ласточкамъ, съ тою только разницей, что у послѣднихъ не бываетъ багажа. Докторъ, м-ръ Стимпсонъ, поддакивалъ этому, но не такъ усердно, какъ остальные. Домовому врачу вообще не пристало обезкураживать своихъ пациентовъ. Бываютъ домовые врачи, глубокомысленные и сострадательные, которые глядятъ на васъ жалкими глазами, и какъ будто считаютъ васъ на краю могилы; но бываютъ тоже и веселые шутники между домовыми докторами, которые громко разглагольствуютъ въ комнатѣ больного, и дѣлаютъ видъ, что не вѣрятъ въ опасность. М-ръ Стимпсонъ былъ веселый докторъ и большой фаворитъ монкгемптонскихъ обывателей. Къ несчастью, въ этотъ годъ зима подералась совсѣмъ незамѣтно и въ то время, какъ люди поздравляли другъ друга съ чудесной осенью, морозъ внезапно принялся кусать ихъ за носы, а туманъ, которому, знай онъ свое мѣсто, слѣдовало бы не показываться раньше Рождества, вступилъ во всѣ свои права уже въ концѣ октября.

Миссисъ Бэнь заболѣла хронической одышкой въ концѣ октября,

и м-ръ Стимпсонъ рѣшительно объявилъ, что предполагаемое переселеніе въ Кантъ въ нынѣшнемъ году невозможно.

— Она не перенесетъ путешествія въ своемъ настоящемъ положеніи,—сказала онъ Шадраку Бэну, который казался очень встревоженнымъ, хотя и не распространялся о своей тревогѣ: а пока мы снова поставимъ ее на ноги, будетъ уже поздно пускаться въ путь.

Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы уѣхать на берега Средиземнаго моря, миссисъ Бэнь заключилась въ своей комнатѣ, просторномъ и комфортабельномъ покоѣ, окна котораго выходили на улицу, такъ что больная могла изъ нихъ видѣть все то, что составляло общественную жизнь въ Монегемптонѣ.

— Такъ-то лучше, чѣмъ уѣзжать за-границу и разставаться съ вами, говорила миссисъ Бэнь своимъ дочерямъ, а всѣ мы находимся въ рукахъ Всевышняго, въ дурномъ, какъ и въ хорошемъ климатѣ. Если Ему угодно, то я проживу зиму, Монегемптонъ не убьетъ меня; а если Ему угодно будетъ прибрать меня къ себѣ, то я буду довольна. Я чувствую, что обременяю собой вашего отца, мои милыя. Больная жена не что иное, какъ бремя.

— Зачѣмъ вы говорите такія вещи, матушка,—возражала Матильда-Джень слезливо:—батьюшка, право, такъ огорченъ съ тѣхъ поръ, какъ вы заболѣли. Еслибы вы могли видѣть его за обѣдомъ, каковой онъ сидитъ задумчивый и встревоженный, то убѣдились бы, какъ близко къ сердцу принимаетъ онъ вашу болѣзнь.

— Я знаю это, моя душа,—отвѣчала миссисъ Бэнь, для которой ея мужъ былъ лучшимъ изъ людей, справедливейшимъ и честнѣйшимъ,—а поэтому и нахожу, что для всѣхъ васъ будетъ лучше, если Господу угодно будетъ прибрать меня къ себѣ. Вашъ отецъ будетъ сознавать, что исполнилъ свой долгъ относительно меня и былъ образцовымъ мужемъ, и скоро утѣшится. Люди легко утѣшаются въ утратѣ, которая уже совершилась. Всего тяжелѣе имъ ожидать чьей-либо смерти, потому что въ этому ожиданію всегда примѣшивается слабая надежда. Всякое горе, которое насылаетъ на насъ Господь, гораздо легче переносится, чѣмъ мы думаемъ.

И такимъ образомъ, подерѣвляя свои рѣчи набожными изреченіями и текстами изъ священнаго писанія, миссисъ Бэнь старалась заранѣе утѣшить своихъ дочерей въ предстоящей утратѣ, которая, какъ она чувствовала, была неизбѣжна. Она была глубоко-религіозная женщина. Но набожность ея была такая искренняя, что формальныя методистскія фразы не отзывались ханже-

ствомъ, когда она ихъ произносила. Величайшей гордостью и сладчайшей радостью для нея было воспитывать своихъ дѣтей въ любви и страхѣ Господнемъ. Высокое изреченіе «въ любви и страхѣ Господнемъ» было начертано въ ея сердцѣ. И всѣми ея помысленіями и поступками руководила религія. Ея простая, скромная, преданная жизнь основывалась на томъ, что она называла евангельскимъ ученіемъ. Она была щедрымъ другомъ бѣдныхъ Монгемптона; новая Доркасъ, по простотѣ жизни и костюма, заботилась о своихъ нарядахъ не больше, чѣмъ полевая лилія, и довольствовалась гораздо болѣе скромнымъ нарядомъ, чѣмъ тотъ, которымъ Господь убираетъ полевые цвѣты.

Если она и тревожилась иногда на счетъ своего мужа, то единственно только потому, что боялась: не слишкомъ ли онъ увлекается мірскими интересами. Ее смущала мысль, что, не смотря на аккуратное посѣщеніе капеллы въ Уотеръ-Лэнѣ, по два раза въ воскресенье и по два раза въ теченіи остальной недѣли, мірскія дѣла слишкомъ озабочиваютъ его голову; что его книжка съ чеками занимаетъ почти такое же важное мѣсто въ его умѣ, какъ и библія, даромъ, что онъ всегда съ охотой читалъ каждое утро и каждый вечеръ по главѣ.

«Мнѣ бы легче было переносить бѣдность, чѣмъ думать, что твой отецъ слишкомъ озабоченъ мірскими дѣлами», жаловалась миссисъ Бэнъ одной изъ своей дочерей.

Дѣвушка принялась съ жаромъ защищать отца.

— Мнѣ кажется, матушка, что вы очень преувеличиваете, отвѣчала она. Люди обязаны дѣлать карьеру въ жизни, въ особенностяхи когда у нихъ есть семья, о которой надо позаботиться. Я иногда желаю, чтобы батюшка былъ болѣе свѣтскимъ человекомъ, и позволилъ намъ ѣздить верхомъ, какъ миссъ Горшау, и даже охотиться.

Миссисъ Бэнъ вздохнула и пролетела что-то о несомнѣстности верховой ѣзды и библейской жизни. Она всегда обращалась къ библіи для подкрѣпленія своихъ аргументовъ; а въ библіи волесницы и лошади обобщались съ порочностью, съ египтянами и филистимлянами. Она изъ всѣхъ силъ старалась внушить своимъ дѣтямъ мысль о превратности всѣхъ житейскихъ радостей, и вотъ, вдругъ Матильда-Дженъ, ея старшая дочь, мечтаетъ о верховой ѣздѣ и даже не прочь загнать до смерти какое-нибудь невинное животное на охотѣ.

Трудно было быть болѣе внимательнымъ и заботливымъ мужемъ, чѣмъ м-ръ Бэнъ, въ эту печальную зиму, когда смерть, вставшая надъ домомъ, испортила всѣ рождественскіе

праздники и сдѣлала зиму вдвойнѣ тяжелой, потому что помѣшала оживить ее нѣкоторыми празднествами, экстренными обѣдами и семейными собраниями съ участіемъ всѣхъ Пауверовъ и Бэновъ и другихъ фамилій, съ которыми Пауверы и Бэны связали себя священными матримоніальными узами.

Весь Монегемптонъ превозносилъ преданность Шадрака Бэна своей больной женѣ. У этихъ простодушныхъ провинціаловъ существуетъ обычай наблюдать и слѣдить за дѣйствіями своихъ сосѣдей такъ, какъ еслибы всѣ они жили подъ стекляннымъ колпакомъ; и весь Монегемптонъ въ голосъ повторялъ, что Шадракъ—образцовый мужъ. Баптисты говорили, что онъ таковъ потому, что онъ—баптистъ. Англичане объявляли, что Бэнь хорошій малый, не смотря на его методистскія нелѣпицы.

Всѣмъ было извѣстно, что онъ готовъ былъ везти свою жену въ Каннъ, когда ее постигла роковая болѣзнь; всѣмъ было извѣстно, что онъ проводилъ всѣ свои свободные вечера въ комнатѣ больной; всѣмъ было извѣстно, что онъ приглашалъ доктора Поллинтори изъ Ружмонта, сосѣдняго большого города, на консультацию съ м-ромъ Стимпсономъ, да не одинъ разъ, а цѣлыхъ три, съ тѣхъ поръ, какъ миссисъ Бэнь заключилась въ своей комнатѣ. Могла ли семейная добродѣтель простираться далѣе?

Въ теченіи двадцати лѣтъ, протекшихъ со смерти его отца, Шадракъ Бэнь упрочилъ свое общественное положеніе въ Монегемптонѣ. Немыслимо, чтобы человѣкъ жилъ въ солидномъ каменномъ домѣ, уплачивалъ всѣ налоги и воспитывалъ сыновей и дочерей, не приобрѣтя уваженія своихъ согражданъ.

Всѣмъ извѣстно было, что состояніе м-ра Бэна увеличивалось съ каждымъ годомъ. Много ли, мало ли, а всѣ знали, что Шадракъ Бэнь копилъ деньгу. Онъ постоянно приобрѣталъ небольшіе участки земли то тамъ, то сямъ, въ разныхъ закоулкахъ города... здѣсь купить полъ-акра земли, тамъ старый, полуразрушенный домишко, годный лишь на-сломя, пока, наконецъ, не обвилъ всего города, точно какая-нибудь змѣя, такъ что нельзя было провести новой улицы въ Монегемптонѣ, не коснувшись владѣній Шадрака Бэна.

Въ прошломъ году онъ купилъ нѣсколько такихъ участковъ—на сумму, врядъ ли превышающую три тысячи фунтовъ,—но для всѣхъ было рѣшеннымъ вопросомъ, что онъ богатѣетъ не по днямъ, а по часамъ.

Мрачную зиму проводило семейство Бэновъ этотъ годъ. Всѣ они любили мать, и отсутствіе ея за семейными трапезами лишило послѣднія обычнаго добродушнаго характера.

Глава семейства былъ не въ мѣру пасмуренъ и озабоченъ. Онъ рѣдко разговаривалъ съ дочерьми, и едва сознавалъ существованіе сыновей, въ которыхъ видѣлъ лишь клерковъ, и, выражаясь ихъ словами, «безжалостно налегалъ на нихъ». Онъ занимался въ своей конторѣ съ утра и до глубокой ночи, и видѣлся съ семьей лишь за обѣдомъ, который поѣдалъ молча и торопливо, и тотчасъ же уходилъ назадъ въ контору.

Въ эту зиму Перриамское помѣстье занимало его болѣе, чѣмъ когда-либо, и два дня въ недѣлю онъ неизмѣнно проводилъ въ Перриамъ-Плэсъ, и объѣзжалъ Перриамскія владѣнія верхомъ на Сплинтерѣ, любимой лошади баронета, которую всегда сѣдлали для м-ра Бэна въ такихъ случаяхъ. Въ эти дни онъ всегда завтракалъ въ Плэсъ, и иногда раздѣлялъ эту трапезу съ лэди Перриамъ, къ крайнему ея неудовольствію. Она сознавала, что онъ для нея полезенъ, что безъ него положеніе ея въ домѣ было бы еще хуже теперешняго, и заставляла себя быть съ нимъ вѣжливой, даже дружественной; но въ глубинѣ ея души жилъ все тотъ же неопредѣленный страхъ передъ нимъ, глубоко-укоренившееся убѣжденіе, что онъ знаетъ ее лучше, чѣмъ кто другой въ мірѣ.

Однажды, когда они сидѣли за завтракомъ, въ столовой, на почтительномъ разстояніи другъ отъ друга, но наединѣ, м-ръ Бэнъ заговорилъ о Эдмондѣ Стенденѣ.

— Какой красивый молодой человекъ, сказалъ онъ, и какой дѣлецъ, даромъ, что маменькинъ сынокъ. Никто не ожидалъ, чтобы изъ Эдмонда Стендена вышелъ такой дѣльный человекъ; онъ пробился бы, еслибы началъ съ ничего.

Какъ глубоко поранила эта фраза Сильвію, которой припомнился ея малодушный страхъ при одной мысли о неудачѣ расчетовъ ея бывшаго жениха.

— Говорятъ, что Стенденъ будетъ сдѣланъ управляющимъ банка въ будущемъ году, а Сандерсъ станетъ управлять банкомъ въ Ружмонтѣ, на мѣсто м-ра Керлью, который удаляется отъ дѣлъ. Онъ будетъ навѣрное получать отъ шести до семи сотъ фунтовъ въ годъ,—хорошенькій доходъ, принимая во вниманіе, что все состояніе матери должно со временемъ достаться ему. Я полагаю, что онъ женится на этой маленькой дѣвочкѣ, за которой онъ такъ ухаживаетъ.

— На миссъ Рочдель, хотите вы сказать? спросила Сильвія, вся поблѣднѣвъ, и не зная, какія вѣсти онъ еще сообщить ей.

— Да, это ея фамилія. Хорошенькая, маленькая, черноглазая дѣвушка, которая живетъ съ его матерью.

— Они выросли, какъ братъ и сестра, — возразила Сильвія. Врядъ ли они женятся.

— Вы думаете? Всѣ говорятъ, что они помолвлены. Я часто видалъ, какъ они гуляютъ около Гедингема въ лѣтніе вечера. Но, можетъ быть, они гуляютъ какъ братъ съ сестрой.

Сильвія ни слова не отвѣчала. Что могла она сказать? Она не желала спрашивать Шадрава Бэна. Если извѣстіе, сообщенное имъ, справедливо, до нея слишкомъ скоро дойдетъ его подтвержденіе. Ей не хотѣлось получить смертельный ударъ отъ м-ра Бэна.

«Я бы все могла перенести, кромѣ этого», думала она, подразумѣвая женитьбу Эдмонда Стендена. — «Я могла бы перенести долгую разлуку съ нимъ, но не могу примириться съ мыслью, что онъ будетъ счастливъ съ другой».

Она могла теперь послать за Мэри Питеръ, гедингемской портнихой, не боясь выговоромъ сэра Обри, который не узнаетъ о приходѣ этой молодой особы. Она призвала Мэри на другой же день послѣ разговора съ м-ромъ Бэномъ и приняла ее въ пріемной нижняго этажа, холодной, мрачной комнатѣ, которую покойная лэди Перриамъ украсила коллекціей раковинъ и морскихъ водорослей, въ двухъ швапахъ изъ чернаго дерева, и книжнымъ шкапомъ, содержавшимъ дюжины двѣ скучнѣйшихъ въ мірѣ книгъ. Здѣсь, вдали отъ воровъ сэра Обри, Сильвія могла такъ долго бесѣдовать съ миссъ Питеръ, какъ ей было угодно.

— Я желаю заказать вамъ платье, Мэри, — сказала она съ тѣмъ небрежнымъ, но милостивымъ видомъ, который шелъ въ ней такъ, какъ еслибы она родилась въ порфирѣ. — Сэръ Обри настаивалъ на томъ, чтобы я заказывала платья у миссисъ Боуверъ изъ Монегемптона, и воля его для меня священна даже и въ мелочахъ, но мнѣ больше нравится вашъ стиль, и я рассчитываю заказывать вамъ нѣкоторые изъ моихъ платьевъ.

— Вы очень добры, миледи, — отвѣчала Мэри, для которой тѣ дни, когда она и Сильвія были подружками, вазались такъ же далеки, какъ велико было разстояніе, отдѣлявшее ихъ нынѣ другъ отъ друга.

Затѣмъ началась бесѣда о фасонѣ платья, и обычные вопросы, задаваемые небрежнымъ тономъ, точно лэди Перриамъ дѣлала ихъ не столько изъ любопытства, сколько изъ желанія оказать вѣжливость миссъ Питеръ.

— Нѣтъ ли чего новаго въ Гедингемѣ, Мэри?

— Ничего особеннаго, миледи. Вы знаете, что новости не

часто случаются въ нашихъ скучныхъ закоулкахъ. Миссисъ Тойнби съ молодыми дѣвицами ѣздила въ Бадень-Бадень, и вернулась только въ ноябрѣ со всякими парижскими новинками, и надо думать, что парижскія моды очень безобразны, если судить по шляпѣ миссисъ Тойнби, на которой цѣпты торчатъ тамъ, гдѣ ихъ меньше всего ожидаешь. Стоило бы, милэди, вамъ пріѣхать въ нашу церковь для того, чтобы поглядѣть на шляпу миссисъ Тойнби, и на то, какъ она ею щеголяетъ. Но вы никогда больше не показываетесь въ нашей церкви.

— Это такъ далеко, — отвѣчала Сильвія. Мнѣ не хочется беспокоить кучера по воскресеньямъ.

— Вы очень добры, — возразила Мэри съ удивленіемъ. — Мнѣ кажется, будь у меня лошади, то я всегда была бы не прочь на нихъ прокатиться.

— Неужели шляпа миссисъ Тойнби — единственное событіе, случившееся въ Гедингемѣ съ лѣта? — спросила Сильвія тожно.

— Да больше-то, кажется, ничего нѣтъ. Въ викаріатѣ гостила молодой человѣкъ изъ Оксфорда, и всѣ думали, что онъ ухаживаетъ за младшей миссъ Ванкортъ, но онъ уѣхалъ и изъ всѣхъ толковъ ровно ничего не вышло. Въ Гедингемѣ такъ любить сплетничать. Говорятъ, что м-ръ Стенденъ женится на миссъ Рочдель.

— Должно быть, это правда, — замѣтила Сильвія, стараясь подавить въ себѣ боль, возникшую при одной мысли о томъ, что это могло случиться.

— Да, кажется, что похоже на правду, — возразила Мэри задумчиво. Похоже на правду, какъ вы изволите говорить. Принимая во вниманіе, что онъ вѣроятно былъ очень огорченъ, лишившись васъ, и не можетъ найти лучшаго утѣшенія, какъ жениться на такой миленькой, молодой дѣвушкѣ, какъ миссъ Рочдель. Она такъ добра въ дѣтамъ его сестры, точно вторая мать... учить маленькихъ дѣвочекъ и возится съ ними цѣлый день: точно она ихъ гувернантка, а не независимая молодая лэди съ хорошимъ состояніемъ.

— О, нѣтъ сомнѣнія, что она образецъ всѣхъ добродѣтелей, произнесла Сильвія, задѣтая даже похвалами Мэри Питеръ ея соперницѣ. Это такая молодая особа, которая умѣетъ поддѣлываться въ людямъ; она кажется такой мягкой и безкорыстной, а сама все время думаетъ какъ бы поставить на своемъ. Это такая дѣвушка, которая добьется того, что разъ задумала.

Мэри Питеръ почувствовала горечь, скрытую въ этихъ словахъ, и благоразумно воздержалась отъ противорѣчія. Она спра-

сила про фасонъ рукавовъ у новаго платья, и затѣмъ удалилась. Сильвія охотно задержала бы ее еще, чтобы потолковать о слухахъ, ходившихъ насчетъ Эдмонда и Эсэири, но почувствовала, что уже и безъ того проговорила, и, быть можетъ, выдала себя этой пошлой портнихѣ.

«Мнѣ сдается, что она все еще къ нему равнодушна», говорила самой себѣ Мэри Питеръ, возвращаясь домой съ шелковымъ сверткомъ подъ мышкой.—«Иначе она бы такъ не отзывалась о миссъ Рочдель».

ГЛАВА XII.

Сильвія задаетъ одинъ вопросъ.

Слабая искорка жизни, теплившаяся въ больничномъ повоѣ дома на Гай-Стритъ въ Монкгемптонѣ, пережила мракъ зимы, и теперь тихо угасала, порою совсѣмъ ослабѣвая, порою вспыхивая съ такою силой, что надежда на выздоровленіе матери зарождалась въ сердцахъ встревоженныхъ дѣтей. «Быть можетъ, она проживетъ еще нѣсколько лѣтъ»,—думалось имъ. Въ началѣ февраля миссисъ Банъ настолько поправилась, что могла сходить съ лѣстницы и занимать свое обычное мѣсто у семейнаго очага, но силы не позволяли ей вступить въ управленіе хозяйствомъ. Она должна была ограничиться тѣмъ, что преподавала дочери старинные секреты хорошаго хозяйства, мудрые совѣты, завѣщанные ей ея матерью. Заглядывая по временамъ въ счетъ мясника, она жалобно вздыхала, замѣчая, какъ возвысились счеты со времени ея болѣзни.

— Я передавала ваши замѣчанія кухаркѣ, матушка,—отвѣчала Матильда-Дженъ.—Она говоритъ, что говядины вышло оттого такъ много, что вамъ постоянно варился бульонъ.

— Душа моя, счетъ не могъ бы быть больше, еслибы она сварила цѣлаго быка.—Я боюсь, что прислуга ужинала мясомъ.

Радуюсь такому замѣтному улучшенію въ здоровьи своей пациентки и искренно желая сохранитъ дорогую жену заботливому мужу, преданность котораго была очевиднымъ фактомъ для всего Монкгемптона, — м-ръ Стимпсонъ сказалъ Шадраку Бану, что теперь наступила пора перевезти его жену въ болѣе теплый климатъ.

— Если вы удалите ее отъ нашихъ восточныхъ вѣтровъ,

то она въ лѣту можетъ совсѣмъ окрѣпнуть,—прибавилъ м-ръ Стимпсонъ весело.

На лицѣ Шадрака Бэна мелькнула тѣнь неудовольствія при этихъ словахъ доктора.

— Мнѣ кажется, что нашъ климатъ такъ же хорошъ, какъ и всякій другой,—проговорилъ онъ:—я не замѣтилъ никакой разницы между Монегемптономъ и Канномъ.

— Очень можетъ быть, дорогой сэръ. Люди съ такимъ крѣпкимъ здоровьемъ, какъ ваше, едвали ощутятъ перемѣну въ температурѣ. Но еслибы вы поглядѣли на термометръ, то увидѣли бы, что въ Каннѣ температура выше на шесть или семь градусовъ.

— Очень можетъ быть. Если вы думаете, что миссисъ Бэнь слѣдуетъ ѣхать, то она уѣдетъ, хотя мнѣ теперь всего неудобнѣе вести ее. Но она была мнѣ доброй женой, и я желаю исполнить свой долгъ.

— Это знаетъ всякій,—съ чувствомъ возразилъ докторъ.

Онъ лечилъ семейство Шадрака Бэна съ самой женитбы послѣдняго; дѣти выросли на его глазахъ; онъ удачно лечилъ ихъ отъ дѣтскихъ болѣзней и былъ искренно привязанъ къ семейству.

— Если она уѣдетъ въ Каннъ и поправится, какъ вы общаете, то есть ли надежда на то, чтобы она прожила еще нѣсколько лѣтъ? спросилъ заботливый мужъ, зорко глядя въ лицо доктору. Я бы желалъ знать правду. Поддерживать здоровье человека—одно дѣло, а вылечить его — другое. Есть ли надежда на совершенное выздоровленіе.

Докторъ съ соболѣзнованіемъ покачалъ головой. Миссисъ Бэнь была самой выгодной изъ его пациентовъ; болѣзнь ея приносила ему хорошій доходъ въ послѣднія пять лѣтъ. Хорошо было бы, еслибы она могла жить вѣчно и онъ могъ бы передать практику своимъ сыновьямъ.

— Дорогой м-ръ Бэнь,—произнесъ онъ, весь преисполнившись симпатіа:—болѣзнь вашей доброй жены давно уже стала хронической. Тутъ не можетъ быть и рѣчи о выздоровленіи, но, удаливъ ее отъ нашей холодной весны, мы можемъ надѣяться сохранить ее на лѣто.

— Съ тѣмъ, чтобы потерять зимою. Плохое утѣшеніе.

— Наша жизнь въ рукахъ Провидѣнія. Но мы можемъ сдѣлать все, что въ нашихъ силахъ. Въ настоящемъ случаѣ всего лучше увести больную въ болѣе теплый климатъ.

— Вы считаете это существеннымъ?

— Вполнѣ.

— Ну такъ это будетъ сдѣлано,—сказалъ м-ръ Бэнъ.—Хотя мнѣ это и очень неудобно, но я самъ отвезу ее въ Бантъ. Никто не скажетъ въ Монкгемптонѣ, чтобы я не исполнилъ своего долга.

— Хорошо сказано, мой дорогой сэръ. Мы всѣ чтимъ вашу преданность къ почтеннѣйшей изъ женщинъ; преданность, которая дѣлаетъ такую же честь вамъ, какъ и той, которая ее внушаетъ,—произнесъ м-ръ Стимпсонъ, точно говорилъ послѣобѣденный спичъ.

М-ръ Бэнъ, который, какъ и Мавбетъ, считалъ, что слѣдуетъ, какъ можно скорѣй, приводить въ исполненіе то, что необходимо, объявилъ о своемъ намѣреніи выѣхать съ больной черезъ день. Дѣвицамъ пришлось второпяхъ укладывать пожитки матери. Онѣ занялись этимъ со слезами, но не безъ надежды. Бантъ въ ихъ глазахъ значилъ то же, что выздоровленіе. Матильда-Дженъ должна была оставаться дома, заниматься хозяйствомъ и командовать надъ мальчиками, грубоватыми швольниками съ ужасающимъ аппетитомъ.

«Впрочемъ,—размышлялъ м-ръ Бэнъ,—я не думаю, чтобы въ мое отсутствіе случилось что-либо необыкновенное. Сэръ Обри навѣрное пробудетъ въ своемъ настоящемъ положеніи въ теченіи довольно долгаго времени, а если произойдетъ какая-либо перемѣна, Чепленъ немедленно увѣдомитъ меня».

Чепленъ, камердинеръ, чувствовалъ глубокое почтеніе къ управляющему, котораго считалъ настоящимъ хозяиномъ Перриамъ-Плэса. Сэръ Обри со времени своей болѣзни сталъ лишь тѣнью самого себя. Власть лэди Перриамъ была незначительна, да и этой крохой власти она обязана была м-ру Бэну. Поэтому лакей сказалъ себѣ, что Шадрабъ Бэнъ долженъ быть тѣмъ идоломъ, передъ которымъ ему, Чеплену, слѣдуетъ преклоняться, если онъ желаетъ охранить свои выгоды. У Чеплена были свои резыны оказывать м-ру Бэну большую поворность, чѣмъ та, какую обыкновенно проявляютъ заслуженные слуги, потому что онъ сознавалъ за собой одну слабость, которая неизбѣжно повлекла бы его отставку, еслибы м-ръ Бэнъ узналъ о ней. Скучное ли однообразіе жизни въ Перриамѣ, или врожденная склонность были тому причиной, но только со времени болѣзни сэра Обри Чепленъ привыкъ выпивать больше, чѣмъ это было для него здорово и могло быть терпимо.

Онъ всегда любилъ выпить, но держался въ границахъ приличія, пока могъ опасаться зоркаго глаза сэра Обри. Но въ по-

слѣднее время, когда сэръ Обри утратилъ зоркость и проницательность, Чепленъ далъ волю своей страсти и дозволилъ ей привести себя на край погибели.

Перриамскіе погреба слишкомъ хорошо охранялись вѣрными, сѣдовласыми, старыми буфетчикомъ, служившимъ въ домѣ въ теченіе двадцати лѣтъ, чтобы м-ру Чеплену можно было удовлетворить опасной страсти насчетъ своего господина. Ему отпускалась извѣстная порція пива и вина, и довольно щедрая порція, такъ какъ слуги, какъ бы они ни были честны, не стануть обрѣзывать другъ друга. Они держатся очень либеральныхъ взглядовъ на счетъ размѣра служительскихъ порцій. Но помимо этой щедрой порціи м-ру Чеплену приходилось уже на свои собственные средства покупать отвратительнѣйшую водку, какая когда-либо перегонялась изъ картофеля,—водку, которая не имѣла ничего общаго съ винограднымъ напиткомъ, но пріятно отуманивала голову камердинера и овладѣвала его ногами, которыя отказывались тогда служить, подъ предлогомъ подагры.

Мало-по-малу, мучимый подагрой и утѣшаемый водкой, производившей подагру, Чепленъ совсѣмъ пересталъ исполнять обязанности, возлагаемыя на него болѣзью сэра Обри.

Баронетъ, хотя и бывалъ по временамъ капризенъ и раздражителенъ, не былъ вообще безпокойнымъ больнымъ и миссисъ Картеръ справлялась съ нимъ почти одна. Онъ удивительно какъ привязался къ своей сидѣлкѣ. Ея тихія, спокойныя манеры, кроткій голосъ нравились ему; даже темные цвѣта ея платьевъ и ея блѣдное, благородное лицо припались ему по нраву. По временамъ, когда умъ его былъ слабѣе обыкновеннаго, онъ принималъ ее за свою жену, звалъ ее Сильвіей, и догадывался о своемъ заблужденіи лишь когда леди Перриамъ входила въ комнату, и тогда изумленно поглядывалъ то на нее, то на миссисъ Картеръ.

Такимъ образомъ случилось, что никто не жаловался на небрежность Чеплена, потому что сидѣлка всегда была у постели больного. Онъ одѣвалъ своего барина по утрамъ, но часто манкировалъ этою обязанностью по вечерамъ, когда сэръ Обри ложился спать. Въ этихъ случаяхъ онъ сваливалъ всю бѣду на подагру.

— Мои ноги совсѣмъ замучили меня вчера вечеромъ,—говаривалъ онъ миссисъ Картеръ своимъ ломанымъ англійскимъ языкомъ, и я не могъ сойти внизъ. Надѣюсь, что старый не спрашивалъ меня.

«Старымъ» м-ръ Чепленъ звалъ сэра Обри.

М-ръ Бэнъ оставилъ Монкгемптонъ съ своей женой и дочерью въ половинѣ февраля, почти черезъ годъ послѣ того, какъ сэра Обри разбилъ параличъ и семь мѣсяцевъ спустя послѣ рожденія сына-наслѣдника, котораго окрестили съ торжествомъ въ маленькой домовой церкви. По непремѣнному желанію баронета, высказывавшемуся неоднократно, ребенокъ названъ былъ Сентъ-Джономъ Обри, для вѣрнѣйшаго увѣковѣченія дружбы, существовавшей между предкомъ сэра Обри и блестящимъ государственнымъ человѣкомъ.

Дитя росло и процвѣтало въ мрачномъ старомъ домѣ. Слуги хоромъ прославляли его. У него были голубые глаза, какъ и у сэра Обри, въ былое время, когда онъ весело и безмятежно глядѣлъ на свѣтъ божій. Ребенокъ не наследовалъ великолѣпныхъ карихъ глазъ своей матери, да и вообще не походилъ на нее ни чертами, ни выраженіемъ лица.

Въ послѣднее свиданіе съ Мэри Питеръ, лэди Перриамъ много узнала про своего стараго жениха; но когда миссъ Питеръ принесла платье, довѣренное ея искусству, разговоръ между портнихой и ея заказчицей снова коснулся м-ра Стендена и его дѣла.

— Я полагаю, что теперь это дѣло рѣшенное, милэди,—замѣтила миссъ Питеръ, примѣряя платье и расправляя тамъ складочку, здѣсь отдѣлку.

— Что дѣло рѣшенное? спросила Сильвія.

— Между м-ромъ Стенденомъ и миссъ Рочдель. Я встрѣтила ихъ вчера въ Гедингемѣ, гдѣ они гуляли точно влюбленные.

— Что вы понимаете подъ этимъ словомъ?

— Ну, вотъ, право, не умѣю вамъ сказать. Онъ былъ такъ къ ней внимателенъ и несъ ея *waterproof*. Кромѣ того, объ этомъ говорятъ всѣ въ Гедингемѣ. Алиса Кувъ слышала это отъ отца, а отецъ слышалъ отъ самого м-ра Ванворта, а ужъ тому какъ этого не знать.

Сильвія ничего не отвѣчала и продолжала примѣривать платье, какъ статуя.

— Говорятъ, что свадьба будетъ весною, какъ только миссисъ Сарджентъ сниметъ трауръ. Она носитъ его вотъ уже скоро полтора года.

— Разстегните платье,—произнесла Сильвія повелительно: вы меня почти задушили.

Она дѣйствительно тяжело и часто дышала, точно платье въ самомъ дѣлѣ было для нея узко.

— Но оно вовсе не туго въ талии, проговорила миссъ Питеръ, растягивая платье:—тринадцать дюймовъ—ваша старая мѣрка.

Послѣ этого разговора лэди Перриамъ овладѣло безпокойство, которое она старалась тщетно побѣдить.—Неужели они женятся?—этотъ вопросъ мучилъ ее и безпрестанно вертѣлся у нея на умѣ. Бывали времена, когда ея собственное освобожденіе казалось близко, когда она считала сэра Обри на краю могилы. Но къ чему послужить ей вдовство и свобода, если тотъ, чью любовь она мечтала вернуть, женится на другой, прежде чѣмъ она станетъ свободной?

Она не въ силахъ была сидѣть спокойно дома и размышлять надъ этимъ вопросомъ, но приказала запретъ экипажъ и велѣла кучеру везти ее на Кроплейскую пустошь, куда дорога вела мимо Деканова дома н^к Гедингема.

Нянька Трингфольдъ и ребенокъ, обычные спутники ея прогулокъ, поѣхали вмѣстѣ съ ней. Но сегодня она меньше, чѣмъ обыкновенно, обращала вниманія на малютку Септъ-Джона. Она углубилась въ свои собственные мысли и мрачно глядѣла въ окно кареты.

Они поѣхали мимо Деканова дома, но окна его непривѣтливо глянули на нее, и ничего не сказали ей о томъ, что происходило въ стѣнахъ дома. Они поѣхали черезъ Гедингемъ, не встрѣтивъ ни души знакомой Сильвіи и добрались до Кроплейской большой пустоши, поросшей дровомъ и верескомъ, съ видомъ на отдаленное море, а по лѣвую сторону на маленькую песчанистую бухту и бѣлыя стѣны города Дитмута.

Здѣсь даже зимой пріятно было ходить по дернистому грунту. На поль-пути кучеръ остановился у одного поворота дороги, гдѣ находилась площадка, удобная для стоянки экипажа и лошадей: здѣсь лэди Перриамъ и нянька вышли изъ кареты и пошли гулять пѣшкомъ по пустоши.

Сегодня Сильвія—никогда не любившая общества няньки—чувствовала себя особенно не сообщительной. Она быстрыми шагами ушла впередъ, оставивъ няньку Трингфольдъ успокаивать плачущаго ребенка, у котораго шли зубы.

Какимъ печальнымъ и пустыннымъ казался весь этотъ ландшафтъ зимою. Небо, совсѣмъ ясное, когда она выѣзжала, теперь заволоклось тучами, угрожавшими дождемъ. Отдаленный Дитмутъ вырѣзывался бѣлымъ пятномъ на пасмурномъ небѣ. Но лэди Перриамъ чувствовала странное равнодушіе къ этимъ угрозамъ неба. Она отошла на полмили отъ няньки Трингфольдъ и кареты, когда крупныя капли дождя вывели ее изъ задумчивости.

Съ ней не было ни пали, ни зонтика, и кругомъ не виднѣлось никакого убѣжища, кромѣ кареты.

Сильвія оглядѣлась кругомъ, не особенно испугавшись дождя, но неприятно пораженная сознаниемъ своего одиночества и безпомощности.

Небо стало почти чернымъ. Они выѣхали на прогулку тотчасъ послѣ завтрака, но теперь, казалось, какъ будто наступалъ уже вечеръ.

Въ то время, какъ она поглядывала кругомъ, темная фигура выросла между ней и темнымъ небомъ,—фигура, вооруженная необходимой принадлежностью для всякаго деревенскаго пѣшехода,—большимъ дождевымъ зонтикомъ.

— Позвольте мнѣ довести васъ до кареты, лэди Перриамъ, проговорилъ пѣшеходъ.—То былъ голосъ человѣка, котораго жена сэра Обри особенно боялась и особенно жаждала услышать.

При звукахъ этого голоса, внезапно раздавагоса возлѣ нея, у нея захватило духъ. Ей казалось поразительнымъ, что онъ заговорилъ съ ней. Она не могла забыть того горькаго взгляда, который онъ бросилъ ей на кладбищѣ, и нашла бы гораздо естественнѣе, еслибы онъ прошелъ мимо и оставилъ ее одну бороться съ расходившимися стихіями. Но онъ заговорилъ съ нею, и она рѣшила, что не расстанется съ нимъ, не разрѣшивъ сомнѣнія, терзавшаго ее.

— Вы очень добры, м-ръ Стендентъ, отвѣчала она, съ искусно поддѣланнымъ равнодушіемъ. — Да, я буду вамъ очень благодарна за зонтикъ. Этотъ ливень грозитъ насъ сквозь вымочить меня.

Эдмондъ Стендентъ раскрылъ зонтикъ надъ головой лэди Перриамъ, но не предложилъ ей опереться на его руку. Онъ не искалъ этой встрѣчи, и съ радостью уклонился бы отъ нея; но не могъ же онъ допустить, чтобы предметъ его прежней любви мокъ подъ дождемъ на Кроплейской пустоши. Въ ихъ встрѣчѣ не было ничего романческаго. Мало того, спасеніе, олицетворявшееся въ образѣ дождевого зонтика, отзывалось чѣмъ-то комическимъ.

— Гдѣ вы оставили вашъ экипажъ, лэди Перриамъ? спросилъ м-ръ Стендентъ.

Ему казалось пріятно было величать ее ея титуломъ.

— На поворотѣ дороги; я не знаю, какъ я доберусь до него.

— Положитесь на меня. Я знаю Кроплейскую пустошь вдоль и поперекъ. Я часто совершаю здѣсь одинокія прогулки.

Послѣ этого онъ не могъ не предложить Сильвіи опереться

на его руку. Грунтъ былъ неровный и сталь очень скользкимъ отъ дождя.

Она нѣсколько разъ уже спотынулась.

Сильвія почувствовала, что минуты дороги, и что если она намѣрена выпросить его, то не должна медлить, какъ бы вопросы ея ни показались рѣзки.

— Удивляюсь, что у васъ находится время для одинокихъ прогулокъ, сказала она.—Я слышала, что вы очень заняты.

— Въ банкѣ? Да, у меня много занятій. — Но я люблю трудъ.

— Но я слышала, что ваше время наполнено инымъ, болѣе приятнымъ занятіемъ: обществомъ молодой лэди, на которой вы собираетесь жениться.

— А это это молодая лэди, смѣю спросить? возразилъ Эдмондъ холодно.

— Миссъ Рочдель.

— А отъ кого вы слышали эту новость?

— Это—гласъ народа.

— Гласъ народа часто бываетъ лживъ. Я не женюсь на миссъ Рочдель.

— И никогда не женитесь на ней?

— Этого я не могу сказать. Кто знаетъ, какое утѣшеніе принесть себѣ человѣкъ, которому надежда на счастье уже разъ измѣнила. Весна въ жизни человѣка бываетъ только одинъ разъ, но осень тоже даритъ иногда теплыми и хорошими днями. Бываетъ ясная и чудесная осень, которую называютъ «бабимъ» лѣтомъ. Быть можетъ, у меня тоже будетъ свое «бабье» лѣто.

— Съ миссъ Рочдель, полагаю? спросила Сильвія.

— Почему бы и не съ ней?

— Я вижу, что слухи не были лживы, м-ръ Стенденъ.

— Какое вамъ дѣло до моей судьбы, лэди Перриамъ? Полтора года тому назадъ вы не очень-то сокрушались о ней, когда вышли замужъ за сэра Обри. Если вы тогда не заботились о моемъ счастьи, то теперь вамъ и подавно нечего о немъ думать. Я живъ, какъ видите; это что-нибудь да значить. Вотъ вашъ экипажъ.

Лавей отворилъ дверцу кареты. Эдмондъ увидѣлъ малютку, разряженнаго въ пурпуръ и батисть, который только-что уснулъ, и олицетворялъ собою картину полнѣйшей невинности. Эдмондъ дотронулся пальцемъ до круглой, нѣжной щеки, тайкомъ отъ матери, которая сидѣла, опустивъ внизъ мрачный и отчаянный взглядъ.

Лэди Перриамъ едва поблагодарила его за услугу, оказанную ей его дождевымъ зонтикомъ, едва отвѣтила на его вѣжливое «добрый вечеръ» и уѣхала съ гнетущей тоской на сердцѣ.

ГЛАВА XLII.

Поразительныя вѣсти для м-ра Бэна.

Прежде чѣмъ оставить Моннгемптонъ, м-ръ Бэнь постарался внушить своему старшему сыну, мальчику лѣтъ шестнадцати, разставшемуся съ школьной скамейкой затѣмъ, чтобы занять мѣсто въ конторѣ отца, — какъ необходимо, чтобы тотъ сообщалъ ему о всякой переизмѣнѣ, какая произойдетъ въ Перриамѣ, хотя бы и самой незначительной.

— Я не думаю, чтобы могло случиться нѣчто особенное въ мое отсутствіе, — прибавилъ м-ръ Бэнь въ заключеніе своихъ наставленій. Все шло, какъ заведенные часы въ Плэсъ со времени болѣзни сэра Обри и только смерть его могла бы произвести переизмѣну. Но нельзя рассчитывать ни на что въ жизни, и человѣку слѣдуетъ всегда быть на сторожѣ. Ты долженъ два раза въ недѣлю навѣдываться въ Плэсъ, когда я уѣду, видаться съ самой лэди Перриамъ, и слышать, какъ идутъ дѣла отъ нея самой.

Юношу покорило при мысли о такой смѣлости. Онъ видалъ желтую карету лэди Перриамъ передъ магазинами въ Гай-Стритѣ, видалъ иногда издали и самую лэди въ пышномъ и богатомъ нарядѣ, проходившую передъ его глазами точно прелестное видѣніе. Ему казалось чѣмъ-то чрезвычайнымъ явиться безъ зова съ утреннимъ визитомъ къ такой богинѣ.

— А если лэди Перриамъ откажется меня видѣть? замѣтилъ юный студентъ юридическаго факультета.

— Она не откажется, если ты скажешь, что я желаю, чтобы она приняла тебя.

— Она, должно быть, очень уважаетъ васъ, батюшка, промолвилъ Паукеръ.

Старшій сынъ нареченъ былъ Паукеромъ въ угоду семьѣ его матери.

— Да, я думаю, что пользуюсь нѣкоторымъ влияніемъ на нее, — возразилъ м-ръ Бэнь сдержанно.

— Она чертовски хороша собой, неправда ли? — вскричалъ Паукеръ, выдавъ свой восторгъ.

— «Чертовски» не такое слово, какое можетъ быть произно-

симо въ респектабельномъ домѣ, Пауверъ, — замѣтилъ м-ръ Бэнъ сурово. — Еслибы я произнесъ такое слово въ присутствіи моего отца, то онъ отколотилъ бы меня палкой.

Это была любимая форма выговоромъ у Шадрака Бэна.

Дѣти его выросли въ спасительномъ страхѣ наказаній, отъ которыхъ отдѣляло ихъ цѣлое поколѣніе.

Передавъ сыну подробныя инструкціи насчетъ того, какъ ему слѣдуетъ поступать, м-ръ Бэнъ оставилъ Монтегемптонъ, почти съ легкимъ сердцемъ. Если вѣсти, сообщаемыя Пауверомъ, были неважны, то онъ долженъ былъ сообщать ихъ своему родителю письменно, но въ важныхъ случаяхъ условились прибѣгать къ помощи телеграфа.

Три недѣли прожилъ м-ръ Бэнъ совсѣмъ спокойно въ Каннѣ, наблюдая, какъ глѣла искра жизни въ Амеліи, пока, наконецъ, не разгорѣлась тусклымъ, но довольно сильнымъ пламенемъ; или такъ, по крайней мѣрѣ, показалось ея мужу.

— Она протянетъ еще лѣто, — говорилъ онъ самому себѣ, размышляя объ этомъ кажущемся возвратѣ силъ. — Странно, какъ много фальшивыхъ тревогъ пережили мы съ тѣхъ поръ, какъ здоровье ея впервые пошатнулось. Какъ крѣпко держится истертая нить.

Пауверъ писалъ отцу два раза въ недѣлю, какъ почтительный сынъ, а главный клеркъ писалъ черезъ день, присылая своему принципалу всѣ важные документы или копии съ нихъ на просмотръ. Письма Паувера были такъ пусты, какъ только могутъ быть пусты письма. Онъ писалъ о своихъ визитахъ въ Перриамъ-Плэсъ, о томъ, какъ леди Перриамъ всякій разъ удостоивала его принять и сообщить, что здоровье сэра Обри находилось все въ одномъ и томъ же положеніи. Пауверъ разнообразилъ иногда выраженія, но сущность писемъ оставалась одна и та же.

Трехнедѣльное пребываніе въ Каннѣ почти истощило всю прелесть этого тихаго убѣжища. Какимъ ни былъ превосходнымъ мужемъ м-ръ Бэнъ, но однообразіе жизни и заключеніе въ комнатѣ жены надоѣли ему; и теперь, когда здоровье миссисъ Бэнъ видимо улучшилось, онъ сталъ помышлять о немедленномъ бѣгствѣ. Дѣла его не такого рода, чтобы ихъ можно было безнаказанно откладывать на долгое время, сказалъ онъ кроткой Амеліи.

— Съ тобой останется Клара-Луиза, когда я уѣду, — прибавилъ Шадракъ, и миссисъ Бэнъ смиренно покорилась разлуцѣ съ мужемъ, какъ печальной необходимости.

Хотя м-ръ Бэнь старалъ неперпѣніемъ оставить Каннъ, однако не поѣхалъ прямо въ Монтегемптонъ. Онъ много слышалъ о Парижѣ отъ своихъ земляковъ, болѣе преданныхъ удовольствіямъ, чѣмъ онъ самъ, людей, считавшихъ верхомъ блаженства недѣльное пребываніе въ веселой столицѣ Франціи, блаженствомъ, вознаграждавшимъ за цѣлые годы скучной провинціальной канители. До сихъ поръ м-ръ Бэнь только урывками видалъ чудный городъ. Но теперь онъ рѣшился пожертвовать четырьмя или пятью днями для того, чтобы вполне насладиться всѣми тѣми увеселеніями въ видѣ обѣдовъ въ ресторанахъ, *café-chantants*, театральныхъ зрѣлищъ и такъ далѣе, которыя его монтегемптонскіе знакомые превозносили до небесъ. Онъ желалъ убѣдиться, дѣйствительно ли обѣдъ въ какомъ-нибудь извѣстномъ ресторанѣ представляетъ нѣчто въ родѣ амброзіи и нектара. Онъ желалъ услышать Терезу и повидать зрѣлища, напоминавшія славу императорскаго Рима; словомъ, — онъ хотѣлъ имѣть право сказать: «Я также жилъ». Лично онъ мало вообще придавалъ цѣны развлеченіямъ, но не хотѣлъ отставать отъ своихъ сосѣдей въ познаніи жизни.

Такимъ образомъ, не проронивъ ни слова о своемъ намѣреніи миссисъ Бэнь, чтобы эта кроткая душа не могла огорчаться мыслию о томъ, что онъ предпочитаетъ разсѣяніе столицы ея обществу, Шадракъ уѣхалъ изъ Канна въ Парижъ, рассчитывая остановиться тамъ въ одномъ изъ отелей, рекомендованныхъ ему Томомъ Уэстропомъ, аукціонистомъ, однимъ изъ забубенныхъ головъ въ Монтегемптонѣ. Такъ какъ онъ ничего не сказалъ о своей поѣздкѣ въ Каннъ, то намѣревался умолчать о ней и въ Монтегемптонѣ; и самое болѣе, — еслибы пришлось упомянуть о Парижѣ, то ограничиться замѣчаніемъ, что онъ былъ тамъ по дѣлу. Не трудно было назвать какого-нибудь мнимаго кліента, яво бы задержавшаго его.

М-ръ Бэнь остановился въ отелѣ, столь усердно рекомендованномъ ему м-ръ Уэстропомъ. Оказалось, что это было довольно мрачное жилище, отнюдь не соответствовавшее восторженнымъ описаніямъ аукціониста, который, быть можетъ, безсознательно вносилъ въ частныя рѣчи краснорѣчіе аукціона. Спальня, отведенная м-ру Бэну въ нижнемъ этажѣ, выходила окнами на какой-то мрачный дворъ. Столовая, гдѣ м-ръ Бэнь уединенно завтракалъ бифштексомъ и варенымъ картофелемъ, не была веселой комнатою. Вообще м-ръ Бэнь подумалъ, что онъ видалъ много англійскихъ гостинницъ, болѣе привлекательныхъ на видъ, чѣмъ этотъ знаменитый отель.

Онъ усердно предавался всѣмъ парижскимъ увеселеніямъ,

посѣщаль гулянья въ Елисейскихъ поляхъ, слушалъ Терезу и Лолоту, обѣдалъ по ресторанамъ, разстроилъ себѣ желудокъ новыми соусами и непривычными винами, и въ четыре дня Парижъ успѣлъ надѣсть ему хуже горькой рѣдьки. Онъ отправился домой, страстно желая увидѣть снова Монкгемптонъ, свою контору, свой желѣзный сундукъ, свои папки съ бумагами и письмами. Послѣ шумной суеты блестящей столицы, родной городъ казался ему самымъ мирнымъ и уютнымъ уголкомъ въ свѣтѣ.

Письма его клерка были вполне удовлетворительны, и онъ ѣхалъ домой безъ всякой тревоги, не предполагая, чтобы въ его отсутствіе могло случиться что-нибудь неприятное.

Онъ не предупредилъ о своемъ прїѣздѣ домашнихъ, и поэтому за нимъ не выслали вабриолета на станцію, когда онъ прибылъ въ Монкгемптонъ, въ пять часовъ пополудни, пробывъ въ дорогѣ съ семи часовъ вечера.

Онъ оставилъ свой багажъ на станціи, приказавъ прислать его къ себѣ съ носильщикомъ, и пѣшкомъ дошелъ до дому, отворилъ дверь и вошелъ. Въ домѣ все было убрано и прибрано, все казалось на мѣстѣ и какъ слѣдуетъ. «Худого навѣрное ничего не случилось», подумалъ онъ.

Въ этотъ часъ въ домахъ средней руки всегда пьютъ чай, отдыхая отъ дневныхъ трудовъ и заботъ. М-ръ Бэнъ прошелъ въ столовую, весело освѣщенную газомъ и яркимъ огнемъ въ каминѣ. Здоровая семья юныхъ Бэновъ была собрана вокругъ большого стола, за которымъ предсѣдательствовала Матильда-Дженъ; Гомфри, второй сынъ, колотъ сахаръ, между тѣмъ, какъ Марія, третья дочь рѣзала кѣкъ такого незатѣйливаго вида, что еслибы не изюминки, попадавшіяся въ немъ, то его можно было бы принять за хлѣбъ.

Пауверъ, малый съ роскошными замашками, стоялъ на колѣняхъ передъ огнемъ, поджаривая пирожки, купленные на собственныя деньги, такъ какъ миссисъ Бэнъ считала пирожки вреднымъ для желудка и грѣшнымъ лакомствомъ.

Вообще вся обстановка отличалась такимъ праздничнымъ видомъ, что м-ру Бэну невольно припомнилась извѣстная поговорка про кошку и мышей, и ему стало слегка досадно, что дѣти его такъ хорошо пользовались жизнью въ его отсутствіе. Было гораздо шумнѣе, чѣмъ бывало при немъ; газъ горѣлъ ярче, а дрова въ каминѣ пылали, какъ костеръ.

Появленіе главы дома разрушило все очарованіе. Каждый отецъ семейства возбуждаетъ болѣе или менѣе чувство испуга, когда внезапно появляется въ кругу семьи.

— Боже мой, па! взвизгнула Матильда-Джэнтъ, сознавая, что у ней передъ чайнымъ приборомъ лежитъ открытая книжка романа. Какъ вы меня испугали!

— Мы ждали васъ съ минуты на минуту въ послѣдніе четыре дня, связалъ Паукеръ, втыкая въ каминную рѣшетку вилку, на которой поджаривалъ свой пирожокъ, и оставляя послѣдній на произволь судьбы. Развѣ вы не получили моей телеграммы?

— Какой телеграммы? спросилъ м-ръ Бэнь неспокойно.

— Телеграммы, которую я послалъ въ Каннъ въ прошлый четвергъ. Я былъ увѣренъ, что вы немедленно прилетите домой.

Въ прошлый четвергъ... оwoло недѣли тому назадъ. Сегодня была среда.

— О чемъ же ты телеграфировалъ мнѣ, сыновъ?

— О смерти сэра Обри.

— О смерти сэра Обри! повторилъ Шадракъ Бэнь внѣ себя.

— Развѣ сэръ Обри умеръ?

— Да, батюшка. Онъ умеръ скоростижно въ ночь съ среды на четвергъ. Мы узнали объ этомъ только въ четвергъ вечеромъ; я едва успѣлъ послать телеграмму. Клеркъ говорилъ, что телеграмма врядъ ли поспѣетъ раньше пятницы утромъ.

М-ръ Бэнь выѣхалъ въ Парижъ съ вечернимъ поѣздомъ въ четвергъ.

— Мы получили письмо отъ Клары-Луизы въ понедѣльникъ, гдѣ она писала, что вы выѣхали и прибудете домой раньше ея письма. Такеъ какъ вы не возвращались, то мы уже не знали, что и подумать.

— Но, повидимому, вы не забывали о себѣ при этихъ обстоятельствахъ, — замѣтилъ м-ръ Бэнь мрачно. — Сэръ Обри умеръ! Мнѣ трудно повѣрить этому. Умеръ, и въ мое отсутствіе. Дорого бы я далъ, чтобы предупредить это. Умеръ... и, полагаю, уже похороненъ.

— Да, батюшка. Похороны были сегодня утромъ... очень скромные похороны. Я пошелъ взглянуть на нихъ, хотя и не былъ приглашенъ. На нихъ присутствовали только лэди Перриамъ, м-ръ Стимпсонъ и слуги.

— Мордредъ Перриамъ провожалъ, конечно, своего брата въ могилу.

— Нѣтъ, батюшка. М-ръ Перриамъ не выходилъ изъ своей комнаты съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали. Онъ становился все чуднѣе и чуднѣе, говорятъ люди, а теперь окончательно спятилъ... *non compos.*

— Люди говорят! какіе люди?

— Слуги въ Плэсѣ. Я былъ вчера тамъ и долго бесѣдовалъ съ экономкой. Я желалъ видѣть лэди Перриамъ, такъ какъ вамъ угодно было, чтобы я бывалъ у ней два раза въ недѣлю, но со смерти сэра Обри она ни съ кѣмъ не видится, кромѣ м-ра Стилпсона и священника. Но я видѣлъ экономку, которая очень разговорчива, и рассказала мнѣ многое про м-ра Перриама... и его чудачества. Смерть брата совсѣмъ сразила его, и онъ никого не хочетъ видѣть. Миссисъ Картеръ, сидѣлкѣ, приходится день и ночь ходить за нимъ, все равно какъ въ былое время за сэромъ Обри.

— Гмъ! пробормоталъ управляющій. Не трудно понять въ чемъ дѣло. Миссисъ Картеръ знаетъ, гдѣ ей выгодно жить, и не желаетъ потерять мѣсто. Теперь, когда сэръ Обри умеръ, она утверждаетъ, что ея услуги нужны для его брата. Чтб, завѣщаніе уже вскрыто?

— Нѣтъ, батюшка. Лэди Перриамъ сказала, что слѣдуетъ подождать вашего пріѣзда.

— Это очень любезно со стороны лэди Перриамъ, возразилъ м-ръ Бэнъ.—А теперь, Матильда-Дженъ, если въ домѣ нѣтъ холоднаго мяса, то лучше всего, если ты дашь мнѣ котлету или бифштексъ. Я ничего не ѣлъ съ самаго завтрака.

Матильда-Дженъ полетѣла исполнять порученіе отца. Трезвый миръ водворился въ семейномъ кружкѣ. Юнѣйшіе отпрыски фамилии Бэнъ набивали рты кѣсомъ, и во всѣ глаза глядѣли на творца дней своихъ. Паукеръ, находившійся въ переходномъ состояніи, когда юноша еще не сдѣлался мужчиной, питалъ преувеличенныя понятія о собственной важности, и поглощалъ свой чай съ напускной развязностью, нитаясь сдѣлать видъ, что вовсе не боится отца.

Какъ ни поразительна была вѣсть о внезапной кончинѣ сэра Обри, Шадракъ Бэнъ принялъ ее, повидимому, весьма хладнокровно. Онъ снялъ свое пальто и кашне; усѣлся въ креслахъ передъ огнемъ, и сидѣлъ, погруженный въ задумчивое созерцаніе горящихъ угольевъ въ каминѣ, но лицо его не выражало и тѣни смущенія. Смерть сэра Обри нисколько не разстраивала плановъ, которые его управляющій составилъ относительно своей будущей жизни. Напротивъ того, она согласовалась съ ними; это событіе входило въ его программу, составленную заранѣе. Оно случилось лишь нѣсколькими годами—скажемъ хоть десятью—раньше, чѣмъ онъ этого ожидалъ. Одно изъ препятствій съ того широ-

каго пути, по которому м-ръ Бэнь намѣревался пройти къ желанной цѣли, было устранено.

Насчетъ завѣщанія своего патрона м-ръ Бэнь не безпокоился. Онъ самъ составилъ этотъ документъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ женитьбы сэра Обри, и не опасался, что баронетъ могъ составить другое. Онъ зналъ, что въ послѣднее время безусловно пользовался довѣріемъ сэра Обри, и что въ своемъ разслабленномъ состояніи больной опирался на него, какъ на костыль.

Такимъ образомъ, въ размышленіяхъ Шадрака Бэна не было ничего тревожнаго въ то время, какъ онъ сидѣлъ у своего теплаго очага, передъ столомъ, за-ново накрытымъ чистой скатертью, и на которомъ красовались судокъ, кружка съ пивомъ и графинъ съ виномъ.

Нѣкоторое естественное огорченіе по случаю смерти человѣка, которому въ нѣкоторомъ родѣ онъ обязанъ былъ своимъ состояніемъ, могло шевельнуться въ душѣ м-ра Бэна; но этотъ практической человѣкъ считалъ безумнымъ и нераціональнымъ не въ мѣру оплакивать покойныхъ друзей. Онъ привыквалъ въ такихъ случаяхъ повязывать крепь на своей шляпѣ, и этотъ внѣшній знакъ сожалѣнія превращалъ его горе въ символъ. Исполнивъ это, онъ сознавалъ, что исполнилъ свой долгъ относительно покойника.

Еслибы Перриамское пмѣстье должно было перейти къ какому-нибудь незнакомому наслѣднику, то м-ръ Бэнь, быть можетъ, ощутилъ бы нѣкоторое безпокойство и смущеніе. Такой наслѣдникъ могъ бы имѣть свои собственные взгляды на управление имѣніемъ и уволить м-ра Бэна отъ его обязанностей. Но Провидѣніе, всегда милостивое къ фамиліи Бэновъ, наградило Сильвію потомствомъ, и этотъ мальчикъ—дита, у котораго еще пока прорѣзались зубы, облегчалъ путь для Шадрака Бэна.

Онъ припоминалъ, какъ составлялось завѣщаніе сэра Обри, какъ онъ рѣшился намекнуть, что необходимо назначить опекуна, для охраненія правъ ожидаемаго наслѣдника или наслѣдницы—въ случаѣ, еслибы Провидѣнію не угодно было наградить сэра Обри сыномъ, и на случай смерти баронета раньше совершеннолѣтія ребенка.

М-ръ Бэнь вспомнилъ оскорбленный взглядъ, съ какимъ сэръ Обри произнесъ:

— Надѣюсь, что вы не считаете меня такимъ старикомъ, чтобы я не могъ дожить до совершеннолѣтія моихъ дѣтей?

— Нѣтъ, вонечно, сэръ Обри; я только желаю оградить дѣло на всякій случай, отвѣчалъ управляющій.

— Вы, дѣловые люди, такіе несносные. Хорошо; если я не-

премѣнно долженъ назначить опекуна, то выставьте свое имя. Оно годится такъ же, какъ и всякое другое!

Это было новымъ подкрѣпленіемъ фантастическаго плана, составленнаго м-ромъ Бэномъ въ своемъ умѣ, и на осуществленіе котораго онъ рассчитывалъ въ будущемъ.

Онъ выставилъ свое имя, въ качествѣ опекуна и совмѣстнаго душеприкащика на ряду съ лэди Перриамъ. Кромѣ того, сэръ Обри оставилъ ему сумму въ тысячу фунтовъ стерлинговъ въ вознагражденіе его честныхъ и неусыпныхъ трудовъ въ теченіи столь долгаго періода. То была не особенно щедрая награда за такую вѣрную службу и такую выгодную для его принципала; но сэръ Обри и эту-то сумму отказалъ скупя сердце. Ему неприятно было дѣлить свои деньги даже по смерти; ему казалось, что это такъ же тяжело, какъ и разставаться съ ними при жизни.

М-ръ Бэнь пообѣдалъ котлетой съ поджаренными каштанами съ такимъ же хорошимъ аппетитомъ, какъ еслибы ничто не тяготило его ума. Простая англійская кухня, солидное мясо и хлѣбъ, политые золотистымъ, какъ янтарь, горькимъ пивомъ, нравились ему гораздо больше, чѣмъ различные деликатессы *Maison Dorée* или Филиппа. Ему нравился строгій комфортъ его дома, почтительное общество его дѣтей, поклонявшихся ему, какъ высшему существу и трепетавшихъ скупя его сапогъ. Ему нравилось уютное уединеніе его конторы, гдѣ онъ провелъ весь остатокъ вечера, просматривая все, что было сдѣлано въ его отсутствіи, и подаривъ нѣсколько минутъ на размышленіе о томъ, какъ приметъ свое вдовство лэди Перриамъ.

— Не попытается ли она снова приманить Эдмонда Стендена? спрашивалъ онъ самого себя. И на этотъ разъ лобъ его мрачно наморщился, точно мысли его были самаго мрачнаго свойства.

ГЛАВА XLIII.

Измѣненіе сцены.

Перриамъ-Плэсъ по смерти сэра Обри оставался точь-въ-точь такимъ же, какъ и при его мирномъ управленіи. Удивительно, что наша тоска по умершимъ дѣлается еще тяжелѣе отъ неизмѣнности неоживленныхъ предметовъ, комнатъ и корридоровъ, которые остаются точь-въ-точь такими, какими были тогда, когда оплачиваемое существо попирало ихъ ногами. Въ Перриамѣ некому было особенно горевать о покойномъ хозяинѣ: печаль о

нею могла жить развѣ только въ запертомъ и недоступномъ ничѣмъ взорамъ повоѣ, гдѣ Мордредъ Перриамъ томился на рукахъ сидѣлки. Страстнаго горя не могла возбудить его смерть ни въ комъ. Слуги облеклись въ приличный трауръ, и пролили двѣ-три слезинки, какъ дань его памяти; они позднѣе засиживались за ужиномъ, толкуя про его причуды и скупость, которая не возбуждала въ нихъ особаго негодованія, потому что онъ былъ щедръ относительно содержанія прислуги, ибо и тутъ придерживался рутины и соглашался отпускать слугамъ столько мяса и столько пива, сколько отпускали его предки. Слуги прилично оплачивали своего усопшаго господина, но гораздо больше занимались своими траурными платьями, которыя были шиты изъ хорошаго и дорогого матеріала.—Лэди Перриамъ поступила какъ настоящая лэди, когда заказывала намъ траурныя платья, говорила экономка.

М-ру Генцлейну отданъ былъ приказъ доставить все необходимое въ должномъ количествѣ, и его приказчики привозили и отвозили черный крепъ, и черный кашемиръ, и черное сукно; а въ комнатѣ экономки царствовало пріятное оживленіе, и горничныя сидѣли за шитьемъ платьевъ, среди атмосферы глаженнаго и крахмаленнаго бѣлья.

Какъ приняла лэди Перриамъ эту страшную переměну?—вотъ вопросъ, на который никто не могъ бы отвѣтить въ Пласѣ. Она проводила все время взаперти, не принимая никакихъ утѣшеній. Комнаты покойнаго, своей бывшей уборной и вообще той части дома, гдѣ были расположены покои сэра Обри и м-ра Перриама, она избѣгала, словно смерть распространила въ нихъ какую-то страшную заразу. Она приказала перенести всѣ свои вещи въ комнату Болингброка, на противоположномъ концѣ дома. Небольшую комнату, помѣщавшуюся рядомъ, лэди Перриамъ обратила въ будуаръ, и послала за архитекторомъ, чтобы пробить дверь между двумя комнатами. По другую сторону комнаты уже была дверь, сообщавшаяся съ просторной уборной. Эти три комнаты лэди Перриамъ отдѣлала и устала мебелью въ новѣйшемъ вкусѣ, доставленной лучшимъ монкгемптонскимъ обойщикомъ. Элегантный письменный столъ изъ розоваго дерева съ инкрустациями; двѣ-три софы, кушетка, занавѣсы свѣтло-зеленаго цвѣта, подобныя нѣжной лиловой матеріи; бѣлые пушистые коврики, разбросанные тамъ-и-сямъ, точно свѣжныя пятна на темномъ фонѣ ковра. Французскіе часы, которые могли бы давать беззаботный отчетъ о неуклонномъ ходѣ времени для Софи Арну или Маргариты Готье; портфель, для портфелей съ гравюрами; хорошень-

кая, маленькая библіотека, наполненная избранными изданіями любимых поэтовъ лэди Перриамъ, переплетенными въ сафьянъ миртоваго цвѣта. Приобрѣтеніе всѣхъ этихъ вещей было первымъ проявленіемъ свободы Сильвіи. Ребяческое занятіе, скажутъ пожалуй, для такихъ торжественныхъ дней, какъ дни, слѣдовавшіе за кончиной ея мужа и его похоронами, но развлеченіе разгоняло мрачныя мысли, а монкгемптонскій обойщикъ былъ скромнѣйшій изъ людей. Похороны были вѣрены его заботамъ, и только когда все касающееся этой печальной церемоніи было говорено, лэди Перриамъ заказала обойщику доставить всѣ тѣ вещи, какія были необходимы, чтобы сдѣлать покои Болингброка обитаемыми. Лэди Перриамъ особенно напирала на этотъ пунктъ. Она желала только, чтобы комнаты стали обитаемы.

— Старинная мебель такъ неудобна, — жаловалась она.

Обойщикъ, питавшій естественное предубѣжденіе противъ всякой мебели, которая была доставлена не имъ, энергически ухватился за эту мысль.

Онъ прислалъ мебель для комнатъ лэди Перриамъ подъ покровомъ зимнихъ сумерекъ такъ скромно, какъ еслибы то были гробы, и преобразование комнатъ совершилось такъ незамѣтно, что вѣчно-бдительное тайное судилище, воссѣдавшее въ людской, не успѣло подвергнуть порицанію дѣйствія милэди.

М-ръ Бэнъ оглядѣлся кругомъ съ нескрываемымъ изумленіемъ, когда былъ введенъ въ будуаръ лэди Перриамъ, на другое утро послѣ своего возвращенія. Перемѣна въ ея обстановкѣ странно поразила его. Точно на его глазахъ куколка превратилась въ бабочку.

Свѣтло-зеленыя, блестящіе шелковые занавѣсы, бѣлоснѣжныя коврики, такіе мягкіе и нѣжные, что ему казалось почти святотатствомъ попирать ихъ ногами; библіотека изъ розоваго дерева, въ *pendant* къ бюро, стоявшему по другую сторону камина; бархатная драпировка послѣдняго — все это придавало новый характеръ комнатѣ, несмотря на то, что она все еще оставалась простой. Бюро было отперто и покрыто бумагами; двѣ или три книжки съ стихотвореніями, сіяя своими зелеными съ золотомъ переплетами, красовались на маленькомъ столикѣ возлѣ кресла лэди Перриамъ, а хозяйка этого комфортабельнаго жилища покоилась на низенькой кушеткѣ, и красота ея только выигрывала отъ траурнаго наряда.

Шадракъ Бэнъ остановился посреди комнаты, почти ослѣпленный этимъ неожиданнымъ зрѣлищемъ. — «Она не теряла вре-

мени на удовлетвореніе своихъ вкусовъ и начала пользоваться жизнью точно такъ какъ умеръ мужъ»,—подумала управляющій.

Лэди Перриамъ приняла его вѣжливо, но съ нѣкоторой церемонностью, имѣвшей цѣлью, какъ онъ хорошо понималъ, удержать его отъ дружескаго или фамиллярнаго обращенія, которое онъ позволялъ себѣ при жизни сэра Обри. Она попросила его сѣсть, но стулъ, на который она указала ему рукой, стоялъ поодаль отъ ея кресла.

М-ръ Бэнъ выразилъ соболѣзнованіе о ея потерѣ и сочувствіе къ ея горю. Она важно выслушала его соболѣзнованія и поблагодарила за нихъ, но не вдавалась ни въ какія заявленія о своихъ чувствахъ. Она допускала, что горе ея есть признанный фактъ, выраженный въ ея вдовьемъ чепчикѣ, подобно тому, какъ горе м-ра Бэна выражалось въ крѣпѣ, обвивавшемъ его шляпу.

— Я не дозволила вскрывать завѣщанія,—сказала она наконецъ:—я полагала, что вполне справедливо, чтобы вы вскрыли его, такъ какъ были избраннымъ совѣтчикомъ сэра Обри.

— Сэръ Обри удостоивалъ меня своего довѣрія,—отвѣчалъ управляющій,—и я надѣюсь, что вы не откажете мнѣ и въ нашемъ, занимая въ такія молодые лѣта положеніе, съ которымъ связана немалая отвѣтственность; вы ощутите потребность въ преданномъ совѣтчикѣ.

Онъ думалъ, какъ она мила въ этомъ мрачномъ нарядѣ, какъ красиво огонь камина игралъ въ ея золотистыхъ волосахъ и отражался въ глубокихъ, карихъ глазахъ, такихъ темныхъ, такихъ непроницаемыхъ, которыми она глядѣла на него твердо и рѣшительно. Она не страшилась глядѣть ему въ лицо, хотя и боялась его. Какая бы опасность ни грозила ей, а въ ея натурѣ было встрѣчать ее лицомъ къ лицу.

— Я небольшая охотница до совѣтовъ, м-ръ Бэнъ,—проговорила она:—и хотя молода, но чувствую себя въ силахъ ходить по избранному мною пути безъ всякихъ помочей. Но пока вы вѣрой и правдой служите перриамскому помѣстью, вы всегда найдете меня готовой относиться къ вамъ съ полнымъ довѣріемъ, какъ къ управляющему моего сына.

М-ръ Бэнъ вполне понималъ смыслъ этой рѣчи. Ему напомнили его положеніе, какъ агента, сборщика доходовъ, заключающаго контракты и аренды, наблюдающаго за усовершенствованіями и т. д. Отнынѣ онъ не долженъ былъ имѣть вліянія на жизнь самой лэди Перриамъ.

Она не чувствовала признательности къ нему за щедрыя карманныя деньги, которые онъ доставлялъ ей; не была благо-

дарна за то, что онъ всегда пользовался своимъ вліяніемъ для ея пользы. Она воспользовалась первой возможностью, чтобы освободить себя отъ его вліянія.

Наступила краткая пауза, въ теченіи которой Шадракъ Бэнтъ сидѣлъ съ насулленными бровями, уставивъ глаза въ коверъ. Разъ въ жизни управляющій былъ застигнутъ врасплохъ. Онъ не ожидалъ, что лэди Перриамъ приметъ этотъ рѣшительный тонъ и такъ смѣло заявить о своей независимости. Онъ думалъ, что жизнь съ мужемъ вышколила ее и приучила къ повиновенію; что, очутившись внезапно одинокой въ мірѣ, на высотѣ, отъ которой должна была завержиться ея голова, она естественно обратится къ нему за совѣтомъ и помощью. Онъ изъ всѣхъ силъ старался доказать, что онъ ей другъ; а между тѣмъ она обращается теперь съ нимъ, какъ съ врагомъ.

«Она не изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ можно закупить добротой», подумалъ онъ. — «Ее нужно держать въ ежовыхъ рукавицахъ. Но это возможно лишь въ томъ случаѣ, если знать ея слабую сторону».

— Когда располагаете вы вскрыть завѣщаніе, м-ръ Бэнтъ? спросила лэди Перриамъ, послѣ минутной паузы.

— Когда вамъ угодно, лэди Перриамъ.

— Для меня чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше: я желаю знать свое настоящее положеніе въ этомъ домѣ.

— Я полагаю, что не можетъ быть никакого сомнѣнія относительно вашего положенія въ этомъ домѣ; да и сами вы, сколько мнѣ кажется, вовсе въ немъ не сомнѣваетесь, — прибавилъ м-ръ Бэнтъ, обводя глазами всю комнату.

— Вы намекаете на нѣкоторое измѣненіе въ меблировкѣ этой комнаты, — пояснила Сильвія его взглядъ. — Я легко могу убрать всѣ эти вещи, если не имѣю права долѣе жить въ этомъ домѣ.

— Я не вижу никакой необходимости секретничать насчетъ завѣщанія сэра Обри, лэди Перриамъ. Единственное завѣщаніе, которое мнѣ извѣстно, составлено мною. Въ силу его вы считаетесь полной хозяйкой Перриама до совершеннолѣтія вашего сына. Еслибы вы остались бездѣтной вдовой, то получали бы только пять тысячъ въ годъ, и изъ нихъ двумя были бы обязаны моему вліянію. Сэръ Обри предполагалъ укрѣпить за вами только три тысячи. Но онъ оказался щедрѣе къ матери своего ребенка, чѣмъ къ своей женѣ, и въ своемъ завѣщаніи, подписанномъ имъ въ моемъ присутствіи, онъ предоставляетъ вамъ въ полное распоряженіе Перриамъ-Плэсъ до совершеннолѣтія вашего

сына. Ребенокъ-наслѣдникъ будетъ отданъ подѣ опеку министерства юстиціи, и министръ, безъ сомнѣнія, назначить вамъ значительную сумму на содержаніе Перріама и воспитаніе Сентъ-Джона; скажемъ—пять тысячъ въ годъ, что вмѣстѣ съ вашимъ личнымъ доходомъ составитъ десять тысячъ.

Хорошенькій доходецъ для дочери школьнаго учителя, которая такъ часто вздыхала о томъ, что не на что купить пару перчатокъ и для которой комфортъ Гедингемскихъ обитателей средней руки казался такимъ же недоступнымъ, какъ радости райа. Липо Сильвіи, окаменѣлое въ своей неподвижности во все время свиданія съ м-ромъ Бэнномъ, также мало измѣнилось и при этомъ извѣстіи. Нѣжныя щечки стали еще блѣднѣе, да внезапный огонь сверкнулъ въ карихъ глазахъ. Эти признаки волненія были мимолетны; ничто не могло быть спокойнѣе тона лэди Перріамъ, когда она возразила на слова м-ра Бэна:

— Сэръ Обри былъ очень добръ ко мнѣ,—сказала она. Можете вы прочитать завѣщаніе завтра утромъ? Я полагаю, что въ немъ завѣщаны нѣкоторыя суммы старымъ слугамъ, и они нетерпѣливо желаютъ узнать о своей участи.

— Завтра, въ двѣнадцать часовъ, если вамъ угодно, лэди Перріамъ. Будьте такъ добры сходить со мной въ комнату сэра Обри за завѣщаніемъ. Я знаю, гдѣ онъ хранилъ его.

Щеки лэди Обри, такія блѣдныя за минуту передъ симъ, теперь совсѣмъ помертвѣли.

— Эта комната внушаетъ мнѣ ужасъ; но если вы желаете, я пойду съ вами,—проговорила она, вставая съ своего спокойнаго мѣста у камина и готовая выдержать испытаніе.

Она вынула ключи изъ ящика бюро и вышла изъ комнаты, сопровождаемая на почтительномъ разстояніи Шадракомъ Бэнномъ. Они прошли вдоль западнаго корридора, западнаго флигеля, черезъ открытую площадку, достигли большой лѣстницы и вступили въ корридоръ восточнаго флигеля, который велъ въ комнаты, занимаемые нѣкогда сэромъ Обри. Отнынѣ въ нихъ царило запустѣніе.

Дверь въ уборную, гдѣ въ послѣднее время баронетъ просиживалъ большую часть времени, была заперта. Было что-то ужасное въ этихъ запертыхъ дверяхъ, ведущихъ въ пустыне покои, въ которыхъ недавно обиталъ покойникъ. Лэди Перріамъ повернула тяжелый ключъ твердой рукой и вошла въ комнату въ сопровожденіи управляющаго.

Комната была вычищена и прибрана со смерти сэра Обри; всѣ слѣды его существованія удалены. Кресла были выстроены въ рядъ у стѣны; все было на своемъ мѣстѣ; окно было открыто,

и въ него глядѣло блѣдное мартовское небо, какъ-бы въ исполненіе того еврейскаго преданія, которое рекомендуетъ открывать окна и двери для того, чтобы душѣ повойника легче было улетѣть.

Портфель, который желалъ осмотрѣть м-ръ Бэнъ, находился не въ уборной. Онъ растворилъ дверь, которая вела въ спальню, но на порогѣ этой комнаты Сильвія отступила назадъ съ помутившимся взоромъ.

— Развѣ оно тутъ? спросила она, бросивъ испуганный взглядъ на высокую траурную постель, которая и всегда-то напоминала ей катафалкъ. Ставни были закрыты, и полу-темная комната казалась еще мрачнѣе отъ темныхъ дубовыхъ панелей, которыми обшиты были стѣны. Большой и пустой каминъ казался какъ-бы входомъ въ пещеру.

— Войдите, леди Перриамъ, — сказала м-ръ Бэнъ, оглядываясь на нее и дивясь такому малодушному поведенію въ особѣ, съ такимъ повидимому твердымъ характеромъ. Я желаю въ вашемъ присутствіи отпереть люпитръ сэра Обри.

Она прошла за нимъ въ комнату, невольно вздрагивая, и подошла къ столу, на которомъ находился люпитръ. Онъ стоялъ рядомъ съ страшной постелью.

«Ага! миледи,» подумалъ Шадракъ Бэнъ, замѣтивъ ея взглядъ, полный ужаса: «я открылъ ваше больное мѣсто! Этотъ страхъ передъ напоминовеніемъ о смерти вашего супруга, похожъ на угрызение совѣсти за нанесенный ему вредъ при жизни».

Онъ отперъ люпитръ ключемъ, который ему дала леди Перриамъ, нашелъ завѣщаніе въ запечатанномъ конвертѣ и помѣченномъ тѣмъ самымъ числомъ, въ какое, какъ помнилось м-ру Бэну, оно было составлено. Онъ тщательно перебралъ всѣ бумаги, и не нашелъ никакого другого завѣщанія, ни даже какой-нибудь приписки.

— А теперь, леди Перриамъ, — произнесъ управляющій, поворачиваясь къ ней послѣ того, какъ заперъ люпитръ: расскажите мнѣ подробнѣе про смерть моего дорогого патрона. Я ничего не знаю, кромѣ простого факта, что мы лишились его.

— Я могу такъ мало сообщить вамъ, кромѣ того, что смерть его была такъ скоростижна, такъ страшно неожиданна. Я подошла къ его кровати и нашла его мертвымъ.

— Въ какое время?

— Вскорѣ послѣ полуночи.

— Вы, значитъ, повдно засидѣлись въ этотъ вечеръ? спросилъ управляющій съ удивленіемъ.

Полночь казалась несообразно позднимъ часомъ въ глазахъ почтенныхъ обывателей Монегемптона.

— Я всегда поздно ложусь спать, — отвѣчала лэди Перриамъ. Мнѣ плохо спится вообще, и я обыкновенно за-полночь просиживаю за книгой въ своей уборной. Въ эту ночь я зачиталась позднѣе обыкновеннаго и зашла въ комнату сэра Обри, поглядѣть, все ли у него въ порядкѣ, какъ я всегда дѣлала, прежде чѣмъ лечь спать.

— И вы нашли его мертвымъ.

— Да. Пожалуйста, не заставляйте меня входить въ подробности. Ударъ былъ слишкомъ ужасенъ, чтобы его можно было легко позабыть. Воспоминаніе о немъ неотступно преслѣдуетъ меня и днемъ и ночью.

— Вотъ почему вы перенесли свои покои? спросилъ м-ръ Бэнъ.

Онъ не боялся больше разспрашивать ее и даже надобѣдать съ разспросами, потому что нашелъ ея большое мѣсто.

— Да, воспоминанія слишкомъ тяготили меня.

— Развѣ никого не было при сэрѣ Обри въ моментъ его смерти?

— Никого. Миссисъ Картеръ ушла спать за часъ передъ тѣмъ, какъ я вошла въ его комнату.

— Гдѣ былъ Чепленъ?

— Онъ страдалъ подагрой и находился въ своей комнатѣ.

— Послали кого-нибудь за докторомъ?

— Да; мы тотчасъ же подняли тревогу, и одинъ изъ грумовъ отправился за м-ромъ Стимпсономъ, который пріѣхалъ до утра. Онъ сказалъ, что сердце у сэра Обри было не въ порядкѣ.

— Коронеръ не производилъ слѣдствія?

— Нѣтъ. М-ръ Стимпсонъ не считалъ нужнымъ такое слѣдствіе, хотя смерть и наступила неожиданно. Сэръ Обри былъ такъ долго боленъ, что смерть его нельзя считать внезапной. М-ръ Стимпсонъ далъ необходимый отзывъ актуариусу. Онъ былъ такъ добръ, что принялъ всѣ хлопоты на себя.

ГЛАВА XLIV.

Вѣсть о смерти сэра Обри Перриама произвела глубокое впечатлѣніе на Гедингемскихъ жителей. Они рѣдко пользовались счастіемъ лицезрѣть его, даже когда онъ былъ здоровъ; въ послѣдній же годъ его жизни онъ никуда не выходилъ за предѣлы своихъ владѣній, и самое существованіе его обратилось въ мифъ. Со всѣмъ тѣмъ, теперь, когда онъ умеръ, обывателямъ Гедингема казалось, какъ будто у нихъ угасъ какой-то свѣтильникъ; какъ будто бы звѣзда закатилась на ихъ небосклонѣ и все должно измѣниться къ худшему.

Перриамъ-Плэсъ, предоставленный во власть ребенка и молодой вдовы сомнительнаго происхожденія!—Это казалось нарушеніемъ общественнаго порядка. Люди гадали о томъ, какую жизнь поведетъ лэди Перриамъ теперь, когда она стала госпожей своихъ поступковъ.

— Я полагаю, что она станетъ давать обѣды по истеченіи годичнаго траура,—говорила миссисъ Тойнби, не забывшая о невѣжливомъ приѣмѣ, оказанномъ ей Сильвіей.

— Она навѣрное поѣдетъ въ Лондонъ, возьметъ ложу въ оперѣ и будетъ ѣздить верхомъ въ Роттенъ-Роу,—возражала миссъ Тойнби. Вотъ чтó я бы сдѣлала, еслибы была богатой молодой вдовой.

— Вопросъ въ томъ: богата ли она,—замѣчала миссисъ Тойнби съ глубокомысленнымъ видомъ. Мы еще ничего не знаемъ о завѣщаніи сэра Обри.

— Я полагаю, что мы услышимъ о немъ,—проговорила дочь съ понятнымъ любопытствомъ.

— Полагаю, что да. М-ръ Ванкортъ навѣрное будетъ знать о немъ, и вѣроятно сообщитъ мнѣ. Да и надо полагать, что дня черезъ два-три о немъ будетъ сказано въ «*Illustrated News*».

М-ръ Бэнъ прочелъ завѣщаніе въ двѣнадцать часовъ, на слѣдующій день послѣ своего перваго визита къ вдовствующей лэди Перриамъ, въ присутствіи Сильвіи, м-ра Стимпсона и всѣхъ слугъ, за исключеніемъ сидѣлки и няньки, миссисъ Картеръ и миссисъ Трингфольдъ, которыя никакъ не могли быть заинтересованы въ завѣщаніи, составленномъ до прибытія ихъ въ Перриамъ.

Чтеніе происходило въ столовой... мрачной во всѣ времена, но казавшейся еще мрачнѣе сегодня, когда характеръ происходившей въ ней церемоніи наводилъ всѣхъ присутствующихъ

на печальныя и мрачныя мысли. Слуги сидѣли кучкой у стѣны, одѣтые въ новыя траурныя платья, безъ признака чего-нибудь бѣлаго въ костюмѣ, что могло бы нѣсколько оживить его. Лэди Перриамъ сидѣла въ креслѣ у камина, гдѣ пылалъ яркій огонь, единственное веселое зрѣлище въ этой комнатѣ.

Завѣщаніе сэра Обри доказало, что онъ не забылъ о своихъ подчиненныхъ, хотя озаботился о томъ, чтобы не разорить имѣніе черезчуръ щедрыми дарами. Онъ завѣщалъ небольшія пенсіи старѣйшимъ слугамъ и болѣе значительную пенсію Жану Чеплену; но этими пенсіями имъ предстояло воспользоваться лишь тогда, когда они удалятся на покой. Всякому слугѣ, прослужившему въ его домѣ десять лѣтъ, онъ завѣщалъ пятьдесятъ фунтовъ; тѣмъ, которые прослужили пять лѣтъ—двадцать-пять фунтовъ: въ признаніе заслугъ продолжительной службы,—гласило завѣщаніе. М-ру Стимпсону завѣщаны были двадцать-пять фунтовъ на покупку траурнаго кольца.

М-ру Шадраку Бэну онъ оставилъ тысячу фунтовъ въ знакъ своей высокой признательности за услуги, честно и талантливо оказываемыя въ теченіи многихъ лѣтъ.

Своему «дорогому брату», Мордреду Перриаму, сэръ Обри завѣщалъ свою коллекцію золотыхъ и серебряныхъ табакерокъ и тысячу фунтовъ. Кромѣ того, онъ высказалъ желаніе, чтобы его вдова и дѣти предоставили Мордреду Перриаму всѣ удобства и привилегіи, какими онъ пользовался, живя въ Перриамъ-Плэсѣ, и оставили въ его распоряженіи отведенныя для него комнаты, въ которыхъ бы онъ могъ проживать безъ всякой платы до конца дней своихъ.

Наконецъ своей возлюбленной женѣ, Сильвіи, сэръ Обри завѣщалъ все свое личное имущество, которое, въ соединеніи съ назначеннымъ ей доходомъ, вполне должно было обезпечить ея существованіе. На тотъ же случай, еслибы смерть застигла его до исполненія совершеннолѣтія его старшему сыну, сэръ Обри назначалъ жену опекуницей ребенка, съ правомъ жить въ Перриамѣ до совершеннолѣтія сына.

Личное имущество сэра Обри заключалось въ денежныхъ фондахъ, которые должны были составить значительное приращеніе въ доходу Сильвіи.

Добавочныя земли, фермы и недвижимости, приобретенныя за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, должны были быть раздѣлены поровну между его младшими дѣтьми, по смерти лэди Перриамъ, такъ какъ ея доходъ съ имѣнія былъ лишь пожизненнымъ. Сло-

вомъ—оказалось, что дочь швольнаго учителя очутилась богатой женщиной въ моментъ своей независимости и своего вдовства.

Слухи о содержаніи завѣщанія сэра Обри незамедлили дойти до монгемптонскихъ и гедингемскихъ сплетниковъ и сплетницъ. М-ръ Стилпсонъ, находившій, что его преданность плохо вознаграждена ироническимъ завѣщаніемъ траурнаго кольца, не считалъ нужнымъ держать втайнѣ подробности завѣщанія. Оно навѣрное должно было рано или поздно попасть въ газеты, и ужъ лучше было ему доставить себѣ удовольствіе пересказать о немъ своимъ паціентамъ. Такимъ образомъ, въ Гедингемѣ стало извѣстнымъ, что вдовствующая лэди Перриамъ наслѣдовала всему личному имуществу сэра Обри, что прибавляло около двухъ тысячъ въ годъ къ ея доходу съ наслѣдственныхъ помѣстій. Этотъ доходъ, преувеличенный молвой, скоро возросъ до десяти, пятнадцати или двадцати тысячъ, смотря по силѣ фантазіи рассказчиковъ.

Тѣ, кто помнилъ Сильвію дочерью сельскаго учителя какихъ-нибудь два года тому назадъ, поднимали къ небу руки и глаза, и дивились необыкновенной переměнѣ въ ея судьбѣ.

Въ Декановомъ домѣ вѣсть о смерти сэра Обри была принята безъ всякихъ комментариевъ, но она потрясла не одного изъ его обитателей.

Для самой миссисъ Стенденъ событіе это было крайне неприятно. Богатство не могло измѣнить ея недовѣрія и антипатіи къ Сильвіи. Для матери Эдмонда Стендена Сильвія была такъ же противна вдовой сэра Обри Перриама, какъ и дочерью сельскаго учителя.

Но это еще не все. Хотя сынъ ея еще не высказался положительно, но миссисъ Стенденъ въ послѣднее время начала надѣяться, что онъ найдетъ исцѣленіе ранамъ своего сердца въ спокойной привязанности Эсэири. Онъ не шепталъ признаній на ухо молодой дѣвушки, не давалъ никакихъ обѣщаній матери. Но онъ казался спокойнымъ, если не счастливымъ, въ обществѣ Эсэири, и въ его тонѣ и обращеніи съ ней сказывалось нѣчто болѣе церемонное и болѣе нѣжное, чѣмъ спокойная и хладнокровная дружба названнаго брата. Эсэиръ и онъ читали вмѣстѣ однѣ и тѣ же книги и увлекались одними и тѣми же созданіями искусства. Они распѣвали мечтательную нѣмецкую музыку, между тѣмъ какъ миссисъ Стенденъ дремала въ креслѣ у камина или работала надъ какимъ-нибудь расшитымъ передникомъ для одной изъ своихъ внучекъ. Трудно было бы представить себѣ болѣе трогательную картину домашней жизни, какъ семей-

ное засѣданіе въ Декановомъ домѣ по вечерамъ, послѣ семи часовъ. Рутинѣ дѣловой жизни, удерживавшая Эдмонда весь день внѣ дома, въ банкѣ, дѣлала вдвойнѣ пріятнымъ отдыхъ въ кругу семейства. Когда онъ жилъ празднымъ человѣкомъ, то эти невинныя радости наводили на него зѣвоту, и вечера, проведенные въ кругу семейства, казались ему нестерпимо длинными. Теперь, когда онъ по цѣлымъ днямъ работалъ за конторкой, онъ бывалъ веселъ и общителенъ по вечерамъ, и ему никогда не казалось, что время тянется слишкомъ медленно.

Неужели вліянію Сильвіи суждено было нарушить это спокойное счастье и снова поселить разладъ между матерью и сыномъ?

Миссисъ Стенденъ трепетала, но не говорила ни слова. Эсэиръ почувствовала, что слабой надеждѣ, зародившейся въ ея сердцѣ, суждено погибнуть. Гдѣ ей было бороться съ этой сиреной, которую Эдмондъ такъ страстно любилъ полтора года тому назадъ, и, можетъ быть, никогда не переставалъ любить. Эсэиръ знала, что на него находили припадки хандры и что эта хандра вызывалась воспоминаніемъ о Сильвіи.

Какъ сильно ни подѣйствовала смерть сэра Обри на Эдмонда, онъ выслушалъ вѣсть объ этомъ событіи молча и не измѣняясь въ лицѣ. Онъ переслушалъ всѣ сплетни, возбужденныя этимъ событіемъ и вертѣвшіяся преимущественно около вопроса: какъ велико состояніе, оставленное сэромъ Обри; но самъ не проронилъ словечка. Дома онъ былъ также сдержанъ на этотъ счетъ; даже, когда вѣтреная Елена Сарджентъ разразилась за объѣдомъ какимъ-то непріязненнымъ замѣчаніемъ насчетъ лэди Перриамъ, то у Эсэири промелькнула мысль, сложившаяся затѣмъ въ убѣжденіе, что плохо затушенная страсть Эдмонда разгорится новымъ пламенемъ, и что прежде чѣмъ Сильвія успѣетъ снять трауръ, онъ потребуетъ отъ нея исполненія нарушеннаго ею обѣщанія. Ея измѣна позабудется или, по крайней мѣрѣ, простится ей. Онъ будетъ помнить только о томъ, что она свободна, и онъ можетъ жениться на ней.

Эсэиръ приготовилась увидѣть первый знакъ возврата Эдмонда къ прежней страсти въ измѣненномъ обращеніи его съ ней самой. Онъ станетъ холоднѣе, церемоннѣе, безсознательно прекратитъ тѣ дружескія отношенія, которыя были такъ дороги ей и казались такъ пріятны ему. Онъ разучится приносить ей всѣ новыя книги, которыя читаетъ самъ; разучится просить ее пѣть съ нимъ дуэты.

Однако, въ удивленію миссъ Рочдель, такой перемѣны въ обра-

щеніи Эдмонда не воспослѣдовало. Если онъ измѣнился по смерти сэра Обри, то въ томъ лишь отношеніи, что стать еще добрѣе, еще теплѣе, чѣмъ прежде. Ихъ болѣе, чѣмъ когда-либо, связывала обоюдная любовь къ литературѣ и музыкѣ. Они вмѣстѣ читали Шиллера, къ тайному неудовольствію миссисъ Стенденъ и Эллены, которымъ звуки нѣмецкаго языка казались просто варварскими. По мѣрѣ того, какъ дни удлиннялись, Эдмондъ сталъ зазывать на послѣобѣденныя прогулки по лугамъ, гдѣ фіалки и другіе ранніе цвѣты праздновали карнаваль весны. Миссисъ Стенденъ никогда не выходила послѣ обѣда. Миссисъ Сарджентъ предпочитала дѣтскую всѣмъ прогулкамъ въ мірѣ въ тотъ часъ, когда ея дѣвочки ложились спать. Такимъ образомъ, естественнымъ товарищемъ Эдмонда была Эсэиръ Рочдель. Она была слишкомъ непорочна для того, чтобы разыгрывать чопорную дѣвицу и такъ же просто и непринужденно шла съ нимъ гулять по вечерамъ, какъ еслибы они были два товарища-студента въ Гейдельбергѣ.

Въ одинъ тихій апрѣльскій вечеръ — недѣль шесть спустя послѣ смерти сэра Обри — они забрели такъ далеко, что очутились на Кроплейской пустоши, на той самой неровной полянѣ, на которой Эдмондъ встрѣтилъ Сильвію въ бурю и отвѣчалъ на ея удивительные вопросы касательно его сватовства къ Эсэири. Свать холма съ его овражками и бутрами, поросшими дикимъ терновникомъ, казался совсѣмъ инымъ въ этотъ ясный апрѣльскій вечеръ. На западѣ небо еще отливало розовымъ послѣ солнечнаго заката, и блѣдный полумѣсяцъ слабо сіялъ на небесномъ сводѣ. Отдаленная полоса моря была окутана наступавшими сумерками, и одна одинокая лодка съ бѣлымъ парусомъ выдѣлялась на темнѣющемъ небѣ.

Эдмондъ и Эсэиръ шли нѣкоторое время молча, погруженные въ свои мысли, какъ вдругъ молодой человѣкъ остановился и предложилъ отдохнуть нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ пуститься въ обратный путь.

Эсэиръ, обыкновенно охотно исполнявшая его желанія, на этотъ разъ протестовала:

— Уже поздно, Эдмондъ, и тѣтъ придется ждать за чайнымъ столомъ.

Одною изъ вечернихъ обязанностей Эсэири было разливаніе чая.

— Пусть она подремлетъ лишніе полчаса, Эсси. Сонъ не повредитъ ей, а мнѣ нужно переговорить съ вами.

Эсэиръ согласилась и усѣлась на дернистую вочку, на кото-

рую Эдмондъ указалъ, какъ на лучшій пунктъ для отдыха. Вечеръ былъ такъ теплый, какъ июльскій.

— Не знаю, зачѣмъ намъ разговаривать сидя именно тутъ, Эдмондъ: вѣдь мы болѣе или менѣе бесѣдовали другъ съ другомъ все время, пока шли сюда, и, по всей вѣроятности, будемъ бесѣдовать все время, какъ будемъ идти домой.

— Да, у меня всегда найдется, о чемъ поговорить съ вами, Эсси. Я предполагаю, что это происходитъ оттого, что у насъ одни и тѣ же вкусы; какъ вы думаете?

— Должно быть.

— Быть можетъ, однако, что настоящая причина нашей здѣсь остановки, это желаніе курить. Могу я закурить сигару?

— Разумѣется. Вы знаете, что я привыкла къ табачному дыму.

— Въ такомъ случаѣ, я закурю сигару. Наши вечернія прогулки не были бы вполнину такъ пріятны, еслибы вы не дозволяли мнѣ курить сигары, Эсси.

— Конечно, вѣтъ. Я полагаю, что вы охотнѣе обошлись бы безъ меня, чѣмъ безъ сигары.

— Я не совсѣмъ въ этомъ увѣренъ,—отвѣчалъ Эдмондъ серьезно. Правда, я очень люблю сигары, и еслибы вы запретили мнѣ ихъ курить, то мнѣ тяжело было бы обойтись безъ нихъ. Но я не вижу, какъ бы я могъ просуществовать и безъ васъ. Я до сихъ поръ никогда еще не жилъ безъ васъ, Эсси, и не могу рѣшительно представить себѣ, что за жизнь была бы безъ Эссири.

Губы Эссири, непривыкшія выражать ироніи, слегка искривились при этомъ замѣчаніи.

— Вы отлично обходились безъ меня, когда были влюблены въ Сильвію Керью,—замѣтила она. Сомнѣваюсь, чтобы вы помнили о моемъ существованіи въ тѣ дни.

— Ахъ, Эссиръ, то былъ краткій періодъ безумія... мимолетный бредъ. Пока онъ длился, я ни о чемъ не могъ думать, кромѣ красоты моей сирены. Никогда не говорите со мной объ этомъ времени, Эсси. Я желаю совсѣмъ позабыть о немъ. Я желаю вырвать эту страницу изъ моей жизни.

— Лэди Перриамъ теперь свободна. Вы можете добиться ея руки,—проговорила Эссиръ съ легкой горечью въ голосъ.

— Я не хочу ее знать, послѣ ея измѣны. Я не соглашусь взять ее въ жены послѣ того, какъ она обманула меня. Нѣтъ, Эссиръ, я вовсе не такой малодушный человѣкъ, какимъ вы меня считаете. Вдовство лэди Перриамъ ничего не измѣняетъ въ мо-

ихъ чувствахъ. Еслибы она захватила права мужчинъ, и стала искать моей любви, я бы отвернулся отъ нея. Я навѣки изгналъ думу о ней изъ моей головы.

— Я очень рада услышать это за васъ самихъ. Я никогда не считала ее достойной васъ.

Эдмондъ молча курилъ въ теченіе двухъ-трехъ минутъ.

— Нѣтъ, Эсси: она не была достойна меня,—произнесъ онъ наконецъ,—не смотря на всѣ мои недостатки, потому что я относился къ ней честно, а она нѣтъ. Но есть женщина, которая не только достойна меня, но достойна лучшаго и преданнѣйшаго изъ людей, когда-либо существовавшихъ. Я желалъ бы думать, что и я не совсѣмъ недостойнъ ея.

— Вашъ новый идолъ долженъ быть очень польщенъ тѣмъ, что вы ставите его такъ высоко,—сказала Эссиръ съ тщетной попыткой говорить шутя.

— Она самая кроткая и самая скромная изъ женщинъ, но я чувствую себя недостойнымъ просить ея руки, потому что дозволилъ себѣ увлечься недостойной женщиной, когда счастье было у меня такъ близко. Ну, дорогая Эсси, я не буду долѣе говорить загадками. Я люблю васъ; ваша кротость исцѣлила мое извращенное сердце. Мы были очень счастливы во время нашихъ вечернихъ прогулокъ, Эссиръ. Есть ли какія другія причины, кромѣ моей недостойности, почему бы мы не могли идти рука объ руку во всю остальную нашу жизнь.

Дѣвушка взглянула на него застѣнчиво, но съ твердымъ выраженіемъ въ своихъ кроткихъ, черныхъ глазахъ.

— Вы ничуть не недостойны меня, Эдмондъ,—возразила она; но я не соглашусь выйти за васъ замужъ, если не буду увѣрена, что все ваше сердце принадлежитъ мнѣ: Я люблю васъ настолько сильно, чтобы остаться на всю жизнь вашей приѣмной сестрой и даже видѣть васъ счастливымъ съ другой женщиной, и утѣшаться мыслью о вашемъ счастьи. Но если вы предлагаете мнѣ не братскую любовь, а нѣчто иное, то мнѣ нужно все или ничего. Мнѣ не надо вашего сердца, если въ немъ гнѣздится воспоминаніе о лэди Перриамъ.

— Зачѣмъ вы произносите это ненавистное имя?—закричалъ Эдмондъ сердито. Развѣ я не говорилъ вамъ, что изгналъ его изъ моей жизни,—что для меня не существуетъ болѣе никакой Сильвіи Перриамъ. Отвѣчайте, Эсси, на честный вопросъ честнаго человѣка. Хотите ли быть моей женой?

Вопросъ былъ достаточно простъ и ясенъ. Тутъ не было никакихъ любовныхъ воспоминаній, которыя могли скрасить и ожи-

вить эту старую тему. Эдмондъ говорилъ, повидимому, совсѣмъ серьезно. Голось его и взглядъ были вѣжны и искренни; та, которая слушала его, слишкомъ его любила, чтобы не быть тронутой его словами.

— Это слишкомъ важный вопросъ для того, чтобы можно было на него отвѣчать поспѣшно, — возразила Эссиръ серьезно. Мы были очень счастливы при теперешнемъ положеніи дѣлъ. Пусть наша мирная жизнь течетъ по прежнему, пока вы хорошенько не увѣритесь въ своихъ чувствахъ.

— Я достаточно увѣренъ въ нихъ уже въ настоящую минуту. Я желаю рѣшить этотъ вопросъ теперь же, Эсси. Я желаю сознавать, что у меня есть цѣль въ жизни... есть чего ожидать въ будущемъ, есть на что надѣяться, о чемъ мечтать. Пова рана отъ измѣны Сильвіи не зажила, я думалъ, что покончилъ со всѣми надеждами, и никогда больше не буду мечтать о семейномъ очагѣ и женѣ, безъ которыхъ жизнь человѣка скучна и пуста. Провидѣніе было добрее ко мнѣ, чѣмъ я заслуживалъ, Эсси, когда говорилъ себѣ, что отнынѣ надежда и любовь—пустыя слова для меня. Я опять научился надѣяться, любить, и этому вы научили меня.

— Я никогда не старалась научить васъ этому; по крайней мѣрѣ послѣдному, — отвѣчала Эссиръ краснѣя. Тетушка и всѣ мы желали, чтобы ваше горе прошло, но я не думаю, чтобы кто-нибудь думалъ...

— Вы не думаете, чтобы кто-нибудь думалъ, — повторилъ Эдмондъ, забавляясь замѣшательствомъ молодой дѣвушки; — я знаю, что любимая мечта матушки, чтобы мы сдѣлались мужемъ и женой. Вы не захотите огорчить ее, Эсси; вѣдь вы такъ любите ее.

— Я думаю лишь о вашемъ счастьи, Эдмондъ. Вы не должны жениться изъ-за того только, чтобы угодить тѣтѣ. Это плохое средство обезпечить ваше личное счастье.

— Я не могу не быть счастливымъ, если вы сдѣлаетесь моей подругой, Эсси. Давно уже вы стали моимъ идеаломъ женщины. Да, когда вамъ было всего шестнадцать лѣтъ. Затѣмъ налетѣло это роковое увлеченіе, и моя любовь была отвлечена отъ васъ. Я знаю теперь, какое то было лживое чувство. Полноте, Эсси, милая, вы слишкомъ добры, чтобы не простить, меня за зло, которое стоило мнѣ такъ много страданій.

— Мнѣ нечего прощать вамъ, Эдмондъ. Я не могу осуждать васъ за то, что вы нашли Сильвію Керью, болѣе привлекательной, чѣмъ меня.

— Ну, когда такъ, и вамъ нечего прощать мнѣ, то все рѣшено и вы будете моей дорогой женой.

Сигара была давно уже отброшена и рука Эдмонда обвилась вокругъ тонкой талии Эссери, какъ въ былыя сумеречныя прогулки вокругъ талии Сильвіи.

— Вы скажете «да», Эссерь,—спросилъ Эдмондъ, стараясь заглянуть въ ея опущенные глазки.

— Вы даже не спросили меня, люблю ли я васъ.

— Предположите, что я настолько самонадѣянъ, чтобы думать, что вы любите меня такъ, немножко, чуть-чуть, въ гомеопатической, а не аллопатической дозѣ.

— Я люблю васъ всей душой,—отвѣчала она съ порывомъ чувства столь долго подавляемаго, что оно невольно вырвалось наружу, не смотря на ея намѣреніе быть сдержанной и разсудительной. Я желаю только одного, чтобы вы были счастливы.

— Этого можно достигнуть только однимъ путемъ, Эсси. Будьте моей женой. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, моя радость. Мнѣ хочется знать, что у меня есть интересъ въ жизни и что мнѣ есть для кого трудиться. Я надѣюсь, что вы будете настолько безразсудны, Эсси, что промотаете всѣ свои и мои деньги, такъ чтобы мнѣ пришлось крѣпко трудиться для нашихъ дѣтей. А теперь, дорогая, становится темно и холодно, и я надѣюсь, что я не слишкомъ долго задержалъ васъ здѣсь. Но вѣдь намъ предстояло рѣшить вопросъ цѣлой жизни, хотя бы рискуя нажить ревматизмъ или катарръ. Пойдемте, моя радость. Знаете ли, что это—лучшая сигара, какую я выкурилъ въ своей жизни.

Они, счастливые, пошли домой, при наступавшихъ сумеркахъ. Какъ могла Эссерь сомнѣваться въ своемъ милomъ, когда она нисколько не сомнѣвалась въ самой себѣ?

ГЛАВА XLV.

М-ръ Вэнъ сбить съ толку.

Въ Гедингемѣ и Монкгемптонѣ всѣ думали, что первымъ употребленіемъ, какое лэди Перриамъ сдѣлаетъ изъ своей свободы, будетъ бѣгство изъ пышнаго заключенія, но къ удивленію и даже досадѣ всѣхъ этихъ лже-пророковъ, которымъ хотѣлось бы видѣть исполненіе своего пророчества, лэди Перриамъ продолжала занимать мрачные, старые покои и совершать уединенныя прогулки по итальянской террасѣ. У ней были молодость, кра-

сота, свобода, богатство; весь міръ былъ открытъ передъ ней и предлагалъ ей свои соблазны, а она продолжала вести томительное существованіе, ставшее ея удѣломъ при больномъ мужѣ, и казалась глухой ко всѣмъ соблазнамъ.

Даже м-ръ Бэнъ дивился и не замедлилъ выразить ей свое удивленіе насчетъ ея уединеннаго и замкнутаго образа жизни. Онъ видѣлъ, что она блѣдна и даже имѣетъ болѣзненный видъ, точно отъ бессонныхъ ночей, и упомянулъ о необходимости перемѣнить образъ жизни и климатъ.

— Вамъ бы слѣдовало провести нѣсколько недѣль въ Уэстонѣ или въ Мальвернѣ, — сказала управляющій въ одинъ изъ своихъ періодическихъ визитовъ въ Плясъ, визитовъ, которые отнюдь не поощрялись Сильвіей. Не смотря на это м-ръ Бэнъ являлся такъ же регулярно, какъ еслибы его принимали съ отверстыми объятіями. Министерство юстиціи назначило его опекуномъ малютки-наслѣдника, согласно желанію сэра Обри, выраженному въ завѣщаніи, такъ какъ лэди Перриамъ не могла указать ни на одно болѣе подходящее лицо. Такимъ образомъ, по всѣмъ практическимъ вопросамъ, онъ былъ хозяиномъ въ домѣ, въ которомъ она жила; могъ приѣзжать и уѣзжать, когда вздумается, и она чувствовала, что власть его увеличилась со смертью ея мужа, а не уменьшилась.

Она, однако, боролась противъ него и, не возставая открыто, вела постоянную, хотя глухую оппозицію.

— Вы очень добры, м-ръ Бэнъ, — отвѣчала она, когда управляющій заговорилъ о перемѣнѣ воздуха; — но когда я почувствую нужду въ совѣтѣ, то обращусь за нимъ къ м-ру Стимпсону.

— Но у васъ нездоровый видъ: вы, должно быть, больны, а между тѣмъ не обращаетесь къ м-ру Стимпсону.

— Когда я буду въ немъ нуждаться, то пошлю за нимъ.

— Какъ вамъ угодно, лэди Перриамъ. Конечно, я не имѣю права вмѣшиваться въ ваши дѣла, но мною руководитъ горячее участіе, какое я принимаю во всемъ, что до васъ касается.

Сильвія гордо выпрямилась при этихъ словахъ.

— Будьте такъ добры, ограничьте ваше участіе дѣлами моего сына. Министерство юстиціи не назначало васъ моимъ опекуномъ.

— Я не могу принимать участіе въ сынѣ, не интересуясь въ одно и то же время матерью. Вы обязаны ради Сентъ-Джона заботиться о своемъ здоровьѣ. Вы губите свое здоровье и даже свою красоту унылой жизнью, какую здѣсь ведете.

Слова «губите свою красоту» попали въ цѣль. Лэди Пер-

ріамъ поглядѣлась въ зеркало немедленно по уходѣ м-ра Бэна, чтобы убѣдиться: правду ли онъ говорить.

Да, въ этомъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Она уже поблѣла нѣсколько; глаза ввалились и блескъ ихъ не былъ живымъ огнемъ счастливой юности, но лихорадочнымъ блескомъ. Она стала похожа на миссисъ Картеръ; Сильвія нетерпѣливо тряхнула своимъ вдовьимъ чепцомъ, отбросила со лба волосы и оглядѣла себя зорко и внимательно.

«Да, у меня появились уже морщины, — сказала она себѣ, — а мнѣ нѣтъ еще двадцати-трехъ лѣтъ. Я слишкомъ много размышляю. Мнѣ необходима перемѣна воздуха и образа жизни. Этотъ человекъ правъ. Его зоркій глазъ все видитъ. Мнѣ кажется, что онъ читаетъ въ моемъ сердцѣ. Онъ правъ. Мнѣ нужны перемѣна, свѣжій воздухъ, чтобы изгладить морщины на моемъ лицѣ. Но развѣ я могу уѣхать изъ этого ненавистнаго дома?»

М-ръ Бэнь уѣхалъ домой, размышляя о своемъ краткомъ разговорѣ съ леди Перриамъ. Онъ замѣтилъ ея встревоженный взглядъ, какъ ни былъ онъ мимолептенъ, когда онъ заговорилъ о томъ, что ея красота увядаетъ.

«Она хочетъ сохранить свою красоту», подумалъ онъ. «Ужъ не для Эдмонда ли Стендена, желалъ бы я знать?»

Важная перемѣна совершилась въ почтенномъ домѣ въ Монк-гемптонѣ, на Гай-Стритѣ. Надеждамъ, смѣнявшимся опасеніями, былъ положенъ конецъ. Траурная полоса, появившаяся на шляпѣ м-ра Бэна послѣ смерти сэра Обри Перриама замѣнилась другою, еще болѣе широкою, которая покрывала почти всю шляпу. Шадравъ Бэнь сталъ вдовцомъ. Миссисъ Бэнь ожила-было въ благорастворенномъ климатѣ Канна. Ея здоровье даже настолько поправилось, что надежда на ея выздоровленіе зародилась у Клары-Луизы; но какъ разъ тогда, когда она сообщала самыя благоприятныя вѣсти о больной, съ послѣдней сдѣлался рѣзкій и внезапный припадокъ, который порвалъ слабую нить ея жизни, подобно тому, какъ осыпавшіеся листья разносятся осеннимъ вѣтромъ.

Хотя въ умѣ ея сыновей и дочерей давно уже надежда жила попеременно со страхомъ, но смерть ея была для нихъ тяжкимъ ударомъ. Нездоровье стало, въ нѣкоторомъ родѣ, нормальнымъ состояніемъ ихъ матери. Они привыкли видѣть ее больной, но не приучили себя въ мысли объ ея утратѣ. Глубокое горе и глубокое уныніе ступило надъ комфортабельнымъ, старымъ, солиднымъ домомъ, точно грозовая туча. Побрякиваніе ключей, гордость быть хозяйвой въ домѣ отца не радовали Матильду-

Дженъ. Отсутствие кроткой матери производило слишкомъ ощутительную пустоту въ семейномъ кружкѣ.

М-ръ Бэнъ очень спокойно переносилъ свою потерю. Люди толковали, что онъ тѣмъ сильнѣе ее ощущаетъ. Но если горе его и было глубоко, то оно не было порывисто и страстно. Его лицо, всегда серьезное и задумчивое, казалось теперь еще серьезнѣе. Онъ ходилъ съ опущенными внизъ глазами, какъ-будто размышлялъ о бренности всего земного. Онъ сталъ рѣже посѣщать продолжительныя службы въ капеллѣ Уотеръ-Лэна, и его единомышленники, снисходительно настроенные къ человѣку въ положеніи м-ра Бэна, говорили другъ другу, что бѣдняку тяжело сидѣть на своей фамильной свамѣ безъ своей Амеліи.

На кладбищѣ, на выѣздѣ изъ Монегемптона, красивый каменный монументъ, изъ прочнаго и хорошаго матеріала, обелискъ съ фонаремъ на верхушкѣ, который смахивалъ сворѣе на маякъ для отдаленныхъ мореплавателей, чѣмъ на залогъ любви къ покойницѣ,—свидѣтельствовалъ о преданности м-ра Бэна къ усопшей супругѣ. Безъ малѣйшаго промедленія, на другой же день похоронъ, каменщику заказанъ былъ самый лучшій памятникъ, какой онъ только могъ сдѣлать за сто фунтовъ.

Черезъ мѣсяць или около того, хозяйство м-ра Бэна потекло своимъ обычнымъ порядкомъ. Матильда-Дженъ была слишкомъ хорошо вышколена умершей хозяйкой, чтобы позабыть ея наставленія. Глазъ ея былъ такъ же зорокъ, какъ и глазъ матери, и отъ него не ускользали ни лишній фунтъ говядины въ счетѣ мясника, ни ошибка въ пенсахъ или въ золотникахъ. Рука ея была такъ же тверда, какъ и материнская, когда она взвѣшивала провизію, и никогда не ошибалась при отвѣскѣ ежедневнаго количества чая, отпускаемаго прислугѣ. Обѣ служанки говорили, что миссъ Бэнъ, пожалуй, еще экономнѣе своей мамыши.

Теперь, когда главная прелесть семейнаго очага, олицетворяемая въ лицѣ доброй и вѣрной жены, перестала существовать, м-ру Бэну не ставили въ вину то, что онъ меньше, чѣмъ прежде, отдавалъ своего досуга семейству. Онъ больше выѣзжалъ и посвящалъ больше времени надвору за перриамскимъ помѣстьемъ. Онъ особенно заботился объ улучшеніяхъ, и преимущественно той части имѣнія, съ которой лэди Перриамъ получала пожизненные доходы.—Будь это его собственное имѣніе, м-ръ Бэнъ не могъ бы о немъ больше заботиться,—говорили сплетники.

Два раза въ недѣлю пріѣзжалъ онъ въ Перриамъ-Плэсъ, видался съ лэди Перриамъ, освѣдомлялся о здоровьѣ своего питомца,

и если было возможно, заходилъ поглядѣть на него, приче́мъ ребенокъ имѣлъ обыкновеніе ревѣть при видѣ своего опекуна, которому министерство юстиціи ввѣрило попеченіе объ его юности.

— Очень жаль,—говаривала нянька Трингфольдъ,—но сэръ Сентъ-Джонъ терпѣть не можетъ м-ра Бэна.

Сильвія, сѣрѣя сердце, терпѣла посѣщенія управляющаго, и хотя постоянно протестовала противъ его вмѣшательства, однако вынуждена была подчиняться ему. Онъ наблюдалъ за всѣмъ хозяйствомъ или, какъ выражалась прислуга, «совалъ свой носъ всюду».

Однажды, вскорѣ послѣ той вечерней прогулки по Кроплейскому лугу, во время которой Эдмондъ и Эсэиръ стали женихомъ и невѣстой, м-ръ Бэнь заговорилъ о миссисъ Картеръ.

— Къ чему вы держите эту женщину, лэди Перриамъ? спросилъ онъ. Она слишкомъ дорого обходится вамъ. Я удивился, увидѣвъ, какое большое жалованье вы платите ей, а она врядъ ли можетъ быть вамъ полезна.

— Она очень полезна,—возразила Сильвія,—и я не намѣрена отказывать ей.

Агентъ пожалъ плечами, и бросилъ на лэди тотъ проницательный взглядъ, котораго она такъ боялась и ненавидѣла. Щеки ея поблѣднѣли при этомъ вопросѣ. Отъ гнѣва, или отъ другого какого чувства?

— Не сердитесь, лэди Перриамъ. Конечно, я не имѣю права вмѣшиваться, но...

— Иные люди любятъ вмѣшиваться во все безъ всякаго на то права, — отрѣзала Сильвія.

Она вообще бывала всегда разбита въ спорахъ своихъ съ м-ромъ Бэномъ, но никогда не сдавалась безъ борьбы.

— Но я принимаю естественное участіе въ вашихъ дѣлахъ,—продолжалъ агентъ спокойно, какъ-бы не замѣтивъ перерыва, ... и мнѣ жаль видѣть, когда вы поступаете неблагоприятно... отъ добраго сердца. Съ своей стороны, я никогда не держу больше кошекъ, чѣмъ требуется для того, чтобы ловить мышей, и рѣшительно не понимаю, на что вамъ можетъ быть полезна эта Картеръ.

— Быть можетъ, вы будете столь добры запомнить, что она была нѣкогда лэди, и потрудитесь называть ее: миссисъ Картеръ, а не «эта Картеръ».

— Я буду такъ вѣжливъ, какъ только вамъ угодно, лэди Перриамъ; но вы не сказали мнѣ, зачѣмъ вы ее держите.

— Она полезна для меня во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ и прежде всего тѣмъ, что ухаживаетъ за м-ромъ Перриамомъ, когда тотъ бываетъ не въ своей тарелкѣ.

— Но если м-ръ Перриамъ настолько нездоровъ, что ему нужна сидѣлка, то ему необходима медицинская помощь. М-ру Стимпсону слѣдовало бы заняться имъ.

— Мордредъ не настолько боленъ, чтобы ему была нужна медицинская помощь; его голова бываетъ не совсѣмъ въ порядкѣ по временамъ. Миссисъ Картеръ имѣетъ надъ нимъ вліяніе больше, чѣмъ кто другой, и умѣетъ успокоивать его, какъ успокоивала сѣра Обри.

— Да, она умная женщина. Мнѣ всегда кажется, что у этихъ умныхъ женщинъ съ вкрадчивыми манерами есть нѣчто змѣиное въ организаціи.

— Я довѣряю миссисъ Картеръ, и люблю ее, а потому потрудитесь не называть ее змѣей.

— Но вы такъ невинны, лэди Перриамъ; всякій можетъ обойти васъ. Мнѣ жаль, что бѣдный м-ръ Мордредъ такъ разстроенъ. Ему слѣдовало бы почаще выходить изъ своей норы гулять на свѣжемъ воздухѣ, видѣть людей. Человѣкъ по неволѣ спятитъ съ ума, сидя взаперти изо дня въ день.

— М-ръ Перриамъ не хочетъ выходить изъ своей комнаты со смерти брата. Пожалуйста, не навязывайте ему медицинскихъ пособій. Доктора могутъ упрятать его въ сумасшедшій домъ, а между тѣмъ онъ безвредный старикъ, впавшій въ дѣтство. Ему хорошо такъ, какъ онъ есть.

— Очень хорошо, лэди Перриамъ. Я не буду путаться. Я ничего такъ не желаю, какъ исполнить всѣ ваши желанія, лишь бы вы ясно высказывали ихъ.

— Если такъ, то я желаю, чтобы Мордредъ Перриама оставили въ покоѣ м-ръ Стимпсонъ и всѣ доктора.

— Пусть будетъ такъ, пока физическое здоровье его не представляетъ никакихъ опасеній. Мы не должны допустить его умереть вслѣдствіе недостатка медицинскаго ухода.

— Онъ врядъ ли скоро умретъ,—сказала лэди Перриамъ, какъ-бы со вздохомъ сожалѣнія, точно жизнь Мордредъ была несноснымъ бременемъ. Миссисъ Картеръ заботливо ухаживаетъ за нимъ, и онъ счастливъ такъ, какъ только можетъ при его естественной горести объ утратѣ брата.

Этимъ дѣло и кончилось. На этотъ разъ управляющій былъ побѣжденъ. Вообще, обращеніе его въ послѣднее время стало еще

почтительнѣе, чѣмъ прежде. Повидимому, онъ дѣйствительно, какъ и самъ объявилъ, желалъ только угодить лэди Перриамъ.

Его немало озабочивалъ этотъ разговоръ съ Сильвіей на обратномъ пути домой. Онъ никогда не любилъ миссисъ Картеръ. Ея сдержанныя манеры и сповойное лицо досаждали ему, потому что онъ воображалъ, что за этой невозмутимой наружностью таится живой умъ, и, быть можетъ, изворотливый характеръ, который, чего добраго, сумѣетъ стать поперекъ дороги его тайнымъ планамъ. Онъ много бы далъ, чтобы удалить ее изъ Перриамъ-Плэса, не смотря на то, что она казалась безпомощной въ сравненіи съ нимъ, но теперь убѣдился, что бесполезно думать объ удаленіи ея. Она, очевидно, имѣла скрытое вліяніе, какія-то права надъ Сильвіей Перриамъ.

«Тутъ что-то кроется», думалъ Шадравъ Бэнъ: «этихъ женщинъ связываетъ такая-то тайна. Я прочелъ это сегодня на лицѣ лэди Перриамъ, когда она поблѣднѣла при одномъ имени миссисъ Картеръ. Началась ли ихъ тайная связь до того, какъ Сильвія стала женой сэра Обри? Или же она относится ко времени моего отсутствія, незадолго до смерти сэра Обри? Въ обращеніи лэди Перриамъ, когда я впервые увидѣлъ ее по смерти ея мужа, было нѣчто странное, что я не умѣлъ до сихъ поръ объяснить себѣ. Я не позабылъ ея взгляда, исполненнаго ужаса, когда мы вошли въ комнату сэра Обри. Быть можетъ, это естественный страхъ женщины передъ всѣмъ, что напоминаетъ смерть. Но, кажется, она слишкомъ твердаго характера, для того, чтобы поддаваться такимъ вздорнымъ страхамъ. Тутъ что-то кроется... секретъ... какая-то тайна, и эта Картеръ ее знаетъ. Но къ чему мнѣ ломать голову? Что бы ни скрывалось за этой тайной, а она будетъ содѣйствовать моимъ планамъ, не будь я Шадравъ Бэнъ».

Немного времени спустя послѣ этого, прежде чѣмъ лѣто успѣло пройти, весь Моннгемптонъ былъ пораженъ событіемъ, которое скандализировало значительную часть его жителей. Шадравъ Бэнъ отдѣлился отъ общины баптистовъ и присоединился къ англиканской церкви. Никого не предупреждая о своемъ намѣреніи, онъ предоставилъ своему семейству засѣдать на шпировой скамьѣ въ Уотерлэнской капеллѣ, а самъ перешелъ на одну изъ дубовыхъ скамей приходской церкви.

«Пускай дѣти мои слушаютъ своихъ любимыхъ проповѣдниковъ», объявилъ м-ръ Бэнъ. «Я не желаю стѣснять ихъ убѣжденій, какъ бы мои собственныя мнѣнія ни измѣнились».

ГЛАВА XLVI.

Сильвія пишетъ письмо.

Эсэирь Рочдель весьма пріятно-провела лѣто. Старая, обыкновенная жизнь текла своимъ порядкомъ въ Декановомъ домѣ. Утро Эсэирь по прежнему отдавала дѣтямъ Элены Сарджентъ. Она учила ихъ, играла съ ними, баловала ихъ, — словомъ, была имъ второй матерью, между тѣмъ какъ томная вдова, изнѣженная тропическимъ климатомъ и трехлѣтней бездѣятельной жизнью въ Демерарѣ, валялась на диванахъ, зѣвала надъ послѣдней книгой изъ бібліотеки и оплакивала своего «дорогого Джорджа». И мать и бабушка осыпали Эсэирь похвалами и благодарностями, но ея обязанности сами по себѣ были пріятны ей, и любовь малютокъ вполне вознаграждала ее за беспокойство. Жизнь Эсэири была наполнена. Она занималась усердно музыкой, потому что ее любилъ Эдмондъ; она читала книги, которыя онъ ей рекомендовалъ и которыя требовали отъ нея большого напряженія ума. У ней были свои бѣдные и больные, которые ее нѣжно любили и которыхъ она никогда не забывала.

Но съ наступленіемъ вечера и возвращеніемъ Эдмонда изъ банка наступалъ для Эсэири праздникъ. Миссисъ Сарджентъ, провалявшись цѣлый день на диванѣ, находила въ себѣ настолько силъ, чтобы присутствовать въ дѣтской, пока дѣти ложились спать, и даже выслушивать ихъ молитвы, хотя отъ послѣднихъ, жаловалась она, у ней дѣлался мигрень. Эдмондъ на весь вечеръ доставался Эсэири безраздѣльно, потому что миссисъ Стенденъ съ материнскимъ самоотверженіемъ считала себя особенно счастливой, когда сынъ и Эсэирь были заняты другъ другомъ и забывали о ней. Завѣтнѣйшее желаніе ея исполнилось, когда она дождалась ихъ обрученія, потому что теперь, — говорила она себѣ, — Эдмондъ навѣрное позабылъ эту негодную Сильвію Керью. Ничто, кромѣ помолвки сына на Эсэири, не могло бы успокоить миссисъ Стенденъ насчетъ этого пункта, но, и помимо этого, она годы тому назадъ задумала этотъ бракъ. Эта мысль о немъ занимала ее еще тогда, когда Эсэирь бѣгала въ короткихъ платьяхъ и пестрыхъ передничкахъ. Она была хорошенькой дѣвочкой, и изъ нея выйдетъ хорошенькая дѣвушка, а Эдмондъ неизбѣжно влюбится въ нее и пожелаетъ на ней жениться, — думала мать, — забывая, что молодые люди рѣдко изъявляютъ желаніе жениться на молодыхъ особахъ, которыхъ они видятъ ежедневно, и

во всякомъ случаѣ не прежде, чѣмъ попадутся разъ или два въ сѣти менѣе знакомыхъ чародѣекъ.

Но теперь все обошлось благополучно. Эдмондъ велъ себя безумно, но излечился отъ своего безумія. Никто не бываетъ такъ благоразумень, какъ человѣкъ, сознающій, что онъ наглушилъ.

До сихъ поръ, однако, рѣчь еще не заходила ни о днѣ свадьбы, ни даже о приданомъ. Влюбленные были счастливы, и не торопились промѣнять эти легкія узы на болѣе тяжелыя цѣпи брачной жизни. Если Эдмондъ заговаривалъ о свадьбѣ, Эсэиръ отклоняла разговоръ безъ дальнѣйшихъ околичностей.

— Я хочу вполне увѣриться въ васъ, прежде чѣмъ выдти за васъ замужъ, говорила она, и хочу, чтобы вы сами хорошенько увѣрились въ своихъ чувствахъ. Я уважаю продолжительное сватанье.

Они часто гуляли вдвоемъ въ лѣтніе сумерки и гедингемскіе сплетники не замедлили открыть, что на этотъ разъ м-ръ Стенденъ дѣйствительно сталъ женихомъ миссъ Рочдель.

— Я слышала это отъ самой миссисъ Стенденъ, миледи, — сказала Мэри Питеръ, передавая эту новость лэди Перриамъ въ одно душное августовское утро.

«Быть можетъ, Сильвія такъ поблѣднѣла въ эту минуту отъ жары, — подумала миссъ Питеръ; — а можетъ быть и потому, что ей непріятно было слышать о предполагаемой женитьбѣ ея перваго поклонника».

«Однако, она не должна была особенно сильно его любить, — размышляла Мэри Питеръ, — иначе не отвернулась бы отъ него такъ хладнокровно, какъ она это сдѣлала».

— Когда назначена свадьба? спросила Сильвія равнодушнымъ тономъ, который ввелъ въ заблужденіе простодушную портниху.

— Не такъ еще скоро, но дѣло рѣшенное. Миссъ Рочдель желаетъ, чтобы свадьба была черезъ годъ, если не больше, говорила мнѣ миссисъ Стенденъ, и я этому не удивляюсь. Такъ пріятно быть невѣстой, а когда люди женятся, то все уже кончено, и любовь какъ будто проходить. Черезъ какихъ-нибудь шесть мѣсяцевъ послѣ свадьбы кажется, что они будто уже десять лѣтъ, какъ женаты. Я знаю, что захотѣла бы быть долго невѣстой, еслибы у меня нашелся женихъ. Мнѣ придется спать нѣсколько платьевъ, говорила миссисъ Стенденъ; поэтому я ужъ навѣрное буду знать, когда свадьба, и сообщу вамъ объ этомъ.

— Сообщите мнѣ объ этомъ! закричала лэди Перриамъ. Неужели вы воображаете, что меня интересуется, на комъ женится м-ръ Стенденъ, и когда онъ женится?

— Нѣтъ, конечно, милэди,—отвѣчала Мэри Питеръ, боясь, что оскорбила ее. Я надѣюсь, что вы не сочтете за дерзость съ моей стороны, что я упомянула объ этомъ, но я полагала, что васъ, быть можетъ, интересуешь немножко м-ръ Стенденъ, такъ какъ онъ былъ когда-то вашимъ женихомъ. Я помню, какія веселыя прогулки совершали мы по вечерамъ... вы, да я, да Алиса Кукъ, и какъ по дорогѣ намъ попадался всегда м-ръ Стенденъ, и какъ онъ всегда желалъ, чтобы мы съ Алисой ушли прочь. Подумать о томъ, что я шила ваше подвѣчное платье, и все время думала, что вы выходите замужъ за м-ра Стендена, тогда какъ вы выходили за сэра Обри, и готовились стать титулованной лэди. Какая чудная жизнь выпала вамъ на долю, Сильвія... прошу прощенія, милэди!

— Чудная жизнь! повторила Сильвія со вздохомъ; да! моя жизнь чудная. Желала бы я знать, каковъ-то будетъ мой вонецъ.

— И счастливая жизнь, надо думать,—замѣтила Мэри:—въ этомъ прекрасномъ домѣ, въ этихъ красивыхъ комнатахъ, убранныхъ по вашему вкусу.

Мэри обвела восхищеннымъ взглядомъ вокругъ наряднаго будуара, отдѣланнаго стараніями лэди Перриамъ.

— И этотъ дорогой мальчикъ, въ его прелестной колыбелькѣ, съ бѣлыми кружевными занавѣсками, подбитыми розовой шелковой матеріей. Миссисъ Трингфольдъ была такъ добра, что позволила мнѣ взглянуть на дорогого малютку, когда я проходила мимо дѣтской. И во всему этому вы вполне свободны.

— Вполнѣ свободна,—повторила Сильвія:—да, нѣтъ никого свободнѣ меня.

Она отпустила Мэри Питеръ и нетерпѣливо запагала по комнатѣ. Темные глаза гнѣвно блистали, и нижняя губка была прикушена маленькими, бѣлыми зубками.

Итакъ, вотъ чѣмъ все это кончилось! Вотъ что дала ей ея свобода. Она вдовѣтъ уже пять мѣсяцевъ и во все это время Эдмондъ Стенденъ не подалъ признака жизни. Она ждала съ изнывающимъ сердцемъ какого-нибудь доказательства, что старая любовь не вполнѣ угасла; что вѣсть о томъ, что она свободна, пробудить его любовь. Онъ такъ любилъ ее въ былое время. Неужели возможно, чтобы такая любовь умерла? Въ ея груди она все еще жила и горѣла адскимъ пламенемъ. Отчего ему такъ легко оказалось позабыть ее, когда память о немъ жила въ ней такъ прочно? Въ былые дни, онъ, повидимому, любилъ ее больше, чѣмъ она его. Онъ былъ готовъ многимъ для нея пожертвовать, жить въ бѣдности и даже работать.

Дни проходили за днями, томительные дни, скука и пустота которыхъ давила нестерпимымъ бременемъ, и ничто не намекало на проснувшуюся любовь Эдмонда Стендена. Она утѣшала себя мыслью, что онъ молчитъ изъ деликатности. Она была еще такъ недавно вдовой. Прѣжній поклонникъ не рѣшался заявить о себѣ. Для него переступить за порогъ Перриамъ-Плэса—значило дать пищу десяткамъ языковъ.

Но онъ могъ бы, по крайней мѣрѣ, написать ей нѣсколько строкъ въ знакъ своего участія и своей симпатіи, и въ нихъ могла бы сверкнуть старая, неумирающая любовь, не высказываемая, но не позабытая; какъ оживило бы такое письмо уединеніе Сильвіи Перриамъ; оно бы принесло ей надежду на будущее счастье. Такого письма не приходило, и отчаянное, полугнѣвное чувство закипало въ этомъ страстномъ сердцѣ. Она пыталась ненавидѣть человѣка, терзавшаго ее своей холодностью, пыталась позабыть его, но все напрасно. Любовь ея была вскормлена уединеніемъ и она никогда энергично не старалась выжить ее изъ своего сердца. Въ лучшее время, когда она была самой почтительной женой для сэра Обри, она всегда лелѣяла одну мечту,—мечту о томъ днѣ, когда смерть сэра Обри освободитъ ее, и Эдмондъ Стенденъ вернется къ ней.

Она освободилась, но Эдмондъ не возвращался.

Пока Мэри Питеръ не сообщила ей о его женитьбѣ, она все еще надѣялась. Зная строгія правила Эдмонда, она утѣшала себя мыслью, что онъ только выжидаетъ, чтобы истекло время ея траура, чтобы ему можно было, не нарушая приличій, явиться къ ней. Сегодняшнее извѣстіе нанесло смертельный ударъ ея надеждамъ. Весь этотъ день и всѣ послѣдующіе она провела въ уединеніи, не выходя изъ своей комнаты даже въ дѣтскую и въ садъ, гдѣ ея ребенокъ, теперь уже хорошенькій годовою мальчикъ, проводилъ длинные лѣтніе дни. Она была такъ блѣдна и молчалива, что горничная подумала, что она, должно быть, больна, и сказала объ этомъ миссисъ Картеръ, которая вскорѣ затѣмъ вошла въ комнату лэди Перриамъ съ встревоженнымъ видомъ.

— Я слышала, что вы нездоровы, и пришла узнать, не могу ли я быть вамъ полезной.

Сильвія не была расположена принимать симпатію, хотя бы и отъ миссисъ Картеръ.

— Вы мнѣ не нужны,—отвѣчала она.—Если бы вы мнѣ понадобились, я бы послала за вами.

Сидѣлка отступилась съ оскорбленнымъ взглядомъ.

— За что вы такъ рѣзко говорите со мной,—сказала она.

— Не могу же я ломать голову надъ тѣмъ, какъ мнѣ говорить съ вами. Вамъ не слѣдовало бы приходить ко мнѣ, когда я за вами не посылала,—возразила Сильвія нетерпѣливо.

Она сидѣла на креслѣ возлѣ открытаго окна въ угрюмой позѣ, и глядѣла прямо передъ собой въ темную даль аллеи и на отдаленную линію холмовъ на горизонтѣ.

— Сильвія,—проговорила миссисъ Картеръ, наклоняясь надъ мрачной фигурой: вы несчастливы, и я имѣю право быть возлѣ васъ... не материнское право только... быть можетъ, я утратила его навѣки... но право человѣка, пожертвовавшаго своимъ покоемъ. Богу извѣстно, что я не знаю ни минуты покоя съ тѣхъ поръ, какъ оказала вамъ эту роковую услугу.

— Развѣ мнѣ отъ этого легче?—воскликнула лэди Перриамъ, съ досадой избѣгая глазъ, глядѣвшихъ на нее съ такой грустной нѣжностью.—Я желала бы, чтобы этого никогда не было. Я бы желала, чтобы все оставалось по старому.

— Этого не можетъ быть, пока смерть не посѣтитъ насъ,—отвѣчала миссисъ Картеръ тономъ глубокаго отчаянія.—Я говорила вамъ тогда, Сильвія, когда на колѣняхъ пыталась отговорить васъ, что такой поступокъ свяжетъ насъ навѣки. Слезы раскаянія, тоска не помогутъ. Дѣло сдѣлано.

— Развѣ отъ вашихъ проповѣдей станетъ легче, вы думаете? закричала Сильвія гнѣвно.—Къ чему вы приходите пытать меня. Мнѣ нужно утѣшеніе, а не пытка.

— Еслибы только я знала, какъ утѣшить васъ, сказала мать съ сожалѣніемъ.

— Для такого горя, какъ мое, не можетъ быть утѣшенія. Я лишилась единственнаго человѣка, котораго любила. Онъ для меня навѣки погибъ.

— Вы говорите про м-ра Стендена.

— Про кого же другого? Онъ единственный человѣкъ, котораго я любила, и вотъ теперь онъ женится на Эсэри Рочдель.

— Увѣрены ли вы въ этомъ?

— Вполнѣ. Это дѣло рѣшенное. Должно быть, мать уговорила его жениться; но какъ бы то ни было, а фактъ тотъ, что онъ помолвленъ. Я думала, что когда онъ услышитъ о смерти сэра Обри и узнаетъ, что я свободна, сердце его снова обратится ко мнѣ. Онъ не могъ позабыть меня. Моя любовь къ нему стала не слабѣе, чѣмъ была два года тому назадъ.

— Но вы не можете же ждать, что онъ этому повѣритъ или проститъ васъ за то, что вы обманули его. Быть можетъ, еслибы

онъ знаетъ, что вы раскаяваетесь въ своемъ обманѣ, то снова обратился бы къ вамъ. Но даже и тогда.....

— Что, «тогда»?

— Вамъ нельзя было бы выйти за него замужъ,—проговорила миссисъ Картеръ испуганнымъ шопотомъ.

Она глядѣла на свою дочь съ страннымъ выраженіемъ, частью съ ужасомъ, частью съ состраданіемъ, словно дивилась, что произвела на свѣтъ такое безжалостное созданіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ льнула къ нему со всѣмъ пыломъ материнской любви.

— Затѣмъ же я пожелала стать свободной? спросила Сильвія.

Миссисъ Картеръ закрыла лицо руками, чтобы скрыть слезы, которыхъ не могла удержать... слезы стыда и гора. Она испытала всю горечь стыда за самое себя, когда испила всю чашу униженія, но стыдъ за своего ребенка казался еще горше.

— Вамъ лучше пойти къ своему больному,—замѣтила Сильвія холодно.

— Иду, — отвѣчала мать.

Она пыталась взять руку Сильвіи, но та съ нетерпѣніемъ оттолкнула ее.

— Вы всегда разстраиваете меня,—проговорила лэди Перриамъ: вы такой кисель. Еслибы у меня былъ другъ энергичскій и твердый, на котораго бы я могла понадѣяться, я могла бы оставить этотъ ненавистный домъ. Но могу ли я рассчитывать, что вы станете отстаивать мои интересы, пока я буду находиться въ отсутствіи? Это значило бы хвататься за соломенку.

— Мнѣ очень больно, что вы считаете меня такой ничтожной,—отвѣчала миссисъ Картеръ, съ оттѣнкомъ горечи въ своемъ спокойномъ тонѣ:—а сослужила вамъ вѣрную службу, наперекоръ своей совѣсти.

— Ступайте, и прежде чѣмъ носиться съ своей совѣстью, постарайтесь припомнить, что я вытащила васъ изъ грязи.

Ударъ попалъ въ цѣль... лицо миссисъ Картеръ, всегда блѣдное, совсѣмъ помертвѣло при этомъ ядовитомъ намека. Она вышла не говоря ни слова, и Сильвія Перриамъ осталась одна. Она встала и прошлась по комнатамъ въ нервномъ возбужденіи.

«Онъ можетъ и не знать, что я сожалѣю о немъ, — говорила она самой себѣ, ухватившись за предположеніе матери.— Онъ можетъ не знать, что я любила его даже тогда, когда измѣнила ему, что я всей душой любила его тогда, когда обманула его. Но онъ узнаетъ это! онъ узнаетъ про мое разбитое сердце, прежде чѣмъ женится на Эсэири Рочдель. Я поставила на карту такъ много, чтобы привлечь его, что не могу не рискнуть еще

большимъ. Онъ уже и безъ того презираетъ меня. Если попытка моя не приведетъ ни къ чему, его презрѣнiе врядъ ли станетъ сильнѣе. Онъ узнаетъ, что я у его ногъ, и тогда пускай отвернется отъ меня, если можетъ».

Она усѣлась за письменный столъ съ синимъ бархатомъ и инкрустаціями, далеко непохожій на тотъ старенькій пюпитръ краснаго дерева, на которомъ дочь школьнаго учителя привыкла писать свои письма. Она написала нѣсколько строкъ трепетной рукой, но твердымъ почеркомъ... написала Эдмонду Стендену впервые послѣ того рокового письма, которымъ порвались ихъ прежнія отношенія.

«Сочтеть ли онъ мой поступокъ неженственнымъ, или будетъ ему радъ?—спрашивала она и затѣмъ пробормотала съ горькимъ смѣхомъ:—Женственность! Я навѣки распрощалась съ ней, когда измѣнила человѣку, котораго горячо любила, затѣмъ, чтобы выдти замужъ за сэра Обри Перриама».

ГЛАВА XLVII.

С т а р а я л ю б о в ь .

Былъ ли Эдмондъ Стенденъ счастливъ? Онъ силился увѣрить себя, что его доля—доля счастливѣйшаго человѣка въ мірѣ. Въ дѣловой сферѣ онъ дѣйствовалъ успѣшно; его цѣнили директоры и акціонеры Монвгемптонскаго отдѣленія западно-союзнаго банка. Дома ему жилось хорошо; семья обожала его; онъ былъ помолвленъ на женщину, уважаемой имъ, любившей его преданно, и состояніе которой должно было увеличить его собственное богатство. Онъ долженъ былъ быть счастливъ. Онъ былъ молодъ, здоровъ, независимъ, зналъ, что трудъ для него не будетъ однообразной работой изъ-за куска хлѣба, но лишь пріятнымъ времяпровожденіемъ, которое онъ тотчасъ же можетъ оставить, если оно покажется ему утомительнымъ. Онъ зналъ, что отцовскіе капиталы обезпечены теперь за нимъ, потому что мать показывала ему свое завѣщаніе, по которому оставляла Эленѣ Сарджентъ только свои сбереженія, а все остальное имущество предоставляла сыну.

— Врядъ ли я когда-либо измѣню это завѣщаніе, Эдмондъ, или пригрожу тебѣ лишеніемъ наслѣдства, — замѣтила при этомъ миссисъ Стенденъ, которая была положительно въ восторгѣ оттого, какъ устроились дѣла. Она, безъ сомнѣнія, стала бы торопить свадь-

бой, но встрѣтила сопротивленіе со стороны Эсэири и нѣкоторое равнодушіе въ Эдмондѣ.

— Въ сущности, матушка, — говорилъ онъ, — если Эсэири желательно отложить свадьбу, то почему намъ не исполнить ея желанія? Мы счастливы и такъ.

— Если ты счастливъ, Эдмондъ, то это все, что мнѣ нужно. И я не боюсь, что Эсэиръ перемѣнитъ свое намѣреніе.

Такимъ образомъ, повидимому, все уладилось ко всеобщему удовольствію.

«Я долженъ быть вполне счастливъ», — говаривалъ самому себѣ Эдмондъ, гораздо чаще, чѣмъ это обыкновенно дѣлаютъ люди, вполне счастливые.

Въ самомъ дѣлѣ, счастье отличается такимъ нѣжнымъ ароматомъ, что мы рѣдко ощущаемъ его, пока не лишимся. Послѣ того уже мы оглядываемся назадъ и сознаемъ, что были счастливы. Мало кто толкуетъ о счастіи въ настоящемъ времени.

Эдмондъ находилъ, что въ его настоящемъ состояніи не было того очарованія, какое онъ испытывалъ въ тотъ краткій періодъ счастія, когда былъ женихомъ Сильвіи. Онъ пытался вернуть прошлыя мечты о счастливой семейной жизни, измѣняя лишь центральную фигуру въ картинѣ. Тщетныя усилія! онъ находилъ, что картина не создается по прежнему. Она утратила свой блескъ и краски. Онъ закрывалъ глаза на внѣшній міръ и старался погрузиться въ мечты о будущемъ счастіи, но мечты не приходили. Вслѣдствіе этого, м-ръ Стенденъ болѣе, чѣмъ когда-либо, предавался работѣ, проводилъ больше времени за конторкой и возбуждалъ ненависть въ своихъ подчиненныхъ неусыпнымъ вниманіемъ ко всѣмъ мелочамъ, и возвращался иногда домой такой усталый, что чувствовалъ себя не въ состояніи идти гулять или даже пѣть свои любимыя дуэты, и радъ былъ сидѣть въ креслахъ напротивъ матери, между тѣмъ, какъ Эсэиръ играла или пѣла ему. Она и пѣла и играла съ такимъ чувствомъ, что зачастую слезы наворачивались на глаза ея жениха, но слезы эти проливались не о ней. То были малодушныя слезы о той, которая, онъ зналъ, была ихъ недостойна. Тщетно старался онъ подавить сожалѣнія, которыя считалъ и малодушными и преступными. Эта борьба достигла своего зенита, когда въ одно утро онъ напелъ въ банѣ, въ числѣ другихъ писемъ, письмо лэди Перриамъ. Сильвія была слишкомъ осторожна, чтобы адресовать свое посланіе прямо въ Декановъ домъ.

Письмо было очень кратко.

«Любезный м-ръ Стенденъ.

Мнѣ необходимо сдѣлать вамъ сообщеніе, которое, мнѣ кажется, вамъ слѣдуетъ выслушать. Я не смѣю просить васъ пожаловать ко мнѣ, чтобы не скомпрометтировать васъ и себя. Поэтому, согласны ли вы свидѣться со мной завтра вечеромъ, въ девять часовъ, на Перриамскомъ кладбищѣ?

Преданная вамъ,

Сильвія Перриамъ.

Перриамъ-Плэсъ, среда“.

Это звучало холоднымъ и дѣловымъ образомъ. То было, по-видимому, письмо женщины, позабывшей о томъ, что ее связывали нѣвогда такія нѣжныя узы съ человѣкомъ, въ которому она писала. Эдмондъ долгое время вертѣлъ въ рукахъ вѣточекъ раздуженной бумаги, раздумывая объ этомъ удивительномъ приглашеніи. Неужели онъ исполнить ея дерзкую просьбу, зная слишкомъ хорошо слабость собственнаго сердца? Первымъ его отвѣтомъ на это приглашеніе былъ отказъ. Онъ не пойдетъ.

Затѣмъ наступило раздумье, которое такъ часто бываетъ гибельно. Неужели она написала бы, еслибы не имѣла сильныхъ, побудительныхъ къ тому причинъ? Какое сообщеніе могла она ему сдѣлать? Только одинъ секретъ было бы ему приятно услышать изъ ея устъ, но желаніе это было болѣе нежели легкомысленно.

Быть можетъ, она скажетъ ему, что невѣрность ея, чуть не разбившая ему сердца, была невольной съ ея стороны! Что вліянія, болѣе сильныя, чѣмъ онъ могъ представить или вообразить, принудили ее къ такому неженственному поступку! Что алчность отца, а не ея собственное честолюбіе, сдѣлала ее женой сэра Обри Перриама! Она можетъ все это сказать ему, но къ чему оно послужитъ? Будь она совсѣмъ безпорочна въ его глазахъ, это не сблизитъ ихъ теперь, когда онъ нареченный женихъ Эс-ири Рочдель. Но возможно, однако, и то, что она ищетъ этого свиданія вовсе не затѣмъ, чтобы каяться въ грѣхахъ. Быть можетъ, ей крайне необходима его помощь. Онъ зналъ, что она совсѣмъ одинока. А онъ дѣловой человѣкъ и нѣвогда любилъ ее. Къ кому же ей обратиться, какъ не къ нему?

«Я былъ бы подлецъ, еслибы отказалъ ей въ просьбѣ», — сказалъ онъ самому себѣ, и написалъ двѣ-три строчки въ отвѣтъ на письмо лэди Перриамъ, въ которыхъ обѣщалъ явиться на кладбище въ назначенный часъ.

Но не успѣлъ онъ отправить письма, какъ раскаялся въ томъ, что написалъ его. Онъ подумалъ, какой нехорошій видъ будетъ имѣть это свиданіе въ глазахъ Эсэири, еслибы по какой-нибудь несчастной случайности она узнала о немъ. А деревенскіе жители обружены шпионами.

Не написать ли ему новое письмо и взять назадъ свое обѣщаніе? Онъ раздумывалъ объ этомъ весь день, но не написалъ таковаго письма.

По мѣрѣ того, какъ день проходилъ, чувство своей какъ-бы виновности овладѣло имъ, и ему неприятно показалось увидѣться съ Эсэирию Рочдель и съ матерью, прежде чѣмъ онъ не свидится съ лэди Перриамъ. Онъ велѣлъ принести себѣ обѣдъ изъ таверны и оставался въ банѣ и во все послѣобѣденное время, просматривая счета и пиша дѣловыя письма; оставался до тѣхъ поръ, пока монтегемптонскіе часы пробили безъ четверти восемь.

Отъ банка до Перриама былъ почти часъ ходьбы. М-ръ Стенденъ оставилъ себѣ четверть часа про запасъ, но вмѣсто того, чтобы идти размѣреннымъ шагомъ и оставаться хладнокровнымъ, какъ намѣревался, нустился почти бѣгомъ и вступилъ на маленькую тропинку, ведущую къ перриамской церкви въ половинѣ девятаго, пробѣжавъ все пространство въ три четверти часа.

Ему ничего не оставалось въ остальные полчаса, какъ выкурить сигару или двѣ, и бродить между могилами, размышляя о бренности всего земного и сожалѣя о собственномъ безуміи, которое попустило Сильвію Перриамъ поддѣть его на это вечернее *rendez-vous*.

Горькія мысли носились у него въ головѣ въ эти долгіе полчаса, и, однако, онъ жаждалъ ея прихода и звукъ легкихъ шаговъ по террасѣ надъ нимъ заставилъ его сердце такъ же забиться, какъ оно билось въ былые лѣтніе вечера, когда онъ дожидался свою милую подъ орѣшникомъ: тотъ же жаръ, то же нетерпѣніе, та же страсть охватили его, хотя онъ и былъ нареченнымъ женихомъ Эсэири Рочдель.

Легкіе шаги прошли вдоль всей террасы и онъ увидѣлъ, какъ черная фигура остановилась у низкихъ желѣзныхъ воротъ, отворила ихъ, и затѣмъ спустилась съ нѣсколькихъ ступенъ до калитки, которая вела на кладбище. Луна ярко свѣтила на небѣ, и красота Сильвіи казалась какой-то фантастической при мягкомъ, серебристомъ освѣщеніи, въ то время, какъ она медленно приближалась къ нему—стройная и граціозная въ своемъ черномъ одѣяніи, на которомъ лицо ея выдѣлялось своей мраморной блѣдностью.

— Это очень любезно съ вашей стороны, — трепетно проговорила она, протягивая ему свою маленькую ручку безъ перчатки.

Трудно задушить страсть. Онъ намѣревался быть холоднымъ, какъ ледь... нечувствительнымъ, какъ домашній стряпчій. Но взявъ дрожащую руку и сжалъ ее такъ же нѣжно, какъ и въ ту пору, когда считалъ эту дѣвушку воплощенной невинностью и самой искренностью.

— Боже мой, — сказалъ онъ. Вы, конечно, знали, что вамъ стоило кликнуть и я приду. Но прежде чѣмъ вы скажете мнѣ еще слово, я долженъ, какъ честный человѣкъ, объявить вамъ, что я пришелъ сюда женихомъ Эсеири Рочдель.

— Я знала это, когда писала вамъ, — отвѣчала лэди Перриамъ, устремивъ на него лихорадочный, но твердый взглядъ. Я знала, что вы придете сюда нареченнымъ женихомъ Эсеири Рочдель, но мнѣ казалось, что необходимо, чтобы вы узнали правду о мнѣ, прежде чѣмъ женитесь.

— Я знаю достаточно, лэди Перриамъ, — возразилъ Эдмондъ, выпуская маленькую ручку и облекаясь въ ту броню холодности, которую онъ намѣревался не снимать во все время свиданія. — Я знаю, что вы одурачили меня затѣмъ, чтобы выдти замужъ за человѣка болѣе богатаго и занимающаго болѣе высокое положеніе въ обществѣ, чѣмъ я. Чего же мнѣ еще нужно?

— Нѣтъ. Вамъ нужно знать, почему я это сдѣлала, — отвѣчала Сильвія, голосомъ, который потрясъ его.

Онъ звучалъ искренностью. Но вѣдь у страсти есть своя искренность... искренность данной минуты.

— У женщины всегда найдется тысяча хорошихъ резоновъ на всякій свой дурной поступокъ, — отвѣтилъ рѣзко Эдмондъ. — Мнѣ достаточно знать, что я былъ обиженъ, не входя въ разбирательство причинъ. Результатъ остается тотъ же самый.

— Развѣ вы думаете, что я ради себя вышла замужъ за сэра Обри?

— Разумѣется. Вѣдь кому же былъ выгоденъ этотъ бракъ, какъ не вамъ.

— Неужели вы можете думать, что я, любившая васъ такъ нѣжно, откажусь отъ васъ, еслибы меня не вынудила къ тому самая крайняя необходимость.

— Какая могла быть необходимость, кромѣ вашего личнаго честолюбія? Вы слишкомъ часто высказывали мнѣ свое отвращеніе къ бѣдности. Васъ пугала жизнь, которую я предлагалъ вамъ и которая должна была быть трудовой. Вамъ показалось недостаточно, что я надѣялся на свои силы, что я общался тру-

даться для васъ. Сэръ Обри могъ дать вамъ богатство и роскошь въ настоящемъ, и вы выбрали сэра Обри.

— Я выбрала сэра Обри потому, что мать моя умирала съ голоду на чердакѣ въ Лондонѣ, и моей единственной надеждой поддержать ея существованіе было замужество съ сэромъ Обри. Вы были мужественны. Вы были готовы начать жизнь безъ гроша и трудиться для меня. Но если я уже лично становилась бременемъ для васъ... лишала васъ вашего положенія... наслѣдства... то неужели же я могла также наложить на васъ новое бремя въ лицѣ моей матери? Однако мнѣ приходилось это сдѣлать, или оставить ее умереть съ голоду, если я выйду за васъ замужъ. Ради моей матери я пожертвовала собственнымъ счастьемъ и вышла замужъ за сэра Обри Перриама.

Эдмондъ глядѣлъ на нее въ теченіе нѣсколькихъ секундъ въ нѣмомъ изумленіи. Лицо ея и голосъ дышали искренностью.... такъ нельзя лгать. Онъ повѣрилъ ей, помимо своей воли.

— Какимъ образомъ случилось, что я никогда не слыхалъ о вашей матери: или слыхалъ только, что она давно умерла? Вы говорили мнѣ, что никогда не видали ея лица, что она умерла, когда вы были младенцемъ.

— Такъ я думала до вечера, послѣдовавшаго за швольнымъ праздникомъ, — отвѣчала Сильвія; и въ краткихъ, но краснорѣчивыхъ словахъ набросала ему сцену появленія ея матери... ея грѣшной, но раскаявшейся матери... описала всю ея нищету, но приписала себѣ болѣе сильное состраданіе, чѣмъ то, которое она когда-либо въ ней испытывала, и растрогала своего слушателя. Она описала ихъ разставанье, — какъ удрученная горемъ мать поцѣловала и благословила ее, и какъ она, Сильвія, обѣщала помочь ей, хотя бы цѣной личнаго счастья.

— Черезъ недѣлю послѣ этого разставанія сэръ Обри предложилъ мнѣ свою руку. Я помнила обѣщаніе, данное матери. Я знала, что если я выйду за него замужъ, то мнѣ легко будетъ сдержать свое обѣщаніе, а если я выйду за васъ, то почти невозможно. Я подумала, какимъ несчастіемъ будетъ для васъ нашъ бракъ; какихъ большихъ жертвъ онъ потребуетъ отъ васъ, и молила Бога даровать мнѣ силу отказаться отъ васъ и выдти за богатаго старика, который могъ дать мнѣ возможность спасти мою мать отъ нищеты. Неужели я была такой презрѣнной, каковой вы, по видимому, сочли меня, Эдмондъ?

— Презрѣнной! вскричалъ Эдмондъ: — нѣтъ, Сильвія, не презрѣнной, но заблуждающейся, жестоко заблуждающейся. Я бы такъ же охотно сталъ трудиться для вашей матери, какъ и для

вась...безропотно трудился бы... и были бы мы бѣдны или богаты, но она раздѣлила бы нашу кровь.

— Вы сами не знаете, что говорите, Эдмондъ. Моя мать не такая женщина, которую вы могли бы признать безъ стыда. Она была грѣшницей.

— Но рассказала. Я бы не стыдился ея раскаянія. Она бы жила съ нами въ мирѣ и спокойствіи, и никто бы не осмѣлился попрекать ее прошлой жизнью.

— О! вскричала Сильвія съ отчаяніемъ, еслибы я знала, что вы можете быть такъ великодушны.

— Вы не имѣли права сомнѣваться въ моемъ великодушіи, или, лучше сказать, въ моемъ челоѵколюбіи. Вѣдь это скорѣе вопросъ челоѵколюбія, чѣмъ великодушія. Неужели вы могли думать, что я допущу вашу мать умереть съ голода?

— Жизнь могла бы показаться вамъ очень трудной, Эдмондъ.

— Я бы выдержалъ борьбу, какъ бы она ни была трудна. Я бы сталъ пасти овецъ въ Австраліи, еслибы мнѣ не удалось заработать свой хлѣбъ въ Англій.

Сильвія молчала. Картина того, какъ бы Эдмондъ пасъ овецъ въ Австраліи, хотя и весьма возвышенная съ отвлеченной точки зрѣнія, не прельщала ее. Однако, при томъ, какъ сложились обстоятельства, она охотнѣе бы пожелала быть подругой эмигранта-работника, чѣмъ тѣмъ несчастнымъ созданиемъ, каковымъ она была теперь, придавленная къ землѣ мрачной тайной.

— Я сказала вамъ всю правду, Эдмондъ,—произнесла она послѣ минутнаго молчанія, во время котораго оба казались погруженными въ собственныя мысли.

Эдмондъ стоялъ прислонясь къ оградѣ одной могилы, отвернувъ лицо отъ лэди Перриамъ, словно боялся какъ бы она не прочла на немъ ту жестокую борьбу, какую онъ выдерживалъ съ охватившей его страстью.

— Я все сказала вамъ,—повторила она:—можете ли вы простить меня?

— Мнѣ нечего прощать. Вы поступили такъ, какъ считали справедливымъ. Я могу только сожалѣть, что вы такъ мало довѣряли моей любви и моему умѣнью помочь тѣмъ, кого вы любите. Я надѣюсь, что вы устроили свое собственное счастье тѣмъ самымъ, чѣмъ въ концѣ погубили мое.

— Мое собственное счастье! повторила она задумчиво. Развѣ вы думаете, что я измѣнила вамъ, ради своего собственнаго счастья? Неужели вы думаете, что я все гнала, когда обнимала вась въ тотъ день на Гедингемскомъ кладбищѣ?

Отвѣта не было. Онъ стоялъ, точно скала, глядя прямо передъ собой холоднымъ пристальнымъ взглядомъ, приказывая своему сердцу биться тише, тому сердцу, страстное бѣненіе котораго выдавало поддѣльность его наружнаго спокойствія.

— Развѣ вы сомнѣвались въ моей любви, Эдмондъ?—спросила Сильвія, задѣтая этимъ безпощаднымъ хладнокровіемъ.

— Я вѣрилъ въ нее такъ же, какъ вѣрилъ въ розы, которыя цвѣли въ томъ году... и завяли,—отвѣчалъ онъ. Ваша любовь умерла вмѣстѣ съ ними.

— Она никогда не умирала. Она наполняла мое сердце, когда я намѣнила вамъ. Да; когда я стояла передъ алтаремъ съ сѣромъ Обри Перриамомъ, я васъ мысленно видѣла около себя. Вамъ изрекала я клятвы, когда клялась быть любящей, вѣрной и послушной женой. Остальное было гаднымъ сномъ.

Снова молчаніе, во время котораго Сильвія чувствовала, какъ сердце застывало въ ней, точно она стояла въ ледяномъ дворцѣ сѣверныхъ боговъ и медленно замерзала.

Затѣмъ послышался тихій, хладнокровный голосъ, точно онъ спрашивалъ самыя обыденныя вещи:

— Это то сообщеніе, какое вы хотѣли мнѣ сдѣлать, лэди Перриамъ?

— Да, что другое могла я вамъ сказать? Да, я призвала васъ, чтобы сказать слѣдующее: вы не отдадите своего сердца Эсэри Рочдель, не узнавъ тайны моего сердца. Я никогда не переставала васъ любить. Я никогда въ дѣйствительности не измѣняла вамъ. Я пожертвовала собственнымъ покоемъ для жалкаго, беспомощнаго существа, у котораго вся надежда была только на меня. И вотъ я снова свободна... свободна и богата... и вѣрна вамъ. Неужели вы позабудете старыя клятвы, ту вѣчную любовь, о которой вы такъ часто говорили мнѣ? Неужели вы отвергнете меня, чтобы жениться на этомъ провинціальномъ фениксѣ, миссъ Рочдель?

— Увольте мою будущую жену отъ вашихъ насмѣшекъ, лэди Перриамъ. Да, я женюсь на миссъ Рочдель, и если не буду съ ней такъ счастливъ, какъ нѣкогда мечталъ быть съ вами, то виной этому будетъ мое собственное безуміе, а не недостатокъ прелести въ моей женѣ.

— Это значитъ, что вы ее не любите! воскликнула Сильвія.— О, Эдмондъ! Я знаю, что я кажусь презрѣнной въ вашихъ глазахъ, еще презрѣннѣе сегодня, чѣмъ тогда, когда на видъ измѣнила вамъ! Я знаю, что жестоко нарушила всѣ законы приличія, что выкинула себя изъ ряда добродѣтельныхъ женщинъ,

когда рѣшилась призвать васъ на это свиданіе. Презирайте меня, сколько вамъ угодно, Эдмондъ: я вполне чувствую, какой глубокой позоръ навлекла на себя этимъ поступкомъ, но могу перенести и это. Женитесь на Эсэири Рочдель! Да, вы правы! Она достойна васъ! Она добра, чиста, вѣрна... у ней всѣ добродѣтели, которыхъ у меня нѣтъ. Женитесь на ней и забудьте меня! Я довольна теперь, что вы знаете истину. Выкиньте меня навѣки изъ своей памяти, если хотите; но если вы вспомните меня когда-нибудь, то не думайте обо мнѣ, какъ о безусловно низкомъ созданіи. А теперь оставьте меня и ступайте къ миссъ Рочдель.

Она протянула впередъ руку, какъ - бы давая ему знакъ удалиться.

До этого момента Эдмондъ стоялъ возлѣ увитой плющемъ ограды Перриамской могилы, неподвижный, отчаянно борясь съ малодушной и безумной любовью, которая соблазнила его развѣять по вѣтру правду, благородство, честь, и прижать къ груди этого лживаго идола. Но теперь, когда она отошла отъ него и медленно удалялась въ лунномъ сіяніи, точно видѣніе, ускользавшее изъ его руки... роковое безуміе снова овладѣло имъ, страсть вновь покорила его и сдѣлала своимъ рабомъ. Онъ простеръ впередъ руки... въ три прыжка очутился возлѣ нея... и схватилъ ее, какъ-бы собираясь больше никогда не выпускать ее изъ своихъ объятій.

— Оставьте васъ, забыть васъ, идти къ другой женщинѣ! Нѣтъ, Сильвія, вы знаете, что я не могу этого сдѣлать. Вы знали это, когда заманили меня сюда сегодня вечеромъ; вы знали, что я буду у вашихъ ногъ. Я вернулся въ ваши сѣти. Вы призвали меня. Я вашъ на жизнь и на смерть! Я буду обезчещенъ, я вѣтвоступникъ, я ничтожнѣйшій и малодушнѣйшій изъ людей, но я вашъ, вашъ, вашъ навѣки!

А. Э.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е іюля, 1874.

Кто будетъ строить двѣ новыя желѣзныя дороги?—Вопросъ объ эксплуатаціи дорогъ.—Преобразование гербового сбора.—Особенности новаго устава.—Новая воинская повинность и выселеніе.—Судебныя дѣла.—Вопросъ о замѣнѣ тѣлеснаго наказанія для ссыльныхъ женщинъ.—Результаты выпускного экзамена въ гимназіяхъ за 1873 годъ.

Результаты послѣднихъ желѣзно-дорожныхъ подписокъ, повидимому, еще не для всѣхъ выяснили необходимость возвратиться къ системѣ государственной постройки желѣзныхъ дорогъ. По крайней мѣрѣ, по свѣдѣніямъ „Моск. Вѣд.“, разногласіе, возникшее по этому предмету между министерствами финансовъ и путей сообщенія, продолжаетъ существовать. Мы сообщали, въ предшествующемъ обзорѣ, что въ ближайшее время предстоитъ постройка дорогъ донецкой и мелитопольской, при чемъ и представится случай оказать предпочтеніе непосредственной постройкѣ отъ государства. Теперь московская газета сообщаетъ, что министерство путей сообщенія стоитъ за казенную постройку этихъ линій, въ такомъ смыслѣ, чтобы, до окончательнаго рѣшенія вопроса объ избраніи способа постройки желѣзныхъ дорогъ вообще, на будущее время, „сдѣлать еще два новые опыта казенной постройки, которые, впрочемъ, не могутъ кончиться ранѣе двухъ лѣтъ,“—такъ какъ донецкая каменно-угольная дорога внесенная въ сѣтъ 1870 г., должна имѣть протяженіе въ 555 верстъ, а мелитопольская, утвержденная въ прошломъ году, — 362 версты. Такимъ образомъ, если ожидать результатовъ новаго опыта, какъ предлагаетъ министерство путей сообщенія, то „надо отказаться на два или полтора года (до осени 1875 г.) отъ услугъ промышленности въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ“. Съ своей стороны, министерство финансовъ, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, вообще жалуется на „происшедшія въ послѣдніе два года замедленія въ постройкѣ новыхъ желѣзныхъ

дорогъ и находить неудобнымъ оставлять частную промышленность въ неопредѣленномъ отношеніи къ желѣзно-дорожному дѣлу, тѣмъ болѣе, что признаетъ казенный способъ постройки крайне невыгоднымъ и опасается, что онъ вовлечетъ казну въ неопредѣленные, неизвѣстные расходы, которые могутъ отбросить наши финансы въ прежнее разстроенное положеніе". Сообщая эти свѣдѣнія, московская газета основательно замѣчаетъ, что если „подъ частной промышленностью“, о которой заботится министерство финансовъ разумѣть извѣстныхъ предпринимателей, то всѣ они въ настоящее время заняты постройками дорогъ, которыя газета и перечисляетъ вмѣстѣ съ именами представителей нашей „частной промышленности“, а затѣмъ—что самая эта промышленность, по условіямъ своей дѣятельности, только въ малой степени можетъ быть признаваема частною. Нельзя не согласиться съ этимъ взглядомъ, который не разъ уже былъ высказанъ въ печати, и именно, что предоставляя на постройку желѣзныхъ дорогъ три четверти капитала, гарантируя доходъ съ остальной четверти, оказывая, кромѣ того, особыя ссуды и субсидіи, вслѣдствіе которыхъ инныя компаніи вошли въ почти неоплатные долги казнѣ, правительство въ дѣйствительности само давало всѣ средства на постройку дорогъ,—не исключая и строителей-техниковъ, которыхъ само приготавливало,—а между тѣмъ вводило въ дѣло мнимыхъ представителей промышленной силы, концессіонеровъ, которыхъ роль при этомъ ограничивалась извлеченіемъ барышей изъ постройки и внесеніемъ въ акціонерную форму, приданную эксплуатаціи, принципа совершенной призрачности. Единственнымъ объясненіемъ привлеченія къ постройкѣ такого, ненужнаго при нашихъ условіяхъ строительства, лица, какъ концессіонеръ, было то, что посредствомъ его казна какъ будто бы застраховывала себя отъ впаденія въ „неопредѣленные, неизвѣстные расходы“; но это объясненіе оказалось совершенно неудовлетворительнымъ въ виду тѣхъ огромныхъ дополнительныхъ пожертвованій, которыя казнѣ пришлось сдѣлать въ видѣ огромныхъ и дешевыхъ ссудъ и разнообразныхъ доплатъ. Наступило, наконецъ, время положить конецъ этому недоразумѣнію, невыгодному и въ экономическомъ и въ нравственномъ смыслѣ: пусть строятъ тотъ, на чьи средства происходитъ постройка и на комъ отзываются ея послѣдствія. Можно, конечно, пожалѣть, что такое убѣжденіе выяснилось только теперь, когда уже построено болѣе 15 тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ, когда выстроены всѣ главныя линіи; но „лучше поздно, чѣмъ никогда“, и изъ того, что концессіонерамъ переплачено доселѣ много денегъ, никакъ не слѣдуетъ, что должно и впредь продолжать дѣлать то же самое.

Очень можетъ быть, что гг. Полякову, Губонину, Кроненбергу,

Варшавскому, фонъ-Мекку и другимъ представителямъ той „частной промышленности“, которая строить въ Россіи желѣзныя дороги не на свои деньги, какъ за-границею, но на казенныя средства, „неудобно оставаться въ неопредѣленномъ отношеніи къ желѣзно-дорожному дѣлу“ на два года, не смотря на то, что на это время они всѣ уже стоятъ въ весьма опредѣленномъ отношеніи не только къ тѣмъ дорогамъ, которыя ими эксплуатируются, но и къ тѣмъ новымъ линіямъ, ими разобраннымъ, которыя они строятъ,—но это неудобство весьма бы легко устранить. Стоило бы только дать общему вопросу окончательное рѣшеніе въ настоящее время, когда для него уже должно быть собрано достаточно данныхъ, послѣ постройки 15 тысячъ верстъ. Въ правила 30 марта прошлаго года, которыя были подвергнуты такимъ измѣненіямъ при первомъ же примѣненіи ихъ къ четыремъ недавно отданнымъ линіямъ, стоило бы только ввести теперь же небольшое дополненіе, а именно, что изъ указанныхъ въ нихъ способовъ постройки, рѣшительное преимущество отдается на будущее время непосредственной постройкѣ отъ государства, къ другимъ же способамъ дозволяется прибѣгать только въ исключительныхъ случаяхъ и не иначе, какъ по внесеніи дѣла каждый разъ на высочайшее утвержденіе чрезъ государственный совѣтъ. Тогда „частная промышленность“, видя вопросъ рѣшеннымъ, не испытывала бы уже никакого „неудобства“ отъ неопредѣленности своего къ нему отношенія.

Такое устраненіе ея отъ дѣла нисколько, впрочемъ, не помѣшало бы готовности каждаго изъ концессионеровъ явиться тотчасъ-же, и даже перебывая дѣло другъ у друга, на первый призывъ правительства въ какомъ-либо исключительномъ случаѣ; потому именно, что никакихъ запасныхъ средствъ для строительства они держать не могутъ и не имѣютъ нужды, такъ какъ средства имъ всегда даются правительствомъ же. Предположеніе министерства путей сообщенія относительно двухъ первыхъ, подлежащихъ постройкѣ линій, если оно вѣрно передано московской газетой, имѣетъ неудобства полумѣры. Опытовъ сдѣлано довольно и никакой нужды въ новыхъ опытахъ нѣтъ; всѣ условія желѣзно-дорожнаго строительства уже разъяснились въ настоящее время до очевидности, и требуется именно только то, чтобы оно поставлено было прямымъ образомъ, чтобы изъ него была устранена фальшь и всѣ тѣ притрачныя формы, которыя представляютъ собою недоразумѣнія, нынѣ вполне разъясшившееся, по крайней мѣрѣ въ обществѣ. Объ этомъ послѣднемъ фактѣ свидѣтельствуетъ весьма замѣтное преобладаніе въ нашей печати, не смотря на различіе оттѣнковъ, убѣжденія, что дороги, при наличности нашихъ условій, должны стро-

итися непосредственно казною. Мы прибавимъ, что со временемъ, то воззрѣніе на этотъ вопросъ, которое раздѣляется нынѣ обществомъ и большинствомъ печати съ одной стороны, министерствомъ путей сообщенія, съ другой, уступить мѣсто болѣе логически-радикальному взгляду. Теперь и въ печати, и въ предположеніяхъ строительнаго вѣдомства слышится только одно требованіе—чтобы постройка дорогъ производилась непосредственно государствомъ, но съ тѣмъ, чтобы построенныя дороги передавались для эксплуатаціи частнымъ компаниямъ. Трудно однако было бы указать логическую связь этого послѣдняго ограниченія съ первымъ требованіемъ приверженцевъ государственной инициативы въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ. Почему если постройка желѣзныхъ дорогъ будетъ лежать непосредственно на государствѣ, эксплуатація ихъ непременно должна находиться въ частныхъ рукахъ? Правда, на постройку три четверти капитала даетъ казна, но вѣдъ и доходъ съ эксплуатаціи, по болѣе части, гарантируется казною. Въ дѣйствительности болѣе можно сказать въ пользу постройки дорогъ частною инициативою, чѣмъ въ пользу предоставленія ихъ эксплуатаціи въ частныя руки. Постройка желѣзныхъ дорогъ частною инициативою, на частныя средства есть явленіе вполне естественное; если у насъ эта система оказывается фальшивою и невыгодною—то только потому, что частная постройка происходитъ въ дѣйствительности на средства казенныя. Но предоставленіе эксплуатаціи такихъ жизненныхъ артерій современнаго государственнаго и общественнаго быта, какъ желѣзные пути, въ монополію нѣсколькимъ частнымъ компаниямъ, само по себѣ было и есть нисколько не желательно. Оно означаетъ эксплуатацію въ дурномъ смыслѣ этого слова: неподвижность тарифовъ, недоступность желѣзно-дорожныхъ путей для дешевыхъ продуктовъ, неудобство ихъ для пассажировъ низшаго класса, чрезмѣрную экономію на подвижномъ составѣ, которая ведетъ къ стѣсненію движенія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно перестаетъ быть доходнымъ,—чрезмѣрную экономію на ремонтѣ пути и на числѣ прислуги, послѣдствіемъ чего бываетъ частость несчастныхъ случаевъ и т. д. Огражденная своими концессіями отъ требованій государства, какъ упорно держалась частная эксплуатація дорогъ въ Европѣ противъ всѣхъ требованій общественнаго мнѣнія, основанныхъ на томъ, что желѣзныя дороги должны удовлетворять общественнымъ выгодамъ и удобствамъ. Какой долговременной борьбы стоило во Франціи и Англіи печати добиться отъ компаний самыхъ элементарныхъ удобствъ для пассажировъ низшаго класса. Въ Англіи, только благодаря той силѣ общественнаго надзора, которая выразилась въ необыкновенной энергіи судовъ, удалось сдѣлать пренебреженіе къ ремонту и экономію на числѣ

прислуги невыгодными для компаній, вслѣдствіе громаднѣхъ суммъ вознагражденія, какія присуждаются съ нихъ судами семействамъ лицъ, подвергшихся несчастнымъ случаямъ по винѣ компаній, или пассажирамъ, потерпѣвшимъ денежный ущербъ отъ неточности исполненія росписаній поѣздовъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ, а именно на западѣ, въ настоящее время происходитъ борьба мѣстныхъ представительствъ съ монополіями желѣзныхъ дорогъ, которыя неподвижностью своихъ тарифовъ, мѣшаютъ развитію отдаленныхъ земледѣльческихъ мѣстностей.

Но закрѣпленіе въ руки компаній на многіе десятки лѣтъ такой важной отрасли народнаго хозяйства, какъ эксплуатація желѣзныхъ путей, за-границею явилось все-таки естественно, какъ прямое послѣдствіе того факта, что самыя эти пути были построены частными компаніями, на частныя средства. Какой же смыслъ имѣло бы оно у насъ для новыхъ дорогъ, которыя были бы непосредственно построены государствомъ? Говорятъ обыкновенно, что хозяйственное дѣло, какъ эксплуатація, по свойству своему, не подходитъ къ условіямъ административной власти. Но принципъ этотъ нигдѣ и никогда не былъ примѣненъ вполнѣ. Государство всегда непосредственно вело и будетъ вести обширное хозяйство: на его содержаніи находятся сотни тысячъ людей, т.-е. армія; оно само управляетъ своими имуществомъ, и во многихъ странахъ обширныя отрасли промышленности находятся въ казенномъ управленіи. Стало быть, и вопросъ объ эксплуатаціи такой первостепенной въ государствѣ отрасли народнаго хозяйства, какъ желѣзныя дороги, не можетъ быть прямо рѣшаемъ на основаніи одного общаго принципа, но долженъ быть рѣшаемъ по соображеніямъ, истекающимъ изъ условій самаго желѣзно-дорожнаго дѣла. Если основное условіе его у насъ впредь будетъ таково, что строятся дороги будутъ государствомъ, то нѣтъ никакого повода упускать изъ государственнаго управленія и ихъ эксплуатацію, тѣмъ болѣе, что и при частной эксплуатаціи требуются сложныя и стѣснительныя для компаній, но часто безуспѣшныя на дѣлѣ контроль и регламентація со стороны государственной власти. Какъ бы ни было затруднительно для нея прямое управленіе эксплуатаціею, оно все-таки будетъ легче, чѣмъ непосредственное производство постройки, и изъ удержанія послѣдней въ рукахъ казны логически слѣдуетъ удержаніе ея первой. Государственная эксплуатація желѣзныхъ дорогъ въ Бельгій и нѣкоторыхъ [желѣзныхъ дорогъ въ Пруссіи производится весьма успѣшно. У насъ казенная эксплуатація Николаевской дороги была также совершенно удачна, и единственными невыгодными ея стороны представлялись именно тѣмъ, гдѣ правительственная администрація произвольно ограничивала себя, свя-

зала себя, что называется, „по рукамъ и ногамъ“ извѣстнымъ контрактомъ съ тѣмъ частнымъ предпринимателемъ, который и нынѣ, по передачѣ этой превосходной линіи въ руки частной компаніи, является дѣйствительнымъ на ней хозяиномъ.

Если мы видимъ, что въ такой странѣ, какъ Англія, гдѣ все желѣзно-дорожное дѣло было создано исключительно частною инициативой, гдѣ правительство не давало компаніямъ ни капиталовъ, ни гарантій, ни субсидій и дополнительныхъ ссудъ, возникаетъ въ народѣ уже серьезное стремленіе къ возвращенію желѣзныхъ дорогъ въ руки государства, къ освобожденію этого первостепеннаго условія общественнаго быта отъ эксплуатаціи компаній, то по какому же поводу и на какомъ логическомъ основаніи, могла бы установиться у насъ система передачи въ частную эксплуатацію такихъ линій, которыя будутъ построены непосредственнымъ распоряженіемъ правительства? Изъ проявившейся въ англійскомъ народѣ серьезной агитаціи въ пользу выкупа желѣзныхъ дорогъ государствомъ, агитаціи, истекающей преимущественно изъ нужды многочислѣннѣйшихъ, бѣднѣйшихъ классовъ, очевидно, можно бы вывести, по примѣненію къ намъ, совсѣмъ иное предположеніе. Спрашивалось бы, не настаетъ ли у насъ пора для постепеннаго выкупа тѣхъ дорогъ, которыя уже находятся въ рукахъ частной эксплуатаціи, но которыя, у насъ, все-таки были первоначально построены на средства, выданныя государствомъ же, на его кредитъ, а частью и на прямыя, съ его стороны, пожертвованія? Постепенный выкупъ нѣкоторыхъ избираемыхъ для того линій до срока концессій могъ бы совершиться у насъ удобнѣе, чѣмъ гдѣ либо, потому именно, что почти всѣ наши дороги несутъ на себѣ долгъ казнѣ. Выкупъ ихъ, основанный на общемъ законѣ объ экспроприаціи по государственнымъ нуждамъ, вовсе не предполагалъ бы уплаты всего капитала, затраченнаго на постройку и обзаведеніе, какъ въ Англіи, но ограничивался бы простымъ ликвидациею долговъ компаній казнѣ, съ уплатою имъ остаткаго опѣчнаго капитала изъ спеціальныхъ государственныхъ займовъ. Есть даже такія линіи, по которымъ такая ликвидация могла бы наступить и безъ обращенія къ закону о принудительномъ отчужденіи имущества въ видахъ государственной пользы: достаточно было бы строгаго требованія объ исполненіи обязательствъ, принятыхъ на себя компаніями относительно казны, чтобы ликвидация нѣкоторыхъ компаній наступила сама собою. Вотъ каково могло бы быть отношеніе государства къ тѣмъ представителямъ нашей „частной промышленности“, которые въ настоящее время, повидимому, считаютъ себя вправѣ жаловаться на неопредѣленность своего положенія за одно то, что не могли бы ожидать новыхъ концессій

въ теченіи двухъ лѣтъ. Само собою разумѣется, что мы упомянули о возможности ликвидаціи частнаго пользованія желѣзными дорогами въ Россіи, не въ смыслѣ предложенія о приступленіи къ подобной операціи въ настоящее время. Никакая важная государственная мѣра не можетъ быть практически предлагаема до тѣхъ поръ, пока въ обществѣ не созрѣло сознаніе въ ея необходимости. Но что касается системы дальнѣйшей постройки желѣзныхъ дорогъ, то въ этомъ отношеніи такое сознаніе въ нашемъ обществѣ уже проявляется, и остается только пожелать, чтобы вопросъ о способѣ постройки донецкой и мелитопольской дорогъ послужилъ поводомъ не къ „опытамъ“, но къ окончательному рѣшенію вопроса въ пользу поступленія дальнѣйшаго строительства желѣзныхъ дорогъ въ руки государства.

Обнародованное въ прошломъ мѣсяцѣ преобразование гербового сбора касается государственнаго дохода отъ такихъ пошлинъ, которыхъ сумма составляетъ около 8 милл. р., а съ крѣпостными и канцелярскими около 14 милл. р., сокращаетъ на половину постановленія о гербовыхъ пошлинахъ въ сводѣ законовъ и упрощаетъ уплату этой пошлины частными лицами, устанавливая всего два разбора простой гербовой бумаги и вводя въ употребленіе марки, замѣняющія такую бумагу. Преобразование гербового сбора было выработано податною комиссією, которая составила проектъ устава, восходившій въ 1868 году на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, но не прошедшій въ то время. Мнѣніе государственнаго совѣта о введеніи новаго устава о гербовомъ сборѣ и самый уставъ Высочайше утверждены 17-го апрѣля текущаго года; онъ вводится въ дѣйствіе по всей имперіи, не исключая и прибалтійскихъ губерній. Уставомъ этимъ гербовой сборъ устанавливается двухъ разрядовъ: простой—въ двухъ размѣрахъ:—40 к. и 5 к. съ листа, и пропорціональный—двухъ видовъ:—для актовъ и документовъ по личнымъ обязательствамъ (т.-е. не обезпеченнымъ залогомъ) и для актовъ и документовъ по другимъ имущественнымъ сдѣлкамъ (обезпеченнымъ залогомъ). Такимъ образомъ, вмѣсто нѣсколькихъ разборовъ простого сбора, существовавшихъ доселѣ, и оплачивавшихся по 20 к., 40 к., 70 к., 1 р. и 2 р. по различію мѣстъ, въ которыя должны были поступать бумаги, теперь устанавливается для прошеній и другихъ заявленій частныхъ лицъ во всѣ правительственныя учрежденія одинъ общій размѣръ простого сбора по 40 к. за листъ; что же касается сбора въ 5 к. съ листа, то ему будутъ подлежать главнымъ образомъ росписки въ принятіи прошеній и документовъ. Но другой, устанавливаемый нынѣ разрядъ гербового сбора, хотя и носитъ общее названіе пропорціональнаго, то-есть по суммѣ акта, раздѣляется на два вида, которые соотвѣтствуютъ

существовавшему доселѣ дѣленію бумаги, оплачиваемой съ суммы акта, на вексельную и актовую.

Простому гербовому сбору въ 40 к. за каждый листъ, по новому уставу, подлежатъ: прошенія, жалобы, отзывы, и копіи при нихъ, поступающія въ административныя и судебныя мѣста и къ должностнымъ лицамъ отъ частныхъ лицъ и компаній (подлинныя документы и приложенія къ прошеніямъ и жалобамъ освобождаются отъ гербоваго сбора); выдаваемыя частнымъ лицамъ администраціею и судомъ копіи и опредѣленія, справки, свидѣтельства и т. д. (въ томъ числѣ акты о состояніи и свидѣтельства промысловыя); вѣрющія письма, духовныя завѣщанія, тѣ паспорта, виды, билеты и отсрочки, которые по существующимъ законамъ пишутся на гербовой бумаге и т. д. Простому гербовому сбору въ 5 к. съ листа подлежатъ: росписки или квитанціи, выдаваемыя по желанію просителей администраціею въ принятіи прошеній, денегъ и другихъ предметовъ; акты и документы объ исполненіи обязательства, какъ-то: платежныя росписки и счета съ роспискою, когда суммы этихъ актовъ болѣе 5 р.; подаваемые въ таможи манифесты, коносаменты и накладныя, а также коносаменты по морской отправкѣ, нѣкоторые паспорта, билеты, виды и отсрочки на жительство (напр., лицамъ духовнаго званія, увольняемымъ какъ по собственнымъ, такъ и по церковнымъ надобностямъ). Особый видъ простого гербоваго сбора устанавливается для извѣщеній и объявленій, выдаваемыхъ правительственными установленіями и должностными лицами просителямъ, въ отвѣтъ на ихъ просьбы; эти отвѣтныя бумаги подлежатъ простому гербовому сбору въ 40 к., но не съ листа, а за каждый документъ, независимо отъ заключающагося въ немъ числа листовъ.

Затѣмъ гербовый сборъ въ 40 к. и въ 5 к. замѣняетъ еще пропорціональный сборъ по такимъ актамъ и документамъ, которые по представляемой ими суммѣ не подходятъ къ категоріямъ пропорціональнаго сбора; въ примѣненіи къ нимъ гербовый сборъ въ 40 к. и 5 к. является уже въ смыслѣ низшаго размѣра пропорціональнаго гербоваго сбора. Такъ, простому сбору въ 40 к. съ листа, когда они выдаются на суммы не менѣе 50 р. и въ 5 к. съ листа, когда выдаются на суммы менѣе 50 рублей, подлежатъ: купчія крѣпости, данныя, регуляціонныя акты, или владѣнныя записи на приобрѣтаемыя крестьянами въ собственность земли, состоящія въ ихъ пользованіи, поручительства, когда они совершаются въ формѣ отдѣльнаго акта, сохранныя и задаточныя росписки, акціи, пая, облигаціи и закладныя листы русскихъ всякаго рода торговыхъ, промышленныхъ и кредитныхъ обществъ (не съ листа, но за каждый номеръ такихъ бумагъ, какъ при первоначальномъ выпускѣ, такъ и при замѣнѣ) и

купонные листы къ этимъ бумагамъ, когда выдаются отдѣльно отъ нихъ, иностранные фонды, акціи, облигаціи, временныя свидѣтельства на такія бумаги (также за каждый нумеръ), при поступленіи ихъ въ обращеніе въ имперіи; безъ оплаты гербовымъ сборомъ обращеніе ихъ въ имперіи не допускается; страховые полисы (40 к. съ листа, если премія не менѣе 15 р., и 5 к., если менѣе), маклерскіе счета. Простому гербовому сбору въ 5 к. за каждый листъ, также въ смыслѣ актоваго сбора, подлежатъ еще слѣдующіе акты и документы: по всѣмъ имущественнымъ сдѣлкамъ, какъ между частными лицами, такъ и съ казною, если такіе акты и документы совершаются на суммы менѣе 50 р., по условіямъ о неустойкѣ на менѣе 50 р., по сдѣлкамъ о личномъ наймѣ на сумму не менѣе 50 р. и по договорамъ о передачѣ контрактныхъ обязанностей, если для этого совершается новый актъ; всѣ такіе акты и документы, если они заключаются на суммы не менѣе 50 р., подлежатъ пропорціональному гербовому сбору.

Этому послѣднему сбору, пропорціональному суммѣ акта, подлежатъ, какъ уже сказано выше, какъ акты по личнымъ долговымъ обязательствамъ, не обеспеченнымъ залогомъ имущества, такъ и акты по прочимъ имущественнымъ сдѣлкамъ. Для актовъ и документовъ по обязательствамъ личнымъ устанавливается 25 разборовъ вексельной гербовой бумаги, цѣною отъ 5 к. (на сумму до 50 р.) до 36 р. (на сумму до 50 тысячъ рублей); когда такіе акты и документы выдаются на суммы, превышающія 50 т. р., то они должны быть писаны отдѣльно на нѣсколькихъ листахъ, соразмѣрно величинѣ общей суммы; однимъ изъ приложеній устава указана, для опредѣленія разбора вексельной бумаги для документовъ, писанныхъ на иностранныя деньги, цѣнность этихъ денегъ относительно рубля, причемъ признаются равными рублю: 4 финляндскихъ марки, 400 сантимовъ, 38 пенсовъ, 33 зильбергроша и т. д. Для актовъ и документовъ по всѣмъ вообще имущественнымъ сдѣлкамъ между частными лицами и съ казною, кромѣ личныхъ обязательствъ, когда такіе акты и документы совершаются на суммы не менѣе 50 р., устанавливается 23 разбора актовой гербовой бумаги, цѣною отъ 1 р. (на сумму отъ 50 р. до 300 р.) до 660 р. (на сумму отъ 225 т. р. до 300 т. р.) за листъ; когда же тѣ акты и документы выдаются на суммы свыше 300 т. р., то они должны быть написаны на нѣсколькихъ листахъ, владѣваемыхъ одинъ въ другой, такимъ образомъ, чтобы цѣна ихъ въ совокупности соотвѣтствовала суммѣ сдѣлки. Для тѣхъ актовъ и документовъ, по которымъ платежъ извѣстной суммы долженъ производиться періодически въ продолженіи опредѣленнаго времени, цѣна гербовой бумаги опредѣляется по сложности платежей, въ немъ вы-

говоренныхъ, но за время не свыше 12-ти лѣтъ; 12-ти лѣтняя сложность платежей служить нормою и для актовъ безсрочныхъ. Для опредѣленія разбора актовой бумаги на совершеніе акта о переходѣ права собственности на имущества недвижимыя или движимыя, признается цѣна, объявляемая участвующими въ сдѣлкѣ, но (въ предотвращеніе ложнаго показанія для уменьшенія пошлины) она должна быть не ниже законной оцѣнки. Законная оцѣнка опредѣлена особой табелью, приложенною къ уставу, и предметомъ ея служить, разумѣется, только опредѣленіе цѣнности земли, по губерніямъ и уѣздамъ; въ ней цѣнность десятины земли показана отъ 80 к. (въ архангельской губерніи и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ) до 20 рублей (въ нѣкоторыхъ уѣздахъ кievской и подольской губерній).

Оплата гербоваго сбора, по новому уставу, производится не только приобрѣтеніемъ гербовой бумаги, но и наклеиваніемъ марокъ соотвѣтственнаго достоинства, а сверхъ того, допускается и простое представленіе квитанціи казначейства во взносѣ гербовой пошлины наличными деньгами (въ особыхъ случаяхъ). Затѣмъ, въ случаѣ подачи прошеній и другихъ бумагъ, подлежащихъ гербовому сбору, безъ оплаты его, самое производство въ административныхъ мѣстахъ по такимъ дѣламъ приостанавливается впредь до внесенія сбора. Взиманіе гербоваго сбора съ акцій, паевъ, облигацій и вкладныхъ листовъ производится при выпускѣ, посредствомъ наложенія на эти бумаги штемпеля, а съ иностранныхъ процентныхъ бумагъ посредствомъ наложенія на нихъ гербовыхъ марокъ, что вмѣняется въ обязанность первому покупателю такой бумаги въ Россіи. Гербовая бумага и марки могутъ быть продаваемы не только у должностныхъ лицъ и въ присутственныхъ мѣстахъ, но и у частныхъ лицъ. Марки наклеиваются на бумагѣ одна возлѣ другой и тотчасъ же погашаются, то-есть на нижней ихъ части одинъ изъ подписавшихъ бумагу помѣчаетъ число и годъ; затѣмъ въ присутственномъ мѣстѣ, при приѣмѣ бумаги, марка прекращается.

Уставъ, котораго главныя постановленія мы привели, безъ сомнѣнія, вводитъ значительныя удобства въ систему взиманія гербоваго сбора. Сокращеніе разборовъ простой гербовой бумаги, есть главное изъ этихъ удобствъ; затѣмъ лица, имѣющія дѣла въ административныхъ мѣстахъ, будутъ оплачивать гербовымъ сборомъ только свои прошенія и отвѣты на нихъ изъ присутственныхъ мѣстъ, между тѣмъ какъ доселѣ все дѣлопроизводство производилось на гербовой бумагѣ, такъ что проситель оплачивалъ даже такія бумаги, которыя возникали изъ медленности производства дѣла или недоразумѣній, какъ-то: повторенія и запросы. Наконецъ, большое удобство представляютъ марки. Что касается фискальной стороны

новой системы, то она обеспечивается расширеніемъ круга пошлиннаго обложенія, съ пониженіемъ вышнихъ его нормъ. Такъ, для прошеній и заявленій частныхъ лицъ, въ какую бы то ни было административную инстанцію, и какого бы рода ни была подаваемая бумага, устанавливается 40-копѣечный сборъ, то-есть предпоследняя изъ существовавшихъ доселѣ ступеней пошлины. Но за то, пошлинѣ подвергаются обширныя категоріи бумагъ, не подлежащихъ ей доселѣ; въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаютъ акціи, облигаціи и закладные листы русскихъ обществъ и иностранныя процентныя бумаги вообще; всѣ эти бумаги впервые привлекаются къ обложенію. Но оно распространяется еще на многочисленныя категоріи разныхъ мелкихъ документовъ и счетовъ; квитанціи и даже счета, подаваемые прислугою. Въ этомъ отношеніи новый уставъ, быть можетъ, заходитъ слишкомъ далеко. Такъ, по смыслу его, квитанція въ приемъ городской телеграфной денешки, которая стоитъ всего 20 коп., будетъ подлежать 5-ти коп. сбору, что, очевидно, представляетъ обложеніе несоразмѣрное. Мелкіе счета, разумѣется, будутъ или ускользать отъ платежа сбора, хотя бы и лишаясь чрезъ то нѣкоторой оффиціальности, или же вовсе не будутъ составляться. Что новый уставъ содержитъ примѣрно на половину менѣе статей противъ числа прежнихъ, которыя онъ отиѣняетъ—это представляетъ также немаловажное удобство. Надо однако замѣтить, что онъ съ пользою могъ бы быть еще сокращенъ, такъ какъ, во-первыхъ, въ немъ встрѣчаются повторенія, во-вторыхъ, онъ—по общему примѣру нашихъ законоположеній—слишкомъ входитъ въ спецификацію, и притомъ не только излишнимъ перечисленіемъ бумагъ, которыя могли бы быть подведены подъ болѣе общія названія, но и допущеніемъ слишкомъ большого числа частныхъ случаевъ. Простота закона такъ важна, что уже ей одной можно приносить въ жертву льготы, предполагаемыя для какихъ-либо группъ людей, если только льготы эти не необходимы дѣйствительно для огражденія ихъ отъ ущерба.

Укажемъ въ видѣ примѣра на допущенное въ уставѣ выдѣленіе билетовъ на жительство для лицъ духовнаго званія изъ общаго постановленія о сборѣ съ такихъ билетовъ; почему собственно для духовныхъ лицъ сборъ съ билетовъ на жительство полагается не въ 40, а въ 5 коп., неясно, а между тѣмъ множество различеній и усложняетъ уставъ. Главная масса частныхъ случаевъ, по свойству дѣла, заключается въ перечисленіи изъятій, изъ которыхъ инныя—каковы, напр., изъятія отъ сбора по дѣламъ, производящимся въ крестьянскихъ учрежденіяхъ, по найму крестьянами земель, договорамъ и найму сельскихъ работниковъ, и по дѣламъ уголовнымъ—вполнѣ рациональны; нѣкоторыя же представляются просто въ видѣ продолженія прежнихъ льготъ.

Но изъ числа прежнихъ льготъ весьма многія отмѣнены новымъ уставомъ, какъ-то: освобожденіе отъ платежа гербоваго сбора учебныхъ, богоугодныхъ, благотворительныхъ общественныхъ учреждений, дѣлопроизводства по дѣламъ печати и др. Въ общности, преобразование гербоваго сбора нельзя не признать удачною законодательною мѣрой; относительно же финансовыхъ ея послѣдствій, которыя, по предположенной цѣли, должны выразиться въ возвышеніи гербоваго дохода, трудно предсказать что-либо, не имѣя того громаднаго статистическаго матеріала, который долженъ былъ находиться въ рукахъ составителей проекта.

Извѣстно, что въ виду общеобязательной воинской повинности, въ средѣ населенія нашихъ нѣмецкихъ колоній на югѣ, доселѣ свободнаго отъ военной службы, явилось стремленіе къ эмиграціи. Возникшій, вслѣдствіе того, вопросъ о порядкѣ, въ которомъ колонистамъ можетъ быть разрѣшаемо увольняться изъ русскаго подданства и выселяться изъ Россіи, разрѣшенъ опубликованнымъ въ истекшемъ мѣсяцѣ мнѣніемъ государственнаго совѣта, въ особомъ присутствіи о воинской повинности, Высочайше утвержденнымъ 14-го мая. Положеніемъ 4-го іюля 1871 г. о преобразованіи устройства колоній, было имъ предоставлено право выѣхать изъ Россіи; теперь постановляется, что водворенные на казенныхъ земляхъ поселене-собственники (бывшіе колонисты), подлежащіе по возрасту отбыванію воинской повинности, должны быть вносимы въ призывные списки, на общемъ основаніи, и что тѣ изъ нихъ, которые пожелаютъ воспользоваться правомъ выѣзда изъ Россіи, должны заявлять объ этомъ намѣреніи до 1-го сентября того года, въ которомъ подлежатъ призыву. Затѣмъ, тѣ изъ нихъ, которые своего намѣренія не исполнять, должны своевременно сдѣлать о томъ новое заявленіе, и тогда участвуютъ въ вынутіи жеребья на общемъ основаніи; иначе, то-есть, если заявивъ намѣреніе выѣхать изъ Россіи, они останутся въ ней, но не заявятъ о томъ, они будутъ привлекаемы къ исполненію воинской повинности безъ жеребья, какъ уклонившіеся отъ нея. Стремленіе къ эмиграціи, отчасти по той же причинѣ, проявилось и среди татарскаго населенія Таврической губерніи, но было остановлено, какъ сообщали газеты, вслѣдствіе увѣщаній князя С. М. Воронцова. При этомъ, по показанію „Одесскаго Вѣстника“, татары въ Бахчисараѣ жаловались князю главнымъ образомъ на устройство при мечетяхъ школъ, въ которыхъ ихъ обучаютъ русскому языку и грамотѣ. Въ этомъ отношеніи положеніе ихъ также отчасти сходно съ положеніемъ колонистовъ, у которыхъ въ настоящее время вводится употребленіе русскаго языка во внутреннемъ управленіи. Стремленіе къ эмиграціи вслѣдствіе общеобязательности воинской повинности—

явленіе, возникающее не у насъ впервые. Оно давно обратилось въ хроническій недугъ въ той странѣ, которая была, такъ сказать, родиною общеобязательности военной службы,—въ Пруссіи. Административныя и законодательныя мѣры, принятыя противъ такой эмиграціи въ Пруссіи, доселѣ не оказались успѣшными, какъ о томъ можно судить по недавнему усугубленію ихъ. Но нельзя во всякомъ случаѣ не признать справедливыми старанія закона пресѣчь возможность уклоняться отъ исполненія важнѣйшей изъ государственныхъ повинностей. Другое дѣло — успѣшность въ стараніяхъ объ усвоеніи инородцами русскаго языка. Въ этомъ отношеніи совершенно достаточно сдѣлано уже тѣмъ преимуществомъ, какое уставъ о воинской повинности предоставляетъ лицамъ, окончившимъ курсъ народныхъ училищъ, а именно—сокращеніе срока службы. И дѣйствительно, въ послѣднее время было уже нѣсколько извѣстій, что именно нѣмецкіе колонисты, какъ люди сравнительно болѣе развитые, стали сами заботиться и ходатайствовать объ открытіи въ ихъ селеніяхъ обученія русскому языку и грамотѣ. Преимущество, предоставляемое въ этомъ отношеніи уставомъ о воинской повинности, есть столь могущественное орудіе для распространенія русскаго языка среди инородцевъ, что въ виду его можно бы ограничиться выжиданіемъ стараній по этому предмету со стороны самихъ заинтересованныхъ населеній, что само собой устраняло бы всякій поводъ къ жалобамъ и недовольству.

Въ предшествующемъ обзорѣни, разбирая дѣло Тереховича, мы говорили, что онъ былъ подвергнутъ предварительному заключенію, на основаніи первыхъ отчетовъ объ этомъ дѣлѣ, явившихся въ печати, въ которыхъ говорилось о лишеніи его свободы. Считаемъ обязанностью оговориться теперь, что отъ г. Тереховича была только отобрана подписка о невыѣздѣ изъ Петербурга. Дѣло о матросѣ Карташевѣ, а которомъ мы упоминали въ томъ же обзорѣни, видя въ приговорѣ военно-морскаго суда доказательство желанія этого суда—согласить принципъ вѣротерпимости съ требованіями уголовнаго закона, подверглось пересмотру въ главномъ морскомъ судѣ, вслѣдствіе протеста прокурора, и въ этой инстанціи отиѣнена была та часть приговора, которая заключала въ себѣ постановленіе относительно ходатайства о помилованіи Карташева. Высшая инстанція утвердила приговоръ въ остальной части, и, вслѣдствіе того, Карташевъ осужденъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, и отдалъ въ военно-исправительныя роты на годъ. Не входя въ юридическіе мотивы, послужившіе основаніемъ приговора въ его окончательной формѣ, мы заносимъ этотъ фактъ на свои страницы только потому, что упомянули о приговорѣ

въ прежнемъ его видѣ. Мы укажемъ теперь на другой приговоръ, послѣдовавшій въ прошломъ мѣсяцѣ, также по дѣлу, въ которомъ замѣшано религиозное чувство. Дочь рядового Иванова обвинялась въ здѣшнемъ окружномъ судѣ въ кражѣ креста изъ Исаіевскаго собора; присяжные не признали никакихъ поводовъ къ снисхожденію, какъ они почти никогда не признаютъ такихъ поводовъ въ дѣлахъ о святотатствѣ, и Иванова осуждена къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и каторжнымъ работамъ на 6 лѣтъ. Съ этимъ приговоромъ нельзя не сопоставить приговоръ екатеринославскаго окружнаго суда, состоявшійся въ концѣ мая, также на основаніи вердикта присяжныхъ, по которому изъ шайки грабителей, наводившей страхъ на цѣлую мѣстность въ теченіи 9 мѣсяцовъ („шайка положительно терроризовала большую часть верхне-днѣпровскаго уѣзда“, пишутъ въ „Моск. Вѣд.“), единственный человѣкъ, признанный виновнымъ въ *разбой*, приговоренъ къ шестилѣтней каторжной работѣ, то-есть къ тому же наказанію, какъ Иванова, за незначительную по суммѣ, но соединенную со святотатствомъ, кражу.

Не лишне будетъ при этомъ случаѣ упомянуть о весьма важномъ предположеніи относительно ссыльныхъ женщинъ, которое было сообщено одною изъ петербургскихъ газетъ, а именно объ установленіи для нихъ, въ мѣстахъ ссылки, одиночнаго заключенія. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ внесено было въ государственный совѣтъ представленіе объ отмѣнѣ тяжкихъ наказаній, налагаемыхъ на ссыльныхъ вообще за вновь совершаемые ими преступленія. Государственный совѣтъ, какъ сообщаетъ „Голосъ“, не нашелъ возможнымъ осуществленіе этой реформы „до того времени, пока не будутъ приведены въ дѣйствіе нѣкоторыя подготовительныя мѣры для огражденія общественной безопасности и спокойствія въ мѣстахъ ссылки“, признавъ, однако, необходимымъ нынѣ же разрѣшить вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для ссыльныхъ женщинъ. Особая коммиссія, учрежденная при министерствѣ юстиціи, для рѣшенія этого вопроса, пришла теперь, какъ извѣщаетъ та же газета, къ слѣдующему заключенію: „приписывая сравнительно-малое число совершаемыхъ нынѣ ссыльными женщинами преступленій, единственно присутствію въ системѣ наказаній, опредѣленныхъ для ссыльныхъ, наказанія тѣлеснаго, съ его дѣйствительнымъ для наказуемыхъ значеніемъ“, коммиссія, однако, нашла необходимымъ замѣнить для женщинъ тѣлесное наказаніе такимъ, которое было бы „одинаково чувствительно“, и потому предлагаетъ ввести для нихъ заключеніе въ одиночныя камеры на такіе сроки, чтобы число ударовъ плетей или розогъ замѣнялось соотвѣтственнымъ числомъ дней одиночнаго заключенія, но съ тѣмъ, чтобы срокъ одиночнаго заключенія въ выс-

шей мѣрѣ не превышала *трехъ мѣт.* Поэтому комиссія предположила—и предположеніе это, по тому же извѣстію, уже передано на заключеніе высшихъ правительственныхъ учреждений—дополнить законъ, опредѣляющій наказанія для ссыльныхъ, слѣдующимъ примѣчаніемъ: „наказаніе плетью и розгами замѣняется для ссыльныхъ женщинъ заключеніемъ ихъ въ устроенныя при тюрьмахъ одиночныя камеры на сроки, соотвѣтствующіе присужденному имъ числу ударовъ плетью или розгами, считая за *каждый ударъ* плетью 10 дней и за *каждый ударъ* розгами 2 дня одиночнаго заключенія; упомянутыя камеры должны вмѣщать въ себѣ не менѣе 2½ кубическихъ сажень воздуха и занимать пространство не менѣе 15 квадратныхъ аршинъ“.

Изъ соображеній комиссіи, въ той формѣ, какъ они переданы въ этомъ извѣстіи, не видно, почему сравнительно—меньшее число преступленій, совершаемыхъ ссыльными женщинами, приписывается именно употребленію тѣлеснаго наказанія. О какомъ сравненіи можетъ быть здѣсь рѣчь? Очевидно, только о сравненіи между числомъ преступленій, совершаемыхъ ссыльными женщинами и ссыльными мужчинами, пропорціонально численности ссыльныхъ обоихъ половъ. Нельзя же признавать нынѣшнее число преступленій ссыльныхъ женщинъ малымъ сравнительно съ тѣмъ, какое могло бы оказаться по отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія; такое сравненіе могло бы быть возможно только на основаніи опыта, котораго доселѣ сдѣлано не было. Итакъ, сравненіе можетъ быть только между числами преступленій, совершаемыхъ ссыльными того и другого пола. Но, вѣдь, тѣлесное наказаніе существуетъ нынѣ не для однихъ женщинъ; естественно даже допустить, что мужчины подвергаются ему чаще, чѣмъ женщины. Затѣмъ, какимъ же образомъ сравнительно—малое число преступленій, совершаемыхъ ссыльными женщинами, могло бы быть приписываемо существованію для нихъ тѣлеснаго наказанія?

Но, оставивъ въ сторонѣ эту неясность, и раздѣляя исполнѣ мысль о необходимости замѣнить тѣлесное наказаніе одиночнымъ заключеніемъ, мы не можемъ не обратить вниманія на столь же ясную необходимость дать срокамъ этого заключенія соразмѣрность, и ограничить ихъ, не доводя до продолжительности, при которой одиночное заключеніе было бы карою, болѣе жестокою, чѣмъ тѣлесное наказаніе. Три года, какъ максимумъ одиночнаго заключенія, представляются слишкомъ долгимъ срокомъ. Въ современной публицистикѣ болѣе и болѣе устанавливается мнѣніе, что одиночное заключеніе можетъ быть употребляемо съ успѣхомъ только въ видѣ исправительнаго наказанія для заключенныхъ или ссыльныхъ, но на короткіе сроки. Одиночное заключеніе на нѣсколько лѣтъ, какъ это

дознано, ведетъ преступника путемъ долговременныхъ мученій, происходящихъ отъ галлюцинацій, къ разстройству умственныхъ способностей, то-есть къ слабоумію или безумію, и, вслѣдствіе того, должно быть признаваемо карою болѣе жестокою, чѣмъ всякое тѣлесное наказаніе, которое не причиняетъ неизлечимаго увѣчья. Въ этомъ смыслѣ трехлѣтнее одиночное заключеніе по дѣйствию своему, особенно на женщинъ, какъ субъектовъ болѣе впечатлительныхъ, можетъ оказаться на практикѣ несоразмѣрнымъ съ самою высшею мѣрой допускаемаго закономъ тѣлеснаго наказанія. Но и самый расчетъ, на основаніи котораго коммиссія, если вѣрить приведенному извѣстію, предполагаетъ исчислять болѣе краткіе сроки заключенія, не представляетъ соразмѣрности. Едва ли можно согласиться, что наказаніе 20-ю ударами розогъ равносильно 40-ка-дневному одиночному заключенію; противъ этого можно даже сослаться на смыслъ закона существующаго. Предоставляя волостному крестьянскому суду право полагать наказаніе до 20-ти ударовъ розгами, законъ, соответственнно этой мѣрѣ наказанія, указываетъ лишь на арестъ, и то на нѣсколько дней, что весьма далеко отъ шести-недѣльнаго одиночнаго заключенія. Не надо при этомъ забывать, что какъ бы ни были опредѣлены размѣры камеръ, но одиночное заключеніе въ ссылкѣ и на каторгѣ всегда будетъ имѣть иной характеръ, чѣмъ въ какомъ-нибудь образцовомъ исправительно-пенитенціарномъ заведеніи. Сверхъ того, одиночнымъ заключеніемъ гораздо легче злоупотреблять, чѣмъ тѣлеснымъ наказаніемъ, которое производится открыто и котораго условія гораздо менѣе зависятъ отъ произвола. Жестокому исполнителю гораздо труднѣе забивать людей до смерти, чѣмъ погребать ихъ живыи. Трудно согласиться съ предполагаемымъ расчетомъ и въ томъ, что одиночное заключеніе на мѣсяцъ было бы соразмѣрно тремъ ударамъ плетми. Какъ ни печально было бы оказывать предпочтеніе тѣлесному наказанію, но есть мѣра, за которою, по нашему убѣжденію, одиночное заключеніе было бы еще менѣе сообразно съ законами человѣческой природы. Намъ могутъ возразить, что отъ людей, закрубѣлыхъ въ насиліяхъ, какъ, на примѣръ, убійцъ, нельзя ожидать большой чувствительности. Но криминалистическій опытъ доказываетъ совершенно противное, а именно, что именно убійцы менѣе всякихъ иныхъ преступниковъ могутъ выносить продолжительное одиночное заключеніе безъ положительнаго разстройства умственныхъ способностей.

Въ майской и іюньской книгахъ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ помѣщены были свѣдѣнія о результатахъ выпускныхъ экзаменовъ — такъ-называемыхъ испытаній зрѣлости — въ гимназіяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства

въ 1873 году. Хотя въ настоящее время получились уже новые результаты, такъ какъ гимназическіе экзамены происходили въ истекшемъ мѣсяцѣ, но общаго свода этихъ результатовъ, по всѣмъ округамъ, мы дождемся только черезъ годъ, а потому теперь приходится говорить о результатахъ 1873 года. Они представляютъ, между прочимъ, тотъ интересъ, что въ 1873 году выпускные экзамены были впервые произведены на основаніи новыхъ, составленныхъ министерствомъ, правилъ. Мы совершенно не будемъ касаться полемической стороны, преобладающей въ статьѣ официального журнала объ экзаменахъ въ гимназіяхъ. Приведемъ факты и ограничимся одной оговоркой, которая объяснитъ, почему разборъ изложенныхъ въ статьѣ умозаключеній мы считаемъ лишнимъ. Лицъ, изъявившихъ желаніе подвергнуться экзамену въ знаніи гимназическаго курса въ 1873 году было 1,181; въ этомъ числѣ 881 были воспитанники 78-ми правительственныхъ гимназій, 26—ученики трехъ нѣмецкихъ церковныхъ школъ въ Петербургѣ, 70—воспитанники 9-ти частныхъ гимназій и 204—лицъ постороннихъ. Въ числѣ 881 воспитанника казенныхъ гимназій 104 были ученики младшаго отдѣленія VII-го класса, имѣвшіе отличные отмѣтки при переходѣ въ этотъ классъ изъ VI-го, и потому имѣвшіе право держать выпускной экзаменъ прямо изъ младшаго отдѣленія. Изъявившіе желаніе держать выпускной экзаменъ, по новымъ правиламъ, подвергаются сперва „первому акту испытанія зрѣлости, состоящему въ тщательномъ разсмотрѣніи, заслуживаютъ ли ученики гимназій по своей нравственной зрѣлости (то-есть, по обнаруженной ими во время пребыванія въ гимназій, и особенно за послѣдніе два года, готовности соблюдать требованія закона и правила доброй нравственности и исполнять, какъ слѣдуетъ, всѣ ученическія свои обязанности) и по успѣшности своего обученія въ гимназій, а постороннія лица—на основаніи представленныхъ ими документовъ,—заслуживаютъ ли они допущенія къ испытанію въ предметахъ гимназическаго курса, входящихъ въ кругъ испытанія зрѣлости“. Разсмотрѣніе это въ 1873 году привело къ тому, что изъ учениковъ старшаго отдѣленія VII-го класса казенныхъ гимназій были признаны нравственно-незрѣлыми 13, а изъ 104-хъ учениковъ младшаго класса—7. Въ это предварительное разсмотрѣніе зрѣлости не входило соображеніе о степени успѣшности ученія въ теченіе года; упомянутые 20 учениковъ не были допущены къ экзамену собственно только потому что оказались нравственно-незрѣлыми въ вышеобъясненномъ смыслѣ этого слова, то-есть, не выказавшими готовности соблюдать требованія закона и правила нравственности, наконецъ недостаточно зрѣлыми физически. По малоуспѣшности же въ теченіе года, не допущены были къ экзамену особо,

изъ всего числа изъявлявшихъ желаніе держать его 85—учениковъ казенныхъ, 4-ре—частныхъ гимназій и 1—нѣмецкаго училища. Относительно постороннихъ лицъ, гимназическія начальства не могутъ имѣть тѣхъ основаній для сужденія о зрѣлости или незрѣлости, какія имѣются относительно гимназистовъ; но изъ 204-хъ постороннихъ 8 не были допущены или потому, что прежде были въ гимназіяхъ и не успѣли бы, по расчету времени, окончить въ нихъ курса, или потому, что имъ къ началу слѣдующаго университетскаго курса не исполнилось бы 17 лѣтъ, или, наконецъ, потому, что „на основаніи представленныхъ ими свидѣтельствъ, прошеній и собственнаго жизнеописанія, они, очевидно, не могли быть признаны зрѣлыми“. Сверхъ того, 9 изъ изъявившихъ желаніе экзаменоваться заболѣли, такъ что всего устранено было 133 человекъ, а 11 изъ постороннихъ не явились, такъ что въ дѣйствительности подверглись испытанію 1039, а именно: 760 учениковъ казенныхъ, 66—частныхъ гимназій, 25—нѣмецкихъ церковныхъ училищъ и 178 постороннихъ лицъ.

Наиболѣе благоприятный исходъ для испытуемыхъ имѣло испытаніе въ нѣмецкихъ училищахъ, гдѣ изъ 25 человекъ его выдержали 23; статья объясняетъ это „отчасти допущеніемъ послабленій даже по нѣкоторымъ существеннымъ предметамъ“. Наименѣе благоприятный результатъ былъ въ частныхъ гимназіяхъ, гдѣ изъ 66 учениковъ только 21 удостоены свидѣтельства зрѣлости, причемъ замѣчается необычайная разность отдѣльныхъ результатовъ: такъ, въ то время, какъ въ Одессѣ ни одинъ ученикъ частныхъ гимназій не выдержалъ испытанія, въ московской единственной частной гимназій *est* экзаменовавшіеся были удостоены свидѣтельства зрѣлости. Изъ 178 постороннихъ лицъ его получили только 57 чел. Изъ 691 ученика старшаго отдѣленія VII-го класса правительственныхъ гимназій, выдержали экзаменъ 516, изъ 79 учениковъ младшаго отдѣленія 68. Въ совокупности, изъ общаго числа 1039 экзаменовавшихся, выдержали испытаніе и удостоены аттестата зрѣлости 685, или до 66%; процентъ этотъ будетъ значительно меньше, если къ числу 1039, державшихъ экзаменъ, мы присоединимъ 113, изъявившихъ желаніе держать его, но устраненныхъ за незрѣлостью или малоусѣбностью въ теченіе года. Въ этомъ случаѣ, число недопущенныхъ къ экзамену и невыдержавшихъ его оказалось бы 467 противъ 685 выдержавшихъ экзаменъ. Но остановимся на цифрахъ: 354 невыдержавшихъ и 685 выдержавшихъ испытаніе. Если сравнить послѣднее число съ числомъ успѣшно окончившихъ курсъ въ тѣхъ же гимназіяхъ въ 1871 году, а именно 1163 ученика, то окажется, что нынѣшній выпускъ на 478 чел. меньше выпуска 1871 года. Но статья, изъ которой мы заимствуемъ цифры, приводяція къ этому выводу,

дѣлаетъ иной расчетъ; авторъ ея утверждаетъ, что къ числу удостоенныхъ аттестата въ 1873 году должно причесть удостоенныхъ аттестата въ 1872 году, „ибо это одинъ и тотъ же VII-й классъ, изъ учениковъ котораго одни держали экзаменъ въ 1872 г., а другіе въ 1873 г.“; и зато предлагаетъ вычесть изъ получаемой такимъ образомъ суммы число учениковъ младшаго отдѣленія, получившихъ нынѣ аттестатъ. Такимъ образомъ, онъ приходитъ къ цифрѣ 923, которая, по его увѣренію, и „представляетъ собою дѣйствительную силу перваго выпуска послѣ введенія реформы 1871 года“. Впрочемъ, и эта цифра, по замѣчанію статьи, все-таки оказывается на 240 учениковъ менѣе цифры выпуска 1871 г. (въ тѣхъ же заведеніяхъ). Это уменьшеніе статья объясняетъ слѣдующими причинами: желаніемъ весьма многихъ учениковъ VII-го класса не оставаться лишній противъ ихъ ожиданій годъ въ гимназій и скорѣе поступить въ какое-либо высшее учебное заведеніе, хотя бы и съ очень невысокимъ курсомъ; „временными и нынѣ уже отмѣненными мѣрами, принятыми военно-медицинскимъ вѣдомствомъ для привлеченія въ медико-хирургическую академію именно недоучившихся гимназистовъ, — мѣры, которыхъ вліяніе на уменьшеніе числа оканчивающихъ курсъ въ гимназіяхъ оказалось не только на первомъ выпускѣ послѣ учебной реформы 1871 г., но и окажется еще на выпускахъ 1874 и 1875 гг.“; наконецъ „весьма естественнымъ и необходимымъ уменьшеніемъ числа оканчивающихъ курсъ, какъ только самый курсъ дѣлается болѣе продолжительнымъ“. Поэтому статья дѣлаетъ заключеніе, что уменьшеніе перваго выпуска послѣ учебной реформы 1871 г. сравнительно съ выпускомъ 1871 г. весьма незначительно, и что въ немъ „лишь самая незначительная доля вліянія должна быть приписана установленію болѣе отчетливаго и точнаго производства самихъ испытаній“. Въ статьѣ сказано еще: „вслѣдствіе искусственнаго возбужденія учащагося юношества противъ двухгодичнаго курса VII-го класса и противъ мнимой строгости испытаній и особенно вслѣдствіе мѣръ военно-медицинскаго вѣдомства; въ ближайшія два года можно ожидать лишь незначительнаго возростанія числа оканчивающихъ курсъ въ гимназіяхъ; но затѣмъ, число это должно придти въ свою обыкновенную норму и единственнымъ результатомъ учебной реформы окажется лишь значительное возвышеніе умственнаго и нравственнаго уровня молодыхъ людей, поступающихъ въ университеты, что и было цѣлью самой реформы“. Здѣсь мы и должны объяснить, почему считаемъ лишнимъ разсматривать, насколько результатъ экзаменовъ 1873 года свидѣтельствуетъ объ успѣшномъ или неуспѣшномъ ходѣ преподаванія въ преобразованныхъ гимназіяхъ. Отдѣльныя цифры этихъ результатовъ таковы, что изъ нихъ

очевидно, насколько въ экзаменахъ болѣе отражается степень требовательности, чѣмъ самая система преподаванія и успѣхи учениковъ. Система — одна и та же во всѣхъ классическихъ гимназіяхъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ; она подробно опредѣлена обязательными программами, росписаніемъ часовъ и указаніемъ руководства. Между тѣмъ, мы видимъ, что въ одной частной гимназіи *есть* экзаменовавшіеся выдержали экзаменъ, въ нѣкоторыхъ—малая часть и даже ни одинъ. Успѣхъ испытанія учениковъ казенныхъ гимназій несравненно больше; въ то время, какъ изъ учениковъ частныхъ гимназій только треть (32%) выдержали испытаніе, изъ учениковъ гимназій правительственныхъ всего четверть (25%) ихъ не выдержала; о постороннихъ лицахъ мы не говоримъ, они не были ведены по одной и той же программѣ; однако замѣчательно, что и изъ ихъ числа только треть (32%) выдержали экзаменъ, т.-е. та же пропорція, что и въ частныхъ гимназіяхъ. Ясно, что въ этихъ цифрахъ главнымъ образомъ отражается степень требовательности экзаменующихъ, потому что ее нельзя установить никакими программами; программы могутъ предписывать вопросы, но никакъ не опредѣлять оцѣнку отвѣтовъ и письменнаго изложенія. Если допустить, что результатъ испытанія въ правительственныхъ гимназіяхъ былъ лучше единственно оттого, что онѣ стояли выше, что ученики ихъ дѣйствительно лучше успѣваютъ, то придется признать, что не только частная гимназія въ Москвѣ, въ которой невыдержавшихъ экзамена вовсе не было, но и нѣмецкія училища въ Петербургѣ, въ которыхъ изъ 25 экзаменовавшихся не удостоены аттестата только двое—стоятъ несравненно выше правительственныхъ гимназій, и что ученики прежде названныхъ заведеній дѣйствительно успѣваютъ гораздо болѣе, чѣмъ ученики казенныхъ гимназій. Между тѣмъ, самая статья, хотя и говоритъ, что способъ производства испытаній оказываетъ только самое незначительное вліяніе на уменьшеніе выпуска, однако отказывается признать превосходство нѣмецкихъ училищъ передъ гимназіями на основаніи сравнительно необыкновенно большого ихъ выпуска; необыкновенно-благопріятный результатъ испытаній въ этихъ училищахъ она объясняетъ „допущеніемъ послабленій даже по нѣкоторымъ существеннымъ предметамъ“. Почему же не примѣнить то же самое, только въ обратномъ смыслѣ, въ частныхъ гимназіяхъ? Цифровые результаты испытаній, стало быть, въ болѣе мѣрѣ зависятъ отъ степени требовательности экзаменаторовъ, а въ такомъ случаѣ ими нельзя доказывать ни успѣшности, ни неуспѣшности всего хода обученія въ тѣхъ или иныхъ заведеніяхъ. Вотъ поэтому-то, мы и считаемъ совершенно лишнимъ входить въ разборъ полемиической стороны въ статьѣ, которая смотритъ

на результатъ перваго выпуска изъ гимназій послѣ ихъ преобразованія въ 1871 г. въ связи съ значеніемъ этого преобразованія. Мы видимъ изъ статьи, что въ 1873 году успѣшно выдержали испытаніе въ гимназіяхъ 685 учениковъ всѣхъ категорій, а въ 1871 году успѣшно окончили курсъ въ тѣхъ же гимназіяхъ 1,163 ученика; но не дѣлаемъ отсюда никакого вывода ни въ пользу, ни противъ преобразованія 1871 года.

Огромное большинство молодыхъ людей, получившихъ аттестатъ зрѣлости, а именно 577, или до 84⁰/₀, заявили желаніе поступить въ университеты; затѣмъ 99, или до 14¹/₂⁰/₀—въ высшія спеціальныя заведенія, и только 11—прямо на службу, военную и гражданскую и въ коммерческую дѣятельность. Изъ 99 чел., изъявившихъ желаніе поступить въ высшія спеціальныя заведенія, 45 имѣли при этомъ въ виду институтъ инженеровъ путей сообщенія, 32—технологическій институтъ въ Петербургѣ и техническое училище въ Москвѣ, 13—горный институтъ, 7—земледѣльческія училища и 2—строительное. Наибольшее стремленіе къ техническимъ спеціальностямъ обнаружилось между абитуриентами гимназій виленскаго и харьковскаго учебныхъ округовъ. Что касается 577 чел., желавшихъ поступить въ университеты, то они распредѣлились по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: въ духовную академію, на курсы восточныхъ языковъ 6, на историко-филологическій факультетъ 55, или 9¹/₂⁰/₀, на физико-математическій факультетъ 104, на юридическій 177 и на медицинскій 234 чел. Замѣчательно, что юридическій факультетъ, который въ предшествовавшіе годы привлекалъ наибольшее число вступающихъ въ университеты, въ 1873 году уступилъ первенство въ этомъ отношеніи факультету медицинскому.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е іюля, 1874.

Брюссельскій конгрессъ. — Права партизановъ. — Вопросъ о занятіи территоріи. — Парламентскія пренія во Франціи. — Предложеніе К. Перье. — Рѣчь Гамбетты. — Обѣщаніе гр. Шамбора. — Пораженіе и смерть маршала Кончи.

Наше правительство, какъ извѣстно, предложило иностраннымъ кабинетамъ составить конгрессъ для обсужденія законовъ и обычаевъ войны или, какъ предложеніе это было первоначально формулировано, — обсудить международныя постановленія, опредѣляющія участіе военно-плѣнныхъ. Конгрессъ предполагается открыть въ Брюсселѣ, и переговоры о его созваніи, сколько извѣстно, привели ужь къ выраженію нѣсколькими правительствами желанія принять въ немъ участіе съ назначеніемъ для того особыхъ уполномоченныхъ. Какое бы ни былъ результатъ дальнѣйшихъ переговоровъ, нельзя не привѣтствовать съ сочувствіемъ мысль, выразившуюся въ предложеніи о немъ. Россія, которая при Екатеринѣ II-й первая выступила на защиту интересовъ нейтральной торговли въ морской войнѣ, въ нынѣшней своей инициативѣ остается вѣрно своему тогдашнему, славному почину. Вопросъ о военныхъ законахъ и обычаяхъ не могъ не возникнуть послѣ того, какъ нѣсколько кровопролитныхъ войнъ разубѣдили Европу въ возможности прочныхъ союзовъ, обезпечивающихъ прочное спокойствіе. Рѣшеніе международныхъ несогласій посредствомъ войны оказывается необходимою и новаго времени, точно также какъ время отдаленныхъ. Какъ ни далеко современное человѣчество, въ Европѣ, по своимъ познаніямъ, условіямъ своего быта и своимъ нравственнымъ понятіямъ, отъ Камбизовъ, Атиллъ и Тамерлановъ, но для разбора несогласій между націями и у него нѣтъ иныхъ средствъ, чѣмъ какими располагали люди въ тѣ времена, когда мудрецы знали менѣе нынѣшнихъ мальчиковъ, а цари не пользовались тѣми удобствами жизни, которыя составляютъ нынѣ достояніе многочисленнаго класса гражданъ. Fatum войны является еще неизбѣжнымъ для современнаго общества и ему приходится при-

вызвать къ мысли о вѣроятности новыхъ войнъ. Между тѣмъ, съ тѣхъ поръ, какъ прошли тѣ времена, когда война была какъ-бы нормальнымъ явленіемъ, весьма значительно уменьшилась суровость общихъ нравовъ и пересмотръ международныхъ законовъ и обычаевъ войны становится дѣломъ необходимости. Не будучи въ состояніи передѣлать себя такъ, чтобы обходиться безъ войны, современное человечество должно постараться передѣлать войну, насколько то совмѣстно съ ея сущностью, сообразно съ своими возрѣніями на справедливость. Женевская конвенція о раненыхъ была первымъ шагомъ на этомъ пути; нынѣшнее предложеніе Россіи можетъ повести во второму шагу.

Въ бруссельской газетѣ „Nord“ былъ напечатанъ текстъ проекта международной конвенціи о законахъ и обычаяхъ войны, составленный международнымъ обществомъ попеченія о раненыхъ. По извѣстію этой же газеты, которое во времени составленія настоящей статьи не было опровергнуто, русское правительство предполагало внести именно этотъ проектъ на обсужденіе конгресса. Впрочемъ, опредѣленіе программы сужденій этого собранія будетъ, разумѣется, зависѣть отъ предварительныхъ переговоровъ. Во всякомъ случаѣ, мы считаемъ не лишнимъ отнестись къ задачѣ конгресса на основаніи именно этого проекта, для того, чтобы уяснить, чѣмъ бы онъ могъ быть, еслибы состоялось общее согласіе для приданія программѣ его сужденій размѣровъ по возможности широкихъ. Только при такомъ просторѣ конгрессъ и могъ бы принести существенную пользу. Упоминалось о стараніяхъ съ нѣкоторыхъ сторонъ ограничить дѣятельность конгресса простымъ разсужденіемъ о судьбѣ военнопленныхъ. Но еслибы разсужденія эти были заменены въ такую рамку, какъ, напр., способъ содержанія военнопленныхъ, объѣма ихъ и юрисдикціи надъ ними во время содержанія ихъ въ плѣну, то это, очевидно, не соотвѣтствовало бы дѣли созванія европейскаго конгресса. Условія объѣма достаточно опредѣлены, условія содержанія зависятъ отъ средствъ и отъ числа пленныхъ, юрисдикція въ мѣстахъ ихъ водворенія не подаетъ повода къ серьезнымъ вопросамъ. Необходимость опредѣленія возникаетъ именно въ той болѣе широкой сферѣ, гдѣ преобладаетъ доселѣ значительная неопредѣленность. Прежде всего, требуется опредѣлить кого признавать военнопленными, а затѣмъ неминуемо представится вопросъ объ условіяхъ, дающихъ сражающимся права вѣдущей стороны, что въ свою очередь поведетъ къ разъясненію вообще международныхъ законовъ и обычаевъ войны, и къ необходимому ихъ пересмотру. Вопросы эти возникаютъ одинъ изъ другого, и чѣмъ шире будетъ поставлена задача конгресса, тѣмъ болѣе можно ожидать отъ него пользы.

Единственное, но нелишенное нѣкоторой внѣшней солидности

возраженіе противъ самой мысли объ опредѣленіи международныхъ законовъ и обычаевъ войны посредствомъ конгресса, о сведеніи ихъ въ кодексъ положительныхъ опредѣленій, представляется то, что „единственное право войны есть право силы; что сильнѣйшій будетъ исполнять подобныя опредѣленія только по мѣрѣ своего расчета, а заставить его исполнять ихъ нѣтъ возможности“. Но возраженіе это есть не что иное, какъ ученіе Прудона, отвергающее всякое международное право. Принявъ его, слѣдуетъ признавать излишними всякіе трактаты. Достаточно было бы одного этого соображенія, чтобы вполне оправдать мысль о настоящемъ конгрессѣ. Можно указать на постановленія относительно правъ нейтральныхъ на морѣ, служація общепризнанными въ Европѣ дополнительными статьями къ парижскому трактату 1856 года, на женеvскую конвенцію о раненыхъ и на послѣдовавшее по предложенію нашего же правительства общее соглашеніе о неупотребленіи во время войны ружейныхъ разрывныхъ пуль. Но это еще не все. Значеніе подобныхъ международныхъ соглашеній, провозглашеніе нѣкоторыхъ принциповъ въ видахъ челоvѣколюбія, не уменьшается самымъ ихъ нарушеніемъ въ отдѣльныхъ, хотя бы даже и многихъ случаяхъ. Такъ, во время франко-германской войны нерѣдко возникали обоюдныя жалобы на случаи нарушенія женеvской конвенціи о раненыхъ. Тѣмъ не менѣе, принципъ нейтральности всего врачебнаго состава и врачебныхъ учреждений, установленный и провозглашенный этой конвенціею, успѣлъ уже глубоко проникнуть въ общее сознаніе, а ватѣмъ постепенно такъ войти въ обычай, что сдѣлается ненарушимымъ. Замѣтимъ, что во время той же войны не было ни разу заявлено жалобы на употребленіе недозволенныхъ другою конвенціею снарядовъ, а между тѣмъ во время защиты Парижа коммунаю, употребленіе подобныхъ снарядовъ было доказано впоследствии на судѣ; стало быть и въ международной войнѣ выразилась сила международного соглашения. Множество жестокихъ приемовъ, которые употреблялись при веденіи войны не далѣе, какъ въ предшествующія два столѣтія, уже немислимы нынѣ, именно потому, что противузаконность ихъ усвоена обычаемъ, который есть одна изъ дѣйствительнѣйшихъ силъ. Стало быть, соглашенія, подобныя предположенному нынѣ, могутъ имѣть весьма большое значеніе, даже еслибы въ ближайшихъ войнахъ провозглашенные ими международные законы нерѣдко и нарушались. Нарушить законъ, хотя бы провозглащенный и признанный всѣмъ свѣтомъ, всегда фактически возможно, если за этимъ закономъ не стоитъ превосходная сила; но никто не станетъ отрицать, что и сильнѣйшему совершать въ глазахъ всего свѣта подобное нарушеніе не такъ удобно, какъ дѣйствовать по произволу ничѣмъ не осужденному, когда даже и въ общемъ сознаніи нѣтъ для него много

закона, какъ только *sic volo, sic jubeo*, и прямое его послѣдствіе—
vae victis.

Важнѣйшимъ вопросомъ при опредѣленіи правъ воюющихъ сторонъ является вопросъ о правѣ относительно партизановъ, то-есть жителей, дѣйствующихъ съ оружіемъ въ рукахъ, въ согласіи съ арміею своего отечества. Этотъ вопросъ долженъ представиться на обсужденіе конгресса во всякомъ случаѣ; даже, еслибы программа его была сужена противъ первоначальнаго предположенія и ограничена обсужденіемъ участи военноплѣнныхъ, то упомянутый вопросъ все-таки возникнетъ при такомъ сужденіи, такъ какъ и на практикѣ онъ возникаетъ только тогда, когда партизаны попадаютъ въ плѣнъ. Слѣдуетъ ли признавать за частными партизанами права воюющей стороны, а затѣмъ и права военноплѣнныхъ? Въ юридическомъ смыслѣ не можетъ быть никакого основанія отказывать имъ въ такихъ правахъ. Доселѣ, правда, дѣлались иногда различія, по мѣрѣ нуждъ сильнѣйшаго, конечно, и для оправданія этихъ различій придумывались разныя теоретическія разграниченія, но всѣ эти разграниченія были совершенно произвольны, нисколько не рациональны. Партизаны могутъ быть признаваемы или воюющею стороною или мятежниками; изъ этой альтернативы нѣтъ выхода, и никакой юридической середины между тѣмъ и другимъ положеніемъ быть не можетъ. Такими произвольными требованіями представляются тѣ, которые признаютъ за партизанами права воюющей стороны только въ томъ случаѣ, если они состоятъ подъ начальствомъ главнокомандующаго непріятельскою арміею, имѣютъ признанныхъ имъ офицеровъ, дѣйствуютъ по его инструкціямъ и носятъ извѣстныя внѣшнія отличія. При соблюденіи всѣхъ этихъ условий, которыя, впрочемъ, всегда можно оспаривать, партизаны были просто иррегулярными частями войскъ. Между тѣмъ, невозможно утверждать, что отсутствіе котораго-либо или хотя бы всѣхъ этихъ условий превращало ихъ въ мятежниковъ, что на партизана слѣдуетъ смотрѣть какъ на мятежника, если у него нѣтъ мундирнаго отличія. Точно также и наличность мундирнаго отличія и соединеніе вообще всѣхъ приведенныхъ условий само по себѣ не можетъ превратить мятежниковъ въ законно-воюющую сторону. Дѣло въ томъ, что понятіе о мятежѣ истекаетъ не изъ какихъ-либо случайныхъ, и хотя бы произвольно-предписанныхъ разграниченій, но изъ весьма опредѣленнаго юридическаго факта: оказаніе насильственнаго сопротивленія *законной* власти. Въ странѣ, безспорно подчиненной извѣстному правительству, или въ странѣ завоеванной, когда завоеваніе это признано международными сношеніями, всякій, вступающій противъ власти съ оружіемъ въ рукахъ, есть мятежникъ, хотя бы онъ принадлежалъ къ регулярной арміи, носилъ мундиръ и подчинялся какому бы то ни было командующему. Въ странѣ же не-

пріятельской, не завоеванной, всякъ, кто будетъ противиться вторженію, будетъ законнымъ солдатомъ своего правительства, вѣрнымъ гражданиномъ своего отечества, какъ бы одѣтъ онъ ни былъ. Если допускать, что начальникъ вторгнувшейся арміи для охраненія своихъ сообщеній можетъ угрожать казнью мѣстнымъ жителямъ, берущимся за оружіе и оправдывать это правомъ самоохраненія, то точно также можно оправдать и требованіе отъ гарнизона осажденной крѣпости, чтобы онъ сдался, подѣ страхомъ казни, какъ то и дѣлалось въ прежнія времена. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ представиться случай, что дальнѣйшая защита, очевидно, бесполезна, и только продолжаетъ кровопролитіе; для предупрежденія напрасной потери въ людяхъ, осаждающій генералъ и имѣлъ бы, стало быть, право угрожать такому гарнизону смертию, а затѣмъ, и приводить свою угрозу въ дѣйствіе, для примѣра, для предотвращенія подобныхъ случаевъ въ будущемъ. А между тѣмъ и самая такая угроза не допускается нынѣ общепринятымъ военнымъ обычаемъ, что прямо выражено и въ настоящемъ проектѣ: „воюющія стороны не имѣютъ права объявлять, что онѣ не будутъ давать пощады“; далѣе воспрещается, между прочимъ, „угроза истребленіемъ гарнизону, упорно обороняющему крѣпость“. Ясно, что въ нравственномъ смыслѣ нѣтъ никакого различія угрозой смертной казнью непріятельскому гарнизону, чтобы побудить его къ сдачѣ, или равной угрозой мѣстному населенію, чтобы отклонить его отъ народной войны. Но мы идемъ далѣе и рѣшимся утверждать, что здѣсь нѣтъ различія и въ смыслѣ юридическомъ. Параграфъ 2-й проекта содержитъ въ себѣ слѣдующее опредѣленіе: „военныя дѣйствія должны быть направляемы исключительно противъ силъ и средствъ непріязненнаго государства, а не противъ его подданныхъ, до тѣхъ поръ, пока эти подданные не принимаютъ сами активнаго участія въ войнѣ“. Съ этимъ опредѣленіемъ согласятся всѣ; оно вошло въ общее убѣжденіе. Но что же изъ него слѣдуетъ? Что подданные этого государства, когда они примутъ активное участіе въ войнѣ, превратятся тѣмъ въ мятежниковъ, стоящихъ внѣ всякаго закона? Совсе нѣтъ; изъ приведеннаго опредѣленія слѣдуетъ только, что когда подданные примутъ активное участіе въ войнѣ, то военныя дѣйствія должны быть направлены и противъ нихъ, то-есть противъ тѣхъ изъ нихъ, которые это сдѣлаютъ, и это естественно, потому что въ такомъ случаѣ они причисляются къ вооруженнымъ силамъ государства, подвергшагося вторженію, но все-таки никакимъ образомъ не въ мятежниковъ. Въ виду ясности опредѣленія параграфа 2-го, намъ кажется излишнею оговорка, влюченная въ 1-й параграфъ, который опредѣляетъ юридическую сущность войны слѣдующимъ образомъ: „международная война есть состояніе открытой борьбы между независимыми государствами и между ихъ вооружен-

ными и правильно организованными силами". Въ послѣдней оговоркѣ сдѣлана уступка именно произвольнымъ разграниченіямъ. Что такое „правильно-организованныя“ силы? Понятіе это крайне-растяжимо. Организациа, считаемая правильною въ одной странѣ, можетъ быть признаваема недостаточно-правильною другою, а между тѣмъ, международный юридическій принципъ долженъ примѣняться одинаково ко всѣмъ странамъ. Есть страны, въ которыхъ вовсе не существуетъ регулярныхъ армій, но все населеніе считается военнымъ. Можно ли признавать правильно-организованными войска, которыя выставитъ мароккскій императоръ и которыя будутъ состоять главнымъ образомъ изъ племенъ, не несущихъ никакой регулярной службы въ мирное время, изъ людей, которые ничѣмъ не отличаются отъ прочаго населенія, не взявшагося за оружіе, не сѣвшаго на коней, но имѣющаго постоянно и коней, и оружіе? Если же допускать, что словами о „правильной организациа“ разумѣется какая-либо данная система военного устройства, то спрашивается, которая же будетъ признана за образецъ? Въ сравненіи съ прежними профессиональными арміями, основанными на долгомъ срокѣ службы, пожалуй, весь германскій ландверъ, состоящій изъ жителей, занимающихся мирными профессіями и созванный къ оружію на время войны, могъ бытъ признаваемъ „неправильно-организованою силою“. Единственнымъ твердымъ юридическимъ основаніемъ можетъ служить только положеніе, что всѣ подданные государства, которые въ районѣ дѣйствія его законной силы защищаютъ его съ оружіемъ въ рукахъ, составляютъ законную воюющую сторону и, въ случаѣ плѣна, пользуются всѣми правами военноплѣнныхъ. Иначе придется признавать мятежниками всѣхъ жителей страны, не повинующихся приказаніямъ непріятеля, какъ только онъ переступилъ границу, а это было бы чисто-анархическимъ принципомъ, потому что представляло бы возбужденіе подданныхъ противъ законной власти. Въ юридическомъ смыслѣ, вооруженные отряды могутъ быть признаваемы только воюющею стороною или мятежниками; но такъ какъ признавать мятежниками жителей, защищающихъ свою законную власть, нѣтъ возможности, то, отрицая имъ права воюющей стороны, и приходится примѣнять къ нимъ названія, не представляющія никакого юридическаго понятія. Такъ въ проектѣ, о которомъ мы говоримъ, партизанскіе отряды, не соответствующіе указаннымъ условіямъ (подчиненіе главнокомандующему, ношеніе внѣшняго отличительнаго знака, распознаваемаго издали, соблюденіе законовъ и обычаевъ войны) мятежниками не названы, не признаются и воюющей стороною, а называются: „вооруженными бандами“, которыя, какъ сказано въ проектѣ, въ случаѣ взятія въ плѣнъ, подвергаются судебному преслѣдованію. Но „вооруженныя банды“, какъ особое понятіе, не под-

ходящее ни подъ условія законныхъ партизановъ, ни подъ категорію мятежниковъ, не имѣетъ юридическаго основанія.

Таково безспорное положеніе дѣла въ общей теоріи. На практикѣ же, вопросъ сведется къ тому, чтобы провести ясную черту между занятіемъ страны и вторженіемъ въ нее. Общія юридическія возрѣнія не могутъ не подвергаться, при состояніи войны, тѣмъ видоизмѣненіямъ, которыя обусловливаются самой юридической сущностью войны. Война есть борьба между законными властями двухъ независимыхъ государствъ. Свойство этой борьбы состоитъ въ томъ, что часть территоріи одной изъ сторонъ фактически переходитъ подъ власть другой стороны; такой фактической переходъ территоріи называется занятіемъ, и хотя самъ по себѣ еще не создаетъ окончательнаго факта, однако долженъ имѣть нѣкоторое юридическое значеніе потому именно, что онъ служитъ переходомъ къ окончательному отдѣленію занятой территоріи подъ власть противной стороны. Военное занятіе территоріи соотвѣтствуетъ временной секвестраціи имущества; во время секвестра, имущество, завѣдываніе имуществомъ и охраненіе принадлежатъ тому, кто наложилъ секвестръ. Согласно съ этимъ принципомъ, и въ проектѣ, о которомъ мы говоримъ, постановляется, что „занятіе непріателемъ части территоріи находящагося съ нимъ въ войнѣ государства, приостанавливаетъ, самимъ своимъ фактомъ, законную власть послѣдняго и замѣняетъ ее военной властью того государства, которое эту территорію заняло“. Затѣмъ, излагаются права, предоставляемыя такимъ занятіемъ: измѣнять или приостанавливать дѣйствіе мѣстныхъ законовъ, распоряжаться администраціею и т. д. На этомъ основаніи слѣдуетъ допустить, что возстаніе мѣстныхъ жителей въ занятой мѣстности, противъ занявшихъ ее военныхъ властей, въ которыхъ они продолжаютъ видѣть непріателей, равносильно мятежу. Дѣйствительно, военное занятіе есть если не окончательное, то временное покореніе; немислимо, чтобы въ занятой непріателями странѣ распоряжались прежнія власти, иначе какъ съ согласія побѣдителей. А съ прекращеніемъ дѣйствія прежнихъ законныхъ властей, естественно получаютъ фактическую законность дѣйствія властей занявшихъ территорію. Безполезно было бы доказывать, что и въ занятой непріателемъ мѣстности патриотическое дѣйствіе не лишается своего характера. Это можетъ быть такъ, въ смыслѣ нравственномъ; Андрей Гоферъ, разстрѣлянный французами въ Тиролѣ, доселѣ называется патриотомъ потому, что возставалъ противъ временнаго военнаго занятія своей страны. Но вѣдь въ этомъ смыслѣ и Манинъ признается патриотомъ, хотя возставалъ противъ завоеванія Венеціи, осуществленнаго за тридцать лѣтъ до его возстанія. Временное военное занятіе области приостанавливаетъ дѣйствія прежнихъ законныхъ властей, приостанавливаетъ вообще за-

конность окончательную, замѣняя ее временнымъ порядкомъ, который долженъ быть признаваемъ законнымъ, такъ какъ основанъ на фактѣ владѣнія и необходимъ для предупрежденія анархіи. Но, допуская это, весьма важно именно опредѣлить по возможности точно—что именно называется военнымъ занятіемъ территоріи, иначе непріятель, вступившій въ страну, можетъ объявить занятыми всѣ тѣ мѣстности, чрезъ которыя однажды прошли его передовые развѣзды. Въ проектѣ весьма опредѣленно и въ нѣсколькихъ мѣстахъ проведено различіе относительно вооруженнаго сопротивленія жителей въ мѣстности, еще не занятой непріятелемъ и въ мѣстности, уже занятой имъ. Недостаётъ только сколько-нибудь точнаго опредѣленія, когда именно мѣстность можетъ почитаться занятою. Въ параграфахъ 45 и 46 постановляется, что „населеніе мѣстности, еще не занятой непріятелемъ и поднимающее оружіе на защиту отечества, должно быть признаваемо воюющей стороною“, и что „въ случаѣ взятія въ плѣнъ оно пользуется правами военноплѣнныхъ“. Но лица, принадлежащія къ населенію такой страны, гдѣ уже утвердилась власть непріятеля, если возстанутъ противъ него съ оружіемъ въ рукахъ, могутъ подлежать суду и не признаются военноплѣнными. Далѣе, параграфъ 47-й согласуетъ приведенныя сейчасъ постановленія съ тѣми, въ которыхъ проектъ выразилъ ограничительныя условія, безъ соблюденія коихъ вообще партизаны не признаются воюющею стороною (правильная организація, а именно: подчиненіе главнокомандующему, ношеніе внѣшняго отличія и т. д.). Съ этой цѣлью постановляется, что „лица, которыя то добровольно участвуютъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, то обращаются вновь къ мирнымъ занятіямъ, не удовлетворяя вообще условіямъ параграфовъ 9 и 10, не пользуются правами воюющей стороны и, въ случаѣ взятія ихъ въ плѣнъ, подвергаются военному суду“. Но какъ опредѣлить мѣстность, занятую непріятелемъ? Передовые развѣзды могутъ отдаляться отъ арміи на 50 и болѣе верстъ, а при помощи желѣзныхъ дорогъ возможны быстрыя движенія летучихъ колоннъ, для преслѣдованія непріятельскихъ отрядовъ или захвата припасовъ, на сотни верстъ разстоянія отъ корпусныхъ или дивизионныхъ штабовъ. Обширная мѣстность, чрезъ которую они прошли иногда безъ вѣдома массы населенія, должна ли считаться постоянно занятою? Ясно, что всего важнѣе сдѣлать точное опредѣленіе именно въ этомъ отношеніи. Напримѣръ, можно бы постановить, что мѣстность, заключающаяся въ 20-ти верстномъ районѣ отъ расположенія дивизионнаго штаба, считается занятою, послѣ того, какъ на дверяхъ всѣхъ городскихъ и сельскихъ правленій ея будетъ вывѣшено объявленіе на мѣстномъ языкѣ, воспреещающее всякія враждебныя дѣйствія подъ страхомъ военного суда и требующее полнаго повиновенія временно-законной военной власти. На это могутъ возразить,

что способъ расположенія войскъ можетъ быть весьма различенъ, такъ что нѣкоторыя части дивизіи могутъ сами стоять на разстояніи болѣе 20-ти километровъ отъ пункта, гдѣ находится штабъ. Но можно принять какую угодно длину района; специалисты должны указать наибольшее возможное раздробленіе дивизіи, и, согласно этому тактическому закону, можно будетъ опредѣлить *maximam* района; лишь бы онъ былъ опредѣленъ и жители были увѣдомлены о томъ, какая мѣстность объявлена занятою, для предупрежденія печальныхъ недоразумѣній, въ родѣ тѣхъ, какими ознаменовалась послѣдняя франко-германская война. Можно, наконецъ, для опредѣленія района, принять за центръ не дивизію, но наименьшую отдѣльную часть войскъ: роту или эскадронъ, и опредѣлить, напримѣръ, что въ чертѣ 1 километра отъ квартиры начальника роты мѣстность считается занятою, какъ только будетъ выставлено объявленіе о томъ на видномъ мѣстѣ. И тогда вся мѣстность, дѣйствительно занятая вторгнувшеюся арміею, какъ бы силы ея раздроблены ни были, будетъ находиться подъ временно-законною военною властью.

Но само собою разумѣется, что чѣмъ меньше былъ бы районъ, въ которомъ конгрессъ призналъ бы право вторгнувшихся войскъ объявлять мѣстность занятою, тѣмъ справедливѣе было бы опредѣленіе. Не надо забывать, что, допуская подчиненіе неприязненной власти населенія мѣстности, военный законъ во всякомъ случаѣ уступаетъ только необходимости, заставляя молчать, только въ силу этой необходимости, нравственное чувство, которое всегда будетъ оправдывать жителей, поднявшихъ оружіе на защиту своего отечества отъ иностраннаго вторженія. Вотъ почему необходимо съ точностью опредѣлить, при какихъ условіяхъ мѣстность можетъ считаться занятою, и опредѣлить эти обязательныя условія такъ, чтобы они соответствовали дѣйствительному занятію, а не номинальному, которое уподоблялось бы набѣгамъ, съ цѣлью дѣйствовать терроромъ, что, какъ уже замѣчено выше, было бы совершенно равносильно угрозѣ смерти гарнизону, защищающему крѣпость.

Легко было бы указать въ проектѣ еще нѣкоторыя подробности, которыхъ юридическое основаніе неполнѣ ясно. Таковы, напримѣръ, положенія, что лазутчикъ, захваченный до исполненія имъ своего умысла, подлежить военному суду, но въ случаѣ, если онъ, исполнивъ свое порученіе, возвратится къ своей арміи и только впоследствии попадется въ руки непріятеля, то уже не можетъ быть подвергаемъ отвѣтственности за свой поступокъ, а долженъ быть признаваемъ за военнопленнаго. Можно бы указать также на нѣсколько излишнихъ постановленій, которыми предписывается соблюдать правила челоуѣколюбія „по мѣрѣ возможности“. Цѣлью конгресса должно бы быть—провозглашеніе нѣсколькихъ опредѣлительныхъ положеній

по вопросамъ наиболѣе нуждающимся въ разъясненіи; въ числѣ ихъ первое мѣсто и занимаютъ вопросы о томъ, при какихъ условіяхъ и въ какихъ предѣлахъ извѣстная территорія должна быть признаваема занятою непріателемъ, и какъ смотрѣть на иррегулярные отряды всякаго наименованія, дѣйствующіе противъ вторгнувшейся арміи въ района, дѣйствительно находящагося въ ея власти. Во всякомъ случаѣ, нельзя не пожелать, чтобы инициатива въ созваніи подобнаго конгресса, дѣлающая честь Россіи, привела къ желаемому результату; повторяемъ, что уже одно провозглашеніе такимъ международнымъ собраніемъ официально-уполномоченныхъ экспертовъ — нѣсколько точныхъ положеній въ интересахъ справедливости и чело-вѣколюбія, имѣло бы весьма большое значеніе; хотя бы на практикѣ и случились вполнѣдствіи нарушенія этихъ принциповъ, но они и подверглись бы общему осужденію, какъ нарушенія, а провозглашенныя принципы тѣмъ не менѣе вошли бы постепенно въ нравы и затѣмъ упрочились бы на одной изъ дѣйствительнѣйшихъ силъ: на силѣ общаго сознанія, всѣми признаваемаго обычая.

Политическія дѣла во Франціи продолжаютъ вращаться въ кругѣ, изъ котораго еще не предвидится выхода. Согласно своему рѣшенію 30 мая, національное собраніе приступило прежде всего къ разсмотрѣнію проекта муниципальнаго закона, представленнаго децентрализованною комиссіей; въ засѣданіи 1-го іюня, собраніе, большинствомъ 394 голосовъ противъ 298, постановило перейти ко второму чтенію этого закона. Законъ этотъ, при обсужденіи, распался на двѣ части: муниципальный избирательный законъ, выдѣленный изъ общаго проекта объ организаціи общиннаго управленія, и остальную часть этого проекта, т. е. законъ объ общинномъ устройствѣ вообще. Ко второму чтенію были допущены оба эти закона, причемъ министръ внутреннихъ дѣлъ сдѣлалъ заявленіе въ пользу сохраненія за правительствомъ права назначенія меровъ. Въ слѣдующемъ засѣданіи, 2-го іюня, двѣ попытки лѣвой стороны вовсе устранить политическій избирательный законъ, выработанный комиссіей тридцати и ограничивающій вообще избирательство, были отвергнуты; одно предложеніе лѣвой стороны представило попытку отклонить обсужденіе этого закона посредствомъ простаго „предварительнаго вопроса“ (т. е. надлежитъ ли приступить къ обсужденію его); это предложеніе было отвергнуто большинствомъ 503 голосовъ противъ 189. Другое предложеніе лѣвой стороны заключалось въ томъ, чтобы проектъ политическаго избирательнаго закона обсуждался уже послѣ другихъ учредительныхъ законовъ; это предложеніе было отвергнуто большинствомъ 397 противъ 394. Затѣмъ, въ засѣданіи 4-го іюня, большинствомъ 378 голосовъ, противъ 301, по-

становлено было допустить проектъ политическаго избирательнаго закона къ второму чтенію. Въ засѣданіи 11-го іюня собраніе рѣшило допустить избирательный муниципальный законъ къ третьему чтенію; но при этомъ сдѣлало въ немъ существенное измѣненіе, и именно: приняло большинствомъ 348 голосовъ противъ 337 поправку Лафайета, въ силу которой граждане вносятся въ муниципальные избирательные списки по достиженіи возраста 21 года, между тѣмъ, какъ въ проектѣ коммиссіи предлагалось установить minimum возраста въ 25 лѣтъ; это было побѣдой лѣвой стороны. Но еще за два дня до этого рѣшенія, въ національномъ собраніи произошла одна изъ тѣхъ бурныхъ сценъ, которыя вызываются личными счетами между представителями различныхъ партій, въ особенности между имперіалистами, потерявшими свои мѣста при революціи 4-го сентября 1870 года, и республиканцами, которые произвели эту революцію. На этотъ разъ столкновение произошло по поводу бонапартистскихъ избирательныхъ происковъ. Избраніе бывшаго шталмейстера Наполеона III-го, Бургуэна (въ департаментѣ Ньевры ¹⁾), и обнаруженные имъ успѣхи бонапартизма были еще въ свѣжей памяти, когда въ засѣданіи 9-го іюня, депутатъ Жиреръ сдѣлалъ запросъ министерству относительно дѣйствій „центрального комитета призыва къ народу“, рассылающаго циркуляры съ обѣщаніями наградъ и угрозами. Жиреръ при этомъ показалъ и прочелъ собранію одинъ изъ такихъ циркуляровъ, разосланный по поводу выборовъ въ Ньеврскомъ департаментѣ; лица, къ которымъ онъ былъ обращенъ, приглашались собирать свѣдѣнія о всѣхъ служащихъ и отставныхъ офицерахъ, проживающихъ въ Ньеврскомъ департаментѣ и обѣщать имъ, за содѣйствіе имперіи, мѣста и награды по ея возстановленіи и т. д.; въ циркулярѣ упоминалось, что къ нему приложенъ списокъ именъ и адресовъ офицеровъ, получающихъ пособія отъ министерства финансовъ чрезъ посредство генеральнаго сборщика податей въ департаментѣ. Въ первыя минуты чтеніе этого листка произвело огромное впечатлѣніе, основанное главнымъ образомъ на недоразумѣніи. Дѣло въ томъ, что министры военный де-Сиссе и Манъ — оба бонапартисты, и съ перваго взгляда представлялось, какъ будто они на казенныя деньги вербуютъ офицеровъ для возстановленія имперіи. Такое недоразумѣніе могло проявиться во французскомъ собраніи лишь на нѣсколько минутъ; министрамъ достаточно было упомянуть о различіи, существующемъ между служащими и отставными офицерами. Затѣмъ оставался только одинъ серьезный фактъ — существованіе тай-

¹⁾ При этомъ случаѣ, оговоримъ опечатку въ прошломъ обзорѣнн, гдѣ городъ *Неверъ* (Nevers) былъ набранъ „Ньевръ“.

наго бонапартистскаго комитета, о которомъ, впрочемъ, легко было догадаться и безъ циркуляра. Но въ иностранной печати недоразумѣніе продолжалось дольше. Дѣло, между тѣмъ, было очень просто. Отставные офицеры получаютъ пенсіи изъ государственнаго казначейства, и списки ихъ, естественно, находятся въ рукахъ департаментскаго сборщика податей, то-есть органа этого министерства въ департаментскомъ управленіи. Бонапартистскій комитетъ, поручая своимъ друзьямъ склонять разными обѣщаніями въ пользу имперіи всякихъ офицеровъ, отставныхъ и служащихъ, досталъ въ Ньеврскомъ департаментѣ списокъ военныхъ пенсіонеровъ и послалъ его своимъ приверженцамъ, чтобы указать имъ людей, имѣющихъ связи въ военномъ кругу. Больше тутъ ничего и не было, кромѣ факта, что бонапартисты имѣютъ комитеты и ведутъ посредствомъ ихъ дѣятельную пропаганду; а правительство этого не знаетъ или не хочетъ знать.

Первымъ отвѣчалъ на запросъ Жирера министръ юстиціи Тальянъ; онъ объявилъ, что узналъ о циркулярѣ только въ самый день запроса и сдѣлалъ распоряженіе о возбужденіи слѣдствія прокурорскою властью; онъ прибавилъ, что правительство не допуститъ дѣятельности подобныхъ комитетовъ, и, по раскрытіи ихъ, будетъ ихъ преслѣдовать судомъ. Глава бонапартистской организаціи во Франціи, Руэ, объявилъ затѣмъ, что такого комитета вовсе не существуетъ, что Бургуэну прочтенный циркуляръ вовсе не былъ извѣстенъ, и увѣрялъ, что самъ желаетъ разслѣдованія этого дѣла, такъ какъ можетъ оказаться, что циркуляръ „составленъ вѣмъ-либо съ цѣлью—противуположной той, какую ему приписываютъ“. Руэ прибавилъ, что еслибы ему извѣстно было о существованіи комитета, подобнаго тому, о которомъ идетъ рѣчь, то онъ рѣшительно осудилъ бы его.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, де-Фурту, отвѣчалъ на запросъ Жирера, что правительство никогда не разрѣшало подобнаго комитета, и потому прежде всего слѣдуетъ розыскать, существуетъ ли онъ; если же онъ будетъ раскрытъ, то подвергнется преслѣдованію. За нимъ получилъ слово Гамбетта. Онъ принялъ съ свѣдѣнію отрицаніе двухъ министровъ, но замѣтилъ, что, кромѣ нихъ, есть еще министры военный и финансовъ; что въ министерствѣ финансовъ мѣста раздаются бонапартистскимъ „креатурамъ“, и что истинное значеніе прочтеннаго циркуляра не въ проискахъ какого-нибудь частнаго комитета, но въ томъ, что въ средѣ агентовъ правительственной власти обнаруживается соучастіе въ дѣятельности партіи, состоящей изъ заговорщиковъ. Онъ выставилъ на видъ, что Руэ обѣщалъ дать, съ своей стороны, разъясненіе, когда дѣло будетъ раскрыто. На это Руэ возразилъ, что онъ сдержитъ свое

объясненіе и всегда выказывалъ болѣе готовности къ разъясненіямъ, чѣмъ сколько выказалъ Гамбетта при обвиненіяхъ, направленныхъ на него „разными слѣдственными комиссіями“. Эти слова заключали намѣкъ, что слѣдственная комиссія о подрядахъ и поставкахъ во время войны (которая, впрочемъ, раскрыла главнымъ образомъ громадныя злоупотребленія въ военныхъ поставкахъ при имперіи) находила неправильности въ подрядахъ утвержденныхъ турецкою делегаціею. Тогда Гамбетта вновь просилъ слова, но прежде него говорилъ вице-президентъ совѣта, военный министръ де-Сиссе. Онъ разъяснилъ, что отставные офицеры совсѣмъ не подвѣдомственны военному министерству, а офицеры, состоящіе на службѣ, получаютъ жалованье и пособіе изъ своихъ частей, а не прямо изъ кассы министерства финансовъ. Допуская, что иные изъ отставныхъ офицеровъ могутъ быть недовольны тѣмъ, что лишились мѣстъ, которыя занимали при имперіи, министръ замѣтилъ, что вѣроятно есть недовольные и изъ числа тѣхъ офицеровъ, которымъ нѣкогда покровительствовалъ Гамбетта. Военный министръ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы предупредить одинъ приготовлявшійся запросъ, объявивъ, что генераль Флѣри (котораго онъ, впрочемъ, не назвалъ) получилъ строгій выговоръ за то, что явился въ мундирѣ, вмѣстѣ съ императорскимъ принцомъ, на военномъ смотрѣ въ Вульвичѣ.

Волненіе въ собраніи было уже сильно, когда на трибунѣ появился во второй разъ Гамбетта. Онъ объявилъ теперь, что „на всѣ обращенныя противъ него здѣсь (т.-е. въ собраніи) доклады онъ всегда давалъ всѣ нужныя объясненія; но что если есть люди, за которыми онъ не признаетъ права требовать отчета отъ дѣятелей 4-го сентября, такъ это тѣ мерзавцы (*les misérables*), которые погубили Францію“. Слова эти вызвали бурю, среди которой президентъ Бюффе старался убѣдить Гамбетту взять назадъ его слова, заключающія оскорбленіе. На это Гамбетта объявилъ, что слова его—болѣе чѣмъ оскорбленіе; что ими онъ хотѣлъ заклеймить людей, виновныхъ въ несчастіяхъ Франціи, и не беретъ своихъ словъ назадъ. Затѣмъ, среди чрезвычайнаго волненія, былъ призванъ къ порядку сперва Гамбетта, потомъ всѣ, кто старался его поддержать (лѣвая сторона почти вся вставала съ мѣстъ въ знакъ солидарности съ нимъ въ этомъ случаѣ).

Гамбетта едва вышелъ изъ залы, какъ тутъ же, среди депутатовъ, нашелся бонапартистъ, который считалъ умѣстнымъ на парламентскую рѣчь, хотя бы и заключающую оскорбленіе, отвѣчать частною перебранкою. Это былъ Галлони д'Истрія; онъ трижды назвалъ Гамбетту тѣмъ же именемъ, которымъ тотъ „клеянилъ“ партію бонапартистовъ. Но этимъ дѣло не кончилось: въ продолженіе нѣсколькихъ дней на сень-лазарской станціи версальской желѣзной до-

роги собирались толпы народа, вследствие того, что какой-то отставной офицеръ, а нынѣ „голубятникъ“, т.-е. завѣдующій голубиною почтою одной газеты, нанесъ Гамбеттѣ ударъ кулакомъ въ лицо. Раздраженіе толпы было усилено распространившимися слухами, что полиція, состоящая изъ прежнихъ бонапартистскихъ агентовъ, не только оказываетъ защиту депутатамъ, но напротивъ, показываетъ видъ, будто не узнаетъ ихъ. Рассказывали даже анекдотъ объ одномъ изъ зрителей, который, будучи приглашенъ слѣдовать къ полицейскому комиссару, для удостовѣренія личности, наивно возражалъ: „за что же? вѣдь я не депутатъ“. Происшествія эти послужили поводомъ депутату Кассу предложить изъясненіе недовѣрія къ министерству, послѣ запроса, на который министры объяснили, что правительство заставитъ всѣ партіи уважать законъ и власть, врученную маршалу Макъ-Магону; предложеніе это было отвергнуто большинствомъ 377 противъ 326. Тѣмъ не менѣе, дерзость, обнаруженная бонапартистами, произвела въ странѣ глубокое впечатлѣніе и не осталась безъ вліянія на собраніе. Въ засѣданіи 15-го іюня Казимиръ Перье внесъ, отъ имени лѣваго центра, предложеніе, назначенное къ тому, чтобы облегчить комиссіи учредительныхъ законовъ ея дѣло: „національное собраніе, желая положить предѣлъ неувѣренности, въ которой находится страна, принимаетъ слѣдующее рѣшеніе: комиссія учредительныхъ законовъ приметъ за основаніе своихъ работъ по устройству и способу передачъ (transmission) государственныхъ властей: 1) статью 1-го проекта, внесеннаго 19-го мая 1873 г. (внесеннаго при Тьерѣ Дюфоромъ), постановляющую, что правительство французской республики состоитъ изъ двухъ палатъ и президента, главы исполнительной власти; 2) законъ 20-го ноября 1873 г., которымъ президентство республики вручено г. маршалу Макъ-Магону по 20-е ноября 1880 г.; 3) право подвергать эти постановленія пересмотру въ цѣломъ или частяхъ, въ той формѣ и въ тѣ сроки, какіе будутъ опредѣлены учредительными законами“. Казимиръ Перье потребовалъ, чтобы предложеніе его было признано неотложнымъ, то-есть, чтобы оно было поставлено внѣ обыкновенныхъ условій троекратнаго чтенія. Въ рѣчи, произнесенной при этомъ, Перье доказывалъ необходимость выдти изъ переходнаго положенія: „неопредѣленность (le provisoire) убиваетъ насъ“,—сказалъ онъ, указывая на застой въ дѣлахъ и общее томленіе. „Комиссіи недостаетъ твердой основы для ея работъ: республика или монархія, надо выбрать одно изъ двухъ... Монархія стала невозможною; многіе изъ тѣхъ, кто желалъ ея востановленія, сумѣютъ пожертвовать своими сочувствіями; республиканцы, консерваторы и демократы, всѣ должны соединиться въ равномъ отвращеніи къ цезаризму“. Перье заключилъ свою рѣчь словами, произнесенными Товвилемъ въ 1851 году:

„въ этотъ торжественный часъ всякій забудетъ свои личныя склонности и будетъ помнить только о странѣ и объ исторіи“.

На предложеніе Перье правый центръ и крайняя правая отвѣчали контръ-предложеніями. Первое изъ нихъ было предложеніе Ламбера де-Сентъ-Круа: „учредительная коммиссія приметъ за основаніе своихъ работъ слѣдующія положенія: 1) маршалъ будетъ отправлять (exegsega) исполнительную власть въ продолженіи семи лѣтъ, съ титуломъ президента республики; 2) учреждаются двѣ палаты; 3) президенту, въ согласіи съ верхней палатою, принадлежитъ право распушенія другой палаты; 4) по окончаніи полномочій маршала, объ палаты, соединенныя въ конгрессъ, назначать его преемника“. Разница между этими двумя предложеніями была очевидна: одно предлагало окончательно учредить республику, другое было только видоизмѣненіемъ учредительнаго проекта Брольи о второй палатѣ, и предлагало обставить нѣкоторыми опредѣленіями септеннатъ, оставляя его чисто-личнымъ учрежденіемъ и ничего не предрѣшая относительно будущаго; однимъ словомъ,—сохранить ту неувѣренность, на которую всѣ жагуются, но которая нужна монархистамъ для новыхъ попытокъ возстановить монархію. Въ числѣ ораторовъ, говорившихъ *за* и *противъ* предложенія Перье, особенно замѣченъ былъ членъ правой стороны де-Кердрель, котораго словамъ приписывали солидарность съ личнымъ взглядомъ самого Магъ-Магона. Де-Кердрель отвергалъ предложеніе Перье; онъ сказалъ, что учредительная коммиссія получила уже два учредительныхъ проекта: Дюфора и Брольи, и предложилъ закончить настоящія пренія простымъ постановленіемъ, что „собраніе подтверждаетъ порученіе, возложенное имъ на учредительную коммиссію; онъ оспаривалъ всеобщую неувѣренность и недовольство, находя рассказы о нихъ преувеличенными, и въ той мѣрѣ, въ какой безпокойство дѣйствительно существуетъ, оно,—по словамъ этого оратора,—вызывается частыми министерскими кризисами и несвоевременными соперничествами“. Всего болѣе замѣчено было заявленіе Кердреля, что маршалъ можетъ управлять не иначе, какъ опираясь на прежнее большинство (большинство 24-го мая 1873 г., низвергшее Тьера), и что, еслибы большинство голосовъ въ собраніи перешло къ другой сторонѣ, маршалъ не остался бы во главѣ правленія. Подача голосовъ обнаружила слѣдующій результатъ: за неотложность предложенія Казимира Перье 345 голосовъ, противъ—341. Итакъ, республика одержала побѣду большинствомъ 4 голосовъ, и какъ подавали голоса 686 членовъ, а 344 голоса требовались для абсолютнаго большинства, то республика одержала верхъ только двумя голосами. Затѣмъ, предложеніе Перье, объявленное неотложнымъ, было отослано въ коммиссію учредительныхъ законовъ, а вмѣстѣ съ нимъ отослано было туда же и предложеніе Сентъ-Круа, ко-

торый не требовал неотложности. Уже послѣ этого голосованія, на трибуну взомель герцогъ де-Ларошфуко-Бивачча и прочель слѣдующее предложеніе крайней правой стороны: „собраніе постановляетъ: 1) правленіе Франціи есть монархія; престоль принадлежитъ главѣ французскаго дома; 2) маршалъ Макъ-Магонъ приметъ званіе генеральнаго намѣстника королевства; 3) французская конституція будетъ опредѣлена соглашеніемъ (accord) короля съ представителями народа“. Герцогъ просилъ отослать и его предложеніе въ комиссію Тридцати; но часть праваго центра и бонапартисты воздержались отъ подачи голосовъ, и такимъ образомъ большинство опять оказалось на лѣвой сторонѣ; предложеніе Ларошфуко было передано не въ учредительную комиссію, но въ комиссію парламентской инициативы, то-есть косвеннымъ образомъ устранено.

Этой двойной побѣдѣ республиканцевъ придано было сперва весьма большое значеніе, хотя она въ сущности не составляла еще дѣйствительнаго шага; предложеніе Перье только объявлено было неотложнымъ. Но значеніе побѣда эта все-таки имѣла: она показала, что даже нынѣшнее собраніе, подъ вліяніемъ необыкновенныхъ обстоятельствъ, можетъ провозгласить республику или распушеніе, между тѣмъ, какъ учредить монархію оно рѣшительно не въ состояніи. Само собою разумѣется, однако, что безъ давленія чрезвычайныхъ обстоятельствъ и въ особенности страха передъ какимъ-либо государственнымъ переворотомъ, провозглашеніе республики нынѣшнимъ собраніемъ невѣроятно. Что касается распушенія, то въ этомъ отношеніи сперва возникли-было нѣкоторыя надежды: легитимисты, повидимому, окончательно поссорились съ орлеанистами, которые недостаточно поддержали предложеніе Ларошфуко, и распространился слухъ, что они сдѣлаютъ еще одну подобную попытку, и,—если она не удастся, применить къ лѣвой сторонѣ въ вопросѣ о распушеніи. Но затѣмъ одержало верхъ, повидимому, иное настроеніе: опасеніе, что при нынѣшнемъ составѣ администраціи, въ которомъ большую роль играютъ элементы бонапартистскіе, выборы могли бы дать результатъ, что въ новомъ собраніи главными партіями были бы только имперіалисты и республиканцы.

Раздраженіе легитимистовъ противъ республиканцевъ получило новую пищу, когда въ „Times“ появилась корреспонденція, писанная, какъ говорятъ, со словъ герцога д'Одиффре-Пакье, о переговорахъ, происходившихъ прошлой осенью по поводу возстановленія королевства. Сущность этихъ разоблаченій, которыя нигдѣ не были опровергнуты прямо и весьма правдоподобны, заключалась въ слѣдующемъ: во-первыхъ, графъ Парижскій сдѣлалъ извѣстный визитъ графу Шамбору въ Вѣнѣ исключительно по своему желанію, и несмотря на то, что Шамборъ не только не поощрялъ его къ такому

шагу, но однажды даже отклонилъ его; во-вторыхъ, герцогъ д'Одиффрѣ-Пакьѣ—когда Шамборъ потребовалъ безусловнаго принятія бѣлаго знамени—былъ у Макъ-Магона по поводу происходившихъ тогда попытокъ, такъ что Макъ-Магону очень хорошо было извѣстно, что происходило, и онъ даже, повидимому, одобрялъ эти попытки, но настаивалъ на сохраненіи трехцвѣтнаго знамени. Корреспондентъ „Times“ приводилъ слова, сказанныя маршаломъ въ то время г. д'Одиффрѣ, въ слѣдующемъ видѣ: „я былъ призванъ собраніемъ въ критическій моментъ, для того, чтобы обезпечить исполненіе его рѣшеній, помочь странѣ и защищать порядокъ; я стою внѣ партій, поддержку порядковъ и приведу въ исполненіе рѣшенія, каковы бы они ни были. Но я долженъ сдѣлать одно исключеніе: если бѣлое знамя будетъ противопоставлено знамени трехцвѣтному, еслибы оно вывѣшено было въ одномъ оконѣ, между тѣмъ какъ другое развѣвалось бы на противоположной сторонѣ улицы, то шасспѣ начнутъ палить сами (les chassepots partiraient d'eux-mêmes), и я не буду въ состояніи отвѣчать ни за порядокъ на улицахъ, ни за дисциплину въ арміи“. Въ третихъ, когда Шенелонъ поѣхалъ къ гр. Шамбору, то онъ повезъ съ собою именно это заявленіе, слышанное изъ устъ Макъ-Магона, и, въ виду того, Шамборъ положительно сказалъ ему: „трехцвѣтное знамя будетъ сохранено; я только оставляю за собой право вступить въ соглашеніе съ націею послѣ моего возвращенія“; и эти слова, въ совѣщаніи 120 роялистовъ, 12 и 13 октября, были повторены Шенелономъ и занесены въ протоколъ, о чемъ было сообщено и Шамбору, который уже чрезъ 15 дней отвѣчалъ своимъ извѣстнымъ письмомъ 27 октября, положительно отрицавшемъ всякія общанія съ его стороны уступки. Разоблаченія эти, весьма интересны въ смыслѣ историческомъ, такъ какъ они рѣшаютъ вопросъ оставшіяся доселѣ спорнымъ, бросили нѣкоторый свѣтъ и на отношеніе Макъ-Магона къ вопросу о реставраціи; оказывается, что правы были тѣ роялисты, которые утверждали, что маршалъ подчинился бы реставраціи. Правда, въ то время еще не былъ провозглашенъ септеннатъ и очень можетъ быть, что теперь взглядъ маршала нѣсколько измѣнился, что въ теченіе семи лѣтъ онъ будетъ считать законнымъ учрежденіемъ себя, и всякія попытки измѣнить такую законность будутъ признавать предосудительными. Но практическимъ послѣдствіемъ приведенныхъ разоблаченій было то, что 52 легитимиста, составляющіе крайнюю правую сторону, озлобились на г. д'Одиффре и орлеанистовъ вообще, такъ что на правой сторонѣ теперь существуетъ полный разладъ. Герцогъ де-Ларошфузо-Бизачча, послѣ неудачи своего предложенія, подавъ въ отставку отъ должности французскаго посла въ Лондонѣ.

Коммиссія Тридцати еще не произнесла своихъ оракуловъ относительно предложенія Перье и Сентъ-Круа, несмотря на всеобщее

нетерпѣніе; пренія свои по этому предмету она положила хранить въ тайнѣ. Такъ какъ отношеніе монархистовъ въ республиканцамъ въ составѣ комиссіи Тридцати равно 23: 7, то не могло быть сомнѣнія, что она отвергнетъ предложеніе Казимира Перье, что, по слухамъ, уже и послѣдовало въ засѣданіи 29-го іюня; очень можетъ быть, что большинства въ ней не состоится и за предложеніе Ламбера-Сентъ-Круа; въ такомъ случаѣ, комиссія внесетъ въ собраніе только изложеніе происходившихъ въ ней преній. Между тѣмъ, въ собраніи продолжалось обсужденіе закона о муниципальномъ устройствѣ, причемъ, согласно предложенію депутата Клапье, въ пользу котораго высказалось и министерство, собраніе сохранило за правительствомъ еще на два года право назначенія меровъ. Это произошло въ засѣданіи 20-го іюня, и бонапартисты подавали голосъ за-одно съ правительствомъ; но правительство тѣмъ не менѣе сознало необходимость принять на ихъ счетъ какія-либо мѣры для успокоенія общественнаго мнѣнія, встревоженнаго возрастающею ихъ смѣлостью; 26-го іюня произведены были полицейскіе обыски въ редакціи бонапартистскаго органа „Ordre“ и у нѣкоторыхъ бонапартистовъ; обыски эти, сколько извѣстно, не открыли ничего, кромѣ списка провинціальныхъ газетъ, получающихъ субсидіи отъ императрицы Евгеніи. Обсужденіе политическаго избирательнаго закона, въ то время, когда настоящая статья поступаетъ въ печать, приближается къ третьему чтенію; при обсужденіи въ третій разъ, въ засѣданіи 1-го іюля, отвергнуто было, большинствомъ 305 человекъ противъ 294-хъ, предложеніе депутата правой стороны, чтобы возрастъ депутатовъ былъ узаконенъ не ниже 25-ти лѣтъ.

Послѣ снятія осады Бильбао, маршалъ Конча, принявъ начальство надъ всей сѣверной арміею, продолжалъ свое движеніе противъ главныхъ силъ карлистовъ, сосредоточившихся теперь у города Эстеллы. Движеніе это потребовало опять мѣсяца и—какъ почти постоянно въ нынѣшнюю войну—рѣшительныя дѣйствія начались около 25-го числа; 25-го и 26-го іюня правительственныя войска выбили карлистовъ изъ ихъ первыхъ линій, а 27-го Конча, лично предводительствуя правымъ флангомъ, повелъ приступъ на высоты Мурко, господствующія надъ Эстеллею, въ трехъ верстахъ отъ этого города; штурмъ былъ отбитъ и самъ Конча палъ на полѣ битвы. Когда извѣстіе о его смерти распространилось, началось общее отступленіе, подъ прикрытіемъ артиллеріи; впрочемъ, правительственныя войска отступили недалеко; тѣмъ не менѣе они потерпѣли пораженіе и понесли значительныя потери, которыя по официальнымъ показаніямъ доходятъ до 800, а по карлистскимъ свѣдѣніямъ, до 4000 человекъ. Главнокомандующимъ сѣверной арміею былъ назначенъ затѣмъ военный министръ генералъ Сабала. Зато правительственныя войска

одерживаютъ верхъ въ Валенсiи, гдѣ карлисты дѣйствуютъ подъ начальствомъ брата дон-Карлоса, дон-Альфонса. Отрядъ его, состоящій изъ 10—12-ти тысячъ человѣкъ, потерпѣлъ двукратное пораженіе: 17-го іюня при Альборѣ, причѣмъ былъ убитъ сынъ инфанта Генриха Бурбонскаго (который самъ былъ убитъ, года два тому назадъ, на дуэли съ герцогомъ Монпансье), и 25—26-го іюня при Чельвѣ; впрочемъ, самая необходимость второго пораженія значительно уменьшаетъ важность перваго. Въ Каталоніи карлисты теперь не рѣшаются дѣйствовать противъ войскъ, ограничиваясь набѣгами на города, для взятія контрибуціи, подъ начальствомъ Сабалльса. Вообще дѣла карлистовъ находились рѣшительно въ упадкѣ до битвы 27-го іюня подъ Эстелльею, гдѣ былъ убитъ Конча. Эта побѣда хотя и не даетъ имъ значительнаго матеріальнаго улучшенія, но, безъ сомнѣнія, ободритъ приверженцевъ претендента въ Наваррѣ, Гипускоѣ и Вискаѣ, то-есть въ тѣхъ областяхъ, гдѣ были замкнуты главныя ихъ силы.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА.

12/24 іюня, 1874.

Безсиліе собранія установить прочный порядокъ и усиленіе бонапартистскаго вроженія.

Весь ходъ событій за два послѣдніе мѣсяца можно резюмировать двумя словами: безсиліе собранія и партій, все болѣе и болѣе обозначающееся.

Одни бонапартисты продолжаютъ усиливаться среди всеобщей неурядицы; большинство, ниспровергшее Тьера, уже не существуетъ болѣе и, по всей вѣроятности, не будетъ замѣнено новымъ. Собраніе быстрыми шагами идетъ къ распаденію.

Самымъ крупнымъ явленіемъ этого періода представляется паденіе министерства де-Брольи, происшедшее вслѣдствіе ничѣмъ непоправимаго разлада, возникшаго между легитимистами и орлеанистами. Бонапартисты, съ своей стороны, отдѣлились также отъ бывшихъ своихъ союзниковъ временъ прошлогодняго заговора. Но такъ какъ группа ихъ въ собраніи весьма малочисленна, то правая сторона и правый центръ легко могли бы обойтись безъ ихъ содѣйствія для установленія септенната, т.-е. для опредѣленія условій, на которыхъ маршалу Магъ-Магону предоставляется управленіе республикою въ теченіе семи лѣтъ. Но они не умѣли поладить между собой и вся-

кій разъ, какъ возникалъ вопросъ объ установленіи чего-нибудь помимо монархіи, даже въ видѣ временной мѣры, легитимисты упорно сопротивлялись, подчиняясь, очевидно, положительнымъ приказаніямъ, исходящимъ изъ Фросдорфа. Эта партія не желаетъ установленія во Франціи какой-либо формы правленія, исключая монархической. Она предпочитаетъ этому даже анархію, и въ своемъ преступномъ ослѣвленіи политическимъ фанатизмомъ рассчитываетъ, что избытокъ зла долженъ привести Францію къ добру, иначе—къ легитимизму. По ихъ мнѣнію, мы еще мало испытали, недостаточно натерпѣлись; пусть выпьемъ чашу горечи до дна и тогда отчаяніе заставитъ насъ броситься въ объятія претендента.

Такими разсужденіями руководствуются патриоты правой стороны, которые не сумѣли даже научиться исторіи настолько, чтобы понять, что въ случаѣ новаго увлеченія Франціи консерватизмомъ и реакціей, она признаетъ государемъ не Генриха V-го, а Бонапарта. Окончательно обрисовываетъ легитимистовъ слѣдующая черта: несмотря на совершившееся въ Фросдорфѣ примиреніе, они продолжаютъ ненавидѣть орлеанскихъ принцевъ, т.-е. нареченныхъ наследниковъ Генриха V-го, не менѣе, если не болѣе, чѣмъ самую республику. Главная причина ихъ оппозиціи всѣмъ, даже наименѣе республиканскимъ комбинаціямъ учрежденія септенната, скрывалась въ боязни, что рано или поздно герцогъ Омальскій явится вице-президентомъ, а затѣмъ и естественнымъ преемникомъ Макъ-Магона.

Проектъ септенната герцога де-Брольи хотя былъ очень сомнительнаго достоинства, но все же стремился къ нѣкоторой организаціи; но въ глазахъ легитимистовъ эта организація казалась черезчуръ прочною, а по мнѣнію республиканцевъ, слишкомъ шаткою. По этому поводу и возникло пресловутое византийское препирательство о личномъ и безличномъ септеннатѣ.

Герцогъ де-Брольи и правый центръ хотѣли личнаго септенната, нераздѣльнаго съ личностью маршала Макъ-Магона, такъ что случись устраненіе его путемъ болѣзни, смерти или отставки, вопросъ приходилось бы рѣшать снова. Лѣвый центръ настаивалъ на безличномъ септеннатѣ, или, говоря другими словами, желалъ, чтобы состоящій порядокъ вещей, т.-е. существованіе республики было гарантировано по крайней мѣрѣ на семь лѣтъ, и въ теченіе этого времени страна была бы обезпечена если не отъ перемѣны правителя, то отъ государственнаго переворота. Легитимисты были противъ личнаго, равно какъ и противъ безличнаго установленія септеннатѣ.

Эти разногласія не разразились бурно съ трибуны собранія въ критическую минуту, но постепенно и пространно излагались прессою, такъ что всѣ знали сущность дѣла, когда герцогъ де-Брольи, по поводу

совершенно второстепеннаго вопроса, поставилъ вопросъ о кабинетѣ. Собранію было представлено два проекта избирательныхъ законовъ, одинъ—по муниципальнымъ выборамъ, другой—по политическимъ выборамъ; какъ тотъ, такъ и другой въ значительной степени ограничивали существующія права и посягали на неприкосновенность всеобщей подачи голосовъ. Съ помощью условной фивціи законъ о политическомъ избирательствѣ былъ включенъ въ число конституціонныхъ законовъ, т.-е. тѣхъ, которые должны были содѣйствовать установленію семилѣтняго полномочія, тогда какъ другой законопроектъ былъ поставленъ внѣ этой особой и исключительной категоріи.

Весь вопросъ заключался въ томъ, который изъ двухъ законовъ будетъ обсуждаться первымъ. Если собраніе поставитъ на первой очереди законъ о политическомъ избирательствѣ, то это будетъ служить доказательствомъ, что оно согласно на установленіе септенната, въ духѣ проекта герцога де-Брольи. Если же наоборотъ, оно займется первоначально разсмотрѣніемъ муниципального закона, то это должно считать косвеннымъ заявленіемъ, что проектъ отвергается.

Состоялось послѣднее, не вызвавъ даже продолжительныхъ преній, такъ что можно сказать, что кабинетъ палъ безъ борьбы, вслѣдствіе мимолетнаго и случайнаго союза легитимистовъ, лѣваго центра и радикаловъ.

Положеніе легитимистовъ въ этомъ случаѣ было совершенно удобно, оно вполне согласовалось съ избраннымъ ими оппозиціоннымъ образомъ дѣйствій; радикаламъ также не было причинъ смущаться, такъ какъ они постоянно оспаривали конституціонную власть настоящаго собранія. Зато лѣвый центръ очутился въ нѣсколько фальшивомъ положеніи, когда дѣло стало принимать оттѣнокъ *априористическаго* сопротивленія какому-бы ни было установленію власти, вмѣсто простаго отклоненія проекта герцога де-Брольи, т.-е. личнаго септенната съ перспективой второй палаты, которую весьма не трудно организовать такъ, чтобы упразднить первую. Итакъ, приверженцы и противники радикальной республики, враги республиканскаго правленія всѣхъ оттѣнковъ и всякаго правительства вообще, исключая монархіи Генриха V, соединились единодушно при подачѣ голосовъ.

Замѣщеніе герцога де-Брольи, въ виду условій его паденія, было дѣломъ чрезвычайно труднымъ. Правый центръ въ качествѣ побѣжденнаго не оказывалъ, какъ кажется, поползновенія удержать за собою руководящую роль въ дѣлахъ страны; большинство же, нанесшее ему поражение, было бессильно создать правительство, такъ какъ его соединеніе было дѣломъ чисто случайнымъ.

Другимъ крупнымъ затрудненіемъ являлось упрямство маршала

Макъ-Магона, который соглашался, пожалуй, подвинуться на одинъ шагъ справа налево, но дальше этого не хотѣлъ пойти ни за что. Бѣдный маршалъ совершенно озадаченъ; онъ крайне серьезно относится къ своей личности; главный его конѣкъ это то, что власть вручена ему *консервативной партіей* для спасенія общества; разладъ же, господствующій нынѣ въ этой такъ-называемой консервативной партіи, совсѣмъ сбиваетъ его съ толку. Подать руку лѣвому центру казалось ему предательствомъ. Однакоже, какъ бы то ни было, а надо было хоть немного приблизиться къ нему. Къ счастью, герцогъ де-Брольи сумѣлъ несносными выходками своего педантическаго доктринерства, не менѣе чѣмъ своимъ политическимъ образомъ дѣйствій, сосредоточить на себѣ, какъ на громоотводѣ, всю непопулярность своего министерства. Нѣкоторые же изъ его товарищей, а именно герцогъ Деказъ, повидимому менѣе пострадали отъ грозы, разразившейся надъ кабинетомъ. Герцогъ Деказъ, въ душѣ жаждавшій остаться на мѣстѣ, но, человѣкъ ловкій и изворотливый, заставилъ себя просить немало, прежде чѣмъ согласился принять порученіе составить новый кабинетъ изъ смѣшанныхъ элементовъ праваго и лѣваго центровъ, съ программю установленія на этотъ разъ уже не личнаго, а безличнаго семилѣтняго полномочія, а въ случаѣ возможности—даже чего-нибудь средняго и неопредѣленнаго между тѣмъ и другимъ. Прежде всего онъ обратился къ герцогу Одиффре, самому ярому орлеанисту палаты, но который, въ силу своей ненависти къ бонапартизму, склоненъ къ поддержанію республики какъ наименьшаго зла; съ другой стороны, Деказъ завербовалъ Гуляра, человѣка второстепеннаго по своему личному значенію, но бывшаго министромъ при Тьерѣ и стоящаго на границѣ между правымъ и лѣвымъ центрами. Герцогъ Одиффре требовалъ абсолютнаго отсутствія въ кабинетѣ бонапартистовъ, что неизбежно влекло за собой удаленіе министра финансовъ Мана. Какъ ни тяжела казалась маршалу эта жертва, однакоже онъ соглашался на нее. Гуляръ бралъ на себя приглашеніе двухъ или трехъ министровъ изъ среды самыхъ умѣренныхъ членовъ лѣваго центра. Но тогда большинство праваго центра, сохранившее, несмотря на пораженіе, надежду удержатъ за собою преобладающее вліяніе, разсердилось и отказало въ своемъ содѣйствіи. Комбинація рухнула.

Маршалъ, обрадованный тѣмъ, что можетъ не разставаться съ Манемъ, живо, по военному и по собственному усмотрѣнію составилъ министерство, въ которомъ мѣсто де-Брольи и вице-президентство совѣта отданы были генералу Сиссе, въ назначеніи котораго многіе усматриваютъ отдаленную угрозу государственнаго переворота, возможнаго въ томъ случаѣ, если маршалъ,—которому, между

прочимъ, дюжина пустозвонныхъ газетъ трубить ежедневно въ уши, что онъ одинъ способенъ спасти Францію,—убѣдится наконецъ, что много спасенія для нея онъ не придумаетъ.

Герцогъ Деказъ остался на прежнемъ постѣ. Утверждаютъ, что онъ желалъ сохранить его, во что бы то ни стало, ради овлада, которымъ онъ дорожитъ вслѣдствіе недостатка средствъ; но этому слѣдуетъ радоваться, потому что онъ по крайней мѣрѣ способенъ внести нѣкоторый здравый смыслъ и нѣкоторый тактъ въ веденіе не легкаго дѣла иностранной политики. Но самымъ замѣчательнымъ лицомъ въ новомъ министерствѣ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, является министръ внутреннихъ дѣлъ де-Фурту, который состоялъ прежде членомъ правительства Тьера, ватѣмъ участвовалъ въ кабинетѣ де-Брольи въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія. Съ той минуты, какъ онъ получилъ портфель внутреннихъ дѣлъ, онъ отличается какъ на трибунѣ, такъ и въ администраціи самымъ пламеннымъ бонапартизмомъ. Совершившіяся перемѣны и для клерикализма не окажутся въ ущербъ. Новый министръ народнаго просвѣщенія Кюмонъ преданъ ему всецѣло. Къ счастью, онъ съ первыхъ шаговъ не преминулъ отрекомендоваться съ смѣшной стороны. При посѣщеніи *Collège de France*, онъ пожелалъ осмотрѣть дортуары воспитанниковъ, обнаруживъ этимъ, что онъ приравнивалъ въ своихъ понятіяхъ наше высшее образовательное учрежденіе къ самымъ зауряднымъ школамъ для малолѣтокъ. Надо признаться, что даже во времена реставраціи судьба не награждала насъ министрами народнаго просвѣщенія такого калибра.

Политику новаго кабинета скорѣе всего можно было бы назвать клерикальною и бонапартистскою, еслибы вообще возможно было сказать о ней что-либо опредѣленное, но официальная программа его гласитъ, что вся задача кабинета—не держаться никакой программы. Личное или безличное семилѣтнее полномочіе, монархія или республика, министерству все безразлично: пусть собраніе рѣшаетъ, какъ хочетъ. Къ несчастью, и собранію самому не подъ силу создать что-либо, такъ что злополучный кабинетъ, не имѣющій программы, служить вѣрной его копіей. До сихъ поръ, министры, когда имъ случалось участвовать въ голосованіи собранія, оставались въ меньшинствѣ, за исключеніемъ одного раза, когда имъ удалось на одно мгновеніе собрать снова во-едино реакціонное большинство, низвергшее Тьера.

Это случилось во время обсужденія муниципальнаго закона, по поводу параграфа о назначеніи меровъ. Страхъ и ненависть, внушаемые радикализмомъ, соединили легитимистовъ и орлеанистовъ: они дружно стояли за сохраненіе бонапартистскаго принципа—назначенія меровъ правительствомъ.

Во время министерскаго кризиса произошло, однакоже, одно важное и совершенно неожиданное событіе, долженствовавшее, повидимому, заставить роялистовъ и республиканцевъ заключить союзъ противъ имперіалистовъ. Бонапартистскій кандидатъ, бывший шталмейстеръ императора, былъ торжественно избранъ въ департаментъ Ньевры, въ то время, какъ кандидатъ легитимистовъ получилъ тамъ самое жалкое меньшинство голосовъ. Радикалы были увѣрены, что успѣхъ будетъ на ихъ сторонѣ, а бонапартисты сами мало рассчитывали на побѣду. Первое впечатлѣніе, произведенное этимъ происшествіемъ, было громадно, тѣмъ болѣе, что новый депутатъ, г. Бургуэнъ, нахально выставлялъ на показъ свои мнѣнія, и на другой день послѣ избранія открыто уѣхалъ въ Лондонъ на поклонъ къ императрицѣ и будущему императору. Вообще бонапартисты старались воспользоваться своею побѣдой съ крайней наглостью. Вскорѣ послѣ этого были открыты несомнѣнные признаки цѣлой сѣти бонапартистскихъ интригъ, опутавшихъ всю страну, при участіи многихъ должностныхъ лицъ, между которыми называютъ и самого министра финансовъ (Маня).

Волненіе монархистовъ, а въ особенности орлеанистовъ не знало предѣловъ. Орлеанскіе принцы уже видѣли передъ собою перспективу новаго изгнанія. И потому, когда Гамбетта, весьма вѣроятно желая разузнать настроеніе правой стороны, съ рассчитаннымъ ожесточеніемъ напалъ на бонапартистовъ, и въ самомъ собраніи назвалъ ихъ мерзавцами, роялисты не шевельнулись и не оказали имъ ни поддержки, ни сочувствія. Въ теченіе нѣсколькихъ дней распря бонапартистовъ и роялистовъ, начавшаяся въ собраніи, продолжалась на улицахъ; Гамбетта подвергся нападенію и побоямъ одного бонапартиста, оказавшагося человекомъ съ весьма сомнительнымъ прошлымъ. Замѣчательно, что полиція во время этихъ стычекъ гораздо ревностнѣе заботилась о задержаніи радикальныхъ депутатовъ, чѣмъ объ обузданіи бонапартистовъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, при запросѣ, сдѣланномъ ему по этому поводу съ трибуны, отвѣчалъ въ весьма двусмысленныхъ выраженіяхъ.

Его паденіе казалось неизбѣжнымъ и въполнѣ рѣшеннымъ дѣломъ какъ лѣвой, такъ и правой сторонѣ. Это былъ первый случай допущенія вожаковъ радикальной группы до переговоровъ съ легитимистами, въ виду общаго парламентскаго дѣйствія. Словомъ, казалось, что правая и лѣвая сторона совсѣмъ спѣлись, и одинаково готовы свергнуть министра внутреннихъ дѣлъ, а быть можетъ, и все министерство, за сообщничество съ бонапартистами. Однакоже, когда дѣло дошло до подачи голосовъ, члены лѣвой стороны остались одни и, слѣдовательно, въ меньшинствѣ. Чтѣ же случилось? Причину неуспѣха старались отыскать въ безтактности депутатовъ лѣвой стороны,

сдѣлавшихъ слишкомъ подробный запросъ; но, хотя это и было несомнѣнной ошибкою, она была слишкомъ ничтожна, чтобы ею возможно было объяснить отступленіе большинства. Случилось иное, а именно, что маршалъ Магъ-Магонъ, снисходя впервые до личнаго внимательства въ распри партій, поручилъ сказать президенту собранія Бюффе, что, въ случаѣ изложенія министровъ, онъ удалится вмѣстѣ съ ними. При той почти божественной высотѣ, на которую вознесенъ маршалъ реакціонными льстецами, понятно, что угроза показалась опасной и произвела ожидаемое дѣйствіе, тѣмъ болѣе, что удаленіе маршала могло, повидимому, расчислить дорогу только однимъ бонапартистамъ. Все это побудило Бюффе выступить въ самую рѣшительную минуту, и искусно внушить вождямъ правой стороны, что они по справедливости не должны бы были выгораживать радикаловъ изъ тѣхъ упрековъ и обвиненій, которые расточаются бонапартистамъ. Конечно, республиканцы не могли согласиться съ этимъ. Этого было достаточно, чтобы моментально расторгнуть союзъ и спасти министерство. Говоря безъ обиняковъ, я сомнѣваюсь, чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ маршалъ Магъ-Магонъ могъ найти въ Бюффе ту же готовность оказывать ему подобнаго рода услуги. Мнѣ сдается, что этотъ скромный, но чрезвычайно честолюбивый человѣкъ, съ нѣкоторыхъ поръ, началъ заботиться о проложеніи своей собственной тропинки къ власти, и что онъ былъ бы вовсе не прочь сдѣлаться президентомъ безличнаго септенната или семилѣтней республики или другой-какой комбинаціи, которой удастся всплыть изъ настоящаго хаоса. Я замѣтилъ нѣкоторыя перемѣны въ его образѣ дѣйствій, и если въ послѣднее время онъ не разъ, какъ предсѣдатель собранія, дѣйствовалъ такъ, чтобы заслужить одобреніе лѣвой стороны, то, конечно, это дѣлалось не безъ цѣли. Его честолюбіе принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которыя осторожно и медленно подвигаются впередъ и не нуждаются въ повѣренныхъ. Не будучи геніальнымъ политикомъ, Бюффе тѣмъ не менѣе достаточно проникателенъ для того, чтобы понимать лучше самого маршала, что послѣднему не найти выхода изъ труппы, въ которую онъ забрелъ, иначе, какъ путемъ государственнаго переворота, на который онъ едва-ли рѣшится, или подачи въ отставку.

Неудавшійся запросъ правительству по поводу бонапартистовъ былъ мимолетнымъ эпизодомъ, ничего не измѣнившимъ въ положеніи вещей. Въ правомъ центрѣ, равно какъ и въ лѣвомъ, продолжается усиленная работа съ цѣлью добиться того сліянія центровъ, отъ котораго еще Тьеръ ожидалъ возникновенія конституціи охранительной республики. Вожди праваго центра сознали необходимость сближенія съ лѣвымъ центромъ, и перешли отъ личнаго къ безличному

септеннату, съ готовностью предоставить семь лѣтъ на опытъ республики съ маршаломъ Макъ-Магономъ во главѣ или безъ него. Въ сущности они приняли прежнюю программу лѣваго центра, который въ свою очередь считъ нужнымъ пойти дальше, находя не безъ основанія, что противъ натиска бонапартистовъ слѣдуетъ оградиться чѣмъ-нибудь болѣе опредѣленнымъ, существеннымъ и менѣе шаткимъ, чѣмъ временное учрежденіе, съ заранѣе отмѣченнымъ, короткимъ срокомъ существованія. Изъ этого вытекло предложеніе Казимира Перье, который, возвращаясь къ законопроекту, внесенному Дюфоромъ отъ имени правительства Тьера, въ первомъ параграфѣ требуетъ, въ нѣсколько затемненныхъ выраженіяхъ, провозглашенія республики правительствомъ Франціи. Второй параграфъ заявляетъ, что правленіе республики поручается на семь лѣтъ маршалу, а третій, съ очевидною цѣлью сдѣлать уступку правому центру, гласитъ, что конституція республики всегда подлежитъ пересмотру верховной власти народа, въ условіяхъ и размѣрахъ, которые слѣдуетъ установить.

Интеллигенція праваго центра, съ герцогомъ Одиффре во главѣ, была бы согласна дойти до этой черты, но она никакъ не могла убѣдить массу своихъ единомышленниковъ послѣдовать за собой. Страхъ передъ радикалами и ужась, которымъ уже давно любимые органы прессы этихъ господъ сумѣли окружить самое имя и идею республики, превозмогли снова. Герцогъ Одиффре подвергся самымъ жестокимъ нападамъ въ средѣ своей партіи, такъ что даже заявилъ намѣреніе удалиться совсѣмъ изъ группы, а пока онъ взялъ двадцати-дневный отпускъ, по всей вѣроятности, чтобы отдохнуть, отъ всѣхъ передыгъ. Предложеніе Перье поступало, слѣдовательно, въ собраніе при дурныхъ условіяхъ; однакоже оно было пущено на голоса въ порядкѣ, указанномъ Перье, т.-е. было препровождено *безотлагательно* въ комиссію, занимающуюся съ давняго времени изготовленіемъ конституціонныхъ законовъ. Но оно прошло съ помощью самаго ничтожнаго большинства, которое даже было подвергнуто сомнѣнію послѣ принятія; и другое предложеніе праваго центра, клонящееся къ установленію безличнаго септенната, было одновременно отослано въ комиссію, такъ что все осталось неразъясненнымъ и запутаннымъ по прежнему. Рѣшеніе собранія относительно предложенія Перье получило бы настоящее значеніе лишь въ томъ случаѣ, еслибы правый центръ примкнулъ къ нему. Большинство, выручившее Перье, составилось именно изъ тѣхъ слабыхъ и колеблющихся элементовъ, на которыхъ Тьеру пришлось опираться въ послѣднее время его президентства, и которые оказались несостоятельными на долгую поддержку.

Слѣдуетъ отдать справедливость радикаламъ; на этотъ разъ ихъ поведеніе заслуживаетъ одобренія: несмотря на долгое отрицаніе конституціонной власти собранія, они отрѣшились отъ своего догматизма и согласились взглянуть на предметъ съ практической стороны. Безъ ихъ содѣйствія предложеніе пало бы непременно, но это содѣйствіе далеко недостаточно для обезпеченія окончательнаго успѣха. Вообще думать, что коммиссія конституціонныхъ законовъ выскажется противъ предложенія. Съ своей стороны, я полагаю однакоже, что люди, убѣжденные силою обстоятельствъ въ горькой для нихъ необходимости довести правый центръ до согласія на республику, не отказались еще отъ своего намѣренія. Они готовятся пустить въ ходъ орудіе, которое имѣетъ шансы оказать дѣйствіе. Носятся слухи о скоромъ появленіи въ свѣтъ письма одного государственнаго человѣка, бывшаго министра Лудовика-Филиппа и друга орлеанскихъ принцовъ. Лицо это, по всѣмъ указаніямъ, едва ли не графъ Монтадиве; онъ обратится, какъ полагаютъ, къ правому центру съ совѣтомъ применить къ предложенію Перье, доказывая при этомъ всю неосуществимость монархической комбинаціи, и заявляя, что для Франціи нѣтъ другого спасенія, какъ слѣдовать политикѣ лѣваго центра. Появленіе этого письма можетъ повліять особенно на орлеанистовъ, потому что необходимо его сочтутъ написаннымъ или съ согласія или по внушенію принцевъ орлеанскихъ, рѣшившихся, послѣ длиннаго ряда колебаній и ошибокъ, перешагнуть черезъ республиканскій Рубиконъ. Разладъ между двумя роялистскими фракціями, какъ я, впрочемъ, говорилъ уже въ началѣ настоящаго письма, кажется, вполне непоправимъ, и недавно появившееся въ „*Times*“ и перепечатанное всѣми французскими газетами чрезвычайно интересное письмо, авторъ котораго, по всей вѣроятности, герцогъ Одифре, можетъ только раздуть еще сильнѣе обоюдное раздраженіе.

Эти разоблаченія не особенно лестны для чести легитимистаго кандидата и придають его поступкамъ не только нерѣшительный, но и іезуитскій характеръ. За то и бѣщенство органовъ правой стороны безгранично; они возмущены до глубины души неумѣстной откровенностью автора письма, и никогда не забудутъ этого новаго оскорбленія.

Но, несмотря на свое одиночество, на поражение на выборахъ, повинутые всѣми и составляя не болѣе шестой доли собранія, легитимисты, подъ вліяніемъ ли инструкцій изъ Фросдорфа, подкрѣпляемые ли вѣрою въ чудо, не теряютъ бодрости. Въ недавнее время, посреди преній о предложеніи Казимира Перье, герцогъ Ларошфуко-Бизачча, посланникъ республики въ Лондонѣ, вошелъ на трибуну съ

требованіемъ возстановленія королевской власти и назначенія маршала Макъ-Магона намѣстникомъ до прибытія короля. Эта выходка естественно не могла привести ни къ какимъ результатамъ, кромѣ того, что она послужила поводомъ убѣдиться лишній разъ въ полномъ упадкѣ монархическихъ стремленій собранія, и поставила въ затруднительное положеніе принцевъ Орлеанскихъ. Случайно герцогъ Омальскій находился въ этотъ моментъ въ Безансонѣ, мѣстѣ пребыванія его главнаго штаба, и тѣмъ былъ избавленъ отъ подачи голоса. Принцъ Жуанвильскій, присутствовавшій въ засѣданіи, воздержался, т.-е. не посмѣлъ сказать ни „да“, ни „нѣтъ“. Говорятъ, будто монархическое предложеніе повторится въ комиссіи конституціонныхъ законовъ и нѣкоторые журналисты распространяютъ по этому поводу слухи, что графъ Шамборъ сталъ податливѣе на ус, тупыи. Но будь это даже справедливо, претенденту уже не встрѣтить прошлогоднихъ шансовъ. Онъ не хочетъ отречься официально, по всей вѣроятности, *in petto* онъ покорился необходимости отказаться отъ престола, сознавая всю свою непригодность. Навѣрное онъ не пожелаетъ отказаться отъ неприступной роли, которую принялся разыгрывать, и не позволитъ торговаться съ собой. Онъ будетъ гордо бездѣйствовать. Дорого заплатился герцогъ Ларошфуко, французскій посланникъ въ Лондонѣ, за свое желаніе произвести президента республики въ королевскіе намѣстники; какъ кажется, онъ совсѣмъ не сознавалъ несовѣстности своей инициативы съ занимаемой имъ дипломатической должностью и всего неприличія своего поступка. Но маршалъ самъ, какъ ни слабъ онъ по части республиканизма, потребовалъ его отставки,—до того возмутительно было зрѣлище одного и того же лица, исполняющаго обязанности представителя республики въ Лондонѣ и предлагающаго ниспроверженіе той же республики въ Версалѣ.

Весьма замѣчательно и лестно для вашего національнаго самолюбія должно быть то рвеніе, съ которымъ всѣ партіи наперерывъ стремятся завладѣть расположеніемъ Россіи. Орлеанисты, несмотря на то, что они далеко не такіе шарлатаны, какъ бонапартисты, хвалились однакоже не мало посѣщеніемъ графа Парижскаго Императоромъ Александромъ. Даже суровые республиканцы изъ „*République française*“ (органъ Гамбетты), и тѣ иногда любезны къ Россіи, вопреки своей обычной враждебности ко всѣмъ монархическимъ правительствомъ. Всѣ желаютъ приобрести симпатіи Россіи и заручиться русскимъ союзомъ на случай будущей войны, отрицать возможность которой не рѣшились ни лордъ Дерби, ни графъ Андраши при запросахъ по этому предмету, сдѣланныхъ имъ въ лондонской и пештской палатахъ. Французъ по природѣ наивенъ; онъ любитъ вѣрить въ

осуществленіе своихъ желаній, и потому онъ положительно не допускаетъ, чтобы союзъ Россіи съ Германіею былъ дѣломъ прочнымъ и продолжительнымъ. У иныхъ воображеніе до того дѣятельно, что они полагаютъ, будто князь Горчаковъ задумалъ филантропическій конгрессъ въ Брюсселѣ съ политической цѣлью. Само собою разумѣется, что вашъ корреспондентъ считаетъ брюссельскій конгрессъ простымъ продолженіемъ гуманныхъ воззрѣній, потребовавшихъ еще до начала войны 1870 г. отмѣны употребленія разрывныхъ снарядовъ.

Другимъ произведеніемъ горячей фантазіи является слухъ о намѣреніи Бисмарка возобновить въ Испаніи кандидатуру Гогенцоллерна; по этому случаю нѣкоторыя газеты пустились даже въ самыя дѣльныя разсужденія, которыя, по настоящему, были бы гораздо умѣстнѣе въ 1870 году. Криковъ о реставраціи державы Карла V-го не было и въ поминѣ; напротивъ толковали, что если Бисмарку угодно создавать себѣ новыя затрудненія, то не намъ, конечно, объ этомъ сѣтовать, а тѣмъ болѣе стараться мѣшать ему. На дѣлѣ же, послѣ провѣрки оказалось, что никакой гогенцоллернской кандидатуры нѣтъ, но что дѣйствительно нѣмецкое правительство не пропустило случая обратить въ свою пользу, передъ мадридскимъ кабинетомъ, оказываемыя нами карлистамъ любезности и помощь. Трудно объяснить себѣ причины, заставляющія Деказа, дѣйствующаго на этотъ разъ едвали по собственному побужденію, компрометтировать Францію изъ-за донъ-Карлоса; однакоже несомнѣннымъ фактомъ является то, что на пиренейской границѣ покровительство французскихъ властей исключительно принадлежитъ сторонникамъ претендента. Это тѣмъ болѣе удивительно, что совершенно другое направленіе начинается обнаруживаться въ нашей итальянской политикѣ. Участіе французской эскадры, стоящей передъ Кальяри, въ торжествахъ по поводу патріотическаго праздника статута, было сочтено за немаловажное событіе, при данныхъ обстоятельствахъ, и произвело дѣйствительно очень хорошее впечатлѣніе въ Италіи. Конечно, клерикаламъ это не совсѣмъ по вкусу. Но что равно печалитъ всѣхъ,—это экономическое положеніе страны. Давно уже дѣла находятся въ разстройствѣ, да они и не могутъ измѣниться къ лучшему раньше, чѣмъ такъ или иначе, хотя бы даже цѣной новаго бѣдствія, Франція выйдетъ изъ политической неурядицы. До сей поры, несмотря ни на что, налоги, при всемъ увеличеніи и распространеніи ихъ, не переставали поступать исправно и соответствовать требованіямъ. Но теперь и это перемѣнилось; уже въ настоящую минуту предвидится значительный дефицитъ въ балансѣ текущаго 1874 года. Сборъ по нѣкоторымъ отраслямъ налоговъ далеко не достигаетъ бюджетной

смѣты. Въ теченіе первой трети года, недомка представляла довольно незначительную цифру одного милліона, но за одинъ апрѣль мѣсяцъ она возрасла до двѣнадцати милліоновъ, а май въ свою очередь доставилъ еще одиннадцать съ половиной милліоновъ дефицита,—что составляетъ въ сложности за пять мѣсяцевъ двадцать пять милліоновъ дефицита, который, какъ весьма основательно опасаются, къ концу года можетъ легко удвоиться, хотя виды на урожай, за незначительными исключеніями, вообще хороши. При этомъ необходимо еще замѣтить, что цифры утвержденныхъ налоговъ не доставало на покрытіе бюджета въ размѣрѣ трехъ милліоновъ, и что долженъ произойти еще новый дефицитъ на сумму отъ семнадцати до восемнадцати милліоновъ, вслѣдствіе промедленія въ утвержденіи собраніемъ послѣднихъ налоговъ, а слѣдовательно, и во взиманіи ихъ. Все это, взятое вмѣстѣ, сулитъ намъ около ста милліоновъ недостатка средствъ на нынѣшній годъ. Но самый важный дефицитъ заключается въ разницѣ, представляемой цифрами вотированныхъ налоговъ и ихъ сборомъ. Наши экономисты держатся, и по всей вѣроятности основательно, того мнѣнія, что налоги слишкомъ высоки и что необходимо, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, воздержаться отъ увеличенія ихъ. Министръ финансовъ предложилъ обложить дополнительнымъ, въ пять сантимовъ, сборомъ нѣкоторые предметы косвенныхъ податей; но по только-что упомянутымъ мною причинамъ, предложеніе это, вызвавшее уже ранѣе нѣкоторые возраженія въ государственномъ совѣтѣ, не имѣетъ шансовъ быть принятымъ. Вѣроятно будутъ изыскиваться другія мѣры для отвращенія затрудненія, которыя найдутся тѣмъ легче, что, рядомъ съ печальнымъ положеніемъ дѣлъ въ экономическомъ и коммерческомъ отношеніи, финансовый рынокъ находится, напротивъ, въ самомъ удовлетворительномъ состояніи. Въ деньгахъ нѣтъ недостатка, а балансы французскаго банка (Banque de France) хотя и не свидѣтельствуютъ объ особенномъ оживленіи въ дѣлахъ, но съ финансовой точки зрѣнія превосходны. Можно съ увѣренностью сказать, что въ самомъ короткомъ времени это колоссальное учрежденіе будетъ снова въ состояніи производить свои уплаты звонкою монетою. При такихъ обстоятельствахъ вѣрнѣе всего прибѣгнуть къ сокращенію на пятьдесятъ милліоновъ (сто-пятьдесятъ милліоновъ, вмѣсто двухсотъ) ежегоднаго взноса, поступающаго въ банкъ, въ уплату государственнаго займа, состоявшагося во время событій 1870—1871 годовъ. Вначалѣ государственный долгъ банку равнялся суммѣ полутора миллиарда, нынѣ же онъ не превышаетъ восьмисотъ милліоновъ.

Начавши говорить о финансахъ, я естественно перехожу къ предмету, который съ ними близко соприкасается, и не могу, хотя вскользь,

не упомянуть о многочисленныхъ судебныхъ преслѣдованіяхъ, которыми подверглись нѣкоторыя финансовыя предпріятія, за безсовѣстную и мошенническую эксплуатацію публики. Нравамъ имперіи, и въ особенности счастливому и грандіозному примѣру братьевъ Перейровъ, обязаны мы такимъ размноженіемъ грабителей.

Нѣсколько шарлатанскихъ компаній группируются и соединяются между собой съ цѣлью взаимной поддержки и рекламы. Тянуть дѣло, насколько хватить силъ; иногда это удается на довольно продолжительное время, достаточное для того, чтобы самыя крупныя плуты успѣли благополучно выбраться, оставивъ въ паутинѣ однихъ простоватыхъ сообщниковъ. Такеъ попался недавно одинъ бывшій президентъ швейцарской республики, г. Форнаръ, какъ говорятъ, въ сущности хорошій человѣкъ, но опутанный мошенниками; во всякомъ случаѣ онъ виноватъ тѣмъ, что связался съ людьми, насчетъ честности которыхъ едвали могъ заблуждаться, и рѣшился покрывать ихъ своею отвѣтственностью, что и привело его на скамью подсудимыхъ парижскаго исправительнаго суда, и подвергло его строгому, но справедливому присужденію, къ трехлѣтнему заключенію въ тюрьмѣ. Въ скоромъ времени долженъ состояться другой процессъ, противъ одного изъ бывшихъ министровъ имперіи и любимца императора, Клемана Дювернуа, промѣнявшаго политическое поприще на обширныя финансовыя операціи. Съ неменьшимъ любопытствомъ ожидаютъ еще одного процесса, совершенно иного характера, процесса Тронсенъ-Дюмерсена, бывшаго также должностнымъ лицомъ при имперіи, и въ послѣдствіи при Тьерѣ исполнявшаго служебныя порученія по части полиціи, и, къ несчастію, допущеннаго имъ до компрометирующей близости и даже до полученія ордена *légion d'honneur*. У Тьера всегда была слабость—не умѣть выбирать своихъ приближенныхъ. Онъ держится мнѣнія, что политическій дѣятель не можетъ обходиться безъ помощи мошенниковъ, и его терпимость въ этомъ отношеніи уже не разъ вовлекала его въ самыя непріятныя столкновенія.

На-дняхъ мы понесли горестную утрату въ лицѣ скончавшагося Жюля Жанена. „*Journal des Débats*“ достаточно распространенъ въ Россіи, и конечно, писатель, въ теченіи сорока лѣтъ занимавшій въ немъ съ блескомъ и необычайнымъ постоянствомъ должность театральнаго фельетониста, былъ довольно тамъ извѣстенъ. Поэтому считаю лишнимъ расточать похвалы его остроумію, таланту и живости его рѣчи, не всегда одинаково удачной, но постоянно занимательной и часто увлекательной. Онъ не ограничивался однимъ фельетономъ: изъ-подъ его пера вышли также романы, путешествія и другого рода литературныя произведенія, но театральная критика

составляла его главную спеціальность и останется его капитальнымъ трудомъ. Онъ былъ однимъ изъ послѣднихъ представителей исчезающаго у насъ, и едва ли не вездѣ, типа настоящаго литератора, безопаснаго, безкорыстнаго, пишущаго преимущественно изъ удовольствія высказывать свои мысли. Современные писатели похожи нѣсколько на литературныхъ фабрикантовъ, несомнѣнно искусныхъ въ своемъ дѣлѣ, но не болѣе. Онъ былъ также вполне порядочнымъ человекомъ, и особенно во второй половинѣ своей продолжительной жизни отличался гораздо большей дозою серьезности и послѣдовательности, чѣмъ можно было бы ожидать отъ него, судя по нѣсколько игривымъ его фельетонамъ. Онъ сохранилъ къ семейству Орлеанскихъ принцевъ, которое оказывало ему много вниманія во времена царствованія Людовика-Филиппа, непоколебимую вѣрность, которую онъ умѣлъ выражать съ достоинствомъ. Французская академія нѣсколько лѣтъ тому назадъ обрадовала его избраніемъ въ свою среду, заставивъ его долго прождать этой чести; но послѣдніе дни его были отравлены отставкою, полученною имъ отъ „*Journal des Débats*“ помимо его желанія. Ему хотѣлось вести свой фельетонъ до послѣдняго издыханія. Правда, онъ былъ боленъ, едва двигался, не могъ болѣе посѣщать театръ, но ему помогали, и уже нѣсколько лѣтъ въ его статьяхъ проглядывали, какъ увѣряютъ многіе, слѣды сотрудничества, приписываемаго его женѣ. Вдова его была богатой наслѣдницей, родомъ изъ Нормандіи, вышедшая за него замужъ изъ уваженія къ его таланту.

Смерть князя Трубецкаго, тестя графа Орлова, русскаго посла въ Парижѣ, произвела также тяжелое впечатлѣніе. Князя очень цѣнили въ высшемъ обществѣ и въ кружкѣ экономистовъ, къ средѣ которыхъ онъ принадлежалъ. Его любили также за его благотворительность, которая обнаружилась съ особенной силою во время бѣдствій войны 1870—71 года.

P. S. 13/26 іюня.

Письмо графа Монталиве, о которомъ я говорилъ выше, появилось сегодня утромъ въ „*Journal des Débats*“. Тонъ его самый рѣшительный, и такъ какъ авторъ его пользуется сильнымъ авторитетомъ въ орлеанистской партіи, то, быть можетъ, оно произведетъ нѣкоторое впечатлѣніе. Монталиве былъ искреннимъ другомъ и самымъ вѣрнымъ изъ слугъ короля Людовика-Филиппа. И потому его заявленіе противъ роялизма и мнѣніе, что конституціонная монархія, послѣ манифеста Генрика V, невозможна, его воззваніе къ правому центру—соединиться съ лѣвымъ и создать разумную и консервативную республику, которую онъ считаетъ „единственнымъ возможнымъ либеральнымъ правительствомъ“, какъ мнѣ кажется, не могутъ пропасть безслѣдно. Слѣдуетъ однакоже замѣтить, что письмо помѣчено

17-мъ числомъ, и вѣроятно сообщено главнымъ лицамъ, на которыхъ желали повліять имъ,—между тѣмъ никакихъ слѣдовъ этого вліянія не замѣтно.

Комитетъ сліянія, заправлявшій прошлымъ годомъ монархическимъ заговоромъ, собирався на-дняхъ для совѣщанія и составленія опроверженія на письмо, напечатанное въ „Times“ и приписываемое герцогу Одиффре. Но опроверженіе это касается лишь подробностей, а вся сущность разсказа „Times“ остается нетронутою.

Въ заключеніе мы можемъ сказать, что надежды на республику слабы и опасность возрастаетъ. Бонапартизмъ болѣе чѣмъ когда-либо составляетъ общій кошмаръ, для борьбы съ которымъ партіи однакъ же не рѣшаются соединиться.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ВЪ ОТВѢТЪ НА „ПИСЬМА Г. КАВЕЛИНА“.

Прочитавъ „письма г. Кавелина“ и убѣдившись окончательно, что соглашеніе между нами по поводу занимавшихъ насъ психологическихъ вопросовъ невозможно, я считаю дальнѣйшее продолженіе спора бесполезнымъ; но не могу оставить безъ отвѣта обвиненій меня со стороны г. Кавелина въ томъ, будто я не прочелъ его книги съ достаточнымъ вниманіемъ и часто приписываю ему вещи, которыхъ онъ и не думалъ говорить.—Здѣсь дѣло идетъ о моей добросовѣстности, и оставлять на себѣ такую тѣнь я не желаю.

Главнѣйшая причина, почему г. Кавелинъ такъ часто не узнаетъ себя въ моей рецензій, заключается въ слѣдующемъ.

Въ „Задачахъ Психологій“ онъ выходитъ изъ мысли, что *положительная наука еще не принималась за объясненіе психическихъ явленій* (стр. 9), и говоритъ въ заключеніе 1-й главы, что *постарается показать въ общихъ и главнѣйшихъ чертахъ, въ чемъ можетъ состоять приложение пріемовъ строгого научнаго изслѣдованія къ психическимъ фактамъ.*

Этому я, конечно, повѣрилъ и сталъ смотрѣть на слѣдующія главы, какъ на попытку создать новую систему психологій на положительныхъ основаніяхъ. При этомъ я разсуждалъ такъ: чтобы создать новую психологическую систему, необходимо или взять для разработки иной сырой матеріалъ, чѣмъ тотъ, который употреблялся доселѣ, или измѣнить въ корнѣ методъ изслѣдованія, потому что

идти въ томъ и другомъ направленіи по старымъ путямъ значить лишь повторять ошибки. Признаюсь откровенно, при такомъ взглядѣ на книгу г. Кавелина, содержаніе ея показалось мнѣ нѣсколько сбивчивымъ, но все же я не могъ сомнѣваться въ истинности моихъ предположеній въ виду того, что встрѣчается въ „Задачахъ Психологіи“ по обоимъ этимъ пунктамъ.

Такъ, на стр. 23 и 24 говорится: „Только благодаря такому наруженію психической жизни во внѣшнихъ предметахъ и явленіяхъ, становится возможнымъ на ряду съ знаніемъ природы и положительное знаніе духовной стороны человека. Только на основаніи внѣшнихъ проявленій психической жизни мы можемъ говорить о правѣ, объ искусствѣ, о философіи... Благодаря объективной опредѣленности этихъ слѣдовъ стала возможна даже исторія вѣрованій, языка, политическихъ ученій и учреждений, искусствъ, наукъ, философіи и культуры. Сравнивая однородныя явленія у разныхъ народовъ и у одного и того же народа въ различныхъ эпохи его исторической жизни, мы узнаемъ, какъ эти явленія измѣнялись, и подмѣчаемъ законы такихъ измѣненій, которые въ свою очередь служатъ матеріаломъ для изслѣдованія законовъ психической жизни и дѣятельности. Всѣ науки готовятъ, такимъ образомъ, матеріалъ для психологіи, и отъ степени совершенства ея выработки зависитъ большая или меньшая положительность психологическихъ изслѣдованій“.

Спрашивается, имѣлъ ли я право думать и утверждать, что г. Кавелинъ ждетъ отъ исторической разработки всевозможныхъ памятниковъ человѣческой дѣятельности возведенія психологіи на степень положительной науки? Что-нибудь одно—или онъ просто проговорился, написавъ подчеркнутыя мною фразы, или онъ плодъ зрѣлаго размышленія?—Я принялъ ихъ, конечно, въ послѣднемъ смыслѣ.

Перехожу ко 2-му пункту, т.-е. къ способу разработки научнаго матеріала. Здѣсь я обвиняюсь въ томъ, что навязалъ г. Кавелину *психическое зрѣніе, какъ орудіе анализа психическихъ дѣятельностей*. Онъ дѣйствительно нигдѣ не опредѣляетъ психическое зрѣніе въ этомъ смыслѣ, но, вѣдь, я и дѣлаю эту оговорку въ словахъ моихъ „Замѣчаній на книгу г. Кавелина“ (стр. 399), что *г. Кавелинъ нидѣ не квалифицируетъ психическаго зрѣнія*. Если же, несмотря на это, я позволилъ себѣ придать ему смыслъ анализатора, то поступилъ такъ не наобумъ, а на основаніи мысли г. Кавелина, что *психическое доступно только психическому зрѣнію*, изъ которой мною лишь выведено заключеніе, что психическое зрѣніе должно быть вмѣстѣ съ тѣмъ орудіемъ изученія или анализа психическихъ фактовъ. Насколько я погрѣшилъ, дѣлая подобныя заключенія, пусть судить самъ г. Кавелинъ, прочитавъ главу V своей книги. Вѣдь еслибы онъ не

анализировалъ психическимъ зрѣніемъ психическихъ фактовъ, то какимъ образомъ могъ бы онъ дойти до представлений о строеніи и свойствахъ психическаго организма? Что же касается до того, почему, разбирая состоятельность психическаго зрѣнія, я выбралъ примѣромъ случай анализа человѣкомъ своихъ прошлыхъ и будущихъ мыслей и поступковъ, — случай, о которомъ г. Кавелинъ не говорить въ своей книгѣ, то это было сдѣлано съ цѣлью разобрать спорный пунктъ на такомъ примѣрѣ, въ которомъ человѣку, слушающемуся исключительно голоса самосознанія, существованіе психическаго зрѣнія должно представляться особенно яркимъ.

Третье важное обвиненіе заключается въ томъ, будто я неосновательно причисляю г. Кавелина къ философамъ стараго закала, т.-е. къ метафизикамъ.

Сдѣлалъ я это на томъ основаніи, что всѣ приемы построения научной системы у него тѣ же самыя, что у метафизиковъ. — Сначала онъ старается установить, на основаніи крайне шаткихъ данныхъ, существенныя различія между психическимъ и матеріальнымъ. Затѣмъ, считая эту задачу выполненной, принимается за построеніе души съ ея свойствами на основаніи конкретныхъ психическихъ фактовъ, забывая, что послѣдніе и составляютъ тотъ научный матеріалъ, который долженъ быть изучаемъ въ психологіи, тѣ *x*-ы, которые должны быть разрѣшены наукой. Наконецъ, выстроивъ душу изъ однихъ только *x*-овъ, онъ пускаетъ ее для объясненія *y*-овъ или другихъ *x*-овъ, которые кажутся ему болѣе загадочнымъ (см. гл. V). Это ли не метафизика?

Итакъ, винить меня можно не въ томъ, что я недостаточно внимательно прочелъ книгу г. Кавелина, а развѣ въ томъ, что я, довѣряя его словамъ въ предисловіи, позволилъ себѣ думать, что онъ хочетъ построить новую систему психологіи, и смѣтрѣлъ на книгу съ этой точки зрѣнія. Этого, конечно, не случилось бы, если бы я зналъ, разбирая „Задачи Психологіи“, что въ дѣлѣ объясненія психическихъ фактовъ между психологами, по мнѣнію г. Кавелина, не меньше, но и не больше разногласія, чѣмъ между химиками и физиологами (Вѣстн. Евр., мартъ, 1874, стр. 413). Тогда я не понималъ бы, конечно, съ какою цѣлью написана его книга, но за то зналъ бы напередъ, что въ нашихъ взглядахъ на то, что такое наука, что такое положительный методъ, что значить объяснить явленіе и пр., лежатъ слишкомъ глубокія различія, чтобы намъ спорить другъ съ другомъ.

И. С ѡ ч е н о в ѣ .

ИЗВѢСТІЯ.

І. Общество для пособия нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе комитета 21-го мая 1874.

- 1) Выдано 150 р. больному писателю.
- 2) Отклонены ходатайства 5-ти лицъ.
- 3) Выдано 75 р. писателю на переѣздъ къ мѣсту служенія.
- 4) Выдано 150 р. писателю, временно находящемуся въ затруднительномъ положеніи.
- 5) Утверждено распоряженіе секретаря о выдачѣ 50 р. писателю, находящемуся въ больницѣ.
- 6) Выдано въ ссуду одному писателю 200 р. и другому 100 р.
- 7) Выдано 150 р. дочери извѣстнаго писателя, не имѣющей никакихъ средствъ къ жизни.
- 8) Изъявлена благодарность Общества Петру Васильевичу и И. Н. Полканову за ихъ пожертванія въ пользу Общества.

Засѣданіе комитета 3-го іюня.

- 1) Выдано 100 р. больному писателю на поѣздку къ минеральнымъ водамъ.
- 2) Выдано 200 р. писателю, семейство котораго находится въ крайнемъ положеніи.
- 3) Удовлетворено ходатайство дочери покойнаго писателя о выдачѣ ей 15 р. на приобрѣтеніе швейной машины.
- 4) Выдано въ ссуду: двумъ лицамъ по 125 р., одному 300 р. и одному 800 р.
- 5) Выдано 50 р. молодому писателю, временно лишившемуся заработковъ.
- 6) Изъявлена благодарность Общества В. А. Манассеину за содѣйствіе комитету.
- 7) Отклонены два ходатайства, такъ какъ удовлетвореніе ихъ не относится къ обязанностямъ комитета.

Засѣданіе комитета 18-го іюня.

- 1) Выдано 50 р. писателю, находящемуся въ крайности, и такая же сумма больной вдовѣ писателя, на леченіе.
- 2) Отпущено въ ссуду 100 р.
- 3) Отклонены ходатайства двухъ лицъ о пособіи.
- 4) Изъявлена благодарность Общества Ѳ. П. Баймакову за содѣйствіе его Комитету.

Отчетъ казначея за май.

Поступили годовые взносы 23 лицъ ¹⁾ 455 р.; единовременно отъ 2-хъ лицъ 110 р.; отъ Ея Императорскаго Величества 300 р.; часть сбора отъ концерта А. Г. Рубинштейна въ Москвѣ 900 р.; проигранное пари 10 р.; процентовъ съ капитала 503 р. 15 к.; за проданныя книги 60 к.; возвращено пособіе 40 р.; всего 2,318 руб. 75 к. Израсходовано 2,623 р. 75 к., въ томъ числѣ: на пенсіи 615 р.; на единовременныя пособія 885 р.; на стипендіи и воспитаніе 320 р.; въ трехмѣсячное пособіе одному лицу 30 р.; на погребеніе 39 р. 50 к.; за храненіе процентныхъ бумагъ 9 р. 25 к.; на ссуды 4 лицамъ 725 р. Къ 1-му іюня въ кассѣ 63,129 р. 46 к.

II. Отъ Бердянской Уездной Управы.

Въ Бердянскомъ уѣздѣ имѣются вакансіи учителей сельскихъ начальныхъ школъ, содержимыхъ земствомъ. Жалованья учитель получаетъ *триста* руб. въ годъ и для помѣщенія квартиру при школѣ. Квартира отопливается и освѣщается на счетъ общества, а жалованье учитель получаетъ изъ Уездной Земской Управы, которое и высылается по земской почтѣ ежемѣсячно. Кромѣ жалованья, учителямъ, за успѣхи по преподаванію, выдаются награды до 50 р., а при особыхъ успѣхахъ и усердіи къ дѣлу увеличивается окладъ жалованья.

Лица, желающія получить учительское мѣсто на означенныхъ выше условіяхъ, должны заявить о томъ Земской Управѣ съ приложеніемъ копій документовъ о званіи своемъ, о правѣ на преподаваніе въ начальныхъ школахъ, а также и удостовѣреніе о прежней своей дѣятельности.

М. Стасюлевичъ.

¹⁾ За 1872—73 гг.: отъ Д. Б. Бѣра 30 р.; за 1873 г.: отъ П. Е. Ковалевскаго 15 р.; за 1873—74 г.: отъ В. А. Полетниа 20 р.; за 1874—75 г.: отъ Е. В. Пеликана 20 р.; за 1874 г.: отъ И. К. Грумъ-Гржимайло, Н. Ф. Денна, А. Ф. Кони, И. А. Петрова, М. П. Плена, И. Н. Полканова, К. Н. Посыета, П. И. Саввантова, А. И. Стронина, А. С. Суворина, М. И. Сухомлинова, И. А. Чистовича и Ф. Ф. Эссена—по 10 р.; отъ А. Н. Полкановой 20 р.; К. Д. Власова, I. И. Паульсона и гр. П. Ю. Свѣзора по 25 р.; Д. А. и Н. А. Пастуховыхъ по 75 р.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
А. О. БАЗУНОВА

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 30.

Въ июнѣ поступили въ продажу слѣдующія книги:

МОРДОВЦЕВЪ, Д. Русскія женщины новаго времени. Биографическіе очерки изъ русской исторіи женщины первой половины XVIII вѣка. Спб. 1874 г. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 2 ф.

ДОЛГОРУКИЙ, И. КН. Капище моего сердца. М. 1874 г. Ц. 1 р. 75 к., перес. за 2 ф.

КОСТОМАРОВЪ, Н. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Спб. 1874 г. Выпускъ 5-й. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

ПОГОДИНЪ, М. Борьба не на животъ, а на смерть, съ новыми историческими ересями. М. 1874 г. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

АНДРИ и ГЮЛО. Козни іезуитовъ. Историческій романъ изъ временъ Генриха IV. М. 1874 г. 2 т. 3 р. 50 к., перес. за 4 ф.

БЕНЕКЕ, Ф. Руководство къ воспитанію и учепію. Ч. II. Спб. 1874 г. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 3 ф.

СБОРНИКЪ постановленій и распоряженій по гимназіямъ и прогимназіямъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Спб. 1874 г. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

СМИРНОВА, С. Попечитель учебнаго округа. Романъ въ трехъ частяхъ. Спб. 1874 г. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

МИЛЮКОВЪ, А. Лѣтнія повѣздки по Россіи. Записки и путевыя письма. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 2 ф.

ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ ВЪ ТУРЕЦКИХЪ ГАРЕМАХЪ. Автобіографія жены великаго визиря Кипризли-Мегемедъ-паша Магевъ-Ханумъ. Спб. 1874 г. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

ДЮМА, А. Ожерелье королевы Маріи-Антуанеты. Новый историческій романъ. Спб. 1874 г. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

ШАВЕТЪ, ЭЖ. Точильщикъ. Романическій эпизодъ. Спб. 1874 г. Ц. за 2 т. 3 р., перес. за 3 ф.

ВАЛТЕРЪ-СКОТТЪ. Антикварій. Романъ. Спб. 1874 г. Ц. 3 р. 50 к., перес. за 4 ф.

КУПЕРЪ, Д. Bravo или венеціанскій бандитъ. Повѣсть. М. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

КУКОЛЬНИКЪ, Н. Іоаннъ III, собиратель земли русской. Историческій романъ. Спб. 1874 г. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

БРАНДТЪ, Э. Очерки сравнительной анатоміи. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

МАРЛИТТЪ, Е. Вторая жена. Романъ. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

ДЕЛОРОВЪ, П. Объ отвѣтственности желѣзно-дорожныхъ предпринимателей и ихъ агентовъ за причиненіе эксплуатаціею вреда лицамъ и имуществу. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

ВЕРЕЩАГИНЪ, А. Путевыя замѣтки по Черноморскому округу. М. 1874 г. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

ВЕРЕЩАГИНЪ, А. Справочная книжка для поселяющихся и приобретающихъ земли въ Черноморскомъ округѣ и путешествующихъ по Черному и Азовскому морьямъ. М. 1874 г. Ц. 50 к., перес. за 1 ф.

Выстникъ Европы.—Іюль, 1874.

ГРЕБЕНЩИКОВЪ. Конская повинность въ народно-хозяйственномъ и военномъ отношеніи. Спб. 1874 г. Ц. 1 р., перес. за 1 ф.

ЭКСЪ. На пол-пути. Очерки и замѣтки Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

СЕМЕНОВЪ, Д. Педагогическій ежегодникъ кубанской учительской семинаріи. Годъ первый (1873). Спб. 1874 г. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

ЖУАНЬЕ, П. Совѣты молодой хозяйкѣ. Спб. 1874 г. Ц. 1 р., перес. за 1 ф.

АКСАКОВЪ, А. Содержаніе питейныхъ заведеній. Спб. 1874 г. Ц. 25 к., перес. за 1 ф.

МАЙЕРЪ, К. Легочная чахотка, ея причины и возможность исцѣленія. Спб. 1874 г. Ц. 25 к., перес. за 1 ф.

ФИШЕРЪ, Ф. О воздѣлываніи и храненіи картофеля. Спб. 1874 г. Ц. 50 к., перес. за 1 ф.

ГИРШГОРНЪ, А. Эмсъ и цѣлебные его источники. Спб. 1874 г. Ц. 60 к., перес. за 1 ф.

О ПОДАНИИ ПОМОЩИ УТОПАЮЩИМЪ. Спб. 1874 г. Ц. 20 к., перес. за 1 ф.

БОБОРЫКИНЪ, П. Полжизни. Романъ. Спб. 1874 г. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

ЗАПИСКИ ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА МИНИХА. Спб. 1874 г. Ц. 2 р., перес. 2 ф.

Программы „Частной Женской Гимназіи“ можно получать въ книжныхъ магазинахъ Исакова и Черкесова и въ самомъ помѣщеніи Гимназіи (В. О., 2 линія, д. 15 кв. 8). Для личныхъ переговоровъ и для записыванія ученицъ просятъ обращаться по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1—3. Приѣмные экзамены во всѣ семь (7) классовъ Гимназіи назначены съ 1-го по 10 сентября.

ВНОВЬ ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ

КОРЕЙСКАЯ АЗБУКА

составленная въ пользу Корейскихъ школъ Южно-Уссурійскаго края Корейскимъ миссіонеромъ, священникомъ Васиіемъ Григ. Пьяневымъ. Продается у автора въ С.-Петербургѣ, на Троицкомъ подворьѣ, по Фонтанкѣ. Цѣна 15 коп.

BULLETIN

de la librairie de CARL RICKER (A. MÜNCH).

Perspective de Newsky, № 14.

ARNIM & BRENTANO, Des Knaben Wunderhorn. Illustrierte Ausgabe I. Band. 5 r. 70 k.

BARDELEBEN, Lehrbuch der Chirurgie und Operationslehre. 7-te Auflage. I. Band. 4 r. 50 k.

BAVIER, Le sericiculture, le commerce des soies et des graines au Japon. 6 r.

BLOCQUEVILLE, Les soirées de la villa des Jasmins. 4 vols. 12 r.

BRENTANO, Psychologie I. Band. 3 r. 60 k.

BRÜCKE, Vorlesungen über Physiologie. 2 Bände. 12 r. 50 k.

CHINA, Handelsstatistik der Vertrags-Häfen für die Periode 1863—72. 10 r.

DU BOIS, Lettres sur l'Italie et ses musées. 3 r. 75 k.

FAHLE, Die Physik des täglichen Lebens. 3 r. 50 k.

FIORE, Le droit international. 2 vols. 6 r.

FLANBERT, La tentation de Saint-Antoine. 3 r.

GEIGER, Petrarka. Darstellung seiner Bedeutung. 2 r. 60 k.

GREGOROVIVS, Lucrezia Borgia. Nach Urkunden und Correspondenzen ihrer eigenen Zeit. 2 Bände. 6 r.

GUTHRIE, A travel trough Russia. 2 vols. 10 r. 50 k.

HEFFT, Handbuch der Balneartherapie. 8. Aufl. 7 r.

HUB, Deutschlands Balladen und Romanzendichter. 3 Bände. 7 r. 20 k.

YAMAIN ET FORNEY, Les roses. 12 r.

ILLUSTRATIONS of art manufactures ancient and modern. 2 vols. 2 r. 20 k.

LINDE, Geschichte und Literatur des Schachspiels. I. Band. 10 r.

MAYNZ, Cours de droit romain. 3 vols. 12 r.

OETTINGEN, Moralstatistik 2. Aufl. 7 r. 50 k.

PROCTOR, The moon. 7 r. 50 k.

REISSMANN, Geschichte des deutschen Liedes. 3 r.

SAINT-SIMON, Mémoires. 12 vols. 16 r. 80 k.

DAS SCHLACHTFELD von Gravelotte. St. Privat in 14 Ansichten nach Originalzeichnungen von Lüders. Text von Hellmuth. 7 r. 50 k.

SCHMIDT, Adolf, Epochen und Katastrophen. Perikles und sein Zeitalter.—Der Nika-Aufstand unter Justinian.—Don Carlos & Philipp II. 3 r.

SCHMIDT, Alex., Shakespeare-Lexikon. A complete dictionary of all the English words, phrases and constructions in the works of the poet. 6 r.

STIERNSTEDT, Description des monnaies de Cuivre. 6 r.

TASSY, L'islamisme. 3 r.

THOMASIVS, Dogmengeschichte, I. Band. 4 r. 80 k.

UHLAND'S LEBEN. Aus dessen Nachlass und aus eigener Erinnerung zusammengestellt von seiner Witwe. 1 r. 80 k.

WESSELY, Iconographie Gottes und der Heiligen. 5 r. 50 k.

ZIEMSEN, Handbuch der speziellen Pathologie und Therapie:

I. Oeffentl. Gesundheitspflege. 5 r.

II. Infektionskrankheiten I. 6 r.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Коммиссіонеровъ Московскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества

І. ЮРГЕНСОНА,

П. ЮРГЕНСОНА,

С.-Петербургъ, Большая Морская, № 9
(на углу Невскаго проспекта)

Москва, Петровка, № 6
(на углу Кузнецкаго моста)

поступило въ продажу

Разныя школы: Аляръ, Школа для скрипки (5 р.). Вауеръ, Школа для цитры (2 р.). Влятъ, Полная школа для кларнета, въ двухъ частяхъ (каждая 4 р. 50 к.). Бруни, Школа для альта (1 р. 80 к.). Хватажъ, Школа для аккордеона или ручной гармоникки (75 к.). Жираръ, Школа для гармоник-флейты (75 к.). Венда, Школа для фисгармоникки или гармоніума (1 р. 20 к.). Буликовъ, Школа для ручной гармоникки въ 8 и 10 клавишевъ по цифрамъ и по нотамъ (75 к.). Буммеръ, Школа для флейты (2 р.). Лаблашъ, Школа для пѣнія (5 р.). Ли, Школа для виолончели (4 р.). Моральтъ, Школа для цитры (2 р.). Уарренъ-Минави, Школа для концертно (3 р.). Лобе, Музыкальный катехизисъ. Переводы съ 13-го нѣмецкаго изданія (60 к.). Чайковский, Руководство къ практическому изученію гармоніи. Учебникъ, составленный для Московской Консерваторіи (2 р.). Гаррастъ, Карманный музыкальный словарь (терминологія) (50 к.). Гевартъ, Руководство къ инструментовкѣ, съ прибавленіемъ партитурныхъ примѣровъ изъ русскихъ сочиненій (4 р.). Альбрехтъ, Хоровое пѣніе по методу Шева (1 р. 20 к.).

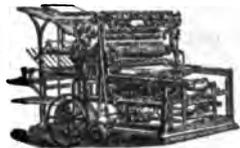
Для пѣнія: Чайковский, Романсы: Не вѣрь мой другъ (60 к.); Ни слова, о другъ мой (60 к.); И больно и сладко (75 к.); Слеза дрожитъ (60 к.); Отчего? (60 к.); Пѣтъ, только тотъ (60 к.); Забытъ такъ скоро (75 к.); „Снѣгурочка“. Музыка къ весенней сказки Островскаго: интродукція, мелодрамы, хоры, пѣсни и танцы (4 р.); Отдѣльно: Земляничка-ягодка (75 к.); Какъ по лѣсу гдѣсь шумитъ (50 к.); Туча съ громомъ словаривалась (60 к.); Купался боберъ (50 к.). Соколовъ, Зашумѣла, разгулилася (60 к.); Весенняя пѣснь Мендельсона, переложенная для пѣнія (75 к.); Что ты молодость (40 к.); Напрасно (50 к.); Выборъ жены (50 к.); Безпечный. Комическая пѣсня (50 к.); Опять (50 к.); Виновата ли я (40 к.); Соловьемъ заметнымъ и Такъ и рвется душа (60 к.); Море сердце (40 к.); Море и сердце на два голоса, переложенный А. Даргомыжскимъ (60 к.); Грусть дѣвушки и Вотъ мой милый, ненаглядный (75 к.). Монюшко, Подъ окномъ. Серенада (30 к.); Золотые сны (30 к.); Лучше съ жизнью разстанусь (30 к.); Сельская серенада (60 к.); Молитва: „Тебѣ славу возсылаемъ“ (30 к.); Золотая рыбка (30 к.); Три цвѣтка (30 к.); Невастье (30 к.); Сладость молитвы (45 к.); За водой (30 к.); Черный крестикъ (45 к.); Изъ оперы „Галька“. № 4, Какъ бурнымъ вѣтромъ; для сопрано (45 к.); № 7, О какъ я теперь бы желала; для сопрано (75 к.); № 15, Дума: Межъ горами вѣтеръ воетъ (75 к.); № 19 Каватина: Птенчикъ мой милый (75 к.). Шереметевъ, Я васъ любилъ (50 к.); Тоже на три голоса (1 р.). Штуцманъ, Раздумье (40 к.); Полюби ты меня (50 к.); Глаза (50 к.). Фаминцынъ, Пѣвецъ (40 к.); Чайльд-Гарольдъ (40 к.); Вошелъ козелъ въ огородъ (40 к.); Межъ тремя морями башня (60 к.). Прокунинъ, Собраніе 66 русскихъ народныхъ пѣсенъ для одного голоса съ фортепіано, подъ редакціей П. Чайковскаго, 2 выпуска (по 1 р. 75 к.). Нащенко, Пропaday ты жизнь (60 к.). Постникова, Собраніе легкихъ пѣсенокъ для дѣтскаго возраста (1 р. 50 к.). Вильбоа, Для всѣхъ чужой (50 к.).

За пересылку прилагается особо и взимается съ общаго вѣса посылки. Каталогъ дешевымъ изданіямъ высылается бесплатно. Требования Гг. многогородныхъ исполняются съ первоотходящею почтою. Въ этихъ же магазинахъ можно получить всѣ музыкальныя произведенія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены.

Дело лучшихъ итальянскихъ струнъ.

ПАРОВАЯ и СКОРОПЕЧАТНАЯ ТИПОГРАФІЯ

М. М. Стасюлевича.

Въ книжномъ складѣ типографіи находятся:

УЛЭ и ВАГНЕРЪ. Руководство въ общей патологіи. Переводъ съ шестаго дополненаго нѣмецкаго изданія 1874 г. студентовъ университета св. Владимира. Подъ редакціей доцента общей патологіи, д-ра **Н. С. Афанасьева.** Ц. 4 р.; перес. за 3 ф.

РУССКАЯ ХРИСТОМАТІЯ, съ примѣчаніями. Для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, составилъ **Андрей Филоновъ.** Ч. IV. Изд. второе, исправленное и дополненное. Спб. 1873. Стр. 877. Ц. 1 р. 60 к.

Всѣ четыре части Русской Христоматіи одобрены Ученымъ Комитетомъ Мин. Народ. Провс. для гимназій и прогимназій, а Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ — для духовныхъ семинарій.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. **Н. И. Костомарова.** Первый отдѣлъ: Господство Дома св. Владимира: X—XVI столѣтія. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ одинъ большой томъ около 50 печат. листовъ. Отдѣльный выпускъ 1 р. 25 к.; весь томъ 3 р. 75 к.—Второй отдѣлъ: Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II: XVII и первая половина XVIII вѣка. Выпускъ четвертый: цари Михаилъ и Алексѣй. Ц. 1 р. 25 к. Выпускъ пятый: Царь Ѳеодоръ и царевна Софья. Ц. 1 р. 50 к.

Шестой выпускъ *второго* отдѣла вскорѣ поступить въ печать.

АЛЕКСѢЙ СЛОБОДИНЪ. Семейная исторія, въ пяти частяхъ. **П. Альминскаго.** Спб. 1873. Стр. 457. Ц. 2 р. 50 к.

ФРАНЦЪ ФОНЪ-ЗИКИНГЕНЪ. Историческая трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Фердинанда Лассала. Перев. **А. и С. Крыль.** Спб. 1873. Стр. 259. Ц. 1 р. 50 к.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ, ПОСЛОВИЦЫ И ЗАГАДКИ. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Состав. **П. В. (Петръ Вейнвергъ).** Спб. 1873. Ц. 20 к.

РОБИНЗОНЪ КРУЗЕ, **А. Амисноя.** Новая переработка темы де-Фоз. Съ 10-ю карт. и 35-ю полтипажами. Изд. **В. Лесевича.** Спб. 1874. Ц. 2 р.

ИСТОРІЯ КУСОЧКА ХЛѢБА. Описаніе жизни человѣка и животныхъ въ письмахъ. Соч. **Масе.** Перев. **А. Головачова.** Спб. 1874. Ц. 1 р. 50 к.

Гг. Книгопродавцы обращаются въ контору типографіи, въ Спб., на В. О., 2-я линія, д. № 7: открыта отъ 10-ти ч. до 1 ч. утра и отъ 3-хъ до 6-ти вечера.

— 75 КОПѢКЪ — КАЖДАЯ КНИГА —

ВО ВСѢХЪ МАГАЗИНАХЪ С.-ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ ПРОДАЕТСЯ

ВТОРАЯ КНИГА

ОВЩЕДОСТУПНАГО ИЗДАНІЯ

„РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА“

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИГИ: Портретъ, Биографія, Бѣлинскій о поэзіи Лермонтова. — **Первый отдѣлъ:** Демонъ. — Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова. — Дума. — Три пальмы. — Мцыри. — Сказка для дѣтей, и мелкія стихотворенія, всего числомъ 40. — **Второй отдѣлъ:** I. Герой нашего времени: Максимъ Максимычъ; Тамань; Фаталистъ. — II. Два отрывка изъ начатой повѣсти.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИГИ: А. С. Пушкинъ. — Портретъ, Биографія, Бѣлинскій и Гоголь о Пушкинѣ. — **Первый отдѣлъ:** Мѣдный Всадникъ. — Полтава. — Борисъ Годуновъ. — Русалка. — Евгений Онегинъ (глава вторая и шестая). — Братья Разбойники. — Галубъ. — **Второй отдѣлъ:** Пѣсни, Сказки и пр., всего 26. — **Третій отдѣлъ:** Арапъ Петра Великаго. — Лѣтопись села Горохина. — Дубровскій.

Содержаніе третьей книги составятъ избранныя сочиненія Н. В. Гоголя.

Главный складъ изданія „Русской Библиотеки“ помѣщается въ типографіи М. Стасюлевича, въ Петербургѣ, на Васильевскомъ Островѣ, 2-я линія, № 7.

Книгопродавцы пользуются уступкой 10 коп. съ продажной цѣны экземпляра первой книги — 75 копѣекъ въ бумажкѣ, и 1 рубль въ англійскомъ переплетѣ. Иногородные прилагаютъ за пересылку 25 копѣекъ на экземпляръ. Уступка книгопродавцамъ отъ второй книги и слѣдующей — 20%.

ВИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

изъ тропиками. Страствованіе по Венецуэлѣ, въ Оршиноко, въ британской Гвианѣ и на Анзоніи. *К. Ф. Ангуна.* Сиб. 1874. Стр. 330. Ц. 3 р. 50 к.

Авторъ—естествоиспытатель, изучавшій поединки нѣхъ страны, отчасти по указанію Гуа-льда, отчасти по порученію англійскаго правительства. Періодъ его наблюденій обнимаетъ двѣнадцать лѣтъ, а именно съ 1848 по 1863 г. рожѣ научнаго значенія, книга Ангуна имѣетъ внимательность изложенія путешествій по мало-азійскимъ странамъ, съ описаніемъ картинъ истинности и личнымъ приключеній. Она задана русскому языкѣ редакціей журнала „Всемир- ный Путешественникъ“.

ШЕСКИ ФЕЛДМАРШАЛА ГРАФА МНИХА. Переводъ съ французскаго, подъ редакціей *С. Н. Шу- бинскаго*, съ портретомъ. Сиб. 1874. Стр. 435.

Полный русскій переводъ записокъ Мниха издается въ печати ровно сто лѣтъ послѣ изда- ния французскаго оригинала (въ 1774 году въ Амстердамѣ). Мнихъ, составляя ихъ, вовсе не имѣлъ въ виду писать записки, и едва ли даже равняло давать его книгѣ такое заглавіе; она была написана при помощи академика Миллера въ Екатерининъ съ цѣлью доказать необходи- мость учрежденія государственнаго совѣта. Но такой необходимости разсуждается всего на трехъ страницахъ, въ видѣ вывода изъ предше- ствующаго историческаго очерка; поэтому самъ Мнихъ называлъ эту записку „очеркомъ, даю- щимъ понятіе объ образѣ правленія россій- ской имперіи“. Очеркъ этотъ касается нѣсколь- кихъ штрихами ближайшаго до-петровскаго вре- мени и дѣлъ Петра I, а затѣмъ изображаетъ точно, но съ достаточной для характеристки вышотою, царствованіе преемниковъ Петра Ве- ликаго вплоть до Екатерины II. При этомъ, Петръ III, котораго милостями былъ ослѣпанъ Мнихъ, изображается сообразно назначенію писки. Такъ какъ Мнихъ игралъ важную роль въ этомъ періодѣ (онъ былъ принятъ въ русскую службу при Петрѣ В. въ чинѣ генералъ-лейте- нанта), то этотъ историческій очеркъ отчасти и получаетъ значеніе мемуаровъ. Самая мысль о государственномъ совѣтѣ, какъ его разумѣлъ Мнихъ, выражена имъ только въ общихъ, не- опредѣленныхъ чертахъ. „Советъ этотъ“, говоритъ въ заключеніи, „долженъ состоять изъ мно- гихъ лицъ, которыя, находясь у государственнаго кормила, могли бы исцусою направлять всѣ дѣла имперіи, облегчать этимъ труды Е. В. Им- ператрицы и избавлять ее отъ тягости входить въ подробности неособенно важныхъ дѣлъ“. Изъ него опредѣленія слѣдуетъ, что онъ хотѣлъ соз- дать въ совѣтѣ только высшую административную инстанцію, въ родѣ совѣта и комитета мини- стровъ; онъ предполагалъ распределить государ- ственныя дѣла между департаментами: иностран- ныхъ дѣлъ, военнымъ, морскимъ, финансовъ и т. д. и во главѣ каждаго изъ нихъ поставитъ вѣрующее лицо. Эти лица и составляли бы тотъ совѣтъ, который авторомъ названъ „совѣ- томъ Ея Величества“. А между тѣмъ, изъ дру- гого опредѣленія можно думать, что Мнихъ имѣлъ при этомъ въ виду именно нѣчто въ родѣ законодательнаго учрежденія, такъ какъ онъ упоминаетъ о необходимости „восполнить совѣ- томъ громадное разстояніе, существующее между высшею властью и властью сената“.

Изъ запискамъ Мниха, въ настоящемъ изда-

русскомъ переводѣ, статьи М. Д. Хмирова: „Фельдшмейстерство графа Мниха“, которая была предназначена покойнымъ авторомъ для „Артиллерійскаго Журнала“, но не была напе- чатана, и указатель книгъ и статей, относящих- ся къ биографіи Мниха.

Полжизни. Романъ *П. Д. Боборыкина.* Сиб. 1874. Стр. 319. Ц. 2 р.

Отдѣльное изданіе романа, который былъ на- печатанъ въ „Вѣстникѣ Европы“, не отличается изысканствомъ.

УЧЕБНИКЪ ПАНДЕКТНАГО ПРАВА, проф. *Виндшейда.* Т. I. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редак- ціей проф. *Пахмана.* Сиб. 1874 г. Стр. 358. Ц. 2. р. 50 к.

Отсутствіе въ русской литературѣ руковод- ства для изученія основныхъ началъ гражданскаго права, выработанныхъ римскими юристами, по- будило профессора Пахмана предпринять пе- реводъ извѣстнаго учебника гейдельбергскаго профессора Виндшейда. Учебникъ этотъ не огра- ничивается краткимъ изложеніемъ самой систе- мы права, но заключаетъ довольно подробное изложеніе предмета; въ многочисленныхъ при- мѣчаніяхъ указываются весьма обстоятельно пособія для ознакомленія со всѣмъ матеріаломъ науки. Учебникъ вышелъ въ Германіи въ 1862 году, и переводъ сдѣланъ съ 3-го изданія. Въ переводѣ замѣтно стараніе о научной точности; можно сказать, что тяжеловѣдность оригинала недостаточно устранена однимъ сокращеніемъ періодовъ; но переводъ во всякомъ случаѣ удо- влетворителенъ.

Уставъ о воинской повинности, съ общепоня- тными объясненіями. Изданъ съ разрѣшенія военнаго министра. Сиб. 1874 г. Стр. 176. Ц. 50 коп.

Официальное, общедоступное изданіе по- ваго устава о воинской повинности было со- вершено необходимо. Мысль присоединить къ главнѣйшимъ статьямъ популярное разъясненіе ихъ цѣли заслуживаетъ полного сочувствія; на- ирасно было бы распространяться о томъ, какъ желательно, чтобы законъ усвоивался народомъ въ видѣ понимаемой имъ необходимости, а не въ видѣ какой-то случайной судьбы. Но отно- сительно объясненій, влеченныхъ въ эту бро- шюру, слѣдуетъ замѣтить, что рядомъ съ дли- нными и весьма полезными (каково, напр., раз- ясненіе льготъ по семейному положенію на стр. 40—41), помѣщены и такія, которыя излишни по очевидности разясняемаго предмета; на- ирасно представлять себѣ рабочую массу не- способною понимать такія вещи, какъ напр. обязанность каждаго защищать отечество, или вредныя стороны выкупа.

Путеводитель и Совѣсдникъ въ путешествіи по Кавказу. *М. Владыкина.* Съ картою желѣз- ныхъ дорогъ. М. 1874. Стр. 518. Ц. 2 р. 50 коп.

Книга г. Владыкина, при скудости нашей дорожной литературы, большаго находка для всякаго, желающаго подготовитъ себя къ обо- зрѣнію Кавказа и имѣть руководство на пути. Авторъ откровенно признаетъ путешествен- ника отбросить на Кавказѣ всѣ идеи о дорож- номъ comfortѣ, но тѣмъ не менѣе даетъ со- вѣты, которые могутъ облегчить участь путеше- ника, и имѣетъ въ виду въ разсказахъ съ нра- вами обитателей, съ свойствами окружающей

ОБЪ ИЗДАНИИ
„ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

ВЪ 1874-мѢ ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ГОДОВОЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ — 12-ТЬ КНИГЪ:

I.—Въ С.-Петербургѣ: 1) Безъ доставки на домъ 15 руб. 50 коп. — 2) Съ доставкой по городской почтѣ 16 руб.

II.—Въ Москвѣ: 1) Съ пересылкою чрезъ книжный магазинъ П. Г. Соловьева 16 р.—2) Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію 17 руб.

III.—Въ губерніи: Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію 17 руб.

IV.—Заграницею: За пересылку чрезъ Иностранную Экспедицію къ вышеупомянутой цѣнѣ (17 р.) прилагается: а) 2 руб. — въ Германію и Австрію; б) 3 р.— въ Бельгію, Нидерланды и Пиддунайскія Княжества; с) 4 р.— во Францію и Данию; д) 5 р.— въ Анлію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію и Грецію; е) 6 р.— въ Швейцарію; ф) 7 р.— въ Италію и Японію; г) 8 р. въ Америку.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

А) Отъ городскихъ подписчиковъ въ Главной Конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ А. О. Базунова, въ Спб. Невск. пр. 30.

В) Иногородные и иностранные высылаютъ по почтѣ исключительно въ Редацію (Галерная, 20), съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества, фамиліи и того почтового учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ допущена выдача газетъ и журналовъ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается

„ГОДЪ“

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

за 1872—73 гг.

Изданіе редакціи „Вѣстника Европы“.

Спб. 1873. Стр. 552. Съ приложеніями документовъ и Каталогами книгъ русскихъ и иностранныхъ за 1873 г.

Редакція «Вѣстника Европы», подъ названіемъ «ГОДА», сдѣлала опытъ особаго изданія, въ формѣ историко-политическаго обозрѣнія, какъ издаются давно подобныя обозрѣнія въ западныхъ литературахъ, пользуясь отчасти при этомъ, какъ матеріаломъ, ежемѣсячными обозрѣніями журнала, исправленными въ новомъ изданіи и значительно дополненными. Отдѣлъ Россіи вмѣстѣ въ себѣ главнѣйшіе вопросы нашей внутренней политики и внѣшнихъ отношеній; остальная Европа, съ Соединенными-Штатами, составляетъ общую историческую картину за годъ. Обозрѣніе доводится до октября 1873 года.

Цѣна ТРИ рубл.

Для подписчиковъ „Вѣстника Европы“—ДВА рубля, съ пересылкою въ губерніи.

М. СТАСЮЛЕНЧЪ

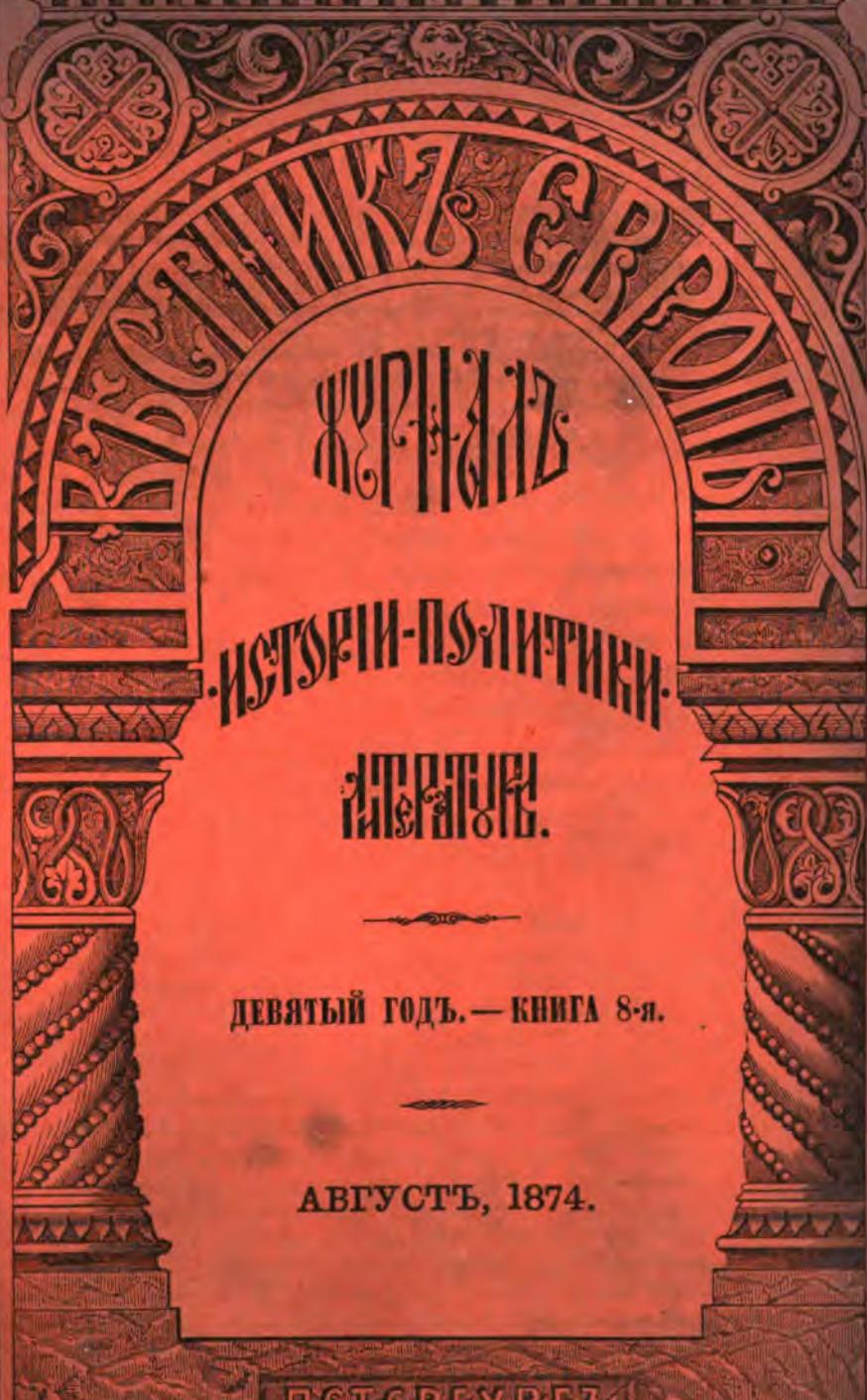
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Невск. просп., 30.

ВЪ СТИЖЬ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБЕЧЪ.

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 8-я.

АВГУСТЪ, 1874.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Google

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1874.

	Стр.
I.—ПОЛЬША И ПОЛЯКИ ПРИ СТАНИСЛАВЪ ПОНЯТОВСКОМЪ. — 1784— 1792 гг.—Статья вторая.—Е. Л.	429
II.—НАСЛѢДСТВО ИЛЫИ ПЕТРОВИЧА РАСТЕРЯЕВА.—Психологическіе очер- ки.—IX-XI.—Д. Стахѣва	471
III.—СОЛОВКИ.—Воспоминанія и рассказы изъ поѣздки съ богомольцами.—I-XX.— В. П.—Д.	488
IV.—НАРОДНЫЯ НАРѢЧІЯ И МѢСТНЫЙ ЭЛЕМЕНТЪ ВЪ ОБУЧЕНІИ.—I-II.— Л. Д.	544
V.—ГРИБОВОДОВСКАЯ МОСКВА ВЪ ПИСЬМАХЪ М. А. ВОЛКОВОЙ КЪ В. И. ЛАНСКОЙ.—1812—1818 гг.—I-II.—М. Свистуновой	572
VI.—ДЖОНЪ СТЮАРТЪ МИЛЛЬ И ЕГО ШКОЛА. — Статьи шестая и седьмая.— Юр. А. Росселя.	667
VII.—КУЙ ЖЕЛѢЗО, ПОКА ГОРЯЧО.—Новый англійскій романъ и-съ Бреддонъ.— XLVIII-LVII.—А. Э.	707
VIII.—ХРОНИКА. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Положеніе о народныхъ учили- щахъ.— Число училищъ.— Вопросъ о надзорѣ.— Взглядъ на развитіе этого вопроса.— Новое устройство надзора.— Правила о повѣренныхъ по судеб- нымъ дѣламъ.—Еще о способѣ постройки желѣзныхъ дорогъ.— Судьба двухъ новыхъ ливій.	769
IX.—ВОПРОСЪ О СЛУЖБѢ ЖЕНЩИНЪ ВЪ ЖЕЛѢЗНО-ДОРОЖНЫХЪ ОБЩЕ- СТВАХЪ	792
X.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.— Посланіе Магъ-Магона.— Измѣненія въ его кабинетѣ.— Предложеніе К. Перьё.— Отголоски виссингенскаго происше- ствія въ Германіи.—Сессія англійскаго парламента.—Вопросъ о самоуправ- леніи Ирландіи.	808
XI.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.—Изъ воспоминаній стараго пар- ламентскаго репортера.—К.	826
XII.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.—Религіозный вопросъ.—Р.	845
XIII.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—VI стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1874 г., и объ особомъ изданіи
той же редакціей „Года“, истор.-полит. обозрѣнія 1872—73 гг., см. ниже.

Объявленіе о двухъ первыхъ книгахъ «Русской Библиотеки»: избранныя со-
чиненія А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова — см. въ отдѣлѣ объявленій,
стр. VI.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА
„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1874-мъ году.

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“, сохраняя прежнюю свою программу журнала исторіи, политики, литературы, въ 1874-мъ году издается въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ шесть томовъ, каждый около 1,000 стр. большого формата.

ПОДПИСКА НА ГОДЪ:

1) БЕЗЪ ДОСТАВКИ.

15 р. 50 к. — въ Конторѣ редакціи при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, въ С.-Петербургѣ (на Невскомъ просп., 30).

2) СЪ ДОСТАВКОЮ НА ДОМЪ.

16 рублей — въ Конторѣ редакціи, въ С.-Петербургѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, въ Москвѣ.

Примѣчаніе. Для избѣжанія ошибокъ въ адресѣ, покорно просятъ подавать въ упомянутыя мѣста свой адресъ письменно, а не диктовать, подробно обозначая при этомъ названіе улицы и номеръ дома и квартиры.

3) СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ ГУБЕРНІИ.

17 рублей — высылаются *по почтѣ, исключительно въ редакцію „Вѣстника Европы“ — въ С.-Петербургѣ, Галерная, 20 —* для пересылки журнала въ губерніи и г. Москву, чрезъ Газетную Экспедицію.

Примѣчаніе. Гл. иногородные, имѣя случай подписаться лично, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ, обращаются въ Контору редакціи.

4) СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ЗА ГРАНИЦУ.

Заграничныя подписчики высылаютъ подписную сумму по почтѣ прямо въ редакцію, а лично подписываются въ кн. магаз. А. Ѳ. Базунова: за годовой экземпляръ съ пересылкою подъ бандеролью, въ Германію и Австрію—19 руб.; въ Бельгію, Нидерланды и Придунайскія княжества—20 руб.; во Францію и Данію—21 руб.; Англію, Швецію, Испанію,

Португалію, Турцію и Грецію—22 руб.; въ Швейцарію—
23 руб.; въ Италію и Японію—24 руб.; въ Америку—25 руб.

Примѣчаніе. Заграничные адреса доставляются письменно и на одномъ изъ иностранныхъ языковъ. Въ Финляндіи слѣдуетъ подписываться черезъ мѣстный почтамтъ, какъ то могутъ дѣлать вообще всѣ заграничные подписчики.

Подписчики получаютъ отъ Конторы билетъ, вырванный изъ книги редакціи: только при предъявленіи такого билета, или при сообщеніи его нумера, редакція отвѣчаетъ безусловно за свою Контору.

„ГОДЪ“

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

за 1872—73 г.

Изданіе редакціи „Вѣстника Европы“.

Томъ I—въ двухъ частяхъ. Спб. 1873. Стр. 568. Съ приложеніемъ документовъ и трехъ каталоговъ книгъ русскихъ и иностранныхъ за 1873 годъ.

ЦѢНА:

Продается въ Главной Конторѣ журнала „Вѣстника Европы“ при книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова (Невск. пр., 30.) и въ Конторѣ Типографіи М. М. Стасюлевича (Вас. Остр. 2 л., 7.)—3 рубля, съ пересылкою 3 р. 50 к.

НВ. Подписчики „Вѣстника Европы“ прилагаютъ къ подписной цѣнѣ на журналъ только 2 рубля и платятъ: 1) подписчики безъ доставки — 17 р. 50 к.; 2) съ доставкою — 18 р.; 3) съ пересылкою въ губерніи и за границу—19 рублей.

ПОЛЬША И ПОЛЯКИ

П Р И

СТАНИСЛАВЪ ПОНЯТОВСКОМЪ

1784—1792 гг.

„*Konfederacya Barska*. Korrespondencya między Stanisławem Augustem a Ksawerym Branickim, lowczym koronnym, w roku 1768. Wydał Dr. Ludwik Gimpłowicz. Kraków, 1872“. (*Барская конфедерация*. Переписка Станислава-Августа съ короннымъ ловчимъ Ксаверіемъ Браницкимъ. Изд. д-ръ Людвикъ Гумпловичъ. Краковъ, 1872).

„Korrespondencya krajowa Stanisława Augusta z lat 1784 do 1792. Poznań, 1872“. (Внутренняя корреспонденція Станислава-Августа, отъ 1784 до 1792 г. Познань, 1872).

III *).

Мы уже замѣтили, что «Внутренняя Корреспонденція» включаетъ очень мало данныхъ, относящихся собственно къ процессу самаго сейма, открытіе котораго послѣдовало въ Варшавѣ 5 ноября 1788 г. Согласно съ намѣреніемъ короля и вслѣдствіе инструкцій, данныхъ сеймовымъ депутатамъ избирателями, сеймъ долженъ былъ заняться главнымъ образомъ, едвали даже не исключительно, рѣшеніемъ вопроса объ увеличеніи войска. Однако, съ первыхъ же засѣданій оказалось, что онъ не ограничится,

*) См. выше: томъ, 5 стр.

не можетъ ограничиться обсужденіемъ и рѣшеніемъ одной этой задачи: какъ внутреннее состояніе страны, такъ и внѣшнія обстоятельства ставили на очередь множество весьма серьезныхъ и жизненныхъ вопросовъ, требовавшихъ настоятельнаго и скорого рѣшенія. Несомнѣнно, что сеймъ возбуждалъ множество ожиданій мыслящей части общества, въ которомъ начинало пробуждаться, хотя не ясно, сознание необходимости реформъ болѣе широкихъ и коренныхъ, чѣмъ формальный вопросъ объ усиленіи арміи, и сознание это не могло не быть присуще сейму вслѣдствіе одной уже живой связи его съ обществомъ. Военный вопросъ былъ рѣшенъ сразу, на первыхъ же засѣданіяхъ, и это показываетъ сильную степень одушевленія, какимъ проникнуты были члены сейма. Еще недавно, какъ *prim desiderium*, предполагалось увеличить армію только до 30 тысячъ человѣкъ; но теперь объ этой цифрѣ никто и не вспомнилъ, сеймъ сразу рѣшилъ увеличить армію до 100 тысячъ человѣкъ. Одушевленіе нѣсколько охладѣло, когда явилась необходимость обсудить и изыскать средства на содержаніе таковой арміи, когда сеймъ заговорилъ объ увеличеніи податей, налоговъ, о необходимости общественныхъ пожертвованій... Шляхта отнеслась съ отвращеніемъ къ этой сторонѣ вопроса; она хотѣла имѣть сильную армію, но мысль о расходахъ, о необходимости жертвъ, была для нея противна и невыносима. Никто не хотѣлъ платить; всѣ стали кричать, что подати и налоги—«не шляхетское дѣло». Въ силу той правды, что отъ великаго или, по крайней мѣрѣ, отъ серьезнаго до смѣшнаго одинъ шагъ, невозможно воздержаться отъ невольной улыбки, читая разные проекты, которые присланы были королю еще до начала сейма и которые свидѣлствуютъ о невѣроятной оригинальности шляхетскихъ взглядовъ и убѣжденій и о крайнемъ шляхетскомъ эгоизмѣ, доведенномъ до какой-то наивности. Всѣ эти проекты имѣли цѣлью указать королю способъ создать большую армію, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы не было вовсе никакихъ налоговъ, или чтобы шляхта была рѣшительно отъ нихъ выгорожена. Любимый поляками типъ истиннаго шляхтича, извѣстный князь Карлъ Радзивиллъ, «Пане-Коханку», *сдѣлалъ королю честь*, приславъ ему, въ числѣ иныхъ, и свой проектъ по этому вопросу. По мнѣнію князя Пане-Коханку, не только никакихъ налоговъ и податей не нужно, но, собственно говоря, и арміи не нужно никакой. Онъ предлагалъ королю «вооружить всю шляхту, которая пускай сидитъ себѣ дома, въ случаѣ же надобности пускай идетъ воевать; взимать же подати и налоги съ народа свободнаго—трудно. Нѣкто Меленцкій предполагалъ устроить дѣло иначе,

совѣтуя въ письмѣ своемъ королю «обложить налогами прежде всего евреевъ, потомъ города и мѣстечки, и только въ крайнемъ случаѣ, еслибы, къ несчастію, всего этого было недостаточно, обложить и шляхту»—прибавляетъ онъ почти сквозь слезы. Иные опять совѣтовали воспользоваться доходами съ поіезуитскихъ и школьныхъ имѣній; предлагали содержать больницы и школы умѣреннымъ жалованьемъ, «но шляхетскаго и духовнаго сословія не трогать, чтобы не нарушать гармоніи на сеймѣ»... Многие проекты, устраняя всякіе иные вопросы и считая ихъ вовсе не существующими, усматривали спасеніе отчизны въ одномъ, именно—въ огражденіи и расширеніи шляхетскихъ преимуществъ и привилегій; съ этою цѣлью требовали, напр., чтобы посты заграничныхъ представителей Рѣчи-Посполитой предоставляемы были только родовитой шляхтѣ, и чтобы даже управители королевскихъ экономій выбираемы были только изъ среды шляхты. По смыслу этихъ проектовъ, сеймъ долженъ былъ заняться исключительно рѣшеніемъ только подобныхъ вопросовъ!.. По поводу всѣхъ этихъ требованій и желаній, издатель «Корреспонденціи» дѣлаетъ слѣдующее меланхолическое замѣчаніе: «Невозможно не сознаться, что большинство нашего привилегированнаго сословія еще и тогда отдѣляло себя совершенно отъ народа, полагая, что легкая, веселая и выгодная сторона жизни должна быть доступна только одному этому сословію. Слѣдуетъ ли удивляться, что въ послѣдующемъ и длинномъ ряду годовъ этому же сословію суждено было нести на своихъ плечахъ наибольшую тяжесть народнаго креста и искупать свои грѣхи безконечнымъ горемъ и страданіями»... Удивляться тутъ, конечно, нечему, потому что есть же историческая логика, есть и справедливость. Къ сожалѣнію, не только польская шляхта, но и всякая иная, несмотря «на всѣ страданія и горе», которыя нерѣдко приходится ей переносить, едвали въ состояніи когда-либо понять эту истину.

Однако, если большинство шляхты признавало легкую и пріятную сторону жизни исключительно своею привилегією, то въ средѣ мыслящаго меньшинства начинали возникать уже взгляды болѣе трезвые, мысли болѣе разумныя, начинало пробуждаться даже чувство справедливости. Доказательствомъ тому можетъ служить тотъ интересный фактъ, что въ числѣ многихъ проектовъ и соображеній, присланныхъ королю различными лицами до сейма и во время самаго сейма, были такіе, въ которыхъ развивалась мысль о необходимости улучшенія гражданскаго и соціальнаго положенія крестьянъ, бывшихъ въ крайнемъ угнетеніи. Замѣчательно, что всѣ соображенія и проекты, касавшіеся крестьян-

своей реформы, существеннымъ ея условіемъ признавали надѣленіе крестьянъ землею, безъ чего одно освобожденіе ихъ отъ вѣрственной зависимости признавалось немислимымъ. Наполеоновъ кодексъ въ послѣдствіи рѣшилъ этотъ вопросъ иначе, но до того времени никому не приходило въ голову, чтобы возможно было лишить народъ той земли, которую онъ воздѣлывалъ цѣлыя столѣтія. Между прочимъ, хелмскій каштелянъ Полетилло такъ излагалъ свой взглядъ на этотъ предметъ въ письмѣ къ королю:

«Главнѣйшая забота наша должна состоять въ томъ, чтобы оказать справедливость нашимъ кормильцамъ, съ которыми ни одинъ народъ не поступаетъ такъ безжалостно (*nieimiłosiernie*), какъ поступаемъ съ ними мы. Продавать людей — это обычай варварскій, возбуждающій отвращеніе, а между тѣмъ у насъ онъ практикуется повсемѣстно. Не могу назвать добрымъ именемъ такой обычай, ибо думаю, что продавать можно только недвижимость и находящіяся на ней пожитки. Признаю самымъ справедливымъ дѣломъ отдать на вѣчныя времена землю всѣмъ осѣдлымъ крестьянамъ, предоставивъ помѣщику только *principale dominium*. Обезпечить имущество каждаго такимъ образомъ, чтобы оно переходило отъ отца къ дѣтямъ, а если бы ихъ не было, то къ ближайшимъ родственникамъ, и только омончательно выморочные надѣлы могли бы опять переходить къ помѣщику. Опредѣлить одинаковыя повинности, соотвѣтственно же повинностямъ опредѣлить качество и количество земли, усадебныхъ угодій, луговъ и лѣса. Предоставить полную свободу переселенія, законъ о бѣглыхъ уничтожить. По деревнямъ назначить войтовъ для судебныхъ разбирательствъ между крестьянами; каждая деревня обязана завести у себя магазинъ, подчиненный надзору войта и помѣщика. Такая справедливость по отношенію къ нашимъ кормильцамъ подняла бы силы страны, поощрила бы земледѣльческій и ремесленный трудъ. Для правильности и безпристрастія судебныхъ разбирательствъ, можно бы по воеводствамъ, земствамъ и повѣтамъ установить должность референдаріевъ, которые судили бы дѣла между крестьянами и помѣщикомъ, въ важнѣйшихъ случаяхъ съ правомъ апелляціи (*salva appellacione*) къ коронному референдарію».

По тому времени, особенно въ Польшѣ, подобный проектъ отличался крайнимъ радикализмомъ, несмотря даже на предоставляемое помѣщику «*principale dominium*», которое есть не что иное, какъ самая широкая «вотчинная полиція»; но важно то, что такіе радикалы являлись въ средѣ самой шляхты: видно, зло было ужъ черезчуръ велико и безобразно. Были и другіе проекты,

не столь радикальные, которые, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуя о томъ, что мысль объ улучшеніи положенія крестьянъ имѣла своихъ сторонниковъ, сознававшихъ всю необходимость крестьянской реформы, въ основаніи которой должно было лежать, какъ существенное условіе, надѣленіе крестьянъ землею. Условіе это признавалось столь неизбѣжнымъ, что нѣкоторые проекты, находя невозможнымъ, или нежелательнымъ, освободить крѣпостныхъ отъ барщины, старались, посредствомъ разныхъ тонкихъ комбинацій, примирить барщинную повинность съ предоставленіемъ крестьянамъ въ собственность ихъ надѣловъ, не исключаящую права продажи!.. Само собою разумѣется, что масса шляхты была весьма далека отъ мысли о какой бы то ни было крестьянской реформѣ; тѣмъ не менѣе, сеймъ не могъ обойти ее молчаніемъ и долженъ былъ рѣшить такъ или иначе вопросъ крестьянскій, какъ скоро необходимость полного переустройства всѣхъ главнѣйшихъ учрежденій страны была имъ признана, и когда это переустройство сдѣлалось главнѣйшимъ предметомъ его усиленныхъ занятій.

Реорганизаторская дѣятельность сейма развивалась довольно шибко, но бывшая результатомъ ея пережѣна всей внутренней политики вела къ измѣненію политики внѣшней. Въ началѣ января (9 дня) 1789 г. объявленъ былъ общій рекрутскій наборъ; спустя десять дней потомъ внесенъ былъ на сеймъ проектъ упраздненія существовавшего при королѣ «Постояннаго Совѣта». Вскорѣ затѣмъ сеймъ занялся обсужденіемъ предположеній и проектовъ относительно пережѣны правительственной системы. Для составленія проекта правительственной реформы, установлена была, 7 сентября, такъ-называемая «депутация (коммиссія) для улучшенія формы правленія»; душою этой коммиссіи, или депутации, былъ каменецкій епископъ Адамъ Красинскій. При обсужденіи существенно-важныхъ реформъ, захватывавшихъ всю внутреннюю жизнь страны и дававшихъ ей совсѣмъ новыя основанія гражданскихъ и социальныхъ отношеній, партіи на сеймѣ должны были выдѣлиться рѣзко и окончательно. Главныхъ партій оказалось двѣ: русская и, такъ-называемая, патриотическая; послѣдняя преобладала въ сеймѣ и была его хозяиномъ; на сторону ея склонился и король. Еще недавно всеильное вліаніе Ставельберга потеряло теперь все значеніе; патриотическая партія обратила свои взоры на Пруссію, и въ декабрѣ мѣсяцѣ сеймъ уполномочилъ особую депутацию заключить формальный съ нею союзъ. Въ декабрѣ же (17 д.) «депутация для улучшенія формы правленія» внесла на сеймъ выработанныя ею «Основанія»,

обнимавшія главную мысль тогдашнихъ реформаторовъ. Съ 24 декабря по 8-е февраля 1790 г. сеймъ прекратилъ свою дѣятельность и депутаты разъѣхались по домамъ, съ цѣлью употребить свободное время на ближайшее знакомство съ желаніями и мнѣніями страны. Сторонники союза съ Россіею старались воспользоваться этимъ временемъ для усиленія своей партіи; но и патриоты, приверженцы прусскаго союза, тоже не дремали, и вездѣ имѣли перевѣсъ. Душею внѣ-сеймовой борьбы двухъ партій является опять-таки извѣстный епископъ Красинскій, который старался пропагандировать свои идеи посредствомъ переписки съ разъѣхавшимися членами сейма. Въ сказанный промежутокъ времени, кромѣ того, по всей странѣ созваны были сеймики для выбора комиссаровъ въ недавно учрежденныя «гражданско-военныя комиссіи», имѣвшія своимъ назначеніемъ способствовать успѣшному и правильному формированію арміи. Сеймики должны были показать, насколько большинство народа (т.-е., собственно говоря, большинство шляхты) сочувствуетъ или не сочувствуетъ реформаторской дѣятельности сейма. По поводу этихъ сеймиковъ, епископъ Красинскій велъ съ своими друзьями обширную переписку, убѣждая ихъ возбуждать шляхту на сеймикахъ къ заявленію сочувствія къ сейму и его дѣятельности. Въ одномъ изъ такихъ писемъ, между прочимъ, сказано:

«P. S. Soli. Русская партія разглашаетъ по Варшавѣ, что созванные для выбора гражданско-военныхъ комиссаровъ сеймики не должны давать своимъ сеймовымъ депутатамъ никакихъ новыхъ инструкцій... Потому не *in forma* инструкціи, но *in forma laudis* необходимо поручить депутатамъ: 1) благодарить короля за его отеческія усилія; 2) одобрить всѣ дѣйствія сейма и благодарить депутатовъ; 3) поручить имъ и уполномочить ихъ позаботиться объ устраненіи на будущее время вредныхъ междуцарствій; 4) еслибы не оказалось иныхъ средствъ, пусть уполномочать депутатовъ своихъ призвать и объявить наследственность трона, съ тѣмъ условіемъ, что предоставляя тронъ нынѣ царствующему королю *ad vitae tempus*, теперь же именовать наследникомъ престола саксонскаго электора, но никого другого, т.-е., что кто будетъ электоромъ, тотъ будетъ и королемъ. Такое условіе нужно для того, чтобы устранить отъ престола женщинъ, которыя всегда приносятъ съ собою ссоры».

Письмо это писано было къ краковскому скарбнику Бржостовскому и произвело на него довольно сильное впечатлѣніе. Онъ обратился немедленно съ вопросомъ къ самому королю, прося его дать откровенный отвѣтъ, какъ нужно поступить въ вопросѣ

о междуцарствіи и наслѣдственности, если вопросъ этотъ поднятъ будетъ на сеймикѣ? Король немедленно отвѣчалъ по эстафетѣ (1-го февраля):

«Инструкцій депутатамъ не слѣдуетъ давать никакихъ, въ виду того опасенія, что въ инструкціи могли бы вкратцѣсь такія выраженія, которыя затруднили бы сеймъ, съ такимъ похвальнымъ успѣхомъ дѣйствующій... Что касается до междуцарствій, то предметъ этотъ близво касается меня лично, ибо рѣчь идетъ о тронѣ; но я объявляю, что хочу быть съ народомъ, и потому вопросъ о междуцарствіяхъ я предоставляю рѣшить самому народу, который я такъ люблю и счастье котораго составляетъ единственную цѣль моего царствованія и предметъ всѣхъ стремленій моей жизни».

Окончившіеся вскорѣ сеймики показали, что патріотическая партія имѣетъ во всей странѣ многочисленныхъ сторонниковъ; тѣсный союзъ съ Пруссіей былъ весьма популяренъ во всемъ краѣ. Депутаты возвращались въ Варшаву, въ началѣ февраля 1790 г., съ самыми возбужденными надеждами.... Король, съ своей стороны, не шадилъ никакихъ средствъ, чтобы сгруппировать вокругъ себя всѣ силы страны и привлечь къ себѣ общественное сочувствіе, которымъ онъ до того времени никогда вполне не пользовался. Онъ желалъ быть примѣромъ самопожертвованія для всѣхъ, особенно для шляхты, которая не могла спокойно думать о расходахъ на армію, формированіе которой было уже начато. Съ этою цѣлью, король пожертвовалъ на военныя нужды свои брилльянты и драгоценности, на сумму до полмилліона золотыхъ польскихъ (около 75 тыс. руб. сер.). Даръ этотъ принятъ былъ съ невыразимымъ восторгомъ; примѣръ короля сейчасъ же нашель, конечно, многихъ послѣдователей ¹⁾.

Союзъ съ Пруссіей, принятый въ принципѣ, встрѣтилъ нѣкоторыя затрудненія. Прусскій король готовъ былъ заключить съ

¹⁾ Объ общемъ и сильномъ впечатлѣніи, какое произведено было патріотическимъ поступкомъ короля, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что впечатлѣніе это не ограничилось предѣлами Рѣчи-Посполитой, но отозвалось и за границей. Польскій посяданикъ въ Копенгагенѣ, гр. Адамъ Ржевускій, писалъ въ концѣ марта къ одному изъ своихъ варшавскихъ друзей: «Я прочелъ съ восторгомъ извѣстіе о патріотической жертвѣ короля, и на другой же день, in gratiamъ этой новости, столь приятной для народа и столь лестной для короля, у меня былъ обѣдненный столъ, въ которому приглашены были всѣ заграничные министры и многія высшія датскія особы. Хотя больной, я старался помогать общей веселости и пилъ здоровье короля-гражданина, заботясь о томъ, чтобы польская добродѣтель почтена была польскимъ веселіемъ. Никогда я не сомнѣвался въ гражданскихъ чувствахъ и добродѣтельныхъ наклоненіяхъ нашего монарха, когда онъ слѣдуетъ внушеніямъ только собственнаго сердца».

поляками оборонительный союзъ, но... не хотѣлъ сдѣлать этого даромъ. Не придавая никакого значенія этому союзу и, быть можетъ, даже подсмѣиваясь надъ нимъ въ душѣ, прусскій король желалъ только воспользоваться имъ, какъ весьма удобнымъ случаемъ, для округленія восточной своей границы. Возвратившійся въ Варшаву Луккезини привезъ такія условія: Пруссія не прочь заключить съ поляками оборонительный союзъ, но съ тѣмъ условіемъ, что Польша заключитъ съ Пруссіей отдѣльный торговый трактатъ, значительно понизивъ на Вислѣ пошлину, и уступить Пруссіи Торунь и Гданскъ. Подобныя условія не могли быть приняты уже потому, что «русская» партія нашла въ нихъ удобный случай къ нападенію на политику короля и всей «патріотической» партіи. Вскорѣ получено было извѣстіе, что король прусскій согласенъ на заключеніе союза, помимо заключенія торговаго трактата и не касаясь уступки Гданска и Торуня. Извѣстіе это привело большинство сейма въ неописанный восторгъ!.. Въ засѣданіи сейма 15-го марта 1790 г., самъ король объявилъ уже публично, что онъ «склоняется ¹⁾ къ союзу съ Пруссіей»; наконецъ, 29-го того же марта союзъ этотъ былъ формально заключенъ и—привѣтствованъ, какъ признакъ рѣшительнаго поворота во внѣшней политикѣ короля, который заключеніемъ этого союза разрывалъ всѣ связи съ Россіей и окончательно становился во главѣ «патріотической» партіи... Прусскому королю того было и нужно: возбудивъ въ русскомъ правительствѣ неудовольствіе и недобѣріе къ полякамъ, онъ ждалъ теперь только случая воспользоваться этимъ неудовольствіемъ и недобѣріемъ. Извѣстно, что въ своихъ расчетахъ онъ нисколько не ошибся: львиная доля, доставшаяся ему при второмъ раздѣлѣ Польши, свидѣтельствуетъ о предусмотрительной и искусной его политикѣ... Только одни поляки полагали и вѣрили, что оборонительный союзъ съ Пруссіей будетъ ихъ «оборонять»!..

Между тѣмъ «депутатія для улучшенія формы правленія» окончила свой трудъ, и 5-го августа 1790 г. епископъ Красинскій представилъ сейму выработанный ею проектъ «Кардинальныхъ правъ», заключавшій все то, что вошло потомъ въ «конституцію 3-го мая». Торжество патріотической партіи было полное. Рѣшено было не превращать конфедеративнаго сейма; напротивъ, постановлено было удержатъ и на дальнѣйшее время

¹⁾ Чтобы понять, для чего король употребилъ такое именно выраженіе, нужно имѣть въ виду, что, немедленно послѣ открытія сейма, онъ внесъ было проектъ о союзѣ съ Россіей, но проектъ этотъ былъ отвергнутъ сеймомъ.

тѣхъ же депутатовъ и, кромѣ того, издать въ народу универсалъ, въ которомъ данъ былъ бы отчетъ въ прошлыхъ занятіяхъ сейма. Въ то же время рѣшено было созвать къ 15-му ноября посольскіе сеймики, для выбора новыхъ депутатовъ, такъ что открытіе сейма, назначенное на 16-е декабря, должно было произойти уже при двойномъ комплектѣ депутатовъ. На сеймикахъ долженъ былъ окончателно рѣшиться вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли немедленно приступить къ избранію наслѣдника королю, или оставить и на будущее время избирательное право. Нѣкоторые депутаты желали сдѣлать тронъ наслѣдственнымъ въ родѣ Станислава-Августа и заявляли ему о такомъ желаніи. Нѣкто Петръ Суминскій, брестско-куявскій каштелянъ, уѣзжая изъ Варшавы еще въ сентябрѣ, обратился къ королю съ такимъ письмомъ: «Въ минуту выѣзда моего явились ко мнѣ, прямо изъ засѣданія сейма, куювскіе депутаты, и высказали мысль, вполне согласную съ собственными моими желаніями. Всѣ мы желаемъ знать, угодно ли будетъ вашему величеству, чтобы на предстоящихъ сеймикахъ, на которыхъ возбужденъ будетъ вопросъ о наслѣдственности престола, воеводство наше высказалось въ пользу князя Іосифа (Понятовскаго)? Съ отъѣздомъ моимъ повременю до завтрашняго дня, въ ожиданіи вашего отвѣта». Какой послѣдовалъ на это письмо отвѣтъ — неизвѣстно, но нужно полагать, что отвѣтъ былъ отрицательный. Еще недавно король предполагалъ передать корону племяннику своему, князю Станиславу Понятовскому, и, кажется, во время каневскаго свиданія сообщилъ о своемъ намѣреніи императрицѣ; но съ нѣкотораго времени онъ рѣшился держать себя въ сторонѣ отъ этого вопроса и не стѣснять сейма въ выборѣ наслѣдника престола. Лично онъ теперь склонялся даже почему-то на сторону саксонскаго электора и постоянно высказывался съ этою мыслию.

Итакъ, на предстоящихъ сеймикахъ долженъ былъ выясниться и рѣшиться весьма важный вопросъ, именно — желаютъ ли поляки имѣть наслѣдственную королевскую власть, или она должна остаться по прежнему избирательною. Но уже на самомъ сеймѣ многіе заявили себя рѣшительными противниками наслѣдственности и горячими приверженцами свободнаго избранія. Съ особеннымъ жаромъ протестовали противъ права наслѣдства депутаты волынскіе и вообще депутаты русскихъ воеводствъ, въ которыхъ преобладало вліяніе гетмана Браницкаго и Щенснаго-Потоцкаго. Послѣдній еще въ прошломъ году сложилъ съ себя должность «генерала воронной артиллеріи» и обнародовалъ теперь противъ права наслѣдства манифестъ, написанный въ самыхъ

страстныхъ выраженійхъ ¹⁾). Повидимому, въ этихъ воеводствахъ король могъ вполнѣ положиться на преданность къ себѣ только одного человѣка, занимавшаго высшее положеніе и пользовавшагося вліяніемъ, именно на извѣстнаго уже намъ Стемпковскаго, воеводу кievскаго, но и тотъ былъ противъ мысли о наслѣдственности престола, вслѣдствіе очень оригинальныхъ, впрочемъ, соображеній. «Всемиловѣйшій король!—пишетъ воевода—если бы еще при жизни вашей рѣшена была наслѣдственность престола и еслибы былъ еще пальцемъ указанъ наслѣдникъ вашъ, то царствованію вашему не дали бы окончиться спокойно; при нынѣшнихъ же развратныхъ нравахъ злые люди могли бы, отъ чего Боже избави, посягнуть даже на вашу жизнь». Въ другомъ письмѣ, какъ на причину своихъ опасеній, воевода указываетъ на распускаемые слухи о томъ, что въ случаѣ выбора наслѣдника, король намѣренъ будто бы отказаться отъ престола и уѣхать въ Италію, съ каковою цѣлью поручено уже нѣкоему итальянцу Піатоли приготовить въ Пизѣ помѣщеніе для короля ²⁾). «Не могу даже подумать о томъ,—пишетъ воевода,—чтобы вы рѣшились покинуть отечество и всѣхъ вѣрныхъ и преданныхъ вамъ людей. Все это итальянское государство населилось бы полявами, ибо кто же рѣшился бы остаться въ краѣ, брошенномъ въ жертву всевозможныхъ несчастій»... Король старался успокоить воеводу, и извѣщалъ его, что распускаемые слухи лишены всякаго основанія. Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ, отъ 18-го ноября, король пишетъ, между прочимъ: «Почти ежедневно получаю я предостереженія, которыя грозятъ мнѣ не только лишеніемъ престола, но и лишеніемъ жизни, если теперь же послѣдуетъ избраніе преемника моего. Но я уже публично на сеймѣ заявилъ, что, любя отечество больше самого себя, я желаю только того, чтобы смерть моя не послужила поводомъ къ домашней войнѣ, которая была бы величайшимъ несчастіемъ. Потому-то, еслибы мнѣ даже стоило жизни для предотвращенія подобнаго несчастія, я не остановлюсь передъ шагомъ, который считаю истинно полезнымъ для отечества и соотечественниковъ моихъ»... Письмомъ короля Стемпковскій не былъ убѣжденъ; неохотно собрался на сеймикъ, съ которымъ медлить было невозможно, и, видимо недовольный и раздосадованный, сообщалъ объ этомъ сеймикѣ королю слѣдующее: «Когда приступлено было къ разсужденію о наслѣдствен-

¹⁾ Манифеста этого нѣтъ въ разбираемомъ нами сборникѣ.

²⁾ Слухи эти основывались на томъ, что король дѣйствительно имѣлъ намѣреніе отправиться въ Италію для леченія.

ности престола, напуганная всякими страхами шляхта стала съ крикомъ требовать наслѣдственности, не зная сама, чего хочетъ. Перепуганная слухами о томъ, что если не будетъ наслѣдственности, то королемъ сдѣлается Потемкинъ, вторгнется Москва и станеть требовать подводъ, шляхта вотировала за наслѣдственность. Восемьсотъ голосовъ было въ пользу наслѣдственности, а восемьдесятъ съ небольшимъ въ пользу савсонскаго электора, но безъ наслѣдственности... Что касается до инструкцій, то надавали столько разныхъ артикуловъ, что можно бы изъ нихъ составить цѣлую конституцію. Какъ разошлись по квартирамъ и начали писать, то такихъ проектовъ понаписывали, что не только савсонскій электоръ, но даже любой аптекарь не принялъ бы короны, еслибы оную ему предложили».

Подъ вліяніемъ ли столь странныхъ опасеній, о которыхъ воевода говорить не безъ ироніи, по инымъ ли побужденіямъ, большинство шляхты высказалось, во всякомъ случаѣ, въ пользу наслѣдственности; но желаніе и просьбы короля, чтобы вновь выбранные депутаты не были стѣснены особыми инструкціями, которыя могли бы дать поводъ къ какимъ-либо недоразумѣніямъ на сеймѣ, вреднымъ для дѣла, столь «успѣшно начатаго», — не были исполнены. Шляхта, вѣрная своей натурѣ, не могла обойтись безъ задорнаго крика и шума, не могла сказать прямо: «да» или «нѣтъ». То же самое произошло на всѣхъ почти остальныхъ сеймикахъ, съ тою только разницею, что одни, оставивъ предполагаемое право наслѣдственности множествомъ разныхъ условій, разошлись мирно, на другихъ же сеймикахъ шляхта переходила отъ крика къ дракѣ, оканчивавшейся нерѣдко кровопролитіемъ. На одномъ сеймикѣ, открытіе котораго имѣло мѣсто въ костелѣ, произошла такая свалка, что даже мѣстный всендзъ, захвативъ св. дары, искалъ спасенія въ поспѣшномъ бѣгствѣ черезъ боковыя двери... Изъ всѣхъ сеймиковъ только волинскій, дѣйствовавшій подъ непосредственнымъ вліяніемъ Щенснаго-Потоцкаго, рѣшительно высказался противъ наслѣдственности и поручилъ депутатамъ своимъ дѣйствовать на сеймѣ въ этомъ именно смыслѣ. По тѣмъ даннымъ, относящимся къ вопросу о наслѣдственности, какія находимъ въ «Корреспонденціи», видно, что люди новые и молодые вездѣ и почти безусловно высказывались въ пользу наслѣдственности, противное же мнѣніе поддерживала и съ упорствомъ отстаивала почти исключительно «родовитая шляхта», или тѣ изъ средней и мелкой шляхты, которые помнили еще, такъ-называемыя, «савсонскія времена» (т.-е. время королей изъ савсонской династіи), когда шляхетскому буйству и

необузданности не было предѣловъ. Закоренѣлые представители шляхетскаго своеволія, безнаказанности и безначалія усматривали въ правѣ о наслѣдственности и во всей дѣятельности сейма прямую угрозу столь дорогой для нихъ «золотой свободѣ»... Удивительно, что подобные представители и защитники «старо-шляхетскихъ правъ и свободы» объята были въ то же время какою-то манією къ орденамъ, должностямъ и почетнымъ титуламъ... Въ «Корреспонденціи» находимъ множество просительныхъ писемъ, которыми родовитая шляхта забрасывала короля, противъ котораго интриговала и явно возставала на сеймикахъ. Лесть и нахальство соединяются въ этихъ письмахъ самымъ страннымъ образомъ; много было просьбъ забавныхъ и почти невѣроятныхъ. Иной выпрашивалъ орденъ для пана *такого-то*, имѣя желаніе выдать за него свою дочь; другой—лично для себя, по поводу намѣренія жениться на старостянѣ или воеводянѣ *такой-то*; третій—для себя же, но уже просто потому, что «орденъ производитъ въ публикѣ нѣкоторое впечатлѣніе»; наконецъ, были и такіе, которые выпрашивали какой-нибудь почетный титулъ только для болѣе приличной надписи на надгробномъ ихъ памятникѣ. Извѣщая короля, что они дряхлы, слѣпы и глухи, просятъ его низойти къ ихъ положенію, дать имъ возможность умереть съ пріятною мыслію о томъ, что надпись на ихъ гробѣ будетъ не какая-либо простая, но будетъ украшена почетнымъ титуломъ... Всѣ подобныя письма наглядно раскрываютъ всю пустоту, нравственное ничтожество и какое-то болѣзненное тщеславіе шляхетныхъ «отцовъ отечества», совершенно погрязшихъ въ своемъ узкомъ эгоизмѣ и нисколько не сознававшихъ, въ невѣроятномъ своемъ ослѣпленіи, исторической важности минуты, въ которую рѣшался вопросъ о «быть или не быть», не замѣчавшихъ и не видѣвшихъ, что на гнилыхъ подвалинахъ зданія, въ которомъ совершалась продолжительная оргія буйной и пьяной «шляхетской вольности», рука судьбы писала уже роковой приговоръ...

Открытіе сейма 1790 г. должно было послѣдовать 16-го декабря. Въ Варшаву стали съѣзжаться къ этому времени прежніе и вновь выбранные депутаты, такъ что предстоящій сеймъ долженъ былъ состоять изъ двойного комплекта депутатовъ. Такимъ образомъ сеймы 1788 и 1790 гг. слились въ одинъ общій конфедеративный сеймъ, извѣстный подъ именемъ «Четырехлѣтняго»; число членовъ его, съ министрами и сенаторами, принимавшими въ немъ участіе, простиралось до пятисотъ. Въ назначенный день, по принесеніи депутатами присяги, сеймъ вступилъ во вто-

рой и самый важный періодъ своей дѣятельности, долженствовавшій рѣшить судьбу разлагавшейся Рѣчи-Посполитой... Такъ смотрѣли на дѣятельность вновь открывшагося сейма всѣ мыслящіе люди, такъ относилась въ нему инстинктивно масса общества. Уже на посольскихъ сеймикахъ оказалось, что сочувствіе страны окончательно склонилось на сторону «патріотической» партіи; цѣлыхъ двѣ-третьи членовъ сейма принадлежали теперь въ этой партіи. Принятое уже въ принципѣ право наследственности, вмѣсто избирательнаго, должно было измѣнить извращенную республиканскую форму правленія въ болѣе или менѣе правильную конституціонно-монархическую и отразиться на всей внутренней политикѣ страны и ея учрежденійхъ. Сеймъ энергически приступилъ къ своимъ дѣйствіямъ и въ первые же мѣсяцы 1791 г. рѣшилъ очень много существенно-важныхъ вопросовъ, показывающихъ, что онъ понималъ гдѣ скрывается зло, и старался уничтожить его въ самомъ источникѣ. На первыхъ же засѣданіяхъ поднять былъ вопросъ о безотлагательной необходимости измѣнить выборное право и установить болѣе правильную организацію посольскихъ сеймиковъ, которые, по всегдашнимъ своимъ беспорядкамъ, составляли истинное несчастье страны. Рѣшено было устранить отъ такихъ сеймиковъ самый буйный и беспорядочный элементъ, т.-е. громадныя массы чиншевой шляхты, которая охотно продавала свои невѣжественные голоса любому честолюбцу, такъ что весьма часто самые спасительные проекты и мѣры падали, благодаря буйной оппозиціи этого босоногого и лапотнаго рыцарства, продавашагося за чарку водки и порцію жирнаго борщу какому-нибудь безповойному «добродѣю»¹⁾... Правомъ избирательнаго голоса на сеймикахъ впредь могли пользоваться только тѣ земскіе люди шляхетскаго сословія, которые платятъ въ казну прямыхъ налоговъ не менѣе 100 злотыхъ (15 руб. сер.), составляющихъ 10⁰/о всего дохода съ недвижимаго ихъ имущества. Городское право также было пересмотрѣно и значительно расширено въ смыслѣ самоуправленія городовъ. Затрунуто было также самое больное мѣсто, именно вопросъ «дизунитскій», касавшійся положенія гражданъ, исповѣдывавшихъ православную вѣру. Рѣшено было образовать съѣздъ православнаго духовенства, которое бы, при участіи правительственныхъ комиссаровъ,

¹⁾ На подобное ограниченіе выборнаго права нельзя смотрѣть съ нѣжной точки зрѣнія, и нужно еще имѣть въ виду, что не-шляхта, т.-е. ниня сословія, вовсе не допускались на сеймики и не имѣли никакого голоса; чиншевал же шляхта тѣмъ только и отличалась отъ „хлоповъ“, что не была закрѣпощена и имѣла право носить шпагу (карабелла), которая болталась у нея, по бѣдности, на веревочкѣ.

немедленно приступило къ устройству консисторіи изъ выбранныхъ въ среды своей членовъ, для завѣдыванія дѣлами православной церкви, которая, имѣя самостоятельное управленіе, была бы независима отъ церкви русской и устраняла бы всѣ поводы къ постороннему вмѣшательству во внутреннія дѣла Польши. Всѣ эти реформы, вложившіяся въ радикальной перестройкѣ всѣхъ старыхъ порядковъ, встрѣчаемы были большинствомъ общества съ живымъ сочувствіемъ; но, съ другой стороны, они находили множество противниковъ въ средѣ представителей старопляхетскихъ правъ и привилегій. По всей странѣ велась глухая внутренняя борьба и держала короля въ постоянномъ и тяжеломъ безпокойствѣ... Мысль о конфедераціи, которая могла ежеминутно вспыхнуть и сразу уничтожить всѣ плоды его тяжелыхъ заботъ и трудовъ, не переставала ни минуту его преслѣдовать и тревожить. Узнавъ о выѣздѣ изъ Варшавы родственника гетмана Браницкаго, серадзскаго воеводы Валевскаго, недовольнаго дѣятельностію сейма, король, тревожимый подозрѣніями, посылаетъ ему письмо, въ которомъ доказываетъ, что «малѣйшая попытка организовать противную сейму конфедерацію была бы гибельна», т.-е. въ сотый разъ доказываетъ мысль, которую онъ старался внушить каждому и при всякомъ случаѣ, и которая, впрочемъ, сама по себѣ была очевидна. Невыносимо и безвыходно было положеніе этого бѣднаго короля! Не даромъ Генрихъ Валуа, тайкомъ бѣжавшій изъ Польши, охотно отдавалъ желающимъ «старую польскую корону за пару новыхъ сапогъ»... Существенное затрудненіе въ проведеніи реформъ состояло въ томъ, что большинство родовитой шляхты нисколько не отдѣляло личныхъ своихъ интересовъ отъ интересовъ государственныхъ и послѣдніе подчиняло первымъ. Новое и разительное доказательство тому мы находимъ въ вопросѣ о староствахъ, который, въ свою очередь, поднять былъ на сеймѣ, съ цѣлью увеличенія средствъ на содержаніе войска. Предположено было употребить доходы со староствъ на военныя издержки, вознаградивъ временныхъ владѣтелей староствъ извѣстными денежными выдачами изъ казны. Шляхта подняла ужасный крикъ и называла подобный проектъ «несправедливостію» по отношенію къ ней!.. Король встревожился и, сочувствуя внутренно этой мѣрѣ, поставилъ себя, вслѣдствіе тревожившихъ его опасеній, въ весьма неловкое и фальшивое положеніе: онъ притворился сочувствующимъ неудовольствію родовитой шляхты и письменно приглашалъ многихъ, которые больше всего кричали, явиться на сеймъ и лично защищать свое дѣло, такъ какъ «онъ, король, для спасенія староствъ дѣлаетъ

все отъ него зависящее, но одинъ не въ силахъ помочь бѣдѣ»... На сцену опять является извѣстный уже намъ польскій литовскій гетманъ Тышкевичъ, котораго привели въ ужасъ слухи объ отнятіи у шляхты староствъ. Ужасъ этотъ еще увеличился, когда виленскій депутатъ Корсакъ внесъ на сеймъ проектъ объ уменьшеніи жалованья министрамъ до 1200 злотыхъ польскихъ (180 р. с.) въ годъ; проектъ этотъ, въ случаѣ принятія, коснулся бы и Тышкевича, какъ польнаго гетмана. Пораженный ужасомъ и скорбію, Тышкевичъ пишетъ королю слезное письмо, въ которомъ говорить: «Какую же память дому моему оставить по себѣ царствованіе ваше, если я, честно служа отечеству и королю, оставлю въ наслѣдство моимъ дѣтямъ одну нищету¹⁾». Отвѣчая на эту lamentацію, король приглашаетъ Тышкевича въ Варшаву и говоритъ, что «министры сами должны о себѣ позаботиться, такъ какъ онъ одинъ, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ и желаніяхъ, помочь дѣлу не можетъ»... Интересно также письмо новогрудскаго каштеляна Гедена Еленскаго, раскрывающее вообще взглядъ шляхты на государственные интересы Рѣчи-Посполитой. Каштелянъ предупреждаетъ короля, что отнятіе староствъ повергнетъ множество шляхты «въ нищету, превратитъ въ голь и возбудитъ плачь и жалобы», и потомъ прибавляетъ: «говорятъ, что это дѣлается для увеличенія войска и для блага Рѣчи-Посполитой; но что же такое Рѣчь-Посполитая, какъ не шляхта?»... Взглядъ на государственный интересъ еще рѣзче выражается въ письмѣ познанскаго каштеляна Гуровскаго, который умоляетъ короля помочь ему удержать за собою Кольское староство, ссылаясь на свою болѣзнь и несчастный случай на охотѣ: «Всемиловѣйшій король,—пишетъ каштелянъ,—вамъ извѣстно, какой опасности подверглась моя жизнь со стороны крестьянъ староства и отъ волва... Спасай же меня, о король, ибо я такъ слабъ, что могу только сказать: *tu scis, Domine, quia amo Te*»... Пинскій депутатъ Бутримовичъ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ гораздо прямѣе и откровеннѣе. Гетманъ Тышкевичъ гналъ его изъ-за какого-то фольварка; по этому-то поводу Бутримовичъ пишетъ королю: «Благоволите поставить гетману на видъ, что я арендую фольварекъ королевскій; и потому, пока интересъ мой связанъ съ арендой, я буду горячимъ защитникомъ староствъ, но когда лишень буду аренды, тогда стану всѣми силами нападать на староства»... Все это казалось бы маловѣроятнымъ, еслибы не подлинныя письма, изъ которыхъ мы приводимъ эти цитаты. Благодаря

¹⁾ Гетманъ былъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ литовскихъ магнатовъ.

такимъ гетманамъ, каштелянамъ, депутатамъ и инымъ «государственнымъ» мужамъ, вопросъ о староствахъ рѣшенъ былъ только въ апрѣлѣ слѣдующаго года, когда не было уже возможности привести рѣшеніе сейма въ исполненіе.

Изъ находящихся въ «Корреспонденціи» данныхъ вовсе не видно, какъ шла внутренняя работа на сеймѣ, а также вовсе нѣтъ никакихъ указаній на то, какъ относились къ сейму и его дѣятельности иностранные послы, особенно прусскій и русскій. Ставельберга не было уже тогда въ Варшавѣ, мѣсто его занялъ Булгаковъ. Не подлежало, однако, сомнѣнію, что готовящаяся реформа, во всей ея обширности, обыкновеннымъ путемъ не могла пройти на сеймѣ, такъ какъ она имѣла на самомъ сеймѣ сильныхъ противниковъ, которые нашли бы возможность и способъ помѣшать ея принатію, не задумываясь надъ средствами. Но работы «коммисіи», душою которой, какъ извѣстно, былъ епископъ Красинскій, велись секретно и содержались въ величайшей тайнѣ, такъ что оппоненты, недовольные сеймомъ, не знали—какъ и противъ чего оппонировать, молчали и ждали. По случаю праздника пасхи, депутаты разъѣхались по домамъ и, конечно, по окончаніи праздничныхъ ферій не очень спѣшили назадъ въ Варшаву. Рѣшено было воспользоваться этимъ временемъ, о чемъ предупреждены были многіе депутаты, расположенные въ пользу реформы, которые и не замедлили явиться въ Варшаву тотчасъ по окончаніи праздничныхъ ферій, между тѣмъ, какъ противники реформы, ничего не подозревая, вовсе назадъ не спѣшили. Все совершилось согласно мысли короля и «коммисіи»: въ памятные дни 3-го и 5-го мая 1791 г. обнародована была и принята сеймомъ новая конституція, которая сдѣлалась извѣстною подъ именемъ «Конституціи 3-го мая» ¹⁾. Въ Варшавѣ она вызвала общую

¹⁾ Въ чемъ же именно состояла эта конституція? Въ книгѣ „*Rys historyi Polskiej przez Jozefa Miklaszewskiego, Warszawa 1829 г.*“, находится такая характеристика этой конституціи: „Сеймъ, создавая конституцію, отказался отъ предрассудковъ, но не уничтожилъ старыхъ основъ и институтѣй; исправилъ злоупотребленія, но не нарушилъ правъ собственности; воспользовался свѣтомъ философіи, но не повредилъ политикѣ (?); поднялъ угнетенный народъ, но не причинилъ обиды и вреда высшимъ классамъ; пробудилъ въ массахъ народный духъ, энергію и одушевленіе, но не пролилъ ни одной капли крови, не заставилъ никого даже проливать слезы. Рѣчь-Посполитая превращалась въ наследственную монархію и страна спасалась навсегда отъ язвы междоусобій. Особа короля становилась неприкосновенною, онъ пользовался достаточною властію для того, чтобы дѣлать добро, и не имѣлъ воли дѣлать зло, потому что распоряженія его тогда только получали обязательную силу, когда скрѣплены были подписью одного изъ министровъ, а министры были отвѣтственны, и когда, кромѣ того, были утверждены сенатомъ и палатою депутатовъ (Izba Po-

и восторженную радость, которая вскорѣ перешла и на провинціи... Безъ сомнѣнія, конституція эта не лишена многихъ существенныхъ достоинствъ, но ее никакъ нельзя назвать «революціею», какъ называли ее тогда поляки; она «уничтожала только нѣкоторые предрасудки, но старыя основы остались неприкосновенными». Эта сторона конституціи, при иныхъ условіяхъ, могла бы, пожалуй, свидѣтельствовать въ ея пользу, но дѣло въ томъ, что самыя эти «основы», оставшіяся неприкосновенными, никуда не годились. Шляхетская республика превращалась въ шляхетскую монархію—и больше ничего. Городскія сословія, по смыслу конституціи, допускались во всѣмъ должностямъ, военнымъ и гражданскимъ, но неизвѣстно и весьма сомнительно, допускались ли бы они къ этимъ должностямъ на практикѣ, такъ какъ для подобныхъ должностей сама шляхта представляла достаточный, всегда готовый и даже обильный контингентъ, исключающій всякую возможность конкуренціи. Сельскому сословію обѣщана была равноправность только въ отдаленномъ будущемъ, но это будущее было въ рукахъ шляхты, которая оставалась по прежнему полнымъ хозяиномъ въ государствѣ; слѣдовательно для сельскаго сословія, въ сущности, сдѣлано было весьма мало или почти ничего,—«старыя основы остались вполне неприкосновенными», а при нихъ шляхта и въ отдаленномъ будущемъ держала бы хлопковъ въ рабской отъ себя зависимости... Все это до такой степени ясно, что нельзя не удивляться оптимизму польскихъ историковъ, усматривающихъ и по настоящее время въ этой конституціи «памятникъ, исполненный величія»... Оптимизма этого не чуждъ даже издатель разбираемой нами «Корреспонденціи», отличающійся вообще трезвымъ и прогрессивнымъ взглядомъ на вещи. «Конституція 3-го мая,—говоритъ онъ,—отличается отъ всѣхъ иныхъ опытовъ въ этомъ родѣ тѣмъ именно, что вызвана она

velaka). Латинская вѣра признана господствующею, но всѣ мнѣя вѣроисповѣданія пользовались свободою (были терпимы). Судебная власть пользовалась независимостію; шляхетское сословіе, съ своими правами и привилегіями, осталось неприкосновеннымъ. Городское сословіе допущено было ко всѣмъ должностямъ, гражданскимъ и военнымъ; состоящіе въ этихъ должностяхъ становились шляхтою. Крестьянское сословіе хотя не могло, по своему невѣжеству и бѣдности, получить вдругъ полную независимость, тѣмъ не менѣе приобрѣтеніе оной, равно какъ и приобрѣтеніе собственности (земельной) становилось доступнымъ ему постепенно, по мѣрѣ развитія въ немъ образованія, и въ будущемъ предоставляло этому сословію полную гражданскую равноправность. Подобный переворотъ никакъ не можетъ быть уподобленъ кровавой и ужасной революціи, всплывшей въ то время во Франціи. Поляки далеки были отъ якобинства, испровергаго во Франціи всѣ религіонныя, политическія и общественныя основы порядка и безопасности»...

была не внутреннею бурей, а сознаниемъ грозящихъ отечеству опасностей; создалъ ее у насъ привилегированный классъ для пользы остальныхъ сословій не вслѣдствіе внѣшняго напора, не въ ту минуту, когда de facto онъ лишился уже своихъ привилегій, какъ это случалось въ иныхъ странахъ, но добровольно, находясь въ полномъ обладаніи этими привилегіями... Но въ томъ-то и дѣло, что шляхта ничего особеннаго не сдѣлала для пользы остальныхъ сословій и не отступила, въ сущности, ни на-волось отъ своихъ привилегій; тамъ же, гдѣ привилегіи, во всемъ своемъ объемѣ, остаются за однимъ классомъ, невозможна никакая равноправность: понятія о привилегіи и равноправности взаимно исключаютъ другъ друга. Остальнымъ, особенно сельскому сословію, обѣщана была равноправность въ будущемъ—въ теоріи это—идиллія, въ практическомъ же примѣненіи—абсурдъ; это значило бы, что всѣ сословія въ Польшѣ въ будущемъ должны слиться въ одно привилегированное сословіе... Но если имѣть въ виду, что, кромѣ политическихъ и нравственныхъ выгодъ, шляхетскія привилегіи неразрывно связаны были съ интересами и выгодами матеріальными, которыми шляхта дорожила больше всего и которыми подчинялись даже интересы государственные, то не подлежитъ сомнѣнію, что предполагаемая въ будущемъ, по смыслу конституціи, равноправность всѣхъ сословій превратилась бы въ иллюзію и хлопь по прежнему остался бы вѣчнымъ хлопомъ и работникомъ на шляхтѣ. Въ сущности, ничто не измѣнилось бы въ Польшѣ ни на іоту: сама шляхта создала конституцію, сама же она могла ее исполнять и не исполнять; инныя сословія не имѣли бы даже юридическихъ основаній домогаться равноправности, потому что она обѣщана была имъ въ неопредѣленномъ будущемъ, не ограниченномъ точно указанными предѣлами, а безъ этого условія будущее неуловимо, ибо каждая минута есть только настоящая...

Сверхъ всякаго ожиданія, обнародованіе конституціи вызвало весьма немного открытыхъ протестовъ и вообще принято было странною съ неподдѣльнымъ восторгомъ. Самъ гетманъ Браницкій принесъ 7-го мая присягу на вѣрность конституціи; примѣру его послѣдовали многіе другіе противники ея и королевскіе недоброжелатели. Во многихъ провинціальныхъ городахъ устроены были даже оваціи, на которыхъ сочинялись благодарственные королю и сейму письма, снаряжались особыя депутаціи въ Варшаву для выраженія чувствъ радости и признательности страны. Король, съ своей стороны, для смягченія гнѣва тѣхъ, кто былъ противъ конституціи и не могъ помѣшать ея принятію, раз-

сылали цѣлыми десятками ордена и инныя доказательства «королевской своей милости, дружбы и любви братской»... А между тѣмъ, собравшійся сеймъ продолжалъ усердно работать надъ дальнѣйшимъ развитіемъ началъ конституціи, посредствомъ практическаго ихъ примѣненія. Такъ, въ теченіе мая и іюня, издана была новая сеймовая организація, установлено было право о придворной гвардіи, объ организаціи полиціи и т. п. Съ 28-го іюня по 15-е сентября засѣданія сейма, по поводу лѣтнихъ вакацій, были снова закрыты. По порученію сейма, сандомірскій депутатъ Кохановскій, пинскій—Бутримовичъ и трокскій—Залѣскій должны были, въ качествѣ правительственныхъ комиссаровъ, отправиться, пользуясь вакаціоннымъ временемъ, въ Пинскъ, куда созвано было къ тому времени «дивунитское» (православное) духовенство для избранія изъ среды себя членовъ и открытія самостоятельной православной консисторіи, независимой отъ всероссійскаго синода. Въ числѣ весьма немногихъ документовъ, относящихся къ этому интересному предмету, упоминается о письмѣ нѣкоего шамбеляна Олендскаго, но самаго письма не приведено. Содержаніе его было такое: «познакомившись въ Курляндіи съ прусскимъ министромъ фонъ-Гюттелемъ (v. Hüttel), который долгое время былъ секретаремъ прусскаго посольства въ Петербургѣ, Олендскій узналъ отъ него, что русское правительство, замышляя о мести польскому народу, намѣрено для этой цѣли воспользоваться содѣйствіемъ дивунитовъ, и что упомянутый фонъ-Гюттель совѣтуетъ польскому правительству—какъ можно скорѣе прервать всѣ связи дивунитскаго духовенства съ петербургскою церковью и поставить его въ прямую зависимость только отъ себя». Депутатъ Залѣскій, которому болѣзнь помѣшала присутствовать на съѣздѣ духовенства въ Пинскѣ, писалъ, что «по отношенію къ дивунитамъ все зависитъ отъ того, чтобы дать имъ такія обѣщанія, которыя возможно будетъ исполнить, данныя же непремѣнно исполнять; не имѣя надобности обращаться за-границу, дивуниты сдѣлаются гражданами своей страны, не возбуждающими никакихъ подозрѣній». Бутримовичъ засидѣлся въ Варшавѣ и тоже не попалъ на съѣздъ. Донося королю, что съѣздъ этотъ, или «конгрессъ», окончился безъ него, Бутримовичъ пишетъ: «Все на этомъ конгрессѣ окончилось спокойно, тихо и примѣрно, конгрессъ заслужилъ общую похвалу, да и само дивунитское духовенство осталось вполнѣ довольнымъ, причину чего нужно приписать ласковому, предусмотрительному и разумному поведенію депутата Кохановскаго». Затѣмъ Бутримовичъ сообщаетъ: «переводчикъ русскихъ актовъ, Манугевичъ, посланный для ревизіи

случаю архива, говорить, что архивъ этотъ заключаетъ необыкновенно важныя бумаги, писанныя въ здѣшній край изъ Москвы еще въ царствованіе Петра Великаго и чрезвычайно намъ вредныя; что подобныхъ же бумагъ, относящихся къ позднѣйшему времени, тоже есть много, и что всѣ подобныя бумаги слѣдовало бы хранить запечатанными или, чтобы и слѣда ихъ не осталось, доставить въ Варшаву и тамъ сжечь ¹⁾.

Пользуясь вакаціоннымъ временемъ, противники конституціи старались соединить свои силы и пускали въ ходъ всевозможныя интриги. Король зорко слѣдилъ за ними и постоянно испытывалъ самое тревожное безпокойство. Къ числу самыхъ запальчивыхъ противниковъ конституціи принадлежалъ инфляндскій епископъ Коссаковскій, поспѣшно уѣхавшій изъ Варшавы послѣ принятія этой конституціи сеймомъ. Теперь онъ собирался за-границу, гдѣ находились въ то время открытые враги конституціи, Щенскій-Потоцкій и Северинъ-Ржевускій; общее мнѣніе приписывало Коссаковскому намѣреніе дѣйствовать съ ними сообща. Король поручилъ спросить епископа о его намѣреніяхъ и получилъ отъ него письмо, въ которомъ лукавый прелатъ удивляется дошедшимъ до короля слухамъ, спрашиваетъ — откуда они могли явиться и бросить тѣнь подозрѣнія на такого агнца невиннаго. Нужно замѣтить, что этотъ агнецъ больше всего надѣдалъ королю просьбами о разныхъ доходахъ для себя, а также домогательствами аренды, староствъ и доходныхъ мѣстъ для своихъ братьевъ и родственниковъ. Замѣчательнъ отвѣтъ короля, свидѣтельствующій о всемъ его добродушіи: «Я потому поручилъ спросить васъ, что, какъ я узналъ, въ Вѣнѣ ждутъ васъ на почтѣ письма, адресованныя на ваше же имя; но и сами вы, уѣзжая изъ Варшавы, сказали: «теперь уѣзжаю въ Литву, а потомъ любываю, быть можетъ, Карлсбадъ». Но такъ какъ всѣ наши соотечественники, бывшіе въ нынѣшнемъ году въ Карлсбадѣ, непремѣнно заѣзжали въ Вѣну, хотя для этого должны были сдѣлать лишніхъ нѣсколько десятковъ миль, то обстоятельство это не могло не обратить на себя моего вниманія. Если бы я не питалъ къ вамъ добраго расположенія и не былъ увѣжденъ, что вы не станете скрывать правду, то я постарался бы узнать эту правду инымъ путемъ. Теперь я спокоенъ и полагаюсь на ваши увѣренія; съ особеннымъ удовольствіемъ буду и

¹⁾ Если такія вредныя бумаги существовали въ случаемъ архивѣ, то непонятно, для чего бы ихъ жечь; скорѣе слѣдовало, въ интересѣ поляковъ, добыть ихъ изъ архива и сдѣлать извѣстными.

впредь полагаться на вашу честность и расположенность ко мнѣ, и буду оставаться въ убѣжденіи, что въ лицѣ вашемъ и вашихъ родныхъ я и конституція 3-го мая найдемъ всегда неизмѣнныхъ друзей: этихъ двухъ вещей я не раздѣляю и перестану такъ думать развѣ тогда, когда умру». Не подлежитъ сомнѣнію, что Потоцкій и Ржевускій что-то затѣвали въ Вѣнѣ и старались склонить къ своимъ видамъ императора Леопольда, который подозрительно смотрѣлъ на отношенія Польши къ Пруссіи, пока «не убѣдился, — говоритъ издатель «Корреспонденціи», — въ истинныхъ намѣреніяхъ берлинскаго кабинета»... Намѣренія эти, конечно, если и были въ то время опасны для кого-либо, то вовсе не для австрійскаго правительства, хотя видимымъ побужденіемъ въ союзу Пруссіи съ Польшею послужилъ союзъ Россіи съ Австріею передъ второю турецкою войною. Убѣдившись въ безуспѣшности своихъ усилій въ Вѣнѣ, Потоцкій и Ржевускій отправились въ Яссы, гдѣ побѣжденная Турція подписывала миръ съ своими побѣдителями.

Пользуясь перерывомъ сеймовыхъ засѣданій, король желалъ получить точныя свѣдѣнія о состояніи войска, которое, какъ оказалось, находилось въ плачевномъ состояніи. Къ этому времени вооруженная сила, правда, возросла до 50 тысячъ, но не было денегъ на ея содержаніе, такъ какъ шляхта и думать не хотѣла объ увеличеніи расходовъ на армію и платить налоги никто не желалъ. Посланный для инспекціи арміи польный коронный писарь Казиміръ Ржевускій сообщалъ о 2-й великопольской бригадѣ слѣдующее: «Въ бригадѣ этой ни одинъ майоръ не объѣзжалъ, согласно распоряженію военной комиссіи, своей части, не осматривалъ и, кажется, ни одинъ не сумѣетъ исполнить эти распоряженія. Штабъ не наблюдаетъ за исполненіемъ ихъ; бригадиръ разослалъ солдатъ по своимъ деревнямъ на сельскія работы, а вице-бригадиръ теперь только въ первый разъ, узнавъ о моемъ прибытіи, явился въ бригаду»... Только генералъ-майору Иосифу Понятовскому, командовавшему корпусомъ, расположеннымъ подъ Брацлавомъ, Ржевускій отдавалъ полную справедливость: «этотъ молодой рыцарь, — писалъ онъ, — ожидаетъ только времени, чтобы изъ рыцаря превратиться въ богатыря». По поводу крайне печальнаго состоянія вооруженной силы, издатель «Корреспонденціи» говоритъ со скорбію, что причиною тому были отчасти отдѣльныя личности, парализовавшія распоряженія военной комиссіи по побужденіямъ чисто эгоистическимъ, отчасти же общее отвращеніе шляхты отъ неизбѣжныхъ расходовъ на армію и вообще отъ всякихъ иныхъ значительныхъ расходовъ. «Нельзя

не удивляться,—говорить онъ,—невѣроятному ослѣпленію общества, не примѣчавшаго собиравшейся надъ главою его бури. У насъ всегда такъ бывало. Когда Фридрихъ II-й вѣчно твердилъ, что *la Prusse doit être toujours en vedette*, у насъ распѣвали себѣ, какъ и прежде: за *Sasa poruszczaj pasa...* т.-е. живи въ свое удовольствіе и пьянствуй, сколько влѣзеть, ни о чемъ не помышляя...» Совершенно справедливо, хотя сравненіе польскаго шляхтича, только и знавшаго, что «*poruszczaj pasa*», съ неутомимымъ и гениальнымъ организаторомъ прусской монархіи, весьма забавно по своей оригинальности и наивности.....

Въ этому же времени относится не лишняя интереса, по отношенію къ современнымъ обстоятельствамъ, переписка самого короля съ Іосифомъ Понятовскимъ. Послѣдній, въ письмѣ своемъ изъ Немирова, отъ 16-го августа, упоминаетъ, между прочимъ, съ большою похвалою о Костюшкѣ: «*Le général Kosciuszko est déjà sous mes ordres, avec son corps; il me paraît un homme très comme il faut, il a beaucoup de connaissances et de modestie et il est extrêmement aimé de corps qu'il commande*». Изъ этого же письма видно, что король имѣлъ-было намѣреніе лично осмотрѣть войска, потому что князь Понятовскій припоминаетъ теперь королю его обѣщаніе и говоритъ, что тотъ день, когда войско будетъ имѣть радость видѣть у себя своего отца, сочтется счастливѣйшею эпохою въ жизни польскаго солдата: «*regardant ce jour comme l'époque la plus heureuse pour le soldat polonais, qui aura la consolation de voir son père au milieu de lui*». Спустя нѣсколько дней по полученіи этого письма, король писалъ князю Понятовскому слѣдующее:

«*J'ai des avertissements que подпоручикъ хоругви великаго короннаго гетмана Баневскій и подпоручикъ ланцэоронской хоругви Вовпанскій sont deux sujets mal intentionnés, et qui cherchent à savoir tous les moindres petits mécontentements, qui peuvent se rencontrer dans les différents corps de nos troupes, afin de les aigrir encore davantage, et pour en informer très exactement madame la grande générale Branicka, laquelle ne manque pas d'en informer très exactement chaque poste le prince Potemkin, ainsi que de tous les événements de ce pays, lesquels, de manière ou d'autre, peuvent servir à exciter du trouble ici. Je vous recommande donc d'avoir bien l'oeil sur ces deux officiers. Quant à madame Branicka, j'ai usé de ma méthode ordinaire, c'est à dire que je suis allé tout droit à la source, en disant au grand général même que telle et telle chose m'a été dite sur le compte de sa femme, et que je le priais et lui con-*

seillais d'écrire à sa femme, pour laquelle d'ailleurs j'ai tant d'égards, de ne plus continuer ses informations susdites à son oncle, puisque finalement je serai obligé d'ajouter foi à ce que l'on m'a dit tant de fois sur les projets de son oncle, pernicieux pour nous, et d'arriver aux moyens d'y obvier le plus efficacement; et que, pour agir toujours loyalement et rondement avec lui, *j'aimais mieux l'en prévenir lui même* ¹⁾. Il m'a dit sur cela tout ce que l'on a coutume de dire en pareille occasion, surtout en niant le fait, et il a fini par m'assurer qu'il écrirait, comme je le lui demandais ²⁾.

Съ приближеніемъ времени открытія, или «реассумпціи» сейма, послѣ лѣтнихъ вакацій, усиливалось и безпокойство короля. Конституція была принята, но нужно было, чтобы принатіе ея утверждено было присягою со стороны народа. Въ концѣ августа король опять разослалъ множество писемъ, приглашая депутатовъ, на которыхъ могъ положиться, непременно прибыть въ Варшаву къ 15-му сентября, т.-е. во дню возобновленія засѣданій сейма. Въ письмахъ этихъ онъ старался поддерживать въ депутатахъ энергію и надежду на счастливую будущность. Такъ, приглашая поспѣшить въ Варшаву посланнаго для инспекціи войскъ Ржевускаго, онъ пишетъ ему, между прочимъ: «Nos notions de Vienne et de Berlin continuent à être très bonnes. Il y a lieu de croire, que celles de Russie y deviendront conformes. Nous

¹⁾ Непонятно. Въ текстѣ, быть можетъ, вмѣсто „lui-même“ нужно читать „moi-même“, а вмѣсто „j'aimais“—*j'aimerais*“.

²⁾ Т.-е.: „Дошло до моего свѣдѣнія, что подпоручики Баневскій и Вовпанскій—люди злонамѣренныя, что они стараются развѣдывать о малѣйшемъ неудовольствіи, какое можетъ возникнуть въ разныхъ частяхъ нашего войска, съ цѣлью раздувать въ немъ это неудовольствіе, и извѣщать о томъ аккуратно гетманшу Браницкую, которая аккуратно съ каждою почтою сообщаетъ о томъ князю Потемкину, равно какъ и о всѣхъ мѣстныхъ событіяхъ, которыя, такъ или иначе, могутъ послужить поводомъ къ возбужденію безвораждовъ. Прому васъ внимательно наблюдать за этими двумя офицерами. Что касается до мадамъ Браницкой, то я употребилъ обыкновенную мою методу, т.-е. обратился прямо къ источнику, заявивъ самому гетману, что насчетъ его жены говорено мнѣ то и то, что я прошу и совѣтую ему написать къ женѣ, къ которой, впрочемъ, я питаю полное уваженіе, чтобы она прекратила вышесказанныя сообщенія своему дядѣ, такъ какъ, въ концѣ-концовъ, я вынужденъ буду повѣрить всему тому, что говорено мнѣ было столько разъ относительно гибельныхъ для насъ проектовъ ея дяди, для предотвращенія которыхъ я долженъ буду обратиться къ наиболее дѣйствительнымъ мѣрамъ; для того же, чтобы дѣйствовать законно и согласно съ нимъ, я готовъ самъ обо всемъ предупредить его. На это мнѣ сказано все то, что обыкновенно говорится въ подобныхъ случаяхъ; прежде всего самѣй фактъ былъ отрицаемъ, кончилось же увѣреніемъ, что требуемое мною письмо будетъ написано къ гетманшѣ“.

attendons celles de Dresde d'un moment à l'autre. Vale et me ama». (Т.-е.: «Извѣстія изъ Вѣны и Берлина продолжаютъ быть очень хорошими. Можно думать, что такія же будутъ и изъ Россіи. Изъ Дрездена ожидаемъ такихъ же извѣстій съ минуты на минуту. Прощай и люби меня»). Въ другомъ письмѣ, писанномъ къ куявскому депутату Заержевскому, говорится: «Всѣ извѣстія, получаемыя мною со всѣхъ сторонъ, заставляютъ вѣрить, что ни одинъ иноземный солдатъ не вторгнется къ намъ, только бы въ самой Польшѣ не произошло ничего враждебнаго конституціи 3-го мая. Потому-то, собственная безопасность каждаго должна побудить всѣхъ благомыслящихъ людей поддержать конституцію, которая обезпечитъ нашу непривосновенность и нашу славу, ту конституцію, безъ которой навсегда пропало бы сочувственное мнѣніе о насъ въ Европѣ и возвратилось бы то отвратительное время, когда иноземный солдатъ диктовалъ намъ законъ на сеймахъ и горько угнеталъ насъ въ собственныхъ домахъ нашихъ».

О дѣятельности сейма, засѣданія котораго возобновились 15-го сентября, въ «Корреспонденціи» не находимъ ровно никакихъ извѣстій. Къ концу года тревожные слухи о замыслахъ противниковъ конституціи стали усиливаться; король со всѣхъ сторонъ сталъ получать разнаго рода предостереженія. Между прочимъ изъ Львова было ему донесено въ декабрѣ, что чрезъ этотъ городъ послано было изъ Вѣны нѣсколько тысячъ экземпляровъ брошюры, направленной противъ конституціи и имѣвшей цѣлью возбуждать противъ нея въ Польшѣ умы, и къ донесенію приложенъ былъ даже одинъ экземпляръ этой брошюры. Изъ Украйны онъ получилъ извѣстіе, что тамъ многіе толкуютъ о конфедераціи, замышляемой въ Яссахъ, и о томъ, что начинается агитація въ пользу Щенснаго-Потоцкаго и Северина Ржевускаго въ средѣ мѣстной шляхты. Нѣкто Вильскій доносилъ королю изъ Тульчина о томъ, что, имѣя много знакомыхъ и друзей въ русскомъ войскѣ, онъ узналъ отъ нихъ, равно какъ и изъ другихъ источниковъ, что «въ Яссахъ готовится заговоръ (spisek) противъ конституціи 3-го мая; что Потемкинъ, осматривая въ Тульчинѣ лошадей, прямо сказалъ, что на *это дѣло* назначено уже 300 тысячъ войска, и что, наконецъ, все это подтвердилъ генералъ Энгельгардтъ... Здѣсь,—прибавляетъ Вильскій,—пугаютъ этимъ народъ, во множествѣ распространяютъ поджигательныя брошюры, такъ что сильно встревоженная въ здѣшнемъ воеводствѣ шляхта начинаетъ роптать противъ новой конституціи».

Въ октябрѣ (15 д.) 1791 г. Потемкинъ умеръ. Потоцкій и

Ржевускій, въ которомъ вскорѣ присоединился Браницкій, остались въ Яссахъ и вошли въ сношенія съ графомъ Безбородко, прибывшимъ въ Яссы въ качествѣ уполномоченнаго для заключенія съ Турціею мира. На требованіе военной комиссіи, приглашавшей Щенснаго-Потоцкаго возвратиться на родину, онъ отвѣчалъ посланному къ нему съ этимъ требованіемъ Князевичу, что присяги на вѣрность конституціи, противъ которой протестовалъ, не выполнить, и поэтому остается за-границей. Буря становилась грознѣе и грознѣе. Въ началѣ 1792 г., будущіе предводители Тарговицкой конфедераціи отправились въ Петербургъ; въ успѣхъ ихъ ходатайствъ невозможно уже было сомнѣваться: русское правительство, въ видахъ собственной политики, склонялось на сторону противниковъ конституціи, которая была составлена подъ защитою враждебнаго Россіи союза съ Пруссіею...

Что же дѣлалъ, какія мѣры предпринималъ король для отвращенія грозной бури? Кромѣ содѣйствія Пруссіи, въ силу заключеннаго съ нею союза, онъ разсчитывалъ еще почему-то на помощь австрійскаго императора Леопольда II-го. Что касается собственно до прусскаго короля, то содѣйствіе его казалось тѣмъ вѣрнѣе, что этотъ король-философъ и другъ Вольтера не только вполне одобрилъ - было конституцію 3-го мая, но еще призналъ ее совершенно необходимою для счастья поляковъ... Для окончательнаго и прочнаго обезпеченія своего дѣла, а вмѣстѣ и самого себя, Станиславъ-Августъ старался теперь только о томъ, чтобы соединить подъ знаменемъ этой конституціи весь свой народъ. Въ февралѣ 1792 г. должны были по всѣмъ воеводствамъ собраться «реляціонные сеймики»¹⁾; ими-то хотѣлъ воспользоваться король, чтобы принятіе конституціи народомъ закрѣплено было общею со стороны его присягою. По своему обычаю, онъ разослалъ съ этою цѣлью множество писемъ и множество орденовъ разнымъ вліятельнымъ лицамъ, убѣждая и прося ихъ, чтобы на предстоящихъ сеймикахъ выполнена была повсюду присяга. Казалось, онъ смотрѣлъ на эту присягу отчасти какъ на демонстрацію, которую считалъ необходимою, какъ одно изъ средствъ для отвращенія грозящей опасности, и даже вѣрилъ, что такую демонстраціей опасность эта будетъ предотвращена. Въ одномъ изъ такихъ писемъ (въ радомскому земскому судѣ Вонсовичу) онъ говоритъ: «Возрожденіе нашей Рѣчи-Посполитой есть, по-истинѣ,

1) Sejmiki relacyjne. Это были такіе сеймики, на которыхъ депутаты должны были давать отчетъ своимъ избирателямъ въ исполненіи на общемъ сеймѣ полученныхъ инструкцій. Такіе сеймики вошли въ обычай съ 1573 г.

чудесное дѣйствіе Провидѣнія, и потому паденіе ея было бы такимъ дѣломъ, которое вполнѣ легло бы на нашу отвѣтственность; но это случится, если мы позволимъ обманывать себя безпокойнымъ людемъ, слушать ихъ внушенія и позволять имъ повсюду возбуждать недовѣріе и замѣшательства, съ цѣлью погрузить насъ въ прежній безпорядокъ. Вѣрите мнѣ, пока граждане соединены будутъ съ сеймомъ и со мною, ничья зависть повредить намъ не будетъ въ силахъ»... Въ то же время жмудскому старостѣ Гелгуду король писалъ: «Конституцію я признаю за нѣчто совершенно отъ меня нераздѣльное и цѣню ее наравнѣ съ моею жизнію, потому что признаю ее необходимою для счастья народа и потомства нашего»... Рѣшимость короля отстаивать конституцію, которую онъ цѣнилъ наравнѣ съ своею жизнію, была повидимому непоколебима... Убѣжденъ ли онъ былъ самъ въ своей непоколебимости, или считалъ только необходимымъ увѣрять въ ней другихъ, чтобы поддержать въ нихъ мужество и энергію, которыхъ не было въ немъ самомъ?.. Вопросъ этотъ должны были рѣшить только послѣдующія обстоятельства и дальнѣйшее развитіе событій... Быть можетъ, король въ настоящую минуту еще искренно вѣрилъ въ успѣхъ своего дѣла. Увѣренность эта еще усилилась въ немъ, когда со всѣхъ сторонъ стала онъ получать извѣстія, что, за ничтожными исключениями, присяга повсюду была принесена, во многихъ же мѣстахъ она сопровождалась даже весьма торжественною обстановкою, какъ будто съ тою именно цѣлью, чтобы придать ей характеръ демонстраціонный. Дѣйствительно, до самаго послѣдняго времени король считалъ успѣхъ дѣла вполнѣ обеспеченнымъ и рѣшительно не предчувствовалъ грозы, которая вскорѣ должна была разразиться... Довозительствомъ можетъ служить переписка его съ какимъ-то Старжинскимъ, жившимъ въ Каменцѣ-Подольскомъ, почти наканунѣ рѣшительныхъ событій. Въ концѣ апрѣля, именно 27-го числа, Старжинскій обратился къ королю съ слѣдующимъ письмомъ: «Ходятъ печальные слухи, что враги отечества, завидуя его счастью, грозятъ отравить это счастье. Желая предпринять поѣздку за границу на воды, для поправленія здоровья, я рѣшился воздержаться и просить васъ, чтобы вы научили меня, какъ добрый отецъ учить своихъ дѣтей, могу ли я въ такое время уѣхать, безъ нарушенія обязанностей гражданина. Ибо я не желаю ничего больше, какъ только того, чтобы пролить послѣднюю каплю крови, защищая короля и права народа». На это письмо король немедленно отвѣчалъ:

«Не обману возлагаемаго на меня довѣрія и съумѣю отвра-

тить бурю, еслибы она угрожала отечеству. Думаю, однако, что она вовсе не грозитъ намъ ни откуда, и потому, по окончаніи сеймика, вы можете отправиться въ путь. Здоровье столь добродѣтельного гражданина для меня дорого; отъ души желаю его поправленія, да благословить васъ Богъ во всемъ»...

Въ Варшаву, между тѣмъ, съѣзжались депутаты и множество шляхты для торжественнаго празднованія годовщины конституціи 3-го мая. Объ этомъ празднествѣ, въ которомъ король принималъ самое дѣятельное участіе, считаемъ не лишнимъ привести, не вдаваясь ни въ какіе комментаріи, слова издателя «Корреспонденціи», такъ какъ въ нихъ вполне ясно высказанъ взглядъ, какой имѣютъ поляки на характеръ Станислава-Августа и на роль его въ событіяхъ, окончательно рѣшившихъ судьбу Рѣчи-Посполитой.

«Собрались послы и депутаты отпраздновать годовщину 3-го мая. Любя театральность, торжества и церемоніи, король принималъ личное участіе въ устройствѣ празднества; наканунѣ окончательныхъ несчастій, онъ явился народу съ полною торжественностью, во всемъ наружномъ блескѣ своего монаршаго величія. Въ присутствіи членовъ сейма, онъ положилъ краеугольный камень для имѣющаго воздвигнуться храма во имя Провидѣнія, который долженъ былъ служить памятникомъ народнаго счастья и благодарности Творцу за конституцію 3-го мая... Въ моментъ этотъ раздался громъ... какъ предвѣстникъ страшныхъ несчастій, которыя вскорѣ должны были разразиться надъ головою народа. Не смотря на всѣ предшествовавшія увѣренія и на самыя горячія стремленія, страна была не приготовлена встрѣтить эти несчастія грудью, а король оказался неспособнымъ къ тому героизму, каковаго требовали отъ него событія. Въ теченіе тридцатилѣтняго своего царствованія, онъ привыкъ прибѣгать только къ сдѣлаемъ среди самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, научился не побѣждать препятствія, а обходить ихъ и нейтрализовать; онъ былъ настойчивъ, но настойчивость его была такая, какою отличаются всѣ слабые характеры, которые хотя и неуклонно желаютъ одного, но желаютъ слабо, бессильно. Пока достаточно было только одного ума, труда, привѣтливости и даже сердечной доброты, онъ сумѣлъ оказать несчастной странѣ много существенныхъ услугъ. Во все время четырехлѣтняго сейма, когда пробужденный народъ увлекъ его въ сторону отъ тѣхъ узкихъ и извилистыхъ тропинокъ, по которымъ онъ велъ нерѣдко тяжкую судьбу его, влияніе короля было благотворно: онъ внушалъ умеренность, которой часто не было въ сеймѣ, былъ полезенъ сво-

имъ умомъ и опытностью; но и въ этомъ случаѣ, какъ всегда, онъ является только примирителемъ, но отнюдь не руководителемъ. Проникнутый общимъ одушевленіемъ, тронутый выраженіемъ общей любви, онъ повторялъ часто, что конституцію 3-го мая ставить наравнѣ съ своею жизнію. Присутствуя на театральномъ представленіи, когда актеръ, декламируя монологъ какаго-то трагическаго героя, произнесъ: «стану во главѣ народа», Станиславъ-Августъ громко повторилъ эти слова, и прибавилъ: «да, стану и первый выйду впередъ!».. Громъ рукоплесканій былъ отвѣтомъ на эти слова, которыя въ эту минуту, безъ сомнѣнія, были искренни. Но когда настало время «выйти впередъ», онъ «не вышелъ», и поворотилъ на прежнія тропинки, полагая — что ему удастся спасти хоть кое-что изъ конституціонныхъ работъ сейма. Спаси хоть кое-что!.. Но бывають такія минуты и такое стеченіе обстоятельствъ, когда разсудокъ ничего спасти не можетъ, когда лишь безусловная преданность принципу и полное во имя его самопожертвованіе могутъ его спасти. Станиславъ-Августъ далеко не былъ человѣкомъ принциповъ и убѣжденій, и потому не могъ возвыситься до полнаго самоотверженія и не имѣлъ въ себѣ той нравственной силы, какую можетъ внушить только глубокое сознаніе долга и неуклонная ему преданность. Не на одного Станислава-Августа, конечно, ложится вина въ томъ, что онъ перешелъ на сторону Тарговицкой конфедераціи, но обстоятельство это нисколько его не оправдываетъ. Онъ стоялъ во главѣ народа и долженъ былъ первый показать примѣръ самоотверженія и геройства. Послѣ ужасной памяти гродненскаго сейма, когда страна разорвана была на части, народъ оказался несправедливымъ по отношенію къ королю, приписывая ему одному вину всѣхъ несчастій; но, не подлежа къ сомнѣнію, самъ король былъ главною тому причиною. Костюшко не спасъ ни одной пяди отечественной земли, но та кровь, которая пролита была подъ Раковичами и Мацейовичами, спасла народное сознаніе. Будь у Станислава-Августа свои Мацейовичи, судьба страны была бы та же самая, за то самъ онъ былъ бы свободенъ отъ угрызений совѣсти, отравившихъ его послѣдніе дни, и оставилъ бы еще навсегда благодарную о себѣ память въ народѣ, а конституція 3-го мая приобрѣла бы еще больше правъ на благоговѣнное въ ней уваженіе со стороны самыхъ отдаленныхъ польскихъ поволеній».

Между тѣмъ, рѣшительный моментъ приближался; событія развивались съ страшною быстротою... 14 мая появился манифестъ предводителей Тарговицкой конфедераціи; спустя четыре дня, т. е. 18 мая, Россія объявила Польшѣ войну и на другой

же день войска русскія вторглись уже въ предѣлы Рѣчи-Посполитой. Въ виду несомнѣнной и грозной дѣйствительности, всѣ иллюзи, были или не были онѣ искренни, должны были исчезнуть. Вслѣдствіе всѣхъ предшествовавшихъ событій, многократныхъ заявленій и той роли, какую игралъ во все продолженіе четырехлѣтняго сейма король, положеніе его теперь опредѣлялось, повидимому, само собою; нельзя, однако, не удивляться, что корреспонденція его, относящаяся къ этому рѣшительному моменту, не представляетъ ни одного документа, въ которомъ бы онъ прямо высказался съ своими намѣреніями... Лишь только грянулъ громъ, онъ начинаетъ ступшеываться и уходитъ на задній планъ, и на обращенные къ нему вопросы и просьбы о помощи изъ пограничныхъ воеводствъ, которымъ прежде всего угрожало вторженіе, отвѣчаетъ нерѣшительно, неопредѣленно, вяло, холодно-фразисто, увѣряя всѣхъ въ своей любви и въ томъ, что «онъ нисколько не отдѣляетъ себя отъ сейма и не желаетъ себя охранять»... Хотя бы одно слово поощренія, воодушевленія, могущее наэлектризовать общество! А послѣ всѣхъ своихъ заявленій, послѣ всѣхъ предшествовавшихъ событій, на немъ лежалъ нравственный долгъ обратиться къ Рѣчи-Посполитой съ такимъ словомъ. Не издано было даже никакихъ распоряженій относительно того, что должна дѣлать и какъ должна поступить Рѣчь-Посполитая—драться ли, или молчаливо преклонить выю?.. Правда, шляхта приглашена была къ пожертвованіямъ, и съ этою цѣлью открыта была по воеводствамъ подписка; но подписка эта имѣла видъ какой-то формальности, лишена была правильной организаціи и не повела ни къ какимъ почти результатамъ. Если шляхта поражена была отчаяніемъ, то нужно согласиться также, что чувство отчаянія соединилось въ ней съ глубокою апатією, подъ которыми скрывался безпробудный эгоизмъ. Крику, шуму, громкихъ фразъ было много, но готовности къ жертвамъ—почти никакой; всякій оглядывался на другого, а всѣ вмѣстѣ ожидали помощи отъ самого короля, отъ сейма и — отъ прусскаго союзника... Если кто-либо дѣлалъ малѣйшую жертву, то сопровождалъ ее похвалой и громкими фразами, нисколько не соотвѣтствовавшими ничтожности приносимой жертвы, подъ которой нерѣдко скрывался, въ то же время, только личный интересъ и стремленіе къ личной безопасности. Всего лучше видно это, на примѣръ, изъ письма трокскаго каштелянича графа Януша Тышкевича, съ которымъ онъ въ половинѣ іюня обратился къ королю: «Когда я узналъ о вторженіи московскихъ войскъ и о приближеніи ихъ къ Вильну, я бросился сейчасъ же въ Рос-

сіены для открытія подписки на пожертвованія. Съ минуты объявленія намъ войны, мы рѣшились пожертвовать отечеству всѣмъ состояніемъ нашимъ, и только быстрое вторженіе московскихъ войскъ не дозволило намъ составить надлежащій планъ и охотно принести въ жертву отечеству имущество и жизнь нашу. Прошу васъ о томъ только, чтобы Жмудское княжество хотя на нѣскольکو недѣль защищено было отъ вторженія сѣверныхъ узурпаторовъ; увѣраю, что мы здѣсь соединимся всѣ и съ чувствительнѣйшею готовностію пожертвуемъ жизнью въ защиту вашего достоинства и нашей независимости». При всей фразистости этого письма, нѣтъ никакого сомнѣнія, что почтеннаго графа интересовала не столько судьба Рѣчи-Посполитой и достоинство короля, сколько троеское княжество, гдѣ находились имѣнія графа. Впрочемъ, онъ пожертвовалъ отчизнѣ изъ этихъ имѣній 20 человекъ стрѣлковъ, обмундированныхъ и вооруженныхъ, двѣ четырехфунтовыя пушки, телѣгу и два боченка пороху!.. Въ иныхъ мѣстахъ приготовленія дѣлались, повидимому, съ большою энергіею. Въ Ленчицкомъ воеводствѣ шляхта сдѣлала постановленіе жертвовать на содержаніе милиціи по 5 зл. пол. съ двора, что составило бы до 60 тыс. злотыхъ въ годъ; въ пожертвованіямъ приглашены были евреи и мѣщане. Но нѣкто Стоковскій доносилъ вскорѣ королю, что записавшись лично въ охотники, онъ цѣлыхъ три недѣли употребилъ на разъѣзды по помѣщичьимъ дворамъ и успѣлъ завербовать только 22 помѣщиковъ и 23 рядовыхъ, въ числѣ же ихъ оказалось вооруженныхъ и обмундированныхъ только 5 товарищей и 7 рядовыхъ... При всемъ томъ Стоковскій пишетъ: «Когда соберутся всѣ, то, несмотря на столь малое число, мы докажемъ, что во имя достоинства вашего и народной независимости умирать пріятно»!..

О томъ, что дѣлалось тогда на Волыни, довольно вѣрное понятіе можетъ дать слѣдующее письмо къ королю, писанное 11-го іюня, лицомъ неизвѣстнымъ, или извѣстнымъ только королю, потому что, вмѣсто имени, подъ письмомъ стоитъ подпись «Извѣстный» (Wiadomy). Оно такъ интересно, что мы приводимъ его цѣликомъ:

«У насъ недовольные распускають разныя сплетни, съ цѣлью напугать помѣщиковъ; указываютъ на слабость нашихъ силъ и на многочисленность московскаго войска; предсказываютъ неизбежный бунтъ хлоповъ, намекають даже на кавую-то измѣну, утверждая, что наши умышенно отступаютъ и что король обрекъ на гибель воеводства кіевское и брацлавское до самой Волыни. Тѣ и подобныя слухи побудили многихъ помѣщиковъ бѣ-

жать за кордонъ. Съ своей стороны, я дѣлаю все возможное, чтобы ихъ придержать; многихъ, совсѣмъ собравшихся въ дорогу, я упробилъ остаться, но они ежеминутно готовы въ бѣгству, вещи уложены, лошади готовы. Мнѣ удалось придержать Малиновскихъ, Бентковскихъ, Гжицкихъ, Дружбацкихъ, Ясинскихъ, Соколовскихъ, Юзефовичей и многихъ другихъ, совсѣмъ уже собравшихся-было бѣжать, но я убѣжденъ, что, въ случаѣ малѣйшей опасности, они утекутъ. По сосѣдству живетъ тутъ величайшій противникъ конституціи, каштеляничъ Чарнецкій; но еще болѣе жестокой врагъ ея есть Горайнъ, тотъ самый, который былъ пiarомъ и который, снявъ съ себя недавно рясу, женился на паннѣ Загурской и живетъ теперь въ Ожоховцахъ. Этотъ не только ругаетъ публично конституцію, но осыпаетъ похвалами поляковъ, вторгнувшихся вмѣстѣ съ москалями въ край, прославляетъ прежніе порядки и утверждаетъ съ полною увѣренностію, что москали нашихъ побьютъ. Онъ также утверждаетъ публично, что королемъ нашимъ будетъ Потоцкій, что царица, посылая на помощь ему свое войско, приказала подать себѣ нѣсколько богатыхъ коронъ и возлагала ихъ на голову Потоцкому, желая узнать, которая изъ нихъ придется ему въ мѣру. Горайнъ смѣется надъ дѣятельностію короля и сейма; насчетъ же посланныхъ просить помощи въ Берлинъ и Вѣну утверждаетъ, что наша нищая Рѣчь-Посполитая послала двоихъ полячковъ просить милостыни, но что эти бѣдняки напрасно хлопочутъ: помощи не дадутъ ни пруссаки, ни цесарь; саксонскій же электоръ короны не приметъ, ибо Москва давно уже порѣшила, въ согласіи съ этими монархами, что сдѣлать съ Польшей, именно: мы возвратимся въ прежнимъ порядкамъ, восстановлено будетъ прежнее избирательное право (свободная элекція), а мѣщане, сравненные въ правахъ со шляхтою, опять будутъ понижены. Такія и подобныя нелѣпности разглашаетъ этотъ эвкс-пiarъ; однихъ онъ пугаетъ, другихъ склоняетъ на свою сторону, въ третьихъ подрываетъ долгъ привязанности къ правительству, тѣмъ болѣе, что многіе ему вѣрятъ. Я убѣждаю и говорю всѣмъ, что намъ нужно согласіе и единство, что мы обязаны оставить всякія ссоры; безъ разсужденій о томъ, хороша ли конституція въ цѣломъ или только *in partibus*, мы должны взяться за руки и подняться противъ врага, который нашимъ отверженцамъ помогаетъ не потому, что будто бы любить Польшу, или кого-либо изъ нихъ въ частности, а потому, что находитъ удобнымъ воспользоваться ими для достиженія своихъ видовъ. Стараюсь напоминать слова московскаго генерала, который сказалъ: «полячки си-

дѣли уже у насъ въ мѣшкѣ, но онъ плохо былъ завязанъ и поляки ускользнули, но теперь они завязаны будутъ въ мѣшкѣ не однимъ, а нѣсколькими узлами». Ничто однако не помогаетъ! Горайнъ прогналъ изъ своего мѣстечка офицера, который пріѣхалъ туда набирать рекрутъ; при этомъ Горайнъ сказалъ: «да развѣ такая сволочь можетъ драться съ красивымъ и регулярнымъ московскимъ войскомъ, которое побито турка и шведа? Мы были бы глупы, еслибы не просили теперь прощенія за глупость нѣсколькихъ людей, составившихъ глупую конституцію». Нынѣшняя газета меня обрадовала; пока такой прекрасный универсалъ будетъ разосланъ по приходамъ, я приказалъ списать его и прочесть въ день св. Антонія въ моей церкви, которую посѣщаютъ и сосѣди, и чиншевая шляхта, и громада. Пускай слушаютъ!

«Изъ Люблина съ послѣднею почтою я получилъ извѣстіе, что тамошняя партія недовольныхъ имѣетъ частыя собранія въ домѣ мѣстнаго воеводы и люблинскаго подкоморія, на которыхъ обдумываются какіе-то пункты и предположенія, которыя должны повести къ примиренію съ Москвою. Будучи недавно въ Люблинѣ проѣздомъ, я нашелъ тамъ много недовольныхъ».

Шляхта полоцкаго воеводства обратилась къ королю съ напыщеннымъ письмомъ, заявляя готовность жертвовать всѣмъ для спасенія Рѣчи-Посполитой, обѣщая «соединить мужественныя свои руки» и «кровію московскихъ диварей» оросить свои поля, но... шляхта умоляетъ короля прежде всего оградить эти поля и дома «отъ вражескихъ рукъ, жаждущихъ грабежа и разоренія». Самъ полоцкій воевода Жаба, послѣ патетическихъ увѣреній короля въ своей неизмѣнной преданности и готовности на всѣ жертвы, бросилъ все и уѣхалъ въ Кѣнигсбергъ, гдѣ «пріятно ему будетъ, насколько хватитъ силъ, слушать королевскихъ приказаній!»... По-истинѣ, при всемъ трагизмѣ положенія, обстоятельства того времени представляютъ и бездну юмизма. Этотъ Жаба, спасающійся въ Кѣнигсбергъ, чтобы, сидя тамъ, слушать королевскихъ приказаній, «насколько силъ хватитъ»,—личность неподражаемая по своей истинно-шляхетской увертливости, по своему пошлomu эгоизму, и положительно не уступаетъ эсэпиару Горайну, который былъ увѣренъ, что москали идутъ войною на полявовъ затѣмъ, чтобы «опять понизить мѣщанъ, уравненныхъ въ правахъ со шляхтою»... На самомъ дѣлѣ, никто ничего серьезно не предпринималъ, отдѣлывались одними фразами, превосходя другъ друга напыщенностію, и поглядывали только одни на другихъ; бессильный король, расписывая чувстви-

тельные письма, ждалъ помощи отъ шляхты, а шляхта, съ своей стороны, не шадя напыщенныхъ увѣреній въ преданности и въ готовности на всѣ жертвы, не жертвовала почти ничего и ожидала всего отъ короля. Любопытенъ отвѣтъ послѣдняго полоцкой шляхтѣ, показывающій все его матеріальное и моральное безсиліе:

«Препочтенные и возлюбленные обыватели полоцкаго воеводства! Могу ли не сокрушаться при мысли о вашемъ тяжкомъ положеніи, вслѣдствіе вторженія московскихъ силъ? Могу ли не чувствовать и не радоваться, видя тотъ патріотизмъ, которымъ вы исполнены? При нынѣшнихъ горестяхъ можетъ ли быть для меня что-нибудь пріятнѣе, какъ видѣть величественный вашъ геній, приносящій все въ жертву для спасенія отечества! Старайтесь быть спокойнѣе. *Думаю*, что съ прибытіемъ въ Гродно Станислава Потоцкаго, Вавржецкаго и Михаила Забѣлло, наступательное движеніе непріятели будетъ отгѣснено и хоть отчасти обезпечено будетъ ваше спокойствіе... Требуемую теперь жертву, въ количествѣ «двадцатаго гроша» (20⁰/о отъ дохода), въ видахъ безопасности, отсылайте въ Вильну, съ помощію же Божіею и вашею защищать отечество будемъ. Любящій васъ S. A.»

По самому тону письма видно, что король самъ далекъ былъ отъ той надежды, каковую желалъ внушить полоцкой шляхтѣ, и что защищать отечество онъ считалъ для себя едвали возможнымъ. Незначительныя стычки, происходившія тогда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр., подъ г. Миромъ) между русскими и польскими войсками, случались сами собою, безъ опредѣленнаго плана и безъ вѣдома даже короля; тѣмъ страннѣе кажутся его увѣренія, которыми онъ утѣшалъ шляхту, что «слѣдуетъ питать надежду, что настанутъ времена лучшія, благодаря мужеству шляхты и усиліямъ его, короля». Съ такими увѣреніями онъ обратился къ новогрудской шляхтѣ, въ письмѣ своемъ отъ 17-го іюня, и увѣренія эти были тѣмъ страннѣе, что ни особеннаго мужества со стороны шляхты, ни особенныхъ усилій со стороны короля не было видно. Всѣ видѣли это и сознавали: король и шляхта обманывали себя самихъ и взаимно другъ друга, питая тайную надежду на то, что кто-нибудь иной будетъ драться за нихъ и выручить ихъ изъ бѣды, что Европа не позволитъ Россіи обижать ихъ... Русскія войска, между тѣмъ, подвигались впередъ, не встрѣчая никакого почти сопротивленія; князь Юсіфъ Понатовскій и Костюшко отступили изъ-подъ Брацлава и расположились лагеремъ между Любаремъ и Полонною. Волынская и подольская шляхты спасались бѣгствомъ за-границу, такъ что на

Подоліи, какъ видно изъ письма каменецкаго коменданта, генерала Орловскаго (отъ 22-го іюня) «невозможно было въ то время найти ни одного помѣщика»... «Боятся они и мужиковъ,—пишетъ еще генераль Орловскій,—которые становятся очень дерзкими, опять начали пьянствовать, резонировать, пугаютъ бунтомъ и рѣзною; попы ихъ тоже поддерживаютъ»... Предводители конфедерациі, съ своей стороны, забрасывали страну множествомъ прокламацій, убѣждая шляхту соединиться съ ними и грозя, въ противномъ случаѣ, принудительными мѣрами. По поводу этихъ прокламацій и печатныхъ брошюръ, которыя подъ разными адресами пересылаемы были по почтѣ въ Варшаву, даже и на имя короля, онъ обратился 8-го іюля съ письмомъ въ литовскому канцлеру, князю Михаилу-Александрѣ Сапѣгѣ, спрашивая его: правда ли, что онъ, какъ сказано въ одной брошюрѣ, приметъ на себя должность маршала предполагаемой генеральной литовской конфедерациі, которая будетъ дѣйствовать за-одно съ торговичанами? Отвѣтъ князя Сапѣги, напоминающій письмо Жабы, долженъ былъ нѣсколько удивить даже короля: «Предвидя всѣ эти безпокойства,—пишетъ Сапѣга,—которыя теперь наступили въ Слонимскомъ краѣ, я улизнулъ (umknałem) въ брестскій край, гдѣ пока все спокойно; но если безпокойства дойдутъ и сюда, то я буду просить васъ позволить мнѣ уѣхать за-границу, тѣмъ болѣе, что этого требуетъ мое здоровье. Ложные слухи, которые касаются меня, спокойно сидящаго дома, не найдутъ, надѣюсь, вѣры въ вашемъ добродѣтельномъ сердцѣ. Въ мои лѣта слѣдуетъ думать о спокойствіи, а не о подобныхъ затѣяхъ»...

Подобно князю Сапѣгѣ, множество шляхты спасалось за-границу, избѣгая принужденій отказаться отъ конституціи, которой она недавно присягала, и, слѣдовательно, избѣгая клятвопреступленія; изъ своихъ убѣжищъ она обращалась къ королю съ вопросомъ: что дѣлать и какъ ей слѣдуетъ поступить? Особенно много писемъ съ подобнымъ вопросомъ получено было королемъ въ іюлѣ мѣсяцѣ. Но 24-го числа этого мѣсяца происходило засѣданіе совѣта, на которомъ рѣшено было: отказаться отъ конституціи 3-го мая и присоединиться къ Тарговицкой конфедерациі!.. Съ этого момента отвѣтъ короля на всѣ обращенные къ нему вопросы былъ одинъ и тотъ же: онъ совѣтуетъ всѣмъ и каждому покориться обстоятельствамъ. Еще 20-го іюля, т.-е. за четыре дня до засѣданія совѣта, король писалъ уже воронному вустошу, всендзу Сѣраковскому, въ отвѣтъ на письмо послѣдняго, слѣдующее: «Стеченіе несчастныхъ обстоятельствъ вынуждаетъ насъ отказаться отъ всякихъ военныхъ предпріятій. Неудавшійся

голландскій заемъ лишаетъ насъ средствъ и возможности содержать наше храброе и добродѣтельное войско; со стороны же берлинскаго и вѣнскаго кабинетовъ мы не можемъ ожидать не только никакой помощи, но, напротивъ, слѣдуетъ опасаться, что они вскорѣ будутъ на сторонѣ Россіи и противъ насъ, въ чемъ я отчасти уже и убѣдился. *In super*, сказано мнѣ еще и то, что если я сейчасъ же не прекращу войны съ Россіею, то дѣлостъ границъ Рѣчи-Посполитой подвержена будетъ опасности новаго раздѣла. Не имѣя возможности воевать и видя въ продолженіи военныхъ дѣйствій величайшій вредъ для страны и для моей особы, я принужденъ выбрать меньшее зло и хотъ спасти страну отъ бесполезнаго пролитія крови. Жестокая скорбь моего сердца утѣшается только надеждою, что, благодаря тому шагу, на который я рѣшился, можно будетъ спасти хотъ часть нашего добраго дѣла». Очевидно, что король рѣшился уже въ душѣ, такъ сказать, спасовать передъ торговичанами прежде, чѣмъ состоялось о томъ формальное постановленіе въ засѣданіи совѣта, 24-го іюля. На всѣ обращенныя къ нему письма онъ могъ теперь отвѣчать только указаніемъ на рѣшеніе совѣта и приглашеніемъ послѣдовать этому рѣшенію. Однако, будучи вынужденъ отказаться отъ дѣла, которымъ онъ дорожилъ «наравнѣ съ своею жизнію», король не переставалъ еще увлекаться какою-то надеждою, какъ это видно даже изъ заключительныхъ словъ сейчасъ приведеннаго письма. Въ чемъ же могла состоять эта надежда? Можно сказать навѣрное, что приступая къ Тарговицкой конфедерации, онъ предполагалъ сыграть въ ней обычную свою роль примирителя, посредника между враждующими партіями и, такимъ образомъ, дать этой конфедерации хотъ отчасти благоприятное видамъ «патріотической» партіи направленіе. Тщетныя иллюзіи! Сильная поддержкою Россіи, Тарговицкая конфедерация не ограничилась простымъ приступленіемъ въ ней короля и шляхты, а потребовала съ ихъ стороны рѣшительнаго подчиненія, съ принесеніемъ присяги по составленной ею же формѣ. Разочарованіе было ужасное; шляхта пришла въ негодованіе и только одинъ король, испытавшій и тутъ неудачу, сдѣлался, наконецъ, совѣмъ и во всему равнодушень; съ той поры, повидимому, онъ на все махнулъ рукой... Нравственное его состояніе въ этотъ моментъ вполне ясно характеризуетъ отвѣтъ его гр. Александру-Августу Замойскому, который изъ Замостья, отъ 14-го сентября, писалъ королю: «Послѣ продолжительной борьбы съ самимъ собою и въ виду того обстоятельства, что если передъ грознымъ срокомъ, именно передъ 20-мъ числомъ сего мѣсяца, я не приступлю къ

конфедерации, то имѣнія мои подвергнутся секвестру, я не счелъ возможнымъ дольше сопротивляться. Но оказывается, что простого приступленія тутъ недостаточно, а нужна еще и присяга; но эта присяга до таковой степени мнѣ противна, такъ несогласна съ внутреннимъ моимъ убѣжденіемъ, что я принужденъ просить васъ позволить мнѣ ограничиться простымъ и личнымъ приступленіемъ... Отвѣтъ короля былъ слѣдующій: «Въ отвѣтъ на письмо ваше отъ 14 praesentis, я долженъ сказать, что вопросъ вашъ ставить меня въ крайне затруднительное положеніе, и я не знаю, какъ вамъ отвѣчать. Наравнѣ со многими, я тоже предполагалъ, что простое приступленіе къ конфедерации сочтено будетъ достаточнымъ, но теперь оказывается, что отъ насъ требуютъ большаго. Пусть же каждый дѣйствуетъ по собственному усмотрѣнію, совѣту только собственнаго ума, а я не кочу и не могу давать никакихъ совѣтовъ, ибо и самъ я нахожусь въ самомъ критическомъ положеніи, и молю Бога о томъ только, чтобы онъ внушилъ мнѣ и каждому такое рѣшеніе, какое въ нашемъ положеніи можетъ оказаться самымъ лучшимъ». Въ другомъ письмѣ, адресованномъ въ литовскому корунжему Вавржецкому, въ отвѣтъ на подобный же вопросъ, король пишетъ, между прочимъ: «О себѣ самомъ я говорю всего меньше. Судьбу мою я поручилъ Богу. Онъ одинъ можетъ внушить благорасположеніе ко мнѣ тѣмъ, которые вошли теперь въ силу»...

Закончимъ наши извлеченія просьбою генерала Водзицкаго объ отставкѣ и отвѣтомъ на эту просьбу короля. Просьба эта была такого содержанія:

«Въ бытность мою въ послѣдній разъ въ Варшавѣ, вамъ угодно было приказать мнѣ повременить съ просьбою объ отставкѣ. Приказаніе это я исполнилъ. Въ настоящее же время видя, что многіе, самые вѣрные, самые доблестные и высшіе офицеры оставили службу, во главѣ ихъ князь Іосифъ (Понятовскій) и генераль Костюшко, я желаю послѣдовать примѣру этихъ достойныхъ людей и наравнѣ съ ними получить отставку. Съ нынѣшнею почтою я пишу въ военную комиссію заявленіе, согласно праву, о выходѣ моемъ въ отставку, и такъ какъ я прослужилъ 26 лѣтъ, то слѣдовало бы мнѣ ожидать, что преемникъ мой, при повышеніи на мое мѣсто, долженъ мнѣ заплатить. Не надѣюсь при новомъ правительствѣ получить эту уплату, но желаю лучше терпѣть нищету, чѣмъ продолжать службу въ томъ войскѣ, изъ котораго ушли самые преданные вамъ люди, въ томъ убѣжденіи, что, не состоя больше подъ вашею командою, они не могутъ быть полезны ни вамъ, ни отечеству».

Просьба эта прислана была королю изъ Кракова 14-го августа, а 18-го августа король отвѣчалъ:

«... Хорошій солдатъ, хорошій гражданинъ причиняетъ отечеству самую жестокую рану, когда лишаетъ его добраго сына, и потому убѣждалъ я тебя прежде и теперь убѣждаю: не покидай службы и ожидай вмѣстѣ со мной лучшаго времени. Указываемые тобою примѣры не должны тебя соблазнять. Достаточно и той боли, которую они мнѣ причинили, не послушавъ меня; не увеличивай же моей горести своимъ удаленіемъ... Еще разъ говорю, не бросай службы, мой Водзицкій, не увеличивай моихъ утратъ, авось *dabit Deus meliora lapsis*»... Онъ все еще думалъ о лучшихъ временахъ!..

Тарговицкая конфедерація окончательно порѣшила судьбу Рѣчи-Посполитой и, въ сущности, была послѣднимъ актомъ драмы. Эпизодъ ея извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ «второго раздѣла Польши», за которымъ вскорѣ долженъ былъ послѣдовать «третій раздѣлъ ея». Польское возстаніе, подъ предводительствомъ Костюшки, предшествовавшее «третьему раздѣлу» Польши, является только однимъ изъ заключительныхъ моментовъ этой драмы, послѣ котораго равнодушная публика разошлась, наградивъ нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ лицъ глѣбными аплодисментами.... Для насъ важна, впрочемъ, не столько политическая, сколько нравственная сторона вопроса. Мы старались привести изъ корреспонденціи Станислава-Августа все, что могло освѣтить внутреннее состояніе Рѣчи-Посполитой въ эпоху ея окончательнаго паденія и охарактеризовать тогдашнія «*tempora et mores*»... Относясь къ предмету вполне объективно, нельзя не отдать послѣднему королю Рѣчи-Посполитой справедливости, что лично онъ одушевленъ былъ благороднымъ желаніемъ поддержать распадающійся государственный организмъ своей страны и въ продолженіе всего своего царствованія неуклонно стремился къ необходимымъ внутреннимъ реформамъ, потребность которыхъ онъ вполне понималъ. Станиславъ-Августъ является характеромъ мягкимъ, нерѣшительнымъ, малодушнымъ, но причина безуспѣшности его честныхъ и разумныхъ стремленій по отношенію къ своему государству скрывается не въ личномъ его характерѣ, а въ томъ, что Польша была уже въ такомъ положеніи, въ которомъ никакія усилія не могли ее спасти. Истину эту начинаютъ понимать и откровенно высказываютъ сами поляки. Издатель «Корреспонденціи» говоритъ въ предисловіи къ своему сборнику:

точно отвергнуть старыя и вредныя для государства учрежденія и замѣнить ихъ новыми, какъ это сдѣлано было нами въ 1791 г., но нужно еще, чтобы характеръ, нравы и привычки народа, развившіеся подъ вліяніемъ этихъ учрежденій, были признаны народомъ и измѣнены. Все время царствованія Станислава-Августа представляетъ рядъ усилій, направленныхъ къ пересозданію государства. Эти благородныя усилія достойны глубокаго уваженія и благодарной памяти, хотя они и остались тщетными. Но оказались они тщетными не вслѣдствіе причинъ вѣшнихъ, вліянія которыхъ, впрочемъ, мы вовсе не отвергаемъ, а гораздо болѣе вслѣдствіе причинъ внутреннихъ. Препятствія къ пересозданію государства скрывались въ насъ самихъ, въ недостаткахъ народнаго характера нашего, — въ тѣхъ недостаткахъ, которые, не смотря на всѣ наши несчастія, не чужды намъ и нынѣ и обнаруживаются въ нашихъ чувствахъ и настроеніи... Признавъ ту истину, что Рѣчь-Посполитую составляла собственно одна шляхта, но не весь народъ, слѣдовало бы выраженія: «народъ» и «народный характеръ» замѣнить выраженіями «шляхта» и «шляхетскій характеръ», и тогда намъ ничего не осталось бы прибавить къ правдивымъ словамъ, сейчасть нами приведеннымъ. Шляхта всегда стояла далеко отъ народа, признавая его отдѣльною отъ себя расою, и усматривала въ немъ только грубую рабочую силу, обреченную на безправность и безгласность, не признавая за нимъ даже польскаго имени, а называя его просто «хлопъ» или «хлопство». Такое отношеніе шляхты къ народу имѣло мѣсто даже въ чисто этнографическихъ границахъ польскаго племени, такъ что польскій хлопъ вовсе не считалъ себя даже полякомъ. Рѣчь-Посполитая состояла какъ-бы изъ двухъ совершенно отдѣльныхъ націй — изъ «поляковъ-шляхты» и «народа-хлоповъ»; первые пользовались всѣми гражданскими, политическими, общественными правами и еще однимъ правомъ — правомъ полнѣйшаго своеволія, произвола и безнаказанности, послѣдніе же — никакими, ибо даровой физической трудъ, безропотность и безгласность составляли не право, а обязанность. Въ самомъ основаніи государственнаго устройства Рѣчи-Посполитой лежало такое именно взаимное отношеніе этихъ двухъ націй, подъ вліяніемъ котораго и развился «шляхетскій характеръ». При подобныхъ условіяхъ возрожденіе страны было, дѣйствительно, немислимо, потому что никакія конституціи не могли пересоздать шляхетскую натуру. Характеръ ея сложился такъ, что всякая идея о государственности была ей чужда, и трезвое патріотическое чувство, основанное на самопожертвованіи и самоотреченіи во имя обществен-

наго блага — было для нея непонятно. Стоя вдали отъ народа, живя живнiю касты, она чужда была народнаго духа и далека была отъ истинно-народнаго патриотизма. Ея симпатiи, убѣжденiя и интересы были противны и даже враждебны симпатiямъ и интересамъ народа, и никогда симпатiи и интересы шляхты и народа не сливались и не стремились къ одной цѣли. Всѣ польскiя возстанiя имѣли шляхетскiй характеръ, были чужды народу и казались даже странными ему. Лишенная идеи государственности, чуждая истиннаго патриотическаго чувства, шляхта всегда жила въ своемъ особомъ мiрѣ и одушевлена была только эгоистическими и кастовыми побужденiями. Ей были понятны только ближайшiе, личные, имущественные и кастовые интересы, но вовсе не государственные и не патриотическiе, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, и потому-то, когда настала рѣшительный моментъ, когда нужно было отстаивать страну вмѣстѣ съ ново-рожденною конституцiею, — этимъ «памятникомъ, исполненнымъ величiя», — шляхта забыла о всякихъ памятникахъ величiя, и думала только о томъ, какъ бы спасти только себя и удержать за собою всѣ прежнiя удобства и выгоды жизни.

Таковы недостатки «народнаго», какъ выражается издатель, польскаго характера, которые всегда стояли поперекъ всякимъ попыткамъ къ возрожденiю страны. «Недостатки эти, — говоритъ онъ, — не чужды и нынѣ полякамъ и обнаруживаются въ ихъ чувствахъ и настроенiяхъ... Мы всего менѣе станемъ оспаривать истину этихъ словъ и, будучи чужды какою бы то ни было племенной враждебности и предвзятыхъ предубѣжденiй по отношенiю къ братскому народу, съ силою полнѣйшаго убѣжденiя скажемъ, что еслибы судьбу Польши десять разъ отдать въ руки шляхты и шляхетской интеллигенци, то она десять разъ снова бы ее погубила. При отсутствii самостоятельной политической жизни, недостатки «народнаго» польскаго характера не обнаруживаются, конечно, съ надлежащей полнотою и ясностью, но они живутъ, и, что всего страннѣе, сознательно поддерживаются. Современная польская литература, художественная и вся почти періодическая, живетъ въ прошломъ, обливая ее розовымъ свѣтомъ преувеличеннаго оптимизма и идеализируя такiя даже стороны прошлой жизни, которыя должны бы служить предметомъ только беспощадной сатиры... Для насъ лично не можетъ быть ничего противнѣе этого бессмысленнаго преклоненiя предъ прошлымъ и враждебнаго отношенiя къ современнымъ общечеловѣческимъ идеямъ и принципамъ... Для насъ невыносимо противны всѣ эти типы, характеры, взгляды и убѣжденiя, съ которыми вы

неизбѣжно встрѣчаетесь въ каждомъ почти польскомъ романѣ, повѣсти, драмѣ и комедіи, отъ которыхъ вѣетъ плѣсенью и гнилью, отсталостію, обскурантизмомъ и исключительностію. Удивительное ослѣпленіе! Все то, что было существенною причиною гибели Польши, вызываетъ въ полякахъ самыя горячія симпатіи и служитъ предметомъ самаго восторженнаго поклоненія!... Небольшая группа лучшихъ представителей современнаго польскаго поколѣнія съ недавняго времени открыла два или три литературные органа, съ цѣлью распространять въ польскомъ обществѣ здоровыя научныя, литературныя и общественныя понятія, пробуждать въ немъ трезвую мысль, любовь къ труду, поощрять къ самопомощи, вообще къ умственному и нравственному развитію. Противъ столь благородныхъ и разумныхъ попытокъ вооружилась рѣшительно вся шляхетско-польская литература, которая въ одинъ голосъ кричитъ: «отцы наши ничего подобнаго не знали, и мы знать не хотимъ!».. Въ настоящее время, подѣ именемъ позитивизма и идеализма, ведется упорная, ожесточенная борьба въ польской литературѣ; но самыя названія эти въ сущности ничего не значатъ; подѣ ними скрываются, съ одной стороны, стремленія прогрессивныя, соединенныя съ критическимъ отношеніемъ къ прошлому, а съ другой — идеализированіе всего прошлаго и безусловное предѣ нимъ превлоненіе. Позитивистское стремленіе имѣетъ въ виду пробужденіе и возрожденіе народнаго духа, посредствомъ живительныхъ и прогрессивныхъ началъ современности, а идеалистическое направлено къ подавленію народнаго саморазвитія и самосознанія, обращая его къ прошлому и придавливая его тяжелымъ камнемъ мертвыхъ и мертвящихъ традицій! И нужно видѣть, къ какимъ іезуитскимъ уловкамъ прибѣгаетъ идеалистическая партія въ безсмысленной борьбѣ своей съ позитивистами, и какою свирѣпою и адскою ненавистію она ихъ ненавидитъ! По истинѣ, нѣтъ ничего противнѣе, но въ то же время ничего не можетъ быть и поучительнѣе этого зрѣлища. Кто побѣдитъ въ этомъ боѣ — рѣшить теперь пока трудно; но если молодая польская пресса, обезсиленная въ борьбѣ, броситъ оружіе и малодушно опуститъ руки, то это послужитъ только лишнимъ доказательствомъ той истины, что недостатки «народнаго» польскаго характера нисколько не уменьшаются и не ослабѣваютъ, несмотря на «всѣ перенесенныя шляхтою несчастія и испытанія», и что бороться съ этими недостатками невозможно...

А между тѣмъ, что бы ни говорили наши русскіе идеалисты, польскій вопросъ все-таки остается для насъ вопросомъ, и рѣшеніе его не такъ легко и просто, какъ многіе предполагаютъ.

Письма и корреспонденціи, посылаемые здѣшними дѣятелями-корреспондентами въ нѣкоторые столичныя газеты, скорѣе собьютъ русскаго читателя съ толку, чѣмъ научатъ его чему-либо. Недавно въ одной петербургской газетѣ мы читали сѣтованіе какого-то дѣятеля-корреспондента о томъ, что вотъ прошло цѣлыхъ 50 лѣтъ, и мы не сумѣли обрусить въ привислянскомъ краѣ ни одного полява. Въ той же газетѣ профессоръ варшавскаго университета, г. Вивентій Макушевъ, вмѣстѣ съ какою-то сербскою газетою, утверждаетъ, что черезъ другія 50 лѣтъ вся Европа заговорить по-русски, или, по крайней мѣрѣ, по-русски заговорятъ всѣ европейскіе дипломаты и всѣ министры иностранныхъ дѣлъ, и этою блистательною перспективою г. Макушевъ такъ увлекся, что забылъ сказать другой сербскою газетѣ, имъ же цитируемой, что «варшавскіе кнуты» составляютъ плодъ воображенія сербскаго журналиста, что Варшава никогда не видала никакихъ русскихъ кнутовъ. Какъ бы то ни было, но, читая подобныя корреспонденціи, самъ не знаешь, что дѣлать—скорбѣть ли съ дѣтелемъ-корреспондентомъ, или ликовать съ г. Вивентіемъ Макушевымъ? Лучше бы ликовать, но такъ какъ дѣтель-корреспондентъ указываетъ на фактъ, а г. Макушевъ съ своими предсказаніями похожъ на синицу, которая моря, пожалуй, и не зажжетъ, то по неволѣ приходится скорбѣть съ дѣтелемъ-корреспондентомъ. Итакъ, прошло полвѣка и мы никого не обрусили, между тѣмъ какъ нѣмцы давно уже сдѣлали и продолжаютъ дальше дѣлать свое дѣло. Нынѣ нѣтъ уже славянскихъ Бродова, Познани, Торуня, Гданска, Быдгощи и т. п., а есть нѣмецкіе Бреслау, Позенъ, Торнъ, Данцигъ, Бромбергъ и т. п., и не въ однихъ тутъ названіяхъ дѣло, а въ томъ, что всѣ эти города дѣйствительно сдѣлались нѣмецкими, окончательно подчинились нѣмецкой культурѣ. Но этого мало, вся западная окраина привислянскаго края постепенно овѣмечивается, такъ что многіе пограничныя польскіе города совсѣмъ почти уже нѣмецкіе! Ничего въ этомъ нѣтъ удивительнаго, если противопоставимъ славяно-польскую безпечность съ нѣмецкою предусмотрительностію. Нѣмцы вносятъ съ собою энергію, образованіе, трудъ, ладъ, порядокъ, разумную экономію, промышленность, рациональное хозяйство, и встрѣчаютъ польское невѣжество, апатію, лѣность, страсть къ физическимъ наслажденіямъ, однимъ словомъ—всѣ тѣ качества, которыя у польскихъ романистовъ и журналистовъ извѣстны подъ именемъ «любви къ народному гнѣзду» и «семейныхъ добродѣтелей»... Нѣмецкая литература, во всемъ своемъ богатомъ развитіи и разнообразіи, сталкивается съ славяно-поль-

свою литературу, бѣдною, обскурантною, пропитанною экзальтацией, какою-то безпредметною восторженностью, при весьма ничтожной долѣ серьезнаго содержанія, здравыхъ тенденцій и мыслей... Самая эта восторженность, которую проникнуто каждое истинно-польское художественное произведение, каждый газетный и журнальный фельетонъ, вовсе не есть плодъ только заплѣсневѣлой художественной и литературной школы, но является въ то же время результатомъ обскурантизма, физической и моральной лѣни. Подъ этою восторженностью и экзальтацией скрывается душевная пустота и отсутствіе трезвой мысли; изъ-за нихъ весьма не идеально выглядываютъ самые низменные инстинкты, и подкладкою имъ всегда служатъ весьма положительныя побужденія грубой физической природы. Всѣ проявленія природы подобнаго типа, получая названіе то «семейныхъ», то «шляхетскихъ добродѣтелей», идеализируются польскою литературою на всевозможные лады...

Е. Л.

НАСЛѢДСТВО

ИЛЬИ ПЕТРОВИЧА РАСТЕРЯЕВА

Психологическіе очерки *).

IX *).

Послѣ обѣда Илья Петровичъ и въ карты не сѣлъ играть, несмотря на то, что Федоръ Ильичъ самъ ему предложилъ свои услуги.

— Нѣтъ, Федя, не хочу... Голова что-то того..., — нехотя отговорился онъ.

«Отшибло охоту!» подумалъ сынъ и оставилъ отца въ покоѣ.

Илья Петровичъ сѣлъ у окна въ своей спальнѣ и предался тяжелымъ размышленіямъ. На маленькомъ кругломъ столѣ въ ажурной вазочкѣ лежали нетронутыми сливы и груши; Илья Петровичъ грустно только посмотрѣлъ на нихъ, взялъ-было одну изъ грушъ, повертѣлъ ее нѣсколько времени въ рукахъ и бережно положилъ снова въ вазочку.

«Все прахъ, суета всяческая, — думалъ онъ, — сегодня живъ, а завтра нѣтъ тебя на свѣтѣ... Но каково жить, когда человѣкъ знаетъ, что каждую минуту дѣти его съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, скоро ли, мошь, а? скоро ли, мошь, ты, съ Божіею помощію, ноги протянешь?.. Каково! Суета суеть!.. Такой достопочтенный человѣкъ, какъ Николай Саввичъ, и онъ-то и находится теперь въ

*) См. выше: июль, 626; июль, 169 стр.

такомъ положеніи! Ожидаютъ! Но отчего же все это происходитъ, отчего дѣти несчастнаго Николая Саввича такія развращенныя? Не оттого ли, что они желаютъ посворѣе получить наслѣдство? Такъ ли это? Вѣрно! Оттого именно, что желаютъ получить наслѣдство и въ наивозможно-скорѣйшемъ времени».

Этотъ отвѣтъ какъ-то самъ, противъ желанія Ильи Петровича, пришелъ ему въ голову.

«Нѣтъ, это не оттого. Это всего скорѣе отъ воспитанія; они дурное направленіе получили, — передумывалъ онъ, — да, отъ воспитанія, это вѣрно!.. Но еслибы впереди не предстояло имъ наслѣдства, могли бы они тогда желать, чтобы «ударомъ?»

И снова тотъ же отвѣтъ лѣзъ непрошенный въ голову.

«Отъ наслѣдства? Нѣтъ! Они не имѣютъ надлежащаго понятія о значеніи труда, да! Это совершенно вѣрно. Еслибы отецъ ихъ былъ бѣденъ, то и тогда, при такомъ дурномъ направленіи, они все-таки остались бы съ этими же понятіями... Но кто можетъ сказать, что тогда они имѣли бы такія же понятія и такъ же развратно мыслили? Кто скажетъ? Можетъ быть развитію этихъ понятій всего болѣе способствовало именно то, что наслѣдіе богатыхъ отцовъ освободило ихъ отъ труда».

Во множествѣ разнообразныхъ мыслей, вызванныхъ разсмотрѣніемъ вопроса — «о вліяніи ожидаемаго дѣтми наслѣдства на ихъ воспитаніе», въ головѣ Ильи Петровича уже нѣсколько разъ копошилась мысль о томъ, подъ какими условіями выросъ и возмужалъ его Федя? Но онъ долго боролся, отвертываясь отъ размышленій на эту тему, какъ будто боясь ихъ. Какъ онъ ни старался пускаться все болѣе въ общія размышленія, избѣгая частныхъ, но не могъ превозмочь себя.

«Да, Федя, въ этомъ случаѣ, да... Его обходить нельзя, — рѣшилъ наконецъ онъ: — нельзя и его обходить... ангелъ онъ, что-ли? Я увѣренъ только въ томъ, что ему въ голову никогда не забирались развращенныя понятія, т.-е. въ такой формѣ, въ какой мнѣ пришлось ихъ слышать высказанными сегодня; въ такой формѣ они въ его голову попасть не могли. Федя — человекъ деликатный, у него все такъ выходитъ мягко, благородно, тонко... Да, Боже мой, Боже мой! Развѣ тутъ дѣло въ формѣ? Что форма — дрань! Сущность-то, сущность-то понятій его какова? Вотъ надъ чѣмъ слѣдуетъ подумать! Въ чемъ же сущность его понятій по вопросу о наслѣдствѣ? Онъ знаетъ, что полный наслѣдникъ всѣхъ моихъ капиталовъ... Да что же это я, точно самъ себя стараюсь обмануть, хитро и намѣренно избѣгаю того, о чемъ долженъ серьезно подумать. Дѣло вовсе не въ томъ,

знаеть онъ или не знаеть, — конечно знаеть, развѣ я это отъ него скрываю... Но... но... вотъ гдѣ задача, вотъ: — желаетъ-ли онъ, чтобы и я... того... ударомъ? Нѣтъ, онъ такъ мыслить не можетъ, онъ благородный, у него все... Да, онъ, можетъ быть, и думаетъ объ этомъ не такъ грубо (опять-таки дѣло не въ формѣ), какъ дѣти Николая Саввича; можетъ быть, у него... Господи!—вдругъ печальнѣе прежняго началъ мыслить Илья Петровичъ:—Господи! да онъ, можетъ быть, такъ тонко бесѣдуетъ по этому вопросу самъ съ собой, что ему даже нисколько и не стыдно,—вѣдь онъ философъ, вѣдь онъ какъ начнетъ развивать какую-нибудь идею—уши развѣсишь... И думаетъ онъ, можетъ быть, самымъ деликатнымъ образомъ, когда же, молъ, наступать тѣ дни, въ которые удрученный годами родитель мой... Тьфу, какъ это подло, если такъ! Но этого быть не можетъ! Это невозможно!»...

Онъ приподнялся отъ окна и вставъ посреди комнаты, Богъ знаетъ съ чего, вдругъ началъ декламировать голосомъ полнымъ печали и чуть—не отчаянія:

„Будетъ нѣкогда день и погибнетъ священная Троя,
Старець погибнетъ Приамъ и народъ вѣнценосца Приама!“...

Его громкая декламация какъ-то странно, неловко нарушила тишину, царившую до того времени во флигелѣ.

«Эхъ, какъ его разбираетъ!» подумалъ, иронически улыбаясь, Ѳедоръ Ильичъ, сидѣвшій въ своей комнатѣ за бумагами.

Но взрывъ декламаторства такъ взрывомъ и кончился. Илья Петровичъ только и сказалъ два стиха, прошелся по комнатѣ, потомъ упалъ пластомъ на кровать, и въ такомъ положеніи и оставался нѣсколько минутъ.

«Вопросъ удивительно сложный»,—думалъ онъ, обнаруживая нѣкоторые признаки жизни и затѣмъ приподнимаясь съ кровати... «Но если-бы даже, положимъ такъ, если-бы Ѳедя дѣйствительно былъ ангеломъ, чего допустить ни въ какомъ случаѣ невозможно,—думалъ Илья Петровичъ, сидя на кровати и охвативъ руками свои колѣни:—но если бы даже и такъ, то у этого ангела есть жена! Вотъ она задача-то! Вотъ съ кѣмъ онъ могъ и можетъ дѣлиться своими мечтами и развивать ихъ... Можетъ быть, она-то его всего болѣе и развиваетъ въ этомъ именно направленіи. Жена»...

При этомъ воспоминаніи о женѣ Ѳедора Ильича вопросъ сдѣлался еще сложнѣе. Илья Петровичъ невольно поднялся съ своего мѣста и началъ ходить по комнатѣ.

Любившій до настоящаго дня жену Федора Ильича, какъ родную дочь, Илья Петровичъ въ минуты этихъ размышленій открылъ въ ея характерѣ такія свойства, которыя должны были непременно привести Федора Ильича къ тому, чтобы пожелать наивозможно-скорѣйшаго обладанія капиталами своего отца, а слѣдовательно, пожелать наивозможно-скорѣйшей его смерти. Въ это время онъ открылъ въ ея характерѣ поразительныя сходства съ характеромъ своей покойной жены, и представилъ себѣ съ мельчайшими подробностями, какъ жена Федора Ильича «сбиваетъ» своего мужа съ толку. Ему какъ-то жалко стало, что его Федя не изъ ученыхъ, и не будетъ въ состояніи противостоять хитростямъ своей жены.

«Я другое дѣло,—думалъ Илья Петровичъ:—я человѣкъ закаленный, я былъ преданъ наукѣ въ самомъ высочемъ значеніи этого слова и потому не увлекался ничѣмъ житейскимъ. Я и теперь человѣкъ чуждый всего этого... Гдѣ-жь ему? Развѣ онъ можетъ сравниться со мной? Я не ждалъ наслѣдства, отбивался отъ него»...

И вдругъ онъ вспомнилъ, какъ обрадовался, узнавъ о томъ, что ему досталось большое наслѣдство; вспомнилъ, какъ задавалъ объѣдъ на новосельѣ, даже рѣчь свою, въ которой перечислялъ «на общемъ основаніи» мнимыя добродѣтели умершаго благодѣтеля, вспомнилъ, и самъ себя устыдился. Потомъ началъ передъ самимъ собой оправдываться и увѣрять, что все это прошлое ничего общаго съ настоящимъ не имѣетъ.

«Я не желалъ, я не искалъ,—оправдывался онъ:—богатство само меня нашло... Да; но вѣдь я же былъ доволенъ... Царь небесный! Кто же можетъ быть недоволенъ богатствомъ!»

И началъ анализировать свое настоящее положеніе и находить, что богатство, именно богатство мѣшаетъ его благополучію.

«Какъ ни думай, какъ ни старайся самъ себя обмануть,—порѣшилъ онъ,—а надо видно сознаться, что этотъ послѣдній выводъ оказывается совершенно вѣрный; ничѣмъ его ни обойдешь, ни объѣдешь... Но какъ же быть?»

Думалъ онъ, думалъ, и додумался, наконецъ, до того, что все это напрасно, что и думать собственно не слѣдуетъ, что нужно «просто на-просто» отдѣлить сына, выдать ему часть капитала, да на этомъ все дѣло и покончить. Такое рѣшеніе въ первыя минуты показалось Ильѣ Петровичу самымъ спасительнымъ средствомъ. Обрадовавшись ему, онъ нѣсколько успокоился. Но принятое рѣшеніе оказалось опять требующимъ новаго разсмотрѣнія и не выдержало окончательной критики.

Овазывалось опять, что у Ильи Петровича будетъ имѣніе, т.-е. будетъ домъ, деньги; а, слѣдовательно, Ѳедору Ильичу можетъ показаться мало того, что ему дастся въ отдѣлъ, и онъ захочетъ большаго. Человѣческимъ желаніямъ,—думалъ Илья Петровичъ,—нѣтъ предѣла. Вонъ нищему фортуна полный мѣшокъ золота насыпала,—все казалось мало... Слѣдовательно, то, что я себѣ оставлю, можетъ служить предметомъ зависти Ѳеди, а если не Ѳеди, то его жены. Вотъ, скажете, какъ папенька помретъ, мы получимъ домъ, деньги и то, и то... Удивительно пріятно жить, когда знаешь, что на тебя уставлены завистливые глаза и ждутъ, ждутъ, ждутъ!»...

Размышленія его прервали. Вошелъ посланный изъ большого дома звать къ чаю. Илья Петровичъ совершенно былъ внѣ себя: такъ ему и хотѣлось обругать человѣка, помѣшавшаго размышленіямъ; но этотъ человѣкъ былъ посланный отъ Николая Саввича, и Илья Петровичъ только заерошилъ на головѣ у себя волосы и сказалъ: «хорошо, сейчасъ!»

«Никогда не нужно въ гости ѣздить!—злоствовалъ онъ оставшись одинъ,—только стѣсненіе»...

Онъ вышелъ въ залъ. Изъ комнаты Ѳедора Ильича виднѣлся огонь.

— Ѳедя! крикнулъ Илья Петровичъ.

«А-га,—подумалъ сынъ, оставляя бумаги,—пустынно-жителя потянули въ общество!»

— Что, папенька? спросилъ онъ вслухъ.

— Зовутъ, братъ, къ Николаю Саввичу чай пить...

— Ахъ, какая досада, печально отвѣтилъ сынъ.

«Страдаетъ видно и онъ, — подумалъ отецъ: — это все-таки хорошій признакъ...» — Нѣтъ, Ѳедя, пойдемъ...

Онъ отворилъ дверь въ комнату сына и сталъ звать его съ собой.

— Не хорошо, Ѳедя, не хорошо... Ты знаешь, что нужно сегодня съ вечера проститься: завтра, когда мы поѣдемъ, всѣ еще будутъ спать...

Ѳедоръ Ильичъ молчалъ.

Илья Петровичъ вздохнулъ. Ему хотѣлось сознаться, что онъ еще болѣе желаетъ остаться одинъ, но сознаться было совѣстно.

— Ты обязанъ, Ѳедя, ты обязанъ идти... Ты умный человѣкъ и долженъ понять...

— Я понимаю, папенька... Что дѣлать? Пойдемте.

И пошли вмѣстѣ.

«Господи! Вотъ мука! — думалъ Илья Петровичъ:—какъ эти

всѣ людскія приличія глупы и стѣснительны, главное—стѣснительны».

На другой день рано утромъ Илья Петровичъ и Федоръ Ильичъ уѣхали изъ усадьбы. День былъ пасмурный, шелъ мелкій дождь, и по небу тянулись разрозненные клочья сѣрыхъ облаковъ. Дорога была грязная и тянулась все перелѣсками, то поднимаясь въ гору, то опять прячась въ березовыхъ и осиновыхъ рощахъ. Такая погода и тихая ѣзда хоть на кого могла навести тоску, но Илья Петровичъ тоски не чувствовалъ и хотя страдалъ, но совершенно по другимъ причинамъ, которыя ничего общаго съ дурной погодой и тихой ѣздой не имѣли. Онъ томился сложившимся въ немъ желаніемъ передать поскорѣе свои капиталы сыну и «порадоваться»; но въ то же время онъ хотѣлъ сохранить свое рѣшеніе до пріѣзда въ Петербургъ и вслѣдствіе этого страдалъ. Федоръ Ильичъ нѣкоторое время молчалъ, въ ожиданіи, не будетъ ли говорить отецъ по поводу ихъ вчерашнихъ объясненій; но Илья Петровичъ упорствовалъ и только вель себя какъ-то необыкновенно странно: то высунется наружу изъ экипажа и можнетъ на дождѣ, то вдругъ тревожно завертится на своемъ мѣстѣ, точно почувствуетъ подъ собой что-нибудь острое.

— Чтѣ съ вами, папенька?—спросилъ, наконецъ, Федоръ Ильичъ.

— Ничего, ничего,—коротко и торопливо отвѣчалъ Илья Петровичъ, безпокойно вертѣясь изъ стороны въ сторону, и раза два уже посмотрѣлъ прямо въ глаза своему Федѣ, видимо желая что-то сказать, но успѣлъ побороть это желаніе.

Федоръ Ильичъ рѣшился занять чѣмъ-нибудь отца, думая, не будетъ ли онъ, вслѣдствіе этого, нѣсколько спокойнѣе сидѣть.

— Вотъ здѣсь, папенька,—началъ Федоръ Ильичъ:—вотъ здѣсь бывало прежде, какъ разсказывалъ мнѣ старикъ-садовникъ, здѣсь Николай Саввичъ цугомъ на четвернѣ скакалъ по горамъ во всю прыть въ рессорномъ экипажѣ, а сзади два лакея на запяткахъ кареты едва могли держаться, припрыгивая въ ямахъ и рытвинахъ... Теперь онъ, я думаю, часа по четыре тащится эти десять верстъ до желѣзной дороги...

Илья Петровичъ пересталъ высовываться изъ экипажа, но все еще по временамъ тревожно вертѣлся на своемъ мѣстѣ и съ какимъ-то особенно страннымъ выраженіемъ взглядывалъ на Федора Ильича.

— Иногда, говорить, бывало такъ, что въ то время, какъ

воляска легла на всемъ сваку, слуга сваливался съ запятокъ, и Николай Саввичъ не считалъ нужнымъ останавливаться, только, бывало, прикрикнетъ на удержавшагося: «стой хотя ты, олухъ, крѣпче». Теперь не то...

— Теперь не то, Федя, теперь не то..., — подсказалъ и Илья Петровичъ, въ сущности самъ не зная, о чемъ говорить.

Ему было трудно удержать секретъ и хотѣлось поскорѣе высказаться; но онъ все еще имѣлъ силы молчать. Приѣхали на желѣзную дорогу, взяли билеты, сѣли, поѣхали; Илья Петровичъ крѣпился, хотя съ большими усилиями, но онъ все-таки вель себя значительно сдержаннѣе, чѣмъ въ экипажѣ, можетъ быть потому, что въ вагонѣ были посторонніе люди.

Федоръ Ильичъ начиналъ догадываться, что съ его родителемъ происходитъ что-то особенное, но настоящей причины этого понять не могъ.

«Не можетъ быть, — думалъ онъ, — чтобъ отецъ такъ тревожился вслѣдствіе вчерашняго разговора, тутъ есть что-нибудь другое».

И онъ опять заговорилъ съ отцомъ, по обыкновенію, заведя рѣчь издалека.

— Вы замѣтили давеча, — началъ онъ, — что священникъ изъ усадьбы Николая Саввича тоже на этотъ поѣздъ взял билетъ?

— Нѣтъ, Федя, я не замѣтилъ... Я, Федя, теперь, все... того..., — чуть не проговорился онъ, но удержался, и перемѣнилъ разговоръ: — Я все думаю... о томъ, не сдѣлать ли намъ новыя обои въ комнатахъ...

— Отчего же. Пожалуй...

— То-то, я думаю...

И замолчалъ.

Поѣздъ пришелъ въ Петербургъ. Карета ждала Растеряевыхъ у дебаркадера, вслѣдствіе посланной съ мѣста выѣзда телеграммы.

Только-что слуга прихлопнулъ дверцы кареты, какъ терпѣніе Ильи Петровича окончательно истощилось: онъ вылилъ всю свою душу предъ сыномъ. Федоръ Ильичъ почувствовалъ необыкновенное смущеніе и даже нѣкоторый испугъ: ему вдругъ пришло на мысль, что не случилось ли съ отцомъ чего-нибудь недобраго...

X.

Сынъ сильно побаивался, что восторженное настроеніе отца скоро пройдетъ и, выпавшись, онъ измѣнитъ свое рѣшеніе. Но на слѣдующій день по прїѣздѣ—Илья Петровичъ проснулся веселый, здоровый, и тотчасъ же послѣ чая поѣхалъ, куда нужно, чтобы привести свои предположенія о передачѣ всего имѣнія сыну къ окончательному осуществленію. Съ билетами онъ скоро все обдѣлалъ, перевелъ ихъ на имя сына, а дарственный актъ нѣсколько было позатянулся; но и тутъ, благодаря старшему нотариусу, дѣло приняло надлежащій ходъ въ тотъ же день, хотя и позднимъ уже вечеромъ. Словомъ, въ одинъ день все было сдѣлано, даже и публикаціонныя деньги за припечатаніе въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ», о переходѣ имѣнія, были уплачены и еще осталось столько времени свободнаго, что Илья Петровичъ успѣлъ (независимо оттого, что цѣлый день всѣмъ знакомымъ рассказывалъ о своей «новости»), успѣлъ еще заѣхать въ два три мѣста и объявить, что онъ передалъ все сыну. Такъ въ этотъ день было много работы и хлопотъ, что не выдалось ни одной минуты для того, что бы задуматься. Выдайся такая одна минута,—Богъ знаетъ, что бы вышло. Такъ весь день онъ, какъ говорится, кипѣлъ въ котлѣ и носился по Петербургу изъ одного мѣста въ другое, отъ городского нотариуса въ банкъ, изъ банка въ старшему нотариусу, отъ старшаго къ члену окружнаго суда и вездѣ встрѣчалъ знакомыхъ, вездѣ имѣлъ случай рассказать «новость», выставить себя дѣйствующимъ лицомъ и — главное: дѣйствующимъ необыкновенно благородно, въ примѣръ другимъ. Сколько было переговорено въ этотъ небольшой, сравнительно, промежутокъ времени, сколько было сказано объ отношеніяхъ дѣтей къ отцамъ, отцовъ къ дѣтямъ, дѣтей Богъ знаетъ къ кому и Богъ знаетъ кого къ дѣтямъ,—объ этомъ долго было бы рассказывать. День, наконецъ, прошелъ, и прошелъ благополучно, то есть благополучно для Федора Ильича и его супруги. Насколько былъ благополученъ и какое значеніе имѣлъ этотъ день для Ильи Петровича, онъ рѣшить не могъ, ибо не былъ одаренъ способностію оцѣнивать и критиковать событія, еще не кончившіяся и не выяснившіяся. Съ нѣкотораго времени обстоятельства, какъ извѣстно, стали такъ складываться, что волей-неволей приходилось надъ ними задумываться; но привычка, пріобрѣтенная многими прожитыми уже годами, привычка не останавливаться долго надъ разсмотрѣніемъ одного и того же вопроса, заставляла Илью Петровича спѣшить

въ этомъ дѣлѣ, какъ спѣшили онъ во всемъ. Задѣтый за-живое разговоромъ дѣтей Сумраова, онъ не имѣлъ возможности исподволь, не торопясь разсмотрѣть выступившій на очередь вопросъ, а разрѣшилъ его сразу, не откладывая, безъ промежутковъ для занятія чѣмъ-нибудь другимъ. Затѣмъ, покончивъ въ теоріи «вопросъ», онъ тоже не могъ успокоиться, пока не осуществилъ его на практикѣ.

День прошелъ. Наступила ночь. Наступилъ слѣдующій затѣмъ день; это былъ уже третій счетомъ послѣ приѣзда изъ усадьбы Сумраова, и этотъ третій день прошелъ также счастливо. Илья Петровичъ съ утра ушелъ къ старшему нотаріусу по дѣлу о передачѣ имѣнія сыну, оттуда отправился въ департаментъ за сыномъ, захватилъ его съ собой и затѣмъ вернулся вмѣстѣ съ нимъ домой, уже окончательно переведа на его имя домъ. За обѣдомъ немного выпили и очень много говорили, т.-е. собственно говорилъ Илья Петровичъ. Послѣ обѣда тотчасъ же отправились на острова, «чтобы не спать», и вернулись поздно. Такъ благополучно миновалъ и этотъ день.

На четвертый день послѣ приѣзда изъ усадьбы расположеніе духа Ильи Петровича и направленіе его мыслей сильно измѣнились.

Оттого ли, что съ того времени, съ котораго Илья Петровичъ успокоился отъ всѣхъ тревогъ прошедшаго дня, т.-е. съ полночи, пошелъ дождь, да таковой назойливый, что хлесталъ въ окна до разсвѣта; оттого ли, что вѣтеръ всю ночь завывалъ подъ окнами и, посвистывая, точно надъ чѣмъ-то посмѣиваясь, тревожилъ сонъ Ильи Петровича, или вой собаки, продрогшей на дворѣ сосѣдняго дома, беспокоилъ его, — это трудно объяснить: но только во всякомъ случаѣ, отчего бы тамъ ни было, а расположеніе духа Ильи Петровича и направленіе его мыслей съ наступленіемъ третьяго утра сильно измѣнились. Проснулся онъ рано, быстро всочилъ съ постели и остался неподвижно у кровати, какъ будто что-то припоминая; онъ приложилъ обѣ руки къ головѣ, все еще находясь подъ вліяніемъ припоминанія, и не двигался съ мѣста, хотя бы для того, чтобы нагнуть на плечи халатъ. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Потомъ онъ медленно отнял руки отъ головы, и они какъ-будто сами собой, безъ участія его воли, опустились внизъ, а вѣки глазъ расширились до необычайныхъ размѣровъ.

— Тыфу ты пропасть! Какой однако сверный... день сегодня! — сказала наловонецъ вслухъ Илья Петровичъ.

По выраженію его лица можно было видѣть, что тутъ дурная погода непрічемъ, что не тѣмъ онъ былъ занятъ.

Совершившіяся наканунѣ событія стали предъ нимъ мало-помалу выясняться и, выясняясь, казалось, пугали его все болѣе и болѣе. Онъ, какъ будто по наитію свыше, получилъ способность уразумѣть ихъ настоящій смыслъ. Такимъ образомъ, только что порѣшивъ вопросъ и осуществивъ его на практикѣ, пришлось его снова разсматривать.

Думалъ онъ и говорилъ самъ съ собою слѣдующее:

«Что это я такое сдѣлалъ? Очумѣлъ я, что-ли, или уже окончательно съ ума сошелъ? Тыфу, чортъ побери, какія событія совершились, и какъ это все скоро, вдругъ... Этакій, съ позволенія сказать, негодяй этотъ нотаріусъ—и всѣ его проклятые помощники! Ну, что бы ему стоило задержать дѣло до сегодняшняго утра... Да и я хорошъ! Съ чего это меня нелегкая сунула перевести все имѣніе на имя Федя? Да и что за крайность такая? Гдѣ же подобные примѣры бывали, какой глупецъ способенъ былъ совершить такую... нелѣпость. Именно, нелѣпость! Господи! Что это такое за наказаніе на меня. Жилъ, жилъ спокойно, тихо, невозмутимо сколько лѣтъ, и вдругъ... Да что же это такое? Не болѣе трехъ-четырехъ дней прошло, какъ я только отдѣлался-было отъ этихъ проклятыхъ думъ, а теперь опять!.. Ужасно все странно вышло, необъяснимое что-то совершается надо мной. Вѣдь никогда ничего подобнаго не бывало... Гм... Кажется, все предусмотрѣлъ, а вышло, чортъ знаетъ, что!.. Какимъ образомъ могъ я позабыть великое произведеніе великаго Шекспира, представившаго въ безсмертной трагедіи «Король Лиръ», какъ опасно переводить домъ и всѣ банковые билеты на имя сына!.. Тыфу, чортъ побери, мысли даже путаются. И этотъ ужасный сонъ, который я сегодня видѣлъ, не приснился же мнѣ вчерашнюю ночь; нѣтъ, какъ нарочно, грезилось все что-то такое идилическое...»

Затѣмъ полѣзли въ голову мысли о томъ, что Федоръ Ильичъ не имѣетъ дѣтей, и имѣніе все, послѣ его смерти, можетъ перейти Богъ знаетъ кому.

«Какъ же я этого-то не предусмотрѣлъ? Ну что я послѣ этого за человѣкъ?»

Вопросъ о правахъ наслѣдства, могущій возникнуть послѣ смерти Федора Ильича, зацѣпилъ Илью Петровича очень крѣпко, такъ что для болѣе удобнаго разсмотрѣнія этого вопроса онъ снова сѣлъ къ окну.

«Нужно будетъ взять десятый томъ, первую часть, и прочесть».

Не успѣлъ онъ еще сознательно прослѣдить своей мысли о

необходимости прочесть и изучить вопросъ объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства, какъ вдругъ вскочилъ на ноги, точно ужаленный змѣей. Его глаза, какъ было въ первыя минуты послѣ пробужденія отъ сна, опять широко раскрылись и точно застыли, уставившись на одинъ предметъ. Илья Петровичъ уразумѣлъ, что онъ неожиданно самъ захотѣлъ быть наслѣдникомъ своего наслѣдника и очутился въ роли «Володьки».

«Наслѣдство!—медленно проговорилъ онъ, остановившись на одномъ мѣстѣ точно окаменѣлый:—наслѣдство!.. Я, я размышляю о правахъ наслѣдства!.. Я!.. я человѣкъ, прожившій полсотни лѣтъ... вдругъ... задумываюсь... о чемъ же это я?.. О наслѣдствѣ... Тыфу!.. Тыфу!.. Да неужели же въ самомъ дѣлѣ такъ устроены всѣ люди, что какъ только ихъ кошелекъ опустѣлъ, то они тотчасъ же начинаютъ думать о томъ, какъ бы его наполнить, и по возможности легчайшимъ способомъ? За что же я, въ такомъ случаѣ, обвинялъ Володьку, когда стремленіе къ наслѣдству, т.-е. къ возможно скорѣйшему его полученію, такъ сказать, есть природное свойство человѣческой природы?»

ХП.

Такъ медленно проходило утро часъ за часомъ. Илья Петровичъ метался въ своихъ размышленіяхъ изъ одной стороны въ другую, совершенно противоположную; то горячо начиналъ сожалѣть о своей ошибкѣ и чувствовалъ страстное желаніе вернуться назадъ къ тому времени, когда онъ былъ «полнымъ властелиномъ», то самъ себя оспаривалъ и упрекалъ въ алчности.

— Чай прикажете сюда подать, или пожалуете къ общему столу? спросила старая Федора, приотворяя дверь комнаты Ильи Петровича.

— А? Что такое? Что случилось? испуганно спросилъ Илья Петровичъ, очнувшись отъ своихъ размышленій.

— Чаю, говорю, батюшка Илья Петровичъ, куда прикажете подать...

— Зачѣмъ ты не въ свое дѣло путаешься, зачѣмъ? Что это за безпорядки такіе? Есть на это Павлушка. Гдѣ Павлушка? Отчего онъ не пришелъ доложить, что чай поданъ, а? Отчего?

— Я, батюшка, не знаю. Меня послала барыня...

— Гм... барыня... Тебя?.. Гм?..

Илья Петровичъ закусилъ верхнюю губу, причемъ нижняя нѣсколько отвисла, и лицо приняло глубокомысленное выраженіе.

— Да вы что же это батюшка, Илья Петровичъ, нешто на смѣхъ...

— Что на смѣхъ? Что на смѣхъ? Какъ ты смѣешь мнѣ, старая, указывать? а? торопливо и испуганно перебилъ Илья Петровичъ, думая, что Ѳедора намекаетъ своимъ вопросомъ на событія только-что прошедшаго дня.

— Или ты думаешь, что я здѣсь больше не хозяйинъ, такъ можно со мной за-просто...

— Что вы, Христочь съ вами... Нешто я хотѣла вамъ обидное что сказать, батюшка. Я только вотъ гляжу, халатникъ-то у васъ будто не на ту сторону надѣтъ.

— Ну, ну, иди... Я сейчасъ...

Старуха ничего не сказала и только закачала головой, уходя изъ комнаты Илья Петровича.

«Головой закачала! а! Что это такое? Отчего это она вдругъ, старая, головой закачала? сталъ соображать Илья Петровичъ по выходѣ Ѳедоры. Она смѣетъ головой... Да и на лицѣ ея я замѣтилъ что-то... Кажется, она улыбалась. Улыбалась! И улыбка-то какая еще насмѣшливая... Неужели это она, старая хрычовка, надо мной подсмѣивается, а?»

Илья Петровичъ задумался.

«Это вотъ начало новыхъ порядковъ. Это вотъ они всѣ, и Ѳедора, и Павлушка, и всѣ уже вообразили, сами не знаютъ чтѣ... Господи благослови, первый день, а ужъ хорошо начинается. Чтѣ же теперь дальше-то будетъ? Чтѣ дальше-то?..»

И начались опять долгія, долгія размышленія.

«Теперь еще пока дѣло поправимо, думалъ онъ, теперь еще, слава Богу, по горячимъ слѣдамъ можно все поправить. Можно все возстановить въ прежнемъ видѣ, все исправить. Возстановить? А какимъ это такимъ чудодѣйственнымъ способомъ можно все поправить и возстановить въ прежнемъ видѣ? Какимъ это?.. Гм... Штука!.. Способъ одинъ—взять билеты обратно, перевести домъ обратно на мое имя, ну, словомъ, сдѣлать такъ, какъ было до вчерашняго утра... Это, чортъ возьми, интересно бы въ самомъ дѣлѣ... Но какъ же взять? Основанія вѣдь, однако, нужны... Да мало ли какихъ основаній можно придумать. Сказать вотъ что, молъ, Ѳеда, я вѣдь, пошутилъ, я нарочно, только такъ для шутки... Нѣтъ! Нѣтъ! Это неудобно, нѣтъ, надо не такъ. Сказать, что, молъ, Ѳеда, я передумалъ, я нахожу нужнымъ, вообще... Считаю необходимымъ... Почему? На какомъ основаніи? Вѣдь основанія-то нужно же высказать, какъ же такъ-то? А онъ что? Находить ли онъ, т.е. найдетъ ли онъ мои основанія заслу-

живающими уваженія? Я, скажете, нахожу ихъ незаслуживающими уваженія и потому имѣю честь покорнѣйше васъ просить, дабы на будущее время... и прочее и прочее...»

Черезъ нѣсколько времени дверь его комнаты снова пріотворилась, и на этотъ разъ поваялся уже не Павлушка какой-нибудь и не старая Федора, а самъ Федоръ Ильичъ, новоиспеченный домовладѣлецъ и капиталистъ. Онъ какъ будто былъ все тотъ же, почтительный и внимательный Федя, по крайней мѣрѣ такъ могло казаться съ перваго взгляда; онъ въ это утро, такъ же какъ и прежде бывало, всталъ съ постели въ обыкновенный часъ и черезъ столько же времени, какъ и прежде бывало, облачился въ вицъ-мундиръ, чтобы отправиться въ департаментъ. Точно въ его положеніи не случилось никакой перемѣны.

— Доброе утро, папенька! сказала онъ, остановившись въ дверяхъ и не идя далѣе.

Илья Петровичъ не слышалъ этого привѣтствія.

— Доброе утро!.. погромче повторилъ Федоръ Ильичъ.

Илья Петровичъ опять вздрогнулъ, такъ же испуганный его голосомъ, какъ это было за полчаса назадъ при входѣ Федоры.

— Къ вамъ можно войти?

— А! Федя! Федя!.. Голубчикъ... можно, можно, торопливо проговорилъ Илья Петровичъ.

— Ты, можетъ быть, Федя, чаю хочешь?

— Этотъ вопросъ скорѣе я вамъ могу предложить...

— Почему же, Федя, почему это такъ? а? Почему? Развѣ случилось уже нѣкоторыя перемѣны?..

— Какія перемѣны? Гдѣ? удивленно спросилъ Федоръ Ильичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Я совсѣмъ не то хотѣлъ сказать... Гм... Ты говоришь, что можешь предложить мнѣ скорѣе чаю, чѣмъ я... Вотъ я объ этомъ собственно хотѣлъ спросить, почему это такъ?

— Потому что вы до сихъ поръ еще чай не пили...

Сынъ вынулъ карманные часы и посмотрѣлъ.

— Уже почти 11 часовъ. Мнѣ пора въ департаментъ. До свиданія, папенька. Я собственно, кромѣ поздравленія съ добрымъ утромъ, захелъ вамъ передать еще, что объ обѣдѣ я распоряженій не дѣлалъ...

— Что ты... зачѣмъ же?

— Я сказалъ повару, чтобы онъ къ вамъ явился за полученіемъ приказаній...

— Это ты, Федя, напрасно...

— Я думалъ, что такъ какъ эта часть всегда была въ не-

посредственномъ вашемъ распоряженіи и такъ какъ вы любите обращать вниманіе на составъ блюдъ, то я думалъ, что это будетъ вамъ пріятно.

— Нѣтъ, ужъ я попросилъ бы меня отъ безпокойства уволить и вообще...

— Въ такомъ случаѣ,—началь-было Федоръ Ильичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего. Я только такъ, вообще... а это я пожалуй не прочь. Отчего же?

Илья Петровичъ былъ доволенъ, что сынъ не присвоиваетъ себѣ права распоряжаться составомъ обѣда, и вслѣдствіе этого нѣсколько повеселѣлъ. Маленькая удача, даже въ минуты крупныхъ несчастій, всегда нѣсколько ободряетъ. Еще бы какую-нибудь малость по управленію домашними дѣлами предложить Ильѣ Петровичу, и на этотъ день онъ былъ бы совершенно счастливъ. Точно замѣтивъ, какъ начали разсѣиваться мрачныя тучи съ лица Ильи Петровича, Федоръ Ильичъ пожелалъ прибавить ему нѣкоторую дозу удовольствія.

— Папенька! Я хотѣлъ спросить васъ... вообще, посоветоваться съ вами...

— О чемъ это, Федя, о чемъ?

— Видите ли, я нахожу, что слѣдовало бы сдѣлать нѣкоторыя поправки въ домѣ, произвести кое-въ-чемъ ремонтровку.

Илья Петровичъ отъ этого предложенія еще болѣе повеселѣлъ, и, отвѣчая на предложеніе сына, началъ размахивать руками, какъ это бывало съ нимъ прежде.

— Нѣ-ѣ-ѣ-тъ-съ! Шалишь!.. Это ужъ покорнѣйше благодарю, да! За это покорнѣйше... Я не для того передалъ тебѣ имѣніе, чтобы опять хлопотать; я здѣсь теперь не хозяинъ, я жилецъ твой, отговаривался онъ, видимо для того, чтобы вызвать своего Федю на повтореніе просьбы.

— Къ чему эта фраза, папенька,—замѣтилъ сынъ, какъ будто обидѣвшись.

— Какъ къ чему? Какъ къ чему? Я живу на покой, а отъ всего отступился...

— Въ такомъ случаѣ, папенька...

— Нѣтъ! Нѣтъ!.. Я не то хотѣлъ сказать,—испуганно перебилъ Илья Петровичъ, видя, что сынъ на повтореніе просьбы совсѣмъ не подается, а хочетъ даже повернуть назадъ,—нѣтъ, нѣтъ! Я совсѣмъ не то хотѣлъ сказать; я хотѣлъ тебѣ объяснить... видишь ли, ты не дослушалъ, а я тебѣ хотѣлъ именно объяснить, что если тебѣ кажется затруднительно и если ты тяготишься, то я, съ своей стороны, ничего не имѣю противъ того, чтобы...

Говоря это, Илья Петровичъ началъ заминаться, путаться и видимо совѣстился.

— Противъ того, чтобы облегчить тебѣ трудность управленія, тѣмъ болѣе, что въ этомъ дѣлѣ ты, конечно, человѣкъ еще новый, неопытный... Я... Оеда, даже, если только ты ничего не имѣешь противъ этого... я помогу тебѣ... да... я... помогу...

Федоръ Ильичъ замѣтилъ смущеніе отца и поспѣшилъ прекратить разговоръ.

— До свиданія, папенька. Мнѣ уже давно пора въ департаментъ. Я все предоставляю на полное ваше усмотрѣніе, и сдѣлаю такъ, какъ вамъ будетъ угодно...

— А! Ты уходишь... А я хотѣлъ-было... Но, впрочемъ, послѣ: ты спишишь...

— Да, я уже опоздалъ... Если можно, то отложимъ до моего возвращенія.

Федоръ Ильичъ заботливо подобралъ подъ мышку портфель и вышелъ.

«Гм... уѣхалъ!...—раздумывалъ Илья Петровичъ, оставшись одинъ:—уѣхалъ!.. Гм... Гм... Странное дѣло. Что это онъ такое тутъ мнѣ толковалъ, и къ чему все это?»

Прошла еще тяжелая недѣля: и поварь, и все окружающее окончательно встревожило Илью Петровича, и онъ рѣшился попробовать, не будетъ ли лучше высказать сыну откровенно свое желаніе возвратиться къ прежнему порядку вещей. Онъ послалъ за сыномъ. Полчаса спустя Федоръ Ильичъ вышелъ какъ будто смущенный, но съ какимъ-то торжествомъ въ глазахъ.

— Ну что?—спросила его жена, поспѣшно вставая и идя на встрѣчу мужу.

— Ничего,—коротко отвѣчалъ онъ, закуривая сигару и разваливаясь въ креслѣ.

— Говори же — чѣмъ все кончилось... Она съ мужемъ догадывалась впередъ, за чѣмъ Илья Петровичъ, не выходявшій нѣсколько дней изъ комнаты, вдругъ послалъ за сыномъ.

Федоръ Ильичъ ничего не отвѣчалъ на этотъ вопросъ, а прямо заявилъ о конечномъ результатѣ свиданія.

— На-дняхъ отецъ переѣдетъ во флигель,—сказалъ онъ коротко, и, позвонивъ слугу, распорядился объ экипажѣ.

— Ты куда же?—спросила жена, горѣвшая нетерпѣніемъ узнать подробности переговоровъ.

— Я ѣду... Мнѣ нужно...

— Но ты расскажи же. Ну что, какъ? Переѣзжаетъ, какъ же... Гдѣ столъ ему? Какъ прислуга?..

— Все, все особо...

— А!—многозначительно протянула Анна Ивановна:— это уже что-то такое крупное... Но послушай, Одея: что-жъ ты бѣ-жишь, расскажи же, наконецъ, чтѣ и какъ.

Оедору Ильичу доложили, что экипажъ поданъ, онъ взялъ шляпу и, прощаясь съ женой, сказалъ:

— Послѣ, послѣ... Но ты во всякомъ случаѣ постарайся завтра увидѣться съ нимъ и поговори... и вообще, знаешь, приласкайся... Я нѣсколько былъ сухъ съ нимъ...

— Зачѣмъ же такъ, Одея... Ты знаешь, онъ такой простой и, пожалуй, я согласна съ тобой, немного странный человѣкъ. Я все-таки его очень люблю...

— Ну, это уже твое дѣло,—коротко отвѣтилъ Оедоръ Ильичъ уходя.

Анна Ивановна, оставшись одна, задумалась.

«А не пойти ли мнѣ къ нему теперь, онъ навѣрное грустить; Оедоръ, я знаю, его могъ огорчить своею вѣчной холодностью; но чтѣ же я съ нимъ буду говорить, можетъ быть, онъ все еще сердится!.. Я не люблю сердитыхъ,—до завтра лучше».

Ей просто было почему-то лѣнь пойти. Привычка смотрѣть на жизнь только съ точки зрѣнія удовольствій съ дѣтства приучила ее относиться ко всему именно только съ этой стороны. Она всегда и вездѣ готова была на всякое доброе, хорошее дѣло, но лишь при томъ условіи, если это не нарушитъ ея спокойствія, не омрачитъ ея жизнь, хотя бы на одну минуту, чѣмъ-либо скучнымъ или неприятнымъ. Пока между Ильей Петровичемъ и сыномъ не произошло разрыва, она ухаживала за Ильей Петровичемъ, ухаживала просто потому, что это ей нравилось; она, пожалуй, даже любила его, потому, что эта любовь, кромѣ удовольствія, ничего ей не могла и доставить: Илья Петровичъ, какъ сама она отзывалась, «такой простой». Но лишь только этотъ простой человѣкъ заперся въ своей комнатѣ и сталъ набѣгать свиданія съ своими, до того времени любимыми имъ дѣтьми, такъ Анна Ивановна надула въ свою очередь губки и стала жаловаться, говоря: фи, какъ это скучно!

— Одея, походи же, пожалуйста, скажи ему...

— Чтѣ же сказать? коротко, по обыкновенію отвѣчалъ Оедоръ Ильичъ, не то сердясь, не то насмѣхаясь надъ женой.

— Ну тамъ, самъ знаешь чтѣ... Вообще это ужасно скучно.

— Пойди сама: я не знаю, чтѣ ему говорить...

— Ахъ, отвязись... Вотъ выдумалъ...

Такъ и теперь она желала бы, чтобы Илья Петровичъ при-

пелъ, посидѣлъ съ ней, какъ бывало раньше, тѣмъ болѣе, что ей въ настоящія минуты было скучно; но идти для этого упрашивать какъ-то не хотѣлось...

Перебрался Илья Петровичъ во флигель, и хотѣлъ установить свою жизнь такъ, чтобы она хотя сколько-нибудь напоминала ему его прежній образъ жизни, но этого ему никакъ не удавалось сдѣлать. Онъ старался въ томъ же порядкѣ установить мебель, разставить шкафы съ книгами на такія же мѣста, какъ бывало въ его прежней квартирѣ, вытащилъ даже изъ глубины ящиковъ кое-какія прежнія картинки и вещицы, разставилъ ихъ на окнахъ, развѣсилъ картинки по стѣнамъ; но и шкафы, и книги и картины ни на одну линію не приблизили его къ прошлому, а напротивъ навязчиво обильно наводили только на сравненія этого прошлаго съ настоящимъ. Вспомнилъ онъ, что когда-то былъ у него товарищъ, долгій спутникъ его дней, молчаливый чижъ, давно уже окончившій свое земное странствіе, вспомнилъ и купилъ себѣ новаго чижа; но чижъ оказался кригунъ и не давалъ ему покоя. Онъ выпустилъ его на волю. Старая Федора, единственный человѣкъ, оставшійся въ прежнихъ неизмѣнныхъ въ нему отношеніяхъ, хотя и помѣстилась жить съ Ильей Петровичемъ во флигелѣ; но и она ему измѣнила, измѣнила тѣмъ, что состарѣлась, сдѣлалась непростительно глуха и плохо видѣла.

— Эхъ, Федорушка!—говорилъ онъ, прошли видно наши съ тобой красные дни!..

— Да, батюшка, Илья Петровичъ, глуха стала: ничего не слышу.

Д. С—х—ъ.

СОЛОВКИ

ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗСКАЗЫ ИЗ ПОЪЗДКИ СЪ БОГОМОЛЬЦАМИ *).

I. Пароходъ „Вѣра“.

Мы отправились изъ Архангельска въ Соловки лѣтомъ 1872 года на монастырскомъ пароходѣ «Вѣра». Солнце въ городѣ пекло немилосердно. Все обѣщало спокойное плаваніе. На небѣ ни облачка, флаги на мачтахъ судовъ недвижно повисли. Двина была зеркальная. Ни малѣйшей ряби..

Толпа на пристани казалась все меньше и меньше, отдѣльныя лица сливались въ одну массу, и наконецъ исчезли вовсе, когда пароходъ, слѣдуя теченію рѣки, круто повернулъ направо.

Насъ въ каютѣ собралось немного: какая-то старая дѣва съ подвязанною щекою и маленькими, бойко бѣгавшими глазами. Толстый вятскій купецъ бесѣдовалъ въ углу о душеспасеніи и приближеніи грядущаго града съ «батюшкой» — красивымъ старикомъ, отличавшимся тѣмъ хитро-добродушнымъ выраженіемъ лица, которое составляетъ едва ли не главную отличительную черту всѣхъ чисто великорусскихъ фizioномій.

Первые полчаса мы знакомились съ пароходомъ.

Тутъ все поражало насъ удивленіемъ. Командиръ парохода, рулевой, машинистъ, матросы — весь экипажъ его состоялъ изъ монаховъ. Странно было видѣть моряковъ въ влобукахъ, точно и

*) Въ нашихъ очеркахъ мы не касались святнн Соловецкихъ, а рисовали только бытовую сторону этой замѣчательной общины и типы богомольцевъ посѣщающихъ еѣ.

Прим. авт.

быстро исполнявших распоряженія своего капитана—небольшого, худощаваго инокa, зорко оглядывавшаго окрестности. Не слышно было приказаній вовсе. Движенія его руки опредѣляли каждый шагъ корабля, превосходно выполнявшаго эту безмолвную команду. Высоко, на главной мачтѣ парохода, сверкалъ яркимъ, рѣжущимъ глазу блескомъ вызолоченный крестъ, вмѣсто флага. Вотъ на него опустилась, словно серебряная, чайка, и, отдохнувъ съ распростертыми крыльями одно мгновенье, она ринулась въ недосыгаемую высоту такъ быстро, что у насъ невольно захватывало дыханіе, когда мы слѣдили за ея полетомъ. Рѣзкій, словно плачущій, крикъ ея донесся отсюда.

Палуба была вся загромождена богомольцами.

Всѣхъ пассажировъ пароходъ везъ около 450 человекъ.

Это—прекрасное винтовое судно, купленное монастыремъ за безцѣнокъ и крестьянами-монахами передѣланное для Бѣлаго Моря. Легкій на ходу, быстрый пароходъ «Вѣра» совершенно приспособленъ къ этимъ капризнымъ и опаснымъ водамъ.

Мы втроемъ присѣли у самаго края кормы на кругѣ свернутаго каната, и невольно заглядѣлись на широко разстилавшуюся позади даль, охватывавшую зеленовато-сѣрый просторъ Двинскаго лимана.

Направо и налево даль ограничивалась низменными, пустынными, зелеными берегами. Только изрѣдка убогое село сползало къ самой рѣкѣ. Кое-гдѣ словно въ воздухѣ висѣли бѣлыя колоколенки и куполы деревенскихъ церквей.

Порою изъ однообразной массы лѣсныхъ вершинъ, едва-едва замѣтныхъ въ отдаленіи, виднѣлись туманныя линіи еще болѣе далекихъ роцъ, точно окутанныхъ голубымъ флеромъ. Песчанья промежи, сверкая золотыми извивами, тянулись вдоль зеленой каймы, то узкими, какъ остріе, чертами, то широкими, какъ ярко блистающіе щиты, отмелями. Съ парохода на нихъ можно было разглядѣть черныя точки вверхъ дномъ опрокинутыхъ карбасовъ; вблизи ихъ копошились и ползали въ разныхъ направленіяхъ еще меньшія точки.

Кое-гдѣ вдоль береговой линіи, будто крылья чайки, мелькали паруса. Они казалось вовсе не подвигались впередъ.

Въ самомъ центрѣ зеленой каймы, тамъ, гдѣ правая и лѣвая сторона ея почти смыкались передъ нами, висѣлъ въ голубомъ прозрачномъ воздухѣ бѣлый городъ; какъ мелкія искры блистали, мѣняя постоянно направленіе своихъ лучей, куполы церквей и соборовъ. Съ каждымъ движеніемъ парохода то выдвигались бѣлыя линіи набережной, то вырѣзывались бѣлые силуэты колово-

лень. Городъ поднимался надъ рѣвою все выше и выше. Казалось между нимъ и уровнемъ воды легла смутная, мгlistая полоса... она все ширилась и ширилась... искра за искрой падала надъ нею; бѣлая линия служивалась и сокращалась... Вотъ и все погасло, только одна точка еще лучится, когда взглянешь въ эту даль. Одна слабая точка, да и та кажется высоко въ небѣ. И она потухла, и зеленые берега сомкнулись передъ нами.

А впереди были облака, вода и небо.

На самомъ краю его, какъ невѣдомый, чудный гористый край, постоянно мѣняя свои очертанія, вздымалась серебряная, матово-серебряная, съ золотисто-голубыми тонами полоса облаковъ... Воображеніе дорисовывало между этими фантастическими вершинами призранныхъ горъ—глубокія лѣсистыя долины, на тихихъ берегахъ бѣлые города, маленькіе, всѣ потонувшіе въ зелени. Такъ и манило туда, туда, далеко—въ эти поэтическія пустыни.

А капитанъ-монахъ опасно глядѣлъ на эту, все выросставшую изъ-за моря кайму. Зоркіе глаза его какъ будто высматривали что-то грозившее пароходу. Не бурю ли?

Что за дѣло! Пока еще лазурь уходившаго въ недостижимую высь неба была безмятежна, упругія волны смиренно лизали бока парохода, безконечный просторъ дышалъ красою мира и покоя.

Оттуда-то съ берега вѣтромъ донесло какъ будто звуки пастушьего рожка... Да, это они. Цѣлый рой воспоминаній,—красокъ, образовъ, голосовъ словно вспыхнулъ въ памяти. Такъ разомъ поднимается вверхъ встревоженный рой пчель. Какою-то прелестью уединенія вѣяло отъ этихъ звуковъ... Мы словно зачарованные внимали имъ. И тихая грусть незримо, неслышимо проникала въ сердце...

А берега казались все ниже и ниже, концы ихъ направо и налево все отходили отъ насъ, сливаясь съ сѣрымъ просторомъ лимана.

— Скажите, какая огромность!—послышалось за мною, и все очарованіе исчезло. Флюсъ въ юбѣ наслаждался природою.

За одно это выраженіе я готовъ былъ выбросить ее за бортъ.

II. Отецъ Іоаннъ — командиръ парохода.

Я поднялся наверхъ въ капитану.

Отсюда видъ становился еще шире. Казалось, что еще мигъ — и полусмытые берега лимана пропадутъ вовсе. Мимо насъ быстро проплыла поморская шкуна. На одну минуту въ глазахъ мелькнули двѣ невысокія мачты, три паруса и какой-то коренастый малый въ шерстяной фуфайкѣ, копошившійся на палубѣ. На кормѣ шкуны преспокойно спала поморка, въ аломъ кумачномъ сарафанѣ.

И снова пустынная ширь зеленовато-сѣрой воды.

Капитанъ парохода крайне заинтересовалъ меня своею наружностью. Небольшого роста, весь какъ будто состоящій изъ нервовъ и жилъ, онъ ни на одну минуту не оставался въ бездѣйствіи: то онъ сбѣгалъ внизъ къ рулю и самъ поворачивалъ его, избѣгая переносныхъ мелей, то опять зорко оглядывалъ окрестности, командуя экипажу. Бѣлая парусинная ряса во всѣ стороны развѣвалась вѣтромъ, черный клубокъ торчалъ на затылкѣ, длинные, каштановые волосы обрамливали еще молодое, но серьезное и умное лицо, всѣ черты котораго обнаруживали мужество, силу и смѣливость.

— Сколько поднимаетъ «Вѣра»?

— Пятнадцать тысячъ пудовъ.

— А на ходу пароходъ каковъ?

— Да безъ баласта девять узловъ въ часъ дѣлаетъ. Вотъ придемъ въ монастырь, поставимъ его въ доки, да перемѣнимъ винтъ, такъ еще быстрѣй пойдетъ.

— Дорого онъ достался монастырю?

— Тысячъ за двѣнадцать; восемь израсходовано на приспособленіе его къ Бѣлому морю. Разумѣется, ежели сообразить, что рабочіе у насъ даровые, то цѣнность «Вѣры» окажется еще выше.

— Такъ вы въ настоящее время не отправляете пароходы для передѣлки за-границу?

— Нѣтъ... Теперь мы и сами научились пароходы строить. Пароходъ «Надежду» мы сами выстроили. Вотъ для «Вѣры» винтъ отдѣлаемъ въ монастырѣ, въ собственныхъ горнахъ. Она еще недавно у насъ плохонько ходила. Винту не доставало хорошихъ приспособленій. Можетъ быть слышали, что пароходъ Бѣломорско-Мурманской компаніи «Качаловъ» стоялъ въ нашихъ докахъ для починки; ну, мы высмотрѣли въ немъ новое устройство винта, и сейчасъ же сдѣлали сами составной винтъ для «Вѣры».

— Какъ вы попали на пароходъ? Странно какъ-то видѣть монаха, командующаго судномъ.

— Да, вѣдь я съ четырнадцати лѣтъ по морю хожу. И за границую и здѣсь.

— Ба! Я, вѣдь, значить о васъ-то и читалъ. Вы возили Дивсона по Соловецкому монастырю?

— Я, самъ.

— Такъ вы и есть отецъ Иванъ.

— Я.

— Читали вы, что онъ пишетъ о васъ въ «Свободной Россіи»?

— Нѣтъ.

Я ему рассказалъ. Очеркъ Дивсона оказался не совсѣмъ вѣренъ. Я воспользовался случаемъ, чтобы отъ самого отца Иоанна узнать исторію его жизни, полной самыхъ неожиданныхъ контрастовъ и приключеній. Онъ четырнадцати лѣтъ кончилъ курсъ въ Кемскомъ шкиперскомъ училищѣ. На поморскія шкуны и теперь не легко попасть воспитаннику этой школы. Наши поморы-судовозяева обходятся пролетаріями-лѣтниками, готовыми изъ-за хлѣба, да изъ-за податей наняться на суда. О. Иоанну дѣваться было некуда. Долго не думая, онъ поступилъ матросомъ на ганноверскій галиотъ, который нуждался въ русскомъ, такъ какъ по случаю датской войны онъ ходилъ подъ нашимъ флагомъ. Способный юноша только-что сталъ свываться съ службою, какъ во время сильной бури, въ Нѣмецкомъ морѣ, галиотъ разбило о скалы и изъ всего экипажа спаслось только трое матросовъ. Однимъ изъ нихъ былъ нашъ соотечественникъ. Возвращаться домой ему не хотѣлось. Въ немъ кипѣли молодыя силы; сердце неудержимо рвалось впередъ, глаза смѣло глядѣли въ загадочныя дали будущаго. Добравшись до первой гавани, онъ поступилъ на нѣмецкое судно, обошелъ на немъ вокругъ свѣта, и вернулся въ Германію, отлично узнавъ нѣмецкій языкъ. Тутъ подвернулся англійскій китоловъ, и о. Иоаннъ отправился въ южныя полярныя моря бить китовъ, потомъ ходилъ въ Ламаншъ, въ Ирландскомъ морѣ, вель жизнь кипучую, отважную до дерзости, полную огня и страсти. Вернувшись въ Лондонъ, онъ уже говорилъ по-англійски, какъ англичанинъ, хотя съ нѣсколькими простонароднымъ выговоромъ. Потомъ опять рядъ свитальчества, рядъ морскихъ походовъ—то матросомъ, то шкиперомъ купеческаго корабля, то кочегаромъ на пароходѣ, то помощникомъ капитана на немъ же. Чего онъ не переиспыталъ въ это время! Онъ побывалъ подъ всѣми широтами, перезнакомился со всѣмъ, и образовалъ изъ себя отличнаго моряка-практика. Бродяжничая такимъ образомъ по

свѣту, онъ на какой-то набережной, въ Плимутѣ, услышалъ унылую русскую пѣсню, и сразу точно что-то оборвалось въ его сердцѣ. Вспомнилась далекая родина, забытая семья, скалистые берега Поморья, гдѣ еще ребенкомъ онъ справлялся съ морскимъ карбасомъ, смѣло правя рулемъ противъ пѣнистыхъ валовъ. Съ тѣхъ поръ онъ не зналъ покоя. Родныя пѣсни его преслѣдовали повсюду. Задумается ли на палубѣ въ бессонную ночь, и кажется, что кто-то его влечетъ изъ далека; захочется ли пѣть—неудержимо рвутся изъ груди знакомые старые мотивы, столько лѣтъ забытые и въ одинъ мигъ воскресшіе въ его памяти. Чужбина ему стала ненавистна. Онъ чуть не затосковался до чахотки, вернуться же было опасно. Россію онъ оставилъ самовольно, безъ паспорта прожилъ за-границею болѣе двѣнадцати лѣтъ—и настолько зналъ наши законы, что сильно опасался за себя. Долго еще онъ маялся такимъ образомъ и, наконецъ, рѣшился. Будь, что будетъ, а онъ вернется домой—хоть въ тюрьму. Острогъ на родинѣ казался ему милѣе привольнаго скитальчества по безпредѣльнымъ морямъ и океанамъ чужбины. Не долго было до исполненія. Онъ взялъ мѣсто на одномъ изъ пароходовъ, шедшихъ въ Архангельскъ изъ Ливерпуля, и, припавъ къ родной землѣ, поцѣловавъ ее и обливъ горячими слезами, добровольный изгнанникъ явился къ начальству. Мудрое начальство сейчасъ его—въ острогъ, къ ворами и разбойникамъ, въ одну съ ними камеру. Потомъ онъ узналъ прелести російскихъ этаповъ. Привязанный съ шестью другими бродягами на одну цѣпь, онъ въ такомъ видѣ прошелъ въ Кемь, откуда ушелъ первоначально. Тамъ опять душный, смрадный острогъ, допросы, слѣдствіе, цѣпи, и это—человѣку, привывшему бороздить безконечные океаны, освоившемуся съ вишучею, полною огня дѣятельностію. Тутъ отецъ Іоаннъ, вѣроятно, искренно раскаялся въ патріотизмѣ. Здѣсь же онъ далъ обѣтъ цѣлый годъ въ качествѣ простаго рабочаго-богомольца проработать св. Зосимѣ и Савватію въ Соловецкомъ монастырѣ, если удастся избавиться отъ грозившихъ ему арестантскихъ ротъ. Судъ праведный, разумѣется, приговорилъ его къ ротамъ, но нашлись люди, принявшіе въ немъ участіе, и онъ былъ освобожденъ оттуда. Тотчасъ же, по обычаю, усвоенному населеніемъ Сѣвера и согласно своему обѣту, онъ отправился въ монастырь «работать на св. Зосиму и Савватія». Въ монастырѣ его поселили въ казармѣ богомольцевъ-рабочихъ и цѣлую зиму онъ проработалъ, не рассказывая о себѣ ничего. Трудъ ему доставался самый тяжелый, какой бы онъ едва ли вынесъ, еслибы не одушевлявшая его мысль—отблагодарить Зосиму и Савватія за

спасеніе отъ окончательной гибели. Тутъ онъ и таскалъ мусоръ, и пилилъ доски, и рубилъ дрова, и занимался въ кожевнѣ, и былъ мусорщикомъ. Наконецъ подошелъ іюнь мѣсяць и монахи, еще не зная въ немъ моряка, выбрали его въ матросы. Пароходъ «Надежда» вышелъ изъ соловецкой гавани въ море. На самой серединѣ пути въ Архангельскѣ разразилась страшная буря. Команда потерялась. Управлявшій кораблемъ и плохо знавшій свое дѣло монахъ путался, пассажиры своимъ смугленіемъ и отчаяніемъ еще увеличивали затруднительность положенія. А буря все усиливалась и усиливалась. Пароходъ потерялъ мачты, снасти изорвало въ клочки. Гибель казалась неизбѣжной. И вотъ, когда послѣдняя надежда была потеряна, когда одни шептали молитвы, заживо погребая себя, а другіе погрузились въ мертвую апатію—вдругъ на пароходѣ грянула громовая команда: все дрогнуло, матросы бросились по своимъ мѣстамъ. Всѣ обернулись къ капитану и на его мѣстѣ увидѣли отца Іоанна, самоувѣренно выступившаго на борьбу со стихіей. Онъ вдохнулъ свое мужество въ самыхъ робкихъ: энергическая дѣятельность смѣнила тупой ужасъ; новый командиръ цѣлую ночь, самъ стоя у руля, боролся съ разсвирѣпѣвшимъ моремъ, и уже въ полдень на другой день пароходъ тихо и благополучно входилъ въ архангельскій портъ. Такимъ образомъ отецъ Іоаннъ спасъ четыреста жизней и первое паровое судно монастыря.

Монахи не любятъ выпускать изъ рукъ полезныхъ людей, и о. Іоаннъ остался вольнонаемнымъ командиромъ монастырскаго парохода, съ жалованьемъ въ 300 р. и полнымъ содержаніемъ отъ обители. Тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ благочестивые иноки начали склонять дорогого имъ человѣка принять постриженіе. Хотя о. Іоаннъ и не высказывался никому, но понятно само собою, какую борьбу должна была выдержать эта страстная натура прежде, чѣмъ произнести обѣты отрѣшенія отъ жизни, добровольнаго самопогребенія. Наконецъ, онъ сдѣлался послушникомъ. Другіе до перваго постриженія ждуть 8, 9 и 10 лѣтъ, а ему оно дано было въ первый годъ: ужъ очень нужный человѣкъ, какъ бы не одумался, да не ушелъ. Тотчасъ же вслѣдъ за постриженіемъ жалованье ему было сбавлено, ибо то, что онъ прежде дѣлалъ за деньги, теперь онъ долженъ былъ исполнять по обязанности. Затѣмъ обитель дала ему второе постриженіе, послѣ котораго онъ имѣлъ случай вести на своемъ пароходѣ великаго князя Алексѣя Александровича. Когда Его Высочество предложилъ ему, вѣжется, 200 р. въ награду за трудъ, онъ отвѣтилъ: «монаху деньги не нужны; мнѣ было бы пріятно имѣть какую-

нибудь память отъ васъ». И скорѣе согласился принять простые серебряные часы, чѣмъ деньги.

Когда я ѣхалъ въ Соловецкій монастырь, о. Іоаннъ уже получалъ только 100 р. въ годъ и 25 р. за навигацію въ видѣ награды. Всѣ эти деньги онъ тратилъ на выписку книгъ и инструментовъ по своей спеціальности. Послѣ уже я узналъ, что онъ получилъ третье постриженіе. Итакъ, іеромонахъ Іоаннъ крѣпкими узами связанъ теперь съ обителью. Да какъ послѣдней и не стараться залучить къ себѣ такого человѣка? О. Іоаннъ положительно лучший морякъ во всемъ Бѣломорскомъ флотѣ. Жаль только, что его знанія пропадутъ даромъ, если онъ броситъ работать на томъ поприщѣ, гдѣ его способности такъ блестяще примѣняются теперь.

Ему станутъ платить вѣроятно очень немного.

— Я теперь работаю не на себя, а на св. Зосиму и Савватія!—И въ его голосѣ слышалось глубокое религиозное волненіе, что ему, впрочемъ, не мѣшало зорко оглядывать окрестность, все болѣе и болѣе расширяющуюся передъ нами.

— И вамъ не хочется воротиться въ міръ?

— Въ міръ пагуба, въ міръ нѣсть спасенія.

И это говорилъ полный жизни, мужества и кипучихъ силъ молодой человѣкъ. Да, вѣра—великое дѣло, она дѣйствительно движетъ горами! Кто бы могъ подумать, что подъ этою смиренною рясою хоронится жизнь, богатая такими сказочными переходами, событіями!

— И вамъ не скучно въ монастырѣ? добивался я.

— Молитва и работа не допускаютъ скуки. Скучаютъ только тунеядцы.

Въ лицѣ о. Іоанна Бѣломорскій флотъ лишился человѣка, котораго ему не замѣнить нынѣшними своими капитанами. Это невознаградимая потеря.

Пока я размышлялъ о странной судьбѣ этого монаха, лѣвый берегъ Двины пропалъ вовсе, и въ сторонѣ передъ нами словно выросъ изъ однообразнаго сѣраго простора, мѣрно, ритмически ватающихся валовъ, Мудьюжскій островъ, съ зеленой щетиной сосноваго лѣса и стройною круглою башней стараго маяка. Здѣсь тянется опасная мель. Тутъ же предполагается устроить станцію для спасенія погибающихъ при крушеніи судовъ.

Скоро мы были въ открытомъ морѣ...

III. Н а п а л у б ѣ.

Палуба парохода была загромождена народомъ. Богомольцы кучами сидѣли у бортовъ, у входовъ въ каюты, на свернутыхъ канатахъ, бочкахъ, ящикахъ, сундукахъ и узлахъ. Борты были унизаны головами. Всюду стоялъ неумолкаемый шумъ. Около трехсотъ человѣкъ говорило, смѣялось, молилось и пѣло. Изъ четырехъ-угольнаго отверстія трюма вырывались на свѣтъ Божій цѣлыя снопы голосовъ. Тамъ словно въ купели Силоамской собралось множество слѣпыхъ и хромыхъ, глухихъ и болящихъ, всѣхъ чающихъ движенія воды. Калѣки въ невообразимой тѣснотѣ гомозились одни на другихъ. Сверху все это казалось цѣлою кучею тряпья, изъ-подъ котораго выглядывали изможденные, измученныя лица, худыя, словно заостренныя руки, и голыя, струпьями и придорожною грязью покрытыя ноги. Чѣмъ дальше въ угламъ, тѣмъ все это больше уходило во тьму и, наконецъ, совсѣмъ пропадало, только гулкій разноязычный говоръ позволялъ догадываться, что тамъ копошатся и отдыхаютъ кучи разнаго голутвеннаго и недужнаго люда.

И навверху народу было, что называется, не въ провороть.

Больше всего вятскихъ крестьянъ. Понурые, испостившіеся, они сидѣли артелями, безмолвно поглядывая другъ на друга, и только нѣкоторые подавали признаки жизни, съ трудомъ пережевывая черствый хлѣбъ. Олончане шумѣли больше всего. Между ними пропасть бабъ, и всѣ какія-то иконописныя, съ сухою складкою узкихъ губъ, на старческомъ, застывшемъ въ одномъ выраженіи отрицанія прелестей суетнаго міра, лицѣ. Кое-гдѣ бродили заматорѣлыя въ бродяжествѣ странницы, тѣ обшмыганныя, юркія, на все готовыя странницы, которыя по землѣ русской и въ одиночку и цѣлыми вереницами тянутся отъ однихъ угодниковъ къ другимъ, то на перепутьѣ нѣжа свои усталыя ноженъки въ купецкихъ благолѣпныхъ хороминахъ, то попадая въ темницы тѣсныя къ татямъ и разбойникамъ. Трудно сказать, что и въ настоящее время безъ этихъ ходячихъ четьи-миней дѣлали бы мастодонты и плезиозавры нашего торговаго міра. По захоlustьямъ и теперь для шестипудоваго негодянта нѣтъ выше наслажденія, какъ, попарившись въ банѣ, послушать за чайкомъ такую словоохотливую странницу, которая, по ея собственному признанію, отъ юности отвратила лицо свое отъ житія блуднаго, отъ міра прелестнаго, возлюбивъ наипаче всего мати-пустыню прекрасную и обители святыя, благочестіемъ инововъ и памятію угодниковъ своихъ, словно каменіемъ драгоцѣннымъ, украшенныя...

Были тутъ и странники. Это народъ — строгій, серьёзный, неподвижный, съ устоемъ. Изъ-подъ черной, свалявшейся на головѣ, скуфейки зорко глядятъ острые, насквозь васъ пронизывающіе глаза; клочья сѣрыхъ, запылившихся волосъ выбиваются и на лбу и по сторонамъ лица. Сѣрую изъ грубаго, крестьянскаго сукна ряску охватываетъ широкій ременный поясъ. Въ рукахъ — посохъ, ноги — босы, а изъ-подъ ряски иногда выглядываетъ власница. Только крупные, алыя губы дышать чѣмъ-то инымъ, не аскетическою замкнутостію порвавшей всѣ свои связи съ міромъ жизни, а чувственнымъ, жаднымъ, неудержимымъ стремленіемъ къ этому самому міру, къ этому самому блудному и пьяному житію. Но пусть только этотъ гражданинъ лѣса и проселочной дороги замѣтитъ на себѣ посторонній взглядъ: въ одинъ мигъ погаснутъ глаза, на лицѣ разомъ отпечатлѣется стереотипная, иконописная сухость и строгость, губы какъ-то подберутся внутрь и богатырская грудь станетъ впалой, и голова словно войдетъ въ плечи, и цѣпкія, крупные руки благочестиво сложатся въ крестное знаменіе. Они на пароходѣ, при другихъ, на улицахъ большихъ городовъ, въ монастырскихъ подворьяхъ сторонятся отъ странницъ, обзывая ихъ чортовыми хвостами, блудницами вавилонскими. Тутъ, разумѣется, говорить зависть. Страннику никогда не усвоить того юркаго, увлекательнаго языка, никогда не сумѣть сымпровизировать на мѣстѣ рассказы о чудесахъ и подвигахъ, о великихъ видѣніяхъ въ нощи, о внязяхъ власти воздушныя, на которые такъ щедръ и изобрѣтательны странники.

Между народомъ бродили и монашки - подростки. Это дѣти, одѣтые въ костюмъ монастырскихъ послушниковъ. Возрастъ ихъ колеблется между 9 и 15 годами. Тутъ въ нихъ еще замѣтна какая-то робость, неумѣлость, но мѣсяца черезъ два — въ монастырѣ — ихъ не узнать. Это большею частію сыновья зажиточныхъ крестьянъ Архангельской губерніи, а также Вологодской, Вятской, Пермской и Олонецкой; отцы ихъ дали обѣтъ послать дѣтей въ монастырь на одинъ годъ для работы на Соловецкихъ угодниковъ. Какъ обитель воспользовалась этою живою силою, будетъ рассказано ниже. Тутъ же нельзя не выразить тяжелаго впечатлѣнія, производимаго этими молодыми, смѣющимися лицами, этими бойкими деревенскими парнишками, отъ которыхъ такъ и вѣетъ веселостію, но одѣтыми въ полу-монашескую черную одежду, знаменующую полнѣйшее и непримиримое отрицаніе жизни со всѣмъ ея свѣтомъ и тепломъ, со всѣми ея радостями и печальми. Монашки-подростки, прожившіе

на Соловецкихъ островахъ годъ, побывавшіе затѣмъ дома и теперь возвращавшіеся обратно въ обитель, добровольно, съ цѣлю остаться тамъ навсегда, носили уже на себѣ совершенно иной отпечатокъ. Ни одного рѣзкаго движенія, ни одного лишняго взгляда, на ихъ свѣжихъ лицахъ ни луча, ни смѣха. Они до... неприятнаго подражали взрослымъ иновамъ. Та же спокойная, строгая осанка, та же разбренность движеній, тѣ же опущенныя рѣсницы. Видна дисциплина самая безпощадная. Еслибы возможно—малые сіи были бы большими аскетами, чѣмъ ихъ идеалы-взрослые и исполнѣ освоившіеся съ своею ролью монахи.

Только архангельскія мѣщанки безъ умолку трещали о своихъ дѣлишкахъ, занявъ лучшія мѣста между мачтами и у бортовъ. Тутъ живо переходили изъ руки въ руки чайнички, чашки съ чаемъ, кофеемъ, пироги и всякая снѣдь. Увы! Еслибы онѣ знали, какую тяжелую участь приготовляли себѣ впереди.

Общая картина палубы была весьма эффектна.

Яркіе наряды женщинъ, группы скученнаго народа, все это облитое знойными лучами яркаго лѣтнаго солнца, все это двигавшееся, суетившееся, шумѣвшее. Въ кормовой части на платформѣ помѣщались пассажиры «почище», восторгаясь картиною открывавшагося впереди моря и повѣрявшие другъ другу свои впечатлѣнія.

Я вошелъ туда.

Въ одной группѣ шелъ разговоръ о расположившихся внизу крестьянахъ. Мнѣ и прежде видались въ глаза ихъ лохмотья и особенно измученныя, даже здѣсь выдѣлявшіяся какою-то натугою, лица. Казалось, цѣлыя поколѣнія нищенства, кабалы и неволи создали такіа осунувшіяся черты, такіе равнодушныя терпкіе взгляды. Рука невольно тянулась въ карманъ за подаваніемъ.

— Вы дѣйствительно думаете—убогіе? — разсуждалъ вятскій купецъ, одинъ изъ тѣхъ, которые готовы задушить своего рабочаго человѣка, чтобы только выжать изъ него лишній грошъ въ свой карманъ.

— Да, поглядите на нихъ, такъ голодомъ и несеть.

— Потому что они добровольно голодали всю дорогу, именемъ Христовымъ питаюсь. А знаете, что между ними есть такіе, что несутъ въ монастырь по 100, по 150 рублей, завернутыхъ въ тряпкѣ. Спросите вонъ у монаха.

Спросили.—Бываетъ, да рѣдко... Все же случается. Одинъ пришелъ таковой-то—триста рублей принесъ.

— Да вѣдь это нищія!—вырвалось у меня.

— Нѣкоторые изъ нихъ только Христа ради нищія. Таковой

нищій какъ придетъ, такъ мало-мало десять цѣловыхъ вывалить, а нерѣдко и пятьдесятъ, и сто. Усердіе къ святымъ! Поди у другого и дома ѣсть нечего — а тоже на благолѣпіе обители отъ души жертвуетъ свою лепту. Есть, что коровенку свою продаютъ ради этого.

— Хороша лепта для крестьянина—цѣлый капиталъ!

— И какой еще капиталъ, семья на ноги встанетъ.

— Для Бога, господа, больше трудятся.. Для Господа-Бога.

Приверженность эту чувствуютъ.

— Разспросите вонъ у того, у кривого-то, — обратился ко мнѣ вятчанинъ,—какъ на него въ Орловскомъ уѣздѣ разбойники напали. Смѣху, то-есть, подобно. Передъ тѣмъ одинъ мѣщанинъ ѣхалъ—того ограбили и убили. Ну, а этого, какъ поймали, сейчасъ: «куда идешь?»—Въ Соловки... «Врешь, сучій сынъ. Кажи мошну». А у насъ, знаете, коли кто идетъ къ угодникамъ, такъ все село поминальныя записки даетъ, о вѣчномъ или срочномъ тамъ поминовеніи. Этакихъ документовъ у другого цѣлый возъ. Тотъ сейчасъ разбойникамъ кажетъ мошну, смотрятъ — дѣйстви-тельно что въ Соловки идетъ человѣкъ... Ну, говорятъ, ступай, помолись за насъ грѣшныхъ, потому ты, значить, о душеспасе-ніи... А атаманъ ихній вынимаетъ изъ кошеля своего двадцать-пятную,—на, говоритъ, запиши и меня, чтобы по гробъ моей жизни, потому какъ я во многомъ грѣшень... Въ Анзерскомъ, говоритъ, скитѣ запиши на вѣчное поминовеніе и отдай пять рублей, ну, а двадцать угодникамъ въ кружку. Закажи молебны о здравіи и въ кружку... А одначе сапоги съ него сняли, бо-сымъ такъ и пустили.

— Извѣстно, народъ отчаянный... Лѣгкій народъ.

— У насъ тоже крестьянинъ одинъ былъ—богачъ. Пообѣщавъ въ Соловки, въ видѣ нищаго то-есть. Такъ всю дорогу въ тряпкахъ и прошелъ. Милостыню просилъ. На грошъ хлѣба не поупалъ — все именемъ Христовымъ. А какъ въ обитель пришелъ, сейчасъ пятьсотъ... Ну, только домой воротился и закурилъ, и закурилъ... Потому, говоритъ, мнѣ все новѣ простится... Великій я, говоритъ, передъ Богомъ подвигъ сотворилъ... Вотъ они нищѣ какіе. Другой, можетъ, какіе грѣхи этимъ замаливаетъ.

— У Господа милостей много! Особливо ежели черезъ угодниковъ,—согласился монахъ.

Пароходъ начинало слегка покачивать... У многихъ уже вытянулись лица.

Мы приближались къ бару.

— Ну, будетъ качка!—замѣтилъ мимоходомъ матросъ, проходя къ рулю.

Я оглядѣлъ небо. Весь сѣверо-западъ затягивало жемчужными, золотившимися по краямъ тучками. Волны становились крупнѣе и крупнѣе... Кое-гдѣ змѣнились гребни бѣлой пѣны и отдаленный гулъ все ближе и ближе подходилъ къ пароходу.

— Вамъ бы лучше въ каюту,—пригласилъ монахъ меланхолическую дѣву, весьма внимательно разсматривавшую что-то за кормою. Она наклонилась еще ниже, цѣпляясь за край борта.

— Уведите ее! приказалъ рулевой монахамъ-послушникамъ. И еще недавно увлекавшаяся прелестями моря, а теперь первая жертва его — пассажирка подъ руки была уведена съ палубы.

IV. Сибирячка.

Проходя между народомъ на палубѣ, я невольно остановился у одной группы. Ее составляли: въ центрѣ — слѣпецъ-старикъ, который и сидя опирался о посохъ. Жаркій лучъ солнца золотился на голомъ черепѣ, охватывая за-одно и незрячіе глаза, и дѣтски-глупо улыбающееся сморщенное лицо. Изъ-подъ открытаго ворота посконной рубахи во всѣ стороны торчали углы костей. Рядомъ съ нимъ, пониже, на какомъ-то жиденькомъ узелѣ помѣщалась небольшая худенькая дѣвушка съ робкимъ лицомъ и точно разъ когда-то испугавшимися и въ одномъ выраженіи страха застывшими глазами. Синій крестьянскій сарафанъ висѣлъ на костлявыхъ плечикахъ. Она только-что начала сосѣдѣ своей рассказывать о многотрудномъ пути, который довелось пройти ей до Архангельска.

— Я сама изъ Иркутскаго-города, въ Сибиряхъ это.

— Нну! У меня братанъ тамъ, на побелѣ. Что-жъ ты это сюда, по усердію или по обѣщанію родителей?.. Тутъ больше по родительскому приказу бывають...

— Нѣтъ сама. Потому я съ измалѣтства по обителямъ.

— А меня грѣшную только сей годъ Господь сподобилъ. Тебя какъ же это одну мать пустила?

— Много тутъ было... горя разнаго. Пять годовъ это дѣло задумано. Все съ отцомъ совладать не могла.

— А у тебя отецъ-то кто?

— Мѣщанинъ торгующій.

— Давно ли ты оттуда?

— Семой мѣсяць.

— И все одна? Или со старикомъ?

— Нѣтъ. Старика-то я подѣ Шадринскомъ нашла. Не родной.

— Извѣстно, кому какая судьба. Поди, сестры, коли есть, по праздникамъ пироги ѣдятъ, да съ утра до ночи на красу свою дѣвичью любятся. А ты на — поди! Босая всю путину прошла?

— Отъ Томскова-городка босая, потому какіе башмаченки были—совсѣмъ развалились.

— Ну, это тебѣ все зачтется. Много ты можешь согрѣшить теперь, потому твой подвигъ великъ. У Бога все на счету.

— Ужъ сколько и били меня, какъ сказала, что въ Соловки хочу.

— Родители?

— Они. А и пошла-то я, чтобъ, значить, родительскіе грѣхи замолить. Первый разъ я не спросясь пошла, безъ виду. Ну, меня версты за двѣсти отъ Иркутскаго и пымали.. И по этапу домой приволокли. Потомъ я опять ушла — отецъ на лошади догналъ. И на цѣпи сталъ держать. Мѣсяца три не спускали, однако ради дня ангела—ослобонили. Ну, я черезъ два дня опять въ дорогу — брать пымалъ. Сколько одного бою было—страсть. На смерть били.

— Ахъ, ты—болѣзная.

— Тогда я и сказала родителямъ: сколько ни калѣчите, а воли моей съ меня не снимете. Потому было мнѣ видѣніе. Святой Зосима во снахъ являлся и ободрялъ на подвигъ... Отцовскіе грѣхи, говорилъ, замоли... Три раза было видѣніе. Тогда задумала я идти—къ отцу. Сказала ему — позеленѣлъ; иначе смолчалъ. Ступай вонъ, говорить, чтобъ и духу твоего не пахло. На утро опять къ нему, — онъ за волосы и давай меня топтать... До безчувствія было. Переждала я еще день, и опять про то же, — вдругорядь отгаскалъ. Я въ третій... Какъ сказала я въ третій, тутъ его за сердце и забрало. Заплакалъ. Снялъ икону, благословилъ, какъ слѣдуетъ. Иди, говорить, къ святымъ угодникамъ и за насъ помолись. На другой день сряжаться стали. Далъ онъ мнѣ два ста рублей на дорогу, да три ста угодникамъ, паспортъ и все такое... Ну, а на третьи сутки опять побилъ.

— Ну и родитель у тебя!

— Потому обидно, что безъ его воли пошла.

— Что-жъ ты все пѣшомъ?

— Все. Деньги, какія дали—несу угодникамъ.

— А кормилась въ дорогѣ какъ?

— Именемъ Христовымъ... Побиралась.

— Много, много нонѣ согрѣшить можешь, и все съ тебя за это снимется. Ну, а старичокъ слѣпенькій родственникъ тебѣ, что ли?

— Какой родичъ. Подъ Шадринскомъ на дорогѣ нашла. Онъ съ мальчикомъ ходилъ, да мальчикъ бросилъ его, убѣгъ... Ну, я и подумала, что Господь мнѣ его послалъ, чтобъ я еще потрудилась. Такъ и прошли вдвоемъ. И назадъ поведу до Шадринска.

— А тамъ какъ?

— На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ взяла—тамъ и оставлю.

— Да онъ помретъ!

— Ужъ это какъ Богъ. Потому, гдѣ взяла—туда и предоставить его должна. Иначе, какъ?

— А тамъ опять къ родителямъ?

— Да, годикъ пережду. Потомъ въ Иерусалимъ-градъ.

— А ты бы замужь... Поди женихи были?

— Были!.. И худенькое личико дѣвушки все перекосило ненавистью. Были... Какъ не быть, погубители!

— Что-жь, ты не пошла?

— И не пойду. Наглядѣлась, какъ батюшка маму бьетъ... Всѣ они такіе. На тиранство одно идти, что ли.

— Безъ этого ужъ нельзя... Одначе тоже съ опасной бей!..

— Лучше христовой невѣстой, по святымъ мѣстамъ ходючи, да родительскіе грѣхи замаливаючи...

У. Монашекъ-подростокъ.

«Тятенька мой торговою частью занимаются, тоже и подрядами когда случится. Разъ онъ одинъ подрядецъ взялъ—мость строить. Дѣльцо было бы выгодное, коли-бъ не пришлось съ чиновниками дѣлиться, а то какъ раздасть половину всего—такъ смотришь у себя въ карманѣ и на лѣсъ не хватаетъ. Очень за-сучали тятенька, одначе мость выстроили, изъ гнилья правда, да все же мость. Хорошо... Прошло это, напримѣръ, полгода, вдругъ левизоръ изъ самаго Питера. Тутъ тятенька и очунѣли. Къ тому, въ другому, въ третьему—куда тебѣ! Давай, говорятъ, Богъ, чтобы своя голова уцѣлѣла на плечахъ... Дѣлай, какъ знаешь. «Помилуйте, объясняетъ тятенька, да вѣдь вмѣстѣ брали?» — Про то, отвѣчаютъ, одинъ Господь всемогущій знаютъ, да только они никому не скажутъ. Зря не болтай и ты, потому за безчестье съ тебя большія

еще деньги слупимъ, а то подѣ судъ!..» Очень это ошарашило родителя. «Ну, теперь, говорятъ, никто какъ Творецъ небесный!» Назавтра примѣрно назначено свидѣтельство. Съ утра тятенька обѣгали всѣ храмы Божьи и вездѣ молебны съ водосвятиемъ заказали, потомъ и обѣтъ дали: «воли минуеть, значить, чапа сія, такъ быть единоутробному сыну моему у Соловецкихъ угодниковъ одинъ годъ, пусть тамъ работаетъ на святыхъ предстателей нашихъ». Ну, сейчасъ поѣхали къ мосту, а тамъ ужъ вся комиссія собралась. Питерскій левизоръ-то пѣтушкомъ такъ и посекаиваютъ. На нашихъ чиновниковъ и не похожъ, потому въ ѣмъ и фигуры нѣтъ. У насъ квартальный изъ себя значительнѣе, потому онъ себя съ форсомъ держитъ. А этотъ только что чистенькій, да гладенькій. Тятенькѣ ручку подалъ, тятеньку это, значить, ободрило.

— Тятка у тебя, поди, большой плутъ былъ?

— По торговой части, по нашимъ мѣстамъ, безъ этого не обойдешься. Потому дѣлиться нужно. Другому вся цѣна грошъ съ денежкой, а ты ему пять сотенныхъ подай, по тому жадность эта у нихъ очень свирѣпствуетъ. Особливо ежели съ купцомъ дѣло имѣють.

— Народъ!

— Народъ нонѣ нарываетъ, какъ бы тебѣ съ сапогами въ ротъ зацѣзть.

— Ну-съ, хорошо. Осмотрѣлъ левизоръ мостъ и очень доволенъ остался. У насъ изъ ели мостъ-отъ строень, а тотъ удивляется—кавая моля листовница отличная! Отлегло отъ сердца у тятеньки... И закурили же они тогда.

— Какъ съ этого случаю не закурить!

— Ну-съ, хорошо. Закурили они. Двѣ недѣли изъ дому пропадали, маменька даже въ полицію объявѣу подавали. Тамъ усповоили. Будте благонадежны, говорятъ, тутъ оброчья запою ничего нѣтъ. Супругъ вашъ, oprичъ трактировъ, нигдѣ, въ такихъ чтобъ мѣстахъ не бывають. Наконецъ, вернулись тятенька и сейчасъ меня. «Собирайся,—говорятъ,—въ монастырь—великое есть мое усердіе, и значить, чтобъ ты тамъ—годъ, тихо, смирно, благородно, потому, можеть быть, еще такой случай будетъ, такъ угодниковъ Божьихъ обманывать не годится... Пригодятся! Великіе они за насъ грѣшныхъ молитвенники и предстатели. Помни это!» И таково ли все ласково, а допрежъ того на всякой часъ тычокъ былъ.

— У васъ, у купцовъ, насчетъ этого очень не благородно.

— Невѣжество, что говорить.

— Одначе и не учить нельзя.

— А только бей съ разумѣніемъ. Любя бей. Наказуй по челоуѣчеству.

— Чтѣ говорить! Извѣстно — господа купцы, поди, не одну скулу вывернуть.

— Ну-съ хорошо... Снарядили меня, подрысникъ тонкаго сукна сшили, скуфейку бархатную—все, какъ слѣдуетъ, и отправили. Какъ прїѣхалъ я въ монастырь, словно въ рай попалъ. Благоуѣпіе, смиренство, насчетъ обращенія — благородно. Точно я опять на свѣтъ родился.

— Работаль?

— Какъ же! По письменной части занимался... Какъ пришло время въ отцу ѣхать и заскучалъ я.... А тутъ отцы-иноки: оставайся у насъ, потому въ мірѣ трудно, въ мірѣ не спасешься. У меня, говорю, невѣста есть.—«Оженивыйся печется о женѣ, а не оженивыйся о Господѣ»... Думалъ я, думалъ, наконецъ и порѣшилъ въ монастырѣ оставаться. Тятенька сами прїѣзжали. Ничего, не попрепятствовали: живи, говорить, потому за твои молитвы Господь меня не оставляетъ.

— Много у васъ изъ купцовъ? вмѣшался я.

— Изъ купцовъ во всемъ монастырѣ—челоуѣкъ шесть наберется.

— А остальные?

— Изъ крестьянъ все... сами увидите нашу обитель пресвѣтлую.

Монашекъ-подростокъ говорилъ медовымъ голоскомъ, поминутно закатывая глаза вверхъ.

— Много у васъ, поди, чудесъ?—вступила въ разговоръ синяя чуйка.

— Чудесъ у насъ довольно.

— Чтѣ говорить! А тятенька вапъ какой губерніи будутъ?

— Изъ Сибири.

— Далеконьво... Одначе и у насъ по Волгѣ насчетъ подрядовъ — вольно. Дѣло чистое. Съ казной—не съ челоуѣкомъ... Дѣло чистое. Никого не грабишь, а деньги сами идутъ.

— Какъ кому Господь.

— Извѣстно, безъ него куда уйдешь...

— Одначе и угодничи помогаютъ.

VI. Казни египетскія.

Качка становилась все сильнѣе и сильнѣе.

— Ну, будетъ потѣха, — замѣтилъ морякъ-монахъ другому, машинисту, только-что выскочившему изъ камеры, гдѣ помѣщался котель. На этомъ тоже была скуфейка, только онъ снялъ расу. Все его лицо было словно обожжено зноемъ и окурено дымомъ. Онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ свѣжій, холодный воздухъ, навѣваемый все вѣпчившимъ сѣвернымъ вѣтромъ.

— А что, сиверко?

— Да, вишь, оно — боковая и килевая.

— Искушеніе!

Почти вся палуба была покрыта мучениками. Вопли и стоны раздавались всюду. Больные быстро теряли силу; послѣ первыхъ двухъ паровсизмовъ они неподвижно лежали, не имѣя силы даже повернуться «съ одного галса на другой», какъ объясняли моряки-монахи. Нѣкоторыхъ перекачивало съ одной стороны парохода въ противоположную.

— Господи!.. Око всевидящее!..

— Ой, трудень путь.

— Только-что чайку попила, и таково ли пріятно попила!..

— Помру, отцы родные!

— Монашники благочестивые, бросьте вы меня, рабу, въ море, потому нѣтъ моей моченьки.

— Грѣхи мои тяжкіе!.. За всякій-то грѣхъ теперь... ой...

— Собрать на молебень надо бы. На Зосиму и Савватія!.. молебень угодничкамъ, — предлагали монахи, — по силѣ возможности.

Публика, разумѣется, струсила еще больше. Молебень — значитъ есть опасность. Старухи завывали, какъ сумасшедшія. Юноша въ гороховомъ пальто, полчаса назадъ бодро пожиравшій магnezію, на томъ резонномъ основаніи, что съ кислотами желудка магnezія образуетъ нерастворимыя соединенія и предотвращаетъ рвоту, катался теперь по палубѣ, призывая на помощь святого Тихона Задонскаго и обѣщаясь, по прибытіи въ монастырь, заказать три молебна съ водосвятіемъ. Куда дѣвалась и химія: онъ чуть ли не громче всѣхъ требовалъ молебна, сознаваясь во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ.

— Полноте трусить! никакой опасности нѣтъ, — угѣшалъ его отецъ Иванъ.

Хорошенькую спутницу мою понесли на рукахъ въ каюту. На одно мгновеніе въ глазахъ моихъ мелькнуло блѣдное, словно осыпанное мѣломъ, лицо, подергиваемое судорогами...

Наступала ночь, а волненіе все усиливалось. Паруса собрали: вѣтеръ, пожалуй, изорвалъ бы ихъ въ лоскутья. Валы поднимались выше бортовъ корабля. Пароходъ то вздымался на ихъ гребняхъ, то вдругъ его сбрасывало внизъ, въ клокочущую бездну. Бывали моменты, когда онъ становился почти перпендикулярно. О. Иванъ дѣлался все озабоченнѣе. Вотъ одинъ валь опрокинулся на палубу и прокатился по ней отъ кормы къ носу.

— Сгоняй народъ въ каюты и трюмы.

Въ одну минуту палуба была очищена. На ней остались только о. Иванъ да матросы, которыхъ сбивало съ ногъ каждымъ порывомъ неудержимо ревушаго нордъ-оста... Отверстія трюмовъ и люки каютъ были закрыты.—Будетъ буря!...—замѣтилъ сквозъ зубы о. Иванъ.—«Никто какъ Богъ... Молебень бы»—робко проговорилъ рулевой.—Стой у руля, да гляди, куда правишь. Ишь разыгралась какъ!... Я сошелъ внизъ, въ каюту второго класса.

— На дно идемъ! слышались всхлывванія батюшки протопопа.

— Господи! Скажи ты мнѣ, Христа ради, давно мы не дну плывемъ?—обратилась ко мнѣ мисероскопическихъ размѣровъ старушка...

— Батюшка, приставала къ попу толстая барыня. Кай меня... Что-жъ ты,—немного погода повторала она: — какой ты пошь, коли каять не хочешь.

— Несообразная! подумай, какъ я тебя каять буду, коли у меня ни ряски, ничего нѣтъ. Кайся вслухъ, при всѣхъ. Церковь это допускаетъ.

— Да у меня, можетъ, какіе грѣхи есть! Господи, неужели-жъ безъ исповѣди и помереть.

— Коли въ Соловки, въ угодничкамъ ѣдемъ, такъ все одно, что съ исповѣдью...

— Ты говоришь, нонѣ треска дорогá будетъ?

— Племянникъ сказывалъ, быдто въ Норвегѣ рыба дешеваѣ, — слышалось въ углу.

— Господи! и сколько-то я грѣшила.... Люди добрые, простите меня...

— За чтó простить-то?...—потѣшалась въ углу чуйка, на которую качка не дѣйствовала.

— Какъ послѣ мужа—вдовой значить — такъ съ военнымъ офицеромъ спуталась.... Ахти мнѣ горькой.... Пять годовъ спутаншись была.

— Го-го-го!... хохотали въ углу. А давно ли это было, мать?

— Тридцать годовъ, голубчичи, тридцать годовъ... Простите вы меня.

— Господь простить... Го-го-го... Какъ же это ты, мать, съ офицеромъ?

— По дурости, да по неразумію... Года наши такіе... Опять же въ великій постъ ноне согрѣшила—яичкомъ искусилась...

— Пять годовъ—говоришь, съ офицеромъ? любопытствовала та же чуйка.

— Пять годовъ, родненькій.

— Ну, если пять—ничего.

— За это тоже, поди, на томъ свѣтѣ не похвалять... Старуху точно обожгло.

— И сама я знаю, голубчичи, что не похвалять... Наставьте отцы, какъ мнѣ мой грѣхъ замолить.

— А какъ кить-рыба насъ въ океанъ-море потащить?—пристала ко мнѣ другая старушка.

— О, Господи, бѣда это наша пришла.

— Вѣруй въ Бога—главное!—наставлялъ попъ.—Вотъ сказано:—не вѣсте ни дня, ни часа... Всѣ, всѣ здѣсь помремъ. Дѣточекъ только своихъ жалко... Какъ-то вы одни сиротами останетесь. Кто-то приютитъ васъ!... Вотъ оно—вольнодумство наше...

— Да неужли-жъ мы въ самомъ дѣлѣ потонемъ?—встрепенулся вдругъ молчаливо сидѣвшій въ углу купецъ.

— Ужъ потонули, голубчичъ, ужъ потонули.

— Боже мой!.. Какъ же я тапереча буду... Праведники!

— Потонули... всѣ потонули... На тридцать верстъ можетъ подъ землю ушли...

VII. М о р е .

Утромъ, на другой день по отплытіи изъ Архангельска, когда я вышелъ на палубу парохода, во всѣ стороны передо мною разстилалась необозримая даль сѣровато-свинцоваго моря, усѣянаго оперенными гребнями медленно катившихся валовъ. На небѣ еще ползали влочья разсѣянныхъ вѣтромъ тучъ. Свѣжій попутничекъ надувалъ парусъ. Тяжело пыхтѣла паровая машина и черный дымъ, словно развернутое знамя, плавно разстилался въ воздухъ, пропитанномъ влагой... На передвей части парохода стоитъ ветхій денными старецъ. Волоса его, рѣдкіе, серебристые, развѣиваетъ вѣтеръ, лохмотья плохо защищаютъ тѣло, впалая грудь чуть дышетъ, но взглядъ его неотступно прикованъ къ горизонту. Что онъ тамъ видитъ—въ этомъ безграничномъ просторѣ влаги, сливающимся съ еще болѣе безграничнымъ просторомъ неба? Вотъ онъ снимаетъ шапку и медленно творить крестное

знаменіе. Онъ молится. Для него это море — громаднѣйшій храмъ, въ туманной дали котораго, тамъ, гдѣ-то на востокѣ, возносятся незримый, невѣдомый алтарь.

Вотъ сквозь ключья сѣрыхъ тучъ прорвался и заблесталъ на высотѣ широкой ослѣпительный лучъ солнца — и подъ нимъ озолотилась цѣлая полоса медленно колыхающихся волнъ... Вотъ новыя тучи закрыли его.

Божество незримо, но присутствіе его здѣсь чувствуется всюду.

VIII. Вятскіе хлѣбопашцы.

— Откуда Господь несетъ, кормильцы?

— Изъ Вячкы.

— А изъ уѣзда какаго?

— Орловска...

— Знаю, хлѣбородная сторонушка.

— Ничаво... хлѣбъ родится... дюже хлѣбъ родится.

— Вятка хлѣбу matka, — сказано.

— Не то что наша Архангельская губернія.

— Поди, много хлѣба продають.

— Какъ не продавать!... Сами для себя, бываетъ, съ макиной мѣшаемъ да ѣдимъ... Почти весь въ продажу идетъ.

Я, разумѣется, не повѣрилъ.

— Какъ Богъ святъ, да мы, милой, рѣже вашего архангельска-трескоѣда видимъ цѣльный хлѣбъ-отъ. Вѣрно твое слово, что хлѣба у насъ не впроворотъ, а только другихъ промысловъ у насъ нѣту, недоимки одолѣли... Ну, а хлѣбъ — дешевь, а хлѣбъ дешевь — и мужикъ дешевь. Коли-бъ цѣна на рожь стояла настоящая, мы бы половину хлѣбушка съѣли сами, а другую продали. А то, вѣрь, крещеная душа, какъ передъ истиннымъ Богомъ, Царемъ небеснымъ, два лѣта назадъ по двоегривенному маклакамъ за пудъ сдали. Впередъ значить...

— Хоша бы и по двоегривенничку — да и то денегъ не видимъ. Съ зимы влѣзли въ долгъ, словно въ петлю, ну и бьемся въ ей... Да ты еще хлѣбъ предоставь на мѣсто къ купцамъ. Вымолотишь его — осень — распутица, пути нѣтъ, жди зимы; какъ зима хватить, навалишь хлѣбушка въ сани и везешь. Морозы, вьюга... сколько животовъ на дорогѣ поколѣтъ — страсть! Приѣдешь въ Орловъ — въ контору — свѣта Божьяго не видишь. Все-то лицо потрескается, скрозъ губы кровь идетъ, носъ горой раздуется. Моли Бога, что самъ цѣлъ остался.

— А въ городу, — подхватилъ первый, — опять прижимеа. Какъ привезъ, глядь — цѣну сбили, отдашь хлѣбъ ни за грошъ, да и пойдешь домой ни съ чѣмъ.

— А и урожай когда — не легче, потому дешевле купцы эти за хлѣбъ даютъ... аспиды.

— А ты не ругайся; въ кое мѣсто идемъ?

— Больно нутро распалось, потому у меня прошлой зимешкой чуть съ голодухи вся семья не поволяла. Тоже, поди, чувство имѣемъ. Невесело — на бабу, да на дѣтокъ малыхъ глядѣть. Душа рвется. Не псы какіе, слава Богу.

— Вотъ и понимай, какова наша matka — Вятка.

— Какъ же вы, братцы, въ Соловки теперь.

— А мы по обѣщанію шли. Изъ одного мѣста всѣ — авось полегчаетъ. Монахи, спасибо, на праходъ даромъ пустили. Очень оголѣли мы ужъ. Какіе достатки были — все ушло.

— Какіе у насъ достатки!

— Жизнь наша, — скажу я тебѣ, — самая подлая. Сытости въ насъ настоящей нѣту, седины — не померъ и ладно. А завтра можетъ и померемъ. Давай молитвы читать, робята; въ такому мѣсту плывемъ...

IX. Бродяжка.

Монастырь былъ уже недалеко. Въ носовой части парохода слышалось молитвенное пѣніе. Звуки мягко и плавно разносились въ безграничности морского простора. У самой кормовой каюты расподъ-олончанинъ, пѣлъ объ Алексѣѣ божьемъ человекѣ, и нѣсколько богомольцевъ и богомолковъ благоговѣнно внимали ему. Это былъ слѣпецъ: голый черепъ, длинная, сѣдая борода, прямая и правильная черты лица дѣлали его похожимъ на библейскаго патріарха, сидящаго у входа въ свой шатеръ, посреди выжженной солнцемъ пустыни...

Зеленія лица показались изъ каютъ, осунувшіяся, измученныя качвой. Люди едва передвигали ноги, — но теперь пароходъ шелъ уже спокойно, миновавъ полосу морской бури. Попутный вѣтеръ надувалъ парусъ, и золотой крестъ на гротъ-мачтѣ неподвижно свѣтился надъ этимъ плавающимъ міромъ.

Въ центрѣ одной изъ палубныхъ группъ сидѣла старушка, вся сморщенная, вся сторбленная, вся немощная. Казалось, потухающіе глаза съ трудомъ могли видѣть наклонявшіяся къ ней лица; въ одеревенѣвшихъ чертахъ ея выражалось полнѣйшее равно-

душіе до всему; синяя крестьянская понява, босыя ноги, костыль и убогая сума.

— Бродяжка я, голубчица, бродяжка я съизмалѣтства. По градамъ и весямъ все странствую, святое имя Христово прославляя. Отца не помню, а матушка, та—далеко отсюда, на большой рѣвѣ, въ большомъ городу—мѣщанкой была... И каковой это городъ, кормилицы, не знаю, и какая это рѣка—не вѣдаю. Еще помню матушку — добрая... А потомъ дорога какая-то, старцы убогинькіе... Тамъ опять пути-дороженьки... Ну и перепутала все!.. Давно это было!.. Все я на ноженъкахъ на своихъ... Все одна странствовала. Всю землю крещеную обошла и вездѣ Божиимъ угодничкамъ молилась. Въ Ерусалимѣ-градѣ была, слыхала тамъ, какъ грѣшники во адѣ мучаются, Гробу Господнему поклонилась. Турку тамъ встрѣла, а турка добрый, головы христіанской не рубить, а самъ же тебѣ и хлѣбушка подастъ; хлѣбъ у нихъ бѣлый и тонкій, что лепешка, все одно. Еще я тамъ много городовъ видѣла, и всѣ на припеки, на солнышкѣ всѣ... Таково ли парить — страсть! море знаю, какъ въ Ерусалимѣ-граду ѣхать... много насъ тамъ было, и померло много. Такъ Гробу Господню и не поклонились, сердешные!.. Монаховъ эллинскихъ на горѣ Аѳонѣ-святой тоже помню. Суровые... смотреть на тебя ненавистно, а въ обителяхъ ихъ, сказываютъ, благолѣпіе неизреченное... Чудеса тамъ на каждой травушкѣ. Извѣстно, мѣсто излюбленное. И въ Кеевѣ была... Градъ святой Кеевъ — тамъ въ пещерахъ тысячи праведниковъ лежать, и всѣ въ вѣнцахъ осіянныхъ, у всѣхъ въ рученькахъ вѣтвь пальмовая, а въ ноженъкахъ — каменіе самоцвѣтное. И идешь ты по пещерамъ этимъ, и свѣту нѣтъ — а все видно, потому отъ вѣнцовъ сіяніе изливается. И въ темницахъ была я со тати и со разбойники безвинно... За благочестное странствіе свое томилась.

— Да, нонѣ строго! Всякъ человѣкъ при своемъ мѣстѣ состоять долженъ, всякому мѣсто его указано...

— Купцы въ большомъ городу за меня, старицу безчастную, вступилися... Ну, власти земныя и вынули рабу, и опять пошла я по землѣ крещеной... И въ Сибири была.

— А смертоубивцевъ видѣла?

— Бывало все, кормилицы... все бывало. По Волгѣ разъ... давно, въ лѣсу злого человѣка встрѣла — молода была тогда, ну онъ и изобидѣлъ меня... очень онъ меня изобидѣлъ... Опять потомъ подъ Смоленскомъ... Все я, раба, снесла, все претерпѣла.

— Много ты, мать, походила?

— Много, кормилецъ, много!.. Таково ли еще ходила, какъ

молода была... Легше вѣтру буйнаго. И все-то поля, поля зеленя, и все-то снѣга, снѣга глубокіе, бѣлые... Все-то лѣса — тѣнь безпросвѣтная... Тутъ только верхушки шумять надъ тобой... тишь... идешь ты, и боязно тебѣ, чтобъ на недобраго человѣка не попасть... А медвѣдь, и человѣка онъ ѣсть—а странниковъ и странницъ не трогаеть, потому на это ему предѣлъ положень...

Нѣсколько чаекъ спустились на снасти мачтъ... Бѣлыя, ослѣпительно сверкающія подъ лучами солнца. Рѣзкій крикъ послышался надъ нами, словно плачущій.

— Скоро и Соловки наши будутъ.

Х. Острова.

Впереди засинѣли какія-то смутныя очертанія. Большая часть богомольцевъ столпилась на носовой части парохода. Одни стояли на колѣняхъ и молились, другіе пѣли псалмы. Религиозное настроеніе охватило даже самыхъ равнодушныхъ. На что ужъ отставной военный — и тотъ клалъ земные поклоны.

На лицахъ странницъ выражалось самое искреннее умиленіе. Однѣ плакали, другія обнимались.

— Сподобилъ Господь святынямъ помолиться.

— Угодничкамъ, Соловецкимъ праведникамъ.

— Собрать бы на молебень, братцы?

— Слѣдуетъ, — ободрялъ батюшка, и сталъ собирать деньги въ камлавуку.

А острова все выростали. Неопредѣленно синѣющія массы становились зеленоватыми. Края ихъ очерчивались все рѣзче и рѣзче; изъ неопредѣленныхъ облачныхъ формъ они принимали ясныя контуры. Что-то словно искра сверкало тамъ, лучась и точно колыхаясь въ синевѣ неба.

— Это — куполь, братцы; святой соловецкій куполь.

— Краса! — замѣтилъ угловатый олончанинъ стоявшей съ нимъ рядомъ странницѣ. Вотъ зеленоватая кайма стала еще гуще. Напряженный взглядъ различалъ уже верхушки высокихъ сосенъ.

Прямо съ острововъ неслась къ намъ съ рѣзкими, словно привѣтственными криками громадная стая чаекъ. Точно сотни серебряныхъ платевъ развѣвались въ воздухѣ. Чайки кружились близъ парохода, забѣгали впередъ и вновь отставали. Одна изъ нихъ, описавъ громадный кругъ, смѣло уцѣпилась за крестъ гротъ-мачты, другая, словно камень, упала на палубу, и точно у себя дома заходила между богомольцами. Третья очутилась на

рулѣ парохода, и стала чистить носомъ подѣ широко распущенными крыльями.

— Чудеса это, братъ.

— Птица и та отъ угодничковъ — встрѣчаетъ странничковъ христовыхъ... Тутъ не просто дѣло... 'Ишь она, что собака къ людямъ, ластится.

— И сподобилъ же Господь увидѣть...

А чаекъ все прибывало и прибывало. Вблизи показались въ водѣ какія-то круглыя, словно нырявшія, головы. Они вмѣстѣ съ волнами то поднимались, то опускались. Ихъ было цѣлое стадо, коровье, какъ называютъ здѣсь.

— Глядь, робя, морской звѣрь проявился. Нерпой прозывается.

— Поди, челоуѣва дюже жреть?

— Не... Онъ кроткій, за это ему отъ Господа два вѣка жисти положено.

— А вонъ, бѣлыя головы-то... Это бѣлѣкъ... молодая нерпа... дитѣ малое, неразумное.

— Тсъ!.. Сколь много чудесъ у Господа... На кормѣ монахи гѣли молитвы. Волны все становились меньше и меньше. Солнечный свѣтъ льется мягкими полосами на крупныя вѣвовыя сосны утесистыхъ береговъ. Море приняло зеленовато-голубой, почти прозрачный цвѣтъ. Громадные валуны и скалы кое-гдѣ лежатъ посреди тихихъ, никакимъ волненіемъ невозмущаемыхъ водъ. А верхушки этихъ оторванныхъ обломковъ острова уже зазеленѣли, и жалкая пока травка узорчатыми гирляндами спускается внизъ по сѣрымъ поверхностямъ гранита къ цѣлымъ массамъ водоросля, оцѣпившимъ внизу эти глыбы.

Пароходъ тихо плыветъ вдоль берега, словно въ безконечной панорамѣ развертывающаго передъ нами свои чудныя картины. То желтыя, песчаныя отмели, то зеленые откосы, то утесы, вертикально обрывающіеся внизъ... А тамъ, позади ихъ, что за ширь лѣсная, что за глушь тѣнистая!

Но вотъ одинъ поворотъ, и «Вѣра» входитъ въ зеленую бухту, въ глубинѣ которой, словно граціозный призракъ волшебнаго вешняго сна, поднимается бѣлостѣнный монастырь съ высокими круглыми башнями, массою церквей, зеленые куполы и золотые кресты которыхъ легко и полувоздушно рисуются на синевѣ безоблачнаго неба.

Всѣ словно замерли. Не слышно и дыханія... доносится только крикъ морскихъ чаекъ. Всѣ глаза устремлены на это мѣсто поклоненія... Всѣ словно ждутъ чуда и боятся пропустить его.

Тихо приближается пароходъ къ обители, которая все ярче и выше поднимается передъ нами изъ голубыхъ волнъ спокойнаго моря.

«Нынѣ отпускаеши раба Твоего съ миромъ, яко видѣста очи мои спасеніе твое!» — шепчетъ рядомъ со мною старикъ и опускается на колѣни, поникая сѣдою, какъ лунь, головою.

XI. Монастырь. Гостинница. Святое озеро.

Невыразимо прелестенъ этотъ зеленый берегъ. Какое-то радостное чувство охватывало всего, когда я спускался съ пароходнаго трапа на плиты набережной. Прямо поднимались старинныя изъ громадныхъ валуновъ сооруженныя стѣны. Это—постройка циклоповъ. Нѣсколько башенъ высокихъ, съ островоначными павильонами на верхушкахъ, были сложены изъ тѣхъ же колоссальныхъ камней. На высотѣ, въ стѣнахъ и башняхъ чернѣли узкія щели бойницъ... Древностию, цѣлыми столѣтіями вѣяло отсюда. Тутъ все было такъ же, какъ во времена первыхъ царей московскихъ. Нѣкоторыя сооруженія напоминали эпоху господина Великаго-Новгорода... Отъ каждаго камня вѣяло былинкою, каждая пядень земли попиралась героями нашей ветхозавѣтной исторіи. И теперь настолько же массивны и недоступны эти стѣны. Только вокругъ обители все вѣетъ новою жизнью: громадное, трехъ-этажное зданіе гостинницы, конно-желѣзная дорога, доки, разводные мосты, искусственная гавань, набережная, подъѣмныя машины, деревянное зданіе страннопріимнаго дома, разрушеннаго англійскими ядрами, слѣды которыхъ и на монастырскихъ стѣнахъ отмѣчены черными кружками; только небольшія бѣлыя часовенки на лугу передъ обителью производятъ непріятное впечатлѣніе. Эти карточные, прямолинейныя будочки рядомъ съ каменными громадами, пережившими цѣлыя столѣтія и поражающими до сихъ поръ своимъ величіемъ, такъ и вѣютъ буржуазнымъ вкусомъ нашего вѣка, проникшаго даже въ эту аскетическую обитель, схоронившуюся въ бѣломорской глуши отъ всего живого и движущагося.

Изъ-за этихъ стѣнъ, созданныхъ какъ будто самую природою, золотятся кресты церквей и мягко рисуются ихъ зеленые куполы. Рядомъ съ монастыремъ тянется зданіе лѣсопильнаго завода, а кругомъ всю эту площадь обступилъ зеленый, свѣжій, весь пропитанный изумруднымъ блескомъ, тѣнистою дремой и влажнымъ покоемъ лѣсъ. Такъ и манило туда.

Но что поразило насъ болѣе всего — это чайки. Ихъ тутъ было нѣсколько десятковъ тысячъ, по крайней мѣрѣ. Крикъ ихъ не умолкалъ ни на минуту. Ихъ, еще сѣрые, птенцы неувлуже бѣгали въ травѣ у самыхъ стѣнъ монастыря и гостинницы — каждый выводокъ въ своемъ точно опредѣленномъ участвѣ. Тутъ, въ центрахъ этихъ участковъ матки высиживали яйца, нахально выдаясь къ богомольцамъ за подачею. Чайка сама шла въ руки.

— Господи! Да они нашихъ куръ смириѣ...

— Отъ Бога имъ повелѣно обитель стеречь.

— Столько ли еще чудесъ тутъ повидашь... Главное, чтобъ съ чистымъ сердцемъ.

Навонецъ, насъ позвали въ гостинницу, содержащую очень хорошо монастыремъ. Это — красивое трехъ-этажное зданіе. Черезъ просторныя сѣни мы вступили въ корридоръ, посрединѣ котораго была большая комната, куда насъ всѣхъ пригласили. Тутъ каждый, прежде чѣмъ получить номеръ, долженъ былъ записать, сколько и какихъ именно молебновъ ему требуется; при этомъ уплачиваются и деньги по установленной таксѣ. Простой молебенъ стоить 35 в., молебенъ съ водосвятиемъ 1 р. 50 коп. Заплативъ деньги и получивъ взаменъ ихъ марки, мы поднялись наверхъ. Крестьянамъ и кто одѣтъ не совсѣмъ чисто отводится нижній этажъ, гдѣ въ большихъ комнатахъ помѣщается въ каждой около 20 или 25 человекъ. Средній этажъ отдѣланъ безукоризненно, съ высокими и просторными комнатами; предназначается чиновникамъ — отъ тайнаго совѣтника и выше до коллежскаго регистратора включительно — и купечеству, которое поприличію. Наверху въ небольшихъ комнатахъ, по 4—5, помѣщаются разночинцы. Понятно, что всѣ эти градаціи отличаются по платью.

— Зачѣмъ это насъ прежде всего на молебны записывать повели?

— Вѣриѣ... Другой норовитъ на даровщину пожить.

Комнаты средняго этажа оклеены обоями, въ остальныхъ просто выбѣлены. Вездѣ диванъ, стулья, столъ и кровать съ матрацами. Болѣе ничего не полагается. Разумеетсяъ, тотчасъ же по прибытіи богомольцы потребовали самоваровъ. Въ каждомъ корридорѣ, въ комнатѣ іеромонаха, завѣдывающаго имъ, имѣется нѣсколько громадныхъ, вдѣланныхъ въ стѣну самоваровъ, откуда кипятокъ разливается въ большіе чайники на потребу странникамъ...

Видъ изъ оконъ гостинницы на монастырь и бухту — велико-

дѣпень. Особенную прелесть придаютъ ему прозрачность воздуха, туманная вайма отдаленныхъ лѣсовъ и необыкновенная, почти южная, синева неба... Чудный уголокъ выбрали себѣ соловецкіе монахи. Тутъ бы хотѣлось видѣть многолюдное населеніе съ звонкимъ смѣхомъ дѣтей, рѣзвящихся въ зелени луговъ, съ улыбками и пѣснями красивыхъ женщинъ, съ косарями не въ клобукахъ и рясахъ.

— Что теперь, братцы, дѣлать слѣдуетъ?

— Отецъ іеромонахъ (корридорный), куда теперь?

— Теперь первымъ дѣломъ въ Святое озеро—купаться.

— Святое?..

— Великая отъ него сила и въ недугахъ испѣленіе.

И цѣлая ватага вышла изъ гостинницы. Я послѣдовалъ за ними.

Обаявленное лѣсомъ Святое озеро — почти чернаго цвѣта. Одною своей стороною оно примыкаетъ къ стѣнамъ обители. На немъ устроены двѣ купальни—мужская и женская. Мы вошли... Кто-то заговорилъ; его остановили.—Не знаешь, все это мѣсто? Тутъ, можетъ, кольцо святыхъ купалось?..

Воцарилось общее молчаніе. Всѣ раздѣлись.

— Крестись, робя... Главное съ вѣрою... Господи, благослови... Ну—вали, шутъ съ тобой! И темныя тѣла грузно плюхнули въ воду. Всѣ плескались серьезно, точно исполняя религиозный обрядъ. Одинъ взялъ въ пригоршень воды и благоговѣнно выпилъ ее, другой крестился по груди въ водѣ, третій читалъ молитву. Вода была далеко нечиста. Мутная, но мягкая... Въ дверяхъ купальни показался монахъ.

— Благослови, батюшка! Потянулись къ нему голыя руки.

— Мнѣ не дано еще... Господь благословить. Каково плавали?

— Потрясло... Дюже трясло.

— Это отъ Господа. Чтобъ грѣхи свои вѣдали и помышленія нечистыя у вратъ обители сложили.

— Рай земной теперича обитель святая ваша... Помогаетъ, говорить, вода-то?

— Отъ нутряныхъ болѣстей хорошо дѣйствуетъ, — твердилъ монахъ.

— Возьму-во-сь... въ бутылочку для хозяйки. У нея нутро палить.

— Не воспрещено, возьми.—Монахъ вышелъ. Всякій, оставая воду, крестился; какъ-то непривычно было видѣть голыхъ бо-

гомольцевъ, клавшихъ земные поклоны на узкомъ помостѣ, окружавшемъ бассейнъ.

Освѣженные, мы вышли и тотчасъ же намъ кинулся въ глаза синій, темно-синій и какой-то блестящій на этотъ разъ морской просторъ, ласково охватывающій этотъ островъ. Прямо передъ монастыремъ изъ зеркальной глади поднимались небольшіе островки и утесы, увѣнчанные часовнями и елями.

ХП. Іеромонахъ-огородникъ.

Возвращаясь послѣ купанья я случайно наткнулся на монастырскіе огороды. Между грядами копался главный огородникъ, малорослый, горбатый, волченогій, но съ удивительно добрымъ выраженіемъ невазистаго лица. Ватный черный клобукъ былъ вздернутъ на затылокъ, и какъ-то на бекрень. Онъ съ любопытствомъ оглядывалъ насъ, видимо одолаваемый охотою поразговориться съ живымъ человѣкомъ. При мнѣ онъ съ тремя даровыми работниками изъ годовыхъ богомольцевъ дѣятельно трудился надъ грядами. Тутъ росли: лукъ, капуста, картофель, огурцы, морковь, рѣдька. Это подъ 65⁰ с. ш., а еще говорятъ, что огородничество невозможно въ Архангельской губерніи. Несмотря на неблагоприятное лѣто—холодное и сухое, овощъ шла превосходно.—Мы разговорились.

— Я вячкой. Изъ крестьянъ. Крѣпостнымъ былъ — теперь іеромонахъ. Вотъ, огородомъ заправляю... Что-жъ, поживите у насъ, мы гостямъ очень рады. Очень мы гостей любимъ, потому одичаешь безъ человѣка вовсе... Помолитесь угодничкамъ. Было время, у насъ и пѣли хорошо. Хоръ на славу былъ—да непригоже монастырю этимъ заниматься. Новый настоятель уничтожилъ пѣніе это. Теперь, какъ батка сказать: прекратить, такъ и бросили. Самое пустынное пѣніе у насъ нонѣ...

— Зачѣмъ же было уничтожать пѣвчихъ?

— Не подобааетъ монаху о красѣ клирнаго молитвословія заботиться. Просто, пустынно пѣть надо. Чтобы слухъ не занимало. Въ міру—дѣло другое...

— Каковы огороды у васъ?

— Огороды у насъ первый сортъ. Ничего въ городу не покупаемъ. Все, что нужно монастырю, здѣсь есть. Отъ сиверка мы лѣсомъ защитились. Одначе и Господь помогаетъ, потому у насъ хозяева такіе, угодные ему — Зосима и Савватій. Хорошіе хозяева, блюдутъ свой домъ и стадо свое охраняютъ.

— Неужели вамъ и въ міръ никогда не хочется?

— Правду скажу тебѣ, не какъ иные прочіе, что отъ міра отъворачиваются, а сами душой къ нему стремятся,—не прилезаютъ нась міръ, а почему, хочешь знать? Потому что всѣ мы изъ крестьянъ и было у насъ въ міру, въ Рассеѣ, житье куда горькое. Что въ немъ—въ міру то—грѣхъ одинъ. Ежели помышленія блудныя и одолѣютъ, сдѣлаешь сотни двѣ земныхъ поклоновъ—все отойдетъ... А бѣсъ соблазняетъ... какъ не соблазнять, все бываетъ. А только Господь хранитъ, потому велика его милость и покровъ его надъ нами.

— Неужли въ монастырѣ мало монаховъ изъ духовныхъ или изъ чиновниковъ?

— А, пожалуй, и двадцати не собираешь. Да и не надо грамотныхъ намъ. Работать не работаютъ, а смута одна отъ нихъ... Грамотности не требуется. Соблазну меньше, мы вѣдь здѣсь по простотѣ.

— А всѣхъ-то сколько?

— Съ послушниками—поди, сотъ пять будетъ. Много насъ; сказано — обитель святая... Други милые, вы поотдохните немножко,—ласово обратилъ онъ къ работникамъ. Чайки только одолѣваютъ насъ. Расподлая птичка. Страсть, какъ она огороды клюетъ. Мы было вересомъ обсаживать стали—не помогаетъ. Лисицъ у насъ много, повадились тѣ яицы у чаекъ ѣсть; что-жъ бы ты думалъ? Чайки-то поджараулили и выклевали глаза у лисицъ.

— Будто?

— Вѣрное мое слово. Она птичка умная. У ней у всякой свое мѣсто есть, которая съ яйцами или птенцами. Всякая мать свою округу имѣетъ, а другія уважаютъ это. Сторонняя чайка ни за что на ея землю не зайдетъ, издали перекрикиваются.

— А съ чего это они пароходъ встрѣчаютъ.

— Тучей летать. Это они не праходъ, а богомольчей; какъ слышутъ свистокъ, такъ и летать: потому богомольчи привармливаютъ ихъ, они и любятъ. Нонѣ, батька, велѣлъ лисицъ разводитъ, чтобы чаекъ уничтожить, потому одолѣли.

А между тѣмъ, несмотря на нелюбовь монаховъ, чайки придаютъ этому монастырю особенно поэтической отѣнокъ. Бѣлыя стаи ихъ безпрестанно кружатся въ воздухѣ, описывая громадные и красивые круги надъ старинными стѣнами. Рѣзкій крикъ ихъ, когда къ нему попривыкнешь, а это бываетъ въ первый же день, кажется даже приятнымъ для уха. Онъ немолчно раздается въ монастырѣ и днемъ и ночью. Въ немъ есть что-то радостное, задорное, возбуждающее. Да и что за красивая птица сама чайка!

Серебристо-бѣлая, граціозная, она великолѣпна, когда, широко разбросивъ крылья, сверкаетъ высоко надъ вами, вожельиво ныряя въ синемъ небѣ. Хохлатые, большоголовые, сизые и сѣрые птенцы ихъ также не лишены нѣкоторой красивой неуклюжести. Они по цѣлымъ часамъ стоятъ, уставясь носомъ въ землю и разсуждая о чемъ-то весьма глубокомысленно.

Мы невольно любовались хорошо содержимыми огородами.

— У насъ еще въ Макарьевской и Савватьевской пустыняхъ огороды есть. Арбузы, дыни, персики и разную нѣжную ягоду въ теплицахъ разводимъ; потому краснобаевъ у насъ мало, зато работниковъ да знающихъ людей много. Всякій свое дѣло несетъ. Со всѣхъ концовъ Россіи къ намъ сходятся, ну мы и присматриваемся, что гдѣ лучше, такъ и дѣлаемъ.

Обращеніе іеромонаха-огородника съ рабочими-мирянами было почти нѣжно. Эту черту потомъ мы замѣчали у всѣхъ монаховъ. Они дѣйствительно братски относятся къ забитому и загнанному крестьянину. Оно и понятно. Почти всѣ монахи вышли изъ этой среды; провознося обѣты отрѣшенія отъ жизни, они не могли окончательно порвать всѣ связи съ своимъ прошлымъ. Имъ не разъ поминается томительная безформца далекаго, снѣгомъ занесеннаго села, гдѣ съ утра до ночи надъ непосильною работою изводятъ свои силы ихъ матери, братья и сестры. Отсюда любовь къ богомольцу-рабочему. Несладка жизнь послѣдняго дома, и его пребываніе въ монастырѣ—мирный отдыхъ. Повсюду его встрѣчаетъ братская ласка, привѣтное слово, улыбка. Ихъ иначе не называютъ, какъ други, голубчики, кормильцы. Крестьянинъ оживаетъ здѣсь и бодро смотритъ впередъ, мечтая, рано или поздно, войти въ эту добрую рабочую семью въ качествѣ ея полноправнаго члена. Кромѣ того, надо отдать справедливость соловецкимъ монахамъ, они и сами ѣдятъ хлѣбъ въ потѣ лица своего. Они трудятся, какъ дай Богъ трудиться каждому мірянину. Монахъ, напримѣръ огородникъ своимъ рабочимъ, подаетъ первый примѣръ труда; онъ не ограничивается ролью наблюдателя, но самъ прикладываетъ руки къ дѣлу, возится въ грязи и въ концѣ-концовъ сдѣлаетъ больше всякаго богомольца. Такъ у нихъ вездѣ. Поэтому хозяйство ихъ цвѣтеть, и монастырь, помимо своего аскетическаго значенія, имѣетъ всѣ признаки хорошей рабочей общины. Даже намѣстники работаютъ, какъ простые черно-рабочіе, исполняя разныя «послушанія», не говоря уже о разныхъ іеромонахахъ, которые, кромѣ мантии, надѣваемой въ церковь и за трапезу, ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ иноковъ.

ХІІІ. Кузница и горны.

— Хозяйство у насъ основательное. Монастырь—хозяинъ хорошій. Все свое. Посмотри, посмотри, намъ даже оно и пріятно, если любопытствуютъ. Все во славу обители святыя. Посмотри литографію нашу, да кожевню, заводы, да мало ли чего у насъ нѣтъ. Не перечтешь. А это вотъ наша кузница будетъ.

Кузницей заправляютъ два монаха. При нихъ съ десятою годовыхъ богомольцевъ.

— Что это за двухъ-этажное зданіе?

— Для огородниковъ. Вонъ тамъ дома—тоже въ два этажа выведены—годовые богомольцы живутъ.

Мы отправились осматривать кузницу. Скрыпя, отворилась желѣзная дверь. Насъ обдало запахомъ каменнаго угля. Громадное черное помѣщеніе кузницы, словно подземелье, охватило насъ мракомъ, который не могли разсѣять даже закоптѣвшія, продѣланныя въ стѣнѣ окна. Въ темнотѣ передъ нами высились какія-то массы, неподвижные силуэты, столбы. Полъ весь былъ заваленъ кучами угля. Въ самомъ глухомъ углу, тлѣвшій въ горнѣ огонь тускло сверкалъ. Лѣтомъ работы бываетъ мало—монастырь занятъ богомольцами.

— Зимой зато кипитъ дѣло. Зимой мы ото всего свѣту отрѣзаны. По морю плавать нельзя — льды, мы тутъ по душѣ и живемъ. Ни надъ нами, ни подъ нами никого. Молимся Богу да работаемъ. А работа, извѣстно—та же молитва... Хорошо у насъ зимою... Никуда бы не ушелъ.

— Будто бы такъ никуда не хочется отсюда? И молодые не рвутся въ міръ?

— Молодые?—Монахъ призадумался.—Бываетъ дѣйствительно, кто изъ купчества, да изъ благородныхъ въ монахи идутъ... Тѣ тоскуютъ... Тѣ шибко тоскуютъ. Измаются, особливо ежели весною, какъ это снѣга почнуть таять, да подъ сугробинками ручьи побѣгутъ, такъ словно потерянные ходятъ. А какъ море очистится, такъ стоятъ по бережкамъ, да въ синь широкую глядятъ, иной мается, мается, плачетъ... Въ лѣса пойдетъ — пѣсни поетъ. Хорошія бываютъ пѣсни, не духовныя. Измаемся, глядя на нихъ. Другой первое время ничего, слюбится... А потомъ, годовъ черезъ пятокъ и потемнѣетъ весь. Находить это на нихъ. Только вѣдь изъ купцовъ да изъ дворянъ у насъ мало. Все больше крестьянство; ну, тѣмъ легко, тѣ ради. Работаютъ, да Господа Бога славятъ.

— У другого, пожалуй, семья, по ней тоскуеть.

— Былъ одинъ. Жена молодая, сказываютъ, у него въ Питерѣ оставлена. Тотъ, бывало, лѣтомъ ляжетъ на лугъ да и смотреть по часамъ цѣлымъ на небо. Подойдешь къ нему—не слышитъ, только слезы текутъ, да про себя шепчетъ что-то, — дьяволь смутьянить. Изъ этихъ больше и выходятъ настоящіе схимники... Какъ онъ преодолѣетъ себя—такъ словно закаменѣетъ совсѣмъ чело-вѣкъ. И лицо такое неподвижное станеть и глаза потухнуть. Слова ты у него тогда не доспросишься. Въ себя уйдетъ чело-вѣкъ, все молитвы читаетъ, да поклоны бьетъ. Отъ этихъ и пользы монастырю мало. Плохіе они работники... А вотъ и наши кузничныя печи.

Жутко было тутъ, въ этомъ черномъ подвалѣ. Откуда-то смутно доносился говоръ, а здѣсь стояла мертвая недвижная тишина. Зато необыкновенный эффектъ должна. производить эта громадная кузница зимою. Кругомъ нея мракъ, тяжелый сырой мракъ, а въ ней ярко блистаютъ багровые огни, слышится стукъ молотовъ и сыплются цѣлые потоки яркихъ серебряныхъ искръ.

— Это у насъ крестьянинъ одинъ устроилъ... Спаси Господи его душу... Наверху и кузнецы наши живутъ...

Тутъ, кромѣ паровыхъ машинъ, монахи дѣлаютъ ножи, косы, топоры, короче—все, что нужно въ ихъ обиходѣ; желѣзо для этого покупается пока въ Архангельскѣ и Норвегіи, но уже при мнѣ монахи собирались добывать его, устроить заводъ въ Кемскомъ уѣздѣ, гдѣ болотная желѣзная руда находится въ изобилии и гдѣ, къ сожалѣнію, до настоящаго времени она никѣмъ не разрабатывается. Явился какой-то аферистъ, пруссакъ, разорилъ мѣстныхъ крестьянъ, да и былъ таковъ.

XIV. Монашеская школа.

День былъ свѣтелъ и ярокъ. Такъ и манило въ лѣса, окружавшіе обитель, въ ихъ прохладную глушь и тьму. Синее море нѣжно охватывало острова, едва подернутое легкою, чуть замѣтною рябью. Мы шли между двумя рядами деревянныхъ двухъ-этажныхъ зданій, внѣ монастырскихъ стѣнъ. Въ однихъ помѣщались рабочіе, въ другихъ мастерскія. Между ними одно намъ вынулось въ глаза, это—зданіе школы. Лѣстница вела въ большія прохладныя сѣни. Внизу было пусто. Наверху — корридоръ. На-лѣво — рядъ небольшихъ дверей, числомъ съ 25, направо — просторныя комнаты двухъ классовъ.

Ни души живой. Только гдѣ-то пустымъ басовымъ голосомъ

жужжала муха, да смутно сквозь запертыя окна слышались крики чаеѣ. Мы стали пробовать двери—не отперта ли какая-нибудь. Наконецъ одна пріотворилась. Оказалась маленькая коморка шаговъ пять въ длину и три въ ширину. Тутъ на узенькой кровати спалъ старикъ-монахъ. Мы его разбудили. «Можно осмотрѣть школу?»...

— Сейчасъ!—заторопился тотъ... Ключи... Гдѣ это ключи дѣвались?

Школа устроена для мальчиковъ, которые на зиму при монастырѣ остаются. Ихъ учится здѣсь до ста. Тутъ въ этихъ коморкахъ они и живутъ.

— Ну, однако, и тѣсновато имъ.

— Да, вѣдь, они тутъ только ночуютъ. Утро—на работѣ, потомъ трапезуютъ, опосля по дворамъ бѣгаютъ, въ лѣса уходятъ—кто во что. А вечеромъ въ школу.

— И давно эта школа открыта у васъ.

— Въ шестьдесятъ-второмъ. Архимандрита Пароенія—усердіемъ. Я тутъ сторожемъ состою.

Мы вошли въ школу. Большая комната, черныя нары, каедра. На стѣнахъ развѣшаны старинныя карты. На окнѣ *самодѣльный*, но *вѣрный* глобусъ, по словамъ монаха, сдѣланный однимъ изъ мальчиковъ.

— На карту посмотрилъ, посмотрилъ, да и сдѣлалъ шаръ-отъ по картѣ.

Мы посмотрили, и дѣйствительно подивились. Сколько для крестьянскаго мальчика надо было потратить соображенія и труда, чтобы сдѣлать этотъ глобусъ. И подумать, что всѣ его способности должны пропасть бесплодно—въ стѣнахъ монастыря: грустное чувство охватывало насъ при этой мысли.

На стѣнѣ была табличка уроковъ: оказалось, что ежедневно на классъ посвящается отъ 2—3 часовъ времени. Привожу росписаніе уроковъ цѣликомъ:

1. Понедѣльникъ: Законъ Божій. Чтеніе св. писанія. 2. Вторникъ: Исторія ветхаго и новаго Завѣта. 3. Среда: объясненіе Богослуженія. 4. Четвергъ: упражненіе учениковъ въ чтеніи молитвъ подъ руководствомъ всѣхъ наставниковъ вмѣстѣ. 5. Пятница: исторія церкви и государства русскаго. Географія. Ариметика. 6. Воскресенье: письмоводство.

Итакъ, только два часа въ недѣлю опредѣлено на русскую исторію, географію, ариметику. Затѣмъ все остальное время занято чисто духовными предметами. Понятно, что такая школа, при ласковомъ обращеніи съ учениками монаховъ, приготовляетъ

изъ дѣтей будущихъ кандидатовъ въ обитель. Тутъ они проникаютъ до мозга костей аскетизмомъ и духомъ монастырской общины. Возвращаясь домой, въ свои города, села и деревни, они спятъ и видятъ, какъ бы опять посворѣе попасть въ монастырь, и уже навсегда.

— Наказываютъ монахи учениковъ?

— Чудно это дѣло, братецъ мой: безъ розги обходятся — а дѣти шибко учатся. Чтобъ это кто лѣнился—ниволи! Дѣтки такое усердіе имѣютъ, что другъ передъ дружбой стараются.

— Много идетъ ихъ въ монастырь потомъ?

— Всѣ, почитай; рѣдкій не вернется въ обитель... Потому духъ этотъ почиетъ въ нихъ.

— И молодыми поступаютъ?

— Да, подросточками. Годковъ по шестнадцати, по семнадцати... ¹⁾

Кромѣ этого класса, есть еще младшій, гдѣ учатъ молитвѣмъ, чтенію и письму. Цѣлесообразно вообще направляетъ монастырь свою дѣятельность. Мальчикъ является сюда забытымъ и запуганнымъ. Дома онъ голодалъ, былъ плохо одѣтъ, томился на работѣ; дома—грязь, нищета, пьянство отца; дома онъ слышитъ общія жалобы: недоимка одолѣла, становой притѣсняется, старшина куражится, староста пропилъ казенныя деньги — всякъ отвѣчай за него своимъ карманомъ; дома, деревенскій мальчикъ растетъ какъ волчонокъ, чуя за собою постоянную травлю, вида, что та же травля одинаково преслѣдуетъ и взрослыхъ.

Въ монастырѣ онъ разомъ сталкивается съ инымъ міромъ, съ иною привольною жизнью. Тутъ его никто не бьетъ. Съ нимъ обращаются мягко, даже нѣжно. Старики-монахи смотрятъ на него, какъ на свое дитя. Потребность любить пробуждается въ старческомъ сердцѣ аскета, и онъ серьезно привязывается къ крестьянскому мальчику, какъ къ родному. Товарищи, войдя въ общій тонъ обители, обращаются съ нимъ ласково. Онъ всегда сытъ: изобильный обѣдъ, ужинъ, хлѣба, мяса и рыбы въволю; ѣшь до отвала. Первое время, дѣйствительно, онъ только ѣсть да спать. Одѣтъ онъ опрятно и чисто. Бѣлье ему мѣняютъ въ недѣлю по два раза, нѣтъ своего подрясника—ему выдадутъ новый изъ монастырской рухлядой кладовой. На работѣ его не томятъ. Работай, сколько можешь, сколько есть усердія, потому что эта работа не на хозяина, а на св. Зосиму и Савватія. Грязи, нищеты не видать нигдѣ. Пьяныхъ и подавно. Жалобъ на судьбу, недоимку, подать

¹⁾ Въ послѣднее время мѣры, принятые Св. Прав. Синодомъ, сократили значительно случаи поступления въ монастырь такого громаднаго количества послушниковъ, какъ прежде.—Прим. авт.

и повинности не слышать; короче — приволье, рай земной, обтотанная земля для крестьянскаго забитаго ребенка.

Понятно, что несчастный мальчуганъ въ восторгѣ отъ обители. Это для него—идеалъ земнаго счастья и благополучія. Чего еще искать, куда еще идти? А тутъ на помощь является школа, гдѣ каждый день ему твердятъ о великомъ подвигѣ спасенія, о грѣховности міра, о невозможности сохранить душу свою внѣ предѣловъ обители. Умъ его настраивается на монашескій ладъ. Онъ совершенно становится монахомъ. Пропадаетъ рѣзвость движений, гаснетъ смѣлый взглядъ, рѣсницы опускаются внизъ, шаги становятся размѣренными, самая рѣчь подъ влияніемъ школы дѣлается похожею на церковно-славянскую. Годъ такой жизни—и будущій монахъ готовъ. Чтѣ его удержать въ мірѣ? Любовь къ семьѣ? Но въ этой семьѣ онъ видѣлъ брань, колотушки, холодъ и голодъ. Стремленіе къ брачной жизни? Онъ еще не доразвился физически до этого. Онъ и идетъ въ монастырь, считая величайшимъ для себя счастьемъ попасть туда. Обитель становится его отечествомъ, его вѣрою, его жизнью. Это—самый лучший монахъ. Онъ много работаетъ и мало разсуждаетъ. Не умѣетъ руководить и приказывать — зато слѣпо повинуется самъ. Отсюда понятно недоброжелательство монаховъ къ чиновникамъ, дворянамъ, купцамъ, поступающимъ въ обитель. Эти, пожалуй, не подчинятся строгой дисциплинѣ, на которую тѣ смотрятъ, какъ на легкое бремя, и даже не какъ на бремя, а какъ на легкую и пріятную обязанность. Эти стануть разсуждать, стануть сбѣгать соблазны въ ихъ средѣ. Да, наконецъ, и въ прошломъ этихъ прозелитовъ столько свѣтлаго, что они никогда не сумѣютъ порвать съ нимъ свои связи. Отсюда тоска, заражающая другихъ, недовольство и, наконецъ—чего монахъ особенно не любитъ—оставленіе монастыря, разстриженіе.

Впрочемъ, въ Соловкахъ послѣднее случается очень и очень рѣдко.

ХV. Самородки.

Въ трапезной Соловецкаго монастыря я видѣлъ картины художниковъ-самоучекъ. Первые ихъ произведенія обнаруживали яркій талантъ, послѣдніа бывали безжизненны, сухи, бездарны. Явился-было одинъ мальчишъ, подававшій большія надежды. Его ученическіе эскизы дышали смѣлостію, чутьемъ художественной правды. Даже монахи были поражены ими. Обитель послала подростка въ Москву, въ художественную школу. Тамъ юный талантъ окончилъ курсъ и вернулся въ монастырь. Рисунки этого

періода его жизни—хороши. Но по всѣмъ послѣдующимъ можно прослѣдить, какъ подъ вліяніемъ аскетизма, мертвенности, неподвижности, застоя жизни, гасъ его талантъ. Линіи рисунка, выпрямляются, выраженіе лицъ становится все болѣе сухимъ, иконописнымъ. А хотъ тотъ же мальчикъ, сообразившій, какъ по ландкартамъ сдѣлать глобусъ? Развѣ не скрывался въ немъ талантъ? Къ сожалѣнію, и онъ погибъ для жизни и науки! Вотъ, напр., разсказъ одного монаха.

— Привезъ къ намъ инокъ брата своего, зырянскаго мальчи́ва. Оставилъ въ монастырѣ. Пугливъ мальченко былъ. Привели его въ классъ, показали азбуку — къ вечеру онъ ужъ и знаетъ ее. А черезъ два дня самъ читать сталъ. И чтó ему ни показывали, все понималъ разомъ. Книги читать началъ—не оторвешь бывало. Мѣсяца черезъ четыре лучше монаховъ все священное писаніе зналъ. Память такая, что прочтеть страницу, и все разскажетъ слово въ слово. Взялъ библію на славянскомъ языкѣ и на латинскомъ, словарь взялъ (одинъ монашекъ, изъ поповъ, помогъ ему), черезъ три мѣсяца ужъ и латынь зналъ. Задачи какія ариѳметическія—разомъ понималъ. Учителя своего втупикъ ставилъ. Задастъ бывало учителю задачу, тотъ бьется-бьется надъ ней, а зырянинъ смѣхомъ рѣшитъ. Любознательности у него гибель было. Ничего мимо не пропуститъ. Такихъ способностей я на вѣку своемъ не видывалъ. Просто умъ помутится, какъ поговорить съ нимъ. Такой ли острый парень! Ну, только и предсказывали мы ему, что долго не проживетъ. Потому Господь не даетъ такимъ долгаго вѣка. Пробовали его отъ книгъ отваживать, на черную работу посылали—мигомъ покончить работу и опять за книгу. Мастерство завелъ — деревянные часы своимъ умомъ сдѣлалъ. Потомъ монастырь весь до малѣйшей подробности изъ хлѣба слѣпилъ. Все для подъема воды колеса разныя придумывалъ. Братъ, бывало, отниметъ у него книгу—выпроситъ со слезами и опять читаетъ. Такъ года два или три шло. Просто мы диву дались. Однако знали, что не къ добру это.. Уговаривали его бросить—засмѣется въ отвѣтъ, да и только. А въ это время пріѣхало къ намъ важное лицо, ему и показали этого мальчи́ва, потому—чудо. Только въ нашей обители и могутъ проявиться такіе. Подивился и тотъ: часа два говорилъ съ мальчикомъ, задавалъ задачи, какія у насъ и не снілись никому; думали смутится парень—ничего. Все рѣшаетъ, и быстро такъ. Велѣли ему ѣхать въ Питеръ, тамъ его въ какое-то училище опредѣлили. Чтó же бы вы думали—въ три года онъ на двѣнадцати языкахъ говорилъ! Къ брату писалъ оттуда. А потомъ слухъ прошелъ, что

послали его въ Парижъ, на всемірную выставку, тамъ на выставкѣ этой и померъ.

— Отчего же онъ умеръ?

— Потому въ монастырѣ у насъ—строго. Въ Питерѣ братъ тоже своимъ его препоручилъ, въ оба за нимъ глядѣли. Ну, а въ Парижѣ во вся тяжкія пустился, отъ женщинъ, отъ блудницъ вавилонскихъ этихъ, и сгорѣлъ. Вотъ она судьба! А остался бы въ монастырѣ, доселѣ былъ бы живъ во славу обители. Очень мы его жалѣли. Извѣстно, міръ — въ немъ спасенія нѣтъ. Кто изъ монастыря туда уйдетъ — сгниетъ, какъ червь. Богъ такимъ не даетъ долгаго вѣка,—не посрамляй обитель святую.

Стою я какъ-то у берега Святого озера. Было это вечеромъ, на третій день моего пріѣзда въ Соловки. Солнце уже заходило. День не становился темнѣе, потому что въ это время здѣсь ночи нѣтъ. Но изъ лѣсу уже ползла сырая мгла. На водѣ погасли искры, и вся ея гладь лежала какъ тусклая сталь, только съ береговъ опротивулись въ нее силуэты темныхъ сосенъ. Прямо передо мною черезъ озеро поднимались стѣны монастыря.

Вижу, ко мнѣ робко подходитъ молодой монахъ изъ послушниковъ. Мы заговорили.

— У меня къ вамъ дѣло есть.—И онъ замаялся.

— Сдѣлайте одолженіе: радъ служить, чѣмъ могу.

— Правда, что вы пишете въ газетахъ и журналахъ? Мнѣ братъ одинъ сказывалъ.

— Правда.

— Ахъ, давно я хотѣлъ повидать кого-нибудь изъ писателей. Я тоже (онъ покраснѣлъ) стихи пишу. Только не знаю, что выходить. Дрянъ, должно быть... А можетъ и есть что.

Меня поразила симпатическая наружность этого юноши. На блѣдномъ лицѣ его ярко сверкали крупные черные глаза, волосы роскошными прядями обрамляли высокій лобъ, только какое-то болѣзненное чувство тоски лежало въ каждой чертѣ его лица, въ каждомъ движеніи проглядывало что-то робкое, какая-то неувѣренность въ себѣ.

— Какъ вы сюда попали? наконецъ спросилъ я.

— Это невеселая исторія, началъ онъ. Стбить ли только рассказывать?.. Любилъ я дѣвушку одну... Ну и она тоже... Чудодѣвушка была. Года два такъ шло. Вдругъ родители взяли, да и выдали ее за какого-то пьяницу-чиновника силкомъ, потому они тоже чиновники были, ну, а я изъ мѣщанъ. Чуть я не утопился тогда. Прошло мѣсяца три — она возьми, да и убѣги ко мнѣ. Отняли съ полиціей. Побоевъ сколько было!... Вынесла, бѣдная,

немало и... заболѣла чахоткою, — черезъ силу проговорилъ онъ какимъ-то надорваннымъ голосомъ. Проболѣла недолго. Весною, въ первые теплые деньки и Богу душу отдала. Что было со мною — не знаю. Стала я ходить на ея могилу; только и счастья было, что поплачешь надъ ней... Ну, а какъ пришла зима, да занесло все снѣгомъ, такъ такая меня тоска тогда обуяла, что порѣшилъ я бросить все, и уйти въ монастырь. Лѣтомъ и пошелъ сюда пѣшкомъ... А какое созданіе славное было... Знаю, что большой грѣхъ думать объ этомъ, да такъ ужъ съ вами душу отвелъ.

— Вы учились гдѣ-нибудь?

— Гдѣ учиться. До четвертаго класса гимназій дошелъ, да оттуда отецъ силой взялъ — въ лавку надо было.

— Что же вы пишете?

— Стихи. Я, признаться, и въ міру стихи писалъ. Да то — другое дѣло.

— Пробовали вы посылать куда-нибудь?

— Куда?.. И то хороноюсь. Неприлично это монаху.

— Неужели вы думаете постричься окончательно?

— А то какъ? Тамъ мнѣ нечего дѣлать. Здѣсь хоть за ея душу молиться стану.

Онъ прочелъ мнѣ свои стихотворенія. Они были необработаны, рима не совсѣмъ удачна, размѣръ не соблюденъ — но какая сила выраженія, какіе яркіе образы! Талантъ такъ и звучалъ въ каждой строкѣ ихъ. Они были пронизаны чувствомъ великой скорби. Только порою въ нихъ отчаянно прорывался бурный, бѣшенный порывъ измученной души. Тоску они навели на меня. Жаль было видѣть такое дарованіе, схоронившемся въ монастырѣ.

Всѣ мои убѣжденія были напрасны.

— Персть Божій! — твердилъ онъ. — Да и что изъ меня будетъ тамъ... Въ мірѣ нѣтъ спасенія.

XVI. Кожевня и кирпичный заводъ. — Экономическое положеніе монастыря.

Нужно отдать Соловецкому монастырю справедливость. Это хорошій работникъ и хозяинъ. Начиная съ намѣстниковъ и членовъ собора, здѣсь работаютъ всѣ и каждый. Часто іеромонахъ справляетъ черную работу и не претендуетъ на это. Онъ только совершаетъ «послушаніе». Сюда стекаются изъ разныхъ концовъ

Россіи. Тутъ есть монахи съ Кавказа, изъ-за Волги, изъ Западнаго края, изъ Крыма, изъ Сибири, изъ Турціи. Всякій приноситъ съ собою какое-либо знаніе, кто по хозяйству, кто по механикѣ. Оттого въ монастырѣ вездѣ, гдѣ возможно, ручной трудъ замѣненъ машиною, и непременно мѣстнаго изобрѣтенія. Даже вода въ гостинницы и монастырь не разносится носильщиками, а поднимается въ каждый этажъ посредствомъ ловко и удобно устроенныхъ воротовъ. Никто не долженъ находиться въ бездѣйствіи—вотъ принципъ этой аскетической рабочей коммуны.

Монахъ идетъ на работу безпрекословно. Ни недовольства не выскажетъ, ни о замѣнѣ его другимъ не попроситъ. Этому особенно способствуетъ то, что $\frac{5}{6}$ всего числа иноковъ больше крестьяне и только $\frac{1}{6}$ изъ другихъ сословій. Первые и внѣ стѣнъ монастыря привыкли работать, и работать впроголодь.

— Разъ какъ-то я стѣну работалъ и заторопился, что руки поднять не могу. А хотѣлось стѣну вывести, не откладывая до другого раза. Ну, и сталъ я на колѣни, сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, помолился святому Зосимѣ-Савватію, и вдохнули хозяева наши силу въ меня. До самаго до вечера безотходно проработалъ. Стѣну и окончилъ.

Монахи имена святыхъ Зосимы и Савватія произносятъ, какъ одно имя *Зосимсавватій*.

Понятно отсюда, какъ развилась въ Соловецкомъ монастырѣ такая производительность, какая не снится и Архангельску. Здѣсь строятъ пароходы, чинятъ ихъ, литографируютъ, дубятъ кожи, григотовляютъ кирпичи; тутъ есть военно-железная дорога, фотографія, финифтчики, золотильщики, ювелиры, сапожники, портные, башмачники, восковщики, механики, скотоводы, сыровары, строители, архитекторы; тутъ есть магазины, великолѣпныя хозяйственныя помѣщенія, кладовыя, квасныя и пекарни; монастырю принадлежатъ два парохода и морская шкуна, на которой монахи ловятъ рыбу и промышленяютъ звѣря вдоль береговъ Мурманскихъ, въ сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ. Тутъ есть рѣзчики, столяры, кузнецы, гончары, коневоды, огородники, опытные садовники, живописцы, даже золотопромышленники. Короче,—отрѣзанный въ теченіи 8-ми мѣсяцевъ ото всего остального міра, Соловецкій монастырь ни въ комъ не нуждается и ничего нигдѣ не покупаетъ, а все, что ему необходимо, производитъ самъ, кромѣ хлѣба, крупъ и каменнаго угля. Эта кипучая дѣятельность производитъ поразительное впечатлѣніе на людей, видѣвшихъ такіа обитатели, каковы Троице-Сергіевская, Юрьевская и др., не груз-

дающіяся и не обремененныя, но все же вкушающія отъ плодовъ земныхъ въ изобиліи.

Соловки прежде вываривали до 400,000 п. соли на бѣломорскихъ берегахъ Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ; кромѣ того въ первомъ они разрабатывали желѣзо, серебро на Мурманѣ и отправляли промысловыя партіи на Новую Землю. Такимъ образомъ, эта рабочая община исторически выработала свои настоящія формы. Разумѣется, благосостоянія, удивляющаго теперь богомольцевъ, они не достигли бы своими средствами исключительно. Тутъ отчасти важное значеніе имѣли приношенія богатыхъ крестьянъ архангельскихъ, олонцевыхъ, вологодскихъ, вятскихъ и пермскихъ, и особенно обиліе даровыхъ рабочихъ рудъ. Добровольныхъ работниковъ-богомольцевъ остается въ монастырѣ на годъ не менѣе четырехсотъ человекъ. Считая каждый рабочий день въ 30 в. (minimum), мы получимъ сумму, остающуюся въ пользу монастыря,—120 р. въ день или 43,800 р. въ годъ, считая число мальчиковъ во 100, и принимая, что рабочий день каждаго изъ нихъ станетъ 10 в., или всѣ 10 р. въ день и 3,650 р. въ годъ. Всего даровой трудъ приноситъ обители доходу—47,450 р. Ежегодно по расчету монастыря у нихъ перебивается до 15,000 богомольцевъ. Считая, что каждый изъ нихъ принесетъ въ монастырь по 10 р. (minimum), а обойдется монастырю въ 2 р. (maximum), получимъ 120,000 р. Часовня обители, находящаяся въ Архангельскѣ, подворья, гдѣ квартиры, лавки и кладовыя отдаются въ наймы, приносятъ ежегодно 10,000 р., да пароходы около 15,000 р. Итого, кромѣ неопредѣленныхъ, чрезвычайныхъ пожертвованій, вкладовъ и т. п., монастырь имѣетъ ежегоднаго, правильнаго, неизбѣжнаго дохода около 200,000 р. Процентомъ съ принадлежащихъ ему капиталовъ монастырь, какъ мы слышали, получаетъ 25,000 р. Прибавьте, что для себя Соловки покупаютъ только хлѣбъ въ Архангельскѣ и каменный уголь въ Англии, что все необходимое производится здѣсь и въ такомъ излишкѣ, который допускаетъ продажу на сторону, достигающую до 30,000 р., и вы тогда сообразите, насколько богата эта община. Тѣмъ не менѣе истинныя средства ея выше показанныхъ нами. Монастырь своею работою содержитъ себя самъ. Онъ могъ бы легко обойтись и безъ всѣхъ этихъ ресурсовъ, которые только увеличиваютъ его фонды, неподвижные, не пускаемые въ обороты, его лежащій капиталъ. Если бы обратить въ деньги движимое и недвижимое имущество монастыря, т. е. самые острова, составляющіе его собственность (грамоты Марѣи Посадницы, Іоанна IV Грознаго и пр.), строенія, скиты, паро-

ходы, суда, доки, всё его производительныя заведенія фабрично-заводскаго характера, его церкви, ризницу, часовни, его табуны и стада, его подворья въ другихъ мѣстахъ, то получилась бы сумма, навѣрно превышающая 10.000,000 р. И все это цвѣтетъ, всё производства совершенствуются и расширяются. Вотъ краткій очеркъ экономическихъ средствъ монастыря. И это развилось въ глуши, посреди негостепріимнаго Бѣлаго моря, безъ всякаго участія грамотныхъ, образованныхъ классовъ, среди горсти крестьянъ, пріившихъ иноческій чинъ и счумѣвшихъ въ теченіи четырехъ столѣтій обратить голые соловецкіе камни въ чудныя оазисы, поразительныя своею оригинальною красотою, богатствомъ и производительностію.

Прежде средства монастыря были еще значительнѣе. Несмотря на улучшеніе путей сообщенія на сѣверѣ, устройствомъ пароходства по рѣкѣ Сѣверной Двинѣ—объединеніе нашего крестьянства дошло до той степени, что оно отразилось и на доходахъ монастыря. Прежде не только богомольцевъ было больше (до 25,000 ч.), но и приношенія дѣлались чаще и крупнѣе. Такъ еще недавно, какъ мы слышали, цифра такихъ приношеній доходила до 280,000 р. Разумѣется, всё эти данныя только приблизительно вѣрны, но и ихъ достаточно для общихъ заключеній.

— Оскудѣваетъ усердіе къ святой обители!—жаловался мнѣ старый сѣдой монахъ, опираясь на костыль.

— Духъ времени.

— Не духъ времени, а духъ вольномыслія, духъ погибельный, духъ зла...

— Работать нынче много приходится, все дорого, а средствъ мало. Объединѣли.

— А объединѣло все потому, что ослабѣло усердіе къ благолѣпію храмовъ Божьихъ. Вѣра оскудѣваетъ. Отъ князя власти воздушныя все. Послѣднія времена приходятъ. Крестьяне и тѣ скушаются на приношенія.

— Да, вѣдь, и они до голода доходятъ....

— Прежде слѣпая вѣра была—оттого и нищеты той не замѣчалось. Нынѣ разумомъ своимъ величаются и оскудѣваютъ.

— Что-жь, послѣдній кусокъ нести въ монастырь?

— Зачѣмъ послѣдній... Господь подастъ: ты принесешь свой даръ обители, домой вернешься—а тебѣ, можетъ, за это ангель Господенъ ни вѣсть какое богатство подастъ.

— Ну, на это мало надежды.

— Браны пророка питали въ пустынѣ.

Кожевня помѣщается въ двухъ-этажномъ каменномъ домѣ;

какъ и большая часть здѣшнихъ производительныхъ заведеній, она бываетъ въ дѣйствиі только восемь зимнихъ мѣсяцевъ. Четыре мѣсяца навигаціи, когда монастырь посѣщается богомольцами, она стоитъ безъ дѣла. Въ кожевнѣ работаютъ одинъ монахъ и шестеро рабочихъ изъ богомольцевъ; выдѣлываютъ здѣсь до 8000 штукъ однѣхъ нерпичьихъ кожъ; кромѣ того, тюленьи, моржовыя, оленьи и коровьи. Тутъ же и кельи работающихъ въ кожевнѣ людей. Кожевня приноситъ монастырю немалый доходъ, какъ и все устроенное у себя монахами. Валовой оборотъ ея равняется 50,000 р.

Отсюда мы вышли и углубились въ лѣсъ.

— Все это,—объяснялъ путеводитель,—когда-то сплошнымъ болотомъ было. Монастырь осушилъ острова и теперь, кромѣ нѣсколькихъ луговъ, нарочно оставленныхъ, нигдѣ топкаго мѣста не найти. Луга и тѣ посередѣ острововъ больше, да въ Анзерахъ. Вездѣ прорыты канавки! Меня тутъ поразило обиліе незабудокъ и такихъ цвѣтовъ, которые не встрѣчаются въ Архангельскомъ, Холмогорскомъ и Шенкурскомъ уѣздахъ, несмотря на то, что они гораздо южнѣе Соловокъ. Роскошная растительность послѣднихъ носить на себѣ отпечатокъ сѣверной природы. Тутъ есть, между прочимъ, великолѣпные лѣса, изъ-подъ почвы которыхъ постоянно прорываються гребни гранитныхъ утесовъ.

Монастырь имѣетъ свой кирпичный заводъ. Тутъ ежегодно заготавливается до 400,000 шт. кирпича, и какого кирпича! Прочность его необыкновенна, и отъ времени онъ приобретаетъ крѣпость желѣза. Каждый кирпичъ вѣситъ 16-ть фунтовъ, и гораздо крупнѣе нашихъ. Изъ него выстроены всѣ позднѣйшія зданія, какъ, на примѣръ, гостинница — громадный трехъ-этажный домъ, возведенный въ три мѣсяца, причѣмъ надъ постройкой трудился самъ архимандритъ. Кирпичъ для этого строенія заготавлился три года. Въ кирпичномъ заводѣ работаютъ около 20-ти чело-вѣкъ съ пятью монахами. Онъ прекрасно содержится.

Нельзя отрицать, что жизнь въ монастырѣ для годовыхъ богомольцевъ-рабочихъ имѣетъ свою полезную сторону. Часто, т.-е. почти всегда крестьянинъ является сюда ни къ чему не подготовленнымъ. Работая здѣсь, онъ присматривается къ разнымъ хозяйственнымъ приспособленіямъ, упрощеніямъ, и дома у себя старается примѣнить видѣнное. Когда я проѣзжалъ Олонецкую губернію, то въ большомъ селеніи Юковичи удалось мнѣ видѣть необыкновенно чистыя конюшни, особенно весьма выгодный и практический способъ содержанія скота и нѣкоторые необычныя въ крестьянскомъ хозяйствѣ приемы. Разспросивъ старика-кре-

стьянина, я узналъ, что село обязано этимъ — Соловецкому монастырю, въ которомъ перебивала въ качествѣ добровольно рабочихъ большая часть населенія этого округа.

Особенно выгодно пребываніе въ монастырѣ отзывается на мальчишкахъ, если, разумѣется, оставить въ сторонѣ склонность къ аскетизму и монашеству, выносимую отсюда. Они прѣвзжаютъ домой ремесленниками, или вообще производителями другого рода. Знанія эти даютъ имъ возможность упрочить свое экономическое положеніе; здѣсь же они привыкаютъ къ опрятности и строгому порядку,—двумъ добродѣтелямъ, рѣже всего встрѣчающимся въ нашемъ крестьянствѣ.

XVII. Каналы, лѣса и дороги.

Монахи умѣютъ пользоваться мѣстностію. По склону, едва замѣтному, нѣкогда бѣжалъ ручей изъ одного внутренняго озера въ другое. Тонкая струя воды—и только. Казалось она ни къ чему и не пригодна. Какой-то послушникъ расчистилъ берегъ ручья, углубилъ его ложе и выровнялъ его: незначительный истокъ обратился въ узенькій каналъ.

Я поднялся вверхъ по его теченію; монастырь и тутъ не упустилъ случая воспользоваться силою воды и устроилъ въ одномъ мѣстѣ точильню, на другомъ пунктѣ водоподъемную машину. Точильня состояла изъ большого вѣрота, движимаго водою. Диаметръ его $1\frac{1}{2}$ сажени. Вѣротъ стоитъ вертикально. Его дугу охватывали ремни, которые затѣмъ, перекрещиваясь, раздѣлялись на два, къ каждому изъ нихъ было привѣркнуто большее точильное колесо. Вслѣдствіе движенія воды въ каналѣ, вѣротъ вращался, и въ свою очередь посредствомъ ремня вертѣлъ два точильныхъ колеса. Передъ послѣдними устроены были скамьи, на которыхъ при насъ сидѣли точившіе косы и топоры монахи. Механизмъ до крайности простъ, удобенъ и выгоденъ. Въ день такая точильня можетъ выточить болѣе 300 косъ, 450 топоровъ—и сколько хотите ножей. Ея одной достаточно на городъ средней руки. Надъ точильнею—домъ, чисто содержимый и весьма опрятный. Зимой, когда канава замерзаетъ, вѣротъ приводится въ движеніе механическою силою. Эта точильня—изобрѣтеніе крестьянина, прожившаго здѣсь годъ, и, кажется, оставшагося въ монастырѣ навсегда.

Солнечный свѣтъ мягко обливаетъ зеленую мураву сухого луга. Безоблачное небо синѣло надъ нами, напоминая необык-

новенно прозрачною лазурью своей дальній югъ. По окраинамъ словно замерли гигантскія сосны и бѣлыя березы, протянувъ недвижныя вѣтви въ свѣтъ и тепло яркаго лѣтняго дня. Мы шли все вверхъ по теченію канала.

Новое зданіе каменное, большое:—это водоподъёмная машина.

Мы вошли. Родъ сарая; посрединѣ несложнымъ механизмомъ вода подымалась вверхъ на высоту четырехъ аршинѣ, лошадь съ бочкою подѣвжала подъ кранъ, которымъ заканчивался жолобъ, и струя отвѣсно падала сверху. И легко, и просто и удобно. А главное—совращаетъ рабочую силу, замѣняя ее механической. Въ сарай влетѣла чайка и сповойно сѣла на край жолоба.

— Кто это строилъ у васъ?

— Монахъ одинъ... Изъ крестьянъ. Хорошо придумалъ.

— Да, хорошо.

— Все отъ угодниковъ. Ихъ заступленіемъ; не оставляютъ обителі—домъ свой... Потому, здѣсь вси—труждающіеся и обремененные. Шелковъ, да бархатовъ, какъ въ иныхъ прочихъ монастыряхъ, не носимъ.

Дѣйствительно, соловецкій монахъ—всегда и вездѣ является въ одной и той же рясѣ изъ толстаго и грубаго сукна. Простое холщевое бѣлье, крестьянскаго покроя сапоги-бахилы изъ перничьей кожи—одинаковы у всѣхъ, у намѣстника и у простого послушника. Черныя, грубыя мантии дополняютъ костюмъ. Роскоши нигдѣ не замѣтно.

И какой здоровый, коренастый народъ—соловецкіе монахи! Все это люди сильные, незнакомые съ недугами. Оригинальную картину представляетъ здѣшній инокъ, когда съ засученными по локоть рукавами, влобукомъ на затылкѣ и подобранной спереди рясой, онъ большими шагами выступаетъ съ крестьянской перевалкой и присѣданіями по двору обители. Это тотъ же самый хлѣбопашецъ, только переодѣтый въ рясу. Съ однимъ изъ такихъ подвижниковъ мы отправились въ лѣсъ. По обѣ стороны дороги лежали громадныя валуны. За ними недвижно стояли лѣсные гиганты. Оттуда вѣяло свѣжестію и прохладой. Мы вошли въ эту тѣнистую глушь. Высоко надъ нами переплетались могучія вѣтви, мягкій дернъ устилалъ всѣ промежутки между деревьями. Что это были за прямыя стволы! Пороку изъ-подъ почвы выступала острымъ краемъ сѣрая масса гранита. Кое-гдѣ цѣлыя скалы торчали въ глуши, плотно охваченныя молодою порослью. Земля была холмиста. На верхушкахъ пригорковъ поднимались кусты сосенъ, протягивая далеко на югъ свои вѣтви.

Сѣверная сторона этихъ великановъ была обнажена. Деревья, росшія внизу, распростирали во всѣ стороны одинаково свои сучья. Ихъ не достигалъ грозный сѣверный вѣтеръ. И какія чудныя озера были разбросаны въ глуши этихъ лѣсовъ, чистые, прозрачные, какъ кристалль. Невольно приходило въ голову сравненіе ихъ съ красавицей, лѣниво раскинувшейся въ зеленой ложбинѣ... И какъ становится досадно, когда, вмѣсто очаровательныхъ сценъ любви и счастья, встрѣчаемъ здѣсь строго аскетическія лица...

Побродивъ съ часъ по лѣсу, мы опять вышли на дорогу, ведущую назадъ къ монастырю. Соловецкія дороги замѣчательно хороши. Прямая, плотно убитая щепнемъ, достаточно широкая, они во всѣхъ направленіяхъ перерѣзываютъ острова, свидѣтельствуя о предусмотрительности и энергіи монаховъ. Какъ любилъ я бродить по нимъ, когда спадетъ полуденный зной и тихая прохлада вѣетъ изъ лѣсу, съ зеркальнаго простора озеръ, съ синѣющаго безбрежнаго моря... Да, это прекрасный уголокъ земли, лучшая часть нашего далекаго сѣвера. Къ сожалѣнію, теперь здѣсь нельзя остаться даже на лѣто больному, потому что острова Соловецкіе принадлежатъ монастырю и тамъ негдѣ жить постороннему.

«Рай—наши Соловки!»—говорятъ монахи.

«Господь своимъ инокамъ предоставилъ ихъ, чтобъ здѣсь на землѣ еще видѣли, что будетъ даровано праведникамъ тамъ, на томъ свѣтѣ».

«Одно плохо, хлѣба не родитъ наша пустынь блаженная!»—дополняли третьи, болѣе практическіе.

ХVIII. Отецъ Авраамъ ¹⁾.

Я забрелъ въ Благовѣщенскій соборъ рано утромъ. Меня тамъ почти оглушилъ шумъ многихъ голосовъ, раздававшихся отовсюду. Двадцать-три іеромонаха одновременно служили молебны. Стоя близъ служившихъ, нельзя было различить отдѣльныхъ словъ. Это былъ какой-то хаосъ выкрикиванія, звуковъ, гвѣнія. Поминутно являлись новые богомольцы и семи-восьми человекамъ заразъ, отбирая у нихъ поминанія, священникъ торопливо служилъ молебны. Деньги за молебны запрещено давать въ руки іеромонахамъ. Сначала покупается билетъ на молебенъ

¹⁾ Имя измѣнено.

(простой 35 к., съ водосвятиемъ 1 р. 50 к.); съ нимъ богомольецъ является въ соборъ, предъявляетъ его священнику, который уже затѣмъ начинаетъ службу...

— Сколько вы такимъ образомъ отслужите молебновъ въ одно утро?

— Всѣ вмѣстѣ—пятьсотъ случается. Бывало, и по шестисотъ удавалось. Все зависитъ оттого, сколько богомольцевъ.

Говорившій со мною былъ приземистый, коренастый монахъ, только-что снявшій ризу. На крупномъ четырех-угольномъ лицѣ его бойко и умно смотрѣли нѣсколько вросъ прорѣзанные глаза; густые сѣдые волосы обрамливали львиною гривкою лобъ. На скуластомъ лицѣ отражалось выраженіе крайняго самодовольства. Еще бы! Приходилось отдохнуть послѣ сорока молебновъ.

— Вы не изъ Архангельска ли?—спросилъ онъ у меня:— Знаете Ф. и Д. Онъ назвалъ знакомыхъ.

— Какъ же,—хорошо знаю.

— Ну, такъ пойдѣмъ ко мнѣ чай пить. Побесѣдуемъ, давно я не бывалъ въ Архангельскѣ.

Я съ удовольствіемъ принялъ его приглашеніе. До тѣхъ поръ мнѣ не удавалось видѣть внутреннюю обстановку обители, наблюдать монаха у себя дома, на-распашку. Пройдя двумя дворами, обставленными высокими зданіями келій, я воспользовался случаемъ поразспросить его о хозяйствѣ монастыря, и перечислилъ при этомъ только-что видѣнные мною мастерскія.

— Ну, а чугунно-литейный заводъ видѣли? И восковой, и смолокурню не осматривали?.. Все у насъ есть. Главное—Господь невидимо покровительствуетъ. Чудодѣйственная сила во всемъ, куда ни посмотри. И коренастый монахъ съ гордостью оглянулся кругомъ.

Мы вошли въ келью. Бѣдная, выбѣленная комната. Прямо между двумя окнами налой. Два табурета, столъ, комодъ и кровать. Кстатѣ вспомнилъ я, какъ соблюдаютъ обѣты бѣдности іеромонахи другихъ монастырей; сравненіе было не въ пользу послѣднихъ...

— Что, у васъ всѣ такъ живутъ?

— Нѣтъ, самодовольно,—отвѣтилъ старикъ. У меня попросторнѣй, да и посвѣтлѣе. А, впрочемъ, житіе пустынное, настоящее монашеское житіе. Развѣ мы нѣмецкіе пасторы или польскіе всендзы, чтобы роскошничать... Пасторъ и польскій всендзь, а по нашему — погъ, и я погъ, а между нами разница, потому мы не отъ міра сего.

Отец Авраамъ безцеремонно снялъ рясу, шаровары и сапоги, и очутился въ рубахѣ и нижнемъ бѣльѣ. Въ одинъ мигъ монахъ преобразился въ вологодскаго крестьянина. Такъ онъ и присѣлъ къ столу.

Засѣли мы за чай. Пошла бесѣда. Я спросилъ о библиотекѣ монастыря.

— Книгохранилище наше теперь опустѣло. Всѣ рукописи старинныя въ Казанскій университетъ мы отправили.

— Зачѣмъ вы ихъ отдали?—спросилъ я.

— Какъ зачѣмъ? да вѣдь у насъ они, что камни лежали. Кому ихъ разбирать. Вѣдь у насъ — пользоваться не умѣютъ. Теперь же тамъ хоть что-нибудь извлечь. Мы и послали на свой счетъ. Теперь читаю кое-что, вижу и изъ нашихъ рукописей есть. Оно и приятно, что нашлись умные люди.

— Неужели-жъ у васъ нивого не было?

— Некому у насъ въ монастырѣ. И члены-то собора нашего, и мы всѣ—мужики. Крестьянское царство тутъ. Наше дѣло работать въ потъ лица своего. Шестьсотъ манускриптовъ послали мы. Все старинныя самыя рукописи... Тутъ бы ихъ или мыши, или черви съѣли. Не до того намъ. И некому, говорю тебѣ—некому.

— Ну, а библиотека ваша пополняется?

— Нѣтъ. Читать некому. Все же есть кое-что. Недавно я вопросомъ о соединеніи церквей занялся. Много источниковъ нашелъ. Интересно было послѣ работы почитать.—И отецъ Авраамъ принялся излагать настоящее положеніе этого вопроса, такъ что я сталъ втупикъ. «Ошибся,—думаю,—этотъ вѣрно изъ духовныхъ».

— Давно вы въ монастырѣ?—спрашиваю.

— Сорокъ лѣтъ. Я изъ мужиковъ вѣдь. Изъ самыхъ изъ крѣпостныхъ. Какъ-то помѣщикъ честно отпустилъ меня помолиться въ Соловки. Я какъ попалъ сюда—и выходить не захотѣлъ. Потомъ бѣжалъ, срывался, ну, немного спустя и очутился здѣсь. А монаха—не возьмешь, шалишь! Пришелъ сюда—неграмотный былъ, ну, а теперь кое-что могу понимать.

Изъ разговора оказалось, что отецъ Авраамъ вологжанинъ. На родинѣ у него и теперь сестры, которымъ онъ помогаетъ. Бесѣда его обнаруживала большую начитанность и знаніе. Умъ проглядывалъ въ каждомъ выраженіи, въ каждомъ приводимомъ имъ аргументѣ. Это — находчивый и бойкій діалектикъ. Ко всему этому неизбежно примѣшивалось чувство нѣкотораго самодовольства. Впрочемъ, законное чувство: «подивись-ка ты, баринъ, какъ тебя со всѣмъ твоимъ университетскимъ образо-

ваніемъ простой мужикъ загоняетъ». Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ при случаѣ ссылаясь на свое происхожденіе, выражая встать, что достаточно пустить въ монастырь двадцать пять дворянъ, чтобы вся производительность, все благосостояніе обители рушились:—дурной примѣръ—соблазнъ. У насъ стоить грубый, одежда грубая, — тѣ начнутъ заводить свои порядки — и все пошло прахомъ. Оттого мы неохотно принимаемъ въ нашу среду чиновниковъ.

— А что, одолеваетъ скука? Хочется въ міръ, отецъ Авраамъ?

— Отчего?.. Никогда не томить. Не зоветь туда. Ну, впрочемъ, два мѣсяца было. Доселѣ не забылъ. Я ужъ лѣтъ пятнадцать въ монахахъ состоялъ. Лѣтомъ какъ-то разъ стою у пристани и пріѣхали къ намъ богомолки, да богомольцы. Кто-то изъ нихъ и запой пѣсню. Такъ я и дрогнулъ. Точно съ той пѣсни что у меня въ сердцѣ оборвалось... Даже похолодѣлъ весь... Едва-едва въ келью добрался. Какъ пласть на полъ упалъ, да до вечера и пролежалъ такъ... На другой деньъ еще хуже... Все пѣсни въ головѣ... Хожу по лѣсу, начну псаломъ — а кончу пѣсней. Бью поклоны въ соборѣ, а въ глазахъ не иконы—поле зеленое, село родимое... Слезы бывало по лицу такъ и катятся... До того доходило, что бѣжать изъ монастыря думалъ... Да, слава Господу, опаматовался. Попелъ къ архимандриту и въ самую тяжкую работу попросился. Мѣсяца полтора работалъ такъ, что вечеромъ, какъ придешь домой въ келью, такъ не доходя кровати въ углу свернешься, шапку въ головы, и до утра — словно мертвый... Отошло тогда... Больше не бывало. Извѣстно, Господь испытывалъ.

— А бывали такіе, что не выдерживали такихъ испытаній?

— Бывали, какъ не бывать! Малодушіе это, ну, дьяволъ и пользуется этимъ, шепчетъ въ уши и передъ глазами живописуетъ. Не соблюдешь себя, и сгинеешь какъ червь. Одинъ въ монастырѣ у насъ на что пустился, чтобы рясу сбросить: донесъ слѣдователю, что-де онъ убійство совершилъ. Ну, его въ острогъ въ Архангельскъ, стали справки собирать—никогого такого убійства и не бывало. Ну, его изъ монастыря и выключили. Что-жъ бы ты думалъ—съ вина человекъ черезъ годъ сгорѣлъ...

— Кстати, правда ли, что рассказывалъ архимандритъ Александръ о своей поѣздѣ на англійскіе корабли во время осады монастыря?

— Должно быть у Максимова читали? Вралъ покойный Александръ. Просто англичане потребовали сдачи монастыря—имъ и отказали. У насъ одному монаху въ виду непріятеля пришлось за порохомъ въ Архангельскъ отплыть.

— И удалось.

— Еще бы. Крестъ за это получили. Ему дали лодку и отпустили. Въ три дня онъ въ городъ попалъ. И погоня была. Ко дну пустили бы, еслибы поймали. Онъ и причастился передъ поѣздой. Вѣдь на смерть шелъ. Впрочемъ, и монастырь-то защищался не для сбереженія своихъ сокровищъ. У насъ однѣ стѣны оставались. Всѣ драгоценности, деньги, документы, даже ризы съ образомъ были отправлены въ Сійскій монастырь на храненіе. А англичане сильно добирались до насъ. Стрѣляли. Бомбы внутри зданій разрывались. Ну, и Господь показалъ свое чудо не токмо человѣка не убило и не ранило — ни одной чайки, ни одного яйца птичьяго не тронуло. Чайки же и задали англичанамъ. Какъ тѣ стали палить—онѣ и поднялись. Тысячами налетѣли на непріятеля, да сверху-то корабли ихъ и самихъ англичанъ опакостили... Умная птица!

— Ну, а мужество духа, бодрость, дѣйствительно были обнаружены монахами, какъ писалъ Александръ?

— И этому не вѣрь. Перетрусили всѣ до страсти. Другіе упали на землю и выли. Да и какъ не спужаться—мы народъ мирный, наше дѣло молитва да трудъ, а не страженіе. Такого страха и не увидишь нигдѣ. Да вотъ спроси у о. Пимена—онъ былъ въ то время.—Я обратился къ только-что вошедшему о. Пимену. Это былъ высокій, худой монахъ съ длинною сѣдою бородой, сторбленный, едва передвигавшій ноги. Онъ подтвердилъ, что дѣйствительно монахи очень тогда «спужались».

— Вотъ какое у нихъ мужество было. Человѣкъ пятьдесятъ порѣшительнѣе было.

— Что же, когда изъ Архангельска возвратились съ порокомъ?

— Къ тому времени англичане уже домой убрались. Раньше-то мы не запаслись. Заднимъ умомъ вѣршеи.

— Какъ не спужаться,—продолжалъ старикъ. Поди, если упадетъ—ноги тоже протянешь. Бомба, она не пожалѣетъ, у ней разуму нѣтъ... Нешто она понимаетъ, въ кого летить. У ней всѣ виноваты.

Разговаривая съ монахами, я не разъ убѣждался, какъ фанатически привязаны они къ своей обители. Простые послушники съ ослобленіемъ отзываются о каждой попыткѣ мѣстной администраціи вмѣшаться въ ихъ дѣла. Монахи, когда имъ предлагали отсюда ѣхать настоятелями въ другіе монастыри, заболѣвали отъ отчаянія и умирали. Это своего рода тоска по родинѣ. Добровольно изъ нихъ не выѣзжаетъ никто. А между тѣмъ къ этому сред-

ству еще недавно прибѣгали архимандриты, чтобы отдѣлаться отъ надоѣвшихъ имъ, или почему бы то ни было неприятныхъ имъ монаховъ.

«Въ другихъ обителяхъ, правда, богато живутъ, рясы шелковые носить, да у насъ все лучше. У насъ настоящее пустынно-жительство...»

Обитель для нихъ отечество. Она замѣняетъ имъ все— семью, родину.

«У васъ въ Расеѣ», — говорятъ монахи. «Завтра назадъ въ Россію ѣдете?» — «Ну, какъ у васъ въ Россіи народъ живетъ?» — «То въ Россіи, а то у насъ».

Лучше всего то, что на основаніи такихъ выраженій одинъ изъ архангельскихъ губернаторовъ официально обвинилъ соловецкихъ монаховъ... въ сепаратизмъ и въ замыслахъ отдѣлиться отъ Россіи!!! Это фактъ, подтвержденіе которому можно найти въ дѣлахъ мѣстной губернаторской канцеляріи 1866—68 гг.

XIX. Соловецкая тюрьма и ея арестанты.

Соловецкій монастырскій острогъ вмѣстѣ съ Суздальскимъ едва ли не послѣдніе остатки стараго варварства, ужасовъ, когда-то пугавшихъ нашихъ предковъ и получившихъ на страницахъ исторіи свое мѣсто. Сколько крови пролилось на эти сырыя, холодныя плиты, сколько стонувъ слышали эти влажныя мрачныя стѣны. Какимъ холодомъ вѣетъ отсюда, точно въ этомъ душномъ воздухѣ еще стелется и расплывается отчаяніе и скорбь узниковъ, тѣла которыхъ давно истлѣли на монастырскомъ кладбищѣ. Невольный трепеть охватывалъ меня, когда я вступалъ въ ограду этой исторической темницы. Князья, бояре, митрополиты, архіереи, расколоучители, крамольники томились когда-то за этими черными, насквозь проржавѣвшими рѣшетками. Сотнями свозили сюда вольниковъ со всѣхъ сторонъ Россіи. Тутъ всегда страдали за мысль, за убѣжденіе, за пропаганду. Цари московскіе часто ссылали сюда своихъ приближенныхъ. Петръ наполнялъ кельи этого острога людьми, не преклонявшимися предъ его желѣзной волей. Измученные, часто прямо отъ пытки, съ вырѣзанными языками, ноздрями, сюда отправлялись искатели истины, за заблужденія на пути этого исканія. Одиночество, суровыя условія жизни ожидали ихъ здѣсь, вплоть до могилы или новаго мученичества. Расколоучители иногда отсюда посылались внутрь Россіи, гдѣ ихъ живьемъ сожигали въ деревянныхъ срубахъ. Это была наша старорусская

инквизиція. Соловецкая тюрьма, когда къ ней приближаешься, кажется такою же громадною, многоэтажною гробницею, откуда вотъ-вотъ покажутся, открывъ свои незрячія очи и потрясая цѣпями, блѣдныя призраки прошлаго. Суевѣрный страхъ охватываетъ васъ, когда вы входите въ узкую дверь темницы, за которою тянется вдаль черный корридоръ, словно щель въ каковой-то каменной массѣ. Снаружи, передъ вами, ряды узкихъ оконъ. Порою въ нѣкоторыя выглянетъ блѣдное-блѣдное лицо... Нѣтъ, это галлюцинація!... Тройные ряды рамъ и рѣшетокъ едвали пропускаютъ свѣтъ въ одинокую келью заключеннаго.

Кто попалъ въ Соловецкій острогъ, тотъ позабытъ цѣлымъ міромъ. Онъ скороненъ живою. О немъ не вспомнить никто. Пройдетъ двадцать, тридцать, сорокъ лѣтъ—онъ увидитъ только лицо своего сторожа. Тутъ содержатся преступники противъ вѣры. Теперь здѣсь лишь два арестанта. Кромѣ того, живутъ въ тюрьмѣ двое «не въ родѣ арестантовъ» по официальной номенклатурѣ.

На меня тюрьма произвела отвратительное впечатлѣніе. Эта сырая каменная масса внутри сырой каменной стѣны переноситъ разомъ за нѣсколько вѣбовъ назадъ. Жутко становилось мнѣ, когда я подходилъ къ ней. На лѣсенкѣ у входа сидѣло нѣсколько солдатиковъ. Для двухъ арестантовъ содержатся здѣсь двадцать-пять солдатъ съ офицеромъ.

— Что, братцы, можно осмотрѣть тюрьму?

Всѣ переглянулись; молчаніе. Явился старшой. Оказалось, что арестантовъ видѣть не позволено... Они помѣщены въ верхнемъ корридорѣ; но остальные корридоры видѣть можно.

Я вошелъ въ первый. Узкая щель безъ свѣта тянулась довольно далеко. Одна стѣна ея глухая, въ другой—нѣсколько дверей съ окошечками. За этими дверями мрачныя, потрясающе мрачныя темничныя кельи. Въ каждой окно. Въ окнѣ по три рамы, и между ними двѣ рѣшетки. Все это презеленѣло, прокопчено, прогнило, почернѣло. День не броситъ сюда ни одного луча свѣта. Вѣчные сумерки, вѣчное молчаніе.

Я вошелъ въ одну изъ пустыхъ келій. На меня пахло мракомъ и задушающею смрадною сыростию подвала. Точно я былъ на двѣ холоднаго и глубокаго колодезя.

Я отворилъ двери другой кельи—и удивился. Въ этой черной дырѣ комфортабельно помѣстился жидовъ—фельдшеръ мѣстной команды. Онъ былъ какъ у себя дома. Въ третьей жилъ фельдфебель. Второй корридоръ этажемъ выше—то же самое.

— Тутъ нивого нѣтъ?

— Есть, только «не въ родѣ арестантовъ». *Добровольно сидятъ.*

«Кто рѣшится жить добровольно въ такой ужасной труппѣ?» и я вошелъ въ одному изъ этихъ странныхъ узниковъ. Передо мною оказался высокій высохшій старикъ. Какъ лунь, сбѣдая голова едва держалась на плечахъ. Глаза смотрѣли бессмысленно, губы что-то шептали. «Арестантомъ то же былъ когда-то. Ему ужъ сто-два года» — пояснилъ солдатъ. — Что же, онъ освобожденъ?

Оказалось, что лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ этого старика посадили въ Соловецкую тюрьму и позабыли о немъ. Только лѣтъ двадцать назадъ вспомнили и онъ былъ освобожденъ. Когда ему объявили объ этомъ — было уже поздно. Старикъ помѣшался за это время. Его вывели изъ тюрьмы, онъ походилъ-походилъ по двору, глупо и изумленно глядя на людей, на деревья, на синее небо, и воротился назадъ въ свою темничную келью. Съ тѣхъ поръ онъ не оставлялъ ея. Его кормятъ, даютъ ему одежду, иногда водятъ его въ церковь. Онъ подчиняется всему, какъ ребенокъ, и ничего не понимаетъ. Гдѣ-то у него оставалась семья, но во все продолженіе своего заточенія, ни онъ о ней, ни она о немъ ничего не слышали. Какая печальная жизнь! Что можетъ сравниться съ этимъ!

Другой узникъ, помѣщавшійся рядомъ и тоже добровольный, былъ высокій, крѣпкій красивый человекъ, съ окладистою русою бородою. Это бывшій петербургскій палачъ, пожелавшій, по окончаніи своего термина, постричься въ монастырѣ. Соловецкіе монахи не отказались принять его, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ предварительно, пока они присмотрятся къ нему, нѣсколько лѣтъ прожилъ у нихъ въ тюрьмѣ. Какое странное сближеніе: палачъ и монахъ. Этотъ узникъ совершенно доволенъ своею судьбою. Онъ замаливаетъ старые грѣхи, вѣруя въ искупленіе. Сила, чисто рабочая сила его не пропадетъ для монастыря даромъ. Изъ него будетъ хорошій каменотесъ или носильщикъ, а Соловкамъ ничего больше и не надо.

— Ну, а наверхъ рѣшительно нельзя? — спросилъ я у солдата. — Оказалось, что строго запрещено новымъ архимандритомъ.

— При старомъ капитанѣ, что сидитъ здѣсь ходили вездѣ. Ихъ и въ кельи монашескія пущали, по лѣсамъ, по лугамъ. Ну, а какъ новый вступилъ, сейчасъ ихъ высокочелобородіе заперли, и никого къ нимъ не пущаютъ... Они ничего, ласковы, а допрежь съ ними въ лѣсъ хаживалъ вмѣстѣхъ.

— Что-жъ онъ дѣлаетъ?

— Чудной человекъ и больше ничего. Изъ себя жидка изображаютъ. Субботу соблюдаютъ и разное такое. Одначе съ архи-

мандритомъ горды очень — не покоряются. Тѣ ихъ обращаютъ назадъ, въ православіе, но одначе капитанъ не слушаются и на своемъ стоятъ.

— Скучаетъ, вѣрно.

— Какъ не скучать! Книжки тоже читаютъ.

Какъ оказалось, это человѣкъ весьма образованный... Властные люди, которымъ тюрьма открыта, видѣвшіе его, говорили, что онъ помѣшанъ, и что его слѣдуетъ держать не въ острогѣ, а просто лечить.

— Они подъ святыми воротами, при старомъ архимандритѣ, проповѣди богомольцамъ держали. Оченно это быстро говорятъ, замѣтилъ мой проводникъ.

— А кромѣ него кто еще тамъ есть?

— Купецъ одинъ... Хорошій человѣкъ... Обходительный...

Больше я ничего не могъ узнать объ арестантахъ Соловецкаго острога... Когда я вышелъ отсюда и меня со всѣхъ сторонъ охватилъ теплый воздухъ лѣтняго дня, когда впереди опять раскинулась передо мною синь морская, а въ вышинѣ лазурь безоблачнаго неба, я невольно почувствовалъ все безконечное счастье свободы... Какое блаженство пройти по этому зеленому лугу, углубиться въ этотъ тѣнистый, словно замершій надъ зеркаломъ извилистаго озера, лѣсъ. А тамъ — въ этихъ черныхъ вельяхъ острога, въ этихъ погребяхъ...

Да, только узникъ изъ-за рѣшетокъ своей тюрьмы пойметъ неизмѣримое, божественное счастье свободы. Какъ оттуда онъ долженъ смотрѣть на едва доступный его взгляду клочекъ голубого неба. Съ какою мучительною болью слѣдитъ онъ за жемчужною каймою облака, набѣгающаго на него, за серебряной искрою чайки, ныряющей въ высотъ, за робко мигающей отсюда звѣздочкой ясной зимней ночи. О, не дай Богъ никому пережить эти ужасные годы одиночества и неволи.

XX. Въ трапезной.

Я освѣдомился у монаха объ историческихъ подземельяхъ Соловецкаго монастыря.

— Какія подземелья? Погребя наши, что ли? Квасная, кладовая...

— Нѣтъ, тюрьмы подземныя.

— Этого у насъ вовсе нѣтъ. Слухъ одинъ пуценъ, что есть будто. У насъ есть одинъ братъ, очень эту старину любить. Ничего и онъ не нашель. Потому слышно было, что нивакихъ

тавихъ мѣсть у насъ нѣтъ и званія. Ты, поди, у газетчиковъ читалъ. Врутъ!

Наконецъ мы отправились въ трапезную. Длинный корридоръ весь былъ росписанъ фресками, возбуждавшими въ крестьянахъ-богомольцахъ безпредѣльный ужасъ.

— Б-оже мой!.. Глядь-ка изъ глотки-то змѣй ползеть!...

Разговоръ шель, повидимому, между фабричными, которые и здѣсь оставались вѣрны своей безшабашной манерѣ говорить.

— Чудеса, братецъ мой. А чортъ во какой!.. Ишь... Господи, спаси и помилуй!

— А вонъ пламя адово...

— Змій, исходящій изъ гортани, обозначаетъ грѣхи, — объяснялъ монахъ: — сей грѣшникъ придетъ ко схимнику, дабы покаяться во грѣсѣхъ своихъ. И видѣ схимникъ, что по наименованіи грѣховъ изъ гортани вающагося излетаютъ гады и всяческая мерзость — скорпіи и жабы, василиски и аспиды, хамелеоны и драконы крылатые. На послѣдокъ оттуда повзаяся глава змія погибельнаго, но грѣшникъ не покааялся искренно, и змій, обратно въ гортани сокрыся. Изъ сего научитесь не таяться предъ пастыремъ во дни покаянные.

— Поди, кто о благолѣпіи храмовъ не заботиться, тоже не похвалять, — спрашиваетъ странница у монаха.

— Заботься по силамъ. Черезъ силу тоже не подобаетъ, ибо и о дѣтяхъ малыхъ подумать надлежитъ, а кто имѣетъ избытокъ, тому точно жутко будетъ за равнодушіе ко храму, — объяснялъ монахъ. — Древле на церковь десятина шла, нынѣ — на волку каждому предоставлено.

Богомольцы продолжали изумляться и пугаться изображеній адскихъ мукъ, и дѣлать свои соображенія о томъ, кого больше будутъ жарить на томъ свѣтѣ...

— Всякому по дѣламъ его, значить... Все зачтется... Премудрость это, братцы!

Наконецъ мы вошли въ трапезную. Это громадная комната въ сводахъ, поддерживается необыкновенной толщины колонной. Она вся росписана. Яркія краски, позолота, лазурь, такъ и бросаются въ глаза зрителю. Впрочемъ, все носитъ на себѣ отпечатокъ чисто восточнаго великолѣпія. Нѣкоторые рисунки отличаются талантовостію. Таковы работы отца Николая, молодого художника-монаха — 25 лѣтъ. Чрезвычайно хороша его картина «Снятіе со креста». Въ ней изящно и тщательно отдѣланы женскія фигуры. Многія картины обнаруживаютъ хорошее знакомство съ анатоміей.

Столъ для богомольцевъ поставленъ отдѣльно. На счетъ монастыря каждаго кормятъ три дня. Затѣмъ нужно ѣхать, если на дальнѣйшее пребываніе въ обители не дано особаго разрѣшенія высшею властью. Богомольцу даютъ обѣдъ и ужинъ. За обѣдомъ, на которомъ присутствовали мы, все шло тихо, чинно и спокойно. Передъ каждымъ—оловянная тарелка, деревянная ложка, вилка и ножъ. На каждыя четыре человѣка подается одна общая миска съ варевомъ. Сначала всѣ, стоя у своихъ мѣстъ, ждутъ колокола. При первомъ ударѣ всѣ молятся и садятся, но ѣсть еще не начинаютъ. Лишь при третьемъ ударѣ ложки опускаются въ миски, и вдоль всѣхъ столовъ послушники разносятъ небольшіе куски благословеннаго блага хлѣба. Каждая перемѣна блюду возвращается колоколомъ. Хорошенькіе монашки-подростки, похожіе на дѣвочекъ, разносятъ миски съ кушаньемъ. По окончаніи обѣда всѣ строятся у своихъ столовъ въ два ряда и поется благодарственная молитва. Затѣмъ опять раздача благословеннаго хлѣба и вновь пѣніе псалма. Во время обѣда читается св. Писаніе. Крестьяне обѣдаютъ внизу съ служителями, женщины же отдѣльно отъ всѣхъ. Какъ видите, и здѣсь относительно сословій соблюдается табель о рангахъ. При мнѣ на обѣдъ было подано: соленая сельдь, окрошка изъ щуки со свѣжими огурцами, супъ изъ палтуса, уха изъ свѣжихъ сельдей, пшенная каша съ масломъ и молоко. Кромѣ того передъ каждымъ лежалъ громадный кусокъ хлѣба, фунта въ 2¹/₂. Мяса, разумѣется, не подается нивогда, и монахи быстро привыкаютъ къ этому, тѣмъ болѣе, что большинство—крестьяне и дома у себя рѣдко видѣли мясо. Сѣверный крестьянинъ питается трескою и прочими рыбами изъ рода gadus, хлѣбомъ, брусникой, моршью, солеными грибами (волнухами) и у моря—сельдью.

— Хорошо ѣдятъ монахи,—замѣчали богомольцы, и снова разсматривали удивительные фрески...

— Куда таперче?..

— Спать, братцы, давай, потому мы, какъ слѣдуетъ, утромъ, рано встали, помолились, потомъ въ церковь были, опосля потрапезовали. Теперъ спокой требуется...

В. Н.—Д.

НАРОДНЫЯ НАРѢЧІЯ

И

МѢСТНЫЙ ЭЛЕМЕНТЪ ВЪ ОБУЧЕНІИ

C'est pour avoir méconnu la force des attaches locales que votre culture est trop souvent sans racine et sans profondeur.

M. Bréal.

I.

Въ концѣ 1872 года вышла въ Лейпцигѣ небольшая книга: «Преподаваніе на родномъ языкѣ и его народное значеніе»¹⁾. Книга эта принадлежит довольно извѣстному въ нѣмецкой педагогическо-ученой литературѣ писателю, Альберту Рихтеру, автору книгъ: *Deutsche Heldensagen des Mittelalters* (2 Aufl. L. 1870) и *Deutsche Sagen* (L. 1871),—и она была увѣнчана преміей отъ берлинскаго педагогическаго общества Дистервега (*Diesterweg-Stiftung*). Авторъ вознамѣрился свести въ систему то, что было высказано въ послѣднее время новаго по вопросу о преподаваніи національно-литературнаго языка и примѣнить къ этому преподаванію результаты разившейся въ послѣднее время науки о языкѣ. Настоящая книга есть только изложеніе теоретическихъ началъ,—къ которому практическое приложеніе обѣщаетъ авторъ издать подъ заглавіемъ: «*Deutscher Sprachschatz*».

¹⁾ Der Unterricht in der Muttersprache und seine nationale Bedeutung.

Такъ какъ книга Рихтера затрогиваетъ одинъ изъ важнѣйшихъ педагогическихъ вопросовъ, то мы считаемъ не лишнимъ познакомить съ нею русскихъ читателей, — разумѣется, избѣгая всего специально-интереснаго для нѣмецкихъ читателей, а также изліяній, отзывающихся тѣмъ специфическимъ духомъ нѣмецкихъ націоналовъ, который въ послѣднее время весьма усилился даже въ ученой нѣмецкой литературѣ и слишкомъ крѣпокъ для всякаго иностранца.

Уже давно въ германской литературѣ поднятъ вопросъ объ отношеніи мѣстнаго, провинціального и общаго, національнаго элемента въ дѣлѣ народнаго образованія. Рихтеръ приводитъ слова Дистервега, — сказанныя двадцать пять лѣтъ тому назадъ: «привязать человѣка къ (мѣстной) родинѣ, научить его не только познавать эту родину, но и воодушевить его любовью къ ней, ея свойствамъ и особенностямъ, вовсе не значить покровительствовать провинціальной узкости, а, напротивъ, укрѣпить корни его силы. Корни эти заключаются въ почвѣ его родины, въ особенностяхъ его земляковъ, въ ихъ исторіи. Пусть же каждый радуется, когда найдетъ въ индивидуумѣ характерную особенность обитателей страны. Почитать и беречь эти особенности, значить уважать и сохранять первобытные свойства нѣмцевъ».

Исходя изъ подобнаго рода мыслей, говорить дальше Рихтеръ, со многихъ сторонъ было выражено мнѣніе, что при обученіи языку въ народныхъ школахъ должны быть допущены и мѣстныя нарѣчія. Самъ Дистервегъ написалъ вышеприведенныя слова въ прибавленіи къ статьѣ Гегнера въ «Rheinische Blätter» (1848. Heft 1—2, S. 37), въ которой Гегнеръ настаивалъ на допущеніи нарѣчій въ народное образованіе. По отношенію къ такому требованію, Дистервегъ принялъ выжидательное положеніе; рѣшеніе вопроса онъ предоставилъ учителямъ, «которыхъ это касается». Но вышеприведенныя слова не оставляютъ никакого сомнѣнія, въ какую сторону склонялось его сердце.

Вопросъ о правахъ нарѣчій при преподаваніи отечественнаго языка въ народной школѣ породилъ очень богатую литературу, излагать которую невозможно здѣсь. Сюда входятъ самыя противоположныя мнѣнія, болѣе важные представители которыхъ: Раумеръ, Вавернагель, Шрѣръ, Гильдебрантъ, Бургвардтъ, Гонкампъ, Гегнеръ (Hegner), Гутбиръ и въ послѣднее время Гейгеръ (Geiger). Мнѣнія о значеніи народныхъ нарѣчій всегда раздвигались: въ то время, когда одни смотрѣли на нарѣчія, какъ на отступленія отъ общаго языка, какъ на порчу чистаго, верхненѣмецкаго, вслѣдствіе чего ни въ какомъ случаѣ не признавали

за ними ни воспитательнаго, ни научнаго достоинства; другіе разсматривали ихъ, какъ историческое и національное наслѣдіе, изученіе котораго должно расширить кругъ языкознанія, и видѣли въ нихъ ключъ къ пониманію, какъ первобытнаго, такъ и настоящаго времени.

Первые настаиваютъ, елико возможно, на уничтоженіи нарѣчій и желаютъ видѣть на мѣстѣ ихъ чистый верхне-нѣмецкій языкъ. Таковъ, напр., Ратихіусъ (Ratichius); но Гриммъ и послѣдующіе за нимъ изслѣдователи нѣмецкаго языка показали, что истребленіе нарѣчій было бы вовсе не услугою нѣмецкому языку; они же научили разсматривать языкъ съ исторической точки зрѣнія. Изслѣдователи эти, конечно, — друзья нарѣчій, и вѣтъ надобности приводить ихъ слова по этому поводу. Но даже не-изслѣдователи по профессіи признавали законность существованія и понимали настоящее значеніе и достоинства нарѣчій. Такъ, Гёте пишетъ въ своей «Дѣйствительности и Поэзіи» (Wahrheit und Dichtung): «каждая провинція любитъ свой діалектъ, потому что онъ собственно есть элементъ, изъ котораго душа черпаетъ жизнь». А Песталлоцци, въ своемъ главномъ методическомъ сочиненіи «Какъ Гертруда учитъ своихъ дѣтей», говоритъ такъ: «рѣчь есть отраженіе всякаго впечатлѣнія, которое производитъ на насъ природа во всемъ своемъ пространствѣ». Думая такъ о языкѣ, употребляя самъ въ «Лингардѣ и Гертрудѣ» провинціальныя выраженія тамъ, гдѣ верхне-нѣмецкое недостаточно ясно выражало его мысль, настаивая вездѣ на преподаваніи, основанномъ на природѣ и жизни, могъ ли онъ видѣть спасеніе народа въ истребленіи нарѣчій?! Хотя новѣйшая историческая школа нѣмецкихъ филологовъ и имѣетъ ту заслугу, что она смягчила нападенія народной школы на нарѣчія, но, по мнѣнію Рихтера, она способствовала образованію обманчивой мечты, что нарѣчія могутъ не только въ полной цѣлости сохраниться, но и развиваться посредствомъ заботы о нихъ въ народной школѣ. Между тѣмъ языкъ, по крайней мѣрѣ живой, живетъ своею жизнью, развивается по своимъ собственнымъ законамъ, а не по предписанію школьнаго учителя. Ежели слово, выраженіе, готово къ смерти, если оно мѣняетъ свое значеніе, сообразно духу времени, противъ этого нѣтъ не въ состояніи ничего сдѣлать.

Такимъ образомъ, теоретическая наука о языкѣ, затронувъ вопросъ объ отношеніи народныхъ нарѣчій къ языку и къ литературному нарѣчію, — естественно вызвала вопросъ и о практическомъ отношеніи школы къ народнымъ нарѣчіямъ. Прежде всего она побудила къ критикѣ преподаванія литературнаго языка въ

школахъ, сложившагося подъ вліяніемъ понятій того времени, когда собственно не было еще науки о языкѣ. «Школьные учителя,—говоритъ нашъ авторъ,—достигли кое-чего въ области, которую они сами называютъ своимъ крестомъ, которую они сами сначала сдѣлали трудною, и въ которой до сихъ поръ выступаютъ особенно охотно съ проектами улучшеній,—въ области орѳографіи. Они добились различія между *das* и *dass*, *wider* и *wieder*, *blos* и *bloss* и т. п. важныхъ приобрѣтеній въ преподаваніи письменнаго языка. Но все это не имѣетъ ничего общаго съ духомъ языка и неспособно направить жизнь языка на другой путь. Только гени, какъ Лютеръ и Лессингъ, смогли указать ему дѣйствительно новый путь, чего не сдѣлать всякому школьному учителю,—потому грамматикѣ нѣмецкія до сихъ поръ по большей части были не чѣмъ инымъ, какъ предписанными свыше сводами законовъ по дѣлу о языкѣ. Собственно о законахъ, по которымъ развивается жизнь языка, не заботились, а просто декретировали:—такъ, а не иначе должно это быть въ языкѣ! Языкъ не всегда слушалъ этихъ мудрыхъ законодателей, и они, не будучи въ состояніи заставить уважать ихъ законы, принуждены были предоставить языкъ собственному теченію и констатировать исключенія изъ своихъ правилъ. Къ нарѣчіямъ народнымъ законодатели эти относились гораздо чаще отрицательно, чѣмъ воображали себѣ, что своими мѣропріятіями они могутъ способствовать ихъ правильному развитію и охранить ихъ отъ постепеннаго упадка.

Наука же о языкѣ приводитъ къ такимъ мыслямъ, — что собственно школа должна одинаково остерегаться обѣихъ указанныхъ крайностей, какъ приниженія, такъ и возвеличиванія нарѣчій, но такъ какъ вопросъ еще идетъ о томъ, можно ли допускать нарѣчія въ народную школу, то мы, говоритъ Рихтеръ, постараемся представить доводы «за» и «противъ».

Дистервегъ говоритъ: «~~вѣ~~ согласенъ съ тѣмъ, что степень развитія, на которой стоитъ учащійся, должна быть непремѣнно исходной точкой для всего послѣдующаго обученія, тотъ не можетъ спорить противъ того, что учитель долженъ обращать вниманіе на языкъ, которымъ объясняются ученики при вступленіи въ школу. Новое должно быть объясняемо посредствомъ стараго, неизвѣстное—посредствомъ извѣстнаго. Другой дороги нѣтъ, другіе способы невозможны». Но Дистервегъ не могъ рѣшить вопроса о томъ, должно ли пользоваться нарѣчіями при случаѣ только, или же по сознательному, предустановленному, методическому плану. Гдѣ дѣло идетъ о воспитаніи и преподаваніи, тамъ, конечно, слѣдуетъ быть скорѣе въ пользу обдуманнаго способа дѣй-

ствія. Но если разсмотрѣть данный случай во всѣхъ отношеніяхъ, то придется отказаться отъ многого въ этомъ принципиальномъ рѣшеніи. Обстоятельства дають возможность пользоваться нарѣчіями въ первые школьные годы, когда дитя еще не настолько усвоило себѣ книжный языкъ, чтобъ оно было въ состояніи совсѣмъ отстать отъ выраженій мѣстнаго нарѣчія. Въ эти годы учитель долженъ дѣлать нѣчто въ родѣ переводовъ съ нарѣчія на верхне-нѣмецкій языкъ. Возможно ли думать, что это легко устроить по впередъ обдуманному плану? Не будетъ ли онъ ежеминутно уничтожаемъ непредвидѣнными вопросами и отвѣтами дѣтей.

Но многіе не ограничиваются требованіемъ отъ учителя, чтобы онъ постепенно замѣнялъ нарѣчіе, употребляемое ребенкомъ, верхне-нѣмецкимъ школьнымъ языкомъ. Они хотятъ даже, чтобы учитель вначалѣ самъ говорилъ на нарѣчій, и чтобы нѣкоторые школьные предметы отнюдь не преподавались на верхне-нѣмецкомъ языкѣ; иные ожидаютъ бѣльшаго успѣха, еслибы, напр., законъ Божій рассказывался дѣтямъ на ихъ нарѣчій. Примѣры такихъ требованій представлены въ «Утреннихъ голосахъ естественнаго и народнаго преподаванія языка и школьнаго ученія въ ниже-нѣмецкихъ школахъ» Генриха Бургвардта (*Morgenstimmen eines naturgemässen und volksthümlichen Sprach und Schulunterrichts in niederdeutschen Volksschulen, von Heinr. Burgwardt. Leipzig, 1859*). Такого рода требованія исходятъ преимущественно изъ области ниже-нѣмецкаго языка.

Рихтеръ не согласенъ съ этими, по его мнѣнію, уже слишкомъ далеко заходящими желаніями относительно нарѣчій. Онъ говоритъ, что желанія эти неумѣстны, потому что пришлось бы дать право преподаванія для всѣхъ рѣшительно нарѣчій, а такое, слишкомъ далеко заходящее, употребленіе нарѣчій безъ нужды и пользы стѣснило бы умственный горизонтъ учениковъ, затруднило бы имъ путь къ высшимъ интересамъ или даже сдѣлало бы его совсѣмъ невозможнымъ. Но онъ тутъ же прибавляетъ, что недостаточное вниманіе къ нарѣчіямъ также очень вредно: оно оставило бы учениковъ въ отечествѣ, не ориентируя ихъ въ немъ, научило бы не уважать или презирать то, что, при правильномъ взглядѣ на вещи, заслуживаетъ полнаго уваженія, лишило бы учениковъ сокровища, которое становится очень важнымъ, лишь только познають ему цѣну.

«Одинъ изъ величайшихъ знатоковъ нѣмецкихъ нарѣчій, Шмеллеръ (*Schmeller*), авторъ превосходнаго «Баварскаго Словаря», говоря о нарѣчіяхъ по отношенію къ книжному языку, сравни-

вааетъ ихъ съ рудниками возлѣ запаса уже добытаго и очищеннаго металла, съ частью тысячелѣтнаго лѣса, непрочищенной, возлѣ другой части его, уже прорубленной и обращенной въ рошу для прогулокъ. Тотъ же ученый имѣетъ въ виду по преимуществу нарѣчія, когда говоритъ: «чтобы имѣть возможность поднять народъ въ цѣломъ, необходимо воспользоваться частными особенностями его, какъ фундаментомъ, чтобы на немъ уже строить лучшее; поэтому совсѣмъ неблагоприятно пренебрегать этими особенностями и домогаться истребленія ихъ; напротивъ, слѣдуетъ заботиться о нихъ, чтобы они тѣмъ менѣе сопротивлялись облагороживанію, чтобы они сами по себѣ образовали органической переходъ къ тому, съ чѣмъ раньше, казалось, имѣли рѣзкую противоположность». Нѣчто подобное высказалъ и Ф. Л. Янъ въ предисловіи къ своей «Нѣмецкой Гимнастикѣ» (1816), въ свое время имѣвшей очень сильное вліяніе на образованіе нѣмецкихъ гимнастическихъ обществъ, пріобрѣвшихъ такое обширное педагогическое и патріотическое значеніе. Гильдебрантъ, въ своемъ сочиненіи «О словарѣ Гримма въ его научномъ и національномъ значеніи», говоритъ слѣдующее о важности этого словаря для нарѣчій: «еще и по настоящее время понятіе объ языкѣ (Sprachbewusstsein) у большей части нѣмцевъ (если мы будемъ брать только образованныхъ) представляетъ себѣ собственно два нѣмецкихъ языка: одинъ—тотъ, которымъ говорятъ въ дѣтствѣ, на родинѣ, и который всегда носитъ на себѣ отпечатокъ интимной душевной жизни, и другой—тотъ, которому научаются изъ книгъ, въ сферѣ высшаго образованія. Разнообразіе и богатство нарѣчій у насъ такъ велико, что едвали кто имѣетъ теперь объ этомъ точное предчувствіе. Они входятъ уже въ область науки языковѣдѣнія, но эксплуатація этихъ сокровищъ едва началась и производится, можно сказать, не иначе, какъ хищническимъ образомъ. Словарь есть такое казначейство, въ которомъ эти имущества народа, разбросанныя по нѣмецкимъ областямъ, впервые становятся дѣйствительнымъ сокровищемъ, и гдѣ они, будучи поставлены въ историческую связь, внезапно получаютъ неожиданную цѣну. Тамъ внѣ словаря, въ своемъ раздѣленіи, они наполовину или даже совсѣмъ теряютъ для науки, но за то въ хранилищѣ духа нѣмецкаго языка, они будутъ цѣннымъ предметомъ работы, которая поможетъ представить правильную картину жизни въ ея разнообразіи и ростѣ. Менѣе, нежели за сто лѣтъ, эта научная заботливость о нарѣчіяхъ была вѣроятно еще неблагоприятна, если даже не опасна для только-что пріобрѣтеннаго единаго нижняго языка. Теперь же онъ настолько утвер-

дился, что стоит далеко вѣ подобной опасности; разнообразіе и расщепленіе нарѣчій послужить ему пестрымъ и богатымъ красками фономъ, на которомъ только онъ и представится въ полномъ своемъ достоинствѣ».

«Если народная школа желаетъ выполнить свою національную задачу—добавляетъ затѣмъ Рихтеръ къ словамъ ученаго, который теперь продолжаетъ великое дѣло начатаго Гриммами словаря,—то она должна воспользоваться тѣми драгоценными сокровищами, о которыхъ говорить Гильдебрантъ въ приведенномъ мѣстѣ. Не слѣдуетъ, конечно, забывать, что достоинства формъ нарѣчій для науки и для народной школы различны. Не все то, что цѣнно и важно для науки, таково же и для школы, уже по одному тому, что многое превышаетъ пониманіе ученика народной школы. Врядъ ли возможно познакомить ученика со всѣми нѣмецкими нарѣчіями,—нужно будетъ развѣ только привести примѣры ихъ для того, чтобъ показать наглядно ихъ существованіе. Всякаго же рода объясненія свойствъ народной рѣчи лучше всего дѣлать на примѣрѣ мѣстнаго, родного ученику нарѣчія. Приводить въ книгѣ для чтенія образцы всѣхъ нарѣчій—безполезно; лучше дать тамъ статьи на одномъ, мѣстномъ, нарѣчій. Но если надо будетъ сдѣлать первое, то выборъ долженъ быть особенно старателенъ, для чего «Germaniens Völkerstimmen» Фирмениха или «Deutsche Mundarten» Фроммана дадутъ нужный матеріалъ. Даже при занятіяхъ и однимъ только роднымъ нарѣчіемъ въ школахъ представляются для учителя необыкновенныя трудности, гораздо большія, нежели при теоретическихъ занятіяхъ исторіей языка. Прежде всего во многихъ мѣстахъ недостаетъ необходимаго научнаго матеріала—число основательныхъ работъ невелико; большое количество дилеттантскихъ сочиненій представляетъ не болѣе, какъ драгоценный матеріалъ, которому еще нужно сдѣлать научную оцѣнку.

«Было бы собственно умѣстно для каждой страны дѣлать особенное изслѣдованіе нарѣчія, и еслибы оно было готово, то отъ учителя народной школы слѣдовало бы желать филологическаго образованія и особеннаго такта при выборѣ предмета для изложенія въ школахъ. Быть можетъ, различныя «Родиновѣднія», начинающія появляться теперь въ большемъ количествѣ, были бы мѣстомъ, гдѣ могли бы быть даны указанія и объ извѣстномъ нарѣчій, и его значеніи въ преподаваніи. Тогда могло бы образоваться взаимодѣйствіе между наукой и школой, очень полезное для обѣихъ. Ничто такъ не свойственно ученику, когда онъ поступаетъ въ школу, какъ языкъ, который онъ приноситъ изъ дому. Первая задача учителя должна состоять въ томъ, чтобъ

онъ уяснилъ себѣ и ученикамъ, въ чемъ заключается различіе ихъ языка отъ книжнаго. При этомъ учитель долженъ направлять самихъ учениковъ находить это различіе. Открытое ими самими гораздо лучше удержится въ памяти, нежели только заученное; къ тому же этотъ приемъ увеличить удовольствіе при ученіи, и тѣмъ самымъ подѣйствуетъ благопріятнѣйшимъ образомъ на преподаваніе. Ученикъ самъ начнетъ дѣлать сравненія между своимъ нарѣчіемъ и книжнымъ языкомъ и приводить примѣры; весьма можетъ случиться, что самые поучительные будутъ приобрѣтаемы учителемъ во время ученія отъ учениковъ. При теперешнемъ довольно недостаточномъ изслѣдованіи нашихъ нарѣчій, этимъ путемъ можетъ быть открыто и уяснено многое и для науки цѣнное».

Такое сравнительное преподаваніе языка, образовавши самосознаніе ученика, и по окончаніи школы будетъ направлять учениковъ къ самостоятельнымъ наблюденіямъ. «Но, — говоритъ Рихтеръ, — это преподаваніе никакъ не должно имѣть особенныхъ часовъ: самое лучшее и полезное, если оно будетъ производиться при наиболѣе удобныхъ случаяхъ. Здѣсь трудно посовѣтовать что-нибудь положительное: во-первыхъ, потому, что въ каждой отдѣльной мѣстности всякій совѣтъ долженъ бы былъ подвергнуться значительнымъ видоизмѣненіямъ; во-вторыхъ, еще очень мало сдѣлано опытовъ по этому дѣлу, и при дальнѣйшихъ опытахъ правильная дорога мало-по малу-найдется. Невозможно также составить *общее* руководство къ такому обученію для всѣхъ учителей. Въ немъ возможно только указать, на что учителю слѣдуетъ обратить вниманіе. А обратить вниманіе слѣдуетъ: на звуковыя уклоненія нарѣчій, уклоненія флексіонныхъ формъ, на различіе окончаній родовъ, на полныя, звучныя формы, удержавшіяся въ нарѣчій, на древнюю конструцію, уклоняющуюся отъ конструціи книжнаго языка и т. д. Необходимо ясно показать ученику, что въ звуковыхъ уклоненіяхъ народнаго нарѣчія господствуетъ не произволь, но самая строгая законность (въ нѣкоторыхъ нарѣчійхъ вмѣсто *ei* говорятъ *r*, вмѣсто *ai* — *oo*: Stein — Stern, Baum — Boom. Если есть уклоненія отъ такого правила, считаютъ напр. *êns*, *zwé*, но не *dré*, а *dri*, то и это происходитъ по закону извѣстнаго нарѣчія, прослѣдить который всегда возможно). Тотъ, кто разъ постигнетъ эту законность, не будетъ больше принимать нарѣчія за испорченный книжный языкъ, какъ думаютъ до сихъ поръ многіе даже образованные люди. А между тѣмъ, какъ эти образованные люди принимаютъ за правильное только то, что окаменѣло въ книжномъ языкѣ, часто такъ-называемые

необразованные съ ихъ нарѣчіями говорятъ именно подъ вліяніемъ хода живого развитія языка.

«Что касается до объясненій по отношенію согласныхъ звуковъ, именно уничтоженія звука, ассимиляціи буквъ, замѣны одной другою, то это будетъ зависѣть отъ нарѣчія, съ которымъ ребенокъ придетъ въ школу. Нужно только замѣтить, что всѣ объясненія должны быть передаваемы дѣтямъ въ живыхъ и вѣрныхъ примѣрахъ. Всего лучше обращаться за примѣрами къ дѣтскимъ пѣснямъ, пословицамъ и народнымъ поговоркамъ.

«У нѣкоторыхъ нарѣчій недостаетъ извѣстныхъ флексіонныхъ формъ: то сослагательное наклоненіе очень рѣдко; то не достаетъ будущаго и прошедшаго времени, которыя замѣняются перефразировкою; глаголъ *thun* съ неопредѣленнымъ какого-нибудь глагола употребляется для означенія различныхъ формъ глагола. Уклоненія существуютъ и въ спряженіи. Въ мѣстоименіяхъ у многихъ нарѣчій попадаетъ древняя двойственная форма и т. д. Иногда родъ предмета въ нарѣчій разнится отъ его рода въ книжномъ языкѣ. Все это можетъ подать поводъ къ интереснѣйшимъ и полезнѣйшимъ бесѣдамъ въ классѣ. Но самая блестящая сторона нарѣчій, это—богатство словъ. Книжный языкъ имѣетъ преимущество передъ нарѣчіемъ въ большей опредѣленности выраженій. За то нарѣчіе позволяетъ намъ бросить взглядъ на исторію языка. Мы можемъ въ нарѣчіяхъ еще и теперь прослѣдить, какъ тѣ слова, съ которыми мы теперь соединяемъ отвлеченныя понятія, имѣли прежде вещественное значеніе и только со временемъ получили отвлеченное.»

Достаточно, кажется, и этихъ небольшихъ указаній на разныя особенности нарѣчій; даже приблизительная полнота указаній здѣсь невозможна, да и не нужна. Остается вопросъ, какъ долженъ держать себя въ виду этихъ особенностей нарѣчій учитель народной школы, ученики котораго должны прежде всего изучать верхне-нѣмецкій языкъ. Можно по крайней мѣрѣ требовать, чтобы учитель говорилъ правду своимъ ученикамъ касательно нарѣчія, чтобы онъ не выдавалъ его за неправильное въ противоположность книжному, будто бы единственно правильному языку. Когда ученикъ выразился на нарѣчій, учитель можетъ только сказать: «такъ не говорятъ на книжномъ языкѣ», но не долженъ говорить: «это неправильно». Далѣе онъ долженъ прямо обратить вниманіе своихъ учениковъ на красоты и преимущества нарѣчія, представить его въ настоящемъ историческомъ свѣтѣ, насколько это позволяетъ пониманіе учениковъ и время; долженъ уяснить ученикамъ, какое цѣнное сокровище находится и

находилось въ ихъ обладаніи, чего они и не подозрѣвали; обязанъ показать, какъ далеко онъ отъ того, чтобы считать это сокровище незначительнымъ, чтобы пренебрегать его примѣненіемъ. Ему не будетъ недостатка въ случаяхъ, когда одно, хорошо употребленное выраженіе на нарѣчій, охватить всю душу ученика, такъ какъ оно ближе всего къ его сердцу, звучитъ довѣрчивѣе для его уха.

«Могъ ли бы Гебель своими стихотвореніями производить на своихъ земляковъ то впечатлѣніе, которое онъ дѣйствительно производилъ, если бы онъ писалъ ихъ не на аллеманскомъ нарѣчій?»

«Изъ этого не слѣдуетъ однако, что было бы лучше, если бы для того, чтобы учитель могъ чаще примѣнять къ дѣлу нарѣчій, всѣ поэты писали свои произведенія на діалектахъ. Такое желаніе было бы безразсудно. Нарѣчій не въ состояніи выразить всего того, чему выраженія требуютъ наше время. Поэты на діалектахъ всегда терпятъ неудачу, если они пожелаютъ обрабатывать на діалектѣ темы, стоящія выше узкаго сельскаго міровоззрѣнія. Въ такомъ положеніи будетъ и учитель, пожелавшій изложить, напримѣръ, исторію на нарѣчій: онъ не въ состояніи будетъ выразить идей нашего времени, или же будетъ употреблять то несчастное смѣшеніе нарѣчій и книжнаго языка, которое выходитъ ни то, ни сѣ. Но этимъ не уничтожается возможность употреблять всгати нарѣчіе и въ исторіи,—напримѣръ, при передачѣ сильнаго народнаго изреченія, чьей-нибудь рѣчи, вполне живымъ историческимъ рассказомъ и т. д.

«Такая помощь нарѣчій можетъ только способствовать преподаванію на верхне-нѣмецкомъ языкѣ. Она сдѣлаетъ это преподаваніе живымъ, тогда какъ существующее до сихъ поръ преподаваніе роднаго языка въ народной школѣ точно такое, какъ было въ старыхъ гимназіяхъ преподаваніе латыни. Для учениковъ это совсѣмъ чужой языкъ, понимать и употреблять который они научаются не естественнымъ путемъ, по которому новое привязывалось бы къ знакомому и родственному для ученика, а просто даютъ ему заучивать законы языка часто совсѣмъ ложные, противъ духа его навязанные ему. Нѣмецкія грамматики, которыми мучатъ столько дѣтскихъ душъ, составлены рѣшительно всѣ на одинъ такой ладъ. Что же пріобрѣтается для жизни отъ такого преподаванія? — По донесеніямъ рекрутскихъ комиссій, ничто такъ не забывается учениками, какъ знаніе нѣмецкаго (литературнаго) языка. Ничего нѣтъ и удивительнаго:—преподаваніе языка никогда не сознавало необходимости стать въ непосредственныя сношенія съ жизнью. Въ каждой вѣтви препода-

ванія считается полезнымъ применить къ природѣ и жизни, обращать вниманіе на все, что можетъ послужить учащемуся для нагляднаго обученія и уясненія. Только въ области преподаванія языка, который, казалось бы, ближе всего стоитъ къ природѣ и жизни, такъ долго не рѣшаются прибѣгать къ этому идеалу всякой здоровой педагогики.»

Нужно привести слова Гильдебранта изъ статьи его «О преподаваніи нѣмецкаго языка» ¹⁾, гдѣ онъ указываетъ, какой помощи можетъ ожидать національное образованіе отъ такого преподаванія, если сумѣтъ повести его. Онъ предлагаетъ учителю вопросъ, не знаетъ ли онъ изъ своего собственнаго дѣтства, что все то, что мы заучивали внѣшнимъ образомъ, получало въ насъ свѣжую примѣсь дѣтской внутренней жизни и, что всего важнѣе, только эта примѣсь воодушевляла мертвую вещь, дѣлала ее цѣнной и годной для насъ. Онъ говоритъ, что эта внутренняя жизнь должна быть главнымъ предметомъ работы учителя, и утверждаетъ, что ничто не запоминается такъ легко и само по себѣ во время самаго ученія, какъ изученіе роднаго языка—по той простой причинѣ, что тамъ предметъ памяти и ученія носить на себѣ непремѣнно отпечатокъ этой внутренней жизни. Если что оцѣнивается учениками въ звукахъ и знакахъ книжнаго языка—такъ это сходство съ звуками нарѣчія, нравственный запасъ котораго переходитъ такимъ образомъ и въ верхне-нѣмецкій языкъ. Но это достигается вполнѣ только тогда, когда этотъ послѣдній будетъ преподаваться не какъ чужой языкъ. Затѣмъ Гильдебрантъ говоритъ:—«Я боюсь, что сердца многихъ учителей лежатъ на сторонѣ большого почтенія къ верхне-нѣмецкому языку. Дѣйствительно, пріятно для своего я чувствовать себя высшимъ, особенно для того, кто самъ съ трудомъ вышелъ изъ простаго народа и еще борется съ послѣдними привязанностями, притягивающими его туда, какъ это часто случается съ народными учителями. Теперь онъ причисляетъ себя къ высшему слою, который вездѣ въ отечествѣ отдѣляется отъ низшаго; но въ то время, когда сознаніе этого разрыва такъ нужно многимъ для ихъ благополучія и самодовольства, другіе принимаютъ этотъ разрывъ за несчастіе, и ходъ нашего внутренняго развитія за послѣднее столѣтіе отдастъ справедливость послѣднимъ. Таковой разрывъ не случаенъ; онъ вытекаетъ изъ нѣмецкой наклонности къ отвлеченности, вслѣдствіе чего является презрѣніе и необращеніе вниманія

¹⁾ Vom deutschen Sprachunterricht in der Schule. Leipz. 1867, 120—130.

на дѣйствительность, которая окружаетъ насъ ежедневно, и искаженіе чего-то болѣе важнаго гдѣ-то вдали.

«Нѣмецкій народъ ходомъ своей культуры былъ воспитанъ такъ, что не признавалъ себя способнымъ къ высшей умственной жизни, отказывался отъ своего я и добывалъ себѣ изъ вторыхъ, третьихъ рукъ новое я, исковерканное, обезображенное, и добывалъ его путѣмъ, шедшимъ по безвоздушному пространству, и потому необходимо долженъ былъ носить въ себѣ всѣ недостатки ученой и превратной отвлеченности. Странная задача, когда приглядишься къ ней—оставить свой собственный центръ для того, чтобы утвердить его внѣ себя, на почвѣ, которая, при болѣе внимательномъ взглядѣ, совсѣмъ и не была почвой, а сворѣе туманнымъ островомъ, который парилъ гдѣ-то далеко въ воздухѣ. Но все это было необходимо по ходу исторіи; даже тотъ разрывъ въ сознаниіи былъ необходимъ, хотя всегда всѣ свѣжіе умы, даже и между учеными, старались уменьшить, а не увеличить его. Но въ XIX-мъ вѣкѣ пришло наконецъ время, когда мы можемъ совсѣмъ возвратиться на родину изъ далекаго воздушнаго путешествія; мы опять нашли свой центръ въ себѣ самихъ, почувствовали, что ось умственнаго міра проходитъ черезъ насъ самихъ, отдѣлялись отъ всякаго преднамѣреннаго самоотрицанія, чтобы, съ помощію пріобрѣтеннаго во время нашего овольнаго пути, опять съ свѣжими силами работать впередъ въ простомъ и надежномъ направленіи. Нужно наполнить остатки разрыва, завершить соединеніе обоихъ центровъ. Наша поэзія работаетъ уже давно въ этомъ направленіи, наука отчасти тоже; но нигдѣ благодать совершающагося примиренія народнаго духа съ самимъ собою не можетъ быть въ настоящее время такъ легко достижима, какъ въ народной школѣ, особенно при преподаваніи нѣмецкаго языка. Преднамеренно же поддерживать этотъ разрывъ—преступленіе противъ нашей будущности, долженствующей выдти именно изъ школы. Верхне-нѣмецкій языкъ отнюдь не долженъ быть преподаваемъ, какъ какой-нибудь латинскій. Прежде вся, искавшая образованія, часть народа изучала латынь ради пользы, которую теперь нужно, чтобы достигали многие,—въ извѣстномъ смыслѣ весь народъ у себя дома, и притомъ глубже, полнѣе и быстрѣе, потому что она должна быть добываема какъ можно ближе и безъ ученаго посредничества».

«Едвали возможно,—говоритъ Рихтеръ,—прибавить что къ этимъ словамъ. Нельзя доказать очевиднѣе, что честь и спасеніе народа требуютъ примиренія преподаванія нашего съ жизнью. Наше національное развитіе и способъ нашего преподаванія были всегда

до сихъ поръ въ нѣкотораго рода взаимодействіи. Во время національнаго упадка преподаваніе было настолько слѣдствіемъ нашего національнаго состоянія, что и рѣчи быть не могло о поднятїи народа посредствомъ его. Однако успѣхи національнаго развитія, замѣчаемые въ продолженіе вѣка, имѣли слѣдствіемъ улучшение національнаго образованія. Оно, въ свою очередь, благопріятствовало дальнѣйшему ходу національнаго развитія. Наука германской филологіи есть слѣдствіе этой обоюдной помощи, и именно въ наше время эта наука имѣетъ значительное вліяніе на школу, чему доказательствомъ служить введеніе древне-германскаго языка въ гимназїи и реальныя школы.

«Только народная школа и даже учительскія семинаріи не воспользовались до сихъ поръ результатами этой новой науки. Но придетъ время, когда и эти заведенія воспользуются ими и не будутъ противиться національному теченію, а въ свою очередь стануть способствовать успѣшному развитію народной жизни. Велика и важна въ этомъ направленїи задача народной школы, велика по открывающемуся ей полю работы, важна по послѣдствіямъ этой работы. Только тогда, когда народная школа подниметъ вверхъ богатство народныхъ діалектовъ, тогда,—заключаетъ Рихтеръ наиболѣе существенную главу своей книги:—вырастетъ чувство общности всѣхъ членовъ народа, — тогда получится *народъ* (*gemeines Volk*), конечно, въ высшемъ и лучшемъ смыслѣ, чѣмъ тотъ, какой теперь обыкновенно соединяемъ съ этимъ выраженіемъ».

II.

Въ короткихъ словахъ, съ свойственною французскому уму ясностью высказалъ, независимо отъ Рихтера, хотя не безъ вліянія общихъ началъ нѣмецкой науки о языкѣ, тѣ же начала, примѣнительно къ французской школѣ, профессоръ сравнительныхъ языковъ въ Парижѣ, Бреаль, авторъ цѣннаго сочиненія «*Neg-cule et Cocus*», а также переводчикъ сравнительной грамматики Боппа съ собственными дополненіями. Въ книгѣ: «Нѣсколько словъ объ общественномъ образованїи во Франціи»¹⁾, Бреаль касается и вопроса о народныхъ нарѣчіяхъ и говорить:

«Наши грамматическія руководства отчасти поддерживаютъ предразсудокъ, что есть только одинъ способъ хорошо выразаться, потому что, признавая одинъ способъ выраженія, онѣ осуждаютъ

¹⁾ Quelques mots sur l'instruction publique en France. Par. 1872,

все, что отстываетъ отъ него:—«не говорите такъ, говорите вотъ какъ»—вотъ что наши дѣти слушаютъ съ самаго ранняго возраста. Иногда такія наставленія совсѣмъ непонятны. «Не говорите:— въ будущій (la prochaine) разъ, какъ вы придете; а говорите:— въ первый (la première) разъ». А почему? Когда вы спросите этихъ пунктуальныхъ цензоровъ о причинахъ, они запнутся и не смогутъ объяснить вамъ ихъ. Французская академія нѣсколько покровительствовала этому образу дѣйствій, допуская вѣрить, что все то запрещено, что не дозволено ею. Но такимъ образомъ разсыпая запрещенія на каждомъ шагу ребенка значитъ обѣднать языкъ, истощать способности и притуплять умъ. Ребенокъ находится въ постоянномъ страхѣ передъ грамматикой, какъ ханжа передъ взоромъ Бога. Но божество это не такъ ужъ строго, какъ насъ заставляютъ думать. Напротивъ, ему нравится разнообразіе и всѣ способы выраженія одобряются имъ, лишь бы только они были естественны и ясны. Въмѣсто того, чтобы производить опустошенія вокругъ оффиціального выраженія, я бы желалъ, напротивъ, обратить вниманіе моего ученика на различные способы, которыми можно сказать одно и то же. Между словомъ простымъ, иногда тривиальнымъ, и литературнымъ оборотомъ уложится цѣлый рядъ выраженій, которыя будутъ въ распоряженіи дитяти, смотря потому, будетъ ли онъ говорить дома, въ публикѣ, обращаясь къ себѣ равному, старшему, письмомъ или словомъ. Владѣя многими оборотами хорошими и лучшими, дитя почувствуетъ, что дѣйствительно оно обогащается. Оно съ жадностью будетъ слушать тотъ урокъ французскаго языка, который въ то же время есть урокъ эстетики и стиля; скоро исчезнетъ и та пестрота языка, которая происходитъ оттого, что нѣкоторыя выраженія, выученныя пополамъ съ грѣхомъ въ книгахъ, пришиты къ родному говору, совершенно оставить который ребенокъ все-таки не могъ, вопреки вашимъ грамматикамъ, потому что вы ничего не дали взаимѣнъ его.

«Какое бы ни было достоинство печатнаго руководства, оно будетъ всегда неудовлетворительно съ извѣстной стороны, на которую мы и хотимъ теперь обратить вниманіе читателей. Французскій языкъ не долженъ быть преподаваемъ, какъ нѣчто въ родѣ латинскаго; его нужно опираться, сколько возможно, на народный языкъ, котораго онъ есть и исправитель и идеаль. Во многихъ нашихъ провинціяхъ этотъ народный языкъ чувствительно отклоняется отъ французскаго въ собственномъ смыслѣ, какъ по произношенію, такъ и по лексиону. Нельзя не догадаться, что мы хотимъ говорить о провинціальныхъ нарѣчіяхъ

(patois), которыя, вслѣдствіе невѣжества, могли быть принимаемы за искаженіе и каррикатуру французскаго, но теперь, благодаря болѣе здравымъ представленіямъ, начинаютъ выступать въ своемъ настоящемъ свѣтѣ, т.-е. какъ діалекты не менѣе древніе, не менѣе правильные, чѣмъ французскій въ собственномъ смыслѣ, который сдѣлался литературнымъ языкомъ нашей страны только потому, что былъ діалектомъ Иль-де-Франса. Большая часть нашихъ воспитателей преподають французскій языкъ, какъ нѣчто настолько высшее отъ народныхъ нарѣчій, что не возможно ни на минуту подумать провести параллель между ними: *патуа* для нихъ нивакъ не вспомогательное средство; если же и говорятъ объ немъ, то какъ о противникѣ, котораго нужно уничтожить. Съ ученикомъ, пришедшимъ въ школу и говорящимъ своимъ *патуа*, обращаются такъ, какъ будто онъ ничего не принесъ съ собою; часто даже его упрекають за то, что онъ принесъ, заявляють, что было бы гораздо желательнее, еслибы онъ не зналъ ничего, нежели этотъ не позволительный говоръ, въ которому онъ привыкъ.

«Ничего нѣтъ прискорбнѣе такого отношенія къ діалектамъ. *Патуа* не только не вредитъ изученію французскаго языка, напротивъ оно—лучшее вспомогательное для него средство, и совсѣмъ не будетъ трудно доказать, что тамъ, гдѣ существуетъ *патуа*, грамматическое преподаваніе, какъ бы неумѣло за него ни взялись, тотчасъ же дѣлается занимательнѣе. Хорошо изучить языкъ можно только при сравненіи его съ другимъ одного и того же происхожденія. Гдѣ существуетъ *патуа*, тамъ достигается и возможность сравненія. Нѣсколько правилъ перемѣщенія буквъ, уясненныя учителемъ, даютъ ученику возможность найти связь родства, соединяющую оба языка.

«Мысль, что *патуа* есть достойный совершеннаго презрѣнія говоръ, такъ утвердилась въ общемъ мнѣніи, что вначалѣ, при введеніи его въ школу, потребуется нѣкотораго рода предосторожность. Я напередъ слышу, какой шумный и глубокій взрывъ хохота встрѣтитъ первую фразу учителя, произнесенную на *патуа*. Озадаченные ученики внезапно почувствуютъ себя представителями цивилизаціи, а въ учитель увидятъ представителя невѣжества. Но да не смущается учитель; пусть онъ спокойно повторяетъ свою фразу или что-нибудь подобное. Хохотъ возобновится, но ужъ будетъ менѣе свободный; въ нему примѣшается мысль, что тутъ есть что-то, о чемъ никогда не думали и чему сейчасъ получатся объясненія. Это минута, когда ребенокъ напрягаетъ все свое вниманіе. Вотъ тогда покажите ему, что фраза

на *патуа* можетъ быть легко приведена въ форму французскую. Заставьте понять, въ чемъ заключается различіе и въ чемъ сходство. Дитя начнетъ смотрѣть на свой собственный языкъ совсѣмъ другимъ взглядомъ: французская форма покажется ему сестрою высшаго достоинства, протягивающей руку своей народной сестрѣ или же облагороженнымъ прививкой видомъ рядомъ съ дикимъ. Онъ будетъ только удивляться своему недавнему смѣху. *Патуа* немедленно представить въ первообразномъ видѣ слова, которыя существуютъ во французскомъ литературномъ языкѣ только какъ сложные и производныя. Такъ, житель Берри говорить *faire son viron* (*faire son tour*) и *vironner* (*tourner*), тогда какъ по-французски есть только *environ*, *environner*. *Bader* на языкѣ поселанина Сентонжа значить открыть ротъ; оно и есть корень французскаго слова *badaud* (роговѣй). Часто слово, вышедшее изъ употребленія во французскомъ языкѣ, живетъ еще въ *патуа*: таково, напримѣръ, *caver* (*сгнѣзер*): оно и объясняетъ *cave* и *caveau*. Здѣсь Бреаль приводитъ еще нѣсколько примѣровъ, гдѣ *патуа* оказывается необходимымъ при объясненіи французскихъ словъ, но такъ какъ они имѣютъ чисто мѣстный интересъ, то мы ихъ и опускаемъ. Затѣмъ онъ опять обращается къ школь и говоритъ: «какое удовольствіе для дитяти видѣть официально признанными, слышать изъ устъ учителя тѣ выраженія, которыя онъ таилъ въ себѣ, не смѣя употреблять ихъ даже тогда, когда не зналъ, что поставить на мѣсто ихъ. Теперь ужъ оно не будетъ болѣе обязано дѣлать усилія, чтобы забыть всѣ тѣ термины, съ которыми у него связывается столько воспоминаній.

«Если вмѣстѣ съ тѣмъ учитель покажетъ ему, что его діалектъ (какъ это часто случается) сходенъ съ древне-французскимъ и что онъ приближается къ языку Генриха IV или къ языку Людовика Святого, — какъ свободно вздохнетъ ребенокъ; возвратясь домой, онъ взглянетъ другимъ глазомъ на домашній очагъ. Не первое ли это изъ благъ, если у васъ не отнимаютъ вашего собственнаго языка для того, чтобы заставить васъ усвоить языкъ Парижа? Если, по счастью, провинція ваша имѣетъ уже нѣсколько авторовъ, такихъ какъ Жасменъ, Руманиль или Мистраль (*Jasmin*, *Roumanille*, *Mistral*—провансальскіе поэты), читайте эти книги на ряду съ французскими. Дитя будетъ гордиться своей провинціей и только еще больше будетъ любить Францію. Духовенство хорошо знаетъ эту силу родного діалекта; оно умѣетъ при случаѣ пользоваться имъ, а ваша культура часто безъ корней и глубины, потому что вы не признавали силы мѣстныхъ связей. Нужно,

чтобы школа была прикрѣплена къ почвѣ, а не только просто сверху наложена на нее.

«Разъ вниманіе учениковъ будетъ обращено въ эту сторону, они сами по себѣ будутъ вызывать объясненія учителя. Дитя по природѣ собиратель: также какъ оно собираетъ минералы, бабочки, марки, оно будетъ дѣлать коллекцію любопытныхъ оборотовъ. Рядомъ со множествомъ незначительныхъ, явится для васъ такимъ путемъ не одно сокровище древняго языка, не одно поразительное выраженіе, которое стоило бы вывести на свѣтъ. Отъ времени до времени будетъ случаться, что ученикъ, вставая въ классѣ, познакомитъ учителя и товарищей кое-съ-чѣмъ такимъ, чего они еще не знали. Но это даже не дурно — классъ сыграетъ въ степенности, и ученики получаютъ болѣе правильное понятіе о томъ, что такое знаніе человѣческое. Правда, они будутъ иногда задавать учителю затруднительные вопросы — поэтому вы узнаете работающія головы, которыми бывають не всегда самые блестящіе ученики въ классѣ. Если воспитатель не сможетъ отвѣтить, въ чемъ же тутъ бѣда?—пусть онъ спокойно отвѣтитъ: «я не знаю навѣрно», или: «я не знаю этого, но желалъ бы знать». Это еще болѣе заставляетъ разсуждать дѣтей. Такимъ образомъ развивается сознаніе незнанія и охота изслѣдованія.

«Конечно, многіе изъ воспитателей примѣняютъ къ дѣлу то, о чемъ мы только-что говорили. Но совсѣмъ иное дѣло пробовать сближенія уводкой, какъ бы контрабандою, иное дѣло предлагать ихъ по системѣ и съ полной увѣренностью въ ихъ достоинствѣ. Пусть не боятся, что авторитетность официальнаго языка будетъ поволеблена; этой опасности нѣтъ:—достаточно литературы, публицистики и администраціи для того, чтобы напомнить во всякое время о необходимости его. Что же касается провинцій, которыя, подобно Бретани и землѣ Басковъ, говорятъ особымъ языкомъ, то вводите тамъ французскій, но съ полнымъ уваженіемъ къ ихъ родному языку.

«Наши воспитатели, родившіеся по большей части въ деревнѣ, и которыхъ помѣщаютъ обыкновенно въ тотъ департаментъ, откуда они родомъ, хорошо приготовлены для преподаванія, о которомъ мы только-что говорили. Только трудно побѣдить въ нихъ предубѣжденіе, существующее особенно сильно у тѣхъ изъ нихъ, которые болѣе продолжительное время говорили въ кругу домашнихъ на *патуа*. Впрочемъ, курсъ исторіи французскаго языка, пройденный въ образцовой школѣ, возьметъ верхъ надъ этимъ предразсудкомъ. Историческая грамматика Огюста

Браше (Brachet), ясно и интересно изложенная, можетъ замѣнить этотъ курсъ для тѣхъ, кто уже на должности». Тутъ Бреаль предполагаетъ для учителей также занятія въ необходимомъ для нихъ размѣрѣ латинскимъ языкомъ, и заканчиваетъ главу такъ: «Не одинъ изъ учителей, конечно, войдетъ во вкусъ своихъ занятій, станетъ наблюдать діалектъ своей деревни и неизбежно заинтересуется такимъ образомъ прошедшимъ своей страны. Въмѣсто того, чтобъ быть чужимъ между крестьянами, вмѣсто того, чтобъ представлять изъ себя всегда подозрительное официальное просвѣщеніе, онъ сдѣлается дѣйствительнымъ представителемъ общины, знающимъ лучше всѣхъ исторію, къ которому въ спорахъ о словахъ и дѣлахъ будутъ обращаться за совѣтомъ, какъ въ хранителю преданія и ученому кантона».

Въ словахъ Бреаля слышится, конечно, болѣе филологъ-теоретикъ, чѣмъ практикъ-педагогъ. Отсюда нѣкоторое увлеченіе симпатіями къ народнымъ нарѣчіямъ, ожиданія отъ элементарной школы пользы даже для самой ученой разработки народныхъ нарѣчій и т. п. Отсюда же и отсутствіе въ книгѣ Бреаля обстоятельнаго плана введенія народныхъ нарѣчій въ школу, плана, который можетъ быть выработанъ только людьми, занятыми практически дѣломъ народнаго обученія. Но дѣло въ томъ, что пока послѣдніе стоятъ на низкой степени научной подготовки, — всякаго рода новыя и педагогическія идеи могутъ идти только сверху внизъ, — отъ Бреалей къ сельскимъ учителямъ, а не наоборотъ. Когда практики освоятся съ общими идеями, исходящими отъ теоретиковъ, тогда они дадутъ и примѣры, какъ приложить эти идеи. Теоретикъ, да еще и нѣмецкій, виденъ не только въ Гильдебрандѣ, но и въ Рихтерѣ, который развѣ въ томъ является практичнымъ, что старается напередъ занять возможно болѣе консервативное положеніе по вопросу о роли народныхъ нарѣчій въ школѣ. Впрочемъ, у Рихтера находимъ и начало указанія дороги, какою эти послѣдніе могутъ пройти въ школу и занять тамъ то положеніе, какое они должны имѣть соотвѣтственно теперешнимъ о нихъ понятіямъ научнымъ, а также сообразно тому принципу: *отъ близкаго къ дальнѣйшему*, который есть основа новѣйшей живой педагогики. Рихтеръ говоритъ немало о *книгѣ для чтенія* въ народной школѣ. Книга же для чтенія есть олицетвореніе системы, господствующей въ школѣ, и отраженіе педагогическихъ началъ времени.

«Книга для чтенія въ народной школѣ, — говоритъ Рихтеръ, — должна быть выборомъ лучшаго изъ духовной сокровищницы нашего народа; народная сказка, народная пѣсня и народная по-

словаца должны быть въ ней представлены богато, между прочимъ и на основаніи вышеизложеннаго... Мы представляемъ себѣ книгу для чтенія, отвѣчающую двуклассной народной школѣ, раздѣленную по крайней мѣрѣ на два курса. Въ первомъ курсѣ найдутъ себѣ мѣсто именно сказки и короткіе рассказы, въ то время, какъ въ высшемъ классѣ должны быть преимущественно въ виду—героическій эпосъ, историческая народная пѣсня и народная пословица». Дальше Рихтеръ разбираетъ вопросъ о матеріалѣ, каковой можетъ дать для книги каждая изъ категорій народной словесности, литература средневѣковая и новая, мѣстная и обще-германская, описаніе провинцій, исторія ремесль и т. п., и указываетъ лучшіе сборники и источники вообще,—т. е. обращается къ деталямъ, которыхъ нѣтъ надобности излагать здѣсь. Оканчиваетъ Рихтеръ свои разсужденія о книгѣ для народныхъ школъ въ высшей степени важными соображеніями, которыя не только резюмируютъ все сказанное выше по вопросу о роли народныхъ нарѣчій въ школѣ, но и поднимаютъ болѣе общій вопросъ о мѣстномъ элементѣ въ образованіи.

«Мы уже высказались,—говоритъ Рихтеръ,—о необходимости принять въ читальникъ образцы діалектовъ. Но такъ какъ мы требовали, чтобъ образцы только на мѣстномъ діалектѣ были принимаемы въ читальникъ, то этимъ мы предположили уже провинціальное значеніе читальника. И *въ самомъ дѣлѣ, мы того мнѣнія, что не можетъ быть читальника, приспособленнаго для всей Германіи.* Конечно, многое въ немъ можетъ быть пригодно для всѣхъ провинцій въ равной степени. Это могло бы составить общій стволъ для всѣхъ читальниковъ. Но къ нему должно примыкать то, что можетъ имѣть значеніе только для одной части отечества, какъ тому уже есть примѣръ въ «Отечественномъ Читальникѣ» Кекка и Йогансена («Vaterländisches Lesebuch» von Keck und Johansen); къ читальнику могли бы быть прилагаемы различныя приложенія сообразно разнымъ мѣстностямъ. Въ такихъ приложеніяхъ должны быть помѣщены и образцы на діалектахъ. Кромѣ того, тутъ должны найти себѣ мѣсто сказанія и пословицы соотвѣтственной мѣстности; послѣднія сколько-возможно на діалектѣ; далѣе — картины изъ жизни природы и людей, насколько эта мѣстность представляетъ собою что-либо особенное, отличительное. Гдѣ имѣются поэтическія воспроизведенія какой-либо мѣстности,—на нихъ тоже должно быть обращено вниманіе, особенно если они имѣютъ такія достоинства, какъ, напр., вестфальскія стихотворенія «Freiin Annette von Droste-Hülshoff» (о Гебелѣ и т. п. провинціальныхъ поэтахъ авторъ упоминалъ выше). Прославленіе

тѣсной родины чрезвычайно важно. Подобно тому, какъ мы научаемся уважать въ собственномъ народѣ всѣ народы, въ отечествѣ всѣ страны, — такъ точно и тутъ уваженіе къ небольшой части производитъ свое вліяніе на возбужденіе уваженія къ цѣлому».

Мы видимъ такимъ образомъ, что вопросъ о значеніи народныхъ нарѣчій въ преподаваніи литературно-національнаго языка, о значеніи вообще мѣстнаго элемента въ образованіи, и, слѣдовательно, мѣстныхъ читальниковъ для народныхъ школъ становится важнымъ очереднымъ вопросомъ въ педагогической литературѣ передовыхъ странъ западной Европы. Вопросъ этотъ есть необходимое послѣдствіе основного принципа новѣйшей педагогики: — отправляться отъ близкаго, окружающаго, готоваго въ ученикъ, къ далекому, новому, отъ частнаго къ общему. Вопросъ этотъ и для Россіи имѣетъ едва ли не болѣе значенія, чѣмъ для Франціи и Германіи, какъ по относительной молодости нашего нынѣшняго литературнаго языка, который не успѣлъ еще исчерпать въ сколько-нибудь значительной степени богатство всѣхъ народныхъ русскихъ нарѣчій, такъ и по обширности и разнообразію частей нашего отечества, которыя обусловливаютъ и этнографическое и хозяйственное различіе народонаселенія, — а вопросъ о мѣстныхъ нарѣчіяхъ въ образованіи есть только часть общаго вопроса о мѣстныхъ элементахъ въ образованіи, особенно въ наглядномъ образованіи. У насъ вопросъ этотъ, преимущественно вопросъ о народной рѣчи въ школахъ, былъ также предметомъ обсуждения, хотя и недостаточно подробнаго въ то время, когда только зарождалась наша народная школа, время, которое совпало съ временемъ общаго энтузіазма и сочувствія къ народу вообще. Явнымъ даже предпочтеніемъ народной рѣчи литературному языку отличаются теоріи «Ясной Поляны» гр. Толстаго, — хотя талантливый издатель «Ясной Поляны» не развилъ цѣлой системы мѣстныхъ читальниковъ, а какъ мы видѣли на примѣрѣ, принципъ участія народной рѣчи въ преподаваніи отеческаго языка, составляя необходимый выводъ изъ всей аналитической системы новой школы, ведетъ за собой и признаніе необходимости провинціальныхъ читальниковъ. Недавно гр. Толстой издалъ свою христоматію, которую, можно сказать, всю редактировалъ тульскимъ нарѣчіемъ, но выдалъ ее, какъ общую, а не частную.

Первая въ Россіи, — сколько намъ извѣстно, — обстоятельная статья, затронувшая вопросъ, о которомъ говорятъ книги Рихтера и Бреала, — была статья г. Весселя: «Мѣстный элементъ въ обу-

ченіи», напечатанная въ журналѣ «Учитель» за 1862 г. (стр. 839, 893, 949 и слѣд.). Авторъ этой статьи, а, потомъ членъ ученаго комитета при министерствѣ народнаго просвѣщенія, указавъ на недостатки существующаго отвлеченнаго способа обученія въ нашихъ школахъ, высказалъ положеніе, что общее образованіе невозможно безъ опоры на мѣстный элементъ, и набросалъ планъ образованія и учебниковъ, которые бы совмѣстили мѣстный и общій элементы въ школахъ низшихъ и даже среднихъ. Обращаясь къ назначенному тогда ученымъ комитетомъ конкурсу на составленіе книги для народныхъ школъ, г. Вессель замѣтилъ важный пропускъ въ условіяхъ этого конкурса, а именно, — «непринятіе въ соображеніе, что книга для чтенія должна имѣть *мѣстный характеръ*», — такъ какъ «*одна книга для чтенія, какъ бы она ни была хорошо составлена, не можетъ быть вполнѣ пригодною для всѣхъ совершенно разнохарактерныхъ мѣстностей нашего необъятнаго отечества*» (курсивъ въ подл., стр. 951). Г. Вессель предлагаетъ разбить назначенную въ 4,000 р. премію на восемь и вызвать авторовъ къ составленію мѣстныхъ книгъ для чтенія. «Мы убѣждены, — говоритъ г. Вессель, — что была бы составлена книга для чтенія и на малороссійскомъ языкѣ, которой, хотя бы нѣсколько сносно, до сихъ поръ у насъ не существуетъ, такъ что въ Малороссіи въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ не-по-чему и учить дѣтей родному языку. А не обучать народъ родному языку, значить не дозволять развиваться мысли народной, всѣмъ духовнымъ силамъ народа, значить оставлять народъ въ постоянномъ младенствѣ. Если же мы начнемъ обучать народъ не его языку, а хотъ самому сродному, ближайшему, то сдѣлаемъ еще хуже: *мы извертимъ самостоятельное умственное развитіе народа, мы извертимъ всю духовную природу его*».

Тотъ же вопросъ затронулъ покойный К. Д. Ушинскій, описывая бернскую Einwohner-Mädchenschule, находящуюся подъ дирекціей извѣстнаго педагога Фрѣлиха, и представляющую образецъ разумнаго соединенія мѣстнаго и общаго элемента въ преподаваніи. «Что съ дѣтьми начинаютъ заниматься на томъ самомъ нарѣччіи, на какомъ они говорятъ дома, это безъ сомнѣнія не только весьма разумно, но и не менѣе гуманно, — говоритъ Ушинскій при описаніи школы Фрѣлиха ¹⁾. «Должно заботиться всѣми силами, чтобы школа самымъ естественнымъ путемъ вошла въ

¹⁾ „Педагогическая поѣздка по Швейцаріи“, „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ (1863, январь, отд. III, стр. 13—14).

жизнь ребенка и чтобы, незамѣтно для него, приняла въ свое распоряженіе часть его умственной и сердечной дѣятельности. Мало успѣха будетъ имѣть та школа, въ которую дитя переходитъ изъ дома, какъ изъ рая въ адъ, и изъ которой оно бѣжитъ домой, какъ изъ темнаго ада, въ которомъ все темно, чуждо, непонятно, въ свѣтлый рай, гдѣ все ясно, понятно и близко сердцу, а почти такое впечатлѣніе должна производить школа на дитя-малороссіянина, когда оно начинаетъ посѣщать это странное мѣсто, въ которомъ одномъ только въ цѣломъ селѣ и говорятъ на непонятномъ языкѣ. Дитя, не слышавши дома ни одного великорусскаго слова, начинаетъ въ школѣ съ перваго же дня ломать на великорусскій ладъ, и добро бы еще на чисто-великорусскій, а то на тотъ отвратительный жаргонъ, который вырабатывается у малообразованнаго малоросса при стараніи говорить по-великорусски. Такая школа съ перваго же дня, и весьма пеласково; напомнить ребенку, что онъ не дома, и, безъ сомнѣнія, покажется ему букою. Если такая школа не пуститъ корней въ народную жизнь и не пранесетъ для нея полезныхъ плодовъ, то чему же здѣсь удивляться? Иначе и быть не можетъ. Такая школа, во-первыхъ, гораздо ниже народа: чтó же значить она съ своею сотнею плохо заученныхъ словъ передъ тою безконечно-глубокою, живою и полною рѣчью, которую выработалъ и выстрадалъ себѣ народъ въ продолженіи тысячелѣтія; во-вторыхъ, такая школа безсильна, потому что она не строитъ развитія дитяти на единственной плодотворной душевной почвѣ—на народной рѣчи и на отразившемся въ ней народномъ чувствѣ; въ-третьихъ, наконецъ, такая школа бесполезна: ребенокъ не только входитъ въ нее изъ сферы совершенно чуждой, но и выходитъ изъ нея въ ту же чуждую ей сферу. Скоро онъ позабываетъ нѣсколько десятковъ великорусскихъ словъ, которымъ выучился въ школѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ позабываетъ и тѣ понятія, которыя были къ нимъ привязаны. Народный языкъ и народная жизнь снова овладѣваютъ его душою, и заливаютъ и изглаживаютъ всякое впечатлѣніе школы, какъ нѣчто совершенно имъ чуждое. Чтó же сдѣлала школа? Хуже чѣмъ ничего! Она на нѣсколько лѣтъ задержала естественное развитіе дитяти; остается, правда, грамотность или, лучше сказать, полуграмотность, и то не всегда, и можетъ пригодиться къ тому, чтобы на полу-русскомъ нарѣчій написать какую-нибудь ябеду; душу же человѣка такая школа не развиваетъ, а портитъ. Ужъ лучше была та школа, гдѣ учили прямо по часослову и псалтырю, потому что небольшія познанія въ церковно-славянскомъ языкѣ и связанныя съ ними понятія могла поддержать и развить

даже церковь своими службами и своими книгами, доступными для крестьянина; великорусская же грамота непременно погибнетъ безъ всякаго добраго слѣда въ малороссійскомъ селѣ...

«У Фрѣлиха говорятъ съ дѣтьми на бернскомъ нарѣчїи не только въ малолѣтней школѣ, но и выше, въ элементарныхъ и даже секундарныхъ классахъ; кромѣ того, особенно изучаютъ народныя пѣсни и разсказы на бернскомъ нарѣчїи, хотя въ совершенствѣ усваиваютъ и общій нѣмецкій языкъ».

Оба наши педагога, гг. Вессель и Ушинскій, начавши говорить о непригодности отвлеченно-однообразнаго обученія во всѣмъ краямъ Россїи, сейчасъ же обратились къ примѣру края, гдѣ особенности народной рѣчи и быта всего яснѣе требуютъ уступокъ отъ системы безусловнаго однообразія, — къ Малороссїи. Время 1862—1863 гг. выдвинуло, между прочимъ, на видный планъ вопросъ о народномъ образованїи на юго-западѣ и на сѣверо-западѣ Россїи, гдѣ происходило польское движеніе. Тутъ педагогическій вопросъ осложнился политическимъ, и если это обстоятельство, между прочимъ, способствовало тому, что на западѣ Россїи не только теоретики, знакомые такъ съ вопросами западно-европейской педагогики, какъ гг. Вессель, Ушинскій и др., но и практики уразумѣли яснѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ краяхъ нашего отечества, вопросъ о мѣстномъ языкѣ и вообще мѣстномъ элементѣ въ народномъ образованїи, — за то здѣсь же примѣшались политическо-національныя страсти къ педагогическому вопросу, а потому тутъ вопросъ этотъ былъ задавленъ, или запутанъ, или самъ собою заглохъ едвали не на болѣе продолжительное время, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Заявленїями въ пользу мѣстной народной рѣчи и мѣстнаго элемента въ образованїи полны записки педагоговъ виленскаго и кїевскаго учебныхъ округовъ, помѣщенные въ «Замѣчанїяхъ на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведенїй и на проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ», въ 1862 г.

Цѣлый рядъ педагоговъ, попечителей училищъ, предводителей дворянства изъ виленскаго округа, поляковъ и русскихъ, подавъ голоса въ пользу бѣльшаго или меньшаго употребленія «мѣстнаго языка» въ высшихъ и даже среднихъ училищахъ, разумѣя подъ этимъ словомъ языкъ польскій въ мѣстахъ, гдѣ народный языкъ, какъ извѣстно, бѣлорусскій, малорусскій, или литовско-жмудскій. Не многіе говорили въ пользу литовскаго языка, но почти всегда сопровождая это мнѣніе желанїемъ, чтобъ на второй ступени обученія былъ сдѣланъ переходъ въ польскому языку. Конечно, въ словахъ, что ученики, поступающіе въ училища виленскаго округа, если они

не принадлежать къ русской народности, плохо понимают по-русски и требуют педагогически проведеннаго перехода отъ домашняго языка, — какимъ для многихъ служить польскій, — къ русскому языку школы, въ словахъ этихъ много резоннаго. Но, въ сожалѣнію, виленскіе педагоги всего менѣе стояли на педагогической точкѣ зрѣнія, — и оттого требовали обязательнаго обученія по-польски и дѣтей русскихъ и литовскихъ. Приводя такіе резоны, какъ, напр., что тамъ, гдѣ «простонародное нарвчіе не имѣетъ письменныхъ произведеній, надо учить на языкъ образованнаго сословія, т.-е. на польскомъ» (стр. 116 и др.). Съ другой стороны и немногіе возражатели имъ съ русской стороны становились вовсе не на педагогическую точку зрѣнія, и приводили совершенно шляхетскіе аргументы, какъ и поляки (см. тамъ же стр. 46, 434). И тѣ и другіе просмотрѣли вопросъ о мѣстномъ реальномъ элементѣ въ дѣлѣ обученія и вопросъ о значеніи въ школѣ русскихъ народныхъ разновидностей виленскаго учебнаго округа.

Гораздо болѣе затронули эти вопросы и гораздо болѣе съ педагогической точки зрѣнія педагоги кievскаго учебнаго округа. Тутъ мы совсѣмъ почти не встрѣчаемъ голосовъ въ пользу польскаго, шляхетскаго языка, какъ будто бы мѣстнаго, но за то встрѣчаемъ почти всѣми гимназіями поданные голоса о педагогическомъ значеніи *глотскихъ* нарвчій: бѣлорусскаго и особенно малорусскаго. Болѣе обстоятельно затронули этотъ вопросъ совѣтъ 2-й кievской гимназіи и директоръ житомирской гимназіи г. Пристюкъ. Первый считаетъ невозможнымъ наглядное обученіе безъ мѣстнаго народнаго языка, а потому предлагаетъ въ своемъ край «начинать наглядное обученіе и первоначальную грамоту на мѣстномъ народномъ малороссійскомъ языкѣ». Г. Пристюкъ предлагаетъ тщательно обсудить вопросъ: «не будетъ ли успѣшнѣе идти обученіе здѣшняго народа, если начать учить его грамотѣ не на великорусскомъ, а на малорусскомъ нарвчій, на которомъ онъ научился отъ отца и матери первому лепету, и потомъ получилъ первыя человѣческія понятія? Далѣе, на второй годъ можно учить его и на общественномъ языкѣ». Г. Пристюкъ проектируетъ и мѣстные читальники для народныхъ школъ, предлагая взять инициативу этого дѣла петербургскому Обществу изданія дешевыхъ книгъ для народа. «Обществу слѣдовало бы, — говоритъ онъ, — пригласить людей, знающихъ здѣшній край, и поручить имъ составленіе подобнаго руководства. Быть можетъ, при участіи высшаго начальства, найдутся богатые землевладѣльцы въ Черниговской, Полтавской и Кievской губерніяхъ, которые

согласятся объявить на свой счет преміи за лучшее такое руководство. Нѣтъ сомнѣнія, что мысль эта легко осуществима: тамъ есть Кочубеи, Ригельманы, Галаганы, Милорадовичи, Солдогубы, Лопухины и другіе, извѣстные своимъ сочувствіемъ ко благу народа».

Такія соображенія остались въ области пожеланій. Правда, западный край далъ книгу для чтенія мѣстнаго происхожденія и съ нѣкоторой претензіей на мѣстный колоритъ. Мы разумѣемъ вышедшую въ Вильнѣ въ 1863 г., книгу для народныхъ школъ виленскаго учебнаго округа, въ которой было помѣщено нѣсколько листочковъ и статей «на простонародномъ нарѣчій» (бѣлорусскомъ). Но независимо отъ крупныхъ недостатковъ этой книги, — между прочимъ отсутствіе въ ней мѣстнаго реального содержанія, — именно относительно языка она была составлена въ направленіи діаметрально-противоположномъ требованіямъ педагогическимъ, такъ какъ начиналась она съ церковно-славянскаго, потомъ давала статьи на общерусскомъ литературномъ нарѣчій, потомъ великорусскія пѣсни и т. п., и уже въ концѣ бѣлорусскія статьи. Книга эта въ свое время была строго разобрана г. Водовозовымъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (1863, май, отд. V, 90—101). Въ своей рецензій г. Водовозовъ высказался за необходимость комбинировать въ элементарномъ читальникѣ общеобразовательный матеріалъ съ народнымъ, за мѣстный элементъ и мѣстное нарѣчіе, даже если оно русское, — «на которомъ должна быть написана по крайней мѣрѣ треть книги», — и слѣдовательно «за частные мѣстные читальники» (стр. 91).

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе десяти лѣтъ. Самъ г. Водовозовъ издалъ нѣсколько хорошихъ, или общихъ или съ большею или меньшею примѣсью великорусскаго народнаго элемента, — но желанныхъ имъ, вмѣстѣ съ Ушинскимъ, Весселемъ и др., мѣстныхъ, частныхъ читальниковъ — не появилось. Какъ это ни прискорбно, — но надо сказать, что это совершенно естественно. У насъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, образованіе и преобразование идутъ изъ центра въ края. Вполнѣ же удовлетворительные мѣстные читальники могутъ выдти только изъ рукъ мѣстныхъ, провинціальныхъ педагоговъ, которые, имѣя основательное педагогическое и научное образованіе, вполнѣ ознакомятся съ практическими мѣстными условіями и потребностями народной школы въ разныхъ провинціяхъ нашего обширнаго отечества. Собственно говоря, такими авторами читальниковъ могутъ быть только учителя народныхъ школъ или инспекторы ихъ. Но такихъ учите-

лей, даже инспекторовъ-педагоговъ, намъ вѣроятно придется еще долго ждать. У насъ даже лучшіе учебники для гимназій вышли сначала отъ университетскихъ профессоровъ (гг. Буслаевъ, Шулгинъ, Иловайскій и др.), т.-е. отъ людей, которые стояли близко не къ преподаванію практическому, а къ теоріи его у болѣе образованныхъ народовъ. Такъ и лучшіе читальники и элементарные учебники для народныхъ школъ вышли у насъ отъ людей кабинетныхъ, жителей столицъ (гг. Ушинскій, Семеновъ, Паульсонъ, Водовозовъ и др.), а вовсе не отъ преподавателей народныхъ школъ въ провинціяхъ. Отъ этого педагоги-теоретики составляли свои руководства для элементарной школы въ столичныхъ кабинетахъ и не могли взяться за дѣло локализаціи своихъ книгъ,—хотя въ теоріи и высказались за ея необходимость. Великая заслуга съ ихъ стороны и въ томъ, что они представили образцы систематическихъ общихъ читальниковъ, по которымъ нетрудно будетъ со временемъ составить и мѣстно-общіе. Эти читальники, какъ «Родное Слово» и т. п., принесли уже огромную пользу, конечно, прежде всего тамъ, гдѣ условія, среди которыхъ растутъ и учатся дѣти, ближе подходятъ къ тѣмъ, среди коихъ составлялись эти книги, т.-е. тамъ, гдѣ эти условія тоже кабинетны и болѣе или менѣе однородны, а именно въ такъ-называемыхъ высшихъ, преимущественно дворянско-чиновническо-городскихъ классахъ нашего общества, для которыхъ, собственно говоря, у насъ только и существуетъ подобіе рациональнаго домашнего и школьнаго образованія. Но и тутъ пользованіе съ живою педагогическою цѣлью тѣмъ народнымъ, т.-е. по необходимости мѣстнымъ великорусскимъ элементомъ, какой занимает видное мѣсто въ книгахъ Ушинскаго, Водовозова и др.,—въ мѣстахъ не-великорусскихъ, чрезвычайно затруднительно. Вся живость этихъ пословицъ, пѣсенокъ, картинъ и т. п. по меньшей мѣрѣ пропадаетъ для дитяти, не живущаго среди великорусской сельской народной обстановки. Что же до народной школы собственно, особенно сельской, то при разнообразіи въ Россіи быта народнаго, особенно сельскаго, о воплѣ рациональномъ повсемѣстномъ примѣненіи такихъ изданій, какъ, напр., «Родное Слово», по настоящему не можетъ быть и рѣчи. Это сознавалъ и самъ покойный Ушинскій. Мы видѣли, что г. Водовозовъ считалъ невозможнымъ для всей Россіи одинъ читальникъ. А между тѣмъ читальники этихъ педагоговъ употребляютъ для всей Россіи, для всѣхъ классовъ и провинціи. Даже то, въ чемъ книги Ушинскаго, Водовозова и т. п. подходятъ къ идеаламъ самихъ авторовъ ихъ, т.-е. то присутствіе въ нихъ народнаго великорусскаго

элемента, составляетъ для половины Россіи недостатокъ ихъ, а не достоинство, потому что чѣмъ лучше какая педагогическая книга по языку и содержанию принаровлена къ извѣстному классу, къ извѣстному мѣсту, тѣмъ меньше она годится для другой, — чѣмъ живѣе для однихъ условій, тѣмъ мертвѣе для другихъ. Изъ этого заколдованнаго круга можно выйти двоякимъ способомъ: или допустить разнообразіе жизни, или подвести всѣ классы, всѣ мѣста подъ одну рамку мертвую, абстрактную, т.-е. или логично провести принципъ новой педагогіи, или логично отъ него отказаться. Послѣднее невозможно, — слѣдовательно остается неизбѣжно обратиться къ первому, т.-е. въ данномъ вопросѣ къ идеѣ мѣстныхъ читальниковъ. Для такихъ читальниковъ даже такія чисто этнографическія и филологическія подраздѣленія Россіи, какъ Малороссія, Бѣлороссія, Великороссія будутъ слишкомъ крупны, ибо, напр., и нарѣчія и условія быта, а слѣдовательно и нагляднаго образованія степной великорусской Саратовской губ., будутъ совсемъ иныя, чѣмъ лѣсной Вологодской и т. д. Для Россіи, быть можетъ, нужно будетъ 30—40 букварей и 10—15 читальниковъ, которые бы, *начиная разное учить дѣтя читать, наблюдать окружающее и знать далекое, — кончали бы однимъ и тѣмъ же, т.-е. дѣлами подросткающаго сознательнымъ гражданиномъ Россіи*, знающимъ ее и владѣющимъ ея литературнымъ языкомъ, органомъ общественной и нравственной ея жизни, и въ то же время давали ему возможность сознательно владѣть всѣмъ матеріальнымъ и нравственнымъ богатствомъ мѣстной родины. Повторяемъ, такихъ букварей и читальниковъ, такихъ школъ нельзя ждать скоро, но вопросъ о нихъ долженъ быть поставленъ ясно, чтобы тѣ, которые имѣютъ возможность дѣйствовать на практикѣ надъ народнымъ образованіемъ въ разныхъ мѣстахъ обширнаго отечества, могли собирать матеріалы и обдумывать методъ для такихъ букварей и читальниковъ.

Невыясненность же этого вопроса приводитъ къ чрезвычайно страннымъ явленіямъ, какія, напримѣръ, можно было наблюдать въ полемикѣ по поводу книги барона Корфа «Нашъ Другъ». Баронъ Корфъ одинъ изъ немногихъ составителей книгъ для народныхъ школъ, который дѣйствовалъ на практикѣ въ этихъ школахъ; въ то же время баронъ Корфъ есть единственный изъ извѣстныхъ педагоговъ, дѣйствующій и пишущій учебники въ провинціи, т.-е. на мѣстѣ жизни народной школы. Мало того, баронъ Корфъ, въ статьѣ «Земскій Вопросъ» и въ отчетахъ о ходѣ народнаго образованія въ Александровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, опредѣлительно высказывалъ мысли о локализаци

пріемовъ народнаго образованія. И при всемъ этомъ, вѣроятно вслѣдствіе молчанія печати по этому вопросу, баронъ Корфъ, составляя «Нашъ Другъ», задался цѣлью составить читальникъ для всѣхъ классовъ и для всѣхъ провинцій Россіи, и притомъ читальникъ съ практическими цѣлями. Что же вышло? Одинъ рецензентъ упрекнулъ барона Корфа въ неправильномъ языкѣ и безграмотности, и даже безсмыслицѣ (напримѣръ *шаръ омурцовъ*, т.-е. слой,—по-малорусски, откуда и общерусское—шарить), ради множества мѣстныхъ малороссійско-новороссійскихъ словъ, которыхъ невольно набрался языкъ барона Корфа, преподававшего и писавшаго свою книгу въ Екатеринославской губерніи. Баронъ Корфъ оправдывался тѣмъ, что онъ «желалъ сдѣлать свою книгу понятнѣе своимъ ученикамъ» (какимъ? екатеринославскимъ или тверскимъ?), и въ то же время, что «неправильность рѣчи можно исправить при второмъ изданіи», т.-е. сдѣлать ее менѣе понятною ученикамъ (но опять какимъ?). Когда поднялись нареканія на барона Корфа за утилитарное и даже коммерческое направленіе его книги, въ защиту ея высказались новгородскіе педагоги, и похвалили именно ея практичность, т.-е. педагоги края съ лѣснымъ и фабричнымъ хозяйствомъ похвалили практическую книгу барона Корфа, въ коей всѣ практическіе хозяйственные примѣры взяты изъ степного быта Екатеринославской губерніи. Согласитесь, что все это способно вызвать улыбку надъ тѣмъ, какъ у насъ говорятъ о народномъ образованіи самые серьезныя, самые специально-заинтересованные люди.

Переберите же всѣ подробности нашего образованія, особенно элементарнаго, посмотрите на обученіе русскому языку, словесности, исторіи, географіи, гвѣнію, на приемы развитія въ нашемъ народѣ эстетическаго чувства, нравственнаго и національнаго самосознанія, не говоря уже о наглядномъ элементарномъ обученіи по картинкамъ, однимъ и тѣмъ же отъ «финскихъ хладныхъ свалъ до пламенной Колхиды», и вы всюду натолкнетесь на поразительныя *qui-pro-quo*. Человѣка разсуждающаго они наводятъ на мысль о необходимости изслѣдовать и у насъ вопросъ о локализациі приемовъ обученія и образованія, какъ онъ изслѣдуется въ настоящее время на Западѣ. Но указывая, при этомъ, нашимъ педагогамъ-практикамъ (теоретики этотъ вопросъ, конечно, знаютъ лучше насъ) на книги Рихтера и профессора Бреали, мы указываемъ только на одну сторону этого важнаго педагогическаго вопроса.

Л. Д.

ГРИБОЋДОВСКАЯ МОСКВА

ВЪ

ПИСЬМАХЪ М. А. ВОЛКОВОЙ КЪ В. И. ЛАНСКОЙ

1812 — 1818 гг.

Мы все еще стоимъ предъ Александровскою эпохою, какъ предъ сфинксомъ, значеніе котораго нужно разгадать. До отечественной войны эта эпоха блеститъ планами внутреннихъ преобразованій, когда можно было думать, что мы имѣемъ своего Иосифа II, окруженнаго цѣлою плеядою сочувствующихъ ему умовъ, воодушевленныхъ вмѣстѣ съ нимъ самыми гуманными, великодушными помыслами, и такихъ пособниковъ, какъ Сперанскій. Отечественная война, какихъ бы матеріальныхъ жертвъ она ни стоила, все же по своимъ изумительнымъ результатамъ она къ тѣмъ гражданскимъ миртамъ присоединяла побѣдныя лавры, и — тѣмъ не менѣе, слава внутреннихъ преобразованій, громъ побѣды заключился для этой знаменитой эпохи, и заключился, повидимому, совершенно неожиданно и совершенно непослѣдовательно, Аракчеевымъ во внутренней политикѣ, и священнымъ союзомъ — извѣ. Но въ природѣ вещей нѣтъ ничего непослѣдовательнаго, нѣтъ ничего, что можно было бы назвать неожиданнымъ. Непослѣдовательность и неожиданность лежитъ не въ природѣ вещей, а въ свойствахъ нашего умственнаго глаза, который всегда думаетъ видѣть пробѣлы и скачки тамъ, гдѣ собственно ему са-

тому еще недоступны всѣ звенья, соединяющія одно явленіе съ другимъ. Мы просто мало изучали Александровскую эпоху: въ нашихъ рукахъ находится небольшое количество историческихъ обломковъ, по которымъ мы силимся угадать значеніе цѣлаго; предъ нами лежитъ официальная исторія, а отъ общественной— доносились до насъ отрывочные слухи. И вотъ, мы дошли до убѣжденія, что секреты исторіи лежатъ въ тѣхъ личныхъ перемѣнахъ, какія могли происходить въ духѣ отдѣльнаго человѣка; исторія эпохи сошла на степень біографіи. Тутъ есть нѣкоторая доля правды; но этой правдѣ недостаетъ многого для ея полноты. Если геній отдѣльнаго человѣка можетъ имѣть рѣшительное вліяніе на судьбу страны, если неразвитость общественныхъ силъ легко поддается впечатлѣнію центральной силы, чтобы тѣмъ спастись отъ хаоса, то съ другой стороны свойства массы всегда сохраняютъ свою силу и ея инерція должна быть принята во вниманіе, какъ историческій законъ. Мы мало знакомы съ состояніемъ общественной личности у насъ въ Александровскую эпоху, мы имѣемъ еще слишкомъ немного данныхъ, чтобы вполне живо представить себѣ, какъ размышлялъ тогда отдѣльный человѣкъ, что онъ чувствовалъ, каковы были его убѣжденія, страсти — весь этотъ внутренній бытъ человѣка, въ его обыденныхъ нравахъ, когда онъ думалъ быть совершенно на свободѣ, съ самимъ собою, въ своемъ интимномъ кружкѣ, далеко отъ официального міра, отъ всякихъ наблюденій посторонняго глаза. Съ этою-то индивидуальною жизнью Александровской эпохи, въ важнѣйшій ея моментъ, и знакомить насъ увлѣвшая счастливымъ образомъ переписка двухъ молодыхъ женщинъ высшаго круга Москвы, и именно письма Марьи Аполлоновны Волковой къ Варварѣ Ивановнѣ Ланской; она начинается 1812-мъ и оканчивается 1818 годомъ. Но кто же этотъ авторъ, который для насъ особенно дорогъ еще и потому, что онъ никогда и не подозрѣвалъ того, что онъ авторъ, и какую судьбу имѣла его переписка, прежде нежели она дошла до насъ?

О М. А. Волковой, скончавшейся въ двѣццахъ еще не такъ давно въ Москвѣ, въ 1859 году на 74-мъ году ¹⁾, можно сказать только то, что эта личность была въ той же степени замѣчательна и по своей образованности, и по своему уму, и по своему характеру, въ какой она осталась малоизвѣстною большин-

¹⁾ Въ одномъ изъ своихъ писемъ 1818 года, она говоритъ, что ей 26 лѣтъ, и въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ надпись подтверждаетъ это: она родилась 26-го марта 1786 г., умерла 28-го ноября 1859 г.

ству современнаго общества. Нѣсколько словъ, помѣщенныхъ о ней въ «Русскомъ Архивѣ» (1872, № 12, стр. 2434 и 2435), да отрывочныя свѣдѣнія, собранныя нами отъ знавшихъ ее или слышавшихъ о ней — вотъ и все, чѣмъ мы можемъ воспользо-ваться, чтобы познакомить читателя съ общественнымъ положеніемъ Волковой; за то ея переписка даетъ все необходимое для характеристики этого лица.

Москву, ея общество, нравы, какъ они реставрировались послѣ отечественной войны и наканунѣ 20-хъ годовъ, увѣковѣчилъ Грибоѣдовъ въ своей комедіи «Горе отъ ума». Это—Грибоѣдовская Москва, отчасти уже исчезнувшая, отчасти исчезающая. Среди этого общества, гдѣ на всемъ лежалъ «московскій отпечатокъ», поэтъ поставилъ фигуру Чацкаго, черты которой не могли быть имъ заимствованы изъ самаго общества или которая, по крайней мѣрѣ, была въ немъ еще рѣдкимъ и исключительнымъ явленіемъ; Чацкій есть вмѣстѣ съ тѣмъ художественная мысль самого поэта, пытающагося критически отнестись къ своей средѣ. Въ глазахъ тогдашней Москвы, Чацкій могъ имѣть одну реальную черту, какъ исчадіе Петербурга и его развращенности, потрясшей преданія старины, не признающей, по мнѣнію Москвы, ея «патріотизма» и презрительно относящейся къ ея «благочестію» и патріархальности. Въ іюлѣ 1812 года пріѣзжаетъ въ Москву изъ Петербурга семейство Віельгорскихъ. Жена Віельгорскаго, «Катиша», какъ пріѣзжая изъ Петербурга, тотчасъ же навлекаетъ на себя подозрѣніе истыхъ москвичей въ недостаткѣ уваженія къ Москвѣ, и вотъ 8-го іюля 1812 года Волкова пишетъ Лансвой: «На первыхъ порахъ я примѣтила въ ней желаніе разыгрывать петербургскую барыню (впрочемъ, *со мной она всегда очень въжлива*) въ отношеніи нѣкоторыхъ особъ, которыхъ она даже оттолкнула своимъ обращеніемъ. Третьяго дня, ватавшись одна съ ней и съ Дашей (невѣстка Волковой), я начала разговоръ о томъ, какое непріятное впечатлѣніе производятъ важничанье особъ, пріѣзжающихъ изъ Петербурга. Я говорила вообще, никого не называя, и потому свободно могла высказывать, до чего это кажется смѣшно намъ, москвичамъ. Я прибавила, что такія особы обыкновенно бываютъ всѣми покинуты, такъ какъ у насъ не любятъ тѣхъ, кто высоко задираетъ носъ. Мы очень хорошо знаемъ, что говорится про насъ въ Петербургѣ, но такъ какъ это не мѣшаетъ ни нашему счастью, ни спокойствію, ни удовольствію, то мы мало обращаемъ вниманіе на то, что объ насъ говорятъ» ¹⁾. Но Волкова замѣчаетъ, что

¹⁾ См. ниже.

«петербургская барыня» была однако съ нею очень вѣжлива. Она не объясняетъ причинъ такого исключенія, да она и не могла бы понять этой причины; дѣло въ томъ, что сама Волкова, не сознавая, конечно, того, была своего рода Чацкимъ, но Чацкимъ безъ «гора отъ ума»; это была натура, стоявшая гораздо выше окружавшей ее среды и сохранившая въ то же время самую нѣжную, и невысказательную привязанность къ своему обществу; ея высокій умъ и въ той же степени высокое чувство уживались мирно и дѣлали изъ нея, такъ-сказать, московскаго Чацкаго, который осуждаетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и любитъ; за то въ дѣйствительной жизни она могла занять такое почтенное мѣсто, что даже у насъ, гдѣ личность пріобрѣтаетъ весьма рѣдко общественное обаяніе, безъ невыгоды для себя, Волкова была въ тридцатыхъ годахъ любимицей Москвы и въ то же время пользовалась уваженіемъ свыше. Намъ рассказывали, что императоръ Николай Павловичъ узналъ Волкову во время коронаціи, и потомъ, пріѣзжая въ Москву, каждый разъ находилъ удовольствіе въ продолжительныхъ бесѣдахъ съ этою умною женщиною. Услыхавъ, что она никогда не была въ Петербургѣ, императоръ взялъ съ нея слово быть его гостей и остановиться непременно у него во дворцѣ; Волкова съ свойственною ей откровенностью объявила императору, что у нея въ Петербургѣ есть братъ (Сергѣй), а она вѣрно держится родственныхъ связей и не желала бы обидѣть брата. Незадолго до того въ Москвѣ были очень недовольны какимъ-то административнымъ распоряженіемъ, и не замедлили потому истолковать то приглашеніе, какъ желаніе польстить «старушкѣ-Москвѣ». Очень мало правдоподобенъ такой комментарий, но между тѣмъ не менѣе характеристиченъ въ отношеніи Волковой: надобно было ей пользоваться широкою популярностью, чтобы сочинить легенду о томъ, что приглашеніе ея въ Зимній есть комплиментъ всей Москвѣ.

Во время взятія Москвы французами, семейство Волковыхъ переселилось въ Тамбовъ. 27-го ноября М. А. Волкова пишетъ отсюда Ланской: «Очень благодарю тебя за извѣстіе, что отысканъ крестъ Ивана Великаго. Я повторяю съ восторгомъ, что онъ не будетъ служить трофеемъ чудовищу! Однако я не могу удержать своего негодованія касательно спектаклей и лицъ ихъ посѣщающихъ. Что же такое Петербургъ? русскій ли это городъ или иноземный (NB. все это пишется по-французски)? Какъ это понимать, ежели вы русскіе? Какъ можете вы посѣщать театръ, когда Россія въ траурѣ, горѣ, развалинахъ и находилась на шагъ отъ гибели? И на кого смотрите вы? На французовъ, изъ которыхъ

каждый радуется нашимъ несчастіямъ. Я знаю, что въ Москвѣ до 31-го августа открыты были театры, но съ первыхъ чиселъ іюня, то-есть со времени объявленія войны, у подъѣздовъ ихъ виднѣлись двѣ кареты, не болѣе. Играли русскіе и въ болѣе спокойную пору, и то зала наполнена была лишь купцами. Чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что Петербургъ вправдѣ ненавидѣтъ Москву и не терпѣтъ всего въ ней происходящаго. Эти два города слишкомъ различны по чувствамъ, по уму, по преданности общему благу, для того, чтобы сносить другъ друга. Когда началась война, многія особы, будучи не хуже вашихъ красивыхъ дамъ, начали часто посѣщать церкви и посвятили себя дѣламъ милосердія, чтобы умилостивить Бога за себя и за своихъ соотечественниковъ. Ежели у насъ несли вздоръ, то, по крайней мѣрѣ, всѣ мы, русскіе, за исключеніемъ Петербурга, разумѣется, — заключаемъ проически авторъ, — одинаково заблуждались».

Даже и въ этомъ отрывкѣ мы видимъ, что Волкова постоянно сохраняла и совмѣщала въ себѣ весь *patriotisme du clocher* и трезвость ума, вынудившую ее сознаться, что и въ Москвѣ «несли вздоръ».

Вотъ и еще одинъ образчикъ самостоятельности ея ума въ Грибоѣдовской Москвѣ, гдѣ было трудно «снѣтъ свое сужденіе имѣтъ». Въ январѣ 1816 г. Волкова, извѣщая Ланскую, что кн. Вяземскій уѣхалъ въ Петербургъ и надѣется видѣтъ ее у общихъ ихъ знакомыхъ, Грибоѣдовыхъ, продолжаетъ такъ: «Я слышала много разговоровъ о магнетизмѣ; все это безконечно курьёзно, но, признаюсь, я не желала бы, чтобы все это распространилось, такъ какъ оно можетъ повлечь за собою ужасныя злоупотребленія, послѣдствія которыхъ трудно предвидѣтъ... Я не рискну выразиться рѣшительно о предметѣ, который много выше моихъ понятій, но трудно, въ зрѣломъ возрастѣ, *не имѣть какого-нибудь мнѣнія* о всемъ, что видишь и слышишь, и потому я сообщу вамъ свое мнѣніе, которое вы желаете знать».

Чтеніе самыхъ писемъ познакомитъ ближе съ характеромъ ихъ автора, и потому мы, ограничиваясь теперь только указаніемъ главныхъ сторонъ этого характера, перейдемъ къ біографическимъ даннымъ изъ жизни М. А. Волковой и ея семейной обстановкѣ.

М. А. Волкова была дочь Аполлона Андреевича и Маргариты Александровны Волковой, рожденной Кошелевой, и имѣла братьевъ: Сергѣя, женатаго на графинѣ Віельгорской (въ письмахъ: Даша), Николая, женатаго на княжнѣ Оболенской, и Михаила Аполлоновича, который живъ и теперь и находится больше въ Одессѣ или за-границей. Николай служилъ при генералѣ гр.

Сень-При и на своихъ рукахъ вынесъ его тѣло съ поля сраженія во время отечественной войны; потомъ онъ былъ губернскимъ предводителемъ въ Москвѣ и оставилъ по себѣ хорошую память въ сиротской опекѣ; первый изъ московскихъ дворянъ завелъ въ с. Горенкахъ бумаго-прядильную фабрику, но по новости для него дѣла подвергнувъ опасности свое состояніе. Сестра автора писемъ, Екатерина Аполлоновна, извѣстная въ свое время красавица, была за Рахмановымъ. Сама Марья Аполлоновна не была хороша собой, но за то привлекала къ себѣ всѣхъ своею любезностью, образованіемъ и чрезвычайно добрымъ сердцемъ. Какъ и всѣ въ то время, она выросла на французскомъ языкѣ, но за то, если она прибѣгала къ этому языку даже и въ перепискѣ съ своими соотечественницами, то, по крайней мѣрѣ, она знала его въ совершенствѣ. Самое же употребленіе языка въ перепискѣ, какъ и въ разговорѣ, между русскими дамами продолжается и теперь. Странное впечатлѣніе производятъ письма Волковой, гдѣ на чистѣйшемъ французскомъ языкѣ выражается величайшая ненависть къ французамъ; можно подумать, что это—легитимистка, ненавидящая Бонапарта.

По смерти родителей, Волкова переселилась къ брату Николаю, а послѣ жила одна, купивъ себѣ домъ на Страстномъ Бульварѣ, рядомъ съ Екатерининской больницей. Это былъ домъ и весьма посѣщаемый, и весьма любимый въ Москвѣ. Всѣ ея родственныя привязанности сосредоточивались на дѣтяхъ брата Сергѣя, Елисаветѣ (нынѣ вдовѣ англичанина Слингера) и Сергѣѣ (женатомъ впоследствии на княжнѣ Львовой). Въ обществѣ овдовѣвшаго брата и его дѣтей она жила только лѣтомъ, въ Выскомѣ. Въ пятидесятыхъ годахъ, Слингеры, желая приучить дѣтей къ русскому климату, возвратились изъ Англіи, и наняли близъ Выборга дачу, съ цѣлью провести тамъ зиму. Любовь Волковой къ племянницѣ была такъ велика, что она, несмотря на преклонныя лѣта, рѣшилась продать московскій домъ и переѣхала въ Выборгъ. Но дѣти не могли переносить зимы, и Слингеры поспѣшили уѣхать въ Ниццу. Волкова принуждена была вернуться въ Москву и нанять квартиру. Все это имѣло вредное вліяніе на ея здоровье, но ея характеръ, сила воли оставались неизмѣнными до конца. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ она слегла въ послѣдній разъ, ей дали знать, что старикъ ея кучеръ умираетъ; при всей своей слабости она сошла внизъ проститься съ умирающимъ и поблагодарить его за службу. Волкова была фрейлиной имп. Маріи Ѳеодоровны, и потому, когда скончалась имп. Елисавета Алексѣевна, она ѣздила въ Вѣдь для

сопровожденія тѣла до Москвы. Мы уже говорили объ уваженіи, которымъ Волкова пользовалась у имп. Николая Павловича. Время, когда она должна была пріѣхать въ Петербургъ, совпало съ пожаромъ въ Зимнемъ дворцѣ. На другой же день, императоръ сказалъ Матвѣю Юрьевичу Віельгорскому: «Напиши Марьѣ Аполлоновнѣ, чтобъ она теперь не ѣздила, а черезъ годъ я зову ее опять къ себѣ». Такъ это и случилось. Волкова прожила въ Петербургѣ около мѣсяца и опять возвратилась въ Москву, гдѣ и умерла 28-го ноября 1859 года.

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о судьбѣ писемъ. Письма адресовались къ Варварѣ Ивановнѣ Ланской, рожденной княжнѣ Одоевской. Рано осиротѣвъ, она жила прежде въ Москвѣ у опекуна своего, Дмитрія Сергѣевича Ланскаго, женатаго также на княжнѣ Одоевской, двоюродной сестрѣ Варвары Ивановны и родной теткѣ А. И. Одоевскаго (декабриста). Въ 1811 году она переселилась въ Петербургъ и тамъ вышла замужъ за Сергѣя Степановича Ланскаго. Вслѣдствіе того и началась постоянная переписка подругъ, сохранившаяся въ семействѣ Ланскихъ. Варвара Ивановна умерла въ 1845 году, и съ той минуты вся дружба Марьи Аполлоновны перешла на ея дѣтей, а въ особенности на Анастасію Сергѣевну Перфильеву, старшую, и постоянно живущую въ Москвѣ съ 1836 года и до настоящаго времени. Въ ея-то рукахъ и сохранились письма Волковой къ Варварѣ Ивановнѣ, обнимающія цѣлыхъ семь лѣтъ, отъ 1812 до 1818 года. Они были доставлены ею гр. Л. Н. Толстому, изучавшему складъ московской общественной жизни, и могли послужить обширнымъ матеріаломъ для его романа «Война и Миръ», а впоследствии А. С. Перфильева предоставила право перевода писемъ на русскій языкъ М. П. Свистуновой, которой мы и обязаны возможностью сообщить читателямъ одинъ изъ рѣдкихъ памятниковъ весьма замѣчательной эпохи.

Письма одного 1812 года были напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» (декабрь, 1872); но переводчица выразила намъ свое желаніе помѣстить у насъ полное собраніе писемъ (въ томъ числѣ и напечатанную ихъ долю), объяснивъ и причины тому, столь уважительныя, что мы не могли отказаться отъ предложенія; письма послѣ 1812 г. еще не видѣли печати.—*Ред.*

I.

1812-ый годъ.

Москва, 11-го апрѣля 1812 г. — Вчера мы снова появились въ свѣтъ, на ужинѣ у графини Разумовской: это былъ день ея рожденія. Я слышала у нея Штейбелта, который однако отнюдь не привелъ меня въ восторгъ. Что касается игры, то онъ Фильдова мизинца не стѣбитъ. При этомъ хвастунъ, всѣхъ презираетъ, лицо у него препротивное и окончательно не понравилось мнѣ. Вотъ какое впечатлѣніе сдѣлалъ на меня вашъ лучший петербургскій артистъ. Кромѣ его я слышала братьевъ Бауреръ, изъ которыхъ одинъ играетъ на віолончели, а другой на скрипкѣ. У перваго дѣйствительно премилый талантъ. Я слушала его съ большимъ удовольствіемъ, несмотря на то, что другъ Ромбергъ избаловалъ мой слухъ. Вечеръ закончили длиннымъ и вовсе не интереснымъ макабъ, Нынче я ѣду ужинать въ небольшомъ обществѣ у г-ни Соллогубъ. которая сидитъ постоянно дома, такъ какъ собирается родить, Мама отправляется на ужинъ къ Апраксиной, и я очень рада, что могу провести вечеръ у Соллогубъ, которая жалуется, что я совсѣмъ у нея не бываю. Мнѣ очень весело въ ея обществѣ.

Говорятъ, что на Пасхѣ въ собраніи будетъ большой праздникъ въ честь статуи Императрицы Екатерины. Если это правда, то я буду имѣть случай обновить мой шифръ.

22-го апрѣля. — Христосъ воскресъ, мой милый другъ. Вчера былъ праздникъ въ собраніи и весьма неудачный. Графъ Мишо очень дурно распорядился, такъ что празднество это своею нелѣпостію вполне соответствовало уродливымъ украшеніямъ залы. Вообрази себѣ тысячу особъ, разряженныхъ какъ куклы, которыя ходятъ изъ одного угла въ другой, на подобіе тѣней, не имѣя другого развлеченія, кромѣ заунывнаго пѣнія хора, состоящаго изъ 30 человѣкъ. Не было ни ужина, ни танцевъ, словомъ—ничего. Двѣнадцать болвановъ, стоящіе во главѣ нашего бѣднаго собранія, вчера вполне выказали свою глупость. Надѣюсь, что нынѣшній годъ будетъ послѣднимъ годомъ ихъ царствованія. Четырехъ уже смѣнили, и поступившіе на ихъ мѣсто хотятъ начать съ того, что велятъ нынѣшнимъ лѣтомъ уничтожить страшныхъ чудовищъ, поставленныхъ въ видѣ украшенія ихъ предшественниками.

Какъ видишь, я весьма неудачно дебютировала съ моимъ шифромъ. Вотъ тебѣ новость. Камеръ-юнкеръ Мухановъ женится на ма-

ленькой княжнѣ Мещерской, племянницѣ графини Головкиной, которая, слѣдовательно, приходится тебѣ сродни.

29-го апрѣля. — Нынче вечеромъ Пушкина выходитъ замужъ за Гагарина ¹⁾. Мама, въ качествѣ тетки жениха, будетъ присутствовать на свадьбѣ, которая будетъ пышная и великолѣпная на подобіе свадебъ, которыя праздновали 50 лѣтъ тому назадъ. Пушкина ²⁾ непремѣнно хочетъ показать всѣ кружева, купленные ею въ приданое дочери, и ради этого наши маменьки должны подчиняться несносному этикету. Въ счастью моему, я исключена изъ этого праздника, чѣмъ и воспользуюсь, чтобы провести вечеръ у г-жи Соллогубъ, которая еле двигается; она жестоко обсчиталась, предполагая, что родить въ концѣ марта.

Графиня Сень-При, пріѣхавшая изъ Каменецъ-Подольска, выпустила слухъ о моей свадьбѣ съ герцогомъ де-Граммонъ, отцомъ г-жи Давыдовой. Когда это извѣстіе, облетѣвъ всю Москву, дошло до меня, я отъ души посмѣялась. Впрочемъ, я понимаю, въ чемъ дѣло. Герцогъ въ родствѣ съ семействомъ Полиньякъ. Фамиліи перепутали и произвели меня въ герцогини. Что за страсть принскивать мнѣ жениховъ!

6-го мая. — У насъ нѣтъ другихъ новостей кромѣ дуэли Мордвинова съ Шатиловымъ (въ которой первый велъ себя прескверно, а послѣдній былъ раненъ), и еще свадьбы Даши Нащокиной съ Бахметьевымъ, котораго здѣсь мало знаютъ, но извѣстно, что у него прекрасное состояніе.

У Гудовичъ родился сынъ. Всѣ наши дамы беременны. Нынѣшнее лѣто акушерки заработаютъ много денегъ.

9-го мая. — Меня очень разсмѣшило все, что ты писала про Марію Гагарину ³⁾. Родные ея говорятъ, что она скоро вернется сюда. Будь увѣрена, что мы ее проучимъ; она должна будетъ измѣнить свое обращеніе: иначе ей придется всюду быть одной или сидѣть дома. Она принуждена будетъ сдѣлаться обходительнѣе, чтобы ей не приходилось на балѣ весь вечеръ не покидать своего кресла. Впрочемъ, мнѣ бы хотѣлось, чтобы она на первыхъ порахъ выказала свою спѣсь; мнѣ желательно видѣть, какой она придастъ ей видъ. Она и безъ того далеко не красива собой.

¹⁾ Варвара Михайловна за кн. Сергѣя Ивановича—родители Ивана Серг. Гагарина.

²⁾ Наталья Абрамовна, ур. кн. Волконская, мать невѣсты.

³⁾ Урожденную гр. Бобринскую?

13-го мая. — Я вовсе не знаю молодую Менцерскую, жених же ея совершенный блухъ. Въ началъ зимы мы имѣли удовольствіе видѣть его почти на всѣхъ нашихъ вечерахъ, и онъ постоянно служилъ предметомъ насмѣшекъ. Особенно потѣшались надъ нимъ братъ мой Николай и Олсуфьевъ; однако, несмотря на свою глупость, онъ дѣлаетъ прекрасную партію. Истинная правда, что дураки самые счастливые люди на свѣтѣ.

Отправляюсь на балъ къ г. Архарову; онъ нынче имянинникъ. Много будетъ народу, много шуму и по всей вѣроятности мало удовольствія.

Пренія въ собраніи окончились смѣною всѣхъ прежнихъ старшинъ. Новыхъ выбрали изъ числа самыхъ почтенныхъ, уважаемыхъ и извѣстныхъ въ городѣ лицъ. Толстый графъ Мишо пришелъ въ такую ярость, что даже жаловался брату своему. Послѣдній похорохорился, надѣясь этимъ помѣшать высказаться всеобщему неудовольствію; но, по своей неловкости, навлекъ лишь себѣ непріятности и рѣшился сидѣть смирно, предоставляя дворянству дѣйствовать, какъ ему вздумается.

18-го мая. — Если ты хочешь знать московскія новости, скажу тебѣ, что сосѣдка наша Соковнина при смерти вслѣдствіе родовъ. Соллогубъ родила сына. Вотъ недѣля, какъ я не видала Вяземскихъ. И мужъ и жена оба больны. На нашихъ вечерахъ постоянно бывало много гостей, такъ какъ изъ всѣхъ знакомыхъ домовъ только въ одномъ нашемъ аккуратно принимаютъ каждый день. — Нынѣшній годъ мы первые увѣщаемъ въ деревню, къ великому неудовольствію нашихъ ежедневныхъ посѣтителей. Даже Апраксина, несмотря на свою гордость и богатство, сознается, что не знаетъ куда ей дѣться на будущей недѣлѣ, такъ какъ она привыкла ужинать у насъ каждый Божій день.

Изъ этого ты можешь заключить, дружокъ, что мы играемъ маленькую роль и кое-что значимъ для нѣкоторой частицы московскихъ жителей.

Высокое, 26-го мая. — Мы уже повидались со всѣми сосѣдями. Нынче ждемъ къ ужину Соймоновыхъ, Соловую и Левашеву. Въ концѣ недѣли пріѣдетъ дядя Кошелевъ; тогда я не вѣдаю, что съ нами станется, такъ какъ при немъ все и всѣ подчиняются его волѣ. Мать моя съ дѣтства воспитывалась въ его домѣ и почитаетъ его какъ отца; потому, когда онъ бываетъ у насъ, то его воля служитъ закономъ для всѣхъ. Со смерти отца онъ всегда былъ защитникомъ и благодѣтелемъ нашей семьи.

1-го іюня.—Соллогубъ родила въ день нашего отъѣзда изъ Москвы.—Желая имѣть извѣстія о ея здоровьи, я писала ей послѣ девяти дней. Сегодня получила отъ нея письмо, въ которомъ она говоритъ мнѣ, что она и сынокъ ея здоровы, и что московскіе обитатели ломаютъ себѣ голову, стараюсь отгадать, кого назначать на мѣсто друга твоего Гудовича, который, получивъ отставку, отправляется въ имѣніе свое въ Малороссію, гдѣ и намѣренъ поселиться.

Ты вѣрно уже слышала, что сосѣдка наша Соковнина умерла отъ послѣдствій апоплексическаго удара. Мужъ ея въ отчаяніи. Она оставила трехъ дочерей, изъ которыхъ старшей четыре года.

7-го іюня.—Вообрази, Растопчинъ—нашъ московскій властелинъ! Мнѣ любопытно взглянуть на него, потому что я увѣрена, что онъ самъ не свой отъ радости. То-то онъ будетъ гордо выступать теперь! Курьезно бы мнѣ было знать, намѣренъ ли онъ сохранить нѣжныя расположенія, которыя онъ выказывалъ съ нѣкоторыхъ поръ. Вотъ почти десять лѣтъ, какъ его постоянно видятъ влюбленнымъ и, замѣтъ, глупо влюбленнымъ. Для меня всегда было непонятно твое высоекое о немъ мнѣніе, котораго я вовсе не раздѣляю. Теперь всѣ его качества и достоинства обнаружатся. Но пока я не думаю, чтобы у него было много друзей въ Москвѣ. Надо признаться, что онъ и не искалъ ихъ, дѣлая видъ, что ему нѣтъ дѣла ни до кого на свѣтѣ. Извини, что я на него нападаю; но вѣдь тебѣ извѣстно, что онъ никогда для меня не былъ героемъ ни въ какомъ отношеніи. Я не признаю въ немъ даже и авторскаго таланта. Помнишь, какъ мы вмѣстѣ читали его знаменитыя творенія.

14-го іюня.—Пріѣздъ дяди разстроилъ порядокъ моихъ занятій. Знаешь ли, что я начинаю привыкать къ дядѣ: я даже не разъ пускалась съ нимъ спорить. Въ будущую среду мы должны быть въ Москвѣ, чтобы свидѣться съ семействомъ Віельгорскихъ.

Мнѣ интересно знать подробности перевода «Дмитрія Донскаго» на французскій языкъ. Признаюсь, я не высокаго мнѣнія объ этомъ произведеніи.

Москва, 24-го іюня.—Вотъ я снова въ Москвѣ, мой милый другъ. Я познакомилась съ моею невѣсткой ¹⁾ и со всѣмъ ея семействомъ. Они всѣ очень пріятные люди. Жена Михаила Віельгорскаго ²⁾ болѣе дитя, нежели обыкновенно бываютъ въ ея годы; но

¹⁾ Сестра гр. Віельгорскихъ, Дарья Юрьовна вышла за Сергія Аполлоновича Волкова, брата писавшей эти письма.

²⁾ Луиза Карловна, ур. принцесса Виронъ.

она такъ мила, такъ старается всѣмъ угодить, что невольно находишь прелесть въ ея наивности. Пока я еще не могу произнести опредѣленнаго сужденія о моей будущей невѣстѣ, Дашѣ. Она исключительно занята моимъ братомъ. Впрочемъ, изъ всего, что замѣчаю, я вывожу заключеніе, общающее много хорошаго въ будущемъ. Надѣюсь, что я близко сойду съ немъ.

Мы дожили до такой минуты, когда, исключая дѣтей, никто не знаетъ радости, даже самые веселые люди. Намъ, быть можетъ, ожидается страшная будущность, милый другъ! Безграничная покорность волѣ Господней, совершенное, слѣпое подчиненіе Его несповѣдимымъ приговорамъ—единственныя чувства, могущія успокоить насъ въ такое время, когда страхъ весьма основателенъ. Будемъ молиться, милый другъ! Предстоящая война причиняетъ мнѣ много безпокойствъ. Нынче писали къ Сень-При, прося его взять къ себѣ брата моего Николая въ адъютанты. Съ минуты пріѣзда моего сюда я не слышу другого разговора, какъ о войнѣ.

Я каждый день выдаюсь съ семействомъ Віельгорскихъ, даже съ Иосифомъ, который пересталъ дичиться, и рѣшился появляться въ обществѣ. Я также часто видала Софью Оболенскую, но теперь она на недѣлю уѣхала въ деревню. Третьяго дня вечеромъ у насъ былъ Рас топчинъ и просидѣлъ нѣсколько часовъ. Мундиръ его не украсилъ, и онъ ужасно уродливъ безъ пудры. Громадный лобъ его весь открытъ. До сихъ поръ имъ довольны, быть можетъ, потому, что все новое нравится; впрочемъ, я никогда не сомнѣвалась, что у него въ тысячу разъ болѣе ума и дѣятельности, чѣмъ у бывшаго нашего фельдмаршала. Остается знать, какъ онъ будетъ дѣйствовать. Вчера я провела день въ Царицынѣ. Въ субботу я опять отправляюсь туда, такъ какъ это будетъ день именинъ дяди Валуева, и по всей вѣроятности тамъ соберется весь городъ. Мнѣ также предстоитъ ѣхать въ Петровское къ гр. Разумовскому, чтобы быть представленной сестрѣ его, г-жѣ Загряжской.

Дядя мой, Кошелевъ, не любитъ долго сидѣть по вечерамъ, и потому мы вечеромъ никого не принимаемъ, кромѣ Віельгорскихъ.

Поговорю съ тобой о трехъ жалкихъ парочкахъ: о Гагаринныхъ и Соллогубъ. Князь N. въ то время, какъ мы были въ деревнѣ, давалъ ужины, на которые истратилъ 120 тысячъ рублей. Жена его ужасно безумствуетъ, но нельзя не пожалѣть о ней, вида, какъ мало мужъ обращаетъ на нее вниманія. Правда, что сама-то она мало это замѣчаетъ и совершенно бываетъ довольна, говоря о своей беременности и о 70 тысячахъ мужнина дохода. Но ежели мужъ ея будетъ продолжать играть, то она лишится удовольствія хвастать своимъ богатствомъ. Гагарины тоже достойны сожалѣнія.

Кн. Андрей рѣшается отправиться въ походъ и предоставляетъ женѣ справиться съ родами, какъ знаетъ. Онъ да П. развратили Соллогуба, который, будучи недалняго ума, быть можетъ, не вдался бы въ излишества, еслибы эти господа не увлекли его. О женѣ его жалѣешь болѣе, чѣмъ о другихъ, такъ какъ съ ея умомъ, тактомъ и вообще умѣньемъ держать себя ей должно казаться невыносимымъ все, что ей приходится видѣть.

Это общество мужей-холостяковъ устроило за городомъ пикники, на которые дамъ не приглашаютъ, а на мѣсто ихъ берутъ цыганокъ, карты и вообще не стѣсняются. Спрашиваю тебя, каково видѣть это женщинѣ, у которой есть хотя сколько-нибудь чувства. Н. слишкомъ глупа и безалаберна, а Гагарина слишкомъ молода, чтобы видѣть вещи въ надлежащемъ свѣтѣ. Одна Соллогубъ все понимаетъ. Я ее застала съ опухшими глазами; она призналась мнѣ, что плакала, не говоря причины; но я готова пари держать, что толстый графъ причина ея слезъ. Меня приводятъ въ негодованіе подобныя вещи. Спрашивается, какъ же не бояться замужества, имѣя подобныя примѣры передъ глазами.

Свадьба моего брата назначена 5-го іюля.

1-го іюля.—Ты вѣроятно тревожишься о своемъ братѣ и потому не пишешь мнѣ, милый другъ.

Мы здѣсь все грустны и приуныли. Я нахожусь въ постоянномъ страхѣ. До сихъ поръ до насъ доходятъ лишь ложные слухи. Въ Москвѣ говорятъ, что французовъ побили разъ пять или шесть. Хорошо бы, еслибы мы въ дѣйствительности одержали хотя одну побѣду, тогда бы мы скоро отдѣлались отъ жестокаго врага чело-вѣчества. Слѣдуетъ желать, чтобы въ настоящемъ случаѣ оправдалась русская пословица: гласъ народа—гласъ Божій. Въ настоящее время я чувствую болѣе, чѣмъ когда-либо, какое счастье не быть лишленною вѣры въ Провидѣніе: она не даетъ впадать въ отчаяніе, что непременно случилось бы, еслибы полагались на силы и геній жалкаго чело-вѣчества.

Въ пятницу вечеромъ мы были въ гостяхъ у гр. Растопчиной, которая плѣвила меня. До сихъ поръ я видала ее лишь вскользь, и потому не могла о ней судить. Но этотъ разъ, заставъ ее одну, мы съ мама просидѣли у нея довольно долго, и я была въ восторгѣ отъ ея бесѣды. Она мнѣ нравится въ миллионъ разъ болѣе мужа своего, который тоже выходилъ къ намъ; онъ ужасно теряетъ при сравненіи съ женою. Впрочемъ, до сихъ поръ имъ очень довольны въ нашей доброй Москвѣ. Онъ очень дѣятеленъ, справедливъ, и если не измѣнится, то его очень полюбить здѣсь.

Въ субботу, въ Петровъ день, дядя Валуевъ былъ именинникъ, и я обѣдала у него въ Царицынѣ. Было множество гостей. Вчера я ужинала въ Петровскомъ у Разумовскихъ. Кромѣ насъ, гостей никого не было, такъ что я свободно могла наблюдать за сестрой графа, г-жой Загряжской, о которой я постоянно слышала разговоры, съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, и которую мнѣ вчера пришлось видѣть въ первый разъ. Недоставало четвертаго партнера, и меня усадили играть въ бостонъ съ ней, съ Апраксиной и съ самимъ графомъ Львомъ. Это три особы, нисколько непохожія другъ на друга, но всѣ онѣ такъ любезны, что я съ удовольствіемъ играла съ ними въ скучнѣйшую игру, которую я очень плохо знаю.

8-го *юля*. — Тебѣ интересно знать мое мнѣніе о семействѣ Вильгорскихъ. Вотъ три недѣли, какъ я вижу съ ними съ утра до вечера, и потому могу судить о нихъ. Жена В. пріятный ребенокъ, но не болѣе, какъ ребенокъ, котораго необходимо руководить; ей нужно давать совѣты, сдерживать ее подѣ-часъ, такъ какъ у нея довольно упрямый характерецъ; я замѣчаю, что въ семействѣ о ней имѣютъ мнѣніе одинаковое съ моимъ. Мужъ ея—добрѣйшій изъ людей, но безхарактерный; ему не справиться съ ней, тѣмъ болѣе, что онъ даетъ вертѣть собой, какъ угодно; почти всегда исполняетъ волю Катиши, и я ему предсказываю, что черезъ два или три года онъ постоянно будетъ плясать по ея дудкѣ. Впрочемъ, она очень мила и въ обществѣ весьма пріятна. Чтѣ же касается до ея ребячества, не могу дать тебѣ лучшаго образчика его, какъ рассказавъ, что она понять не можетъ, почему настоящая война всѣхъ интересуеть. Я изъ силъ бьюсь, объясняя ей, что отъ этого зависить общее спокойствіе; слова мои даромъ пропадаютъ: она гораздо болѣе думаетъ о кружевахъ и тряпкахъ, нежели о судьбѣ страны, въ которой живетъ. На первыхъ порахъ я примѣтила въ ней желаніе разыгрывать петербургскую барыню (впрочемъ со мной она всегда очень вѣжлива) въ отношеніи нѣкоторыхъ особъ, которыхъ она даже оттолкнула своимъ обращеніемъ. Третьяго дня, оставшись одна съ ней и Дашей, я начала разговоръ о томъ, какое непріятное впечатлѣніе производитъ важничанье особъ, пріѣзжающихъ изъ Петербурга. Я говорила вообще, никого не называя, и потому свободно могла высказывать, до чего это кажется смѣшно намъ, москвичамъ. Я прибавила, что такія особы обыкновенно бываютъ всѣми повинуты, такъ какъ у насъ не любятъ тѣхъ, кто высоко задираетъ носъ.

Мы очень хорошо знаемъ, чтѣ говорится про насъ въ Питерѣ; но такъ какъ это не мѣшаетъ ни нашему счастью, ни спокойствію,

ни удовольствіямъ, то мы мало обращаемъ вниманія на то, что́ объ насъ говорятъ. Но, коль скоро попадаютъ въ наше общество, мы хотимъ, чтобы дѣйствовали по нашему. Катяша раздѣлила мое мнѣніе, и до сихъ поръ мы съ ней большіе друзья. Что касается Даши, она такъ кротка, такъ добра, что такого рода мысли ей и въ голову не приходятъ. Изъ младшихъ братьевъ я больше всѣхъ люблю Матвѣя. Іосифъ слишкомъ дикъ. Впрочемъ теперь онъ болѣе общителенъ; прежде, говорятъ, онъ, кромѣ какъ съ своей сестрой, ни съ одной женщиной не разговаривалъ. Самый младшій — премилый. Вообще, все семейство преприятное; они всѣ дружны между собою, что такъ рѣдко встрѣчаешь въ нашемъ вѣкѣ. Мари Гагарина уже пріѣхала. Я не берусь ее вразумлять; пусть надъ этимъ потрудится ея мужъ. Онъ, говорятъ, собирается увезти ее на нѣкоторое время въ дальнее имѣніе къ матери своей. Сердца, умъ и глаза устремлены у всѣхъ на берега Двины. Только объ этомъ и говорятъ.

15-го іюля. — Въ теченіе прошлой недѣли я столько видѣла, слышала и почувствовала, что при всемъ моемъ желаніи, милый другъ, я не могу передать тебѣ словами всего мною испытаннаго въ послѣднее время. Я всегда была того мнѣнія, что не должно слишкомъ заботиться о будущемъ; намъ сказано: довольно для каждаго дня своей заботы. Никогда я такъ живо не чувствовала справедливости сихъ словъ, какъ въ настоящее время. Что Богу угодно, то и случится, говорю я себѣ; не дѣлаю никакихъ предположеній и лишь стараюсь какъ можно полезнѣе проводить время, которымъ могу располагать. Въ понедѣльникъ была свадьба брата. Во вторникъ и среду у насъ были семейные обѣды, и въ среду же вечеромъ дядя и братъ Николай отправились въ имѣніе въ Смоленскую губернію. Черезъ два часа по ихъ отъѣздѣ, мы получили извѣстіе о прибытіи государя императора. Его ожидали въ четвергъ вечеромъ, и все дворянство собралось въ Кремль. Его Величество прибылъ ночью. Его высочество, великій князь тоже здѣсь со вчерашняго дня. Никто навѣрное не знаетъ, сколько времени они пробудутъ и куда отправятся отсюда. Я ни разу не была ни при дворѣ, ни въ соборѣ, и никуда мнѣ не хочется: много охотницъ и безъ меня. Соборъ всегда набитъ здѣшними барынями. Пусть такъ, а мнѣ дома покойнѣе. Государю я искренно, отъ души желаю всякаго счастья и молюсь за него всегда и вездѣ готова, что и могу дѣлать въ другихъ церквахъ; но толкаться, лѣзть въ толпу и духоту не вижу никакой нужды. Матвѣй Віельгор. вступилъ въ казачій полкъ, сформированный кн. Оболенскимъ; туда, въ качествѣ офицеровъ, принимаютъ лишь молодыхъ людей, имѣющихъ какой-либо

гражданскій чинъ. Все семейство Архаровыхъ здѣсь, но я еще съ ними не видалась. Не до визитовъ.

22-го июля. — Спокойствіе покинуло нашъ милый городъ. Мы живемъ со дня на день, не зная, что ждетъ насъ впереди. Нынче мы здѣсь, а завтра будемъ Богъ знаетъ гдѣ. Я много ожидаю отъ враждебнаго настроенія умовъ. Третьяго дня чернь чуть не побилла камнями одного нѣмца, принявъ его за француза. Здѣсь принимаютъ важныя мѣры для сопротивленія въ случаѣ необходимости; но до чего будемъ мы несчастны въ ту пору, когда намъ придется прибѣгнуть къ этимъ мѣрамъ. Все въ рукахъ Божіихъ; слѣдовательно, пока зло не совершилось, мы не должны отчаяваться и сомнѣваться въ Божьемъ милосердіи.

Въ Москвѣ не остается ни одного мужчины: старые и молодые всѣ поступаютъ на службу. Вездѣ видно движеніе, приготовленія. Видя все это, приходишь въ ужасъ. Сколько трауровъ, слезъ! Бѣдная Муханова, рожденная Олсуфьева, лишилась мужа. Несчастный молодой человекъ уцѣлѣлъ въ дѣлѣ Раевского, выказавъ храбрость, такъ что о немъ представляли кн. Багратиону; но въ тотъ же вечеръ онъ отправился на рекогносцировку, одѣтый во французскій мундиръ и былъ смертельно раненъ казакомъ, принявшимъ его за неприятеля. Послѣ этого онъ прожилъ нѣсколько дней и скончался на рукахъ шурина своего, который прибылъ сюда два дня тому назадъ, чтобы сообщить грустное извѣстіе матери и сестрѣ. Последняя лишилась также дочери, которую сама хоронила.

29-го июля. — Мы все тревожимся. Лишь чуть оживить насъ пріятное извѣстіе, какъ снова услышимъ что-либо утрашающее. Признаюсь, что ежели въ нѣкоторомъ отношеніи безопаснѣе жить въ большомъ городѣ, за то нигдѣ не распускаютъ столько ложныхъ слуховъ, какъ въ большихъ городахъ. Дней пять тому назадъ рассказывали, что Остерманъ одержалъ большую побѣду. Оказалось, что это выдумка. Нынче утромъ дошла до насъ вѣсть о блестящей побѣдѣ, одержанной Витгенштейномъ. Извѣстіе это пришло изъ вѣрнаго источника, такъ какъ о побѣдѣ этой рассказываетъ гр. Раствопчинъ, и между тѣмъ никто не смѣетъ вѣрить. Къ тому же побѣда эта можетъ быть полезна вамъ, жителямъ Петербурга; мы же, москвичи, остаемся по прежнему въ невѣдѣніи касательно нашей участи. Что относится до выборовъ и приготовленій всякаго рода, скажу тебѣ, что здѣсь происходятъ такія же нелѣпности, какъ и у васъ. Я нахожу, что всѣхъ одолѣлъ духъ заблужденія. Все, что мы видимъ, что ежедневно происходитъ передъ нашими глазами, а также

и положеніе, въ которомъ мы находимся, можетъ послужить намъ хорошимъ урокомъ, лишь бы мы захотѣли имъ воспользоваться. Но, къ несчастію, этого-то желанія я ни въ комъ не вижу, и признаюсъ тебѣ, что расположеніе къ постоянному ослѣпленію устрашаетъ меня болѣе, нежели сами непріатели. Богу все возможно. Онъ можетъ сдѣлать, чтобы мы ясно видѣли; объ этомъ-то и должно молиться изъ глубины души, такъ какъ сумасбродство и развратъ, которые господствуютъ у насъ, сдѣлаютъ намъ въ тысячу разъ болѣе вреда, чѣмъ легіоны французовъ.

5-го августа. — Мы съ мамою приобщались нынче. По моему мнѣнію, теперь самая пора для покаянія, потому что лишь искреннимъ раскаяніемъ въ грѣхахъ можемъ мы умоливать Бога. Мнѣ вполне понятно твое безпокойство о нашемъ родномъ городѣ. Будемъ надѣяться, что въ немъ есть люди, коихъ молитвы дойдутъ до Всевышняго и спасутъ всѣхъ насъ. Народъ ведетъ себя прекрасно. Увѣряю тебя, что не достало бы журналистовъ, еслибы описывать всѣ доказательства преданности Отечеству и Государю, о которыхъ безпрестанно слышишь и которыя повторяются не только въ самомъ городѣ, но и въ окрестностяхъ, и даже въ разныхъ губерніяхъ.

Узнавъ, что наше войско идетъ впередъ, а французы отступаютъ, москвичи поуспокоились. Теперь рѣже приходится слышать объ отъѣздахъ. А между тѣмъ вѣсти не слишкомъ утѣшительны, особенно какъ вспомнишь, что мы три недѣли жили среди волненій и въ постоянномъ страхѣ. Въ прошлый вторникъ пришло извѣстіе о побѣдѣ, одержанной Витгенштейномъ и объ удачахъ, которыя имѣли Платовъ и графъ Паленъ. Мы отложили нашу поѣздку въ деревню, узнавъ, что тамъ происходитъ наборъ ратниковъ. Тяжелое время въ деревняхъ, даже когда на 100 человекъ одного берутъ въ солдаты и въ ту пору, когда окончены полевныя работы. Представь же, что это должно быть теперь, когда такое множество несчастныхъ отрывается отъ сохи. Мужики не ропщутъ; напротивъ, говорятъ, что они всѣ охотно пойдутъ на враговъ, и что во время такой опасности всѣхъ ихъ слѣдовало бы брать въ солдаты. Но бабы въ отчаяніи, страшно стонутъ и воняютъ, такъ что многіе помѣщики уѣхали изъ деревень, чтобы не быть свидѣтелями сцены, раздирающихъ душу. Мама получила отвѣтъ отъ С-нъ-При: онъ съ удовольствіемъ принимаетъ на службу брата моего Николая. Придется разстаться съ милымъ братомъ; еще прибавится горе и новое безпокойство!

Каждый день къ намъ привозятъ раненныхъ. Андрей Ефимовичъ опасно раненъ, такъ что не будетъ владѣть одной рукой. У Та-

тищева, который служить въ Коммиссаріатѣ, и, слѣдовательно, находится во главѣ всѣхъ госпиталей, не достало корпіи, и онъ просилъ всѣхъ своихъ знакомыхъ наготовить ему корпію. Меня первую засадили за работу, такъ какъ я ближайшая его родственница, и я работаю цѣлые дни. Масловъ искалъ смерти и былъ убитъ въ одной изъ первыхъ стычекъ; люди его вернулись. Здѣсь также нѣсколько гусарскихъ офицеровъ, два или три пѣхотныхъ полковника; всѣ они изуродованы. Сердце обливается кровью, когда только и видишь раненныхъ, только и слышишь, что объ нихъ. Какъ часто ни повторяются подобные слухи и сцены, а все нельзя съ ними свыкнуться.

Соллогубы совершенно разорены. Всѣ имѣнія графа находятся въ Бѣлоруссіи между Могилевомъ и Витебскомъ. Сама посудина, въ какомъ видѣ онѣ должны быть теперь. Бѣдную Соллогубъ ужасно жалко. Она выдана замужъ, въ расчетъ, что у мужа ея будетъ 6,000 душъ крестьянъ, и вотъ теперь у нихъ у обоихъ всего 6,000 рублей дохода; правда, ей еще кое-что достанется, но лишь по смерти матери. У Толстого, женатаго на Кутузовой, восемь человѣкъ дѣтей, и вообрази, что изъ 6,000 душъ у него осталось всего триста душъ въ Рязанской губерніи, такъ какъ его имѣнія тоже въ Бѣлоруссіи. Какъ ни вооружайся храбростью, а слыша съ утра до вечера лишь о траурахъ да о разореніи, невозможно не огорчаться и не принимать къ сердцу всего, что видишь и слышишь.

12-го августа.—Душевно рада, милый другъ, что вы отчасти успокоились; что же касается до насъ, мы тревожимся болѣе, чѣмъ когда-либо и готовы рѣшиться на все, лишь бы избѣжать ужасной участи, которую намъ готовятъ. Моли Бога, милый другъ, чтобы Онъ простилъ тѣхъ несчастныхъ, которые продаютъ свое отечество. Вотъ все, что могу сказать тебѣ касательно положенія, въ которомъ мы находимся. Я не смѣю сказать тебѣ, что мы предвидимъ въ будущемъ, ежели Господь не сжалятся надъ нами и не пошлетъ намъ неожиданной помощи.

Нынче утромъ я пошла въ ту церковь, гдѣ мы были съ тобой въ прошломъ году; она была полна народу, хотя сегодня нѣтъ праздника. Всѣ молились съ усердіемъ, какого мнѣ не приходилось еще видѣть, почти всѣ обливались слезами. Не могу выразить тебѣ, до чего я радовалась этому усердію, потому что я твердо убѣждена, что лишь искренними молитвами можемъ мы снискать милосердіе Божіе. Послѣ обѣдни одна женщина съ мужемъ своимъ служила молебень Божіей Матери. Мужъ, одѣтый въ военный мундиръ, повидимому готовится поступить на службу. Онъ и жена оба пла-

кали. У меня болѣзненно сжалось сердце при видѣ горькихъ слезъ бѣдной женщины! Я сама теперь ежеминутно готова плакать; съ трудомъ удерживаю слезы и иногда поддаюсь этой слабости чело-вѣческой. Если черезъ недѣлю ты не получишь отъ меня другого письма, значить, меня уже не будетъ въ Москвѣ. Куда мы поѣдемъ, не знаю, а равно не вѣдаю, какимъ образомъ буду получать твои письма и сама писать къ тебѣ.

Объявляю тебѣ, что я вполне раздѣляю мнѣніе твоего мужа о г-жѣ Сталь. Она недѣлю пробыла въ Москвѣ, бывала въ знако-мыхъ мнѣ домахъ, и я не имѣла ни малѣйшаго желанія видѣть ее и ничуть не искала встрѣтиться съ нею. Чтѣ же она сдѣлала та-кого прекраснаго, чтобы возбуждать восторгъ? Сочиненія ея безбожны и безнравственны или безалаберны (*extravagantes*); послѣднія по моему лучше, по крайней мѣрѣ онѣ никого не совратятъ съ истин-наго пути. Свѣтъ погибъ именно потому, что люди думали и чув-ствовали такъ, какъ эта женщина. Я почти того же мнѣнія о Ко-цебу. Правда, они оба извѣстные писатели: но, признаюсь, не стоятъ того, чтобы ими восхищались.

Сію минуту узнала, что Кутузовъ назначенъ главнокомандующимъ. Поблагодаримъ Бога за Его милосердіе и будемъ усердно молиться о будущемъ.

15-ю августа.—По всему видно, что намъ приходится попла-титься за безразсудство двухъ нашихъ главнокомандующихъ и за несогласіе, возникшее между ними вслѣдствіе новаго порядка, отри-цательнаго старшинство по службѣ и уничтожившаго всякое подчине-ніе между генералами. Платовъ, старшій изъ нихъ по службѣ, на-ходится подъ командою у двухъ главнокомандующихъ; а Барклай, который по службѣ моложе Платова, Багратиона и двѣнадцати ге-нераль-лейтенантовъ, которые у него подъ командою, завѣдуетъ всѣмъ войскомъ и такъ себя ведетъ, что возбудилъ къ себѣ общую нена-висть. Если такъ легко было нашему доброму царю уничтожить порядокъ, существовавшій испоконъ-вѣку, съ другой стороны не легко будетъ нашимъ генераламъ свыкнуться съ порядкомъ, по ко-торому вчерашній начальникъ сегодня поступаетъ подъ команду къ своему подчиненному. Такія правила невыносимы для насъ русскихъ тѣмъ болѣе, что онѣ взяты у французовъ. Негодяи, продавшіе себя Наполеону, не имѣютъ у насъ вліянія надъ войскомъ, и потому неудивительно, что оно отвергаетъ нововведенія оныхъ злодѣевъ, ко-торые исключительно овладѣли умомъ нашего бѣднаго монарха. Дѣло въ томъ, что такъ какъ отдѣльные корпуса дѣйствовали несогласно и каждый хотѣлъ дѣлать по-своему, то мы и потерпѣли страшное

пораженіе подъ Смоленскомъ. Французы провели нашихъ, какъ простаковъ. Была бы возможность поправить дѣло, еслибы другъ другу помогали или бы нашелся человекъ, который, заботясь обо всѣхъ, никого не обрекалъ бы на неизбѣжную жертву. Но дѣло повели такимъ образомъ, что городъ, который въ состояніи былъ сопротивляться шесть мѣсяцевъ, взять въ три дня, и вотъ теперь наше войско и французы въ 300 верстахъ отъ Москвы, и оба войска на разстояніи 7 верстъ другъ отъ друга. Теперь тебѣ должно быть ясно, почему мы такъ радуемся назначенію Кутузова. Онъ одинъ будетъ начальствовать, и въ его интересъ заставить всѣхъ одинаково хорошо дѣйствовать. Въ послѣднемъ дѣлѣ очень обвиняютъ Баграціона, который, желая присвоить себѣ славу освобожденія Смоленска, отнялъ защиту у Смоленска съ одной стороны, а Барклай сдѣлалъ то же съ другой стороны города, такъ какъ ему нужно было вести войско на Витебскъ. Французы воспользовались оплошностью и ударили въ центръ. Ихъ было 100,000 подъ начальствомъ Наполеона противъ 30,000 нашихъ, которые три дня сопротивлялись и разбили бы ихъ, еслибы получили поддержку. Но такъ какъ у насъ въ войскѣ принято дѣйствовать по русской пословицѣ: «Каждый за себя, а Богъ за всѣхъ», то этихъ несчастныхъ кинули на произволь судьбы. Когда французы подошли къ Смоленску, наши принуждены были удалиться; по крайней мѣрѣ они могутъ смѣло сказать (таково общее мнѣніе), что заслужили бессмертную славу. И точно, они выказали геройскую храбрость. Грустнѣе всего для насъ убѣжденіе, что причиною несчастія была измѣна одного извѣстнаго бездѣльника, служащаго у Барклая. Отрядъ корпуса сего послѣдняго отбилъ багажъ маршала Нея, и въ его бумагахъ нашелся новый планъ, который уже былъ представленъ Наполеону. Еще никого не называютъ, но подозрѣніе падаетъ на адъютанта Государева Вольцогена. Вотъ тебѣ всѣ новости изъ арміи. Ты можешь ихъ считать достовѣрными, такъ какъ я съ утра до вечера вижусь съ людьми, находящимися въ служебныхъ сношеніяхъ съ арміей. Къ тому же и главная квартира близко отъ насъ, въ Дорогобужѣ, въ 20 верстахъ отъ огромнаго имѣнія дяди Кошелева. Вчера утромъ пріѣхала прислуга дяди, а также и крестьяне этого имѣнія. Несчастные бросались къ нему въ ноги, прося о помощи, какъ будто онъ можетъ помочь имъ и оградить ихъ отъ разоренія, въ случаѣ, ежели по глупости или волѣдствіе измѣны, ихъ предадутъ огню и мечу. Надо видѣть уваженіе этихъ бѣдныхъ людей къ верховной власти. Одинъ изъ мужичковъ объяснялъ мамѣ, что они бы бѣжали, чтобы спастись, но указъ царскій не позволяетъ имъ бросать свои избы, пока французы не смѣнятъ нашихъ войскъ.

Посуди, до чего больно видѣть, что злодѣи, въ родѣ Балашова и Аракчеева, продаютъ такой прекрасный народъ. Но увѣряю тебя, что ежели сихъ послѣднихъ ненавидятъ въ Петербургѣ такъ же, какъ и въ Москвѣ, то имъ не одобровать впоследствии. Растопчинъ очищаетъ Москву отъ подобныхъ исчадій. Отъ выслакъ отсюда Ключарева, почтъ-директора, и одного изъ его помощниковъ, Дружинина, которые находились въ близкихъ сношеніяхъ съ Сперанскимъ. Растопчинъ перехватилъ переписку Ключарева, весьма подозрительнаго свойства. Кромѣ того, ежедневно ловятъ французскихъ шпионовъ. Народъ такъ раздраженъ, что мы не осмѣливаемся говорить по-французски на улицѣ. Двухъ офицеровъ арестовали: они на улицѣ вздумали говорить по-французски; народъ принялъ ихъ за переодѣтыхъ шпионовъ и хотѣлъ повололѣть, такъ какъ не разъ уже ловили французовъ, одѣтыхъ крестьянами или въ женскую одежду, снимавшихъ планы, занимавшихся поджогами и предрекавшихъ прибытіе Наполеона, словомъ, смущавшихъ народъ.

Вчера мы простились съ братомъ и его женой. Они поспѣшили уѣхать, пока еще есть возможность достать лошадей, такъ какъ у нихъ нѣтъ своихъ. Чтобы проѣхать 30 верстъ до имѣнія Вильгорскихъ, имъ пришлось заплатить 450 рублей за девять лошадей. Въ городѣ почти не осталось лошадей, и окрестности Москвы могли бы послужить живописцу образцомъ для изображенія бѣгства Египетскаго. Ежедневно тысячи каретъ выѣзжаютъ во всѣ заставы и направляются однѣ въ Рязань, другія въ Нижній и Ярославль. Какъ мнѣ ни горько оставить Москву съ мыслию, что, быть можетъ, никогда болѣе не увижу ея, но я рада буду уѣхать, чтобы не слышать и не видать всего, что здѣсь происходитъ.

Рязань, 20-го августа. — Почти два часа какъ мы пріѣхали въ Рязань. Я узнала, что завтра идетъ почта въ Москву, и пользуюсь случаемъ, чтобы написать тебѣ, дорогой другъ. Сервія сердце, переѣзжаю я изъ одной губерніи въ другую, ничего не хочу ни видѣть, ни слышать. 16-го числа нынѣшняго мѣсяца выѣхала я изъ родного, милаго города нашего. Сутки пробыли мы въ Коломнѣ; думаемъ пробыть здѣсь завтрашній день, а потомъ отправимся въ Тамбовъ, гдѣ поселимся въ ожиданіи исхода настоящихъ событій. Мы ѣдемъ благополучно, но ужасно медленно двигаемся, такъ какъ не перемѣняемъ лошадей. Вездѣ по дорогѣ встрѣчаемъ мы только что набранныхъ солдатъ, настоящихъ рекрутовъ, и города въ центрѣ страны имѣютъ совершенно военный видъ. Не могу выразить тебѣ, какое непріятное впечатлѣніе все это производитъ на меня. Въ особенности беспокоитъ насъ, что, отдаляясь отъ Москвы, мы лишаемся

возможности получать извѣстія. Съ пятницы мы рѣшительно ничего не слышали и не знаемъ, что дѣлаетъ армія. Намъ предстоитъ пробыть въ невѣдѣніи еще съ недѣлю. Хорошо бы было услышать добрыя вѣсти! Я смертельно тоскую, но здорова. Изъ четырехъ ночей я лишь одну спала какъ слѣдуетъ и, несмотря на то, не чувствую усталости. Не буду рассказывать тебѣ, какъ мы разставались съ матушкой-Москвой. Дай Богъ, чтобы никогда болѣе не пришлось мнѣ испытать что-либо подобное. Бываютъ до того горькія минуты, что о нихъ тяжело вспоминать. Прощай, мой милый другъ; въ настоящее время я не желаю другого счастья, какъ только снова увидѣть московскія стѣны.

Тамбовъ, 27-го августа.— Вотъ уже шесть часовъ какъ я въ Тамбовѣ, милый другъ. Пятидневное путешествіе наше было весьма неприятное; наконецъ мы дотащились сюда и намѣрены здѣсь ожидать рѣшенія нашей участи. Если матушка-Москва счастливо вырвется изъ когтей чудовища, мы вернемся; а ежели погибнетъ родимый городъ, то отправимся въ Саратовское наше имѣніе. Не могу выразить тебѣ, до чего у меня сжимается сердце при этой мысли. Въ Рязани мы нашли семейство Кологривовыхъ; они третью недѣлю живутъ тамъ по дѣламъ. Хотя мы никогда съ ними не были дружны, а въ нынѣшнемъ году у насъ даже много было причинъ для ссоры; но, узнавъ, что мы пріѣхали изъ Москвы, они явились узнать, что новаго, любопытство взяло верхъ; сами же они рассказали намъ такое множество грустныхъ новостей, что у насъ чуть голова не закружилась. Подъ этимъ впечатлѣніемъ мы выѣхали изъ Рязани. Погода была дурная; ѣхавъ все на однихъ лошадяхъ, мы принуждены были останавливаться въ теченіе пяти съ половиной дней. Не можешь себѣ представить, чего мы натерпѣлись на грязныхъ станціяхъ. Самая плохая лачужка въ окрестностяхъ Москвы — дворецъ въ сравненіи съ здѣшними избами. Намъ приходилось сидѣть среди кошекъ, свиней, телятъ, куръ; мы задыхались отъ дыму; блохи, тараканы и всевозможныя насѣкомыя не давали намъ покоя. Все это, конечно, не могло насъ развеселить. Мы отдохнули только въ Козловѣ, красивомъ городкѣ Тамбовской губерніи. Тутъ услышали мы пріятныя вѣсти; впоследствии онѣ оказались ложными, но на минуту онѣ насъ успокоили, и намъ даже захотѣлось осмотрѣть городокъ. Онъ наполненъ плѣнными турками, которые, завидѣвъ красивыя дорожныя кареты наши, пришли на нихъ полюбоваться, и увѣряли, что они никогда не видывали такихъ экипажей. Въ четверть часа насъ окружило до 50 мусульманъ; всѣ они проклинали французовъ и съ радостными возгласами повторяли, что теперь они

наши друзья, такъ какъ миръ съ ними заключенъ. Двое изъ нихъ влюбилась въ Подину Валуеву и въ меня, и пришли предложить мамѣ обвинить насъ за двухъ полковниковъ. Матушка замѣтила, что дружба ихъ зашла слишкомъ далеко, и отослала насъ.

Наконецъ нынче утромъ мы пріѣхали сюда, гдѣ намъ подтвердили извѣстія, сообщенныя Кологривовыми, еще съ нѣкоторыми прибавленіями. Мама выбрала Тамбовъ для мѣстонабыванія потому, что здѣсь въ судѣ служить бывший адъютантъ отца, преданный душой и сердцемъ всей нашей семьѣ. Этотъ добрый человекъ не медля посылаетъ намъ всѣ извѣстія, получаемыя по почтѣ изъ Москвы. Вѣсти не радостны; но можно надѣяться, что, когда удалятъ подлыхъ начальниковъ, ходъ дѣлъ измѣнится. Впрочемъ, будетъ, что Богу угодно. Вся наша надежда на Его милосердіе. Растопчинъ отлично дѣйствуетъ; за это я его полюбила болѣе, чѣмъ ты когда-либо любила его. Не можешь вообразить, какъ всѣ и вездѣ презираютъ Барклая. Да проститъ ему Богъ и дасть ему сознать и раскаяться во всемъ злѣ, которое онъ сдѣлалъ. Вотъ три недѣли, что я не имѣю о тебѣ извѣстій; жду будущей почты и пріѣзда Сержа; въ пятницу или субботу онъ долженъ быть здѣсь; авось онъ привезетъ мнѣ отъ тебя вѣсточку.

3-го сентября.—Здѣсь мы узнали, что Бутузовъ засталъ нашу армію отступающею и остановилъ ее между Можайскомъ и Гжатскомъ, то-есть во ста верстахъ отъ Москвы. Изъ этого прямо видно, что Барклай, ожидая отставки, успѣшилъ сдать французамъ все, что могъ, и еслибы имѣлъ время, то привелъ бы Наполеона прямо въ Москву. Да проститъ ему Богъ, а мы долго не забудемъ его измѣны. До сегодняшняго дня мы были въ постоянной тревогѣ, не имѣя вѣрныхъ извѣстій и не смѣя вѣрить слухамъ. У насъ дыбомъ стали волосы отъ вѣстей 26 и 27 августа. Прочитавъ ихъ, я не успѣла опомниться; выхожу изъ гостиной, мнѣ на встрѣчу попался человекъ, котораго мы носылали къ губернатору, чтобы узнать всѣ подробности. Первую вѣсть, которую я услышала, была о смерти брата, Петра Валуева, убитаго 26-го. У меня совсѣмъ закружилась голова; удивляюсь, какъ изъ сосѣдней комнаты не услышали моихъ рыданій несчастныя двоюродныя сестры. Домъ нашъ не великъ; я выбѣжала во дворъ, у меня сдѣлался лихорадочный припадокъ, дрожь продолжалась съ полчаса. Наконецъ, совладавъ съ собой, я вернулась, жалуясь на головную боль, чтобы не поразить кузинъ своихъ грустными лицомъ. У меня защемило сердце, когда я взглянула на несчастныхъ моихъ кузинъ. Онѣ не получали извѣстій отъ матери ясно почему. Каждую минуту жду,

что кто-нибудь изъ семьи прїѣдетъ съ горестнымъ извѣстіемъ; больно видѣть, какъ онѣ тревожатся о матери и поминутно молятся за брата. Я не умѣю притворяться. Для меня невыносимо казаться веселой, когда я смертельно тоскую.

Въ моемъ грустномъ настроеніи я далеко не благосклонно встрѣтила твои размышленія о г-жѣ Сталь. Скажи, чтоъ случилось съ твоимъ умомъ, если можешь ты такъ интересоваться ею въ минуты, когда намъ грозитъ бѣдствіе. Вѣдь ежели Москва погибнетъ, все пропало! Бонапарту это хорошо извѣстно; онъ никогда не считалъ равными наши обѣ столицы. Онъ знаетъ, что въ Россіи огромное значеніе имѣетъ древній городъ Москва, а блестящій, нарядный Петербургъ почти то же, что всѣ другіе города въ государствѣ. Это неоспоримая истина. Во время всего путешествія нашего, даже здѣсь, вдалекѣ отъ театра войны, насъ постоянно окружаютъ крестьяне, спрашивая извѣстій о матушѣ-Москвѣ. Могу тебя увѣрить, что ни одинъ изъ нихъ не поминалъ о Питерѣ. Жители Петербурга, вмѣсто того, чтобы интересоваться общественными дѣлами, занимаются г-жею Сталь; имъ я извиняю это заблужденіе, они давнымъ-давно впадаютъ изъ одной ошибки въ другую; доказательство—приверженность вашихъ дамъ къ католицизму. Но вѣдь твоимъ, милый другъ, рѣдкимъ умомъ я всегда восхищалась, а ты поддаешься вліянію атмосферы, среди которой живешь! Это меня крайне огорчаетъ. Я этого отъ тебя не ожидала. Да что же такого сдѣлала эта дрянная Сталь, чтобы возбудить такой восторгъ? Коринна сумасшедшая, безнравственная; ее бы слѣдовало посадить въ домъ умалишенныхъ за ея сумасбродство и за бѣганіе по Европѣ пѣшкомъ съ капюшономъ на головѣ, въ намѣреніи отыскать своего дурака Освальда. Послѣдній—такая личность, которой я не могу себѣ вообразить; онъ меня бѣситъ, я не терплю этихъ нерѣшительныхъ характеровъ, которые вѣчно колеблются; въ мужчинѣ это болѣе, чѣмъ нестерпимо. Дельфина, по-моему, въ тысячу разъ хуже Коринны. Этотъ отвратительный романъ представляетъ смѣсь беззаконій и сумасбродства, его и нельзя читать хладнокровно. Можно ли восхищаться женщиной, осмѣлившейся изобразить такую скверную сцену въ церкви, а именно: женатый Леонъ требуетъ отъ Дельфины клятвы передъ алтаремъ, что она будетъ принадлежать ему? Развѣ это не отвратительно? И ты восторгаешься авторомъ такой гадости? Меня это крайне огорчаетъ; я понимаю, что мужъ твой долженъ радоваться, что ты противъ собственной воли излечилась отъ этого восторга! Если Богъ дастъ намъ встрѣтиться въ болѣе счастливую пору, я обѣщаю доказать тебѣ, что романъ этотъ съ начала до конца представляетъ собраніе самыхъ ужасныхъ идей; въ немъ во

годится, даже слогъ, которымъ онъ написанъ. Сдѣлая милость, повѣрь мнѣ, что не обстоятельства мѣшаютъ мнѣ восторгаться господою Сталь. Во всякую другую пору я была бы настолько же справедлива въ отношеніи къ ней. Я не уподоблю ее Вольтеру. Какъ онъ ни былъ дурень, все же онъ гениаленъ, онъ гадости говорилъ и проповѣдывалъ прелестнымъ слогомъ; но и этого достоинства нѣтъ у г-жи Сталь. Я сдѣлала усилие надъ собою, чтобы толковать съ тобой о постороннемъ предметѣ: лишь одно занимаетъ меня; я не знаю ни минуты покою, и еслибы не вѣра въ Божіе милосердіе и убѣжденіе, что Богу все возможно, а бы сошла съ ума, какъ Зинаида.

17-го сентября. — Чтѣ сказать тебѣ, съ чего начать? Надо придумать новыя выраженія, чтобы изобразить, чтѣ мы выстрадали въ послѣднія двѣ недѣли. Мнѣ извѣстны твои чувства, твой образъ мыслей; я убѣждена, что судьба Москвы произвела на тебя глубокое впечатлѣніе, но не могутъ твои чувства равняться съ чувствами лицъ, жившихъ въ нашемъ родномъ городѣ въ послѣднее время передъ его паденіемъ, видѣвшихъ его постепенное разрушеніе и наконецъ гибель отъ адскаго могущества чудовищъ, наполняющихъ наше несчастное отечество. Какъ я ни ободряла себя, какъ ни старалась сохранить твердость посреди несчастій, ища приближѣнѣ въ Богѣ, но горе взяло верхъ: узнавъ о судьбѣ Москвы, я пролежала три дня въ постели, не будучи въ состояніи ни о чемъ думать и ничѣмъ заниматься. Окружающіе не могли поддержать меня, какъ я предвидѣла: ударъ на всѣхъ одинаково подѣйствовалъ, на лица всѣхъ сословій, всѣхъ возрастовъ, всевозможныхъ губерній, произвелъ ужасное впечатлѣніе. Извѣстіе о битвѣ подъ Можайскомъ окончательно сразило насъ, и съ этихъ поръ ни одна радостная вѣсть не оживляла насъ. До сихъ поръ намъ еще неизвѣстны всѣ жертвы 26-го августа. Намъ назвали Валуева, Корсакова-старшаго и Бутайсова. Пока не предвижу возможности получать здѣсь новости, и прошу тебя, если получишь мое письмо, сообщи мнѣ какъ можно болѣе свѣдѣній объ убитыхъ и раненыхъ. Сообщенія съ Москвой прерваны; не знаемъ, откуда получать извѣстія, къ кому обратиться; событія такъ быстро смѣняются; мы даже не знаемъ, чтѣ сталося съ лицами, которыхъ мы оставили въ Москвѣ. Надо полагать, что вамъ извѣстно болѣе, чѣмъ намъ; вы должны знать хотя число убитыхъ. Въ положеніи, въ которомъ мы находимся, смерть не есть большое зло, и если не должно желать ея ни себѣ, ни другимъ, по крайней мѣрѣ не слѣдуетъ слишкомъ сожалѣть о тѣхъ, кого Богъ къ себѣ призываетъ: они умираютъ, исполняя самый

священный долгъ, защищая свое отечество и правое дѣло, чѣмъ заслуживаютъ благословіе Божіе. Я стараюсь проникнуться этимъ чувствомъ, а равно и внушить его моимъ бѣднымъ кузинамъ Валуевымъ.

Тамбовъ биткомъ набитъ. Каждый день прибываютъ новыя лица. Несмотря на это, жизнь здѣсь очень дешева. Если не случится непредвидѣнныхъ событій и обстоятельства намъ позволятъ сидѣть спокойно, мы проведемъ зиму въ тепломъ и чистомъ домикѣ; въ прежнее время мы бы нашли его очень жалкимъ, а теперь довольствуемся имъ. Кромѣ нашего семейства, здѣсь находятся Разумовскіе, Щукины, кн. Меншикова и Каверины. Есть много другихъ москвичей, которыхъ мы мало или почти вовсе не знаемъ. Всѣ такіе грустные и убитые, что я стараюсь ни съ кѣмъ не видаться: съ меня достаточно и своего горя.

Меня тревожитъ участь прислуги, оставшейся въ домѣ нашемъ въ Москвѣ, чтобы сберечь хотя что-нибудь изъ вещей, которыхъ тамъ тысячъ на тридцать. Никто изъ насъ не заботится о денежныхъ потеряхъ, какъ бы велики онѣ ни были; но мы не будемъ покойны, пока не узнаемъ, что люди наши, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Высокомъ, остались цѣлы и невредимы. Когда я думаю серьезно о бѣдствіяхъ, причиненныхъ намъ этой несчастной французской націей, я вижу во всемъ Божию справедливость. Французамъ обязаны мы развратомъ; подражая имъ, мы приняли ихъ пороки, заблужденія, въ скверныхъ книгахъ ихъ почеркнули мы все дурное. Они отвергли вѣру въ Бога, не признаютъ власти, и мы, рабски подражая имъ, приняли ихъ ужасныя правила, чванясь нашимъ сходствомъ съ ними, а они и себя, и всѣхъ своихъ послѣдователей влекутъ въ бездну. Не справедливо ли, что гдѣ нашли мы соблазнъ, тамъ претерпимъ и наказаніе? Одно пугаетъ меня,—это то, что несчастія не служатъ намъ урокомъ: несмотря на все, что дѣлаетъ Господь, чтобы обратить насъ къ себѣ, мы противимся и пребываемъ въ ожесточеніи сердечномъ.

23-го сентября.—Отъ времени до времени сюда пріѣзжаютъ курьеры изъ арміи, то за провіантомъ, то за лошадьми. Намъ отъ этого не легче, потому что они или ничего не говорятъ, или слова ихъ, повторяемые однимъ лицомъ другому, доходятъ до насъ совершенно искаженными. Да и что могутъ знать провіантскіе или комиссаріатскіе офицерыки? Итакъ, мы пробавляемся слухами, распускаемыми въ народѣ, которые большею частію не что иное, какъ выдумки. Судьба Москвы и арміи намъ одинаково невѣдома. Каждый день слышишь новый рассказъ.

Тамбовъ наполненъ московскими купцами; многихъ изъ нихъ я знаю, разговаривала съ ними, ни одинъ ничего не вѣдаетъ. Два два повторяютъ, что слѣдуетъ ожидать чего-то важнаго. Да избавить насъ Богъ отъ извѣстій въ родѣ всѣхъ предыдущихъ!

Въ числѣ другихъ пріятностей мы имѣемъ удовольствіе жить подъ однимъ небомъ съ 3000 французскихъ плѣнныхъ, съ которыми не знаютъ, что дѣлать: за ними некому смотрѣть. На-дняхъ ихъ отправятъ далѣе, чему я очень рада. Всѣ солдаты поляки, вѣнцы, итальянцы и испанцы. Больше всего поляковъ, они дерзки; многихъ побили за шалости. Офицеровъ человѣкъ 40 и одинъ генераль. Послѣдній—французъ, равно и человѣкъ 10 офицеровъ. Нельзя шагу сдѣлать на улицѣ, чтобы не встрѣтиться съ этими бѣшенными. Его высочество, принцъ Гогенлоу, тоже здѣсь содержится. Нынче утромъ я его встрѣтила; бѣжить по улицѣ, а за нимъ гонится солдатъ. Впрочемъ, самые многочисленныя отряды плѣнныхъ отправили въ Нижній, тамъ ихъ умираетъ по сотнѣ ежедневно; одѣтые кое-какъ, они не выносятъ нашего климата. Несмотря на все зло, которое они намъ сдѣлали, я не могу хладнокровно подумать, что этимъ несчастнымъ не оказываютъ никакой помощи, и они умираютъ на большихъ дорогахъ, какъ безсловесныя животныя.

Я совсѣмъ глупа стала. Ужь, понятіе, все, все на свѣтѣ въ милой Москвѣ оставила.

30-го сентября.—Нашъ милый, родимый городъ, нѣкогда пріютъ мира и счастья, представляетъ лишь груды пепла! Два или три купца, бѣжавшіе изъ Москвы 15-го, 17-го и 19-го числа нынѣшняго мѣсяца, сообщили намъ подробности, способныя растрогать каменное сердце. Неуспѣвшіе бѣжать изъ города до вступленія враговъ постоянно подвергаются ужаснымъ пыткамъ. Они лишены способовъ существованія; одежду у нихъ отобрали и безпрестанно заставляютъ ихъ работать, обращаясь съ ними варварски. Несчастные умираютъ отъ голода. Въ ихъ глазахъ жгутъ и разоряютъ дома ихъ господъ, для спасенія коихъ многіе изъ нихъ остались. Всѣ наши церкви обращены въ конюшни. Наполеонъ, иначе сатана, началъ съ того, что сжегъ дома съ ихъ службами, а лошадей поставилъ въ церкви. Знаешь ли что: несмотря на отвращеніе, которое я чувствую къ нему, мнѣ становится страшно за него въ виду совершаемыхъ имъ святотатствъ. Нельзя было вообразить ничего подобнаго; нигдѣ въ исторіи не встрѣчаешь похожаго на то, что совершается въ наше время. Объ арміи мы ничего не знаемъ. Въ Тамбовѣ все тихо, и еслибы не вѣсти московскихъ бѣглецовъ да не французскіе плѣнные, мы бы забыли, что живемъ во время войны. До насъ доходитъ

лишь шумъ, производимый рекрутами. Мы живемъ противъ рекрутскаго присутствія, каждое утро насъ будятъ тысячи крестьянъ: они плачутъ, пока имъ не забрѣютъ лба, а сдѣлавшись рекрутами, начинаютъ пѣть и плясать, говоря, что не о чемъ горевать, видно такова воля Божія. Чѣмъ ближе я знакомлюсь съ нашимъ народомъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что не существуетъ лучшаго, и отдаю ему полную справедливость. Здѣсь климатъ гораздо теплѣе московскаго. До сихъ поръ мы проводимъ полдня съ открытыми окнами. Каждое утро ходимъ пѣшкомъ къ обѣднѣ въ монастырь, который находится въ верстѣ отъ города; я ничего не беру съ собой, кромѣ шали, и той почти никогда не надѣваю.

Мы готовимъ корпію и повязки для раненыхъ; ихъ множество въ губерніяхъ разанской и владимірской и даже здѣсь въ близкихъ городахъ. Губернаторъ посылаетъ наши запасы въ мѣста, гдѣ въ нихъ наиболѣе нуждаются. Такъ провожу я время, другъ мой; даю также уроки Мишелю. Признаюсь: въ состояніи, въ которомъ нахожусь, я неспособенъ къ большой умственной дѣятельности. Домъ нашихъ Пушкиныхъ былъ однимъ изъ первыхъ сгорѣвшихъ домовъ.

7-го октября. — Съ третьяго дня мы подверглись новаго рода мученію: намъ приходится смотрѣть на несчастныхъ разоренныхъ войной, которые ищутъ прибѣжища въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, чтобы не умереть съ голода. Вчера прибыло сюда изъ деревни, находившейся въ 50 верстахъ отъ Москвы (по Можайской дорогѣ), цѣлыхъ девять семействъ: тутъ и женщины, и дѣти, и старики, и молодые люди. Всѣ помѣщики, имѣвшіе земли въ этой сторонѣ, позаботились во время о спасеніи своихъ крестьянъ, давъ имъ способы къ существованію. Государственные же крестьяне принуждены были дожидаться, пока у нихъ все отнимутъ, сожгутъ ихъ избы, и тогда уже отправились, по русской пословицѣ, куда глаза глядятъ. Крестьяне, видѣнные нами вчера, были разорены нашими же войсками; мнѣ ихъ стало еще жалче оттого, что, рассказывая о всемъ съ ними случившемся, они не жаловались и не роптали. Въ такія минуты желала бы я владѣть милліонами, чтобы возвратить счастье милліону людей; имъ же такъ мало нужно! Право, смотря на этихъ несчастныхъ, забываешь всѣ свои горести и потери, и благодарить Бога, давшаго намъ возможность жить въ довольствѣ посреди всѣхъ этихъ бѣдствій и даже думать объ излишнемъ, между тѣмъ какъ столько бѣдныхъ людей лишены насущнаго хлѣба. Пребываніе мое въ Тамбовѣ, при теперешнихъ обстоятельствахъ, открыло мнѣ глаза насчетъ многого. Нахожусь я здѣсь въ другомъ положеніи, думай лишь объ удовольствіяхъ и пріятностяхъ жизни,

мигъ здѣшніе добрые люди непремѣнно показались бы глупыми и очень смѣшными. Но, прибывъ сюда съ разбитымъ сердцемъ и съ душевнымъ горемъ, не могу тебѣ объяснить, какъ благодарны были мы имъ за ласковые къ намъ поступки. Всѣ наперерывъ стараются оказать намъ услуги, и намъ остается лишь благодарить этихъ добрыхъ соотечественниковъ, которыхъ мы такъ мало знаемъ. Правда, здѣсь не встрѣтишь молодыхъ людей, которыхъ все достоинство заключается въ изящныхъ манерахъ, которые украшаютъ своимъ присутвіемъ гостинныя, занимаютъ общество остроумнымъ разговоромъ, но, послушавъ ихъ, черезъ пять минутъ забудешь объ ихъ существованіи. вмѣсто нихъ, сталкиваешься съ людьми, быть можетъ, неуклюжими, рѣчи коихъ нецвѣтisty и непривы, но которые умѣютъ управлять своимъ домою и состояніемъ, здраво судятъ о дѣлахъ и лучше знаютъ свое отечество, нежели многіе министры. Сначала, привыкшіе къ свѣтской болтовнѣ, мы ихъ не могли понять, но мало-по-малу мы свыклись съ ихъ разговоромъ, и теперь я съ удовольствіемъ слушаю ихъ разсужденія о самыхъ серьезныхъ предметахъ. Здѣсь есть одинъ дорогой въ этомъ отношеніи человекъ; какъ и мы, онъ несчастный эмигрантъ. Это г. Мертваго, нѣкогда занимавшій довольно значительные посты и вынужденный оставить службу ¹⁾). Я рѣдко встрѣчала такой возвышенный умъ и свѣтлый разумъ; бесѣда его пріятна и занимательна. Онъ часто насъ посѣщаетъ и вполне очаровалъ меня. Разумовскіе тоже поселились здѣсь на всю зиму. Графъ—премилый, жена далеко не стоить его. Каждый разъ, когда мы встрѣчаемся, она выводитъ меня изъ терпѣнія. Они занимаютъ самый большой домъ въ городѣ и, несмотря на это, графиня вѣчно недовольна, и все ворчитъ. Богатство избаловало голубушку.

15-го октября.—Ты и не подозрѣваешь, добрый другъ мой, что въ настоящую минуту я нахожусь подъ однимъ кровомъ съ Шиховскими. Признаюсь тебѣ, я не воображала, что меня можетъ ожидать что-либо пріятное, и потому вся эта недѣля исполнена радости для меня. Шестъ недѣль не имѣли мы извѣстій отъ сестры, и, наконецъ, въ прошлый вторникъ я получила отъ нея длинное письмо, которому очень обрадовалась. Теперь мы убѣдились, что есть возможность переписываться съ близкими людьми, въ чемъ мы уже начинали отчаяваться. Въ среду мы получили письмо отъ нашего толстаго дворецкаго, о которомъ мы ужасно тревожились. Этотъ честный человекъ дождался послѣдней минуты, и 2-го сентября въ 11 часовъ

¹⁾ Записки его были напечатаны въ „Р. Архивѣ“ 1867.

утра, когда войска наши, возвращаясь съ Бородинскаго поля, проходили черезъ Москву, въ которую должны были вступить французы, онъ оставилъ городъ и отправился вслѣдъ за войскомъ. На улицахъ была такая давка: тутъ шли полки, везли пушки, бѣжали жители, тащились раненные, такъ что отъ нашего дома до Владимірской заставы онъ пробирался цѣлыхъ шесть часовъ. Передъ выходомъ изъ города онъ услышалъ первый выстрѣлъ французской пушки на Кремлевской площади. Письмо его раздираетъ душу; онъ описываетъ чувства свои; въ эту минуту вѣрно у него совсѣмъ закружилась голова, потому что, находясь на Тамбовской дорогѣ, онъ сбился съ пути и попалъ во Владиміръ 10-го сентября. Часть дороги прошелъ онъ пѣшкомъ, неся съ собою бумаги и деньги. Во Владимірѣ онъ заболѣлъ лихорадкой, и потому мы долго не имѣли о немъ извѣстій. Все-таки въ нашемъ домѣ еще остались двое или трое старыхъ служителей съ женами; они говорятъ, что слишкомъ стары, потому французы не возьмутъ ихъ въ солдаты; а они все же хотя что-нибудь да сберегутъ въ домѣ. Имѣніе наше, говорятъ, уцѣлѣло; а все находившееся въ Москвѣ сожжено, потому я надѣюсь, что люди наши перебрались въ Высокое. Я въ жизнь свою не утѣшусь, ежели хотя одинъ изъ нихъ погибнетъ отъ руки бѣшеныхъ злодѣевъ. Съ Москвой же надо навѣки проститься, милый другъ. Не выскажешь всего, что тамъ творится. Ежедневно сюда являются бѣглецы; послѣдніе изъ нихъ оставили Москву 26-го сентября. Своими глазами видѣли они, какъ французы обращали переви въ кухни и конюшни; иконы употребляли на дрова или бросали въ ретирады, обобравъ всѣ украшенія. Они обѣдаютъ и ужинаютъ на престолахъ, и всячески святотатствуютъ. Легко вообразить, чему подвергаются наши соотечественники, попавшіе въ руки этихъ злодѣевъ. Шаховскіе еще остаются здѣсь на сегодняшній день, слѣдовательно мы все будемъ вмѣстѣ. Завтра они ѣдутъ къ сестрѣ во Владимірскую губернію, а зиму еще не знаютъ, гдѣ проведутъ. Валуевы все съ нами. Тетка пишетъ имъ изъ Владиміра, но не говоритъ имъ о братѣ; по слогу я вижу, что она знаетъ о смерти сына, но дочерямъ желаетъ сообщить какъ можно позднѣе это грустное извѣстіе. Намъ говорятъ, что между тѣмъ, какъ вся Россія въ траурѣ и слезахъ, у васъ даютъ представленія въ театрѣ, и что въ Петербургѣ въ русскій театрѣ ѣздятъ болѣе, чѣмъ когда-либо. Нечего вамъ дѣлать! Не знаю, какъ русскій, гдѣ бы онъ ни былъ теперь, хоть въ Перу, можетъ потѣшаться театромъ! Не такъ смотреть на вещи въ другихъ мѣстахъ. Шаховскіе, прибывшіе издалика, рассказываютъ, что взятіе Москвы привело всѣхъ въ крайнее отчаяніе, въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ. Говорятъ, что въ какой-то газетѣ пишутъ,

что Москву сдали опустѣлую, увезя изъ нея все до послѣдней нитки. Видно, что кто эти газеты пишетъ, у того въ Москвѣ волосу нѣтъ. Французы, несмотря на то, что они негодая, не такъ судятъ. Поймали нѣсколькихъ курьеровъ, отправленныхъ во Францію, между прочимъ одного, посланнаго до вступленія французовъ въ Москву. Онъ везъ письма, въ которыхъ эти подлецы обѣщали своимъ соотечественникамъ описать подробно всѣ удовольствія, ожидавшія ихъ въ столицѣ Россіи, воображая, что они будутъ тамъ танцовать и веселиться. Они говорятъ о своемъ нетерпѣніи увидать самыхъ хорошенькихъ женщинъ. Другой же курьеръ, отправленный уже изъ Москвы, везъ извѣстія иного рода. Они писали, что не видывали болѣе варварскаго народа, что онъ все покидаетъ, лишь бы не преклонить колѣнъ передъ непріателемъ, что легче покорить легіонъ демоновъ, чѣмъ русскихъ, еслибы даже вмѣсто одного было десять Бонапартовъ. Когда слышишь это и читаешь петербургскія вѣсти въ родѣ вышеупомянутой, руки упадаютъ. Но не угодно ли подивиться этимъ негодаямъ французамъ, называющимъ насъ варварами, потому что мы не принимаемъ ни ихъ любезностей, ни ихъ законовъ? Можно ли завираться до такой степени! Какъ осмѣливаются они называть варварами народъ, сидящій тихо и спокойно у своего очага, по который защищается отчаянно, когда на него нападаютъ, и скорѣе соглашается всего лишиться, чѣмъ быть въ порабощеніи. Образованными они зовутъ орду бродягъ, вырвавшихся изъ ада, чтобы все жечь, разорять и проливать кровь. Чтѣ они ни говори, а быть русскимъ или испанцемъ есть величайшее счастье; хотя бы мнѣ пришлось остаться въ одной рубашкѣ, я бы ничѣмъ инымъ быть не желала, *вопреки всему*. Знаешь ли, что нашъ генералъ, у котораго въ турецкую кампанію ноги были въ параличѣ, окончательно лишился одной изъ нихъ въ битвѣ 26-го сентября. Братъ его, женатый на Нарышевиной, былъ контуженъ въ голову и оглохъ. Понемногу узнаемъ о судьбѣ знакомыхъ, но далеко не всѣхъ. Мы часто видимся съ Разумовскими. Графъ теперь неоцѣненный себе-сѣдникъ. Вездѣ ему рады, куда онъ ни придетъ. Двое или трое людей изъ его прислуги, оставившіе Москву по вступленіи французовъ, привезли извѣстіе, что дома его въ городѣ и Петровскомъ истреблены со всѣмъ, чтѣ въ нихъ находилось, то-есть милліона на два вещей. Это нисколько не омрачило его. Онъ по прежнему всегда добродушно любезенъ, за чтѣ всѣ и любятъ его. Скажи мнѣ, видѣла ли ты Растопчина? Каковъ онъ? Его потери тоже значительны.

22-ю октября. — Французы оставили Москву. Растопчинъ пишетъ изъ Владиміра, что, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Петербургъ,

онъ памѣрень вернуться въ Москву. Хотя я убѣждена, что остался лишь пепель отъ дорогого города, но я дышу свободѣе при мысли, что французы не ходятъ по милому праху и не оскверняютъ своимъ дыханіемъ воздуха, которымъ мы дышали. Единодушіе общее. Хотя и говорятъ, что французы ушли добровольно и что за ихъ удаленіемъ не послѣдовали ожидаемые успѣхи, все-таки съ этой поры всё мы ободрились, какъ будто тяжкое бремя свалилось съ плечъ. Намедни три бѣглыя крестьянки, разоренныя какъ и мы, пристали ко мнѣ на улицѣ, и не дали мнѣ покою, пока я не подтвердила имъ, что истинно въ Москвѣ не осталось ни одного француза. Въ церквахъ снова молятся усердно и произносятъ особыя молитвы за нашу милую Москву, которой участь заботитъ каждаго русскаго. Не выразишь чувства, испытаннаго нами нынче, когда послѣ обѣдни начали молиться о возстановленіи города, прося Бога ниспослать благословеніе на древнюю столицу нашего несчастнаго отечества. Купцы, бѣжавшіе изъ Москвы, собираются вернуться туда по первому санному пути, посмотрѣть, что съ ней случилось, и по мѣрѣ силъ возстановить потерянное. Можно надѣяться взглянуть на дорогія мѣста, о которыхъ я старалась не думать, полагая, что приходится навѣки отказаться отъ счастья вновь увидать ихъ. О! какъ дорога и священна родная земля! Какъ глубока и сильна наша привязанность къ ней! Какъ можетъ человѣкъ за горсть золота продать благосостояніе отечества, могилы предковъ, кровь братьевъ, словомъ все, что такъ дорого каждому существу, одаренному душой и разумомъ. Растопчинъ пишетъ Разумовскому, что какимъ-то чудомъ домъ его уцѣлѣлъ, за то въ немъ все въ дребзги разбито до послѣдняго стула. Письмо это привезъ Ишполитъ ¹⁾, котораго ты вѣрно встрѣчала у графа Льва въ Москвѣ. Онъ сказалъ намъ также, что Наполеонъ обѣщаетъ три милліона тому, кто принесетъ ему голову Растопчина. Это лучшая похвала, величайшая честь Растопчину; не то что отличіе, оказанное нѣкоторымъ личностямъ, которыхъ домъ остался неприкосновеннымъ потому, что у дверей разставлены были часовые, лишь только французы вступили въ Москву. Не знаю, извѣстна ли тебѣ прокламація Растопчина, привѣщенная у его церкви въ Вороновѣ? Передъ тѣмъ какъ удалиться нашимъ войскамъ, въ ожиданіи приближенія французовъ, графъ сжегъ все, что ему такъ дорого стоило, всё избы крестьянскія, отправилъ крестьянъ въ Воронежское имѣніе и напечаталъ листъ, въ которомъ высказываетъ французамъ свое удивленіе тому, что они повинуются негодяю и насильнику, каковъ Наполеонъ, и

1) Подчасскій.

что онъ самъ съегъ все ему принадлежащее, чтобы этотъ ужасный человѣкъ не могъ похвастаться, что сидѣлъ на его стулѣ. Повидимому, Наполеону не по вкусу пришлось комплиментъ, и съ этой поры, надо полагать, ему захотѣлось достать голову человѣка, который такъ вѣрно его цѣнитъ. Шаховскіе уѣхали въ среду утромъ. Михаилъ Вѣльгорскій уже три дня какъ здѣсь, и нынче ѣдетъ въ Пензенское свое имѣніе, гдѣ оставилъ жену, и намѣренъ пробытъ тамъ до зимы. Вѣроятно по первому снѣжному пути вернется въ Тамбовъ. Катина, Даша, Валуевы и я вздумали своими трудами обуться и прилежно вяжемъ. Въ нынѣшнее переходное время надо ко всему привыкать.

Теперь это служить намъ развлеченіемъ, а со временемъ, быть можетъ, станетъ необходимостью. Вообрази, что домъ Разумовскихъ ¹⁾ со всѣмъ, что въ немъ находилось, остался нетронутымъ; такъ какъ его начали разламывать для перестройки, то французы вообразили, что въ домъ безъ оконъ вѣрно ничего нѣтъ и не совали туда носу. Это удивительное счастье; что онъ и не сгорѣлъ; все цѣло, даже вино въ погребахъ. За то Петровское все разорено; шуточка эта стоитъ миллионъ. О нашемъ домѣ мы не вѣдаемъ; Богъ съ нимъ, лишь бы французовъ истребили.

28-го октября. — Ни отъ чего я такъ не страдаю, какъ отъ холода. Какъ нарочно я попала въ Тамбовъ въ такіе холода, которыми сами старожилы дивятся. Всѣ дома насквозь проморожены. Нашъ какъ погребъ. Мы всѣ спимъ въ одной комнатѣ и льнемъ къ печкамъ. Вотъ каково наше житье, дружокъ. Все это испытанія; ихъ надо переносить терпѣливо и покорно, ожидая лучшаго въ будущемъ. Наконецъ Валуевы узнали о смерти брата; ихъ такъ жалко особенно потому, что онъ умеръ вдалекѣ отъ семьи.

Со времени сраженія подъ Малоарославцемъ мы ничего не слышали о нашей арміи.

Нѣсколько дней тому назадъ я ужинала у губернаторши; тамъ я слышала прекрасную музыку, которая, напомнивъ мнѣ прошлое, причинила мнѣ страданіе. Наполеону мы обязаны тѣмъ, что страдаемъ отъ того, чѣмъ прежде наслаждались. Впрочемъ, все, что намъ суждено испытать, не отъ насъ зависитъ, а назначено свыше.

11-го ноября. — Я чувствую, что съ іюня мѣсяца состарѣлась на десять лѣтъ. Все, что вижу, до сихъ поръ не таково, чтобы мнѣ помолодѣть. Письма твои принесли мнѣ большую пользу: они

¹⁾ На Тверской (нынѣ Шабалкина), гдѣ помѣщается англійскій клубъ.

вывели меня изъ глубокой грусти, въ которую я была погружена. Увы, милый другъ, какъ и ты, я въ постоянной сердечной тревогѣ. Брата Николая назначили адъютантомъ въ 6-й саперный баталіонъ, которымъ командуетъ храбрый Эммануиль Сень-При. 29-го октября получили мы извѣстіе объ этомъ назначеніи. Братъ наскоро экипировался, что стоило ему большого труда, ибо здѣсь въ стѣняхъ ничего нельзя достать, и уѣхалъ третьяго дня вечеромъ. Сначала онъ отправится въ Москву, оттуда на 3 или 4 часа съѣздить въ Высокое; потомъ поѣдетъ вслѣдъ за арміей, которая вѣроятно очень уже далеко ушла, потому что 26-го октября она находилась въ окрестностяхъ Смоленска, а съ той поры она не переставала идти усиленнымъ шагомъ.

Двоюродные братья мои Валуевы теперь у родителей. Мы ежедневно ожидаемъ Александра, который долженъ пріѣхать за сестрами. Съ 30-го октября тетка моя въ Москвѣ. Лишь по прибытіи ея въ разоренный городъ объявили ей о смерти сына, и впечатлѣніе, произведенное этимъ извѣстіемъ, было тѣмъ ужаснѣе, что она окружена была развалинами; ниско ея полно отчаянія. Отъ дома ея остались лишь стѣны; службы всѣ сгорѣли и ей пришлось остановиться въ Запасномъ дворцѣ у Красныхъ Воротъ: это единственное казенное зданіе, оставшееся неповрежденнымъ. Поэтому всѣ городскія власти, какъ высшія, такъ и низшія, помѣстились въ этомъ дворцѣ; всѣхъ ихъ тамъ человѣкъ до 500. Теткѣ пришлось перейти въ домъ Яковлева въ Леонтьевскій переулокъ. Сыновья ея должны будутъ отправиться въ окрестности Ярославля. Когда началось всеобщее вооруженіе, они поступили въ полкъ, который Мамоновъ началъ организовать на свой счетъ; тутъ случилась московская катастрофа, полкъ этотъ былъ отправленъ въ Ярославль, гдѣ долженъ былъ найти всѣ способы для окончательнаго сформированія.

При воззваніи Раstopчина двоюродные братья мои, равно Лунинъ и Барановъ просили о переводѣ ихъ въ армію. Имъ было отказано, потому что, будучи придворными, они были не подвластны ни Раstopчину, ни кому другому. Тогда они по одиночѣ вышли въ отставку, а потомъ снова вступили въ свой полкъ. Потому я и полагаю, что имъ придется тоже послѣдовать за арміей, что приводитъ сестеръ въ отчаяніе, то-есть Анегу и Полину, потому что Софи ничего не чувствуетъ: пока другіе плачутъ, она позвала къ себѣ парикмахера, бѣжавшаго изъ Москвы, какъ и мы, велѣла обрѣзать себѣ волосы и завивается. Мнѣ кажется, что она кончитъ тѣмъ, что сойдетъ съ ума, какъ ея старшая сестра. Что касается двухъ другихъ, на нихъ жалко смотрѣть. Онѣ такъ и убиваются, страшно исхудали. Встати о полкѣ Мамонова: въ немъ находится

большая часть известной московской молодежи; тутъ Левашовъ, Гусятниковъ и кн. Вяземскій. Сей послѣдній возмѣлялъ дерзкую отвагу участвовать въ качествѣ зрителя въ Бородинскомъ сраженіи ¹⁾). Подъ нимъ убили двухъ лошадей, и самъ онъ не разъ рисковалъ быть убитымъ, потому что Валуевъ палъ возлѣ него. По окончаніи сраженія, онъ вернулъ въ Москву. Не слыхавъ никогда пистолетнаго выстрѣла, онъ затесался въ такое адское дѣло, которому, какъ всѣ говорятъ, не было подобнаго. Не понимаю, какъ это несчастное сраженіе могло хотя на минуту обрадовать васъ. Хотя по словамъ лицъ, въ немъ участвовавшихъ (нѣкоторыхъ я встрѣчала), это не потерянное сраженіе, однако на другой же день всѣмъ ясны были его послѣдствія. Въ Москвѣ напечатали извѣстія, дошедшія до насъ, въ которыхъ говорилось, что, послѣ ужаснаго кровопролитія съ обѣихъ сторонъ, ослабѣвшій непріятель отступилъ на 8 верстъ, но что для окончательнаго рѣшенія битвы въ пользу русскихъ, на слѣдующій день, 27-го, сдѣлаютъ нападеніе на французовъ, дабы принудить ихъ къ окончательному отступленію. Таково было официальное письмо Кутузова къ Растропчину, которое и помѣстили въ печатное извѣстіе. вмѣсто всего этого, 27-го наши войска стали отступать, и доселѣ неизвѣстна причина этого неожиданнаго отступленія. Тутъ кроется тайна. Быть можетъ, мы ее когда-нибудь узнаемъ, а можетъ и никогда; но что вѣрно и въ чемъ мы не можемъ сомнѣваться,—это въ существованіи важной причины, по которой Кутузовъ измѣнилъ планъ касательно 27-го числа, торжественно имъ объявленный вечеромъ 26-го числа.

Какъ бы то ни было, мы не имѣли даже и тѣни надежды на блестящую побѣду; ибо три дня спустя по прочтеніи вышеупомянутаго извѣстія мы узнали, что войско находится въ 15-ти верстахъ отъ Москвы, а 7-го сентября получили ужасное извѣстіе о гибели дорогаго города. Въ теченіе шести недѣль мы постоянно находились въ тревогѣ и глубокой горести, не получая ни единой отрадной вѣсти.

Послѣ сраженія подъ Малымъ Ярославцемъ, мы стали получать болѣе удовлетворительныя новости: непріятель не могъ идти на Балуку и долженъ былъ возвращаться по той же дорогѣ, по которой пришелъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ. Въ Вѣлоруссіи французовъ ожидаютъ наши войска, такъ что врядъ ли они ускользнутъ отъ насъ. Надо надѣяться, что они будутъ окончательно разбиты. Я не прихожу въ отчаяніе насчетъ нашей будущности, надѣясь на

¹⁾ A fait l'extravagance d'assister, comme simple spectateur, à l'affaire de Borodino.

Божіе милосердіе. Не тревожься и ты о будущей веснѣ, милый другъ.

Я не сержусь на Растопчина, хотя знаю, что многіе имъ недовольны. По-моему, Россія должна быть благодарна ему. Мы лишились мебели, вещей, за то сохранили нѣкотораго рода внутреннее спокойствіе. Ты не знаешь, что было въ Москвѣ съ конца іюля. Лишь человекъ, подобный Растопчину, могъ разумно управлять умами, находившимися въ броженіи, и тѣмъ предупредить вредныя и неоправимыя поступки. Москва дѣйствовала на всю страну, и будь увѣрена, что, при малѣйшемъ безпорядкѣ между жителями ея, все бы всполошилось. Намъ всѣмъ извѣстно, съ какими вѣроломными намереніями явился Наполеонъ. Надо было ихъ уничтожить, возстановить умы противъ негодея, и тѣмъ охранить чернь, которая вездѣ легкомысленна. Растопчинъ прекрасно распорядился. Чтобы успѣть въ необходимомъ, пришлось пожертвовать богатствами, потому что еслибы для сохраненія ихъ онъ напугалъ заранѣе толпу, Богъ знаетъ, что бы изъ этого вышло. Притомъ же, какъ ему было объявить о близкой опасности, когда Кутузовъ, едва прибывъ въ армію, писалъ къ жителямъ Москвы и влялся, что онъ не подпуститъ враговъ къ стѣнамъ древней столицы? Письмо это было напечатано, всѣми читалось, и, безъ сомнѣнія, имѣло болѣе вѣсу, нежели могли имѣть слова Растопчина, который однако никого не удерживалъ и радовался, вида, что господа и прислуга уѣзжаютъ изъ города. Онъ напечаталъ объявленіе, которое я читала и въ которомъ онъ говоритъ, что его удивляютъ слухи, будто онъ препятствуетъ выѣзду жителей изъ Москвы, что ему это и въ голову не приходило; напротивъ онъ радъ былъ, что уѣзжаютъ люди, опасавшіеся остаться. Между тѣмъ онъ зналъ то, чего вы не вѣдали, а именно, что крестьяне во всей Московской губерніи, удивленные и испуганные множествомъ людей всѣхъ сословій, бѣгущихъ изъ Москвы, говорили дерзости проѣзжающимъ, и могли бы зайти далѣе, еслибы за ними не было бдительнаго присмотра. Ты знаешь, что я никогда не была ослѣплена Растопчиннымъ, потому не можешь упрекать меня въ лицепріятія. Но, увѣряю тебя, что я чувствую къ нему величайшую благодарность и вижу Божіе милосердіе въ томъ, что во главѣ Москвы въ тяжелыя минуты находился Растопчинъ. Будь у насъ прежній начальникъ, Богъ знаетъ, что бы съ нами было теперь: всѣхъ бы пугала не столько гибель Москвы, сколько ея послѣдствія. Наполеонъ это хорошо зналъ и обратился не къ Петербургу, а ударилъ въ сердце Россіи.

Я бы желала, чтобы ты послушала, какъ говорятъ здѣсь о Москвѣ, здѣсь, то-есть въ губерніяхъ, составляющихъ коренную Рос-

сію, гдѣ почти не подозрѣваютъ о существованіи иной столицы, кромѣ Москвы, въ которой питаютъ какое-то священное благоговѣніе. Что касается недовольства Растопчиннымъ, оно меня нисколько не удивляетъ; въ несчастію, люди никогда не видятъ вещей въ настоящемъ ихъ свѣтѣ. Мы досадуемъ на свои потери и ищемъ кого бы за это обвинить, нисколько не руководствуясь справедливостью въ обвиненіяхъ нашихъ.

Нашъ московскій домъ сгорѣлъ въ ночь съ 4-го на 5-е сентября; сгорѣлъ также домъ Шаховскихъ и всѣ смежные дома. 2-го числа вечеромъ нѣсколько голодныхъ негодяевъ пришли просить хлѣба у нашихъ людей и у дворецкаго. Утоливъ голодъ, они ушли. Точно та же исторія повторилась на другой день, причемъ они украли вещи дворецкаго, который имѣлъ глупость разложить ихъ передъ ихъ глазами. День прошелъ довольно спокойно. Ночью подожгли Нѣмецкую Слободу и лавки. 4-го числа пришли требовать вина; у насъ въ погребахъ было много винъ и варенья, потому угощеніе долго продолжалось, и гостей было много. Потомъ они все обообрали у людей и велѣли отпертыя кладовыя; не найдя въ нихъ ничего съѣдомаго, они ничего не взяли, хотя тутъ находилось тысячь на тридцать вещей. Въ этотъ вечеръ подожгли Большую Никитскую, Арбатъ, Пречистенку, Остоженку и всѣ смежные кварталы. Нашъ домъ все держался. Наконецъ въ часъ, толпа негодяевъ ворвалась въ домъ; сломавъ двери, они поднялись въ мои комнаты, гдѣ я оставила книги, фарфоръ и множество другихъ вещей. Они начали все рвать, ломать; люди внизу слышали адскій шумъ, потому эти ванибалы подожгли мои комнаты и ушли, ничего не взявъ. Такъ какъ сосѣднія зданія уже были въ огнѣ, то нашъ домъ вскорѣ сгорѣлъ со всѣмъ въ немъ заключавшимся (чему я очень рада, ибо по-моему лучше, что все наше добро сгорѣло, нежели сдѣлалось бы добычею адскихъ чудовищъ). Тогда люди наши, полунагіе, отправились въ Высокое, куда однако прибыли здоровыми. Это милое убѣжище, благодаря Бога, осталось въ цѣлости, хотя его положеніе было небезопасно, такъ какъ оно находится между Клиномъ, гдѣ расположены наши войска, селомъ Пятницей, наполненнымъ казаками, порядочными грабителями, Волоколамскомъ, Рузой, городами, разоренными французами, и наконецъ вблизи Можайска, такъ что пушечные выстрѣлы 26-го числа слышны были въ Высокомъ. Мы полагали, что имѣніе это погибнетъ ранѣе Москвы, и потому я велѣла перевезти множество вещей въ Москву. Ты видишь, какъ ошибочны человѣческія предположенія! Москва почти не существуетъ, а Высокое цѣлехонько. Въ деревняхъ, находящихся верстахъ въ 12-ти и 14-ти отъ Высокаго, ежедневно убивали сотни мародеровъ, а въ

Высокомъ не видали ни одного солдата, какъ будто война велась въ Америкѣ. Урожай былъ прекрасный, хлѣбъ убрали какъ по обыкновенію, скотъ процвѣтаетъ, такъ что люди наши наши и убѣжище и обильное пропитаніе въ нашемъ миломъ имѣніи, которыхъ мы всё дорожимъ, потому что батюшка самъ занимался его устройствомъ. Мы многимъ обязаны нашему управляющему. Будучи вполнѣ свободенъ, онъ добровольно остался на мѣстѣ, и своею твердостью и присутствіемъ духа сберегъ намъ все до послѣдней витки. Во всей Московской губерніи врядъ ли найдется два имѣнія, уцѣлѣвшія подобно нашему.

Съ Божьею помощью, на будущее лѣто мы намѣрены посѣтить эти милыя мѣста, бывшія нѣкогда свидѣтелями нашего благоденствія. Зиму мы проведемъ здѣсь. Квартира наша невыносима, печи дымятъ, и я по крайней мѣрѣ два дня въ недѣлю лежу съ головною болью. Собираемся искать другую квартиру. Вѣльгорскіе и не думаютъ ѣхать въ Петербургъ. Очень можетъ быть, что Катина сюда пріѣдетъ родить, такъ какъ вскорѣ здѣсь соберется вся ихъ семья. Пребываніе здѣсь не представляетъ ровно никакихъ пріятностей, да кто о нихъ и думаетъ въ настоящее время! Я желала бы побывать въ Петербургѣ, чтобы повидаться съ тобой; вообще же я предпочитаю мѣста самыя удаленныя отъ шума.

Всѣ наши московскіе знакомые въ Нижнемъ, исключая Пушкиныхъ и г-жи Лобковой съ матерью, живущихъ въ Ярославлѣ. Никто не думаетъ ѣхать въ Питеръ. Въ началѣ волненія всѣ бросились въ Нижний, считая его безопаснымъ убѣжищемъ, а теперь, успокоившись, стараются забраться въ отдаленныя мѣста, гдѣ можно жить съ маленькими средствами, не дѣлая долговъ и стараясь поправить свои финансы. На прошлой недѣлѣ меня закидали письмами изъ Нижняго. Лица, ежедневно посѣщавшія насъ въ Москвѣ, узнавъ, гдѣ я нахожусь, всѣ написали ко мнѣ. Меня очень тронуло ихъ вниманіе, но я пугаюсь при видѣ множества писемъ, на которыя нужно отвѣчать. Гагарина благополучно родила въ деревнѣ, не имѣя другой помощницы, кромя своей горничной; она сама пишетъ мнѣ, равно и всѣ Оболенскіе, Соллогубъ, Небольсина и т. д. Не вѣдаю, гдѣ Вяземскіе; полагаю, онъ въ полку. Мы знаемъ, что были безсовѣстные негодяи, служивавшіе Наполеону въ Москвѣ. Не знаю, съ чего ты взяла, что Визапуръ — русскій дворянинъ; онъ не что иное, какъ мулатъ, явившійся Богъ знаетъ откуда, и годный только стоять на запяткахъ у кареты, вмѣсто негра. Загряжскій давно съ ума сошелъ; не знаю, кто такой Бестужевъ; довольно вѣрно то, что большая часть измѣнниковъ купцы, иностранцы всѣхъ націй, вообще — люди ничего не значущіе, дворянъ же весьма немного.

18-го ноября.—Мы остались въ одиночествѣ. Валуевы уѣхали вчера съ своимъ братомъ. Большая часть нашихъ знакомыхъ уѣхали въ Москву или въ ея окрестности. Осталась наша семья, состоящая изъ пяти лицъ, считая и Мишеля, да Разумовскіе. Общество сихъ послѣднихъ весьма удовлетворительно для магушки, но не для меня. Предстоящая зима кажется мнѣ весьма жалкою въ сравненіи съ прошлыми зимами. Однако я не отчаиваюсь и увѣрена, что съ Божіею помощію не буду слишкомъ тосковать. Я такъ распредѣлила свои занятія, что не имѣю ни минуты свободной и не вижу, какъ идетъ время. Пока мнѣ не приходилось страдать отъ холода въ нашей гадкой квартирѣ, я смотрѣла равнодушно на изодранныя драпировки, парусинную мебель, кривые столы; теперь же все это мнѣ кажется невыносимымъ. Впрочемъ, надъ нами сжалился одинъ здѣшній помѣщикъ и велѣлъ намъ привезти мебель изъ своего имѣнія. Я достала себѣ теплые ботинки, которыхъ не снимаю съ ногъ; эта обувь, равно и весь мой нарядъ, придаетъ мнѣ видъ пятидесятилѣтней старухи. Я никогда не была щеголихой, и потому мнѣ ничего не значить обойтись безъ щегольства. Но я не могу съ такой же философіей отказаться отъ талантовъ, которые развивала съ самаго дѣтства и которыми забавляла тѣхъ, кому желала доставить удовольствіе. Я болѣе не буду въ состояніи позабавить тебя пѣніемъ, потому что я совершенно потеряла голосъ. Вчера я попробовала кое-что спѣть и рѣшительно не могла взять ни одной ноты. Прощайте всѣ мои романы, арии, дуэты, которыми я потѣшала моихъ добрыхъ друзей! Помнишь ли ты наши ужины у дяди? Гдѣ-то онъ теперь, милый дядя! Говорятъ, домъ его сгорѣлъ. Кстати, я отказываюсь отъ многого изъ сказаннаго мной о Растопчинѣ; говорятъ, онъ вовсе не такъ безукоризненъ, какъ я полагала. Судя по послѣднимъ, вѣрнымъ свѣдѣніямъ о всемъ случившемся до и по отдачѣ Москвы, я вижу, что есть причины сердиться на графа. Ему особенно повредила его полиція, которая, выйдя изъ города въ величайшемъ безпорядкѣ, грабила во всѣхъ деревняхъ, лежащихъ между Москвой и Владимиромъ. Много есть другихъ мелочей, не дѣлающихъ ему чести. Онъ съ Кутузовымъ, какъ кошка съ собакой. Беннгсенъ одно время не въ ладу былъ съ Кутузовымъ, но они скоро помирились и теперь другъ съ другомъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ. Я обѣщала тебѣ сообщить подробности о старикѣ Кульманѣ; вотъ онъ. Не будучи извѣщенъ полиціей о сдачѣ Москвы, онъ остался въ городѣ. Въ первые же три дня по вступленіи французовъ, его ограбили, сожгли его домъ, словомъ—онъ всего лишился. Въ лохмотьяхъ, питаясь тѣмъ, что французы выбрасывали на улицу, въ отчаяніи, онъ просилъ при-

нять его въ лекаря въ одинъ изъ наполеоновскихъ госпиталей. Это доставило ему способъ существованія въ теченіе шести ужасныхъ недѣль, которыхъ не забудетъ ни одинъ русский. Когда французы удалились и наши власти вернулись въ городъ, Кульмана схватили и посадили въ тюрьму. Оттуда онъ написалъ матушкѣ письмо, раздирающее душу. Этотъ несчастный человѣкъ, служившій нашему отечеству сорокъ лѣтъ, занимая мѣста, на которыхъ онъ могъ разжиться въ теченіе года, не взялъ ни гроша. Уѣзжая изъ Москвы, мы оставили его въ довольно жалкомъ положеніи. Несмотря на свою честность и безкорыстіе, онъ попалъ въ такое положеніе, изъ котораго лишь Богъ можетъ его вывести, и все это благодаря вѣтренности и неразумію, столь страннымъ въ старикѣ, и столь намъ извѣстнымъ. Нѣмецъ нашего Мишеля, бѣдный Кленсенъ, сгорѣлъ въ нашемъ домѣ, гдѣ остался послѣ нашего отъѣзда. Съ отчаянія онъ началъ пить и въ тотъ роковой день, когда подошли Никитскую, онъ былъ такъ пьянъ, что его никакими силами не могли вытащить изъ угла, въ которомъ онъ спрятался, и такимъ образомъ онъ сталъ жертвою своей глупости и адскаго неистовства націи, считаемой за самую образованную во всей Европѣ.

Ежедневно сюда приводятъ плѣнныхъ; они крайне дерзки, такъ что губернаторъ, человѣкъ очень порядочный, обращается съ ними, какъ съ собаками.

25-го ноября. — Сколько пріятныхъ новостей, милый другъ! Сколько причинъ надѣяться, что Господь сжалятся надъ нашими страданіями, и что мы будемъ имѣть счастье отмстить за гибель милой столицы, унизивъ и окончательно уничтоживъ тирана, бывшего причиною всѣхъ нашихъ мукъ!

Нынѣ мы получили извѣстія отъ 8-го ноября, и онѣ столь удовлетворительны, что можемъ себѣ позволить предаться чувству похожему на радость! Я говорю, что чувство наше похоже на радость, ибо мы такъ давно не радовались, что даже забыли, что значить радоваться. Какъ бы то ни было, дышется свободнѣе и можно надѣяться, что снова настанутъ миръ и спокойствіе, которыхъ мы такъ жестоко были лишены. Еслибы не попалъ братъ Николай въ тотъ омутъ, отъ котораго зависитъ наша общая участь, мнѣ кажется, мнѣ бы нечего было желать. Однако, скажи мнѣ кто либо прошлый годъ, какъ проведу я зиму 12-го года, я навѣрное стала бы жаловаться на горькую участь, меня ожидающую. Вообрази, что я нахожусь посреди трехъ старцевъ (одинъ изъ нихъ отъ меня безъ ума); подъ носомъ у меня колода картъ для игры въ бостонъ, въ вечеръ я проигрываю два или три рубля. Чтобы разно-

образить удовольствія, я и мой старый поклонникъ играемъ въ пикетъ по пятаку за очокъ. Затѣмъ, взгляни на мое прошлое, сравни обстановку, въ которой ты меня знала, и теперешнюю мою жизнь, и скажи, что ты думаешь объ этомъ сравненіи.

Каждый день я катаюсь въ саняхъ и потомъ вышиваю безъ усталости. Это, признаюсь, мнѣ служить отдыхомъ и составляетъ любимѣйшее мое занятіе.

Ты желаешь знать, не приведутъ ли насъ въ Питеръ общія несчастія и потеря дома въ Москвѣ. На это я скажу тебѣ, что вашъ блестящій городъ увидитъ насъ лишь въ одномъ случаѣ, а именно: ежели служба Николинъеи принудитъ его поселиться въ Питерѣ, тогда матушка все броситъ, чтобы послѣдовать за милымъ сыномъ, чтобы своимъ присутствіемъ охранить его отъ соблазновъ, словомъ—отъ безчисленныхъ пороковъ, какими богата ваша сторона, и которымъ 17-ти-лѣтній юноша не въ силахъ противостоятъ. Николай такъ добръ, такъ довѣрчивъ, что болѣе другого нуждается въ руководителѣ, что онъ и самъ сознаетъ. До сихъ поръ онъ радуется всѣхъ насъ своимъ хорошимъ поведеніемъ, прекраснымъ характеромъ; ты понимаешь, что мы все забудемъ, коль скоро явится случай быть ему полезными.

Еще, быть можетъ, встрѣтимся мы на берегахъ Невы, ежели дядя Кошелевъ потребуетъ насъ; но я надѣюсь, что онъ этого не сдѣлаетъ. Онъ такъ несчастливъ во многихъ отношеніяхъ, что матушка не въ силахъ будетъ долго противиться его просьбѣ, ежели онъ серьезно того пожелаетъ; иначе лишь служба Николая можетъ насъ вызвать въ Питеръ. Мы — москвичи болѣе, чѣмъ когда-либо!

Странно, что, со времени несчастія, Москва стала еще милѣе для всѣхъ, кто къ ней былъ привязанъ. Многія лица, между прочимъ Апраксинны, предполагая, что мы можемъ перебраться въ Петербургъ, написали матушкѣ, совѣтуя ей не покидать Москвы, говоря, что должно стараться сгладить слѣды бѣдствій, которыя потерпѣла милая столица, жертвуя собою для общаго блага. Вотъ наши планы. Зиму мы проведемъ здѣсь, и старый Нѣмчиновъ будетъ за мной ухаживать, сколько ему угодно. Весной мы намѣреваемся посѣтить принадлежащее намъ имѣніе въ Саратовской губерніи, котораго никто изъ насъ не знаетъ. Потомъ отправимся въ наше милое Высокое, пробудемъ тамъ до зимы и тогда вернемся въ дорогую Москву, гдѣ уже строятся нѣсколько зданій и на будущую зиму можно будетъ нанять домъ. Москва, говорятъ, полна народу; въ нее съѣзжаются изъ всѣхъ сосѣднихъ губерній.

Я одного боюсь, чтобы весной житье въ Москвѣ не сдѣлалось опаснымъ, такъ какъ во время шестинедѣльнаго пребыванія въ го-

родѣ французы перебили множество народа. Не только городъ, но и окрестности усыяны трупами, заражающими воздухъ. Представь, что будетъ весной, когда растаетъ снѣгъ. Николай пишетъ, что за пятнадцать верстъ отъ Москвы уже становится тяжело дышать: колодцы, овраги и рвы вокругъ Кремля,—все наполнено мертвыми тѣлами; ихъ даже трудно отыскивать, и потому мѣры, принимаемыя противъ зла, недостаточны. Къ тому надо прибавить, что въ началѣ ноября еще не похоронены были убитые 26-го августа; Богъ знаетъ, схоронены ли они теперь. За 25 верстъ слышно было зловоніе, и ежели не примутъ рѣшительныхъ мѣръ, весной запахъ слышенъ будетъ и въ Высокомъ, находящемся не болѣе, какъ въ пятидесяти верстахъ отъ несчастнаго Бородина, что разрушило бы наши планы, и не знаю, куда бы мы дѣлись лѣтомъ въ такомъ случаѣ. Невѣстка моя беременна, и въ 1-му іюня намъ необходимо гдѣ-нибудь устроиться, чтобы она могла спокойно родить.

Впрочемъ, я стараюсь какъ можно менѣе думать о будущемъ. Господь чудеснымъ образомъ вывелъ всѣхъ насъ изъ тяжкаго кризиса; было бы неблагодарностию съ нашей стороны, ежели бы мы слѣпо не положились на Его волю съ полной увѣренностью, что тогда все пойдетъ хорошо.

Кто могъ предположить, что событія примутъ такой оборотъ? Кто могъ осмѣлиться обозначить предѣлы зла, которое въ состояніи были сдѣлать намъ французы до и по вступленіи своемъ въ Москву? Во всемъ виденъ перстъ Божій, и особенно безграничное милосердіе Провидѣнія, которое, наказавъ насъ, по правосудію Своему, не допустило однако до крайней гибели. Опасались худшаго, нежели то, что случилось. Божія благость спасла насъ отъ горя, которое для насъ было бы тяжеле многихъ другихъ. Ты помнишь, что при отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, мнѣ пришла ужасная мысль; я боялась, чтобы каннибалы не оскорбили гробницъ нашихъ отцовъ. Меня еще сильнѣе стала тревожить эта мысль, когда намъ рассказали, что чудовища эти откапывали мертвецовъ, чтобы грабить могилы. Я съ отчаяніемъ вспоминала о Дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ покоятся лучший и любимѣйшій изъ отцовъ. Николай по прибытіи въ Москву тотчасъ отправился въ монастырь, и пишетъ намъ, что памятники батюшки, равно и всѣ другіе памятники, остались въ цѣлости. У насъ какъ камень съ сердца свалился. Въ женскихъ монастыряхъ совершались мерзости; но что для насъ наиважнѣйшее, то цѣло, благодаря Бога.

Въ реляціи Кутузова сказано, что въ дѣлѣ 8-го числа финляндскій гвардейскій полкъ отличился храбростью. Въ этомъ полку находится братъ Даши Ухтомской; потрудись, милый другъ, узнать,

не въ числѣ ли раненыхъ или убитыхъ значится князь Ухтомскій. Послѣ Бородинскаго дѣла въ этомъ полку осталось въ живыхъ семь офицеровъ, въ числѣ ихъ былъ и Ухтомскій. Богъ знаетъ, по-счастливилось ли ему и на этотъ разъ. Бѣдная сестра его, которую я люблю съ дѣтства, въ ужасномъ страхѣ. Я получила отъ нея письмо и, судя по немъ, вижу, что она страшно тревожится. Письмо ея отъ 16-го октября; ей еще, значить, не было извѣстно, что произошло сраженіе подъ Малоярославцемъ.

27-го ноября.—Мы снова подверглись всѣмъ ужасамъ степной вьюги: это страшная муза, особенно когда живешь въ картонномъ домикѣ. Невольно вспомнишь о нашемъ тепломъ, уютномъ московскомъ домѣ, который былъ извѣстенъ своимъ удобствомъ въ самыхъ дальнихъ частяхъ города. Очень благодарю тебя за извѣстіе, что отысканъ крестъ Ивана Великаго. Я повторяю съ восторгомъ, что онъ не будетъ служить трофеемъ чудовищу! Однако я не могу удержать своего негодованія касательно спектаклей и лицъ, ихъ посѣщающихъ. Что же такое Петербургъ? Русскій ли это городъ, или иноземный? Какъ это понимать, ежели вы русскіе? Какъ можете вы посѣщать театръ, когда Россія въ траурѣ, горѣ, развалинахъ и находилась на шагъ отъ гибели? И на кого смотрите вы? На французовъ, изъ которыхъ каждый радуется нашимъ несчастіямъ!

Я знаю, что въ Москвѣ до 31-го августа открыты были театры, но съ первыхъ чиселъ іюня, то-есть со времени объявленія войны, у подъѣздовъ ихъ видѣлись двѣ кареты, не болѣе. Дирекція была въ отчаяніи, она разоралась и ничего не выручала. Играли русскіе и въ болѣе спокойную пору, и то зала наполнена была лишь кушачами. Чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что Петербургъ вправдѣ ненавидѣтъ Москву и не терпѣтъ всего, въ ней происходящаго. Эти два города слишкомъ различны по чувствамъ, по уму, по преданности общему благу, для того, чтобы сносить другъ друга. Когда началась война, многія особы, будучи не хуже вашихъ красивыхъ дамъ, начали часто посѣщать церкви и посвятили себя дѣламъ милосердія, чтобы умилоствитъ Бога за себя и своихъ соотечественниковъ. Ежели у насъ несли вздоръ, то по крайней мѣрѣ всѣ мы, русскіе, за исключеніемъ Петербурга разумѣется, одинаково заблуждались.

Здѣсь, въ Тамбовѣ, мѣстѣ болѣе безопасномъ, чѣмъ другія мѣста, балы, начинающіеся обыкновенно съ сентября, открыты были лишь послѣ сраженія подъ Вязьмой. До сихъ поръ ни одна дама не показывалась на балѣ, такъ что балы превратились въ мужскія собранія, гдѣ играютъ въ карты. Французскій языкъ изгнанъ; кре-

стыяне лишь только услышать, что говорят на иностранномъ языкѣ, сейчасъ же скорчатъ грозную гримасу. Въ Москвѣ съ августа мѣсяца французы не осмѣливались показываться на улицахъ: ихъ побивали камнями. Мыслимо ли было, чтобы пошли на нихъ смотрѣть въ театрѣ? Шаховскіе рассказывали мнѣ, что во всю дорогу отъ Кавказа до-сюда они были, какъ на иголкахъ; если забывшись, по привычкѣ, начинали говорить по-французски, мужики сейчасъ спрашивали ихъ, не изъ тѣхъ ли они негодяевъ, которые грабятъ Россію и Москву?

Я забыла рассказать тебѣ о перемѣнѣ моихъ отношеній къ двоюродному брату (Валуеву. Изъ заклятаго врага онъ сдѣлался моимъ поклонникомъ. Я получила отъ него такое посланіе изъ Рязани, въ концѣ коего недостаетъ лишь предложенія; въ послѣднемъ случаѣ оно было бы вполне трогательно. Во время трехдневнаго пребыванія своего у насъ, онъ преслѣдовалъ меня комплиментами и ласками, стараясь оправдаться передо мною въ своихъ прежнихъ ошибкахъ въ отношеніи меня, и зная, что онъ мнѣ извѣстенъ. Я не избѣгала объясненія, и вечеромъ наканунѣ его отъѣзда высказала ему откровенно мое мнѣніе о разныхъ вещахъ. Онъ весьма покорно выслушалъ мои замѣчанія, сознавался, что былъ невыносимъ, говорилъ, что исправился и т. д. Въ заключеніе всего этого я получила вышеупомянутое письмо. Эта перемѣна мнѣ кажется чудомъ, въ родѣ переворота въ судьбѣ Наполеона. Насталъ годъ чудесъ!

Еслибы не твое великодушіе, мы рѣшительно не вѣдали бы, что на свѣтѣ происходитъ. Нынѣче получили мы извѣстіе, что Николай съ Ипполитомъ отправились въ армію 19-го числа; теперь они уже доѣхали.

Знаешь ли, что сдѣлали французы изъ гостинныхъ Разумовскихъ, о которыхъ ты упоминаешь въ письмахъ твоихъ (надѣюсь, что мы когда-нибудь въ нихъ встрѣтимся)? Въ третьемъ этажѣ, въ кабинетѣ графа, они устроили бойню; по уходѣ ихъ тамъ нашли зарѣзанныхъ коровъ и телятъ. Въ нижнемъ этажѣ были конюшни; въ среднемъ, на убранство котораго графъ прошлымъ лѣтомъ положилъ огромныя деньги, они все истребили.

Петровское исчезло; тамъ происходили ужасы, отъ которыхъ дыбомъ становятся волосы. Московскія кладовыя были въ цѣлости до октября; въ эту пору одна изъ служанокъ, влюбившись въ какого-то негодяя-поляка, открыла ихъ разбойникамъ, равно и погреба, словомъ—мѣста, гдѣ что-либо хранилось. Потери Разумовскихъ простираются почти до двухъ милліоновъ.

Если желаешь составить себѣ понятіе объ образованнѣйшемъ народѣ, называющемъ насъ варварами, прими къ свѣдѣнію, что во

всѣхъ домахъ, гдѣ жили французскіе генералы и высшіе чины, спальни ихъ служили также чуланами, конюшнями и даже кое-чѣмъ хуже. У Валуевыхъ въ этомъ отношеніи такъ домъ отдѣляли, что въ немъ дышать нельзя и все ломать надобно, а эти свиньи тутъ жили.

2-го декабря.—Вчера въ первый разъ, съ тѣхъ поръ какъ я въ Тамбовѣ, была я на обѣдѣ, данномъ для матушки однимъ изъ богатѣйшихъ здѣшнихъ помѣщиковъ. Здѣсь для меня все ново, и есть что изучать. Я замѣтила, что есть возможность составить кружокъ изъ мужчинъ; они не щеголи и не отличаются любезностью, но за то разумные и даже пріятные собесѣдники. Что касается женщинъ, только губернаторша—милая особа, остальные нестерпимы. Всѣ съ претензіями крайне смѣшными. У нихъ изысканныя, но нелѣпыя туалеты, странный разговоръ, манеры какъ у кухарокъ; при томъ онѣ ужасно жеманятся, и ни у одной нѣтъ порядочнаго лица. Вотъ каковъ прекрасный полъ въ Тамбовѣ! Ты понимаешь, что я какъ можно рѣже буду видѣться со всѣми этими лицами, развѣ въ случаѣ необходимости. Мы каждый день видимся съ Разумовскими; она по прежнему безалаберна, а мужъ ея любезнѣе, чѣмъ когда-либо. Нынче мы у нихъ будемъ ужинать. Щукина не слишкомъ пріятная особа, я съ ней мало знаюсь, мы только виѣстѣ играемъ въ карты; мужъ ея претошный. У нихъ живетъ племянница, которая замужемъ за какимъ-то Ивановымъ,—глупое и невыносимое существо, какъ разъ подъ пару здѣшнимъ чопорнымъ дамамъ; она уже успѣла съ ними подружиться. Все это общество мнѣ не по вкусу, я бы его себѣ не избрала; но, за неимѣніемъ лучшаго, приходится имъ довольствоваться.

Вчера я видѣла пріѣхавшаго изъ арміи; онъ оставилъ главную квартиру 19-го ноября. Извѣстія, имъ привезенныя, такъ хороши, что, будучи русскимъ, нельзя не забыть о своихъ потеряхъ и не радоваться, думая о безсмертной славѣ, которую пріобрѣтаетъ наше милое отечество. Французы, особенно злодѣй Наполеонъ и его приверженцы, растерались. Я согласна: пусть эти дураки называютъ Россію варварской страной, коль скоро ихъ цивилизація привела ихъ къ добровольному подчиненію гнуснѣйшему тирану. Слава Богу, что мы варвары, если считаются образованными Австрія, Пруссія и Франція.

Сюда прислали четверыхъ плѣнныхъ французскихъ генераловъ. Князь Кутузовъ особенно рекомендовалъ одного изъ нихъ здѣшнему губернатору, родственнику своему, присовокупляя, что, слышавши, что съ плѣнными обращаются сурово, онъ желаетъ, чтобы измѣнили эту систему, ибо жестокое обращеніе съ обезоруженнымъ врагомъ

не согласно съ русскимъ характеромъ, потому съ большими генералами будутъ обращаться, какъ обращались въ Москвѣ съ Клерфельтомъ и Левенгеймомъ. Добраго старика Кутузова армія обожаетъ; вездѣ его встрѣчаютъ съ восторженными привѣтствіями. Расстопчину съ нимъ тягаться не подь силу.

Знаешь ли, что у меня бывали минуты, когда меня такъ мучило все, что я видѣла, слышала и чувствовала, что мнѣ приходила мысль идти въ здѣшній монастырь, для избѣжанія всѣхъ горестей, которыя мы испытываемъ, живя въ свѣтѣ.

10-го декабря.—Ты удивишься, узнавъ, что я собираюсь на балъ. Да, послѣ завтра я буду выплясывать съ тамбовскими щеголями. 12-е декабря, какъ тебѣ извѣстно, празднуется во всей Россіи. Вотъ и здѣшній губернаторъ, добрыйшій человекъ, вздумалъ потѣшить общество и даетъ балъ, къ которому готовятся всѣ наши франтихи.

Признаюсь, меня удивляетъ, что мнѣ приходится явиться на балъ послѣ всѣхъ тревогъ и скорбей, испытанныхъ мною въ теченіе шести мѣсяцевъ; однако, я не прочь взглянуть на провинціальныя собранія. Съ тѣхъ поръ, какъ извѣстія изъ арміи сдѣлались утѣшительнѣе, въ Россіи снова начали веселиться. Вотъ уже три недѣли, какъ здѣсь пляшутъ по воскресеньямъ, въ жалкомъ, уродливомъ домѣ, въ которомъ жители Тамбова веселятся болѣе, нежели веселились мы въ прекрасномъ московскомъ зданіи.

Наше московское собраніе только-что собирались отдѣлать и украсить на нынѣшнюю зиму, а негодия-французы превратили его въ пепель.

Ты вѣрно видала г-жу Болговскую, рожденную Салтыкову; у нея было большое имѣніе въ Смоленской губерніи. Жила она открыто, пользуясь всеми удобствами жизни. Теперь же съ пятью дѣтьми, изъ которыхъ одинъ меньше другого, она принуждена продавать платья и бѣлье, чтобы не умереть съ голоду. И сколько такихъ случаевъ!

Я часто получаю посланія отъ Валуевыхъ; онѣ такъ привязались ко мнѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ съ нами, что при всякомъ удобномъ случаѣ посылаютъ мнѣ дружескія письма. Подробности, которыя онѣ сообщаютъ мнѣ о Москвѣ, крайне интересны для человека, любящаго этотъ городъ, какъ я его люблю. Меня радуетъ привязанность народа, вообще всей націи русской, къ этой древней и почтенной столицѣ нашего милого отечества. Москва теперь какъ муравейникъ. Въ нее стекаются отовсюду. Туда идутъ транспорты даже изъ здѣшнихъ мѣстъ; поэтому тамъ жизнь

дешевле прежняго. Въ Москвѣ теперь можно все достать, даже предметы роскоши, какъ-то: шелковыя матеріи, вина, овощи и т. д.; даже общество, говоритъ Аннета, лучше прежняго. Всѣ лица, которыхъ дома уцѣлѣли, занимаются ихъ устройствомъ.

Кстати, я тебѣ не упоминала о великолѣпномъ проектѣ благотворительности, составленномъ нашими дамами. Каково твое мнѣніе о немъ? Право, женское судилище, съ предсѣдательницей во главѣ, напоминаетъ мнѣ сенатъ фей Уржели, во главѣ коего находилась королева Берта. Не знаю, видѣла ли ты эту пьесу; но увѣряю тебя, что предполагаемый комитетъ мнѣ ее напоминаетъ. Откровенно говоря, если хотятъ дѣлать добро и благотворить, то можно обойтись безъ гласности. Въ предпріятіи же этихъ дамъ я вижу желаніе выказаться. Это признаетъ тщеславія, непріятнаго и въ мужчинѣ, и которое вовсе не нравится мнѣ въ женщинѣ, назначеніе коей держаться въ сторонѣ.

У насъ въ гостиной съ десятокъ помѣщиковъ, явившихся сообщить намъ извѣстіе о побѣдѣ Витгенштейна.

17-го декабря.—Я ѣздила на балъ, чтобы не обидѣть тамбовскихъ обитателей, старалась быть веселой и до четырехъ часовъ утра танцевала. Богъ знаетъ съ какими рожами. Праздникъ былъ блестящій; даже въ столицѣ онъ бы имѣлъ успѣхъ. Никогда не встрѣчала я такой коллекціи оригиналовъ, какою пришлось мнѣ видѣть въ этотъ день.

Тамбовъ теперь въ полномъ блескѣ. Все дворянство собралось на выборы, отъ бѣдняка до богача. Пора выборовъ самая веселая въ губернскихъ городахъ. На балѣ графъ Левъ ¹⁾ насчиталъ до двадцати мундировъ одинъ другого оригинальнѣе. Тутъ, судя по мундирамъ, находились представители четырехъ царствованій; были нѣкоторые и въ сюртукахъ. Цѣлыхъ три дня послѣ бала мнѣ нездоровилось. Я отвыкла поздно ложиться, устала и вообще не охотно ѣхала на балъ. Вѣсти московскія не утѣшительны. Тамъ свирѣпствуютъ повальные болѣзни, какъ въ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ. Несчастливая столица переходитъ отъ одного бѣдствія къ другому. Надо надѣяться, что приняты будутъ строгія мѣры къ отвращенію зла и что въ стѣнахъ милаго города снова водворится здоровье, миръ и счастье, которыми онъ пользовался въ теченіе вѣковъ.

Нашъ старій майоръ, котораго ты знаешь, умеръ вслѣдствіе непріятностей, перенесенныхъ имъ во время пребыванія въ Москвѣ изверговъ. Однако, мы очень счастливы: изъ нашихъ никто не по-

¹⁾ Разумовскій.

гибъ, кромя Клемана и маіора. У Разумовскихъ же умеръ лучшій ихъ управляющій, похоронивъ въ теченіе недѣли жену, трехъ дѣтей и имѣвъ несчастіе видѣть звѣрскіе поступки изверговъ въ отношеніи къ его одиннадцатилѣтней дочери. Несчастливая тоже при-смерти. Много подобныхъ случаевъ; въ голицынской больницѣ, въ церкви, на алтарѣ, нашли мертвую дѣвочку одиннадцати лѣтъ, бывшую жертвой самаго гнуснаго злодѣйства. Сначала отъ подобныхъ новостей меня била лихорадка, но мы обязаны французамъ привычкою къ самымъ неприятнымъ ощущеніямъ: онѣ такъ часто повторяются, что не могутъ производить постоянно сильнаго впечатлѣнія.

Сумарокова въ Москвѣ и пишетъ мнѣ, что она объѣздила весь городъ и преимущественно ту сторону, гдѣ мы жили. Съ трудомъ отыскала она развалины нашего милаго дома ¹⁾. Она говоритъ, что не видавшій настоящаго положенія Москвы еще не можетъ вполнѣ ненавидѣть злодѣевъ. Я не хочу ненавидѣть ихъ, прошу Бога простить имъ ихъ злодѣйства; но положительно можно сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ міръ существуетъ, ни въ древней, ни въ новой исторіи не найдешь ноступковъ, подобныхъ преступнымъ дѣйствіямъ ихъ въ нашемъ отечествѣ.

Графиня Орлова, Лобкова съ племянницей, гр. Апраксина и многія другія намѣрены провести зиму въ Москвѣ.

Я рѣшительно отказываюсь отъ моихъ похвалъ Растопчину вслѣдствіе послѣдней его выходки, о которой мнѣ сообщили. Ты вѣрно слышала, что мадамъ Оберъ-Шальме, бросивъ свой магазинъ, въ которомъ находилось на 600,000 рублей товару, послѣдовала за французской арміей. Государь приказалъ продать весь этотъ товаръ въ пользу бѣдныхъ. Именитый же графъ нашелъ болѣе удобнымъ подѣлиться имъ съ полиціей. Младшему изъ чиновниковъ досталось на 5000 рублей вещей; сообрази, сколько пришлось на долю графа и Иванкина. Это скверно до невѣроятности. Мой двоюродный братъ, Волковъ, отказался отъ своей доли. Спиридовъ, московскій комендантъ, и князь Борисъ Андреевичъ Голицынъ, которые также были приглашены къ дѣлежу, тоже не захотѣли въ немъ участвовать; неизвѣстно, чѣмъ кончится эта исторія, но она отвратительна ²⁾.

Я еще не говорила тебѣ, что я достала дрянные фортепьяны и ноты; матушка заставляетъ меня пѣть. Если у тебя есть какія-нибудь хорошенькія пьесы, пришли ихъ мнѣ, дружокъ. Здѣсь подобныя вещи нужнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Трудно веселиться въ Тамбовѣ; благодаря всѣмъ моимъ усиліямъ, я дошла до того, что не скучаю. Слава Богу, у меня характеръ, которому скука невѣдома.

¹⁾ Въ Леонтьевскомъ переулкѣ, нынѣ графини Закреской.

²⁾ Ср. „Р. Архивъ“ 1866, стр. 705 и 729.

О Николаѣ не имѣемъ извѣстій, съ тѣхъ поръ какъ онъ въ походѣ. Сестра тоже не можетъ часто писать, потому что слѣдуетъ за Чичаговской арміей. Последнее ея письмо было изъ Пинска отъ 2-го ноября. Чтò дѣлать, надо терпѣть: горю ничѣмъ не поможешь.

Не стыдно ли вамъ отнимать у насъ Вѣльгорскихъ? Впрочемъ, берите ихъ. Катюша непременно хочетъ ѣхать, вопреки всему семейству и своему безхарактерному мужу.

24-го декабря.—Плѣнные, разсѣянные по всей Россіи, заносятъ всюду заразу, потому что сами они почти-что чумные. Прислуга наша, прѣхавшая изъ Высокаго, рассказываетъ, что по большой дорогѣ во многихъ деревняхъ есть дома, въ которые никто не смѣетъ входить; находящіеся въ нихъ умираютъ или оживаютъ, будучи оставлены на произволъ судьбы. Принцъ Ольденбургскій умеръ на третьи сутки.

Не могу выразить тебѣ, до чего меня растрогали нынче утромъ рассказы нашей бѣдной прислуги о всемъ, чтò она вытерпѣла съ конца августа до конца октября. Московскіе пожары и пожары въ деревняхъ, лежащихъ по Можайской дорогѣ, освѣщали Высокое въ теченіе трехъ недѣль такъ, что ночью тамъ было свѣтло какъ въ полдень. Въ теченіе мѣсяца наши и крестьянскія вещи лежали въ телѣгахъ. Люди насушили сухарей и собирались скрыться въ лѣсъ, единственное надежное убѣжище отъ французовъ. Непріатели были въ пятнадцати верстахъ отъ Высокаго. Рѣшительно чудомъ спасся этотъ милый уголокъ!

Съ истинной радостью думаю я, милый другъ, что намъ остается всего недѣля до Новаго года. Уноваю на милосердіе Божіе и надѣюсь, что наступающій годъ не похожъ будетъ на тотъ, съ которымъ мы расстаемся.

Тамбовъ наполненъ плѣнными. Французы считаютъ понесенный ими разгромъ за поправимую неудачу. Поляки, зная, какъ ихъ ненавидятъ у насъ, выдаютъ себя за голландцевъ или за нѣмцевъ. Жалки испанцы и португальцы: они на свободѣ и ежедневно приходятъ просить милостыню. Я съ ними говорила. Они Россію превозносятъ до небесъ, а Наполеона ненавидятъ и радуются его паденію. Между прочими, тутъ есть одинъ генераль португальскій; съ нимъ было два сына: одного убили у него на глазахъ, другой пропалъ безъ вѣсти; да дома осталась у него семья, о которой онъ въ продолженіе двухъ лѣтъ не имѣетъ извѣстій. Несчастный старикъ слова не можетъ сказать безъ слезъ. Сама я ни одного генерала не видала и сержусь на тѣхъ, кто заговариваетъ съ французами, отъ которыхъ дождешься лишь дерзостей. Когда ихъ от-

щелкаютъ, они тотчасъ осадутъ и становятся низкопоклонными. Прелестный характеръ, нечего сказать!

31-го декабря.—Ты не поняла меня относительно взгляда моего на монашескую жизнь, милый другъ. Еслибы монашеская жизнь была такова, какой ей слѣдуетъ быть, то, живя въ уединеніи, мы приближались бы къ величайшему блаженству, которое лишь возможно на землѣ. Но лучшія учрежденія искажаются подъ рукою человѣческой. Многое достойно осужденія въ жизни монаховъ, однако нѣкоторые изъ нихъ приносятъ пользу. Въ свѣтѣ же, посреди развлеченій, мы забываемъ ближняго. Что бы ты мнѣ ни говорила, я все-таки остаюсь при моемъ убѣжденіи, что уединеніемъ мы ограждаемся отъ многихъ скорбей. Въ свѣтѣ мы напускаемъ на себя неестественную чувствительность, напрашиваемся на разнаго рода неспрiятности и подвергаемся искушеніямъ. Чѣмъ меньше нитей, привязывающихъ насъ къ жизни, тѣмъ менѣе ощутительна потеря ихъ. Ты ошибаешься, думая, что я хочу избавиться отъ всѣхъ привязанностей. Между ними есть такія, которыя самъ Богъ внушаетъ намъ: слѣдуетъ каждому исполнять свой долгъ. Хотя Господь запрещаетъ любить кого-либо болѣе, чѣмъ Его Самого, но повелѣваетъ любить ближняго, а чувство это слѣдуетъ хранить и въ монастырѣ.

Впрочемъ, не бойся: пока я нужна кому-либо на свѣтѣ, я не рѣшусь идти въ монастырь. Теперь я имѣю счастье посвящать матушкѣ все мое время.

Цѣлую недѣлю мы возились съ крестьянами изъ Саратовскаго имѣнія, посланными отъ сельскаго міра. Весною отправимся въ Саратовъ, оттуда въ Сарепту къ гернгутерамъ. Они всего въ 150 верстахъ отъ насъ. Нынче утромъ получили мы два письма отъ сестры изъ Минска. Она говоритъ, что у нихъ всѣ госпитали переполнены, дороги покрыты трупами, деревни полны больными, такъ что крестьяне убѣгаютъ въ лѣса и мертвыхъ оставляютъ безъ погребенія. Это можетъ имѣть ужасныя послѣдствія. Да сохранить насъ Богъ отъ чумы! Въ Москвѣ и ея окрестностяхъ тоже свирѣпствуютъ болѣзни, равно и въ Казани, гдѣ умеръ бѣдный князь Петръ Салтыковъ. Сегодня отправили къ вамъ партію плѣнныхъ испанцевъ и португальцевъ. Берегитесь, чтобы они васъ не зачумили. У насъ остались поляки, французы и нѣмцы.

Вообрази: теперь открывается, что величайшія неостовства совершены были въ Москвѣ нѣмцами и поляками, а не французами. Такъ говорятъ очевидцы, бывшіе въ Москвѣ въ теченіе шести ужасныхъ недѣль.

Я теперь ненавижу Растопчина и имѣю на то причины. О! ежели мы съ тобой когда-нибудь увидимся, сколько мнѣ придется рассказать тебѣ. Мнѣ кажется, въ мѣсяцъ всего не передашь.

II.

1813-й годъ.

Январь — июнь.

Тамбовъ, 6-го января.—Нынче я не буду много писать тебѣ, мой милый другъ. Денежныя письма получаютъ въ здѣшнемъ почтамтѣ во вторникъ, рано утромъ, а мнѣ невозможно дожидаться твоего письма, которое я надѣюсь получить съ завтрашней почтой. Ни сегодня, ни даже завтра утромъ не будетъ мнѣ времени долго писать потому, что со вчерашняго дня у меня гоститъ Мари Сумарокова. Она останется до среды. Дорогая моя пріятельница не могла провести шести недѣль въ полутораста верстахъ отъ меня, не повидавшись со мной, выпросила у старой княгини Голицыной четырехъ-дневный отпускъ и пріѣхала ко мнѣ на два дня, не смотря на страшный холодъ. Она пріѣхала вчера въ 25° мороза въ жалкой вибитѣ, сопровождаемая горничной и лакеемъ. Не могу выразить тебѣ, какъ сильно тронуло меня ея посѣщеніе; я тѣмъ болѣе цѣню его, что въ настоящемъ положеніи моемъ я лишена многихъ радостей, о которыхъ остается лишь вспоминать. Свиданіе съ Мари живо напомнило мнѣ счастье, которымъ мы пользовались въ прошедшія времена; при этомъ я еще сильнѣе почувствовала разницу между теперешней и прошлой моею жизнью. Къ сожалѣнію, очарованіе скоро исчезнетъ. Мари не можетъ остаться дальше среды; по ея отъѣздѣ я буду себя чувствовать еще болѣе одинокой, чѣмъ прежде. Мы много говорили о тебѣ, милый другъ, и я очень обрадовалась, узнавъ, что особа, которую люблю, прекраснаго мнѣнія о тебѣ, хотя не имѣла случая съ тобой сблизиться.

Віельгорскіе тоже здѣсь съ Новаго года. Я была бы вполнѣ довольна, еслибъ могъ не разойтись нашъ теперешній вѣружокъ; но чета эта уѣзжаетъ 9-го или 10-го и пріѣдетъ въ Петербургъ въ началѣ февраля. Пишу тебѣ при гостяхъ. Вокругъ меня болтаютъ немилосердно. Здоровье мое все плохо; мнѣ даже кажется, что мнѣ хуже съ тѣхъ поръ, какъ я стала лечиться. Все-таки я слушаюсь доктора; пусть со мной дѣлаютъ, что хотятъ. Прощай,

милый дружокъ. Какъ бы я желала повидаться съ тобой! Мы бы о многомъ потолковали. Дѣлать нечего, буду терпѣливо переносить разлуку. Посылаю поклонъ твоему мужу. Все наше общество привѣтствуетъ тебя.

14-го января.—Письма уже разнесены, а я не получила отъ тебя посланія, *миленькая*. Впрочемъ, я еще не теряю надежды: здѣсь почта обходится со мной такъ же дурно, какъ и въ Москвѣ; мнѣ доставляютъ письма сутками позже, чѣмъ другимъ. Я все хвораю; на прошлой недѣлѣ я себя такъ дурно чувствовала, что страшно перепугала всѣхъ родныхъ. Думали, что у меня начинается горячка. Хотя ея нѣтъ—мнѣ все-таки не легче. Ничего нѣтъ удивительнаго. Не говоря о другихъ причинахъ, однѣ наши квартиры могутъ разстроить здоровье. Мари Сумарова дастъ тебѣ понятіе о той, которую мы занимаемъ. Она вѣрно увидится съ тобой по возвращеніи въ Петербургъ. Я свѣглась съ нашимъ помещеніемъ и не замѣчаю, до чего оно безобразно; но возгласы пріѣзжихъ свидѣтельствуютъ, что нашъ домішео нигуда не годенъ. Мнѣ это было бы рѣшительно все равно, еслибъ онъ могъ насъ защитить отъ холода и вѣтра, которые свирѣпствуютъ въ нынѣшнемъ году. Нивогда не было такой жестокой зимы. Полы и стѣны нашего жилища хуже картонныхъ, мы всѣ постоянно простужаемся; у меня простуда сопровождается разными недугами. Вѣльгорскіе и Мари расскажутъ тебѣ, какая я стала хвораю. Я все почти лежу въ постели, а если появляюсь въ обществѣ, то не иначе, какъ въ старушечьемъ нарядѣ, не смѣю надѣть корсета, и постоянно ношу вапоть и кутаюсь въ шаль, которая покрываетъ меня съ ногъ до головы. Прибавь въ этому громадный чепецъ, и тогда представишь себѣ, что я за чучело. Признаюсь, что мнѣ это начинаетъ страшно надоѣдать, призываю на помощь весь свой разумъ, чтобы не возненавидѣть Тамбовъ, гдѣ мнѣ приходится такъ хворать, послѣ столькихъ несчастій. Твое письмо возбудило во мнѣ сильное безпокойство; въ одно время съ нимъ я получила письмо отъ Катеньки и Николая изъ Вильны, отъ 11-го декабря, а ты пишешь 17-го, и сообщашь извѣстіе о горячкѣ, свирѣпствующей въ этомъ городѣ. Вообрази, какъ мучусь я за брата и сестру, не имѣя надежды получать аккуратно ихъ письма. Въ послѣднемъ письмѣ они рассказываютъ намъ, что, будучи въ разлукѣ, они ужасно терпѣли отъ холода, недостатка въ хлѣбѣ и разныхъ другихъ лишеній и встрѣтились въ Вильнѣ, въ минуту, когда вовсе не ожидали увидѣться, что было для нихъ истиннымъ счастіемъ. Волосы становятся *дыбомъ отъ

ихъ разказовъ о бѣдствіяхъ непріятельской арміи, о несчастныхъ французахъ, итальянцахъ, испанцахъ и проч., которые замерзаютъ на пути или умираютъ съ голоду. Катенька пріютила многихъ, особенно женщинъ и малолѣтнихъ дѣтей; ихъ цѣлыя тысячи слѣдуютъ за арміей Наполеона. Вся дорога отъ Минска до Вильны усѣяна этими несчастными. Кстати, я вспомнила, что ты спрашивала меня однажды, по какому случаю сестра находится въ арміи Чичагова; я все забывала отвѣтить на этотъ вопросъ. Вотъ тебѣ объясненіе. Во время кратковременнаго пребыванія своего въ Петербургѣ, прошлой зимой, мужъ ея получилъ повелѣніе отъ самого императора доставлять провіантъ войскамъ, находившимся въ то время въ Молдавіи. Такимъ образомъ, Рахмановы отправились изъ Москвы на турецкую границу, гдѣ и пробыли до времени заключенія мира съ Портою. Тогда войско направилось въ Польшу; зять мой, въ качествѣ провіантмейстера, послѣдовалъ за нимъ; сестра ни на шагъ не отставала отъ мужа. За то и приходилось ей быть свидѣтельницей происшествій, которыя немногимъ женщинамъ случается видѣть. Три дня была она на бивакахъ, ѣла, пила и спала въ каретѣ, несмотря на морозъ. По дорогѣ отъ Любичева до Борисова, она чуть не попала въ руки австрійскихъ мародеровъ; ее спасъ отрядъ казаковъ, составившій ея конвой; однако она была свидѣтельницей ихъ схватки съ нѣмцами. На другой день послѣ борисовскаго дѣла ее привезли на поле сраженія, усѣянное трупами, и наконецъ, цѣлме два дня она была подъ непріятельскими выстрѣлами. Все это нравственно потрясло бѣдную Катеньку; но она до того привязана къ мужу, что готова за нимъ слѣдовать всюду, куда повлечетъ его судьба. Приѣхавъ въ Вильно, она слегка заболѣла, чтобъ послужить ей предлогомъ, чтобъ не являться на празднествахъ, которыя тамъ готовятся. Тутъ она встрѣтила множество знакомыхъ; но никого не принимаетъ, кромѣ родныхъ и Эммануила Сень-При, котораго мы съ дѣтства привыкли считать за ближайшаго родственника. Николай не разъ былъ въ дѣлѣ; но пока цѣль и невредимъ. Софи Бибиковой дорого обошелся шифръ; брата ея Павла убили въ незначительной схваткѣ. Семейство, кажется, находится въ своемъ имѣніи близъ Нижняго. Я тебѣ говорила, милый другъ, что ты почти никого не встрѣтишь въ Петербургѣ изъ насъ, погорѣвшихъ. Всѣ понесли громадныя потери, хотя не сожалѣемъ о нихъ, но все-таки, по разуму, слѣдуетъ отложить въ сторону удовольствія и подумать о поправленіи финансовъ, болѣе или менѣе разстроенныхъ. Прошлогодняя кампанія кончилась такъ блистательно для Россіи, что всѣ мы, москвичи, рады, что

нашу собственность принесли въ жертву общему благу отечества; но какъ мы, москвичи, расчетливы и не тратимъ свыше своихъ средствъ, то и обрекаемъ себя въ теченіе этой зимы, и можетъ быть еще долѣе, вести образъ жизни для насъ совершенно новый, чтобы немножко оправиться послѣ нашихъ несчастій. Большое спасибо тебѣ, дружокъ, за четверостишіе Державина, посвященное императрицѣ Елисаветѣ. Эта несравненная женщина создана, чтобы плѣнять всѣ сердца, за то ей и отдають должную справедливость во всѣхъ уголкахъ ея имперіи, даже въ странахъ самыхъ отдаленныхъ отъ ея мѣстопробыванія. Это же самое четверостишіе Валуевы прислали мнѣ изъ Москвы вмѣстѣ съ другими стихотвореніями. Въ однихъ восхваляютъ Кутузова, въ другихъ горько насмѣхаются надъ Сперанскимъ, Барклаемъ и Чичаговымъ. Каждому воздають по заслугамъ. Мнѣ понравилось, что въ стихахъ говорится: «Первый Михаилъ призывалъ—Сперанскій, второй Михаилъ принималъ—Барклай, третій Михаилъ прогналъ—князь Кутузовъ».

Мари уѣхала въ среду утромъ въ 28° морозу. Меня очень тревожила ея поѣздка: я боялась, чтобы съ ней не случилось какой-нибудь непріятности въ дорогѣ. Конечно, я считала бы себя виновницей этого приключенія. Сегодня утромъ я узнала, что она доѣхала благополучно. Вѣльгорскіе уѣхали въ пятницу. У насъ остались одни Разумовскіе, такъ что теперь мы находимся посреди тамбовцевъ. Не безъ сожалѣнія уступаемъ мы вамъ молодую чегу. Особенно люблю я Мишеля,—онъ добрыйшій человекъ. Еслибъ у него побольше было характеру, это было бы счастьемъ для него и для жены. Прилагаю два письма, которыя прошу тебя передать ему при свиданіи. Онъ надѣется прибыть въ Петербургъ 25-го, быть можетъ прійдетъ позднеѣ, потому что долженъ остановиться въ Рязани.

Въ такомъ случаѣ, *миленькая*, побереги эти письма до его пріѣзда. Несмотря на болѣзнь, я хотѣла начать твой чепецъ; но, прикинувъ выкройку, увидала, что она не годится. Пришлось бы слишкомъ долго ждать, пока ты пришлешь другую; рѣшаюсь спать тебѣ чепчикъ по новому фасону, который Мари привезла изъ Петербурга. Если ты не полагаешься на мой вкусъ, какъ провинціальный, пришли мнѣ другую выкройку. Всѣ мои руководлія отложены въ сторону. Когда мнѣ нездоровится, я могу лишь вязать. Двѣ недѣли сряду мы не получали «Сѣверной Почты». Прошлый разъ, отправляя тебѣ деньги, я забыла заплатить за журналъ. Извини за небрежность. Скажи пожалуйста, сколько я тебѣ должна? Я слышала отъ Мари, что Голицыны въ Петербургѣ. Здѣшніе

же, то-есть старая княгиня и Федоръ съ женой, узнавъ, что мы лѣтомъ будемъ въ ихъ сосѣдствѣ, убедительно просятъ насъ побывать въ Зубриловѣ. Если всѣ наши планы будутъ приведены въ исполненіе, мы и въ нимъ отправимся. Мнѣ пріятно будетъ увидѣть Мари; я также желаю поклониться праху стараго князя, память о немъ была и всегда будетъ дорога моему сердцу. Ежедневно приводятъ сюда плѣнныхъ французовъ;—говорю о генералахъ, нижними чинами мы не интересуемся. Господа эти въ началѣ бывають очень дерзки, ихъ грубости не потакають; какъ разъ ихъ отщелкають, они становятся крайне любезными. Они простить намъ не могутъ штуки, которую мы имъ сыграли. Въ Москву они шли съ намѣреніемъ повеселиться, потанцовать съ нами, и что же? нашли пустые дома, сожгли ихъ, не выдавъ въ глаза ихъ владѣльцевъ и не получивъ ни гроша контрибуціи. Господа эти всѣмъ дѣлають визиты. Съ ними обращаются иначе, нежели съ плѣнными, взятыми въ началѣ войны. До сихъ поръ я ни одного изъ нихъ не видала; но не миную встрѣчи съ ними потому, что они вездѣ бывають и уже сдѣлали визитъ графу Льву. Въ числѣ восьми или десяти генераловъ, живущихъ здѣсь, находится Ожерб, котораго розыскиваетъ, судя по газетамъ, банкиръ Раль. Онъ привезъ съ собой полный походный штатъ; у него своя кухня, экипажи и т. д. Всѣ прочіе у него обѣдають.

Кульмана совершенно оправдали; но онъ этимъ обязанъ не Растопчину. Графъ никого не спасаетъ, а напротивъ, вводитъ въ бѣду. Свѣдѣнія, сообщенныя намъ, оказались ложными. Выходитъ, что Кульмана оправдали благодаря ходатайству Модераха и Болотникова. Бѣднякъ тотчасъ же выйдетъ въ отставку и пріѣдетъ къ намъ. Онъ жилъ въ нашемъ домѣ съ самаго пріѣзда въ Россію; вѣроятно, у насъ и умретъ. Москва битомъ набита. Во многихъ домахъ уже начали принимать, между прочимъ у г-жи Лапковой, тетки красавицы Давыдовой. Ихъ домъ остался въ цѣлости, и такъ какъ онъ очень великъ,—половину его г-жа Лапкова уступила графинѣ Апраксиной (которая едва не сдѣлалась твоей свекровью); они обѣ принимаютъ каждый вечеръ, а прежде, замѣть, Лапкова никогда и никого не угощала.

Въ Москву такъ тѣсно, что отъ тѣсноты одной боятся, чтобы не съпались болѣзни. Наѣхало много, особенно мужчинъ. Однако я написала тебѣ чуть не цѣлую тетрадь, хотя я и больна. Вообрази, сколько бы я наговорила, еслибы была здорова. Цѣлую недѣлю я не была на воздухѣ; вся укуталась въ вату и не смѣю выйти изъ комнаты. Если буду себя лучше чувствовать,

на будущей недѣлѣ предстоитъ ѣхать на обѣдъ въ одному здѣшнему помѣщику; вещь очень скучная, признаюсь тебѣ, хотя сурьга твой не согласится со мною. Нѣжно обнимаю тебя.

21-го января.—У насъ много новаго, милый другъ. Во-первыхъ, генераль Титовъ прибылъ съ тридцатью тысячами ополченцевъ. Войско это ведетъ онъ въ Малороссію. Двѣнадцать тысячъ солдатъ родомъ изъ Пензы, порядочные бунтовщики; стоитъ того послушать, какъ Титовъ о нихъ отзывается. Самое появленіе его въ нашей гостинной было крайне комично; съ тѣхъ поръ какъ онъ здѣсь, я смѣюсь болѣе, чѣмъ во всѣ прошлые мѣсяцы. Представь себѣ Титова, облаченнаго въ халатъ изъ толстаго сѣраго сукна, который онъ называетъ мундиромъ; между тѣмъ, это не что иное, какъ крестьянскій zipунъ, ужасно широкій; къ этому прибавь всѣ ордена генерала (а ихъ немалое количество), толстые эполеты, которые торчатъ до ушей, и наконецъ, самое его лицо съ вѣчной гримасой и съ постоянно мѣняющимся выраженіемъ; болѣею частію оно изображаетъ бѣшенство и негодованіе, причеъ Титовъ страшно выпучиваетъ глаза. Съ ужасными криками и возгласами влетѣлъ онъ въ нашу гостиную. Бросился обнимать матушку, чего она никакъ не ожидала, потомъ хотѣлъ заключить меня въ свои объятія. Мнѣ пришлось защищаться чуть не кулаками. Генераль пришелъ въ такой азартъ, что готовъ былъ облобызать весь свѣтъ, въ особенности меня, потому что онъ всегда во мнѣ благоволилъ. Среди всѣхъ этихъ нѣжностей онъ твердилъ намъ, что мы глупы и что странная пришла намъ фантазія поселиться въ Тамбовѣ, а не въ Нижнемъ, гдѣ находятся всѣ наши друзья и знакомые. Въ этомъ онъ правъ. Съ часъ бесѣдовали мы такимъ образомъ; вдругъ вздумалось мнѣ спросить у него, какъ принялъ онъ извѣстіе о взятіи Москвы. При этомъ лицо его такъ страшно исказилось, что я отступила на нѣсколько шаговъ, и онъ проревѣлъ: «Я хныкалъ, какъ прачка! Всего ужаснѣе то, что я лишился дома и сундука съ моимъ прекраснымъ бѣльемъ, скатертями, салфетками. Тутъ же пропало полотно, которое я собирался вамъ подарить!» Точно у этого добряка было лучшее бѣлье въ городѣ. Однажды ему случилось быть на Лейпцигской ярмаркѣ, и онъ купилъ тамъ за дешевую цѣну отличныя полотна и столовое бѣлье. Вотъ тебѣ образчикъ нашихъ разговоровъ съ генераломъ. Цѣлыхъ три дня мы болтаемъ, стараюсь какъ можно болѣе пользоваться его обществомъ. Никогда не былъ онъ такъ разговорчивъ, какъ теперь; притомъ коверкаетъ французскій языкъ

болѣе, чѣмъ когда-либо. Про своихъ солдатъ онъ говоритъ: «Это бунтующіе бунтовщики». Разумовскій иначе его не называетъ, какъ начальникомъ бунтовщиковъ. Въ сущности его должность весьма непріятная: ему приходится командовать двѣнадцатью тысячами солдатъ, которые подняли бунтъ и не хотѣли идти въ походъ, говоря, что у нихъ не обрита борода и ихъ не приводили къ присягѣ, значить они не настоящіе солдаты. Если бы Государь нуждался въ войскѣ, то велѣлъ бы объявить рекрутскій наборъ, говорятъ они, а въ ополченіе государственныхъ крестьянъ не берутъ, значить, все это выдумка помѣщиковъ, которые хотѣтъ выдать ихъ французамъ, и что указъ вовсе не отъ Государя, а отъ ихъ же начальниковъ. Эта исторія происходила въ ста верстахъ отъ насъ, на границѣ Пензенской губерніи. Пришлось высѣчь вкучомъ триста главныхъ мятежниковъ, да сотни двѣ или три прогнать сквозь строй; наконецъ принуждены были выстрѣлить въ нихъ картечью; причеиъ пало человекъ пятьдесятъ. Послѣ этого бунтовщики двинулись; но до сихъ поръ видно, что у нихъ недоброе на умѣ. Дорогой они переговаривались довольно подозрительно. Эти молодцы ограбили два города, сожгли нѣсколько деревень и даже имѣли намѣреніе перерѣзать своихъ начальниковъ и помѣщиковъ. Эта разбойничья шайка находится теперь въ нашемъ городѣ и мы отъ нея избавимся лишь черезъ три дня. Я желаю, чтобы они ушли подальше: пока они въ нашей губерніи, я не успокоюсь, хотя за ними и слѣдуетъ батальонъ регулярнаго войска и четыре пушки. Въ отрядѣ Титова находится полковникъ Дмитріевъ, женатый на Рихтеръ, которую ты вѣрно прежде видала въ Москвѣ. Эта чета пробудетъ здѣсь еще два дня. Мы всѣ восхищаемся храбростію женщины, которая ѣдетъ вслѣдъ за бунтовщиками. Когда вспыхнулъ бунтъ, она была оволо мужа и чуть не пала жертвой мятежа, потому что мятежники хотѣли схватить казенный ящикъ, который, полагали, находится подъ ея охраной. Она едва успѣла убѣжать съ ребенкомъ и деньгами. Человекъ двѣнадцать мятежниковъ бросились за ней въ погоню; но не догнали ея. Мужъ ея былъ свидѣтелемъ всего возстанія, и самъ не понимаетъ, какъ онъ остался цѣлъ. Мы не были съ ними знакомы въ Москвѣ, только встрѣчались иногда; здѣсь же мы положительно неразлучны.

Генералъ остается здѣсь на три недѣли. Онъ ждетъ, чтобы весь отрядъ войска, находящійся у него подъ начальствомъ, прошелъ черезъ Тамбовъ. Отрядъ этотъ составляютъ ополченцы изъ губерній: Казанской, Симбирской и Пензенской. Первые двѣ милиціи держатъ себя исправно, такъ что когда Пензенская уда-

лится отсюда, мы будемъ совершенно покойны. На-дняхъ должны прѣхать сюда долговазый Васильчиковъ, Гурьевъ и одинъ изъ Голицыныхъ; всѣ эти господа служатъ при Титовѣ и проведутъ съ нами дней десять. Титовъ говорить, что общалъ имъ остановиться подольше въ Тамбовѣ въ припадкѣ любезности, случающемся съ нимъ, по его словамъ, разъ въ недѣлю; въ остальные же дни онъ весьма суровъ, а прежде онъ бывалъ любезенъ лишь разъ въ году. Несмотря на всѣ эти развлеченія, весьма обыкновенныя въ прежнее время и рѣдкія въ теперешней жизни нашей, мы сильно были встревожены эти дни. Горничная матушки была при смерти. Эта отличная женщина служила ей двадцать девять лѣтъ; всѣ мы родились и выросли при ней. Теперь ей полегче; но болѣзнь ея тянется уже три года; нельзя слишкомъ рассчитывать на ея выздоровленіе. Боюсь, чтобы мы ея не лишились. Потеря эта была бы весьма чувствительна для матушки, которая очень къ ней привязана. Она совершенно свободна, но никогда не рѣшалась съ нами разстаться, даже имѣя случай выгодно выйти замужъ. Во всякое время намъ тяжело было бы потерять ее, тѣмъ болѣе при теперешнихъ обстоятельствахъ. Кстати о горничныхъ. Я свою выдала замужъ за камердинера брата моего, и теперь мнѣ прислуживаетъ тринадцати-лѣтняя дѣвчонка, которая рѣшительно ничего не умѣетъ дѣлать. Вообще, нынѣшній годъ приходится мнѣ переносить всевозможныя лишенія и испытанія. Впрочемъ, это лишеніе для меня самое маловажное, хотя я очень привыкла къ Надеждѣ; но я такъ мало нуждаюсь въ прислугѣ, что могу безъ нея обойтись. У насъ въ домѣ много больныхъ. Три дня тому назадъ намъ съ мама пришлось самимъ приготовить себѣ на ночь постели: единственной служанкѣ, оставшейся у насъ, сдѣлалось дурно въ ту минуту, какъ она намъ понадобилась. Я свыглась съ такого рода жизнью; несноснѣе всего холодъ, отъ котораго намъ приходится страдать. Я сплю въ салоуѣ, покрываюсь двумя шубами, и несмотря на это почти все время дрожу. Однако вотъ уже нѣсколько дней я чувствую себя здоровѣе, чему очень рада; съ здоровьемъ все можно перенести. Мы не имѣемъ извѣстій отъ Катеньки и Николая вотъ уже цѣлыя двѣ недѣли. Пишетъ ли тебѣ братъ? ¹⁾ Не посылай мнѣ болѣе нотъ. У насъ отняли несчастное фортепіанишко, которое было намъ дано на время, такъ что теперь я не могу пѣть. Вмѣстѣ съ домомъ и вещами суждено мнѣ было лишиться голоса и моего

¹⁾ Князь Иванъ Ивановичъ Одоевскій, убитый въ сраженіи при Бриеннѣ, родной братъ В. Ив. Ланской.

небольшого таланта. Стараюсь и съ этимъ примириться и понемногу приучаю себя къ забвенію всего, что способно возбудить во мнѣ сожалѣнія о прошломъ. Прощай, милый другъ. Перо валится изъ оконечившей руки. Вотъ уже цѣлыхъ шесть недѣль у насъ стоитъ 25° морозу. Хотя и не выхожу изъ дому, а совсѣмъ замерзла, не могу связать двухъ мыслей. Я тебѣ не говорила еще о здѣшнемъ губернаторѣ. Онъ достойнѣйшій человѣкъ, и потому его отставили, вслѣдствіе доноса толстаго гусара Кологривова. Онъ всячески оклеветалъ Нилова; факты и, наконецъ, свидѣтельство всей губерніи опровергаютъ его слова; здѣсь долго будутъ сожалѣть о Ниловѣ; однако Кологривову повѣрили и Нилова смѣнили. Всѣхъ это огорчаетъ, а меня нисколько даже не удивляетъ: я убѣждена, что призваніе честныхъ людей въ этомъ мѣрѣ страдать отъ негодяевъ. Неужели мужъ твой и за это мнѣніе будетъ вставать противъ меня? Пусть онъ поспоритъ со мной, я докажу ему какъ дважды два четыре, что я права. Какъ я ни одѣпнѣла отъ холода, а все не могу разстаться съ тобой, пока не испишу послѣдній клочокъ бумаги. Однако прощай, *премильнейшая*, всей душой люблю тебя.

28-го января. — Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидала я нынѣшней почты, милый другъ. Давно не получала я отъ тебя писемъ — боялась, чтобъ на этотъ разъ надежда моя не была обманута. Наконецъ, принесли мнѣ твое письмо отъ 3-го сентября; оно долго гдѣ-то валялось, наконецъ попало въ московскій почтамтъ, откуда переслалъ мнѣ его нашъ управляющій. По почерку я заключаю, что ты не совсѣмъ здорова. Пока я тревожилась о тебѣ, принесли мнѣ письмо твое отъ 9-го января, гдѣ ты сообщаешь мнѣ, что хворала и чуть не выкинула. Извѣстіе это меня очень огорчило. Матушка говорить, что въ твои лѣта, если хорошенько беречься при первой беременности, то можно избѣжать несчастныхъ случаевъ. Теперь я побраню тебя, милый дружокъ. Можно ли такъ бояться минуты, которая должна тебя осчастливить. Ты будешь матерью крошечнаго существа, такого миленькаго, прелестнаго, оно у меня уже теперь вертится передъ глазами. Предаваясь Божіей волѣ и будучи разумной, можно ли опасаться неизбежнаго случая, который для тебя будетъ источникомъ счастья? Ты болѣе многихъ способна цѣнить его. У тебя такое нѣжное и любящее сердце. И, Боже мой, почему для насъ одна минута страшнѣе другой? Во всякое время нашей жизни мы находимся въ рукахъ Провидѣнія, которое всѣмъ управляетъ. Развѣ не видимъ мы, какъ выздоравливаютъ больные, которыхъ

мы считали неизлечимыми, а иногда люди цвѣтушіе здоровьемъ внезапно умираютъ. Вооружись мужествомъ, это прекрасная добродѣтель для женщины; прогоняй отъ себя страхъ, не бойся страданій, помни, что они доставятъ тебѣ счастье; а главное, предайся волѣ Божіей. Господь требуетъ отъ насъ смиренія и покорности Его святой волѣ, и тогда осыпаетъ насъ всевозможными благами. Одного я опасуюсь, не слишвомъ ли сильно подѣйствуетъ на тебя видъ страданій твоего свекра. Быть можетъ, въ настоящую минуту ты въ глубокомъ траурѣ, боюсь, чтобы похороны не подѣйствовали на твое здоровье. Ты прежде боялась всего, что напоминаетъ о смерти. Часто думаю я о тебѣ въ настоящемъ моемъ положеніи. Живу въ тѣснотѣ, постоянно у меня передъ глазами больная горничная моей матери, ей все становится хуже и хуже. На прошлой недѣлѣ ее соборовали. Я присутствовала при этомъ таинствѣ и нахожу, что не безъ пользы для меня. Къ счастью моему, я съ дѣтства привыкла не страшиться печальныхъ обрядовъ и не удаляюсь отъ нихъ, да и негдѣ спрятаться въ нашей квартирѣ. Мое здоровье не особенно цвѣтущее. Мы получили письмо отъ брата и сестры отъ 26-го декабря. Катенька оставила Вильну и вмѣстѣ съ мужемъ ѣдетъ вслѣдъ за арміей Чичагова. Николай тоже уѣхалъ вмѣстѣ съ Сень-При, отъ котораго я получила прелюбезное письмо недѣлю тому назадъ. Я попеняю сестрѣ за то, что она мнѣ ни слова не пишетъ о твоёмъ братѣ. Привнаюсь, она бы избавила меня отъ лишннихъ тревогъ. Я не разъ думала, что ты мнѣ не пишешь потому, что случилось что-либо недоброе съ твоимъ братомъ. Вотъ уже нѣсколько времени я все слышу, что сюда ожидаютъ твоего дядю Сергѣя. Буду ждать его съ нетерпѣніемъ, потому что онъ привезетъ мнѣ маленькое посланіе отъ тебя. Не знаю насколько дурна твоя тетка, одному радуюсь, что тебѣ больше не придется имѣть съ ней дѣла. Должно быть, мнѣ во снѣ приснилось, что ты разошлась съ семействомъ Апраксиныхъ. Я очень рада, что между вами не было размолвки. Ссоры—негодная вещь, особенно между родственниками. Надо тебѣ сказать, что мы въ большомъ ладу съ кузеномъ, онъ намъ посылаетъ пріятныя письма. Вмѣстѣ съ братомъ онъ отправляется въ армію, что весьма тревожитъ тетушку. Аннета прислала мнѣ смѣшную пѣсню, въ ней говорится о пляскѣ Наполеона. Если она тебѣ незнакома, хочешь, я тебѣ ее пришлю? Презабавная вещь. Титовъ все еще здѣсь, но у него дѣла по горло, и мы почти не видимся.

Съ недѣлю тому назадъ мнѣ пришлось ужинать у Разумовскихъ съ однимъ плѣннымъ генераломъ. Никому не извѣстно,

какой онъ націи. Мнѣ кажется, что онъ полякъ. Ему лѣтъ шестьдесятъ. Повидимому я очень понравилась ему, онъ все время сидѣлъ во мнѣ меня, пока я играла въ карты, и не переставалъ желать, чтобы я выигрывала; точно, мнѣ очень везло въ этотъ вечеръ, желаніе его сбылось. Каждый день сюда приводятъ новыхъ плѣнныхъ. Въ душѣ я ихъ ненавижу; но у меня не хватаетъ духу быть къ нимъ невнимательной, и если въ обществѣ мнѣ приходится съ ними говорить, я бываю очень любезна. Настоящихъ французовъ до сихъ поръ мнѣ не приходилось встрѣчать; но, вѣроятно, я съ ними обошлась бы такъ же, какъ и съ другими. Прощай, мой дорогой другъ.

29-го января.—Вчера написала тебѣ по почтѣ, милый другъ, а сегодня пользуюсь удобнымъ случаемъ, чтобы передать тебѣ извѣстіе о Віельгорскихъ. Когда я запечатала письмо, графъ Левъ прислалъ намъ длинное посланіе своего управляющаго, который докладываетъ ему, что Мишель не остановился въ приготовленномъ ему помѣщеніи въ домѣ Разумовскихъ, а живетъ у Ѳедора Голицына. Какъ только они пріѣхали, жена Мишеля почувствовала сильную боль, а 24-го января родила. Все это произошло вслѣдствіе глупости этой четы, которая уѣхала въ самую распутицу. Даже здоровые мужчины, пріѣзжая сюда изъ Москвы, жалуются, что ихъ всѣхъ растрясло. Вообрази, каково было Катипѣ. Дѣло въ томъ, что несчастнымъ Віельгорскимъ приходится очень плохо. Прежде чѣмъ самимъ выѣхать изъ деревни, они отправили въ Петербургъ всѣ свои вещи и пустились въ дорогу, не взявъ даже тюфяка. Они спали на диванахъ и полагали, что и въ Москвѣ обойдутся безъ постелей, но въ теперешнемъ положеніи Катипы это очень неудобно. Мама всячески отговаривала ихъ отъ поѣздки. Мишелю вовсе не хотѣлось ѣхать; но Катипа настояла на своемъ и поплатилась за упрямство. Надо признаться, необходимо, чтобы старшіе руководили молодыхъ особъ, а воспитанницамъ Смольнаго монастыря недостаточно одного ментора, имъ нужно цѣлый десятокъ. Прежде всего въ нихъ слѣдуетъ развить здравый смыслъ, а потомъ выработать характеръ. Изъ всѣхъ воспитанницъ Смольнаго, которыхъ я знаю, единственное исключеніе составляетъ моя невѣстка. Іосифъ, намѣревавшійся погостить у насъ, узнавъ о несчастномъ положеніи своихъ, нынче же отправляется въ Москву. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы вручить ему письмо, которое онъ отправить къ тебѣ изъ Москвы.

Нынче я дамъ тебѣ маленькое порученіе, дружокъ. Надѣюсь, что мужъ твой не откажется помочь тебѣ исполнить мою просьбу.

Я говорила тебѣ, что всѣ мои книги сгорѣли въ Москвѣ, такъ, что еслибы не г-жа Нилова, мнѣ невозможно было бы учить Мишу. Она снабдила меня необходимыми учебниками. Намъ предстоитъ провести три лѣтнихъ мѣсяца въ Саратовѣ. Я лишена буду книгъ, которыми пользуюсь въ Тамбовѣ и, если ты не можешь мнѣ, пріятелю твоему Мишѣ долго придется бить баклуши. Пришли мнѣ «Историческій словарь знаменитыхъ людей» въ двѣнадцать томахъ, in quarto. Онъ у меня былъ, но я имѣла глупость оставить его въ Москвѣ. Девять первыхъ томовъ давно куплены были матушкой; три послѣдніе вышли гораздо позднѣе, и я приобрѣла ихъ прошлой зимой. Это отличный сборникъ; съ помощью его я прохожу съ братомъ весь курсъ исторіи; мы перебираемъ по порядку царствованія разныхъ династій. Благодаря роспискѣ, которую ты мнѣ прислала, я получила вчера 5 № «Сѣверной Почты». Титовъ тебѣ низко кланяется. Онъ не напутку занять мной. Но когда онъ мнѣ проигрываетъ въ карты, страсть его улегучивается. Вчера онъ засадилъ меня за ломберный столъ и затѣялъ игру вовсе мнѣ незнакомую, несмотря на то я выиграла у него 50 рублей. Онъ мнѣ кинулъ въ лицо карты, началъ рвать себѣ волосы, пришелъ въ совершенное отчаяніе. Черезъ полчаса все прошло, и онъ сталъ меня увѣрять, что еслибъ ему вдумалось жениться, онъ посватался бы за меня. Прощай дружокъ, заканчиваю письмо потому, что у насъ обѣдаютъ гости, и мнѣ надо принарядиться насколько это возможно въ Тамбовѣ.

4-го февраля.—Вчера дядя твой принесъ мнѣ письмо и ноты, которые ты мнѣ посылаешь. Искренно благодарю тебя за аккуратное исполненіе моихъ порученій; но ты позабыла сказать мнѣ, сколько я тебѣ должна за посылку. А я желаю не уступать тебѣ въ аккуратности и поскорѣе уплатить свой долгъ. Я ожидала извѣстія о кончинѣ твоего свекра. Надѣюсь, что съ Божіею помощью горе и тревоги, причиненныя тебѣ этой потерей, не слишкомъ повредятъ твоему здоровью. Понимаю, какъ тяжелы были для тебя неудобства, которыя тебѣ пришлось переносить во время болѣзни свекра, особенно въ твоемъ положеніи; но я не жалѣю, что ты терпѣла эти неудобства, потому, что ты исполняла свой долгъ. Жертвовать нашимъ покоемъ для спокойствія страждущихъ—величайшій нашъ долгъ въ отношеніи каждаго человѣка, а тѣмъ болѣе ближайшихъ нашихъ родственниковъ. Радуюсь, что ты неизмѣнна, такой желаю чтобы осталась ты навсегда. На твоемъ мѣстѣ я поступала бы по твоему; такъ слѣдуетъ дѣйстви-

вать, чтобы сохранить безупречную совѣсть—величайшее и единственное истинное благо. Быть можетъ, письмо мое застанетъ тебя матерью семейства. Заранѣе поздравляю тебя. Да благословить тебя Богъ и да поможетъ тебѣ исполнить всѣ материнскія обязанности, и да пошлетъ онъ тебѣ утѣшеніе и вознагражденіе, которыя посылаетъ всѣмъ исполняющимъ его заповѣди. Предвижу, что на нѣкоторое время переписка наша пріостановится. Какъ мнѣ это ни прискорбно, но я охотно примиряюсь съ этой непріятностію; такъ я всегда поступаю, когда вижу, что непріятность неизбѣжна. Я буду продолжать аккуратно посылать тебѣ мой дневникъ въ видѣ писемъ. Для меня большое наслажденіе болтать съ тобой, дружокъ. Одно меня беспокоитъ, признаюсь тебѣ, что ежели, со временемъ, ребенокъ, котораго ты такъ страстно желала имѣть, будетъ отвлекать тебя отъ постороннихъ занятій, это отзовется на нашей перепискѣ. Впрочемъ, съ моей стороны было бы безуміемъ ревновать тебя въ мужу или ребенку. Это два существа, имѣющія безграничное право на твою любовь. Не въ силахъ буду сердиться на тебя, если ты въ самомъ дѣлѣ покинешь меня; буду горевать втихомолву, про себя. Не весело предвидѣть такое огорченіе въ будущемъ. Я молюсь всѣмъ святымъ, прося, чтобы горе это миновало меня. Ты желаешь знать мое мнѣніе о нотахъ. Охотно сообщила бы его тебѣ; но, представь, что я нахожусь въ положеніи Тантаала. Ноты постоянно у меня передъ глазами, а фортепьяно у меня отняли, играть не на чемъ. Другого инструмента нигдѣ отыскать не могли. Лишеніе, положимъ, не очень велико, а все-таки я съ нетерпѣніемъ ожидаю переѣзда въ Саратовъ. Тамошній губернаторъ большой музыкантъ, онъ давно знакомъ съ нашимъ семействомъ. У него есть цѣлый оркестръ. Надѣюсь, что съ его помощью мнѣ возможно будетъ заняться музыкой. Это такое пріятное развлеченіе, особенно когда съ тѣхъ поръ, какъ себя помнишь, постоянно слышала музыку. «Весталеу» я давно знаю. Еще въ Москвѣ у меня была эта опера, а ее тамъ и оставила со множествомъ другихъ нотъ. Я очень рада, что ты выбрала для меня именно эту оперу. Это такая прекрасная музыка!

Не знаю, какъ мнѣ отозваться о твоёмъ дядѣ. Я очень сомнѣваюсь въ его учтивости. Когда онъ явился къ намъ, я сидѣла въ гостиной, и матушка познакомила меня съ нимъ. Несмотря на это, онъ ей, а не мнѣ, отдалъ твою посылку и письмо, адресованныя на мое имя; мама передала мнѣ ихъ въ его же присутствіи. Онъ съ доброй часъ просидѣлъ у насъ, со мной не сказавъ ни слова, и ушелъ, обѣщаясь еще побывать. Посмотримъ,

какъ онъ обойдется со мной въ другой разъ. Впрочемъ, я охотно избавила бы его отъ бесѣды со мною. Когда я вспомню, что онъ и супруга его такъ много тебя огорчали, мнѣ стѣбитъ большого труда удержаться и не высказать ему, какъ я его ненавижу. Матушка спросила его: «что вы теперь намѣреваетесь дѣлать, послѣ постигшаго васъ горя?» Онъ отвѣчалъ довольно неопредѣленно. Вотъ почему я повторяю тебѣ этотъ же вопросъ. Ты можешь себѣ представить, какъ бы я обрадовалась, еслибы вы рѣшились хотя на время покинуть блестящій Петербургъ и пожить въ нашей милой Москвѣ. Еслибы я могла провести съ тобой будущую зиму, это бы вознаградило меня за всѣ горести, перенесенныя мной въ теченіи нынѣшняго года. Присутствіе твое придало бы прелесть даже Тамбову. Какъ славно зажили бы мы вмѣстѣ въ милой Москвѣ, которая, со времени своихъ несчастій, стала еще дороже для каждаго русскаго. Не смѣю и надѣяться на такое счастье! Хотя видъ Москвы и огорчилъ твоего дядю, онъ говоритъ однако, что, кромѣ уцѣлѣвшихъ домовъ, исправили до 500 строеній, отъ которыхъ послѣ пожара остались однѣ стѣны, а теперь въ нихъ можно жить даже нынѣшней зимой. Можешь судить, сколько настроятъ домовъ въ теченіи лѣта. Дядю твоего удивила также дешевизна, особенно при сравненіи съ Петербургомъ, гдѣ все такъ дорого. Не подумай, что въ Москвѣ дешево все потому, что мало жителей: ихъ уже теперь около ста тысячъ, они гнѣздятся гдѣ попало, лишь бы жить въ Москвѣ, въ которой они привязаны душой и тѣломъ. Растопчинымъ крайне недовольны. Я всегда считала его легкомысленнымъ, но не воображала, чтобы онъ былъ до такой степени ничтоженъ. Это дурная личность во всѣхъ отношеніяхъ. Сначала онъ поставилъ полицію на хорошую ногу, а теперь она дѣлаетъ Богъ знаетъ что, грабить, мошенничаетъ, а графъ притворяется, будто ничего не вѣдаетъ. Словомъ—съ знаменательнаго числа, со 2-го сентября, полиція, которой назначеніе возстановлять порядокъ, состоитъ изъ шайки разбойниковъ, и первая даетъ примѣръ грабежа и всевозможныхъ несправедливостей.

Теперь въ Тамбовѣ находится множество полу-военныхъ—такъ называю я ополченцевъ. Нижегородская милиція удалилась, управляясь въ Подольскую и Волынскую губерніи.

Въ теченіи трехъ недѣль мы перевидали много знакомыхъ. Всѣ они были здѣсь проѣздомъ, и оставались у насъ недолго. Волшебный фонарь скоро закроется. Генераль Титовъ, осмотрѣвъ все свое войско, состоящее изъ 35 тысячъ, уѣзжаетъ самъ нынче въ ночь и увозитъ обоихъ своихъ адъютантовъ, изъ которыхъ

одинъ Голицынъ (изъ младшихъ братьевъ). Вчера были именины матушки. Титовъ провелъ съ нами весь день, былъ крайне милъ и любезенъ. Мы искренно сожалѣемъ объ его отъѣздѣ; онъ точно доставлялъ намъ большое удовольствіе. Нѣсколько дней тому назадъ, ужиная у насъ и найдя меня, вѣроятно, милѣе обыкновеннаго, онъ вздумалъ выразить мнѣ свою нѣжность и восторгъ и назвалъ меня «гвоздичной розой (rose à l'oeillet)». Невѣстка моя съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе мнѣ нравится. По какому-то чуду, больная наша чувствуетъ себя гораздо лучше. Не слишкомъ полагаюсь на ея выздоровленіе, по крайней мѣрѣ теперь она не рискуетъ умереть каждую минуту. Прощай, милый другъ.

11-го февраля. — Я немного напишу тебѣ сегодня, дружокъ, потому что очень страдала. Съ недѣлю у меня судороги то въ головѣ, то въ груди. Теперь мнѣ полегче, и я этимъ пользуюсь, чтобы увѣдомить тебя о моей горькой участи; съ нѣкотораго времени я постоянно хвораю. Жду не дождусь минуты отъѣзда изъ Тамбова. Даже и здѣсь преслѣдуетъ меня сватовство. Я думала, что хотя нынѣшнюю зиму меня оставить въ покоѣ. Не тутъ-то было. Здѣсь есть одинъ богачъ, когда я взгляну на его рожу, мнѣ становится тошно; такъ вотъ говорятъ, будто я за него выхожу замужъ. Я имѣю основаніе думать, что онъ не прочь предложить мнѣ руку и сердце, и почти убѣждена, что онъ говоритъ обо мнѣ и самъ распускаетъ подобныя слухи. Мнѣ извѣстно, что онъ былъ въ одномъ домѣ, съ которымъ мы мало знакомы, и разузнавалъ, какого о немъ мнѣнія я и мое семейство. У людей бываетъ различная судьба; моя — вѣчно и вездѣ встрѣчать противныхъ уродовъ, которые имѣютъ претензію посягать на мою свободу. Жалко, что ты не можешь взглянуть на теперешняго искателя моей руки. Ты бы прохохотала цѣлый мѣсяць. Онъ перещеголялъ Небольсина, о которомъ, помнишь, мы говорили разъ въ каретѣ, и ты еще называла его гадкимъ. Вообрази, что я всюду встрѣчаю гадкихъ. Мой злой геній вѣчно ставить ихъ на моей дорогѣ. У насъ оттепель и дождь идетъ. Говорятъ, что это недолго продолжится. Да, надо тебѣ сказать, что старый мой поклонникъ, о которомъ я прежде писала тебѣ, досталъ мнѣ жалкое крошечное фортепяно; но, по крайней мѣрѣ, я могу имъ пользоваться до самаго отъѣзда. Прощай, мой добрый другъ. Даже это коротенькое письмо утомило меня.

18-го февраля. — Поздравляю тебя, мой милый другъ, съ пріѣз-

домъ брата. Гдѣ бы я ни находилась, всегда принимаю я участіе во всемъ, что тебя касается. Желаю, чтобы онъ подольше остался въ Петербургѣ, и чтобы, кромѣ кровнаго родства, между вами установилось и духовное, то-есть, чтобы князь Иванъ былъ крестнымъ твоего ребенка. Теперь у меня постоянно одно желаніе, чтобы ты благополучно родила и поскорѣе оправилась. Я все ждала нынѣшней почты, ожидая желаемаго извѣстія; но письма не получила, и спѣшу тебѣ написать, чтобы во-время отправить свое посланіе. Впрочемъ, мнѣ еще слѣдуетъ отвѣтить тебѣ на то письмо, въ которомъ ты такъ настойчиво требуешь, чтобы я высказала свое мнѣніе о твоёмъ дядѣ. Знаешь ли, что въ этомъ желаніи проглядываетъ маленькая злость. Еслибъ ты не знала заранѣе, что я тебѣ отвѣчу, ты бы не настаивала. Впрочемъ, собственно говоря, я не могу составить правильнаго понятія о твоёмъ достопочтенномъ родственникѣ потому, что я его не видала послѣ того визита, въ который онъ довольно безцеремонно обошелся со мной. Не знаю; гдѣ онъ, что онъ дѣлаетъ; насъ онъ болѣе не посѣщалъ, изъ чего я заключаю, что его нѣтъ въ Тамбовѣ. Теперь одно меня интересуеъ, а именно: узнать, когда онъ отправляется обратно въ Петербургъ. Мнѣ хочется послать съ нимъ чепчикъ, который я тебѣ приготовила; если онъ хорошо исполнитъ мое порученіе, я сочту его за самаго любезнаго кавалера. Не могу судить о его умѣ и способностяхъ потому, что мы ни слова не сказали другъ другу. Откровенно говоря, твои отзвѣвы о немъ не лестны; но меня интересуеъ только одна сторона его характера: я желаю узнать, способенъ ли онъ аккуратно доставить посылку изъ одного мѣста въ другое.

Вотъ и масляница пришла. Я знаю это только по числамъ, потому что жизнь наша идетъ очень однообразно, лишь по календарю узнаешь праздники. Однако, въ концѣ недѣли мнѣ предстоитъ ѣхать на балъ, чему я вовсе не рада, не предвижу ни малѣйшаго удовольствія. Съ нетерпѣніемъ жду весны, она прерветъ однообразіе нашей жизни. Мы ожидаемъ извѣстій отъ сестры—изъ Эльбинга, и отъ брата—изъ герцогства Варшавскаго. Благодарю Бога, что они простились съ Вильной, гдѣ столько людей умерло отъ разныхъ болѣзней; эта язва свирѣпствуетъ почти во всей Россіи. Намъ пишутъ изъ разныхъ губерній, и отовсюду жалуются и опасаются за будущее. До сихъ поръ, благодаря Бога, у насъ нѣтъ никакой эпидеміи, несмотря на множество плѣнныхъ и рекрутовъ, которые тѣснятся въ нашемъ жалкомъ городѣ. Плѣнные точно достойны сожалѣнія; глядя на ихъ страданія, забываешь о злѣ, которое они намъ сдѣлали. Между ними

я отыскала башмачника-француза—мама вылечила его от лихорадки. Находка эта была какъ нельзя болѣе вѣстна. У меня оставалась всего одна пара башмаковъ, а русскаго башмачника я нигдѣ не могла найти. Еслибы я зимой не носила въ комнатахъ теплыхъ сапогъ, у меня давно бы не хватило обуви. У насъ въ комнатахъ было такъ холодно и съ полу такъ дуло, что мнѣ необходима была теплая обувь. Итакъ, я буду носить ботинки французской работы. Стоитъ лишь пожелать—и меня будутъ причесывать, одѣвать, кормить и возить французы. Между плѣнными, которые приходятъ къ мамѣ лечиться или просить милостыни, есть всевозможные ремесленники.

Не помню, говорила ли я тебѣ, что гр. Разумовская ѣздилъ къ сестрѣ своей Болтиной въ Симбирскъ. Дня четыре или пять тому назадъ она вернулась и привезла съ собой кн. Софи, съ которой мнѣ все приходится играть въ магад. Въ жизнь свою не видывала я никого смѣшнѣе этой дѣвы, когда она играетъ въ карты и рискуетъ проиграть пять или десять рублей. Это настоящая комедія, въ особенности если она играетъ съ барономъ де-Мельвилъ, котораго ты знаешь. Онъ тоже смѣшитъ меня своей ненавистью къ французамъ новаго поворота; онъ бѣсится при видѣ плѣнныхъ генераловъ, а ихъ въ городѣ цѣлыя десятки. Никогда не приходилось мнѣ встрѣчать таковой смѣшной антипатии, проявляющейся столь страннымъ образомъ. Что касается Разумовскихъ, мужъ очень милъ, а жена по обыкновенію сумасбродничаетъ. Кто-то сказалъ ей на смѣхъ, что въ Тамбовѣ весной воздухъ бываетъ очень вреденъ. Она такъ переполошилась, что третьяго дня я ожидала минуты, когда она броситъ гостей въ своей гостиной и отправится искать болѣе здоровой атмосферы. Она все повторяетъ, что тотчасъ уѣдетъ, не слушая ни мужа, ни сестеръ, которыхъ эта новая выходка немало тревожитъ. Фантазія ея кажется еще глупѣе потому, что всегда было невозможно узнать, гдѣ найдешь здоровье или избавишься отъ болѣзней, а въ настоящее время еще труднѣе рѣшить этотъ вопросъ потому, что почти вездѣ свирѣпствуютъ горячки. Къ счастью нашему до сихъ поръ онѣ здѣсь не появляются, я нахожу крайне безразсуднымъ располагать своей будущностью. Гр. Разумовская даетъ мнѣ поводъ въ серьезныхъ размышленіяхъ, особенно теперь, когда я часто съ ней вижусь. Кончаю листъ, больше писать мнѣ некогда, а многое имѣю передать тебѣ. Прощай, мой добрый другъ.

25-го февраля. — Поздравивъ твоего мужа и поблагодаривъ

за письмо отъ 6-го февраля, обращаюсь къ тебѣ, милый другъ. Еслибы ты знала, какъ меня обрадовало это письмо, и съ какимъ нетерпѣніемъ я жду, чтобы мнѣ написали, что ты встала съ постели и силы твои вернулись. Желаю, чтобы дочка твоя была совершенно здорова. Предвижу, что этотъ ребенокъ причинить тебѣ много безпокойства и тревогъ. Дѣти подвергаются тысячѣ случайностей, которыя вовсе не опасны, но ты на все мрачно смотришь и малѣйшій крикъ примешь за предвѣстника несчастья. Хочется мнѣ посовѣтовать тебѣ быть разумной, насколько это возможно для молоденькой двадцати-двухъ-лѣтней маменьки; но, въ одномъ изъ твоихъ писемъ, ты говорила мнѣ, что ты измѣнилась во многихъ отношеніяхъ, что мнѣ тебя и не узнать; надѣюсь, что ты утратила способность пугаться самыхъ пустыхъ вещей. Изъ всѣхъ моихъ словъ ты видишь, какъ меня интересуешь твое прошедшее, настоящее и будущее. Теперь поговоримъ о происшествіи, о которомъ я не смѣла упомянуть въ моемъ послѣднемъ письмѣ. Мнѣ кажется, теперь можно о немъ писать тѣмъ болѣе, что всѣмъ оно извѣстно и скрыть его трудно. Ты догадываешься конечно, что дѣло идетъ о Вѣльгорскомъ. Можешь себѣ представить, какъ насъ поразила грустная вѣсть о кончинѣ его жены. Жаль было смотрѣть на брата, когда онъ получилъ письмо, принесшее это горестное извѣстіе. Онъ не зналъ, какъ ему поступить съ Дашей. Со*всевозможными предосторожностями сообщилъ онъ ей грустную вѣсть. Слава Богу, она не оставила слишкомъ глубокихъ слѣдовъ въ умѣ Даши, что было бы вредно въ ея положеніи. Посмотри, какъ Провидѣніе разстроиваетъ наши планы: мы встрѣчаемъ гибель тамъ, гдѣ надѣялись ея избѣгнуть. Участь бѣдной Катюши можетъ служить урокомъ для тѣхъ, кто захочетъ имъ воспользоваться. Боясь родить вдалекѣ отъ Петербурга, то-есть безъ помощи слабой медицины, она предприняла путешествіе, которое ей стоило жизни. Иосифъ вернулся изъ Москвы на-дняхъ и разсказалъ намъ всѣ подробности этого несчастнаго происшествія. Вѣльгорскіе выѣхали въ самую распутицу, такъ что Катюша пріѣхала въ Рязань совершенно разбитая. Въмѣсто того, чтобы хорошенько отдохнуть, она, отъ нетерпѣнія поскорѣе попасть въ Петербургъ, черезъ три дня пустилась въ дальнѣйшій путь. Во время ѣзды она почувствовала сильнѣйшія страданія и кричала отъ боли. Не зная, что дѣлать, Мишель остановился въ полугорѣвшей деревенькѣ; тутъ они провели ужаснѣйшую ночь. Каждую минуту ждали, что Катюша умретъ. Утромъ они кое-какъ добрались до Москвы, гдѣ несчастная женщина промучилась сорокъ часовъ, и наконецъ ро-

дила дочь. Она лишилась послѣднихъ силъ. На другой день послѣ родовъ у нея сдѣлался бредъ: она ничего не узнавала, и все повторяла, что если она опять будетъ беременна, ни за что на свѣтѣ не поѣдетъ въ дорогу. Дней шесть она пристрадала и умерла безъ причастія. Есть нѣчто странное въ этой судьбѣ. Во-первыхъ, еще осенью, когда заходила рѣчь о родахъ Катиши, Мишель говорилъ, что она родить, гдѣ Богъ приведетъ, что человекъ вѣрующій не долженъ располагать тѣмъ, что отъ него не зависитъ, что не по собственной волѣ попалъ онъ въ Пензу, а привело его Провидѣніе, на которое онъ и полагается. Рассказывалъ о женщинахъ, которыя родили благополучно безъ медицинской помощи и о тѣхъ, которыя умирали окруженныя докторами. Вдругъ онъ поддакъ настояніямъ жены и согласился ѣхать въ Петербургъ. Она же, увлеченная своей участью, хотя ѣхала по собственному желанію, но въ ея словахъ высказывался страхъ. Нѣсколько разъ говорила она Дашѣ, что она увѣрена, что въ Петербургѣ ей будетъ скучно. Разъ, говоря о поѣздкѣ, она прибавила: это еще не важно пуститься въ дорогу, а надо знать, чѣмъ кончится путешествіе. Наконецъ, прощаясь съ невѣсткой, она сказала ей, что убѣждена въ томъ, что онѣ больше не увидятся. Однако все-таки уѣхала. Пусть теперь рѣшать, что за сила заставляетъ насъ дѣйствовать. Даже люди разумные надѣются съ помощью ума и познаній избѣгнуть своей участи. Жалко Мишеля тѣмъ болѣе, что онъ самъ себя приписываетъ свое несчастіе. Одному Богу извѣстно, что онъ теперь предприиметъ; но нельзя не сожалѣть о немъ.

Я узнала тебя по вопросу: очень ли я люблю Мари Сумарокову? Впрочемъ, вопросъ этотъ былъ для меня пріятенъ; по крайней мѣрѣ я вижу, что ты дорожишь моею привязанностью. Да, я очень люблю Мари, и съ моей стороны было бы неблагодарностью не любить ее послѣ того, какъ она мнѣ всячески доказывала свою дружбу; но, будь покойна: тебѣ нечего ревновать. Многіе завидуютъ тебѣ. Не знаю, правы они или нѣтъ; только одно могу сказать, тебѣ нечего беспокоиться. Вотъ и постъ насталь. Я начала говѣть.

На прошлой недѣлѣ я была на дѣтскомъ балѣ, встрѣтила твоего дядю и имѣла честь долго съ нимъ бесѣдовать. Не стоить передавать тебѣ нашего разговора. Рѣчь шла о впечатлѣніи, которое оставить во мнѣ пребываніе въ Тамбовѣ, какъ оно разовьетъ во мнѣ способность философствовать, что я напишу цѣлое философское сочиненіе по моему отъѣздѣ отсюда. Ничего дѣльнаго онъ не сказалъ. Однако онъ понялъ, что я скучаю въ Тамбовѣ;

большей догадливости я и не ожидала отъ него послѣ того, что я о немъ слышала. Видѣла я также человѣкъ двѣнадцать французскихъ генераловъ и офицеровъ, между прочими и того, который поджогъ Кремль, его зовутъ Сансономъ (Samson). Здѣшніе жители принимаютъ ихъ въ себѣ. Гр. Разумовская, по свойственному ей сумасбродству, дала имъ обѣдъ; графъ, по обыкновенію, долженъ былъ уступить женѣ, и согласился ихъ принять, хотя наканунѣ, говоря объ этихъ господахъ, сказалъ мнѣ: «Голыши эти хотѣтъ явиться ко мнѣ; но я не желаю находиться въ ихъ обществѣ и не приму ихъ». Двое изъ нихъ особенно—слова не связать безъ уличной брани, есть тутъ дамы или нѣтъ, имъ все равно. Ты понимаешь, что мы съ ними не знаемся; наше общество составляютъ Разумовскіе и еще лица два-три.

Больно слышать рассказы Іосифа о Москвѣ. Признаюсь: не могу подуматъ безъ ужаса о впечатлѣніи, которое произведетъ на меня видъ разореннаго милаго города. Тѣ, кто его едва знали, не могутъ хладнокровно о немъ говорить. Каково же будетъ мнѣ; я другого города и не знала, кромѣ Москвы! Благодаря Растопчину, тамъ ужасный грабежъ; графъ даетъ полную свободу полиціи. Что ему ни говорятъ, онъ отвѣчаетъ шутками. Забыла сказать тебѣ, что аббатъ Сюрюгъ (Surugues), о смерти котораго ты вѣрно слышала, оставался въ Москвѣ во все время пребыванія тамъ французовъ, и постоянно повторялъ, что онъ стыдится быть французомъ послѣ того, какъ былъ свидѣтелемъ ужасныхъ неистовствъ, совершенныхъ его соотечественниками. Въ настоящее время и русскіе ведутъ себя не такъ, какъ бы слѣдовало для славы націи. Съ нѣкоторыми плѣнными обращаются возмутительно. Увѣряю тебя, что подробности касательно этого предмета, которыя мнѣ приходится слышать, дѣлаютъ на меня такое ужасное впечатлѣніе, что меня схватываетъ лихорадка. Часто я бѣгу, лишь только рѣчь коснется этого предмета, чтобы ничего не слышать. Прощай, дружочекъ; меня зовутъ обѣдать.

4-го марта.—Лежу въ кровати и съ трудомъ пишу тебѣ, милый другъ. Грудь и плечи у меня покрыты сыпью. Не знаю, гдѣ я схватила эту гадеую сыпь. Мнѣ больно, неловко, я лишена возможности заниматься. О выпиваніи въ пальцахъ и думать нечего. Пригласили ко мнѣ здѣшняго доктора. Онъ прописалъ мнѣ множество микстуръ; посмотримъ, какъ онѣ подѣйствуютъ. Скучаю и досадую, что не могу допить твоего чепчика. Съ трудомъ окончила я свое говѣнье, потому что захворала въ прошлый четвергъ. Съ грѣхомъ пополамъ дотащила до церкви въ

пятницу, исповѣдывалась, а въ субботу, приобщившись, вернулась, и съ тѣхъ поръ не выхожу изъ комнаты; время провожу довольно скучно, какъ видишь. Надо терпѣть, елико возможно; съ помощію Божіей хватить и терпѣнья. Мы на землѣ не для того, чтобы постоянно веселиться и блаженствовать. Страданія, какъ нравственныя, такъ и физическія, приносятъ намъ пользу. Онѣ заставляютъ насъ опомниться и пробуждаютъ отъ апатіи, которой мы такъ склонны предаваться при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Тамбовѣ, то-есть въ теченіе шести мѣсяцевъ, я десятеро болѣе помышляла о смерти, нежели во всю мою прошлую жизнь. Мысль о смерти хотя и страшна, но дѣйствуетъ на человѣка благотворно. При этой мысли живо представляется, какъ пусты и ничтожны земныя радости, когда подумаешь, что въ одну минуту онѣ могутъ исчезнуть безвозвратно! По слабости человѣческой намъ кажется, что минута, эта еще очень далека, а быть можетъ смерть за спиной; а когда подумаешь о загробной жизни, невольно почувствуешь, какъ безразсудно привязываться къ земной.

Никогда не писала я тебѣ въ такомъ настроеніи; можетъ, лучше было бы вовсе не писать теперь, но я не могла рѣшиться пропустить почту. Не хочу добровольно подвергать себя лишенію; мнѣ такъ пріятно съ тобой бесѣдовать. Вотъ цѣлыхъ двѣ недѣли не получали мы извѣстій изъ арміи. Съ нетерпѣніемъ жду вторника; въ этотъ день здѣсь получаютъ письма со всѣхъ концовъ свѣта. Почему именно въ этотъ день, не вѣдаю.

Третьяго дня дядя твой приходилъ къ намъ прощаться. Онъ видѣлъ меня полугорбленной, я еще сидѣла въ гостиной; онъ можетъ тебѣ дать понятіе о моемъ жалкомъ положеніи. Невѣстка моя хвораетъ со вчерашняго дня; причина ея болѣзни—постная пища, къ которой она не привыкла ни въ Смольномъ, ни при дворѣ. Прощай, милый другъ.

18-го марта.—Цѣлыхъ четыре недѣли не получала я ни строки отъ тебя, милый другъ. Хотя ты меня предупреждала, что замолчишь на время, слѣдовательно я должна была ожидать перерыва въ нашей перепискѣ, но я не могу свыкнуться съ этимъ лишеніемъ. Теперь пора уже получить отъ тебя письмо; боюсь, что мнѣ придется долго прождать его: дороги очень плохи, навѣрное опоздаетъ почта. У насъ давно появились признаки весны, а именно: грязь по уши и ужасное зловоніе, которое происходитъ отъ кучъ навоза, лежащихъ на улицѣ; здѣсь удобреніемъ устилаютъ мостовыя, нѣтъ другого способа употреблять его. Если снѣгъ

будетъ продолжать таять, дней черезъ десять покажется зелень. Я рада буду, когда назначать день отъѣзда. Тамбовъ не оставитъ по себѣ пріятнаго воспоминанія: я здѣсь такъ много перенесла горя и столько хворала! Послѣ сыпи я чувствую себя лучше. Прошлый вторникъ я не писала потому, что была слаба; къ тому же, меня очень разстроила внезапная перемѣна въ состояніи больной горничной. Я сидѣла одна дома, наши всѣ разошлись; вдругъ мнѣ приходится сказать, что больная при смерти, и спрашиваютъ, какъ съ ней быть. Меня это до того взволновало, что я не могла никому писать. Наконецъ, посылаю тебѣ чепчикъ; прими его благосклонно, не будь взыскательна. Дочкѣ твоей также посылаю чепчикецъ; надѣюсь, что она тоже не будетъ слишкомъ взыскательна. Мнѣ досадно на себя за то, что чепчикъ ея удался лучше твоего. Надо же быть такой неловкой. При всемъ моемъ желаніи и стараніи, почти всегда въ жизни случалась мнѣ неудача—какъ въ важныхъ вещахъ, такъ и въ мелочахъ. Не забудь увѣдомить меня, можно ли за умѣренную цѣну купить книги, которыя я просила тебя достать. Іосифъ Віельгорскій нашелъ ихъ въ Москвѣ, но купить не рѣшился, зная, что я поручила тебѣ прислать ихъ мнѣ. Живущіе теперь въ Москвѣ могутъ легко и за дешевую цѣну приобрести хорошенькія бібліотеки. Верстахъ въ четырехъ отъ города, въ одной деревнѣ, нѣсколько житницъ набиты книгами, которыя продаются за безцѣнокъ. Будь я на мѣстѣ, я бы воспользовалась этимъ случаемъ, но отсюда нѣтъ возможности покупать. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Тамбовѣ, я не прочла ни одной книги, скоро придется взяться за азбуку.

Мы проводимъ время по прежнему; нечего рассказывать объ этомъ. Ровно два мѣсяца не получали мы писемъ отъ брата и сестры. Прощай, моя милая. Въ эту пору, въ прошломъ году, ты съ мужемъ была въ Москвѣ, а теперь мы такъ далеко другъ отъ друга. Правда, что день на день не приходится.

25-го марта.—Спасибо твоему мужу, что онъ посоветовалъ тебѣ написать мнѣ хоть двѣ страницы. Въ настоящее время эти двѣ странички доставили мнѣ громадное удовольствіе, но во всякую другую перу онѣ не могли бы удовлетворить меня. Я очень люблю работать на дѣтей. Теперь принимаюсь шить приданое будущему племяннику. Недавно услышала я о смерти Ивана Обрескова. Меня бы не очень тронула его кончина въ прежнее время, потому что я знала его очень мало; но теперь, когда я подумаю, что онъ умеръ за границей отъ горячки, да вспомню, что у меня тамъ братъ и сестра, невольно взгрустнется. Одно

средство остается — терпѣніе, покорность. Ни добро, ни зло не въ нашей власти; надо покоряться волѣ Всевышняго, тогда бываетъ легче переносить горе.

Лѣто замѣтно приближается. Рѣка того и смотри разольется; снѣгу нѣтъ, вездѣ мокрота, можетъ недѣли черезъ двѣ покажется зелень. Погода чудесная, такъ и тянетъ на воздухъ, но грязь непроходимая. Дышешь свѣжимъ воздухомъ, сидя у открытаго окна. Мнѣ вается, что между здѣшнимъ климатомъ и московскимъ существуетъ большая разница. Сужу по осени и веснѣ, которыя мнѣ пришлось провести въ Тамбовѣ. Въ Москвѣ зима наступаетъ двумя недѣлями раньше, чѣмъ здѣсь, и кончается позднѣе. Будь здѣсь еще теплѣе, я все-таки охотно бы покинула эти края, чтобы вернуться на милую родину. Получаю оттуда пріятныя вѣсти: многіе изъ близкихъ знакомыхъ поселились снова въ Москвѣ, другіе собираются вернуться туда. Съ помощью Божьей, ежели мы выберемся отсюда, надѣюсь, что будущая зима вознаградитъ меня за тяжелую зиму 12-го года. Домъ Оболенскихъ и Щербатовыхъ уцѣлѣли; они мнѣ пишутъ и просятъ не забывать о мѣстѣ свиданія родныхъ и друзей. Я и не думаю забывать Москву: теперь въ развалинахъ она мнѣ еще дороже, чѣмъ была въ свою блестящую пору. Пожертвованію Москвою обязана Россія своимъ освобожденіемъ; благодаря ему, она теперь торжествуетъ. Блескъ Москвы ослѣпилъ чудовище, виновника ея гибели. Пушкины собираются искать себѣ въ Москвѣ квартиру на зиму. Завтра день моего рожденія; будетъ ровно годъ, какъ мы разстались съ тобой. Этотъ годъ стоить десятилѣтія. Не о чемъ больше писать, развѣ сказать тебѣ, что пѣвныя произвели меня во француженки. Множество солдатъ приходятъ къ намъ за медицинскими пособіями. Они привыкли слышать, какъ здѣсь коверкаютъ французскій языкъ, потому, услыхавъ меня, они образили, что я ихъ соотечественница, и нѣтъ возможности ихъ въ этомъ разувѣрить. Какъ я ни старалась убѣдить ихъ, что они ошибаются и что я вовсе не желаю быть подданной ихъ негодая-Наполеона, они все стоятъ на своемъ. Вчера я встрѣтила одного генерала, перваго порядочнаго человѣка изъ всѣхъ, которыхъ я видѣла; ему тоже вадумалось принять меня за француженку, но ему я легко доказала, что я русская и душой и сердцемъ. Прощай, милый другъ, цѣлую тебя и дочку твою.

8-го апрѣля. — Не знаю съ чего начать; мнѣ надо о столькихъ предметахъ поговорить съ тобой. Цѣлыхъ двѣ недѣли не писала тебѣ. Я ожидала, что тебя поразитъ кончина Вильгор-

ской. Но позволь тебя побранить за размышленія объ этомъ происшествіи. Мнѣ не нравится вопросъ, который ты сдѣлала своему мужу: «За что мы счастливѣе Вельгорскихъ?» Какъ будто ты думаешь, что Небо несправедливо, или полагаешь, что нѣтъ другого счастья, кромѣ преходящихъ земныхъ радостей. Я давно замѣтила, что особы, очень счастливыя въ супружествѣ, подвержены этому заблужденію. Однажды, напримѣръ, одинъ изъ моихъ знакомыхъ, недавно женившійся и страстно влюбленный въ свою жену, сказалъ ей, посмотрѣвъ на образъ, изображающій входъ праведника въ царство небесное: «если на небѣ насъ ждетъ счастье подобное тому, которымъ мы пользуемся теперь, намъ болѣе не о чемъ просить Бога». Надѣюсь, что ты еще не высказывала подобныхъ сужденій; основываясь на твоихъ разсказахъ о мужѣ, я предполагаю, что онъ бы ихъ не одобрилъ. Нечего сравнивать свою судьбу съ чужой; отъ насъ Провидѣніе требуетъ одной покорности. Почему знать, можетъ быть черезъ годъ Катина была бы самымъ несчастнымъ существомъ на свѣтѣ; быть можетъ, Провидѣніе, взявъ ее изъ этого міра, спасло ее отъ цѣлаго ряда горестей и страданій, вслѣдствіе которыхъ она сама пожелала бы умереть. На землѣ столько разнаго рода несчастій! Быть можетъ, теперь она съ чистой душой предстала передъ Всевышнимъ, а по прошествіи года она можетъ быть утратила бы душевную чистоту. Какъ можешь ты, милый другъ, предаваться мыслямъ столь неразумнымъ! Знаю, что раннія кончины дѣлаютъ сильное впечатлѣніе на слабый родъ человѣческій, особенно на насъ, молодыхъ людей; но впечатлѣніе это можетъ принести намъ большую пользу. Думая о смерти, менѣе подвергаешься заблужденіямъ, сознавая непрочность всего земного. Отъ сколькихъ предосудительныхъ поступковъ воздерживались бы люди, еслибы помнили ежеминутно, что не иныче, такъ завтра они могутъ умереть. Господь все устроилъ такъ премудро, что даже то, что мы считаемъ зломъ, служитъ источникомъ благъ. Всего труднѣе намъ постигнуть милосердіе Божіе: оно безгранично и недоступно нашему ограниченному уму. Слѣдовательно можно предполагать, что люди, которыхъ Господь болѣе или менѣе долго оставляетъ на землѣ, находятся въ здѣшнемъ мірѣ для того, чтобы у нихъ было время приготовиться въ великому переходу изъ одного міра въ другой. Одинъ въ двадцать лѣтъ созрѣлъ для вѣчности, а другой, быть можетъ, только въ пятьдесятъ. Пожалуй, я насучила тебѣ своей проповѣдью. Что же дѣлать. Отъ тебя я никогда не скрываю своихъ мыслей. Быть можетъ, онѣ стали слишкомъ серьезными съ тѣхъ поръ, какъ я не

пользуюсь нивакими развлеченіями. Не оттого ли мы съ тобою различно судимъ, что положенія наши не сходны. Какъ скоро теперь существуетъ разница въ нашихъ мнѣніяхъ, я не могу и не хочу скрывать ее отъ тебя; еслибъ я обязана была говорить тебѣ не то, что думаю, я тотчасъ же перестала бы писать. Тебя характеризуетъ сужденіе твое о Мишелѣ: «Онъ несчастливъ, говоришь ты, очень несчастливъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но, признаюсь тебѣ, я желаю, чтобы онъ чувствовалъ свое горе. Ужасно было бы, еслибы о насъ не сожалѣли тѣ, кого мы сильно любили». Такъ можетъ разсуждать кн. Оболенская изъ Газетнаго переулка, которая заболѣла отъ чтенія Амаліи Мансфильдъ и которая отъ избытка сострадательности сожалѣла даже объ Эдмундѣ, величайшемъ негодяѣ, и восхищалась переодѣтой Мальвиной, сидящей у изголовья своего любовника. Это ея рѣчи; въ нихъ я узнаю эту живую и пылкую голову. Я согласна съ тобою, что было бы ужасно тяжело, испытывая какое-нибудь сильное несчастіе въ этой жизни, видѣть, что человѣкъ, котораго любишь, не принимаетъ участія въ нашемъ горѣ. Но это относится только къ земной жизни. Когда Господь беретъ насъ изъ этого міра, чтобы дать намъ вкусить блаженство, испытываемое праведниками, онъ освобождаетъ насъ отъ земныхъ привязанностей, и я убѣждена, что все происходящее на землѣ нисколько не мѣшаетъ счастью умершихъ. Еслибъ Мишель утѣшился или былъ равнодушенъ къ смерти жены, то далъ бы своимъ ближнимъ дурное понятіе о своемъ сердцѣ; ты бы на него вознегодовала, а также не одобрила бы его; но Катипа отъ этого бы не страдала. Будь мы вмѣстѣ, я бы тебѣ ясно доказала это; но въ письмахъ неудобно: цѣлаго тома недостаточно, чтобы высказать ясно то, что можешь передать на словахъ въ какіе-нибудь полчаса. Право, милый другъ, ты вѣрно хотѣла вывести меня изъ терпѣнія, спрашивая, сержусь ли я, что нахожусь такъ далеко отъ тебя. Я и безъ того не мало негодую на это разстояніе. Вообрази, что только вчера получили мы сестрино письмо отъ 7-го февраля и братино отъ 29-го января. Кому-то, уѣзжавшему изъ арміи, поручено было отправить эти письма на почту въ какомъ-то городѣ, и вотъ наконецъ мы получили ихъ черезъ два мѣсяца. Что касается медленности, съ которой доходятъ къ тебѣ мои письма, я ее приписываю свойственному мнѣ несчастію. Матушка получаетъ отвѣты отъ всѣхъ, кому пишешь, черезъ пять недѣль, и то по причинѣ дурной дороги; зимой письма доходили черезъ четыре недѣли. Не понимаю, почему мои письма такъ мѣшкуютъ. Сумарокова тоже жалуется на неаккуратность почты. Я себѣ отыскала покрово-

вителя на почтѣ; авось теперь дѣла пойдутъ лучше. Прошлый вторникъ были мои именины и гр. Разумовской, у которой я ужинала въ большомъ обществѣ. Тамъ я встрѣтила четырехъ плѣнныхъ генераловъ, французовъ, и рѣшила, что надо быть сумасшедшей, подобно Разумовской, или безхарактерной, какъ ея мужъ, чтобы пустить этихъ господъ въ свою прихожую. Изъ четырехъ только одинъ отличается любезностью, свойственной французамъ прошлаго столѣтія. Ему лѣтъ шестьдесятъ-пять; во время революціи онъ эмигрировалъ въ Англію, гдѣ и женился. Вернувшись впоследствии во Францію, съ цѣлью отыскать хотя часть своего состоянія, онъ, не знаю какимъ образомъ, попалъ на службу къ Наполеону, съ нимъ пришелъ въ Россію, гдѣ и взять былъ въ плѣнъ. Онъ хотя и немолодъ, но довольно пріятенъ, и не будетъ лишнимъ въ любой гостиной. Другой изъ нихъ, голландецъ, полу-полякъ, тоже старъ, личность ничтожная; когда съ нимъ говорить, онъ склоняется чуть не до земли; любезенъ до приторности, не смѣетъ шевельнуться, не получивъ на то позволенія; самъ по себѣ онъ не интересенъ; въ тому же и дѣло, которому онъ служилъ, не можетъ быть симпатичнымъ для русскихъ. Но эти господа еще сносны въ сравненіи съ остальными двумя—настоящими современными французами, которыхъ Наполеонъ произвелъ въ генералы и сдѣлалъ барамы; тебѣ не случилось встрѣчать и конюховъ до такой степени грубыхъ. Всѣ французы—купцы, парикмахеры и портные гораздо приличнѣе этихъ господъ и говорятъ даже лучше ихъ. У этихъ—что слово, то дерзость. Страшные хвастуны; во всѣмъ словамъ примѣшиваютъ угрозы, предсказываютъ поражение намъ, русскимъ, и т. д. Одинъ изъ нихъ сказалъ графинѣ, что онъ желаетъ мира, но врядъ ли мы скоро его дождемся; этому воспрепятствуютъ англійскіе стерлинги, которыми подкупаютъ русскихъ. Онъ же хвастался, что, находясь по близости одного богатаго монастыря въ Пиренеяхъ, онъ хотѣлъ-было посѣтить мадонну и на славу тамъ попировать; но ворпусъ, въ которомъ онъ находился, вдругъ повернулъ въ другую сторону, что и помѣшало ему исполнить свое намѣреніе. Нечего удивляться ихъ поведенію у насъ, когда они осмѣливаются хвастаться своимъ безпутствомъ за столомъ у одного изъ знатнѣйшихъ русскихъ баръ. Но непонятно, какъ допускаетъ ихъ въ себѣ этотъ русскій баринъ. Бѣдный графъ не способенъ разсуждать. Въ отсутствіи жены ему случилось обѣдать со всѣми этими негодяями у бездѣльника генерала Ширкова, присланнаго сюда изъ Петербурга, который въ большой дружбѣ съ этой французской челядью. Съ этого обѣда графъ пришелъ къ намъ въ

сильномъ негодованіи на все, что видѣлъ и слышалъ, повторяя, какъ низко пала французская нація со времени революціи, и говорилъ, что не позволить этимъ господамъ переступить своего порога. Черезъ двѣ недѣли, когда графиня вернулась изъ Симбирска, эти господа у него обѣдали, а теперь онъ даже очень часто съ ними видится. Мнѣ смѣшно, что Сержъ на это сердится, и точно—это изъ рука вонъ. Даже тамбовцевъ поражаетъ неприличіе подобнаго поведенія. Разумовская совѣтъ съ ума спятила; правда, что избытокъ счастья портить людей. Во вторникъ гости помѣшали мнѣ писать къ тебѣ. Съ 11 часовъ утра и до двухъ пополудни я играла въ карты; здѣсь только и дѣлаютъ, что въ карты играютъ. Возвращаясь домой ночью, я немного простудилась, что и помѣшало мнѣ взяться за перо въ среду. У меня была сильная лихорадка; до сихъ поръ я ужасно кашляю; матушка тоже все хворала, домъ нашъ походилъ на госпиталь.

Прощай, милый другъ. Это письмо равняется цѣлымъ двумъ.

15-го апрѣля. — Вотъ настали и праздники, милый другъ; мы начали ихъ довольно грустно. Въ первый день пасхи скончалась горничная матушки. Ея долгая агонія окончилась въ минуту, которой позавидуетъ всякій христіанинъ. Хотя мы и подготовлены были къ ея смерти, все-таки потеря эта насъ сильно огорчила. Матушка горько ее оплакиваетъ. Дѣвушка эта служила ей 29 лѣтъ; мы всѣ къ ней были привязаны. Напрасно ты приписываешь вліянію нездоровья и мрачныхъ мыслей тонъ письма, въ которомъ я извѣщаю тебя о своей болѣзни. Вовсе не болѣзнь моя, а скорѣе грустные обстоятельства придали серьезное настроеніе моему уму и приучили меня къ мысли о смерти. Цѣлыхъ четыре мѣсяца была у меня на глазахъ больная женщина. Обыкновенно въ свѣтъ боятся думать о смерти, между тѣмъ мысль эта заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Скажу тебѣ прямо, я желала бы сохранить теперешнее настроеніе мое всюду, гдѣ бы я ни была. Къ несчастію, не могу за себя отвѣчать. Разсѣянный образъ жизни, частыя развлеченія, словожь—тысячи разныхъ мелочей могутъ отвлечь меня отъ серьезныхъ мыслей, и я попаду въ водоворотъ, въ которомъ всѣ мы вертимся болѣе или менѣе. Благодарю тебя за предложеніе прислать мнѣ книгу, которая у васъ надѣлала столько шуму. Мнѣ всего три недѣли остается пробыть въ Тамбовѣ; книга эта получится здѣсь безъ меня, и когда-то еще попадетъ она въ мои руки. Къ тому же ты говоришь, что въ ней много хорошаго; но есть вещи непонятныя для слабого человѣческаго ума, а я нахожу бесполез-

нымъ читать о вещахъ непонятныхъ. Для меня непостижима страсть нѣкоторыхъ лицъ отягощать свой умъ чтеніемъ книгъ мистическаго содержанія. Если чтеніе это не возбуждаетъ въ нихъ сомнѣній, за то воспламеняетъ воображеніе; они все превеличиваютъ, что несогласно съ христіанскою простотою. Будемъ читать апостоловъ, Евангеліе; но и въ этихъ книгахъ не надо стараться проникать въ тайны; какъ смѣемъ мы, жалкіе грѣшники, проникать въ глубокія тайны Провидѣнія, пока мы находимся въ тѣлесной оболочкѣ, которая служитъ непроницаемой преградой между нами и вѣчностію! Ограничимся изученіемъ высшихъ правилъ, которыя Спаситель оставилъ намъ, чтобы мы ими руководствовались въ земной жизни; будемъ слѣдовать имъ и поступать согласно съ ними; будемъ смиренны: чѣмъ менѣе парить нашъ слабый умъ, тѣмъ пріятнѣе онъ Богу, который отвергаетъ всякое знаніе, не отъ него истекающее. Чѣмъ менѣе будемъ мы углубляться въ то, что ему угодно было сокрыть отъ насъ, тѣмъ скорѣе вразумитъ онъ насъ своимъ св. Духомъ. Есть прекрасныя книги, ихъ полезно читать; онѣ ясны и говорятъ о томъ, какъ мы должны поступать въ жизни, а не о томъ, что мы должны стараться узнать; Христосъ сказалъ, что онъ будетъ судить по дѣйствіямъ, не спрашивая о познаніяхъ нашихъ. Въ числѣ этихъ книгъ находится книга почтеннѣйшаго отца Инновентія Массона, генерала ордена картезіанцевъ (*du révérendissime père Innocent le Masson, général des Chartreux*). Заглавіе ея: «Вступленіе въ жизнь духовную, извлеченное изъ Св. Писанія, изъ Вступленія въ благочестивую жизнь св. Франциска Салійскаго и изъ Подражанія Христу» (*Introduction à la vie intérieure et parfaite, tirée de l'Écriture Sainte, de l'Introduction à la vie dévote de St. François de Sales et de l'Imitation de Jésus Christ*). Попрошу тебя и мужа твоего поискать эту книгу и купить ее. Я тебѣ напишу, куда мнѣ ее прислать. Если всѣ мы будемъ здоровы, черезъ три недѣли отправимся въ Саратовъ. У насъ большое имѣніе въ Саратовской губерніи. Матушкѣ необходимо побывать въ немъ; тамъ произошли кое-какіе безпорядки. Мы проѣздимъ недѣль шесть, и вернемся къ той порѣ, какъ невѣсткѣ придется родить, то-есть въ половинѣ іюня; намъ некогда терять времени. Братъ позаботился, чтобы было кому помочь въ случаѣ опасности; у него на-готовѣ хорошій акушеръ, который попалъ сюда случайно, а главное—мы надѣемся на помощь Божію. Продолжай адресовать мнѣ письма въ Тамбовъ; братъ останется здѣсь и будетъ мнѣ ихъ пересылать. Мы получили длинное письмо отъ сестры и братнино отъ 7-го марта. Теперь они вмѣстѣ. Сенъ-При тоже

пишетъ мнѣ вотъ уже четвертый разъ. Изъ моихъ шести писемъ овъ не получилъ ни одного. Николенкой онъ вполнѣ доволенъ. Бѣдный мальчикъ былъ очень боленъ; теперь, говорить, совсѣмъ поправился. Прощай, дружокъ. Въ степяхъ нашихъ уже показалась трава. Меня радуетъ, что мужъ твой одобряетъ мои письма, и даже иногда ссылается на нихъ. Отъ души люблю его за то, что ты съ нимъ такъ счастлива. Всѣ мои тебя привѣтствуютъ. Особенно Даша проситъ ее не забывать.

22-го апрѣля. — Рѣшено, что здѣсь намъ не знать покоя. Вообрази, старшій братъ мой заболѣлъ сильной лихорадкой. Неизвѣстно, какого рода эта лихорадка; она только вчера обозначилась. Если это перемежающаяся, свойственная здѣшнему климату и происходящая отъ сырости почвы, нечего слишкомъ тревожиться; но дѣло-то въ томъ, что доктора полагаютъ, что она можетъ перейти въ горячку, тогда будетъ плохо. Пока Сержъ не поправится, матушка не рѣшится ѣхать, а между тѣмъ, выѣхавъ отсюда позднѣе, мы не успѣемъ вернуться къ родамъ Даши. Дѣла требуютъ, чтобы мы ѣхали скорѣе, такъ что рѣшительно не знаю, когда мы попадемъ къ нашимъ пенатамъ въ Высокое. Въ теченіи десяти мѣсяцевъ мнѣ приходится терпѣть, и я убѣдилась, что терпѣніе—прекрасное качество и необходимое въ жизни. Благодарю тебя за милое письмо. Теперь я объ одномъ молю Бога, чтобы не схватить мнѣ лихорадки. Воздухъ такъ сыръ въ Тамбовѣ: до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно по уши завязнуть въ грязи, которая распространяетъ зловоніе. Надо имѣть желѣзное здоровье, чтобы здѣсь не захворать. Гдѣ нѣтъ грязи, тамъ пыль черная, какъ сажа. Вчера, гуляя, я чуть не ослѣпла отъ пыли; вернувшись, я должна была переодѣться и вымыться. Вотъ какъ мило Тамбовъ въ настоящую пору. Придется сидѣть здѣсь до половины іюля. Братъ намѣревается нанять домъ на краю города; въ немъ мы поселимся всѣ вмѣстѣ по возвращеніи изъ Саратова; тутъ намъ будетъ просторнѣе. Высокое мнѣ представляется такимъ привлекательнымъ при сравненіи съ гадкимъ Тамбовомъ! Лишь бы мнѣ попасть туда, не видѣвъ Москвы. Страшусь минуты, когда придется мнѣ взглянуть на милый разоренный городъ,—мнѣ такъ больно будетъ видѣть его. Хоть и рассказываютъ, что въ немъ много настроили, до четырехъ тысячъ домовъ, все же это не то, что я оставила; не могу забыть прежней Москвы.

Нынче я слышала, что наша главная квартира находится въ Дрезденѣ. Если это правда, значить братъ гораздо дальше; Сенъ-

При командуетъ авангардомъ; слѣдовательно Николай давно разстался съ сестрой. На первой недѣлѣ поста они вмѣстѣ говорили. Щукина въ лихорадкѣ. У Разумовскаго подагра, мы теперь видимся гораздо рѣже. Я очень хорошо познакомилась съ барономъ де-Мельвилемъ, ты вѣрно его знаешь. Онъ полюбилъ и меня и матушку, сопутствуетъ намъ въ прогулкахъ, проводитъ у насъ вечера, словомъ—мы большіе друзья. Такъ какъ бѣдный баронъ неразлученъ со Щукиными,—ему приходится вмѣстѣ съ ними встрѣчаться съ французскими плѣнными генералами у Разумовскихъ. Какъ только онъ ихъ завидитъ, сейчасъ же бѣжитъ къ намъ, что часто случается. Здѣсь готовится любительскій спектакль. Всего забавнѣе, что Разумовскихъ и насъ исключили изъ числа зрителей. Это г-жа Кологривова, жена гусара, изволяетъ забавляться. Она объявила актерамъ, хотѣвшимъ прислать намъ билеты, что если они это сдѣлаютъ, она не будетъ играть. Прощай, милый другъ; иду къ брату.

3-го мая. — Прошлый вторникъ я не писала тебѣ, милый другъ, потому что измучилась со сборами въ дорогу. Теперь всѣ приготовления окончены, остается сѣсть въ экипажъ, и я пользуюсь нѣсколькими свободными минутами, чтобы увѣдомить тебя о моемъ отъѣздѣ изъ Тамбова. Мы ѣдемъ завтра въ восемь часовъ утра. Еслибы не разлука съ братомъ и невѣсткой, я была бы очень рада оставить городъ, гдѣ проводила время довольно скучно, и ѣхать въ другой, котораго мѣстоположеніе несравненно красивѣе. Говорятъ, что Саратовъ по мѣстоположенію одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ въ Россіи. Тамъ Волга шириною въ три версты. Съ тѣхъ поръ, какъ я существую, не приходилось мнѣ видѣть массы воды значительнѣе нашей жалкой Москвы-рѣки въ половодіе. Слѣдовательно, все это будутъ для меня предметы новые и любопытные. Я спѣшу познакомиться съ мѣстами, вовсе не похожими на всѣ, видѣнныя мною до сихъ поръ. Имѣніе наше находится посреди французскихъ и нѣмецкихъ колоній, о которыхъ я такъ много слыхала, и наконецъ буду имѣть случай взглянуть на нихъ. Словомъ,—я была бы очень рада предстоящему путешествію, еслибы не пришлось мнѣ разстаться съ Серѣжей. Разлука эта все портитъ. Я знаю, что въ Тамбовѣ невозможно пріятно провести ни одного времени года; особенно невыносимъ онъ лѣтомъ. Живешь среди безпредѣльной степи; о прогулкахъ и думать нечего, потому что нѣтъ возможности пріятно погулять ни въ городѣ, ни въ окрестностяхъ. Если въ продолженіи четырехъ дней не было дождя, приходится терпѣть отъ гадкой пыли, на кото-

рую я не разъ жаловалась тебѣ. Видѣться почти не съ кѣмъ; какое было общество, и то разбрелось понемногу. Ты можешь судить, какъ мало развлеченій имѣють въ виду наши молодые. Я увѣрена, что они съ нетерпѣніемъ будутъ ожидать нашего возвращенія. Я начинаю не на шутку сердиться на тебя, дружокъ; мнѣ кажется, что ты серьезно думаешь, что я не имѣю ни малѣйшаго желанія видѣться съ тобой. Признаюсь, Петербурга я не жалею. Быть можетъ, я слишкомъ предубѣждена противъ этой столицы. Но я имѣю весьма незавидное мнѣніе о духѣ, въ ней господствующемъ. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы ненависть заглушила во мнѣ всѣ другія чувства и даже желаніе новидаться съ тѣми, кого люблю. Помнишь ли, прошлой осенью ты говорила мнѣ въ одномъ письмѣ, что у васъ достаетъ честности лишь настолько, чтобы другъ друга не перерѣзать. То же и я думаю. Быть можетъ, убѣждалась въ этомъ не разъ по собственному опыту. Всѣ неприятности, которыя мнѣ приходилось имѣть въ жизни, получала я оттуда; даже въ семействѣ нашемъ, когда случались маленькія неурядицы, Петербургъ былъ причиной ихъ— прямой или косвенной. Что же удивительнаго, если я не люблю этого города? Не только я его не люблю, но даже боюсь какъ преисподней; я считаю его источникомъ всевозможныхъ бѣдъ. Меня сильно огорчило извѣстіе о смерти Александра Пушкина. Я жалѣю менѣе о немъ самомъ, нежели о семействѣ его; воображаю, въ какомъ оно страшномъ горѣ, особенно когда знаешь, что родному брату приходится подставлять лобъ тому же врагу; сердце болѣзненно сжимается при каждомъ извѣстіи подобнаго рода. Тигру-Наполеону обязана я потерю двухъ двоюродныхъ братьевъ. Я живо представляю себѣ, какъ обрадовались петербургскіе эмигранты прокламаціи Людовика XVIII-го, судя по восторгу Шуяинскаго барона. Онъ чуть съ ума не сошелъ отъ радости, и первой его заботой было сообщить нумеръ газеты, гдѣ помѣщена прокламація, всѣмъ французскимъ плѣннымъ въ Тамбовѣ. Нѣкоторые изъ нихъ пришли въ бѣшенство, и кричали, что предпочитаютъ умереть въ сибирскихъ пустыняхъ, нежели знать, что во Франціи новая династія замѣнила Наполеона. Баронъ неистовствуетъ, а я умираю со смѣху. Блестящій ходъ нашихъ дѣлъ немало портитъ крови всѣмъ этимъ негодяямъ-французамъ. Однако они значительно присмирѣли и самохвальства у нихъ побавилось.

Мы оставляемъ здѣсь Разумовскихъ почти всѣхъ больными перемежающейся лихорадкой. Щукинъ съ своимъ барономъ вчера уѣхалъ въ Москву. Онъ будетъ искать для насъ квартиру на

зиму. Знаешь ли, что я очень люблю этого старика. Онъ весьма добръ, крайне услужливъ, очень благороденъ и гораздо разумнѣе графа Льва, котораго денежные дѣла такъ разстроены, что онъ не знаетъ, куда податься. Между тѣмъ супруга его мотаешь, елико возможно. Въ Тамбовѣ не пройдетъ дня, чтобы она не дѣлала покупокъ въ самыхъ жалкихъ лавчонкахъ, въ родѣ лавочекъ, встрѣчавшихся въ Москвѣ на перекресткахъ. Она сотни рублей издерживаетъ на покупку всякаго хлама, которымъ тотчасъ же, я увѣрена, надѣляетъ своихъ горничныхъ. Слышала ли ты про женитбу моего кузена Валуева? У меня прибавилась кузина—нѣмка. Свадьба эта устроилась такъ неожиданно, что всѣ разинули рты отъ удивленія. Александръ отправился въ армию съ младшимъ братомъ, намѣреваясь участвовать въ походѣ въ томъ чинѣ, на который рассчитывалъ. Приѣхавъ въ Ригу, онъ занемогъ лихорадкою; братъ его продолжалъ путь, а онъ остановился, чтобы полечиться. Во время своего выздоровленія, продолжавшагося двѣ недѣли, онъ по-уши влюбился въ дѣвицу Бейнъ; между тѣмъ, родные полагали, что онъ приближается къ главной квартирѣ, а онъ вдругъ явился къ нимъ и умолялъ ихъ дать свое согласіе на женитбу, которая должна его осчастливить. Дѣвица не богата, но хорошаго семейства, и, какъ говорятъ, прекрасно образована. Александръ увѣряетъ, что она представляетъ единственный образецъ всевозможныхъ совершенствъ; кому не извѣстны восторженные отзывы влюбленныхъ, и то хорошо, ежели четвертая часть ихъ похвалъ окажется заслуженной. Дядя и тетка позволили ему жениться. Теперь онъ, должно быть, вернулся въ Ригу, гдѣ и будетъ свадьба, а въ концѣ мая приѣдетъ въ Москву. Знаешь ли ты, что Василій Обресковъ, нѣкогда бывшій поклонникомъ Грибоѣдовой, женится на княжнѣ Полинѣ Хованской. Старуха Нелединская умерла въ Ярославлѣ. Другъ твой, старикъ Шаховской, тоже скончался. Вотъ тебѣ и всѣ новости. Когда будешь писать нашимъ Шаховскимъ, сдѣлай одолженіе, скажи Полинѣ, что я очень благодарю ее за память обо мнѣ и что черезъ два съ половиной мѣсяца надѣюсь быть въ ея сосѣдствѣ, потому, съ ея стороны, было бы весьма любезно упробить матушку приѣхать къ намъ въ Высокое. Такъ какъ ты непремѣнно хочешь шить мнѣ приданое, я попробую поискать въ Саратовѣ толстаго помѣщика, годнаго мнѣ въ женихи. Здѣшніе мнѣ не по вкусу. Они лишь умѣютъ деньги копить, оттого всѣ они богаты, какъ Брезы. Между ними однако есть весьма честные люди. Мы должны быть признательны имъ за всѣ услуги, которыя они оказали намъ во время нашего пребыванія здѣсь. Но большин-

ство, въ нравственномъ отношеніи, никуда не годно. Я уже не говорю о свѣтскихъ приличіяхъ; о нихъ здѣсь и понятія не имѣютъ. Будь такъ добра, купи мнѣ Eugène de Rothelin и пришли сюда въ половинѣ іюня. Я ѣду со множествомъ книгъ, которыми надѣлялъ меня нѣкто кн. Гагаринъ, премилый человѣкъ. Онъ московскій эмигрантъ. Тамъ мы не были знакомы, а здѣсь пришли въ восторгъ другъ отъ друга. Человѣкъ этотъ не выше моего стола; дурень на славу, но столько же мило и любезенъ, какъ и невзраченъ. У него есть жена и четверо дѣтей. Тороплюсь тебя увѣдомить объ этомъ, чтобы предупредить всякаго рода предположенія съ твоей стороны. Въ итогъ онъ весьма умный человѣкъ и пріятный въ обхожденіи. Невѣстка, которой я поручу отправить это письмо, прибавить къ нему свою приписку къ кн. Луизѣ Биронъ; потрудись передать ее по назначенію. Если случится тебѣ встрѣтить Мари Сумаровову, скажи, что я не пишу ей потому, что она увѣдомила меня о своемъ намѣреніи уѣхать изъ Петербурга въ половинѣ мая. Зная, что письма мои получаютъ черезъ три недѣли, я сочла лишнимъ писать ей съ слѣдующей почтой. Я поручила этой милой Мари купить мнѣ полу-нарядную шляпу, но, между нами будь сказано, она прислала мнѣ нѣчто крайне-безобразное. Искренно привѣтствую твоего мужа; право, слѣдовало бы ему посѣтить лѣтомъ ваши подмосковныя владѣнія. Когда-то вы имѣли это намѣреніе, почему бы вамъ его теперь не осуществить. Передай тысячу любезностей Мишелю Вильгорскому. Братъ его Іосифъ отправился на Кавказъ. Нѣжно цѣлую маленькую наслѣдницу. Мы получили письмо отъ сестры, отъ 23-го марта; но вотъ уже цѣлый мѣсяцъ какъ не имѣемъ извѣстій о Николаѣ. Если увидишь Тарвинію, кланяйся ему и скажи, что я приглашаю его вернуться въ Москву на зиму. Прощай, милый другъ. По пріѣздѣ въ Саратовъ опишу тебѣ наше путешествіе съ мельчайшими подробностями. Обнимаю тебя.

Саратовъ, 18-го мая. — Пишу тебѣ съ береговъ Волги, милый другъ. Теперь я въ 900 верстахъ отъ Москвы и за 1600 верстъ отъ Петербурга, а отъ брата и сестры за тридцать земель. Страшно подумать, какъ я далеко отъ людей, которыхъ душой люблю. Мы пріѣхали сюда въ понедѣльникъ вечеромъ; я тотчасъ освѣдомилась, когда идетъ почта въ Петербургъ; въ прискорбію моему узнала, что она уѣхала утромъ и теперь лишь, черезъ недѣлю, пойдетъ мое письмо. Даша прислала намъ съ нарочнымъ всѣ письма, полученныя послѣ нашего отъѣзда; въ

числѣ ихъ, въ великому огорченію моему, я не нашла посланія отъ тебя. Не смѣю жаловаться, потому что передъ отбѣвдомъ разомъ получила два письма. Но надо испытать мое теперешнее положеніе, чтобы понять, какъ отрадно получать письма, когда находишься вдалькѣ отъ тѣхъ, кого любишь и окруженъ чужими. Теперь подробно опишу тебѣ наше путешествіе.

4-го мая, въ 7 часовъ утра, выѣхали мы изъ Тамбова. Дорога была довольно сносная, только дулъ сильнѣйшій вѣтеръ. Въ среду рано утромъ достигли мы береговъ Хопра. Въ Тамбовѣ намъ говорили, что мы найдемъ удобный паромъ, на которомъ и переправимся черезъ эту гадеую рѣку. Мы и ѣдемъ себѣ въ надеждѣ на паромъ; мѣстами дорога была такъ плоха, что не разъ мы рисковали сломать себѣ шею. Вообрази наше отчаяніе: добравшись до берега, мы увидѣли вмѣсто парома жалкій плотъ, просто кое-какъ сволоченные доски, на нихъ и телѣги нельзя перевести. Стали мы спрашивать крестьянъ и узнали, что въ 10-ти верстахъ, въ имѣніи Голицыныхъ, есть отличный паромъ. Мы имѣли намѣреніе побывать у старой княгини лишь на возвратномъ пути, и то ежели время позволитъ. Дѣлать было нечего, мы повернули въ Зубриловку, крестьяне указали намъ дорогу; но что это была за ужасная дорога! Впослѣдствіи мы узнали, что по ней ѣздить только зимой за дровами. Представь, каково было ѣхать двумъ коляскамъ. Я не трусиха; лишь пріѣхавъ на мѣсто, поняла я, каково мы подвергались опасности; но матушка плакала, какъ дитя; жалко было на нее смотрѣть: она беспрестанно выходила изъ экипажа, ожидая, что настанетъ нашъ послѣдній часъ. Наконецъ добрались мы до княгини; она приняла насъ съ распростертыми объятіями и ранѣе, какъ черезъ день, ни за что не хотѣла насъ выпустить. Я много слышала объ ея имѣніи, но не бывала въ немъ по причинѣ отдаленности его отъ Москвы. Съ удовольствіемъ осмотрѣла я всѣ мѣста и не видала, какъ пролетѣло время. Тутъ похороненъ старшій князь; мнѣ было пріятно побывать на его могилѣ; я любила его, какъ отца и вѣкъ его не забуду. Въ четвергъ мы уѣхали изъ Зубриловки, обѣщаясь опять заѣхать къ княгинѣ на возвратномъ пути, тогда и Мари Сумарокова будетъ дома; воображаю ея отчаяніе, когда она узнаетъ, что мы пріѣзжали въ ея отсутствіе. Княгиня пришла въ ужасъ, узнавъ, гдѣ мы ѣхали, и дала намъ опытнаго провозжатаго. Остальные четыре дня мы путешествовали благополучно; только одна случилась неприятность: лошадь пала дорогой. Я очень страдала отъ жару; представь, что во всѣ дни

термометръ не спускался ниже 25°; въ Москвѣ бываетъ такъ жарко въ концѣ іюня и началѣ іюля. Сегодня пріѣхала сюда черная, какъ ворона. Долго мнѣ не избавиться отъ загара, еще немало предстоитъ путешествовать въ эту жару. Мы здѣсь застали Павла Голицына; черезъ день послѣ нашего пріѣзда онъ отправился на Кавказъ. Не могу тебѣ выразить, какъ меня обрадовала встрѣча съ близкимъ знакомымъ. Мнѣ не вѣрится, что я въ Россіи; во всякомъ случаѣ мы очень близко отъ Азіи. Какъ переѣдешь Волгу, рѣшительно не знаешь, куда попать. Городъ очень хорошъ. Волга прелестна, особенно въ настоящую пору: отъ таянія льда въ ея притокахъ она переполнилась водой, вышла изъ береговъ и разлилась по равнинѣ верстъ на десять. У насъ прекрасная квартира, мебель, ни въ чемъ нѣтъ недостатка. Все это благодаря губернатору, онъ обѣщаль доставить намъ всевозможный комфортъ. Въ сравненіи съ тамбовскимъ домомъ, здѣшняя квартира кажется мнѣ дворцомъ. Изъ окошка у меня видна Волга, красивѣйшая рѣка въ Россіи. Она течетъ такъ величественно среди пространной равнины, окаймленной съ одной стороны горами, высота которыхъ меня ужасаетъ; такихъ горъ я и не видывала. Очертаніе ихъ очень разнообразно; тѣ, которыя видны изъ моего окна, напоминаютъ мнѣ виды Италіи и Сициліи, которыя я видала на картинахъ. Не только мѣстоположеніе Саратова прелестно, но онъ къ тому же оживленъ торговлей; съ удовольствіемъ смотришь на здѣшнюю дѣятельность. Увѣряю тебя, что въ лучшую пору, въ Москвѣ, я не видала такого оживленія. Здѣсь есть хорошенкій театръ, была постоянная труппа, какъ говорятъ, очень порядочная. Въ началѣ войны ее отпустили, и всю зиму обходились безъ театра, будучи озабочены дѣлами поважнѣе удовольствій. Теперь, когда Россія пользуется безпримѣрнымъ въ исторіи торжествомъ, во всѣхъ ея концахъ снова вспомнили объ удовольствіяхъ, и здѣсь также собираются опять выписывать актеровъ. Зданіе дворянскаго собранія очень красиво снаружи; говорятъ, что оно также хорошо и внутри; но мнѣ не придется въ немъ побывать, потому что здѣсь даютъ балы только зимою.

Не могу судить о здѣшнемъ обществѣ; я видала его лишь издали. Кажется оно довольно порядочное. Въ прошлую среду были мы на званомъ обѣдѣ у губернатора. Гостей собралось очень много. Не могу вспомнить безъ смѣха о роли, которую мнѣ пришлось играть; мой шифръ привлекалъ на меня всеобщее вниманіе; я не менѣе произвела эффекта здѣсь, чѣмъ какая-нибудь

принцесса въ Петербургѣ или Москвѣ. Въ концѣ обѣда губернаторъ провозгласилъ тостъ за здоровье матушки,—это меня не удивило; но когда стали пить за мое здоровье, причемъ 60 человѣкъ, вовсе мнѣ незнакомыхъ, поднялись съ своихъ мѣстъ, я совершенно растерялась, никакъ не ожидая такой любезности. Въ столу меня вель подѣ руку самый важный изъ чиновниковъ послѣ губернатора. Онъ же привелъ меня обратно въ гостиную. Ты бы посмѣялась, глядя на меня: я самой себѣ казалась очень смѣшной посреди всѣхъ этихъ почестей. Въ тотъ же вечеръ я ужинала у губернатора; третьяго дня вечеромъ мы были у него за-просто. Я тебѣ обѣщала найти себѣ здѣсь жениха помѣщика; но, увы, помѣщики мнѣ нигдѣ не нравятся. Развѣ выбрать кого-нибудь изъ плѣнныхъ, чтобы доставить тебѣ возможность заняться моимъ приданымъ? Ихъ же здѣсь безчисленное множество; вдесятеро болѣе, чѣмъ въ Тамбовѣ. Изъ 160 человѣкъ офицеровъ, майоровъ и генераловъ, губернаторъ принимаетъ только семь или восемь человѣкъ. Они никогда не являются къ нему безъ зова; въ приемные дни ихъ не видно, а иногда по вечерамъ, когда бываетъ немного гостей, ихъ приглашаютъ послушать музыку. Такимъ образомъ на-дняхъ я видѣла трехъ человѣкъ. Одинъ изъ нихъ принадлежитъ въ знатнѣйшей французской фамиліи. Его зовутъ г. де-Ла-Рошъ-Жакленъ (de la Roche Jaquelin). Во время революціи его старшій братъ или отецъ находился во главѣ роялистовъ въ Вандеѣ, потомъ эмигрировалъ въ Англію. Молодой человѣкъ, котораго я видѣла, вернулся во Францію годъ тому назадъ, по какой причинѣ, не вѣдаю. Дѣло въ томъ, что во время войны Наполеонъ, говорятъ, насильно принудилъ его вступить на службу капитаномъ, и онъ очутился подѣ командой у 36 бывшихъ конюховъ, а въ настоящую пору—генераловъ. Не знаю, что у него на душѣ, но наружность его очень пріятная, манеры прекрасныя. Онъ воспитывался у бабушки, дамы временъ Людовика XIV; вѣжеться, очень понятно, что его приучили къ самому утонченному обхожденію. Хочешь, я выйду за него замужъ? Это легко устроить, лишь бы онъ отказался отъ чести быть подданнымъ маленькаго ворсианца и выбралъ себѣ другого властелина, который бы мнѣ пришелся болѣе по вкусу. Но, посмотримъ, не больше ли понравится тебѣ другой изъ плѣнныхъ. Онъ итальянецъ, богатъ, какъ Крезъ, красавецъ, страстно любитъ музыку, какъ разъ годится въ герои романа, фамилія его Рагани. Этого не трудно поймать. Если я порядочно пропою двѣ или три итальянскія аріи, онъ будетъ у моихъ ногъ. Я уже немного

пробовала пѣтъ. Еслибы ты знала, дружокъ, какъ въ провинціи выигрываетъ имѣя хоть маленькій талантъ. Я здѣсь чудеса творю своимъ пѣніемъ, хотя я вполонину утратила свой прежній голосъ; ты можешь судить, какъ незавидно мое пѣніе. Однако я всѣхъ привела въ восторгъ, даже итальянца, который лѣтъ шесть не слышалъ хорошей музыки. Прошлую зиму здѣшній губернаторъ слышалъ меня въ Москвѣ и попросилъ доставить ему удовольствие—спѣть. Я отказывалась, но матушка велѣла мнѣ спѣть. Къ счастью, я была въ голосъ, но меня стѣсняло присутствіе итальянца, знатока музыки. Сначала я дрожала, потомъ оправилась и спѣла недурно. Еслибы ты видѣла восторгъ Рагани! Звукъ итальянскаго языка магически на него подѣйствовалъ и онъ пришелъ въ неописанный экстазъ. Затѣмъ произошелъ маленький споръ у Рагани съ французомъ. Одинъ просилъ меня спѣть романсъ, а другой каватину, и начали они доказывать другъ другу превосходство той музыки, которая каждому изъ нихъ нравится. Всѣ романсы я позабыла; помню немного только итальянскія аріи, слѣдовательно могла исполнить лишь просьбу Рагани. Поспѣвши сообщить мнѣ твое мнѣніе на счетъ этихъ господъ, а то черезъ двѣ недѣли я разстанусь съ ними и отправлюсь прельщать крестьянъ Камышинскаго уѣзда. Я много слыхала о графѣ де-Сегюръ и о баронѣ Сень-Маркѣ, но я еще не видала ихъ. Меня удивляетъ, что изъ ста-шестидесяти человѣкъ плѣнныхъ, всего восемь порядочныхъ, а то все дрянъ. Какъ выродилась эта бѣдная нація! Вчера утромъ я встрѣтила въ лавкѣ принца Гогенлоа. Онъ красивый малый, но ярый бонапартистъ, болѣе другихъ стойтъ за Наполеона, поэтому онъ мнѣ нравится менѣе всѣхъ.

Теперь расскажу о дамахъ, съ которыми часто встрѣчалась. Начну съ жены губернатора: она остроумна, толкуетъ о книгахъ, о разныхъ авторахъ, о воспитаніи, любитъ иностранцевъ, убѣждена, что лишь они умѣютъ воспитывать дѣтей. Ее очень удивило, что у насъ съ сестрой никогда не было гувернантки-француженки. Она не глупа, но у нея слишкомъ много претензій. Она отлично исполняетъ свои обязанности, но и немало гордится своими достоинствами. Сестра ея гораздо моложе, недурна собой; тоже съ большими претензіями, и очень повровительствуетъ плѣннымъ; во мнѣ она необыкновенно благоволяетъ. Остается тебѣ сдѣлать выборъ, и у меня тотчасъ будетъ женихъ. Губернаторъ пріятный человѣкъ, онъ совершенно на своемъ мѣстѣ, во всѣхъ отношеніяхъ. Отъ первой жены у него двѣ дѣ-

чери, объ замужемъ. Онѣ очень пріятныя особы; съ одной изъ нихъ я очень сошлась. Вотъ сколько я тебѣ рассказала. Пожалуйста не засни, читая это письмо. Нынче весь день проведу у губернатора. Сегодня у него пріемный день. Что за жара здѣсь, дружокъ! Безпрестанно слышеть громъ, но воздухъ не освѣжается. Пожалѣй, что мнѣ приходится наряжаться при такой температурѣ. Прощай, мой милый другъ; отъ души обнимаю тебя.

Сейчасъ получила твое письмецо. Меня разсмѣшило письмо твоего мужа. Хотѣлось бы мнѣ сказать тебѣ многое касательно сношеній между живыми и умершими, но теперь мнѣ некогда; въ тому же я боюсь, что письма наши превратятся въ метафизическія пренія, и наконецъ, вопросъ этотъ такъ сложенъ, что въ цѣломъ томѣ всего не выскажешь.

Мы всѣ радуемся побѣдѣ Витгенштейна и оплакиваемъ потерю, которую понесла Россія въ лицѣ Кутузова.

25-го мая. — Тебѣ и въ голову не приходитъ, дружокъ, что, отославъ тебѣ послѣднее смѣшное письмо, я чуть не отправилась на тотъ свѣтъ. Я и сюда привезла свою хворость. Написавъ тебѣ, я поѣхала на ужинъ къ губернатору, и такъ славно простудилась, что меня схватили колики и хлынула кровь горломъ. Пять лѣтъ тому назадъ я чуть не умерла отъ такого припадка; ты можешь вообразить, какъ мамѣ встревожилась. По милости Божіей и благодаря хорошему доктору я встала на ноги и чувствую лишь маленькую слабость. Нынче же вечеромъ собираюсь на ужинъ къ губернатору; не рискую простудиться потому, что одѣлась по зимнему. Представь себѣ, только-что я запечатала письмо, въ которомъ жаловалась тебѣ на тропическій жаръ, началась гроза, и термометръ спустился по крайней мѣрѣ на 15°. Этому быстрому измѣненію температуры я и обязана своей простудой. Хоть душой и сердцемъ я русская, но тѣло мое никакъ не выноситъ суровости нашего климата. Осторожностью я не отличаюсь. Нынче праздновали побѣду 20-го апрѣля. Я была въ церкви и слышала, какъ палили изъ пушекъ. Молясь и благодаря Бога за помощь нашимъ войскамъ, я чувствовала, какъ сердце мое болѣзненно сжималось при пушечномъ громѣ. Невольно подумаешь: быть можетъ, подъ подобными выстрѣлами въ далекой странѣ падаютъ тысячи соотечественниковъ, а можетъ и близкіе намъ люди. Мы въ постоянной тревогѣ о Нивольнѣ съ тѣхъ поръ, какъ узнали о дѣлѣ 20-го апрѣля. Въ

газетахъ мы прочли, что его генералъ, а значить и онъ, также были въ Дрезденѣ 3-го апрѣля. Оттуда до Лейпцига не далеко, а вотъ цѣлыхъ два мѣсяца братъ не писалъ намъ. Вчера получили письмо отъ сестры отъ 1-го апрѣля, гдѣ она говоритъ, что съ тѣхъ поръ, какъ разсталась съ Николаемъ, то-есть съ 9-го марта, не имѣла отъ него извѣстій. Конечно, надо покоряться, смиряться, но не легко, признаюсь, переживать эти тревоги. Благодарю тебя за обѣщаніе достать книгу, которую я у тебя просила. Мнѣ знакомо вступленіе къ сочиненію святого Франциска Салійскаго «О благочестивой жизни». Мама тоже читала его, но все-таки мы бы желали, если возможно, приобрести эту книгу. Черезъ два дня отправляемся въ имѣніе; насъ задержало мое нездоровье. На возвратномъ пути мы всего на однѣ сутки остановимся здѣсь. Я этимъ воспользуюсь, чтобъ написать къ тебѣ. Огорчило меня извѣстіе о смерти Теодора Нащокина. Какое горе для его сестры! Боже мой, сколько проливается слезъ! Какъ много трауровъ! отъ болѣзней умираютъ столько же, какъ и отъ пуля и бомбъ. Когда-то вернутся счастливые дни. Потерявъ ихъ, быть можетъ, безвозвратно, мы узнали имъ всю цѣну. Я нахожусь въ такомъ мрачномъ настроеніи, что, встрѣтивъ нынче утромъ итальянца, который очень усердно справлялся о моемъ здоровьѣ (боюсь вѣрно, что я уѣду и ему не придется болѣе слышать моего пѣнія), я не вытерпѣла и сказала ему, что нахожу русскихъ слишкомъ мягкими въ обращеніи съ иностранцами, которые сдѣлали намъ столько нравственнаго зла. Это его такъ озадачило: онъ никакъ не ожидалъ, чтобы я такимъ образомъ отблагодарила его за участіе и за стараніе узнавать черезъ всѣхъ знакомыхъ о состояніи моего здоровья. Здѣсь есть графы де-Сегюръ, бароны де-Сенъ-Маркъ, принцы де-Бово. Не странно ли встрѣчать такіа громкія фамиліи среди разбойниковъ, сопутствовавшихъ адскому чудовищу? Всѣ эти лица эмигрировали, но надежда вернуть свое состояніе заставила ихъ возвратиться во Францію и сдѣлаться подданными Наполеона, продавъ свою совѣсть. Наши эмигранты иначе дѣйствовали. Когда при этихъ господахъ упоминаешь о тѣхъ, которые находятся въ нашей службѣ, они молча потупляются. Правда ли, что умеръ генералъ Ламбертъ? Прощай, милый другъ.

29-го мая. — Ъду въ ночь, милый другъ, оставляю здѣсь этотъ доскутокъ бумаги, чтобы ты не подумала, что я пропала безъ вѣсти. Прѣздимъ мы недѣли двѣ; въ это время мнѣ навѣрное

не придется писать тебѣ. Не безъ сожалѣнія прощаюсь съ Саратовомъ, какъ подумаю, что придется вернуться въ Тамбовъ на цѣлый мѣсяць; только однимъ утѣшаюсь, что увижу брата и Дашу. Здѣсь окрестности еще красивѣе самого города. Съ воскресенья я совершала прогулки ежедневно въ разныя стороны; всѣ мѣстности одна другой лучше. Вчера мы катались по Волгѣ въ плюскѣ, съ музыкантами, пѣсенниками и т. д. Рѣка такъ широка, что мнѣ легко было вообразить, будто я ѣду по морю. Погода чудесная, но какъ на землѣ во всему прижиьшивается зло,—въ здѣшнихъ мѣстахъ преслѣдуютъ насъ мошки и комары, особенно невыносимы они вечеромъ. Въ окрестностяхъ Москвы они тоже встрѣчаются, но ихъ гораздо меньше, чѣмъ здѣсь. Когда доберусь до Высоваго, не буду жаловаться ни на какихъ насѣкомыхъ. Здѣсь они несравненно крупнѣе и сердитѣе. Во время прогулки по берегу Волги, они мнѣ страшно искушали лицо и шею. Теперь у меня останутся знаки, по крайней мѣрѣ, недѣли на три.

Изъ газетъ мы узнали, что братъ не участвовалъ ни въ одномъ сраженіи, потому что корпусъ Сень-При занятъ былъ осадой Глогау. Хоть и говорятъ, что не слѣдуетъ желать, чтобъ Николай во время всей войны не былъ ни разу въ сраженіи, но, признаюсь, я благодарю Бога, когда узнаю, что онъ не участвовалъ въ какой-либо схваткѣ. Романъ мой съ итальянцемъ идетъ какъ по маслу,—дѣло за тобой; но по всей вѣроятности рѣшеніе твое опоздаетъ, тѣмъ дѣло и кончится. Вчера онъ чуть съ ума не сошелъ отъ восторга, услыхавъ итальянскій речитативъ. Однако серьезно увѣряю тебя, что онъ замѣчательно красивъ; его можно сравнить лишь съ государемъ; разница въ томъ, что императоръ—блондинъ, а у Рагани—смуглый южный типъ. Пора кончить болтовню, а то, пожалуй, ты подумаешь, что я занята синьоромъ болѣе, чѣмъ онъ мной. Оставляю шуточный тонъ и прошу тебя весьма серьезно вѣрить въ мою искреннюю привязанность къ тебѣ, дружокъ. Обнимаю тебя и маленькую принцессу.

Тамбовъ, 24-го июня.—Опять я въ прелестномъ Тамбовѣ. Теперь онъ мнѣ кажется еще противнѣе при сравненіи съ Саратовомъ. Что за пыль, какая духота! Я думаю, во всемъ свѣтѣ нѣтъ мѣста хуже этого города. По мѣстоположенію, по ясности неба, Саратовъ можно причислить къ самымъ приятнымъ мѣстностямъ въ лѣтнюю пору. Я получила письмо, въ которомъ ты меня спрашиваешь, такимъ ли я нашла Саратовъ, какимъ вообразала. Могу тебя увѣрить, что онъ превзошелъ мои ожиданія. Мы съ

мамá объ одномъ сожалѣемъ, что не отправились изъ Москвы прямо въ Саратовъ. Тамъ бы мы нашли удобное помѣщеніе, не терпѣли бы отъ холода, благодаря которому я здѣсь все время хворала. Представь, что теперь, по возвращеніи, мы нашли еще больше неудобствъ. Братъ нанялъ квартиру двѣ недѣли тому назадъ; вдругъ наканунѣ нашего пріѣзда хозяинъ дома вздумалъ самъ ее ванять, помѣстился въ ней и опасно заболѣлъ. Другой квартиры нѣтъ возможности найти: теперь здѣсь ярмарка и сюда съѣзжаются всѣ помѣщики; ихъ не малое количество, такъ что даже всѣ чердаки заняты. Посреди всѣхъ этихъ хлопотъ, 19-го іюня въ 6 часовъ пополудни Даша родила. 20-го мы пріѣхали въ 7 часовъ утра, и оказалось, что намъ негдѣ пріютиться; братъ не имѣлъ ни возможности, ни времени присватъ намъ убѣжища, а во время родовъ жены онъ окончательно потерялъ голову. Съ большимъ трудомъ нашли мы помѣщеніе, но оно хуже тѣхъ, которыя въ бывшее время занимали наши прачки. Тутъ милліоны блохъ, клоповъ, таракановъ и всевозможныхъ насѣкомыхъ. Въ первую ночь я чуть не расплакалась какъ ребенокъ; доброй и ночей семь глазъ не смыкала и вдругъ, пріѣхавъ на мѣсто, не могу заснуть. Собрала всѣ свои силы и рѣшилась твердо переносить всѣ напасти; теперь скоро распрощусь я съ Тамбовомъ и уѣду на родину. Слава Богу, невѣстка теперь внѣ опасности; намъ можно будетъ ускорить отъѣздъ. 8-го іюля годовщина братиной свадьбы, а 9-го на зарѣ мы будемъ на дорогѣ въ Москву. Не пиши мнѣ болѣе въ Тамбовъ, а адресуй письма твои въ Москву, въ домъ ея высокопревосходительства, Дарьи Александровны Валуевой, на Самотекѣ. Тяжело мнѣ будетъ' взглянуть на разоренную Москву, но нельзя миновать этой скорби, хоть бы скорѣе отъ нея отдѣлаться. За то сколько радостей ожидаютъ меня въ Москвѣ! Я увижу множество старинныхъ знакомыхъ, буду вести прежній образъ жизни. Скоро годъ, какъ не приходилось мнѣ видѣть ни одного близкаго лица. Необходимо было заводить новыя знакомства, дѣлать церемонные визиты. Въ Саратовѣ я почти-что попала въ прежнюю волею. Тамъ можно поговорить, погулять, заняться музыкой, потанцовать; словомъ, я нашла тамъ знакомый мнѣ образъ жизни, здѣсь же я лишь въ совершенствѣ выучилась въ карты играть. Въ Саратовѣ у меня вернулась охота къ пѣнію; которымъ я займусь, когда мы совсѣмъ устроимся въ Москвѣ. Кстати, по поводу музыки скажу тебѣ, что еслибъ я подольше осталась въ Саратовѣ, то превратилась бы въ синьору Рагани. За два дня до отъѣзда я усло-

видась съ дочерью губернатора отправиться гулять въ пять часовъ утра и взобраться на гору, чтобы полюбоваться великолѣпнымъ видомъ. Не знаю, какимъ образомъ итальянецъ провѣдалъ о нашемъ намѣреніи, только онъ былъ первымъ лицомъ, которое я встрѣтила, выйдя изъ дома. Представь, что во все время, пока я была въ Саратовѣ, куда бы я ни отправилась, вездѣ встрѣчала его. Съ трехъ часовъ утра онъ рассказывалъ по площади противъ нашего дома; однако притворился, будто встрѣтился съ нами неожиданно, и попросилъ позволенія сопутствовать намъ. Въ этотъ же день я узнала, что его не разъ видали на этой площади въ два или три часа утра. Когда гости разъѣзжались отъ губернатора, онъ, какъ влюбленный, рассказывалъ мимо нашихъ оконъ. Какъ тебѣ нравятся эти романическіе приемы? Наконецъ, въ день разлуки мой итальянецъ такъ расчувствовался, что, еслибъ не быстрый отъѣздъ, онъ, пожалуй, похитилъ бы меня. Надѣюсь, что онъ уже давно утѣшился и мало обо мнѣ думаетъ. Уроженцы юга дѣйствуютъ не по нашему. Разрѣшенія твоего я не получала, а безъ него не осмѣливаюсь избрать себѣ властелиномъ прекраснаго итальянца. Точно, я не видывала мужчины красивѣе его; въ тому же онъ очень уменъ и любезенъ, — послѣднее качество рѣдко встрѣчается у итальянцевъ; но онъ слишкомъ уже легко воспламеняется; на этотъ разъ онъ попалъ на ледяную особу. Будетъ болтать вадоръ. Я и забыла сказать тебѣ, что у меня есть маленькій племянникъ; его назвали Сергѣемъ. Даша исполнила твое приказаніе: родила какъ нельзя благополучнѣе и собирается сама кормить ребенка. Здѣсь получили мы два письма отъ Николинки. Послѣднее отъ 24-го апрѣля. Бѣдный мальчикъ участвовалъ въ сраженіи 20-го апрѣля и остался цѣлъ и невредимъ, равно и послѣ схватки, бывшей 23-го числа. Съ тѣхъ поръ было еще нѣсколько стичекъ съ неприятелемъ; не знаю, участвовалъ ли онъ въ нихъ; навѣрное, что такъ, потому что онъ находится въ авангардѣ. Расскажу тебѣ одинъ случай, бывший со мной въ Саратовѣ. Когда братъ поѣхалъ въ армію зимой, онъ встрѣтилъ въ Вильнѣ Сенъ-При, которому государь поручилъ надзоръ надъ плѣнными и ранеными французами. Ихъ оставляли безъ всякой помощи, такъ что изъ сорока тысячъ въ живыхъ осталось едва три тысячи. Сенъ-При положился на усердіе Николая; братъ писалъ намъ, что у него въ госпиталяхъ куча дѣла. За два дня до нашего отъѣзда въ Саратовъ привели 150 плѣнныхъ, взятыхъ въ Вильнѣ во время жалкаго отступленія французовъ. Я была у губернатора, когда въ нему привели этихъ

плѣнныхъ. Мишель сталъ съ ними разговаривать, и передалъ мнѣ, что всѣ они знаютъ Ниволиньку. Я приблизилась къ нимъ. Когда имъ сказали, что я сестра Волкова ¹⁾, адъютанта Сень-При, я думала, что они меня задавятъ: всѣ они тѣсно меня окружили, и начали кричать одинъ громче другого, что братъ мой ангелъ, что многіе изъ нихъ ему обязаны жизнью, что онъ сдѣлалъ имъ много добра. Я съ дуру расплакалась, будто услышала что-либо грустное. Я знаю, что Ниволинька добръ, какъ ангелъ, и меня такъ тронуло это выраженіе благодарности къ брату, находящемуся за двѣ тысячи верстъ, со стороны людей, съ которыми я, быть можетъ, никогда болѣе не встрѣчусь, что отъ радости я чуть не задохнулась. Всѣ эти французы, итальянцы, нѣмцы (между ними люди всѣхъ націй) перепугались, увидя мои слезы. Начались похвалы Сень-При. Ему, какъ начальнику, они еще больше обязаны; онъ всѣмъ распоряжался. «Графъ Сень-При—спаситель всѣхъ насъ, кричали они; еслибъ не онъ—изъ насъ никого не было бы въ живыхъ». Никогда въ жизни не приходилось мнѣ слышать такихъ восторженныхъ похвалъ. Нельзя не любить этого честнаго Эммануила. Вездѣ онъ неизмѣненъ, и оставляетъ по себѣ всюду пріятныя воспоминанія. Какъ я рада, что у Ниволиньки такой достойный руководитель!

До тебя дошли невѣрные слухи, дружокъ. Зять Пушкиныхъ Волконскій не умираетъ. Ухтомская, которая давно живетъ съ Пушкиными, пишетъ мнѣ и рассказываетъ, въ какомъ горѣ семейство Александра; но не говоритъ о Волконской. Избави Богъ: двѣ такія потери въ одномъ семействѣ! Жду Мари Сумарокову. Скоро Федоръ Голицынъ будетъ здѣсь проѣздомъ въ деревню; я постараюсь выпросить Мари на недѣлю.

Что касается политическихъ новостей, признаюсь, я ими недовольна. Говорятъ объ амнистіи все какъ-то неясно. Бѣдный Кутузовъ! Почему знать; будемъ молить Бога, все, что Онъ сдѣлаетъ, будетъ въ лучшему! Въ письмѣ отъ 5-го мая сестра намъ говоритъ, что женщинамъ велѣно оставаться въ Силезіи, въ Саксонію ихъ не пускаютъ. Благодарю тебя за обѣщаніе прислать мнѣ шляпу. Надѣюсь, что она будетъ получше ранжеваго лубочка, которое выбрала для меня Сумарокова. Кстати, я вспомнила, что сегодня рожденіе твоего брата. Искренне желаю, чтобы ты получила отъ него пріятныя вѣсти. Богъ дастъ, всѣ наши воины вернутся цѣлы и невредимы, и мы дождемся прочнаго

¹⁾ Николай Аполлоновичъ, впоследствии московскій уѣдный предводитель дворянства.

мира. Надѣюсь, что ты довольна этимъ письмомъ. Ты все просишь писать поподробнѣе. Цѣлую тебя и твою маленькую *неесту*. Я нахожу преславной мысль искать ей жениховъ съ этихъ поръ; вѣрно мужъ твой сердится за эту выдумку. Какъ бы тамъ ни было, а у меня для нея цѣлыхъ два жениха: сынъ сестры и потомъ братниинъ сыновъ. Даже и Миша годится въ женихи маленькой наслѣдницѣ. Онъ премилый, очень уменъ и со временемъ, я полагаю, будетъ любезнымъ кавалеромъ; отвѣчаю за его доброе сердце. Хочешь его въ зятя? Скажи мнѣ, я сейчасъ начну устраивать дѣло. Ты спрашиваешь, вѣдѣлъ ли съ нами маленький братъ. Знать ты давно его не видала. Онъ головой выше Сержа, несмотря на свои 13 лѣтъ. Просто—великанъ. Въ Саратовѣ и въ деревнѣ всѣ удивлялись его росту.

30-го юня.—Меня очень обрадовало послѣднее твое письмо, милый другъ. Благодарю за участіе, которое ты принимаешь во всемъ, что близко моему сердцу. Письмо твое успокоило и мамушку и меня; изъ словъ твоихъ о Ниволинъѣ мы вывели заключеніе, что съ нимъ не случилось ничего дурного. Со 2-го апрѣля не имѣемъ отъ него извѣстій. Читаемъ и перечитываемъ каждую фразу, гдѣ упоминается о немъ; стараемся отыскать, нѣтъ ли въ ней чего-либо недосказаннаго. Наконецъ, мы съ мамѣ разочли, что 6-го юня ты и дядя Кошелевъ навѣрное бы узнали, еслибъ случилось что недоброе. Для подтвержденія твоихъ словъ, какъ нарочно, явился Федоръ Голицынъ, выѣхавшій изъ Москвы 14-го юня. Мы его разспрашивали о братѣ; онъ увѣрялъ, что все обстоитъ благополучно. Наконецъ, Мари Сумарокова, съ которой я видѣлась, весело и беззаботно разговаривала со мной о братѣ. Она спѣшила въ Зубриловку, боясь прогнѣвать старушку княгиню; мнѣ не удалось удержать ее до 1-го юля. Однако, она общала выпросить позволеніе погостить у меня недѣль шесть зимой въ Москвѣ. Федоръ Голицынъ напугалъ меня, описывая мнѣ положеніе Москвы. Правда, онъ любитъ преувеличивать, но вѣдь не онъ одинъ говоритъ о грустномъ видѣ Москвы, единственнаго знакомаго и любимаго мной города. Все, что мнѣ приходится слышать о дѣлахъ общественныхъ и частныхъ, не утѣшительно. Но что Богу угодно, то пусть и будетъ. Станемъ надѣяться и ожидать лучшаго.

Со мной вѣчно случаются неожиданности. Вообрази, что мнѣ возвратили письма, которыхъ я не могла добиться цѣлыхъ пять лѣтъ. вмѣстѣ съ ними получила я глупое и пошлое письмо отъ одной особы, и сожгла его вмѣстѣ съ моими собственными пись-

мами. Теперь я спокойна: всё, рѣшительно всё письма уничтожены, даже писанныя въ дѣтствѣ. Каковъ обманщикъ; онъ увѣрялъ, что вся переписка сожжена. Да простить ему Богъ! Больно подумать, что таковъ вышелъ сынъ достойнаго и уважаемаго человека, да и братцы-то его не лучше. Желаю ему счастья и постараюсь забыть все горе, которое онъ мнѣ причинилъ.

Невѣстка моя здорова, она не могла кормить сына дольше недѣли. Теперь стараются освободить ее отъ молока. Племяннику полегче; на прошлой недѣли мы думали, что онъ умретъ. У насъ стояли сильные жары; вечера были чудесные, но гулять здѣсь негдѣ. Нынче прохладнѣе, вотъ почему я такъ расписалась. Новая наша квартира немногимъ лучше прежней. По крайней мѣрѣ теперь мы живемъ рядомъ съ братомъ. Кланяйся мужу. Цѣлую тебя и твою дочку. Ты вѣрно слышала, что дочь Борсаковой, Ржевская, умерла. Жизнь ея была незавидная; вѣрно, ей хорошо въ томъ мѣрѣ. Если ужъ она не въ раю, то какъ же намъ надѣяться туда попасть?

М. СВИСТУНОВА.

ДЖОНЪ СТЮАРТЪ МИЛЛЬ

И

ЕГО ШКОЛА

СТАТЬЯ ШЕСТАЯ *)

Ученіе о свободѣ человѣческой воли.—Метафизическая теорія о безучастіи закона причинности въ явленіяхъ воли.—Теорія необходимости и ея деморализующее вліяніе на сторонниковъ теоріи.—Человѣкъ имѣетъ свободную волю, какъ способность измѣнять свой личный характеръ по собственному желанію.—Вопросъ о невѣроятности преступленій и объ общественномъ правѣ наказанія.—Неправильные выводы Бокля изъ статистическихъ обобщеній.—

Вліяніе великихъ людей и правительствъ на общественный прогрессъ.

Объ новѣйшія науки: этологія и соціологія, разсмотрѣнныя и съ большимъ искусствомъ подтвержденныя Миллемъ въ ихъ правѣ на научное достоинство, имѣютъ въ своемъ основаніи ученіе о свободѣ человѣческой воли. Это ученіе служило съ давнихъ временъ, еще со временъ Пелагія, предметомъ ожесточенныхъ споровъ между философами и теологами. Каждая спорящая сторона опасалась лишиться въ этомъ ученіи главной поддержки всѣхъ своихъ лучшихъ или наиболѣе выгодныхъ стремленій. Теперь, когда положительная наука находитъ свои права въ этомъ спорѣ и вводитъ ученіе о свободѣ воли въ предѣлы своихъ изысканій, старинныя метафизическія теоріи теряютъ всякое серьезное значеніе въ соціологическихъ изслѣдованіяхъ, и послѣд-

*) См. выше: май 5; іюнь 473; іюль 132 стр.

нею надеждою старыхъ метафизическихъ теорій остаются лишь нравственныя послѣдствія новаго и дѣйствительно научнаго объясненія «свободы воли». Къ сожалѣнью, научное объясненіе этого явленія послужило поводомъ для многихъ недоразумѣній относительно нравственнаго достоинства новой теоріи, такъ что многіе не принимали ея только вслѣдствіе опасенія за тѣ нравственныя послѣдствія, которыми грозила новая теорія. Но въ дѣйствительности научная теорія нисколько не виновна въ возникшихъ недоразумѣніяхъ и способна вмѣстить въ предѣлы своего объясненія всѣ тѣ факты и нравственныя требованія, которымъ старалась удовлетворять древняя теорія свободы человѣческой воли. Именно Джону Стюарту Миллю принадлежитъ честь оправданія и защиты научной теоріи отъ всякаго рода нареканій, которымъ подвергалась она какъ со стороны черезчуръ отважныхъ сторонниковъ ея, такъ и со стороны рѣшительныхъ противниковъ ¹⁾.

Научная теорія основывается на доказательствахъ опыта, и все ея дѣло заключается въ томъ, чтобы распространить на человѣческіе поступки законъ причинности, подъ который, какъ мы видѣли, подведены уже всѣ явленія окружающей насъ природы, какъ неорганической, такъ и органической, со включеніемъ и человѣческаго организма. Прежняя теорія, напротивъ, утверждала, что человѣческая воля опредѣляется сама собою, а не какими-либо предыдущими явленіями, что воля, слѣдовательно, не можетъ быть слѣдствіемъ какихъ-либо причинъ, а если и можетъ, то никакъ не безусловно, не въ формѣ закона природы.

Однако современная наука, въ лицѣ Конта и Милля и массы ихъ послѣдователей во всѣхъ отрасляхъ ученыхъ изслѣдованій, успѣла уже показать, что изъ эмпирическихъ законовъ, которыми весьма обильно снабжены этологія и соціологія, возможно вывести такіе же причинные законы, какими объясняются всѣ явленія природы, — то-есть, что между характеромъ отдѣльнаго человѣка или цѣлаго общества и обстоятельствами, среди которыхъ проходитъ личная или общественная жизнь, существуетъ несомнѣнная, законная связь причинъ со слѣдствіями. На эту связь указываетъ намъ множество фактовъ: въ существованіи ея мы убѣждаемся самонаблюденіемъ своихъ собственныхъ желаній и поступковъ, или наблюденіемъ поступковъ другихъ людей, которое дѣлаетъ насъ нерѣдко способными предвидѣть чужіе поступки съ тою точностью, съ какою мы предсказываемъ обычныя физи-

¹⁾ См. Hamilton's Philosophy, глава XXVI; A System of Logic etc., книга 6, главы 2 и 11.

ческія явленія; наконецъ, связь эта подтверждается статистическими результатами наблюденія цѣлыхъ массъ людей, дѣйствующихъ въ совокупности, причемъ вліянія, дѣйствующія лишь на немногихъ личностей, нейтрализуются между собою, и весь результатъ становится такимъ, какъ будто бы воли всѣхъ людей въ массѣ находились подъ вліаніемъ лишь общихъ для каждаго человѣка опредѣляющихъ причинъ: возьмите, на примѣръ, статистическіе факты Бокля объ отношеніи числа убійствъ, законныхъ и незаконныхъ рожденій, самоубійствъ или писемъ безъ адреса — къ общему числу населенія, и вы не можете не признать, что эти эмпирическія обобщенія необходимо обуславливаются извѣстными причинами, и что эти причины могутъ объяснить всѣ тѣ стороны человѣческаго характера, вліаніе которыхъ проявляется въ статистическихъ данныхъ. А между тѣмъ, научная практика говоритъ, что подъ статистическія и историческія обобщенія подходятъ всѣ явленія общественной жизни. Даже такое психическое явленіе, какъ разсѣянность или забывчивость при надписаніи адреса на письмахъ, совершается однообразно, какъ бы по закону природы. Въ фактахъ подобнаго рода мы можемъ, слѣдовательно, дѣлать столь же вѣрныя предсказанія, какъ въ тѣхъ физическихъ явленіяхъ, въ которыхъ слѣдствіе обуславливается многими причинами. Всѣ случаи, въ которыхъ наука не рѣшается дѣлать предсказаніе, совершенно схожи съ тѣми задачами въ астрономіи и химіи, гдѣ изслѣдователь долженъ рѣшать вопросъ по слишкомъ скуднымъ свѣдѣніямъ о причинахъ, вызывающихъ изучаемое слѣдствіе. Имѣя такимъ образомъ въ виду, что мы заключаемъ о законности человѣческихъ поступковъ совершенно также, какъ заключаемъ мы о всѣхъ другихъ явленіяхъ въ природѣ, мы обязаны, въ случаѣ съ поступками, вести себя относительно теоріи самовольности точно также, какъ поступаемъ тогда, когда имѣемъ дѣло съ естественными явленіями. И воля, поэтому, можетъ быть для насъ лишь нравственнымъ дѣйствіемъ, исходящимъ изъ соответствующихъ ей нравственныхъ причинъ съ тою же непремѣнностью и неизмѣнностью, съ какою физическія дѣйствія исходятъ изъ физическихъ причинъ.

Метафизика не способна объяснить по-своему статистическія обобщенія въ общественныхъ явленіяхъ; но такъ какъ ей не желательно признать, что ими доказывается существованіе тѣхъ же законовъ послѣдовательности и сосуществованія, которыми характеризуются всѣ другія естественныя явленія, то она находитъ наиболѣе удобнымъ скрыть свою несостоятельность опять за тѣмъ же всеобщимъ доводомъ интуитивной философіи: за *сознаніемъ*

или личнымъ впечатлѣніемъ всякаго человѣка. Мы, — говоритъ сэръ Гамильтонъ, — «мы сознаемъ или напу свободу или, во всякомъ случаѣ, нѣчто такое, что подразумѣваетъ (*implies*) свободу». Это сознание свободной воли приверженецъ того же философа, Мэнсель, поясняетъ слѣдующимъ образомъ: «въ каждомъ актѣ воли я вполне сознаю, что я могу въ каждый моментъ дѣйствовать любымъ изъ двухъ путей, и что при всѣхъ одинаковыхъ предшествовавшихъ явленіяхъ я могу сегодня пойти по этому пути, а завтра по другому». «Такъ, — отвѣчаетъ Милль, — хотя предшествующія явленія остаются тѣ же самыя, но *нѣтъ*, если мое сужденіе о предшествующихъ явленіяхъ останется тѣмъ же. Если мое поведеніе измѣнилось, то должны были измѣниться или внѣшнія побужденія къ поступку или моя оцѣнка этихъ побужденій». Въ дѣйствительности рѣшеніе воли происходитъ иначе. Сознание рѣшаетъ здѣсь не то, что я могъ бы рѣшить что-либо и тѣмъ и инымъ путемъ, но что я могъ бы принять этотъ иной путь, *еслибы предпочелъ его*; но я не могъ бы избрать его, *еслибы предпочиталъ другой*. Подъ этимъ *предпочтеніемъ* разумѣется здѣсь не одно только предпочтеніе само по себѣ, но и все дѣйствіе, его сопровождающее. Извѣстно, что человѣкъ можетъ избирать одно дѣйствіе съ предпочтеніемъ другого, но безъ его послѣдствій или безъ нарушаемаго имъ нравственнаго закона. Однако такое предпочтеніе — не дѣйствительное и потому не можетъ имѣть никакого вліянія на предметъ спора. Между тѣмъ, на немъ-то именно интуитивная философія строитъ свою защиту того положенія, что сознание или совѣсть будто бы преобладаетъ надъ желаніями, какъ будто между совѣстью и *желаніемъ* поступать справедливо есть какая-нибудь разница. Положимъ, что человѣку предстоитъ рѣшить вопросъ: убить ли, или не убить. Говорятъ, что если онъ избираетъ первое, то сознаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ могъ бы избрать и отказъ; но вопросъ въ томъ, сознавалъ ли онъ, что могъ бы отказаться отъ убійства, *еслибы его отвращеніе отъ преступленія и его страхъ передъ послѣдствіями преступленія были слабѣе искушенія*? Если я рѣшаюсь отказаться отъ убійства, то могу сознавать, что я могъ бы совершить его лишь въ томъ случаѣ, *еслибы желаніе совершить его было бы сильнѣе моего отвращенія къ убійству*. «Когда мы думаемъ о себѣ предположительно, что могли бы поступить иначе, чѣмъ поступили, мы всегда предполагаемъ разницу въ предыдущихъ явленіяхъ; мы представляемъ себѣ тогда, что мы знали что-то, чего не знали, либо не знали чего-то, что знали — разница во внѣшнихъ побужденіяхъ; — или: что мы желали (или

не желали) чего-то болѣе или менѣе того, насколько дѣйствительно желали (или не желали), — разница во внутреннихъ побужденіяхъ». Отсюда ясно, что мы не можемъ сознать себя способными дѣйствовать въ противоположность сильнѣйшему изъ нашихъ нынѣшнихъ желаній или отвращеній. Разница между дурнымъ и хорошимъ человѣкомъ заключается не въ способности послѣдняго поступать противно своимъ сильнѣйшимъ желаніямъ, а въ томъ, что его желаніе поступать справедливо и его отвращеніе отъ злыхъ поступковъ настолько сильны, что могутъ преодолѣть и даже разрушить всѣ другія желанія и отвращенія, противоположныя первымъ. Благодаря этой способности человѣческаго ума къ нравственной борьбѣ возможно и нравственное воспитаніе, цѣлью котораго служить воспитаніе воли.

Наша воля, какъ мы видѣли, управляется сильнѣйшимъ побужденіемъ въ смыслѣ пріятности или непріятности: желаніемъ или отвращеніемъ. Мэнсель, желая уронить этотъ выводъ, измѣнилъ значеніе его увѣреніемъ, что подъ *сильнѣйшимъ* побужденіемъ слѣдуетъ будто бы разумѣть «преобладающее», и что этотъ выводъ, слѣдовательно, означаетъ лишь, что преобладающее побужденіе преобладаетъ надъ волею и что, слѣдовательно, въ нашемъ выводѣ нѣтъ никакого серьезнаго содержанія. Но не говоря о томъ, что сильнѣйшее побужденіе стоитъ въ выводѣ въ отношеніи не къ волѣ, а къ желаніямъ и отвращеніямъ, даже и въ Мэнселевской формѣ выводъ этотъ имѣетъ все-таки реальное значеніе. Нѣтъ ничего нелѣпаго въ томъ положеніи, что если на чашкахъ вѣсовъ лежатъ двѣ различныхъ тяжести, то болѣе тяжелая подыметъ менѣе тяжелую; это положеніе, однако, имѣетъ смыслъ, такъ какъ оно означаетъ, что во многихъ или въ большинствѣ случаевъ есть нѣчто тяжелѣйшее, и что оно всегда одно и то же. Также точно, если подъ сильнѣйшимъ побужденіемъ разумѣется лишь преобладающее, то при одинаковости всѣхъ другихъ предыдущихъ явленій побужденіе, преобладавшее сегодня, будетъ преобладать и завтра и ежедневно.

Итакъ, законности въ явленіяхъ свободы воли отрицать невозможно, а слѣдовательно, и нельзя не допустить возможности предсказыванія поведенія человѣка, если намъ извѣстны его умственные побужденія, характеръ и наклонности, и если передъ нами раскрыты всѣ обстоятельства, среди которыхъ проводитъ онъ свою жизнь. Даже наше сознаніе часто говоритъ, что, хотя мы сознаемъ себя свободными, мы все-таки требуемъ отъ другихъ, чтобы и они тоже понимали нашъ характеръ и не сомнѣвались, что въ данномъ случаѣ мы поступимъ непремѣнно такъ,

а не иначе. Откуда же берется это требованіе, какъ не изъ увѣренности въ томъ, что наши поступки совершаются столь же законнымъ образомъ, какъ и всѣ другія естественныя явленія? Разумѣется, это сознаніе приобрѣтенное, однако оно существуетъ рядомъ съ тѣмъ, на которое возлагаютъ всѣ свои надежды приверженцы внѣ-законнаго дѣйствія воли.

Чувство нравственной свободы, однако, не химера, какъ полагаютъ нѣкоторые сторонники новаго ученія: это чувство основано на нашей способности измѣнять свой личный характеръ по нашему желанію, подобно тому, какъ мѣняемъ мы естественныя явленія посредствомъ перемѣны вліяющихъ на эти явленія обстоятельствъ. Но цѣлая школа приверженцевъ теоріи законности въ явленіяхъ воли, ссылаясь на всепоглощающую силу общественныхъ вліяній, отвергаетъ вполнѣ принципъ «свободы воли», и признаетъ въ явленіяхъ воли какую-то фаталистическую *необходимость* развитія человѣческаго характера изъ его личной организаціи, окружающихъ человѣка обстоятельствъ и его общественнаго воспитанія. Личнаго воздѣйствія, личнаго вліянія на свой характеръ теорія «необходимости» въ человѣкѣ не допускаетъ. Эта теорія смотритъ на явленія человѣческаго поведения, какъ на явленія *неизмѣнной* причинности, гдѣ извѣстная причина неизбѣжно, необходимо вызываетъ извѣстное слѣдствіе, гдѣ отворотить или измѣнить необходимый результатъ извѣстной причины нѣтъ никакой возможности. Утверждая такимъ образомъ, что человѣческій характеръ и сама воля человѣческая опредѣляются вліяніемъ обстоятельствъ и личной организаціи съ тою самою строгостью и непоколебимостью, какъ въ тѣхъ явленіяхъ природы, гдѣ причина безпрепятственно вызываетъ свое слѣдствіе, — приверженцы теоріи необходимости должны становиться фаталистами. И дѣйствительно, они полагаютъ не только то, что все происходящее есть необходимый результатъ создающихъ причинъ, но еще то, что борьба противъ послѣднихъ бесполезна. Признавая, что наши поступки исходятъ изъ нашего характера, и что нашъ характеръ есть слѣдствіе нашей организаціи, нашего воспитанія и нашихъ обстоятельствъ, приверженецъ необходимости легко приходитъ къ убѣжденію, что его собственный организмъ или его воспитаніе и положеніе въ обществѣ создали *для него* такой характеръ, измѣнить который онъ не въ силахъ, такъ что даже не стѣбитъ и желать перемѣны... Еще одинъ шагъ въ томъ же направленіи мысли, и мы приходимъ къ отрицанію нравственной отвѣтственности за поступки, и къ невмѣняемости преступленій всякаго рода. Въ самомъ дѣлѣ, если наши поступки

обусловливаются нашимъ характеромъ, а нашъ характеръ *дѣлается* не нами, а *для насъ* общественными обстоятельствами и физическою организаціею, то вся отвѣтственность за наши поступки должна лечь на тѣхъ, кто создавалъ нашъ характеръ, то-есть на общественныя обстоятельства или на само общество. Какъ разъ встати, статистическія обобщенія Бокля дѣйствительно доказываютъ, что человѣческіе поступки находятся въ дѣйствительной и непремѣнной связи съ разными общественными состояніями: вліяніе общества на характеръ людей, слѣдовательно, вполнѣ подтверждается... Такова въ главныхъ чертахъ теорія необходимости, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что новая теорія «свободы воли», пустившись въ свѣтъ въ таковой непріятной въ нравственномъ отношеніи формѣ, должна была возбудить противъ себя не только массу разныхъ нареканій злѣйшаго свойства, но и дѣйствительную деморализацію въ самихъ приверженцахъ ея. Самъ Джонъ Стюартъ Милль испыталъ на себѣ подавляющее вліяніе фатализма теоріи необходимости. Когда, будучи юношею, онъ находился подъ вліяніемъ того мрачнаго взгляда на цѣль жизни, которое мы описали въ нашей первой статьѣ,—на Миллѣ тяготѣло, точно кошмаръ, ученіе необходимости. «Я чувствовалъ,—говоритъ онъ,—какъ будто наука доказала мнѣ, что я долженъ быть безпомощнымъ рабомъ предыдущихъ обстоятельствъ, какъ будто мой характеръ, подобно характеру всѣхъ другихъ людей, сдѣланъ для меня факторами, независимыми отъ нашего надзора, и вполнѣ находится внѣ моей власти. Я часто говаривалъ: какъ бы хорошо почувствовалъ я себя, еслибъ пересталъ вѣрить въ ученіе объ образованіи характера посредствомъ обстоятельствъ. Припоминая желаніе Фокса (извѣстнаго парламентскаго дѣятеля), касательно ученія о возстаніи противъ правительства, который хотѣлъ, чтобы это ученіе короли никогда не забывали и подданные никогда не помнили,—я сказалъ: блаженны были бы люди, еслибъ въ ученіе о необходимости вѣрили лишь настолько, насколько оно касается характера другихъ, и отвергали это ученіе относительно образованія своего личнаго характера» ¹⁾.

Но Милль вскорѣ понялъ, что деморализація, которую онъ испытывалъ, зависитъ просто отъ иллюзіи, возбуждается словомъ «необходимость» въ объясненіи причинной связи между человѣческими поступками и обстоятельствами жизни. Даже въ самой природѣ масса явленій слѣдуетъ причинному закону далеко не съ тою неизмѣнностью, каковой требуетъ теорія необходимости

¹⁾ Autobiography, глава V.

для вывода своихъ нравственныхъ отрицаній; въ природѣ весьма часто, вслѣдствіе столкновенія причинъ между собою, дѣйствующая причина не производитъ никакого слѣдствія, или только часть слѣдствія. Что же касается до человѣческихъ поступковъ и общественныхъ вліяній, всѣ они—явленія весьма измѣнчивыя и непостоянныя, зависямыя отъ множества самыхъ разнородныхъ побужденій, безпрестанно борющихся между собою, и потому далеко не соответствующихъ требованію теоріи необходимости. Всѣ эти явленія истекаютъ изъ многихъ причинъ, иногда противодѣйствующихъ другъ другу, и легко понять, что слѣдствіе въ большинствѣ случаевъ является не прямымъ результатомъ какой-либо причины въ отдѣльности, а лишь исходомъ борьбы между разными причинами. Поэтому, подъ «необходимостью» происхожденія человѣческихъ поступковъ слѣдуетъ разумѣть не что иное, какъ непремѣнное происхожденіе ихъ, когда имъ ничто не препятствуетъ.

Когда говорятъ, что люди, которымъ не даютъ ѣсть, необходимо умрутъ съ голода, то здѣсь разумѣется, что они дѣйствительно умрутъ, *что бы мы ни дѣлали*;—то же самое можно сказать о всѣхъ тѣхъ естественныхъ вліяніяхъ на человѣческую природу, которыя вошли въ привычку и т. ц. Но есть другія вліянія въ природѣ, которыя не считаются *необходимыми*, напри- мѣръ, смерть отъ яда, ибо въ этомъ случаѣ существуетъ противо- ядіе. Человѣческіе поступки какъ разъ подходятъ именно къ *этому* разряду причинныхъ вліяній: за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ сумасшествія, человѣкъ въ своемъ поведеніи никогда не управляется какимъ-либо побужденіемъ столь безусловно, чтобы вмѣстѣ съ этимъ побужденіемъ не дѣйствовали и многія другія. На этомъ фактѣ, то-есть на взаимной борьбѣ различныхъ побужденій, и основана наша власть измѣнять свой характеръ въ извѣстной степени: сильнѣйшее побужденіе одерживаетъ верхъ надъ всѣми другими. Если, въ концѣ-концовъ, характеръ оказывается сдѣланнымъ для насъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, что мы сами нисколько не участвовали въ полномъ образованіи его, или, по крайней мѣрѣ, какой-либо части нашего характера. Кромѣ внѣшнихъ обстоятельствъ и нашей организаціи, въ образованіи характера имѣетъ важное значеніе также *желаніе* самой личности измѣнить свой характеръ. Непосредственно или разомъ мы не можемъ мѣнять нашъ характеръ, но если наши привычки не слишкомъ глубоко вѣдрились въ нашу нравственную природу, и если мы знаемъ, какія обстоятельства препятствуютъ, и какія способствуютъ желаемой нами перемѣнѣ въ характерѣ, то намъ стоить

только приняты за перемену обстоятельствъ, и мы, по собственному желанію, измѣнимъ свой характеръ. Правда, что защитникъ теоріи необходимости можетъ привязаться къ фразѣ: «по собственному желанію», и сказать, что само это желаніе есть тоже результатъ внѣшнихъ обстоятельствъ, и онъ будетъ правъ, такъ какъ это желаніе, хотя не обусловливается ни нашею организаціею, ни нашимъ воспитаніемъ, истекаетъ однако изъ опыта, изъ испытанія неприятныхъ и болѣзненныхъ послѣдствій прежняго характера, или изъ возбужденнаго чувства восторга передъ новымъ идеаломъ. Однако такое объясненіе нисколько не лишаетъ насъ увѣренности въ томъ, что мы *имѣемъ способность* мѣнять нашъ характеръ, и что мы можемъ воспользоваться этою способностью, если только пожелаемъ. Лишеніе же насъ этой увѣренности рождаетъ въ насъ совершенно другое, подавляющее психическое настроеніе. Но одинъ тотъ фактъ, что наше желаніе мѣнять нашъ характеръ исходитъ изъ опыта, ясно показываетъ, что мы *знаемъ*, что мы *способны* мѣнять нашъ характеръ, если пожелаемъ; — а такое знаніе чрезвычайно важно для поясненія и оправданія нашего характера съ нравственной точки зрѣнія. «Только тотъ чувствуетъ себя нравственно свободнымъ, который сознаетъ, что его привычки и искушенія не властвуютъ надъ нимъ, что онъ самъ господинъ надъ ними, что если онъ и подчиняется имъ, то все-таки съ сознаніемъ возможности противодѣйствія... Для полноты сознанія нашей свободы необходимо, чтобы намъ удалось сдѣлать нашъ характеръ тѣмъ, чѣмъ мы желали. Въ крайнемъ случаѣ, чтобы чувствовать себя свободными, наше желаніе можетъ быть недостаточнымъ для измѣненія нашего характера, но оно должно быть столь сильнымъ, чтобы побѣдить характеръ въ случаѣ столкновенія съ нимъ». Въ этомъ понятіи о нравственной свободѣ заключается и понятіе объ отвѣтственности за свои поступки, какъ за свой характеръ. Чувство отвѣтственности, слѣдовательно, существуетъ въ человѣкѣ, но оно не врожденное, а приобретаемое опытомъ жизни и воспитываемое общественными учрежденіями; оно исходитъ изъ признанія извѣстныхъ правъ и обязанностей за собою по отношенію къ другимъ людямъ; оно есть сознаніе справедливости наказанія за нарушеніе этихъ правъ и обязанностей. Кто не признаетъ чужихъ правъ, не можетъ имѣть и чувства отвѣтственности; напримѣръ, восточные деспоты или люди, зараженные сословными предразсудками, — послѣдніе сознаютъ нравственную отвѣтственность лишь относительно людей своего сословія, но отнюдь не относительно людей, принадлежащихъ къ подчиненнымъ классамъ. Отвѣтственность эта выра-

жается или только совѣстью, сознаниемъ своей неправоты, или признаниемъ справедливости преслѣдованія со стороны нашихъ ближнихъ, или цѣлаго общества, или самого Божества.

Приверженцы теоріи необходимости, проповѣдующіе полную невмѣняемость, возражаютъ противъ справедливости права наказанія, что такъ какъ характеръ человѣка дѣлается не имъ самимъ, а обстоятельствами, то и нѣтъ никакой справедливости въ наказаніи его за то, чего онъ не могъ сдѣлать или отъ чего онъ не могъ воздержаться. Гораздо лучше,—говорятъ они,—«попытаемся убѣдить этихъ несчастныхъ поступать инымъ образомъ, и дать всѣмъ, и особенно юношеству, воспитаніе въ такихъ привычкахъ и наклонностяхъ, которыя вели бы ихъ къ добрымъ дѣламъ»; но какъ это сдѣлать, если наказаніе будетъ исключено изъ орудій воспитанія, они не говорятъ. Мало того,—приверженцы невмѣняемости упускаютъ еще изъ виду, что *опасеніе наказанія* есть одно изъ побужденій, имѣющихъ важное вліяніе на рѣшеніе воли. Они утверждаютъ, что человѣкъ нарушаетъ права другихъ оттого, что онъ находился въ такихъ обстоятельствахъ, что не могъ воздержаться отъ нарушенія, или не исполняетъ своихъ обязанностей, потому что не въ силахъ поборотъ затрудненія, соединенныя съ ихъ исполненіемъ. Но, а если опасеніе наказанія можетъ служить тѣмъ добавочнымъ побужденіемъ, которое укрѣпитъ его воздержаніе въ первомъ случаѣ, и его силы во второмъ?.. Наказаніе, правильно направленное и разумно примѣняемое, какъ извѣстно, дѣйствительно способствуетъ достиженію подобныхъ результатовъ; нужно только, чтобы при назначеніи его интересы охраненія общества не пріобрѣтали предпочтенія передъ интересами обвиняемаго гражданина. Что же касается до наказанія лица въ видахъ исправленія его самого, оно можетъ быть несправедливымъ лишь настолько, насколько несправедливо понужденіе больного къ приему лекарства. Естественнымъ условіемъ оправданія карательнаго права можетъ служить справедливая цѣль, къ которой стремится общество въ назначеніи извѣстнаго наказанія. Но если наказаніе является орудіемъ нарушенія справедливыхъ правъ гражданина, то оно несправедливо. Во всякомъ случаѣ, если признаются справедливыя права, то защита ихъ не можетъ быть несправедливою. Вѣримъ ли въ свободу воли или не вѣримъ, наказаніе справедливо, насколько соотвѣтствуетъ достиженію справедливой общественной цѣли, какъ справедливо убивать диваго звѣря въ видахъ достиженія той же цѣли. Разумѣется, есть преступныя дѣйствія, совершаемыя человекомъ въ такомъ положеніи обстоятельствъ или въ такомъ пси-

хическомъ настроеніи, когда никакое опасеніе наказанія не можетъ остановить его, — когда онъ бываетъ, на примѣръ, подъ давленіемъ какихъ-нибудь физическихъ или нравственныхъ причинъ; — въ подобныхъ случаяхъ наказаніе было бы тоже несправедливостью, которую сознавалъ бы и самъ осужденный. Но во всѣхъ другихъ случаяхъ, гдѣ наказаніе является орудіемъ охраненія общественныхъ интересовъ, самъ осужденный не можетъ роптать на наказаніе, такъ какъ его преслѣдуютъ тогда за недостаточное уваженіе къ справедливости или за недостаточное отвращеніе отъ зла. Слабость или твердость этихъ чувствъ въ человѣкѣ служатъ мѣриломъ недостатковъ или достоинства человека: этимъ мѣриломъ мы всегда руководствуемся при оцѣнкѣ отдѣльныхъ поступковъ или цѣлаго характера лица. Если желаніе справедливости и отвращеніе отъ зла уступили мелкому искушенію, то мы называемъ характеръ слабымъ и строго осуждаемъ его. Если же искушеніе, которому человѣкъ уступилъ, столь сильно, что даже строгія чувства добродѣтели могли бы пасть, то наше нравственное осужденіе выражается слабѣе. Если, напротивъ, нравственныя желанія и отвращенія одержали верхъ, но надъ силою не очень крупною, то мы признаемъ поступокъ хорошимъ, хотя и не великаго достоинства; наша оцѣнка достоинствъ, однако, все возрастаетъ пропорціонально величинѣ затрудненій, которую одолеваетъ нравственное чувство.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о статистическихъ обобщеніяхъ Бокля, которыя, по мнѣнію самого Бокля, доказываютъ, что преступленія совершаются въ обществѣ будто бы всегда въ однихъ размѣрахъ, и что, слѣдовательно, не только общее число убійствъ, но и каждое отдѣльное убійство зависитъ исключительно отъ общественнаго состоянія. «Годъ за годомъ, — говоритъ Бокль, — то же самое число пишущихъ письма забываетъ надписать адресъ, такъ что мы можемъ въ дѣйствительности предсказать, какое число лицъ забудутъ надписать адресъ на своихъ письмахъ во всякій слѣдующій періодъ». Такимъ образомъ выходитъ, повидимому, что общество само опредѣляетъ, какое число лицъ должно непременно совершить убійство или послать письмо безъ адреса, и т. д. Каждый отдѣльный убійца является какъ бы простымъ орудіемъ въ рукахъ общихъ причинъ общественной жизни; если каковой-нибудь убійца успѣлъ бы воздержаться, то другой человѣкъ, который могъ бы не убивать, непременно сталъ бы убійцею, чтобы довести статистическую цифру до ея нормы. Нашъ выводъ доходитъ до нелѣпости... Между тѣмъ очевидно, что каждое отдѣльное убійство зависитъ не отъ одного только

общественнаго состоянія, но также отъ могущественныхъ спеціальныхъ или личныхъ причинъ. Статистическая цифра только потому скрываетъ совершенно эти спеціальныя причины, что она заключаетъ въ своемъ полѣ наблюденія всевозможныя сочетанія спеціальныхъ причинъ: всѣ разновидности личнаго характера и личныхъ искушеній. Статистическое обобщеніе, какъ общій опытъ, точно отдѣляетъ дѣйствіе общихъ причинъ отъ дѣйствія частныхъ, и показываетъ чистый результатъ однихъ общихъ причинъ, а до вліянія частныхъ не касается. Между тѣмъ Бокль, упустивъ изъ виду эту разницу между частными (личными) и общими причинами, пришелъ, въ концѣ-концовъ, къ полному отрицанію частныхъ причинъ, къ отрицанію улучшенія нравственныхъ свойствъ человѣка, и вліянія этихъ свойствъ на общественный прогрессъ. Но къ такому выводу могутъ приводить статистическія цифры лишь въ томъ случаѣ, если ихъ берутъ въ предѣлахъ одной страны и лишь «изъ года въ годъ», причемъ въ результатѣ мы получаемъ лишь одни общія нравственныя причины. Но если сдѣлать сравненіе цѣлаго вѣка съ другими, или какой-нибудь страны съ другими, или одной части страны съ ея остальными частями,—то число ежегодныхъ преступленій дастъ совсѣмъ другой средній выводъ, въ которомъ опредѣлится вліяніе нравственности. И въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ каждое преступленіе зависитъ главнымъ образомъ отъ нравственныхъ свойствъ убійцы, то всѣ убійства, совершенныя въ извѣстный срокъ въ данной странѣ, должны зависѣть отъ совокупныхъ нравственныхъ свойствъ всего населенія. Однако отсюда не слѣдуетъ заключать, что средняя нравственность людей непремѣнно мѣняется вѣкъ за вѣкомъ, то въ той, то въ другой странѣ. Перемѣна нравственности все-таки зависитъ, какъ утверждаетъ и Бокль, отъ вліянія умственныхъ элементовъ человѣчества на опредѣленіе прогресса, то-есть отъ природы ихъ мѣнливой или вѣрованной, отъ суммы знанія и отъ развитія умственныхъ способностей. Милль, впрочемъ, признаетъ нравственность и матеріальное состояніе столь же могущественными дѣятелями, какъ умъ или знаніе, но съ тою разницею, что оба первыя вліянія являются въ значительной степени какъ бы слѣдствіемъ умственнаго состоянія общества, и во всѣхъ случаяхъ имъ же ограничены.

Есть еще одно ложное отрицаніе, истекающее изъ теоріи необходимости, это — отрицаніе вліянія великихъ людей и правительствъ на общественный прогрессъ. И въ этомъ вопросѣ теорія необходимости принимаетъ фаталистическую точку зрѣнія, исключая изъ своего кругозора всѣ частныя причины и ограничиваясь

въ своихъ заключеніяхъ лишь дѣйствіями общихъ. Между тѣмъ вліяніе замѣчательнаго человѣка или цѣлаго правительства можетъ сказываться въ общественныхъ явленіяхъ гораздо сильнѣе, чѣмъ вліяніе людей на природу, такъ какъ человѣческіе и общественные факты гораздо легче поддаются различнымъ переменамъ, чѣмъ факты механики или химіи. Между общими причинами прогресса самую дѣйствительною признается совокупное знаніе и умственное развитіе всего человѣческаго рода:—но если *всего* человѣческаго рода, почему же не того, либо другого могущественнаго правительства или замѣчательнаго мыслителя, или какой-либо господствующей части общества? Разумѣется, что при обширномъ полѣ изслѣдованія характеристическія черты обыкновенныхъ личностей нейтрализуютъ другъ друга, но исключительныя личности, занимавшія въ данный вѣкъ важное общественное положеніе, не могутъ нейтрализовать другъ друга: не было ни второго Фемистокла, ни второго Лютера съ одинаковыми способностями и противоположными наклонностями, которые нейтрализовали бы вліяніе первыхъ. Поэтому очевидно, что воля замѣчательныхъ людей и правительствъ, или ихъ мнѣнія и намѣренія, должны входить необходимымъ звеномъ въ причинную цѣпь, въ которой общія причины производятъ свои слѣдствія. Мы сами видимъ изъ исторіи, что вліяніе крупной исторической личности продолжается многія тысячелѣтія. Можно допустить, однако, что если пройдутъ милліоны лѣтъ, то отъ этого вліянія не останется и слѣда, но такіе теоретическіе выводы не имѣютъ никакого пракческаго значенія. Напротивъ, признаніе важности великихъ людей и правительствъ въ исторіи даетъ дѣйствительные результаты въ практической жизни. Въ самомъ дѣлѣ, вліяніе этихъ дѣятелей сказывается если не на порядкѣ прогресса, то на *скорости* его движенія. Принципъ «необходимости» въ прогрессѣ ограничиваетъ вліяніе отдѣльныхъ лицъ извѣстными предѣлами, такъ какъ извѣстныя истины или открытія не могутъ быть сдѣланы раньше другихъ, и извѣстнымъ общественнымъ улучшеніямъ должны предшествовать другія; но что касается до *скорости* приобрѣтенія или распространенія знаній, или перехода отъ одного улучшенія къ другому,—она опредѣляется характеромъ дѣйствующихъ историческихъ лицъ. Однако, *границы отклоненія* въ возможномъ развитіи общественной, какъ и животной жизни, составляютъ пока весьма темный предметъ, разъясненіе котораго принадлежит всецѣло общественной наукѣ. Во всякомъ случаѣ, тотъ фактъ достоверенъ, что подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ развились разныя части человѣчества болѣе или менѣе различнымъ

образомъ и въ различныя формы, и что въ числѣ вліявшихъ обстоятельствъ находился и личный характеръ великихъ мыслителей и практическихъ организаторовъ: индивидуальность Конфуція опредѣлила всю дальнѣйшую исторію Китая, а индивидуальность Ликурга—исторію Спарты, и вмѣстѣ съ нею всей Греціи или всего цивилизованнаго міра. Съ другой стороны, личное значеніе замѣчательныхъ людей или правительствъ въ исторической жизни народовъ препятствуетъ наукѣ предсказывать точное время и непрѣмнность появленія этихъ людей и правительствъ. Наука способна, однако, опредѣлить, какія общія причины въ прошлой исторіи вводить человѣчество въ то подготовительное состояніе, когда на немъ можетъ съ успѣхомъ проявиться вліяніе великаго человѣка; но если наука можетъ опредѣлить тѣ общія обстоятельства страны и народа, съ которыми возможно существованіе и дѣятельность великаго человѣка, то значить, что она можетъ замѣтить и самый удобный для появленія такого человѣка или правительства періодъ; но дѣйствительное наступленіе такого періода опредѣляется характеромъ и способностями дѣйствующихъ личностей или правительствъ.

Бываютъ, разумѣется, случаи, что великіе люди или великія дѣла не оставляютъ послѣ себя видимыхъ великихъ результатовъ; но не слѣдуетъ забывать, что вліяніе такихъ людей и дѣлъ распространяется весьма часто незамѣтнымъ образомъ на громадную массу различныхъ условій жизни. Можетъ случиться, что изъ десяти важныхъ поступковъ одного рода, девять окажутся преждевременными, но за то десятый вознаграждаетъ съ избыткомъ всѣ. Даже люди, которые, вслѣдствіе неудобныхъ для ихъ дѣла обстоятельствъ, остались забытыми въ своемъ вѣкѣ, приобретаютъ высокую извѣстность въ дальнѣйшемъ потомствѣ. Возьмите, на примѣръ, первыхъ отщепенцевъ католицизма: ихъ сожигали и истребляли, ихъ книги уничтожали, ихъ память подвергали проклятю, а о нѣкоторыхъ изъ нихъ узнали лишь по судебнымъ приговорамъ, валявшимся въ архивахъ нѣсколько столѣтій послѣ смерти этихъ бойцовъ за истину. Но ихъ примѣръ, ихъ дѣла, ихъ мученичество, наконецъ, возбуждали мужество въ другихъ, побуждая ихъ къ довершенію великаго дѣла. Еслибы люди не воспитывали въ себѣ этого геройскаго самоотверженія, человѣчество оставалось бы всегда въ варварскомъ или просто животномъ состояніи.

Въ примѣръ благотворнаго дѣйствія правительствъ Милль приводитъ либеральное правленіе въ Испаніи въ XVIII вѣкѣ. Бовль, критикуя это самое правительство, утверждалъ, что оно, несмотря на всѣ свои старанія, не могло измѣнить дурныхъ сторонъ харак-

тера испанцевъ, и что стоило послѣ пятидесятилѣтняго хорошаго правленія установиться вновь дурному, какъ вмѣстѣ съ нимъ вся Испанія пришла вновь въ полный упадокъ. Но въ дѣйствительности этого не было: что нынѣшняя Испанія представляется страшною не очень привлекательною въ политическомъ отношеніи—съ этимъ согласиться можно, но она все-таки несравненно лучше прежней Испаніи—той, которая была до появленія либеральнаго правительства Карла III и Аранды. Это правительство внесло въ Испанію свѣтъ европейской науки и просвѣщенія, который съ тѣхъ поръ никогда не угасалъ и постоянно распространялся. Прежде, напротивъ, все было въ упадкѣ: не только умственная дѣятельность, но и матеріальная. Дѣламъ Карла III и Аранды Испанія обязана своимъ избавленіемъ отъ инквизиціи и монаховъ, а также тѣмъ, что у нея есть теперь стремленіе въ свободѣ и равенству, и что въ ней можетъ установиться правленіе посредствомъ парламента и вольной печати; что, наконецъ, въ ней проведены желѣзныя дороги и развивается промышленная дѣятельность.

СТАТЬЯ СЕДЬМАЯ.

Искусство жизни.—Характеристическія черты утилитарной теоріи Милля.—Переходъ стремленія къ личному счастью въ стремленіе къ общественному.—Личная совѣсть.—Что слѣдуетъ разумѣть подъ счастьемъ и много ли его въ современной жизни.—Счастье и довольство.—Возможность достиженія довольства.—Мѣсто добродѣтели въ утилитарномъ ученіи.—Понятіе и чувство справедливости.—Принципъ общей пользы въ вопросахъ справедливости.—Область справедливости и область свободной нравственности.—Значеніе правилъ справедливости въ жизни.—Принципъ равенства.—Отношенія Милля къ религіознымъ вопросамъ.

Ученіе о свободѣ воли, въ смыслѣ Милля, служить, какъ мы видѣли, несомнѣннымъ доказательствомъ какъ того, что явленія свободной воли подчиняются требованіямъ закона причинности, такъ и того, что въ насъ существуетъ способность цѣлесообразно примѣнять выводы науки къ нашей личной и общественной жизни. Всякое цѣлесообразное примѣненіе научныхъ выводовъ къ какой-либо отрасли практической дѣятельности называется *искусствомъ*, а примѣненіе ихъ къ развитію личнаго и общественнаго состоянія или характера людей — *искусствомъ жизни*.

Въ наукѣ мы изучаемъ то, что *есть*; въ искусствѣ основнымъ вопросомъ служить то, что *должно быть*. Наука распределяетъ

и разъясняетъ свои истины такъ, чтобы мы могли окинуть однимъ взоромъ всеобщій порядокъ всего міра; искусство основано на тѣхъ же общихъ законахъ, но оно принимаетъ въ себя лишь тѣ послѣдствія ихъ, которыя необходимы для образованія правилъ, примѣненіе которыхъ въ практической жизни могло бы удовлетворять всѣ ея потребности. Наука показываетъ всѣ условія и матеріалы, какіе нужны для достиженія цѣли, въ которой стремится искусство, но само искусство ставить эту цѣль, — причемъ научные выводы служатъ лишь подтвержденіемъ возможности осуществленія ея въ дѣйствительности или сообразности ея съ потребностями жизни. Такъ какъ искусство жизни обнимаетъ собою всѣ потребности жизни, взятая въ совокупности, то оно должно обладать такими принципами, которые опредѣляютъ достоинство специальной цѣли каждаго другого искусства въ отдѣльности, то-есть оно должно господствовать надъ всѣми искусствами. Строительное искусство утверждаетъ, что желательно имѣть зданія; архитектура (какъ изящное искусство) утверждаетъ, что желательно имѣть зданія красивыя и великолѣпныя. Точно также гигиена ставитъ главною цѣлью сохраненіе здоровья, а врачебное искусство указываетъ на желаніе лечить болѣзни. То же самое можно сказать о цѣляхъ всѣхъ другихъ искусствъ; въ каждой изъ нихъ заявляется, что *должно* удовлетворить извѣстное желаніе, но только одно искусство жизни можетъ рѣшить, насколько и въ какомъ порядкѣ должны слѣдовать осуществленія тѣхъ или другихъ цѣлей, или, другими словами, потребностей общественной жизни.

Въ жизни, въ человѣческихъ поступкахъ и работахъ, проявляются три стремленія: къ справедливому, полезному или цѣлесообразному и прекрасному, и искусство жизни, поэтому, состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: нравственности, политики и эстетики. Къ сожалѣнію, искусство жизни находится пока лишь въ зачаточномъ состояніи и о принципахъ его мы имѣемъ пока лишь опытные, эмпирическія обобщенія. Новѣйшая наука даетъ намъ, правда, нѣкоторыя указанія относительно хода человѣческой жизни въ общемъ движеніи прогресса, но эти указанія ограничиваются лишь общими положеніями о томъ, что *есть*, между тѣмъ какъ практика жизни требуетъ опредѣленныхъ правилъ для опредѣленія годности или негодности разныхъ общественныхъ цѣлей и предметовъ потребности. Въ основѣ этихъ правилъ, по мнѣнію Милля, долженъ быть одинъ масштабъ, такъ какъ при многихъ основныхъ началахъ практическое дѣло не могло бы идти вѣрнымъ путемъ, подвергаясь одновременно и порицанію и одобренію съ точки зрѣ-

нiя разныхъ началъ. Такъ называемая моральная (или интуитивная) философiя нашла это начало, этотъ масштабъ, въ нравственномъ чувствѣ или инстинктѣ. Но Милль возстаетъ противъ этого масштаба, какъ потому, что онъ называется не своимъ именемъ, и что ему придаютъ нѣкоторое мистическое значенiе, такъ и потому, что онъ примѣняется философами лишь къ одной сторонѣ искусства жизни: къ нравственности. Милль указываетъ, въ особомъ сочиненiи («Utilitarianism»), на другой принципъ, приложимый и къ политикѣ и къ эстетикѣ также: принципъ всей житейской телеологии — принципъ споспѣшествованiя человѣческому счастью, который онъ называетъ *общей пользою* или *утилитаризмомъ*.

Милль выводитъ свой принципъ, по всѣмъ правиламъ индуктивной логики, изъ опыта и наблюденiя надъ результатами человѣческаго поведенiя, опредѣляя по законамъ человѣческой природы и всеобщимъ условiямъ существованiя, какiе роды поступковъ ведутъ къ счастью, и какiе — къ несчастью, и настаивая постоянно на важномъ фактѣ человѣческаго совершенствованiя. Въ его взглядѣ есть много новаго, чего не принимали прежнiе утилитаристы: ни Эпикуръ, ни Бентамъ, о своей солидарности съ которыми Милль постоянно напоминаетъ въ своемъ сочиненiи. Правда, что Милль ничего не прибавилъ къ содержанiю нравственной науки, но утилитаризмъ его приобрѣлъ столько улучшенiй изъ ученiя противоположной школы и изъ наблюденiя надъ современною жизнью, что онъ становится совершенно неуязвимымъ со стороны интуитивистовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ побуждаетъ всѣхъ сторонниковъ старой теорiи «общей пользы» отказаться отъ послѣдней защиты чисто эгоистическихъ стремленiй.

Извѣстно, что какъ Эпикуръ съ своею школою въ древности, такъ и философы XVIII вѣка съ Бентамомъ въ концѣ, говорили, что всѣ человѣческiя дѣйствiя обуславливаются стремленiемъ къ личному счастью, и что этимъ же стремленiемъ человѣкъ приноситъ также общую пользу; Милль, сверхъ того, видитъ въ стремленiи къ общей пользѣ результатъ нравственнаго совершенствованiя человѣка подъ влиянiемъ цивилизаци, и онъ требуетъ поэтому, во имя прогресса или общаго счастья, чтобы человѣкъ не забывалъ о воспитанiи въ себѣ нравственной энергiи. Прежнiе утилитаристы дѣлили наслажденiя на высшiя и низшiя по количеству, то-есть по степени ихъ энергiи и продолжительности, а Милль дѣлитъ ихъ по качеству, по важности ихъ въ стремленiи человѣка къ достиженiю общаго счастья, а не личнаго только, и выше всѣхъ поступковъ Милль ставитъ полное

самоотверженіе въ пользу общаго блага. «Есть много добродѣтельныхъ поступковъ, — писалъ Милль еще въ своей «Системѣ Логикѣ»¹⁾, — которые доставляютъ человѣку больше страданій, чѣмъ наслажденія, которые ведутъ его даже къ жертвѣ своимъ собственнымъ счастьемъ; но практика оправдываетъ подобныя поступки, такъ какъ они даютъ всему человѣчеству больше счастья, чѣмъ было бы у него въ томъ случаѣ, когда люди не умѣли бы жертвовать собою... Для личности достоинство характера должно быть высшей цѣлью просто потому, что богатое существованіе идеально-возвышеннаго характера или лишь приближенія къ идеальной высотѣ его способствуетъ болѣе всего другому счастью человѣческой жизни, какъ въ сравнительно скромномъ смыслѣ удовольствія и отсутствія страданій, такъ и въ томъ великомъ значеніи, когда жизнь перестаетъ быть обиденнымъ явленіемъ, чѣмъ-то ребяческимъ и пустымъ, и становится предметомъ желанія человѣческихъ существъ, обладающихъ высоко-развитыми способностями». Кромѣ столь серьезнаго отношенія къ связи между общимъ счастьемъ и характеромъ личности, Милль, въ отличіе отъ прежнихъ утилитаристовъ, является сильнымъ защитникомъ принципа равенства, который представленъ въ его сочиненіяхъ какъ бы «непосредственнымъ слѣдствіемъ» самаго утилитаризма; однако не слѣдуетъ думать, что Милль принимаетъ принципъ равенства въ какомъ-нибудь сверхъестественномъ смыслѣ или безусловно.

Противъ интуитивной школы, противъ метафизиковъ, преданныхъ апіорнымъ, предвзятымъ началамъ, и которые, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, признали теперь «счастье» однимъ изъ трехъ основаній нравственнаго чувства, Милль доказываетъ, что и другіе два: *добродѣтель* и *справедливость*, суть не что иное, какъ части счастья, части весьма важныя, правда, и необходимыя, но все-таки заключающіяся въ принципѣ утилитаризма, какъ части въ своемъ цѣломъ. Общаго счастья нельзя достигнуть безъ справедливости и добродѣтели: сами же добродѣтель и справедливость безъ контроля утилитаризма не могутъ давать никакихъ опредѣленныхъ результатовъ, соответствующихъ тому развитію человѣчества, которое выражается въ исторіи явленіемъ прогресса. Человѣкъ достигаетъ высшей добродѣтели и справедливости не ради искусства для искусства, не ради какихъ-либо мистическихъ представленій, но лишь потому, что въ своей добродѣтели и справедливости сознаетъ наилучшее средство къ

¹⁾ A System of Logic, т. II, кн. 6, глава 12, § 7.

достиженію наибольшаго счастья. Съ другой стороны, самъ прогрессъ лишается всякаго смысла, если онъ не ведетъ человѣчество къ матеріальному и нравственному совершенствованію, то-есть, къ общему счастью. И въ дѣйствительности, исторія доказываетъ, съ фактами за нѣсколько тысячелѣтій въ рукахъ, что человѣчество совершенствуется не въ матеріальномъ отношеніи только, но и въ нравственномъ.

Усвоеніе Миллемъ ученія о самопожертвованіи ради общественнаго благополучія или общаго счастья всего человѣчества служить яснымъ доводомъ, что его утилитаризмъ заключаетъ въ себѣ не эпикурейство только, а также стоицизмъ и непосредственную проповѣдь христіанства; Милль прямо заявляетъ, что «въ золотомъ правилѣ Иисуса Назаретскаго можно прочесть всю душу утилитарной нравственности», и что «поступать такъ, какъ желаешь, чтобы съ тобой поступали, и любить своего ближняго, какъ самого себя, это—идеальное совершенство утилитарнаго ученія».

Миллевскій утилитаризмъ, какъ мы видимъ, не есть ни простое эпикурейство, ни то эгоистическое ученіе, которое ставитъ на первый планъ личное счастье, состоящее изъ наслажденій, отличающихся между собою по количественному, а не по нравственному достоинству. Миллевскій утилитаризмъ заключаетъ въ себѣ, напротивъ, такіа нравственныя ученія, которыя, исходя изъ естественныхъ основъ человѣческой природы и научныхъ законовъ общественнаго прогресса, ставятъ себѣ опредѣленную общепользную для всего человѣчества цѣль, достиженіе которой представляется возможнымъ лишь путемъ совершенствованія нравственнаго характера людей и возбужденія въ людяхъ всѣхъ лучшихъ нравственныхъ стремленій, со включеніемъ справедливости и добродѣтели. Этотъ новый утилитаризмъ можетъ рѣшать не только всѣ нравственные вопросы, но и всѣ недоразумѣнія, возникшія по этимъ вопросамъ вслѣдствіе возраженій такъ-называемой моральной философіи, которая въ своихъ выводахъ и объясненіяхъ никогда не могла установить ни одного прочнаго начала, которое соотвѣтствовало бы даннымъ опыта и требованіямъ научной логики. Моральная философія не придавала никакого серьезнаго смысла факту человѣческаго прогресса, и потому не могла догадаться о дѣйствительной цѣли человѣческихъ стремленій; ея телеологія, хотя тоже побуждаемая желаніемъ нравственнаго возвышенія людей, ставила часто такіа странныя цѣли человѣческой жизни, что онѣ или прямо противорѣчили свойствамъ человѣческой природы и естественнымъ законамъ земнаго существованія, или обле-

кались въ мистическія формы. Даже въ самое послѣднее время, когда наиболѣе проникательные изъ метафизиковъ признали, наконецъ, что элементъ счастья долженъ присутствовать въ каждомъ нравственномъ поступкѣ, всѣ они все-таки отвергаютъ цѣль утилитарнаго ученія и продолжаютъ настаивать на томъ, что справедливость и добродѣтель должны служить сами себѣ цѣлью, помимо доставленія и охраненія счастья: въ утилитарномъ принципѣ имъ все еще мерещатся притязанія голаго эгоизма. Большинство моральныхъ критиковъ книги Милля «Utilitarianism»: Лекки ¹⁾, Торнтонъ ²⁾, Стифенъ ³⁾ и многіе другіе менѣе извѣстные, искали въ ней различныя противорѣчія касательно примѣненія утилитаризма къ правильному объясненію нравственности человѣческихъ поступковъ, но всѣ ихъ находки показали только, что они сами не умѣютъ примѣнять правилъ миллевскаго ученія, и не то нарочно, не то легкомысленно спутываютъ положенія Милля съ положеніями его историческихъ предшественниковъ. Только одинъ Джонъ Гротъ ⁴⁾, извѣстный историкъ Греціи, хотя не соглашается принять ученія Милля вполнѣ, тѣмъ не менѣе отдаетъ ему полную справедливость, признавая это ученіе соответствующимъ самымъ высокимъ и лучшимъ требованіямъ нравственности; особенно сильно Гротъ возстаетъ противъ того, зачѣмъ Милль становится въ рядъ утилитаристовъ и признаетъ себя какъ бы послѣдователемъ Эпикура, между тѣмъ какъ въ его ученіи исключены всѣ дурныя стороны стараго утилитаризма и включены всѣ лучшія стороны другихъ моральныхъ системъ. Однако, порицаніе Грота нельзя признать справедливымъ, такъ какъ Милль выводитъ свою теорію изъ опыта личной и общественной жизни, а не изъ «сознанія» или *a priori*, какъ привыкли выводить интуитивные или моральные философы. Съ другой стороны, Милль ставитъ свою нравственную цѣль согласно съ свойствами или требованіями человѣческой природы, между тѣмъ какъ интуитивисты придаютъ своимъ апріорнымъ положеніямъ какой-то мистическій авторитетъ. Приемы Милля, напротивъ, имѣютъ за себя авторитетъ науки, и въ томъ нѣтъ ничего дурного, что состоятельная и высокая нравственность, найдя наконецъ поддержку въ научныхъ истинахъ, приобрѣтаетъ въ утилитаризмѣ Милля самостоятельность безъ всякой примѣси трансцендентализма...

¹⁾ A History of European morals. См. предисловіе. Рецензія въ „Вѣстникѣ Европы“, 1869.

²⁾ Old-fashioned Ethics etc. См. статью: Anti-Utilitarianism. Рецензія въ „Вѣстникѣ Европы“, 1873.

³⁾ Liberty, Equality, Fraternity. Рецензія въ „Вѣстникѣ Европы“, 1873.

⁴⁾ An examination of the Utilitarian Philosophy. 1870.

Сущность новѣйшаго утилитаризма заключается въ объясненіи перехода личнаго чувства самосохраненія въ общественное. Милль объясняетъ ее, какъ вообще объясняется сущность каждаго искусства. Первый вопросъ въ этомъ ученіи — вопросъ цѣли. Какую цѣль ставить себѣ искусство жизни, чего желаетъ оно въ общественныхъ дѣлахъ? Утилитаризмъ заявляетъ, основываясь на наблюденіяхъ и опытѣ психологической науки, что въ жизни желательно создать счастье, и что только одно *это* желательно; всѣ другія вещи желательны, лишь какъ средства для достиженія этой цѣли. Существованіе подобныхъ желаній опредѣляется тѣмъ очевиднымъ явленіемъ, что люди дѣйствительно *желаютъ*. Но доказать, что люди желаютъ общаго счастья можно лишь тѣмъ фактомъ, что каждый человекъ желаетъ своего собственнаго счастья, насколько оно представляется достижимымъ. Счастье каждаго лица становится для него добромъ, а общее счастье, слѣдовательно, есть добро совокупности всѣхъ людей. Всѣ поступки признаются хорошими пропорціонально ихъ стремленію въ счастье, и дурными, когда они стремятся вызвать несчастье. Подъ счастьемъ разумѣется удовольствіе и отсутствіе страданій, а подъ несчастьемъ — страданія и отсутствіе удовольствія. Слѣдовательно, всѣ желаемыя вещи требуются или ради удовольствія, имъ присущаго, или ради средства къ достиженію удовольствія и предупрежденія страданій. Желать вещь, значитъ находить ее пріятною, а не желать ея или отвращаться отъ нея, значитъ находить ее непріятною.

Фактическимъ и естественнымъ доказательствомъ того, что признаніе необходимости своего личнаго счастья приводитъ человека къ признанію необходимости общаго счастья другихъ людей, или своего народа, или всего человѣчества, служить, по мнѣнію Милля, то могущественное *естественное* чувство, которое развивается въ людяхъ подъ разнообразными вліяніями общественнаго сожителства, и становится тѣмъ болѣе могущественнымъ, чѣмъ сильнѣе вѣрпчаютъ общественныя связи въ постепенномъ ходѣ прогресса; это—*желаніе* быть въ единствѣ съ нашими ближними. «Общественное состояніе,—объясняетъ Милль,—столь естественно, столь необходимо и столь привычно человеку, что только при нѣкоторыхъ необычайныхъ обстоятельствахъ или усиленіемъ произвольнаго отвлеченія онъ можетъ вообразить себя чѣмъ-либо инымъ, а не членомъ общества, и это мысленное сочетаніе упрочивается въ немъ все сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ человѣчество отдалается отъ состоянія дивой независимости. Поэтому, каждое условіе, существенное для общественнаго состоянія, ста-

новится все болѣе неотъемлемою частью понятія человѣка о состояніи вещей, въ которомъ онъ родился, о назначеніи его, какъ человѣческаго существа. Но общество между человѣческими существами, за исключеніемъ отношеній господина и раба, возможно лишь на одномъ томъ основаніи, когда интересы всѣхъ принимаются въ расчетъ. Общество между равными можетъ существовать лишь при условіи, чтобы интересы всѣхъ признавались равными... Подвигаясь съ каждымъ вѣкомъ къ тому состоянію, въ которомъ нельзя будетъ жить иначе, какъ на послѣднемъ условіи, люди доходятъ до того, что теряютъ способность вполне отрѣшиться отъ положенія интересовъ другихъ людей. Они сознаютъ необходимость по крайней мѣрѣ воздерживаться отъ всѣхъ грубыхъ нарушеній и заявлять (хотя бы ради собственной безопасности) постоянный протестъ противъ нихъ. Въ настоящее время люди уже знакомы съ фактомъ взаимнаго содѣйствія и съ установленіемъ цѣлю своей дѣятельности коллективнаго, общаго интереса, вмѣсто личнаго. Въ такомъ взаимномъ содѣйствіи ихъ цѣли отождествляются, и въ нихъ возникаетъ, по крайней мѣрѣ на время, понятіе о признаніи чужихъ интересовъ своими собственными. Такое укрѣпленіе общественныхъ связей и весь здоровый ростъ общества не только возбуждаютъ въ каждой личности сильное стремленіе къ практическому соглашенію своего личнаго интереса съ благосостояніемъ другихъ людей, но также ведутъ человѣка все болѣе и болѣе къ отождествленію своихъ личныхъ сочувствій съ благополучіемъ его ближнихъ или, по крайней мѣрѣ, съ постоянно возрастающею степенью практической заботливости объ этомъ благополучіи. Человѣкъ, какъ бы по инстинкту, начинаетъ тогда сознавать себя какъ существо, которое, *конечно*, заботится о другихъ... Дойдя до этого состоянія, человѣкъ не можетъ не проявлять своихъ новыхъ стремленій во всей своей дѣятельности, и поощрять другихъ къ тому же. По мѣрѣ дальнѣйшаго развитія цивилизаціи, это желаніе поощрять другихъ къ поддержанію общихъ интересовъ развивается все сильнѣе и становится все болѣе естественнымъ. Каждый шагъ въ политическомъ совершенствованіи, удаляя источники враждебнаго столкновенія интересовъ, и уравнивая тѣ неравенства юридическихъ привилегій между личностями и цѣлыми сословіями, которыя ставили цѣля массы людей внѣ общественнаго попеченія—придаетъ симпатическому чувству человѣка все большее значеніе и отрываятъ его стремленіямъ все болѣе широкое поле дѣятельности. Въ то же время, съ совершенствованіемъ состоянія человѣческаго ума постоянно умножаются вліянія, которыя стремятся возродить въ каж-

дой личности чувство единства со всѣми остальными, а это послѣднее чувство, совершенствуясь въ свою очередь, можетъ, въ концѣ-концовъ, лишить человѣка всякой мысли или желанія достигать какого-либо благополучнаго состоянія, въ выгодахъ котораго не участвовали бы всѣ люди. Это чувство единства, въ такомъ случаѣ, можетъ, при благопріятной обстановкѣ, стать основою даже такой религіи, напримѣръ, какая описана Огюстомъ Контонъ въ его «*Système de Politique Positive*». «Я полагаю,— говоритъ Милль о религіи Конта — что эта система обильно доказала возможность дать человѣчеству въ руки, даже безъ помощи вѣры въ Провидѣніе, какъ психическую силу, такъ и общественную состоятельность религіи. Эта религія, охвативъ человѣческую жизнь, могла бы окрасить въ свой цвѣтъ всѣ мысли, чувства и поступки такимъ образомъ, что величайшее могущество, которымъ когда-либо пользовалась какая-нибудь религія, могло бы стать только типомъ и предчувствіемъ передъ могуществомъ новой, и вся опасность послѣдней заключалась бы не въ недостаточности ея силы, а скорѣе въ той чрезмѣрности обаянія, которая могла бы увлечь ее въ излишнее вмѣшательство въ человѣческую свободу и индивидуальность»¹⁾. Изъ этого превосходнаго описанія человѣческаго стремленія къ общественности не слѣдуетъ заключать, что Милль совершенно пренебрегаетъ личными потребностями человѣка, и что онъ будто бы не видѣлъ всѣхъ опасностей излишняго развитія общественности насчетъ личной независимости. На самомъ дѣлѣ, онъ признаетъ, кромѣ общественной пользы, еще частную, то-есть интересы и счастье немногихъ лицъ, почему-либо интересующихъ человѣка. Мы живемъ теперь въ столь «ранній» періодъ цивилизаціи, когда люди еще далеки отъ достиженія того совершенства въ ихъ взаимныхъ сочувствіяхъ, которое не допускало бы никакого существеннаго разлада въ общемъ направленіи ихъ поведенія въ жизни. Утилитарное ученіе не можетъ не принять этого факта къ своему соображенію; и въ дѣйствительности оно вовсе не требуетъ невозможнаго, понимая очень хорошо, что нынѣшніе люди не могутъ сосредоточиваться на столь широкой общности, какъ весь міръ или общество вообще. Громадное большинство добрыхъ дѣлъ совершается ради счастья не міра, а отдѣльныхъ личностей. Что же касается до умноженія счастья, его достигаютъ лишь путемъ добродѣтели, то-есть при сильно развитомъ симпатическомъ чувствѣ; но утилитаризмъ, подобно другимъ нравственнымъ философіямъ, утверждаетъ, что случаи для добро-

¹⁾ Utilitarianism, глава 3-я.

дѣтели встрѣчаются не слишкомъ часто, а число людей, способныхъ на добродѣтель, еще меньше. «Чувство общности въ большинствѣ людей оказывается слабѣ ихъ эгоистическихъ стремленій, а часто этого чувства вовсе нѣтъ. Но за то у тѣхъ, кто обладаетъ общественнымъ чувствомъ, оно приобретаетъ всѣ свойства естественнаго влеченія. Умамъ этихъ людей оно не представляется ни суевѣрїемъ воспитанія, ни закономъ, деспотически наложеннымъ общественною силою, но свойствомъ, безъ котораго жизнь теряетъ свою драгоцѣнность». Въ этомъ-то постоянно, хотя медленно, развивающемся и укрѣпляющемся свойствѣ челоуѣческаго ума Милль находитъ окончательное подтвержденіе состоятельности нравственной теоріи утилитаризма; изъ этого же свойства исходитъ важное нравственное чувство: *личная совѣсть*, которое служитъ внутренней санкціей обязательной области нравственности, такъ какъ оно опредѣляетъ, что должно и чего не должно.

Подъ внѣшнею санкціей *дома* въ утилитарной теоріи будетъ то же, что и въ другихъ системахъ: надежда на благорасположеніе нашихъ ближнихъ и страхъ передъ ихъ гнѣвомъ, внѣшнія награды и наказанія. Что касается до внутренней санкціи, и она играетъ здѣсь такую же роль, какъ вездѣ. Личная совѣсть, какъ извѣстно, есть чувство болѣе или менѣе сильной боли, сопровождающей нарушеніе долга; неприятность этой боли бываетъ въ иныхъ, хорошо въ нравственномъ отношеніи воспитанныхъ людяхъ, столь могущественна, что нарушеніе долга становится невозможнымъ. Но это чувство нельзя признать естественнымъ, такъ какъ у иныхъ людей его вовсе не бываетъ и такъ какъ вся сила его приобретаетъ чрезъ посредство воспитанія въ челоуѣкѣ преданности общественнымъ интересамъ. Поэтому само чувство совѣсти можетъ возбуждать въ челоуѣкѣ многоразличныя представленія, служившія при воспитаніи элементами для составленія совѣсти: здѣсь дѣйствовали и любовь, и страхъ, и разныя формы религіознаго чувства, воспоминанія дѣтства и всей прожитой жизни, вліяніе самоуваженія или желанія уваженія со стороны другихъ, и даже, хотя въ рѣдкихъ случаяхъ, самоуниженія. Челоуѣкъ, нарушая свое понятіе о долгѣ, разбиваетъ всѣ эти чувства, приобретаетъ имъ изъ своихъ сношеній съ другими людьми. Разумѣется, составъ совѣсти, какъ предметъ приобретаемый, можетъ измѣняться, какъ мѣняются всѣ нравственныя чувства, и утилитарное ученіе можетъ, поэтому, внушить ей свои правила, и эти правила могутъ укрѣпиться въ умѣ вполне прочно и притомъ съ непоколебимымъ вліяніемъ, такъ какъ они извлечены изъ психо-

логическаго начала человѣческой природы: изъ стремленія къ обществу. Что имѣетъ подъ собою естественную основу, того никакой анализъ разрушить не можетъ. Но не будь въ человѣкѣ общественаго свойства, и совѣсть не могла бы имѣть силы естественнаго чувства.

Поставивъ счастье высшимъ принципомъ нравственности, утилитаризмъ долженъ опредѣлить, что слѣдуетъ разумѣть подъ счастьемъ, и существуетъ ли возможность его достиженія. Счастье—это конкретное цѣлое, а не отвлеченное представленіе, и хотя всѣ люди къ нему стремятся, но не всѣ понимаютъ его одинаково; сущность его и содержаніе не остаются всегда однимъ и тѣмъ же, но постепенно расширяются и принимаютъ все болѣе опредѣленный характеръ, соотвѣтственно съ нравственнымъ и умственнымъ прогрессомъ человѣчества; предѣлы его и самый прогрессъ достиженія находятся въ зависимости отъ обстоятельствъ жизни. Въ настоящее время Милль находитъ, что вслѣдствіе разныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ и дурныхъ общественныхъ или государственныхъ учреждений и законовъ, а также недостаточнаго и жалкаго воспитанія гражданъ, даже въ странахъ, наиболѣе удалившихся отъ состоянія варварства, девятнадцать-двадцатыхъ населенія живутъ въ невольной нуждѣ, безъ всякаго счастья. Остальная двадцатая пользуется довольствомъ, но между довольствомъ и счастьемъ есть тоже разница, иногда весьма большая. Есть люди, которые готовы жить, какъ животныя, если имъ доставятъ возможность пользоваться животными наслажденіями, но люди умные или образованные никогда не согласятся на подобное довольство. Человѣкъ съ болѣе высокими способностями можетъ подвергаться болѣе сильнымъ страданіямъ и гораздо болѣе чувствителенъ къ вреднымъ нравственнымъ причинамъ, чѣмъ люди низшаго типа, но, несмотря на то, онъ не промѣняетъ этихъ страданій на низшій типъ жизни. Назовите эту настойчивость, какъ хотите: гордостью ли, властолюбіемъ, любовью ли къ свободѣ, или привязанностью къ личной независимости, или, какъ называетъ ее самъ Милль, *чувствомъ собственнаго достоинства*, эта настойчивость встрѣчается у всѣхъ людей въ той или другой формѣ, хотя далеко не всегда въ точной пропорціи съ развитіемъ высшихъ способностей. Только тогда, когда оно сильнѣе, когда все, что противорѣчитъ этому чувству, можетъ становиться предметомъ желанія лишь на мгновеніе, это чувство составляетъ существенную часть счастья. Полагать, что дѣятельность этого чувства, его предпочтеніе одного рода жизни другому, сопровождается жертвою счастья, — значитъ не понимать разницы между довольствомъ и

счастьемъ. Несомнѣнно, что человѣкъ съ низшими способностями и низшими наслажденіями имѣеть въ наше время болѣе шансовъ къ ихъ полному удовлетворенію, и что даровитая личность можетъ находить свое счастье совершенно недостижимымъ. Но даровитая личность можетъ научиться переносить несовершенство своего существованія, если оно вообще терпимо, и она не станетъ завидовать какому-либо существу, которое не понимаетъ всей важности этого несовершенства. Милль говоритъ:— «Лучше быть недовольнымъ человѣкомъ, чѣмъ довольною свиньей; лучше недовольнымъ Сократомъ, чѣмъ довольнымъ дуракомъ. И если дуракъ или свинья иного мнѣнія, то лишь потому, что они знаютъ только свою сторону вопроса; другая же партія сравненія знаетъ объ стороны». Если мы примѣнимъ недовольство развитого человѣка не къ его личному счастью, а къ положенію счастья общественнаго, то мы найдемъ въ этомъ недовольствѣ, если оно глубоко обдуманное и справедливое, одинъ изъ источниковъ, одну изъ двигающихъ причинъ всего человѣческаго прогресса и нравственнаго совершенствованія. Само недовольство, такимъ образомъ, становится въ развитомъ человѣкѣ опорой стремленія къ общему счастью.

При настоящемъ положеніи вещей въ цивилизованномъ мірѣ, люди съ наклонностями къ общему счастью бывають нерѣдко не только поставлены въ положеніе простаго недовольства, но и доведены до сознанія необходимости самопожертвованія ради счастья другихъ. «Эта жертва,—говоритъ Милль,—есть высшая добродѣтель, каковую только можно найти въ человѣкѣ». Но съ другой стороны, можно утверждать, не впадая въ парадоксъ, что при столь ненормальной житейской обстановкѣ сознаніе возможности обходиться безъ счастья даетъ лучшіе виды на достиженіе такого счастья, какое достижимо. «Ибо только такое сознаніе можетъ поднять человѣка выше шансовъ жизни, возбуждая въ немъ мысль о томъ, что будь, что будетъ, но ни судьба, ни удача не преодолеютъ его: такая мысль освобождаетъ его отъ излишнихъ опасеній касательно бѣдствій жизни, и способствуетъ ему, какъ многимъ стоикамъ въ злѣйшія времена Римской Имперіи, открывать въ тишинѣ источника доступнаго ему удовлетворенія, нисколько не беспокоясь ни о продолжительности ихъ существованія, ни о неизбѣжномъ ихъ изсяканіи». Еще въ другомъ мѣстѣ Милль прямо говоритъ:— «мы не должны ожидать отъ жизни слишкомъ многого». Всѣ эти утвержденія и объясненія ясно показываютъ, что этотъ серьезный ученый, испытавшій на своемъ долгомъ вѣку всевозможныя высокія стремленія и отлично изучившій какъ современный политическій строй, такъ и много-

различныя вліянія общественной жизни не въ Англіи только, но въ особенности во Франціи и въ другихъ странахъ Европы, гдѣ онъ путешествовалъ, — что этотъ ученый, который превосходно понималъ зависимость общественнаго движенія отъ умственныхъ, нравственныхъ и матеріальныхъ причинъ, пришелъ къ весьма печальному заключенію относительно образа жизни въ нашемъ цивилизованномъ мірѣ даже его лучшихъ людей. Но Милль утѣшался тѣмъ, что мы живемъ теперь лишь въ «сравнительно ранній періодъ человѣческаго улучшенія», и что улучшение есть необходимый элементъ общественнаго существованія. Дальнѣйшее улучшение можетъ, слѣдовательно, дать гораздо болѣе широкой просторъ человѣческому счастью: «наибольшее счастье», по выраженію Бентама; однако утверждать положительно, что есть высшая точка развитію счастья, что этому развитію можетъ быть конецъ, съ достиженіемъ котораго долженъ былъ бы прекратиться и прогрессъ, — Милль не рѣшается. Напротивъ, въ Миллѣ ничто не возбуждаетъ столько опасеній за будущность человечества, за его прогрессивное движеніе, какъ излишнее развитіе силы общественнаго мнѣнія или демократіи численнаго большинства насчетъ «эксцентричности» людей. Главнымъ двигателемъ общественнаго и личнаго совершенствованія Милль считаетъ *индивидуальность*, личную свободу человѣка. Въ своемъ сочиненіи «On Liberty» Милль посвящаетъ цѣлую главу въ защиту личности, «какъ одного изъ элементовъ благосостоянія». Описывая тамъ, какъ въ Англіи «коллективная посредственность», а во Франціи политическій деспотизмъ стремятся подавить и стереть личную независимость гражданъ, Милль предвѣщаетъ всей цивилизаціи такой же застой, въ какомъ пребывалъ Китай, если вся разумная часть европейскаго общества не организуетъ вѣрнопой оппозиціи противъ грозящей опасности. Эта опасность, однако, не должна возбуждать сопротивленія противъ всякаго распространенія общенности. Самъ Милль, какъ мы видѣли выше, когда онъ развивалъ мысль о все болѣе укрѣпляющихся и все далѣе и глубже распространяющихся связяхъ между людьми, какъ членами одного общества или цѣлаго человечества, относился къ этому факту съ явнымъ одобреніемъ, одобряя притомъ и упроченіе начала равенства въ государственныхъ и общественныхъ правахъ; но лишь потому, что развивающіяся въ наше время общественныя связи имѣютъ и свою хорошую сторону, такъ какъ ни дружныя товарищества, учреждаемыя для какихъ-либо дѣлъ, ни отмѣна всевозможныхъ политическихъ привилегій или монополій не только не угнетаютъ личной независимости гражданъ,

но, напротивъ, даютъ индивидуальностямъ наибольшую возможность и наилучшее удобство для развитія своихъ личныхъ силъ. Можно однако опасаться, что стремленіе къ общественности, или развитіе общественнаго чувства можетъ принять ложное направленіе, и, превративши общество въ строго дисциплинарное тѣло, сдѣлаться орудіемъ угнетенія личной свободы и личнаго характера. Такое опасеніе Милль дѣйствительно высказываетъ, но оно нисколько не мѣшаетъ ему требовать дальнѣйшаго распространенія и укрѣпленія общественныхъ сочувствій между людьми, пока не уничтожатся всѣ крупныя бѣды нынѣшняго переходнаго времени: нищета, болѣзни, случайныя несчастія и т.-п., которыя всѣ значительно облегчаются и даже могутъ быть устранены (хотя медленно и не отовсюду) путемъ простыхъ реформъ въ общественныхъ и политическихъ учрежденіяхъ, и въ особенности широкою и дѣльно организованною системою образованія, при дружномъ содѣйствіи всѣхъ, до чего эти факты касаются.

Какъ бы то ни было, осуществленіе всѣхъ улучшеній, о которыхъ мы только-что говорили, создастъ если не все счастье, то столь полное довольство, о которомъ нынѣшніе люди могутъ только мечтать. Въ довольной жизни Милль отличаетъ двѣ существенныя вещи: *спокойствіе* и *возбужденіе*. Съ большимъ запасомъ спокойствія многіе люди удовлетворяются весьма малымъ количествомъ удовольствія; а при большомъ запасѣ возбужденія, многіе примираются съ значительнымъ количествомъ страданій. Возбужденіе и спокойствіе могутъ въ жизни постоянно смѣнять другъ друга. Только тѣ, въ комъ бездѣйствіе становится порокомъ, не желаютъ возбужденія послѣ періода отдыха; только тѣ, въ комъ потребность въ возбужденіи становится болѣзнью, чувствуютъ себя во время отдыха послѣ возбужденія мрачными и разстроенными, вмѣсто того чтобы наслаждаться по мѣрѣ наступленія возбужденія. Если подобные факты происходятъ съ людьми довольно зажиточными, то Милль прямо причисляетъ ихъ къ тому разряду, «которые заботятся лишь о себѣ». «У людей, не имѣющихъ ни общественныхъ, ни личныхъ привязанностей, возбужденія жизни значительно сокращены и во всякомъ случаѣ теряютъ цѣну по мѣрѣ приближенія того времени, когда всѣ себялюбивые интересы должны закончиться смертью. Между тѣмъ, люди, оставляющіе послѣ себя предметы личной привязанности, и особенно тѣ изъ нихъ, которые питали любовь къ совокупнымъ интересамъ челоѣчества, удерживаютъ и наканунѣ смерти столь же живой интересъ къ жизни, какъ и въ цвѣтѣ юности и здоровья».

Имѣя въ виду великое значеніе добродѣтели въ жизни чело-

вѣка, утилитаризмъ даетъ ей столь же важное мѣсто, какъ своему главному принципу: общему счастью. Милль доказываетъ, что хотя добродѣтель, какъ преданность совокупнымъ интересамъ человѣчества, составляетъ лишь часть счастья, однако, будучи по своей сущности общепользною во всякомъ случаѣ, можетъ служить общему счастью всегда, просто какъ добродѣтель. Поэтому утилитаристы являются такими же безкорыстными и чистыми приверженцами добродѣтели ради добродѣтели, какъ и приверженцы моральной философіи. Но изъ того, что добродѣтель становится, такимъ образомъ, столь же важною цѣлью утилитарной нравственности, какою она считалась прежде лишь въ интуитивномъ ученіи, еще не слѣдуетъ, что обѣ системы совпали: утилитаризмъ все-таки продолжаетъ ставить стремленіе къ добродѣтели въ одинъ рядъ съ другими стремленіями къ счастью, между тѣмъ какъ интуитивисты всю человѣческую жизнь подчиняютъ добродѣтели, не исключая и общаго счастья. Такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ стремленіе къ добродѣтели лишено главнаго своего руководителя и не имѣетъ никакой опредѣленной цѣли, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что добродѣтель въ разныхъ интуитивныхъ ученіяхъ толковалась различно и искала, въ видахъ пріобрѣтенія незыблемаго авторитета, сверхъестественнаго освященія, порождая при этомъ столь вредныя явленія, какъ фанатизмъ и аскетизмъ. Въ этихъ ученіяхъ добродѣтель изъ преданности общему счастью превращается въ предательство общаго счастья какимъ-либо мистическимъ интересамъ, принимаемымъ, по невѣжеству или по заблужденію, за главную цѣль человѣческой жизни. Но эти интересы—интересы вымышленные, фантастическіе, между тѣмъ какъ общее счастье—интересъ естественный, психологическій.

Мы до сихъ поръ разсматривали нравственныя отношенія въ смыслѣ способствованія достиженію общаго счастья; мы указывали на тѣ чувства и стремленія, которыя возбуждаютъ въ человѣческой природѣ желаніе личнаго и общаго счастья, и на тѣ обстоятельства въ общественной жизни, которыя способствуютъ исполненію этого желанія. Теперь намъ остается разсмотрѣть нравственныя отношенія еще въ другомъ смыслѣ, тоже весьма важномъ. Кромѣ желанія и возможности достигать общаго счастья, намъ важно также, чтобы люди шли къ этой великой цѣли не мѣшая другъ другу, чтобы каждый въ этой общей работѣ дѣлалъ свое дѣло безъ всякаго вреда другимъ. Обеспеченіе этого основнаго условія въ дѣлѣ стремленія къ счастью должно было, разумѣется, играть самую видную роль въ исторіи человѣческихъ обществъ, и вліяніе этого факта дѣйствительно сказалось на че-

человѣческой природѣ столь сильно, что въ психической сферѣ чело-
вѣка мы имѣемъ особое понятіе и особое чувство для опредѣ-
ленія тѣхъ нравственныхъ отношеній или правилъ, соблюденіе
которыхъ можетъ обезпечить требуемое условіе. Это понятіе и это
чувство—понятіе и чувство *справедливости*.

Справедливость занимаетъ въ нравственной жизни чело-
вѣка самое видное мѣсто; на нее постоянно ссылаются во всѣхъ важ-
ныхъ событіяхъ жизни, и всѣмъ кажется, что она даетъ самыя
ясныя и вѣрныя рѣшенія; о ней говорятъ какъ объ естествен-
номъ инстинктѣ для отличенія справедливаго отъ несправедливаго;
между нею и общепользностью не хотятъ признавать ничего об-
щаго, хотя справедливый поступокъ не можетъ не быть обще-
пользнымъ. Милль обратилъ на разныя объясненія справедливости
особенное вниманіе и подробно доказалъ, что всѣ отдѣльные прин-
ципы справедливости допускаютъ въ разныхъ случаяхъ разное
толкованіе, и что при практическомъ примѣненіи этихъ принци-
повъ каждая спорящая сторона можетъ остаться справедливою
при своемъ принципѣ, и никакое дѣло, слѣдовательно, не дви-
нулось бы съ мѣста, еслибъ не было такого общаго приближенія,
какъ практичность или общепользность. «Насъ постоянно увѣ-
ряютъ,—говоритъ Милль,—что *общепользность*—недостовѣрный
масштабъ, который объясняется разными людьми различно, и что
есть только одинъ выходъ изъ недоразумѣній, это—неизмѣнныя,
неизгладимыя и безошибочныя предписанія справедливости, кото-
рыя заключаютъ свою достовѣрность въ самихъ себѣ и незави-
сими отъ колебаній мнѣнія». Но въ дѣйствительности и справед-
ливость не отличается математическою точностью, и о справедли-
вомъ спорятъ въ обществѣ такъ же горячо, какъ и о полезномъ.
«Разныя понятія о справедливости существуютъ не только у раз-
ныхъ націй и разныхъ личностей, но даже въ умѣ одной и той
же личности справедливость представляется не въ одномъ правилѣ
или принципѣ, а во многихъ, предписанія которыхъ не всегда
между собою согласны, и при выборѣ которыхъ личность рую-
водится еще какимъ-нибудь внѣшнимъ масштабомъ или своими
личными капризами». Возьмемъ, на примѣръ, вопросъ обществен-
ной кары. Одни скажутъ вамъ, что наказывать людей ради
примѣра другимъ несправедливо; что справедливо наказывать
ради пользы самого караемаго; другіе утверждаютъ, напротивъ,
что наказаніе людей, достигшихъ зрѣлаго возраста, ради ихъ
собственной пользы, есть деспотизмъ и несправедливость, такъ какъ
только они сами могутъ судить о своихъ пользахъ и никто не
имѣетъ права надзирать за ихъ мнѣніями; но ихъ можно нака-

зывать для предупрежденія вреда обществу, такъ какъ въ этомъ предупрежденіи общество воспользуется лишь своимъ законнымъ правомъ самозащиты. Но тутъ можетъ заявить защитникъ теоріи необходимости воли, что общественная кара совершенно несправедливое дѣло, такъ какъ характеръ преслѣдуемаго лица созданъ не преступникомъ, а самимъ обществомъ. Всѣ эти мнѣнія, если ихъ разсматривать съ точки зрѣнія одной справедливости, оказываются совершенно вѣрными и неопровержимыми, такъ какъ каждое изъ нихъ основано на признанномъ правилѣ справедливости. Первое указываетъ на несправедливость избранія одной личности для принесенія ея, безъ личнаго согласія, въ жертву интересамъ другихъ людей. Второе основано на признанной справедливости самозащиты и на несправедливости принужденія лица къ признанію чужихъ мнѣній о томъ, что хорошо ему самому; наконецъ, — защитникъ необходимости взыскаетъ къ общепринятому принципу, что несправедливо карать человѣка за то, чего онъ не могъ не сдѣлать. Всѣ эти объясненія показываютъ, что каждое изъ этихъ мнѣній давитъ и уничтожаетъ другое, пока держится своего принципа справедливости и не принимаетъ въ себя никакихъ другихъ соображеній. Такая путаница мнѣній встрѣчается въ вопросахъ справедливости всегда, если спорящія стороны имѣютъ цѣлью лишь рѣшеніе теоретической справедливости. Кромѣ вышеприведеннаго примѣра, въ книгѣ Милля есть еще три примѣра другихъ: о справедливой соразмѣрности наказаній съ преступленіями, о справедливой заработной платѣ въ кооперативномъ товариществѣ, о справедливомъ принципѣ распредѣленія налоговъ. Всѣ эти споры рѣшаются на практикѣ соображеніями общепользости и примѣнимости: только общая польза даетъ этимъ справедливостямъ дѣйствительный нравственный смыслъ. Отвлеченная справедливость, ея оцѣнка и ея правила, взятая сами по себѣ, могутъ имѣть нравственный смыслъ только въ примѣненіи къ практической жизни сообразно съ требованіями общей пользы. Общая же польза рѣшаетъ вопросъ справедливости даже въ примѣненіи къ законамъ, хотя сама идея справедливости была, въ первоначальной своей формѣ, не чѣмъ инымъ, какъ сообразностью съ закономъ — *законностью*. Древніе народы, полагавшіе, что законы исходятъ отъ сверхъестественныхъ существъ, иначе и не могли понимать справедливость. Но греки и римляне сообразили, что такъ какъ законы составляются людьми, то они могутъ быть столь же ошибочными и несоответствующими своему назначенію (требованіямъ общей пользы), какими бываютъ и другія дѣла рукъ человеческихъ, — что, слѣдовательно, законность не всегда бы-

васть справедливостью, и что могутъ быть такіе законы, нарушеніе которыхъ неспособно вызвать то чувство раздраженія, которымъ характеризуется справедливая месть. Справедливость или несправедливость закона тоже опредѣляется требованіями общественной пользы. Чувство несправедливости, — говоритъ Милль, — должно возбуждаться не противъ всѣхъ нарушеній закона, но только противъ нарушеній такихъ законовъ, которые *должны* существовать, со включеніемъ тѣхъ, которыхъ еще нѣтъ; оно должно возбуждаться также противъ самыхъ законовъ, если предполагается, что они противны тому, что должно быть закономъ. Всѣ законы, напримѣръ, устанавливавшіе давно неравенство въ видахъ достиженія какой-либо общественной цѣли, становились подъ конецъ, когда цѣль была достигнута, ненавистными, и когда ихъ отмѣняли, потомки изумлялись, какимъ образомъ ихъ отцы и дѣды могли жить подъ столь страшною тиранніей. Такимъ примѣромъ будетъ служить у насъ крѣпостное право, введенное съ цѣлью сдѣлать русскій народъ осѣдлымъ, но ставшее, въ концѣ-концовъ, безобразнымъ рабствомъ всей народной массы.

Какъ ни близки между собою области справедливости и просто полезной дѣятельности, однако онѣ легко раздѣляются между собою, въ особенности тѣмъ сильнымъ чувствомъ мести, которое вызывается всѣми несправедливостями. Милль представляетъ шесть такихъ положеній: 1) несправедливо лишать человѣка чего бы то ни было, что принадлежитъ ему по закону; 2) несправедливо лишать того, что принадлежитъ человѣку по нравственному праву; 3) несправедливо давать кому бы то ни было то, чего онъ не заслужилъ, и не давать того, что онъ заслужилъ; 4) несправедливо обманывать, нарушать договоръ, не исполнять обѣщаній и т. п.; 5) несправедливо оказывать пристрастіе тамъ, гдѣ его не должно быть; 6) несправедливо не оказывать равнаго покровительства правамъ всѣхъ, и вводить неравенство туда, гдѣ оно не общеплезно.

Во всѣхъ приведенныхъ нами несправедливостяхъ, противъ которыхъ протестуетъ каждое правило, заключается неперемѣнно предположеніе о существованіи обиженного лица, и его нарушеннаго права. Это право, которому со стороны общества соотвѣтствуетъ нравственная обязанность его охраненія, составляетъ характеристическое отличіе справедливости при сравненіи ея съ остальною областью нравственности, гдѣ господствуетъ чувство общности. Справедливость означаетъ нѣчто, что не только справедливо сдѣлать и несправедливо не сдѣлать, но чего можетъ требовать отъ насъ извѣстная личность, какъ своего нравственнаго

права. Напротивъ, въ области чистой нравственности (напримѣръ, въ великодушiи или благотворительности) мы дѣйствуемъ совершенно свободно, безъ всякаго внѣшняго принужденiя. Конечно, въ видахъ общаго счастья, мы чувствуемъ желанiе, чтобы всѣ нравственные поступки были признаны *должными*, то-есть, чтобы вся область взаимныхъ сношенiй между людьми была областью *дома*. Правда также, что, даже отдѣляя область справедливости отъ области свободной нравственной дѣятельности, мы все-таки настаиваемъ на понужденiи то въ формѣ общественнаго мнѣнiя, то путемъ воспитанiя личной совѣсти,—но тѣмъ не менѣе раздѣленiе остается; потому что, какъ полагаетъ Милль, интересы чистой нравственности всего лучше соблюдаются при свободѣ и когда самымъ прочнымъ образомъ укрѣплены интересы справедливости: взаимное сочувствiе между людьми необходимо крѣпчаетъ вмѣстѣ съ утвержденiемъ довѣрiя къ ихъ общей взаимной безопасности. Стремленiе къ общему счастью и сама общественная жизнь становятся невозможными, если за личность не обезпечено право на безопасность всѣхъ ея живѣйшихъ интересовъ. Нарушенiе этого права вызываетъ въ человѣкѣ раздражительную идею несправедливости съ желанiемъ наказать вреднаго нарушителя безопасности.

Желанiе наказать исходитъ изъ двухъ чувствъ, въ высшей степени естественныхъ, и изъ которыхъ каждое походитъ на инстинктъ: изъ личнаго чувства самосохраненiя и изъ общественнаго. Мстить и раздражаться противъ вреда, наносимаго намъ самимъ или тѣмъ, кому мы сочувствуемъ—дѣло совершенно естественное. Это чувство мы находимъ во всемъ животномъ мiрѣ, такъ какъ каждый звѣрь старается навредить тому, кто ему вредитъ. Люди отличаются въ этомъ случаѣ лишь въ двухъ отношенiяхъ: во-первыхъ, своею способностью сочувствовать всему человѣческому и даже всѣмъ чувствующимъ существамъ; во-вторыхъ, люди обладаютъ болѣе развитымъ умомъ, который даетъ болѣе широкiй просторъ всѣмъ чувствамъ, симпатическимъ ли, или лишь личнымъ исключительно. Благодаря своему высокому уму люди способны, даже помимо своего общественнаго чувства, признавать свои личные интересы общими съ интересами цѣлаго общества, и отдавать свою личную безопасность на общее дѣло безопасности всего общества. Та же причина, при помощи общественнаго чувства, привязываетъ человѣка къ интересамъ цѣлаго племени, цѣлой страны, или всего человѣчества, такъ что всякiй вредъ, наносимый этимъ коллективнымъ единицамъ, возбуждаетъ человѣка къ сопротивленiю. Чувство справедливости представляется

такимъ образомъ не чѣмъ инымъ, какъ животнымъ чувствомъ мести, приобрѣтшимъ нравственное достоинство вслѣдствіе охраненія важнѣйшихъ общественныхъ интересовъ.

Нравственныя правила справедливости, запрещая людямъ вредить другъ другу, играютъ дѣйствительно первостепенную роль въ общественной жизни; они служатъ главнымъ элементомъ въ опредѣленіи всѣхъ общественныхъ чувствъ. Ими сохраняется миръ и согласіе между людьми, такъ какъ, не будь неповиновеніе этимъ правиламъ лишь исключеніемъ, и каждый человѣкъ въ обществѣ сталъ смотрѣть бы на другого, какъ на вѣроятнаго врага, противъ котораго ему было бы необходимо постоянно оберегаться. Имѣя въ виду столь страшное положеніе какъ для своей личной безопасности, такъ и для свободы своей дѣятельности, каждый человѣкъ, разумѣется, видитъ въ правилахъ справедливости и строгомъ исполненіи ихъ самый важный интересъ своей жизни. Оттого-то онъ готовъ употребить самыя сильныя средства противъ нарушителя этихъ правилъ и самъ возбуждается ими къ извѣстной нравственной стойкости. Вотъ почему съ идеей и чувствомъ справедливости соединенъ принципъ возмездія: зло за зло, добро за добро. Послѣднее правило кажется людямъ не столь яснымъ, какъ первое, но въ дѣйствительности человѣкъ, пользующійся чужими услугами, но самъ отказывающійся услужить въ минуту необходимости, наноситъ существенный вредъ, обманывая одно изъ самыхъ естественныхъ и разумныхъ ожиданій, которыя онъ самъ возбуждалъ, по крайней мѣрѣ молчаливо. Самыми страшными изъ этихъ обмановъ Милль находитъ обманъ въ дружбѣ и обманъ въ любви: «только немногія несправедливости крупнѣе этого лишенія взаимности; ни одна не возбуждаетъ столько мщенія, какъ въ самомъ страдающемъ лицѣ, такъ и въ сочувствующемъ наблюдателѣ».

Признавая долгомъ поступать со всѣми, какъ это заслуживаетъ, воздавая добромъ за добро и подавляя зломъ зло, Милль приходитъ къ новому правилу справедливости: въ обхожденіи со всѣми одинаково хорошо, если всѣ они одинаково хорошо того заслуживаютъ. Перенося это правило на все общество, мы получаемъ Миллевскій принципъ равенства: «общество должно обходиться со всѣми равно хорошо, если всѣ они равно хорошо служили ему, равно хорошо безусловно». Милль требуетъ, чтобъ къ этому «высшему отвлеченному началу общественной и распредѣлительной справедливости» стремились въ самой сильной степени всѣ учрежденія и усилія всѣхъ добродѣтельныхъ гражданъ. Начало равенства заключается въ самомъ значеніи общей пользы

или въ принципѣ высшего счастья. Этотъ послѣдній принципъ былъ бы пустою бессмысленною фразою, еслибъ «счастье одного лица, предполагаемое равнымъ по степени (съ допущеніемъ разности по роду), не считалось совершенно тѣмъ же, что счастье другого». Съ исполненіемъ этого условія, Бентамово изреченіе: «каждый считается за одного, никто не больше чѣмъ за одного» могло бы быть написано подъ принципомъ общей пользы, какъ объяснительный комментарий... ¹⁾.

Нравственная философія Милля основана, какъ мы видѣли, на важнѣйшихъ свойствахъ или чувствахъ человѣческой природы, и включаетъ въ себя всѣ лучшія нравственные правила, выработанныя опытомъ исторической жизни. Цѣль ея: общее счастье— довольно опредѣленная и привлекательная, сама основана на томъ психологическомъ фактѣ, что человѣческой природѣ свойственно *желать* лишь какую-либо часть счастья или средства къ счастью. Милль указываетъ, наконецъ, на возможность достиженія если не общаго счастья, то общаго довольства. Правила, которыя онъ ставитъ приверженцамъ своего ученія, обнимаютъ собою все, что есть нравственнаго въ жизни, — правила ясныя, но не болѣе обременительныя, чѣмъ правила въ другихъ нравственныхъ философіяхъ. Однимъ словомъ, Милль даетъ въ своемъ утилитаризмѣ прочное зданіе доброй нравственности, могущей собственными силами воодушевлять и научать людей къ дружной общественной жизни и сильному охраненію личныхъ и общественныхъ интересовъ. Во всѣхъ своихъ предписаніяхъ утилитаризмъ совершенно самостоятеленъ, никуда не обращается за религіознымъ освященіемъ, какъ это часто дѣлаютъ другія моральныя философіи. Милль утверждаетъ, разумѣется, что его ученіе не *безбожное*, что если Богъ желаетъ прежде всего счастья своимъ созданіямъ, и что если таково именно было его намѣреніе при ихъ твореніи, — то утилитаризмъ не только не безбожная доктрина, но гораздо болѣе религіозная, чѣмъ всякая другая. Поэтому, какое бы пособіе ни оказывала религія (натуральная или откровенная — все равно) нравственнымъ изслѣдованіямъ, оно всегда открыто утилитаристу точно такъ же, какъ всѣмъ другимъ моралистамъ. «Онъ можетъ пользоваться имъ, какъ свидѣтельствомъ Бога о полезности или вредности даннаго ряда поступковъ, съ тѣмъ же правомъ, съ какимъ могутъ пользоваться имъ другіе

¹⁾ Сравни. Utilitarianism; глава 5.

для указанія трансцендентальнаго закона, не имѣющаго никакой связи ни съ полезностью, ни съ счастьемъ»¹⁾).

При многочисленности разныхъ религій, какъ христіанскихъ, такъ и не-христіанскихъ, существующихъ въ настоящее время и толкующихъ нравственность каждая по своему, дѣйствительнымъ руководителемъ человѣческой нравственности можетъ быть лишь такое ученіе, которое выводитъ правила и ставитъ цѣль жизни при помощи выводовъ науки, и основываясь на свойствахъ человѣческой природы. Правда, что такое ученіе не можетъ рѣшительно утверждать, что прогрессъ долженъ придти къ опредѣленному результату, но для практической жизни достаточно знать, по какому направленію онъ идетъ и допускаетъ ли осуществленіе лучшихъ стремленій психической природы человѣка. Предположенія Милля относительно этихъ запросовъ практической жизни составлены и подтверждены по всѣмъ правиламъ современной науки, и если, по его мнѣнію, они могутъ нуждаться въ религіозномъ освященіи, то лишь ради приобрѣтенія наибольшей силы въ пропагандѣ. Такая религія должна себѣ ставить цѣлью цѣль утилитарнаго ученія: общее счастье. Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, въ томъ, что изъ всѣхъ религій, какія когда-либо проповѣдывались на земномъ шарѣ, Миллю понравилась больше всего религія Огюста Конта, которая однако руководствуется въ своей проповѣди общаго счастья не тѣмъ принципомъ человѣческой природы, который предпочитается Миллемъ. Контъ будитъ въ человѣкѣ *альтруизмъ*, требуя, чтобы люди жили для другихъ (*vivre pour autrui*); Милль также восхищается общественнымъ свойствомъ человѣка, какъ гарантіей общественныхъ интересовъ, но выше всего онъ ставитъ личность человѣка и безъ «самодержавія личности надъ своимъ тѣломъ и душою» (*over his own body and mind, the individual is sovereign*) онъ не понимаетъ возможности общаго счастья. Изъ письма Джона Морли (редактора «Fortnightly Review»), въ которомъ описывается послѣднее свиданіе Морли съ Миллемъ, очевидно, что Милль полагалъ, что есть двѣ вещи, которыя способны возбудить людей къ надѣленію этихъ вещей нравственнымъ авторитетомъ религіи, имѣющей основанія на принципѣ единства человѣческаго рода: «во-первыхъ, люди будутъ все сильнѣе чувствовать и все яснѣе представлять себѣ тотъ странный фактъ, что какая-нибудь частица сегодняшняго поведенія можетъ стать предметомъ проклятій мужчинъ и женщинъ будущихъ поколѣній и даже цѣлыхъ вѣковъ послѣ смерти автора злого дѣла; — во-вторыхъ, люди будутъ все

¹⁾ Utilitarianism, глава 2.

болѣе чувствовать, что они могутъ удовлетворить свое чувство благодарности къ видимымъ или невидимымъ благодѣтелямъ или отплатить за наслѣдованныя ими неисчислимыя благодѣянiя не иначе, какъ усерднымъ сохраненiемъ преданiй почитанiя» ¹⁾).

Милль былъ увѣренъ, что *солидарность человечества*, какъ принципъ религiознаго почитанiя, можетъ удовлетворить всѣмъ требованiямъ «идеальнаго предмета, преданность и чувство долга къ которому способны контролировать и дисциплинировать всѣ чувства и склонности вѣрующаго, и предписывать ему правила жизни». Этотъ идеаль «восходитъ въ неизвѣстныя отдаленности прошлаго, обнимаетъ многообразное настоящее и нисходитъ въ неопредѣленное и непредвидимое будущее. Составляя *собрательное бытiе* безъ конца и безъ начала, онъ взываетъ къ чувству безконечнаго, которое глубоко укоренено въ человѣческой природѣ и кажется необходимымъ для обаятельности всѣхъ нашихъ высшихъ идей. Изъ огромной развертывающейся ткани человѣческой жизни, часть, наиболѣе намъ извѣстная, безвозвратно прошла; ей мы не можемъ служить, но любить ее еще можемъ: она заключаетъ въ себѣ наибольшее число тѣхъ, которые любили насъ или отъ которыхъ мы получали благодѣянiя, и длинный рядъ тѣхъ, которые своими трудами и жертвами въ пользу человечества, заслужили вѣчную и благодарную память... Великiе умы, даже теперь, живутъ въ мысли съ великими мертвыми гораздо болѣе, чѣмъ съ живыми, и, кромѣ мертвыхъ, съ тѣми идеальными человѣческими существами, которыя еще будутъ, но которыхъ имъ не суждено увидѣть. Если мы почитаемъ, какъ должны, тѣхъ, которые служили человечеству въ прошломъ, мы почувствуемъ тогда, что и мы трудимся для этихъ благодѣтелей своею службою тому, чему посвящали они свою жизнь. И когда мышленiе, руководимое исторiей, научаетъ насъ тѣсной связи каждаго вѣка съ каждымъ другимъ, показывая намъ въ земномъ назначенiи человечества игру великой драмы или актъ продолжительной эпической поэмь,—то всѣ поколѣнiя человечества неразрывно сливаются въ одинъ образъ, соединяя всю власть, какую можетъ имѣть надъ умомъ идея прошедшаго, съ нашими лучшими чувствами къ живому миру, насъ окружающему, и къ предшественникамъ, которые сдѣлали насъ тѣмъ, чѣмъ мы есть» ²⁾).

Милль полагаетъ, что развитiе почитанiя человѣческой жизни и дѣятельности въ столь возвышенной или религiозной формѣ

¹⁾ „The Fortnightly Review“, June 1, 1873, стр. 676.

²⁾ „The Westminster Review“, July, 1865, стр. 8, 9.

можетъ значительно усилить въ людяхъ стремленіе къ самосовершенствованію ради счастья всего человѣчества. И онъ не забываетъ упомянуть, что самъ Контъ, противопоставляя свое «*Grand Etre*» идеально совершенному Божеству, видѣлъ въ первомъ низшее Провидѣніе относительно другого, Высшаго Провидѣнія, къ которому можно оказывать справедливое почитаніе и благоговѣніе лишь нашею любовью и преданностью къ первому, то-есть къ человѣчеству, осыпавшему насъ столь многими благодѣяніями, которыми мы обязаны трудамъ и добродѣтели прежнихъ поколѣній¹⁾.

Стремленіе Милля создать предметъ религіознаго обожанія исходить, разумѣется, изъ желанія возбудить въ людяхъ наибольшее рвеніе къ достиженію высшихъ нравственныхъ цѣлей. Между тѣмъ изъ «Автобіографіи» Милля извѣстно, что онъ былъ человѣкомъ, который хотя «не отказывался отъ религіозной вѣры, но никогда не имѣлъ ея», и который неутомимо преслѣдовалъ почти во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ влерикальнныя притяванія и влерикальную точку зрѣнія. Имѣя эти факты передъ глазами, нѣкоторые слѣпые приверженцы влерикальнаго начала упрекали Милля въ непослѣдовательности, между тѣмъ какъ другіе, державшіеся того самаго направленія, къ которому первые приравнивали Милля, увѣряли, что Милль будто бы дѣйствуетъ двусмысленно изъ боязни британскаго общественнаго мнѣнія, закоснѣлаго въ религіозномъ лицемѣріи. Но, въ дѣйствительности, Милль понималъ религію совсѣмъ не такъ, какъ толковали эти цѣлители его произведеній. Онъ не находилъ ничего неестественнаго въ существованіи религіознаго чувства и указывалъ на примѣръ французской революціи, которая, разрушивъ церковь, нисколько не повредила дѣйствительнымъ религіознымъ интересамъ. Исторія показываетъ, сверхъ того, что религіозное чувство можетъ совершать дѣйствительно великія дѣла. Въ наше время Милль одобрялъ даже современное стремленіе на Западѣ къ чистому деизму. Когда ему возразили, что такое стремленіе замедляетъ прогрессъ отвлеченіемъ умовъ нѣкоторыхъ лучшихъ людей отъ общественныхъ дѣлъ, Милль отвѣчалъ, что, помимо вопроса объ истинѣ, это стремленіе полезно, какъ предварительная вѣра, подготавливающая людей къ отождествленію общепользнаго служенія людямъ съ служеніемъ Богу²⁾. Наконецъ, Милль не отказывался подавать совѣты даже членамъ англиканской церкви, если можно было предположить, что эти члены смотрѣли на религію, какъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 6.

²⁾ „The Fortnightly Review“, June 1, 1873, стр. 676.

на орудіе человѣческаго совершенствованія. Въ рѣчи, произнесенной имъ, въ сентъ-эндрусскомъ университетѣ, 1-го февраля 1867 года, Милль, между прочимъ, сказалъ, обращаясь къ богословскому факультету:

«Тѣ изъ васъ, которые назначены въ духовную профессію, должны держаться извѣстнаго числа доктринъ столь строго, что съ потерю вѣры въ эти доктрины имъ нельзя будетъ оставаться въ положеніи, въ которомъ бы имъ пришлось поучать неискренно. Но употребите ваше вліяніе на то, чтобы такихъ доктринъ стало возможно меньше. Несправедливо подкупать людей, чтобы они дѣйствовали противъ убѣжденія, оставались глухими къ возраженіямъ, или, несмотря на убѣдительность возраженій, продолжали заявлять полную и непоколебимую вѣру, когда ихъ вѣрованіе уже поколеблено. Но справедливо также, если люди честно заявляютъ о перемѣнѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ религіозныхъ мнѣній, чтобы эта честность непременно исключала ихъ отъ всякаго участія въ духовномъ воспитаніи націи, къ которому они прекрасно подготовлены. Стремленіе вѣва идетъ къ ослабленію формальностей и къ менѣе строгому толкованію основныхъ церковныхъ постановленій. Это самое обстоятельство, разрушая опредѣленность границъ государственной церкви и побуждая cadaго ставить себѣ особую границу, затрудняетъ личную совѣсть. Но я вполне соглашаюсь съ тѣми священниками, которые предпочитаютъ оставаться въ государственной церкви до тѣхъ поръ, пока они способны принимать ея постановленія и уставы въ какомъ-либо смыслѣ или объясненіи, согласномъ съ обычною честностью и все равно—будетъ ли то объясненіе всѣми принятое, или иное. Если изъ церкви уйдутъ всѣ, кто придаетъ условіямъ ея исповѣданія широкое и либеральное значеніе, или кто желалъ бы расширенія этихъ условій,—то національное пособіе для религіознаго обученія и богослуженія попадетъ въ руки лишь тѣхъ, кто придаетъ церковнымъ постановленіямъ самый узкій, самый буквальный и чисто-текстовый взглядъ, кто, хотя сами не суетвѣры, должны будутъ находиться подъ давленіемъ союза съ суетвѣрами, и кто, несмотря на всѣ свои великія заслуги, не становятся людьми, способными улучшить церковь даже тогда, когда подобное улучшеніе возможно. Итакъ, еслибъ я не счелъ невѣжливымъ съ моей стороны дать совѣтъ въ подобномъ дѣлѣ, я сказалъ бы: пусть всѣ останутся въ церкви, кто можетъ остаться по совѣсти. Церковь улучшается внутри гораздо легче, чѣмъ извнѣ. Почти всѣ знаменитые реформаторы религіи начинали священниками, но они не полагали, что ихъ духовная профессія не

соотвѣтствуетъ будто бы преобразовательной дѣятельности. Правда, что большинство ихъ окончило свои дни внѣ церквей, въ которыхъ они родились, но такъ случилось потому, что церкви сами, въ злую для себя минуту, исключили ихъ. Сами же они не считали нужнымъ удалиться»¹⁾.

Философія, которой держался Милль, также не позволяла ему отвергать все сверхъестественное. Признавъ человѣческое знаніе относительнымъ и указавъ его непосредственные предѣлы, Милль не могъ не признать еще многого такого, что можетъ существовать и что мыслимо, но что вмѣстѣ съ тѣмъ недоступно нашему знанію. Прямое отрицаніе существованія этихъ вещей могло бы ввести въ ошибку. Говоря о мнѣніи Конта, что всякое реальное знаніе о началѣ міра недоступно для человѣческихъ способностей, Милль прямо говорить, что «положительный способъ мышленія не есть непремѣнное отрицаніе сверхъестественнаго; онъ только отбрасываетъ назадъ вопросъ о началѣ всѣхъ вещей. Если вселенная имѣла начало, — ея начало, по самымъ условіямъ факта, было сверхъестественное; законы природы не могутъ объяснить своего собственнаго происхожденія... Положительная философія утверждаетъ, что внутри существующаго порядка вселенной, или ея части, доступной нашему знанію, прямая опредѣляющая причина каждаго явленія не сверхъестественнаго свойства, но естественнаго. Согласно съ этимъ утвержденіемъ можно вѣрить, что вселенная создана и даже непрерывно управляется разумомъ, если допустить, что разумный управитель придерживается установленныхъ законовъ, которые измѣняются или приостанавливаются лишь подъ вліяніемъ другихъ законовъ той же сущности, и отъ которыхъ никогда не можетъ быть никакого отступленія. Всякій, кто видитъ въ явленіяхъ лишь части постоянного порядка, изъ которыхъ каждая служитъ неизмѣннымъ послѣдующимъ какаго-либо предыдущаго условія или сочетанія условій — вполнѣ принимаетъ положительный способъ мышленія, и это все равно — признаетъ ли онъ, или нѣтъ, существованіе всеобщаго предыдущаго, первоначальнымъ послѣдующимъ котораго была вся система природы; все равно также, признается ли этотъ всеобщій предыдущій разумомъ или нѣтъ»²⁾.

Юр. Россель.

¹⁾ См. Inaugural Address.

²⁾ „The Westminster Review“, April, 1865, стр. 346, 347.

КУИ ЖЕЛЪЗО ПОКА ГОРЯЧО

НОВЫЙ АНГЛІЙСКІЙ РОМАНЪ.

„Taken at the flood“, by the Author of „Lady Audlay's Secret“, „Strangers and Pilgrims“ &c. &c. &c.

ГЛАВА XLVIII *).

Торжество Сильвіи.

Послѣ взрыва страсти на кладбищѣ, освѣщенномъ луной, Эдмондъ Стенденъ ушелъ домой уничиженный, терзаемый угрызениями совѣсти и такой несчастный, какимъ онъ еще никогда не чувствовалъ себя въ жизни. Мысль, что Сильвія снова принадлежитъ ему, возбуждала въ немъ чувство не торжества, но глубокаго стыда. Онъ чувствовалъ себя какъ бы воромъ, карманы котораго биткомъ набиты вкраденнымъ золотомъ. Радость обладанія заглушалась мучительнымъ сознаниемъ своей виновности. Его счастье, его сокровище, единственный предметъ, котораго онъ страстно желалъ, былъ ему возвращенъ, но за такую дорогую цѣну, что утрачивалъ всю свою прелесть.

Недолго оставался онъ на Перриамскомъ кладбищѣ послѣ рокового сознанія въ своей слабости. Онъ поцѣловалъ блѣдный лобъ, милыя розовыя губки, какъ цѣловалъ ихъ въ былые дни; заглянулъ въ глубину ясныхъ очей, пытаясь прочесть, что скрывалось въ ихъ глубинѣ, и распрощался съ Сильвіей. Онъ хотѣлъ-

*) См. выше: янв. 331; февр. 763; мар. 231; май, 251; июнь, 705; июль, 305 стр.

было проводить ее до дверей ея дома, но она ему этого не позволила. О будущемъ никто изъ нихъ не заговаривалъ. Она была болѣе нежели довольна. Она ликовала въ душѣ, потому что разстроила бракъ Эсэири Рочдель съ ея бывшимъ женихомъ. Послѣ сегодняшняго признанія онъ не посмѣетъ жениться на миссъ Рочдель. Отнынѣ онъ принадлежалъ ей, Сильвіи Перриамъ.

Поэтому она не обидѣлась его торопливымъ и смущеннымъ прощаніемъ. Она знала, что онъ сожалѣетъ о томъ, что сдѣлалъ. Это позднее раскаяніе нисколько не тревожило ее. Дѣло было сдѣлано.

Уединясь въ свои покои, она предалась восторгамъ радости. Она кротко улыбалась себѣ въ зеркало, расчесывая свои длинные волосы въ уборной, которую превратила въ храмъ женской роскоши. Какую побѣду одержала она надъ своимъ заклятымъ врагомъ, миссисъ Стенденъ. Какъ измѣнилось ея положеніе съ тѣхъ поръ, какъ спѣсивая вдова соблаговолила сдѣлать визитъ къ дочери сельскаго школьнаго учителя въ знакъ снисхожденія и примиренія съ ней.

«Явится ли она ко мнѣ съ визитомъ теперь, когда узнаетъ, что Эдмондъ все-таки женится на мнѣ?» гадала Сильвія. — «Не думаю. Врядъ ли она рѣшится патронировать лэди Перриамъ».

О раненомъ или, быть можетъ, разбитомъ сердцѣ Эсэири Рочдель Сильвія вовсе не думала. Разбитыя чужія сердца никогда не тревожили ее. Кромѣ того, она всегда ненавидѣла миссъ Рочдель. Она ненавидѣла ее за то, что та была богаче ея, а главное за то, что она была лучше, чище, правдивѣе.

Она позвонила, и когда пришла ея горничная,—у ней была теперь своя горничная,—то велѣла прислать къ ней миссисъ Картеръ. Она была въ довѣрчивомъ расположеніи духа, а ей не съ вѣмъ было подѣлиться своими впечатлѣніями, кромѣ этой женщины.

Миссисъ Картеръ мигомъ явилась на этотъ непривычный зовъ. Она тщательно притворила за собой дверь, подошла къ креслу Сильвіи и склонилась надъ ней съ нѣжнымъ взглядомъ, которому застѣнчивость придавала трогательное выраженіе.

— Лучше ли вамъ, мое сокровище?—кротко спросила она.

— Лучше ли? Мнѣ совсѣмъ хорошо. Что, вашъ пациентъ спитъ?

— Да, онъ спитъ съ девяти часовъ.

— Онъ крѣпко спитъ, не правда ли?—спросила Сильвія.

— Очень крѣпко. Слава Богу, ночью ему очень покойно.

— А днемъ,—сказала Сильвія съ разсерженнымъ взглядомъ.—

Я полагаю, что и днемъ его спокойствіе не нарушается. Вы удовлетворяете всѣ его нужды... чего еще онъ можетъ желать?

— Я стараюсь изъ всѣхъ силъ, чтобы ему было покойно и даже исполняю, по-возможности, всѣ его капризы. Но, не смотря на это...

— Ну, что же дальше?—спросила Сильвія нетерпѣливо, когда миссисъ Картеръ умолкла, нервно играя шнуркомъ своего хорошенькаго, чернаго шелховаго передничка.

Она всегда тщательно заботилась о своемъ костюмѣ... никто и никогда не видѣлъ ее растрепанной. Досути ея монотонной жизни дозволяли ей тратить время на свою особу.

— Не смотря на всѣ мои заботы, онъ чувствуетъ себя по временамъ очень несчастнымъ,—произнесла она.

Сильвія пожала плечами и отвернулась отъ нея съ жестомъ нетерпѣнія.

— Я полагаю, что характеръ его болѣзни дѣлаетъ его несчастнымъ,—отвѣчала она холодно.

— Не думаю, чтобы одно это.

— Чего же ему нужно?

— Нѣсколько болѣе свободы.

Леди Перриамъ повернулась къ ней съ бѣшеннымъ взглядомъ. Хорошенькое личико ея дышало гнѣвомъ.

— Я запрещаю вамъ разъ навсегда говорить о немъ,—произнесла она. — Дѣлайте свое дѣло. Вамъ за это платятъ, и щедро платятъ. Но не приходите напѣвать мнѣ о томъ, что онъ будто бы несчастливъ... точно мои интересы—последнее для васъ дѣло.

— Справедливо ли говорить это, Сильвія, послѣ того, что я для васъ сдѣлала?

— Вы раздѣливаете сдѣланное всякій разъ, какъ о немъ упоминаете. Услуга перестаетъ быть услугой, когда ея безпрестанно попрекають человѣка.

— Какъ часто попрекали вы меня своими благодарностями,—возразила мать съ горечью.—Зачѣмъ вы позвали меня сегодня вечеромъ, если намѣрены обижать меня?

— Я не хотѣла васъ обижать, но вы разсердили меня, заговоривъ о ненавистномъ для меня предметѣ.

— Но вѣдь вы, Сильвія, сами спросили меня.

— Вамъ бы слѣдовало имѣть побольше такта. Я хотѣла прямого отвѣта на свой вопросъ, но вовсе не желала упрековъ или жалобъ.

Миссисъ Картеръ поглядѣла на леди Перриамъ съ тѣмъ полудивленнымъ, полу-огорченнымъ выраженіемъ, которое часто по-

являлось у ней на лицѣ. Она думала объ удивительномъ сходствѣ между характеромъ отца и дочери. И тотъ и другая были несправедливыми эгоистами... и тотъ и другая были совсѣмъ равнодушны къ чужому горю.

Лэди Перриамъ перестала сердиться и сообщила матери о своемъ торжествѣ. Она сдѣлала это не изъ любви къ матери, которую удостоила признать со времени своего вдовства, и въ удивлении своихъ покоевъ... причѣмъ весь маленькій мірокъ Перриамъ-Плэса считалъ мать Сильвіи только нанятой сидѣлкой. Она сдѣлала это не подъ вліяніемъ дочерней любви, но единственно изъ желанія поговорить съ кѣмъ-нибудь, найти сочувственнаго слушателя, кому бы передать повѣсть о томъ, какъ женская хитрость восторжествовала надъ честью мужчины.

— Только тогда, когда я отказалась отъ него, я привела его къ своимъ ногамъ,— сказала она, окончивъ свой рассказъ.

— До того онъ былъ твердъ, какъ гранитъ. Я сказала ему, чтобы онъ шелъ къ Эсеири Рочдель. Онъ увидѣлъ, что я ухожу отъ него... и въ слѣдующій моментъ я была въ его объятіяхъ и онъ сталъ такъ же мнѣ близокъ, какъ когда мы прощались у могилы де-Боссина. Счастливая мысль пришла мнѣ въ голову пригласить его на кладбище. Обстановка пробудила въ немъ прежнія чувства. И теперь онъ снова мой... мой Эдмондъ, и я настолько богата, что могу плюнуть на деньги миссисъ Стендентъ. Мы женимся, какъ только исполнится годъ моему трауру, и онъ придетъ, и своимъ присутствіемъ освѣтитъ для меня этотъ мрачный домъ. Я перестану бояться, когда онъ будетъ со мной. Пусть наступитъ худшее: онъ будетъ моимъ покровителемъ.

Миссисъ Картеръ серьезнымъ взоромъ глядѣла на нее въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, и затѣмъ упала на колѣни передъ ея кресломъ, сжала ея руки и вскричала, глядя съ умоляющимъ видомъ въ ея лицо:

— О, Сильвія! зачѣмъ Господь наградилъ тебя всѣмъ, кромѣ сердца и совѣсти? Я терзаюсь, когда слышу твои рѣчи. Я бы желала лучше видѣть тебя разстроенной, убитой, чѣмъ слышать, какъ ты толкуешь о счастьи... мечтаешь о счастливомъ будущемъ... и знать про то, что мнѣ извѣстно...

ГЛАВА XLIX.

„Х у ж е с и е р т и“.

Сонъ не смыкалъ глазъ Эдмонда Стендена въ эту ночь. Глаза его щипало, точно онъ глядѣлъ пристально на самое яркое пламя. Онъ и не пробовалъ ложиться спать, а просидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и писалъ письма до тѣхъ поръ, пока пѣтухи на птичьемъ дворѣ Деканова дома не начали привѣтствовать утра своимъ крикомъ и имъ не откликнулись другіе пѣтухи изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ. Только разъ оторвался онъ отъ своего занятія... чтобы потушить свѣчи и поднять штору. Какъ холодно и мрачно глянуло ему въ лицо утро... даже лѣтняя природа подернулась для него какой-то дымкой.

Было ровно шесть часовъ, когда онъ запечаталъ послѣднее письмо... онъ написалъ ихъ цѣлыхъ три... сложилъ письма въ кучку на каминѣ, гдѣ ихъ нельзя было не примѣтить въ ихъ большихъ, дѣлового вида конвертахъ. Въ половинѣ шестого онъ одѣлся и уложилъ свой чемоданъ. Онъ велѣлъ безъ шума снести его по широкой лѣстницѣ и пронести по длинному корридору прямо къ конюшнѣ. Здѣсь было кому ему помочь, потому что и кучеръ и грумъ уже встали. Онъ велѣлъ заложить кабріолетъ, положилъ въ него свой чемоданъ и уѣхалъ, когда часы пробили семь. Все время сердце его трепетно билось. Эсэиръ и его мать вставали рано. Та или другая могла услышать стукъ колесъ и увидать, что онъ уѣзжаетъ. Однако это было бы не важно. Гнусная истина скоро, скоро обнаружится.

— Я не зналъ, что вы уѣзжаете сегодня поутру, сэръ, а не то заранѣе запрягъ бы лошадей, — сказала грумъ заботливо.

— Я самъ этого не зналъ до вчерашняго вечера. Я уѣзжаю въ Германію на нѣсколько мѣсяцевъ по дѣлу. Да, кстати, Эвансъ, когда вы отвезете меня на станцію, то вернитесь домой, какъ можно скорѣе и скажите Джэнь, чтобы она отдала матушкѣ письма, которыя найдетъ въ моемъ кабинетѣ на каминѣ. Она вѣроятно уже найдетъ ихъ къ тому времени, какъ вы вернетесь, но вѣдь возможно также, что она ихъ и проглядитъ.

На Монгемптонской станціи м-ръ Стенденъ встрѣтилъ одного знакомаго. Въ какое бы время вы ни уѣзжали изъ провинціального города, всегда найдется какой-нибудь знакомый, который соберется уѣзжать какъ разъ въ тотъ самый часъ, какъ и вы. М-ръ Стенденъ отвѣчалъ довольно коротко и непривѣтливо на

обычные разспросы: далеко ли и на долго ли онъ уѣзжаетъ? Онъ сѣлъ въ другой вагонъ, чѣмъ его знакомый, и вообще велъ себя нелюбезно. Онъ слишкомъ былъ сердитъ на самого себя, чтобы быть вѣжливымъ съ другими. Что онъ дѣлать? Бѣжалъ отъ послѣдствій своего проступка! подло и трусливо спасался отъ безчестія, какое навлекъ на себя! Онъ не въ силахъ былъ взглянуть Эсеири въ лицо и сказать ей, какъ онъ ее обманулъ. Онъ не могъ перенести мысли, что ея вѣрныя глазки, никогда не глядѣвшіе на него сердито, отуманятся слезами. Онъ могъ представить себѣ, какъ поблѣднѣетъ это личико, но не могъ вынести этого зрѣлища. Онъ написалъ своей бывшей невѣстѣ длинное, страстное, отчаянное письмо, гдѣ каялся во всемъ, мѣшая себя съ грязью, но не смягчая горькой истины. Онъ ошибался, когда вообразилъ, что излечился отъ своей первой роковой страсти; онъ обманывалъ самого себя, когда вообразилъ, что любитъ ее... тяжкое, унижительное признаніе для мужчины, произносящаго его, и обидное для женщины, слушающей его.

Онъ уѣхалъ въ Лондонъ съ раннимъ курьерскимъ поѣздомъ, спѣша отѣхать подальше отъ дому, прежде чѣмъ Эсеиръ Рочдель получитъ письмо.

Никто не слыхалъ отѣзда Эдмонда Стендена. Жизнь шла обычнымъ, методическимъ образомъ въ этомъ спокойномъ, аккуратномъ домѣ, хотя молодой человекъ и велѣлъ запретъ кабриолетъ и уѣхалъ такимъ неожиданнымъ образомъ. Прислуга, настолько респектабельная, что не была почти и любопытна, заключила, что этотъ ранній отѣздъ давно рѣшенное дѣло. М-ръ Стенденъ собирался постранствовать въ чужихъ краяхъ, прежде чѣмъ жениться и стать осѣдлымъ, провинціальнымъ джентльменомъ. Миссисъ Стенденъ была всегда несообщительна. Она была не изъ тѣхъ женщинъ, которыя повѣряютъ свои тайны горничной или жалуются на свою судьбу передъ кухаркой. Прислугѣ Деванова дома жилось хорошо. Она получала хорошее жалованье и заботливый уходъ, когда бывала больна, но ее держали на почтительномъ разстояніи и она не столько любила, сколько уважала свою госпожу.

Эсеиръ спустилась внизъ около семи часовъ, ровно черезъ пять минутъ послѣ того, какъ кабриолетъ увезъ ея невѣрнаго жениха. Она сошла въ садъ, прошлась по аллеѣ, усыпанной пескомъ, нарвала букетъ изъ розъ, думая невеселую думу объ Эдмондѣ. Онъ казался скучнымъ и усталымъ въ послѣднее время... какъ будто охладѣлъ въ ихъ долгимъ прогулкамъ, занятіямъ музыкой,

маленькимъ семейнымъ радостямъ. Его заваливаютъ работой въ банкѣ. Да, это такъ. Онъ теперь всегда прѣзжаетъ усталый.

Эсэирь обошла садъ и огородъ, пригласила Тротти, старшую изъ племянницъ Эдмонда, прогуляться съ собой по полямъ, и изъ всѣхъ силъ старалась успокоить Тротти насчетъ присутствія мирныхъ бурыхъ и красныхъ коровъ, медленные взгляды которыхъ повергали Тротти въ неописанный ужасъ, и затѣмъ, поручивъ Тротти нянѣкѣ, тихо прошла въ домъ.

Бываютъ дни, когда грустные мысли приходятъ незванныя. Когда Эсэирь Рочдель входила въ стеклянную дверь, въ умѣ ея промелькнуло воспоминаніе о томъ лѣтнемъ утрѣ, когда Эдмондъ объявилъ ей о своей помолвкѣ на Сильвіи Керью. Простое воспоминаніе объ этомъ сообщеніи заставило ее вздрогнуть отъ боли. Она помнила, какъ ей тяжело было выслушать Эдмонда и какого труда ей стоило скрыть отъ него свое страданіе.

«Не думаю, чтобы я могла перенести другой ударъ подобнаго рода», сказала она самой себѣ. «Мнѣ кажется, что еслибы мнѣ довелось опять такъ страдать, то страданіе убило бы меня. Но съ какою стати приходятъ мнѣ въ голову такія фантазіи, когда все переменялось съ тѣхъ поръ и я вполне счастлива?»

Она пыталась прогнать мысли, казавшіяся просто безумными, вошла въ столовую и, тихонько напѣвая одну изъ любимыхъ мелодій Эдмонда, принялась связывать будеть.

Миссисъ Стенденъ не сидѣла за самоваромъ съ открытымъ молитвенникомъ, какъ это бывало обыкновенно. Она стояла у стола съ блѣднымъ, разстроеннымъ лицомъ и читала письмо.

Джэнтъ, служанка, входила въ комнату съ подносомъ какъ разъ въ ту самую минуту, когда Эсэирь возвращалась изъ сада.

— Скажите, что я чувствую себя нездоровой и не могу читать молитвы сегодня утромъ, — сказала миссисъ Стенденъ, не отводя глазъ отъ письма.

Служанка слегка изумилась. Нездоровье, если оно не было особенно серьезнаго свойства, никогда не мѣшало миссисъ Стенденъ въ отправленіи религиозныхъ обрядовъ.

Она читывала молитвы, страдая мигренью и невралгіей, изнемогая отъ катарра; между тѣмъ сегодня утромъ она казалась и сильной и здоровой, а говорила, что слишкомъ больна для того, чтобы исполнить эту обязанность.

— Не случилось ли какой бѣды, тѣтя? спросила Эсэирь, волнуясь.

Блѣдное лицо тетки испугало ее. Не горе, а гнѣвъ исказили его черты.

— Случилась большая бѣда,—возразила миссисъ Стенденъ.— Мой единственный сынъ... мой любимый сынъ... подлець и негодяй!

— Тѣтя, вы съ ума сошли! вскричала Эсэиръ, охватывая руками суровую фигуру и дико взглядывая въ блѣдное, но рѣшительное лицо.

Страшныя мысли мелькнули у нея въ умѣ. Эдмондъ поддѣлалъ ассигнаціи или документы, или сдѣлалъ что-нибудь въ этомъ родѣ. Служащіе въ банкахъ такъ часто поддѣлываютъ ассигнаціи. Это было какъ бы естественнымъ послѣдствіемъ ихъ довѣреннаго положенія. Онъ былъ преступникъ... его отвели въ тюрьму. Но что бы съ нимъ ни случилось, она была его нареченной женой и не покинетъ его ни въ ссылкѣ, ни на эшафотѣ, еслибы таковой угрожалъ ему.

— Чѣмъ бы онъ ни былъ, что бы онъ ни сдѣлалъ, я все-таки же люблю его,—сказала она высовомѣрно съ той упрямой гордостью, какую внушаетъ женщинамъ ихъ преданность недостойному человѣку.

— Бѣдное дитя,—воскликнула миссисъ Стенденъ съ горькимъ, полу-презрительнымъ состраданіемъ.—Онъ не нуждается въ твоей любви, не цѣнитъ твоей преданности. У него есть то, что ему нужно: любовь негодной женщины.

— Тѣтя!—закричала дѣвушка, широко раскрывая глаза и вытягивая впередъ руку, какъ бы затѣвъ, чтобы отклонить отъ себя ударъ.

Догадка о томъ, что случилось, мелькнула въ ея умѣ.

— Тѣтя,—повторила она жалобно:—что онъ сдѣлалъ?

— Отвернулся отъ тебя изъ-за Сильвіи Керью, ахъ! бишь, лэди Перриамъ. Но вотъ, лучше прочитай письмо, которое онъ тебѣ пишетъ, и посмотри, какъ-то онъ извиняется передъ тобой. Въ письмѣ ко мнѣ онъ старается объяснить свое поведеніе, но не оправдывается. Онъ слишкомъ уменъ для этого. Но онъ не сынъ мнѣ больше. Я отказываюсь отъ него навѣки.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—закричала дѣвушка.—Нѣтъ, вы не должны отказываться отъ него за зло, причиненное мнѣ. Онъ вашъ сынъ и останется навсегда вашимъ сыномъ. Вѣдь материнская любовь тѣмъ именно и отличается, что переживаетъ всякую другую любовь. Вы его мать и не можете изгнать его изъ своего сердца. Вы не могли бы этого сдѣлать, будь онъ самый порочный изъ людей. Гдѣ письмо?

Она почти машинально протянула руку, чтобы взять письмо, лежавшее передъ ней на подносѣ, какъ будто оно было пріят-

нѣйшее въ мірѣ письмо, а не змѣя, уязвившая Клеопатру и преобразившаяся въ лоскутокъ почтовой бумаги. Затѣмъ спросила, жалобно взглянувъ на миссисъ Стенденъ:

— Зачѣмъ онъ мнѣ пишетъ? развѣ онъ не могъ лично связать мнѣ это? Неужели онъ думалъ, что я стану упрекать его?

— Онъ устыдился своего позора, Эсэиръ, и обратился въ бѣгство... точно проворовавшійся призрачникъ. Онъ уѣхалъ въ Германію.

Новый стонъ вырвался изъ блѣдныхъ устъ молодой дѣвушки... стонъ разбитаго сердца, надежды котораго разлетѣлись прахомъ. Она сломала печать и прочитала письмо своего вѣроломнаго жениха. Чувство униженія не могло быть глубже того, какое дышало въ каждой строкѣ этого страстнаго посланія:

«Я ненавижу и презираю себя сильнѣе всякихъ словъ», писалъ онъ, «но все еще люблю ее. Я видѣлся съ нею—нѣтъ нужды объяснять вамъ, какъ состоялось наше свиданіе; достаточно связать, что я съ ней видѣлся. Я не преднамѣренно измѣнилъ вамъ. Я не сознательно вернулся къ прежнему игу. Клянусь вамъ всѣмъ святымъ, Эсэиръ, я думалъ, что я излечился. Я вѣрилъ, что люблю васъ. Я былъ искрененъ въ тотъ вечеръ на Кроплейскомъ лугу, когда я просилъ васъ быть моею женою. Только тогда, когда я столкнулся лицомъ къ лицу съ Сильвіей Перриамъ, только тогда, когда я опьянѣлъ отъ звука ея голоса, отъ блеска ея глазъ, отъ роговой прелести, какою дышетъ для меня каждый ея взглядъ и каждое движеніе... только тогда, клянусь Богомъ, узналъ я, что старое безуміе живетъ въ моемъ сердцѣ, что я никогда не забывалъ ее, никогда не переставалъ ее любить, не переставалъ быть ея рабомъ. Можете ли вы простить меня? Нѣтъ, я самъ слишкомъ сознаю свою низость, чтобы ожидать прощенія или умолять о немъ. Забудьте меня, если можете. Или же, если не можете выбросить меня изъ своей памяти, презирайте меня, какъ я самъ презираю себя. Я не могу вынести заслуженнаго мною гнѣва. Я оставляю Декановъ домъ съ тѣмъ, по всей вѣроятности, чтобы никогда въ него не возвращаться. Я принимаю старое рѣшеніе матушки лишить меня наслѣдства. Я не заслуживалъ его, когда оно было произнесено впервые, но теперь признаю его справедливостью. Я не имѣю правъ на состояніе человѣка, который никогда не лгалъ, я, опозоренный своимъ вѣроломствомъ относительно васъ! А теперь, моя названная сестра, моя нареченная жена, прощайте; другого слова не можетъ быть произнесено между нами! Еслибы я уважалъ васъ меньше, то явился бы съ повинной и просилъ бы принять мою

руку. Мы жили бы не хуже девяти-десятихъ мужчинъ и женщинъ, влянувшихся другъ другу въ вѣчной любви и преданности; но я ничего не предложу моей непорочной Эсэирь, если не могу предложить ей всего своего сердца. Страсть заставила меня забытья и я сознался въ любви женщинѣ, которая насмѣялась надо мной два года тому назадъ. Это признаніе, хотя и сдѣланное въ порывѣ увлеченія, кладетъ между нами преграду, черезъ которую я не попытаюсь перешагнуть». Этимъ оканчивалось письмо. Эсэирь стояла, устремивъ глаза въ строчки, не проливъ ни слезинки. То былъ тотъ вторичный ударъ, казавшійся ей невыслышимъ десять минутъ тому назадъ. Онъ разразился надъ нею совсѣмъ внезапно. Неужели онъ будетъ такимъ смертельнымъ, какимъ ей представлялся? До сихъ поръ она казалась удивительно стойкой. Она спокойно свернула роковое письмо, взяла обѣими руками холодную руку миссисъ Стенденъ и нѣжно пожала ее. Затѣмъ принялась цѣловать суровое, рѣшительное лицо, стараясь смягчить его поцѣлуями.

— Я прощаю ему, тѣтя,—сказала она,—отъ всего сердца. Неужели вы не можете также простить ему.

— Нѣтъ, я не могу простить ему. Я никогда не прощу ему за то, что онъ обошелся съ тобой такъ жестоко... за то, что онъ обманулъ тебя, измѣнилъ тебѣ, посмѣялся надъ тобой.

— Онъ самъ обманулся.

— Онъ не имѣлъ права обманываться, когда зналъ, что такой самообманъ доставитъ тебѣ горе. О, Эсэирь, прости меня,—вскричала мать съ внезапнымъ порывомъ нѣжности:—это моя вина, до нѣкоторой степени моя собственная вина. Мнѣ такъ хотѣлось, чтобы ты была его добрымъ геніемъ, его утѣшителемъ. Я вѣчно расхваливала тебя ему, старалась сблизить его съ тобой.

— Знаю, знаю,—отвѣчала Эсэирь поспѣшно и съ страдальческимъ взоромъ.—Все это происходило отъ вашей любви ко мнѣ, но было ошибкой. Забудемъ объ этомъ, если можемъ; хорошо, что это случилось теперь, а не позже. Еслибы заблужденіе продолжилось нѣсколько долѣе, я могла бы сдѣлаться его женой, и каково было бы, еслибы онъ *тогда* догадался, что любить другую. Подумайте, какъ мы дешево отдѣлялись.

— Дешево отдѣлялись!—повторила миссисъ Стенденъ мрачно:—какъ можешь ты это говорить, когда онъ бросилъ тебя для этой живой, скверной женщины и ринулся очертя голову на свою погибель.

ГЛАВА I.

Сильвія разочарована.

Послѣ свиданія на кладбищѣ, лэди Перриамъ считала покорность Эдмонда ея волею рѣшеннымъ дѣломъ. Онъ явится на слѣдующее утро къ ней, онъ объявитъ себя ея рабомъ, и имъ придется только рѣшить, какъ скоро приличія дозволятъ имъ обвѣнчаться.

Не прежде, конечно, какъ истечетъ годъ со смерти сэра Обри... эта отсрочка казалась неизбежной. Какъ ни хотѣлось ей скорѣе пользоваться обществомъ и покровительствомъ Эдмонда, какъ ни манила ее безопасность, какую обещалъ ей этотъ бракъ, она обязана была до нѣкоторой степени подчиняться общественнымъ обычаямъ. Не прежде, какъ истечетъ годъ и подписчики снова зацвѣтутъ на поляхъ, можетъ она сдѣлаться женой Эдмонда Стендена.

Онъ могъ тѣмъ временемъ пожалѣть о своемъ обязательствѣ и отвернуться отъ нея.

«Отвернуться отъ меня», вскричала она съ торжествующимъ смѣхомъ: «нѣтъ, онъ врядъ ли это сдѣлаетъ. Я знаю теперь свою власть надъ нимъ. Онъ крѣпко боролся со мной вчера вечеромъ; но полагаю, что это его послѣдняя борьба. Больше онъ не попытается свергнуть мое иго».

Весь этотъ день, тотъ день, когда Эдмонда Стендена увозилъ курьерскій поѣздъ, лэди Перриамъ поджидала своего милаго. Она не сомнѣвалась, что до наступленія вечера онъ явится къ ней. Онъ не станетъ заботиться о впечатлѣніи, какое можетъ произвести его визитъ, о сплетняхъ, скандалѣ, которые онъ возбудитъ. Онъ придетъ, сломя голову, презирая людскіе толки, придетъ подтвердить свое вчерашнее признаніе, закрѣпить ихъ новымъ союзомъ.

Онъ придетъ, быть можетъ, до двѣнадцати часовъ. Врядъ ли онъ станетъ ждать обычнаго для визитовъ времени. Она едва притронулась къ завтраку, поданному ей не въ торжественной столовой, но въ будуарѣ, на маленькомъ кругломъ столикѣ, на блюдѣ изъ китайскаго фарфора, убранномъ всѣми возможными цвѣтами: розами, сиренями, бархатистыми геранями...

Завтракъ, скучная церемонія для вдовствующей лэди Перриамъ, наконецъ окончился. Она перебрала съ подругины книжку, не будучи въ состояніи прочитать ни одной—такъ разсѣяны были

ея мысли. Она поглядѣла на себя въ зеркало и подумала: неужели та переменѣна, о которой упоминалъ Шадракъ Бэнтъ, все еще въ немъ замѣтна. Нѣтъ, сегодня оно свѣтилось радостью. Торжество и надежда вернули ему прежнюю красоту. Счастье оказалось настоящей живой водой. Оно снова сдѣлало ее молодой.

День проходилъ. Полдникъ, за которымъ лэди Перриамъ старалась исполнять свои материнскія обязанности и заниматься съ *baby*, наступилъ за томительнымъ, свучнымъ утромъ. Юный наследникъ Перриамъ грызъ своего цыплѣнка, искрошеннаго мелко, какъ и подобало для его прорѣзывающихся зубковъ, покричалъ немножко, посмѣялся чуточку, сказалъ мамъ-мамъ, былъ расцѣлованъ и отправленъ назадъ въ дѣтскую. Лэди Перриамъ отошла его, зѣвая.

— Мнѣ кажется, что она съ каждымъ днемъ все меньше и меньше интересуется этимъ ангельчикомъ, — сказала нянька Трингфольдъ сидѣльѣ Картеръ съ негодованіемъ, когда послѣдняя пробралась въ дѣтскую, чтобы познакомиться съ ребенкомъ. — Я никогда не видывала такой матери. Она глядитъ на него иногда такъ, какъ будто бы вовсе не видитъ, а если онъ немножко покричитъ и поплачетъ, то она выходитъ изъ себя, точно это чужой ребенокъ.

— Лэди Перриамъ очень молода, — произнесла сидѣлка Картеръ какъ бы въ извиненіе.

— Но если ужъ она могла родить ребенка, то должна была бы умѣть и любить его, — возразила миссисъ Трингфольдъ раздражительно.

По мѣрѣ того, какъ часы проходили, нетерпѣніе Сильвіи усилилось до того, что ей стало не въ мочь въ четырехъ стѣнахъ. Она чувствовала, что Эдмондъ Стенденъ долженъ былъ скоро прійхать. Наступилъ условный часъ для визитовъ. Если онъ желалъ соблюсти всѣ приличія, то теперь могъ явиться безпрепятственно. Нетерпѣніе взяло верхъ. Она надѣла шляпку... вдвоею маленькую креповую шляпку, въ которой рѣдко притрогивалась безъ чувства отвращенія, взяла свой черный зонтикъ и вышла вонъ. Она прошла въ длинную аллею, которая вела къ главному подъѣзду и по которой подъѣзжали экипажи. Эдмондъ Стенденъ по всей вѣроятности прійдетъ въ экипажѣ и подъѣдетъ съ этой стороны. Она вспомнила при этомъ про его занятія въ банкѣ. Весьма возможно, что онъ не прійдетъ раньше вечера, точно какой-нибудь приказчикъ отъ Гампдейна, которому нельзя оставить магазинъ, пока онъ не запертъ, мысль унизительная. По-

думать, что онъ связанъ такимъ образомъ—онъ, который въ глазахъ ея былъ такимъ изящнымъ и безукоризненнымъ джентльменомъ!

Она прошла вдоль всей аллеи, глядя прямо передъ собой и высльзживая, не увидитъ ли она отдаленный кабріолетъ или одинокаго пѣшехода; но нивого не появлялось... ничего не было видно на длинной прямой дорогѣ, терявшейся вдаль и сливавшейся съ голубымъ небомъ.

Нѣтъ! вотъ показалась какая-то точка вдаль. Черезъ нѣсколько минутъ точка увеличилась и приняла размѣры мальчишка, очевидно телеграфиста, судя по платью.

«Отъ кого можетъ быть ко мнѣ телеграмма», подумала Сильвія, тревожась: «не отъ Эдмонда же, конечно».

Между Гедингемомъ и Перриамомъ не существовало телеграфнаго сообщенія... ни желѣзной дороги, ни почты... ничего, кромѣ деревенской проселочной дороги. Кратчайшая вела между рощей и полемъ.

Мальчишъ приближался по аллеѣ, насвистывая. Какое ему дѣло, нести ли онъ вѣсти о гибели или смерти! Для него онъ не имѣли значенія. Онъ и не подозрѣвалъ, что играетъ въ нѣкоторомъ родѣ роль Меркурія, вѣстника людей и боговъ.

Лэди Перриамъ остановила его въ тотъ моментъ, какъ онъ проходилъ мимо нея.

— Что у васъ за паветъ?—спросила она.

— Телеграмма для лэди Перриамъ.

— Дайте ее мнѣ. Я—лэди Перриамъ.

Мальчишъ поглядѣлъ на нее подозрительно.

— Я обязанъ отдать эту телеграмму въ самомъ Плясѣ,—отвѣчалъ онъ,—и просить отмѣтить время ея полученія. Прошу извинить, милэди, но я долженъ подчиняться правиламъ.

— У меня есть карандашъ,—замѣтила она:—вѣдь это все улаживаешь? подерѣшила она свой вопросъ блестящимъ, новенькимъ шиллингомъ... не какой-нибудь стертой, старой монетой, но полновѣсной и еще мало ходившей по рукамъ.

— Карандашъ обыкновенно не годится въ этихъ случаяхъ,—возразилъ мальчишъ,—но на этотъ разъ какъ-нибудь обойдемся.

Лэди Перриамъ отпустила мальчишка.

Затѣмъ прочитала телеграмму.

«Отъ Эдмонда Стендена, Лондонъ, къ лэди Перриамъ, Перриамъ-Плясѣ, близъ Монкгемптона».

— «Эдмондъ Стенденъ и Лондонъ! Ужъ не помѣшались ли они тамъ на телеграфѣ».

«Я оставляю Гедингемъ на неопредѣленное время и ѣду въ

Германію. Послѣ того, что случилось прошлой ночью, это—единственный исходъ, который мнѣ оставался. Я не рѣшился лично выдерживать домашнюю бурю и полагалъ, что для всѣхъ будетъ лучше, если я уѣду».

«Трусъ!»—прошипѣла Сильвія точно змѣя.—«Такъ вотъ какова его любовь! *Его любовь*, ради которой я пошла на такое страшное дѣло!»

ГЛАВА II.

Холостые заряды.

Телеграмма нанесла жестокой ударъ Сильвіи: она привела къ своимъ ногамъ Эдмонда, и вотъ, въ ту минуту, какъ она уже увѣрилась въ его покорности, онъ вдругъ оставляетъ ее на неопредѣленное время! Такъ вотъ какова была его любовь, которая такъ владѣла имъ въ прошедшую ночь на кладбищѣ? Неужели холодный дневной свѣтъ навѣялъ на него благородіе?

. Она медленно пошла домой. Какой томительный и длинный переходъ предстояло ей совершить невѣрными, усталыми шагами. Она шла сюда, нѣсколько времени тому назадъ, такъ весело, поджидая знакомую фигуру, которая бы показалась вдали. Она была такъ увѣрена въ его приходѣ и, вмѣсто его присутствія, вмѣсто его сильной руки, которою онъ бы прижалъ ее къ груди, ея лихорадочная рука сжимала смятую телеграмму.

«Миссисъ Картеръ будетъ вѣроятно этимъ довольна», говорила она себѣ самой, припоминая взглядъ, полный упрека, которымъ та оледенила ея веселую болтовню о счастіи. «Она желала бы, чтобы я посыпала свою главу пепломъ или же, чтобы мнѣ заклеили раскаленнымъ желѣзомъ лобъ», думала Сильвія, размышляя объ упрекахъ матери, высказанныхъ прошлою ночью.—«Она бы считала, что это дѣлается для моего блага. Нѣтъ суровѣе судей, какъ раскаявшіеся грѣшники».

Солнце пекло ея голову, жаркое августовское солнце, когда она проходила по широкой, усыпанной пескомъ площадкѣ, разстилавшейся передъ входной дверью, и на этомъ залитомъ солнцемъ пространствѣ столкнулась лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, котораго боялась пуще всѣхъ не по какой-нибудь опредѣленной причинѣ, но вслѣдствіе безсознательной боязни, надъ которою разумъ былъ безсиленъ.

Шадракъ Бэнъ встрѣтилъ ее у входной двери, съ хлыстомъ

въ рукѣ, въ высокихъ сапогахъ, покрытыхъ пылью. Онъ приѣхалъ въ Плэсъ прямо съ объѣзда по хозяйству.

— Слуги сказали мнѣ, что вы вышли, лэди Перриамъ, въ такой жаръ,—сказалъ онъ, пожмая руку Сильвіи,—но я не хотѣлъ этому вѣрить, вная ваше предпочтеніе къ прохладнымъ комнатамъ и спущеннымъ маркизамъ.

— Надо же и погулять иногда,—отвѣчала Сильвія холодно.

Она не скрывала своего пренебреженія къ замѣчаніямъ м-ра Бэна, но агента нельзя было этимъ озадачить. Онъ продолжалъ дѣлать свои замѣчанія, не видя или не желая видѣть, что его участіе было не признано и не желательно.

— Не благоразумнѣе ли было бы избрать прохладный вечеръ для прогулокъ?—спросилъ м-ръ Бэнь.

— Когда-бъ вы были моимъ докторомъ, м-ръ Бэнь, то я послушалась бы вашего совѣта, касательно этого пункта,—возразила Сильвія;—но такъ какъ вы не докторъ, то я предпочитаю гулять, когда мнѣ вздумается.

— Когда бы я былъ докторъ,—повторилъ м-ръ Бэнь съ задорнымъ хихиканьемъ:—какъ вы странно ставите вопросы, лэди Перриамъ! Когда-бъ я былъ докторъ, то пожелалъ бы узнать многое. Когда-бъ я былъ докторомъ, я бы пожелалъ почаще видѣть этого бѣднаго, полупомѣшаннаго м-ра Перриама. Когда-бъ я былъ докторомъ, я бы пожелалъ узнать многія подробности о смерти сэра Обри.

Поблѣднѣвшія щеки, пылавшія за минуту передъ тѣмъ отъ жара и гнѣва, сказали ему, что ударъ попалъ въ цѣль.

— Какъ вы блѣдны и утомлены, лэди Перриамъ. Я увѣренъ, что прогулка эта вамъ повредила. Войдите въ гостиную и отдохните немного, прежде чѣмъ идти наверхъ въ свои комнаты.

Они находились передъ гостиной; створы были подняты и бабочки влетали безпрестанно въ прохладный, величественный покой, никогда больше не оживлявшійся присутствіемъ людей.

— Я ненавижу эту комнату, — проговорила Сильвія, съ дрожью поглядывая на открытыя окна.

— Потому что въ ней разбилъ параличъ сэра Обри? Да, это воспоминаніе должно быть тягостно для особы, столь ему преданной, какъ вы. Хорошо, мы не пойдемъ въ салонъ. Вы, кажется, предпочитаете открытый воздухъ. Пойдите на террасу. Мнѣ необходимо переговорить съ вами.

— О чемъ это? Я думала, что мы повончили со всѣми дѣлами вчера.

— Я хочу переговорить съ вами не о дѣлѣ собственно... то-есть ни о чемъ такомъ, что было бы связано съ помѣстьемъ.

Лэди Перриамъ прошла съ нимъ рядомъ до террасы неохотно, но съ тѣмъ сознаниемъ беспомощности, которое всегда овладѣвало ею въ присутствіи м-ра Бэна. Она ненавидѣла, боялась его, но всегда кончала тѣмъ, что подчинялась его волѣ, той волѣ, которая управляла сѣромъ Обри въ былое время, которая заставляла фермеровъ аккуратно платить аренду и которой м-ръ Бэнь вообще обязанъ былъ тѣмъ, что сталъ, наконецъ, силой въ сонномъ, старомъ городишкѣ.

Она усѣлась съ утомленнымъ видомъ на широкой мраморной скамьѣ въ углу террасы, подъ апельсиннымъ деревомъ, росшимъ въ кадкѣ и осѣнившимъ ее своими вѣтками отъ палящаго солнца.

— Здѣсь лучше, чѣмъ въ салонѣ, неправда ли, лэди Перриамъ?—спросилъ м-ръ Бэнь, усаживаясь рядомъ съ ней.

— Здѣсь хорошо,—отвѣчала она холодно.

Краска не вернулась на ея блѣдомраморное лицо. Оно было угрюмо, губы крѣпко сжаты, глаза глядѣли прямо и пристально; всѣ черты какъ бы окаменѣли. Она имѣла видъ женщины, которая приготовилась къ какому-то роковому кризису въ своей жизни.

— Что вы желаете сказать мнѣ?—спросила она, не глядя на м-ра Бэна, но вперивъ пристальный взглядъ въ пространство.

Какъ отличалось это свиданіе отъ того, котораго она ожидала. Она надѣялась окончить день въ обществѣ Эдмонда Стендена, гадать съ нимъ о будущей жизни, показывать ему великолѣпіе дома..., ея дома въ теченіе двадцатилѣтняго несовершеннѣйшаго ея сына..., сообщить ему о своемъ богатствѣ и о томъ, что оно къ его услугамъ. Ея мелкая натура и не подозрѣвала, что м-ру Стендену, по всей вѣроятности, будетъ неприятно богатство, нажитое такимъ образомъ.

— Я желаю поговорить съ вами въ вашихъ же интересахъ, лэди Перриамъ,—произнесъ агентъ послѣ минутной паузы.—Мнѣ нѣчего напоминать вамъ, что люди злоязычны, и что женщина въ вашемъ положеніи легко можетъ стать жертвой сплетень.

— Что могутъ они сплетничать про меня? Развѣ моя замкнутая жизнь не исключаетъ всякой возможности сплетень?

— Въ этомъ-то весь вопросъ. Ваша жизнь слишкомъ замкнута, но мнѣнкію вашихъ содѣйей Вы за-живо скоронили себя въ Перриамъ-Плэсъ и злые языки, которые всегда и во всемъ ищутъ дурного, толкуютъ: не скрываете ли вы какой тайны, что

такъ усердно хороваются въ четырехъ стѣнахъ. Отъ одной догадки они переходятъ къ другой. Какъ дѣловой человѣкъ, я выслушиваю всѣ эти вещи. Быть можетъ, я превышаю свои права вашего дѣловаго совѣтчика... опекуна вашего сына... заговаривая съ вами объ этомъ; но правъ я или виноватъ, я счелъ своимъ долгомъ сообщить вамъ истину.

— Прошу васъ, продолжайте, сэръ. Въ чемъ обвиняютъ меня ваши монкгемптонскіе сплетники?

— Они не обвиняютъ васъ ни въ чемъ положительномъ: ваши враги... бакалейщики, которые не поставляютъ своихъ товаровъ въ вашъ домъ, мясники, соперничающіе съ вашимъ мясникомъ, ничего не могутъ сказать про васъ. Но люди начинаютъ дивиться тому строгому заключенію, въ которомъ вы держите м-ра Перриамъ. Если онъ сумасшедшій, толкуютъ они, его слѣдуетъ посадить въ домъ умалишенныхъ; если онъ въ здоровомъ умѣ, ему слѣдуетъ предоставить больше свободы.

Глаза лэди Перриамъ, до сихъ поръ устремленные въ пространство, смущенно забѣгали и она украдкой взглянула въ лицо управляющему. Но лицо дѣловаго человѣка не выдавало его мыслей. Физіономія голландскихъ часовъ не могла быть менѣе выразительна.

— Онъ пользуется такой свободой, какой самъ желаетъ, отвѣчала Сильвія.— Онъ по собственной охотѣ ведетъ эту скучную, вялую жизнь, зарывшись въ книги, развлекаясь на собственный ладъ, никого не беспокоя и не желая никого видѣть, кромѣ слуги, ухаживающей за нимъ. Онъ живетъ теперь совершенно такъ, какъ жилъ въ послѣднія десять лѣтъ.

— Не вполнѣ. Прежде онъ ежедневно гулялъ по огороду, какъ въ хорошую, такъ и въ худую погоду. Теперь онъ никогда не гуляетъ.

— Онъ сталъ слабѣе. Смерть брата совсѣмъ потрясла его.

— Когда такъ, то ему слѣдуетъ оказать медицинскую помощь. Чтѣ скажетъ свѣтъ, если онъ умретъ такъ же скоропостижно, какъ и его братъ? Развѣ злые языки не станутъ утверждать, что вы причина смерти обоихъ?

— М-ръ Бэнь!

— Не глядите на меня съ такимъ негодованіемъ, лэди Перриамъ. Я не стану злословить васъ. Я не думаю сомнѣваться въ вашей добротѣ или справедливости. Если когда-нибудь вамъ понадобится защитникъ, то вы всегда найдете меня готовымъ отстаивать васъ передъ цѣлымъ свѣтомъ. Я желаю только предостеречь васъ отъ послѣдствій вашей собственной неосторожности.

Но монкгемптонскіе сплетники забрали себѣ въ голову, что Мордредъ Перриамъ держать взаперти, что его лишаютъ свободы и что это ваше дѣло. Мало того, они утверждаютъ, что у васъ должны быть какія-нибудь важныя причины держать своего девера въ четырехъ стѣнахъ... что ему вѣроятно извѣстна какая-нибудь тайна. Пожалуйста, не сердитесь на меня... я только повторяю глушые толки.

Какой смертельной блѣдностью покрылось теперь ея лицо, казавшееся блѣде мраморной балюстрады, въ которой она приклонялась!

— Я не желаю слушать сплетень,—проговорила она послѣ минутнаго молчанія, какъ бы съ трудомъ выговаривая слова.— Какое дѣло мнѣ до глушыхъ рѣчей безтолковыхъ провинціаловъ? Еслибы я уѣхала въ Лондонъ, стала тратить деньги, веселиться, они бы назвали меня безсердечной,—прибавила она съ притворнымъ смѣхомъ.—Такъ какъ я веду затворническую жизнь, они стараются придумать таинственные мотивы для моей уединенной жизни. М-ръ Перриамъ ведетъ жизнь, какая ему нравится. Зачѣмъ стану я выставлять всѣмъ на показъ его невинныя эксцентричности? Если даже онъ и тронулся немножко, то не дѣлаетъ никому вреда, и миссисъ Картеръ справляется съ нимъ безъ всякаго труда.

— Извѣстно ли вамъ, лэди Перриамъ, что противузаконно держать сумасшедшаго въ частномъ домѣ, то-есть вообще гдѣ-нибудь кромѣ домовъ, специально приспособленныхъ для умалишенныхъ?

— Кто говорить, что онъ умалишенный?

— Вы сказали это минуту тому назадъ.

— Я сказала, что онъ немножко тронулся.

— Чтѣ на болѣе простомъ языкѣ значить, что онъ сумасшедшій. Полноте, лэди Перриамъ, я выражусь коротко и ясно: если онъ въ здоровомъ умѣ, вы не имѣете права лишать его свободы; если онъ сумасшедшій, вы не имѣете права держать его въ этомъ домѣ.

— Я не лишаю его свободы.

— Въ самомъ дѣлѣ? Позволите ли вы мнѣ услышать это изъ его собственныхъ устъ? Позволите ли вы мнѣ задать ему одинъ вопросъ: доволенъ ли онъ тѣмъ образомъ жизни, какой ведетъ? Если онъ отвѣтитъ утвердительно, я поручусь за васъ передъ цѣлымъ Монкгемптономъ. Никто не посмѣетъ злословить васъ, когда я буду имѣть возможность назвать всякаго лжецомъ, кто скажетъ хоть одно слово противъ васъ.

Сильвiя отерла свой блѣдный лобъ батистовымъ носовымъ платкомъ. Она держала его въ рукахъ и немилосердно теребила беспокойными руками.

— Мордредъ не желаетъ никого видѣть, — сказала она, — онъ бѣгаетъ людскаго общества со смерти брата. Онъ очень счастливъ на свой ладъ. Почему вы не хотите оставить его въ покоѣ?

— Свѣтъ не согласится оставить его въ покоѣ, лэди Перриамъ. Если вы откажетесь слѣдовать моимъ совѣтамъ въ этомъ дѣлѣ, если вы не примете моей помощи, то другіе люди вмѣшаются въ дѣло. Кто-нибудь изъ лицъ судебного вѣдомства придетъ сюда и наведетъ слѣдствіе.

— Кто-нибудь изъ лицъ судебного вѣдомства? Какъ? они посмѣютъ явиться сюда и допрашивать меня? Развѣ я не могу поступить, какъ мнѣ угодно, въ собственномъ домѣ?

— Къ несчастію, нѣтъ. Законъ имѣетъ право заглядывать въ чужіе дома. Полноте, лэди Перриамъ, будьте благоразумны. Я хлопочу о вашемъ собственномъ благѣ, о вашей безопасности. Дозвольте мнѣ увидѣть м-ра Перриама и удостовѣриться лично, въ какомъ онъ положеніи.

— Вы не увидите его, — закричала Сильвiя, внезапно вставая и глядя ему прямо въ лицо.

Она была все еще страшно блѣдна, но лицо выражало отчаянную рѣшимость.

— Вы отказываете мнѣ въ таковой бездѣлицѣ?

— Вы не увидите его; никто не увидитъ его, если я того не пожелаю. Пусть приходятъ сюда чиновники. Я съумѣю показать имъ, что я госпожа въ собственномъ домѣ.

— Какая можетъ быть причина, что вы отказываете мнѣ въ позволеніи его видѣть?

— Безъ всякой причины. Но я не стану принимать никакихъ приказаній, всего же менѣе отъ васъ. Вы давно уже стараетесь стать хозяиномъ въ этомъ домѣ. Я покажу вамъ, что не такъ легко быть моимъ господиномъ, какъ вы это вообразили.

Она снова опустилась на свамью, обезсиленная этимъ взрывомъ страсти. Маленькое красное пятнышко зардѣлось на каждой изъ ея блѣдныхъ щекъ, а беспокойныя руки нервно задвигались.

— Лэди Перриамъ, вы не правы, когда говорите, что я желаю стать вашимъ господиномъ, — началъ управляющій, наклоняясь надъ ней и говоря измѣнившимся голосомъ, болѣе мягкимъ, чѣмъ тотъ, каковымъ привыкъ говорить Шадракъ Бенъ, но съ прежней дѣловой серьезностью во взорѣ. — Съ перваго момента, какъ я

увидѣлъ васъ, я сталъ вашимъ рабомъ. Нѣтъ, не бойтесь потока страстныхъ словъ отъ меня. Я не умѣю объясняться языкомъ страсти. Я знаю только, что люблю васъ. Я не скажу, что полюбилъ васъ съ первой минуты, какъ увидѣлъ васъ въ своей конторѣ, — прелестнѣе, чѣмъ тѣ образы, какіе мнѣ грезились въ сновидѣніяхъ, — но я скажу, что съ этой минуты сталъ вашимъ преданнымъ слугою... ставилъ ваши интересы выше всѣхъ другихъ... отстаивалъ ваши права передъ вашимъ мужемъ, который хотѣлъ обрѣзать вашу вдовью часть, заботился о вашемъ благосостояніи и, насколько это было въ моей власти, стремился оберегать ваше спокойствіе.

— Вы были всегда очень добры ко мнѣ — возразила Сильвія, взглядывая на него быстро и вопросительно, какъ бы желая проникнуть въ тайный смыслъ его словъ.

— Въ тѣ времена по крайней мѣрѣ моя преданность была безкорытна, — продолжалъ управляющій: — могъ ли я питать какія-либо надежды? Вы были замужемъ, я — женатъ. Могли ли два лица быть дальѣ другъ отъ друга, чѣмъ мы съ вами? Я служилъ вамъ потому, что восхищался вами и поклонялся вамъ, и если даже и въ то время нѣжность закралась въ мою душу, я не сознавался въ этомъ даже самому себѣ. Но теперь наступилъ день, когда я могу высказаться яснѣе. Вы одиноки въ мірѣ, лэди Перріамъ... міръ этотъ не особенно милостивъ для незащитной юности и красоты. Я вамъ равный по воспитанію; до вашего замужства съ сэромъ Обри я былъ гораздо выше васъ по своему общественному положенію. Я настолько богатъ, что меня нельзя заподозрить въ корыстолюбивыхъ замыслахъ. Остается, слѣдовательно, только разница въ нашихъ лѣтахъ. Но я надѣюсь, что сила моей любви возьметъ верхъ надъ этимъ соображеніемъ. Сильвія, я люблю васъ. Единственная надежда моей жизни сдѣлаться вашимъ мужемъ».

Лэди Перріамъ не выказала удивленія, какимъ бы дерзкимъ ей ни показалось это предложеніе. Она сидѣла неподвижно, опутивъ глаза. Волненіе, замѣчавшееся въ ней нѣсколько минутъ тому назадъ, улеглось и она казалась очень спокойной.

— Могу ли я надѣяться на какой-нибудь отвѣтъ, лэди Перріамъ?

— Какъ можете вы ждать скорого отвѣта на такой поразительный вопросъ? Дайте мнѣ подумать и я отвѣчу вамъ.

— Значить, мое признаніе не очень разсердило васъ!

— Почему бы оно разсердило меня? Вы мнѣ равный, какъ сами говорите; а если и старше меня двадцатью годами, то есте-

ствежно должны считать это пустымъ возраженіемъ, таеъ какъ я была замужемъ за челоуѣкомъ, который былъ тридцатью годами старше меня. Дайте мнѣ время подумать, м-ръ Бэнь.

— Я не стану торопить васъ съ отвѣтомъ, если вы позволите мнѣ надѣяться.

— Я бы не отказала вамъ въ этомъ, еслибы болѣе вѣрила въ вашу искренность. Вы называете себя моимъ другомъ, преданнымъ мнѣ челоуѣкомъ, а между тѣмъ пріѣзжаете сюда и доучаете мнѣ съ этимъ бѣднымъ м-ромъ Перриамомъ.

— Я только повторяю сплетни, которыя вамъ слѣдуетъ знать, чтобы оградить себя отъ людской злобы.

— И вы въ самомъ дѣлѣ мнѣ другъ?

— Я болѣе, чѣмъ вашъ другъ, я вашъ рабъ.

— Могу я испытать вашу вѣрность?

— Да, испытайте ее.

— Помогите мнѣ устроить м-ра Перриама. Я начинаю думать, что вы... то-есть монкгемптонскіе сплетни правы. Его слѣдуетъ помѣстить въ домъ умалишенныхъ. Его присутствіе здѣсь служитъ для меня источникомъ вѣчной тревоги. Если состояніе его не улучшится въ непродолжительномъ времени, я пошлю за докторомъ душевныхъ болѣзней и велю отвезти его въ домъ умалишенныхъ.

— Когда вы рѣшитесь на эту мѣру, то можете располагать мною.

— Знаете ли вы о какой-нибудь лечебницѣ для душевныхъ болѣзней, гдѣ бы за нимъ былъ надлежащій уходъ, или какого-нибудь доктора, который взялъ бы его на свое попеченіе?

— Почему бы не посоветоваться насчетъ этого съ м-ромъ Стимпсономъ?

— Я не довѣряю скромности м-ра Стимпсона. Я бы охотнѣе посоветовалась съ постороннимъ докторомъ... съ докторомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ Монкгемптономъ.

— Я знаю челоуѣка въ Лондонѣ, который, пожалуй, будетъ вамъ полезенъ,—сказалъ м-ръ Бэнь послѣ минутнаго раздумья, и поможетъ вамъ выдти изъ затрудненія.—Но я бы желалъ самъ видѣть м-ра Перриама, чтобы судить самому прежде, чѣмъ совѣтовать вамъ, какъ поступить. Быть можетъ, онъ только склоненъ къ эксцентричности, которая не можетъ оправдать того, что мы его запрячемъ въ сумасшедшій домъ.

— Онъ болѣе, чѣмъ эксцентриченъ; онъ по временамъ впадаетъ въ странное заблужденіе.

— Что же... воображаетъ себя папой, должно быть, или министромъ финансовъ?

— Не совсѣмъ такъ; но у него дикія фантазіи... довольно невинныя, но которыя доказываютъ, что онъ не въ своемъ умѣ. Вы увидите его черезъ нѣсколько дней, когда ему станетъ лучше, и рѣшите сами.

— Благодарю,—возразилъ управитель:—это похоже на довѣріе. А теперь скажите мнѣ, лэди Перриамъ, могу ли я надѣяться?

— Да,—отвѣчала Сильвія, протягивая ему руку,—было бы слишкомъ жестоко лишать васъ надежды.

Она улыбнулась, и м-ръ Бэнъ подумалъ, что воздушный замокъ, возведенный имъ въ конторѣ въ тотъ день, когда онъ впервые услышалъ о предполагаемомъ бракѣ сэра Обри, начинаетъ облежаться въ болѣе матеріальную форму. Онъ приготовился къ негодующему отказу. Онъ смутно сознавалъ о своей власти надъ вдовой сэра Обри, но ожидалъ, что она окажетъ ему сопротивление. Его намеки и маскированныя угрозы были высказаны совсѣмъ на удачу. Сильное волненіе ея захватило его врасплохъ и онъ зашелъ дальше, чѣмъ предполагалъ... рѣшился высказать ей свою задушевную мечту.

Онъ провелъ ее въ домъ, прошелъ вмѣстѣ съ ней въ дѣтскую, гдѣ младенецъ-баронетъ выразилъ сильную антипатію къ м-ру Бэну, спрятавъ лицо на груди у няньки, бросая по временамъ сердитые взгляды на опекуна, приставленнаго къ нему министерствомъ юстиціи.

— Мы подружмся со временемъ,—произнесъ м-ръ Бэнъ спойно.

Онъ отобѣдалъ съ лэди Перриамъ въ этотъ вечеръ, по ея приглашенію, и хотя въ обращеніи его не проглядывалъ нареченный женихъ, но онъ началъ думать, что будущее обезпечено, и что менѣе, чѣмъ черезъ годъ, онъ будетъ сидѣть за этимъ столомъ, какъ хозяинъ.

Онъ недолго оставался послѣ обѣда, не желая надобѣдать своимъ присутствіемъ; но прежде чѣмъ онъ уѣхалъ, лэди Перриамъ спросила у него имя того лондонскаго врача, о которомъ онъ упоминалъ.

— М-ръ Ледламъ, въ Іегеръ-Стритъ, въ Блумсбери,—отвѣчалъ м-ръ Бэнъ.

— Онъ знаменитость?

— Вовсе нѣтъ. Но я не думаю, чтобы вы нуждались въ знаменитости, чтобы ухаживать за м-ромъ Перриамомъ. Вамъ

нуженъ только человекъ, который бы умѣлъ держать языкъ за зубами. Не такъ ли?

— Я не желаю, чтобы болѣзненное состояніе м-ра Перриама было предметомъ людскихъ толковъ.

— Само собой разумѣется. Джозефъ Ледламъ какъ разъ подходящий человекъ. Его главная практика въ Блумсбѣри, но у него есть домъ на большой сѣверной линіи, недалеко отъ Гатфильда, куда онъ принимаетъ двухъ-трехъ пациентовъ: умирное зданіе, вдаль отъ любопытныхъ взоровъ. Самъ онъ весьма почтенный человекъ... бѣдный, но умный.

— И вы увѣрены, что м-ру Перриаму будетъ хорошо въ его домѣ?

— Вполнѣ увѣренъ. Вы можете помѣстить его къ болѣе знаменитому врачу, чѣмъ Ледламъ. Но въ болѣе обширномъ и извѣстномъ заведеніи онъ будетъ въ болѣе зависимости отъ сидѣлокъ и надзирателей, чѣмъ у такого человека, какъ Ледламъ, который принимаетъ ограниченное число пациентовъ и наблюдаетъ за ними самъ лично.

— Но онъ долженъ отдавать значительную часть своего времени своей блумсбѣрійской практикѣ,—подсказала леди Перриамъ.

— Не знаю, какъ онъ съ этимъ справляется; быть можетъ, у него есть помощникъ.

— Онъ вашъ другъ?

— Не то, чтобы другъ, но старый знакомый. Онъ изъ этой мѣстности, и мы вмѣстѣ ходили въ школу. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ онъ пробовалъ-было поселиться въ Монегемптонѣ, но конкуренція съ здѣшними докторами оказалась ему не по силамъ и онъ вскорѣ отказался отъ дальнѣйшихъ усилій. Онъ тогда только-что женился, бѣдняга, и у него была чахлая на видъ жена и болѣзненный ребенокъ. Онъ отказался отъ Монегемптона и переселился въ Лондонъ, чтобы тамъ попытать счастья. Я встрѣтился съ нимъ случайно, когда ѣздилъ въ Лондонъ, и мы вмѣстѣ провели вечеръ. Я знаю, что этотъ человекъ уменъ, и думаю,—прибавилъ м-ръ Бэнъ, нацпрая на слова,—что это именно такого рода человекъ, какой вамъ требуется, леди Перриамъ; человекъ, который не проговорится о своемъ пациентѣ, что бы ни случилось.

— Я не забуду вашихъ совѣтовъ,—проговорила Сильвія съ развязностью.

Всѣ слѣды волненія давно исчезли въ ней.

— И если бѣдному м-ру Перриаму станетъ хуже, чего, я надѣюсь, не случится, то пошлю за м-ромъ Ледламомъ.

Этотъ разговоръ зашелъ тогда, когда лошадь м-ра Бэна была уже осѣдлана. У него не было предлога оставаться долѣе и онъ распрощался съ сдержанной нѣжностью, слишкомъ почтительной, чтобы показаться оскорбительной, но рассчитанной на то, чтобы напомнить лэди Перриамъ, что онъ просилъ ее быть его женой и ждетъ отвѣта.

Едва затворилась за нимъ дверь, какъ Сильвія поглядѣла на часы и затѣмъ позвонила.

«Уже девять часовъ. Желала бы я знать, успѣю ли я отправить телеграмму», сказала она самой себѣ.

Она присѣла къ столу, гдѣ лежали письменныя принадлежности, и написала слѣдующую телеграмму:

Отъ лэди Перриамъ.

Перриамъ-Плазъ.
Близъ Монкгемптона.

Къ Жозефу Ледламу.

Тегеръ-Стригъ.
Блумсбери.

«Прошу покорнѣйше немедленно пожаловать на консультацію о серьезномъ больномъ. За платой не постоятъ... всякое промедленіе опасно».

Звонокъ сдѣлалъ свое дѣло раньше, чѣмъ посланіе было готово, какъ оно ни было коротко: лэдей стоялъ, дожидаясь приказаній милэди.

— Отправьте это немедленно на Монкгемптонскую станцію желѣзной дороги,—сказала лэди Перриамъ, подавая ему запечатанный конвертъ.—Пошлите кого-нибудь изъ грумовъ на хорошей лошади.

— Слушаю, милэди.

«Если м-ръ Ледламъ скоро отзовется на мой призывъ, то я могу потягаться съ Шадракомъ Бэномъ», подумала Сильвія, бросаясь въ кресло, измученная досадой и тревогой. «Но если нѣтъ, если мнѣ не удастся свалить съ плечъ эту обузу... что станетъ со мной? Я не вижу ни откуда помощи, не могу ждать избавленія.

«О, Эдмондъ, Эдмондъ, такъ вотъ какова твоя любовь! Пропшой ночью ты лежалъ во прахѣ у моихъ ногъ... сегодня покинулъ меня въ самый горькій часъ моей жизни».

ГЛАВА ЛII.

Другъ душевно-скорбящихъ.

Не часто м-ру Ледламу изъ Иегерь-Стрита доводилось читать, что «за платой не постоятъ». Для доктора Кроу такія телеграммы, какъ телеграмма лэди Перриамъ, были не въ дивовинку. Магическое имя Кроу развязывало кошельки людей, какъ будто они всё превращались въ какихъ-то Брезовъ.

Но пациенты, которыхъ лечилъ м-ръ Ледламъ, очень туго разставались съ деньгами, такъ туго, что предпочитали иногда ничего не платить ему.

Вначалѣ м-ръ Ледламъ склоненъ былъ подозрительно отнестись къ телеграммѣ лэди Перриамъ, подозрѣвая, не утека ли это. Но ему достаточно были знакомы окрестности Монкгемптона, и онъ зналъ, что тамъ дѣйствительно есть мѣсто, называемое Перриамъ-Пласъ и отстоящее миляхъ въ шести отъ этого торговаго пункта: это обстоятельство убѣдило его. Онъ рѣшился рискнуть и разориться на второклассный билетъ въ Монкгемптонъ въ ожиданіи обѣщанной ему щедрой платы.

«Я могу потребовать десять фунтовъ и, вычтя изъ нихъ два на путевыя издержки, все-таки получу восемь за труды, кромѣ будущаго гонорара. Но что, ради самого неба, побудило лэди Перриамъ послать за мною. Мнѣ не такъ повезло въ Монкгемптонѣ, чтобы люди гонялись за мной пятнадцать лѣтъ спустя послѣ того, какъ я повернулся спиной въ этой проклятой трущобѣ».

У м-ра Ледлама была холостая квартира въ Иегерь-Стритѣ, съ кушеткой, служившей вмѣсто постели ночью и помѣщавшейся въ пріемной, позади аптеки. Тамъ онъ время отъ времени кватировалъ, когда у него являлась фантазія провести ночь въ Лондонѣ, вмѣсто того, чтобы возвращаться въ сельскія сѣни его жилища близъ Гатфильда. Такимъ образомъ случилось, что телеграмма лэди Перриамъ застала м-ра Ледлама въ то время, какъ онъ засѣдалъ за скромнымъ завтракомъ изъ какао и жареной селедки, изготовленномъ самолично.

Онъ поглядѣлъ на часы. Да, онъ успѣетъ поймать поѣздъ, отходящій въ 9 ч. 45 м. изъ Паддингтона. Онъ прибудетъ въ Монкгемптонъ въ три часа пополудни.

Выражаясь незатѣйливо, согласно принятому обычаю въ этомъ околотеѣ, м-ръ Ледламъ «пообчистился»... операція очень не-

сложная: надѣлъ лучшую пару платья, взялъ наименѣе потасканную шляпу, зонтикъ—прекрасный, когда былъ свернуть, но нигде негодный, когда его развертывали—и отправился въ путь. Онъ рискнулъ проѣхаться въ кабъ, заплатилъ кучеру *minimum* слѣдующей ему платы, спокойно выслушалъ его угрозы жаловаться въ судъ, и достигъ платформы съ билетомъ въ рукахъ какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ поѣздъ собирался двинуться съ мѣста.

«Во время захватилъ!» пробормоталъ м-ръ Ледламъ, тяжело переводя духъ послѣ торопливаго бѣга.

Онъ усѣлся въ уголокъ вагона, купилъ «*Daily Telegraph*» въ тотъ моментъ, какъ поѣздъ двинулся, и приготовился спокойно наслаждаться переѣздомъ между Лондономъ и Суиндономъ.

«Желалъ бы я знать, не мои ли объявленія вызвали эту телеграмму», раздумывалъ онъ, будучи не въ силахъ сосредоточиться на передовой статьѣ популярной газеты:—такъ его занимало необъяснимое посланіе.

Онъ повернулъ на страницу объявленій, гдѣ время отъ времени помѣщались свои краснорѣчивыя заявленія. Само собою разумѣется, что онъ былъ слишкомъ ловкій человекъ, чтобы высказывать свои желанія подъ прямымъ и грубымъ объявленіемъ: «Требуется и пр.» Онъ рекомендовалъ себя общественному вниманію какъ благодѣтеля своего рода... какъ человека, который изъ чистой сострадательности готовъ облегчать людямъ бремя ихъ страданій.

«Къ друзьямъ душевно-скорбачихъ. Строгая тайна, безопасность и домашній комфортъ. Все это можетъ доставить семья опытнаго врача, живущаго въ уединенной и сельской мѣстности, въ Гертфордширѣ. Объ условіяхъ освѣдомиться письменно: X, У, Іегеръ-Стритъ, почтовая контора Блумсбери».

Еслибы телеграмма была результатомъ этого объявленія, то ее естественно прислали бы въ почтовую контору, хотя врядъ ли бы нашелся такой чудакъ, чтобы телеграфировать въ почтовую контору.

«Нѣтъ», рѣшилъ м-ръ Ледламъ: «объявленія тутъ не при чемъ. Ясно, что кто-нибудь сказалъ обо мнѣ леди Перриамъ».

Въ половинѣ третьяго м-ръ Ледламъ катилъ въ закрытомъ экипажѣ вдоль длинной аллеи, которая вела къ Перриамскому замку. Онъ выбралъ закрытый экипажъ, не смотря на томительный жаръ, потому что такъ ему казалось приличнѣе. Кабъ и карета въ одинъ и тотъ же день. М-ръ Ледламъ вздрогнулъ, когда заглянулъ въ свой пустой кошелекъ и подумалъ о томъ, чего эта экспедиція ему уже стоила. Ну, вдругъ телеграмма окажется утвой?

Величіе длинной аллеи, обширный паркъ, домъ, похожій на дворець, привели Жозефа Ледлама въ трепеть. Казалось почти невозможнымъ, чтобы обитатели этихъ палатъ послали за нимъ, когда Лондонъ полонъ знаменитыхъ докторовъ.

«Это какая-нибудь злодѣйская ошибка», говорилъ онъ самому себѣ: «и я только даромъ потратилъ деньги. Но нѣтъ, если они ошиблись, приславъ за мной, я заставлю ихъ заплатить за мои путевыя издержки».

Онъ былъ уже у дверей въ эту минуту и кучеръ позвонилъ въ громогласный колоколь.

«Теперь или никогда», подумалъ м-ръ Ледламъ, и принялъ рѣшительный видъ:—дома ли лэди Перриамъ?

— Да, сэръ.

— Пожалуйста, отнесите ей мою карточку.

— Прошу войти, сэръ: васъ ждутъ,—отвѣчалъ лакей, и м-ръ Ледламъ очутился на широчайшей лѣстницѣ, по какой ему когда-либо доводилось всходить въ частномъ домѣ, и черезъ темноватый корридоръ былъ введенъ въ комнату, свѣтъ и благоуханіе которой (казалось тутъ сливались всѣ тончайшіе ароматы дижонскихъ розъ, пармскихъ фіалокъ) почти ошеломили его.

Лэди сидѣла на широкое креслѣ, возлѣ открытаго огня, защищенная отъ солнца спущенными мареизами... лэди, показываясь ему красивѣе всѣхъ женщинъ, какихъ онъ когда-либо видѣлъ.

Она привѣтствовала его нѣсколько горделивымъ кивкомъ головы, указала на отдаленный стулъ и сразу приступила къ дѣлу.

— Я пригласила васъ, м-ръ Ледламъ, потому что мнѣ рекомендовали васъ, какъ человѣка, на скромность котораго я могу положиться.

— Это совершенно справедливо, сударыня. Могу я узнать, кто рекомендовалъ меня вамъ?

— Мнѣ пріятнѣе умолчать объ этомъ. Будьте довольны тѣмъ, что мнѣ васъ рекомендовали. Къ несчастью, у меня—въ числѣ близкихъ родственниковъ по мужу—есть душевно-больной. Я держала его дома, пока было возможно, но нашла, что не могу оставлять его больше у себя, не возбуждая толковъ сосѣдей. Поэтому мое живѣйшее желаніе доставить ему безопасное и комфортабельное убѣжище, гдѣ бы за нимъ ухаживали и заботились о томъ, чтобы онъ былъ такъ счастливъ, какъ только это возможно въ его положеніи.

— Я могу предложить вамъ такое убѣжище, лэди Перриамъ,—отвѣчалъ м-ръ Ледламъ, старательно сдерживая нетерпѣливое вол-

неніе и принимая тотъ безстрастный тонъ, который говорить о довольствѣ и независимомъ умѣ.—У меня пріятный сельскій домъ, близъ Гатфильда, куда я принимаю ограниченное число пациентовъ, строго ограниченное, потому что, когда ихъ здоровье дозволяетъ, они проводятъ время въ кругу моего семейства, какъ близкія и родныя лица. Въ другое время, когда состояніе болѣзни ихъ болѣе острое, они, конечно, остаются въ своихъ собственныхъ покояхъ. Мой домъ не великъ, онъ не блеститъ роскошью, но комфортъ доведенъ въ немъ до совершенства и мы живемъ чисто сельской жизнью. Я старался олицетворить это въ названіи нашего убѣжища: «Бесѣдка», прозвище, вызывающее пріятныя картины въ умѣ.

— Сколько у васъ пациентовъ въ настоящее время? — спросила лэди Перриамъ.

— Въ настоящее время только одинъ... юноша прекрасной фамиліи, но слабый разсудкомъ. Онъ для насъ все-равно что родной сынъ и ходитъ за дѣтьми точно любимая собачка.

Это было справедливо въ буквальномъ смыслѣ: юношу, о которомъ шла рѣчь, заставляли возить телѣжку, гдѣ возсѣдалъ юнѣйшій отпрыскъ фамиліи Ледламовъ.

— Могу я видѣть м-ра... нашего пациента, лэди Перриамъ, — спросилъ докторъ смѣло.

— Сейчасъ; онъ былъ очень беспокоенъ въ послѣднее время, и хотя я очень бы желала оставить его здѣсь, гдѣ за нимъ ухаживаетъ отличная сидѣлка, — но начинаю думать, что это опасно.

— Сударыня, повѣрьте мнѣ, это всегда опасно; какъ бы хороша ни была ваша сидѣлка, какъ бы ни были прекрасны ваши распоряженія, нельзя разсчитывать на безопасность. Только подъ надзоромъ опытныхъ глазъ врача возможна эта безопасность. Безуміе въ высшей степени вещь предательская и невѣрная. Бѣда можетъ случиться каждую минуту. Я говорю не изъ личныхъ интересовъ; повѣрьте, что я выше корыстолюбивыхъ разсчетовъ.

Лэди Перриамъ не удостоила вниманія похвальное слово своему безкорыстію, которымъ угостилъ ее м-ръ Ледламъ. Она зорко глядѣла на него своими темными, великолѣпными глазами, блескъ которыхъ не могла затмить забота. Онъ казался человѣкомъ, готовымъ на все изъ-за денегъ... голоднымъ на видъ человѣкомъ, съ тонкими губами, собачьими зубами, провалившимися щеками и большими сѣрыми глазами; человѣкомъ, котораго судьба не баловала, одѣтымъ въ сильно поношенное платье; че-

ловѣкомъ, который будетъ покорнымъ орудіемъ, но опаснымъ союзникомъ.

«Впрочемъ, весь вопросъ тутъ въ деньгахъ», размышляла леди Перриамъ: «если я щедро заплачу ему, онъ врядъ ли выдастъ меня... даже еслибы судьба моя находилась въ его рукахъ. Онъ можетъ оказаться нахальнымъ и требовательнымъ, но это худшій конецъ. Я окружена опасностями и должна идти на этотъ рискъ».

— Позвольте мнѣ освѣдомиться: пациентъ только родственникъ вашъ, или также и зависимый отъ васъ человекъ,—спросилъ м-ръ Ледламъ, смущаясь нѣсколько подъ пристальнымъ взглядомъ этихъ зоркихъ глазъ.

— И то и другое..., родственникъ по мужу, и я отчасти содержу его на свои средства. Позвольте узнать ваши условія относительно содержанія и медицинской помощи для больного?

— Съ экипажемъ?—освѣдомился м-ръ Ледламъ.

— Развѣ вы держите экипажъ?

— Жена моя держитъ понн и фаэтонъ, который предоставляетъ въ услугамъ тѣхъ пациентовъ, друзья которыхъ желаютъ доставить имъ это развлеченіе. Конечно, это—экстренный расходъ и увеличиваетъ на тридцать фунтовъ плату за квартиру, столъ и медицинскую помощь.

— Я бы желала, чтобы мой деверъ пользовался всѣми удобствами. Будьте такъ добры сказать вашъ *maximum* платы.

— Плата за первокласснаго пациента составляетъ двѣсти пятьдесятъ фунтовъ въ годъ,—отвѣтилъ м-ръ Ледламъ, изнывая попеременно отъ страха и надежды.

— Если я соглашусь довѣрить своего девера вашимъ попеченіямъ, то дамъ вамъ триста фунтовъ въ годъ на его содержаніе. Но помните, что я желаю, чтобы онъ пользовался всѣми удобствами и былъ такъ счастливъ, какъ только дозволяетъ его несчастное положеніе.

— Сударыня, вы можете положиться на мою добросовѣстность.

— Я отнюдь не положусь на одни слова. Я читала ужасныя вещи о частныхъ пріютахъ для душевно-скорбящихъ. Я лично освидѣтельствую, хорошо ли живетъ вашимъ пациентамъ.

— Я не боюсь ревизіи друзей моихъ пациентовъ, сударыня. Коммиссары посѣщаютъ насъ періодически.

М-ръ Ледламъ говорилъ съ полной увѣренностью. Друзья его пациентовъ неизмѣнно общали часто навѣщать этихъ страдальцевъ, и такъ же неизмѣнно воздерживались отъ выполнения сво-

ихъ обѣщаній. Лэди Перриамъ казалась ему не такой особой, которая бы стала безпокоиться изъ-за помѣшаннаго девера.

ГЛАВА ЛШ.

Скрытень, какъ могла.

— Значитъ мы сошлись въ условіяхъ?—спросила лэди Перриамъ.

— Вполнѣ, сударыня, отвѣчала м-ръ Ледламъ.—Ваши предложенія очень щедры.

— Слѣдовательно, намъ остается только условиться въ подробностяхъ. Предположимъ, что я рѣшусь довѣрить своего девера вашимъ попеченіямъ; вѣдь предстоитъ еще совершить нѣкоторыя законныя формальности.

— Несомнѣнно. Пациента должны освидѣтельствовать два доктора и выдать свидѣтельство въ помѣшательствѣ.

— Такъ и я думала. Но я вовсе не желаю приглашать второго доктора къ себѣ въ домъ. Если вы рѣшите, что этотъ бѣдный м-ръ Перриамъ не въ своемъ умѣ, вы отвезете его въ Лондонъ подъ присмотромъ его сидѣлки, и второй докторъ можетъ освидѣтельствовать въ отелѣ, въ которомъ вы остановитесь по приѣздѣ.

— Разумѣется, лэди Перриамъ, это можно устроить.

Чего нельзя было сдѣлать для барыни, готовившейся доставить Жозефу Ледламу триста фунтовъ въ годъ дохода? Онъ двадцать добрыхъ лѣтъ боролся съ нуждой и долгами, и никогда еще не пользовался такимъ большимъ доходомъ.

— Пусть будетъ такъ. Если вы по совѣсти рѣшите, что м-ръ Перриамъ сумасшедшій, вы увезете его съ собой въ Лондонъ съ ночнымъ поѣздомъ, отходящимъ изъ Монегемптона въ половинѣ десятаго. Въ это время уже бываетъ темно и вамъ можно будетъ проѣхать незамѣченными.

— Положитесь на меня, лэди Перриамъ. Съ пациентомъ не случится никакого скандала, никакой неприятности. Все будетъ сдѣлано тихо и приятно; въ особенности если сидѣлка ловкая женщина.

— Она хорошая сидѣлка, но робка. Вамъ придется обращаться съ ней энергично. Она можетъ остаться у васъ недѣлю или двѣ, пока вашъ паціентъ не привыкнетъ къ своему новому

дому. Она даже и совсѣмъ можетъ остаться у васъ, еслибы это понадобилось.

— Я не боюсь этого,—последнѣе отвѣчалъ м-ръ Ледламъ.— Успокоительное и умиротворяющее вліяніе семейнаго кружка, подкрѣпляемое медицинскими пособіями, будетъ, надѣюсь, вполне благотворно. Я не общаю выздоровленія... опытъ заставляетъ меня думать, что большинство случаевъ умственнаго разстройства неизлечимо. Мозгъ, разъ тронутый, рѣдко приходитъ въ нормальное состояніе,—продолжалъ м-ръ Ледламъ торжественно, имѣя въ виду упрочить за собой доходъ въ триста фунтовъ.

— Я не ожидаю выздоровленія въ настоящемъ случаѣ,—замѣтила лэди Перриамъ.—У больного есть опредѣленная и упорная *idée fixe*, которую, боюсь, не искоренить никакое леченіе. Во всякомъ случаѣ вы увидите своего паціента и сами убѣдитесь въ его состояніи.

Она позвонила, и черезъ пять минутъ на звонъ явилась миссисъ Картеръ. Ей надо было придти изъ покоевъ Мордредъ, расположенныхъ на противоположномъ концѣ дома.

Блѣдное, серьезное лицо сидѣлки выражало мучительную тревогу, когда она перевела глаза съ лэди Перриамъ на незнакомца. Но фizioномія ея не выражала удивленія. Очевидно, что она приготовилась къ этому свиданію.

— Каковъ вашъ паціентъ сегодня?—спросила лэди Перриамъ.

— Почти таковъ же, какъ и всегда, милэди.

— Фантазируетъ, по обыкновенію, полагаю. Этотъ джентльменъ пріѣхалъ поглядѣть на него. Проведите его въ комнату м-ра Перриама.

— Угодно вамъ идти съ нами, сударыня? освѣдомился м-ръ Ледламъ.

— Нѣтъ. Я желаю, чтобы вы составили себѣ совсѣмъ безпристрастное сужденіе,—возразила Сильвія.—Мое присутствіе можетъ взволновать моего бѣднаго девера. Онъ привыкъ въ миссисъ Картеръ, и въ ея присутствіи вы увидите его въ наилучшемъ свѣтѣ.

М-ръ Ледламъ поклонился и вышелъ за сидѣлкой изъ комнаты, прошелъ вдоль корридора на другой конецъ дома и вошелъ въ большую плохо-меблированную гостиную, уставленную сверху до низу книгами въ грязныхъ переплетахъ, гдѣ послѣдній изъ двухъ братьевъ проводилъ свои безрадостные дни.

Онъ казался очень дряхлымъ человѣкомъ, сидя у потухшаго камина, полу-схороненный въ просторномъ креслѣ; его худая фигура облечена была въ халатъ изъ полинялаго индійскаго каше-

мира, голова опущена на грудь, руки бессильно висѣли по бокамъ. Онъ казался воплощеніемъ идиотизма или отчаянія.

Лэди Перриамъ безпокойно ходила по комнатѣ во время отсутствія доктора, останавливаясь по временамъ передъ каминомъ, чтобы взглянуть на часы, иногда же передъ открытымъ окномъ; но взоръ ея, устремленный въ даль, не видѣлъ красоты лѣтняго ландшафта. Она глядѣла на аллею тревожнымъ взглядомъ, трепеща, какъ бы не показался между двумя рядами деревьевъ щегольской кабриолетъ м-ра Бэна. Онъ былъ въ Плэсѣ всего вчера и ему не было резона прѣзжать сегодня, кромѣ того, что таковой прѣздъ былъ бы рововымъ событіемъ.

Отсутствіе м-ра Ледлама продолжалось, повидимому, долѣе, чѣмъ нужно. Она безпрестанно поглядывала на дверь, съ нетерпѣніемъ ожидая его возвращенія.

«Теперь рѣшается моя судьба», подумала она. «Если все обойдется благополучно, будущее мое обезпечено».

М-ръ Ледламъ вернулся и подошелъ къ ней съ серьезнымъ и сострадательнымъ лицомъ.

— Увы! сударыня, ваши опасенія слишкомъ основательны, — началъ онъ:—это разстройство неизлечимое. Вашъ несчастный деверь не можетъ быть оставленъ безъ медицинскаго присмотра. У него укоренившееся заблужденіе... странная фантазія, которая любопытна въ своемъ родѣ и крайне интересна съ научной точки зрѣнія...

— Не вдавайтесь въ подробности, — перебила лэди Перриамъ, предметъ слишкомъ тягостенъ. — Признаете ли вы, что мой деверь не въ своемъ умѣ?

— Признаю, и безъ малѣйшаго колебанія.

— И вы полагаете, что и всякій другой докторъ придетъ къ тому же заключенію?

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— Въ такомъ случаѣ, чѣмъ скорѣе его увезутъ отсюда, тѣмъ лучше. Я велѣла миссисъ Картеръ приготовить все, что нужно для немедленнаго отъезда, въ случаѣ если вы рѣшите такъ, какъ вы рѣшили. Моя карета отвезетъ васъ, вашего пациента и сидѣлку на станцію желѣзной дороги. А теперь, м-ръ Ледламъ, остается рѣшить еще одинъ вопросъ. Могу ли я рассчитывать на вашу скромность... на то, что вы сохраните въ тайнѣ печальное состояніе ума м-ра Перриама... и пунеть его помѣшательства отъ всѣхъ рѣшительно, кромѣ тѣхъ лицъ, которыя ухаживаютъ за нимъ?

— Да, лэди Перриамъ, положитесь на меня.

— Помните, что если вы нарушите данное мнѣ слово, хотя бы въ бездѣлицѣ, я немедленно возьму отъ васъ пациента.

— Я не боюсь такого исхода, — отвѣчалъ м-ръ Ледламъ твердо.

Неужели же онъ рискнетъ потерять триста фунтовъ ежегоднаго дохода черезъ глупую болтовню?

«Я скорѣе отрѣжу языкъ у миссисъ Ледламъ, чѣмъ рискну потерять такого пациента», сказалъ онъ самому себѣ.

— И вы увидите въ Лондонѣ, не видясь ни съ кѣмъ изъ вашихъ знакомыхъ въ Монегемптонѣ; вы будете избѣгать и на будущее время всякихъ сношеній съ здѣшнимъ околотовомъ, наставляла лэди Перриамъ?

— Разумѣется, сударыня. Я не вожу знакомства съ Монегемптонскими обывателями. Въ этой мѣстности мнѣ не посчастливилось, и хотя я здѣшній уроженецъ, но не люблю ее. Я иногда встрѣчался съ м-ромъ Бэномъ, страпчимъ, въ Лондонѣ и провелъ съ нимъ однажды пріятный вечеръ; но онъ единственный житель Монегемптона, съ которымъ я знакомъ.

— Лучше избѣгать м-ра Бэна на будущее время. Онъ мой агентъ и онъ рекомендовалъ васъ мнѣ. Я скажу ему, что м-ръ Перриамъ порученъ вашимъ заботамъ, но я рѣшительно запрещаю вамъ показывать ему вашего пациента, въ случаѣ, еслибы онъ пріѣхалъ къ вамъ съ этой цѣлью. Повойный мужъ предоставилъ ему слишкомъ много власти и онъ слишкомъ любитъ вмѣшиваться въ мои дѣла. Если вы съ нимъ когда-нибудь встрѣтитесь, то будьте съ нимъ какъ можно сдержаннѣе.

— Сударыня, я буду нѣмъ. И употреблю всѣ усилія, чтобы избѣжать Шадрака Бэна.

Лэди Перриамъ позвонила и приказала подать какъ можно скорѣе обѣдать м-ру Ледламу. Ей хотѣлось поскорѣе выпроводить его. Но теперь не было еще пяти часовъ и она не могла отправить его съ пациентомъ на станцію раньше семи. Поѣздъ отходилъ въ половинѣ девятаго и приходилъ въ Лондонъ въ часть утра.

Карету велѣно было подать въ семь, чтобы отвезти м-ра Перриама съ его сидѣлкой на станцію.

— Ему необходимо перемѣнить воздухъ и обстановку, — сообщила лэди Перриамъ буфетчику, отдавая ему это приказаніе: — онъ будетъ находиться подъ надзоромъ врача.

— Бѣдный старый джентльмень, кажется, очень въ немъ нуждается, — замѣтилъ буфетчикъ, который мало видѣлъ Мордредъ со времени смерти баронета, но получилъ печальное понятіе о его

состояніи изъ разговоровъ служанокъ, которыя въ свою очередь заимствовали свои свѣдѣнія отъ миссисъ Картеръ.

Въ семь часовъ м-ра Перриамъ свели внизъ и онъ представлялъ странную фигуру въ своемъ плохо сшитомъ, поношенномъ платьѣ, слишкомъ широкомъ для его тощей особы, — эксцентрическую фигуру, увѣчанную широкополой бѣлой войлочной шляпой, почти скрывавшей его лицо. Его вели или, лучше сказать, тащили докторъ и сидѣлка, и онъ, повидимому, былъ такъ слабъ, что съ трудомъ спустился съ лѣстницы и дошелъ до кареты даже съ этой двойной поддержкой. Сильвія наблюдала за его отъѣздомъ изъ открытой галлерей, наблюдала съ сильно-бьющимся сердцемъ. Карета покатилась по песку, тяжелая дверь захлопнулась съ громкимъ стономъ. Онъ уѣхалъ.

«Благополучно ли обойдется все на станціи»? думала она. «Еслибы они только добрались до Лондона, то я чувствовала бы себя безопасной».

Она велѣла миссисъ Картеръ телеграфировать ей какъ можно раньше на другое утро. Пока она не получитъ этой телеграммы, то ничего не будетъ знать.

Она мало спала въ эту ночь. Она не могла отвлечь свои мысли отъ путешественниковъ, и невольно придумывала различныя комбинаціи для предотвращенія возможныхъ затрудненій, могущихъ разстроить ея планы. Невыразимымъ облегченіемъ было знать, что покои Мордредъ опустѣли; однако, пока все не кончено, пока пациентъ м-ра Ледлама не водворенъ въ его домъ, гдѣ ему предстоитъ быть сокрытымъ отъ глазъ цѣлаго міра, Сильвія не могла быть спокойна. Сонъ ея былъ кратокъ въ эту ночь, а сны исполнены страшныхъ видѣній. Смерть и безуміе поочередно фигурировали въ этихъ смутныхъ видѣніяхъ.

Телеграмма пришла въ то время, какъ лэди Перриамъ сидѣла за непочатымъ завтракомъ. Она принесла успокоеніе для ея души.

Отъ миссисъ Картеръ
Изъ Паддингтона.

Къ лэди Перриамъ.
Въ Перриамъ-Плэсъ,
близъ Монкгейптона.

«Прибыли въ Лондонъ благополучно. Остановились въ гостиницѣ Джонса, въ Паддингтонѣ. Затрудненій во время дороги никакихъ не повстрѣчалось».

Вотъ и все; но этого было достаточно, чтобы успокоить тревогу лэди Перриамъ. Слѣдующая телеграмма должна была идти отъ м-ра Ледлама и извѣстить ее о результатѣ свиданія его

паціента со вторымъ докторомъ, мнѣніе котораго должно было рѣшить вопросъ о сумасшествіи м-ра Перриама.

Второй заботой Сильвіи было ожидаемое письмо отъ Эдмонда Стендена. Если онъ написалъ къ ней тотчасъ по отъѣздѣ, то она должна получить письмо сегодня послѣ полудня. Тѣмъ временемъ она находилась въ недоумѣніи насчетъ его намѣреній. Неужели онъ намѣревался бросить ее, послѣ того какъ увѣрялъ, что любить ее одну? Неужели онъ былъ такимъ безумнымъ, что отказывался отъ любви, богатства, счастья? Или же его отъѣздъ имѣлъ цѣлю только смягчить ударъ, наносимый Эсэири Рочдель, и облегчить для нихъ обоихъ разрывъ?

Въ этомъ свѣтѣ объясняла себѣ его поведеніе Сильвія, и съ крайнимъ нетерпѣніемъ ждала письма, долженствовавшего оправдать ея надежды.

Телеграмма отъ м-ра Ледлама пришла въ три часа полудни.

«Д-ръ Дервишъ изъ Блюнденъ-Севера видѣлъ паціента и подтвердилъ мое мнѣніе касательно его умственного расстройства. Свидѣтельство и всѣ формальности окончены. Пациентъ сопровождаетъ меня въ «Бесѣдку» сегодня послѣ полудня вмѣстѣ съ миссисъ Картеръ».

Вотъ и все. Какъ легко устроилось дѣло.

Оставалось ждать еще цѣлый часъ прибытія почты, которая приходила въ Перриамъ въ четыре часа; цѣлый длинный часъ, въ теченіи котораго сердцу приходилось изнемогать отъ страха и надежды. При этомъ Сильвія опасалась, какъ бы м-ръ Бенъ не пріѣхалъ прежде, чѣмъ она получитъ это письмо. Нельзя было рассчитывать на то, чтобы онъ на долгое время оставилъ ее въ покоѣ. Онъ вѣдь съ нетерпѣніемъ сталъ добиваться отвѣта на свое дерзкое предложеніе.

Она думала объ его сватовствѣ съ горечью и презрѣніемъ, но не безъ страха. Въ обращеніи его связывалась тайная власть надъ ней, о которой она не могла думать безъ трепета. Никогда не позабыть ей той пытки, какую она пережила на террасѣ.

«Развѣ онъ посмѣлъ бы сдѣлать мнѣ такое предложеніе, еслибы не считалъ, что имѣетъ власть надо мной?» спрашивала она себя въ раздумьи. «Но, съ другой стороны, что можетъ онъ знать или даже подозрѣвать? А теперь, если м-ръ Ледламъ будетъ вѣренъ мнѣ, то все спасено. Могила не могла бы быть лучшимъ тайникомъ для того, что я желаю скрыть».

ГЛАВА LIV.

Властительная страсть.

Утро проходило, и къ величайшему облегченію Сильвіи м-ръ Бэнъ не являлся за отвѣтомъ. Четырехъ-часовая почта принесла ожидаемое письмо отъ Эдмонда изъ Антверпена. То было длинное письмо, и когда Сильвія взглянула на него, то въ первую минуту строчки запрыгали у нея передъ глазами.

«Гостинница Питеръ-Поль, въ Антверпенѣ.

Дорогая лэди Перриамъ!

Когда я изъявилъ согласіе придти на рововое свиданіе прошлаго вечера, то сдѣлалъ это въ твердой увѣренности, что закаленъ отъ оболъщенія, нѣкогда всеильно владѣвшаго мною. Я шелъ на свиданіе съ вами, рассчитывая быть вашимъ другомъ или вашимъ совѣтникомъ, въ случаѣ, еслибы вамъ понадобились моя дружба или совѣты, но рѣшилъ, что не люблю васъ. На этомъ пунктѣ я считалъ себя твердымъ, какъ скала. Вы оскорбили меня такъ, какъ только можетъ оскорбить женщина человѣка, который ее любитъ. Вы испортили лучшіе годы моей жизни. Я могъ простить вамъ все, что я выстрадалъ... могъ вырвать изъ памяти воспоминаніе объ этихъ годахъ, но считалъ бы себя истинно-презрѣннымъ человѣкомъ, еслибы снова преклонился передъ той женщиной, которая растоптала меня... еслибы я вновь отдалъ свою любовь на поруганіе.

«Такъ думалъ и вѣрилъ я, когда смѣло рѣшился перенести обаяніе вашего присутствія, рововое очарованіе вашего голоса. Вы знаете, какимъ ничтожнымъ и слабымъ оказался я въ минуту испытанія. Я не зналъ самого себя, когда шелъ на свиданіе на перриамское кладбище. Я только теперь хорошо узналъ себя и знаю, что я вашъ рабъ на-вѣки.

«А теперь, Сильвія, рѣшите мою судьбу. Я отдаю ее въ ваши руки. Я презрѣнный, обезчещенный негодяй, нарушившій слово, данное лучшей и чистѣйшей изъ женщинъ... женщиной, знать которую, значить—уважать, любовь къ которой идетъ рука объ руку съ уваженіемъ. Я спасся бѣгствомъ изъ тѣхъ мѣстъ, которыя были свидѣтелями моего позора, не смѣя вынести прощательнаго взора, умѣющаго читать въ глубинѣ моей души, тѣмъ менѣе выслушать прощеніе, которое, знаю, мнѣ изрекли бы,

еслибы даже мое безуміе и вѣроломство разбили это вѣрное сердце. Я спасся бѣгствомъ, предоставляя Эсеири Рочдель презирать меня, какъ презрѣннѣйшаго изъ людей.

«Рѣшайте, Сильвія. Отъ васъ жду я своего приговора. Быть ли мнѣ вашимъ мужемъ, счастливымъ обладателемъ той, одно присутствіе которой какъ бы волшебствомъ лишаетъ меня самообладанія и заставляетъ забывать весь міръ и помнить лишь о чудномъ блескѣ этихъ дивныхъ глазъ, о тепломъ пожатіи этой маленькой нѣжной ручки? Быть ли мнѣ вашимъ мужемъ, презираемымъ міромъ за то, что женился на дѣвушкѣ, измѣнившей ему, и даже воспользовался измѣной, сдѣлавшей ее богатой женщиной... презираемымъ, какъ искатель богатыхъ невѣстъ, но счастливымъ вашей любовью? Чтѣ ждетъ меня въ жизни? Это предстоитъ рѣшить вамъ, Сильвія. Помните, что если вы выйдете за меня замужъ, то выйдете за нищаго или за человѣка, который въ крайнемъ случаѣ можетъ заработать въ годъ четыреста, пятьсотъ фунтовъ. Съ вашей красотой, молодостью и богатствомъ вы можете составить болѣе блестящую партію. Вы можете выдти замужъ за человѣка, стоящаго гораздо выше по своему общественному положенію, чѣмъ сэръ Обри Перриамъ; перская корона можетъ осѣнить вашу прелестную головку. Подумайте объ этомъ, Сильвія. Вы уже разъ обманули меня; ради простого человѣколюбія не обманите снова. Если вы любите меня настолько, чтобы пожертвовать своимъ честолюбіемъ и перенести людскіе удары... потому что такой бракъ навлечетъ на васъ осужденіе свѣта... то я у вашихъ ногъ и не желаю высшаго счастья, какъ быть вашимъ мужемъ. Но хорошенько увѣрьтесь въ самой себѣ, прежде чѣмъ отвѣчать на это письмо. И если слово *да* будетъ произнесено, то пускай оно будетъ такимъ твердымъ, чтобы устоять, хотя бы небо и земля соединились противъ насъ.

Вашъ на всю жизнь,

Эдмондъ Стенденъ».

Сильвія покрыла это письмо страстными поцѣлуями, поцѣлуями, смѣшанными со слезами.

«Если я люблю его!» повторяла она: «если я люблю его! Боже мой! еслибы онъ зналъ, на чтѣ я рѣшилась, чтобы назвать его снова моимъ, то не говорилъ бы никакихъ *если!* Мой Эдмондъ, мой милый, мой, мой, наконецъ! Чтѣ значить все, чтѣ я выстрадала, сравнительно съ тѣмъ счастьемъ, какое я испытываю въ настоящую минуту! Мой Эдмондъ! Онъ бѣденъ, но я богата. Я могу дать ему счастье, богатство, величіе. Кто осмѣ-

лится презирать его или меня? Теперь-то, теперь, наконецъ, узнаю я, что значитъ счастье. Теперь-то узнаю я цѣну богатству».

Она читала и перечитывала письмо. Въ настоящую минуту письмо олицетворяло собой Эдмонда. Она цѣловала безжизненную бумагу... она насквозь омочила ее слезами.

Письмо не совсѣмъ погладило ее по головѣ. Одно мѣсто крѣпко задѣвало ее... то мѣсто, гдѣ Эдмондъ превозносилъ благородную натуру Эсеири Рочдель... читать это было горько.

«Онъ считаетъ ее гораздо выше меня... во всемъ письмѣ нѣтъ ни одного слова, которое бы говорило объ уваженіи... о довѣрїи ко мнѣ...», разсуждала она, размышляя о похвалахъ Эсеири.

«Но онъ больше меня любитъ; онъ пытался полюбить ее, но напрасно. Онъ любитъ меня, помимо собственной воли. Это самая цѣнная любовь въ мірѣ... настоящая властительная страсть».

Лэди Перриамъ позвонила.

— Уложите пару чемодановъ со всѣмъ необходимымъ для четырехнедѣльнаго отсутствія,—сказала она явившейся на звонъ горничной, и приготовьтесь ѣхать со мной съ девятичасовымъ поѣздомъ.—Я ѣду разсѣяться.

Горничная съ изумленіемъ выслушала это приказаніе, но лэди Перриамъ не была сообщительной госпожей и отдавала свои приказанія съ холодной повелительностью, устранявшей возможность какихъ-нибудь вопросовъ.

— Пойдите, Селина,—остановила она горничную, собирающуюся удалиться.

Она молча размышляла съ минуту или двѣ, глядя въ полъ съ нахмуреннымъ лбомъ.

— Позовите ко мнѣ Трингфольдъ,—проговорила она.

Она пришла къ заключенію, что благоразумнѣе будетъ взять ребенка съ собой... хотя бы даже нянька, ребенокъ и горничная были до нѣкоторой степени помѣхой въ предстоящемъ путешествіи. М-ръ Бэнъ, оскорбленный, проведенный за носъ, попытается, конечно, отомстить, и оставить ребенка въ его власти, значило бы оставить его въ берлогѣ льва. Ребенокъ былъ ея якоремъ спасенія; онъ давалъ ей домъ, доходъ, положеніе въ свѣтѣ. У ней были весьма смутныя понятія о власти надъ ней министерства юстиціи, но она считала возможнымъ, что м-ръ Бэнъ, завладѣвъ ребенкомъ и съ помощью министерства юстиціи, выживетъ ее изъ Перриамъ-Плэса, разлучитъ съ сыномъ и лишитъ щедрого дохода, отпускаемаго ей министерствомъ.

Она ѣхала прямо въ Антверпенъ и надѣялась вернуться въ Перриамъ женой Эдмонда Стендена.

Со времени кончины сэра Обри прошло немного болѣе шести мѣсяцевъ. Сильвія знала, что выдти скоро замужъ послѣ его смерти, значило навлечь на себя презрѣніе свѣта, но она шла на это. Она готова была перенести порицанія, насмѣшки, даже скорѣе, чѣмъ дать Эдмонду время переимѣнить мысли, раскаяться и вернуться въ Эсэири Рочдель.

Миссисъ Трингфольдъ явилась на зовъ, и не будучи столь хорошо вышколена, какъ горничная милэди, не преминула выразить неудержимое удивленіе насчетъ такого внезапнаго отъѣзда. Развѣ она успѣетъ приготовить платьица Сентъ-Джона въ такое короткое время? Ихъ набралось съ дюжину въ прачешной и ихъ нужно еще накрахмалить и выгладить, а на это потребуется два дня.

— Онъ можетъ ѣхать безъ нихъ, если нужно, — отвѣчала Сильвія рѣшительно.

Она не намѣревалась терпѣть сопротивленія отъ прислуги.

— Мы можемъ закупить ему новыхъ въ Лондонѣ. Докторъ, пріѣзжавшій сюда вчера, сказалъ мнѣ, что для моего здоровья необходима перемѣна климата и обстановки, и чѣмъ скорѣе я уѣду, тѣмъ лучше.

— Еслибы вы только сказали мнѣ объ этомъ вчера вечеромъ, милэди.

— Я была слишкомъ взволнована отъѣздомъ бѣднаго м-ра Перриама, чтобы думать о самой себѣ. Я только теперь собралась съ духомъ и не желаю терять времени. Мнѣ нужна перемѣна воздуха.

— Вамъ давно уже какъ будто не по себѣ, милэди. Но это вполне естественно послѣ вашей тяжелой потери.

— Разумѣется. Слушайте, миссисъ Трингфольдъ: не тратьте времени на разговоры. Если вы не успѣете снарядить *baby*, то Селина поѣдетъ съ нимъ. Я рѣшила не пропускать девяти-часового поѣзда.

— Отпустить его безъ себя! Это милое, драгоценное дитя, которое дороже мнѣ своихъ собственныхъ, даромъ, что я вырастила ихъ пятерыхъ, сильныхъ и здоровыхъ, какъ извѣстно вашей милости. Я не оставлю его ни за что на свѣтѣ. Поспѣтъ будетъ очень мудро, но ужъ я какъ-нибудь постараюсь, хотя бы мнѣ пришлось съ ногъ сбиться.

— Нѣтъ никакой необходимости съ ногъ сбиваться, — отвѣчала лэди Перриамъ спокойно, хотя нетерпѣніе грызло ее. — Вамъ есть кому помочь. Домъ биткомъ набитъ прислугой, которая ничего не дѣлаетъ.

— Сундуки будутъ уложены, милэди, и я захвачу платьица

накрахмаленными, а выглажу ихъ уже сама, когда мы прїѣдемъ на мѣсто.

— Будьте готовы къ девяти часамъ. Я васъ не стану дожидаться.

Сильвіи предстояло еще одно дѣло до отъѣзда. Ей надо было написать письмо м-ру Бэну... письмо, въ которомъ ей слѣдовало по возможности смягчить разочарованіе, предстоявшее ему, и попытаться умиротворить человѣка, который могъ сдѣлать такъ много для нея и какъ врагъ, и какъ другъ.

Сочиненіе этого письма было труднѣйшимъ дѣломъ, какое когда-либо доводилось выполнять Сильвіи Перриамъ, и заняло довольно времени. Послѣ трехъ или четырехъ неудачныхъ пробъ, она написала слѣдующее:

«Любезный м-ръ Бэнъ,

Я много и серьезно размышляла о предложеніи, которое я имѣла честь выслушать отъ васъ третьяго дня, и размышленія привели меня къ убѣжденію, что мнѣ слѣдуетъ отвѣтить отказомъ на ваше лестное предложеніе.

Я уважаю силу вашего характера, преклоняюсь передъ вашимъ умѣньемъ дѣлать дѣла и той умственной энергіей, которая, я не сомнѣваюсь, сдѣлаетъ васъ великимъ и славнымъ на всякой избранной вами дорогѣ: но я не могу отвѣчать вамъ той любовью, какой вы желаете, и докажу мою вѣру въ ваше великодушіе и мое довѣріе къ вашей чести, объяснивъ, почему я этого не могу.

Вамъ, конечно, извѣстно, что до замужства съ сэромъ Обри я была помолвлена за м-ра Стендена. Эта свадьба разошлась по приказанію моего отца, который, рискуя разбить мое сердце, запрещалъ мнѣ изъ гордости выходить замужъ за человѣка, мать котораго была противъ нашего брака. Я покорилась желаніямъ отца и вышла замужъ за сэра Обри, доброта котораго внушала мнѣ глубокую благодарность, котораго я уважала и почитала, но къ которому не могла питать любви, которую уже отдала Эдмонду Стендену. Сэръ Обри былъ слишкомъ великодушенъ, чтобы требовать отъ меня такой любви. Онъ сознавалъ разницу нашихъ лѣтъ и довольствовался моимъ уваженіемъ и покорностью. Старая любовь была похоронена, но не умерла. Никогда мысль объ Эдмондѣ Стенденѣ не вставала между мной и моимъ долгомъ къ мужу. Но теперь, когда я снова свободна, память о немъ проснулась въ душѣ, и я чувствую, что все еще люблю его. Съ такимъ сознаніемъ я поступила бы крайне неблагородно относи-

тельно васъ, еслибы поощряла ваши надежды. Будьте увѣрены въ моемъ уваженіи, моемъ довѣріи; останьтесь моимъ другомъ, моимъ совѣтникомъ; сохраните всю власть надъ Перриамомъ, какою вы до сихъ поръ пользовались; будьте руководителемъ юности моего сына, хранителемъ и управителемъ его богатства, и будьте увѣрены, что при всѣхъ обстоятельствахъ благодарность моя къ вамъ и уваженіе останутся неизмѣнными.

Навѣки преданная вамъ,

Сильвія Перриамъ.

Р. S. Я нашла необходимымъ нѣсколько внезапно принять рѣшительныя мѣры относительно м-ра Перриама. Я послѣдовала вашему совѣту и поручила его надзору вашего друга».

Сильвія старательно перечла письмо, прежде чѣмъ запечатать его. Оно казалось ей образцомъ искренности. Если что-нибудь могло успокоить ярость м-ра Бэна, смягчить боль разочарованнаго честолюбія, такъ это письмо. Она велѣла отдать его ему послѣ ея отъѣзда. Она все еще дрожала при мысли, что Шадракъ Бэнь могъ явиться прежде, чѣмъ она успѣетъ уѣхать.

Ей еще оставалось уложиться... захватить съ собой деньги, бумаги и свои драгоценности. Она ни слова не упоминала о своемъ отъѣздѣ изъ Перриамъ-Шлэса въ письмѣ къ м-ру Бэну. Онъ успѣетъ узнать объ этомъ отъѣздѣ, когда прійдетъ въ Перриамъ и не найдетъ ея тамъ.

Наконецъ, наступилъ девятый часъ, часъ, столь же нетерпѣливо ожидаемый, какъ и наканунѣ. Лэди Перриамъ, нянька и ребенокъ сѣли въ карету; кабриолетъ былъ нагруженъ чемоданами и дорожными мѣшками. Седина усѣлась возлѣ кучера, быстрыя колеса покатались по аллеѣ, и Сильвія пустилась въ путь въ Антверпенъ.

Путешественники остановились на ночь въ колоссальномъ отелѣ въ Паддингтонѣ, гдѣ лэди Перриамъ забылась сномъ въ одной изъ самыхъ дорогихъ спаленъ гостинницы, отдѣланной полированнымъ орѣхомъ и зеленымъ дамá.

Завтра она должна была отплыть на пароходѣ, который отходилъ въ двѣнадцать часовъ дня. Лэди Перриамъ, которую сонъ посѣщаль лишь урывками, встала рано. Она позавтракала съ своимъ мальчикомъ и нянькой и была необыкновенно любезна съ миссисъ Трингольдъ, которую сочла необходимымъ привлечь на свою сторону.

— Я еще не слыхала отъ васъ, куда мы ѣдемъ, милэди,—

спросила миссисъ Трингфольдъ, ободренная этой снисходительностью, — а между тѣмъ тяжело ѣхать, не зная, куда прїѣдешь.

— Развѣ я не сказала вамъ, Трингфольдъ? — вскричала Сильвия съ невинно-удивленнымъ взоромъ: — какъ странно, что я забыла объ этомъ. Мы ѣдемъ въ Антверпенъ, отправляясь путешествовать по Рейну.

Миссисъ Трингфольдъ, повидимому, немного узнала изъ этого отвѣта.

— Антверпенъ, — повторила она: — быть можетъ, это гдѣ-нибудь въ Шотландіи, милэди; я знаю, что у аристократіи страсть путешествовать по Шотландіи.

Лэди Перриамъ объяснила, что Антверпенъ не находится въ сѣверной Британіи. Миссисъ Трингфольдъ была благодарна за объясненіе, но выразила нѣкоторый ужасъ при мысли, что она очутится среди скучныхъ, грязныхъ французовъ.

Лэди Перриамъ съ толкомъ воспользовалась промежуткомъ между завтракомъ и половиной десятаго, когда была заказана карета, чтобы отвезти путешественниковъ на пароходную пристань. Она отправилась на центральную телеграфную станцію и отправила слѣдующую телеграмму Эдмонду Стендену, въ гостиницу Питеръ-Поль въ Антверпенъ.

«Да, тысячу разъ да. Я на пути въ Антверпенъ и лично отвѣчу на всѣ вопросы».

Сдѣлавъ это, лэди Перриамъ проѣхала на Иегеръ-Стритъ въ Баумсбѣри, гдѣ ей посчастливилось захватить м-ра Ледлама, какъ разъ въ ту минуту, какъ онъ вернулся изъ своего сельскаго уѣзда, откуда ранній поѣздъ доставилъ его въ городъ.

Этотъ джентльменъ немало удивился при видѣ своей патронессы.

— Вы собираетесь оказать намъ честь посѣщеніемъ «Бесѣдки», лэди Перриамъ? — спросилъ онъ нѣсколько тревожно.

— Нѣтъ еще, м-ръ Ледламъ. Я ѣду на континентъ нѣсколько отдохнуть и разсѣяться. По возвращеніи я съѣзжу повидаться съ вашимъ пациентомъ, и надѣюсь найти его въ такомъ положеніи, какое принесетъ честь вашему попеченіямъ. Я подумала, что такъ какъ нахожусь въ Лондонѣ, то лучше мнѣ заѣхать сюда къ вамъ и узнать изъ вашихъ устъ: все ли обстоитъ благополучно?

— Какъ нельзя лучше, — отвѣчалъ м-ръ Ледламъ сладкимъ голосомъ... — Нашъ бѣдный пациентъ бываетъ по временамъ сердитъ и капризенъ, но все же мы отлично ладимъ съ нимъ. Миссисъ Картеръ, сидѣлка, очень полезна и умѣетъ укрощать его. Онъ забралъ себѣ дикую фантазію относительно ея, и иногда...

— Любезный м-ръ Ледламъ, я просила васъ не терзать меня подробностями. Итакъ, вы нашли миссисъ Картеръ полезною для себя. Мнѣ приходитъ въ голову, что такъ какъ паціентъ любитъ ее, то пускай она ухаживаетъ за нимъ еще нѣкоторое время.

Лицо м-ра Ледлама выразило нѣкоторое смущеніе при этомъ предложеніи.

— Я, конечно, назначу вамъ сумму на ея содержаніе... скажемъ, хоть пятьдесятъ фунтовъ въ годъ.

Лицо м-ра Ледлама видимо просвѣтлѣло; затѣмъ стало задумчиво... затѣмъ окончательно просвѣтлѣло.

— Это можно устроить, лэди Перриамъ, если вы этого желаете. Немного противъ моихъ правилъ принимать прежнихъ сидѣлокъ моихъ паціентовъ. Я предпочитаю самъ выбирать сидѣлокъ. Но въ этомъ случаѣ я сдѣлаю исключеніе. Миссисъ Картеръ останется съ нами... она будетъ раздѣлять спокойное уединеніе нашего тихаго убѣжища.

— Я подумала, что вамъ будетъ приятно, м-ръ Ледламъ, получить часть денегъ впередъ.

— Это очень внимательно съ вашей стороны, лэди Перриамъ. Не скрою, что небольшая ссуда будетъ мнѣ пріятна.

Сильвія дала ему сто фунтовъ въ билетахъ, заранѣе приготовленныхъ съ этою цѣлью, и получила отъ него росписку съ чисто дѣловымъ видомъ.

Два часа спустя она стояла на палубѣ антверпенскаго парохода, глядя, какъ медленно скрывались берега Эссекса и мечтая о счастливомъ будущемъ.

Мысль о сумасшедшемъ человѣкѣ, оставленномъ ею въ его новомъ убѣжищѣ... тюрьмѣ въ сущности... сожалѣніе о матери, осужденной раздѣлять его мрачное жилище, не осѣняли, подобно мрачному и зловѣщему облаку, солнечныя мечты Сильвіи Перриамъ. Она была изъ тѣхъ женщинъ, которыя живутъ только для себя... опасенія, надежды, желанія которыхъ вертятся вокругъ своего собственнаго я.

Она спѣшила навстрѣчу своему милому и была счастлива.

ГЛАВА LV.

М-ръ Бэнъ одураченъ.

М-ръ Бэнъ сѣлъ на свою лошадь, Пеппера, стройную, широкую грудь, которую онъ держалъ для верховой ѣзды, и весело выѣхалъ изъ Монегемптона... то-есть настолько весело, насколько это возможно для молодого вдовца, на котораго обращены взоры его согражданъ... ровно черезъ часъ послѣ того, какъ лэди Перриамъ отплыла на пароходъ въ Антверпенъ.

Было ясное августовское утро и свѣжій вѣтерокъ колыхалъ вѣтвями молодыхъ деревьевъ, посаженныхъ передъ садиками миленькихъ вилъ, которыя въ послѣднее время выросли, точно гирлянда изъ кирпичей и известки, вдоль монегемптонской дороги... пріятное доказательство развивающагося благосостоянія «нашихъ разрастающихся городовъ», какъ называли ихъ монегемптонцы въ мѣстной газетѣ. М-ръ Бэнъ, довольный своимъ массивнымъ, краснымъ кирпичнымъ домомъ, въ которомъ до него жили его отецъ и дѣдъ, съ презрѣніемъ поглядывалъ на эти игрушечныя виллы... немного солиднѣе тѣхъ швейцарскихъ коттеджей, которые продаются въ игрушечныхъ магазинахъ. Обитатели этихъ вновь выстроенныхъ жилищъ принадлежали къ людямъ недавно занявшимся торговлею, выскочкамъ, молодымъ парочкамъ съ малыми дѣтьми и юными служанками... словомъ, все народъ несолидный и не имѣвшій за собою давнишней и прочно-установившейся фирмы.

Весело ѣхалъ м-ръ Бэнъ мимо картонныхъ вилъ, еще веселѣе тамъ, гдѣ дорога получила окончательно сельскій характеръ, и гдѣ порхали одни только птицы да бабочки, или же паслись жирныя, лѣнивыя коровы, или же вялыя, старыя влячи поглядывали въ ворота изгородей, и только онѣ были свидѣтелями блеска его глазъ и полу-сдерживаемой улыбки на губахъ.

Онъ ѣхалъ за отвѣтомъ къ лэди Перриамъ и говорилъ самому себѣ, что отвѣтъ будетъ благопріятный. Онъ обсудилъ вопросъ со всѣхъ сторонъ и рѣшилъ, что она не посмѣетъ отказать ему, хотя предложеніе его для нея неожиданно и даже по всей вѣроятности непріятно.

Допустимъ, что сердце ея принадлежитъ ея первому жениху, Эдмонду Стендену. Она побѣдитъ эту фантазію, какъ уже побѣдила ее однажды, когда вышла замужъ за сэра Обри Перриама. Допустимъ, что сердце ея никогда не будетъ принадлежать м-ру

Бэну, точно такъ, какъ не принадлежало и сэру Обри. Шадракъ Бэнь обойдется безъ ея сердца.

«Я никогда особенно не гонялся за сердцами», говорилъ управляющій самому себѣ, «но желаю обладать этими землями, землями, которыя тщательно обрабатывались отцомъ и мною... землями, выгодно прибрѣтенными и столь заботливо улучшаемыми, что онѣ приносятъ четыре съ половиной процента. Я хочу быть господиномъ тамъ, гдѣ былъ слугой. Хочу покончить съ конторой и передать ее сыну и главному клерку и умыть руки въ монгемптонскихъ кляузахъ. Я желаю жить на собственной землѣ, желаю, чтобы за обѣдомъ моимъ сидѣла хорошенькая жена, желаю охотиться съ собаками три раза въ недѣлю, и желаю, чтобы меня звали свяйромъ, а не стряпчимъ».

Эти желанія были крайней гранью честолюбія м-ра Бэна, и онъ воображалъ себя на порогѣ своего рая. Онъ былъ убѣжденъ, что лэди Перриамъ не посмѣетъ ему въ чемъ-нибудь отказать.

«Во-первыхъ—и въ этомъ главная пружина моей машины,—съ смертью сэра Обри связана какая-то тайна. Какая—я не знаю и не желаю знать. Лучше вовсе не знать о ней. Моя власть остается неизмѣнной до тѣхъ поръ, пока она вѣритъ, что я ее знаю. Во-вторыхъ, бѣдный, старый, полоумный Мордредъ Перриамъ знаетъ нѣчто объ ея тайнѣ, и вотъ почему она держитъ его взаперти и охотно упрятала бы въ сумасшедшій домъ, еслибы могла это сдѣлать безопасно. Въ-третьихъ, эта миссисъ Картеръ, которая должно быть какая-нибудь бѣдная родственница лэди Перриамъ, до нѣкоторой степени посвящена въ эту тайну. Попытавъ старика или его сидѣлку, я могъ бы, полагаю, вывѣдать тайну, еслибы захотѣлъ. Но въ этомъ не предвидится надобности. Лицо лэди Перриамъ достаточно выдаю ее въ тотъ разъ. Какова бы то ни была ея тайна, она думаетъ, что я о ней знаю, и боится меня какъ огня, такъ боится, что выйдетъ за меня замужъ и будетъ мнѣ покорна во всю остальную жизнь если не изъ любви, то изъ страха».

Такъ размышлялъ Шадракъ Бэнь, направляясь къ Перриамъ-Плэсу. Привратница широко раскрыла передъ нимъ ворота и отпустила низайшій поклонъ, когда онъ подъѣхалъ къ аллеѣ, ведшей къ дому. Всѣ слуги въ Перриамъ-Плэсѣ сознавали, что м-ръ Бэнь болѣе или менѣе надъ ними господинъ. Онъ взялъ на себя обязанности управляющаго домою со времени болѣзни сэра Обри, и удержалъ эти обязанности по смерти сэра Обри. Онъ уплачивалъ жалованье слугамъ, и они думали, что онъ властенъ отказать имъ отъ мѣста по своей охотѣ.

Какъ ни былъ м-ръ Бэнъ погруженъ въ свои планы, но замѣтилъ низкій поклонъ привратницы и ощутилъ сладость власти.

«Славная синекура досталась этой женщинѣ», сказалъ онъ самому себѣ: «ей нечего дѣлать, какъ только присматривать за своими ребятишками, да разъ десять въ день отворить и затворить ворота. Вотъ одно изъ золъ, тяготѣющихъ надъ большими помѣстьями: въ нихъ всегда больше кошекъ, чѣмъ мышей».

Перриамъ-Плэсъ казался особенно величественнымъ при яркомъ утреннемъ освѣщеніи; цвѣтники въ итальянскомъ саду пестрѣли цвѣтами, статуи и мраморная балюстрада на террасахъ сверкали на солнцѣ.

«Красивъ старый домъ», подумалъ м-ръ Бэнъ: «въ немъ нѣтъ ничего картоннаго. Пріятно жить въ такомъ домѣ, хотя бы только въ качествѣ арендатора».

Входная дверь была широко раскрыта, но лакея, пребывавшаго обыкновенно въ передней, не было сегодня видно. М-ру Бэну пришлось позвонить, чтобы кто-нибудь пришелъ и подержалъ его лошадь. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ, въ теченіе которыхъ м-ръ Бэнъ успѣлъ позвонить вторично, появился упитанный слуга, съ видомъ виноватаго.

— Что вы, всё оглохли?—спросилъ м-ръ Бэнъ съ суровымъ упрекомъ.—Возьмите мою лошадь и прикажите Моррису разсѣлать ее. Я не поѣду отсюда раньше часа или двухъ. Докладывать обо мнѣ не нужно: я знаю дорогу въ будуаръ лэди Перриамъ.

М-ръ Бэнъ оттолкнулъ онѣмѣвшаго отъ удивленія слугу, и взвошелъ по лѣстницѣ. Онъ не далъ времени лакею отвѣтить ему, и тотъ не могъ также послѣдовать за м-ромъ Бэномъ и извѣстить его о случившемся, потому что м-ръ Бэнъ кинулъ ему поводья своей лошади, а лакей не зналъ, съ каковаго рода животнымъ имѣеть дѣло: не вздумаетъ ли оно пуститься вскачь по итальянскому саду и разбить двѣ или три статуи, если его выпустить на волю.

Такимъ образомъ м-ръ Бэнъ взвошелъ по лѣстницѣ нетерпѣливыми шагами влюбленнаго и прошелъ прямо въ уборную лэди Перриамъ, которую нашелъ пустою.

Въ корридорахъ царствовало глубокое безмолвіе: не слышно было голоса юнаго Сентъ-Джона, ни его плача, ни его смѣха. М-ръ Бэнъ прошелъ въ дѣтскую, большую, свѣтлую комнату, расположенную недалеко отъ покоевъ лэди Перриамъ. Дѣтская

была тоже пуста и, кромѣ того, все въ ней было прибрано, какъ будто въ нежилой комнатѣ.

М-ръ Бэнь поглядѣлъ кругомъ оторопѣлымъ взглядомъ и затѣмъ сильно дернулъ за колокольчикъ.

На звонъ явилась главная служанка, особа съ кислымъ лицомъ, привыкшая прислуживать лэди Перриамъ до смерти сэра Обри, особа, которую смѣнила послѣ этого событія Селина, горничная, французженка.

— Боже милостивый, сэръ, какъ вы напугали меня, — воскликнула служанка, — позвонивъ въ этотъ колокольчикъ. Я подумала, что это домовые шалать, такъ какъ миссисъ Трингфольдъ уѣхала, и я знала, что въ комнатѣ никто не живетъ.

— Миссисъ Трингфольдъ уѣхала! Чтѣ вы хотите сказать этимъ, женщина!

— Извините, м-ръ Бэнь, меня зовутъ Бетси Дейкъ, и я была бы вамъ благодарна, еслибы вы звали меня по имени. Я понимаю, что вы поражены, но не люблю, чтобы ко мнѣ предлагали такую «эпитафію».

«Эпитафія» была родовое названіе «женщина», которымъ м-ръ Бэнь нѣсколько грубо швырнулъ въ лицо старой дѣвѣ.

— Вы хотите сказать, что миссисъ Трингфольдъ уѣхала, оставила Перриамъ-Плэсъ?—спросилъ онъ, не обращая вниманія на упрекъ.

— Да, сэръ, уѣхала вчера въ Лондонъ съ вечернимъ поѣздомъ.

— Но кто же нянчить сэра Сентъ-Джона?

— Сэръ Сентъ-Джонъ тоже уѣхалъ, сэръ, вчера вечеромъ въ Лондонъ съ вечернимъ поѣздомъ.

— Зачѣмъ они уѣхали, куда, кто отправилъ ихъ?—спросилъ управляющій, задыхаясь отъ гнѣвнаго волненія.

— Этого никто не знаетъ, кромѣ лэди Перриамъ. Она все это устроила и уѣхала съ ними.

— Лэди Перриамъ уѣхала въ Лондонъ, неправда-ли?—проговорилъ м-ръ Бэнь, медленно приходя въ себя. Она уѣхала рассвѣтаться, должно быть, какъ я ей совѣтовалъ это давно уже. Она уѣхала, наконецъ, и немного внезапно, по дамской привычкѣ. Ничего нѣтъ труднѣе, какъ убѣдить въ чемъ-нибудь женщину, но разъ она заберетъ что-либо себѣ въ голову, то дѣйствуетъ второпяхъ. Сообщила ли лэди Перриамъ кому-нибудь... экономеѣ, напримѣръ, куда она уѣзжаетъ и на долго ли?

— Лэди Перриамъ никому не сообщала объ этомъ, сэръ. Она всегда была молчалива насчетъ этихъ вещей, а тутъ стала

молчаливѣе чѣмъ когда-либо. Миссисъ Трингфольдъ и это безцѣнное дитя были захвачены совсѣмъ врасплохъ. Имъ не дали даже времени улечься. Можно было бы подумать, что лэди Перриамъ спасается отъ какой-то опасности.

— Поспѣшный отъѣздъ, нѣтъ сомнѣнія, — проговорилъ м-ръ Бэнъ, не вполне осиливъ свое волненіе; — но полагаю, что послѣ такого послѣднаго отъѣзда лэди Перриамъ не долго будетъ находиться въ отсутствіи. А теперь я пойду и потолкую съ миссисъ Картеръ. Мнѣ нужно переговорить съ ней о дѣлѣ.

— Вы желаете переговорить съ миссисъ Картеръ, сэръ. Развѣ вамъ неизвѣстно, что она уѣхала изъ Плэса?

— Миссисъ Картеръ! Какъ, и она также?

— Да, сэръ. Она уѣхала съ м-ромъ Перриамомъ и незнакомымъ джентльменомъ третьяго дня.

М-ръ Бэнъ подробно разспросилъ горничную и услышалъ исторію отъѣзда Мордредъ, насколько сумѣла ее передать Бетси Дейкъ. Какъ незнакомый господинъ, съ виду похожій на священника или на доктора, пріѣзжалъ въ Плэсъ третьяго дня; какъ онъ и лэди Перриамъ сидѣли взаперти больше часу, и какъ отданъ былъ приказъ запретъ карету къ семи часамъ, и какъ въ этотъ часъ м-ра Перриама свели съ лѣстницы незнакомецъ и миссисъ Картеръ, и какъ всѣ трое они уѣхали въ каретѣ, которая отвезла ихъ на монгемптонскую станцію и тамъ оставила ихъ.

«Клянусь честью! она ловко это обработала», подумалъ м-ръ Бэнъ, слушая, повидимому, безопасно длинное повѣствованіе, оснащаемое различными вводными предложеніями служанкой; «но она не такая умная женщина, какою я ее считалъ, если воображаетъ, что такъ дешево отдѣляется отъ меня. Она не можетъ на долго покинуть Перриамъ-Плэсъ, не разставшись съ пятью тысячами фунтовъ въ годъ доходу... вдовья часть, изъ-за которой она продала себя... а это она врядъ ли сдѣлаетъ».

До сихъ поръ еще м-ръ Бэнъ ничего не слыхалъ объ отъѣздѣ Эдмонда Стендена, поэтому у него не было ключа къ бѣгству лэди Перриамъ.

— Кажется, что вамъ оставлено письмо, сэръ, — сказала Бетси Дейкъ, облегчивъ душу невыгодными инсинуаціями насчетъ госпожи, пренебрегшей ея услугами. — Мнѣ припоминается, что я какъ-будто видѣла письмо на каминѣ, въ комнатѣ лэди Перриамъ, когда убирала ее сегодня утромъ.

— Вамъ припоминается! — вскричалъ агентъ. — Вамъ бы слѣдовало раньше объ этомъ вспомнить, еслибы вы были въ своемъ умѣ.

Онъ самъ пошелъ искать письма. Да! вотъ лежитъ конвертъ, написанный правильнымъ, смѣлымъ почеркомъ Сильвіи и запечатанный Перриамской гербовой печатью.

Шадракъ Бэнь разорвалъ конвертъ руками, которыя слегка дрожали, едвали не впервые въ его жизни. Онъ жадно пробѣжалъ эти старательно написанныя строчки, взглянулъ на *post-scriptum* глазами, сверкавшими гнѣвомъ, и затѣмъ съ губъ его сорвалось одно только слово, но нехорошее слово, гораздо хуже того, которымъ обидѣлась Бетси Дейкъ.

«Неужели она воображаетъ, что такъ легко отдѣляется отъ меня», проговорилъ онъ шопотомъ, «когда я знаю то, что я знаю или подозрѣваю,—что въ сущности одно и то же. Развѣ она разсчитываетъ такъ же легко справиться со мной, какъ еслибы мы были равной силы? Она признается въ своей любви къ Стендену... даже похвалится ею! Она врядъ ли бы сдѣлала это, еслибы они не сговорились, не составили уже плана будущей жизни! Она осмѣливается также говорить о сэрѣ Обри, о своемъ уваженіи, почтеніи, своей благодарности! Чѣмъ она ихъ доказала? Я поставляю себѣ задачей отвѣтить на этотъ вопросъ и отвѣчу на него во всеуслышаніе, если она не будетъ благоразумна».

Приписка сердила его даже больше, чѣмъ самое письмо.

«Какая лукавая тварь! — бормоталъ онъ,—заставила меня указать ей удобное орудіе и затѣмъ воспользовалась имъ безъ моей помощи. Но я розыщу этого бѣдняка Мордредя и узнаю отъ него ея тайну, если онъ, какъ я подозрѣваю, знаетъ ее. Но прежде надо настичь ее, изловить, прежде чѣмъ она успѣетъ положить вторичное замужство преградой между мною и ея богатствомъ.»

М-ръ Бэнь не высказывалъ даже самому себѣ, въ чемъ онъ заподозривалъ Сильвію; но каковы бы ни были его подозрѣнія, это не мѣшало ему желать имѣть Сильвію своей женой. Она была самой красивой женщиной, какую онъ только встрѣчалъ, и самой богатой, какую только онъ знавалъ. Онъ могъ сквозь пальцы поглядѣть на маленькіе грѣшки, которые остановили бы отъ женитьбы большинство мужчинъ.

«Не многіе женились бы на ней, подозрѣвая ее въ томъ, въ чемъ я ее подозрѣваю»,—размышлялъ онъ, суя сматое письмо въ карманъ.—«Но вѣдь большинство мужчинъ трусы относительно женщинъ. Я такъ же мало боюсь ея, какъ индійскіе волдуны тѣхъ змѣй, которыхъ они вѣшаютъ себѣ на шею».

Онъ сошелъ съ лѣстницы, повидался съ экономкой, упомянулъ безопасно объ отъѣздѣ лэди Перриамъ, словно это была самая

простая вещь въ мірѣ, убѣдился, что съ этой стороны не добьется никакихъ свѣдѣній, и оставилъ Плэсъ съ обычнымъ невозмутимымъ лицомъ. Однако міръ значительно измѣнился въ его глазахъ, и онъ уже былъ далеко не такъ увѣренъ въ присвоеніи себѣ тѣхъ земель, которыя онъ и отецъ его съ такимъ искусствомъ и ловкостью присоединяли къ Перриамскому имѣнію.

Въ одномъ только онъ не сомнѣвался, — въ томъ, что отступить, если ему не удастся завладѣть землями.

ГЛАВА LVI.

Не мытьемъ, такъ катаньемъ.

Лицо м-ра Бэна было очень серьезно, когда онъ ѣхалъ обратно въ Монегемптонъ. Сдержанная улыбка, улыбка веселаго торжества, исчезла съ его губъ, и во взглядѣ его выразалась рѣшимость, не обѣщавшая ничего добраго для его враговъ. Онъ не остановился у своего дома въ Гай-Стритѣ, но проѣхалъ далѣе и остановился у другого дома, того же размѣра, но съ бѣльшими претензіями на величіе, чѣмъ солидное и скромное жилище м-ра Бэна. Этотъ домъ стоялъ нѣсколько въ сторонѣ отъ улицы, и передъ переднимъ фасадомъ его разстился фруктовый садъ, охраняемый желѣзной рѣшеткой, съ широкими воротами справа, и полу-круглой аллеей, посыпанной пескомъ, для проѣзда экипажей. Достоинство этого добраго стараго дома съ претензіей на родовитость нѣсколько роняла боковая дверь, продѣланная по лѣвую руку отъ оконъ столовой, дверь, украшенная большой мѣдной доской, а ночью красной лампой, горѣвшей надъ ней. То было жилище почтеннаго гражданина, домового врача Перриамовъ, м-ра Стимпсона.

Было два часа пополудни, время, въ которое м-ръ Стимпсонъ угощалъ себя сытнымъ и обильнымъ полдникомъ, запивая его рюмбой или двумя особеннаго, имъ выбраннаго хереса. М-ръ Стимпсонъ былъ семейный человѣкъ, но онъ поздно женился, и привычки холостяка сохранились за нимъ, не смотря на миссисъ Стимпсонъ и маленькихъ Стимпсоновъ. Такимъ образомъ, пока жена и дѣти шумно завтракали въ столовой, докторъ ѣлъ свою баранину и пилъ свой хересъ въ кабинетѣ, гдѣ его не тревожилъ дѣтскій гамъ и дѣтская неопрятность.

М-ру Бэну посчастливилось застать м-ра Стимпсона за его полдникомъ — занятаго бисквитами и выбирающаго кусочекъ по-

лучше въ стильтонскомъ сырѣ, которымъ по временамъ благодарные пациенты вознаграждали труды м-ра Стимпсона.

— Садитесь, Бэнь,—сказалъ онъ съ дружеской фамиллярностью,—и угоститесь рюмкой этого хереса. Тутъ нѣтъ сахара или водки, и ровно никакой примѣси. Въ домѣ у васъ, надѣюсь, все обстоитъ благополучно. Вы какъ будто блѣдны. Миссъ Бэнь отлично ведетъ хозяйство... удивительная молодая особа, образецъ для всего Монкгемптона.

— Да, мои дочери здоровы. Онѣ добрыя дѣвушки.

— Отличныя дѣвушки, сэръ; первый сортъ; дѣвушки, какихъ въ наше время не часто встрѣтишь,—произнесъ докторъ съ энтузіазмомъ и такимъ видомъ, какъ будто бы ему самому извѣстно объ обѣихъ миссъ Бэнь гораздо больше, чѣмъ ихъ отцу.

— Мое семейство здорово, благодареніе Богу,—проговорилъ м-ръ Бэнь, выпивъ рюмку любимаго докторскаго хересу, острой жидкости, которую докторъ словно размѣшивалъ какимъ-нибудь снадобьемъ.—Я не о нихъ пріѣхалъ говорить.

— Надѣюсь, что и не о себѣ,—всеричалъ докторъ, зорко оглядывая м-ра Бэна и будучи не прочь открыть признаки какой-нибудь хронической болѣзни, которая бы сдѣлала Шадрака Бэна такимъ же выгоднымъ пациентомъ, каковымъ была его жена.

— Я пріѣхалъ поговорить о болѣе серьезномъ дѣлѣ, чѣмъ моя болѣзнь.

— Боже милостивый! М-ръ Бэнь, вы пугаете меня.

— Вы и не такъ испугаетесь, когда я все выскажу,—замѣтилъ м-ръ Бэнь серьезно.—Вамъ извѣстно, какое положеніе я занималъ относительно сэра Обри Перриамъ.

— Положеніе довѣреннаго лица, полагаю.

— Нѣтъ, больше того, друга. Я служилъ ему и почиталъ его, какъ никакого другого человѣка. Я гордился тѣмъ, что онъ мой патронъ... съ ранней молодости привыкъ я заботиться объ его интересахъ. Послѣ того, какъ его разбилъ параличъ, я сталъ его правою рукой, какъ вамъ извѣстно. Его безпомощность только тѣснѣе сблизила насъ. Мнѣ казалось, что я ухаживаю за любимымъ отцомъ.

— Эти чувства дѣлаютъ честь вашему уму и сердцу,—сказалъ докторъ съ жаромъ, недоумѣвая, въ чему клонились всѣ эти объясненія, повидимому, совсѣмъ праздныя.

— Вы припомните, быть можетъ, что когда вы посоветовали мнѣ вторично отвезти мою бѣдную жену въ Каннъ, я не вполне охотно сдѣлалъ это, хотя не въ моихъ привычкахъ отступать отъ выполненія долга, какъ бы ни былъ онъ тягостенъ. Дѣло въ томъ,

что мнѣ не хотѣлось повидать моего стараго друга и патрона въ его безпомощномъ состояніи. Быть можетъ, то было предчувствіе; быть можетъ, предостереженіе свыше, но несомнѣнно, что мнѣ крайне не хотѣлось повидать его, хотя бы на нѣсколько недѣль. Судите, поэтому, о моемъ ужасѣ, когда, вернувшись, я услышалъ, что онъ умеръ.

— То былъ тяжкій ударъ, несомнѣнно, — воскликнулъ м-ръ Стимпсонъ, дивясь все болѣе и болѣе этимъ непонятнымъ жалобамъ.

— Я услышалъ, что онъ умеръ... скоропостижно, неожиданно взятъ отъ насъ. Уже до моего возвращенія его поспѣшили закопать въ землю.

— Не говорите, что его поспѣшили закопать въ землю, — протестовалъ м-ръ Стимпсонъ; — похороны, хотя и строго семейныя, были великолѣпны. Я самъ на нихъ присутствовалъ, помните. Ни въ чемъ не было недостатка.

— Да, ни въ чемъ, кромѣ одного... слѣдствія надъ мертвымъ тѣломъ.

— Слѣдствія? Оно было бы излишне, дорогой Бэнъ. Допустимъ, что смерть сэра Обри застала насъ нѣсколько врасплохъ, но все же ее нельзя причислить къ числу скоропостижныхъ. Онъ былъ неизлечимъ и могъ каждую минуту умереть, не возбуждая удивленія во врачѣ, знакомомъ съ его положеніемъ. Сердце было давно уже не въ порядкѣ. Я нисколько не сомнѣваюсь, что сердце было непосредственной причиной смерти.

— Не кажется ли вамъ, что анатомирование лучше бы рѣшило этотъ вопросъ, чѣмъ догадки или теорія?

— Анатомирование не вернуло бы сэра Обри къ жизни, а было бы крайне тяжело для лэди Перриамъ.

— Понимаю. Вы больше заботились о живыхъ, чѣмъ о мертвыхъ.

— Я ничего не могъ сдѣлать для мертваго, но могъ причинить бесполезное страданіе живымъ, — отвѣчалъ м-ръ Стимпсонъ съ оскорбленнымъ достоинствомъ.

Ему не нравилось, что м-ръ Бэнъ порицаетъ образъ его дѣйствій.

— И вы не пытались проникнуть причину смерти сэра Обри? Вы почили за рѣшеное дѣло, что онъ умеръ отъ аневризма.

— Я не говорилъ, что онъ умеръ отъ аневризма, — сказалъ м-ръ Стимпсонъ, смущаясь, — я сказалъ только, что у него сердце было не въ порядкѣ. Но органическаго поврежденія не было.

— Какъ долго былъ онъ мертвъ, когда вы его увидѣли?

— Нѣсколько часовъ. За мной прислали утромъ, а онъ умеръ вскорѣ послѣ полуночи. Я нашелъ лэди Перриамъ въ отчаянномъ положеніи, ударъ почти сразилъ ее. Еслибы я заботился въ это время больше о мертвыхъ, чѣмъ о живыхъ, у ней открылась бы безъ всякаго сомнѣнія нервная горячка.

— Вы, слѣдовательно, устремили все свое вниманіе на живую пациентку и не безпокоились объ умершемъ?

— Мнѣ нечего было съ нимъ дѣлать.

— Вы не изслѣдовали трупа?

— Къ чему? Я не желалъ тревожить покойника. Миссисъ Картеръ исполнила все, что слѣдуетъ. Сэръ Обри былъ уже обмытъ и убранъ, когда я увидѣлъ его.

— А! миссисъ Картеръ убирала его, не правда ли? Гдѣ былъ его вѣрный, старый слуга, Чепленъ? Почему онъ не присутствовалъ при этой печальной церемоніи?

— Онъ лежалъ въ постели, страдая подагрой... или, вѣрнѣе, жертвой своей невоздержности. Онъ оставилъ Перриамъ-Плэсъ до похоронъ совсѣмъ разбитымъ человѣкомъ и вернулся во Францію, щедро награжденный, хотя завѣщаніе сэра Обри еще не было вскрыто. Лэди Перриамъ наградила его вѣрную службу изъ своего кошелька.

— Сэръ Обри очень измѣнился, полагаю? Вы, быть можетъ, не поглядѣли ему въ лицо?

— Да, я глядѣлъ ему въ лицо. Комната была нѣсколько темна, но я замѣтилъ переиъну въ лицѣ, даже болѣе замѣтную переиъну, чѣмъ обыкновенно производитъ смерть.

— Это не заронило подозрѣнія въ вашемъ умѣ?

— Боже праведный, нѣтъ! Какое же подозрѣніе могло у меня возникнуть?

— То, что сэръ Обри умеръ неестественной смертью.

— М-ръ Бэнъ, вы съ ума сошли?

— Надѣюсь, что нѣтъ; но я ломалъ голову надъ внезапной и на мой взглядъ таинственной смертью моего патрона, пока въ умѣ моемъ не зародилось страшнаго подозрѣнія. Почему вы не были призваны раньше къ покойнику? Почему часы протекли и тѣло было уже убрано, прежде чѣмъ рѣшились послать за вами.

— Я приписываю все не совсѣмъ обыкновенному въ этомъ случаѣ разстройству лэди Перриамъ.

— Ну, быть можетъ, я ошибаюсь. Пожалуйста, не думайте, что я хоть сколько-нибудь подозрѣваю лэди Перриамъ. Такой мысли мнѣ и въ голову не приходитъ. Она несомнѣнно такъ же невинна, какъ и хороша. Никогда не слыжалъ я, чтобы сэръ Обри

на нее пожаловался. Никогда не слыхалъ я, чтобы и она жаловалась на свою судьбу. Особа, которую я подозреваю, это миссисъ Картеръ—эта тихая, молчаливая, сдержанная особа.

— Крайне сдержанная особа, съ этимъ я согласенъ. Но я не вижу, какой мотивъ могла она имѣть—уморить сэра Обри?

— Она могла думать, что въ завѣщаніи ей отказана большая сумма. Въ минуту слабости онъ могъ сдѣлать ей обѣщаніе такого рода, и оно возбудило ея жадность.

М-ръ Стимпсонъ ерошилъ свои жидвіе, сѣдые волосы до тѣхъ поръ, пока они буквально не встали дыбомъ. М-ръ Стимпсонъ былъ очень блѣденъ и казался сильно разстроеннымъ, когда схватилъ графинъ и налилъ себѣ другую рюмку хереса, чтобы поддержать себя противъ ужасныхъ предположеній Шадракъ Бэна.

— Я этому не вѣрю,—вскричалъ онъ.—Къ чему вы пришли пугать меня такими бреднями только за то, что я пощадилъ чувства хорошо воспитанной и деликатной лэди и постарался избавить ее отъ пытки воронерскаго слѣдствія? Какой мотивъ руководитъ вашими инсинуаціями, м-ръ Бэнь?

— Просто желаніе предостеречь васъ. Я съ самаго начала подумалъ, что въ смерти сэра Обри есть что-то неладное. Обстоятельства, возникшія впослѣдствіи, только подтвердили это мнѣніе. Я счелъ своимъ долгомъ предостеречь васъ. Въ случаѣ какаго открытія, ваша репутація можетъ пострадать... васъ могутъ обвинить въ небрежности. Примите мой совѣтъ, м-ръ Стимпсонъ, и ни слова объ этомъ, пока я или другой кто не сообщитъ вамъ чего новаго. Прощайте. Я очень занятъ и не могу долѣе оставаться.

— М-ръ Бэнь, мой дорогой Бэнь, ради самого неба выскажитесь яснѣе, закричалъ докторъ жалобно; но Шадракъ Бэнь покинулъ комнату, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ удержать его, и оставилъ доктора въ крайнемъ смущеніи.

«Я ловко, однако, закинулъ крючекъ», подумалъ стряпчій, направляясь отъ доктора въ баню. «Если лэди Перриамъ перемѣнитъ мысли и согласится исполнить мое желаніе, то мнѣ легко будетъ отказаться отъ всего, что я сказалъ. Если нѣтъ, то вотъ завладѣва той мины, которая должна ее погубить».

Онъ прошелъ въ баню, получилъ деньги по двумъ или тремъ небольшимъ чекамъ, которые нашелъ въ карманѣ съ недѣлю или двѣ, и затѣмъ спросилъ: можетъ ли онъ видѣть м-ра Стендена.

— М-ръ Стенденъ уѣхалъ изъ Моньгемптона. Не позвать ли къ вамъ м-ра Фильпотса?—возразилъ клеркъ.

— Нѣтъ, мнѣ нужно видѣть самого м-ра Стендена. Какъ вы думаете: не вернется онъ черезъ день или два?

— Не имѣю понятія, но спрошу у м-ра Фильпотса, если вамъ угодно. Я полагаю, что это ему извѣстно,—отвѣчалъ клеркъ вѣжливо, желая угодить такому хорошему клиенту, человѣку, который нѣкоторымъ образомъ представлялъ перриамское помѣстье.

— Пожалуйста, будьте такъ добры, и если вы узнаете, куда онъ уѣхалъ, то я буду вамъ вдвойнѣ благодаренъ.

Клеркъ удалился во внутреннія комнаты и скоро вернулся, улыбаясь.

— М-ръ Фильпотсъ получилъ какъ разъ сегодня утромъ отъ него письмо, сэръ. М-ра Стендена ожидаютъ не такъ скоро назадъ. Онъ находится въ Антверпенѣ.

— Въ Антверпенѣ?

— Да, сэръ; онъ собрался, кажется, путешествовать. Его письмо изъ Антверпена. Онъ пишетъ, что немедленно ѣдетъ дальше, по Рейну, но пишетъ изъ гостинницы Питеръ-Поль, въ Антверпенѣ.

— Благодарю васъ. Я напишу ему сегодня же. Мнѣ нужно посоветоваться съ нимъ насчетъ небольшого клочка земли, прилегающаго къ Декановой усадьбѣ. Прощайте.

Шадракъ Бэнъ вернулся домой. Онъ теперь узналъ все, что могъ узнать въ Монегемптонѣ.

«Въ Антверпенѣ!» думалъ онъ, «въ Антверпенѣ. Все говорить за то, что лэди Перриамъ и Эдмондъ Стенденъ въ заговорѣ, и она отправилась вслѣдъ за нимъ. Куда иначе могла она уѣхать? Она смѣло сознается въ любви къ нему въ своемъ письмѣ ко мнѣ. Она поѣхала за нимъ въ Антверпенъ, чтобы обвиняться съ нимъ, по всей вѣроятности, если я этому не помѣшаю. Но было бы странно, еслибы я не помѣшалъ этой свадьбѣ. Желалъ бы я знать, сколько времени идетъ пароходъ въ Антверпенъ? Да, самымъ короткимъ будетъ отправиться изъ Дувра въ Остенде, а оттуда по желѣзной дорогѣ. Да, я изберу этотъ путь и долженъ попасть въ Дувръ съ вечернимъ поѣздомъ».

Агентъ былъ человѣкъ рѣшительный. Онъ отправился въ свою контору, отдалъ словесныя приказанія и продиктовалъ страницу или двѣ письменныхъ инструкцій своимъ клеркамъ, сказалъ имъ, что отправляется въ Бельгію по дѣлу на нѣсколько дней, распорядился насчетъ доставки ему писемъ и телеграммъ, уложилъ свой чемоданъ, объявилъ о своемъ отъѣздѣ удивленнымъ дѣтямъ, позавтракалъ бараниной, хотя и безъ всякаго аппетита, и явился

на станцію въ поѣздъ, отходившему въ 3 ч. 45 м., который доставилъ его въ Лондонъ въ четверть девятого, то-есть во-время, чтобы захватить поѣздъ, отходившій въ Дувръ.

Въ полночь онъ уже стоялъ на палубѣ маленькаго парохода, вдыхая ароматическій августовскій воздухъ и размышляя о предстоящемъ ему образѣ дѣйствій.

Онъ слѣдовалъ за Сильвией Перриамъ съ опредѣленнымъ намѣреніемъ. Если ему не удастся сдѣлать ее своей женой, онъ намѣревался изобличить ее. Мрачное подозрѣніе, зародившееся въ его умѣ, превратилось въ твердую увѣренность.

Онъ крѣпко вѣрилъ, что сѣра Обри Перриама уморила его жена преждевременно.

ГЛАВА LVII.

Сладость свиданія.

Сильвія и ея свита прибыли въ Антверпенъ рано по-утру на другой день, какъ отплыли изъ Англіи. Селина, французенка-горничная, чувствовала себя въ своей сферѣ, среди шума и суеты пароходной пристани, среди гама разнообразныхъ голосовъ и говоровъ, напоминавшихъ путешественникамъ вавилонское столпотвореніе, трещала по-французски, между тѣмъ какъ бѣдная миссисъ Трингфольдъ поглядывала вокругъ себя съ беспомощнымъ удивленіемъ и съ такимъ же страхомъ, какъ еслибы очутилась среди сѣверо-американскихъ индѣйцевъ или черныхъ уроженцевъ центральной Африки.

«Я бы никогда не могла привыкнуть къ иностранцамъ», бормотала она себѣ подъ носъ, такъ какъ ей некому было повѣрить своихъ тревоженій; «а жить между ними должно быть ужасно: вѣдь не знаешь даже, что ѣшь и пьешь, да и какъ знать, не замышляютъ ли туземцы убійства. Они всѣ на видъ смахиваютъ на убійцъ».

Лэди Перриамъ скоро покончила съ таможенными, которые снисходительнымъ окомъ глядѣли на чемоданы таковой щедрой лэди и затѣмъ усадили ребенка, съ нянькой и горничной, въ наемную карету и уѣхали въ гостиницу св. Антонія. Она не сочла приличнымъ остановиться въ томъ отелѣ, гдѣ стоялъ м-ръ Стендентъ.

Она выбрала себѣ нѣсколько комнатъ; спальню для Трингфольдъ съ ребенкомъ, рядомъ съ ея собственной спальней; салонъ въ три окна, отдѣланный пунцовымъ бархатомъ и высо-

кими зеркальными трюмб, словомъ—княжескую квартиру. Но это великолѣпіе не плѣняло миссисъ Трингфольдъ.

— Комнаты, конечно, довольно красивы,—говорила она Селинѣ, которая, къ счастью, понимала по-англійски;—но онѣ не уютны. Мнѣ все кажется, что въ нихъ чего-то недостаетъ.

Завтракъ былъ сервированъ милэди въ салонѣ. Трингфольдъ и Селина позавтракали въ дѣтской. Трингфольдъ нѣсколько просвѣтлѣла при видѣ бифштекса и варенаго картофеля, которые объявила болѣе приличными, чѣмъ она ожидала отъ иностранной пицци.

— Но я не удивлюсь, если это окажется кониной,—замѣтила она съ сомнѣніемъ.

Но конина или нѣтъ, однако Трингфольдъ кушала, и съ большимъ аппетитомъ. Она страдала морскою болѣзнію во все время плаванія и ея внутренности, какъ она объявила Селинѣ, превратились въ пустоту.

Лэди Перриамъ быстро позавтракала. Она съѣла маленькій кусочекъ хлѣбца, выпила чашку кофе и пошла въ спальню переодѣться, прежде чѣмъ ѣхать въ гостиницу «Питеръ-Поля», въ Эдмонду Стендену.

Она съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждала свиданія съ нимъ, опасаясь, чтобы какая-нибудь рововая случайность не помѣшала ему. Онъ могъ оставить Антверпенъ, не дожидаясь отвѣта на свое письмо. Какъ она ни спѣшила отвѣчать ему лично, но могла опоздать. Судьба до сихъ поръ была противъ нея.

«Какая я разстроенная», думала она, надѣвая шляпку передъ чужимъ зеркаломъ.

Чужія зеркала обыкновенно не льстятъ. Они склонны придавать зеленоватый и болѣзненный оттѣнокъ человѣческимъ лицамъ. Глубокій трауръ лэди Перриамъ только усиливалъ блѣдность ея утомленнаго лица. Большіе, каріе глаза глядѣли устало. Она была все еще красавицей, но ей уже не доставало той юной миловидности и свѣжести, которая сіяла Эдмонду Стендену въ тѣни орѣшника.

«Любовь вернетъ мнѣ снова красоту, когда я буду съ нимъ», сказала она самой себѣ.

Она приказала нанять карету и велѣла везти себя въ гостиницу «Питеръ-Поля», большого и нѣсколько мрачнаго на видѣ отеля, расположеннаго неподалеко отъ знаменитаго дома Рубенса, посѣщаемаго путешественниками. Здѣсь она спросила о м-рѣ Стенденѣ.

— Да, здѣсь былъ англичанинъ такой фамиліи. Онъ въ настоя-

щую минуту писать письма въ своей комнатѣ. Угодно ли madame, чтобы ему доложили о ея приходѣ, или же madame желаетъ, чтобы ее провели въ его комнату?

Madame пожелала, чтобы ее провели въ нему. Слуга повелъ ее по лѣстницѣ въ первый этажъ. Какъ билось сердце Сильвіи, когда она шла за слугой по корридору, пока онъ не остановился у одной двери и не постучался осторожно и почтительно въ дверь, на что послышался краткій отвѣтъ знакомаго ей голоса: «*Entrez!*»

Вошелъ не слуга; вошла Сильвія. Эдмондъ писалъ за столомъ у окошка, сидя спиной къ двери и даже не повернуть головы, никого не ожидая, кромѣ слуги. Сильвія подошла близко, близко къ его стулу и слегка дотронулась до его плеча. При этомъ легкомъ привосновеніи онъ вскочилъ на ноги, увидѣлъ ея милое лицо, глядѣвшее на него умоляющими глазами, и заключилъ ее въ свои объятія.

— Сильвія, это твой отвѣтъ?—вскричалъ онъ съ восторгомъ.

Забыты были безчестіе, нарушенное слово, гнѣвъ матери, горестъ Эсѳири: все было забыто въ эту блаженную минуту.

— Какого же отвѣта ты ждалъ? — спросила она съ упрекомъ, глядя на него глазами, отуманенными слезами.— Развѣ я не говорила тебѣ, что никогда не переставала тебя любить. Какого отвѣта могъ ты ожидать на свой безумный вопросъ. Я твоя, Эдмондъ. Твоя навѣки. Зачѣмъ ты убѣждалъ отъ меня?

— Я убѣждалъ не отъ тебя, а отъ собственного позора. Я поступилъ, какъ негодяй. Я ненавижу себя за свое безуміе, которое заставило меня повѣрить, что я могъ забыть тебя или жить безъ тебя.

— Да, это было, вонечно, заблужденіе, — отвѣтила Сильвія съ ясной улыбкой.

Она сознавала теперь, что міръ снова принадлежитъ ей; Клеопатра, съ Антоніемъ у своихъ ногъ, не могла сильнѣе сознавать своего могущества или сильнѣе презирать Октавію, чѣмъ Сильвія—миссъ Рочдель.

— Заблужденіе, причинившее страданіе другому лицу, — проговорилъ Эдмондъ съ раскаяніемъ.

Совѣсть въ немъ ни на минуту не умолкала, даже и въ этотъ торжественный часъ, когда кудрявая головка Сильвіи покоилась на его груди, а ея чудные глаза глядѣли на него съ выраженіемъ торжествующей любви.

— Да! Миссъ Рочдель сама виновата, если была обманута.

Она знала, какъ ты любилъ меня два года тому назадъ. Она должна была знать, что ты не можешь любить ее.

— Она повѣрила моей честности, Сильвія. Она сдѣлала мнѣ честь довѣриться моему слову только затѣмъ, чтобы убѣдиться, что я обманулъ ее. Она никогда не узнаетъ, что я прежде всего обманулъ самого себя.

— Ступай къ своей миссъ Рочдель, — закричала Сильвія, вырываясь изъ его объятій. — Ясно, что она тебѣ дороже, чѣмъ я.

— Ты знаешь, что нѣтъ, Сильвія. Ты знаешь, что я пытаюсь полюбить ее... пытаюсь отдать ей сердце, отвергнутое тобой... пытаюсь найти свое счастье въ любви къ ней... но не могъ. Чары твои оказались сильнѣе.

— Въ самомъ дѣлѣ? — вскричала Сильвія. — Я этому рада. Вѣришь ли ты въ нравственную власть одного человѣка надъ другимъ? Я вѣрю. Часто, часто въ тѣ томительные, долгіе дни, которые я проводила въ Перриамѣ, послѣ... послѣ смерти сэра Обри... Когда я надѣялась, что ты придешь ко мнѣ, а ты не приходилъ, я складывала руки на груди, закрывала глаза и звала тебя: — Эдмондъ, приди ко мнѣ, говорила я! Эдмондъ, будь мнѣ вѣренъ! Эдмондъ, я люблю тебя, отплати мнѣ любовью за любовь! Значитъ, чары подѣйствовали?

— Да, подѣйствовали! — отвѣчала онъ, снова прижимая ее къ груди.

Они снова были близки другъ къ другу, снова женихъ и невѣста, какъ и въ тѣ былые дни подъ орѣшникомъ.

— Чары подѣйствовали, Сильвія, но то были старыя чары... тѣ чары, которыми ты околдовала меня въ то весеннее утро, когда я впервые увидѣлъ тебя въ Гедингемской церкви. Дѣйствіе этихъ чаръ никогда не проходило. Я только воображалъ, что отдѣлялся отъ нихъ.

— Ты снова мой плѣнникъ, — говорила Сильвія, охватывая руками шею своего милаго въ ту минуту, какъ онъ наклонилъ къ ней голову.

— А теперь, Эдмондъ, поговоримъ о будущемъ, — продолжала она, освобождая его изъ нѣжнаго плѣна и усаживаясь въ кресло у открытаго окна, выходившаго на сонную, старинную площадь, залитую полуденнымъ солнцемъ. — Намъ ницета не угрожаетъ болѣе... Намъ нечего бояться, что насъ лишатъ наследства суровые родственники.

— Нѣтъ, — отвѣчала Эдмондъ упрямо, — мы богаты.

— А ты бѣдѣешь... бѣдѣешь изъ-за меня... и недоволенъ, что

будешь обязанъ своимъ богатствомъ мнѣ? Такъ ли, Эдмондъ? Я мучила тебя когда-то, потому что тебѣ угрожала бѣдность, а теперь ты, кажется, собираешься мучить меня, потому что я богата.

— Нѣтъ, Сильвія, я слишкомъ счастливъ, чтобы мучить тебя. Какъ мнѣ отблагодарить тебя, моя храбрая дѣвочка, за то, что ты пріѣхала ко мнѣ? Мы не будемъ думать о другихъ людяхъ, позабудемъ весь свѣтъ; если другіе будутъ презирать твоего мужа, Сильвія, ты не отнесешься къ нему съ презрѣніемъ.

— Съ презрѣніемъ къ тебѣ!—повторила она. — Ты знаешь, что я всегда считала тебя лучшимъ и благороднѣйшимъ изъ людей. Да, даже и тогда, когда я такъ дурно поступила съ тобой.

— Позабудемъ о прошлыхъ горестяхъ, Сильвія. А теперь расскажи мнѣ, какъ ты сюда пріѣхала. Я такъ былъ удивленъ и обрадованъ, увидя тебя, что не догадался спросить объ этомъ раньше. Какъ ты попала въ Антверпенъ? Не одна?

— Нѣтъ, не одна.

— Твоя мать, быть можетъ, пріѣхала съ тобой. Мать, ради которой ты пожертвовала собой. Она должна любить тебя и льнуть къ тебѣ.

Сильвія казалась смущенной.

— Нѣтъ,—отвѣчала она,—матушка не со мной.

Неужели онъ воспользуется правами любимаго человѣка съ тѣмъ, чтобы задавать ей всякаго рода неприятыя вопросы? Она тревожно отвернулась отъ него и глядѣла на обширную, залитую солнцемъ площадь глазами, которые врядъ-ли видѣли высоеіе, бѣлше дома, съ ихъ вычурными шпицами и сверкающими оловками съ маленькими зеркалами, выставленными наружу, чтобы видѣть въ нихъ отраженія экипажей и пѣшеходовъ.

— Гдѣ же она, моя радость? Ей бы слѣдовало быть съ тобой въ такую минуту. Развѣ она сомнѣвается въ моей дружбѣ къ ней? Мать моей Сильвіи дорога для меня.

— Она выстрадала такъ много и избѣгаетъ незнакомыхъ людей. Мало-по-малу, конечно, это перемѣнится. Она живетъ близъ Лондона съ старыми друзьями. Ты о ней не безпокойся, Эдмондъ, она вполне обезпечена.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь. Но ты сказала, что пріѣхала въ Антверпенъ не одна.

— Со мной мой сынъ и его нянька. Я взяла также и горничную.

Она видѣла, что онъ перемѣнился въ лицѣ, когда она упомянула о сынѣ... то было невольное проявленіе острой ревности,

ваую ему внушалъ наслѣдникъ Перриамъ. То былъ его соперникъ въ привязанности къ Сильвіи, котораго нивѣкъ нельзя было устранить... правамъ котораго предстояло расти и укрѣпляться съ годами, пока, наконецъ, любовь къ сыну не возьметъ перевѣса надъ любовью къ мужу. Материнская любовь должна быть всепоглощающей страстью. А Эдмондъ принесъ слишкомъ многое въ жертву своей милой, чтобы ему была пріятна мысль о томъ, чтобы раздѣлить ея привязанность даже съ ея ребенкомъ.

— Вотъ какъ, и маленькій мальчикъ здѣсь, — сказалъ онъ съ угрюмымъ лицомъ.

— Да, Эдмондъ. Помни, что отнынѣ онъ будетъ твоимъ сыномъ.

— Я, конечно, полюблю его ради матери, если...

— Если что, Эдмондъ? — спросила Сильвія, видя, что онъ умоляетъ.

— Если ты не черезчуръ его будешь любить.

— Не бойся этого, — отвѣчала она съ холодной усмѣшкой. Я не изъ образцовыхъ маменокъ.

Эта фраза уколола его, хотя за минуту передъ тѣмъ онъ ревновалъ къ правамъ ребенка на материнскую любовь.

— Люби его, сколько хочешь, моя радость, — произнесъ онъ. Я не намѣренъ быть жестокимъ вотчимомъ. Малышка будетъ мнѣ такъ же дорогъ, какъ еслибы онъ былъ моимъ собственнымъ сыномъ. Развѣ онъ не твой ребенокъ и развѣ этого не довольно для того, чтобы я любилъ его? Ахъ, Сильвія! — прибавилъ онъ со вздохомъ: — ты не знаешь, какъ часто я мечталъ о твоемъ первомъ ребенкѣ... о нашемъ первомъ ребенкѣ.

— Не вспоминай больше о прошломъ, Эдмондъ; настоящее и будущее наши.

— Да, радость, счастье пришло къ намъ, наконецъ.

— А теперь покажи мнѣ Антверпенъ... и всѣ знаменитыя картины.

— Позволь мнѣ запечатать мои письма, и тогда я къ твоимъ услугамъ.

— Ты писалъ къ матери, должно быть?

— Нѣтъ, я написалъ ей вчера, гдѣ нахожусь, чтобы она знала, куда мнѣ отвѣчать. Но я не ожидаю отъ нея письма. Я изгнанъ изъ Деканова дома.

— Изъ-за меня? Но Перриамъ-Плэсъ къ твоимъ услугамъ до совершеннолѣтія Сентъ-Джона. Передъ нами цѣлыхъ двадцать лѣтъ. Быть можетъ, къ тому времени намъ надоѣдятъ дворцы, и мы рады будемъ поселиться въ комфортабельномъ старомъ домѣ,

который отказанъ собственно мнѣ. Но кому же писалъ ты это длинное письмо, если не въ матери?

— Къ моему принципалу въ банкъ, сообщая ему, что не вернусь больше въ Монегемптонъ, и прошу его найти мнѣ занятія въ другомъ мѣстѣ.

— Когда такъ, то разорви письмо... и припиши, что ты окончилъ съ дѣлами.

— Нѣтъ, Сильвія. Если мы будемъ жить въ Перриамъ-Плэсъ, то я просто разорву это письмо и объясню своимъ директорамъ, что съ ихъ позволенія вернусь къ своимъ занятіямъ черезъ мѣсяць.

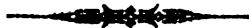
— Какъ? ты думаешь оставаться въ этой конторѣ... зарабатывать какіе-нибудь жалкіе нѣсколько сотъ фунтовъ въ годъ... когда у меня хватить состоянія на двоихъ?—спросила Сильвія съ негодованіемъ.

— Я думаю сохранить по возможности положеніе, въ какомъ находился, когда впервые полюбилъ тебя, Сильвія, и свою независимость. Неужели ты думаешь, что я могъ бы быть счастливъ, сознавая, что живу на деньги твоего перваго мужа? Нѣтъ, дорогая, позволь мнѣ зарабатывать свой хлѣбъ... потребности мои не велики... привычки просты. Дозволь мнѣ получать свои пятьсотъ фунтовъ въ годъ, которыхъ больше, чѣмъ нужно для моего содержанія, и я буду чувствовать себя, живя среди чужого великолѣпія, честнымъ труженикомъ, не недостойнымъ твоей любви.

— Дѣлай, какъ хочешь,—сказала Сильвія оскорбленная, но подавляя свой гнѣвъ:—я вижу, что ты хочешь быть моимъ господиномъ.

— Нѣтъ, дорогая, не господиномъ, но только независимымъ человекомъ. Во всемъ остальномъ я буду твой рабъ.

А. Э.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е августа, 1874.

Положеніе о народныхъ училищахъ.—Число училищъ.—Вопросъ о надзорѣ.—Взглядъ на развитіе этого вопроса.—Новое устройство надзора.—Правила о повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ.—Еще о способѣ постройки желѣзныхъ дорогъ.—Судьба двухъ новыхъ линій.

Народная школа въ Россіи ставится въ новыя условія, относительно надзора за нею, положеніемъ, обнародованнымъ въ минувшемъ іунѣ. Имъ и вмѣняются только одни условія надзора. Ровно десять лѣтъ дѣйствовало прежнее положеніе о народныхъ училищахъ; оно также опредѣляло только одни условія надзора. Со времени его изданія возникло у насъ множество народныхъ школъ; можно даже сказать, что сколько-нибудь правильно устроенная народная школа вообще возникла у насъ только съ тѣхъ поръ, такъ какъ она была создана усиліями земства, котораго дѣятельность началась почти одновременно съ изданіемъ прежняго положенія о народной школѣ. Съ тѣхъ поръ, повторяемъ, сдѣлано для нея весьма много, но еще болѣе, чѣмъ сколько было для нея сдѣлано въ дѣйствительности,—выяснились: громадная потребность Россіи въ школахъ, недостаточность совершавшихся усилій и несоотвѣтствіе средствъ земства съ потребностью въ школахъ. Можно было ожидать, что въ будущемъ, когда законодательство занялось бы вновь судьбою народной школы, оно уже вышло бы изъ круга положенія 1864 года, не ограничилось бы опредѣленіемъ надзора, но коснулось бы и жизненныхъ условій школы. Положимъ, намъ еще далеко до установленія законодательнымъ актомъ принциповъ всеобщей обязательности и безвозмездности первоначальнаго обученія, далеко собственно потому, что школъ у насъ, сравнительно съ числомъ населенія, еще слишкомъ мало. Но отсюда слѣдуетъ только одно, а именно—необходимость сильнаго государственнаго почина для умноженія нашихъ народныхъ школъ. Введеніе, со временемъ, общеобязательности и безвозмездности на-

чальнаго обученія предполагаетъ предварительное установленіе принципа, что самое созданіе средствъ для нихъ, то-есть забота объ учрежденіи достаточнаго числа народныхъ школъ лежитъ на государствѣ. Еслибы этотъ принципъ, который въ западныхъ областяхъ имперіи уже проводится по другимъ соображеніямъ, былъ установленъ новымъ положеніемъ для всей Россіи; еслибы притомъ учреждена была систематическая сѣть государственныхъ учительскихъ институтовъ и народныхъ школъ въ связи съ ними по всей имперіи, сообразно съ размѣрами той, во всякомъ случаѣ крупной суммы, какую признано было бы возможнымъ отдѣлить для этой важной цѣли изъ государственныхъ средствъ, — тогда новое положеніе о народныхъ училищахъ, являясь черезъ десять лѣтъ послѣ перваго, представляло бы уже дѣйствительный шагъ впередъ; оно представляло бы въ дѣйствительности преобразованіе. Мнѣніе, что учрежденіе народныхъ школъ должно лежать на попеченіи общества, что у государства не можетъ быть для этого средствъ, въ настоящее время едвали кѣмъ-либо раздѣляется серьезно. Въ такъ-называемой „отчизнѣ общественной инициативы“, въ Англии, парламентъ даетъ на народныя школы болѣе 9 милліоновъ рублей въ годъ, между тѣмъ какъ у насъ государственный расходъ на этотъ предметъ представляется цифрою 612 тысячъ рублей. Но еще краснорѣчивѣе говорить нашъ собственный, уже произведенный опытъ: существующее число нашихъ народныхъ школъ, можно сказать, ничтожно въ сравненіи съ числомъ населенія; а между тѣмъ на содержаніе ихъ земство расходуетъ около половины всѣхъ своихъ средствъ, не поглощенныхъ обязательными расходами; очевидно — далѣе этого земство идти не можетъ. Но Россія должна идти далѣе этого; десяти тысячъ школъ (съ малымъ процентомъ удовлетворительныхъ и въ этомъ числѣ) на пятидесятимилліонное населеніе губерній, имѣющихъ земскія учрежденія, очевидно недостаточно даже для сколько нибудь серьезной постановки дѣла. Одной школой на пять тысячъ жителей, разбросанныхъ на нашихъ родныхъ разстояніяхъ, въ селеніяхъ, разбѣдиненныхъ въ наиболѣе удобное для ученія время нашими родными снѣгами—Россія не можетъ удовлетвориться даже и для начала. Въ настоящій моментъ, послѣ введенія съ одной стороны краткосрочности военной службы, съ другой—послѣ окончательнаго устройства до 16 тыс. верстъ желѣзныхъ путей, учрежденіе народныхъ школъ стало для Россіи государственнымъ дѣломъ болѣе важнымъ, болѣе настоятельно необходимымъ, чѣмъ дальнѣйшая постройка желѣзныхъ дорогъ. За него должно вѣзаться непосредственно само государство. Когда государство за него возьмется и поставитъ его на прочномъ основаніи, тогда только можно будетъ сказать, что совер-

шилась или совершается реформа, преобразование народныхъ училищъ...

Но это дѣло еще предоставлено будущности, надо надѣяться, недалекое. Нынѣ опубликованное новое положеніе представляетъ пока нѣчто иное, а именно: новое опредѣленіе условий и формъ надзора за тѣми народными училищами, какія успѣли возникнуть доселѣ. Десятилѣтній періодъ, истекшій послѣ изданія прежняго положенія о народныхъ училищахъ, пока еще не расширилъ круга дѣйствія законодательства по отношенію къ нимъ. Но то, что имѣло большое значеніе въ 1864 году, теперь уже, очевидно, не можетъ имѣть равной важности, и, по всей вѣроятности, заботливость государства о народной школѣ не только не остановится въ наше время на изданіи новыхъ правилъ о надзорѣ за школами, но и не усмотритъ въ нихъ какого-либо шага къ исполненію предстоящаго ей великаго дѣла—созданія самыхъ школъ, независимо отъ таковой или иной системы надзора.

Мы сказали сейчасъ, что положеніе 1864 года хотя также ограничивалось только опредѣленіемъ системы надзора, но въ свое время имѣло большое значеніе; пояснимъ это въ нѣсколькихъ словахъ. Само собою разумѣется, что и въ то время не могло быть сомнѣнія въ необходимости для Россіи народныхъ школъ. Хотя крестьянская реформа тогда еще только-что начинала входить въ жизнь, но необходимость народныхъ школъ была ясна априорически. Существенное же различіе того времени отъ нынѣшняго заключалось въ томъ, что тогда передъ правительствомъ еще далеко не выяснились, можно даже сказать, только еще возникалъ вопросъ не о томъ, откуда взять средства для народныхъ школъ, но о томъ, можетъ ли кто-либо, само ли государство, общество ли или частныя лица, однимъ словомъ, кто-либо внѣ духовенства заводить народныя школы, управлять ими и хотя бы только учить въ нихъ. Въ то время существовалъ еще и почти преобладалъ таковой взглядъ, что ни государству, ни свѣтскому обществу въ это дѣло и вступаться не слѣдуетъ, что, по извѣстному выраженію А. С. Норова, въ народную школу „и пускать не слѣдуетъ никого, кромѣ духовныхъ лицъ“. Предлагать въ то время, чтобы государство взяло на себя широкій починъ въ непосредственномъ учрежденіи народныхъ школъ, когда не былъ вынесенъ еще вопросъ, не вредно ли, не опасно ли и, вообще, нужно ли свѣтское имъ содѣйствіе (такъ какъ предполагалось существованіе мнимыхъ 20 тысячъ школъ при церквяхъ), было невозможно. Вотъ почему въ то время самое рѣшеніе вопроса о системѣ надзора за народными школами — въ томъ смыслѣ, какъ оно состоялось въ положеніи 1864 года—было дѣломъ большого значенія. Безъ этого положенія

мы, быть можетъ, не имѣли бы и тѣхъ сколько-нибудь порядочныхъ школъ, какія имѣемъ нынѣ; государство могло отклонить отъ себя всякую заботу объ учрежденіи этихъ школъ, въ надеждѣ на одно духовенство и устранить отъ учрежденія ихъ свѣтское общество. Правда, положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ земству предоставлялось, между прочимъ, и попеченіе о народномъ образованіи вообще; но эта статья не могла бы получить того прихвѣнанія на практикѣ по отношенію къ народнымъ школамъ, какое она получила, еслибы земской дѣятельности въ этомъ отношеніи не былъ предоставленъ тотъ просторъ, который былъ ей обезпеченъ именно положеніемъ 1864 же года о народныхъ училищахъ. Проведя принципъ подчиненія народныхъ школъ власти свѣтской — министерству народнаго просвѣщенія, поручивъ надзоръ за ними училищнымъ совѣтамъ, которые не могли стѣснять усилій общества, но, напротивъ, предоставляли земству прямое участіе въ надзорѣ, включивъ земскихъ представителей въ составъ училищныхъ совѣтовъ, — первое положеніе о народныхъ училищахъ рѣшало весьма важный вопросъ: утверждало свѣтскій принципъ начальной школы и открывало земству возможность сдѣлать для школы то, что оно сдѣлало. А сдѣлало оно для школы — тамъ, гдѣ она существуетъ — почти все то, что только есть утѣшительнаго по этой части и до сихъ поръ. Совсѣмъ иначе представлялось дѣло теперь, по прошествіи десяти лѣтъ. Поле давно расчищено для обработки самаго дѣла, то-есть для учрежденія школы; только широкій починъ государства въ учрежденіи ихъ теперь могъ бы назваться дѣйствительнымъ шагомъ впередъ, настоящимъ преобразованиемъ. Но одно измѣненіе условій надзора представляется не чѣмъ инымъ, какъ только измѣненіемъ формъ, настоящее же преобразование, какъ надо надѣяться, предоставлено будущему времени.

Посмотримъ, въ чемъ же заключается то измѣненіе, какое произведено нынѣ. На основаніи положенія 1864 года, надзоръ за народными школами былъ ввѣренъ училищнымъ совѣтамъ, въ которыхъ, сверхъ членовъ отъ земства и отъ министерства народнаго просвѣщенія, были представители министерства внутреннихъ дѣлъ и духовнаго вѣдомства. Съ 1869 года, вслѣдствіе учрежденія губернскихъ инспекторовъ народныхъ училищъ, состоящихъ членами училищныхъ совѣтовъ, но подчиненныхъ непосредственно попечителю и министру, въ надзорѣ за народными школами на практикѣ уже сталъ преобладать элементъ бюрократическій. Такое усиленіе надзора не отвратило однако прискорбныхъ явленій, на которыя указывалось чрезъ 4 года, въ рескриптѣ 25-го декабря, упоминавшемъ объ обнаружившихся „попыткахъ къ нравственному разслабленію народа“. Рескриптъ 25-го декабря призываетъ къ заботливости о народной школѣ и охраненію

ея само общество, а именно „всѣхъ просвѣщенныхъ и иншихъ людей страны“, и въ особенности дворянство, повелѣвая составить такіа постановленія, которыя открыли бы предводителямъ дворянства ближайшее участіе въ обеспеченіи нравственнаго направленія народныхъ школъ, а также ихъ благоустройства и размноженія. Административный надзоръ за школами дѣйствовалъ въ то время уже четыре года; въ рескриптѣ упоминалось не объ его учрежденіи или усиленіи, но о призывѣ дворянства „стать на стражѣ народной школы“. Между тѣмъ, министерствомъ народнаго просвѣщенія еще ранѣе, въ концѣ 1872 г., былъ внесенъ проектъ въ государственный совѣтъ о сосредоточеніи всего наблюденія за народными школами прямо въ рукахъ инспекторовъ министерства. Наблюденію за школами предполагалось дать чисто-административный характеръ; инспекцію предполагалось усилить назначеніемъ, вмѣсто прежнихъ губернскихъ инспекторовъ—директоровъ народныхъ школъ въ губерніахъ—и инспекторовъ въ уѣздахъ, увеличивъ составъ инспекціи числомъ 142 новыхъ чиновниковъ, съ новымъ для казны расходомъ свыше 300 т. рублей въ годъ, и придать системѣ надзора строгую бюрократическую централизацію. Училищные совѣты въ губерніи и уѣздахъ уже прямо подчинялись директору и инспекторамъ, въ качествѣ ихъ предсѣдателей; затѣмъ инспекторъ подчинялся непосредственно директору, директоръ попечителю, такъ что наблюденіе за каждой народной школою сосредоточивалось къ министрѣ или органѣ его—департаментѣ народнаго просвѣщенія. Рескриптъ 25-го декабря 1873 года указалъ для системы надзора инна начала, призывалъ къ нему представителей образованнаго общества — предводителей дворянства. Прежній проектъ объ инспекціи былъ взятъ назадъ и предстояло передѣлать его согласно со смысломъ послѣдовавшаго повелѣнія. Само собою разумѣется, что исполненіе дворянствомъ того порученія, какое возлагалось на него высокимъ довѣріемъ, для успѣшности своей, требовало предоставленія предводителямъ возможнаго простора. Административный надзоръ уже существовалъ и въ рескриптѣ не указывалось ни отиѣны его, ни измѣненія; все новое, что прибавлялось рескриптомъ къ прежнему положенію дѣлъ, заключалось въ призывѣ къ нему дворянства; но эта новая черта по свойству своему должна была существеннымъ образомъ измѣнить прежнее положеніе, соотвѣтственно важности призыва, обращеннаго къ дворянству, соотвѣтственно тому высокому значенію, какое было по справедливости дано этому призыву самимъ дворянствомъ, въ многочисленныхъ адресахъ принесшимъ благодарность за оказанное ему довѣріе и выражавшимъ желаніе употребить всѣ силы для усерднаго исполненія указанной ему роли. Задача, предстоявшая самому министерству народнаго

просвѣщенія въ выработкѣ новыхъ постановленій, была не легкая, такъ какъ требовалось прежде всего достигнуть цѣли, указанной въ рескриптѣ; заботиться только о томъ, чтобы согласовать эту цѣль съ предполагаемымъ заранѣе, въ готовомъ уже проектѣ, усиленіемъ инспекціи, было недостаточно уже потому, что призывъ мѣстныхъ выборныхъ силъ къ участию въ надзорѣ противорѣчилъ основной мысли, на которой былъ построенъ весь первый проектъ: мысли о приданія всему надзору чисто-бюрократическаго характера, съ совершеннымъ подчиненіемъ ему училищныхъ совѣтовъ и со строгой централизаціею надзора за школами во всѣхъ отношеніяхъ, въ рукахъ административной іерархіи.

Этихъ предварительныхъ объясненій, излагающихъ ходъ дѣла, достаточно для правильной оцѣнки издавнаго нынѣ положенія о народныхъ училищахъ. Въ какой мѣрѣ составителямъ новаго проекта удалось достигнуть указанной имъ цѣли, и въ какой мѣрѣ они сумѣли избѣгнуть простой компиляціи прежняго проекта объ усиленіи инспекціи съ совершенно новымъ требованіемъ, выраженнымъ въ рескриптѣ, въ такой мѣрѣ нынѣшнее положеніе и представляется рациональнымъ и обѣщающимъ успѣхъ на дѣлѣ; въ такой мѣрѣ оно открываетъ дворянству просторъ, достаточный для плодотворности его усилій на пользу народной школы, отвращаетъ дѣйствительное подчиненіе ея однимъ чиновникамъ, приываетъ въ попеченію о ней даровой трудъ дѣятелей, почтенныхъ высокимъ довѣріемъ въ рескриптѣ, а также облеченныхъ довѣріемъ мѣстнаго общества, и освобождаетъ государство отъ расхода по содержанию излишняго числа чиновниковъ, которыхъ гарантія заключается только въ томъ, что они были опредѣлены на службу.

Положеніе о начальныхъ народныхъ школахъ 25-го мая 1874 года возлагаетъ попеченіе объ удовлетвореніи потребностей населенія въ начальномъ образованіи и о надлежащемъ нравственномъ направленіи онаго въ каждомъ уѣздѣ—на уѣзнаго предводителя дворянства и уѣздный училищный совѣтъ, а въ цѣлой губерніи на губернскаго предводителя дворянства и губернской училищный совѣтъ. Но для завѣдыванія учебной частью всѣхъ начальныхъ народныхъ училищъ, въ губерніи учреждается должность директора народныхъ училищъ, и въ помощь ему назначаются, непосредственно ему подчиненные, инспекторы народныхъ училищъ въ каждой губерніи, въ томъ числѣ, какое будетъ опредѣлено министерствомъ народнаго просвѣщенія, соразмѣрно съ пространствомъ и населенностью оной и съ числомъ имѣющихся въ ней училищъ. Впрочемъ, такъ какъ въ каждомъ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ долженъ состоять членомъ инспекторъ, которому поручается завѣдываніе дѣлопроизводствомъ

этого совѣта, составленіе ежегоднаго отчета по уѣзду и даже предсѣдательствованіе въ совѣтѣ, за отсутствіемъ предводителя дворянства, то изъ этого сама собою возникнетъ необходимость имѣть сверхъ директора въ губерніи еще по инспектору въ каждомъ уѣздѣ, кромя мало населенныхъ, что впрочемъ и предоставляется усмотрѣнію министерства. Какъ инспекторъ въ уѣздномъ, такъ директоръ въ губернскомъ училищномъ совѣтѣ не только состоитъ членомъ, но и завѣдываетъ дѣлопроизводствомъ совѣта и заступаетъ мѣсто предсѣдателя въ его отсутствіи. Директоръ назначается министромъ, инспекторъ попечителемъ; относительно директора требуется, чтобы онъ былъ изъ лицъ, получившихъ высшее образованіе; относительно же инспекторовъ требуется только, чтобы они были „извѣстны педагогической опытностью“. Уѣздный училищный совѣтъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства: изъ инспектора народныхъ училищъ, одного (сверхъ инспектора) члена по назначенію попечителя учебнаго округа, члена по назначенію губернатора, члена по назначенію архіерея, двухъ членовъ отъ уѣзднаго земскаго собранія и одного отъ городского общества, если оно жертвуетъ на школы. Къ обязанностямъ уѣзднаго совѣта, котораго дѣлопроизводствомъ завѣдуетъ инспекторъ, принадлежатъ: изысканіе способовъ для открытія новыхъ народныхъ училищъ и для улучшенія ихъ состоянія вообще, снабженіе ихъ учебными пособиями, окончательное утвержденіе въ должностяхъ учителей и учительницъ народныхъ училищъ, допущенныхъ къ исполненію этихъ обязанностей инспекторомъ, рассмотрѣніе жалобъ на недопущеніе инспекторомъ къ исполненію этихъ обязанностей, представленія губернскому совѣту объ утвержденіи въ званіи попечителей училищъ и объ училищахъ и учителяхъ, заслуживающихъ поощренія, упрядненіе училищъ, признанныхъ вредными, увольненіе учителей, признанныхъ неблагонадежными, утвержденіе годичнаго отчета о состояніи всѣхъ народныхъ училищъ уѣзда, составляемаго инспекторомъ. Уѣздный училищный совѣтъ собирается по мѣрѣ надобности, по назначенію предсѣдателя; дѣла рѣшаетъ большинствомъ голосовъ. Губернскій училищный совѣтъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, „изъ директора народныхъ училищъ, членовъ: отъ министерства народнаго просвѣщенія, по назначенію попечителя учебнаго округа, одного отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, по назначенію губернатора, одного отъ епархіальнаго вѣдомства, по назначенію архіерея, и двухъ членовъ губернскаго земскаго собранія“. Здѣсь надо замѣтить, что въ подлежащемъ намъ текстѣ положенія, напечатанномъ въ „Прав. Вѣстникѣ“, не опредѣлено, будетъ ли одинъ или нѣсколько членовъ въ губернскомъ совѣтѣ отъ министерства

народнаго просвѣщенія; а такъ какъ дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ, то это обстоятельство (буде здѣсь нѣтъ опечатки) не лишено значенія. Губернскій совѣтъ имѣетъ предметами занятій: высшее попеченіе о народныхъ школахъ губерніи, рассмотрѣніе заключеній директора народныхъ училищъ по отчетамъ уѣздныхъ совѣтовъ и сообщеніе ихъ, съ своими замѣчаніями, попечителю округа; разрѣшеніе представленій уѣздныхъ совѣтовъ, назначеніе пособій школамъ и учителямъ изъ суммы, предоставленной въ распоряженіе совѣта министерствомъ народнаго просвѣщенія, рассмотрѣніе жалобъ на уѣздные совѣты. Губернскій училищный совѣтъ собирается также только по мѣрѣ надобности, по назначенію предсѣдателя. Жалобы на рѣшенія губернскихъ училищныхъ совѣтовъ и на дѣйствія предсѣдателей этихъ совѣтовъ, губернскихъ предводителей дворянства, приносятся сенату по 1-му департаменту, но кромѣ вопросовъ по учебной части, которые подлежатъ разрѣшенію министра народнаго просвѣщенія.

Сопоставимъ теперь дѣятельность въ области народныхъ школъ предводителей дворянства и директоровъ и инспекторовъ министерства, въ томъ видѣ какъ размѣры дѣятельности тѣхъ и другихъ очерчиваются новымъ положеніемъ. Права и обязанности предводителей дворянства главнымъ образомъ выражены въ общемъ предоставленіи имъ „попеченія объ удовлетвореніи потребностей населенія въ начальномъ образованіи и о надлежащемъ нравственномъ направленіи онаго“. Затѣмъ, дѣятельность предводителей выражается въ предоставленіи имъ предсѣдательства въ совѣтахъ, съ переизборомъ ихъ мѣня въ случаѣ равенства голосовъ; далѣе, предводителямъ предоставляется въ уѣздномъ совѣтѣ въ случаяхъ разногласія съ большинствомъ по вопросамъ объ утвержденіи учителей и попечителей школъ въ должности и увольненіи этихъ лицъ, упраздненіи училищъ, признаваемыхъ вредными и увольненіи неблагонадежныхъ учителей—переносить дѣло на рассмотрѣніе губернскаго совѣта; предводителямъ же, но только совмѣстно съ инспекторами, предоставляется рѣшать о временномъ закрытіи училищъ въ случаяхъ обнаруженія безпорядка и вреднаго направленія; окончательное же закрытіе можетъ быть рѣшено только губернскимъ совѣтомъ. Затѣмъ, сверхъ обязанностей въ качествѣ предсѣдателей училищныхъ совѣтовъ, предводителямъ дворянства предоставляется еще: 1) „посѣщать по мѣрѣ возможности училища, вникая во всѣ ихъ нужды и изыскивая способы къ ихъ удовлетворенію“; 2) „всѣми зависящими отъ нихъ способами содѣйствовать поддержанію существующихъ училищъ и открытію новыхъ, равно какъ и правильному посѣщенію оныхъ учащимися“; 3) „удовольствоваться (при посѣщеніи училищъ) въ нравственныхъ ка-

чествахъ преподавателей"; 4) ходатайствовать предъ губернскимъ совѣтомъ о назначеніи себѣ въ помощь довѣренныхъ лицъ изъ мѣстныхъ учителей; „эти довѣренные лица, не дѣлая отъ себя никакихъ распоряженій въ посѣщаемыхъ ими училищахъ, сообщаютъ о своихъ наблюденіяхъ и предположеніяхъ“ уѣзднымъ предводителямъ дворянства, и 5) „во всѣмъ заслуживающимъ особаго вниманія дѣламъ начальныхъ народныхъ училищъ предводители дворянства могутъ входить въ сношенія съ попечителями учебнаго округа; въ случаяхъ же особой важности — и непосредственно съ министромъ народнаго просвѣщенія“. Этимъ послѣднимъ постановленіемъ предводители дворянства приобрѣтаютъ право, какимъ пользуются только директоры народныхъ училищъ и попечители округовъ. Наконецъ, напомнимъ еще разъ, что жалобы на дѣйствія предводителей дворянства, какъ предсѣдателей училищныхъ совѣтовъ, могутъ быть приносимы только въ сенатъ, за исключеніемъ вопросовъ по учебной части. Итакъ, во всякомъ случаѣ, положеніе, создаваемое предводителямъ дворянства въ области народной школы—весьма почетно.

Уяснимъ себѣ теперь ближе роль органовъ инспекціи министерства народнаго просвѣщенія, какъ она очерчивается новымъ положеніемъ, дѣятельность директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ. Все завѣдываніе учебною частію въ этихъ училищахъ поручается непосредственно имъ. Наравнѣ и совмѣстно съ предводителями, они могутъ временно закрывать школы въ случаяхъ безпорядка и устранять неблагонадежныхъ преподавателей, съ доведеніемъ о томъ до свѣдѣнія уѣзднаго совѣта, который рѣшаетъ дѣло. За болѣзнію или вообще отсутствіемъ предводителей дворянства, самое предсѣдательство въ совѣтахъ передается директорамъ и инспекторамъ. Но главное то, что изъ всѣхъ членовъ училищнаго совѣта одни только инспекторъ и директоръ непосредственно завѣдуютъ частью внутренней организаціи школы: училищному совѣту предоставляется разрѣшеніе вопросовъ; дѣятельнымъ же членомъ въ веденіи самаго школьнаго дѣла будетъ инспекторъ, подчиненный директору; въ тому же самымъ дѣлопроизводствомъ въ училищномъ совѣтѣ, уѣздномъ и губернскомъ, будутъ завѣдывать инспекторъ и директоръ; инспектору предоставляется составленіе годичнаго отчета по уѣзду о состояніи всѣхъ народныхъ училищъ и обсужденіе общаго состоянія и направленія начальнаго народнаго образованія въ уѣздѣ, которое происходитъ въ уѣздномъ совѣтѣ именно при разсмотрѣніи отчета, составленнаго инспекторомъ. Такъ какъ составленіе такого отчета возлагается на прямую обязанность инспектора, то члены отъ земства, вѣроятно, перестанутъ составлять подобные отчеты для училищныхъ совѣтовъ, привнесшіе, впрочемъ, пользы доселѣ; поло-

женіе обязываетъ ихъ представлять земскимъ собраніямъ только свѣдѣнія о состояніи тѣхъ училищъ, въ содержаніи которыхъ земство участвуетъ, и не упоминаетъ даже, чтобы членамъ отъ земства предоставялось право посѣщать народныя училища вообще. Завѣдуя учебною частью въ училищахъ непосредственно, составляя отчетъ для училищнаго совѣта и завѣдуя дѣлопроизводствомъ этого совѣта, инспекторъ сверхъ всего этого „имѣетъ право, въ то время, когда нѣтъ засѣданій уѣзднаго училищнаго совѣта (а совѣтъ этотъ собирается только по мѣрѣ надобности), постановлять въ случаѣ надобности и въ предѣлахъ предоставленной ему власти рѣшенія, съ обязанностью отдавать отчетъ въ оныхъ предъ совѣтомъ и съ отвѣтственностью за таковыя рѣшенія“. Такъ какъ въ предѣлахъ своей власти инспекторъ можетъ постановлять рѣшенія и во время засѣданій уѣзднаго совѣта, то полномочіе, предоставляемое ему этой статьей, можетъ только означать, что въ промежуткахъ между сессіями совѣта инспекторъ имѣетъ право дѣйствовать по своему усмотрѣнію и подъ своей отвѣтственностью и въ такой сферѣ, въ которой требуется разрѣшеніе уѣзднаго совѣта. Что касается отвѣтственности при этомъ инспектора, то хотя положеніе упоминаетъ объ отвѣтственности его передъ совѣтомъ, но такъ какъ совѣтъ ни назначаетъ, ни увольняетъ инспектора, ни представляетъ его къ наградамъ, то не видно, какимъ образомъ отвѣтственность его предъ совѣтомъ могла бы выразиться, и достаточно будетъ принять, что на немъ лежитъ отвѣтственность предъ его начальствомъ.

Итакъ, съ одной стороны намъ представляются совѣты, имѣющие составъ весьма разнохарактерный: возникающіе вопросы рѣшаются ими; они поставлены выше директора и инспектора, которые однако завѣдуютъ ихъ дѣлопроизводствомъ и составляютъ имъ отчеты; затѣмъ — предводители дворянства, которымъ предоставлено председательствованіе въ совѣтахъ и общее попеченіе о благосостояніи, однимъ словомъ—весьма почетное положеніе. Нельзя не отдать новому устройству той справедливости, что предводителямъ дворянства директора и инспекторы—при всегда и вездѣ возможныхъ столкновеніяхъ — ничего не могутъ сдѣлать; предводители дворянства нисколько имъ не подчинены. Можно только опасаться, что въ крайнихъ случаяхъ, при полномъ разногласіи, предводители дворянства будутъ уклоняться отъ дѣла, которое можетъ идти и безъ нихъ, такъ какъ за отсутствіемъ ихъ председательствовать въ училищныхъ совѣтахъ будутъ директора и инспекторы, и они же будутъ вести въ тѣхъ совѣтахъ дѣлопроизводство. Съ другой стороны, намъ представляются эти административныя лица, директора и инспекторы: они непосредственно завѣдуютъ важнѣйшею частью въ училищахъ—

учебной частью, отъ которой все остальное зависить; подчиняются совѣтамъ, но ведутъ въ нихъ дѣлопроизводство; а въ то время, когда имѣтъ засѣданій совѣта, дѣйствуютъ собственной властью, въ ея предѣлахъ; они представляютъ плотную, дисциплинированную организацію, въ которой никакого ослабленія дѣйствій разногласіемъ быть не можетъ, такъ какъ директоръ есть прямой начальникъ инспектора, а попечитель округа — прямой начальникъ директора; они имѣютъ за собой цѣлое вѣдомство, во главѣ котораго стоитъ министръ; отъ дѣятельности по надзору за школами они не отвлекаются, подобно предводителямъ дворянства, никакими посторонними обязанностями, и наконецъ, посвящая все свое время надзору за школами, получаютъ за это весьма значительное вознагражденіе. Итакъ, каковы бы ни были прочіе результаты положенія 25-го мая, одинъ изъ нихъ легко предвидѣть и теперь, а именно, что при дѣйствіи его на практикѣ административный надзоръ надъ школами никакъ не будетъ принесенъ въ жертву какому-либо преувеличенному ожиданію представителей дворянства. Между тѣмъ, еслибы директора и инспекторы по самой буквѣ положенія сдѣланы были полными хозяевами дѣла, какъ предполагалось по первому проекту, то и всякій неуспѣхъ его лежалъ бы на полной отвѣтственности инспекціи. Теперь, въ случаѣ неуспѣха, часть отвѣтственности будетъ приписываться обществу и даже главная часть, такъ какъ по буквѣ новаго положенія, предводители дворянства поставлены выше лицъ инспекціи, и общее попеченіе объ умноженіи и нравственномъ направленіи народныхъ школъ возлагается именно на предводителей дворянства. „Дай Богъ, чтобы изъ этого вышелъ прокъ“, — говорятъ „Моск. Вѣдомости“, стоявшія въ свое время за первый проектъ, проектъ чисто административнаго надзора, — „и чтобы дворянство поняло всю важность своего призванія — быть руководителемъ народныхъ массъ въ образованіи. Оно получаетъ новую жизненную функцію и его государственное положеніе расширяется тѣмъ, что отнынѣ его служеніе будетъ входить значительною долей въ вѣдомство народнаго просвѣщенія“. Не знаемъ, какъ понравится нашимъ приверженцамъ „дворянской идеи“ эта фраза о расширеніи государственнаго положенія посредствомъ служенія въ вѣдомствѣ. Но наша забота не о нихъ; они преслѣдуютъ химеры. Мы присоединяемся къ пожеланіямъ „Московскихъ Вѣдомостей“, искренно желаемъ успѣха совмѣстному дѣйствію дворянства и инспекціи, отъ которой также было бы несправедливо и несообразно съ смысломъ новаго положенія, ничего не ожидать по руководству народныхъ массъ въ образованіи. При полномъ успѣхѣ, какового мы желаемъ дѣлу, главная заслуга будетъ все-таки принадлежать инспекціи, и справедливость тре-

буеть при данныхъ обстоятельствахъ ожидать главнаго именно отъ нея. Если возлагать всю надежду въ руководствѣ народныхъ массъ къ образованію на одно дворянство, какъ то дѣлаетъ московская газета, то было бы непонятно, для чего, въ то время, когда цѣлое сословіе „входитъ значительной долею своего служенія въ вѣдомство народнаго просвѣщенія“ бесплатно, въ этомъ вѣдомствѣ увеличиваются штаты на 250 тысячъ рублей въ годъ собственно на усиленіе состава инспекторовъ народныхъ школъ.

Въ такомъ нашемъ ожиданіи можетъ быть усмотрѣно противорѣчіе съ тѣмъ, что мы говорили выше о тѣхъ условіяхъ, какия, по нашему мнѣнію, были существенно необходимы для того, чтобы участіе въ этомъ дѣлѣ дворянства могло принести всю ту пользу, какой можно было ожидать отъ него. Но, въ дѣйствительности, никакого противорѣчія въ нашемъ разсужденіи нѣтъ. Можно ожидать пользы для народной школы отъ заботливости просвѣщеннаго дворянства, и можно ожидать для нея пользы отъ стараній образованной инспекціи. Намъ кажется несомнѣннымъ, что при той постановкѣ, какая дана дѣлу теперь, ожидать успѣха его слѣдуетъ главнымъ образомъ именно отъ инспекціи, и потому мы возлагаемъ теперь наши надежды на нее. Мы не желаемъ колебать довѣрія къ успѣху новаго положенія, и не можемъ допустить мысли, чтобы забота 140 новыхъ инспекторовъ осталась безъ всякой пользы для народной школы. Утверждать нѣчто подобное—значило бы впадать въ крайность, отрицать самую возможность принесенія пользы стараніями чиновниковъ, только потому, что въ дѣлѣ школы мы предпочли бы имъ дѣятельность представителей общества; это было бы абсурдъ. Само собою разумѣется, что и чиновники принесутъ пользу; но такъ какъ дворянство все-таки призвано оказывать имъ помощь, въ какой бы то ни было мѣрѣ, то намъ не вполнѣ ясно, какую связь съ этимъ имѣетъ именно назначеніе вновь на увеличеніе состава инспекторовъ такой значительной суммы, какъ 250 тысячъ рублей, на которую можно было бы содержать тысячу новыхъ народныхъ школъ насчетъ государства.

Мы занялись преимущественно тѣмъ положеніемъ въ области народной школы, которое создается теперь, съ одной стороны, предводителямъ дворянства, съ другой стороны—лицамъ административной инспекціи, такъ какъ въ этомъ заключается существеннѣйшая сторона и главная особенность разбираемаго нами постановленія. Но для полноты изложенія мы должны привести теперь и другія черты положенія 25-го мая, доселѣ нами не упомянутыя. Въ немъ не сказано, что всѣ начальныя народныя училища вообще, кѣмъ бы они учреждены ни были, подчиняются министерству народнаго просвѣщенія. Хотя дальнѣйшими статьями положенія и опредѣляется, что по-

наченіе о нравственномъ направленіи вообще начальныхъ училищъ въ губерніи и уѣздѣ возлагается на предводителей дворянства и училищныя совѣты, а завѣдываніе учебной въ нихъ частью на директоровъ и инспекторовъ, но тѣмъ не менѣе, можно пожалѣть, что въ первыхъ статьяхъ не установленъ прямо и ясно принципъ общаго подчиненія народныхъ школъ министерству народнаго просвѣщенія. Можно еще замѣтить, что въ статьяхъ этихъ упоминается отдѣльно о народныхъ училищахъ вѣдомства духовнаго, вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и прочихъ вѣдомствъ. Земству, городскимъ и сельскимъ обществамъ, учреждающимъ и содержащимъ народныя училища предоставляется для ближайшаго завѣдыванія ими избирать особыхъ попечителей и попечительницъ; учредителямъ же частныхъ и воскресныхъ школъ предоставляется самимъ быть ихъ распорядителями. Права обществъ и частныхъ лицъ въ этомъ отношеніи опредѣлены новымъ положеніемъ достаточно широко, и эта часть положенія вообще наиболѣе удачна, такъ какъ въ ней выразилось рациональное стремленіе поощрить общество къ устройству школъ. Попечители, попечительницы, распорядители и распорядительницы народныхъ школъ утверждаются и увольняются губернскимъ совѣтомъ по представленіямъ совѣтовъ уѣздныхъ; завѣдывая дѣлами ввѣренныхъ имъ школъ, они входятъ въ сношенія по нимъ съ инспекторами и отвѣтствуютъ за порядокъ. Имъ предоставляется право засѣдать и подавать голосъ въ засѣданіяхъ училищнаго совѣта по дѣламъ своихъ школъ—право весьма важное, тѣмъ болѣе, что попечители общественныхъ и распорядители частныхъ школъ не поставлены положеніемъ въ прамыя отношенія къ предводителямъ дворянства. Затѣмъ, хотя должно бы разумѣться само собою, что „размѣръ содержанія и порядокъ отчетности въ денежныхъ суммахъ по начальнымъ народнымъ училищамъ устанавливаются тѣми вѣдомствами, земствомъ, городскими и сельскими обществами и частными лицами, на счетъ которыхъ училища учреждены и содержатся“,—но все-таки хорошо, что объ этомъ положительно упомянуто въ положеніи, и притомъ прибавлено, что „въ распоряженія по всѣмъ этимъ предметамъ члены губернскаго и училищныхъ совѣтовъ (стало быть, директоры и инспекторы также) не входятъ, а принимаютъ ихъ только къ соображенію при обсужденіи вообще матеріальныхъ средствъ училищъ“. На опредѣленіе учителей требуется дозволеніе инспектора, который и сообщаетъ о нихъ уѣздному совѣту; по прошествіи учебнаго года и удостовѣреніи инспектора о выказанной учителями способности, они и утверждаются совѣтомъ; совѣту могутъ быть приносимы жалобы на инспектора за недопущеніе къ исполненію учительскихъ обязанностей; совѣтъ, по выслушаніи объясненій инспектора, и рѣ-

шаетъ вопросъ. Итакъ, по смыслу этихъ правилъ, нѣтъ необходимости, чтобы учителей назначалъ именно инспекторъ; лица, которыхъ опытность и благонадежность уже извѣстны совѣту, могутъ быть утверждаемы имъ и безъ годичнаго испытанія; увольненіе учителей по неблагонадежности зависитъ отъ уѣзднаго совѣта, съ правомъ предсѣдателя переносить дѣло въ губернской совѣтъ въ случаѣ своего несогласія съ большинствомъ членовъ. Стало быть, выбирать учителей и замѣнять ихъ новыми могутъ тѣ вѣдомства, земства, общества и частныя лица, которыя содержатъ школу, съ дозволенія инспектора, конечно, и съ утвержденія училищнаго совѣта,—хотя, надо замѣтить, такое право попечителей и распорядителей не выражено въ положеніи прямо.

Въ совокупности, надзоръ за народными училищами новымъ положеніемъ ввѣряется: ихъ учредителямъ, инспекторамъ училищъ, директорамъ училищъ, попечителямъ учебныхъ округовъ и министру, уѣздному и губернскому предводителямъ дворянства, отдѣльно отъ училищныхъ совѣтовъ и „въ общемъ званіи попечителей народныхъ училищъ“,—какъ сказано въ положеніи,—довѣреннымъ лицамъ отъ предводителей дворянства; училищнымъ совѣтамъ, уѣздному и губернскому, составленнымъ изъ представителей нѣсколькихъ вѣдомствъ; губернатору, которому принадлежитъ общее наблюденіе за ходомъ и направлениемъ первоначальнаго обученія въ губерніи, для чего, кромѣ общихъ правъ, принадлежащихъ ему по закону, губернатору представляется сообщать министерству народнаго просвѣщенія свои замѣчанія и соображенія по этому предмету; епархіальному архіерею, которому принадлежитъ высшее наблюденіе за преподаваніемъ закона Божія и религіозно-нравственнымъ направлениемъ обученія въ народныхъ училищахъ, для чего онъ сообщаетъ непосредственно министру народнаго просвѣщенія свои замѣчанія и соображенія по сему предмету; наконецъ—духовнымъ лицамъ, особо-назначаемымъ отъ архіерея для обзора народныхъ училищъ, если онъ не обзрѣваетъ ихъ самъ; въ положеніи не сказано, что архіерей не можетъ поручать такого обзора мѣстному приходскому священнику и хотя бы законоучителю школы. Итакъ, надзоръ за народною школою не оставляетъ уже, кажется, ничего желать относительно полноты. Впрочемъ, текстъ положенія 25-го мая еще не исчерпываетъ всѣхъ опредѣлений, очерчивающихъ условія существованія народной школы. Мнѣніемъ государственнаго совѣта, при которомъ новое Положеніе было представлено въ утвержденію, возложена на министра народнаго просвѣщенія обязанность составить особый наказъ въ руководство училищнымъ совѣтамъ при завѣдываніи народными школами. Наказъ этотъ, хотя онъ и будетъ строго держаться статей поло-

женія, можетъ дать каждой изъ нихъ ббльшее или меньшее развитіе, а потому характеръ вводимаго измѣненія уяснится вполне только послѣ изданія такого наказа.

Одновременно съ новымъ положеніемъ о народныхъ школахъ, послѣдовало утвержденіе закона, касающагося весьма чувствительнымъ образомъ правъ лицъ, занимающихся адвокатурою внѣ нормальныхъ ея условій, а именно—правъ тѣхъ ходатаевъ въ судебныхъ мѣстахъ, которые не состоятъ присяжными повѣренными. Утвержденные 25-го мая правила о „лицахъ, имѣющихъ право быть повѣренными по судебнымъ дѣламъ“, распространяется на всѣхъ, ходатайствующихъ по чужимъ дѣламъ въ судебныхъ мѣстахъ, за исключеніемъ присяжныхъ повѣренныхъ, по не исключая ихъ помощниковъ. Это есть попытка оформить сословіе неприсяжныхъ ходатаевъ такими опредѣленіями, которыя исключали бы изъ него лицъ, нравственно неблагонадежныхъ и не имѣющихъ сколько-нибудь достаточныхъ свѣдѣній. Правила 25-го мая создаютъ именно сословіе неприсяжныхъ повѣренныхъ; право быть повѣреннымъ по дѣламъ, производящимся какъ въ общихъ, такъ и въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, будутъ имѣть только лица, получившія особа свѣдѣтельства; такія свѣдѣтельства выдаются мировыми съѣздами, окружными судами и судебными палатами; свѣдѣтельство, выданное однимъ изъ этихъ мѣстъ, даетъ право на ходатайство лишь въ томъ мѣстѣ которое его выдало, и еще, по желанію довѣрителя, въ кассационной инстанціи по тому дѣлу, которое производилось въ мѣстѣ, выдавшемъ свѣдѣтельство. Передъ выдачею свѣдѣтельства, судебное мѣсто „имѣетъ право удостовѣриться въ надлежащихъ познаніяхъ“ того лица, которое о немъ проситъ (правило это не распространяется на лица, имѣющія уже свѣдѣтельство отъ другого, равнаго или высшаго суда, и на лица, имѣющія аттестаты объ окончаніи курса юридическихъ наукъ); но, сверхъ того, судебное мѣсто передъ выдачею свѣдѣтельства еще „принимаетъ въ соображеніе и всѣ свѣдѣнія, которыя оно признаетъ нужнымъ“; затѣмъ, оно или выдаетъ свѣдѣтельство просителю или отказываетъ ему въ томъ, хотя бы онъ и соответствовалъ всѣмъ требуемымъ закономъ формальнымъ условіямъ. За свѣдѣтельство мирового съѣзда платится 40 р. въ годъ, за свѣдѣтельство окружного суда или судебной палаты 75 р. въ годъ: деньги эти обращаются въ доходъ казны, уѣднаго земства и городовъ, смотря по тому, въ мѣстѣ содержится судъ, выдающій свѣдѣтельство. Имена повѣренныхъ публикуются въ губернскихъ вѣдомостяхъ и сообщаются къ свѣдѣнію министра юстиціи. Такимъ официальнымъ удостовѣреніемъ правъ и создается сословіе; кромѣ того, члены

его связываются отвѣтственностью. Впрочемъ, имъ не предоставляется учреждать въ своей средѣ совѣты съ дисциплинарной властью, существующіе въ средѣ присяжныхъ повѣренныхъ, которые, вслѣдствіе того, и представляютъ не только сословіе, но и настоящія общества съ нравственной солидарностью членовъ. Надзоръ за дѣйствіями не-присяжныхъ повѣренныхъ поручается прямо тѣмъ судебнымъ мѣстамъ, при которыхъ они состоятъ, и еще министру юстиціи. Этому надзору предоставляются широкія права: суды могутъ подвергать повѣренныхъ дисциплинарнымъ взысканіямъ: замѣчанію, выговору, запрещенію отправлять обязанности на время до одного года, и исключенію изъ числа повѣренныхъ. На всѣ такія постановленія судовъ, а также на отказы въ выдачѣ свидѣтельствъ на право ходатайства допускается аппеляція въ судебную палату, которая рѣшаетъ дѣло окончательно; аппеляція же для лицъ, состоящихъ или желающихъ состоять повѣренными при самой судебной палатѣ, приносится въ кассационный департаментъ сената. Министръ юстиціи, независимо отъ того, имѣетъ право „по доходящимъ до него несомнѣннымъ свѣдѣніямъ“ устранять отъ ходатайства по судебнымъ дѣламъ такія лица, которыя обнаруживаютъ предосудительный образъ дѣйствій. Чтобы не стѣснить право частныхъ лицъ,—просить кого-либо изъ людей, кому они довѣряютъ, ходатайствовать за нихъ въ качествѣ повѣренныхъ у мировыхъ судей, хотя бы такіе люди не принадлежали къ сословію повѣренныхъ,—правилами допускаются къ ходатайству у мировыхъ судей въ качествѣ повѣренныхъ и лица, не имѣющія свидѣтельствъ, но съ тѣмъ, чтобы они являлись въ этомъ качествѣ не болѣе, чѣмъ по тремъ дѣламъ въ теченіе года, въ предѣлахъ одного мирового округа. Въ мнѣніи государственнаго совѣта, при которомъ правила были представлены къ утвержденію, установлено, что они вводятся въ дѣйствіе по истеченіи мѣсяца со дня полученія правилъ судами; но при этомъ оставляются въ силѣ на одинъ годъ прежнія довѣренности на ходатайство по чужимъ дѣламъ, данныя до полученія на мѣстѣ новыхъ правилъ.

Нельзя сказать, чтобы правила эти встрѣтили въ печати единогласное признаніе рациональности и цѣлесообразности ихъ основныхъ положеній. Согласіе проявилось только въ томъ, что вообще признана была необходимость какихъ-либо гарантій противъ массы невѣжественныхъ и недобросовѣстныхъ частныхъ ходатаевъ, которые нерѣдко обманывали своихъ довѣрителей и затрудняли суды самымъ своимъ невѣжествомъ. Высказаны были мнѣнія, что право судебныхъ мѣстъ отказывать въ выдачѣ свидѣтельствъ выражено слишкомъ широко, что оно можетъ иногда вестъ къ произволу, особливо при помощи такого основанія для отказа, какъ „всѣ свѣдѣнія, при-

знаваемыя нужными" и право отказа на этомъ основаніи даже въ случаѣ наличности всѣхъ формальныхъ условій; заявлено было также недоумѣніе, что должно пониматься подъ именемъ „надлежащихъ познаній“, требуемыхъ отъ неприсяжныхъ адвокатовъ. Наконецъ, размѣръ платы по свидѣтельству отъ каждаго судебного мѣста, платы ежегодной, былъ нѣкоторыми найденъ слишкомъ высокимъ. Намъ кажется, что противъ всѣхъ этихъ замѣчаній можно сдѣлать достаточно убѣдительныя возраженія, если только однажды признается необходимость принять мѣры въ огражденію и публики, и судовъ отъ неспособныхъ и недобросовѣстныхъ ходатаевъ. Ясно, что одними формальными условіями ограничиться было нельзя, потому что эти условія, за исключеніемъ неопредѣленнаго понятія о „надлежащихъ познаніяхъ“ (т.-е. на дѣлѣ—грамотности, такъ какъ безъ обязательной программы немислимъ экзаменъ)—представляютъ свойства чисто-отрицательныя, наличность которыхъ еще не ручается за добросовѣстность. Какъ право совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ принимать или не принимать въ среду ихъ кандидатовъ есть право въ сущности дискреціонное, таково по необходимости должно быть и право судовъ, на которые возлагается надзоръ за повѣренными неприсяжными. Произволь отдѣльныхъ судовъ здѣсь устраняется по возможности — апелляціею; а такъ какъ апелляція затруднительна, если отказъ мотивированъ отсутствіемъ познаній, то другое правило лишаетъ судъ права удостовѣряться въ познаніяхъ, если проситель имѣетъ уже свидѣтельство отъ другого равнаго или высшаго суда. Допустимъ, что какой-либо мировой съѣздъ сталъ бы признавать неспособными такихъ ходатаевъ, которыхъ онъ боится или которыхъ почему-либо несправедливо хочетъ устранить; они могутъ получить свидѣтельство отъ другого съѣзда или суда, и оно удостовѣритъ ихъ способность. Размѣръ платы за свидѣтельство, дѣйствительно, довольно высокъ, но онъ объясняется тѣмъ, что неприсяжные повѣренные не несутъ ни денежной, ни личной повинности по защитѣ по назначенію суда, а между тѣмъ пользуются правомъ вознагражденія по таксѣ, существующей для присяжныхъ повѣренныхъ. Нѣсколько стѣснительнымъ намъ кажется правило, что и у мировыхъ судей нельзя будетъ ходатайствовать болѣе трехъ разъ въ году безъ свидѣтельства. Здѣсь, очевидно, имѣлось въ виду устранить возможность обходить законъ ходатаямъ по ремеслу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, правило это крайне стѣснитъ владѣльцевъ домовъ, фабрикъ и т. д., имѣющихъ весьма часто дѣла у мировыхъ судей, которыя они и поручали своимъ приказчикамъ, даже дворникамъ; имъ теперь придется или имѣть управляющаго съ формальной довѣренностью, или брать для каждаго дѣла повѣреннаго со свидѣтельствомъ,

или всегда являться въ судъ самимъ, что, напримѣръ, для женщинъ затруднительно.

Главное же, кажется, заключается не въ этихъ деталяхъ. Попытка создать сословіе присяжныхъ повѣренныхъ есть отступленіе отъ одного изъ принциповъ судебной реформы, который признавалъ для повѣреннаго по судебнымъ дѣламъ необходимымъ юридическое образованіе, допускалъ только одного адвоката въ общихъ установленіяхъ—адвоката ученаго и притомъ независимаго какъ отъ судебныхъ мѣстъ, такъ и отъ министерства юстиціи. Принципъ этотъ былъ проведенъ въ законѣ, и хотя въ дѣйствительности законъ не оградило его воспрещеніемъ ходатайства адвокатамъ неученымъ, не присяжнымъ, но не сдѣлалъ этого только въ видѣ уступки временной необходимости. Еслибы хотѣли сохранить этотъ принципъ въ силѣ и все-таки принять мѣры къ устраненію массы положительно вредныхъ ходатаевъ, то послѣднее можно было сдѣлать, не организуя присяжныхъ ходатаевъ въ сословіе. Достаточно было бы установить напримѣръ, что право на ходатайство по чужимъ дѣламъ дается свидѣтельствомъ объ окончаніи курса или экзаменомъ въ учебныхъ заведеніяхъ не ниже уѣзднаго училища, а каждому судебному мѣсту предоставляется лишить этого права поименно каждое лицо, оказавшее его недостойнымъ; причемъ могло быть оговорено и право просителей на апелляцію. Это было бы опредѣлительнѣе тѣхъ условій, какія выражены въ нынѣшнихъ правилахъ и не составляло бы никакого отступленія отъ важнаго принципа, однажды усвоеннаго нашимъ судоустройствомъ. О „монополіи“ присяжныхъ повѣренныхъ невозможно будетъ и говорить, когда ихъ будетъ достаточное число; но есть другая, необходимая монополія, которой отмѣна вовсе не желательна: это монополія въ судебной практикѣ высокихъ качествъ знанія и независимости.

Съ перемѣною, которая произошла въ прошломъ мѣсяцѣ въ высшемъ управленіи министерства путей сообщенія, въ обществѣ могло возникнуть опасеніе, какъ бы концессионная система постройки желѣзныхъ дорогъ у насъ окончательно не восторжествовала; извѣстно, что бывшій министръ рѣшительно высказывался противъ этой системы и защищалъ мысль о государственной постройкѣ желѣзныхъ дорогъ вообще, заботясь о примѣненіи этого способа постройки къ двумъ линіямъ, которыя должны строиться въ ближайшее время. Мы не видимъ однако основанія такимъ образомъ окончательно связывать съ лицомъ одного изъ правительственныхъ лицъ судьбу той мысли, которой справедливость, среди нашихъ условій, не можетъ быть серьезнымъ образомъ опровергаема, и входитъ болѣе и болѣе

въ общее сознаніе. Въ необходимости государственной постройки, конечно, не убѣдятся никогда кружки концессионеровъ, лицъ, чьихъ интересы такъ или иначе солидарны съ системою концессій, и органы, которымъ эти новѣйшіе откупщики бросаютъ порою подачку. Въ самой администраціи могутъ держаться взгляды, благопріятныя концессионной системѣ; такъ, именно финансовое вѣдомство, свыкшись съ нынѣшней финансовою обстановкою желѣзно-дорожнаго дѣла, можетъ, придерживаясь хотя бы только установившейся рутины, не желать переменъ въ этомъ дѣлѣ. Извѣстно, что финансовое вѣдомство въ Россіи поддерживало долгое время систему винныхъ откуповъ, признавая невозможной ихъ отміну безъ потрясенія государственныхъ доходовъ. И однакоже откупы пали; само финансовое вѣдомство должно было отказаться отъ нихъ, когда въ общественномъ сознаніи созрѣлъ имъ приговоръ, какъ системѣ въ высшей степени безнравственной и разорительной для страны. Мы надѣемся того же и для отміны концессионной системы. Еслибы она восторжествовала, еслибы съ удаленіемъ одного лица окончательно пала самая мысль о возможности освободить желѣзно-дорожное строительство отъ гнета и деморализаціи спекулятивныхъ продѣлокъ, то это знаменовало бы печальный фактъ, что въ Россіи необходимо должны существовать *откупы* въ той или иной формѣ; что откупщики, *fermiers-généralx* стараго режима, нынѣ называемые концессионерами, такіе благодѣтели, безъ которыхъ мы обходиться не можемъ въ виду слишкомъ „почтенныхъ интересовъ“, которые ими представляются. Еслибы мы думали такъ, еслибы мы убѣдились, что новая Россія ничѣмъ не отличается отъ Россіи старой, что вся переменна заключается въ либеральномъ переименованіи тѣхъ же лицъ и тѣхъ же вещей, то мы перестали бы говорить, сочли бы прѣжде всего излишнимъ обращеніе печати и къ правительству, и къ обществу. Писать только для того, чтобы спорить о новыхъ ярлыкахъ для старыхъ вещей, и о дѣлѣжѣ подачекъ, мы, конечно бы, не стали. Итакъ, если мы говоримъ, то, стало быть, вѣримъ въ силу обновленія Россіи, не считаемъ его призракомъ, хотя и знаемъ, что оно еще только началось. Мы просимъ извиненія за такую оговорку, которая на взглядъ иного читателя, быть можетъ, не вытекаетъ изъ занимающаго насъ предмета; но она вызвана особымъ поводомъ. Не имѣя никакого, хотя бы отдаленнѣйшаго отношенія ни къ прежнему управленію министерства путей сообщенія, ни ко всему министерству путей сообщенія вообще, мы говорили и говоримъ за государственную постройку желѣзныхъ дорогъ и противъ концессионной системы, потому что видимъ въ послѣдней нравственно-невыгодныя и экономически-убыточныя начала нашихъ прежнихъ откуповъ, дополненныя тѣми „современными“ прин-

цилами, которые нѣкогда привели Францію къ господству Перейровъ и Миресовъ, а въ Вѣнѣ произвели недавно знаменитый Кгасч, потрясшій на долгое время все экономическое положеніе Австріи.

Невыгоды предоставленія такого дѣла, какъ постройка желѣзныхъ дорогъ—спекуляціи и биржевой игрѣ, болѣе и болѣе уясняется даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ частная промышленность сама собирала для нея средства. Тѣмъ болѣе очевидны эти невыгоды у насъ, гдѣ средства на постройку даетъ казна, и гдѣ нажива концессионеровъ и биржевыхъ игроковъ приобрѣтается прямо на податныя деньги, обязательно платимыя народомъ, а не на добровольныя ставки частныхъ лицъ, желающихъ принять участіе въ игрѣ, въ надеждѣ выигрыша. Такія возраженія, какъ мнимо-либеральныя, юбилейно-объденныя фразы объ „общественной самодѣятельности“ въ пользу откупщиковъ, не имѣютъ смысла въ Россіи; съ одинаковою основательностью ихъ можно было приводить противъ надѣла крестьянъ землею и противъ учрежденія мировыхъ посредниковъ; можно было, пожалуй, требовать, чтобы крестьянамъ было предоставлено самимъ выкупать землю, а помѣщикамъ вступать съ ними въ соглашеніе или не вступать: *laissez faire, laissez passer*. Въ Германіи, гдѣ средства на частную постройку желѣзныхъ дорогъ частная промышленность собирала сама, тѣмъ не менѣе сознается уже необходимость не только удержанія дальнѣйшей постройки дорогъ въ рукахъ правительства, но и выкупа имъ по возможности дорогъ, уже построенныхъ частными обществами. Не лишне будетъ привести отрывокъ изъ передовой статьи по этому предмету, помѣщенной въ іюлѣ въ „Frankfurter Zeitung“, которой мнѣнія не могутъ быть перетолкованы въ смыслѣ какой-либо солидарности съ имперскимъ желѣзно-дорожнымъ управленіемъ или вообще съ администраціею, такъ какъ издатель ея—извѣстный радикальный депутатъ Зоннеманъ, и въ томъ же номерѣ, изъ котораго мы сдѣлаемъ выписку, сообщается, что онъ сѣлъ въ тюрьму. „Со времени прошлогодняго финансоваго кризиса,—говоритъ „Frankfurter Zeitung“,—существенно прояснились мнѣнія по вопросу о государственныхъ или частныхъ желѣзныхъ дорогахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ только одиночные голоса въ печати дерзали высказываться противъ монополіи частныхъ дорогъ. „Frankfurter Zeitung“ была единственной большою газетою, стоявшей рѣшительно за казенныя дороги. Въ парламентахъ и экономическихъ собраніяхъ и торговыхъ палатахъ преобладали приверженцы манчестерской школы, неустанно выступавшіе на защиту акціонерныхъ дорогъ съ громкою фразою, что государство не должно заниматься промышленностью. Два германскія правительства—брауншвейгское и мекленбургское продали свои государственныя дороги; третье пра-

вительство—баденское начало переговоры о продажѣ своей желѣзно-дорожной сѣти; въ Вюртембергѣ также были попытки передать нѣкоторыя главныя линіи въ руки частныхъ обществъ. Нынѣ все это перемѣнилось. Прусскій сеймъ ежегодно предоставляет сотни милліоновъ на постройку новыхъ казенныхъ дорогъ, и противъ этого не возражаетъ ни одинъ голосъ, сколько-нибудь заслуживающій вниманія (neppenswerth). Неблагопріятные результаты по эксплуатаціи, и въ особенности скандалы, въ родѣ дѣлъ Вагенера и Путбуса, положили конецъ частной постройкѣ на сѣверѣ, надо надѣяться, — навсегда. Болѣе и болѣе распространилось убѣжденіе, что эксплуатація еще не представляетъ самой невыгодной стороны дѣла; ослабительные примѣры научили всѣхъ, что наибольшія опасности общественному благосостоянію возникаютъ изъ *постройки* желѣзныхъ дорогъ чрезъ частныя общества, опасности, которыя не можетъ устранить даже и позднѣйшій выкупъ дорогъ государствомъ, такъ какъ удостовѣреніе расходовъ, произведенныхъ дѣйствительно на постройку, впоследствии едва ли мыслимо. Переворотъ, происшедшій въ общественномъ мнѣніи по желѣзно-дорожному вопросу, упрочился до такой степени, что дирекція одной изъ важнѣйшихъ частныхъ дорогъ — рейнской, въ своемъ недавно опубликованномъ годовомъ отчетѣ, должна была признаться, что судьба частной постройки дорогъ въ германской имперіи уже порѣшена. Недавнія пренія въ баварской палатѣ по вопросу о выкупѣ восточныхъ дорогъ подтверждаетъ это мнѣніе. Палата почти единогласно рѣшила дѣло въ принципѣ въ пользу перехода восточной дороги въ руки казны; съ удовольствіемъ отмѣчая этотъ результатъ, мы думаемъ, что при данныхъ обстоятельствахъ сами владѣльцы акцій пожелаютъ, чтобы дѣло состоялось какъ можно скорѣе“.

Повторяемъ, что невыгодныя стороны концессіонной системы и у насъ въ Россіи все болѣе и болѣе уясняются для общественнаго сознанія; стало быть, восторжествовать окончательно она не можетъ. Допустимъ даже, что новое управленіе путей сообщенія, болѣе податливое при началѣ своей дѣятельности, когда оно еще не успѣло бы выработать самостоятельнаго взгляда, склонилось бы къ сохраненію status quo; но и въ такомъ случаѣ не совсѣмъ легко и удобно было бы порѣшить, хотя бы на время, съ мыслью объ устраненіи концессіонной системы при той постановкѣ, какая уже была дана ей въ правительственныхъ сферахъ.

По слухамъ, при обсужденіи въ комитетѣ министровъ вопроса о казенной постройкѣ двухъ линій, которыя должны строиться въ ближайшее время, вопросъ этотъ остался нерѣшеннымъ не потому, чтобы это высшее правительственное учрежденіе, въ лицѣ большинства

своихъ членовъ, было убѣждено въ превосходствѣ системы постройки чрезъ концессионеровъ, но совсѣмъ наоборотъ. Комитетъ министровъ, какъ мы слышали, именно отвергъ концессионный способъ, и если не положилъ прямо обратиться къ казенной строительствѣ дорогъ донецкой и мелитопольской, то единственно потому, что съ подлежащей стороны не было признано возможнымъ дать тѣ средства, которыя требовались для замѣны акціонернаго капитала, составляемаго подпискою. При устраниніи концессионернаго способа приходилось отказаться отъ той четверти капитала, нужнаго на постройку, который представляется капиталомъ въ акціяхъ и въ настоящемъ случаѣ представлялся бы цифрою 10 милл. рублей. Эти средства, дополнительно къ облигаціонному капиталу, предположено было отпустить изъ государственныхъ ресурсовъ, по три милл. рублей въ теченіи трехъ лѣтъ и одному милл. рубл. на четвертый годъ. Вотъ этихъ-то ресурсовъ, повидимому, и не оказалось у государственнаго казначейства, которое, впрочемъ, какъ извѣстно, постоянно удовлетворяетъ въ теченіи года непредвидѣнные расходы въ размѣрѣ въ 10 разъ превосходящемъ цифру 3-хъ милліоновъ, благодаря возвышенію доходовъ, а, сверхъ того, имѣетъ около 100 милл. рублей нереализованныхъ ресурсовъ за границею. Можно бы привести примѣры весьма значительныхъ авансовыхъ выдачъ концессионерамъ-строителямъ изъ специальныхъ ресурсовъ, не затруднившихъ государственное казначейство. Но какъ бы то нибыло, въ настоящемъ случаѣ, средствъ этихъ для министерства путей сообщенія не нашлось, и только вслѣдствіе этого одного обстоятельства, вопросъ о казенной строительствѣ дорогъ донецкой и мелитопольской не былъ рѣшенъ теперь. По слухамъ, комитетъ министровъ предоставилъ министру путей сообщенія, по соглашенію съ министромъ финансовъ, изыскать для постройки этихъ линій какой-либо иной способъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ ни въ какомъ случаѣ не былъ концессионнымъ.

Итакъ, хотя предположеніе министерства путей сообщенія о казенной строительствѣ донецкой и мелитопольской дорогъ пока и не осуществилось, но самая эта неудача, при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ она состоялась, показываетъ, что необходимость устранинія концессионнаго способа уже весьма ясно сознана и въ правительственныхъ сферахъ, и что противъ государственной постройки не нашлось уже никакого убѣдительнаго аргумента, кромѣ оказавшейся невозможности ассигновать три милліона рублей изъ 500-милліоннаго бюджета или изъ 100-милліонныхъ запасныхъ ресурсовъ. Затѣмъ, при изысканіи новаго способа постройки долженъ будетъ все-таки представиться выборъ между тремя способами: концессионнымъ, который впередъ отвергнуть, публичной подпиской, ко-

торая, какъ блистательно доказали недавніе факты, есть тотъ же концессионный способъ только въ скрытомъ видѣ и сопровождаемый еще бѣльшими невыгодами, въ нравственномъ и матеріальномъ смыслѣ, чѣмъ прямая выдача концессій—и постройкой непосредственно отъ государства. Весьма интересно будетъ видѣть, къ какому соглашенію съ министерствомъ финансовъ придетъ по этому предмету новое управленіе министерства путей сообщенія; но сомнительно, чтобы совмѣстныя ихъ усилія могли привести къ открытію четвертаго способа, если только этотъ способъ не будетъ состоятъ въ томъ, чтобы пока вовсе не строить дорогъ.

По вопросу о способѣ постройки желѣзныхъ дорогъ намъ усиленно навязываются со своею „полемикой“ „Биржевыя Вѣдомости“. Между постройкою дорогъ отъ государства и предоставленіемъ ея концессионерамъ газета видитъ только ту разницу, что въ первомъ случаѣ строить „русскіе подданные, состоящіе на коронной службѣ“, а во второмъ—представители „80-милліонной массы русскихъ подданныхъ, не состоящихъ на коронной службѣ“—концессионеры; интересъ концессионеровъ, по мнѣнію газеты, представляетъ собою интересъ „нашей общественной самодѣтельности“, говорить противъ эксплуатаціи государства откупщиками можно только „потерявъ вѣру въ нашу общественную самодѣтельность“ (изъ чего слѣдуетъ, что изъятіе акцизнаго дѣла изъ рукъ администраціи и восстановленіе винныхъ откуповъ было бы полнымъ триумфомъ нашей общественной самодѣтельности); негодумъ во имя этихъ либеральныхъ началъ противъ постройки дорогъ распоряженіемъ государства, „Биржевыя Вѣдомости“ противопоставляютъ „русскихъ подданныхъ, не состоящихъ на коронной службѣ и строящихъ дороги“, то-есть концессионеровъ—„паразитамъ, назначеннымъ только для высасыванія государственной крови“. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли назвать паразитами концессионеровъ, которые жетъ постройки на назенныя деньги привлекаютъ себѣ милліонныя состоянія? Это—представители 80-милліонной массы русскихъ подданныхъ, сила и гордость нашей общественной самодѣтельности. Говоря о предположеніи бывшаго министра путей сообщенія предпринять постройку двухъ первыхъ линий отъ государства въ видѣ новаго опыта, мы называли этотъ проектъ полумѣрою, отрицали необходимость новаго опыта и высказали убѣжденіе, что теперъ же слѣдовало бы окончательно рѣшить общій вопросъ о способѣ постройки дорогъ — въ пользу постройки непосредственнымъ распоряженіемъ государства. „Бирж. Вѣд.“ увѣряютъ, что этимъ мы сами „противуполагаемъ своему по-

ложенію соответственное отрицаніе", и говорить, что опыты не нужны, такъ какъ достаточно разъяснено, что казенное строительство невыгодно во всѣхъ отношеніяхъ. Наконецъ, „Виржевыя Вѣдомости“ нѣсколько разъ повторяютъ, что наши статьи по этому предмету внушены „служебной ревностью чиновника“. Во всемъ этомъ только эта послѣдняя выдумка и требуетъ отвѣта, который мы уже и дали выше; ни авторъ нашихъ статей, ни редакція ни въ какихъ отношеніяхъ съ министерствомъ путей сообщенія никогда не находились. Выдумка эта со стороны такой газеты, какъ „Виржевыя Вѣдомости“, оставляетъ насъ, впрочемъ, совершенно равнодушными. Что касается комическаго вздора, который выдается ими за либеральную аргументацію, то мы обратили на него вниманіе только потому, что въ немъ искажались наши слова.

В О П Р О С Ъ

о

СЛУЖБЪ ЖЕНЩИНЪ ВЪ ЖЕЛѢЗНО-ДОРОЖНЫХЪ ОБЩЕСТВАХЪ.

Недавно въ газетахъ появилась выдержка изъ протоколовъ желѣзно-дорожнаго сѣзда 1873 года по вопросу о службѣ женщинъ на желѣзныхъ дорогахъ. Считаемо не лишнимъ разобрать этотъ вопросъ болѣе обстоятельно, на томъ основаніи, что, обсуждаемый въ газетныхъ статьяхъ, онъ не былъ рассмотрѣнъ никогда со всѣхъ его сторонъ. Мы считаемъ это нужнымъ потому, что при подробномъ рассмотрѣніи онъ является связаннымъ со многими сторонами нашей общественной жизни и становится такимъ дѣломъ, къ которому нельзя относиться легко.

Еще въ общемъ сѣздѣ желѣзно-дорожныхъ представителей 1872 г. былъ возбужденъ вопросъ: можетъ ли относиться къ желѣзнымъ дорогамъ правило о воспрещеніи принимать женщинъ на службу въ желѣзно-дорожныхъ обществахъ, и если можетъ, то должно ли оно примѣняться безусловно ко всѣмъ вообще должностямъ, доступнымъ для женщинъ по физическимъ условіямъ труда, или изъ этого правила могутъ быть допущены исключенія въ пользу нѣкоторыхъ должностей? По сношенію министерства путей сообщенія съ другими вѣ-

домствами вопросъ этотъ разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что, на основаніи существующихъ постановленій, женщины не могутъ быть допускаемы ни въ какія служебныя должности по желѣзнымъ дорогамъ, что и объявлено сѣзду желѣзно-дорожныхъ представителей 1873 г. въ засѣданіи его 19-го ноября.

Въ виду значительнаго распространенія на желѣзныхъ дорогахъ женскаго труда въ должностяхъ телеграфистовъ, бухгалтеровъ, контролеровъ, кассировъ и путевыхъ сторожей и вполнѣ добросовѣстнаго исполненія этихъ обязанностей женщинами, представители желѣзно-дорожныхъ обществъ не могли не обратить вниманія, въ какое затрудненіе ставило ихъ подобное распоряженіе, и должны были сознаться, что, при всемъ желаніи исполнить въ точности требованіе правительства, они не въ состояніи замѣнить немедленно мужчинами такую массу служащихъ и опытныхъ контролеровъ, бухгалтеровъ, телеграфистовъ и сторожей, такъ какъ три первыя должности и въ особенности обязанности телеграфистовъ требуютъ значительнаго времени для приисканія и подготовленія необходимыхъ кандидатовъ, а замѣна женщинъ-сторожей—устройства новыхъ помѣщеній вдоль всѣхъ линій. Кромѣ того, представители желѣзно-дорожныхъ обществъ не могли не принять въ соображеніе, что подобная мѣра влечетъ за собой значительное увеличеніе расходовъ по эксплуатаціи, какъ потому, что женскій, нынѣ употребляемый на дорогахъ, трудъ значительно дешевле мужского, такъ и потому, что нынѣшнее незначительное содержаніе должностей, занимаемыхъ мужчинами, обусловливается тѣмъ, что семейства ихъ находятъ для себя занятія на желѣзныхъ дорогахъ, за что получаютъ вознагражденіе, служащее дополненіемъ къ доходу старшаго члена семьи; при новыхъ же условіяхъ оклады всѣхъ служащихъ должны быть значительно увеличены, какъ вслѣдствіе излишняго спроса на трудъ, такъ и вслѣдствіе сокращенія его предложенія. Но такое увеличеніе расходовъ для большинства дорогъ становится невозможнымъ по незначительности ихъ доходовъ. На основаніи всего изложеннаго сѣздъ пришелъ къ заключенію о необходимости представить всѣ эти соображенія на благоусмотрѣніе господина министра путей сообщенія.

Разсматривая настоящій вопросъ съ точки зрѣнія, выраженной въ представленіи сѣзда, нельзя не согласиться, что немедленное увольненіе всѣхъ женщинъ, состоящихъ на службѣ въ желѣзно-дорожныхъ обществахъ, положительно невозможно безъ совершенной остановки движенія по желѣзнымъ дорогамъ, такъ какъ количество должностей, ими занимаемыхъ, слѣдуетъ считать тысячами. Одиѣхъ женщинъ-сторожей можно насчитать болѣе 10 тысячъ. Чтобъ замѣнить ихъ мужчинами, необходимо удвоить число сторожевыхъ будокъ

на всѣхъ вообще линіяхъ, а для этого необходимо значительное время и большія затраты капитала. Должности телеграфистовъ почти во всѣхъ обществахъ преимущественно занимаются женщинами и подготовленіе опытныхъ телеграфистовъ, даже по присканіи желающихъ, требуетъ, по крайней мѣрѣ, шестимѣсячнаго срока. Между тѣмъ, безъ полнаго и притомъ вполне опытнаго состава телеграфистовъ не можетъ быть допущено движеніе на желѣзныхъ дорогахъ, и съ этой цѣлю телеграфистки на линіяхъ принимаются не иначе, какъ по удостовѣреніи телеграфнаго вѣдомства объ ихъ опытности. Какимъ же образомъ согласить выдачу удостовѣреній женщинамъ на право быть телеграфистками со стороны телеграфнаго вѣдомства съ воспрещеніемъ принимать ихъ на службу по желѣзнымъ дорогамъ? Какимъ образомъ согласить сохраненіе женщинъ на государственной службѣ въ телеграфномъ вѣдомствѣ и воспрещеніе приѣма ихъ на желѣзныхъ дорогахъ? Ясно, что такая непослѣдовательность не могла быть допущена, и на этомъ основаніи въ Высочайшемъ повелѣніи для телеграфистовъ сдѣлано исключеніе. Кромѣ того, въ томъ же повелѣніи сдѣлано исключеніе и для бухгалтерскихъ должностей по IV отдѣленію собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, на которыя назначаются дѣвицы, съ успѣхомъ окончившія курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ, состоящихъ въ вѣдѣніи IV отдѣленія. Ко всему этому необходимо прибавить еще одинъ фактъ: въ таможенномъ вѣдомствѣ на государственной службѣ состоитъ цѣлая масса женщинъ, исполняющихъ свои обязанности вполне добросовѣстно. При существованіи подобныхъ правилъ до сихъ поръ не было основанія воспрещать и желѣзно-дорожнымъ обществамъ принимать женщинъ на службу. А такъ какъ бухгалтерія и контроль, въ особенности по желѣзнымъ дорогамъ, есть своего рода специальность, для которой нужна извѣстная подготовка, то замѣнить ихъ мужчинами немедленно также нѣтъ никакой возможности.

Изъ сказаннаго очевидно, что безусловнаго воспрещенія оставлять женщинъ на службѣ въ желѣзно-дорожныхъ обществахъ сдѣлать нельзя, а необходимо допустить исключенія, какъ то и сдѣлано въ означенномъ Высочайшемъ повелѣніи для телеграфистовъ, бухгалтеровъ IV отдѣленія и женщинъ на службѣ таможеннаго вѣдомства. При этомъ нельзя не замѣтить, что исключенія должны быть сдѣланы не только временныя, по невозможности измѣнить быстро составъ служащихъ и въ виду извѣстныхъ филантропическихъ цѣлей, по которымъ нельзя оставить безъ куска хлѣба массу ни въ чемъ неповинныхъ женщинъ, но и постоянныя—въ виду самаго Высочайшаго повелѣнія и существовавшаго съ того времени примѣненія его на практикѣ.

Но если исключенія необходимы, то затѣмъ представляется другой, повидимому еще болѣе затруднительный вопросъ, о предѣлахъ этихъ исключеній, какъ по отношенію къ роду занятій, такъ и по отношенію ко времени, на которое эти исключенія будутъ сдѣланы.

Если принять за правило, что женщины не должны быть допускаемы въ тѣхъ должностяхъ, которыя приходятъ въ соприкосновеніе съ публикой, то ихъ относительно не много, такъ какъ только одни кассиры имѣютъ сношеніе съ публикой. Но при этомъ нельзя уже допускать и женскую прислугу въ желѣзно-дорожныхъ буфетахъ, такъ какъ прислуга всего болѣе имѣетъ соприкосновеній съ публикой; а извѣстно, что болѣшая часть прислуги въ цѣлой Европѣ и въ западной половинѣ Россіи состоитъ изъ женщинъ. Затѣмъ, если не допускать женской прислуги на желѣзныхъ дорогахъ, то безъ явнаго нарушенія справедливости нельзя дозволить сохраненія ея въ другихъ гостинницахъ, ресторанахъ и вообще во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ публика имѣетъ доступъ. Но очевидно, что расширить до этихъ предѣловъ правило объ ограниченіи женскаго труда невозможно на томъ простомъ основаніи, что положительно невозможно наблюденіе за его исполненіемъ. Какое же другое основаніе можетъ быть принято для опредѣленія границъ, до которыхъ могутъ доходить исключенія въ пользу женскаго труда? Въ чемъ состоитъ тотъ признакъ, по которому можно опредѣлить, гдѣ оканчивается возможность приложенія его? Очевидно, что рациональное основаніе для опредѣленія этихъ границъ состоитъ въ естественныхъ условіяхъ труда, невозможнаго для женщинъ. Другого условія нѣтъ, и быть не можетъ. Но если существуютъ естественныя условія, по которымъ нѣкоторыя занятія несвойственны женщинамъ, то нѣтъ никакой надобности и воспрепятствовать замѣщенія этихъ должностей женщинами: послѣднія и сами не пожелаютъ ихъ занимать, да и никому въ голову не придетъ замѣщать эти мѣста женщинами.

Точно также трудно опредѣлить и время, на которое можетъ быть разрѣшено обществу сохранить за женщинами право службы на желѣзныхъ дорогахъ. Если положить срокъ, по истеченіи котораго женщины должны быть замѣщены мужчинами, то, во-первыхъ, срокъ этотъ всегда будетъ произволенъ, и, во-вторыхъ, та филантропическая цѣль, вслѣдствіе которой невозможно оставить безъ куска хлѣба массу виновныхъ жертвъ, вовсе не достигается. Если же установить правиломъ, что нынѣ служащія женщины будутъ сохранять свои мѣста и только не будутъ опредѣляемы вновь, то это было бы несправедливостью, какъ въ отношеніи тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя или вновь дѣлаются семейными людьми, или семейства которыхъ лишаются постороннихъ занятій по какому-либо причинанью,

какъ напริมѣръ, вслѣдствіе перемѣщенія старшаго члена семьи. Вообще, невозможно найти причину, по которой служба прежде поступившей женщины допускается и не признается вредною, между тѣмъ какъ служба вновь опредѣляемой считается не только вредною, но даже опасною... Переходя затѣмъ къ общему вопросу о женскомъ трудѣ слѣдуетъ замѣтить, что его можно разсматривать съ юридической, экономической и политической стороны.

Для правильнаго разъясненія юридической стороны вопроса объ ограниченіи женскаго труда необходимо коснуться общихъ постановленій нашего законодательства относительно правъ женщинъ.

Въ сферѣ гражданскихъ отношеній женщины пользуются у насъ полною самостоятельностью. Онѣ могутъ приобретать на свое имя имущество и распоряжаться имъ, вступать на общихъ основаніяхъ во всѣ вообще договоры и сдѣлки, и въ томъ числѣ въ договоръ о личномъ наймѣ. Имущественная самостоятельность женщины не прекращается даже со вступленіемъ ея въ замужство: имущество мужа и жены остается раздѣльнымъ, и они могутъ вступать съ третьими лицами въ различныя гражданскія отношенія совершенно независимо другъ отъ друга. Такимъ образомъ въ области правъ гражданскихъ законъ не дѣлаетъ никакого различія между лицами того и другого пола. Это начало составляетъ одно изъ характеристическихъ отличій нашего гражданского кодекса по сравненію съ западными и представляется вполне согласнымъ съ общими требованіями справедливости. Оно вылилось изъ общаго характера и обычаевъ нашего народа, и не даромъ оставалось цѣлѣе вѣка въ дѣйствующемъ законодательствѣ. Оно имѣетъ громадныя послѣдствія въ русской жизни, и всякія измѣненія этого начала необходимо должны затронуть громадную массу интересовъ, если только эти измѣненія не останутся мертвой буквой, а будутъ строго прижѣняться на практикѣ. Вотъ почему казалось бы, что всякія измѣненія въ этомъ характерѣ нашего гражданского законодательства должны быть принимаемы съ большою осторожностію, и, въ виду весьма серьезныхъ мотивовъ, подвергнуты тщательному обсужденію.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу о служебномъ положеніи лицъ женскаго пола въ акціонерныхъ обществахъ, оказывается, что это положеніе есть только одинъ изъ видовъ договора о личномъ наймѣ, на заключеніе котораго имѣютъ право, согласно существующимъ гражданскимъ постановленіямъ, всѣ лица, не лишенныя гражданскихъ правъ, и въ этомъ отношеніи нашъ гражданскій кодексъ не представляетъ никакихъ ограниченій. Повидимому, при составленіи предположенія объ ограниченіи приложенія женскаго труда недостаточно были взвѣшены тѣ громадныя послѣдствія, которыя изъ него вытекаютъ, и

тѣ измѣненія, которыя должны быть сдѣланы въ коренныхъ основаніяхъ нашихъ законовъ о правахъ—съ одной стороны акціонерныхъ обществъ, какъ юридическихъ правоспособныхъ лицъ, съ другой стороны—о правахъ женщины по имуществу вообще и по договорамъ въ особенности. Для правильной оцѣнки вопроса необходимо принять въ соображеніе, что если это ограниченіе осуществится на практикѣ, то оно поведетъ къ массѣ такихъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ поставитъ не только судебныя мѣста, но и администрацію въ безвыходное положеніе. Всѣ промышленныя предпріятія по нашимъ законамъ могутъ быть ведены и частными лицами, и акціонерными обществами, и могутъ переходить отъ однихъ къ другимъ, и наоборотъ. На какомъ же рациональномъ основаніи можно частному лицу дозволить пользоваться женскимъ трудомъ для извѣстныхъ занятій, а акціонерному обществу запретить это пользованіе, и можно ли допустить, чтобы при переходѣ предпріятія въ руки акціонернаго общества женщины, исполняющія свое дѣло старательно, подвергались повальному изгнанію? Затѣмъ представляется другой вопросъ: будетъ ли подвергнутъ ограниченію всякій женскій трудъ въ акціонерныхъ обществахъ, или только нѣкоторые его виды? Но очевидно, что отнять право у акціонерныхъ обществъ нанимать женщинъ даже для всякаго физическаго труда, вещь невысказанная, и можно обсуждать вопросъ объ ограниченіи только нѣкоторыхъ видовъ женскаго труда. Если такое ограниченіе послѣдуетъ только по отношенію къ умственному труду, то тогда является новый вопросъ: гдѣ граница между физическимъ и умственнымъ трудомъ, которой никакой судъ опредѣлить не будетъ въ состояніи? Затѣмъ, будетъ ли это ограниченіе распространено на женщинъ, состоящихъ членами акціонерныхъ обществъ? Въ этомъ послѣднемъ случаѣ вопросъ объ ограниченіи правъ женщинъ переходитъ отъ ограниченія личныхъ правъ къ ограниченію правъ имущественныхъ, которыя для сохраненія послѣдовательности должны быть также ограничены, вопреки всему характеру нашего гражданскаго законодательства.

Все сказанное далеко не исчерпываетъ всѣхъ возможныхъ вопросовъ, которые могутъ возникнуть въ частной и судебной практикѣ въ случаѣ строгаго примѣненія правилъ объ ограниченіи женскаго труда. Но и эти немногія указанныя затрудненія ясно говорятъ, что, вводя подобное правило въ законодательство, необходимо или отказаться отъ послѣдовательности, или, сохранивъ ее, дойти до такихъ постановленій, исполненіе которыхъ на практикѣ сдѣлается положительно невозможнымъ.

Таково положеніе настоящаго вопроса по отношенію къ существующему законодательству. По основнымъ началамъ его, жен-

щины имѣютъ легальное право на всѣ тѣ роды труда, которые, *не выходя изъ предѣловъ частной дѣятельности*, не требуютъ совмѣщенія въ лицѣ, принимающемъ на себя извѣстное обязательство, такихъ условій, которыя недоступны лицамъ женскаго пола. Всякое ограниченіе этого круга составляетъ собою ограниченіе правъ гражданскихъ, какъ нанимающихся, такъ и нанимателей, и можетъ послѣдовать не иначе, какъ съ измѣненіемъ въ установленномъ порядкѣ самаго закона о личномъ наймѣ. Но измѣненіе даже частныхъ гражданскихъ постановленій можетъ быть совершаемо только съ крайнею осторожностью, и эта осторожность должна имѣть мѣсто въ настоящемъ случаѣ тѣмъ болѣе, что дѣло идетъ объ измѣненіи коренныхъ началъ гражданского кодекса, сложившихся вѣками. Едва ли будетъ рационально предпринимать такую радикальную перестройку законодательства въ виду соображеній и обстоятельствъ, важность которыхъ хотя и нельзя отрицать, но которыя во всякомъ случаѣ имѣютъ значеніе только временное и преходящее. Кромѣ того, вопросъ осложняется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что измѣненіе закона было бы сопряжено съ нарушеніемъ существенныхъ интересовъ весьма значительной части общества и притомъ такихъ классовъ, которые находятся въ наиболѣе неблагоприятныхъ экономическихъ условіяхъ. Въ настоящее время съ увѣренностью можно утверждать, что каждый отецъ семейства среди этихъ классовъ озабоченъ пріиспаніемъ занятій для женскихъ членовъ своей семьи, занятій, которыя доставляютъ безусловно необходимое подспорье къ доходу главы семейства, и этотъ порядокъ поддерживаетъ семейныя связи. На этомъ основаніи, прежде нежели разрубать этотъ гордіевъ узелъ, надо десять разъ оглянуться и обсудить, не нанесетъ ли эта мѣра рѣшительный ударъ семейному очагу.

Но, кромѣ того, ограниченіе гражданскихъ правъ обыкновенно имѣетъ мѣсто только какъ уголовная кара, налагаемая за преступное дѣяніе. Между тѣмъ, въ настоящемъ случаѣ, принятое, какъ общая мѣра, оно постигнетъ людей ни въ чемъ неповинныхъ. Внѣ уголовной кары законъ всегда ревниво охраняетъ частный интересъ, такъ что даже при столкновеніи правъ отдѣльнаго лица съ требованіемъ общественной пользы, люди, теряющіе свое право, не остаются безъ вознагражденія. Подобное уваженіе къ праву, безъ сомнѣнія, должно имѣть еще болѣе мѣста по отношенію къ праву дѣльныхъ классовъ, и законъ почти всегда слѣдуетъ этому правилу. Даже привилегіи извѣстныхъ классовъ не отмѣняются безъ соответственнаго вознагражденія. Безъ всякаго сомнѣнія, что и къ правамъ женщинъ, снискивающихъ себѣ пропитаніе трудомъ, слѣдуетъ отнести съ тѣмъ же вниманіемъ. Но въ данномъ случаѣ никакое вознаграж-

деніе положительно невозможно, а потому пришлось бы отнмать ничего не давая, что несогласно съ самыми элементарными требованиями справедливости.

Во всякомъ случаѣ мѣра эта не должна быть принимаема въ порядкѣ административномъ безъ соотвѣтственнаго измѣненія въ цѣломъ сводѣ гражданскихъ постановленій и соглашенія ея съ цѣлой системой законодательства, а потому приведеніе въ исполненіе этой мѣры нынѣ же можетъ встрѣтить неодолимыя препятствія. Конечно, на это можно возразить, что опубликованное постановленіе есть законъ, исполненіе котораго обязательно. Теоретически это будетъ совершенно справедливо, но практика имѣетъ свои условія, по которымъ необходимо время для исполненія новыхъ постановленій. Выше былъ брошенъ только бѣглый взглядъ на тѣ затрудненія, которыя могутъ возникнуть на практикѣ при строгомъ исполненіи этого правила и такой общей постановкѣ вопроса, но при кабинетномъ его обсужденіи нельзя и предвидѣть той массы недоразумѣній, какая можетъ возникнуть на практикѣ. Всѣ эти недоразумѣнія потребуютъ, конечно, многихъ дополненій и разъясненій, безъ которыхъ рѣшительно обойтись нельзя, а главное соглашеній съ общими коренными основаніями цѣлой системы законодательства. Въ какое положеніе можетъ быть поставлена судебная власть, если на рѣшеніе ея поступать дѣла по примѣненію новаго закона, какъ въ случаяхъ гражданскихъ исковъ, изъ него вытекающихъ, такъ и въ случаяхъ преслѣдованія частныхъ лицъ за нарушеніе установленнаго правила? Судебная власть при немедленномъ введеніи въ дѣйствіе означенныхъ ограниченій встрѣтится, съ одной стороны, съ цѣлой системой законодательства, согласной съ общимъ строемъ гражданской жизни цѣлаго народа—съ другой стороны, съ сепаратнымъ постановленіемъ, изданнымъ въ административномъ порядкѣ и измѣняющемъ весь характеръ гражданскихъ отношеній лицъ женскаго пола. Заранѣе и съ полной увѣренностью можно сказать, что такое положеніе дѣлъ можетъ вызвать весьма затруднительныя компликаціи, которыя могутъ поставить правительственныхъ лицъ, обязанныхъ наблюдать за исполненіемъ существующихъ постановленій, въ весьма невыгодное и неловкое положеніе; мало этого, новыя правила, вслѣдствіе общности ихъ выраженій, едва ли могутъ быть примѣнены къ частнымъ случаямъ въ судебной практикѣ, и поэтому могутъ остаться мертвой буквой. На этомъ основаніи соглашеніе ихъ съ общимъ характеромъ нашего гражданского законодательства и изложеніе въ болѣе подробномъ видѣ должно бы предшествовать приведенію ихъ въ исполненіе.

Изъ сказаннаго ясно, что всякія ограниченія частнаго женскаго

труда совершенно несомѣстимы съ общими основаніями нашего гражданскаго законодательства. Не трудно также доказать, что они идутъ и въ разрѣзъ съ началами, положенными въ основаніе экономическаго строя общества. До настоящаго царствованія всѣ экономическія отношенія русскаго общества въ большей или меньшей степени обусловливались существованіемъ крѣпостнаго права. Понятно, что въ то время о свободѣ труда не могло быть и рѣчи. Одинъ классъ общества не нуждался въ трудѣ, для другого свободный трудъ былъ недоступенъ по самымъ юридическимъ условіямъ его существованія. Съ отмѣною крѣпостнаго права должна была пошатнуться и вся построенная на немъ система. Принципъ свободнаго труда, положенный въ основу крестьянской реформы, опредѣлялъ собою и дальнѣйшее направленіе законодательной дѣятельности въ приложеніи къ экономической сферѣ. Задачею этой дѣятельности становится постепенное уничтоженіе всѣхъ существующихъ юридическихъ препятствій для развитія свободнаго труда. Какимъ же образомъ согласить съ этимъ направленіемъ созданіе новыхъ, не существовавшихъ до сихъ поръ ограниченій для труда женщинъ? Экономическій вредъ такой мѣры, идущей въ разрѣзъ съ потребностями времени, вполне ясенъ. Она должна тяжело отозваться не только на томъ классѣ, котораго непосредственно касается, но и на общемъ ходѣ промышленности. Въ самомъ дѣлѣ, значительное развитіе промышленной дѣятельности въ послѣднее время породило собою усиленный спросъ не только на рабочія руки, но и на трудъ умственный. До сихъ поръ общество не могло еще вполне удовлетворить этому спросу, и жалобы на недостатокъ людей слышатся постоянно. Нѣкоторымъ восполненіемъ этого недостатка явился въ послѣднее время женскій трудъ, съ каждымъ днемъ приобретающій все болѣе и болѣе важное значеніе. Съ ограниченіемъ возможности приложенія этого труда, недостатокъ людей долженъ сказаться въ сильной степени, и это не можетъ не отозваться вредно на самомъ развитіи промышленности.

Трудно также согласить мѣры къ ограниченію женскаго труда съ той заботливостью о женскомъ образованіи, которая такъ характеризуетъ послѣднія распоряженія правительства. Съ одной стороны, образованіе женщинъ дѣлаетъ ихъ болѣе способными ко всякаго рода дѣятельности и даетъ имъ возможность понять, что человѣку нельзя быть только потребителемъ чужого труда, а необходимо производительно употреблять свои силы, съ другой же стороны закрывается всякая возможность приложенія этихъ силъ.

Противъ изложенныхъ соображеній можно, повидимому, привести то возраженіе, что ограниченіе частнаго женскаго труда вообще ни-

когда не имѣлось въ виду, а дѣло идетъ только объ одномъ его родѣ, о служебныхъ занятіяхъ женщинъ въ правленіяхъ акціонерныхъ обществъ. Но по поводу такого возраженія нельзя не замѣтить, во-первыхъ, что, воспрещая акціонернымъ обществамъ то, что дозволено частнымъ лицамъ, пришлось бы отказаться отъ логической послѣдовательности; во-вторыхъ, что форма акціонерныхъ предпріятій постепенно становится преобладающей въ промышленности и что устанавливаемое ограниченіе, если оно удержится, будетъ имѣть вредное значеніе не только для настоящей минуты, но и для интересовъ будущаго.

Приведенныя соображенія касались тѣхъ общихъ невыгодныхъ въ экономическомъ отношеніи послѣдствій, которыя повлекло бы за собою стѣсненіе женскаго труда. Но нельзя, конечно, оставить безъ вниманія и интересовъ самихъ трудящихся. Условія женскаго труда въ настоящее время далеко не могутъ быть названы благоприятными. Вознагражденіе за женскій трудъ гораздо ниже, чѣмъ за мужской, и вообще настолько незначительно, что, конечно, безъ существованія крайней нужды никто не сталъ бы изъ-за него работать. Уже одно это обстоятельство доказываетъ, что женскій трудъ далеко не прихоть, и всякое ограниченіе его должно отовариться самымъ тяжелымъ образомъ на массѣ трудящихся, въ особенности если ограниченіе это будетъ имѣть мѣсто въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ воспрещеніе найма на службу въ акціонерныхъ компаніяхъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что подобная мѣра, принятая притомъ немедленно, лишила бы всякихъ средствъ къ существованію не одну тысячу людей, трудомъ зарабатывающихъ свой кусокъ хлѣба, и обратила бы ихъ изъ производительныхъ работниковъ въ паразитовъ, живущихъ насчетъ труда своихъ отцовъ и братьевъ. Насколько это будетъ выгодно для государства и не нанесетъ ли подобная мѣра удара семейной жизни — покажетъ время, а ожидать этого удара очень возможно; нужда до чего не доводитъ!

Наконецъ, необходимо разсмотрѣть, насколько мѣры къ ограниченію женскаго труда оправдываются съ политической точки зрѣнія. Трудно уяснить себѣ, въ виду всего сказаннаго выше, какихъ полезныхъ результатовъ можно достигнуть подобной мѣрой? Не имѣя въ виду подробныхъ мотивовъ, которыя послужили основаніемъ такой мѣры, невозможно сказать что-либо положительное по этому поводу; но, повидимому, здѣсь есть одно крупное недоразумѣніе. Вопросъ о женскомъ трудѣ получаетъ практическое значеніе только въ послѣднее время; прежде же его не существовало. Къ сожалѣнію, возникновеніе этого вопроса совпадаетъ съ развитіемъ въ нашемъ обществѣ извѣстнаго весьма уродливаго броженія умовъ. Повиди-

тому, въ правительственныхъ сферахъ вопросъ о женскомъ трудѣ поставленъ въ зависимость отъ этого броженія, и потому естественное стремленіе женщинъ къ труду сочтено чѣмъ-то искусственнымъ, и, какъ незамѣченное прежде, признано не имѣющимъ причинъ бытія и въ будущемъ. Если такой взглядъ на дѣло дѣйствительно существуетъ, то нисколько не удивительно, что признано необходимымъ положить предѣлъ подобному движенію. На этомъ основаніи и въ виду всего сказаннаго выше слѣдуетъ разсмотрѣть вопросъ, существуетъ ли эта зависимость и почему могло возникнуть самое предположеніе объ этой зависимости?

Для разрѣшенія подобнаго вопроса необходимо разсмотрѣть причины, по которымъ вопросъ о женскомъ трудѣ приобретаетъ значеніе только въ послѣднее время. Многіе думаютъ, что вопросъ этотъ является послѣдствіемъ нигилистическихъ тенденцій. Напротивъ того, не трудно доказать, что, совпадая по времени съ развитіемъ въ нашемъ обществѣ нѣкоторыхъ необдуманныхъ тенденцій, онъ не имѣетъ съ ними ничего общаго, и при серьезномъ анализѣ представляется логическимъ послѣдствіемъ всѣхъ произведенныхъ въ нынѣшнее царствованіе реформъ. Доказательствъ этому такъ много, что скорѣе можно потеряться въ ихъ массѣ, чѣмъ затрудниться ихъ приисканіемъ.

Разсматривая состояніе нашего общества въ прежнее время, мы видимъ отсутствіе всякаго образованія между женщинами среднихъ классовъ общества. Тѣ немногія женщины, которымъ выпадало на долю получить хотя какое-нибудь образованіе, принадлежали къ семействамъ лицъ или вполне обеспеченныхъ или обеспеченныхъ до известной степени, т.-е. или къ семействамъ дворянъ, обеспеченныхъ крѣпостнымъ правомъ, или къ семействамъ чиновниковъ, пользовавшихся законными и незаконными доходами. Вся остальная масса женщинъ среднихъ классовъ была или безграмотна, или едва умѣла читать и писать. Понятно, что при такомъ положеніи общества не могло быть и рѣчи о женскомъ сколько-нибудь осмысленномъ трудѣ. Дѣятельность же тѣхъ немногихъ женщинъ, которымъ случалось получать нѣкоторое образованіе и которыя оставались безъ всякихъ средствъ къ существованію, поглощалась вполне обязанностями гувернантокъ, число которыхъ было далеко не достаточно. Итакъ, съ одной стороны, недостатокъ образованія женщинъ средняго класса отнималъ у нихъ и всякую возможность заниматься какимъ-либо осмысленномъ дѣломъ, и самое стремленіе къ труду; съ другой стороны, обезпеченіе, представляемое крѣпостнымъ правомъ и разными законными и незаконными доходами, не только устраняло необходимость труда, но развивало въ этой средѣ даже презрѣніе къ нему. Женщина, хотя сколько-нибудь обезпеченная, стыдилась приобретать

какія-нибудь средства къ жизни своимъ трудомъ: этотъ предрасудокъ и въ настоящее время еще не совсѣмъ исчезъ въ нѣкоторыхъ классахъ нашего общества, но въ прежнее время онъ имѣлъ огромное значеніе.

Совсѣмъ другое дѣло теперь. Уничтоженіе крѣпостного права и откуповъ, новый порядокъ судопроизводства, значительно уменьшившій возможность злоупотребленій, акціонерныя горячки и биржевыя кризисы очень понизили доходы мелкаго дворянства и чиновничества, между тѣмъ какъ дороговизна жизни возросла. Вслѣдствіе этого, число семействъ, доходы которыхъ не обезпечиваютъ безбѣднаго содержанія, увеличилось и принуждено было искать въ женскомъ трудѣ дополнительныхъ средствъ къ существованію. Съ другой стороны, развитіе женскаго образованія и улучшеніе въ его методахъ повсемѣстное устройство женскихъ гимназій, число которыхъ постоянно возрастаетъ, и измѣненіе въ понятіяхъ общества, которое нынѣ уже не считаетъ бесполезнымъ образованіе женщинъ, сдѣлали послѣднихъ гораздо болѣе способными къ умственному труду и увеличили число ихъ настолько, что оно не въ состояніи быть поглощено педагогической дѣятельностію. Обречь нынѣ всѣхъ образованныхъ, но недостаточно обезпеченныхъ, женщинъ на педагогическую дѣятельность было бы все равно, что опредѣлить половину образованныхъ мужчинъ на должности учителей. Въ такихъ обстоятельствахъ починъ правительства, допустившаго женщинъ на службу въ телеграфѣ, въ таможенномъ вѣдомствѣ и въ IV-мъ Отдѣленіи собственной Его Величества Канцеляріи, указалъ имъ дорогу, по которой онѣ могли честно зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, и такимъ образомъ помогать мужьямъ и отцамъ. Ко всему этому надо прибавить, что общее экономическое развитіе страны, перерѣзанной желѣзными дорогами и усѣянной банками и другими акціонерными обществами, открыло обширное поприще для приложенія женскаго труда. Такимъ образомъ, стремленіе женщинъ къ самостоятельному труду является логическимъ послѣдствіемъ совершенныхъ реформъ, развитія женскаго образованія и общаго экономическаго и социальнаго прогресса нашего общества, послѣдствіемъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ уродливымъ проявленіямъ общественнаго роста, извѣстнымъ подъ именемъ нигилизма.

Но затѣмъ представляется вопросъ: почему могло произойти недоразумѣніе, вслѣдствіе котораго смѣшаны два такія различныя явленія, какъ честное стремленіе къ труду, порождаемое естественнымъ и быстрымъ измѣненіемъ условій общественной жизни, и уродливое отрицаніе всѣхъ коренныхъ основъ этой жизни? Повидимому, между этими двумя явленіями цѣлая бездна, а между тѣмъ мѣры, прини-

маемья къ ограниченію женскаго труда въ образованныхъ классахъ общества, ясно указываютъ, что прискорбное недоразумѣніе существуетъ. Разрѣшеніе этого послѣдняго вопроса должно, повидимому, уяснить дѣло и устранить самое недоразумѣніе.

Какъ ни далеки между собой эти два явленія, но для людей, стоящихъ не слишкомъ близко въ той средѣ, въ которой происходятъ эти явленія, не трудно смѣнать ихъ, потому что оба они являются послѣдствіемъ одной общей причины.

Ростъ всякаго организма сопровождается извѣстными болѣзненными явленіями, и очень естественно, что и нашъ ростъ не могъ не сопровождаться извѣстными неблагоприятными послѣдствіями.

Быстрое измѣненіе условій существованія нашего общества, и въ особенности среднихъ его классовъ, поставило ихъ по необходимости въ стѣсненное положеніе, и притомъ гораздо прежде, нежели представился выходъ изъ этого положенія. Потребности этихъ классовъ оставались или тѣ же самыя, или прогрессивно возрастали, между тѣмъ какъ средства къ ихъ удовлетворенію сокращались. Общество не могло отереть разомъ новыхъ источниковъ для удовлетворенія этихъ потребностей, открыть новое поприще для дѣятельности всѣхъ лицъ, которыхъ нужда заставляла обратиться отъ праздной къ трудовой жизни. Не находя поприща для своей дѣятельности, эта масса готовыхъ силъ необходимо должна была придти въ стѣсненное положеніе. Но такъ какъ въ семьѣ не безъ урѣда, и на каждомъ, даже хорошо обработанномъ полѣ, плевелы родятся вмѣстѣ съ пшеницей, то масса этихъ силъ должна была раздвоиться. Одна, болѣе многочисленная часть этой массы терпѣла и искала выхода въ трудѣ, другая, болѣе нетерпѣливая, ударилась въ крайность, и въ виду какъ своей, такъ и чужой нужды, принялась отрицать всѣ основы существовавшаго порядка вещей. Два явленія, будучи послѣдствіемъ одной общей причины—быстраго роста общества—развивались параллельно, но не одинаково: одно изъ нихъ уродливо, другое вѣдрово и естественно. Отрицательныя теоріи выросли на почвѣ полузнанія и находили себѣ наибольшее число прозелитовъ въ средѣ или неокончившей своего образованія, или односторонне развитой.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что мысль о приложеніи женскаго труда естественно должна была явиться въ средѣ наиболѣе нетерпѣливой, т.-е. въ средѣ, развивавшейся ненормально, и только въ слѣдствіи, въ виду дѣйствительной потребности, она сдѣлалась стремленіемъ всей массы среднихъ классовъ общества. Пока мысль эта развивалась въ нигилистическихъ кружкахъ, она дѣйствительно могла казаться чѣмъ-то напускимымъ и искусственнымъ, потому что жакъ

ницы этого сорта больше говорили о трудѣ, чѣмъ дѣйствительно трудились. Подобное предположеніе подтверждалось еще и тѣмъ, что въ обществѣ явилась другая категория женщинъ, которая, будучи далека отъ всякаго нигилистическаго направленія, увлеклась этой идеей изъ дилеттантизма, какъ модой, — и принималась за трудъ, не имѣя въ томъ никакой необходимости. Подобныя женщины еще болѣе убѣждали сторонняго наблюдателя въ томъ, что стремленія эти напускныя. Но это время прошло и вопросъ о женскомъ трудѣ въ настоящее время давно вступилъ уже въ другую фазу, такъ какъ въ необходимости его и возможности убѣдились люди другого покроя, — люди труда, не имѣющіе въ виду политическихъ тенденцій и заботящіеся только о возможности существованія.

Нельзя утверждать, что правительство можетъ равнодушно смотрѣть на явленія уродливаго свойства и не принимать никакихъ мѣръ противъ ихъ развитія, но, повидимому, мѣры эти не должны имѣть общаго характера. Воспрещеніе женщинамъ служебной дѣятельности въ акціонерныхъ обществахъ вообще постигнетъ вовсе не тѣхъ лицъ, противъ которыхъ эта мѣра принимается, а совершенно другихъ, не имѣющихъ политическихъ тенденцій, на томъ простомъ основаніи, что лица, которыхъ правительство имѣетъ въ виду, только говорятъ о трудѣ, но дѣйствительно трудятся изъ нихъ очень немногія. Весьма естественно было вооружаться противъ женскаго труда въ то время, когда стремленіе къ нему было чѣмъ-то напускнымъ, но теперь, когда оно вступило въ новый фазисъ и является дѣйствительною и необходимой потребностью общества, не слѣдуетъ его смѣшивать съ уродливыми проявленіями той же мысли, а необходимо дать ему свободный исходъ. Подобнымъ отношеніемъ къ вопросу правительство необходимо ограничить ту среду, въ которой ищутъ своихъ прозелитовъ вредныя тенденціи, и слѣдовательно уменьшить значеніе послѣднихъ. Ограничивая же трудъ женщины, настойчиво и послѣдовательно, можно достигнуть совершенно противоположныхъ результатовъ, не говоря уже о томъ бѣдствіи, которое можетъ быть послѣдствіемъ этой мѣры, и томъ раздраженіи, которое оно вызоветъ въ средѣ трудящихся классовъ. Сфера практической жизни и честный трудъ быстро заставляютъ человѣка взглянуть на дѣло трезво, другими глазами, и онъ изъ пустого мечтателя дѣлается полезнымъ членомъ общества.

Къ сожалѣнію, у насъ не всегда понимается эта простая и очевидная истина. Мы часто ищемъ какихъ-то сложныхъ и съ мудренными названіями лекарствъ для излеченія весьма простой и естественной болѣзни политическаго организма, которая въ сущности есть явленіе случайное и переходящее, и противъ которой самъ

организмъ вооруженъ собственными силами. Мы часто не замѣчаемъ того, что, принимая мѣры противъ естественной болѣзни политическаго организма, мы вмѣстѣ съ тѣмъ подрываемъ и здоровье его соки, вгоняемъ эту болѣзнь внутрь и тѣмъ ухудшаемъ положеніе дѣлъ. Нельзя запрещать употребленіе ножей, хотя ножемъ можно сдѣлать убійство. Такъ изъ опасенія развитія нигилистическихъ началъ ограничивать женскій трудъ вообще (другой причины ограниченія его представить себѣ нельзя)—значитъ прямо выкидывать на мостовую массу трудящихся и полезныхъ женщинъ, которымъ за неимѣніемъ честныхъ средствъ къ жизни останется или добывать свой кусокъ хлѣба развратомъ и оправдывать свое поведеніе проповѣдью нигилистическихъ теорій, или заставлять своихъ мужей и отцовъ прибѣгать къ противозаконнымъ и безчестнымъ поступкамъ. Въ томъ и другомъ случаѣ это значило бы понижать уровень общественной нравственности, что не можетъ быть полезно ни въ какомъ случаѣ и не можетъ оправдать никакихъ политическихъ соображеній.

Послѣ всего сказаннаго можно возвратиться опять къ поставленному выше вопросу. Почему существуетъ это прискорбное недоразумѣніе, вслѣдствіе котораго уродливое и преходящее послѣдствіе общественнаго роста смѣшивается съ здоровымъ и вполне нормальнымъ стремленіемъ извѣстной части общества къ честному труду? Выше было доказано, что какъ то, такъ и другое явленіе суть послѣдствія быстраго и кореннаго измѣненія условій общественной жизни и имѣютъ мѣсто въ средѣ людей, близко стоящихъ къ нуждѣ. Понять и оцѣнить различіе этихъ явленій человекъ можетъ только тогда, когда онъ или самъ пережилъ такое положеніе дѣлъ, или близко стоялъ къ лицамъ, находившимся въ немъ. Людямъ, стоящимъ далеко отъ подобныхъ явленій, они представляются не болѣе, какъ въ перспективѣ, и притомъ настолько отдаленной, что для нихъ, по необходимости, исчезаетъ всякая разница между честнымъ стремленіемъ къ труду, вслѣдствіе нужды, и проповѣдью объ этомъ трудѣ въ видахъ осуществленія эмансипаціи женщинъ. Для людей, стоящихъ очень далеко отъ среднихъ классовъ, дѣйствительно трудно опредѣлить громадную разницу между этими двумя тенденціями, тѣмъ болѣе, что было время, когда предубѣжденіе противъ женскаго труда имѣло нѣкоторое основаніе, хотя и не оправдывало тѣхъ опасеній, которыя возникли.

Впрочемъ, въ послѣднее время нигилистическое направленіе значительно ослабѣло, и если оно не исчезло до сихъ поръ, то это потому только, что оно не является открыто, а всякая таинственность увлекаетъ неопытныхъ юношей. Можно смѣло утверждать, что при

индифферентизмъ правительства оно не выдержитъ свѣта гласности, и исчезнетъ подъ вліяніемъ общества и литературы, но этого нельзя ожидать, если обстоятельства заставятъ его скрываться въ потемкахъ отъ преслѣдованія власти. Все сказанное приводитъ къ слѣдующему заключенію: если стремленіе женщинъ къ труду естественно и логически вытекаетъ изъ переменъ въ условіяхъ общественной жизни, если оно представляется съ юридической точки зрѣнія справедливымъ и законнымъ, съ экономической выгоднымъ и необходимымъ, а съ политической—не имѣющимъ ничего общаго съ тѣмъ броженіемъ умовъ, которое было замѣтно въ нашемъ обществѣ, то ясно, что всякая мѣра, полагающая стѣсненіе этому стремленію, отзовется весьма невыгодно на всемъ экономическомъ строѣ государства. Всякое стремленіе въ этомъ смыслѣ можно сравнить съ желаніемъ обратить назадъ естественное теченіе рѣки; оно останется мертвой буквой и люди всегда найдутъ возможность обойти такой законъ, который будетъ въ противорѣчій съ естественнымъ стремленіемъ цѣлаго общества. Примѣровъ подобныхъ непримѣнимыхъ законовъ въ нашемъ отечествѣ очень много, и увеличивать ихъ число не представляется никакой необходимости.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е августа, 1874.

Посланіе Мак-Магона.—Измѣненія въ его кабинетѣ.—Предложеніе Б. Перье.—Отголоски вѣснннгенскаго происшествія въ Германіи.—Сессія англійскаго парламента.—Вопросъ о самоуправленіи Ирландіи.

Новый манифестъ графа Шамбора отъ 2-го іюля и посланіе президента республики 9-го іюля характеризовали положеніе дѣлъ Франціи при началѣ того мѣсяца. Легитимистскій претендентъ какъ бы нарочно выступилъ съ заявленіемъ, въ которомъ замѣтнѣе всего было совершенное умолчаніе о трехцвѣтномъ знамени. Послѣ недавнихъ разоблаченій „Times'a“ относительно высказанной самимъ Макъ-Магономъ невозможности отвѣчать за дисциплину арміи въ случаѣ возстановленія бѣлаго знамени, новое заявленіе гр. Шамбора имѣло какъ бы смыслъ отреченія, по крайней мѣрѣ на ближайшее время. Отсутствіе сочувствія къ его дѣлу въ массѣ народа было всегда вѣ сомнѣніи; составить въ его пользу хотя бы незначительное большинство въ самомъ національномъ собраніи всегда представлялось труднымъ до невѣроятности; теперь оказывалось изъ компетентнаго свидѣтельства, что для возстановленія короля съ бѣлымъ знаменемъ нельзя рассчитывать и на армію; а между тѣмъ „король“ снова отказывался принять знамя революціи, ставшее національнымъ. Быть можетъ, появленіе новаго манифеста гр. Шамбора нѣсколько ободрило правительство, показавъ ему, что церемониться далѣе съ легитимистами, какъ партіей, не имѣющей никакихъ шансовъ успѣха, было бы напрасно. Министръ внутреннихъ дѣлъ Фуру приостановилъ на двѣ недѣли изданіе легитимистской газеты „Union“, въ которой былъ напечатанъ манифестъ Шамбора съ прибавленіемъ, что онъ печатается по приказанію короля. Это, разумѣется, произвело крайнее раздраженіе въ средѣ легитимистовъ, и въ засѣданіи 8-го іюля Люсьенъ Брѣвъ сдѣлалъ правительству запросъ относительно мѣры, принятой противъ „Union“. Предложенный имъ переходъ къ очередному по-

ряду, съ выраженіемъ порицанія министерству, былъ отвергнутъ большинствомъ 379 голосовъ противъ 320; но побѣдой для министерства это не было, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ была отвергнута формула, предложенная депутатомъ Парі и одобренная министерствомъ. Наконецъ, простой переходъ къ очередному порядку былъ принятъ большинствомъ 389 противъ 315 голосовъ. На другой день послѣ этихъ преній было прочтено въ собраніи посланіе, въ которомъ президентъ республики настоятельно требовалъ утвержденія нѣкоторыхъ учредительныхъ законовъ по указаніямъ, даннымъ имъ министрамъ. Въ томъ же засѣданіи 9-го іюля Дюваль внесъ предложеніе о распущеніи собранія съ назначеніемъ новыхъ выборовъ на 25-е октября; неотложность, потребованная авторомъ предложенія, была отвергнута.

Министры явились въ комиссію Тридцати и, согласно посланію президента, указали, какихъ организаціонныхъ законовъ онъ желаетъ для успѣшнаго дѣйствія своей семилѣтней власти, а именно: учрежденія верхней палаты, съ назначеніемъ части членовъ ея правительствомъ, и права, въ согласіи съ верхней палатою, распускать палату депутатовъ. Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи были дѣла къ половинѣ іюля: съ одной стороны правительство, выступающее смѣлѣе, предъявляющее требованія рѣшительнымъ тономъ, съ другой стороны большинство разрозненное, и можно сказать, несуществующее: легитимисты, требующіе смѣны Фурту, бонапартисты, раздраженные обысвами, орлеанисты, не довѣряющіе изъ-за Маня самому правительству послѣ недавнихъ обличеній тайной бонапартистской организаціи; часть лѣваго центра, такъ-называемая группа Таржѣ, низвергшая Тьера, за-одно съ орлеанистами испуганная бонапартизмомъ и недовѣрявшая правительству. Не было большинства даже для поддержки существованія кабинета, который только въ силу особаго принципа терпѣливо сносилъ пораженія; тѣмъ менѣе могло быть рѣчи о предоставленіи правительству новыхъ правъ. А ко всему этому—наступало время для обсужденія предложенія Казимира Перье объ окончательномъ признаніи республики; не было ничего удивительнаго, что республиканцы, рассчитывая на такое разстройство въ средѣ прежняго большинства и на страхъ, внушенный бонапартизмомъ, надѣялись успѣха для предложенія Перье. Чтобы побудить нерѣшительныхъ людей къ принятію его, они стали собирать подписи для новаго предложенія о распущеніи собранія, угрожая немедленно внести это предложеніе, если предложеніе Перье будетъ отвергнуто.

Довольно неожиданный выходъ изъ этого положенія, крайне затруднительнаго для правительства, которое отвергало предложеніе

Первѣ, представило обсужденіе финансовыхъ законовъ въ засѣданіяхъ 10, 11, 14 и 18-го іюля. Для покрытія дефицита, возникавшаго отъ недобора по новымъ налогамъ, министръ финансовъ Маня предлагалъ установить еще новыхъ налоговъ на 50 милл. фр.; пошлину на соль и полудесимную надбавку къ разнымъ другимъ военнымъ налогамъ. Рѣшительнымъ противникомъ Маня явился извѣстный экономистъ Воловскій: доказывая, что самый фактъ недобора въ податяхъ свидѣтельствуетъ противъ возможности наложить на страну новыя подати, Воловскій предложилъ добыть нужныя 50 милл. фр., уменьшивъ на эту сумму погашеніе долга казначейства французскому банку, т.е. понизить годовую сумму погашенія съ 200 до 150 милл. фр. Маня возражалъ противъ этого предложенія, увѣряя, что оно поколеблетъ кредитъ банка, и заявилъ, что въ случаѣ если оно будетъ принято, онъ не останется министромъ. Въ засѣданіи 14-го іюля пошлина на соль была однако же отвергнута; затѣмъ, въ засѣданіи 15-го іюля отвергнута была добавочная къ разнымъ налогамъ полудесимная пошлина. Маня подалъ въ отставку, которая однако же президентомъ республики не была принята. Но въ засѣданіи 18-го іюля, само предложеніе Воловскаго, несмотря на сопротивленіе Маня и мимо разныхъ другихъ предложеній, было принято большинствомъ 338 голосовъ противъ 325-ти.

Тогда Маню не осталось ничего болѣе, какъ выдти въ отставку. Въ совѣтъ министровъ, который собрался для отысканія ему преемника, де-Фурту настаивалъ на необходимости избрать непременно консерватора, и притомъ таково, который не былъ бы противенъ бонапартистамъ, для того, чтобы не слишкомъ обидѣть ихъ увольненіемъ Маня. Ему возражалъ герцогъ Деказъ и маршалъ поддержалъ послѣдняго. Тогда въ отставку подалъ и де-Фурту. Такимъ образомъ представилась возможность принести двѣ жертвы легитимистамъ и орлеанистамъ, сдѣлать пріятное обѣимъ этимъ партіямъ. Наиболее ловкою замѣною вышедшихъ министровъ была бы такая, которая, сверхъ того, польстила бы еще лѣвому центру, а вмѣстѣ съ тѣмъ не слишкомъ бы раздражила бонапартистовъ. Таковой именно выборъ и былъ сдѣланъ: министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ избранъ генералъ Шабо-Латуръ, рѣшительный орлеанистъ, а министромъ финансовъ Матье-Боде, членъ лѣваго центра, съ бонапартистскими тенденціями. Страху, внушенному бонапартизмомъ, приносился въ жертву Маня, одинъ изъ корифеевъ этой партіи; раздраженіе легитимистовъ удовлетворялось увольненіемъ Фурту, запретившаго „Union“; лѣвый центръ былъ польщенъ назначеніемъ Боде, на котораго должны были благопріятно смотрѣть и бонапартисты. Вотъ какія хитросплетенія составляютъ нынѣ во Франціи „науку управленія“. Несомнѣн-

ная ловкость этих мелких, внушающих только чувство сожалѣнія, комбинацій для восстановления консервативнаго большинства, выдавала опытную руку, управлявшую всею переменною: это была рука герцога де-Брольи. Позади новыхъ министровъ, душою министерства—хотя и разлученною съ тѣломъ, но какимъ-то чудомъ управляющею его движеніями, — являлся Брольи, которому вѣсть вновь выпадала и роль руководителя правительственнаго большинства. Въ этомъ послѣднемъ качествѣ Брольи и не замедлил явиться: при обсужденіи предложенія Перье, онъ произнесъ главную рѣчь противъ провозглашенія республики отъ имени временнаго союза всѣхъ консервативныхъ партій. Въ первомъ же качествѣ, то-есть какъ душа министерства, Брольи воплощался въ новомъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ: генераль Шабо-Латуръ былъ не что иное, какъ помощникъ и агентъ бывшаго вице-президента совѣта министровъ.

Между тѣмъ, еще въ засѣданіи 15 іюля, докладчикъ комиссіи Тридцати, Вантавонъ внесъ свой докладъ по предложенію Казимира Перье. Обсужденіе этого предложенія первоначально было назначено на 20-е іюля. Но предварительно требовалось, посредствомъ измѣненій въ кабинетѣ, внушенныхъ герцогомъ де-Брольи, обезпечить достаточное консервативное большинство противъ предложенія Перье. Съ этой цѣлью, въ засѣданіи 20 іюля, „почетный“ вице-президентъ совѣта генераль де-Сиссе сообщилъ собранію о послѣдовавшихъ назначеніяхъ министровъ и просилъ отложить пренія по предложенію Перье, такъ какъ министерство не успѣло еще обсудить положенія въ новомъ своемъ составѣ; вслѣдствіе того, пренія были отсрочены до 23 числа. Засѣданіе 23 іюля представляло большой интересъ, хотя интересъ чисто-внѣшній: бесплодная борьба партій, происходящая во французскомъ національномъ собраніи, интересна только какъ театральное представленіе. Съ тѣхъ поръ, какъ въ англійской палатѣ общинъ не происходитъ преній сколько-нибудь глубоко захватывающихъ народныя чувства, ораторы французскаго національнаго собранія не имѣютъ соперниковъ себѣ по блеску, уму и патетичности слова. Но удовольствіе, съ какимъ читаются ихъ рѣчи, сопряжено для читателей не-французовъ съ неприятымъ чувствомъ фальши, котораго бы не было, еслибы представленія, происходящія въ театральной залѣ Версала, гдѣ засѣдаетъ собраніе, такъ прямо и назывались на афишахъ театральными. Къ сожалѣнію, нельзя винить одно нынѣшнее собраніе въ бесплодности стремленій, эгоизмѣ, отсутствіи мужественнаго духа и истинной любви къ странѣ. Пусть здоровый, мужественный духъ дѣльности отсутствовалъ бы изъ собранія; но еслибы онъ преобладалъ внѣ его, въ странѣ, то въ ней раздался бы громкій, неотразимый голосъ не-

годованія на трату времени, мелкіе происки, ослѣпленіе, обнаруженныя всѣми партіями. Депутатовъ, по возвращеніи ихъ въ мѣста ихъ избранія, подавило бы всеобщее презрѣніе къ ихъ пустячной дѣятельности, соединенной съ узурпаціею полномочій на неопредѣленное время. Негодованіе избирателей, друзей, знакомыхъ, единодушный протестъ всей честной печати, заставили бы ихъ разойтись. Но ничего подобнаго, къ сожалѣнію, не замѣтно. Страна также поделена на взаимно-нейтрализующія себя партіи, какъ и собраніе. Это бы еще ничего; нейтрализуя себя взаимно, старыя партіи должны были бы именно вслѣдствіе того преобразоваться въ партіи новыя, готовыя признать какую-либо форму правленія, лишь бы остановиться на чемъ-нибудь въ видѣ окончательнаго рѣшенія. Если этого не оазывается, несмотря на всю бѣдственность нынѣшняго положенія дѣлъ, то нельзя не думать, что сама страна, само французское общество въ искреннемъ своемъ убѣжденіи ставитъ ярлыки выше дѣла, свои излюбленныя игрушки — выше реальныхъ интересовъ безмолвной массы народа.

Въ промежуткѣ министерскихъ перемѣнъ и обсужденія предложенія К. Перье, депутаты отъ той части лѣваго центра, которая участвовала въ большинствѣ 24-го мая 1873 г., низвергшемъ Тьера (группа Тарже), явились къ маршалу-президенту республики, прося его объяснить, какъ онъ смотритъ на предложеніе Перье. Макъ-Магонъ отвѣчалъ, что правительство считаетъ это предложеніе ненужнымъ и въ данную минуту опаснымъ, и поручилъ своимъ министрамъ сдѣлать заявленіе въ этомъ смыслѣ собранію. Съ этой минуты, республиканцы потеряли надежду на успѣхъ предложенія Перье: большинство 24-го мая 1873 г., стараніями герцога Брольи, было восстановлено, по крайней мѣрѣ на одинъ моментъ, достаточный для того, чтобы предложеніе о провозглашеніи республики было отвергнуто; монархисты всѣхъ оттѣнковъ должны были идти противъ него по принципу; тѣ изъ нихъ, которые могли подать за него голосъ, съ отчаянія, изъ страха внушеннаго бонапартизмомъ, успокоились удаленіемъ Маня изъ министерства; монархическое большинство было плотно, а „таржетисты“, вслѣдствіе отвѣта Макъ-Магона, должны были применить къ этому большинству и тѣмъ его обезпечить. Докладъ, при которомъ комиссія Тридцати внесла на обсужденіе предложеніе К. Перье о провозглашеніи республики и Ламбера-де-Сентъ-Круа объ организаціи „личнаго“ септенната, отвергалъ оба эти предложенія и высказывался за принятіе другихъ основъ для учредительныхъ работъ комиссіи: опредѣляя власть Макъ-Магона, какъ временное правленіе, не имѣющее характера ни монархіи, ни окончательной республики, докладъ предлагалъ оставить исполнительную

власть въ томъ видѣ, какъ она существуетъ, сохранивъ главѣ ея титулъ президента республики; ввести отвѣтственность министровъ и учредить двѣ палаты; предоставить маршалу право распускать палату депутатовъ, а объѣмъ палатамъ вмѣстѣ право избрать ему преемника, въ случаѣ еслибы мѣсто президента оказалось незанятымъ.

Пренія открылись въ засѣданіи 23-го іюля, рѣчью Ламбера-де-Сентъ-Круа. Онъ поставилъ на видѣ, что провозглашеніе республики, которое предложилъ Перье, не соотвѣтствуетъ главной необходимости положенія: дать власти маршала Макъ-Магона правильные органы для дѣйствія. Провозглашеніе республики само по себѣ ничего не учредить, утверждалъ онъ; оно такъ и останется однимъ провозглашеніемъ. Принявъ его, собраніе рѣшить впередъ, безъ всякихъ условій, что Франція должна быть республикой. Но отъ кого же ожидаютъ такого рѣшенія? — замѣтилъ ораторъ: отъ монархистовъ, которые и монархіи не хотѣли принять безъ условій! Затѣмъ Ламберъ совѣтовалъ дать организацію септеннату, согласно своему предложенію. Казиміръ Перье получилъ слово послѣ Ламбера. Онъ началъ съ того, что невозможно создавать никакихъ учрежденій, пока не провозглашенъ основной принципъ власти. Въ принципа можно создать только временный порядокъ, а временный порядокъ будетъ имѣть революціонный характеръ. Ораторъ объявилъ, что онъ ставитъ нынѣшнее правительство совершенно въ сторонѣ отъ того вопроса, который предлагаетъ рѣшить; дѣло не въ существованіи такого или иного министерства. Но при этомъ Перье ловко напомнилъ о заявленіи въ пользу республики, сдѣланномъ въ прежнее время двумя изъ настоящихъ министровъ—Бодѣ и Каллѣ— о фактѣ, что самъ генераль де-Сиссѣ, будучи военнымъ министромъ Тьера, подписался подъ внесенными въ май 1873 г. правительствомъ учредительными проектами, имѣвшими прямой цѣлью окончательное учрежденіе республики; наконецъ цитировалъ одну рѣчь герцога Деказа, доказывавшаго необходимость даровать Франціи окончательныя учрежденія вслѣдъ за освобожденіемъ территоріи. Затѣмъ Перье обратился къ подробному разбору неудобствъ, сопряженныхъ съ неопредѣленностью самого принципа правленія. Онъ доказывалъ, что предложеніе его нисколько не касается власти маршала, не имѣетъ въ виду сократить полномочія, данныя ему закономъ 20-го ноября 1873 года, но имѣетъ цѣлью сообщить учрежденіямъ Франціи жизнь, давъ ей съ названіемъ опору, установленіе которой сдѣлало бы незаконными революціонныя стремленія партій. Онъ сослался на похвалбу бонапартистскихъ газетъ, что маршалъ благоволитъ ихъ дѣлу, что септеннатъ подготавливаетъ имперію, что, по выраженію одной изъ нихъ, „септеннатъ значитъ не семь лѣтъ правленія маршала Макъ-

Магона, но семь лѣтъ — маршалу Магъ-Магону на устройство правленія“. Отказываясь допускать какую-либо опасность диктатуры со стороны маршала, ораторъ указывалъ опасность въ томъ, что могли возникнуть самыя возбужденія къ диктатурѣ. Перье заключилъ свою рѣчь патетическимъ обращеніемъ къ памяти своего отца, министра Лудовика-Филиппа, который, когда въ важномъ вопросѣ объ отгнѣннѣ наслѣдственности званія царевъ ему сдѣлали въ палатѣ упрекъ, что онъ отрекся отъ собственныхъ мнѣній, отвѣчалъ: „я не могъ отречься отъ моей страны“. „Когда я вступалъ впервые на политическое поприще, въ 1846 году, — сказалъ нынѣшній Казимиръ Перье, — то еслибы кто-нибудь предсказалъ мнѣ, что я со временемъ явлюсь на трибунѣ французскаго собранія требовать немедленнаго провозглашенія республики, онъ повергъ бы меня въ великое изумленіе. Но еслибы тотъ же прорицатель далъ мнѣ узрѣть мою страну такою, какою я вижу ее теперь — послѣ всѣхъ революцій, разочарованій, бѣдствій, несчастную страну, молящую о дарованіи ей отдыха, покоя, тогда я бы понялъ (на этихъ словахъ оратора прервали восторженныя рукоплесканія лѣвой стороны), я понялъ бы и возблагодарилъ бы Бога за дарованное мнѣ право предвидѣть, что у меня достанетъ силы устранить всѣ личныя предубѣжденія, исполнить свой долгъ и произнести то слово, въ которомъ, по моему убѣжденію, будетъ заключаться правда“. Блестящая по формѣ и исполненная искренняго чувства рѣчь Казимира Перье вызвала на лѣвой сторонѣ энтузіазмъ: вся эта часть собранія поднялась съ мѣста по окончаніи рѣчи и рукоплескала оратору.

Казимиру Перье отвѣчалъ герцогъ Брольи; въ рѣчи остроумной, но исполненной желемой, придирчивой діалектики, того, что французы называютъ *arguties*, онъ старался доказать, что провозглашеніе республики, какъ провозглашеніе принципа, не привело бы ни къ чему; не устранило бы нападеныя партій на провозглашенную форму правленія, а стало быть, не дало бы странѣ спокойствія. „Поставить какое-либо опредѣленіе выше нападковъ партій“, сказалъ онъ, „можно тамъ, гдѣ принципъ этого опредѣленія установаился въ общемъ сознаніи, какъ нѣчто священное и непривосновенное; но за то тамъ и не нужно такого опредѣленія“. Во Франціи же, по мнѣнію герцога Брольи, совершенно все равно, провозглашена ли республика или нѣтъ; она осуществиться окончательно не можетъ“. Оспариванія ея не могли устранить и республиканцы „третьяго“ года, у которыхъ были въ виду такія средства для устрашенія противныхъ партій, какъ ссылка и эшафотъ; у васъ ихъ нѣтъ; все, что вы можете дѣлать на защиту провозглашенной республики отъ нападеныя монархистовъ, это — отдавать ихъ газеты на судъ присяжныхъ; да у васъ и на это не хватитъ времени, потому что вы, консервативные

республиканцы, будете заняты преслѣдованіемъ другихъ республиканцевъ, если только рѣшитесь преслѣдовать кого-либо; вамъ и рѣшиться на это не легко, потому что у васъ нѣтъ достаточнаго убѣжденія; многіе изъ васъ, консервативныхъ республиканцевъ (ораторъ разумѣлъ Тьера и самого Перье), по убѣжденію, всегда были монархистами; въ данную минуту вы безпрепятственно сдѣлаетесь ими вновь". Рѣчь Брольи, повторяемъ, была остроумна, и отчасти вѣрно указывала на политическую неустойчивость во Франціи. Но какой же логическій результатъ истекалъ изъ нея:—что при раздѣленіи Франціи на партіи вообще напрасно устанавливать какую-либо форму правленія? Ясно, однако, что какая-либо форма должна же считаться законною, хотя бы пока она не сломана новою революціей. Генералъ де-Сиссе отъ имени правительства заявилъ, что оно противится предложенію Перье, потому именно, что въ него включено, между прочимъ, подтвержденіе закона 20-го ноября о семилѣтней власти, врученной маршалу, а такое подтвержденіе закона, стоящаго вѣдѣ сомнѣній, излишне. Въ преніяхъ принялъ участіе и Дюфоръ, который поддерживалъ предложеніе Перье. По заключеніи преній, предложеніе это было отвергнуто большинствомъ 374 голосовъ противъ 333. Предложеніе Валлона объ организаціи безличнаго септенната было также отвергнуто. Прочія предложенія были взяты назадь. Тогда Малльвилль, отъ имени лѣвой стороны, внесъ предложеніе о распущеніи собранія и назначеніи новыхъ выборовъ на 6-е сентября. Это предложеніе не было объявлено неотложнымъ, а затѣмъ, въ засѣданіи 29-го іюля, оно было отвергнуто большинствомъ 354 голосовъ противъ 332-хъ. Такимъ образомъ, результатомъ всего этого похода было полное ничтожество, сохраненіе всей прежней неопредѣленности.

Нельзя, конечно, назвать „счастливымъ“ такой случай, когда человѣку, только-что оправившемуся отъ серьезной болѣзни, наносится рана. Тѣмъ не менѣе надо признать, что необыкновенное „счастье“ князя Бисмарка еще разъ оправдалось блистательнымъ образомъ. Отправляясь въ купальню, въ Киссингенъ, 13-го іюля, онъ поднялъ руку къ шляпѣ, чтобы отвѣтить на поклонъ одного прохожаго, въ тотъ самый моментъ, когда вѣрно-намѣченная пуля была пущена ему въ голову убійцею. Убійца, немедленно скваченный прохожими, оказался бондарь, по имени Кульманъ. Изъ перваго же вопроса его, на который явился и самъ Бисмаркъ, легко раненный въ руку, обнаружилось, что покусившійся на жизнь канцлера—фанатикъ, подъявшій на него руку за церковные законы. Кульманъ самъ объявилъ это, прибавивъ, что онъ давно имѣлъ намѣреніе убить Бисмарка и прожил нѣкоторое время въ Берлинѣ съ этой именно цѣлью. Проществіе это, естественно, произвело огромное впечат-

лѣніе во всей Германіи и, какъ то всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, злодѣяніе Кулльмана было возложено на отвѣтственность цѣлой партіи. Самъ Бисмаркъ, со свойственной ему горячностью, въ первый же день, явившись у окна своей квартиры благодарить за принесенную ему серенаду и восторженные привѣтствія, сказалъ, что „они не поколеблютъ подобными средствами великое дѣло свободы, независимости и единства Германіи“. Слово „они“, относившееся очевидно къ католикамъ, было исключено изъ краткой рѣчи Бисмарка, при отдачѣ ея въ печать; въ печатныхъ словахъ его говорилось уже только, что это великое дѣло „не можетъ быть поколеблено подобными средствами“. Но частная либерально-національная печать, а также печать оффиціозная прямо поставили покушеніе на убійство Кулльмана въ вину католической партіи. Возможность воспользоваться этимъ оружіемъ, чтобы наносить противнику удары, была слишкомъ заманчива. Что ею воспользовались органы оффиціозныя, въ томъ не было ничего удивительнаго. Оффиціозныя прусскія статьи пишутся нынѣ въ „либерально-національномъ“ духѣ, но пишутся людьми, вскормленными на службѣ реакціонерному лагерю, который былъ прежде собственнымъ лагеремъ Бисмарка. Онъ самъ, хотя цѣли его измѣнились, нисколько не измѣнился въ своихъ приемахъ, несмотря на необыкновенный умъ. Естественно, что люди, употребляемые имъ для сочиненія оффиціозныхъ статей, всегда готовы идти дальше его, а не имѣя его ума, и вовсе не измѣнились на службѣ „національному либерализму“. Какъ бывало, въ качествѣ чистыхъ реакціонеровъ, они пользовались покушеніями Беккера и Блинда, чтобы травить весь либерализмъ, „топить“ всѣхъ либераловъ въ общей солидарности съ преступными фанатиками, которые называли себя радикалами, такъ и теперь, въ качествѣ „либераловъ“, они прямо указывали въ Кулльманѣ орудіе католической партіи. Неоффиціозныя національно-либеральныя органы, говоря въ сущности то же самое, понимали однако неблагоприятность прямого обвиненія, помня собственныя прежнія невзгоды, и потому маскировали свои обвиненія новымъ философскимъ оборотомъ „нравственное соучастіе“, „нравственная совинновность“ (*intellectuelle Mitschuld*). Опредѣленіе это было не менѣе благозвучно, чѣмъ знаменитое въ свое время выраженіе „психологическій моментъ“, которое въ началѣ 1871 года служило нѣмецкимъ газетамъ перифразомъ понятія о „голодѣ“, наступленіе котораго въ Парижѣ вынуждало сдачу его. Но какъ въ то время, надѣясь на „психологическій моментъ“, разумѣли просто голодъ, такъ и теперь, говоря о „нравственномъ соучастіи“, разумѣли, что католическая партія въ Германіи должна быть поставлена внѣ общихъ законовъ. Необходимо однако прибавить, что въ настоящемъ случаѣ

самъ убійца облегчилъ дѣло обвиненія. Такъ, на вопросъ, дѣйствовалъ ли онъ подъ вліяніемъ постороннихъ лицъ, онъ отвѣчалъ почти утвердительно, и только отказался давать какія-либо въ этомъ отношеніи показанія. Но обвинительная ревность, высказанная при этомъ случаѣ „національно-либеральной“ печатью, была тѣмъ болѣе неумѣстна, что она была совершенно излишня.

Умъ массъ устроенъ такимъ образомъ, что все эффектное оказываетъ на него неотразимое дѣйствіе: сложившійся въ умъ массы образъ перваго Наполеона несомнѣнно произвелъ избраніе Лудовика-Наполеона въ президенты республики, а затѣмъ способствовалъ всѣмъ послѣдствіямъ этого событія; нѣсколько побѣдъ на полѣ сраженія измѣняютъ взглядъ массы на значеніе какой-либо націи въ умственной исторіи человѣчества; преступленіе, совершенное членомъ одной партіи, отзывается въ умъ массы на всей партіи, на самомъ дѣлѣ, хотя бы даже вожди ея осуждали преступника не менѣе, чѣмъ тотъ, на кого онъ посягалъ. Это—законъ непреложный, по крайней мѣрѣ при нынѣшнемъ уровнѣ развитія массы читающей и разсуждающей, во всѣхъ странахъ Европы. Въ силу этого закона, всѣмъ извѣстнаго, очевидно было, что выстрѣлъ Куллмана во всякомъ случаѣ поразилъ бы прежде всего именно католическую же партію. Нѣтъ сомнѣнія, что общее раздраженіе, проявившееся противъ нея теперь въ Германіи, не представляетъ еще малой доли того страшнаго взрыва негодованія и жестокаго народнаго озлобленія, которые обрушились бы на католическую партію, еслибы въ самомъ дѣлѣ рука убійцы-католика сразила Бисмарка—совершителя германскаго единства, основателя могущества и славы Германіи. Понимая это, было совершенно излишне натравливать и массу и правительство на ту партію, которую дискредитировалъ Куллманъ; масса и безъ усердныхъ внушеній поняла бы дѣло именно такъ, какъ было выгодно для національныхъ либераловъ; что же касается правительства, то въ готовности его воспользоваться этимъ, какъ и всякимъ инымъ случаемъ, для подавленія противника, едвали кто-либо могъ сомнѣваться.

Прусскимъ прокурорамъ вскорѣ разслано было циркулярное предписаніе строго слѣдить за печатью и обществами католической партіи; произведено было нѣсколько обысковъ, между прочимъ въ редакціи газеты „Germania“. Судя по языку оффиціальной печати, трудно допустить, что дѣйствія администраціи противъ католическихъ обществъ будутъ строго согласоваться не только съ буквою, но и съ духомъ законовъ, охраняющихъ право общественныхъ собраний. Буква закона вообще никогда не нарушается прусскою бюрократіею, что во всякомъ случаѣ служить къ ея чести. Но за то

нигдѣ, въ случаѣ нужды, эта буква и не подвергается такимъ казуистическимъ разъясненіямъ со стороны администраціи, какъ именно въ Пруссіи. Достаточно напомнить о спорѣ правительства съ палатой депутатовъ 1862—1865 годовъ; буква конституціи въ то время нарушена не была, но истолковывалась такъ, что выходило, будто именно палата депутатовъ, настаивая на своихъ требованіяхъ, нарушаетъ конституцію, а правительство оберегаетъ неприкосновенность конституціонныхъ учреждений. Теперь главный офиціозный органъ, „Провинціальная Корреспонденція“, требовалъ отъ властей, чтобы онѣ примѣняли къ католической печати и католическимъ обществамъ всю строгость законовъ „съ той именно цѣлью, чтобы обнаружилось, даютъ ли существующіе законы правительству достаточное оружіе, чтобы противостать ультрамонтанской агитаціи и возбужденію въ проступкамъ и даже преступленіямъ“. Хотя не можетъ быть сомнѣнія, что существующіе законы достаточно вооружаютъ правительство противъ прямого возбужденія въ проступкамъ и преступленіямъ; но это, видно, почитается въ офиціозныхъ сферахъ все еще не тѣмъ, что бы могло быть желательно. Въ самомъ дѣлѣ, органъ этихъ сферъ, „Провинціальная Корреспонденція“, рядомъ съ понятіями вполне опредѣленными, каковы понятія о „проступкахъ и преступленіяхъ“, ставитъ въ связи и съ одинаковымъ значеніемъ такія понятія, какъ „опасное возбужденіе страстей“ и разныя qualificacіи въ родѣ *Umtriebe*, *Wühlereien*, *Hetzerereien*, которыя по свойству своему совершенно неопредѣленны и могутъ быть, по желанію, примѣняемы ко всякому оппозиціонному слову. Требуя, чтобы власти со всею строгостью законовъ дѣйствовали по отношенію къ католическимъ союзамъ и обществамъ, тотъ же органъ объясняетъ законъ слѣдующимъ образомъ: „по закону о правѣ собраній (*Vereinsgesetz*), полицейскому надзору подлежатъ всѣ общества, которыя имѣютъ цѣлью дѣйствіе на общественныя дѣла (*Einwirkung auf öffentliche Angelegenheiten*)“. На этомъ основаніи органъ этотъ приглашаетъ полицейскія власти подвергать надзору всей строгости законовъ всѣ такія общества, которыя, хотя бы это не заключалось въ ихъ уставахъ, фактическимъ образомъ своихъ дѣйствій (*thatsächliches Verhalten*) окажутъ стремленіе вліять на общественныя дѣла. Ясно, что на этомъ основаніи полицейскому надзору и полицейскимъ мѣрамъ о закрытіи по усмотрѣнію должны бы подлежать и всѣ благотворительныя общества, словомъ—всякія общества, за исключеніемъ развѣ ученыхъ; да и объ ученыхъ можно будетъ сказать, что они занимаются возбужденіемъ страстей, съ цѣлью повліять на общественныя дѣла. Между тѣмъ смыслъ прусскаго закона вполне ясенъ и даже буква его весьма точна, и вовсе не допускаетъ столь обшир-

наго толкованія. Онъ говоритъ именно только о *политическихъ* обществахъ, а вовсе не объ обществахъ, производящихъ дѣйствіе или вліяніе (Einwirkung) на общественныя дѣла. Нѣсколько благотворительныхъ обществъ въ Берлинѣ уже закрыто на основаніи этого закона, запрещающаго политическимъ обществамъ вступать въ союзы одному съ другимъ, между тѣмъ какъ законъ этотъ (11-го марта 1850 г.) говоритъ прямо: „общества, имѣющія цѣлью обсужденіе *политическихъ* предметовъ въ собраніяхъ, не должны вступать въ союзъ (Verbindung) съ другими однородными обществами, въ особенности посредствомъ комитетовъ, комиссій, центральныхъ органовъ и подобныхъ учреждений, а также чрезъ взаимную переписку“. Правда, и благотворительныя, именно католическія общества, иногда принимаютъ политическій характеръ въ томъ смыслѣ, что соединяютъ членовъ одной партіи. Но противъ этого, на основаніи закона, ничего нельзя сдѣлать. Чтобы соблюсти его необходимо было бы различать, въ самомъ ли дѣлѣ самыя дѣйствія, происходящія въ обществахъ, ихъ постановленія и пренія относятся къ политическимъ предметамъ. Известно напримѣръ, что таково именно Майнцское собраніе католиковъ. Такія общества и подходятъ подъ дѣйствіе закона; но общества „учениковъ (Lehrlinge)“ и „христіанскихъ матерей“ въ Берлинѣ, закрытыя на основаніи этого закона, не должны были подходить подъ его дѣйствія, потому что не занимались политическими преніями и дѣйствіями, хотя бы даже общества эти и имѣли политическій „духъ“. Усмотрѣть или не усмотрѣть указанное различіе на практикѣ зависитъ отъ полиціи, а когда отъ нея требуется, чтобы она употребляла всѣ усилія къ предотвращенію не только „проступковъ и преступленій“, но и Wühlereien, Hetzereien, Umtriebe и т. д., то трудно ожидать, что полиція будетъ заботиться о дѣйствительномъ соблюденіи закона. Вообще, преступленіе Кульмана не только отвратительно само по себѣ, но еще прискорбно тѣмъ, что оно вызываетъ въ Германіи, и особенно въ Пруссіи, весьма сильныя еще и слишкомъ близкія традиціи реакціоннаго духа и реакціонерныхъ пріемовъ. Остается надѣяться, что оно можетъ имѣть и хорошее послѣдствіе въ томъ смыслѣ, что откроетъ глаза католическому населенію насчетъ опасности фанатизма, который несомнѣнно ведетъ къ насилію. Оппозиція католиковъ можетъ быть вполне естественною и законною, если она не будетъ увлекаться духомъ фанатизма; въ противномъ случаѣ она могла привести къ такому насильственному кризису, который представлялъ даже болѣе опасности, чѣмъ выстрѣлы убійцы; взрывъ фанатизма могъ выразиться въ смутахъ, которыя поколебали бы дѣло единства. Очень можетъ быть, что преступная попытка Кульмана охладитъ фанатизмъ и предупредитъ

возможность такого кризиса именно теперь, въ наиболѣе горячее время борьбы.

Сессія англійскаго парламента приближается къ концу. Она бѣдна результатами, какъ того и слѣдовало ожидать отъ сессіи, послѣдовавшей за паденіемъ Гладстона. Вѣдь одной изъ причинъ паденія его кабинета и выставлялось обстоятельство, что „страна устала отъ быстро слѣдующихъ одна за другой реформъ“. Итакъ, согласно ожиданію нынѣшняя сессія была отдыхомъ. Легкіе труды сессіи, сверхъ обсужденія бюджета и разныхъ мѣръ, не имѣвшихъ политическаго значенія, были посвящены проведенію двухъ, можно сказать, лишннихъ биллей: объ измѣненіи часовъ продажи въ питейныхъ заведеніяхъ и объ опредѣленіи формъ общественнаго богослуженія (Public Worship Regulation bill) и—устраненію предложенія Ботта о самоуправленіи (Home-rule) Ирландіи, которое ни въ какомъ случаѣ не могло имѣть успѣха. Первые два билля, по содержанію своему, конечно, не могли бы быть признаны политическими; однакоже они имѣли политическое и въ нѣкоторомъ смыслѣ именно—реакціонерное значеніе. Проведеніе въ англійскомъ парламентѣ мѣръ реакціонернаго свойства встрѣчается такъ рѣдко, что стоить остановиться на этихъ двухъ примѣрахъ. Законъ о питейной продажѣ имѣлъ цѣлью отмѣнить нѣкоторыя „излишнія стѣсненія“ закона 1872 года, то-есть продлить число часовъ продажи въ тавернахъ; могущественное сословіе пивоваровъ, трактирщиковъ и питейныхъ торговцовъ никогда не простило Гладстону проведеннаго имъ сокращенія времени дозволенной продажи напитковъ, и на послѣднихъ выборахъ играло немалую роль въ пораженіи виговъ. Консерваторы, обязанные благодарностью этому почтенному сословію, должны были дать ему награду, и вотъ, съ этой цѣлью, министерствомъ внесенъ былъ билль объ отмѣнѣ „излишнихъ стѣсненій“ закона 1872 года. Въ этомъ смыслѣ новый билль мы и назвали реакціонерной мѣрою. Впрочемъ, отступленіе назадъ было незначительное: такъ, для тавернъ въ Лондонѣ, по новому росписанію, время продлялось всего на полчаса. При обсужденіи билля въ палатѣ общинъ, онъ подвергся еще такимъ измѣненіямъ, которыя сдѣлали почти ничтожными его выгоды для трактирщиковъ. Въ іюнѣ билль былъ принятъ палатою общинъ въ третьемъ чтеніи большинствомъ 328 голосовъ противъ 39; это огромное большинство въ дѣйствительности означало только, что палатѣ крайне наскучилъ этотъ неудачный билль, никому въ сущности не обѣщавшій пользы, а между тѣмъ истекавшій изъ не очень нравственнаго источника; противъ него подали голоса только тѣ члены, съ сэромъ В. Лоусономъ во главѣ, которые не хотѣли отступить отъ принципа.

Билль архіепископа кэнтербэрійскаго объ опредѣленіи формъ богослуженія былъ внесенъ въ палату лордовъ. Сущность его заключалась въ томъ, что для устраненія разныхъ „нововведеній“, нарушающихъ чистоту англиканскаго богослуженія, какъ оно установлено правилами (rubrics), составленными вскорѣ по введеніи реформаціи, епископамъ предоставляется право, по требованію нѣсколькихъ членовъ прихода, подвергать разбору образъ богослуженія мѣстнаго священника, указывать ему допущенныя имъ неправильности; а въ случаѣ ослушанія вопросъ можетъ быть перенесенъ въ особый высшій судъ, учрежденный съ этой цѣлью для всего королевства, и суду предоставляется право устранять священниковъ на время отъ исполненія должности. Политическое значеніе этотъ билль имѣлъ, во-первыхъ, потому, что представлялъ какъ бы новое подтвержденіе связи государственной свѣтской власти съ церковью; во-вторыхъ, давалъ удовлетвореніе многочисленнымъ англиканскимъ піетистамъ, которые ненавидѣли Гладстона за подозрѣваемую ими склонность его къ отмѣнѣ самаго „установленія“, то-есть государственнаго положенія англиканской церкви въ Великобританіи, по примѣру проведенной имъ же отмѣны этого „установленія“ (Establishment) въ Ирландіи. Есть основаніе предполагать, что духовное сословіе, подъ вліяніемъ именно этого подозрѣнія и внушеннаго имъ опасенія, такъ же, какъ и трактирщики, дѣйствовало противъ Гладстона на послѣднихъ выборахъ, и проведеніе „архіепископскаго билля“ было на-руку торіямъ. Билль этотъ, по существу своему противный истинному принципу протестантства, то-есть свободѣ толкованія и богослуженія, на практикѣ долженъ представить то неудобство, что поведетъ къ нескончаемымъ спорамъ. Хотя и несомнѣнно, что многіе англиканскіе священники допускаютъ такіа украшенія церквей и особенности культа, о которыхъ не упомянуто въ правилахъ, какъ, на примѣръ, высокія свѣчи на алтаряхъ, кажденіе, колѣнопреклоненія, ризы и даже конфессіоналы для устной исповѣди, но за то всѣ священники, сохраняющіе „чистоту“ англиканскихъ обрядовъ, нынѣ опускаютъ при богослуженіи многое, что было установлено правилами, вѣка тому назадъ. Такимъ образомъ, на жалобы приверженцевъ „чистоты“ обрядовъ, ритуалисты могутъ отвѣчать жалобами на нарушеніе правилъ упущеніями. Въ конечномъ результатѣ отъ этого можетъ выиграть только католицизмъ, такъ какъ „ритуалисты“, подражающіе католической внѣшности, еслибы законъ оказался оружіемъ въ самомъ дѣлѣ дѣйствительнымъ въ рукахъ ихъ противниковъ, будутъ логически увлекаемы къ полному разрыву съ преслѣдуемымъ англиканствомъ. Билль архіепископа прошелъ въ палатѣ лордовъ третьимъ чтеніемъ въ засѣданіи 25 іюня.

Когда затѣмъ онъ поступилъ въ палату общинъ, то вскорѣ оказалось и въ этомъ могущественнѣйшемъ изъ всѣхъ народныхъ представительствъ, что религиозные вопросы не только не оставляютъ общество равнодушнымъ въ наше время, но, наоборотъ, вызываютъ въ немъ живое и даже страстное участіе. Незадолго до перехода этого билля въ палату общинъ, въ половинѣ іюня, внесено было Ньюдегэтомъ предложеніе—назначить комиссію для изслѣдованія положенія католическихъ монастырей въ Великобританіи и внутреннихъ ихъ порядковъ; уже по этому предмету происходили довольно оживленные пренія, которыя окончились, впрочемъ, тѣмъ, что предложеніе Ньюдегэта было отвергнуто большинствомъ 237 голосовъ противъ 94; противники Ньюдегэта ссылались главнымъ образомъ на бездоказательность его требованія, такъ какъ онъ не могъ привести фактовъ, которые бы свидѣтельствовали о необходимости или пользѣ вмѣшательства государства въ это дѣло. Какъ только начались пренія объ „архіепископскомъ биллѣ“, сессія замѣтно оживилась. Главнымъ противникомъ билля явился Гладстонъ, который внесъ шесть резолюцій, то-есть положеній, объявлявшихъ билль вреднымъ, потому что онъ направленъ противъ принципа свободы и противъ разнообразія формъ, которое совершенно рационально и необходимо. Министерство сперва относилось къ биллю довольно равнодушно, пока онъ находился въ палатѣ лордовъ. Но когда, съ поступленіемъ билля въ общины, обнаружилось сочувствіе къ нему большинства, Дизраэли поспѣшилъ принять билль подъ свое покровительство и, такъ-сказать, усвоилъ проведеніе этой мѣры правительству. Въ засѣданіи 15-го іюля второе чтеніе билля было допущено единогласно и тѣмъ вопросъ рѣшенъ въ принципѣ; тогда Гладстонъ взялъ свои резолюціи назадъ. Въ рѣчи Дизраэли въ пользу билля принятіе его представлялось, какъ „единственное средство для Англіи избѣгнуть той страшной борьбы между духовной и свѣтской властью, которая разыгралась на континентѣ Европы“. Вслѣдъ затѣмъ, на банкетѣ у лорда-мэра, Дизраэли произнесъ рѣчь о необходимости для Англіи поддерживать господствующую церковь, составляющую надежнѣйшій оплотъ политической свободы и всѣхъ національныхъ учреждений. Третье обсужденіе билля отсрочилось, такъ какъ палата приступила къ обсужденію новаго дополненія къ закону 1870 г. о народныхъ школахъ. Впослѣдствіи этотъ послѣдній законъ, а также законъ о судебномъ преобразованіи, обсуждавшійся въ нынѣшнюю сессію, были взяты правительствомъ назадъ, за недостаткомъ времени, такъ какъ сессію предположено было закрыть 8-го августа.

Пренія по предложенію Ботта происходили въ засѣданіи палаты общинъ 30-го іюня. Предложеніе это состояло въ слѣдующемъ:

„чтобы палата перешла въ генеральный комитетъ для разсмотрѣнія существующихъ парламентскихъ отношеній между Великобританіею и Ирландіею“. Объяснивъ, что эта форма вчинанія вопроса согласна съ бывшими парламентскими примѣрами, Боттъ предложилъ, на случай согласія палаты съ этимъ предложеніемъ, принять затѣмъ слѣдующую резолюцію: „полезно и справедливо возратить ирландской націи право и власть рѣшать всѣ дѣла, касающіяся исключительно самой Ирландіи — въ парламентѣ ирландскомъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить единство государства и существующія между обѣими странами связи, оставивъ за однимъ государственнымъ парламентомъ исключительно и въ полной цѣлости власть по общимъ дѣламъ всего государства“. Боттъ привелъ рѣшенія прошлогодняго большого митинга приверженцевъ „домашняго управления“ Ирландіи, и обратилъ вниманіе палаты на то изъ нихъ, въ которомъ было сказано, что „проектъ не предполагаетъ никакого измѣненія въ существующемъ парламентѣ“. Онъ обозрѣлъ исторію отношеній между Ирландіею и Великобританіею со времени соединенія ихъ подъ общей законодательной властью, и выразилъ убѣжденіе, что когда сотня ирландскихъ членовъ, засѣдающихъ нынѣ въ палатѣ общинъ, продолжая принимать участіе въ общихъ дѣлахъ государства, не станутъ болѣе заниматься дѣлами специально великобританскими, но за то займется сама мѣстными дѣлами Ирландіи, то отъ этого выиграютъ обѣ стороны: англійскій парламентъ получитъ болѣе времени для обсужденія своихъ дѣлъ, а интересы Ирландіи будутъ разсматриваться мѣстнымъ парламентомъ, также съ болѣшимъ досугомъ и болѣшимъ вниманіемъ. Итакъ, предложеніе Ботта существенно отличалось отъ прежнихъ сепаратистскихъ плаговъ, выразившихся въ Ирландіи движеніемъ О'Коннелля, а потомъ движеніемъ феніевъ. О'Коннелль хотѣлъ полнаго разрыва законодательной связи между обѣими странами, полной отмѣны акта о соединеніи, полагая оставить Ирландію, связанною съ Великобританіею только въ лицѣ общаго монарха. Феніи — насколько таинственная ихъ программа выразилась дѣйствіями — хотѣли полной политической независимости для Ирландіи. Боттъ и его товарищи (Home-rulers) требовали для Ирландіи только автономіи съ отдѣльнымъ мѣстнымъ сеймомъ въ смыслѣ сейма національнаго, но не государственнаго; ирландскій сеймъ по этой мысли былъ бы нѣчто въ родѣ чешскаго и другихъ національныхъ сеймовъ, существующихъ въ Цислейтаніи рядомъ съ имперскимъ сеймомъ и въ подчиненности ему. Когда происходило движеніе „рипилеровъ“ (repeal — отмѣна акта соединенія), у англійскихъ ораторовъ и газетъ было одно готовое слово, которымъ они отъ него отдѣльвались: движеніе это представлялось внушеніемъ католическаго фанатизма, посягающаго на благополучіе бри-

танскаго государства. Когда впоследствии обнаружилось движеніе феніевъ, въ которому католическое духовенство относилось враждебно, находя въ немъ зачатки радикализма, отвѣтъ былъ также готовъ: феніи производили убійства и взрывы зданій посредствомъ пороха; нечего было и разсуждать съ ними, а слѣдовало ихъ вазнить. Только высокій умъ и непоколебимая честность Гладстона сумѣли отличить въ этомъ движеніи справедливое недовольство ирландцевъ отъ звѣрствъ, которыми его выражала партія политическихъ фанатиковъ. Онъ предпринялъ и осуществилъ великія реформы для умиротворенія Ирландіи. Впоследствии ему же ставили въ вину, что недовольство въ Ирландіи продолжаетъ существовать, несмотря на „всѣ“ уступки; какъ будто двухъ реформъ, проведенныхъ въ теченіи 1868—1870 годовъ, могло быть достаточно, чтобы искоренить то справедливое *disaffection*, которое создано было вѣками неслыханныхъ притѣсненій, дѣйствіемъ вѣковой строго-последовательной системы національной экспроприаціи, національнаго разоренія, не говоря уже о жестокихъ подавленіяхъ мятежей.

Но вотъ являлось лучшее свидѣтельство въ пользу реформъ, осуществленныхъ Гладстономъ: нынѣшніе адвокаты Ирландіи, „гомулеры“ предъявляли уже гораздо болѣе умѣренныя требованія; стало быть, никакъ нельзя говорить, что „всѣ“ уступки Ирландіи бывають безплодны, что Ирландію можно управлять только желѣзною рукой и т. п. Противъ требованій Ботта не оказывалось на лицо никакого готоваго отвѣта, который бы освобождалъ англичанъ отъ самой необходимости обдумывать ихъ; самъ Боттъ даже не католикъ, а протестантъ; выступалъ онъ не только безъ насильственныхъ дѣйствій, но и въ самыхъ умѣренныхъ выраженіяхъ. Ему и отвѣчали не готовой фразою, но обстоятельнымъ разборомъ вопроса; вопросъ же самъ, тѣмъ не менѣе, былъ рѣшенъ впередъ; извѣстно было, что за предложеніе Ботта не подастъ голоса ни одинъ членъ, кромѣ членовъ его партіи. Стало быть, разсужденія были, собственно говоря, лишними; вопросъ рѣшался въ сущности простымъ нежеланіемъ. Указывая на это обстоятельство, мы однакоже не хотимъ сказать этимъ, что ни одинъ изъ аргументовъ, предъявленныхъ противъ предложенія Ботта, не имѣлъ силы. Считаая излишнимъ подвергать ихъ разбору, такъ какъ, повторяемъ, вопросъ былъ въ дѣйствительности рѣшенъ не аргументами, но просто твердымъ и единодушнымъ намѣреніемъ англичанъ и шотландцевъ не допускать мысли, предложенной Боттомъ, мы однако сгруппируемъ эти аргументы въ краткомъ исчисленіи. Допустить отдѣльнаго парламента въ Ирландіи, какъ бы ни была ограничена его сфера, — говорили противники Ботта — нельзя потому, что, ставъ національнымъ орга-

номъ Ирландіи, онъ неминуемо вступить въ столкновение съ государственнымъ парламентомъ, на который Ирландія будетъ смотрѣть, какъ на парламентъ англійскій. Столкновение поведетъ въ борьбѣ, которая создастъ въ Ирландіи еще больше недовольства, чѣмъ сколько обнаруживается теперь; ей легче не имѣть своего парламента, чѣмъ видѣть свое національное представительство въ подчиненіи у „иноземнаго“ собранія, видѣть, что рѣшенія ирландскаго парламента остаются безъ дѣйствія. А такъ какъ движеніе въ Ирландіи, опираясь на національный парламента, получить въ глазахъ народа видъ законности, то отсюда могутъ возникнуть серьезныя опасности для единства государства. Ирландцы, если они намѣрены обсуждать дѣла въ своемъ парламентѣ безпристрастно, безъ увлеченія національными предразсудками, безъ удовлетворенія страстей большинства насчетъ интересовъ меньшинства, не имѣютъ серьезной причины желать отдѣльнаго для себя парламента: ихъ слово свободно въ британскомъ парламентѣ, гдѣ они составляютъ значительную силу и добились немаловажныхъ уступокъ въ пользу своей страны. Если же они добиваются отдѣльнаго парламента собственно съ цѣлью удовлетворить страсти католическаго большинства насчетъ протестантскаго меньшинства, вестъ дѣла въ духѣ національной нетерпимости, то-есть достигнуть именно того, что одно недостижимо для нихъ въ парламентѣ общемъ, то нѣтъ причины удовлетворять ихъ желанію. Право большинства, въ силу котораго они хотѣли бы придать ирландскому законодательству и управленію отпечатокъ извѣстной вѣры, извѣстныхъ предразсудковъ, въ дѣйствительности не принадлежитъ имъ, такъ какъ въ общемъ составѣ государства католическое населеніе Ирландіи составляетъ все-таки меньшинство. Нужно избрать одну изъ двухъ невыгодъ: или преобладаніе протестантскаго, англо-саксонскаго большинства въ государствѣ надъ католическимъ, кельтическимъ меньшинствомъ, населяющимъ Ирландію, или преобладаніе католическаго большинства въ Ирландіи надъ протестантскимъ, англо-саксонскимъ же по происхожденію, меньшинствомъ въ ней самой. Нѣтъ основанія думать, что этотъ послѣдній видъ преобладанія отличался бы большей терпимостью, большей справедливостью, чѣмъ первый; нѣтъ причины мѣнять одну невыгоду на другую, нѣтъ повода приносить сочувствіе великаго большинства всего населенія государства въ жертву чувствамъ менѣе значительнаго большинства, населяющаго одну Ирландію. Къ этимъ доводамъ, которые были представлены разными англійскими ораторами и органами печати противъ предложенія Ботта, мы не присоединяемъ возраженій, предъявленныхъ противъ него нѣкоторыми ирландскими же членами, и которые, вращаясь около непрактичности предложенія и

пользы единства, были менѣ искренни и менѣ заслуживали вниманія. Въ числѣ такихъ ораторовъ-ирландцевъ были Болль, генеральный прокуроръ Ирландіи и О'Донoghу. Пренія были отсрочены до 2-го іюля. Въ этомъ второмъ засѣданіи противъ предложенія Ботта выступилъ самъ Дизраэли, который при этомъ привелъ новый доводъ, а именно желаніе, чтобы „въ тяжкую минуту великаго мірового кризиса, который ближе, чѣмъ думаютъ, населеніе этой страны представляло единый народъ“. Великій кризисъ Дизраэли разумѣлъ въ смыслѣ ополченія всѣхъ католическихъ народовъ для возвращенія папѣ свѣтской власти; допустивъ возможность такого событія, онъ ставилъ вопросъ: въ какое отношеніе стали бы къ этому дѣлу отдѣльный ирландскій парламентъ и отдѣльное ирландское правительство. Предположеніе Дизраэли насчетъ всемірнаго католическаго ополченія за свѣтскую власть папы само по себѣ забавно уже потому, что огромное большинство католическаго населенія во всемъ мірѣ (за исключеніемъ, быть можетъ, именно Ирландіи и Бельгіи) вовсе не сочувствуетъ свѣтской власти папы, какъ то явно проявляется въ массѣ населенія во Франціи, Италіи и даже Испаніи. Но кризисъ иного рода тѣмъ не менѣ возможенъ и, конечно, всѣ приверженцы великихъ началъ свободы и человѣчности присоединятся къ желанію видѣть цѣлымъ все могущество Великобританіи, для того, чтобы такой кризисъ не разрѣшился безъ ея участія. Предложеніе Ботта, въ засѣданіи 2-го іюля, было отвергнуто большинствомъ 458 голосовъ противъ 61. Впрочемъ, по всей вѣроятности оно будетъ возобновляться въ дальнѣйшихъ сессіяхъ, пока новая перемиѣна правительства не поведетъ къ новымъ уступкамъ въ пользу Ирландіи.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

24/12 іюля.

Изъ воспоминаній стараго парламентскаго репортера.

Во всѣхъ странахъ, въ разныхъ поясахъ земного шара одинаковыя соціальныя и политическія условія производятъ одинаковыя явленія. Кто читалъ въ романѣ Диккенса „Давидъ Копперфильдъ“ интересный эпизодъ о томъ, какъ молодой человѣкъ, обманувшійся во всѣхъ своихъ надеждахъ, дѣлается стенографомъ въ парламентѣ (поэтъ въ этомъ романѣ, какъ извѣстно, описалъ, между прочимъ,

собственныя приключенія), тотъ пойметъ, что то же самое бываетъ и въ Германіи, — но только, само собою разумѣется, не каждый хороший парламентскій репортеръ дѣлается Диккенсомъ.

Я выбралъ предметъ для настоящаго письма однако, совсѣмъ не вслѣдствіе воспоминанія о Давидѣ Копперфильдѣ, — а оттого, что получилъ счетъ отъ переплетчика, который переплеталъ мнѣ парламентскіе отчеты о послѣдней сессіи: два тома стенографическихъ отчетовъ о преніяхъ въ рейхстагѣ, два — о преніяхъ въ палатѣ господъ, шесть — о преніяхъ въ палатѣ депутатовъ, — все это довольно большіе томы in quarto — и, кромѣ того, еще около поддюжины парламентскихъ альманаховъ. Я уплатилъ счетъ, поставилъ книги въ свою бібліотеку, и мнѣ пришло въ голову, загляну ли я въ нихъ когда-нибудь, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда нужно сдѣлать какую-нибудь справку, или сдѣлать по альманаху сопоставленіе выборовъ въ нѣсколько сессій; мнѣ пришло при этомъ въ голову, какую громадную массу умственного топлива, если можно такъ выразиться, поглощаетъ эта парламентская печка, и затѣмъ мои воспоминанія обратились къ тому времени, когда я „измѣнилъ своему призванію“ (министръ Мантѣйфель утверждалъ однажды, что всѣ журналисты — люди, измѣнившіе своему призванію) и изъ юриста сдѣлался журналистомъ. Я однако увѣренъ въ томъ, что мы оба — я и государство — ничего не потеряли отъ этого. Миръ не сдѣлался бы лучше оттого, еслибы я сталъ строго придерживаться устава о наказаніяхъ; еслибы я пошелъ въ адвокаты, то кто поручится за то, что я получалъ бы процессы только отъ тѣхъ, которые, по мнѣнію судей, вѣдающихъ истину, оказались бы справедливыми.

Хотя я буду мѣшать свои личныя воспоминанія съ вещами серьезными, но не думаю, чтобы послѣднія потеряли отъ этого свое значеніе; думаю даже, что они покажутся болѣе занимательными въ таковой оболочкѣ.

Это было въ 1848 году, въ этомъ сумасбродномъ году, который, однако, разсматриваемый при освѣщеніи настоящаго времени, представляетъ вмѣстѣ съ сумасбродствами хорошіе образцы политической мудрости. Я жилъ въ Берлинѣ ради научныхъ занятій, какъ обыкновенно говорятъ, имѣя въ виду печальную перспективу черезъ три семестра быть посланнымъ въ Богъ знаетъ какой маленькой уголъ, чтобы тамъ, въ качествѣ сверхкомплектнаго чиновника при судѣ, познакомиться съ практикою Фемиды, которой въ университетѣ научиться нельзя. Юристы издавна пользуются преимуществомъ ничего не дѣлать въ первые три или четыре семестра, а лѣтомъ 1848 года они и подавно ничего не дѣлали. Студенты другихъ факультетовъ, само собою разумѣется, точно также. Одинъ шелъ

въ вооруженный корпусъ студентовъ, принадлежавшій къ „національной гвардіи“, охранявшей спокойствіе города, что совершалось съ такимъ успѣхомъ, что едвали проходилъ хотя день безъ большихъ беспорядковъ. Другіе посѣщали народныя собранія и клубы, которыхъ развелось безчисленное множество, и если кто не участвовалъ активно, тотъ, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ какъ можно больше видѣть. Короче сказать—тогда никто не учился.

Волны этого движенія еще не улеглись, когда 22-го мая создано было *національное собраніе*. 1-го мая были выборы, и такъ какъ сколько-нибудь извѣстные политики были уже посланы во франкфуртскій парламентъ, то для прусскаго національнаго собранія остались только мѣстныя знаменитости. Человѣкъ двадцать депутатовъ нигдѣ не были извѣстны, кромѣ своего мѣстопробыванія, и никогда не занимались политикой, такъ какъ до 1847 г. въ Пруссіи совсѣмъ не было настоящей политической жизни.

Собранія этихъ депутатовъ были самыя бурныя и вмѣстѣ съ тѣмъ самыя плодотворныя, какъ французское національное собраніе 1789 г. Тотъ, кто пережилъ 1848 г., можетъ вполне понять національное собраніе 1789 г. Тогда, какъ и въ 1848 году, въ образованныхъ *классахъ* ходило нѣсколько модныхъ идей, осуществить которыя не было абсолютно никакой возможности. Идей эти однако совсѣмъ не ограничивались сравнительно малымъ кружкомъ образованныхъ: онѣ были всеобщы и носились въ воздухѣ. Кто дѣйствительно опережаетъ свое время — случай таковой рѣдкой, что его и изучить хорошо до сихъ поръ не удалось—тотъ бываетъ повѣшенъ, обезглавленъ или сходитъ съ ума, хотя, конечно, нельзя сказать, чтобы большая часть потерпѣвшихъ такую участь изъ-за политическихъ причинъ стояла впереди своего времени.

Великія идеи французскаго собранія 1789 года, при всѣхъ перемѣнахъ, пережитыхъ съ того времени Франціею, оставались въ силѣ; „идеи“ прусскаго національнаго собранія содержали въ себѣ все, изъ-за чего шла борьба въ послѣднія 25 лѣтъ, и что большею частію съ того времени уже осуществлено, конечно, потому только, что эти идеи были произведены во время тихой, но безустанной умственной работы націи съ 1815 года. По наружному виду собраніе людей, стремившихся провести эти идеи въ дѣйствительность, было величественно, и правительство, съ расчетомъ или безъ намѣренія, нисколько не мѣшало *учредительному* національному собранію, какъ оно съ удовольствіемъ называло себя, пріобрѣтать какъ можно больше блеску. Тогдашній Берлинъ былъ вполне приспособленъ для жизни военныхъ и чиновниковъ, а о парламентскихъ постройкахъ не думали ни король, ни жители, и вотъ возникъ пер-

ный вопросъ: гдѣ должно помѣщаться національное собраніе? Я не знаю, чѣмъ руководились при выборѣ, но, наконецъ, остановились на „Пѣвческой Академіи“, на берегу такъ-называемой „зеленой канавы“ (grüner Graben), протекающей чрезъ Берлинъ влоаки, уже и тогда составлявшей ужасъ для жителей. Залу, въ которой происходили до того времени музыкальныя собранія, быстро снабдили трибуною и необходимымъ количествомъ скамеекъ; галереи, находившіяся въ залѣ, не требовали никакого измѣненія для помѣщенія въ нихъ публики. Только въ галереѣ для репортеровъ была поставлена пара пюпитровъ: это была первая трибуна для журналистовъ, хотя ихъ и не было, потому что въ то время въ Берлинѣ нельзя было сдѣлаться журналистомъ. Тогда существовали двѣ большія старыя газеты, Фоссова и Шпенерова, которыя въ публикѣ назывались „тетушка Фоссъ“ и „дядюшка Шпенеръ“. Въ 1847 году прибавилась еще радикальная газета—разумѣется въ той мѣрѣ, насколько цензура позволяла говорить—«Zeitungshalle» и вскорѣ за тѣмъ, въ мартѣ, основана была «Nationalzeitung». Стенографы были внизу въ залѣ, но для газетъ это искусство тогда не существовало. Въ извѣстномъ смыслѣ оно не существуетъ для нихъ еще и до сихъ поръ, потому что, несмотря на большое развитіе прессы и несмотря на то, что нѣкоторыя большія газеты, какъ на примѣръ, „Kölnische Zeitung“, устроили свои парламентскія бюро и такъ-называемую парламентскую корреспонденцію, которая должна давать своевременные отчеты о преніяхъ и занимаетъ довольно большой персоналъ,—несмотря на все это, въ бюро содержится всего одинъ помощникъ для стенографа, и оно вообще поступаетъ такимъ образомъ, что наиболѣе замѣчательныя рѣчи старается получать или отъ самого депутата, или изъ стенографическаго бюро палаты. Въ послѣднемъ работаютъ такъ быстро, что рѣчь, спустя полчаса послѣ того, какъ она была произнесена, уже переписывается вся обыкновеннымъ шрифтомъ. Каждый стенографъ—для лучшаго контроля обыкновенно записываютъ двое одновременно—обыкновенно работаетъ безъ прерыва только десять минутъ, а потомъ тотчасъ же диктуетъ записанное секретарю, такъ что вскорѣ послѣ засѣданія весь отчетъ бываетъ готовъ для печати. Депутаты (также и министры) имѣютъ право корректировать свои рѣчи; нѣкоторые пользуются этимъ честно, измѣняя только конструкцію фразъ или пополняя текстъ цвѣтами краснорѣчія; другіе же злоупотребляютъ этимъ, измѣняя смыслъ связаннаго. Какъ далеко можетъ простираться это право—вопросъ издавна спорный, и хотя вообще постановлено, что поправки не должны измѣнять *смысла* рѣчи, но самое слово *смысла* въ этомъ случаѣ такъ неопредѣленно, что позволяетъ очень многое.

Въ прежнее время, когда бюрократическій духъ былъ сильнѣе, парламентское бюро находилось по возможности подъ покровомъ чиновничества и сохраняло все въ тайнѣ, такъ что считалось преступленіемъ, если оно давало журналистамъ рѣчи или отрывки изъ нихъ для печати. Но постепенно — нужно сказать, *очень* постепенно — такое отношеніе къ дѣлу признано было неразумнымъ, и теперь официальные стенографическіе отчеты сдѣлались доступны всѣмъ газетамъ и репортерамъ. Вообще, однако, запрещено передавать даже большимъ нѣмецкимъ газетамъ цѣлые отчеты. Публика отъ этого, однако, ничего не теряетъ, потому что въ каждомъ засѣданіи проносятся рѣчи, имѣющія мало значенія; такіе ораторы обыкновенно очень сердятся, если ихъ рѣчи сильно сокращаютъ или совсѣмъ не сообщаютъ ихъ, и съ ихъ стороны слышатся постоянныя жалобы. Естественно, что каждый считаетъ свою рѣчь если и не очень интересною, то во всякомъ случаѣ необходимою и имѣющею значеніе; журналисты этимъ, однако, не стѣсняются. Они знаютъ, что если слово получилъ какой-нибудь неизбѣжный X, то они могутъ спокойно положить свои перья. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не удаляется при этомъ изъ залы три четверти депутатовъ? Остающіеся же занимаются Богъ знаетъ чѣмъ, но навѣрное ничего не слушаютъ. Господину X это все равно. Онъ говоритъ для стенографическаго отчета, откуда она будетъ сообщена мѣстною газетою его избирателямъ, и такимъ образомъ они увидятъ дѣятельность своего представителя.

Но возвратимся опять къ 1848 году, въ залу „Пѣвческой Академіи“. Такъ-называемое до-мартовское время, какъ я сказалъ, могло образовать писателей, но не журналистовъ. Однако нашлось нѣсколько дѣльныхъ лицъ, которые, обрадовавшись тому, что исполнилась мечта ихъ юности, сочили за честь сдѣлаться репортерами. Больше извѣстные ушли, однако, во франкфуртскій парламентъ. Здѣсь остались только Теодоръ Мюгге, авторъ извѣстныхъ скандинавскихъ романовъ, и Цабель, и тогда уже немолодой человекъ, который и теперь еще управляетъ редакціей «*Nationalzeitung*». Выступъ съ ними явилась цѣлая толпа молодежи, которая во время тогдашняго водоворота сочила своимъ призваніемъ обратиться къ журналистикѣ.

Всѣ эти молодые люди были либеральны, очень либеральны, и когда осенью пришла невзгода реакціи, то рады этого молодого ополченія порѣдѣли. Нѣкоторые вынуждены были бѣжать въ Швейцарію или въ Америку, другіе удалились въ провинціальную глушь; но замѣчательно, всѣ счастливо пережившіе бурю остались вѣрны журналистикѣ, и въ берлинской прессѣ до сихъ поръ есть очень

много молодых „сорокавосемьгодниковъ“, которые всѣ уже правдновали свои двадцатипятилѣтніе юбилей.

Да! Всѣ мы были тогда либеральны, какъ вообще юность. Какъ для слѣплого демократа „человѣкъ изъ народа“ есть образецъ добродѣтели и благородства, а богатый и знатный олицетвореніе дурного отъ головы до пятокъ, такъ и для насъ право, справедливость, разумность были только на одной сторонѣ, и мы рѣшительно не могли понять, какъ милосердый Богъ можетъ лишать людей разсудка до того, что они не только не понимаютъ евангелія лѣвой стороны (разумѣется, крайней лѣвой), но даже, напротивъ, мелютъ консервативный вздоръ. Съ каждымъ въ юности бываетъ то же самое. Только опытъ — да и то небольшому числу людей — даетъ мудрость признавать истину и право не только на той сторонѣ, къ которой они принадлежатъ по убѣжденію, преданію или просто по случаю, и не считать кретинами и измѣнниками своихъ противниковъ.

Только тамъ, гдѣ существуетъ такое обоюдное уваженіе партій, какое видимъ въ Англіи, возможна свобода; и только тамъ парламентскія учрежденія могутъ дать тѣ блага, которыхъ отъ нихъ ожидаютъ. Въ началѣ политической жизни народа, разумѣется, нельзя требовать отъ него такой зрѣлости; она была бы даже дурнымъ признакомъ. Народы, какъ и дѣти, должны перебѣситься для того, чтобы изъ нихъ что-нибудь вышло.

Мы теперь смотримъ часто съ пренебреженіемъ или сожалѣніемъ на наше прошлое; 50 лѣтъ тому назадъ не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ, и тогдашняя жизнь представляется намъ очень неудобною по трудности достиженія того, что теперь дается легко. Точно то же бываетъ и въ новыхъ парламентскихъ собраніяхъ. Вещи, которыя намъ кажутся теперь необыкновенно легкими, въ прежнихъ неопытныхъ собраніяхъ казались чрезвычайно трудными. Тогдашнее собраніе, можетъ быть подражая бельгійскому, установило сперва планъ предполагаемыхъ занятій, но этимъ планомъ совсѣмъ не умѣло пользоваться. Точно также вмѣстѣ со многими цѣлесообразными положеніями, которыя навѣрное останутся при всевозможныхъ перемѣнахъ, оно приняло совершенно нелѣпныя, совсѣмъ неприложимыя къ дѣлу, какъ, напримѣръ, то, что ораторы не должны въ своихъ рѣчахъ касаться личностей, что всякое выраженіе одобренія или неодобренія воспрещается и что оратора прерывать нельзя, — положенія, которыя не могли продержаться и одного дня. Старшій президентъ, ф.-Шёнъ, сотоварищъ знаменитаго Штейна, прежній верховный президентъ провинціи Пруссія, къ сожалѣнію, такъ былъ

старъ тѣлесно и духовно, что ничего не могъ сдѣлать. Онъ не понималъ собранія, и оно его не понимало въ свою очередь. Всѣ кричали наперерывъ. Беспорядочные дебаты о вещахъ побочных кончались шумомъ и часто полнѣйшей анархией. Только въ концу третьяго засѣданія собраніе выбрало наконецъ президентомъ купца Мильде изъ Бреславля, который уже принадлежалъ къ соединенному ландтагу и былъ знакомъ съ парламентскими формами. Но сколько-нибудь удовлетворительнаго порядка въ занятіяхъ все еще не было; такъ какъ единственное правительственное предложеніе парламенту, планъ конституціи (Verfassungsentwurf), требовало предварительнаго обсужденія, прежде чѣмъ перейти въ общее собраніе, то собраніе собственно ничего не дѣлало и только занималось безцѣльными дебатами, но оно было неутомимо на запросы. Право дѣлать запросы правительству о томъ, что оно сдѣлало или хочетъ сдѣлать, казалось юному собранію, разумѣется, однимъ изъ высшихъ благъ, и такъ какъ спрашивать гораздо легче, чѣмъ давать отвѣты, то положеніе министровъ было совсѣмъ не легкое, тѣмъ болѣе, что они въ самомъ дѣлѣ старались отвѣчать сколь возможно больше. Какъ въ народѣ, такъ и въ національномъ собраніи партіи хаотически перемѣшались. Сперва правая и лѣвая сторона держались въ равновѣсіи, и первая имѣла даже небольшой перевѣсъ, какъ показывается выборъ первыхъ двухъ президентовъ; но было очень много такихъ депутатовъ, которые совсѣмъ не сознавали своего положенія относительно партій, и на самомъ дѣлѣ было чрезвычайно трудно образовать настоящія фракціи. Министры были совершенно изолированы; у нихъ въ собраніи было много приверженцевъ, но совсѣмъ не было замкнутой партіи. Изъ двухъ большихъ сторонъ, на которыя раздѣлилось собраніе, выдѣлились еще два не очень многочисленные центра. Правая сторона совмѣщала въ себѣ всѣ консервативные элементы, немногихъ абсолютистовъ, большое число старыхъ либераловъ, и еще большее количество приверженцевъ конституціонной монархіи съ демократическимъ оттѣнкомъ, которые однако не желали совсѣмъ отдѣлаться отъ бурныхъ революціонеровъ. Лѣвая сторона заключала въ себѣ и пылкихъ республиканцевъ, какъ, наприимѣръ, д'Эстеръ, графъ Рейхенбахъ и другіе, и приверженцевъ конституціонной монархіи, основанной на чисто-демократическихъ началахъ. Лѣвая сторона была не такъ многочисленна, какъ правая, но она была гораздо послѣдовательнѣе и дѣятельнѣе, и лѣвый центръ вполне сходился съ ней въ принципахъ, не желая только дѣйствовать слишкомъ бурно. Рѣшенія стали все болѣе и болѣе зависѣть отъ центра, находившагося подъ предводительствомъ г. фонъ-Уиру. Первое засѣданіе, которое я помню очень живо, ознаменовалось

тѣмъ, что въ немъ появился тогдашній принцъ прусскій—теперешній императоръ. Онъ, какъ извѣстно, вскорѣ послѣ мартовской революціи уѣхалъ въ Лондонъ; въ Вирзитцѣ (пров. Поэнь) онъ выбранъ былъ депутатомъ, но мѣсто его занималъ кандидатъ. Закономъ о выборахъ было постановлено, чтобы въ каждомъ избирательномъ округѣ былъ выбранъ одинъ депутатъ и одинъ кандидатъ, такъ что если перваго не будетъ, то второй замѣщалъ бы его, и округъ не оставался бы безъ представителя. Какъ ни пріятно звучитъ этотъ аргументъ, однако это двойное представительство не сохранилось, и потомъ уже никогда не исполнялось на дѣлѣ (уже по тому одному, что требуетъ очень большого количества силы у страны). Кандидатъ, замѣщавшій прусскаго принца, былъ легаціонсратъ Купферъ, длинный статный господинъ, избравшій себѣ мѣсто на крайней правой; хотя онъ никогда не говорилъ, но всегда казался мнѣ типомъ реакціонера и дипломата. Если что-нибудь намъ казалось хуже реакціонера, такъ это дипломатъ, потому что этотъ классъ людей совершаетъ свои дѣянія въ темнотѣ, нисколько не уважаетъ ни народа, ни публичности, что мы цѣнили такъ дорого, и даже способны презирать настоящаго демократа, если онъ дурно произносить по-французски.

Этотъ г. Купферъ и человѣкъ, котораго онъ замѣщалъ, были предметомъ особенной заботливости не только для насъ, но и для лѣвой стороны національнаго собранія, пока наконецъ, послѣ многихъ нападокъ, которые ни къ чему не приводили, правительство дало объясненія относительно депутата отъ Вирзитца. Именно, 4-го іюня, — тотъ день, когда въ Берлинѣ былъ революціонный праздникъ въ воспоминаніе 18-го марта, въ „*Staatsanzeiger*“ было опубликовано письмо принца прусскаго къ королю, въ которомъ онъ сообщалъ, что по приказанію брата онъ возвращается. Письмо было изъ Брюсселя отъ 30-го мая. Между тѣмъ принцъ былъ уже въ Везелѣ, гдѣ народъ принималъ его дружелюбно. 6-го іюня министру-президенту Кампгаузену (брату теперешняго министра) сдѣланъ былъ запросъ объ этомъ, и онъ отвѣчалъ на него съ удивительною откровенностью относительно мартовскихъ событій. Послѣ сильной борьбы, происходившей въ Берлинѣ—собственными словами министра—его королевское высочество, принцъ прусскій, по совѣту своихъ друзей, оставилъ городъ, вслѣдствіе того, что народъ былъ сильно возбужденъ противъ него. Въ тѣ дни, какъ извѣстно, городъ повергнуть былъ въ смятеніе слухомъ о томъ, будто принцъ ведетъ въ Берлинъ большой отрядъ войскъ ¹⁾, и хотя этотъ слухъ, какъ и многіе другіе, оказался со-

¹⁾ Тогда даже вѣрили, что принцъ возвращается во главѣ русской арміи. О томъ, откуда она могла вѣстись, толпа и не думала.

вершенно неосновательнымъ, однако тогдашніе министры придумали выразить его королевскому величеству желаніе, чтобы для успокоенія народа его высочество, принцъ прусскій, предпринялъ путешествіе за-границу; его королевское величество согласился на это, и принцу передано было это словесно. Но онъ выразилъ, что по такому словесному сообщенію онъ не оставитъ страну, но что онъ готовъ сдѣлать это, если ему положительно прикажетъ его величество король въ письмѣ. Тогда его величество король собственноручнымъ письмомъ предложилъ принцу отправиться въ Лондонъ и дать объясненіе англійскому двору о вѣдѣнныхъ событіяхъ.

Министръ сказалъ затѣмъ, что министерство до сихъ поръ не имѣло причины просить о возвращеніи принца, но что теперь настало время для этого, такъ какъ желательно, чтобы во время совѣщаній о конституціи находился въ странѣ и наслѣдникъ престола.

На слѣдующій день принцъ пріѣхалъ въ Потсдамъ и 8-го іюня вдругъ появился въ „Пѣвческой Академіи“. Я до тѣхъ поръ никогда не видалъ принца, а тѣмъ болѣе не слышалъ, какъ онъ говорить. Это былъ замѣчательный моментъ, когда высокой статный человѣкъ въ генеральской формѣ вошелъ въ залу и занялъ мѣсто на передней скамьѣ правой стороны. Правая сторона, которая вѣроятно была уже раньше приготовлена къ этому, хотѣла немного приподняться съ своихъ мѣстъ, но лѣвая закричала: „не вставать!“ и правая сторона не встала, можетъ быть, не желая дѣлать скандала. На трибунѣ былъ депутатъ Темме; онъ не переставалъ говорить, но такъ какъ его никто не слушалъ, то онъ наконецъ кончилъ, и президентъ далъ слово „депутату отъ вирзитцкаго округа по случаю его вступленія въ парламентъ“. Принцъ тотчасъ же вошелъ на трибуну и произнесъ небольшую рѣчь, въ которой онъ, хотя косвенно, высказался о принятіи конституціонныхъ принциповъ и новыхъ условій. Рѣчь принца была произнесена съ важностью, съ чувствомъ собственнаго достоинства и была замѣчательно обдуманна. Правая сторона закричала „браво“, лѣвая запикала. Принцъ тотчасъ же оставилъ залу, въ которую уже никогда не входилъ болѣе. Его способъ дѣйствій отличался безстрашнымъ мужествомъ, которое онъ сохранялъ при всевозможныхъ обстоятельствахъ. Уже въ то время чернь начала собираться у „Пѣвческой Академіи“, производя давленіе на собраніе и дѣлая непріятности недобрымъ членамъ. Первый случай этого рода былъ 9-го іюня, и затѣмъ они становились все чаще и чаще, особенно когда національное собраніе въ срединѣ сентября переведено было изъ „Пѣвческой Академіи“ въ театръ (Schauspielhaus), отчасти потому, что политическое положеніе становилось все болѣе и болѣе натянутымъ, отчасти же и оттого, что на пло-

щади передъ театромъ могли собираться большія массы народа. Когда я вспоминаю теперь о томъ времени, то ясно вижу, что дѣло національнаго собранія было потеряно еще раньше, и что только отъ произвола правительства зависѣло—закрыть его или оставить. Само собою разумѣется, я не намѣренъ писать исторію того времени и не могу касаться очень многого. Я пережилъ однако всѣ знаменитыя сцены того времени:—предложеніе Штейна, чтобы военное министерство требовало отъ офицеровъ выхода въ отставку, если они будутъ недовольны конституціонными учрежденіями; отзывъ Шульце, что королевская власть обанкрутилась, выраженіе—болѣе всего другого способствовавшее отчужденію между правительствомъ и національнымъ собраніемъ; наконецъ, я пережилъ и послѣдніе дни національнаго собранія, сопровождая его въ разныя мѣста, когда оно, какъ преслѣдуемая дичь, переходило изъ одного помѣщенія въ другое. Революція уже перешла чрезъ высшую точку своего развитія, когда собраніе перешло (19-го сентября) изъ залы „Пѣвческой Академіи“ въ театръ, который уже давно предназначался для засѣданій и былъ приспособленъ къ этому. Во время второго засѣданія въ этомъ новомъ помѣщеніи, въ собраніе явился старый генералъ Пфуль и сообщилъ, что онъ назначенъ министромъ-президентомъ. Остальные члены новаго министерства были чиновники. Самъ Пфуль былъ въ то время уже старый человѣкъ съ приглаженными бѣлыми волосами, остальные были чисто бюрократическія фізіономіи; министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Денгофъ, съ сѣрыми косматыми волосами, окружающими полукруглую лысину, смотрѣлъ на весь міръ необыкновенно добродушно. Пфуль былъ изъ либераловъ и серьезно надѣлся установить добрыя отношенія между правительствомъ и національнымъ собраніемъ, но это было уже невозможно. Положеніе день ото дня становилось хуже; народъ, какъ назывались въ то время шайки молодежи и крикуновъ, день и ночь былъ на ногахъ, наблюдая за депутатами. Консервативные депутаты, послѣ подачи голосовъ въ пользу предложенія, непріятнаго народу, проходили чрезъ массы народа какъ сквозь строй, и хорошо, если они отдѣлывались только ругательствами, или поученіями какого-нибудь демагога, чтобы они не забывали своихъ обязанностей. Эти буйства возрастали со дня на день. Національная гвардія (созданіе мартовской революціи) не могла остановить ихъ, также какъ и констабли.

Мнѣ теперь очень трудно представить себѣ настроеніе тѣхъ дней. Тогда съ ранняго утра до поздней ночи всѣ были въ сильно возбужденномъ состояніи, ходили точно въ чадѣ. Такъ какъ тогда еще не было телеграфовъ, то вездѣ господствовали самыя нелѣпыя слухи. Газеты не были такъ распространены и не имѣли такого значенія,

какъ теперь; тогда имѣли больше значеніе уличныя объявленія, которыя наклеивались повсемѣстно и отчасти пріобрѣтали историческую славу. Сперва они были исключительно оружіемъ демократовъ, но потомъ и реакція увидѣла ихъ важность, и тогда обѣ партіи начали сражаться на этомъ поприщѣ. Наибольшій успѣхъ имѣлъ агитаторъ Гельдъ (Held), который, между прочимъ, игралъ двусмысленную роль, такъ какъ про него положительно извѣстно, что онъ имѣлъ связи съ реакціонерами. Одно изъ его знаменитѣйшихъ объявленій было озаглавлено: „Берлинъ необходимо снабдить провіантомъ!“ Онъ предсказывалъ въ немъ блокаду Берлина.

Во Франкфуртѣ все волновалось; въ Вѣнѣ произошла октябрьская революція, рабочіе предались буйству и—что всего хуже—въ войскѣ начались нарушенія дисциплины. Хотя правительство употребляло всѣ силы, чтобы эти случаи остались въ неизвѣстности, но это ему не удавалось. Юношѣ—каковъ былъ я—казалось все это очень естественнымъ, и я не могъ понять, отчего реакціонеры не находятъ такого состоянія прекраснымъ. Замѣчательно, между прочимъ, когда теперь я говорю съ кѣмъ-нибудь изъ лицъ,—молодыхъ въ 1848 году, но уже принимавшихъ участіе въ политической жизни,—о тогдашнихъ событіяхъ, то нахожу у всѣхъ, даже сдѣлавшихся реакціонерами, неизгладимыя воспоминанія. Это былъ угаръ, галлюцинація—но забыть его невозможно. Даже пожилые люди охвачены были этимъ опьяненіемъ. Къ концу августа была вездѣ крайняя сумятица. Объ этомъ Фарнгагенъ пишетъ въ своемъ дневникѣ подъ 22-мъ августа 1848 г. такъ:

„У Ауэрсвальда (министра) было вчера собраніе; вдругъ въ его залы полетѣли камни, и гости должны были держаться въ простѣнкахъ, чтобы не быть ушибленными; назадъ всѣ возвращались чрезъ садъ. Министръ стыдился въ особенности того, что ему устроили такую непріятность при постороннихъ; было бы лучше, еслибы сдѣлали ему это втихомолку. *По этому случаю можно судить о ничтожествѣ этого придворнаго, всегда предпочитавшаго вѣтшинство дѣлу, этого государственнаго мутца.* И это министръ!“

Этотъ Фарнгагенъ въ 1848 году получалъ уже пенсію и по своимъ занятіямъ былъ дипломатъ. Онъ, повидимому, считалъ совершенно естественнымъ, что министрамъ, между прочимъ, разбиваютъ окна, и находить дурнымъ только то, что они стыдятся этого.

Въ одномъ демократическомъ сочиненіи о томъ времени слѣдующимъ образомъ описана сцена послѣ принятія предложенія Штейна 7-го сентября.

„Когда народъ на площади получилъ свѣдѣнія о результатѣ за-

сѣданія, то поднялся необычайный шумъ и крики — „ура и браво!“ Толпы народа образовали шпалеры отъ выхода изъ залы, и между ними должны были проходить депутаты. Приверженцы министерства и члены правой стороны встрѣчены были свистами и шиканьемъ, а члены лѣвой стороны—привѣтственными криками. Когда появился министръ Ганземакъ, то его привѣтствовали громкимъ шиканьемъ; одинъ торговецъ книгами пробился впередъ и предложилъ министру купить карриатуру. Она представляла висѣлицу, на которой вдернуты были всѣ семь министровъ. При смѣхѣ народа Ганземакъ купилъ картину. Никто однако не сдѣлалъ никакой неприятели ни ему, ни другимъ министрамъ“.

Демократическая хроника описываетъ все такъ, какъ будто бы дѣло шло о какой-нибудь невинной шуткѣ. Между тѣмъ, какъ гроза, поднималась реакція, и хотя каждый видѣлъ ея приближеніе, но на улицахъ Берлина происходилъ настоящій шабашъ вѣдьмъ, и фразы демагоговъ становились все напыщеннѣе.

Я проходилъ вчера черезъ площадь предъ бывшимъ домомъ національнаго собранія; на ней стоитъ теперь статуя Шиллера, окруженная садикомъ, тогда какъ прежде здѣсь была голая площадь; я взглянулъ на окна, завѣшанныя шторами. Они имѣютъ такой же видъ, какъ и въ то время; съ трибуны журналистовъ можно было видѣть волнующіяся массы народа, шумъ котораго иногда былъ такъ силенъ, что заглушалъ пренія. Министерство Пфуля пало въ бурный день 31-го октября. Въ этотъ день народныя массы были въ возбужденномъ состояніи, а въ національномъ собраніи совѣщались о томъ, чтобы требовать отъ правительства помощи народу въ Вѣнѣ. Уже во время утренняго засѣданія было постановленіе о прекращеніи титуловъ и орденовъ; въ вечернемъ засѣданіи обсуждались два предложенія: радикальное—Вальдека и умѣренное—Родбертуса. Когда распространилось извѣстіе, что первое отвергнуто, то народъ на площади пришелъ въ ярость. Нѣкоторые громко кричали, что въ собраніи засѣдаютъ измѣнники народу. Между машинистами и національною гвардіею произошло столкновеніе, во время котораго многіе изъ первыхъ были ранены. Собраніе все время было въ очень возбужденномъ состояніи, наконецъ всѣ устали, скамьи опустѣли и собраніе было закрыто, какъ вдругъ входитъ одинъ депутатъ и говоритъ, что онъ не могъ выйти, потому что двери были заколочены снаружи. Это оказалось справедливымъ. Начались невообразимыя сцены: одни хотѣли продолжать засѣданіе, чтобы не терять даромъ времени, но президентъ не согласился на это. Обратились къ радикаламъ, чтобы они, пользуясь своею популярностью, успокоили на-

родъ. Подъ ихъ защитою вышли остальные депутаты и министры. Ихъ осыпали громкой бранью и свистами, но—въ отличіе отъ Вѣны—убійствъ не было.

На слѣдующій день Пфуль подавъ въ отставку, и генералъ-лейтенанту графу Бранденбургу (родственнику королевскаго дома) поручено было составить министерство. Теперь сомнѣнія были невозможны! Это была контръ-революція. Съ 1-го по 9-е ноября были дни непрерывной горячки. Національное собраніе почти совсѣмъ не расходилось. 2-го ноября засѣданіе продолжалось весь день и не закрывалось до 1 часу ночи, потому что собраніе хотѣло дожидаться посланной къ королю въ Потсдамъ депутаціи, которая сдѣлала разрывъ непоправимымъ, потому что депутатъ Іоганнъ Якоби сказалъ при этомъ королю слѣдующія слова: „Это несчастіе королей, что они не хотятъ слышать истины“. Когда это было передано въ собраніе, то возбудило бурныя сцены. Даже въ средѣ бюргеровъ, какъ радикально ни были они настроены, эта дерзость подготовила измѣненіе въ настроеніи, которое началось съ этого времени. Правая сторона, и безъ того въ высшей степени раздраженная, стала гораздо рѣшительнѣе, и для позднѣйшаго правительства, разумѣется, былъ значительною нравственною помощю тотъ фактъ, что оно нашло поддержку хотя и въ меньшинствѣ, но весьма многочисленномъ.

Наконецъ, наступило 9-е ноября. Засѣданіе еще не было открыто, какъ явился новый министръ, графъ Бранденбургъ, въ кавалерійской формѣ, который фигуροю и даже лицомъ очень походилъ на императора Вильгельма, а позади его Мантѣйфель — душа новаго кабинета. Въ первый разъ увидѣлъ я тогда этого человѣка съ хитрымъ лицомъ и тонкими губами, который потомъ цѣлое десятилѣтіе руководилъ прусскою политикою. Намѣреніе министерства перевести національное собраніе въ Бранденбургъ было уже извѣстно, но всѣ хотѣли слышать невѣроятное, и услышали его. Повелѣніе короля, въ которомъ назначалось новое министерство, было прочитано, и затѣмъ прочитали королевское посланіе, которымъ засѣданія отсрочивались до 27-го ноября и собраніе перемѣщалось въ Бранденбургъ. Собраніе выслушало посланіе внѣ себя отъ изумленія. Какъ только чтеніе кончилось, всталъ графъ Бранденбургъ, и едва успѣлъ сказать нѣсколько словъ, какъ поднялся невообразимый шумъ, прервавшій его рѣчь. „Ему не дано слова!“ кричали со всѣхъ сторонъ; министръ-президентъ, который въ первый разъ говорилъ предъ парламентомъ—что всегда сопровождается особеннымъ чувствомъ—сѣлъ, и тогда президентъ собранія, фонъ-Унру, сказалъ ему: „я еще не далъ слова господину министру-президенту, и прошу его не начинать рѣчи, пока я не дамъ на это своего согласія“.

Неистовыя „браво“ раздались въ похвалу президента, потому что собраніе при своей слабости было чрезвычайно довольно тѣмъ, что авторитетъ его президента выше министра. Радость была, однако, не продолжительна, потому что графъ Бранденбургъ получилъ наконецъ слово, протестовалъ съ особенною настойчивостью противъ всякаго продолженія засѣданія, затѣмъ всталъ и вышелъ; остальные министры и крайняя правая сторона послѣдовали за нимъ. 282 члена остались, и изъ нихъ 252 продолжали засѣданіе. Они приняли резолюцію, въ которой говорилось, что они не видятъ никакого повода прекращать свои совѣщанія, что они не признаютъ за правительствомъ права отсрочивать засѣданія, переводить собраніе или распускать его; они того мнѣнія, что министръ, подавшій королю совѣтъ издать такое повелѣніе, нѣмѣнилъ своимъ обязанностямъ. Затѣмъ продолжались совѣщанія о законѣ относительно распушенія палаты, и поздно вечеромъ собраніе было закрыто. Члены бюро остались на ночь въ залѣ засѣданій, но на слѣдующее утро число пришедшихъ членовъ значительно уменьшилось. Городъ былъ совершенно спокоенъ: возбужденіе въ послѣдніе мѣсяцы замѣнилось глубокой апатіей. Взаимныя борьбы — даже до рѣзни, которая проповѣдывалась восемь дней тому назадъ, теперь принять были всѣми пароль: „насищенное сопротивленіе“, и ему съ этого дня слѣдовали неуклонно. Десятое ноября былъ послѣдній день, когда состоялось національное собраніе. Мы, журналисты, конечно присутствовали на немъ. Собраніе приготовило прокламацію къ народу, а между тѣмъ со всѣхъ сторонъ въ Берлинъ двинулись войска; до тѣхъ поръ въ немъ не было гарнизона, но уже въ сентябрѣ было собрано большое количество войскъ къ окрестностямъ Берлина подъ предводительствомъ генерала Врангеля, и 10-го ноября всѣ эти войска двинулись въ Берлинъ съ Врангелемъ во главѣ. Онъ на видъ былъ тогда такъ же старъ, какъ и двадцать лѣтъ спустя — въ послѣдніе два года онъ сдѣлался настоящей муміей; онъ однако посматривалъ довольно весело, ничего не дѣлалъ противъ того, что нѣкоторые озорники отпускали на его счетъ шуточки, и посылалъ рукою подѣлуи дѣвушкамъ. Площадь передъ домомъ національнаго собранія была почти пуста и домъ окруженъ національной гвардіей. Наконецъ появились войска, площадь огласилась фырканьемъ лошадей, бречаніемъ орудій и постепенно была вся занята войсками; мы наверху сидѣли съ напряженнымъ ожиданіемъ того, что будетъ. Однако ничего не случилось, по крайней мѣрѣ ничего драматическаго. Врангель объявилъ, что онъ до тѣхъ поръ останется на площади, пока депутаты не выйдутъ; внутри же никого болѣе пускать не будутъ. Собранію ни-

чего не оставалось дѣлать, какъ разойтись; такъ и сдѣлали: впереди шелъ президентъ, остальные члены рука объ руку, чиновники и мы, журналисты, позади всѣхъ. Все совершилось очень спокойно, даже слишкомъ спокойно для тѣхъ, которые считали необходимою небольшую стычку на улицахъ по наполеоновскому образцу. Правительство однако, очевидно, не желало столкновения, если его можно было избѣгнуть; оно снисходительно относилось къ остатку національнаго собранія, переходившему изъ одного помѣщенія въ другое, пока наконецъ (15-го ноября) „Подъ липами“ въ танцевальной загѣ покончило свои засѣданія, отказавши правительству въ податяхъ. Къ сожалѣнiю, домъ этотъ былъ потомъ сломанъ для постройки пассажа. Сохраненіе прекрасной залы на высокихъ столбахъ, въ которой произошло это закрытіе засѣданій при входящихъ уже туда войскахъ, имѣло бы историческій интересъ.

Между тѣмъ 11-го ноября была распущена національная гвардія, а 12-го—объявлено осадное положеніе въ Берлинѣ и во всѣхъ мѣстахъ въ двухъ-мильномъ разстояніи отъ него. Введеніе осаднаго положенія сопровождалось обычными послѣдствіями его: всѣ клубы и собранія, имѣющіе политическія цѣли, были закрыты; днемъ не могло собираться болѣе 20 человѣкъ вмѣстѣ, а ночью — болѣе 10; трактиры закрывались въ 10 часовъ; объявленія, газеты и т. п. не могли печататься безъ разрѣшенія полиціи и т. д.

Разница сравнительно съ лѣтомъ была неописанная. Въ городѣ воцарилась мертвая тишина, и послѣ того, какъ мы выпили революціонную чашу, насъ заставили до дна осушить кубокъ реакціи. Сперва болѣе всего чувствительна была внѣшняя строгость реакціи. Привыкши къ шуму, мы чувствовали себя неловко, когда онъ прекратился; кромѣ того, революціонное время было особенно весело и легкомысленно. „Cherchez la femme!“ сказалъ французскій криминалистъ. На самомъ дѣлѣ, женщины однако не только въ преступленіяхъ, но и вездѣ на второмъ планѣ; но чтó правда, то правда: этимъ лѣтомъ всякая политическая роль у женщины пользовалась такою благосклонностью, какъ въ обыкновенное время военная форма и эпoletы. Деньги не имѣли никакого значенія, потому что ихъ собственно ни у кого не было. Всѣ жили кое-какъ, совсѣмъ не думая объ этомъ, но все шло ладно. На сигары и пиво всегда было довольно, а если и не было, то былъ кредитъ. Трактиры никогда не были пусты даже и по ночамъ,—а теперь они должны закрываться въ 10 часовъ! Строгость въ этомъ отношеніи не вездѣ, однако, была одинакова, и если гдѣ собиралась консервативная публика, то полиція смотрѣла на это сквозь пальцы. Но за то плохо пришлось

тѣмъ, гдѣ собирались демократы. Одно изъ знаменитѣйшихъ мѣстъ ихъ собраній былъ маленькій трактиръ, въ переулкѣ между *Breite- и Bruder-Strasse*, называвшійся, вѣроятно потому, что никогда не закрывался, „Вѣчная лампа“. То же названіе получили юмористическій листокъ, который редактировался постоянными посѣтителями трактира и издавался хозяиномъ, который однако въ этомъ отношеніи былъ очень невиненъ. Этотъ трактиръ во все продолженіе революціи былъ такъ полонъ, что посѣтители просто сидѣли другъ на другѣ и хозяинъ сдѣлался богатымъ человекомъ. Не знаю, чѣмъ онъ навлекъ на себя особенную ненависть, но его преслѣдовали до крайности; позволеніе держать трактиръ у него было отнято и онъ впалъ въ бѣдность, пока въ концѣ реакціи кто-то, по просьбѣ его жены, не выхлопоталъ ему опять право держать трактиръ. Благодаря своей прежней славѣ, онъ въ нѣсколько лѣтъ опять разбогатѣлъ, но въ то время, пока еще продолжалась реакція, въ его трактирѣ прибито было объявленіе: „политическіе разговоры здѣсь не дозволяются“, и, кромѣ того, онъ просилъ своихъ старыхъ знакомыхъ не вводить его въ бѣду своими посѣщеніями.

Меня лично реакція коснулась мало. Газета, въ которую я доставлялъ отчеты, извѣстила меня, что я буду получать свою плату и потомъ, и что она пошлетъ меня въ качествѣ репортера въ Бранденбургъ. Это было мое первое путешествіе въ качествѣ репортера. 26-го ноября утро было холодное; на станціи было тихо и она занята была полиціею. Отъѣзжающихъ однако не притѣсняли. Въ одномъ изъ первыхъ вагоновъ сидѣлъ господинъ съ высоко-поднятымъ воротникомъ и боязливо осматривался. Только спустя полчаса или около этого онъ ободрился, когда мы выѣхали изъ двухъ-мильнаго района, находящагося въ осадномъ положеніи; этотъ господинъ—одинъ изъ невиннѣйшихъ ораторовъ прошедшаго періода—думалъ, что реакція не имѣла въ виду ничего иного, какъ только его важную персону.

Собраніе въ Бранденбургѣ было одно изъ самыхъ жалкихъ, какія когда-либо существовали. Такъ какъ лѣвая сторона признала незаконною отсрочку засѣданій, то она и не явилась на засѣданія въ Бранденбургъ, и собраніе было не въ состояніи дѣлать постановленій, пока наконецъ его распустили и покончили тѣмъ, что остропровали конституцію. Съ тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ въ Пруссіи, никогда не дѣлали попытокъ переводить парламентъ въ маленький городокъ, и это всегда будетъ неудачною попыткою, потому что хотя атмосфера большого города обыкновенно благоприятна либеральнымъ элементамъ, но въ малыхъ городахъ собраніе совсѣмъ чахнетъ.

оно или совсѣмъ подчиняется правительству, или превращается въ безцѣльную борьбу партій. Даже версальское собраніе, хотя оно такъ близко къ Парижу, что удаленіе почти не замѣтно, страдаетъ тѣмъ, что не находится въ центрѣ умственной жизни націи.

На берлинской станціи мое возвращеніе обошлось не такъ благополучно, какъ отъѣздъ. Констабли требовали паспорта, а такъ какъ у меня ничего не было, то я былъ арестованъ и отведенъ въ главное управленіе полиціи. Къ счастью, меня зналъ президентъ полиціи, очень любезный человекъ, котораго, при усиливающейся реакціи, считали даже слишкомъ мягкимъ; меня отпустили, и такимъ образомъ я въ первый разъ испыталъ сладость осаднаго положенія.

Вмѣстѣ съ дарованіемъ конституціи, которая сперва была гораздо либеральнѣе, чѣмъ потомъ, были созваны на 26-е февраля 1849 года обѣ палаты, установленныя новой конституціей.

Первоначальные выборы, повидимому, дали рѣшительный перевѣсъ демократической партіи, но что касается выборовъ представителей (въ Пруссіи, какъ извѣстно, и теперь еще существуетъ двойная система выборовъ), то нельзя было заранее узнать рѣшительно ничего. Собраніе имѣло совсѣмъ другой характеръ сравнительно съ національнымъ собраніемъ 1848 г. Хотя франкфуртскій парламентъ еще не былъ распущенъ, но многія выдающіяся лица вышли оттуда и могли быть выбраны въ прусскую палату. Между ними были: Финке, Беккератъ, Симсонъ (который еще и теперь состоитъ членомъ германскаго рейхстага), поэтъ Готфридъ Кинкель изъ Бонна. На правой сторонѣ появился Бисмаркъ-Шёнгаузенъ (теперешній князь Бисмаркъ), графъ Арнимъ-Бойтценбургъ, Клейстъ-Ретцовъ. Въ первой палатѣ, которая по конституціи 5-го декабря 1848 года составлялась по выборамъ, засѣдали предводители самой суровой реакціи — Шталь и Герлахъ. На лѣвой сторонѣ находились въ особенности многіе министры, которыми такъ богато было время революціи: Ганзманнъ, Ауэрсвальдъ, Мильде. Собраніе было очень значительно, гораздо значительнѣе національнаго собранія, и было составлено лучше его. Герлахъ и Шталь были тогда еще новы и свѣжи. Послѣдній отличался удивительнымъ даромъ слова. Ни разу не запнувшись, онъ говорилъ цѣлыя часы, и рѣчь его была полна ума и ясности. Какъ ораторъ и профессоръ, имѣвшій очень многочисленную аудиторію, онъ больше всѣхъ другихъ способствовалъ образованію консервативной школы. Первое появленіе Бисмарка отличалось буршиковозностью, о чемъ очень часто вспоминаютъ и теперь. Георгъ Финке извѣстенъ былъ еще по соединенному ландтагу; въ 1848 году онъ засѣдалъ во франкфуртскомъ парламентѣ, и рѣшительно ненавидѣлъ демократи-

ческое большинство прусскаго національнаго собранія 1848 г.; поэтому онъ присоединился къ правой сторонѣ, но, несмотря на то, онъ былъ противникомъ крайней правой стороны. Тогда и образовалась настоящая конституціонная партія, названная потомъ старо-либеральной. На лѣвой сторонѣ еще засѣдали предводители демократіи 1848 г., напр. Вальдекъ, который былъ тогда въ полномъ цвѣтѣ силъ. Но вскорѣ стороны распались, что всегда будетъ составлять зло нѣмецкихъ собраній. Одна лѣвая сторона раздѣлилась на нѣсколько фракцій. Отъ этого между разными фракціями возникли постоянные переговоры и дипломатическія сношенія, при которыхъ побѣду одерживалъ тотъ, кому удавалось хорошо формулировать какое-либо предложеніе или поправку; иногда такая побѣда при удивительной смѣшанности партій опредѣлялась большинствомъ всего одного голоса, и послѣ этого еще депутаты удивлялись, что правительство не обращаетъ вниманія на такіе результаты голосованій. Они забывали, что въ политикѣ большее значеніе имѣетъ сила. За подобныя голосованія, которыя всегда обусловливаются компромиссами между разными партіями собранія, никто не будетъ стоять, кромѣ лицъ внесшихъ извѣстное предложеніе. Народъ никогда не стоитъ за нихъ. Такой случай былъ весной 1849 г. Тогда разсуждали о томъ, должна ли быть конституція, установленная во франкфуртскомъ собраніи, обязательна для Пруссіи. Пренія были такъ же жарки, какъ и въ 1848 году, но настоящія совѣщанія происходили въ отдѣльныхъ фракціяхъ; при этомъ накопился цѣлый лабиринтъ различныхъ способовъ постановки вопроса и рѣшенія его, и наконецъ вопросъ рѣшенъ положительно большинствомъ 16-ти голосовъ. Гдѣ парламентаризмъ окончательно и давно утвердился, и гдѣ отношенія партій такъ просты, какъ въ Англіи, тамъ долгое время можно управлять съ очень малымъ большинствомъ. Но парламентъ, при новыхъ конституціонныхъ условіяхъ, только тогда и можетъ имѣть силу и вліяніе, когда его рѣшенія опредѣляются значительнымъ, преобладающимъ большинствомъ, иначе сильное правительство всегда будетъ дѣйствовать согласно своимъ желаніямъ.

Послѣ упомянутаго голосованія вторая палата была распущена, а засѣданія первой отсрочены. Тогда изданъ былъ трехъ-классный избирательный законъ, и началась настоящая реакція, которая тотчасъ же выказала себя въ процессѣ Вальдека. Вслѣдствіе измѣненія системы выборовъ у демократіи было отнято участіе въ нихъ; правительство употребляло всевозможныя притѣсненія для того, чтобы уничтожить оппозицію, и дѣйствительно, 7-го августа 1849 г. большинство было министерское и реакціонное. Палату эту

называли тогда палатою ландратовъ. Оппозиція образовалась изъ тѣхъ старо-либераловъ, которые еще въ мартѣ были на *правой* сторонѣ; и каждый представитель народа для этой палаты имѣлъ менѣе значенія, чѣмъ даже ζῶον πολιτικόν, такъ какъ всѣ эти господа по крайней мѣрѣ нѣсколько мѣсяцевъ въ году жили только для удовольствій. Давно уже извѣстно, что консерваторы и реакціонеры въ обществѣ обыкновенно гораздо пріятнѣе либераловъ. Члены палаты ландратовъ вѣдъ палаты были такъ элегантны и любовны, что ихъ и теперь еще въ Берлинѣ вспоминаютъ съ удовольствіемъ. Но ихъ время прошло. Наступила новая эра и бурныя столкновенія, послѣднихъ лѣтъ... Затѣмъ наконецъ возникъ блестящій германскій рейхстагъ, новое собраніе, отличающееся богатствомъ политической интеллигенціи отъ всѣхъ другихъ собраній, когда-либо бывшихъ въ Германіи, собраніе, въ которомъ замѣчательнымъ образомъ соединены — привилегированность положенія, богатство и независимость. Ничего не можетъ быть интереснѣе, какъ изученіе парламентскаго альманаха, въ которомъ помѣщены краткія біографіи всѣхъ членовъ рейхстага. Какою основательною ученостью, опытностію, обиліемъ работъ, имѣвшихъ замѣчательныя послѣдствія, отличаются его члены, тогда какъ въ палатѣ депутатовъ, и особенно въ палатѣ господъ, значительное число, вѣроятно даже большинство, членовъ прошли только карьеру чиновника или землевладѣльца и вся біографія ихъ можетъ быть рассказана въ трехъ словахъ.

Я обратился къ этому давнему времени только для того, чтобы показать, какъ при всевозможныхъ перемѣнахъ и потрясеніяхъ парламентскій духъ постоянно и неуклонно развивался въ Германіи. Исторія не совершается такимъ образомъ, что стобитъ только вызвать къ жизни извѣстное учрежденіе и оно тотчасъ же окажетъ полное свое дѣйствіе. Нѣтъ! Народы должны сперва вжиться въ извѣстное учрежденіе. Когда я сравниваю состояніе парламентаризма въ 1848 году и теперь, и представляю себѣ при этомъ новый двадцатипяти-лѣтній періодъ, то думаю, что въ это время парламентскія учрежденія въ Германіи разовьются и упрочатся настолько, что она въ этомъ отношеніи вполне сравняется съ Англіею. Но это стобитъ и будетъ стобитъ многихъ трудовъ, потому что

Nil sine magno
Vita dedit labore mortalibus!

Вѣроятно читатели будутъ изумлены такимъ сощрацательнымъ письмомъ изъ Берлина въ то время, когда сдѣлано было такое злодѣйское покушеніе на жизнь князя Бисмарка. Чтобы вполне оправ-

даться, я укажу только на то, что число, стоящее въ началѣ моей корреспонденціи, означаетъ время, когда она кончена. Я началъ ее еще тогда, когда повсюду господствовала мертвая тишина.

Объ этомъ выстрѣлѣ всякій можетъ говорить, что ему угодно, но онъ вполнѣ характеризуетъ неистовство борьбы между церковью и государствомъ. Что я могу написать вамъ объ этомъ? Весь образованный міръ съ одинаковымъ презрѣніемъ относится къ дѣяніямъ такого рода, и только органъ ультрамонтановъ выражается, что подобныя случаи понятны, такъ какъ „преслѣдованіе“ церкви возбуждаетъ большую ненависть. Такое отношеніе ультрамонтановъ чрезвычайно отягощаетъ положеніе дѣлъ; оно дѣйствительно натакнуто и опасно,—не потому, чтобы ультрамонтаны могли произвести возстаніе и возбудить гражданскую войну, но потому, что они возбуждаютъ духъ ненависти въ массахъ: они не хотятъ примириться въ надеждѣ, что Франція, съ своими войсками, скоро придетъ для возмездія, и тогда къ нимъ на помощь явился бы и Римъ. Тогда и въ протестантскихъ странахъ произошло бы возстаніе, а можетъ быть измѣна въ тылу арміи. Таковы, несомнѣнно, намѣренія Рима. Это очевидная перспектива будущаго, но я думаю только одно: германское правительство не будетъ ждать того, пока враги сочтутъ моментъ удобнымъ, но само предупредить ихъ.

К.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

10/22 іюля, 1874.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ВОПРОСЪ.

Не только въ Германіи, но и въ свободной Англіи, въ классической странѣ терпимости ересей, снова выливается на поверхность религіозный вопросъ. До сихъ поръ все обстоитъ благополучно или, вѣрнѣе сказать, сладко спало, и консервативный парламентъ, оправдывая предсказанія, собирався, казалось, лишь для того, чтобы доставить націю и самому себѣ полное наслажденіе *far niente*. Но голосъ Дизраэли, раздавшійся съ звучностью іерихонской трубы, заставилъ всѣхъ внезапно встрепенуться. Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ говорилъ, что борьба между свѣтскимъ и духовнымъ началами должна охватить всю вселенную. Но такъ какъ про-

ричаніе это не сбывалось съ достаточной быстротой въ Англіи, онъ порѣшилъ ускорить его осуществленіе.

Это оказалось не особенно затруднительнымъ. Стѣбло только первому министру внести въ бюро нижней палаты билль о дисциплинированіи англиканской церкви и пожаръ вспыхнулъ. Въ одно мгновеніе Англія очутилась перенесенною въ тѣ давно прошедшія времена, когда, говоря цвѣтистымъ языкомъ Боссюэта, „территорія ея и гавани волновались сильнѣе омывающаго ее океана, и она была наводнена грознымъ потокомъ тысячи странныхъ и разнообразныхъ сектъ!“
 Времена Лауда и Гемпдена вернулись снова, только роли перемѣнились. М-ръ Гладстонъ, покинувъ свой очагъ, чтобы вести свои полчища на поле брани, занялъ позицію перваго, тогда какъ Дизраэли дошелъ чуть не до пуританизма. Въ сущности торійскій вождь такъ неосторожно раздулъ не что иное, какъ пламя стараго вопроса отдѣленія церкви отъ государства, разрѣшеніемъ котораго будетъ рано или поздно упраздненіе господства (*disestablishment*) англиканской церкви. Коснувшись этого сложнаго и интереснаго вопроса, необходимо познакомиться съ его прошедшимъ; впрочемъ, кто не знаетъ 181 главныхъ религіозныхъ сектъ этой страны, — не знаетъ самой Англіи, не говоря уже о томъ громадномъ вліяніи, какое нѣкоторыя изъ нихъ оказали и продолжаютъ оказывать на нравы, что до сихъ поръ не оцѣнено въ надлежащей степени.

Веселая Англія, „merry England“, давно утратила право на это прозваніе, которое превратилось не болѣе какъ въ пустой титулъ, наслѣдованный отъ другой эпохи, когда онъ служилъ справедливымъ, даже слабымъ выраженіемъ дѣйствительности. Тогда праздники и увеселенія слѣдовали непрерывной вереницей одинъ за другимъ: праздникъ жатвы, всѣхъ святыхъ, св. Мартина, рождественскіе праздники, длившіеся цѣлую недѣлю, посвящались питью, пляскѣ подъ звуки флейтъ и барабановъ; звонко раздавались поцѣлуи на щекахъ красныхъ дѣвушекъ, туго набивались разными яствами желудки, и смѣхъ и гамъ стоялъ въ воздухѣ. И не только простолюдины, какъ тѣ плотники, столяры и старьевщики, которые въ „Снѣ въ лѣтнюю ночь“ разыгрывали Пирама и Тисбу, но и сановники, люди, занимавшіе высшія придворныя должности, и дворянство не пренебрегали такими удовольствіями.

Доказательствомъ тому служатъ знаменитыя празднества Кенильвортскаго замка, гдѣ въ продолженіи восемнадцати дней королева Елизавета не уставала выслушивать привѣтствія Церерь, Помонъ, Тритоновъ и разныхъ водяныхъ богинь, и потѣшаться зрѣлищемъ медвѣжьихъ и собачьихъ боевъ въ перемежку съ без-

конечными пирами, на которыхъ немовѣрное количество блюдъ соперничало развѣ только съ изобиліемъ орошавшихъ ихъ винъ. Одно воспоминаніе объ этомъ способно вызвать краску негодованія на лицѣ иного джентльмена настоящаго времени. Безъ шутокъ, современная Англія вѣроятно стала бы стыдиться Шекспира, не будь національной гордости. И конечно, живи этотъ великій человѣкъ, составляющій гордость человѣчества, въ нашъ вѣкъ, его бы такъ же закидали грязью, какъ лорда Байрона. И это все плоды пуританства. Если съ одной стороны оно способствовало процвѣтанію свободы и могущества Великобританіи—что несомнѣнно,—то съ другой, оно же безспорно и наградило ее непроходимой скукой. Многіе приписываютъ обращеніе Англіи въ протестантство Генриху VIII. Но намъ кажется, что въ такомъ капитальномъ событіи правительственному вліянію отведено слишкомъ исключительное мѣсто. Генрихъ VIII устранилъ папу, что, конечно, было чрезвычайно важно. Но, за исключеніемъ этого факта, онъ всегда старался сохранить нѣкоторое равновѣсіе между протестантствомъ и католицизмомъ. Жестокости, совершенныя въ царствованіе Маріи Тюдоръ, прозванной кровавою, содѣйствовали въ сильной степени развитію фанатизма. Но настоящее, глубокое и неударжимое движеніе въ смыслѣ реформы началось только съ возвращеніемъ на родину пуританъ-эмигрантовъ, которые во время царствованія Маріи нашли себѣ убѣжище въ Германіи и Швейцаріи, гдѣ и почерпнули ненависть не только къ англиканской церкви, но и къ королевской власти. Они-то и пустили въ ходъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ разглагольствованія объ Авимелехѣ и Юдиѣ съ приправою на право и на лѣво раздаваемыхъ анаемъ и съ проповѣдью умерщвленія плоти. Съ тѣхъ поръ стало грѣхомъ выпить за здоровье пріятеля, повеселиться въ день Рождества, охотиться за оленемъ или прочесть главу изъ *Fairie queen*.

Такой образъ дѣйствій, какъ замѣчаетъ справедливо Маколей, привелъ бы въ негодованіе прямодушнаго и веселаго Лютера, и вызвалъ бы презрѣніе со стороны спокойнаго и разсудительнаго Цвингли. Но религиозный фанатизмъ получилъ здѣсь окраску суровыхъ климатическихъ условій. Саксонскій мозгъ, настроенный разъ на печальный ладъ, не нашелъ въ себѣ силы реагировать противъ окружающихъ его тумановъ и мглы и проникся ими до мозга костей. Результатомъ этого явился классическій типъ пуританина, который вполнѣ вѣренъ дѣйствительности: плоскіе волосы, разбѣренные движенія, сжатые глаза, гнусеніе и рѣчь, уснащенная библейскими изреченіями.

Реставрація измѣнила многое въ этомъ положеніи вещей, не коснувшись, впрочемъ, Шотландіи. Тогда былъ установленъ знаменитый

законъ единства, „*Act of Uniformity*“ (въ 1664 г.), окончательно организовавшій англиканскую церковь и служащій до сихъ поръ однимъ изъ главныхъ ея оснований. Неожиданное появленіе на этихъ дняхъ этого кореннаго и органическаго закона на аренѣ парламентскихъ прений совсѣмъ озадачило робкихъ. Въ силу „*Act of Uniformity*“ пресвитеріане, индепенденты и проч. поставлены совершенно внѣ признанной церкви, члены которой обязаны держаться оффиціального молитвенника, „*тридцати девяти статей*“ и „*правилъ*“ (*Rubrics*), выработанныхъ извѣстнымъ вестминстерскимъ собраніемъ въ 1562 г. Дополненіемъ къ этимъ постановленіямъ служить „*Corporation and Test's acts*“ (корпоративные и повѣрочные законы), 1673 г., предписывающіе священникамъ, членамъ университетовъ, лицамъ, находящимся на гражданской службѣ, и проч., присягать на вѣрность (королю), подписывать заявленія противъ догмата прѣтворенія хлѣба и вина и публично причащаться по обряду англиканской церкви. Всѣ эти мѣры направлялись преимущественно противъ католиковъ, но и остальные диссиденты (которые съ этого времени получили наименование *nonконформистовъ*) пострадали отъ нихъ не менѣе. Только въ 1828 году онѣ отмѣнены, хотя, однакоже, до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ университетахъ существуютъ аналогическія ограниченія. Въ одномъ изъ параграфовъ „*Act of Uniformity*“ было постановленіе, которое клонилось къ уничтоженію въ зародышѣ существованія всѣхъ диссидентскихъ церквей; я говорю о запрещеніи лицамъ, не утвержденнымъ въ священническомъ санѣ, совершать таинство причащенія. Оно было отмѣнено въ царствованіе Вильгельма III, посредствомъ изданія „*Toleration act*“ (закона о вѣротерпимости), даровавшаго диссидентскимъ священникамъ право исполнять всѣ обязанности своего званія подъ условіемъ признанія главныхъ догматовъ англиканскаго вѣроисповѣданія.

Съ этого времени начинаютъ возникать въ огромномъ количествѣ новыя секты, а старыя приобрѣтаютъ многочисленныхъ послѣдователей и усиливаютъ свое вліяніе. Между послѣдними пресвитеріане занимаютъ самое видное мѣсто, ихъ господство распространилось на всю Шотландію, такъ что въ 1707 году, во время окончательнаго присоединенія и учрежденія великобританскаго парламента, пресвитеріанская шотландская церковь была признана оффиціально и уравнена съ англиканскою. Что касается кромвелевскихъ *индепендентовъ*, относившихся съ одинаковымъ омерзѣніемъ къ папизму, прелатству и пресвитеріанству, то они и до настоящаго дня продолжаютъ существовать и расширять свои ряды: они теперь переименовались въ *конгрегационистовъ*. Изъ церквей новѣйшей формации, ни одна по

своему вліянію и распространенію не можетъ соперничать съ *методистами*. Основателями ея (1703—1792) были братья Джонъ и Карль Весли, откуда и произошло столь извѣстное имя *веслеянство*, которыми часто обозначаютъ ихъ послѣдователей. Что касается до другого ихъ прозвища, то методистами ихъ стали, какъ кажется, называть вслѣдствіе щепетильной правильности, которую оба брата и друзья ихъ вносили какъ въ образъ жизни, такъ и во всѣ свои поступки. Я очень желалъ бы не пускаться въ теологію; но между тѣмъ надобно же знать, что такое, собственно говоря, *методисты*? Хотя изъ 3,300,000 сектаторовъ этого наименованія, проживающихъ на англійской территоріи, едвали три тысячи сумѣли бы сами отвѣтить удовлетворительно на такой вопросъ,—постараюсь опредѣлить главные черты ихъ ученія.

Начнемъ со словъ самого основателя. Джонъ Весли даетъ намъ ключъ къ своему вѣроученію въ своей критикѣ мнѣній Арминіуса:— „Заблужденія, въ которыхъ упрекаютъ секту, извѣстную подъ именемъ арминіанцевъ,—говоритъ онъ,—можно раздѣлить на пять пунктовъ. Утверждаютъ, что они отрицаютъ первородный грѣхъ и искупленіе путемъ вѣры, что ошибочно. Напротивъ, совершенно справедливо то, что они отвергаютъ предопредѣленіе: съ другой стороны они вѣрятъ, что можно противиться благодати или даже потерять ее, послѣ обладанія ею“¹⁾. Три послѣдніе пункта принимаются и методистами, которые въ этомъ случаѣ держатъ сторону Арминіуса противъ Кальвина, и въ нѣкоторой степени раздѣляютъ мнѣніе иезуитовъ и Трентскаго собора вопреки св. Августину. Ужасное толкованіе старыхъ временъ, на основаніи котораго девять-десятихъ человѣческаго рода обречены проклятію до рожденія, нашло въ Кальвинѣ своего распространителя. Онъ имѣлъ духъ и жестокосердіе повторить вслѣдъ за св. Августиномъ: „міръ — жатва погибели“. Превозглашая болѣе милосердые догматы, Весли не только имѣлъ за себя здравый смыслъ, но и перетягивалъ на свою сторону людей робкихъ, запуганныхъ суровостью кальвинистскаго воззрѣнія. Въ этомъ заключается одна изъ главныхъ причинъ его успѣха. Съ другой стороны, такъ какъ вкусы людей разнообразны до безконечности, то методистамъ не воспрещается и вѣрить въ предопредѣленіе. Вслѣдствіе чего, между многочисленными группами веслеянской секты встрѣчаются двѣ, именующіяся *кальвинистскими методистами*. Нѣсколько другихъ развѣтвленій, не отдѣляясь вполнѣ отъ главнаго центра, усвоили себѣ нѣкоторые отличительные обряды и приняли

¹⁾ См. Marsden, History of Christian Church and Sects. London, 1836. T. I, p. 70.

названіе *первобытнѣхъ вѣселянцевъ, методистовъ индипендентовъ, билейскихъ христіанъ* и проч. Однимъ изъ отличительныхъ свойствъ саксонскаго характера является это свойство—совмѣщать въ себѣ самыя разнообразныя догматы, въ то время, какъ, наоборотъ, латинскія расы постоянно тяготеютъ къ единству и однообразію.

Распространенію методистской секты много содѣйствовала также ея организація, до-нельзя простая и удобная. Каждый мало-мальски значительный городъ отъ Ливерпуля до Ярмута, т.-е. отъ востока къ западу, составляетъ центръ округа (circuit), обнимающаго всѣ окрестныя деревни въ районѣ отъ 12-ти до 15-ти миль. Въ каждомъ такомъ округѣ находятся, по крайней мѣрѣ, по одной часовнѣ, а также воскресная школа, священникъ, и болѣе или менѣе многочисленная группа „preachers“, свѣтскихъ проповѣдниковъ, фермеровъ, лавочниковъ, земледѣльцевъ и проч., добровольно принявшихъ на себя это званіе. Жозефъ Арчъ, организаторъ стачки земледѣльцевъ, о которой я недавно писалъ вамъ, принадлежитъ къ числу такихъ методистскихъ проповѣдниковъ. Всѣ эти люди часто видаются между собой, сходятся, разсуждаютъ, поддерживаютъ одинъ другого въ своихъ вѣрованіяхъ и въ распространеніи ихъ. Менѣе гордые, чѣмъ духовенство официальной церкви, они направляютъ свою дѣятельность преимущественно на обращеніе бѣднаго и невѣжественнаго класса населенія; за то и число ихъ послѣдователей, въ особенности въ деревняхъ, быстро растетъ. Въ Англии и въ Валлійскомъ княжествѣ методисты по численности слѣдуютъ немедленно за англиканами.

Другая секта, недавняго происхожденія и развивающаяся тоже съ успѣхомъ, это—секта *баптистовъ*; ихъ отличительная черта заключается въ порицаніи крещенія младенцевъ, что они считаютъ чуть ли не поруганіемъ таинства. Они ждутъ совершеннѣйшаго субъекта, и тогда уже допускаютъ въ часовню, гдѣ священнослужитель погружаетъ его въ чанъ съ водою. Эта система крещенія, лишенная малѣйшихъ шансовъ успѣха въ южныхъ странахъ, жители которыхъ ощущаютъ такое отвращеніе къ водѣ, что очевидно предпочитаютъ ей грязь и паразитовъ. Здѣсь, наоборотъ, пришлось по вкусу эта лишняя ванна; вдобавокъ ко всѣмъ тѣмъ дѣшамъ, которыми англичанинъ привыкъ пользоваться ежедневно подъ своимъ дождливымъ небомъ, она принимается охотно. Современные баптисты отрицаютъ всякую солидарность съ своими настоящими родоначальниками, монстерскими анабаптистами: они ограничиваются тѣмъ, что признаютъ свою связь съ вальденсами. Въ ихъ средѣ есть также много подразделеній: *частныя, общіе и шотландскіе баптисты, баптисты седьмого дня* и проч. Въ настоящее время ихъ численность достигла уже

милліона. Въ Лондонѣ по преимуществу они обладают притягательной силой, заключающейся въ скиннѣ и въ лицѣ м-ра Спорджона (Spurgeon).

Если въ воскресный день около восьми часовъ переправиться на другой берегъ Темзы и устроить свой постъ наблюдений близъ знаменитой таверны *The Elephant and Castle*, то увидишь, что со всѣхъ сторонъ сходящіяся здѣсь поѣзды желѣзныхъ и желѣзно-конныхъ дорогъ, равно какъ и омнибусы, выгружаютъ изъ своихъ нѣдръ цѣлыя полчища путешественниковъ, всѣхъ половъ и званій. Послѣдую за толпой, любознательный наблюдатель очутится вскорѣ въ просторномъ зданіи, выстроенномъ въ формѣ эллипсиса, или просто въ большомъ сараѣ, обставленномъ скамейками въ нѣсколько ярусовъ, какъ концертная зала или циркъ: это скиннѣ метрополи. До шести тысячъ человекъ стоятъ тутъ тѣсными рядами, каждый держа въ рукахъ по книжечкѣ. Затѣмъ, на высокой эстрадѣ, устроенной въ концѣ эллипсиса, появляется господинъ, лѣтъ сорока, въ черномъ пальто, очень обыкновенной наружности, не имѣющій на первый взглядъ ничего ни страннаго, ни вдохновеннаго. Это и есть м-ръ Спорджонъ, прославленный баптистскій пасторъ. Онъ затягиваетъ гимнъ, приличный дню, и всѣ шесть тысячъ присутствующихъ присоединяются къ нему и образуютъ чудовищный хоръ. Впечатлѣніе, производимое этимъ пѣніемъ, самаго серьезнаго свойства. Послѣ хора все внезапно смолкаетъ и обращается въ слухъ, тутъ начинается проповѣдь, настоящая проповѣдь древнихъ временъ, „полная неподдѣльнаго огня и краснорѣчія. М-ръ Спорджонъ—истинный ораторъ, въ лучшемъ значеніи слова: его сбѣгался слушать весь Лондонъ, а подобный успѣхъ никогда не пріобрѣтается даромъ. Стѣсило послушать, какъ, на прошедшей недѣлѣ, онъ говорилъ на стихъ царя Давида изъ второй книги Самуила: „Онъ подобенъ утреннему свѣту, когда солнце восходитъ въ безоблачномъ небѣ: онъ подобенъ травѣ, поднимающейся изъ земли, когда солнце засвѣтитъ послѣ дождя.“ — „Взгляните, — восклицалъ онъ, — на утренній свѣтъ, какъ онъ радостно сіяетъ, когда запоютъ птицы, и земля, всю ночь погруженная въ безмолвіе — если покой ея не нарушался ни ревомъ бури, ни крикомъ хищныхъ звѣрей, ни безумнымъ воплемъ пьянаго человека, — пробуждалась, возвышаетъ свой голосъ въ этихъ пѣсняхъ, льющихихся изъ устъ безчисленныхъ ея твореній: то же бываетъ, когда Христосъ снисходитъ въ сердца людей: мелодично раздаются голоса птицъ и горлица воспѣваетъ привѣтствіе благословенному мгновенію.... А вы, священники, съ вашими тайнами и заклинаніями, когда вы силитесь пролить свѣтъ въ человѣческое сердце, то вамъ удается зажечь лишь одинокую искру, которая, блеснувъ на мгновеніе, освѣщаетъ только

мракъ и гаснетъ съ такою быстротою, что не даетъ времени выжолвить: это свѣтъ! А между тѣмъ вы превозносите до небесъ добрыя дѣла ваши, а на нихъ нагромождаете слова и суевѣрія, и думаете изъ этой груды вызвать свѣтъ: но только вспыхнувъ, вашъ огонь потухаетъ, оставляя послѣ себя щепотку золы, къ крайнему смущенію вашихъ приверженцевъ!“ Послѣ ряда подобныхъ выходовъ противъ „зѣря“ (слѣдуетъ читать: епископальной церкви), такъ и ждешь нападеній на „омерзѣніе“, т. е. королевскую власть. Но напрасно. Ораторъ говоритъ о своей благодарности судьбѣ за счастье жить въ странѣ, огражденной „какъ отъ бурныхъ элементовъ республиканскаго правленія, такъ и отъ тягостныхъ узъ деспотизма“, и заключаетъ любезнымъ обращеніемъ къ ея величеству, „которую можно уподобить восходящему солнцу и безоблачному утру“.

Вотъ вамъ образчикъ тона и возврѣній самыхъ ярыхъ изъ англійскихъ диссидентовъ. Избавляю васъ отъ перечисленія особенностей 177 остальныхъ религіозныхъ разновидностей: квакеровъ, унитаріанъ, моравовъ, шекеровъ (свакуновъ) и т. д. У насъ есть даже мормоны по народной переписи 1851 г. значится за этой сектой 300 часовень, могущихъ вмѣстѣ до 36,000 молещичковъ. Интереснѣе всего было бы имѣть вѣрныя статистическія свѣдѣнія по всѣмъ этимъ церквямъ, но это оказывается очень труднымъ дѣломъ. Я постарался однако же вывести приблизительныя цифры.

Во время послѣдней переписи 1871 года, диссиденты подняли страшный крикъ и всѣ возстали единодушно противъ статистики вѣроисповѣданій. Ихъ органы, не безъ нѣкотораго основанія, утверждали, что результатъ этой переписи будетъ настолько обманчивъ, насколько неблагоприятенъ ихъ интересамъ, по той причинѣ, что цѣлая масса людей, не принадлежащихъ ни къ одной изъ конгрегацій, такъ же, какъ позитивисты, свободные мыслители и другіе будутъ неизбѣжно причислены къ господствующей церкви. Въ концѣ-концовъ это мнѣніе одержало верхъ и статистика вѣроисповѣданій была составлена только въ Ирландіи. Въ ней находилось въ 1871 году:

Римско-католиковъ	4.141,933
Епископальныхъ протестантовъ (старая офиц. церковь) . . .	683,293
Пресвитеріанъ	538,288
Методистовъ	41,815
Конгрегационистовъ (независимыхъ) то	4,483
Баптистовъ	4,633
Квакеровъ	3,884

Относительно Англій и Валлійскаго герцогства можно руковод-

ствоваться отчасти перенисью 1851 года и сравнить существовавшее тогда число часовень съ цифрой настоящей ихъ численности, затѣмъ къ полученному итогу присоединить извѣстное приращеніе католической церкви (2 милліона), причеъ общій выводъ будетъ выражаться нижеслѣдующими цифрами, которыя я считаю очень близкими къ дѣйствительности; общая цифра народонаселенія составляетъ 22.703,088; на нее придется приблизительно:

- 12.700,000 англичанъ (господствующая церковь)
- 3.000,000 методистовъ
- 1.500,000 конгрегационистовъ или индепендентовъ
- 1.000,000 баптистовъ
- 500,000 пресвитеріанъ
- 2.000,000 католиковъ.

Остатокъ распредѣляется между квакерами, моравами, унитаріанами, мормонами и проч.

Самымъ поразительнымъ фактомъ является тутъ неимоверное увеличеніе цифры католическаго населенія, представлявшаго всего 600,000 въ 1851 году. Совершенно ошибочно было бы объяснять это явленіе одними обращеніями; дѣло въ томъ, что громадное количество ирландцевъ переселилось въ послѣднее время въ Англію, преимущественно въ нѣкоторыя графства, какъ-то: въ Ланкаширское и въ Уоркширское. Эта домашняя эмиграція покровительствуется въ нѣкоторой степени самимъ правительствомъ, которому не можетъ быть неприятымъ такое добровольное разсѣяніе агитаторскихъ скопищъ. Но господствующая церковь тѣмъ не менѣе понесла значительныя потери: множество изъ приверженцевъ ея перешло въ лагерь нонконформистовъ и еще большее число къ методистамъ. Это выступаетъ особенно ярко при сравненіи статистики 1801 года съ нынѣшней, принимая конечно, во вниманіе, значительное увеличеніе общей цифры народонаселенія. Такъ, напримѣръ, въ 1801 году Wesleyанцы, индепенденты и баптисты въ сложности составляли 9,000,000 и имѣли 2,400 часовень; въ 1871 года, они представляютъ уже 22,000,000 населенія съ 13,300 (15,300) часовнями. Приращеніе огромное; со стороны нравственнаго вліянія успѣхи ихъ тоже обширны, и отчасти могутъ быть названы благотворными, отчасти печальными. Вреднѣе всего вліяніе ихъ отражается на литературѣ и артистической сторонѣ жизни, словомъ—на всемъ, что доставляетъ умственное наслажденіе и отдыхъ. Во время оно реставрація положила предѣлъ пуританскому ханжеству и лицемерію; она зашла даже слишкомъ далеко по противоположному пути. Нравы XVIII столѣтія въ Англіи были нисколько не суровѣе, чѣмъ во Франціи. То было время

Юма, Гиббона и Ораса Уольполя, и въ лондонскихъ салонахъ благочестіе процвѣтало не болѣе чѣмъ въ Парижѣ; если великосвѣтскія дамы и посѣщали вечернее богослуженіе, то это дѣлалось скорѣе для того, какъ говорятъ тогдашнія газеты, чтобы „посмотрѣть на людей“—да и себя показать, прибавимъ мы съ своей стороны. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія все перемѣнилось. Многіе приписывали это явленіе ужасу, будто бы навѣянному французской революціею. Но это—положительная натяжка; настоящая причина заключается въ успѣхахъ диссидентскихъ сектъ, а особенно же методизма, которое породило нѣсколькихъ фанатиковъ и массы лицемѣровъ. Англиканское духовенство было погружено въ безпечность и не думало вмѣшиваться въ дѣла своей паствы, пока конкуренція не заставила его строже отнестись къ обрядовой сторонѣ и выказать больше требовательности. Современная Англія представляетъ собою результатъ этой новой реформаціи. Совершившійся переворотъ становится ошутителемъ съ первыхъ годовъ настоящаго столѣтія; онъ вырываетъ уже у лорда Байрона желчное восклицаніе: „Цѣломудріе покинуло сердца, чтобы переселиться на уста... стараются наверстать словами, утраченное на дѣлѣ. Вотъ истина, истина относительно лицемѣрной и низкой толпы, которая поворотитъ современное поколѣніе англичанъ: вотъ единственный отвѣтъ, который она заслуживаетъ. Вопіющій грѣхъ нашего лживаго и двуличнаго вѣва, вѣва эгоистовъ и грабителей—это: лицемѣріе* (cant). Въ настоящій моментъ въ этомъ отношеніи есть нѣкоторое измѣненіе къ лучшему, благодаря успѣхамъ наукъ, но это поступательное движеніе весьма медленно. Общества трезвости, лиги противъ открытія музеевъ въ воскресные дни, проповѣди о постѣ и умерщвленіи плоти, проповѣди противъ театровъ и увеселеній продолжаютъ идти своимъ путемъ и совершаютъ свою задачу: изсушаютъ сердце и сжуживаютъ умъ.

Что касается хорошихъ сторонъ сектаторовъ, ихъ либерализма въ политикѣ, за это нечего питать къ нимъ особеннаго уваженія; все, чего они добиваются, это уничтоженія привилегій официальной церкви; далѣе этого имъ ни до чего нѣтъ дѣла. Это доказали они еще недавно, отказавшись въ послѣднюю минуту передъ выборами отъ поддержки радикальнаго кандидата м-ра Фоусетта, вслѣдствіе того, что онъ высказался за открытіе музеевъ въ воскресные дни. Впрочемъ, я могъ только слегка набросать здѣсь очеркъ сектаторской Англіи, но этотъ матеріалъ до того обилень, что требовалъ бы болѣе тщательной обработки. Тѣмъ не менѣе, мы можемъ теперь оцѣнить всю важность преній, послѣдовавшихъ за внесеніемъ Дизраэли его „*Public worship regulation bill*“ (билля о регламентаціи общественнаго богослуженія).

Чѣмъ бы это ни кончилось въ данную минуту, но въ сущности это новый шагъ къ упраздненію англиканской церкви. Не слѣдуетъ однако же заблуждаться насчетъ этой церкви и полагать, что она составляетъ одно единодушное и сплоченное тѣло. Съ самаго начала она была чѣмъ-то въ родѣ компромисса между ученіями Рима и Женевы, допуская, съ одной стороны, принципы Кальвина, удерживая, съ другой, такіа молитвенныя формы, которыя могли бы получить одобреніе самого папы. Такъ, напримѣръ, отвергая догматъ пресуществленія, она продолжала совершать причащеніе, оставивъ за нимъ символическое значеніе, къ великому соблазну пуританъ. По сущности и по духу она принадлежитъ къ протестантству, но обрядовая сторона ея сохранила римскую окраску, такъ-называемый „романизмъ“. Результатомъ всѣхъ этихъ хитросплетеній Кранмера оказалось не то, чтобы явный расколъ, но глубокое разъединеніе. Такъ какъ каждому предоставлялась возможность слѣдовать по тому или другому направленію, то въ скоромъ времени образовались двѣ партіи. Одни, поклонники восточной пышности и блеска Рима, пре-емники архіепископа Лауда и великосвѣтскихъ кавалеровъ, безъ помѣхи могли удержатъ дорогіе имъ церемоніалы и торжественность. Эта часть духовенства образовала такъ-называемую „High church“ (высокую или верхнюю церковь), извѣстную подъ этимъ именемъ со временъ царствованія Вильгельма III. Другіе, напротивъ, возмущенные этими обрядами, ограничились чисто-догматической стороной религіи и едвали отличаются чѣмъ бы то ни было въ своемъ богослуженіи и мнѣніяхъ отъ самыхъ строгихъ пресвитеріанъ. Они-то и составляютъ „Low-church“ (нижнюю церковь), или *евангелическую* церковь.

До начала нынѣшняго столѣтія преобладаніе было на сторонѣ приверженцевъ верхней церкви, но успѣхи диссидентовъ придали новое значеніе нижней церкви, члены которой отличались бѣльшею строгостью жизни. Въ 1833 году одно чрезвычайно важное событіе произвело новое волненіе въ средѣ религіозныхъ партій. Я говорю объ „англо-католическомъ“, „трактаріанскомъ“, или, какъ его называютъ еще иначе, „пювенстическомъ“ движеніи. Послѣднее имя происходитъ отъ имени д-ра Пюзи, который называлъ это ученіе серединой между ультра-протестантизмомъ и романизмомъ (см. письмо его къ архіепископу оксфордскому). На самомъ же дѣлѣ оно приближалось гораздо болѣе къ „романизму“; большое число пювенстовъ перешло въ католичество и между прочимъ викарій церкви св. Маріи, въ Оксфордѣ, Ж. Г. Ньюмэнъ. Тогда поднялось общее смятеніе и англо-католическая партія исчезла изъ среды церкви или, по крайней мѣрѣ, ступшевалась окончательно.

Ея появленіе вызвало однако же новое движеніе, въ совершенно обратномъ смыслѣ. Д-ръ Арнольдъ изъ Рѣгби, негодуя на возвращеніе къ суевѣріямъ, основалъ школу, которая взялась за пересмотръ всего, не исключая самыхъ догматовъ, что привело даже къ обвиненію въ атеизмъ нѣкоторыхъ членовъ оксфордскаго университета. Наконецъ въ 1860 г. появились знаменитыя „*Essays and Reviews*“, въ которыхъ библія подвергается самому широкому толкованію, толкованію, которое (будь сказано между нами!) очень недалеко ушло отъ унитаріанизма. Между авторами, принявшими участіе въ „*Essays*“, называютъ многихъ изъ высокопоставленныхъ лицъ на поприщѣ преподаванія и сановниковъ церкви, между прочимъ извѣстнаго переводчика Платона, м-ра Джѣста, занимающаго профессорскую кафедру въ Оксфордѣ. Такимъ путемъ въ средѣ господствующей церкви возникла третья партія, именуемая „*Broad church*“ (широкая церковь), которая считаетъ между членами своими такихъ людей, какъ настоящій деканъ Вестминстерской церкви, Стэнли, мнѣнія котораго, если не по формѣ, то по существу почти тождественны съ воззрѣніями Штрауса и Ренана.

Установленная церковь, съ тремя подраздѣленіями своими на *high*, *low* и *broad churchmen* продолжаетъ однако же спокойно существовать безъ того, чтобы кто-нибудь изъ членовъ ея подумалъ объ отдѣленіи. Администрація состоитъ изъ двухъ архіепископовъ, двадцати-шести епископовъ и двѣнадцати тысячъ приходовъ, находящихся подъ непосредственнымъ управленіемъ викаріевъ, ректоровъ и проч. Два раза въ годъ по дѣламъ администраціи происходятъ собранія, извѣстныя подъ именемъ *Convocations*; одно изъ нихъ бываетъ въ Йоркѣ, другое въ Кентербѣри. Только послѣднее сохранило еще нѣкоторое значеніе, такъ какъ архіепископъ кентербѣрійскій вмѣстѣ съ тѣмъ облеченъ саномъ примаesa Англіи.

Собраніе это имѣетъ двѣ палаты, верхнюю и нижнюю; въ первой засѣдаютъ епископы. Это высшее духовное учрежденіе, создавшее въ 1562 году конституцію господствующей церкви, уже давно утратило всякое политическое вліяніе. Теперь глава англиканской церкви по буквѣ закона—королева, а въ дѣйствительности—парламентъ; въ этомъ случаѣ союзъ церкви и государства достигъ крайнихъ предѣловъ или, вѣрнѣе, государство вполнѣ управляетъ церковью, что составляетъ, впрочемъ, наилучшее условіе для подобныхъ союзовъ, которые иначе влекутъ за собою гибель или поглощеніе государства, какъ назидательнымъ примѣромъ тому могутъ служить историческія данныя латинскихъ расъ. Но и въ первомъ случаѣ возникаютъ затрудненія, если значительная часть населенія отдѣлится отъ лона

официальной церкви: тогда поддержка и покровительство со стороны правительства превращаются въ вопиющую несправедливость. Въ такомъ именно положеніи находится дѣло въ Англійи въ настоящій моментъ, и потому англиканскую церковь неминуемо постигнетъ судьба ирландской. Но пока мы еще не дожили до этого, займемся разборомъ билля, внесеннаго Дизраэли, которому суждено такъ сильно повліять, въ томъ или другомъ смыслѣ, на развязку вопроса. Съ нѣкоторыхъ поръ, со стороны послѣдователей верхней церкви (или ритуалистовъ, какъ ихъ еще называютъ) было дано немало поводовъ къ соблазну. Нѣкоторые изъ членовъ духовенства стали вводить исповѣдь и позволять себѣ отпущеніе грѣховъ, причемъ оказалось, что послѣдній законъ относительно церковной дисциплины (Church discipline act, 1840) безсилень противодѣйствовать имъ. Отсюда и явилась необходимость въ новомъ проектѣ, главныя основанія котораго заключаются въ слѣдующемъ: въ случаѣ оскорбленія религіи путемъ несоблюденія или дополненія установленныхъ обрядовъ и правилъ церкви, трое прихожанъ имѣютъ право подать епископу жалобу на виновнаго священнослужителя. Епископъ можетъ, по усмотрѣнію своему, прекратить дѣло. Въ противномъ случаѣ онъ отсылаетъ обѣ стороны къ судѣ, исключительно и спеціально назначаемому для разбора духовныхъ дѣлъ, который обязанъ рѣшить споръ, соображаясь съ текстами и рубриками церкви.

Гладстонъ, въ первый разъ послѣ своего временнаго удаленія, явился въ парламентъ на второе обсужденіе этого проекта. Его рѣчь по этому поводу, великолѣпная по формѣ и лишенная всякаго содержанія, поразила палату удивленіемъ, а друзей его повергла въ отчаяніе. Не отрицая необходимости нѣкотораго вмѣшательства, онъ предложилъ шесть резолюцій, состоящихъ изъ простаго повторенія одного и того же мнѣнія, безъ всякаго заключенія. „Вмѣшательство должно допускаться только въ случаѣ оскорбленія или искаженія основныхъ церковныхъ законовъ. Въ этого, пусть будетъ предоставлена полная свобода какъ ритуалистамъ, такъ и евангеликамъ; правительству слѣдуетъ воздержаться отъ всякаго вмѣшательства, кромѣ лишь случаевъ крайней важности“.—Откровенно говоря, если Гладстонъ не имѣлъ косвенной цѣли затануть и усилить беспорядки для достиженія скорѣйшаго упраздненія официальной церкви, то онъ играетъ игру въ пользу верхней церкви и англо-католиковъ. Большинство либераловъ возмущено (что очень естественно съ этой точки зрѣнія) такимъ воззрѣніемъ на отношенія государства къ церкви, состоящей на ея содержаніи и подъ ея покровительствомъ. Дизраэли воспользовался этой благоприятной минутой для заявленія своей ра-

дости по поводу восстановления оппозиціи и возвращенія на политическое поприще такого важнаго дѣятеля, какъ достопочтенный членъ отъ Гринвича (Гладстона). Онъ объявилъ, что цѣлое утро будетъ посвящено на разсмотрѣніе шести вышеупомянутыхъ резолюцій; затѣмъ онъ снова вернулся къ самой сущности вопроса, и приступилъ къ этому дѣлу съ той мѣткостью и находчивостью, которыми подчасъ онъ вполне владѣеть.

„Я далеко отъ мысли, — сказалъ онъ, — желать уничтоженія партій въ средѣ церкви. Партіи въ ней были всегда, со времени апостоловъ. Пышныя церемоніи, пылкія вѣрованія и свободная созерцательность составляютъ характеристическія черты этихъ трехъ великихъ партій: имена могутъ быть обновляемы, но сущность вещей стара. И въ самомъ дѣлѣ, они существовали всегда подъ различными названіями. Подъ именемъ ли „*High church*“, „*Low church*“ или „*Broad church*“ мы встрѣчаемъ равное свидѣтельство въ пользу этой націи и религіознаго духа ея, который подъ различными формами оказавъ столько важныхъ услугъ... Я держусь мнѣнія, что эти различныя школы могутъ каждая безпрепятственно слѣдовать своимъ наклонностямъ, сохраняя вѣрность принципамъ реформаціи, въ той формѣ, въ которой они преподаны англиканской церкви и воплощены ею во всей первобытной чистотѣ своей. Но я долженъ выяснитъ вопросъ о настоящей цѣли этого билля и высказать ее безъ обиняковъ. Цѣль эта—уничтоженіе ритуализма. Достопочтенный членъ отъ Гринвича заявилъ, что онъ не знаетъ, что такое ритуализмъ; я полагаю, что въ этомъ отношеніи онъ стоитъ совершенно одиноко: ни палата, ни страна не раздѣляютъ его невѣдѣнія... Уже прошедшею осенью, перечисляя передъ многочисленнымъ собраніемъ событія, совершившіяся въ новѣйшее время въ Европѣ, я упомянулъ о послѣдовавшей за ними великой борьбѣ между свѣтской и духовной властью, и выразилъ мнѣніе, что посреди тѣхъ глубокихъ потрясеній, которыя грозятъ Европѣ въ будущемъ, было бы верхомъ благоразумія съ нашей стороны сплотить наши ряды на широкомъ полѣ реформаціи, принципы которой нигдѣ не нашли болѣе могущественнаго и блестящаго приложенія, чѣмъ въ англиканской церкви. Не безъ огорченія, признаюсь, встрѣтилъ я по этому поводу возникшее разногласіе, которое и по сіе время существуетъ между нами и раздѣляетъ насъ... Что же касается до обрядовъ, принятыхъ ритуалистами, — я не желалъ бы моими словами оскорбить кого бы то ни было, — обряды эти и догматы уважаются мной, пока они составляютъ принадлежность католическаго вѣроисповѣданія. Но что я порицаю, это — усвоеніе ихъ служителями той церкви,

при поступленіи въ которую они обязались передъ націею и клятвенно обѣщали отвергать эти самыя доктрины. Я порицаю не обряды католическаго богослуженія, а пародію на нихъ (mass in masquerade)!"

Конечнымъ результатомъ всего этого было принятіе билля по второму чтенію, даже безъ голосованія, и Гладстонъ, еще разъ покинутый либералами, принужденъ былъ взять обратно свои резолюціи и смиренно вынести какъ полнѣйшее свое пораженіе, такъ и поздравленія своихъ единовѣрцевъ верхней церкви.

Не безъ цѣли привелъ я вышеизложенный отрывокъ изъ рѣчи Дизраэли. Эти строки вѣрно обрисовываютъ человѣка и его систему. Въ нихъ мы узнаемъ знакомыя черты Конингсби: онъ остался все тѣмъ же бойцомъ „Юной Англій“ и лѣта не охладили его пристрастія въ протестантству, идеалъ котораго онъ отождествляетъ съ англиканскою церковью. Въ реформѣ его плѣняетъ болѣе всего еврейскій элементъ, и что бы онъ ни говорилъ, но въ душѣ онъ всегда на сторонѣ нижней церкви, заодно съ пуританами и со всѣми тѣми, кто чтитъ субботу. Не довольствуясь побѣдой, одержанной надъ ритуалистами въ Англій, онъ сыплетъ щедрой рукой свои милости на пресвитеріанъ Шотландіи. Неумоимый министръ внесъ въ палату еще законо-проектъ, именно билль о шотландскомъ патронатѣ, который находится теперь на обсужденіи. Вопросъ этотъ, по отзыву всѣхъ англійскихъ газетъ, самаго запутаннаго и сложнаго свойства; попытаюсь дать отчетъ о его содержаніи.

Пресвитеріанская церковь, основанная въ Шотландіи Ноксомъ въ 1560 году и признанная шотландскимъ парламентомъ, сохранила всѣ свои права при присоединеніи, послѣдовавшемъ въ 1707 году. Съ тѣхъ поръ она оставалась официальной церковью Шотландіи на равныхъ условіяхъ съ англиканскою, съ тою только разницею, что священники ея избирались самими прихожанами. Въ 1712 году былъ изданъ законъ, возвратившій „патронамъ“ право назначенія на бенефиціи, ректоріи и проч. Объяснимъ нѣсколькими словами значеніе патроната, играющаго такую важную роль въ гражданскомъ законодательствѣ Англій. Лорды, сквайры, простые джентльмены или землевладѣльцы, построившіе церковь или часовню и сдѣлавшіе вкладъ, обезпечивающій ихъ существованіе, приобрѣтали для себя и потомковъ своихъ право назначать священниковъ въ эти церкви. Это право, настоящее право собственности, носитъ названіе патроната, „patronage“ или „advowson“. Тутъ нѣтъ ничего общаго съ демократизмомъ или пуританствомъ, и потому не удивительно, что возстановленіе патроната въ Шотландіи произвело сильное неудоволь-

ствіе, слѣды котораго не изгладились еще до сихъ поръ. Въ 1732 году большое число вѣрныхъ отдѣлилось отъ официальной церкви и учредило „*The United presbyterian kirk*“ (соединенную пресвитеріанскую церковь; слово *Kirk* шотландскаго происхожденія и значить то же, что англійское *church*).

Въ такомъ положеніи дѣло оставалось до 1834 года, когда возобновилось новое и сильное движеніе противъ патроната. Во главѣ его сталъ д-ръ Чомерсъ, человѣкъ весьма замѣчательный и почтенный. Собраніе духовенства пресвитеріанской официальной церкви отказало въ утвержденіи нѣсколькихъ священниковъ, избранныхъ патронами. Между собраніемъ и парламентомъ завязалась борьба, длившаяся девять лѣтъ и окончившаяся въ 1843 году отказомъ со стороны палаты общинъ въ удовлетвореніи претензій, предъявленныхъ шотландскимъ клерикальнымъ собраніемъ. Последнее покорилось рѣшенію, но 169 членовъ его, т.-е. цѣлая треть духовенства выбыла и основала „*Free presbyterian church*“ (независимую пресвитеріанскую церковь). Итакъ, считая съ официальной пресвитеріанскою церковью, это составило уже три церкви, которыя дѣлятъ между собою почти поровну господство надъ населеніемъ Шотландіи, состоящимъ изъ 3.800,000 жителей. Последній билль, предложенный Дизраэли, мѣтитъ именно на уничтоженіе патроната въ признанной шотландской церкви. Конечно, это прекрасно, но какъ примутъ это тѣ, которые для огражденія своей независимости отказались отъ чрезвычайно важныхъ выгодъ государственнаго покровительства? Вѣдь сохранившіе вѣрность правительству приобрѣтаютъ ту же независимость безъ всякихъ жертвъ. Законъ, вполне справедливый по принципу, становится несправедливымъ по своимъ послѣдствіямъ.

Что касается до непосредственнаго результата, то насчетъ его не можетъ быть сомнѣній. Дизраэли имѣетъ уже теперь въ своемъ распоряженіи большинство изъ 80-ти голосовъ; билль о церковной дисциплинѣ можно считать принятымъ, такъ какъ палата лордовъ навѣрное не отвергнетъ его. То же самое слѣдуетъ ожидать и въ отношеніи закона объ уничтоженіи патроната въ Шотландіи. Но дальнѣйшіе результаты нѣсколько сомнительнѣе: Дизраэли играетъ огнемъ. Увлеченный реформатскимъ рвеніемъ, онъ и не замѣтилъ, что поднятый имъ вопросъ не что иное, какъ страшный вопросъ „упраздненія“. Особенно въ отношеніи Шотландіи другого выхода, какъ этотъ, изъ затрудненія, создаваемаго новымъ закономъ, нельзя предвидѣть. Соединенные пресвитеріане и независимые прибѣгнутъ къ агитаціи, къ петиціямъ, и добьются низложенія официальной церкви. Относительно Англій, грозное слово было произнесено впервые во время преній о биллѣ о регламентаціи общественнаго богослуженія.

Упраздненіе ожидается, въ болѣе близкомъ будущемъ, чѣмъ это полагаютъ, епископальную церковь, ослабленную внутренними, постоянно увеличивающимися несогласіями и имѣющую внѣшняго врага въ лицѣ десяти милліоновъ диссидентовъ, т.-е. болѣе половины всего населенія.

Но мы еще не покончили съ нововведеніями и сюрпризами новаго кабинета. До сихъ поръ все еще было въ порядкѣ вещей, когда въ послѣднюю минуту внезапно выплыла самая смѣлая и до крайности ретроградная мѣра и хлестнула со всего размаха по либеральной партіи. Англійскіе консерваторы отличаются, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, той похвальной чертой, что они удовлетворяются временной приостановкой движенія, не стараясь обращать вспять хода правительственной машины. Дизраэли измѣнилъ этому обычаю внесеніемъ своего билля о школахъ, существующихъ на пожертвованныя суммы (*Endowed schools act amendement bill*). Не стану входить въ подробное разсмотрѣніе вопроса объ образованіи въ Англии, скажу только два слова о новомъ законѣ. Всѣмъ извѣстно, какъ широко развита благотворительность въ этой странѣ. Большинство школъ грамотности, элементарнаго и средняго образованія, существовавшихъ до закона объ образованіи 1871 г., обязаны своимъ основаніемъ „благочестивымъ“ пожертвованіямъ, изъ которыхъ многія восходятъ до XVI и XVII столѣтія. До послѣдняго времени школы эти по большей части оставались подъ надзоромъ и управленіемъ духовенства официальной церкви и, слѣдовательно, были закрыты для диссидентовъ. Въ 1869 году, во время министерства Гладстона, былъ изданъ законъ (*Endowed schools act*), измѣнившій это положеніе, объявляя эти школы національною собственностью и открывая ихъ двери всѣмъ, безъ различія партій и вѣроисповѣданій. Тогда уже тори начали кричать, что это грабежъ: большинство „благочестивыхъ основателей“ принадлежали-де англиканской церкви, и имѣли въ виду, чтобы питомцы ихъ воспитывались въ христіанскихъ правилахъ. „Говоря слово *религія*,—заявлялъ Тваккумъ въ *Томъ-Джонсъ*,—я естественно подразумѣваю христіанскую религію, а подъ выраженіемъ „христіанская“ религія, также естественно имѣю въ виду не что иное, какъ англиканскую церковь, въ той формѣ, какъ она утверждена закономъ“. Либералы возражали весьма основательно, что „Тваккумъ“ находится въ странномъ заблужденіи:—многія изъ этихъ школъ основаны до закона о вѣротерпимости 1689 года, въ ту эпоху, когда, кромѣ официальной церкви, не существовало никакой другой, и которая—и это главное—считала своими членами такихъ людей, какъ Лэтимеръ, и Ноксу предлагала епископское кресло. Дѣйствительно, что могло быть несправедливѣе закрытія для нонкон-

формистовъ—современное названіе пуританъ — тѣхъ самыхъ школъ, которыя были основаны благочестивыми иждивеніями ихъ предковъ.

Этихъ соображеній было совершенно достаточно, чтобы убѣдить либеральную палату утвердить новый законъ 1869 года. Тѣмъ болѣе, что это было только однимъ лишнимъ звеномъ въ цѣломъ рядѣ мѣръ къ освобожденію корпорацій, университетовъ и т. д. отъ ига господствующей церкви и 39 пунктовъ ея уложенія. Вотъ этотъ-то законъ 1869 года и стремится уничтожить Дивраэли. Школы предлагается изъять изъ-подъ администраціи трехъ комиссаровъ, опредѣленныхъ кабинетомъ Гладстона, и подчинить ихъ болѣе ортодоксальному контролю членовъ благотворительной комиссіи. Сверхъ того, исключая случаевъ, когда воля жертвователя опредѣленно противится этому, а также въ случаѣ отсутствія его личнаго наблюденія, школы поступаютъ въ вѣдѣніе англиканскаго духовенства на основаніяхъ, освященныхъ вѣковымъ обычаемъ, т. е. религиозное преподаваніе переходитъ снова въ руки англичанъ. Недовольствіе прессы и общественнаго мнѣнія, увѣщанія „Times“, многочисленныя рѣчи гг. Фоусетта, Гладстона и другихъ—все оказалось тщетнымъ; напрасно было поставлено на видъ, что эта первая попытка въ теченіи ста-пятидесяти лѣтъ нарушенія основныхъ законовъ Великобританіи, ничто не помогло — *vestigia nulla retrorsum!* Большинствомъ 82-хъ голосовъ, послѣ вторичнаго прочтенія, законъ утверждёнъ. Послѣ награды виновныхъ торговцевъ, получившихъ дозволеніе не закрывать кабаковъ до полуночи, торіи обязаны были удовлетворить и вторую категорію своихъ избирателей, англиканское духовенство, и они сдѣлали это. „Вотъ, — говорить „Telegraph“, — одна изъ самыхъ необычайно-реакціонныхъ мѣръ нашего вѣка; но успѣхъ ея не можетъ быть продолжительнымъ и не долго заставитъ ждать себя отместка“. Эта политика неизбѣжно должна указать либераламъ ихъ настоящую дорогу самаго радикальнаго свойства: требованіе вполнѣ свѣтскаго преподаванія (*imsec-tarian*).

Итакъ, настоящая сессія, по началу своему ничего не обѣщавшая, кромѣ затишья, заключается бурной борьбой и тяжелыми, если не долговѣчными, трудами. Черезъ нѣсколько дней все будетъ окончено и „достопочтенные“ разъѣдутся по морскимъ купаньямъ и живописнымъ уголкамъ Швейцаріи, гдѣ ихъ болѣе счастливые соотечественники уже давно опередили ихъ и наслаждаются лѣтнимъ отдыхомъ. Уже итальянцы и опера закрыли свои двери и еще одна сессія канула въ прошлое, не ознаменовавшись никакимъ особеннымъ торжествомъ, за исключеніемъ развѣ праздника въ память Генделя, бывшаго въ іюнѣ. Вамъ, конечно, не безвѣстно, что Гендель счи-

тается одной изъ знаменитостей Англии, что онъ „нашъ великій національный музыкантъ“, какъ выразился на-дняхъ, въ застольномъ спичѣ, герцога Уэльскаго. Что касается меня, то я еще тружусь надъ разрѣшеніемъ вопроса, можетъ ли существовать английская музыка? Если любовь къ концертамъ и пѣнію служить мѣриломъ музыкальныхъ способностей, то болѣе музыкальнаго народа, чѣмъ англичане, нѣтъ въ обѣихъ полушаріяхъ. Ни одинъ джентльменъ не пропуститъ случая заявить о своей чрезвычайной любви къ музыкѣ. И въ самомъ дѣлѣ, начиная отъ *Music-hall* низшаго разряда и кончая итальянцами, всюду толпа мѣбеть отъ наслажденія и бьетъ неистово въ ладоши. Только тутъ замѣчательнѣе всего то, что квартетъ Бетховена, „*La fille de Madame Angot*“, и пѣснь негра съ аккомпаньиментомъ треугольника и бубна вызываютъ равные аплодисменты. Вагнеръ и Леконъ, Лоэнгринъ и *Жирофлѣ-Жирофлѣ*—одинаково пожинаютъ лавры. Что это? Искреннее или притворное увлеченіе? Отвѣтить на это трудно. Очевидно одно, что английскому уху приятенъ всякій звукъ; однакоже какъ ни лѣзетъ изъ кожи альбіонецъ, чтобы восклицаться Бетховеномъ и Генделемъ и увѣрить себя, что онъ ихъ любитъ и понимаетъ, искреннюю страсть онъ питаетъ только къ негритянской или псевдо-негритянской пѣснѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ стбитъ только посмотрѣть на колоссальный успѣхъ „*Christy Minstrels*“ въ С-ть Джемсъ-Голль.

Но возвратимся къ Генделю; не станемъ оспаривать его національности; англичане говорятъ же о своихъ великихъ портретистахъ Гольбейнѣ и Ванъ-Дейкѣ! Чтобы упрочить за собою честь соплеменности съ авторомъ „*Messiah*“, они учредили въ память его празднество, которое повторяется черезъ каждые три года. Праздникъ длится четыре дня, въ теченіи которыхъ въ зданіи Хрустальнаго дворца 4000 музыкантовъ и пѣвцовъ исполняютъ главныя творенія этого маэстро. Зрѣлище и эффектъ этого торжества по-истинѣ грандіозны. Какого бы мнѣнія мы ни были относительно художественнаго вкуса англичанъ и ихъ искренности по части дилеттантства, нельзя однакоже отнять у нихъ того, что они оказываютъ искусству настоящую услугу, щедро вознаграждая его представителей. Во всякомъ случаѣ, ихъ музыкальныя стремленія только похвальны: слушая и дѣлая попытки къ подражанію, авось Англии и посчастливится произвести собственнаго композитора высшей пробы, чѣмъ Бальфъ.

Относительно живописи дѣло иное: Англія дѣйствительно имѣетъ свою школу. Достаточно назвать Гогарта; къ несчастію, онъ остался единственнымъ въ своемъ жанрѣ. Вотъ и еще плоды „ванта“ и лицемерія. Въ недавнее время на одной изъ выставокъ картинъ старой

школы, устроеняемой ежегодно королевскою академіею было выставлено одно изъ капитальнѣйшихъ произведеній мастера: *Шестое вольтерово Финелля*. Конечно, эта картина нѣсколько грѣшитъ раблеевскою распущенностью, за то, что за кисть и что за неподобное исполненіе,—это уже бесспорно настоящее, хотя и не классическое искусство! Что бы вы думали? Передъ этой картиной никто не оставался, подъ предлогомъ слишкомъ откровенно обнаженныхъ грудей, пьяныхъ солдатъ и любовныхъ сценъ въ фламандскомъ вкусѣ. Такъ и вертятся на языкѣ байроновскія слова: „цѣломудріе переселилось на уста!“

Представители настоящей англійской школы—это: Генсборо, Контстэбл, пейзажистъ, а также Тёрнеръ, несмотря на его помѣшательство (что бы со мной было, если бы англичанинъ подслушалъ мои слова). Затѣмъ и по преимуществу звѣзды первой величины этой школы: Уильми, Лесли, Мюльреди—любимые жанристы публики; они такъ мило, чистенько и аккуратно переносятъ на полотно сцены будничной жизни и буржуазнаго „*Номе*“, что совсѣмъ умиляютъ сердца щепетильныхъ джентльменовъ и скромныхъ миссъ. Вотъ это и есть настоящій англійскій жанръ, и выставка нынѣшняго года представляетъ богатую и интересную коллекцію его образцовъ. Не шутите: Англія имѣетъ свой „салонъ“ точно такъ же, какъ и Парижъ: у нея есть и своя королевская академія, основанная Джошуа Рейнольдсомъ въ 1728 по образцу старой парижской академіи живописи. Въ нынѣшнемъ году происходила 106-я выставка картинъ современныхъ живописцевъ. Картины принимаются на выставку по приговору сорока членовъ академіи. Выставки длятся отъ 1-го мая по 1-е августа, и потому теперь будетъ своевременно сказать о настоящей нѣсколько, по возможности, краткихъ словъ, такъ какъ подобныя отчеты представляютъ интересъ только для тѣхъ, которые могутъ лично повѣрить ихъ справедливость.

Несмотря на мнѣніе мѣстныхъ газетъ, что „въ прошедшемъ году выставка была лучше“, я нахожу, что въ сущности и теперешняя настолько удовлетворительна, насколько это возможно. Благоволеніемъ публики овладѣлъ въ настоящій моментъ Ж. Е. Миллэ, выставившій семь картинъ. Миллэ пейзажистъ и жанристъ реальной школы. Одна изъ картинъ его называется: „*Лѣсъ на топливо*“. Представлено сѣрое небо, земля усыпана сухими листьями, на телѣгѣ, занимающей все полотно, навалены срубленные березы и тополи, съ ихъ неправильными стволами и извилинами и покрыты мѣстами бѣлой корой. Деревья поражаютъ своею реальностью: такъ и тянетъ протянуть руку и пощупать ихъ. Они точно высовываются изъ полотна и до того натуральны, что становятся страннымъ ихъ уменьшенный размѣръ. Ошибка въ томъ, что

оставлено слишкомъ мало мѣста для горизонта и съ боковъ тоже обрѣзано слишкомъ рѣзко, нѣтъ пространства. Менѣе посчастливилось живописцу съ его большой картиной, крайне претенціозной, но въ національномъ духѣ. Фигуры написаны въ натуральную величину. Сюжетъ ея—старый отставной морякъ съ дочерью, которая сидитъ у его ногъ. Назвала она „Сѣверо-западный проходъ“, съ девизомъ: „Онъ осуществимъ, и Англіи слѣдовало бы его осуществить“. Въ окно видно море; на столѣ разбросаны карты и атласы. Старикъ съ сѣдыми взъерошенными волосами, съ глубокими морщинами, проведенными на лицѣ его многолѣтними трудами, съ своей мелодраматической повой и вдохновеннымъ взоромъ, имѣетъ видъ Калхаса, требующаго закланія Ифигеніи, или Іереміи на развалинахъ Іерусалима: и весь этотъ трагизмъ по новоду идеи, глупо-сентиментально красующейся на девизѣ. Рядомъ съ этимъ сморщеннымъ и загорѣлымъ морякомъ, дѣвушка до преувеличенія нѣжная и блѣдно-розовая, слишкомъ напоминаетъ время изъ битыхъ сливокъ. При всемъ этомъ аксессуары опять написаны съ тщательностью и рельефностью, доводящей зрителя до иллюзіи. Эта картина служитъ полнѣйшимъ выраженіемъ англійскаго вкуса: претензія и сентиментальность въ композиціи и необыкновенная отчетливость въ исполненіи. Послѣ Миллэ я назову Фрейта, написавшаго извѣстную картину „Derby day“. Въ нынѣшнемъ году онъ выставилъ „Памелу“, которою я не могу не восхищаться, несмотря на всѣ ея недостатки. Нельзя было вѣрнѣе передать образъ героини Ричардсона. Такою ее, конечно, рисовало воображеніе каждаго, читавшаго этотъ романъ. Вотъ оно, это вѣчно свѣжее и розовое лицо, поминутно вспыхивающее и „эти быстрые и на слезы скорые глаза“. Опершись на локоть, она пишетъ передъ маленькимъ столикомъ изъ орѣховаго дерева, и что за чудо реализма этотъ столикъ! Вѣроятно она описываетъ, какъ „унизился джентльменъ до вольностей съ своей служанкой“, и какъ, не смѣя отвѣтить на обиду своему господину, она потихонько шепнула ему: „Сударь, вы имѣете право говорить, что вамъ угодно; я же по своему долгу могу сказать только: Господь съ вами“. Картина выражаетъ все это. Вѣроятно, знаменитый Дидро, любимецъ великой Екатерины, передъ этимъ вѣрнымъ портретомъ проронилъ бы нѣсколько слезъ, которыя такъ обильно лились изъ глазъ его при чтеніи „Клариссы“ и „Памелы“. Похвала похвалой, нужно однакоже отдать дань и справедливости: рисунокъ лѣвой руки совсѣмъ никуда не годится. Рука ни сгибается, ни закругляется; это настоящая щепка. И это тѣмъ болѣе обидно, что правая, по моему мнѣнію, прелестна по своей правдѣ и изяществу. Въ Англіи встрѣчаются такіа *безупречныя* руки.

Назовемъ еще одного живописца, француза Джемса Тиссо, который особенно со стороны композиціи сдѣлался истиннымъ англичаниномъ. Его прозвали недаромъ „живописцемъ Темзы“: онъ переноситъ съ убійственной вѣрностью на полотно корабли со всѣми ихъ снастями, матросами и капитанами, причеиъ всегда старательно выводитъ на сцену хорошенькую посѣтительницу со свѣжимъ личикомъ и кокетливою наружностью. Придетъ время, да впрочемъ оно уже и настало, когда г. Тиссо, живущій въ Англіи, будетъ признавъ однимъ изъ „нашихъ національныхъ живописцевъ“. Могъ бы я еще указать на Ж. Бретта и его морскія картины, на Лейтона и другихъ, но довольно уже сказано; быть можетъ, даже достаточно для того, чтобы кто-нибудь изъ моихъ петербургскихъ читателей захотѣлъ заглянуть на будущій сезонъ въ Пиккадилли. Это послужитъ лучшимъ оправданіемъ моимъ передъ англичанами, въ которыхъ я нахожу такъ много другихъ сторонъ, достойныхъ уваженія, — за мою сегодняшнюю критику ихъ эстетическихъ и религіозныхъ наклонностей.

P.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ

ІЮЛЬ—АВГУСТЪ 1874.

Книга седьмая.—Іюль.

	СТР.
Польша и поляки при Станиславѣ Понятовскомъ.—1784—1792 гг.—Статья первая.—Е. Л.	5
Трагедія въ Бристолѣ.—Баллада Томаса Чаттертона.—В. БУРЕНИНА	73
Неизданныя рукописи П. Я. Чаадаева	83
Эскизы Итальянскаго Общества.—V-VIII.—АНДЖЕЛО ДЕ-ГУВЕРНАТИСЬ . .	96
Джонъ Стюартъ Милль и его школа.—Статья четвертая и пятая—ЮР. А. РОССЕЛЯ	132
Наслѣдство Ильи Петровича Растеряева.—Психологическіе очерки.—V-VIII.—Д. С—Х—Ъ.	169
Мои странствованія по Монголіи.—I-V.—П. А. РОВИНСКАГО	212
Клѣи жельзо, пока горячо.—Новый англійскій романъ м-съ Бреддонъ.—XXXIX-XLVII.—А. Ф.	305
Хроника.—Внутреннее Овозраженіе.—Кто будетъ строить двѣ новыя желѣзныя дороги?—Вопросъ объ эксплуатациіи дорогъ.—Преобразованія гербового сбора.—Особенности новаго устава.—Новая воинская повинность и виселеніе.—Судебныя дѣла.—Вопросъ о замѣнѣ тѣлеснаго наказанія для ссыльныхъ женщинъ.—Результаты выпускнаго экзамена въ гимназіяхъ за 1873 г.	371
Иностранное Овозраженіе.—Брюссельскій конгрессъ.—Права партизановъ.—Вопросъ о занятіи территоріи.—Парламентскія пренія во Франціи.—Предложеніе К. Перье.—Рѣчь Гамбетты.—Общанія графа Шамбора.—Пораженіе и смерть маршала Кончи.	392
Корреспонденція изъ Парижа.—Безсильіе собранія установить прочный порядокъ и усилженіе воннапартійскаго врожженія.	410
Нѣсколько словъ въ отвѣтъ на „письма г. Кавелина“.—И. М. СВЪЧЕНОВА	424
Извѣстія.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.—II. Отъ Бердянской Уѣздной Управы: вызовъ сельскихъ учителей	427
Библиографическій Листокъ.	

Книга восьмая.—Августъ.

	СТР.
Польша и поляки при Станиславъ Понятовскомъ.—1784—1792 гг.—Статья вторая. — Е. Л.	429
Наслѣдство Ильи Петровича Растеряева.—Психологическіе очерки.—IX—XI—Д. СТАХЪВЕВА.	471
Соловки.—Воспоминанія и рассказы изъ поѣздки съ богомольцами. — I—XX. — В. Н.—Д.	488
Народная нарѣчь и мѣстный элементъ въ обученіи. — I—II. — Л. Д.	544
Гривоздовская Москва въ письмахъ М. А. Волковой къ В. И. Ланской.—1812—1818 гг.—I—II.—М. СВИСТУНОВОЙ.	572
Джонъ Стюартъ Милль и его школа. — Статьи шестая и седьмая. — ЮР. А. РОССЕЛЯ	667
Куй железо, пока горячо. — Новый англійскій романъ м-съ Брэддонъ.—XLVIII—LVII.—А. Э.	707
Хроника.—Внутреннее Овозрѣніе.—Положеніе о народныхъ училищахъ.—Число училищъ. — Вопросъ о надзорѣ. — Взглядъ на развитіе этого вопроса. — Новое устройство надзора. — Правила о повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ. — Еще о способѣ постройки желѣзныхъ дорогъ. — Судьба двухъ новыхъ лній.	769
Вопросъ о службѣ женщинъ въ желѣзно-дорожныхъ обществахъ.	792
Иностранное Овозрѣніе.—Посланіе Магъ-Магона.—Измѣненія въ его кабинетѣ. — Предложеніе К. Перье. — Отголоски кссингенскаго происшествія въ Германіи.—Сессія англійскаго парламента.—Вопросъ о самоуправленіи Ирландіи.	803
Корреспонденція изъ Берлина.—Изъ воспоминаній стараго парламентскаго репортера.—К.	826
Корреспонденція изъ Лондона.—Религіозный вопросъ.—Р.	845
Библиографическій Листокъ.	

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
А. О. БАЗУНОВА

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 30.

Въ июль поступили въ продажу слѣдующія книги:

- РЪШЕТНИКОВЪ, О.** Сочиненія 2 т. М. 1874 г. Ц. 5 р. 50 к., перес. за 6 ф.
- МОРДОВЦЕВЪ, Д.** Русскія женщины новаго времени. Биографическіе очерки изъ русской исторіи (женщины XIX вѣка). Слб. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 2 ф.
- РОМАНОВЪ, С.** Ружейная охота на птицъ въ Россіи, съ рисунками. М. 1874. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.
- СТРУВЕ, Г.** Элементарная логика, руководство для преподаванія и самообученія. Варшава. 1874. Ц. 1 р., перес. за 1 ф.
- ПОГОДИНЪ, М.** Историко-политическія письма и записки въ продолженіи крымской войны 1853—1856. М. 1874. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.
- БРАУНЪ, Г.** Руководство къ глазнымъ болѣзнямъ. Выпускъ третій и послѣдній. Слб. 1874. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 2 ф.
- ПАЛЛАДІЙ, епископъ.** Толкованіе на псалмы. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Вятка. 1874. Ц. 2 р., перес. за 3 ф.
- МАЙНЪ-РИДЪ.** Островъ Борнео. Слб. 1874. Ц. 1 р., перес. за 2 ф.
- ГАРКАВИ, А.** Описание рукописей самаритянскаго пятикнижія, хранящихся въ императорской публичной библиотекѣ. Слб. 1874. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.
- ВЛАДИМИРСКІЙ-БУДАНОВЪ, М.** Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII вѣка. Ч. 1. Ярославль. 1874. Ц. 1 р. 75 к., перес. за 2 ф.
- МАЙНЪ-РИДЪ.** Пропавшая сестра. Слб. 1874. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.
- ШПИЛЬГАГЕНЪ, Ф.** Прекрасныя американки. Слб. 1874. Ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.
- МАЙНЪ-РИДЪ.** Приключенія на островѣ Борнео, съ двумя политипажами. М. 1874. Ц. 1 р., перес. за 1 ф.
- МАСТИТЫЙ БЕЛЕТРИСТЪ.** Разсказы въ современномъ вкусѣ. Слб. 1874. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 2 ф.
- КУСТОДѢВЪ, К.** Послѣдніе дни Иерусалима. М. 1874. Ц. 1 р., перес. за 2 ф.
- КСАВЬЕ ДЕ-МОНТЕПЭНЪ.** Алиса. Романъ. М. 1874. Ц. 1 р. 25 к., пер. за 2 ф.
- КСАВЬЕ ДЕ-МОНТЕПЭНЪ.** Графиня де-Нансей. Романъ. М. 1874. Ц. 1 р., перес. за 1 ф.
- КСАВЬЕ ДЕ-МОНТЕПЭНЪ.** Бракъ и преступленіе. М. 1874. Ц. 1 р., перес. за 1 ф.
- ГРИММЪ, О.** Насѣкомыя и ихъ значеніе въ сельскомъ хозяйствѣ. Слб. 1874. Ц. 1 р., перес. за 1 ф.
- ГРИММЪ, О.** Практическое рыбководство. Слб. 1874. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.
- ТРОФИМОВЪ, А.** Петербургъ на улицѣ и дома. Разсказы и очерки. Слб. 1874. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.
- КУРАКИНЪ, Н.** Пережитое. Разсказы, очерки, сцены и стихотворенія. Слб. 1874. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.
- УСТАВЪ О ГЕРБОВОМЪ СВОРЪ,** Высочайше утвержденный 17-го апрѣля 1874 г. Слб. 1874. Ц. 80 к., перес. за 1 ф.
- ТУРЪ, Е.** Кто герой романа "Пугачевца". М. 1874. Ц. 40 к., перес. за 1 ф.
- СТРАХОВЪ, П.** Первые уроки изъ географіи. Слб. 1874. Ц. 15 к., перес. за 1 ф.
- ПЕРВОЛЬФЪ, І.** Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка. Слб. 1874. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.
- БЛУНЧЛИ, І.** Исторія общаго государственнаго права и политики отъ XVI вѣка по настоящее время. Слб. 1874. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.
- ГЯРТЛЬ, І.** Руководство къ анатоміи человѣческаго тѣла. Слб. 1874. Ц. 3 р. 50 к., перес. за 4 ф.

Востокъ Европы.—Августъ, 1874.

BULLETIN

de la librairie de **CARL RICKER** (A. Münx).

Perspective de Newsky, № 14.

BERSCH, Die Krankheiten des Weines. Beschreibung derselben und Untersuchungen über ihre Ursachen. 10 r.

BODEMANN, Julie von Bondeli und ihr Freundeskreis. Wieland, Rousseau etc. etc. 2 r.

BOISSIER, La religion romaine. 2 vols. 6 r.

BRIEFE an und von Gottfried August Bürger. Ein Beitrag zur Literaturgeschichte seiner Zeit. 4 Bände. 12 r.

DAVIS, Der Arzt. Harmonische Philosophie, über den Ursprung und die Bestimmung des Menschen. 4 r.

GRIMM, Hermann, Fünfzehn Essays. 3 r. 75 k.

GRUBE, Alpenwanderungen. Fahrten auf hohe und höchste Alpenspitzen. geb. 5 r. 25 k.

HALEVY, Mélanges d'épigraphie. 4 r.

HAUSCHMANN, Friedrich Fröbel. Die Entwicklung seiner Erziehungsidee. 3 r. 50 k.

HAUS, Principes généraux du droit pénal Belge. 2 vols. 8 r.

HEIDEMANN, Geschichte des grauen Klosters zu Berlin. 4 r.

HERMANN, Lehrbuch der griechischen Antiquitäten. V. Aufl. I Band. 4 r. 50 k.

HIRN, Rudolf von Habsburg. 2 r.

HUXLY, Reisen in dem Chinesischen Reich. 1 r. 25 k.

JANKE, Reiseerinnerungen aus Italien, Griechenland und dem Orient. 3 r. 60 k.

KLENCKE, Taschenbuch für Bade-reisende und Kurgäste. 3 r.

KÖHLER, Praxis des Kindergartens. 2 r. 25 k.

KREK, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte und Darstellung ihrer älteren Perioden. I Band. 4 r.

LEVITTOUX, Philosophie de la nature. 4 r. 80 k.

LOTZE, Logik. Drei Bücher vom Denken, vom Untersuchen und vom Erkennen. 4 r. 50 k.

MARTENS, Das Consularwesen und die Consularjurisdiction im Orient. 7 r.

MARTENS, Vorderasiatische Conchilien. 18 r.

MEIER, Ueber den Abschluss von Staatsverträgen. 4 r. 20 k.

MUNDY, Wanderungen in Australien und Vandiemensland. 1 r. 25 k.

PFLEIDERER, Empirismus und Skepsis in Dav. Hume's Philosophie. 4 r.

ROSSMÄSSLER, Mein Leben und Streben im Verkehr mit der Natur und dem Volke. 3 r. 50 k.

SALLET, Untersuchung über Albrecht Dürer. 1 r.

SCHEFFER-BRICHORST, Florentiner Studien. 3 r. 40 k.

SCHMIDT, Shakespeare-Lexicon. A complete dictionary of all the English words, phrases and constructions. I. 6 r.

SCRIPTORES rerum prussicarum V. Band. 12 r.

SEYDEL, Ethik oder die Wissenschaft vom Seinsollenden. 4 r. 50 k.

SPIELHAGEN, Aus meinem Skizzenbuche. 1 r. 50 k.

STIERNSTEDT, Description des monnaies de cuivre. 6 r.

STOCKBAUER, Der christliche Kirchenbau in den ersten 6 Jahrhunderten. 1 r. 50 k.

TRIASTE, La vie d'un patricien de Venise au seizième siècle. 3 r. 30 k.

ZIEMSEN, Handbuch der speziellen Pathologie und Therapie II, 1. Hälfte und III. Band. à 6 r.

enth: Infectiouskrankheiten.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

III

ВЪ КОНТОРЪ ТИПОГРАФІИ
А. И. МАМОНТОВА И К^о.

(Москва, Леонтьевскій пер., № 8)

и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается (изданіе Н. И.
Мамонтова):

„КОБЗАРЬ“

Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

(Поэмы: Марьяна, Неофиты, Гайдамаки, Княжна,
Невольникъ, Москалева Криница и мелкія сти-
хотворенія) въ переводѣ Н. А. Чмырева, съ
портретомъ автора.

Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Коммисіонеровъ Московскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества

I. ЮРГЕНСОНА,

С.-Петербургъ, Большая Морская, № 9
(на углу Невскаго проспекта)

П. ЮРГЕНСОНА,

Москва, Петровка, № 6
(на углу Кузнецкаго моста)

поступило въ продажу

НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗДАНИЕ ЮРГЕНСОНА:

Школы для фортепіано: Brasserie и Letti, „Сокровище для матерей семействъ“. Элементарная школа для фортепіано, одобренная гг. Гензельтомъ, Рубинштейномъ, Лешетницкимъ, Герке и др., посвященная Е. И. В. Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ. 7-е изданіе (5 р., съ пересылкою 6 р.). Приложение къ „Сокровищу для матерей семействъ“. Необходимое дополненіе или часть II элементарной школы (4 р., съ перес. 5 р.). Бейеръ, Первоначальная школа для дѣтей самаго пѣзнаго возраста (3 р.). Гюнтенъ, Полная школа для фортепіано. 15-е изданіе съ новыми переводами, пересмотрѣнное, исправленное и дополненное А. И. Дибюкомъ, профессоромъ Московской Консерваторіи, съ прибавленіемъ 20 новыхъ пьесъ, составленныхъ изъ любимыхъ оперъ и русскихъ романсовъ и пѣсень, съ приложеніемъ жизненныхъ правилъ для молодыхъ музыкантовъ Р. Шумана и изображенія клавиатуры (3 р. 50 к.). Бургмиллеръ, Первоначальная школа для юныхъ пианистовъ (2 р.).

Этюды и упражненія для фортепіано: Berens, Nouvelles études de la vélocité op. 61, 4 тетр. (по 60 к., вмѣстѣ 2 р.). Bertini, Études faciles pour les petites mains op. 100, 2 тетр. (по 50 к.); 25 études à quatre mains op. 97, 2 тетр. (по 1 р.); 48 études pour précéder celles de Cramer op. 29, 32, 2 тетр. (по 1 р.). Brunner, 50 petites études pour les enfans (1 р. 30 к.). Burgmüller, 25 études faciles pour les petites mains op. 100 (1 р. 30 к.); 18 études de genre, op. 109 (1 р. 30 к.). Chopin, 12 études op. 10, 2 тетр. (по 1 р.). Clementi, Gradus ad parnassum. Etudes choisies et doigtées par Ch. Tausig (2 р.). Cramer, 50 études choisies et doigtées par H. de Bülow, съ объясненіями, 4 тетр. (по 1 р., вмѣстѣ 3 р.). Czerny, Études de la vélocité en 40 exercices op. 299 (3 р.); Exercices journaliers op. 337 (1 р. 50 к.); Die Vorschule zur Fingerfertigkeit, 24 Übungsstücke op. 636 (1 р. 65 к.); Die Kunst der Fingerfertigkeit. 50 études dans le style brillant op. 740 6 тетр. (по 90 к., вмѣстѣ 3 р. 30 к.); Les heures du matin. 160 exercices de huit mesures op. 821, 4 тетр. (по 75 к., вмѣстѣ 2 р. 50 к.). Duvernoy, Ecole du mécanisme. 15 études pour précéder celles de la vélocité de Czerny op. 120 (1 р. 20 к.). Gammas, dans tous les tons majeurs et mineurs (15 к.). Heller, 25 études mélodiques op. 45, 3 тетради (по 50 к., вмѣстѣ 1 р. 25 к.); 30 études progressives op. 46, 3 тетр. (по 50 к., вмѣстѣ 1 р. 25 к.); 25 études pour former au sentiment du rythme et à l'expression op. 47, 2 тетр. (по 60 к.); 24 études d'expression et de rythme dédiées à la jeunesse op. 125, liv. 1, 2 (по 75 к.). Jensen, 25 études préparatoires aux oeuvres de l'école moderne op. 32 liv. 1 (60 к.). Köhler, Die ersten Etuden für jeden Clavierschüler op. 50 (60 к.); 12 études in leichten Passagen op. 85 (90 к.); Technische Virtuosen Studien op. 120, 2 тетр. (по 1 р. 25 к.); Die leichtesten Etuden op. 151 (35 к.). Lemoine, Études enfantines op. 37, 2 тетр. (по 90 к.).

За пересылку прилагается особо и взимается съ общаго вѣса посылки. Каталогъ дешевымъ изданіямъ высылается безплатно. Требованія гг. многолюдныхъ исполняются съ первоотходящемъ почтою. Въ этихъ же магазинахъ можно получить всѣ музыкальныя произведенія, кѣмъ бы они ни были издаваемы и объявлены.

Дело лучшихъ итальянскихъ струнъ.

ПАРОВАЯ и СКОРОПЕЧАТНАЯ
ТИПОГРАФІЯ

М. М. Стасюлевича.

Въ книжномъ складѣ типографіи находятся:

УЛЭ и ВАГНЕРЪ. Руководство къ общей патологій. Переводъ съ шестаго до-
полненнаго нѣмецкаго изданія 1874 г. студентовъ университета св. Владимира.
Подъ редакціей доцента общей патологій, д-ра Н. С. Афанасьева. Ц. 4 р.; перес. за 3 ф.

РУССКАЯ ХРИСТОМАТІЯ, съ примѣчаніями. Для высшихъ классовъ среднихъ
учебныхъ заведеній, составилъ Андрей Филоновъ. Ч. IV. Изд. второе, исправ-
ленное и дополненное. Спб. 1873. Стр. 877. Ц. 1 р. 60 к.

Всѣ четыре части Русской Христоматіи одобрены Ученымъ Комитетомъ
Мин. Народ. Провс. для гимназій и прогимназій, а Ученымъ Комите-
томъ при Св. Синодѣ — для духовныхъ семинарій.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣателей. Н. И. Ко-
стомаева. Первый отдѣлъ: Господство Дома св. Владимира: X—XVI сто-
лѣтія. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ одинъ большой томъ около 50 печат-
ныхъ листовъ. Отдѣльный выпускъ 1 р. 25 к.; весь томъ 3 р. 75 к.—Второй отдѣлъ:
Господство дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II: XVII и
первая половина XVIII вѣка. Выпускъ четвертый: цари Михаилъ и Алексѣй. Ц.
1 р. 25 к. Выпускъ пятый: Царь Ѳеодоръ и царица Софья. Ц. 1 р. 50 к.

Шестой выпускъ *второю* отдѣла вскорѣ поступитъ въ печать.

АЛЕКСѢЙ СЛОБОДИНЪ. Семейная исторія, въ пяти частяхъ. П. Альминскаго.
Спб. 1873. Стр. 457. Ц. 2 р. 50 к.

ФРАНЦЪ ФОНЪ-ЗИКИНГЕНЪ. Историческая трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ.
Сочиненіе Фердинанда Лассала. Перев. А. и С. Крыль. Спб. 1873. Стр. 259.
Ц. 1 р. 50 к.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ, ПОСЛОВИЦЫ И ЗАГАДКИ. Чтеніе для на-
чальныхъ училищъ. Состав. П. В. (Петръ Вейнбергъ). Спб. 1873. Ц. 20 к.

РОБИНЗОНЪ КРУЗЕ, А. Амненской. Новая переработка темы де-Фоз. Съ 10-ю
карт. и 35-ю политипажами. Изд. В. Лесевича. Спб. 1874. Ц. 2 р.

ИСТОРИИ КУСОЧКА ХЛѢБА. Описаніе жизни человѣка и животныхъ въ
письмахъ. Соч. Масе. Перев. А. Головачова. Спб. 1874. Ц. 1 р. 50 к.

Гг. Книгопродавцы обращаются въ контору типографіи, въ
Спб., на В. О., 2-я линія, д. № 7: открыта отъ 10-ти ч.
до 1 ч. утра и отъ 3-хъ до 6-ти вечера.

— 75 КОПѢЕКЪ — КАЖДАЯ КНИГА —

ВО ВСѢХЪ МАГАЗИНАХЪ С.-ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ ПРОДАЕТСЯ

В Т О Р А Я К Н И Г А

О В Щ Е Д О С Т У П Н А Г О И З Д А Н І Я

„РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА“
М Ю. Л Е Р М О Н Т О В Ъ .

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОЙ КНИГИ: Портретъ, Биографія, Бѣлинскій о поэзій Лермонтова. — **Первый отдѣлъ:** Демонъ. — Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова. — Дума. — Три пальмы. — Мцыри. — Сказка для дѣтей, и мелкія стихотворенія, всего числомъ 40. — **Второй отдѣлъ:** I. Герой нашего времени: Максимъ Максимычъ; Тамань; Фаталистъ. — II. Два отрывка изъ начатой повѣсти.

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОЙ КНИГИ: А. С. Пушкинъ. — Портретъ, Биографія, Бѣлинскій и Гоголь о Пушкинѣ. — **Первый отдѣлъ:** Мѣдный всадникъ. — Полтава. — Борисъ Годуновъ. — Русалка. — Евгенийъ Онѣгинъ (глава вторая и шестая). — Братья Разбойники. — Галубъ. — **Второй отдѣлъ:** Пѣсни, Сказки и пр., всего 26. — **Третій отдѣлъ:** Арапъ Петра Великаго. — Лѣтопись села Горохина. — Дубровскій.

Содержаніе третьей книги составятъ избранныя сочиненія Н. В. Гоголя.

Главный складъ изданія „Русской Библиотеки“ помѣщается въ типографіи М. Стасюлевича, въ Петербургѣ, на Васильевскомъ Островѣ, 2-я линія, д. № 7.

Книгопродавцы пользуются уступкою 10 коп. съ продажной цѣны экземпляра первой книги — 75 копѣекъ въ бумажкѣ, и 1 рубль въ англійскомъ переплетѣ. Иногородные прилагаютъ за пересылку 25 копѣекъ на экземпляръ. Уступка книгопродавцамъ отъ второй книги и слѣдующихъ — 20%.

ТОРІЯ ОБЩАГО ГОСУДАРСТВЕННАГО ПРАВА И ПОЛИТИКИ, отъ XVI вѣка по настоящее время. **И. К. Блунчи.** Переведенъ съ нѣмецкаго **О. Бакстъ** и **М. Новосельскій.** Спб. 1874. Стр. 597. Ц. 3 р.

Сочиненіе Блунчи представляетъ скатый, довольно обстоятельный обзоръ развитія теоріи о государствахъ и политическихъ принциповъ той именно эпохи, когда, благодаря возрожденію, реформации и усилению монархической власти, государства стали сличиваться въ пенализованные организмы. Сочиненіе это можетъ быть полезно справочною книгой: излагая теорію тѣхъ идей и направлений, которыя привели современное политическое общество, оно счастливо видѣть даетъ то, что вслѣдую образованному человѣку должно служить систематическимъ основаніемъ для составленія себѣ собственныхъ взглядовъ. Самостоятельнаго научнаго значенія книга эта не имѣетъ; она написана въ чисто-практической цѣли и вполнѣ достигаетъ этой цѣли практичностью приемовъ автора. Изложеніе его ясно, реально, немногословно; въ критику онъ не вдается, заисключая тѣхъ краткихъ характеристикъ и оговорокъ, какия были ему необходимы для введенія всегда автора въ систему и оправданія того вѣста, которое онъ ему въ ней даетъ. Конечно, сужденіе Блунчи могло бы только выиграть, слѣды онъ нѣсколько болѣе развилъ ее фактическую сторону и въ свои краткія историческія характеристики ввелъ бы указанія на главные политическія акты, бывшіе частью плодами, а частью источниками теорій, и на главныхъ политическихъ дѣателей, которые воодушевлялись ею или другою теоріею или же сами своими вѣдствіями создавали новыя основы для теорій. Изъ такихъ дѣателей у него выведенъ только Ридрихъ В. и то въ качествѣ только публициста; нѣтъ ни Петра В., ни Наполеона. Последняго нѣтъ даже и въ числѣ приводимыхъ писателей, что составляетъ видное упущеніе. Влѣтательнѣйшая во всей новой исторіи эпоха — эпоха первой французской революціи у него представляется только однимъ изъ вдохновителей ея, К. Ж. Руссо, и однимъ изъ ея руководителей, Обатомъ Сізіесомъ; ораторъ и душа революціи при ея началѣ, Мирабб, у него вовсе не является, не упоминаются такіе дѣатели, какъ Верньо, Робеспьеръ; нѣтъ даже бѣлаго взгляда на орбу „Горы“ и „Жиронды“. Англійской революціи, окончательно извергнутой Стюартовъ и обусловившей все дальнѣйшее политическое развитіе Великобританіи, также не отведено соотвѣствующаго мѣста. За то нѣмецкіе философы и публицисты заняли слишкомъ большую часть книги. Изъ 10 именъ, помѣщенныхъ въ оглавленіи, болшая половина — имена нѣмецкія. Между тѣмъ указанія выше опущенныя характеристики были бы немаловажно важны даже подробнаго изложенія системъ Конта, Гегеля и Фихте. Политическое влѣтеніе системъ этихъ философовъ было весьма ограничено въ самой Германіи и слишкомъ кратокоремненно, въ сравненіи съ влѣтеніемъ такихъ шохъ, какъ французская и вторая англійская революціи. Что касается такихъ писателей, какъ Ахенваль и Вольтеръ, то о нихъ удобно было и вовсе умолчать въ обзорѣ „многаго въ немногихъ главахъ“. Переводчики, конечно, могли дѣлать сокращенія, но такъ какъ они не могли исполнить просьбъ (иначе пришлось бы писать новую книгу), то хорошо сдѣлали, что дали намъ сочиненіе Блунчи безъ всякаго из-

мѣненія. Оно во всякомъ случаѣ можетъ принести большую пользу русскимъ читателямъ. Языкъ перевода очень хорошъ, несмотря на нѣкоторыя неологизмы собственнаго изобрѣтенія (напр. „уравномочіе“), безъ которыхъ, повидимому, не могутъ обходиться наши переводчики ученыхъ сочиненій.

Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVIII в., соч. Г. Первольфа. Спб. 1874. Стр. 294.

Цѣлю автора было — собрать свидетельства объ умственной связи, отношеніяхъ, сознаніи племенного родства между славянами, въ теченіе всей исторіи до того момента, когда въ судьбахъ славянъ произошелъ рѣшительный переворотъ; когда русское государство преобразовалось и возвысилось, но политическая жизнь его утратила славянской характеръ, и Польша пала. Добросовѣстный и интересный трудъ г. Первольфа является весьма кстати теперь, когда идея славянской солидарности стала снова вступать на очередь практическихъ вопросовъ; она можетъ быть съ удовольствіемъ прочтена образованною публикой, и сверхъ того, не лишена и научнаго значенія обстоятельной монографіи; авторъ отличается весьма близкимъ и разностороннимъ знакомствомъ въ особенности съ чешскою и польскою литературою, которымъ могутъ похвалиться далеко не всѣ изъ нашихъ присяжныхъ „слагофиловъ“.

Руководство для типографчиковъ, составили Н. Ф. и Р. Н. Часть I. О производствѣ набора, съ 22 рисунками въ текстѣ. Спб. 1874. Стр. 229. Ц. 1 р. 50 к.

Искусство книгопечатанія въ Россіи не только по началу отстаетъ около ста лѣтъ, но и по современному своему состоянію оно идетъ далеко позади западныхъ типографій, особенно если подумать, что и до сихъ поръ мы предпочитаемъ заграничные шрифты, а печатныя машинныя выписываемъ исключительно изъ-за границы. Въ нашихъ типографіяхъ домашняго произведенія почти одна мебель. Въ основаніи наборнаго искусства у насъ лежитъ устное преданіе, а не школа; корректурная часть — въ полномъ пренебреженіи; тутъ нѣтъ даже и преданія. Вотъ потому первая лавившаяся теперь у насъ попытка изложить въ системѣ главныя правила наборнаго искусства въ его трехъ формахъ: книжной, газетной и мелочной, заслуживаетъ полнаго вниманія типографовъ и общей признательности, такъ какъ всѣ болѣе или менѣе заинтересованы въ произведеніяхъ этого искусства. Мы рекомендуемъ давать эту книгу въ руководство особенно ученикамъ, чтобы привить такимъ образомъ общія правила всѣмъ, и вмѣстѣ содѣйствовать къ тому, чтобы ученики могли скорѣе выходить въ наборщики и скорѣе дѣлаться способными къ своему матеріальному обезпеченію. Мы не утверждаемъ, что этотъ трудъ не имѣетъ недостатковъ: особенно часто случается видѣть въ немъ слишкомъ большія усилія къ объясненію слишкомъ уже простыхъ вещей, и наоборотъ, иногда можно было бы пожелать болшей ясности въ болѣе трудныхъ вопросахъ. Нельзя, наприимѣръ, сказать, что наборъ стиховъ труднѣе, чѣмъ наборъ прозы, будто потому, что „писать стихи труднѣе, чѣмъ прозу“. Вторая часть будетъ посвящена печатному искусству; весьма желательно, чтобы этотъ полезный трудъ былъ доведенъ до конца.

ОБЪ ИЗДАНИИ
„ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

ВЪ 1874-мѢ ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ГОДОВОЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ — 12-ТЬ КНИГЪ:

I.—Въ С.-Петербургѣ: 1) Безъ доставки на домъ 15 руб. 50 коп. — 2) Съ доставкой по городской почтѣ 16 руб.

II.—Въ Москвѣ: 1) Съ пересылкою чрезъ книжный магазинъ И. Г. Соловьева 16 р.—2) Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію 17 руб.

III.—Въ губерніи: Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію 17 руб.

IV.—Заграницею: За пересылку чрезъ Иностранную Экспедицію къ вышеупомянутой цѣнѣ (17 р.) прибавляется: а) 2 руб. — въ Германію и Австрію; б) 3 р. — въ Бельгію, Нидерланды и Пондунайскія Княжества; в) 4 р. — во Францію и Данию; д) 5 р. — въ Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію и Грецію; е) 6 р. — въ Швейцарію; ф) 7 р. — въ Италію и Япоцію; г) 8 р. въ Америку.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

А) Отъ городскихъ подписчиковъ въ Главной Конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Вазунова, въ Слб. Невск. пр. 30.

В) Иногородные и иностранные высылаютъ по почтѣ неключительно въ Редакцію (Галерная, 20), съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества, фамиліи и того почтового учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ допущена выдача газетъ и журналовъ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается

„ГОДЪ“

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

за 1872—73 гг.

Изданіе редакціи „Вѣстника Европы“.

Слб. 1873. Стр. 552. Съ приложеніями документовъ и Каталогами книгъ русскихъ и иностранныхъ за 1873 г.

Редакція «Вѣстника Европы», подъ названіемъ «ГОДА», сдѣлала опытъ особаго изданія, въ формѣ историко-политическаго обзрѣнія, какъ издаются давно подобныя обзрѣнія въ западныхъ литературахъ, пользуясь отчасти при этомъ, какъ матеріаломъ, ежемѣсячными обзрѣніями журнала, исправленными въ новомъ изданіи и значительно дополненными. Отдѣлъ Россіи вмѣстилъ въ себѣ главнѣйшіе вопросы нашей внутренней политики и виѣшнихъ отношеній; остальная Европа, съ Сосдиненными-Штатами, составляетъ общую историческую картину за годъ. Обзрѣніе доводится до октября 1873 года.

Цѣна ТРИ рубля.

Для подписчиковъ „Вѣстника Европы“—ДВА рубля, съ пересылкою въ губерніи.

М. Стасюлевичъ

Издатель и отвѣтственный редакторъ

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Слб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Невск. просп., 30.

